

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

**Из истории философско-эстетической мысли
1920–1930-х годов**

В.Н. МУРАВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

Книга 2

Москва
ИМЛИ РАН
2011

УДК 141.4+[821.161.1-4:14](081)Муравьев В. Н.
ББК 87.3(2)6я44+84(2Рос=Рус)1-4я44
М91

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 11-04-16150д*

Художник *В.В. Покатов*

Рецензенты:

Доктор филологических наук *О.А. Казнина*
Доктор филологических наук *Д.С. Московская*
Кандидат филологических наук *Н.Н. Смирнова*

Составление, подготовка текста, комментарии
А.Г. Гачевой

Муравьев, Валериан Николаевич

М91 **Сочинения.** [В 2 кн.]. Кн. 2 / В.Н. Муравьев ; [сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Гачевой]. — М. : ИМЛИ РАН, 2011. — 720 с. — (Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов / Учреждение Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького).

ISBN 978-5-9208-0397-9

Издание представляет читателю разные грани наследия Валериана Николаевича Муравьева (1885–1930), философа, писателя, публициста, в творчестве которого соединяются традиции русской религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX в. с духовными исканиями пореволюционной эпохи.

Во вторую книгу включены философские и эстетические сочинения, проекты, письма, афоризмы. В составе издания — знаменитая работа философа «Овладение временем», реконструкция книги «Культура будущего», материалы к работам «Овладение историей», «Философия действия» и др. Впервые представлено художественное наследие Муравьева: драма «Советник смерти», литературные планы и наброски.

Издание адресовано историкам русской мысли, философам, литературоведам и культурологам, всем интересующимся отечественным духовным наследием.

ISBN 978-5-9208-0397-9

© А.Г. Гачева, составление, подготовка текста, комментарии, 2011

© ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2011

**ОВЛАДЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ
КАК ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА
ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.

Введение

1) Проблема времени¹. 2) Проблема множественности. 3) Социологический подход к проблеме множественности. 4) Социологический подход к проблеме времени.

Глава первая: Культура как овладение временем

1) Творческий труд, время и культура. 2) Культура и овладение временем. 3) Разобщенность символической и реальной культурной деятельности. 4) Критика чистого знания. 5) Критика чистого искусства. 6) Следствие разобщенности символики и действия и вытекающие отсюда проблемы.

Глава вторая: Время и множественность

1) Время как отношения вещей. 2) Практическое преодоление времени. 3) Время как функция множественности. 4) Проблема действия и взаимодействия. 5) Противоречивость обычного построения множественности. 6) Математическая точка зрения. 7) Диалектическое построение множественности. 8) Диалектическое решение проблемы действия и 9) Диалектическое решение проблемы взаимодействия.

Глава третья: Овладение временем в действующих системах

1) Возобновление бывшей комбинации. 2) Расширение власти над временем. 3) Расширение действующей системы. 4) Множественность в субъекте и объекте действия. 5) Установление равнодействующей в системе.

Глава четвертая: Овладение временем в сознательных системах

1) Роль сознания в образовании времени. 2) Обособляющая роль сознания. 3) Интегрирующая роль сознания. 4) Два вида времени. 5) Несознательные элементы. 6) Сознательные системы. 7) Смешанные системы. 8) Случаи восстановления без участия сознания. 9) Свершение времен. 10) Цепь систем.

Глава пятая: Времяобразующая деятельность социально-исторических групп

1) Социально-исторический характер времяобразующего действия. 2) Расширение акта в сторону прошлого. 3) Расширение акта в сторону будущего. 4) Исторически-культурный основополагающий акт. 5) Субъективность и универсальность. 6) Посредствующие коллективы между личностью и космосом. 7) Преобразование мира. 8) Система исторических актов. 9) Оценка актов.

Глава шестая: Организация символической культуры

1) Организация культуры. 2) Мысль и действие. 3) Философия действия. 4) Организация философии. 5) Организация науки. 6) Организация искусства.

Глава седьмая: Организация реальной культуры

1) Организация генетики. 2) Возобновление личности. 3) Организация политики и морали. 4) Организация производства. 5) Организация хозяйствования. 6) Диалектический тип организации.

Заключение. Борьба за жизнь против слепых сил природы.

Примечания.

ПРЕДИСЛОВИЕ²

В суровые и грозные, но вместе с тем плодотворные эпохи великих общественных переворотов в человечестве просыпается необычайная мощь и смелость исканий. Мысль его творит не только в области социальных опытов, но также ставит себе задачи более обширные, чем одно только изменение организации человеческих отношений. Природа и ее стихии делаются предметом изучения пытливого ума и воздействия страстной воли. Человеческие массы ощущают себя охваченными завоевательным порывом, и энергия их так велика, что как будто нет предела тому, что она может совершить.

Так, в период приготовления Великой французской революции и во время этой революции рядом с выработкой политических и социальных идеалов люди напряженнее, чем когда-либо, размышляли о завоевании природы и пытались осуществить это завоевание³. Между прочим, в области, дотоле манившей воображение искателей, — в области овладения воздухом, был одержан первый значительный успех — совершился полет шара братьев Монгольфьеров⁴. В совпадении развития вслед за тем техники с реформами революции можно видеть символическую связь осуществленных исканий человечества в области технической⁵ и в области общественной. Но мысль людей на этом не останавливалась и ставила дальнейшие вопросы, посягавшие на еще более недоступную область⁶: то была область жизни как таковой в самой центральной и вместе с тем сокровенной проблеме — в проблеме ее длительности.

Рассказывают, что при первом полете воздушного шара свидетель этого научного чуда, 82-летний маркиз Виллерау воскликнул: «Теперь остается человеку только победить смерть»⁷. И мысль эта, несмотря на свою фантастичность, имела уже тогда научные корни. Мы знаем, что в это самое время германский врач Гуфеланд в нашумевшей книге «Макробиотика, или искусство долго жить» поставил вопрос о продлении жизни и намекал на возможность преодоления смерти⁸.

С тех пор прошло почти полутора столетия. Историческая обстановка сильно изменилась, но в этом изменении мы находим новую эволюцию старых элементов. Мы переживаем эру революций, преемственно связанных с французской, но, несомненно, захватывающих гораздо большие социальные и культурные глубины. И как бы родственная смелость той, что вызвала эту современную огромную попытку преобразовать человеческие отношения, обнаруживается в устремлении новейшей научной мысли к другой, еще более обширной задаче преобразования основных законов самой природы, поскольку эти законы противоречат идеалам

нашего разума и воли. И вот, как бы в доказательство начала этого преобразования, мы видим, вместо несовершенного шара братьев Монгольфьеров, флотилии дирижаблей и аэропланов громадной мощности и быстроты, поднимающие сотни людей и перерезывающие с легкостью океаны. И, рядом с этим, как бы в развитие мечты Виллера и предсказания Гуфеланда, мы видим начало осуществления и победы над смертью в опытах омоложения, анабиоза и оживления органов⁹.

Новая заря занимается над человечеством, и рабство его, установленное ревнивой природой, начинает заменяться восстанием и победоносным обузданием этой слепой и завистливой¹⁰ властительницы. Человек, начав свою эволюцию, как образно говорит один мыслитель, с занятия, в отличие от животных, вертикального, сторожевого положения¹¹, от выжидания и наблюдения переходит сейчас к действию и требует от своего разума, чтобы он стал органом не только созерцания и познания, но орудием власти и творчества.

Для этого разум должен, прежде всего, так же как все руководимое им действие, черпать силу не в опыте отдельного индивида только, но в деятельности социально-исторических групп человечества. И соответственно наука из тишины пыльных кабинетов, из уединенности индивидуальных размышлений переходит к массовому действию, покрывающему землю с ее морями и воздушным пространством могучей сетью путей сообщения, завоевывающих простор. Тем самым наука превращается в явление всеобщее, всечеловеческое¹², в преддверие науки космической. Ученые перестают быть самодовлеющей, оторвавшейся группой, живущей для своих целей или целей чистой науки и не отвечающей на жизненные вопросы неученых, но в самом деле сознают, что служат общему делу, что они как бы комиссия, выделенная человечеством для определенной цели — создания проекта, преобразующего мир¹³.

У нас в России сейчас, в особенности, в результате пережитых бурь и потрясений, чувствуется растущее влечение к этим широким горизонтам в виде стремления ставить вопросы мирового строительства и обновления. Чувствуется, что, несмотря на тяжелые испытания последних лет, войны, революции и голод, несмотря на потери и жертвы, несмотря на борьбу, которая до сих пор ведется русским народом за элементарные условия сносного существования, — здесь, в нашей стране, больше, чем где бы то ни было, горит огонь великой надежды и дерзновенного искания — предвестник великих дел. И былые мечты, выливавшиеся ранее, в старые времена, в наивных представлениях сказаний¹⁴ и апокалиптических легенд, начинают приобретать плоть и кровь в проектах совершенно уже не потустороннего, но реального, здешнего совершения, в творчестве уже не мечтательном, но научном, где остается от фантастики одна огромность размаха вырисовывающихся в тумане будущих перспектив.

В каком направлении будут осуществляться достижения, близость которых как бы ощущается нами и предугадывается, ибо они вырастают

из страстного напряжения нашей воли, из упорной работы коллективного народного ума? Трудно сказать. Вернее всего — то будет движение многостороннее, вроде нового Возрождения, захватывающего все области и строящего на развалинах старой, западноевропейской, новую, необычную культуру.

Мы можем лишь пытаться ощупью и несовершенным еще образом в отдельных областях угадывать те или другие из этих грядущих форм. Здесь непочатый край для таких исканий и предвидений, предвещающих будущее. Все они имеют значение, ибо каждое намечает путь, который в более совершенном виде пройдут будущие деятели и творцы в каждой отрасли культуры.

Настоящая книга представляет попытку наметить вехи одного из этих будущих путей — в области, особенно важной для центрального вопроса, поставленного Виллеруа и Гуфеландом и послужившего затем предметом размышления множества ученых и мыслителей, в том числе и русских, в лице Федорова и Мечникова¹⁵. Эта область — проблема времени.

Тогда как за последние годы в этом кругу мыслей особенно на шумели теоретические математические открытия Эйнштейна¹⁶ — настоящая работа ставит себе иную задачу — исследовать вопрос о времени не теоретически только, но в сочетании с практикой, притом не только с практикой научно-лабораторной, но также с развившейся в России за последнее время практикой социально-организационной.

С этой точки зрения в предлагаемом исследовании красной нитью проходит стремление сочетать индивидуально-кабинетный опыт исследователя с опытом коллективно-организационным, как в смысле образования человеческих групп и управления ими, так и в смысле рационализации приемов работы таких групп. Русская революция¹⁷ как величайшая в истории попытка организовать массы и ввести их в русло строго продуманного и осмысленного действия дает неоценимый материал для выводов первого рода. В отношении же второй задачи, рационализации методов коллективной работы, во всех ее видах, в настоящее время мы имеем также некоторые итоги продолжающейся кампании в пользу научной организации труда, так называемой НОТ. Близость идей, излагаемых во второй части настоящей книги, где речь идет об организации культуры, к вопросам НОТ, показывает, что проблема овладения временем есть не что иное, как дальнейшее углубление проблемы НОТ, в особенности той части этой науки, которая касается использования времени¹⁸. Согласно нашей постановке вопроса, использование времени переходит в овладение им.

Цель организации культуры в результате осознания проблемы времени есть преобразование мира в смысле победы людей над слепыми и косными его силами¹⁹. И НОТ получает действительно бесспорную цель только в связи с приданием ей такого смысла.

Автор не скрывает от себя трудности задачи и новизны метода — рассматривать вопрос одновременно с точки зрения философской, логи-

ческой, математической, социологической и организационной. Но ему представляется, что всеобъемлющий характер проблемы требует такого же всеобъемлющего способа исследования.

При этом он отнюдь не придает своей работе значения исчерпывающего труда и будет считать ее цель достигнутой, если только она станет первым почином дальнейших более плодотворных изысканий в этом направлении²⁰.

Москва, 25 февраля 1924 г.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1

В одном рассказе английский писатель Уэллс описывает изобретение машины для движения во времени и рисует путешествие на этой машине в будущее²¹. Вопрос, поставленный в этом рассказе и разрешенный при помощи фантастической гипотезы, не является случайным для современного века. Творчество научной фантастики обычно предшествует реальным открытиям науки и техники и, во всяком случае, указывает направление их исканий. Есть определенная связь между утопиями и следующими за ними новыми достижениями человеческой культуры. В частности, в вопросе о времени мы должны внимательно отнестись к тому, что эта проблема, занимавшая умы людей с самого начала человеческой истории и служившая предметом размышлений величайших мыслителей всех веков, в настоящее время усиленно снова сосредоточивает на себе внимание философской и научной мысли, причем намечаются новые к ней подходы.

В самом деле, можно указать, помимо фантастических гипотез художников, на постановку этого вопроса сейчас в главнейших областях современного знания.

В области философии мы имеем в начале XX века учение Бергсона, остовом которого является идея времени, понимаемого французским мыслителем как *durée concrète*, или как конкретная длительность²².

В области физики, механики и математики было создано трудами целого ряда мыслителей и завершено работами Эйнштейна столь шумевшее в последнее время учение об относительности времени. Здесь намечается переворот в точных науках, в основе которого лежит признание четырехмерного пространства Минковского с временем в качестве четвертой координаты²³. В дальнейших трудах Эйнштейна учение это выработало стройную, хотя и трудно представимую концепцию множественных времен, связанных каждое с известной системой и потому различных и относительных.

Наконец, в области естествознания, главным образом, биологии, ставятся на очередь все в большей и большей степени вопросы искусственного изменения организмов. Опыты эти являются как бы преддверием к настоящему лабораторному творчеству жизни или, во всяком случае, приближением к нему. Не создавая еще заново жизни, они дают средство ее менять и в некоторых случаях, таким образом, придают ей новую длительность. В особенности важны с этой точки зрения поразительные

опыты омоложения. Здесь мы имеем определенную, в ограниченных условиях жизни организма, частичную победу над временем.

Все эти искания, несмотря на их разнородность и различные их задачи, можно объединить в отношении их общего основного взгляда на время. В отличие от признания абстрактного времени, мы имеем в них стремление свести время к реальным фактам, заменить самую проблему времени вопросом об отношениях вещей. Так, Бергсон приходит к идее тождественности времени и реальности. Эйнштейн, по существу, сводит время к отношениям вещей. Новая биология не ставит теоретически вопроса о времени, заменяя его вопросом о жизни. В общем, все эти попытки подготавливают реальную технику овладения временем: они вскрывают его подчиненность, его вторичность и тем самым ставят человеческую волю и разум в положение как бы противников, если не властителей, времени. Такой вывод может показаться неправильным в отношении «творческой эволюции» Бергсона, которая как будто требует, наоборот, от человека отказа от разума и отдачи себя потоку жизни или времени²⁴. Но, несмотря на явное предпочтение Бергсона к такому разрешению практической жизненной дилеммы в согласии с общим направлением интуитивистических учений, имеющих уклон к иррационализму, выдвинутое им резкое разделение двух сфер — сферы интуиции и сферы сознательного усилия — способствует возможности противопоставления разума слепому потоку времени и подготавливает грядущую победу над последним.

Таким образом, в учении Бергсона, в теории Эйнштейна и в опытах по созданию жизни мы имеем три различных подхода к единой проблеме — к проблеме познания времени и овладения им. Первый подход — Бергсона — может быть назван биолого-психологическим, так как мыслитель этот опирается, главным образом, на биологический и психологический материал. Второй подход — физико-математический. Третий — научно-опытный, физиологический и биохимический.

Во всех трех случаях употребляются методы отдельных наук — философии, биологии, психологии, физики, математики и механики, наконец, физиологии и химии. Это доказывает, что во всех науках можно сейчас найти постановку в том или ином виде вопроса о времени. Но такая общность проблемы времени вызывает необходимость отыскания какого-то общего метода, выносящего ее рассмотрение из сферы той или другой замкнутой научной дисциплины. Для этого надо, очевидно, искать связи времени с явлением таким же общим для всех наук, как само время, и вместе с тем поддающимся вполне точному исследованию. Явление это обнаруживается, если вдуматься в содержание понятия времени, так, как оно дается нам одинаково в философии, в математике и на опыте. Время, если рассматривать его как реальность, есть не что иное, как изменение и движение. Изменение же или движение есть известное синтетическое выражение множественности. Вспомним аристотелевское определение действия как отношения [одного] к другому²⁵ и учение

элеатов о тождественности единства и неподвижности, с одной стороны, и множественности и движения, с другой²⁶.

Вследствие этого природа множественности раскрывается такой же общою и универсальною, как природа времени и даже более того, ибо множественность логически предшествует времени.

Такая связь времени и множественности наводит на мысль, что путем построения последней и перестройки ее в отдельных случаях можно получить и изменение соответствующих временных связей. Ключ к преодолению времени, таким образом, лежит в способности нашей управлять множественностью вещей.

§ 2

Общий характер проблемы множественности ведет к тому, что она является сейчас основной проблемой всех наук и становится в центре исканий самых различных дисциплин знания. Во всех отраслях мысли и опыта выдвигается вопрос об отношении единого и многого в форме объединения разрозненных явлений общими законами. Если была пора, когда над вопросом о множественности и единстве задумывались одни философы, в настоящее время мы видим, как постепенно, в самых разнообразных областях исследователи самых различных специальностей сталкиваются с ним эмпирически и требуют для своих работ соответственно разработанной и обоснованной теории множественности и ее отношения к единству. Это происходит потому, что во всех науках углубленное исследование раскрывает природу вещей как наличие и деятельность множественных элементов. Современная химия все более и более становится физической химией, как бы главой физики и тем самым, в последнем счете, превращается в науку о математически определенных величинах или квантах. Биология стала наукой клеточек и образованных из них сложных органических форм. Хотя биологи старой школы относятся ко всем корпускулярным теориям строения клеточки неодобрительно, давно уже стало ясным для новейших биологов и цитологов, что протоплазма не есть химически однородное вещество, но состоит из очень сложной сети многих субстанций²⁷. Клетка есть коллоидальная система, и то, что мы называем жизнью, есть комплекс бесчисленных химических реакций в коллоидальной среде. Действия клетки суть результаты химического равновесия и его нарушения в многофазной системе или, иначе, комплекс реакций аутокаталитических частиц. Ввиду этого все более и более изучение протоплазмы как совокупности элементов переходит в руки физиков и химиков, а от них переходит к математике. Из других наук астрономия является также наукой о множествах или системах, образуемых небесными телами. К системам этим начинают приближаться типы внутриатомного строения химических элементов, и таким образом все больше и больше совпадают законы множественности в химии и астрономии.

В математических науках, лежащих в основе одинаково химии, физики и астрономии, в настоящее время также все строится на понятии множественности. Арифметика, алгебра и анализ являются науками чисел и их групп. Геометрия есть наука о точках, механика — о движущихся материальных точках. Все больше и больше в математике теряет почву старый взгляд, клавший в основание всякого познания математических отношений созерцание (таков, например, в схоластической философии был взгляд Фомы Аквинского на континуум, который, по этому учению, появлялся путем априорного созерцания²⁸). Мы отказались и от более позднего и совершенного выражения этого взгляда — от учения о непрерывности Лейбница²⁹. На место этих точек зрения выдвигается построение обобщений в виде законов, регулирующих отношения первичных элементов.

Такое положение проблемы множественности вызывает потребность в общей ее теории. Отчасти эта задача осуществляется путем разработки учения о множественности в смежной области двух наиболее общих наук — логики и математики. В этом направлении наибольших успехов достигнуто основанным Георгом Кантором математическим учением о множествах³⁰, в сравнительно короткое время завоевавшим себе не только право гражданства в математике, но заявляющим уже требование на господство в области логики и даже философии. Последствия движения в математике в сторону создания наиболее обобщающей теории множественности за конец XIX века и начало XX очень велики. В двух направлениях поставлены и разрешаются основные вопросы, связанные с такою теорией, — в русле упомянутого учения о множествах и в русле учения о числе. Самый крупный достигнутый этими усилиями результат — перенесение проблемы в область чисто логическую, путем создания не количественной математики, т. е. применения математических приемов со всей их достоверностью и строгостью в области чисто логических вопросов. Так постепенно выработался общий современный взгляд, согласно которому, по выражению Грассмана, математика стала чистым учением о формах³¹, или, другими словами, учением о различно объединенных элементах. В последнее время группа математиков, соединяя идею формы и множеств, пытается пересоздать на этой почве логику, превращая ее в математическую дисциплину³². Идея эта, сама по себе грандиозная, является не чем иным, как попыткой возобновить заветную мечту Лейбница — создание *mathesis universalis*, всеобщей философской математики³³. Правда, авторы логики встречаются много трудностей, и критика отмечает серьезные пробелы в их теориях. Тем не менее нельзя не признать, что последние, помимо своего непосредственного значения в связи с преследуемыми ими целями, имеют и общефилософское значение.

В этом движении особенно интересен для поставленного нами вопроса путь, проходимый математиками-философами. Углубляя и обобщая проблему множественности, так, как она дается в различных видах в

математике, они развитием этой проблемы доведены были до формулирования самых общих законов знания. В связи с этим обнаруживается, что главным содержанием этих законов являются отношения множественности и единства.

Но помимо этих математических и философских тонкостей несомненно, что для обычного мышления все начинается также с каких-то положений о единстве и множественности. Всякая мысль есть мысль об объекте (а всякий, даже единый объект, есть для мысли объекты во множественном числе, ибо в едином объекте рассматривается несколько признаков — иначе нет мысли). Но в этом определении содержится уже аксиоматически принятая теория единства и множественности. Мысль синтезирует, объединяет какие-то множества. И законы логики могут вступить в действие только после признания этих основных категорий.

Таким образом, человеческая мысль в науке, в математике, в обобщающих теориях математики и философии, в простой логике начинает с постановки этой проблемы. Этим, во всяком случае, доказывается ее основополагающее значение. Во всех областях познание законов множественности является началом познания законов вообще, и то или иное определение этих законов должно быть общим методом всех наук. Из этого можно получить общий вывод, касающийся уже не только статического мира, но объемлющий динамику всех вообще явлений. Все изменения в мире, изучаемые наукой, являются функцией той или иной множественности элементов. Изменения группировок элементов влекут за собою, в виде следствий, изменения мира, воспринимаемые нами как стихия движения и жизни, и в последнем итоге как время.

§ 3

Таково значение вопроса о множественности для всякого объективно-теоретического познания. Однако отношение наше к этому вопросу не может оставаться только объективным и теоретическим. Не всегда мы рассматриваем множества как лежащие только вне нас. Мы сами состоим из множества физических элементов и участвуем в ряде социальных множественных систем. Поскольку мы действуем, в особенности, мы действуем всегда как члены этих систем. Это вызывает необходимость, для полной конкретности, пополнения указанной объективной точки зрения, могущей быть физической, химической, математической и т. п., еще, кроме того, точкой зрения психолого-социологической. Она возникает вследствие того, что каждое наше действие и мысль имеют, кроме своей специфической природы, еще природу психологическую, социальную, историческую. Всякое суждение имеет свою внутреннюю логику, но кроме того, оно является одним из компонентов определенного действия в данном месте и в данное время и непременно в данном обществе или как следствие деятельности общества. Таким образом, к нашим

двум общим выводам о том, что: 1) всякая природа множественна и 2) что всякое изменение создается множественностью, следует прибавить третье положение: 3) всякий реальный подход наш к явлениям есть подход психологический и социально-исторический, или подход через множество, управляемое психологическими и социологическими законами.

Необходимость такой точки зрения на всякое множество рождается из особых свойств природы человека как сознательного и общественного существа. Она приводит к тому, что для нас всякое множество, стоящее вне нас, вместе с тем входит в большую систему, образуемую этим множеством и рядом человеческих организмов, в числе которых находится и наш. Если вдуматься в вопрос, что представляет собой социологическая точка зрения и как она относится к другим возможным взглядам на множества, станет ясно, что она является, во-первых, наиболее совершенной, во-вторых, наиболее общей из таких точек зрения. В самом деле, мы имеем в психологических, социологических и исторических науках не только проблему множественности в том самом виде, в каком она ставится для остальных наук, но и ряд попыток ее разрешения в виде подчинения этих множеств разумному руководству. Элементы, играющие здесь роль, — сложнейшие из нам известных и, кроме того, они одарены способностью разностороннего и самопричинного действия, вследствие чего они меняют свою общую систему изнутри. Можно считать, что распоряжение их системами является наиболее совершенным из известных нам способов овладения множеством. Вместе с тем все, что выявляется в виде законов множеств, составленных из неодушевленных и нечеловеческих элементов, входит, очевидно, в законы действия этих высших множеств и ничего не может обнаружиться в низших множествах, чего нет в высших. Человеческое множество подчиняется законам математики, физики, биологии, но, кроме того, подчиняется также психологическим и социологическим законам.

Ввиду этого можно считать, что социологический подход к проблемам множественности есть наиболее совершенный из нам известных и вместе с тем наиболее общий, и мы не ошибемся, применяя его ко всем множествам, с теми ограничениями, которые вызываются несовершенством несознательных элементов по сравнению с сознательными. Если мы станем применять законы человеческих коллективов к множествам математическим или химическим, эти законы будут для них годны, но вместе с тем законы эти будут избыточны и слишком сложны. Применение же физических и химических законов к человеческим коллективам недостаточно, ибо они регулируют лишь деятельность несознательных элементов. Человек же, сверх своей физической природы, обладает еще разумом. Но поскольку мы ищем наиболее общий закон множественности, надо, очевидно, применять не тот, который недостаточен для некоторых элементов, а тот, который всеобъемлющ или включает все их виды.

§ 4

В общем, мы приходим к выводу, что в вопросе о времени, поскольку время есть результат множественности, мы должны искать законов его именно как законов множественности. При этом, поскольку множественность эта включает системы вещей несознательных³⁴ и рядом с ними системы сознательных существ, мы должны подходить к ней вооруженные одинаково методами овладения временем сознательных систем и методами овладения временем систем несознательных³⁵. Первые составляют³⁶ методы социологические, вторые будут методами механического подчинения природы³⁷.

Таким образом, теория овладения временем сводится в конце концов, в первую голову, к теории построения коллективов живых существ, и прежде всего, коллективов человеческих, а затем к теории воздействия этих коллективов на так называемые неодушевленные множества.

Этим определяется чрезвычайная важность, для вопроса о времени, области социальных и исторических отношений, которые до сих пор рассматривались только как результаты времени, а не как времяобразующие факторы. Между тем правильный подход к преодолению времени возможен только через теорию, обнимающую эти отношения и определяющую законы управления ими. Такой взгляд особенно важен сейчас, в эпоху, когда поставлена на очередь в социологических науках проблема организации всякого вида человеческих действий, прежде всего действий коллективных³⁸. В самом деле, не менее, чем точные и естественные науки, сейчас науки социологические стоят перед проблемой множественности. Причиной этого являются переживаемые человечеством события, ставящие с особою отчетливостью этот вопрос в виде необходимости изучать и направлять массовые движения, никогда доселе не протекавшие в таких масштабах. Мировая война, а за нею эра революций выдвинули вопрос о действиях человеческих множеств и создали небывалые примеры организации их и управления ими. Характерная черта всей современной эпохи заключается в признании значения коллективности и в поисках методов ее расширения и применения как орудия достижений разумных целей человечества.

Глава 1

КУЛЬТУРА КАК ОВЛАДЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ

§ 1

Несомненно, что одною из главных среди разумных целей человека является овладение временем. Деятельность его создает явления, имеющие ту или иную длительность, и тем самым преодолевает мгновенное исчезновение преходящих, нежизненных, призрачных вещей. Человек

творит явления, и вследствие этого он, в известной степени, властелин их времени.

Мы должны изучить законы такой времяобразующей деятельности отдельных людей и в особенности человеческих групп и рассмотреть, какие реальные изменения такое действие вносит в мир.

Все виды человеческой деятельности могут быть объединены в сложном понятии творческого труда. Одно понятие творчества, не сопряженного с трудом, создает только возможность или зародыш изменения мира, без осуществления этой возможности или с минимальным таким осуществлением. Примеры этого даются нередко в деятельности мысли или в искусстве. С другой стороны, труд может быть не творческим: один труд может не совершать реального преобразования, ибо труд этот может быть Сизифовым трудом. Белка в колесе трудится, но работа эта не меняет окружающего. Творческий же труд есть всегда действительное осуществление преобразовательного замысла.

Творческий труд не есть только человеческое понятие. Мы имеем в нем космическую категорию, приложимую для всякого рода деятельности во всей вселенной. Может быть творческий труд электрона, клеточки, творческий труд небесных светил, наконец, человека, поскольку все эти действующие системы вносят в мир определенное преобразование. Так, деятельность электронов и положительных ядер внутри атомов создает материальную природу, клеточки же создают живые организмы. Звезды, с своей стороны, создают системы, имеющие, быть может, в известных масштабах, не менее признаков материальных вещей, чем системы, образуемые из атомов. Спрашивается, что же создает своим творческим трудом человек? Каким общим понятием можно выразить результаты преобразования мира человеком? Такое понятие выработано многовековой исторической мыслью, но в настоящее время его значение недостаточно еще осознано. Понятие это — культура. Мир без культуры — есть мир, в котором нет этих результатов человеческой деятельности. Мир с включенной в него культурой, или, вернее, мир, превращаемый в некую культуру, есть мир с отпечатком на нем творческого усилия человека. Ввиду этого природа культуры исторична, поскольку она осуществляется в рамках истории, но вместе с тем каждое ее достижение сверхисторично, ибо оно имеет также значение мировой реформы. Это приводит нас к вопросу об общем содержании культурного преобразования как такового, т. е. поскольку оно является формой овладения временем.

Культура есть результат созидания времени, поскольку каждый акт, меняющий мир, есть такое созидание. Это можно понять, если принять во внимание, что образование времени совершается посредством утверждения длительности каких-либо ценностей, сопротивляющихся в этом акте разъедающей силе времени. Эти ценности и составляют ценности культуры. Их жизнь есть всегда победа над всеуносящей рекой Гераклита, и хотя и они, в конце концов, как вещи, уносятся ею, но каждая из них, до

момента своего уничтожения, оказывала ей некоторое сопротивление, была в этом потоке как бы твердым осадком. Такая способность одолевая время, хотя бы в малом масштабе, очевидно, есть показатель потенциальной способности в гораздо большем калибре создавать свою собственную длительность. И мы видим, в самом деле, нередко, как исчезнувшая культура вновь воскресает в новых формах, обновляя старые явления. Так было, например, в эпоху Возрождения, в имени которого содержится указание на такой восстановительный процесс. В общем, всегда отдельные культурные достижения являются как бы островами суши в изменчивом океане времени. Учащение их появления знаменует отступление этой смертоносной стихии и замену ее организованным временем, сознательно творимым человеком.

Но здесь встает очень важный вопрос: можно ли впрямь считать, что такие культурные достижения, в самом деле, преодолевают время? Какое значение имеет некоторое небольшое удлинение их жизни и воскресение некоторой их части, если 99% этих ценностей, по-видимому, погибают безвозвратно, не изменив мир или отдавая произведенные ими изменения нивелирующей и уничтожающей силе слепого потока? И то, что переживает века, не обречено ли в конечном итоге на исчезновение?

На это можно возразить, во-первых, что вряд ли можно говорить о безвозвратной потере того, что было. Раз нечто было, это означает, что математическая возможность этой вещи имеется в природе в виде определенной комбинации элементов. Сила, создавшая это явление, и даже самая его индивидуальность, следовательно, заложена в потенциях природы и, при одинаковых с бывшими условиях, может повториться. Мы знаем, например, из геологии о возвращении сходных периодов с одинаковым климатом и подобными же проявлениями жизни. В химии с математической точностью, при тех же условиях, возникают те же явления, что указывает на постоянство известных комбинаций, выраженных в числах или формулах. Закон этих сочетаний имеет непреложный характер и служит противовесом преходящему характеру воплощения в жизни этих чисел и форм. Это объясняет, почему смысл преемственной передачи культурных откровений есть не столько передача вещей, сколько рецептов действия, позволяющих активным элементам нового культурного периода вызвать снова к бытию ценные прошлые комбинации. Передается посредством памяти и истории как бы запись таких формул в виде инвентаря известных установок и движений. Так, мы получили от древнего мира наследие, состоящее, главным образом (если не считать статуй, памятников и предметов), из записей опыта в различных областях, а также из законов сочетания определенных художественных форм. Памятники римского права, греческие храмы и статуи важны также для нас, прежде всего, как образцы, т. е. как проверенные опытом проекты действия.

Вместе с тем надо сказать, что непрочность культурных начинаний и

незначительность творимых в мире реальных изменений должны быть приписаны в значительной степени специфическому характеру бывших до сих пор в человечестве культур, включая сюда и современную, так называемую культуру периода «новой истории». Все эти культуры по большей части принадлежат к типу культур символических, т. е. состоят исключительно почти в творчестве и передаче одних записей и формул. Культуры эти считают свою задачу этим ограниченной и не заботятся или мало заботятся о претворении познанных законов в практику. Такому понятию символической культуры следует противопоставить понятие культуры реальной, в которой центр тяжести лежит в работе над осуществлением в жизни имеющихся культурных образцов.

§ 2

Различие символических и реальных проявлений культуры имеет большое значение для вопроса о выполнении культурой ее основной функции — образования времени.

Конечно, творчество символов есть само по себе также творчество культуры. Культурой является не только реальное достижение, сопротивляющееся времени, но также проект такого достижения, рождающийся в сознании людей и служащий необходимым условием преодоления времени. Но если время в таком проекте преодолено, то только потенциально или символически. Найдена формула жизненной комбинации и ее закон. Сама же эта комбинация еще реально не существует. Правда, уже факт появления ее в сознании и факт ее сохранения в памяти или в виде записи на внешнем предмете (письмо, рисунок) есть уже начало победы над временем, есть уже какое-то утверждение сущности, означаемой такими символами. И реально мир изменен в виде мозга, хранящего эту память, — уже другого, чем мозга без нее, а также в виде вещи, изображающей символ. Мозг обладает, благодаря наличию в нем этого проекта, новой силой, вещь действует на соприкасающуюся с ней природу в смысле пробуждения внимания к этой формуле. Но пока проект остается только в воображении и символ остается символом без направляемого им дела, можно говорить лишь о культурном зародыше, о зачатке дела, адекватного этому символу.

Часть культуры, несомненно, должна всегда состоять из такого рода проектов и символов, и специфическая их роль — побудителей и направителей действия — находит себе определенное место в культуре и поэтому имеет также определенную ценность. Можно указать на особые виды деятельности человека, которых роль заключается именно в созидании и выработке такого рода проектов и символов. Такова роль мысли, выражающаяся в *философии* и в *науке*, вообще в знании. Философия и наука являются живыми, развивающимися сводами формул и символов, объединяемых в системы в виде законов (если обращать внимание на категорию причинности), и в виде проектов (если ставить действию

цель). Соответственно можно сказать, что в каждой культуре философия и наука служат скорее орудиями преодоления времени, чем являются самим этим преодолением. То же можно сказать про интуитивное знание, даваемое художественным восприятием. Последнее создает проекты и символы в области художественного творчества. *Искусство*, с этой точки зрения, выполняет в общей экономии данной культуры роль условия или орудия преодоления времени. Так же как наука и философия, развивающиеся в своих специфических областях и творящие в них символы и проекты, вместе с тем, путем приложения этих руководящих своих формул к реальности, служат средством изменения последней, — искусство, кроме создания символов и образов, имеющих самодовлеющее эстетическое значение, играет первостепенную роль в направлении и оформлении реальных образований культуры. Во всех областях, где последние творятся, наука и философия дают смысл и цель, и законы этого творчества, искусство же дает руководящие образы для воплощения этих начал. Таково значение проявлений символической культурной деятельности людей.

Что касается реальных видов этой деятельности, они меняют мир в трех главных областях: 1) в области созидания жизни или сотворения новых живых существ, или воскрешения старых — это область *генетики*. 2) В области изменения отношений между людьми и соответственных изменений личности — это область *политики* и этики. Наконец, 3) изменение мира в виде преобразования материальных вещей — это область *производства* и общественной организации его в экономике.

Первый вид реального и культурного делания включает, прежде всего, деятельность, созидающую новую жизнь путем полубессознательных процессов. Таково, например, порождение новых живых существ из совокупления полов. Здесь совершаемый акт лишь отчасти может быть назван сознательным. Сознательность вносится в него в последнее время лишь весьма мало усовершенствованной еще проективной наукой — евгеникой³⁹, являющейся как бы подвидом генетики. Поэтому и получаемое таким путем преодоление времени есть преодоление, весьма слабо регулируемое человеческою волею. В понятие такого регулирования должны быть включены такие деятельности, как практическая медицина и гигиена, являющиеся видами генетики (в то же самое время теоретическая часть этих наук может носить не проективный, а символический характер). Медицина есть уже ступень к высшей форме генетики, к науке о так называемом «искусственном» созидании жизни. На самом деле в таком созидании нет ничего искусственного и, может быть, оно является именно наиболее естественным способом воспроизведения жизни, тогда как полубессознательное порождение отдает дань неестественному для живого организма вмешательству внешних, слепых природных сил. Но, так как до сих пор мы не умеем создавать настоящую жизнь, эта отрасль генетики еще находится всецело в символах и проектах и реальное преодоление времени этим путем еще не достигнуто, если не считать час-

тичных способов продления существования живого существа, каковые дает медицина в опытах омоложения.

Вторая реальная наука, политика, включает область действия, направленного непосредственно на изменение человеческой личности и отношений между людьми. Другую частью политики является деятельность общественная, где проводится изменение общественных учреждений, в частности, в области государственного права. Вообще политика действует в сфере, наиболее доступной воздействию сознательных существ, ибо касается сферы отношений, возникающих непосредственно из деятельности их ума и воли. Но сама сфера воздействия политики крайне ограничена, ибо она останавливается там, где начинается иррациональная физическая человеческая природа. Поэтому, хотя в сфере этики и собственно политики происходит преодоление времени в виде сознательного изменения этической и политической природы человеческих отношений, отношения эти продолжают оставаться во власти физического времени. И если мы привыкли слышать о вечных основах личности и о вечных началах морали, — эти понятия являются транскрипцией факта, что в узко-этической и узко-политической области мы властны менять время — мы можем совершенствоваться и совершенствовать человеческие отношения и учреждения. Но из этого отнюдь нельзя выводить, что получаемое, вследствие способности повторять события в этих областях, постоянство моральных и политических форм есть уже настоящая «вечность», каковая равнялась бы полному преодолению времени, не в одной только, но во всех областях и, прежде всего, в области материальной.

Третьим видом реальной культурной деятельности является производство. Производство связано с символической и проективной дисциплиной — техникой, устанавливающей правила приложения проектов к действительности. Производство делится на деятельность, создающую орудия производства, и на деятельность, непосредственно создающую новые предметы культуры. В обоих случаях, но в особенности во втором, проявляется способность производства преодолевать время, ибо каждая вещь, созданная по имеющемуся символическому образцу, есть воплощение формы этой модели, и тем самым, пока вещь существует, получается в ней остановка времени, побежденного осуществлением разумного символа. Воспроизведение же вещи по рецепту или по формуле есть вид воскрешения предмета по желанию человека.

Производство тесно связано с политикой, ибо обширная область человеческих отношений должна быть организована применительно к целям производства. Такая организующая деятельность есть экономика, если понимать последнюю в смысле человеческой деятельности. Тогда как политика в других областях преследует свои собственные цели — изменение личностей и изменение учреждений вообще, здесь она служит специфической цели — изменению материального мира путем творчества новых физических предметов, которые, в свою очередь, могут влиять

на генетику (приборы для биологических операций) и на чистую политику (пути сообщения, книгопечатание и т. п.).

Таковы главные виды человеческой реальной культурной деятельности и творческого труда, в отличие от описанных выше форм символической и проективной деятельности.

§ 3

Мы видим, таким образом, что результатом времяобразующей деятельности человека в истории является созидание культуры⁴⁰.

Вместе с тем, мы уже упоминали о том, что основное условие овладения временем путем культурной деятельности есть сочетание в действии двух видов культурной деятельности, той, которую мы назвали символической, и той, которую мы охарактеризовали как реальную. Необходимость этой связи сказывается в каждом виде творческого труда. Генетика реально создает жизнь только путем применения научных законов и философских проектов, указывающих, какая именно жизнь нужна. В генетике находит себе место и искусство, ибо улучшение формы даже в полуслепой природе происходит посредством применения законов эстетики. (Это возможно доказать рассмотрением значения красоты в минералогии, ботанике и зоологии.) В политике также наука и искусство играют роль направляющих и образующих сил. В производстве наука действует через посредство техники, философия ставит цели, искусство дает образцы творчества.

Между тем, несмотря на такую необходимую связь и согласованность символических и реальных проявлений культуры, в современной нам культурной эпохе наблюдается значительная их разобщенность, кладущая отпечаток на всю эпоху. Так же как отдельный человек грешит теоретизмом, не переводимым в дело, наша культура грешит символическостью, останавливающейся перед осуществлением вырабатываемых ею и унаследованных от прежних периодов проектов.

Культура эта поэтому пребывает в виде пролога, который не развертывается в настоящее времядействие, и нередко самые гениальные, исполненные великого смысла призывы мыслителей, пророков, художников, звучат как знаменитые оперные возгласы: «Бежим! Бежим!», в то время как ни творцы их, ни слушатели не двигаются с места. В результате этого формулы и символы остаются только проектами и мало-помалу теряют всякое значение⁴¹.

В символической культуре все указанные нами виды творческого труда протекают неправильно. Прежде всего, извращаются сами символические виды культурной деятельности. Философия в ней превращается в исключительно чистое знание, наука — в чистую науку, искусство — в чистое искусство. Анализ этих извращенных форм показывает, что такое превращение существенно тормозит или даже делает невозможным действительное преодоление времени в такой культуре.

§ 4

Чистая философия необходима, поскольку мир мысли имеет свои собственные законы и применение их не должно быть ничем внешним стесняемо. Но из этого не следует, что мысль может безнаказанно отрываться от порождающего ее действия, которому она служит. Такой отрыв происходит во многих идеалистических учениях. Отвлеченный идеализм пренебрегает реальным осуществлением поставленных им идеалов и целей. Вместо того, чтобы пытаться действительно изменить мир согласно этим идеалам, идеалисты избегают связанных с таким осуществлением затруднений тем, что создают параллельно реальному второй, умопостигаемый или потусторонний мир, где все, что в земном мире дурно, легко исправляется усилием одной мысли. Такой недостаток этих форм идеализма делает бесполезным их лучшие творческие достижения, ибо они не переходят в практику.

Результатом этого является то, что жизнь развивается без влияния на нее мысли. У философии нет ответа на вопрос: что делать? и люди отдаются малым делам, следуя своим случайным интересам и не обобщая свои частные цели. Как следствие получается одинаково крушение философии, по причине ее бесполезности, и дела, вследствие его бессмысленности. Вместо того, чтобы служить задаче преодоления времени, разум уходит в потустороннюю область и отдает жизнь дурному, случайному, слепому времени, производству хаоса и розни.

Не менее чем чистая мысль, необходима чистая наука. Все величайшие открытия совершались большей частью людьми, отдававшимися именно такого рода чистому исканию. Но вместе с тем очевидно, что вся научная деятельность людей не может замыкаться в такой работе. То, что открывается, должно как-то применяться к жизни. Нисколько не посягая на существование и требования чистой науки, беспристрастное суждение должно признать, что деятельность эта, чтобы не остаться совершенно отвлеченной, нуждается в дополнении деятельностью, прилагающей найденные чистой наукой законы к творческому труду, уже не познающему только, но меняющему мир. В этом смысле ученые должны помнить, как это было провозглашено одним из современных мыслителей, что они находятся как бы во временной командировке с определенной целью и что массы человечества ожидают от этой своей выделенной «комиссии» не только указания, как возможно преодолеть время, но и приступления к реальному такому преодолению [1]. Другими словами, чистая наука должна направлять генетику, политику и производство.

В общем, конечно, и сейчас наука идет по этому пути, придавая некоторое единство разрозненным человеческим усилиям. Но это пока еще исключительно только систематизация средств без всякого суждения о целях действия. В этом наука следует своей традиции, установленной родоначальником современного научного метода Фрэнсисом Бэконом, давшим в своей «Instauratio Magna» первую систематизацию науки, но

только в отношении метода⁴². В современной науке, соответственно, торжествует дух определения способа действия, но не самого действия. Наука создает великолепные экспериментальные опыты, совершает множество поучительных испытаний. При этом, однако, забывается, что это все лишь приготовление к делу, а не самое дело. Подготавливаются орудия к операции, сама же операция не совершается. Большинство ученых при этом убеждено, что последняя, т. е. осуществление познанного, не есть дело науки. «Мы учим, как надо делать, — говорят они, — а делают ли по нашим рецептам, это уже нас не касается». Вследствие этого наука не может реально преобразовать мир, прежде всего потому, что ученые не ставят ей этой цели, не ставят ей вообще никакой деятельной цели. Наука поэтому не дает людям указаний о том, куда двигать мировое преобразование. Недаром один профессор евгеники заканчивал свои лекции печальным заявлением, что когда мы будем уметь видоизменять живые существа по нашему желанию, мы не будем знать, каких людей надо создавать, так как наука вообще не говорит нам, что лучше и что хуже⁴³. Такая наука, конечно, не ставит себе вопроса о космическом значении ее опытов. Большинство ученых боится вообще всяких обобщений, переводящих науку в деятельность, и не ищет поэтому синтеза всех проявлений научного опыта в человечестве. Получается то, чем является в значительной степени современная наука, — ряд индивидуальных опытов, связанных преемственностью лишь в данной специальной области и не преследующих никакой реальной цели применения добытых выводов уже не в виде опытов, а настоящего дела.

Но если результаты уклонения науки в сторону одних теоретических исканий оказываются пагубными для последних, воздвигая их в абстрактной области и лишая их, в конце концов, смысла, не менее губительным образом отзывается это уклонение на реальных проявлениях культуры. Они лишаются сознательного направления и руководства, или же последнее дается им не средствами систематических и обобщающих дисциплин, но путем случайного ряда вспышек разума, проявляющихся в отдельных случаях. Во всех областях реальной культуры устанавливается господство иррациональных побуждений и слепых сил природы: генетика превращается в случайный рост жизни, случайно же иногда побеждающий смерть, но по большей части ею побеждаемый; политика становится игрою страстей и чувств, хищнически-индивидуальных или стадно-коллективных. Мораль превращается в расплывчатую и безответственную душевную мистику. Производство становится неорганизованным и расточительным выделыванием предметов, нужных только для ограниченных, частных целей. В общем, нарушается иерархия систем, преодолевающих время, ибо иерархия эта требует систематического и организованного расширения кругозора элементов и согласования их деятельности. Время растет так же случайно, как растут вещи, создаваемые этим хаотическим и иррациональным творчеством, и, как зловещая тень каждого существа и каждой вещи, рядом с нею встает поглощаю-

щая ее смерть — неизбежное следствие хаоса, порожденного разобщением практики и теории.

§ 5

То же самое можно сказать про чистое искусство. Его существование в каждой культуре бесспорно, и не менее бесспорно, что существование его необходимо. Искусство, так же как и знание, имеет свои внутренние эстетические мерилы и законы, и только при их самостоятельном применении к совершенно самодовлеющим эстетическим же задачам художественного творчества искусство вообще является тем, чем оно должно быть — одним из возвышеннейших и плодотворнейших видов человеческой деятельности. Следует твердо сказать, что искусство есть особый мир и должно быть судимо и оцениваемо по законам этого мира.

Но значит ли это, что только эти законы имеют значение для искусства? Значит ли это, что оно может быть оторвано от общего мира человеческого действия? Искусство есть часть действия, и, следовательно, кроме внутренних возникающих в нем отношений и правил, возникают также отношения между художественным актом как таковым и общею деятельностью человека по преодолению времени и преобразованию мира, частью каковой деятельности является и искусство. Замкнутое в себе самом и оторванное от этой деятельности, оно стало бы, в конечном счете, с точки зрения интересов этой деятельности и руководящего ею разумом, бессмысленным и ненужным занятием. Оно в известной, небольшой мере преодолевало бы время, так же как преодолевают его память и история, но это преодоление оставалось бы творчеством не настоящей жизни, т. е. созидания существ, а одних только символов и иероглифов, украшающих мертвые вещи. Вместо времяпреодоления, в конце концов, получилось бы то, чем искусство нередко является, — времяпрепровождение.

С другой стороны, уход искусства в область чистого эстетизма не менее пагубен для реальной культуры, чем уход философии и науки в чистую теорию. Такое извращение искусства лишает действие образующей силы красоты, дополняющей и восполняющей силу разума. Генетика, лишенная руководящего художественного вдохновения, творила бы формы настолько же уродливые и несуразные, сколько бессмысленные. Политика потеряла бы ту стройную архитектонику, которая отличает замыслы великих мастеров общественного строительства. Мораль лишилась бы внутренней красоты душевных проявлений, являющихся результатом внутреннего душевного искусства. Производство в особенности потеряло бы главное, чем оно живет, то, что отличает одну вещь от другой и от окружающего, — форму. Как производство слепо без искусства, искусство бессильно без производства, без промышленности, меняющей мир. Картина, статуя, здание — предметы искусства, но вместе с тем продукты производства. Можно поэтому в известном смысле ска-

зять, что производство и искусство сливаются. Нет производства без художественных образцов, но нет и художественного осуществления без производства.

Вещи, создаваемые людьми без применения художественного мерил, становятся безобразными. Они перестают четко отличаться друг от друга. Тогда наступает для этих вещей царство рабства и хаоса. Они лишаются главного своего оружия против всепоглощающей силы времени. Цель всякого искусства, поскольку оно творит реально, т. е. не образы только, но воплощенные образы, есть победа над временем. Она достигается путем закрепления в постоянных и совершенствующихся формах вещей, обреченных иначе, при слепой игре природы, на порчу, тлен, мельчание и вырождение, наконец, на полное уничтожение. Такова же и цель производства. Оно создает вещи, противопоставляющие уничтожающей силе внешнего времени свою внутреннюю длительность или сущность. Таким образом, искусство и производство делают одно и то же дело. Искусство черпает из природы образцы и стремится сделать эти формы устойчивыми, для чего ищет сочетания их друг с другом в виде, наиболее обеспечивающем их жизнь или победу над временем. Оно как бы возводит в меняющемся потоке последнего вершины, для него недостижимые. Тем самым оно спасает от гибели и улучшает существующие вещи или же, если они уже погибли, восстанавливает их по оставленным ими в истории записям. Но для этого искусство должно реально видоизменять природу, т. е. производить вещи, что и является задачей производства.

Поэтому отделение искусства и производства ведет к извращению и искажению обоих. Извращение искусства сказывается в том, что оно творит в отделенном состоянии мертвые, невоплощенные подобию, извращение же производства в том, что оно создает мертвые вещи машинообразного вида, не имеющие действительного собственного существования. В общем получается вместо творчества жизни размножение неживых формул и неживых вещей. Вместо колыбели рождающегося будущего человечество строит повапленные гробы умирающего прошлого. Вместо расцветающей жизни вырастают вокруг нас призрачные личины, кладбищенские привидения, бесплотные тени или трупы, имеющие лишь видимость жизни. Вдумаемся в сущность жизни. Живет то, что целостно, не отвлеченно, что представляет не одну только сторону явления, но все явление, в многостороннем его общении с окружающим миром. Рядом с этим живое обладает способностью продления своего существования, т. е. способностью роста, порождения из себя нового воспроизведения. Поскольку эти свойства не проявляются в произведениях искусства и производства, поскольку произведения эти не целостны, а только символичны, или только материальны, постольку каждое представляет останковку на пути творчества, застывший комплекс, из которого не рождается новое. Они предел, но предел без движения. Они кристаллизация частичного действия, самодовлеющего в своей маленькой сфере и потому смертного.

В самом деле, жизнь требует всегда участия ее носителей во всеобщем действии и есть не что иное, как показатель такого участия. Отдельные целые утверждают свое существование не как самодовлеющие сущности, всецело в себе замкнутые и отделенные от других целых, а как орудия общего преобразовательного процесса. Они должны иметь иррациональную и инструментальную природу. Выпадение из общего действия и влечет за собой превращение символов в голые и пустые формы, вещей же — в неживые куски материи. Это происходит в случае гипостазирования образов искусства в чистом эстетизме и в случае партикуляризации целей производства, вследствие служения его маленьким и эгоистическим целям отдельных вещей. Тем самым создаются идеальные и реальные тупики, в виде жизни образа для самого себя и вещи также для себя. Поток мирового действия задерживается в этих стоячих лужах, делается достоянием косности и застоя, превращается из единого океана жизни в бесчисленное множество зловонных болотц узко-индивидуальных достижений.

Из сказанного следует, что если искусство оказывается исключительно чистым или символическим, — оно теряет связь с практической деятельностью, перестает вдохновлять и направлять реальные виды человеческой деятельности — генетику, политику и экономику. Царство его становится царством одних записей в виде образов, представляющих собою алфавит уже не говорящего языка. В отношении времени, если эти буквы и обладают некоторой устойчивостью, то устойчивость эта подобна прочности высеченных на камне, но не употребляемых никем иероглифов. Только в тесном единении с практикой, при превращении каждого образа в живую вещь, которую он образует и направляет, художественная деятельность становится реальной и красота, творимая искусством, в самом деле, согласно выражению Достоевского, «спасает мир»⁴⁴.

§ 6

В общем, замыкание философии, науки и искусства в их собственном мире сопровождается одними и теми же последствиями. Символическая культура, создаваемая таким путем, рождает различные формы застывшей жизни — обычаи, быт, основанный на одной форме, обряды, рабски следующие букве, без всякого отношения к живому смыслу. В этом виде коснели целые культуры, либо не понявшие вовсе данных им символов, либо, вследствие старческой слабости, потерявшие этот смысл. Это обычный удел умирающих культур. В лучшем случае смысл символов разгадывается, но люди, удовлетворяясь чисто умственной их разгадкой, строят философию из сочетания таких отвлеченных смыслов и, одурманенные этим ложным созерцанием, забывают, что символы получают полный смысл только тогда, когда они так или иначе бывают воплощены в жизнь.

С другой стороны, непосредственным следствием такого разъединения оказывается отмеченное нами уже в частном случае чистого искусства распыление реальной культурной деятельности, протекающей вне связи с деятельностью символической. Эгоистические цели возникают в каждом отдельном случае и подменяют собою то, что не дает ушедшая от жизни символика. Так же, как в жизни, оставленной искусством, во всех областях нарождается партикуляризм человеческих усилий, причем каждое из них не видит ничего кроме своего узкого горизонта. Маленькие действия эти заходят в безвыходные тупики, образованные распылением общего действия на множество малых своих проявлений. В каждом таком тупике водружается какой-нибудь идол — себялюбивое побуждение в виде последнего и наисвятейшего божества. Далее возникает, вследствие противоречивости этих целей и связанных с ними интересов, война всех против всех, яростное столкновение людей, ставших хищными волками Гоббса⁴⁵. Вместо общего дела получается общая война, и, как результат, поражение всех этих разрозненных бойцов общим врагом, использовавшим их вражду, — смертью.

В переводе на язык времени эта распыленность усилий дает хаотическую многовременность, или буйный рост времен, возникающих в миллионах различных систем, не связанных общим действием и потому ограничивающих друг друга и создающих ряд принудительных временных равнодействующих, устанавливающих над системами этими гнет механического подчинения и рабства. Так как системы, не участвуя в общем действии сознательно, участвуют в нем бессознательно, в силу всеобщей причинности, получается механическое их сцепление и объединение, выражающееся в господстве законов слепой природы и ее спутника — смерти.

В этом царстве несогласованных времен и потому преходящих вещей частичные маленькие победы над смертью отдельных систем, создающих, вопреки общему рабству, свои собственные времена, тонут в общем смертоносном потоке и, в конце концов, сводятся на нет всеобщим их уничтожением и слитием в принудительную равнодействующую. Последняя же есть, на самом деле, временный хаос, стихийное течение бессмысленных усилий, взаимно друг друга убивающих.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что для устранения этих гибельных явлений надо приступить к такому культурному деланию, в котором сочетались бы символическая и реальная деятельность отдельных людей и человеческих групп. Только этим путем возможно созидание таких ценностей, которые будут иметь действительную осмысленную жизнь и тем самым будут утверждать свою длительность против случайного времени, ныне торжествующего в мире. Только этим путем возможно действительное овладение этим временем в историческом действии и превращение его во время, подвластное человеку и образуемое согласно требованиям его разума.

Но если такова задача, стоящая перед творческим культурным дела-

нием, ставится вопрос о том, какие средства существуют для его разрешения? Каким образом можно вообще овладеть временем и создавать его по желанию? И как связывается такая времяобразующая деятельность с доступными человеку способами индивидуального и коллективного культурного действия в его символических и реальных проявлениях?

Первый вопрос есть, очевидно, общий вопрос об образовании времени и о власти над этим процессом сознательных существ. Второй вопрос есть та же проблема, но поставленная в более конкретном виде, — в отношении специально человеческой и притом исторически культурной времятворческой деятельности.

Соответственно, мы должны в нашем ответе дать общее объяснение возможности овладения временем в действии всяких вообще систем, затем показать, как происходит такое овладение в системах, составленных из сознательных существ, наконец, развить теорию времяобразования в деятельности социально-исторических групп. Это даст нам возможность подойти к прямому разрешению проблемы культуры, поставленной в настоящей и предшествовавшей главах.

Следует отметить, для избежания методологических возражений, что постановкой этих определенных вопросов наше исследование вводится в точные, не слишком широкие рамки. В его задачу отнюдь не входит решение «последних вопросов», каковые оставляются нами богословию и метафизике. Мы преследуем гораздо более скромную цель — выявить конкретные условия действия и мощи существ, населяющих мир, и в особенности человека. Тем самым подразумевается, что существа эти живут в объективном мире, данном до них и помимо их. И всякие наши космологические суждения об этом мире или о мировом действии представляют всегда суждения относительные, рассматривающие не абсолютное состояние мира и его действия, а меру его изменения в результате усилий и деятельности живых существ.

Глава вторая

ВРЕМЯ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ

§ 1

Учение о преодолении времени опирается на понятие относительности времени. Понятие это, однако, не вполне совпадает с положением, формулированным Эйнштейном. Оно должно пониматься в гораздо более широком смысле, не как математическая только, но как общепhilosophическая характеристика времени, как его основное разумное определение.

Если понятие относительности времени ново для физиков и математиков, в истории человеческой мысли оно представляет истину, много

раз уже высказывавшуюся великими мыслителями человечества. Еще досократики (например, Анаксимандр) признавали, что пространство есть только место материи. Соответственно меняющиеся отношения вещей выражаются временем. Лейбниц приближается к этой мысли в данной им формуле, согласно которой время есть не *res*, но *ordo rerum*, не вещь, а порядок вещей⁴⁶.

Положение это доказывается тем, что никакого другого содержания, кроме изменения отношения вещей, наш ум во времени не схватывает. Все операции, совершаемые умом над временными связями, касаются лишь установления того или иного порядка этих отношений. Таким образом, содержание времени представляет всегда только одно — изменение вещей. Правда, можно представить себе, и философия это делала нередко, такие отношения, которые не являются временными, как например, отношения вещей в связях логических или смысловых. Но если не везде, где есть отношения вещей, ум предполагает время, — везде, где есть время, ум относит его к изменениям вещей и ничего другого во времени не мыслит и мыслить не может. Субъективное ощущение времени есть также ощущение какой-то последовательности внутренних состояний, т. е. также отношения между данностями. Не опровергает эту точку зрения и довод Канта, что время лежит в основании всех явлений. Если оно и обнимает вещи — без них его нет вовсе. О том, что мы не можем мыслить, мы вынуждены сказать, что его нет. Из этого можно вывести, что время есть не что иное, как меняющиеся отношения вещей [2].

Но в таком случае всякое изменение отношений влечет за собой и изменение времени. Время есть только показатель изменения, так же как число есть показатель множественности статического состояния. Мощь наша над временем есть просто мощь над отношениями вещей, являющимся единственным содержанием времени. А когда есть возможность повторить это изменение, можно считать, что время его обратимо. Повторение ряда событий есть, следовательно, возобновление периода времени, в котором они развились, если только они составляли исключительное его содержание. Таким образом, проблема обратимости времени теоретически не представляет ничего таинственного, и можно считать, что, как в математике, так и в философии, она допускает положительное решение. В математике стоит изменить знак какого-нибудь процесса, чтобы получить его обратное течение, в философии такая обратимость возможна для любой последовательности событий, в которых причина стала бы целью или цель стала бы причиной. И если мы можем *ad libitum*⁴⁷ устанавливать такую последовательность, мы тем самым владеем временем.

Правда, можно спросить, не исходим ли мы в этом рассуждении из тавтологического суждения: поскольку время сводится к могуществу, мы ищем могущества и приходим к тому, что для этого нужно могущество. Это как будто чисто словесное разрешение: наши условия овладения временем суть просто условия мощи или возможности произведе-

сти изменение. И так как мы отождествляем время с изменением, это дает нам якобы обратимость времени. Но, на самом деле, необратимость его зависит именно от невозможности в известных условиях производить эти изменения.

Это верно, но наш вывод тем не менее, сам по себе уже очень важен, ибо устраняет в принципе все таинственные свойства потока времени — как то: необратимость, неповторяемость, незаменимость. Необратимые и обязательные свойства потока времени, в котором мы живем, являются таковыми, только поскольку оно является результатом внешних по отношению к нам воздействий, которые мы не в силах изменить. Если бы мы овладели ими, время также для нас изменилось бы. Согласно этому взгляду, изменение в движении земли и новое деление дня и ночи было бы изменением не только способов измерения времени, но и самого времени как астрономического явления. Поскольку же мы в состоянии были бы влиять на эти изменения, мы владели бы этим временем, творили бы свой календарь.

§ 2

Преодоление времени не есть только теоретическое допущение, которое представляется невозможным претворить в практику. На самом деле, власть наша над временем весьма реальна и постоянно нами применяется. Если вдуматься, мы поймем, что мы имеем пример такого овладения временем и возобновления его в каждом свободно и сознательно проведенном человеческом опыте. Каждый день в ограниченных областях мы овладеваем временем и осуществляем его обращение. Это происходит, например, в каждом научном опыте. Когда я из двух газов получаю воду и затем обратно ее разлагаю на газы, и затем снова создаю, возобновляя этот процесс желаемое количество раз, я повторяю последовательность явления или воскрешаю воду.

Однако можно ли здесь говорить о воскрешении или возобновлении воды? Вновь полученная, это не совсем та же вода, а другая вода, ибо кругом все изменилось, и новая вода имеет уже отношение к новому окружающему. Конечно, с точки зрения движения земли или же менее значительных процессов изменения мира здесь нет полного воскрешения воды. Можно согласиться с Гераклитом, что все, даже зримо остающееся на месте, течет. Но, если отказаться от столь широкой точки зрения и искусственно ограничить опыт только определенной областью и группой отношений вещи, т. е. умышленно отвлечься от связей ее со всем окружающим, — в этой ограниченной области заключается полное воскрешение вещи, в виде повторения сочетания верно избранных отношений. Ограничение в нашем примере заключается в том, что для нас вода в этом случае важна только в смысле соответствия формуле H_2O , как известная комбинация определенных химических элементов, взятых в определенном же количестве. Для этого вовсе не требуется, чтобы возоб-

новленная вода была бы тою же водою, что и раньше, не только в смысле связей с окружающим, но даже в смысле составления ее из тех же самых атомов, что и раньше. Атомы могут быть совершенно другие, и важно только определенное их сочетание.

Поиск индивидуальности, подлежащей повторению, ограничивается, таким образом, соответствием формуле своеобразной комбинации. Ничего другого постоянного ни в каком индивиде не найти. Всякое сочетание элементов, соответствующее формуле, будет тем же индивидом.

Таким образом, мы называем овладением временем всякое вообще сознательно и целесообразно произведенное изменение в природе, поскольку оно создает или воссоздает реальность согласно имеющемуся образцу.

Если Н и О соединились и тем самым в этой системе произошло удовлетворившее оба газа не принудительное, но вызванное их собственным влечением изменение, можно сказать, что они создали свое собственное общее время. Но они не могут соединиться и разлагаться без внешнего воздействия. Для этого нужно влияние на них внешней системы, например, в случае указанного опыта, — человека. Это значит, что кроме внутреннего времени, создаваемого силой их взаимного сродства, для них существует еще и внешнее время, соответствующее воздействию на них человека. В образованной таким образом большей системе, состоящей из газов и человека, время есть уже не только результат мощи обоих газов, но равнодействующая ее и мощи данного человека. Когда последний вторично произвел соединение, он может считать, что время, соответствующее соединению обоих объемов Н и О (не как измерение только процесса, но как самый процесс), в данных условиях обратимо. При этом, так как могуществу человека принадлежит инициатива этого процесса, он может воскрешать воду и разлагать ее по желанию. Если же мы представили бы себе такую операцию, произведенную без внешнего воздействия, самими автономно действующими элементами, как это имеет место, например, при общении живых существ, мы скажем тогда, что в пределах их взаимоотношений их воскресительная сила является столь же безусловной, как была эта сила в первом случае вместе с силой человека по отношению H_2O [3].

В общем, опыт этот показал нам частичную победу над временем, овладение им в ограниченной области и частичное повторение бывшего. Такую же победу над временем, но в более сложном комплексе отношений, представляет собою опыт омоложения. Но тогда можно считать, что овладение временем или его повторение допустимо, что его возможность доказана и зависит от нашей сознательной воли, поскольку действию ее не препятствуют окружающие условия. Ведь, чтобы доказать, что время вообще обратимо, вовсе не надо доказывать, что все время обратимо. Достаточно доказать обратимость хотя бы маленькой его части, чтобы показать, что принципиальная возможность возобновления бывшего имеется.

Раз такое распоряжение временем возможно в ограниченной сфере, оно, по существу, возможно, и вопрос сводится к расширению пределов этой сферы, т. е. к масштабу действия. Если представить себе опыт, в котором мы вместо двух определенных частиц газа орудием большим числом элементов, для них мы можем также овладеть временем. Представим себе такое действие в еще большем масштабе — соглашение с большим числом сознательных существ и власть над большою областью неодушевленных вещей — и мы получим картину власти над временем в громадных, быть может, космических системах. Это приводит к колоссальным последствиям. Обнаруживается, что союз сознательных существ способен видоизменить время мира. Мы стоим на пути к такому завоеванию в каждом нашем сознательном опыте⁴⁸.

§ 3

Где же искать ключ к сознательному преодолению времени действием? Какие явления в мире можно считать времяобразующими?

Мы видели, что все содержание времени сводится к меняющимся отношениям вещей. Время есть показатель этой смены: оно есть как бы выразитель изменения и движения.

Но движение само по себе, как всякое действие, множественно.

Еще Аристотель определил действие как «отношение к другому». Движение есть переход от одного к другому и тем самым непременно является результатом какой-то суммы или множества. Для доказательства этого достаточно перевести движение на статический язык или повторить рассуждение Зенона⁴⁹. Стрела не двигается, пока она одна. Но если взять множество, составленное из самоумноженной этой стрелы в пространстве, мы получаем движение. Изменение, движение, время представляют всегда сумму или интеграл каких-то элементов. Заметим, что на этом принципе построен кинематограф, в котором из множества неподвижных снимков, через их сложение, создается движение и изменение, а следовательно, и время [4].

Такая точка зрения по отношению времени и множественности приводит к формулированию чрезвычайно важного практического закона: *отношения вещей суть отношения множеств*. Следовательно, всякая группировка элементов влечет за собою в виде следствий те или иные состояния вещей, воспринимаемые нами как стихия жизни. Но в таком случае всякое изменение есть результат новых группировок элементов какой-нибудь их совокупности, или, выражаясь математически, — *всякое изменение есть функция множественности*. Этим самым дается ключ для производства всякого изменения — надо либо механически создать новую комбинацию из элементов, составляющих целое, либо, если эти элементы сознательны, так на них воздействовать, чтобы они сами добровольно составили новые комбинации. Это приводит нас к практическому положению, касающемуся уже непосредственно преодо-

ления времени. Раз время есть не что иное, как отношение вещей — его изменения также зависят от состояния множества. Или — *изменение времени есть функция множественности*. Весь вопрос сводится, следовательно, к возможности, исходя из данных временных комбинаций элементов, произвести перемены в дальнейших их группировках.

Таким образом, множественность создает действие, действие же создает время.

Необходимо остановиться на первом процессе, чтобы понять второй.

§ 4

Всякое множество образуется в результате действий отдельных элементов и их взаимодействия, вследствие чего получается равнодействующая этих действий, воспринимаемая нами как время системы.

Нам надо, следовательно, прежде всего, выяснить, каким образом из множественности возникает такое действие и взаимодействие элементов.

Первый вопрос о действии отдельных элементов заключает в себе как будто внутреннее противоречие. Если признать такое действие автономным и самодовлеющим — тем самым каждый элемент рассматривается как совершенно отдельная сущность или как особый мир. Тогда непонятно, каким образом можно считать, что все элементы связаны и составляют множество. Если же, наоборот, искать в действии отдельных элементов проявление собирательной силы общего множества целого, такое действие окажется действием всего мира, т. е. всех других вещей. Тогда отдельная вещь сама по себе бессильна и только проявляет силу окружающего. Но тогда нельзя говорить об автономном действии самих отдельных элементов в изолированной системе.

Вторая проблема — о взаимодействии вещей — заключает в себе не менее серьезный вопрос: как может один элемент воздействовать на другой, если они различные, обособленные друг от друга вещи? Как может a влиять на b , особо от него существующее? В самом деле, если бы элементы были совершенно отдельными сущностями, составляющими целое путем простого прибавления друг к другу, как это представляется в обычной логике, такое взаимодействие было бы невозможно. Каждый элемент оставался бы в себе самом в полной отъединенности от остальных. Получилось бы то отсутствие «окон и дверей», о котором говорит в отношении своих монад Лейбниц⁵⁰, и притом без его корректива — способности взаимопредставления монад и связи их в предустановленной гармонии. Представление обычной логики приводит к тому, что нет никакого сообщения между элементами и каждый из них составляет не только особый, но единственный, включающий другие миры.

Для объяснения как собственного действия, так и взаимодействия элементов необходима, следовательно, точка зрения на множественность, при которой элементы, составляющие последнюю, воспринима-

ются в одном смысле как раздельные, в другом же смысле — как связанные воедино, вследствие чего возможно образование из них множества, или системы.

§ 5

Надо сказать, что понятие множественности было всегда одним из наиболее неясных в философии и служило камнем преткновения для многих систем мысли. В нем, несомненно, скрываются чрезвычайно серьезные логические противоречия. Последние вытекают из неразъясненности основных терминов, образующих понятие множественности, понятий «множества» и его «элементов». Всеобъемлющее и логическое последовательное построение множественности возможно только по выяснению содержания этих идей.

Спрашивается, неужели такой важный вопрос мог быть просмотрен человеческой мыслью? Почему именно теперь ставится эта проблема, а до сих пор поколения людей жили при таких непоследовательных точках зрения? Ответ, быть может, в том, что жизнь людей вообще строится не логикой и самые противоречивые понятия могут существовать веками, оправдываясь инстинктом, чувством, интуицией и верою. В данном случае ходячее отношение к вопросу об единстве и множественности — в виде понимания последней как деления вещей на части и составления из этих частей целых — объясняется менее глубоким фактором — просто удобством. Это чисто практическое понимание⁵¹.

На самом деле история философии показывает, что на заре известной нам философской мысли и притом в двух совершенно обособленных центрах — в Индии и в Древней Греции — был поставлен вопрос о противоречивости самой идеи множественности. Решения, однако, оказались различными. Индусская мысль ответила утвердительно на вопрос об этой противоречивости и в результате основным ее пафосом на все века ее существования сделалось отрицание множественности, убеждение в иллюзорности, обманности этого понятия. На основании такого убеждения выросли индусские религии во главе с браманизмом и буддизмом, и печать этого унитаризма и связанного с ним отказа от активности лежит на всей азиатской культуре. В Греции вопрос был поставлен совершенно так же элеатами, причем поразительное сходство между индусскими и элеатским учениями указывает, быть может, на какую-то доисторическую родственность их корней [5]⁵². Но элеатизм развился в борьбе с пифагореизмом, который, наоборот, нес определенный, хотя и сложный синтез идеи единства и множественности. Борьба окончилась не в пользу элеатизма, и пифагореизм лег в основу всех последующих устремлений философской мысли античного мира и впоследствии Европы. Притом этим активным течениям пришлось вынести борьбу с пассивными настроениями в христианстве, где обнаруживается как будто также довольно влиятельная буддийская струя, обуславливающая наи-

более бездеятельные точки зрения христианской мысли. Далее из этих именно пассивных течений, преимущественно господствовавших в германской мистике⁵³, рождаются главные направления германского идеализма. В крайнем своем выражении, в учении Шопенгауэра, философия эта обнаруживает тенденцию возобновления элеатизма⁵⁴, тем самым вскрывая общее направление, идущее, быть может, действительно от индусской философии. Но рядом с этим конец XIX века и начало XX века выносит, на этот раз из недр математики, волну пифагорейских настроений, все более и более завоевывающих не только философскую, но и точную науку, а также область наук физических, химических и естественных. По мере того как в науке торжествуют методы измерительные и вычислительные, она незаметно снова выставляет общий принцип, что единственная сущность вещей и их изменений есть число. Но такая точка зрения требует, несомненно, разработанной теории множественности и, прежде всего, решения старого вопроса о синтезе единства и множественности [6].

В самом деле, кроме дилемм, указанных Зеноном и Парменидом, в идее множественности существует целый ряд других, не менее безвыходных противоречий, вытекающих из основных моментов, отмеченных индусской и элеатской критикой. Раз я мыслю несколько вещей соединенными, тем самым я мыслю их как одну вещь, — отдельные вещи исчезают — множества нет. Если же, наоборот, я мыслю вещи разъединенными, последовательно я должен их мыслить совершенно отдельно, т. е. придти к невозможности совмещения их в уме и видеть каждую вещь в отдельности или же видеть одну только вещь. Опять-таки множества нет [7].

Идя дальше, можно вообще придти к невозможности мыслить целое и его части. В самом деле, если я мыслю части — или они разъединены и тогда нет целого, или они соединены и тогда нет частей. Если я разрезал кусок хлеба и говорю о его частях, это неправильно, ибо я имею уже два куска хлеба. Если же я его еще не разрезал, в нем нет частей. Таким образом, мыслить целое и его часть то же, что мыслить предмет одновременно красным и синим.

Можно сказать, что эти логические парадоксы ничего не значат, что в действительности нам даны примеры множественности, соединяемой в единство. Но если видеть в логике область безусловных утверждений, имеющих объективное значение, — приходится признать, что невозможность мыслить данную действительность указывает на необходимость какого-то пересмотра логики и нахождения новых, соответствующих этой действительности, логических формулировок. Раз действительность противоречит логике, это доказывает, что мы эту действительность не понимаем, что ее надо мыслить иначе, путем расширения этой логики. Другими словами, в данном примере ставится вопрос о необходимости изменения общепринятого взгляда на единство и множественность.

Мы имеем попытку такого пересмотра в современных математических учениях, выходящих из области чистой математики и затрагивающих чисто логические вопросы, главным образом в учении о множествах.

Математики в своих рассуждениях иначе ставят проблему, чем философы. Исходя из чисто формальной точки зрения, они вовсе отвергают всякие рассуждения об отдельных вещах или элементах, считаясь исключительно с вопросом об их отношениях.

Согласно математической точке зрения, одним из основных положений современного учения о множествах является отвлечение от природы элементов, составляющих множество. Мощность каждого множества определяется Георгом Кантором как общее понятие, которое мы выводим о множестве, отвлекаясь от природы входящих в него элементов и от их порядка [8]. Признак порядка впоследствии, при переходе к учению об упорядоченных множествах, принимается во внимание и даже служит основным признаком этих множеств. Но природа элементов для всего вообще учения о множествах признается безразличной.

Однако можно себя спросить, так ли прост вопрос об элементах, даже тогда, когда мы «отвлекаемся» от их сущности? И возможно ли такое абсолютное отвлечение?

Мы видим, что без некоторых суждений о сущности элементов математика не смогла обойтись. Кантор называет множеством мыслимое как одно целое собрание предметов, определенных и вполне различных [9], которые называются его элементами. Дедекин⁵⁵ называет элементами различные вещи (*verschiedene Dinge*), входящие в систему [10]. Пуанкаре⁵⁶ говорит о вещах, внешних по отношению друг друга [11]. Нетрудно заметить, что эти определения содержат, по крайней мере, два необходимых признака: 1) признак однородности, отмечаемый понятием «предмета», «вещи», и 2) признак различия этих вещей, усиливаемый Кантором до степени «полного различия». В отношении первого признака вещи, он особенно выдвигается математиками, но не всеми признается одинаково достаточным. Некоторые из них считают, что понятие вещи является «основным, логически неопределимым через другие» термины. Вещью может быть одинаково нечто материальное и нечто нематериальное [12]. Нетрудно заметить, что здесь контрабандой вносится то, что изгонялось в первоначальном отказе говорить о сущности. Поэтому, вероятно, другие математики, хотя и прибегают к такого рода определениям, но делают при этом оговорки, что это не настоящее определение, а лишь описание [13]. Но далее подобного рода туманных описаний авторы сочинений о множествах не идут, считая, очевидно, что идея элемента сама по себе ясна, если не идея вещи. Такая точка зрения принимает множественность как вполне понятную и естественную категорию. И все как будто сказано, когда нарисовано множество, включаю-

щее как свои элементы другие множества, состоящие, в свою очередь, из элементов. Это в то время, когда совершенно неясно, для логической мысли прежде всего, как можно определить полностью понятие самого «множества» и «элемента»!

Впрочем, за последнее время и сами математики начинают признавать, что не все в отношении проблемы множественности, решаемой формальным методом, обстоит благополучно. Рьяный бег математической мысли, взявшейся за логические проблемы и думавшей сперва, как бы в три счета, с разбега, реформировать всю логику, столкнулся с неожиданным препятствием, поставившим в тупик математиков. Это известные парадоксы учения о множествах, отмеченные еще Больцано и Кантором⁵⁷ и достигшие своего максимального выражения в проблемах, поставленных в связи с известной теоремой Цермело⁵⁸ [14]. Сейчас математики разделены на несколько лагерей в отношении этой и смежных проблем, и в связи с этим развитие столь многообещающего учения несколько замедлилось.

Весьма характерно, что в то время, как математика начинает сомневаться в безусловной ясности своей формальной точки зрения, эта точка зрения воспринимается некоторыми философскими учениями, считающими возможным взять именно эту сторону математики за образец и положить ее в основу логики [15]. Но если этот метод возможен (хотя, как мы видели, с большими неясностями и затруднениями) в математике, для философии он является в корне неправильным, ибо философия берет предметы целостно, во всем богатстве их признаков, а не в абстракции, как только одну игру смыслов. Простое перенесение формального метода в философию не может поэтому быть принято безоговорочно уже хотя бы потому, что он суживает сферу философии, исключая не только действительное решение проблемы множественности, но уродуя самую постановку этого вопроса.

§ 7

В области самой философии, как мы видели, рядом с безнадежным индусским и элеатским преклонением перед якобы неразрешимыми противоречиями идей единства и множественности — пифагорейская математическая струя мысли искала и ищет до сих пор выхода из этой дилеммы. И если и были уклоны исторической мысли в сторону элеатизма или в обратную сторону плюрализма, в ряде глубоких своих проявлений философия совершила требуемое коперниканское деяние в отношении проблемы множественности.

Мы видим, что большинство великих мыслителей отвергает противоречивую точку зрения наивного сознания, господствующую как наиболее удобная гипотеза, а именно, что мир состоит из отдельных, совершенно разрозненных вещей, занимающих каждая отграниченное пространство, вне которого уже начинается совершенно другая вещь. На

место этой концепции, несовместимой одинаково с углубленным философским монизмом и с научным учением о всеобщей причинности, ставится убеждение, что нет действительного множества абсолютно отделенных вещей, но каждая связана со всем миром и постольку является как бы особым выражением или именем совокупности всех других вещей. Каждая вещь все время творит все вещи и вместе с тем творима ими.

Эта точка зрения, в отличие от точки зрения обычной логики, может быть названа диалектической. Диалектика стремится прежде всего познать всякую вещь целостно и конкретно со всеми ее признаками, теоретическими и практическими, а не только с признаками тех или других случайных и абстрактных отношений. Все отношения вещи или все ее признаки — вот к чему сводится таинственное понятие сущности, являющееся предметом философской мысли [16].

Но лишь мы станем на такую точку зрения, мы получаем неожиданный ответ на вопрос о природе любого элемента или вообще любой вещи. Оказывается, что каждый элемент есть все элементы или множество всех вещей. Любая вещь есть множество всех вещей. В самом деле, раз мы хотим при познании вещи обнять все ее признаки, тем самым мы должны включить сюда все ее отношения ко всем вещам мира. От меня до Сириуса есть цепь посредствующих инстанций — мы объединяемся действием причинности, всемирного тяготения, пребыванием в пространстве, электричеством, светом и проч. Одним словом, ни одну вещь нельзя вырвать из мира, и ограничение ее признаков или признание ее только за часть мира совершается путем отвлечения или, что то же, путем отказа от части ее признаков и отношений, т. е. в нарушение задания мыслить ее конкретно. Итак, каждая вещь есть весь мир, все другие вещи. Каждый элемент есть все множество элементов.

Иной вывод можно сделать только, если стать на чисто плюралистическую позицию, но такая позиция немислима и не встречается в опыте. Если я мыслю две вещи с совершенно несовпадающими признаками или же совершенно отделенные, я не могу их мыслить вместе, я не могу их мыслить как две — я имею в уме только одну вещь одновременно. Мысль о сущности, совершенно отличной от других, превращается в понятие неопределенного и бесформенного меона и апейрона древней философии⁵⁹. Снова здесь возникает единство и притом без всякой множественности — и потому пустое и безжизненное.

Как следствие этого получается необходимость диалектического построения множественности. В основе его лежит не обычная логика, опирающаяся на закон противоречия A не есть B , не есть C , не есть N , а диалектическая логика, согласно которой A не есть B , не есть C , не есть N , но вместе с тем A есть B , есть C , есть N , есть все множество ($B, C, D... N$). Закон противоречия возможен только потому, что сперва как основа существует закон тождества.

Диалектическое построение множественности дает ответ на поставленные вопросы о возможности действия отдельных элементов и о возможности их взаимодействия.

В отношении действия самих элементов становится ясным, что такое действие всегда относительно или, вернее, есть всегда собирательное действие мирового множества, рассматриваемое с точки зрения особой изолированной системы, входящей в это множество. Отдельная вещь имеет особенность только в условном смысле. На самом деле, изоляция вещи чисто фиктивна и является плодом отвлечения. Отделенность вещи и собственное ее действие реально не существует, но видимость их получается потому, что в каждой системе элементов, объединенных одним законом и, следовательно, составляющих вещь, мировое действие протекает в общей для всех членов этой системы степени и, вместе с тем, в степени иной, чем в других системах. Степень эта и определяет особый характер этой системы или вещи по сравнению с другими вещами. Благодаря этому мы можем мыслить эту систему как нечто отдельное, изолированное и считаться с мировым действием только в рамках этого закона и, следовательно, рассматривать его как особое действие. Каждое такое индивидуальное действие есть, следовательно, лишь волна на лоне океана всеобщего действия и является одним из гребней в его течении. В сфере силы особое это действие может видоизменить систему, но все эти изменения относительны, ибо настоящая причина их в мировом действии, проявляющемся через вещь. Эта относительность или частичность в терминах времени выражается преходящностью комбинации, или смертностью вещи. Абсолютное возобновление, или вечность вещи, было бы возможно только в случае проявления в ней всех степеней мировой причинности, т. е. раскрытия в этой вещи всех других вещей.

Из этого должно быть ясно, что мы называем собственным действием вещи не что иное, как модификацию или индивидуализацию мирового действия, всеобщей причинности или объективного процесса.

Надо добавить, что при этом роль действующих систем может быть одинаково активной или страдательной. Вспомним определение Аристотеля, признающего, что акт может быть также пассивным. Мы можем, следовательно, в обоих случаях говорить о действии вещи. Таким образом, элементы, поскольку они творят или творимы, всегда являются факторами изменения системы и, следовательно, творцами ее времени. В случае активности мы говорим, что они сами создают свое действие, в случае же пассивности их мы считаем, что через них действует внешняя сила других систем и всего мира. На самом деле всегда совершается последнее, ибо каждый элемент, как мы знаем, есть все мировое множество. И если мы говорим об активности или пассивности, деление это не абсолютно, а обозначает лишь большее или меньшее изменение мирово-

го действия при прохождении его через индивида как через особый центр [17].

§ 9

Исходя из такой точки зрения на действие отдельной системы или вещи, разрешается и второй стоящий перед нами вопрос — о взаимовлиянии вещей.

В самом деле, вывода о несовместимости взаимодействия элементов с их множественностью (каковой вывод вытекает из концепции обычной логики) возможно избежать только посредством указанного выше диалектического построения множественности. При такой точке зрения, как мы видели, каждый элемент тождествен всякому другому, есть всякий другой, поскольку каждый элемент есть весь мир, причем мир этот не другой в каждом случае, а всегда один и тот же, единственная вселенная. Различие элементов состоит в том, что каждый из них есть особое сочетание мировых элементов или совокупность их, особым образом определенная. Состав мирового множества является одинаково составом каждого элемента, и каждое частное действие есть действие всего этого состава. При этом построении вполне возможно объяснить действие одного элемента на другой: каждое такое действие есть действие внутреннее для всего мирового множества. Это равняется утверждению, что всегда действует весь мир, или, иначе, в терминах современного научного мировоззрения, что индивид образуется средой, ввиду того, что всеобщая мировая причинность проявляется в каждом частном следствии.

Это можно понять на следующем примере: я имею перед собой лампу и чернильницу. Моя лампа есть весь мир, ибо она имеет реальное существование только в данной обстановке моей комнаты, моя комната в Москве, Москва в России, Россия в Европе, Европа на Земле, Земля в Солнечной системе, Солнечная система в Млечном пути и т. д. Значит, в лампе я имею дело с мировым множеством. Но стоящая рядом с нею чернильница также может быть расширена, в отношении ее причинного существования, до пределов мира. Значит, состав обеих вещей — лампы и чернильницы совпадает — это все вещи, составляющие мир. Но вместе с тем и лампа, и чернильница тем отличаются, что в каждом из этих мировых множеств его элементы группируются иначе: лампа создается внутри мирового множества путем выделения и объединения ограниченной и определенной группы атомов, образующих известную систему. Так же создается и чернильница. Но воздействие этих предметов друг на друга, например, освещение чернильницы лампой, возможно, ибо они не чужды друг другу — чернильница есть группа элементов лампы как мирового множества, так же как лампа есть группа элементов чернильницы как мировой системы.

Из этого следует, что изменение в данной ограниченной системе есть всегда вместе с тем изменение мирового множества и тем самым прояв-

ляется не в одной только этой системе, но затрагивает все другие вещи мира, есть в большей или меньшей степени внутреннее дело каждой из них. Ограниченная система есть не что иное, как особая группировка внутри мирового множества и вместе с тем внутри всякого элемента, поскольку он может быть расширен до пределов мирового множества. С точки зрения каждой отдельной системы мировое множество делится на две группы элементов. Обе являются внутренними группировками мира, но каждая вместе с тем объединяет свои элементы особым законом. Эти группы для лампы — данная ограниченная система (лампа, отвлеченная от мира) и, с другой стороны, совокупность всех не вошедших в нее элементов мира (мир без лампы). Это можно понять на следующем примере: число 10, соответствующее здесь мировому множеству, всегда есть 10, но может быть взято как $6 + 4$ или $5 + 5$, представляющие внутри 10 различные группировки его элементов. Я могу взять мир как чернильницу плюс мир без чернильницы или как лампа плюс мир без лампы. Само собою разумеется, что все это есть перевод на сложный язык диалектической логики множеств очень простых научных фактов связи явлений. Но перевод этот необходим для объяснения воздействия на время.

Отсюда возникает для каждой системы два рода изменений — во-первых, изменений, производимых в ограниченной ее сфере путем преобразования специфических законов этой сферы и, рядом с этим, изменений, устанавливающих новые отношения всей этой ограниченной системы к остальным элементам ее, уже не как ограниченной системы, а как мирового множества. Оба процесса суть внутренние процессы мирового множества, но в первом случае время возникает внутри этого множества, взятого в виде ограниченной системы, как отношение элементов, связанных особым законом системы; во втором случае возникает время для этой системы как бы внешнее, или отношение всей системы к мировым элементам, стоящим вне ее, поскольку она берется лишь как ограниченная система [18].

Глава третья

ОВЛАДЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ В ДЕЙСТВУЮЩИХ СИСТЕМАХ

§ 1

Если знать ряд прошлых комбинаций и настоящую комбинацию, т. е. как находились и как находятся элементы множества по отношению друг к другу, и иметь возможность видоизменять эти отношения — можно создать любую новую комбинацию или возобновить любую из бывших.

Но что понимать под знанием комбинации? Возможно ли знать местоположение и отношения всех элементов целого? Не требуется ли для этого восприятие отдельного элемента и знание его природы? Тут воз-

можно два случая: или число этих элементов конечное, или бесконечное. Если это число конечное — задача разрешима в теории, несмотря на всевозможные практические трудности. Если же число элементов бесконечное — дело значительно усложняется, хотя учение о множествах и дает нам некоторые возможности знать бесконечные множества и совершать над ними вычисления. Но в обоих случаях надо помнить, что задача вовсе не в том, чтобы знать природу, местоположение и группировку последних элементов системы, обособляя каждый из них в нашем познании и воспринимая его в отдельности. В случае неразложимости элементов до конца или вечной их делимости такое знание их последних частиц является вообще невозможным. Но, на самом деле, оно и не нужно, так как мы можем считать, что всякий данный элемент есть сам по себе множество или система, и все операции, которые мы над ним производим, являются операциями, совершаемыми над такими сложными составными целыми. Поэтому задача познания элементов и их группировок есть всегда задача познания более или менее общих множеств — надо разложить данную систему не до конца, до последних ее членов, а лишь постольку, поскольку мы обнаруживаем в группировке подчиненных систем причину искомого явления. Мы должны найти закон не всех внутренних группировок системы, а лишь некоторых из них. Так, например, биолог находит объяснение многих органических процессов в поведении клеточек и не нуждается в каждом случае в разложении их на атомы или на электроны. Таким образом, воздействие на систему в отношении познания ее не требует вовсе невозможного знания ее последних элементов, а лишь некоторых внутренних ее законов, объясняющих деятельность тех или других подчиненных внутренних систем. Мы используем знание этих законов, не разлагая систему до конца. Этим устраняется необходимость вникать в природу вещей до последнего предела их разложения, и вопрос о природе всех элементов целого заменяется вопросом о природе составных целых, входящих в эту систему [19].

В общем, как ни фантастична с первого взгляда идея такого знания, оно не что иное, на самом деле, как совокупность задач, которые ставят себе и ежедневно разрешают отдельные науки, одинаково точные, естественные и общественные. Если свести в одно максимум вполне научных чаяний химии, физики, механики, биологии, физиологии, геологии, антропологии, социологии, получится как раз описанный идеал знания. И часть этого пути уже пройдена: мы можем уже в значительной степени, пользуясь этим методом, определить состав мирового множества для различных масштабов и для различных моментов его существования.

Однако надо для воздействия на систему не только иметь о ней знание, но также быть в состоянии распоряжаться познанными группами ее элементов. Вопрос о такой способности влияния на элементы есть общий вопрос о нашей власти над природой. Мы влияем на природу всегда тем, что совершаем какое-то изначальное аналитическое движение или составляем какое-либо другое сознательное существо совершать такое дви-

жение. В этом смысле замечательно, что сила разумного существа проявляется всегда не как физическая сила, соразмерная отношениям средств⁶⁰, а как действие фермента или энзима, совершающего ничтожным движением, а иногда только своим присутствием, громадные превращения. Вся прикладная наука есть наука об условиях такого сознательного катализа и о направлении зависящих от него природных сил [20].

В общем, принуждая природу действовать согласно идеалу нашего разума, мы оказываем на нее механическое воздействие путем осуществления некоторой над ней диктатуры. Это достигается соответственной перегруппировкой элементов, составляющих объект воздействия, причем перегруппировки совершаются всегда действенными силами элементов, в результате описанного каталитического толчка. Зная же законы природы и условия данного действия, мы придаем направление этим перемещениям. Например, в случае использования термогенных или электродинамических процессов мы создаем определенное течение теплоты или электрический ток.

Во всех этих случаях каждое перемещение элементов и соответствующее ему изменение системы их есть вместе с тем изменение времени, возникающего в результате отношений этих элементов. Поэтому знание системы и способность ее видоизменять есть способность воздействовать на ее время. В самом времени мы имеем, таким образом, рычаг, надавливая на который, мы управляем течением времени.

§ 2

Допустим, что мы в ограниченных случаях имеем власть над временем. Значит ли это, что власть эта может быть расширена? Во всяком случае, механизм такого расширения и перехода к власти над более широким кругом времени требует объяснения.

Что нам дано в мире? Бесчисленное количество вещей, подчиняющихся законам, которые мы можем определить лишь для некоторых рядов развития. Небольшое число вещей, в ограниченной сфере, нам подчиняющихся, или, выражаясь математически, бесконечное множество переменных, от нас не зависящих, и небольшой « x », находящийся в нашей власти. Между тем весь исторический круг мыслей, связанных с вопросом о возможности творчества и воскрешения, не выходит из дилеммы: или подчиниться этому общему, не зависящему от нас закону, или изменить его при посредстве маленького x . Последнее было мечтой шаманов и затем магов. Эта же вера лежит в основе веры в индивидуальные чудеса.

В настоящее время наука и современное сознание вышли на другую дорогу, не в достаточной мере, впрочем, еще осознанную. Сейчас нет уже более настроения квиетизма, сопутствующего убеждению в неотвратимости общих принудительных законов природы. Но нет больше веры в чудодейственный x , имеющий власть и вне собственных пределов. Наука пришла к двум важным заключениям: во-первых, что *есть*

полная соразмерность между действием этого $x'a$ и его составом; во-вторых, из этого следует, что задача расширения власти есть соответственно прежде всего задача расширения $x'a$.

Первое заключение опирается на то положение, что власть какой-нибудь системы (в данном случае $x'a$) зависит от всех членов этой системы и является равнодействующей их действий. Если мы представим себе изолированную систему или множество, на которое ничто извне не действует, все происходящие в ней изменения будут зависеть от действия ее элементов. При этом очевидно, что единственным препятствием для действия каждого элемента будут действия остальных. Если представить себе, что все множество состоит из одного элемента — он всемогущ. Извне ничто на него не воздействует, не ограничивает его, не ставит ему цели: внутри также он одинок, и, так как он не сложен, состоит только из самого себя — не может быть речи о внутренней слабости, всегда являющейся следствием внутренней множественности. Правда, всемогущество это не имеет объекта и, на самом деле, наш единственный элемент обречен на бездействие. Всякое появление уже не одного, а известного числа элементов создает объект для мощи каждого, но вместе с тем рождает ограничения. Каждый элемент служит препятствием для мощи другого. Но если представить себе такую согласованность действий элементов, при которой соответствие их общего устремления будет таково, что они перестанут быть друг для друга препятствием, — очевидно, можно говорить, в сфере этого согласия, об их всемогуществе.

Таким образом, всякая изолированная система имеет силу внешнего действия ровно постольку, сколько образуется в ней этой силы в виде равнодействующей мощи ее членов, причем максимум этой силы получается в случае наибольшей согласованности действий отдельных элементов системы. Или, другими словами, состав системы (в нашем примере $x'a$) определяет ее действие.

§ 3

Второе положение, касающееся расширения $x'a$, доказывается следующим образом.

До сих пор мы рассматривали случай перехода от большей к меньшей системе, т. е. действие в ограниченных рамках избранных условий. Но расширение мощи требует обратного процесса — расширения действующей системы. Расширение $x'a$ возможно путем введения в систему, находящуюся в нашей власти (система $x'a$) и составляющую поэтому как бы часть деятеля, новых членов. И базис нашего действия соответственно разрастается, переходя с $x'a$ на большую систему. Действие будет совершено в момент, когда x станет настолько широк, что в него войдет множество, являющееся объектом действия. В развитии этого действия нет ничего таинственного, ибо мы расходим в предмете действия только то, что приобрели в смысле расширения деятеля. Другими словами,

всякое преодоление времени в виде созидания нового возможно, поскольку деятель, как система, расширяется настолько, чтобы быть в состоянии включить систему объекта действия.

Это связано с тем, что действие есть всегда внутреннее явление системы элементов.

В самом деле, отношения в каком-нибудь множестве элементов могут меняться в двух только случаях: во-первых, если на это множество воздействует внешняя сила другого множества, изменяющая отношения элементов первого множества. Во-вторых, в силу собственных внутренних движений элементов первого множества. Но первый случай всегда можно свести ко второму, включив в новую, большую систему и данную малую систему и внешний фактор. Когда мы говорим о внешней системе по отношению к данной системе, это означает, что совокупность этих двух систем создает третью большую, включающую их обеих систему A . Для нее система a , влиявшая на b как внешний процесс, есть уже только внутреннее явление. Из этого следует, что всякое изменение есть всегда внутренний процесс, и весь вопрос в том, в какой именно он происходит системе.

Смысл действия или воздействия на какой-нибудь предмет всегда заключается в том, что из двух меньших систем создается большая, их включающая. В действии получаемое новое множество становится более широким, чем два начальных множества деятеля и объекта действия. Свойство это, как мы уже указали, входило в определение действия у Аристотеля как отношения одного к другому. В результате действия всегда представляет сумму, по меньшей мере выражаемую числом два. Таким образом, сущность действия в том, что происходит синтез субъекта и объекта действия, или, вернее, включение объекта в субъект, причем таким образом расширяется множественность обоих.

Из соединения этих двух принципов — соразмерности действия и состава и расширения действия посредством расширения состава, вытекает: 1) невозможность воздействовать на весь процесс целого, исходя только из части его, силами одного только $x'a$; 2) полная возможность овладения всем процессом, если в этом будут участвовать все его элементы; 3) для овладения этими элементами надо соответственно расширить x до пределов всей системы; 4) пока же действие над целым процессом невозможно, путем изолирования частей этого множества возможно в каждой из этих частей (если будет согласие всех ее активных элементов и подчинение им всех несознательных и пассивных) изменить ее внутренний закон. Если же нет этого согласия, надо воздействовать принудительно на противящихся общему делу. Нет сомнения, что частичное овладение временем в этом смысле и происходит все время в мире не только в искусственных опытах человека. Можно предположить, что самое появление сознательно действующих существ есть не что иное, как завершение частичных процессов такого рода. Каждый из нас есть в известной мере такое физиологическое множество, внутренне, до из-

вестной степени, овладевшее временем и потому проявляющее способность разума, воли, творчества и т. д.

§ 4

Можно объяснить, почему овладение временем и его преодоление связано с множественностью в предмете, на который оказывается воздействие. Множественность в объекте необходима, ибо то, что достигается преодолением времени, а именно постоянство жизни какого-нибудь индивида, основано на множественной природе последнего. Представим себе, что есть настоящее, которое никогда не кончается, тогда как наше настоящее есть островок, вечно погружающийся в океан прошлого. Такого рода вечное настоящее, если его продумать до конца, в чистом виде, сводится к уничтожению жизни. В самом деле, если понимать постоянство жизни как простое продолжение существования, как это делается при наивном представлении вечности, — в таком случае требуется продолжение какого-то того же момента настоящего, т. е. новое существование без возобновления бывших (утраченных в прошлом до возобновляемого момента) качеств и без возникновения новых. Это равняется полной остановке жизненного процесса, кристаллизации в одном моменте, который застывает в своей неизменности и, следовательно, перестает меняться и жить. Существование, в котором не возрождается старое и не возникает новое, не есть жизнь, не есть существование. Это Несущее Одно элеатов или Брама ведантистов⁶¹. Таким образом, вместо постоянства жизни, получились бы только застои и окаменелость, которые равняются постоянному покою или смерти. Это неизбежный результат продления того, что не имеет ни инобытия, ни элементов, что поэтому длиться не может. Не это постоянство нам нужно. Нам нужно постоянство в изменении, не единое только, но единое во множестве. Нам нужно пребывание ради изменения, единство ради множества, объединение ради особенности. Только в таком случае есть жизнь и творчество. Отсюда ясна связь идеи постоянной жизни и множественности. Множество без единого не может быть связанным и остается плюрализмом несообщающихся сущностей. Каждая из них абсолютно одинока и едина и есть поэтому ничто. Для постоянной жизни нужно сочетание единого и множественности. Единое, чтобы быть, сказал Плотин, должно быть многим⁶². Но и многое, чтобы быть, должно быть всегда приводимо к единству. Там, где нечто выпадает из единства, оно для него умирает. Там, где нечто возвращается к единству, оно воскресает.

Но рядом с этим преодоление времени требует множественности или коллективности деятеля. В самом деле, сила действия обусловлена исключительно объединением деятельных элементов, составляющих целое и производящих совместно это действие. Поэтому времяобразующее действие требует непременно, кроме множественности объекта действия, еще множественности его субъекта или деятеля. Мы видели, что

самое глубокое значение акта в том, что в акте внутренняя множественность объекта сливается с множественностью субъекта, что эти две множественности сливаются. В этом сущность акта и только поэтому он возможен. Таким путем создается новый, расширенный субъект действия. Постоянство жизни объекта и вытекает из полного его расширения, из превращения его путем объединения с воскрешающимися сущностями в новое существо.

§ 5

Но кроме множественности деятеля и предмета действия, условием преодоления времени является также полное согласование деятельности всех элементов, производящих временный процесс, т. е. всех элементов действующей системы. Время может быть преодолено, но одним только путем — путем установления равнодействующей всех проявлений элементов. Объединение их усилий должно идти, расширяясь от элемента к элементу, от множеств меньших к большим. Поскольку множество создает в себе такую равнодействующую, оно будет владеть своими изменениями и своим временем и воскрешать себя во всех желательных комбинациях. Сила вообще зависит сперва, как мы видели, от объема множества, а затем от степени коллективного в нем согласия⁶³. Действие поэтому измеряется свойствами действующего множества — его мощностью (в смысле количества) и степенью его внутренней собранности, и победа над временем строго пропорциональна степени этой собранности.

Из этого следует, что недолговечность, преходящность всегда связана с каким-нибудь раздором и преодоление раздора устанавливает длительность и постоянство данной комбинации. Можно привести много примеров из области естественных наук. Наше тело погибает всегда от внутренней или внешней войны. Наше настоящее каждого момента есть частица жизни, победившая смерть и время, поскольку это настоящее является результатом некоторой согласованности составляющих нас элементов. Поскольку же эта согласованность неполна и остается состояние раздора, победа жизни ограничена и, в случае усиления раздора, заменяется победой смерти, т. е. разложением и переходом элементов в другие системы. Это подтверждается тем, что смерть живого организма есть, несомненно, всегда результат розни и хищничества некоторых составляющих его элементов или вошедших в него существ (фагоцитов или чуждых ему микробов). Мечников утверждает, вместе с выдающимися авторитетами, что смерть есть явление неестественное и всегда вызывается нападением на организм хищнических элементов [21]. В неорганическом мире мы видим, что длительность существования и даже вечность являются как бы нормальным законом, и если на деле этой вечности нет, это вызывается случайными препятствиями. Так, в физике закон сохранения энергии указывает, что потеря энергии происходит от

трения, т. е. от затраты ее на сопротивление другим вещам [22]. Не будь этого трения, вызываемого рознью вещей, работа данной системы продолжалась бы вечно, в силу закона инерции.

Таким образом, когда мы исследуем природу вещей, мы всегда измеряем их внутреннюю и взаимную согласованность. Согласие называется нами полезностью, добром, красотой, рознь же определяется как зло, уродство, вредность. И соответственно, мы пытаемся познавать прошлую жизнь, создающую несовершенство настоящего, и заменить ее возможной согласованностью или соборностью. Исчезновение вещи есть выпад ее как системы, из мировой цепи, распыление ее на меньшие системы. Воскрешение вещи есть результат нового объединения, по примеру бывшего. Поэтому изменение характера отношений внутри системы ускоряет или удаляет ее разрушение, в идеальном же случае может вовсе преодолеть необходимость такого уничтожения. Для этого надо, чтобы все элементы системы и сама система, вместе с внешними по отношению к ней системами, действовали сообща и в полном согласии. Возрастание такого внутреннего и внешнего согласия есть, вместе с тем, возрастание жизни системы и созидание ею собственного времени, являющегося равнодействующей согласованных проявлений всех действующих элементов. Мера соглашения определяет, следовательно, прочность всей данной комбинации и жизненность системы. Если согласованности нет, система находится в состоянии анабиоза или даже полной потенциальности. Она не может выявиться — она порабощена. В таком состоянии она не живет собственной жизнью, но служит материалом для других систем, т. е. является служебной, подсобной для них комбинацией. Такими являются, например, предметы, сделанные рукой человека, по сравнению с живыми существами, напр<имер>, стул по сравнению с деревом. Такое состояние указывает всегда на обособленность от целого, на то, что Гегель называет дурною чопорностью вещей. На самом деле, такая обособленность ведет к полному рабству, ибо отъединенный предмет включается в причинную цепь помимо его воли и механически поглощается мировым целым.

Вообще, единственный источник действия для отдельной вещи есть действие всех других вещей, что раскроется нам яснее при рассмотрении способов построения множественности мира. Это то, что имеют в виду биологи, когда они говорят, что индивид создается средой, или социологи (в частности, например, марксисты), когда они утверждают, что личность создается коллективом. Но такое созидание отдельного существа или вещи может быть механическим в порядке принуждения или же может быть взаимодействием, а следовательно, взаимотворчеством систем, принимающих участие в этом процессе. В первом случае устанавливается резкое деление на активных и страдательных участников процесса; во втором — все они одинаково активны. Всеобщая активность членов системы является выражением согласованности их действий и тем самым условием преодоления времени в этой системе.

Глава четвертая

ОВЛАДЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ В СОЗНАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ⁶⁴

§ 1

Мы видели, что общая способность элементов быть носителями и творцами временного действия системы вытекает из того, что время есть изменение отношения вещей. Следовательно, от движений и деятельности ее элементов меняется время системы.

Но во всех рассмотренных нами случаях можно было говорить о таком изменении времени и об овладении им лишь постольку, поскольку имелось налицо изначальное каталитическое действие, приводящее в согласие или подчиняющее другие действия. Перегруппировка элементов внутри изолированной системы возможна, очевидно, только в двух случаях: если элементы приходят по собственной воле в состояние согласия и устанавливают сами равнодействующую своих действий. Или же, если некоторые из них воздействуют на другие, косные или сопротивляющиеся, и подчиняют их себе, заставляя принять известные положения. Но из этого следует, что в обоих случаях решающая роль в деле преодоления времени принадлежит автономно действующим или сознательным существам. Только они могут, в конечном счете, быть двигателями и действительными творцами времени. И с другой стороны, только они могут быть действительным препятствием к овладению им.

Таким образом, объяснение механизма преодоления времени требует выяснения роли в этом процессе сознательности как свойства автономных элементов. Мы должны рассмотреть, что означает сознательное действие элемента в отличие от несознательного, а также каким образом, путем сознательного взаимодействия, происходит в системе овладение ее временем. Или, другими словами, мы должны показать, в нашем анализе времяобразующих факторов, каким образом таковыми являются знакомые нам целые — сознательные живые существа и образуемые ими группы.

Здесь мы встречаемся с вопросом, что понимать под сознательным существом и чем таковое отличается от несознательного?

Возможны самые различные подходы к этому вопросу, и история философии свидетельствует о трудности такого определения, не менее чем история науки, пришедшей в настоящее время к выводу, что строгое различие органического и неорганического, живого и мертвого, сознательного и несознательного невозможно. Для нас будет достаточно подчеркнуть два свойства сознательного существа в отличие от несознательного, причем в обоих проявляется природа сознания как особого синтеза единства и множественности.

При этом мы будем рассматривать сознательное существо как систему элементов, обладающих общим сознанием.

§ 2

Во-первых, отметим, что сознательная система есть такая, в которой направление мирового действия преломляется как бы во многих (кажущихся иногда бесчисленными) новых направлениях. Все они, до момента осуществления действия, носят условный характер. Условность эта, или потенциальность, не должна нас смущать: она имеется налицо во всяком предмете, даже из категории так называемых «неодушевленных»; например, в машине, которая до получения необходимого толчка таит в себе возможность действия. Правда, в сознательном существе есть не только возможность действия, но возможность действия в различных направлениях. Но то же мы наблюдаем в машинах со многими клавишами (этот пример приводил еще д'Аламбер в XVIII веке⁶⁵), например, в рояле или в телефонном соединительном аппарате. Здесь возможно обвинение нас в сведении сознательного существа к машине, чем как будто возобновляется учение Ламетри и Гольбаха⁶⁶. Но смысл нашего определения несколько иной: оно не задается целью свести сознательное существо к машине или же, наоборот, объяснить машинность сознанием, но только устанавливает однородность проявления и в том, и в другом случае. Можно одинаково сказать, что человек есть усовершенствованная машина, или же что машина есть живое существо, лишенное некоторых свойств. В общем мы имеем, таким образом, сознательную систему как наличие перехода от единства к множественности путем дифференциации и обособления действия.

Само же возникновение множества различных особых центров объясняется тем, что единое мировое действие способно различно осуществляться. Единое способно делаться многим; единое, чтобы быть, должно быть многим. Вместе с тем, каждый частный центр или сознательная система повторяет в себе эту изначальную способность мира быть многими вещами. Каждая сознательная система есть частный и особый фокус мирового действия, в котором мир как будто возвращается к первоначальной и самой глубокой естественной способности своей — способности самумножения или творчества. Это ощущается извне как мощь этого центра, изнутри — как его свобода или разносторонность. В многосторонности возможных проявлений и направлений такой системы мы имеем новое обнаружение потенциальной множественности действующего мира.

В связи с этим следует остановиться на роли сознательности в обособлении действия. Степень сознательности дает критерий субъектности действия или определяет деятеля. В самом деле, рассмотрим разные степени такой сознательности и соответственное построение субъектов действия. Поскольку действие данного существа бессознательно — существо это исчезает как субъект, сливается с поглощающим его каким-нибудь большим субъектом, напр<имер>, с миром как субъектом мировой причинности. В таком случае несознательное существо есть просто орудие, механический канал, через который изливается чужое действие

мирового целого. Существо это не утверждает своей отдельности, но делается частью другого, и акт его перестает быть обособленным актом. Особый субъект действия и, следовательно, отдельное действие возникает только в случае особого сознания, причем объем субъекта строго пропорционален кругу сознания. Итак, значение мысли в том, что *она создает момент осознания себя отдельным актом и тем самым создает субъектность обособленного действия.*

Осознание себя деятелем есть устремленность к автономному началу всего из всего собственного существа как из разумно устроенной причины. В этом начало обособления деятеля и противопоставления им своей силы силе окружающего. В результате этого сознание рождает новый фокус жизни. Поэтому сознание не есть только свет электрической лампочки, сопутствующий известному процессу, как учит крайний механицист], биолог Ле-Дантек⁶⁷, но есть важный фактор этого процесса. Сущность процесса в том, что создается новое проявление общего действия мирового множества в центре, определяемом сознанием. Общее действие это проходит через центр, и в нем, как в трансформаторе, превращается в новые виды энергии, действующей по новым направлениям.

В связи с этим каждому действию соответствует его особый разум, годный для данного действия. В этом права школа американского логика Дьюи⁶⁸, исходящего из понятия инструментальной роли разума в действии. Если нет у того или иного действия такого отдельного, направляющего его и соответствующего ему разума, нет и настоящей отдельности этого действия.

Можно построить лестницу актов и, соответственно, лестницу субъектов действия, причем каждый такой субъект будет иметь свой горизонт и масштаб разума.

Следует отметить, что отличие этих субъектов, а следовательно, и актов, есть всегда различие множеств, составляющих такого рода субъекты. Субъект действия есть всегда выразитель и представитель множества, и горизонт сознания его есть горизонт этого множества. Еще Бэкон указал, что человек может мыслить как индивид и ставить себе в своем разуме индивидуальные цели; он может, с другой стороны, в своем действии и соответственном разуме, отождествлять себя с миром; он может, наконец, совершить действия и рассуждать в масштабе посредствующих между личностью и миром коллективов (напр<имер>, класса, нации, государства)⁶⁹. Можно добавить, что для реальности акта в нем всегда должны присутствовать все эти точки зрения, т. е. в человеке присутствуют три возможных субъекта. Он должен иметь горизонт физиологической системы, горизонт системы социальной и космической.

§ 3

Рядом с таким свойством сознания, как фактор обособления, нас интересует специфическая способность его объединять множество различ-

ных элементов. Можно сказать, что роль сознания в этом смысле есть роль интегрирующая, или приводящая множественность к единству. В основе этого свойства лежит значение сознания как собирательного органа. Она вытекает из первого его свойства, способности сосредоточивать, или центрировать действие. Свойство это рассматривалось нами как основа личности или различия, ибо особый центр не есть другое, но вместе с тем центр означает объединение и тем самым создает единство. Это совершается благодаря тому, что разум создает субъект ограниченной системы, или, иначе, объединяет в единую равнодействующую разрозненные влечения членов этой системы. Разум собирает энергию отдельных элементов, соборует их вместе. Он служит фокусом ее накопления и источником ее деятельности. Материалист XVIII века Джон Пристлей⁷⁰ учил, что рождение из материи сознания есть обнаружение в материи свойства мыслить. Сущность же мысли, как мы показали, есть функция расширения в данном месте субъектности, всегда соответствующей собирательному действию определенного множества.

Но этим не ограничивается собирательная роль сознания. Создав себя как деятеля путем собрания воедино действия своих элементов, система действует вне себя, т. е. стремится собрать окружающее, т. е. *вобрать в себя доступные ей объекты и претворить тем самым эти объекты также в субъекты действия*. Деятель охватывает то, что лежит вне его и, превращая эти чуждые вещи в свой придаток, делает их частью самого себя. Разум служит орудием этого превращения, рисуя заранее проект такого синтеза и предугадывая его пути. Множественность одного и другого, являющаяся, по Аристотелю, необходимым условием действия, в результате его сменяется объединением этих элементов или их единством.

Из всего сказанного можно вывести, что, с одной стороны, степень личности, или индивидуализации зависит от степени разумности или сознательности, являющейся, таким образом, показателем дифференциации системы. С другой же стороны, та же сознательность или разумность играет роль фактора, интегрирующего разобщенные действия индивидов и постольку объединяет последние. Вследствие этого самый глубокий смысл индивидуализации обнаруживается как восхождение через максимальное обособление к максимальному единению всех вещей. Максимум индивидуализации есть вместе с тем максимум объединения. Индивид расширяется до пределов все больших и больших включающих его коллективов и отождествлением с ними утверждает свое существование в большей мере, чем это было возможно в узких пределах маленькой личности.

§ 4

Но изменение отношений вещей в смысле обособления их или объединения есть всегда изменение времени. Утверждение себя и укрепление своей длительности как существования объединяющего центра и есть

создаваемое сознанием преодоление внешнего времени. На место порождаемых объективным процессом отношений вещей создаются новые, диктуемые разумом. Посредством разума мы постоянно воздействуем на время и на его видоизменение. В этом смысл разумных действий. Так называемые несознательные элементы или вещи принудительно участвуют во времени, увлекаются безудержно его слепым потоком. Сознательные же существа, хотя они в известной мере подвластны времени, но вместе с тем обладают способностью его делать.

Это надо понимать отнюдь не в кантовском смысле, т. е. не так, что времени нет вне субъективного восприятия и что, следовательно, время есть форма сознания. Мы говорим, что время создается сознательными существами в том смысле, что только там, где есть обособленное индивидуализированное действие, можно говорить о длительности существования чего-либо. Где нет обособленного действия, нет индивида и длится только общий процесс. Но отдельное обособленное действие существует только там, где есть выделяющее его из всеобщего действия сознание. В этом случае имеется обособленный этим сознанием субъект действия и, соответственно, создаваемое им время. В случае же отсутствия сознания нет вообще частного действия, а есть лишь единое, недифференцированное действие всего мира; нет отдельных временных существований отдельных существ, а есть равнодействующая всех сил мира, выражающаяся в слепом течении времени мирового целого.

То же деление находим мы в каждой действующей системе. Поскольку некоторые члены ее являются сознательными субъектами и создают потому свое время, часть времени системы им подвластно в виде зависящих от них последовательностей явлений. Остальная же часть времени системы остается принудительной для членов системы, ибо внешне им навязывается или же представляет результат внешней для каждого механической равнодействующей несогласованной их работы. Соответственно мы имеем для каждого члена системы внутреннее, или подвластное ему, и внешнее, или принудительное, время.

Можно проследить различие их для человека как живого элемента. Для меня есть время, которое увлекает меня неудержимо и является мне как равнодействующая всех сил мира, действующих на земле и в Солнечной системе. В качестве такой равнодействующей время есть следствие независимых от меня сил и постольку оказывается для меня и для других существ, находящихся в таких же условиях, обязательным. Оно воспринимается мною и другими участниками этого взаимодействия как непреодолимая сила именно потому, что оно зависит не от одной моей мощи, но от совокупности действующих в мире сил. В этом основание общности времени для членов одной и той же системы, характерное его сверхиндивидуальное свойство. Оно как бы увлекает всех в своем потоке.

Но рядом с этим есть другое, подвластное нам время. В сфере моего собственного действия я обладаю способностью выбора, я могу создавать, согласно моей воле, в ограниченной области известную последова-

тельность событий. Такая власть изменять отношения вещей дает мне господство и над временем, ибо, согласно нашему определению, оно есть не что иное, как порядок этих отношений. Время, отсюда возникающее, уже не извне мне навязывается, но является моим собственным временем и, соответственно, находится в моих руках. Власть над этим временем дает мне также способность воскрешения: повторяя какую-нибудь бывшую последовательность событий, я воскрешаю эти бывшие явления. Расширение сферы этого подвластного мне явления и есть завладение большим кругом временности.

Различие двух времен можно лучше всего понять на следующем примере: поток внешнего, объективного, принудительного времени обозначается для меня движением стрелки часов на циферблате и отрывом каждый день листка на календаре. Эти условные движения обозначают движение Земли вокруг Солнца и суточное его движение, процессы, протекающие объективно, вне моей власти. Такой характер этих процессов, вечное, как мне кажется, движение в одну сторону, выражается в необратимости календарных сроков и связанных с ними часов каждого дня. Календарь и часы служат поэтому символами определенной последовательности событий, мне неподвластных.

Но если я себе представлю другого рода последовательность событий, а именно, от меня зависящую, например, ряд моих собственных движений, которые я могу совершать и затем снова повторять, эта последовательность будет мне подвластна в смысле возникающего в ней времени. Если изобразить ее на календаре и часах, которые были бы так построены, что выражали каждое мое движение, — движение этого календаря и часов, очевидно, было бы не просто поступательным, но заключало бы в себе отходы назад, повторения, возобновления движений. Другими словами, они показывали бы случаи обращения и возобновления времени.

Также, если я выполняю работу вдвое скорее, чем другой человек, это можно выразить так, что я создал иное время, чем он. При этом надо помнить, что действие мое встречает сопротивление, что оно ограничено условиями опыта, а также свойствами материала, над которым я провожу опыт. Это как раз то, что имеется в виду, когда мы говорим, что способность создавать время проявляется реально всегда в ограниченной сфере. Такая власть есть власть над некоторыми группами отношений, изолированными от других. Я могу написать слово или не написать — в этих рамках я властен, но властен я только относительно, поскольку я изолирую это движение от мирового детерминизма, его обуславливающего.

§ 5

Роль сознания в образовании времени яснее всего раскрывается, если исследовать этот процесс при различных степенях сознательности членов системы.

Если взять первый возможный случай — полной несознательности элементов, время системы останется для них принудительным. В самом деле, внутреннее время системы, как мы знаем, поскольку элементы ее пассивно воспринимают его общее течение, является общим для них и обязательным, выражая необходимую общую равнодействующую их отношений и тем самым являясь для каждого члена временем внешним. В этом случае согласие их вынужденно или гетерономно, т. е. на самом деле, не согласие, а подчинение. Там же, где есть только подчинение, получается слепое действие для понуждаемых. Состояние это можно уподобить положению подданных в государстве, управляемом диктатурой. Закон для них обязателен, ибо каждый имеет дело с равнодействующей общей воли, поддерживающей этот строй. Он участвует в построении этой воли, или, быть может, наоборот, настроен против нее, но, во всяком случае, он вынужден считаться с общим ее направлением, являющимся равнодействующей объективных, независимых от данного человека сил. Можно считать, что таково положение всех вещей в мире, поскольку они недостаточно дифференцируются, но остаются в общем лоне данной системы и увлекаются ее общим законом, превращающим, таким образом, ее элементы в механическидвигаемые части. Субъективно это и выражается в бессознательности. Всякая же большая дифференциация и обнаружение различий указывают уже на появление сознательных единиц в числе элементов, т. е. целых, объединенных каждое своим самодовлеющим законом. В этом смысле сознательность (в зародышевом виде как способность раздражаться и получать впечатления) присуща отдельному субъекту, одинаково живому существу, камню, частице вещества. Это положение не будет отрицать ни один биолог, ибо трудность разделения мира на органический и неорганический сейчас общепризнана. Таким образом, можно сказать, что множество возникает как единство различных элементов, только при условии некоторой, хотя бы очень элементарной, их сознательности.

§ 6

Иначе обстоит дело в системе, где присутствует сознание. Победа над временем возможна здесь именно потому, что сущность разумного действия обнаруживается в установлении общего понимания и в обеспечении этим общего действия элементов системы. Создается динамическая связь между элементами множества, которое достигает полноты и целостности не помимо их, подавлением их, а через них, через возможную индивидуализацию их и обособление, служащих вместе с тем для усиления общего действия. Этим достигается высшее могущество, всегда являющееся отражением какой-то внутренней согласованности элементов целого. Одно не выражает коллектива, не имеет могущества и не может действовать. Только коллективность, множественность и направляющее ее сознание создают могущество и делают возможным преодоление времени [23].

Сознательность сказывается, прежде всего, в установлении согласия внутри системы. Значение согласия элементов для овладения временем системы вытекает из того, что последнее совершается путем превращения многочисленных членов системы в единого деятеля. В таком целом каждый член системы есть для другого члена системы объект его действия, оставаясь при этом самостоятельным деятелем. Согласие превращает все такие объекты отдельных действий в субъектов нового, единого действия. Для каждого элемента процесс этот заключается в переходе с особой на более общую точку зрения, где действующий элемент приобретает уже силу не индивида, а коллективного целого, причем сила эта есть уже общая сила всех членов системы, оставаясь вместе с тем силой каждого. Воздействие членов системы друг на друга и, соответственно, характер их взаимных объектов уступает место другой форме взаимосвязи: через добровольное участие в общем действии они сочетаются в союз, являющийся субъектом единого их действия.

Тогда общее время становится подвластным уже их союзу. Равнодействующая их времяобразующих действий есть равнодействующая подвластных им времен. Наоборот, рознь уничтожает эту общую власть. Поэтому, если мы представим себе множество как систему сознательных подчиненных множеств или элементов, рассматривающих это общее время в связи друг с другом, окажется, что согласие их может сделать все это время для них произвольным. Оно подлежит изменению, но непременно сообща, поскольку все эти элементы соглашаются производить не эти, а другие движения, т. е. установить новую равнодействующую. Случай этот может быть уподоблен строю, при котором по каждому вопросу было бы получаемо согласие всех граждан и, следовательно, управление ими не было бы механической равнодействующей, а живым объединением их воли. Итак, время системы, при условии сознательности членов этой системы, принудительно для них только в случае розни их и разнобоя. В конце концов, единственным препятствием к преодолению времени является рознь, проявляющаяся для несознательных существ в дурной обособленности, для сознательных же в разброде их усилий, а иногда и открытой их взаимной борьбе.

§ 7

Однако, по большей части, мы не имеем чистых форм сознательности или бессознательности, но смешение различных их степеней. Так, всякое живое существо только до известной степени сознательно, т. е. является системой не только сознательных элементов. Вследствие этого сфера времени, находящаяся в его власти, тем самым ограничена, и ограничение это отражается и на участии его в большей системе, где оно является в качестве полусознательного только существа. Например, союз людей имеет сферу произвольной власти, ограниченную тем, что каждый человек сам в себе не вполне сознателен. Он состоит, по большей части, из

низших (по сравнению с его сознательным я) элементов, навязывающих ему (например, в физической области) принудительное время своих отношений. Правда, согласие, требуемое для уничтожения времени в ограниченной сфере отношений, может наступить даже при весьма низкой степени сознания, в виде, например, тенденции элементарного сродства действующих элементов. Так, влечение двух химических тел друг к другу есть достаточное согласие для полного (в рамках отношений, устанавливаемых этим влечением) выполнения требуемого изменения, т. е. овладения этими отношениями или их временем. Но в таком случае крайне ограничен и круг отношений, где происходит это изменение и само это изменение.

Из этого как будто вытекает, что в большинстве случаев мы имеем союз более сознательных существ и подчинение им менее сознательных.

Наглядный пример этого мы имеем в любом механическом воздействии человека на природу или в отношениях самих людей, например, в государстве. Конечно, здесь приходится говорить не о совершенно слепом подчинении, так как это означало бы уничтожение различий или превращение подчиняющихся элементов в ничто через полное их поглощение волей подчиняющего. На самом деле этого нет даже в материи, механически обрабатываемой человеком: она как-то сопротивляется и тем самым утверждает свою индивидуальность и вместе с тем как-то соглашается, т. е. входит в союз с человеком. Но наличие этого сопротивления и создает среднее состояние между ничто, когда нет даже подчинения и вообще нет объекта, и между всемогуществом (всем), когда все — объекты-субъекты и нет больше подчинения, а есть один только союз. Таким образом, мощь имеет два предела — слитие всех элементов в механическое целое, соответствующее несущему одному Парменида, и согласное их действие, соответствующее парменидовскому одному существу с богатством всех качеств. В терминах времени первому состоянию отвечает безвременность, второму же — всевременность в смысле осуществления всех мировых возможностей. Среднее же состояние есть временная жизнь вещей, ограниченная взаимным беспорядочным, хаотическим движением. Эта жизнь ограничена и разделена рознью, показателем чего служит поток преходящих изменений, несущих уничтожение и смерть в результате хаотического, несогласованного действия. Всякое же творчество и вообще всякое целесообразное осуществление действия есть победа над этим потоком, утверждение жизни. Нейтрализация зловерного действия розни, спасение из уничтожающего потока некоторых элементов, частичная победа над временем (например, в виде жизни живого существа) достигается подчинением слепых элементов высшим путем диктатуры последних. Но идеал, конечно, в союзе всех, в таком просветлении, которое обеспечивало бы не частичную, но действительную победу над временем и рознью, что может быть достигнуто только всеобщностью усилий, общим делом. Всякое разрушение целостности и всякое отделение, всякое отвлечение, разрывающее

единство системы, несет в себе уменьшение шансов общей победы и ограничение общего дела. Ввиду этого то, что может быть создано при помощи несознательных элементов, всегда ограничено. Задачей должно быть поставлено превращение несознательных элементов в сознательные. По мере такого превращения система делается в своих рамках всемогущей, ибо мощь ее была ограничена только сопротивлением несознательных ее элементов.

Там, где сознательные существа вынуждены воздействовать на несознательные, мощь всегда ограничена тем, что объект действия неспособен превратиться в его субъект. Мы господствуем над вещами потому, что знаем их законы, но вместе с тем мы этими законами связаны. При сознательных же элементах закон творится их волей. На самом деле это, конечно, идеальный случай, который реально не встречается, ибо мировой детерминизм включает действие несознательных элементов. Это и является причиной того, что время преодолевается всегда в ограниченных условиях.

§ 8

Можно поставить вопрос: но что, если некоторые из элементов системы сознательны, но обладают злою волею и с полным пониманием противятся общему делу? На это можно возразить, вместе с Сократом, что злая воля есть несовершенство и прежде всего недостаточная разумность. Ввиду этого в отношении сознательных, но бунтующих особей должны быть применены все старания для приведения их в состояние просветленности и совершенства. Если же интересы целого требуют общих действий, чему является препятствием противная воля этих особей, возможно применение к ним принуждения. Но надо, конечно, стремиться к такому состоянию, когда не будет ни понуждаемых, ни понуждающих⁷¹. Вместе с тем возможен постепенный переход в это состояние. По мере роста сознательности и согласия исчезает насилие. Преодоление времени возможно путем превращения принудительного сцепления в свободный союз. Тогда исчезнут признаки внешнего времени — принудительность, необратимость, смертоносность⁷². Задача, следовательно, должна быть в том, чтобы превратить несознательные элементы в сознательные. По мере такого превращения система делается в своих рамках всемогущей, ибо мощь ее была ограничена только сопротивлением несознательных или, так называемых, злых ее элементов.

Если стать на такую точку зрения и представить себе, что сознательность расширяется и в конце концов все явления производятся сознательными существами, оправдается тождество названия «закон», одинаково для человеческих норм и для явлений природы. Это будет торжеством социологической точки зрения на природу, согласно каковой точке зрения социальные отношения становятся идеалом и для отношений с природой. Засыплется, по пророчеству Герцена, пропасть между приро-

дой и историей⁷³, ибо слепая сила причинности превратится в силу зрячую и разумную, мир станет расширенным обществом, в котором будут общаться и вместе творить самые разнообразные его существа. Случайное вырастание времени сменится сознательным и разумным его деланием.

Правда, можно отметить, что есть уже сейчас случаи преодоления времени помимо сознательного действия. В них действие слепой силы, поскольку оно создает жизнь, несет преодоление времени, хотя и в хаотических формах. В самом деле, иначе нельзя назвать такие процессы как, например, рождающий все живые существа процесс порождения. Воспроизведение другого существа, себе подобного, есть яркий пример частичного воскрешения. В деторождении мы имеем непосредственную победу над временем. Каждый сын есть частично воскрешенный отец и мать и все предки его. Можно сказать вместе с тем, что тут действует сила, лишь наполовину слепая, ищущая разума, каковой из нее же производится путем длительной эволюции, тем самым являясь последним словом природы⁷⁴. Однако, по сравнению с разумным актом, сознательно воспроизводящим явление, такое воскрешение, конечно, является менее совершенным способом воспроизведения, так как в нем сознательная воля не играет достаточной роли. По существу же и в том, и в другом случае, т. е. и в порождении, и в сознательном творчестве, проявляется одинаково изначальная сила мира, создающая его множественность. До сего времени она сильнее проявляется в менее совершенном способе воскрешения — в порождении, но можно надеяться, что наука постепенно завоеует эту область и сведет порождение к области сознательного производства жизни.

Из этого следует, что преобразовательное и времяобразующее действие есть повсюду и во всем и что исключить из его сферы можно было бы одну только мертвую материю, если бы таковая существовала. Но самый вопрос о живом и мертвом сейчас как будто устраняется наукой в виде невозможности поставить между ними ясную грань. Здесь древний силлогизм как будто встречается с исканиями крайних механистов, показывающих, что в проявлениях жизни мы имеем усложненные раздражения. Не все ли равно, в общем, как называть эти явления? Важно, что они есть везде, где вообще что-нибудь есть, и что таким образом устанавливается цепь разнообразных проявлений от низших до высших единиц творения. Пусть философы спорят о кличках и наименованиях. Для нас важно отметить единство мирового процесса времяобразования везде, где есть признаки жизни и постоянное, по мере роста сознания, преодоление случайного и слепого времени и замена его временем намеренным, разумным. Максимум такого преодоления должно дать и максимум жизни.

§ 9

Из сказанного следует, что мировой процесс есть процесс постоянно-го воспроизведения или самовоскрешения. Процесс этот состоит из оп-

ределенной иерархии частичных воспроизведений и самовоскрешений отдельных систем. Мы видели, что такие обновления в ограниченных областях постоянно происходят в фактах жизни и фактах сознательного действия. Система, действуя, овладевает собою, т. е. деятели включаются в субъект ее действия. Так, если бы представить себе, что сознательные существа, обитающие в солнечной системе, настолько бы овладели ею, что могли бы действием космических сил в этой системе вернуть ее в первобытное состояние, из которого она вновь эволюционировала бы в состояние современное или иное, более совершенное, это было бы овладением солнечной системой и означало бы, что система эта овладела собою и существа ее самовоскресились. Для этого требовалось бы очевидно: 1) изоляция этой системы от действия всех внешних сил или соответственное проявление этих сил в смысле операции воскрешения; 2) союз всех сознательных существ системы; 3) механическое подчинение им несознательных вещей.

Что же происходит при самовоспроизведении себя системой? Разумное действие вообще есть действие, заменяющее возбуждение проектом. Проект будущего меняет настоящее. На самом деле содержание и будущего, и настоящего неизменно всегда бывает ранее дано. Это следует из законов сохранения энергии. Новое есть только видоизменение имеющегося материала, новое оформление или, вернее, новая комбинация его элементов. Таким образом, всегда происходит диалектическое преобразование бывшего, измеряемое объемом развертываемой этим преобразованием сферы и степенью разумности системы.

Такое возвращение в новой форме бывшего и диалектическое его превращение создает особый момент времени, выражающийся в его остановке или свершении. Это как бы равенство конца и начала в каком-то постоянном моменте. При переходе времени внешнего во время внутреннее они как бы превращаются друг в друга. В моменте этом обнаруживается единственность всех мировых процессов и иллюзорность вечного возвращения, каковое возвращение означало бы вечное течение необратимого времени⁷⁵. В моменте же свершения круговорот времени преодолевает себя. Время выходит из времени.

Правда, на этих высотах мысли мы сталкиваемся с чрезвычайной трудностью представить себе такое совпадение конца и начала. Мы можем сослаться лишь на некоторые приближенные случаи, где проявляются в неполном, но все же в явственном виде явления свершения времени. Так, в каждом нашем сознательном акте, меняющем известный данный материал, получают два скрещивающихся и противоположных течения времени: время принудительное, для нас внешнее, встречается с создаваемым нами по нашей воле и разуму временем. Навязываемая нам мировая причинность встречается с тем же мировым действием, но прошедшим через фокус нашего действия и выливающимся в виде осуществляемого нами проекта. Столкновение это есть внутренняя сущность каждого действия, борьба между материалом и обстановкой, с одной

стороны, и проводимую целью — с другой. Выражаемая в терминах времени эта встреча есть борьба времени принудительного и нам подвластного. Точка же пересечения их, или момент, когда побежденное внешнее время претворяется во время внутреннее, и есть совпадение конца и начала, или момент, когда цель делается причиной.

То, что мыслится в частичном и индивидуальном виде в этом примере, приобретает новое значение при увеличении масштаба действия и придания ему коллективной основы. По мере совершенствования сознательных существ и превращения в сознательные несознательных возрастает способность систем, их включающих, совершать такое превращение времени. Соответственно увеличивается сфера времени, подвластного людям, прошедшего через момент свершения. В ней мы имеем, на место прежнего угнетения временем живого существа, свободную творческую деятельность последнего, в которой последовательность хронологическая соответствует смысловой и волевой связи. Там нет, следовательно, расхождения между связями ценностными и связями следования. Это то, что Энгельс, следуя за Гегелем, назвал прыжком из царства необходимости в царство свободы⁷⁶. Вместе с тем можно отметить, что получаемые таким путем комбинации элементов обладают способностью повторения в зависимости от ценности их для воскрешающих их множеств.

Можно представить себе систему, переживающую такой внутренний переворот в результате овладения ею своим внутренним временем. Во времени происходит преодоление времени. В каждой связи событий наступает перелом в виде внезапной возможности обращения такой связи. Все события перестают быть навязываемы извне для каждого члена системы, волею других членов, но превращаются в его собственное создание. Будущее оказывается во власти всех участников системы, поскольку они действуют совместно и в согласии. Прошлое воскрешается путем повторения прошлых комбинаций. Поскольку оно фактически не воскрешается, оно остается, как и сейчас, достоянием одной памяти. Но оно потеряло характер необратимости. В химическом опыте получения H_2O есть факт безразлично прошлого и будущего: в любую минуту мы можем его повторить. Таким образом, мало-помалу конец приобретает черты начала, прошлое становится однозначно эквивалентным будущему. И прошлое, войдя в эту сферу, уже в нашей власти и рисуется нам как наше создание, хотя и незавершенное. Оно произошло уже не потому, что извне нам его навязали, а потому, что в момент свершения времени мы захотели или захотим, чтобы оно было или будет. Элементы системы доходят до состояния наибольшего объединения и согласия в общем деле⁷⁷, и тогда оказывается, что жизнь их есть не что иное, как самотворение или произведение собственного их действия, совместного с действием других существ, участвующих в системе. Здесь временные различия явственно переходят в категории единства и множественности и понятия прошлого, будущего, настоящего перестают быть применимыми. Также нельзя говорить о различии действительности и возможности, ибо сис-

тема в рамках внутренних своих отношений всемогуща. И если остаются в таком состоянии системы еще различия — это исключительно комбинации или группировки элементов, представляющих собою как бы последние математические основы действительности. В момент свершения времени и в последующем сознательном творчестве времени они обнаруживаются и воплощаются полностью, тогда как все предшествующее было только частичным их проявлением. Весь процесс, через который они прошли, имеет свое начало в своем конце, свою причину в своем последнем результате. Вместе с тем свершение времен есть как бы конец всех времен, ведущих на одну дорогу, к подножию постоянного содействия⁷⁸ всех существ. Но вместе с тем свершение времени есть также корень всех времен в смысле их начала, ибо здесь начинается мировая страда, или инволюция живых существ, предшествующая их эволюции⁷⁹.

С точки зрения науки свершение времен есть обнаружение на практике единства, лежащего в основе мира, того единства, которое в теории ищется монистической философией и учением о всеобщей причинности. В действии раскрываются формулы или числа, обосновывающие вещи, причем все эти отдельные математические величины связаны образуемыми или более общими формулами, обнаруживающимися в виде законов природы. Нахождение истоков частных в этом единстве означает, что в конечном итоге множество обуславливает свои элементы, а не наоборот.

Мы находим этот принцип в биологии в утверждении, что среда создает особи, и в социологии — в учении о том, что коллектив обуславливает индивида. В общем виде закон этот имеет выражение в математике: если мы имеем кривую, например, гиперболу, в данном случае является решающим — не простое наличие точек, ее образующих, но их расположение, согласно известной форме. В еще более общем виде можно сказать, что закон создает явление, а не явление — закон. В этом смысле следует решать вопрос о всеобщем единении, преодолевавшем время. При этом, так как время есть множественный ряд, момент, когда ряд этот превращается потенциально во все возможные ряды путем овладения способностью перетасовывать множество, выражается через превращение или свершение времени. Затем из этого свершения как из момента, соответствующего первоначальному и последнему единству, возникают уже новые ряды времени.

§ 10

Поскольку в мире мы имеем иерархию действий, постепенно расширяющихся в зависимости от возрастания создающих эти действия систем, получается подобная же лестница временных свершений⁸⁰. Свершение времени происходит сперва внутри каждой системы. Затем, так как каждая система находится во взаимодействии с другими системами, т. е.

с ними вместе составляет еще большую систему, процесс этот идет расширяясь. Каждая система, входящая в это новое большое объединение, находится в отношении других систем, также в нее включенных, в таком же положении, в каком члены ее находятся друг к другу. Поэтому свершение времени в пределах данной системы еще не освобождает ее от внешнего времени, навязываемого ей ее зависимостью от других систем. Для достижения свершения времени во всей междусистемной области необходимо дальнейшее развитие процесса самовоскрешения, которое позволило бы все внешнее время превратить во внутреннее. До этого системы владеют только своим внутренним временем и связаны общим принудительным временем в пределах высших систем.

Мы знаем, что есть только один путь овладения временем: установление внутри системы согласия всех ее членов. Если же остается еще воздействие внешних времен, навязываемых другими системами, надо образовать из всех них, вместе взятых, новую большую систему и овладеть временем уже в ее пределах, путем установления согласия между всеми вошедшими в это большое объединение системами. Системы, после того как в каждой из них установилось внутреннее время, могут прийти к согласию между собою и тем самым овладеть своим междусистемным временем, превратив его из механической равнодействующей сталкивающихся действий в произвольно создаваемую равнодействующую сознательного участия в общем деле.

Таким образом, если рассматривать расширяющуюся цепь систем, можно представить себе дальнейшее самовоскрешение каждого союза систем в пределах образуемой ими высшей системы и так далее, до такого же действия в пределах всего мира [25]. В мировом масштабе это означало бы овладение всем временем мира, такая космическая революция, при которой союз всех живых существ стал бы всемогущим. Тогда цепь причин и следствий, действующая в настоящее время для нас, заменилась бы цепью сознательных действий всех обитателей мира.

Спрашивается, может ли быть гарантия возможности осуществления этого идеала в мировом масштабе? Теоретически такая гарантия имеется в том, что исполнение этого идеала зависит исключительно от всеобщности усилий, направленных к его достижению. Раз в мире не будет ничего, что препятствовало бы его осуществлению, остается всемогущая мировая сила, не встречающая на своем пути никаких препятствий и являющаяся равнодействующей всех действующих в мире сил.

Однако такая всеобщность усилий предполагает всеобщее согласие, а последнее требует сознательности всех существ. Поэтому, пока нет такой сознательности, мировое свершение времени остается лишь как проективное положение, которое лишь в отдаленном будущем, в случае наших усилий и усилий других существ, может сделаться сознательным, приблизиться к претворению в положение объективное. (Это несовершенство мира, конечно, есть несовершенство его для нашей ограниченной точки зрения, связанной с нашим временем. Для других систем с

более совершенным временем момент всеобщего свершения времен, быть может, ближе. С точки же зрения самого такого свершения оно уже налицо, так же как для математики всякое число независимо от процесса его использования в частной задаче.)

Можно отметить, однако, что в нашем времени свершение осуществляется частично. Некоторая общность усилий во всяком процессе творчества жизни бывает налицо, и соответственно какая-нибудь часть всеобщего проекта осуществляется в зависимости от степени сознательности и согласия⁸¹ всех участников действия. В мире поэтому вокруг нас все отчасти освобождено, отчасти связано, и задачей общего сознательного действия существ, очевидно, является по возможности расширять сферу творимого разумно времени за счет дурных и смертоносных временных порождений слепой природы.

Таким образом, можно мыслить себе свершение времени как задачу в виде всеобщего воскресительного дела или мировой реформы, совершаемой волею живых существ и имеющей целью преобразование мира и взаимотворение. Великие перевороты, которые совершаются в человеческой истории в виде созидания новых культур, — отдаленные отражения или приготовления космической реформы. В этом смысле исторические акты человеческие, зачинающие великие эпохи, суть шаги по пути мирового преображения, и вожди великих народных движений, когда они возвышаются до пророческого предвидения и действия, являются вождями жизни против всепожирающей смерти, творцами времени осмысленного против бессмысленной игры случайно вырастающих и также случайно гибнущих времен.

Глава пятая

ВРЕМЯОБРАЗУЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ГРУПП⁸²

§ 1

Итак, время преодолевается в любой системе, причем главную роль в овладении им играют объединенные общим действием разумные системы. Тем самым ставится на очередь вопрос о времяобразующей деятельности таких объединений. Самыми совершенными из известных нам в природе союзов такого типа являются социально-исторические человеческие группы, и вместе с тем они для нас самые важные, ибо мы сами в них участвуем. Только через эти группы мы можем воздействовать на окружающее: преобразовывать мир и преодолевать его слепое время. Из этого следует, что мы должны прежде всего исследовать условия времяобразования в социально-историческом действии человеческих групп.

Это положение в значительной мере противоречит не только обычному взгляду на вопрос о времени, но также принципам философии и

науки, всегда разрабатывающих эту проблему без связи с социологическим моментом. Такая точка зрения возникает оттого, что философия и наука привыкли во всех случаях и во всех вопросах мыслить о действии либо как о деятельности самодовлеющего объекта — личности, или же вовсе не определять субъекта действия, говоря об опыте вообще, о действии вообще в безличной форме⁸³.

В обоих случаях не считаются с деятельностью конкретных исторических социальных групп, из которой возникает всякая индивидуальная деятельность и через которую на человека совершается воздействие больших объединений, вплоть до объединения космического. В самом деле, нет ни одного поступка человеческого и ни одного опыта, который не был бы связан преемственно и причинно с деятельностью таких групп. И если до нас доходит всеобщая причинность, то только через них. Следовательно, не может быть и индивидуального процесса времяобразования без влияния социально-исторических групп и не может быть, без посредства этого влияния, творчества в мировом масштабе. Конкретный времяобразующий акт сознательных существ есть всегда вместе с тем акт социальный и культурно-исторический.

Мы должны показать, каким образом действие отдельной личности раскрывается как коллективный акт и каким образом эта личность приобретает то расширенное сознание, которое необходимо для перехода к большим системам в деле завоевания все больших и больших кругов времени.

§ 2

Каждое индивидуальное человеческое действие, несомненно, находится в каком-то отношении к коллективному и космическому действию. В истории, поскольку действие не витает в потустороннем мире, но осуществляется на земле, все действия должны составлять определенные иерархии по степени объема их субъекта и его кругозора. И очевидно, все меньшие действия должны так или иначе зависеть от действий, приближающихся к максимальному историческому⁸⁴ акту.

Как найти, исходя из индивидуального, подобный расширенный акт? Для этого надо взять маленькое частичное действие и начать расширять его логически до последних его пределов, восходя к обуславливающим его большим действиям. Каждое действие есть развитие какого-то включающего его большего действия. Малое частичное действие есть большее действие, но взятое в определенных рамках времени и места, соответствующих данному случаю. Вследствие этого, например, всякая конкретная частная цель зависит от самого большого последнего идеала, выявляющегося в данном историческом периоде. Если я сижу в своей комнате и пишу книгу, понимание этого акта требует понимания всей моей природы, что в свою очередь требует понимания природы и истории Земли, Солнечной системы и в конце концов — природы мира. Так-

же всякая цель моя, если ее продумать до конца, получит смысл, только если ее отнести к какой-то мировой цели.

Если вдуматься в механизм расширения индивидуального акта, мы увидим, что он расширяется различно в двух направлениях, называемых прошлым и будущим, являющихся как бы основными категориями действия. Этому делению соответствует внутреннее осознание действием его данности или причинности и его цели или проекта. В обоих направлениях акт, как ни кажется он нам вначале строго индивидуальным, обнаруживается как акт коллективный и космический. Если проследить первое расширение — в сторону того, из чего исходит действие, мы найдем, что все данное в нем, его материал, средства, обстановка связывают его причинную цепью всех мировых явлений с разворачивающимся мировым процессом. Никакого перерыва в этой цепи мы представить себе не можем, так как это означало бы перерыв причинности, признание мира, где нет сплошных причин и следствий. Поэтому, если представить себе каждую причину как действие, мы получим цепь восходящих в прошлое действий, обуславливающих наше действие. Если мы назовем акт, исходящий из максимальной мировой данности, термином А, все другие акты будут рассматриваться как А – х, где х обозначает переменную величину, постоянную лишь для своего акта или для отдельного его момента. Вместе с тем получаемая таким образом картина по действиям, в ней заключающимся, делится на определенные хронологические периоды, устанавливающие генетическую связь актов, а также по областям этих актов, вследствие чего получается ряд смежных сфер действий, каждая со своим определенным материалом (например, материал физический, химический, биологический). Классификация хронологическая создает историю, классификация же этих областей будет классификацией наук. Подразделения наук и искусств будут выражать подразделения действий по областям.

§ 3

К сходным результатам приводит расширение акта в будущее или установление связи его проекта с проектом включающих его коллективов. Коренное различие с прошлым — в том, что материал нам дан, а проект нами ставится. Стоя в центре совершающегося действия, мы сознаем, что во всем здании будущего, необходимом или только возможном, выделяется некоторая часть, от нас зависящая и обнимаемая нашим проектом. Здесь возможны субъективно три точки зрения: 1) либо полный отказ от идеи проекта — признание фатализма и предопределенности. Это соответствует полной пассивности, самоупразднению субъекта и, следовательно, поглощению личности буддийским или эллатическим единым. 2) Либо область, которую обнимает наш проект и на которую мы воздействуем, размежевывается от области всего остального, нас в отношении данного проекта не интересующего. Это обычное жизненное настроение

целевой области. Оно совершенно правильно и необходимо, когда речь идет о частной цели, каковая может быть достигнута только при условии строгого ограничения цели и такого же сужения действия, ее достигающего. Такое отмежевание целевой области важно не только с точки зрения действенной техники и гигиены. Цель всегда предполагает выбор, изъятие, отграничение, противопоставление, всегда исходит из неприемлемости всей среды и необходимости создания в ней нового, выделенного, избранного. С чисто практической точки зрения для данного частного акта все остающееся вне целевой области просто откидывается как неинтересное, не идущее в счет. С точки же зрения более широкой, стремящейся расширить пределы акта, указанное деление для действенного устремления существенно не с точки зрения отграничения или обороны, а с точки зрения наступления его в эту оторванную от него область. Здесь начинается с выделения того, что желательно, от того, что вообще было, есть и будет, но будущее мыслится не в виде окончательного отказа от этой области, а в виде ее завоевания. Таким образом получается совершенно иной взгляд на цель, и главный его пафос — в стремлении расширить область цели и покорить ей все остальные области. Мы называем такую точку зрения, в отличие от телеологической или целевой, проективной, ибо цель есть понятие как бы самодовлеющее, проект же только отражение и продукт чего-то большего, содержание чего он стремится выразить. 3) Так создается третья возможная точка зрения, расширяющая каждую частную цель до проекта общего и даже космического действия. В пределе мы имеем здесь, так же как для прошлого в понятии мировой причинности, понятие о будущем мира как проекте действующего субъекта. В будущем, *in spe*, все связывается так же, как в прошедшем, с тем отличием, что прошлую данность мы воспринимаем так, как она есть, мир же будущего мы строим творческим усилием воли.

Вместе с тем естественно обе половины акта связываются в одно: мировая данность превращается реально в мировой проект. Мировой проект требует для своего достижения мировой данности. Связующая же нить проходит через данный акт и через данный момент. Таким образом, каждое действие, каков ни есть его субъект, связывается с всеобщим действием мира через действие субъектов посредствующих актов. В конце концов, оказывается истинным, что субъекты отдельных действий суть только модусы (выражаясь по-спинозовски) единого субъекта мирового процесса и действия их суть проявления единого его действия. Единый субъект действия есть, таким образом, объективный процесс, который изменяет себя, проходя через бесчисленное количество форм, выявляясь в каждой из них в полной мере доступных для данного случая проявлений. Всякий акт оказывается зависимым от всех других актов, бывших в мире, и влияет в известной мере на будущие акты. При этом естественно, что проекты и сами действия связаны теми же областными разграничениями, как и причинные данности, и проекты и сами действия

осуществляются в различных сферах — физической, химической, социологической и т. п.

§ 4

Есть, однако, в подобном процессе восхождения к более общему акту опасность впасть в отвлеченность. Хотя мы логически вынуждены предполагать, что все наши акты вырастают из единого лона, включающего все области деятельности и все степени активности, — этот общий основной акт нам неизвестен и мы легко можем впасть в ошибку абстрактного его построения. Эта ошибка свойственна многим идеалистическим системам и отвлеченному богословствованию. Дабы избежать этого и стоять все время на реальной почве, надо равняться в наших частичных актах не по воображаемому всеобщему акту, а по максимальным известным нам конкретным историческим актам. Эти акты в определенные моменты осуществляют максимальное известное нам действие и могут поэтому быть названы основополагающими. Это дает нам в деле сравнения и классификации актов не идеальную только, но вполне реальную основу, ибо здесь расширение обычного акта, о котором мы говорили, ведет не в пустоту отвлеченности, но отождествляет этот акт с определенным историческим движением. При этом, однако, для определения содержания такого основополагающего акта надо иметь в виду, что не следует его искать в какой-нибудь одной области человеческой деятельности. Основополагающий акт всегда целостен и не может быть приурочен к отдельно только разрезу жизни — напр<имер>, к одной мысли или к одному только делу. Он всегда есть одновременно и мысль, и действие, охватывая все стороны человеческой и космической жизни. Отличительная черта такого исторического акта — не только его проникновение в прошлое и его предвидение будущего, но стремление его охватить все стороны жизни. Таковы акты всех великих основателей культурных эпох истории — реформаторов, законодателей, вождей. Они выступали всегда в качестве преобразователей всего, что их окружало, и распространяли свое влияние на все стороны действительности. И каждый частичный акт, нами совершенный, всегда может быть отнесен к такому своему родоначальному и, наоборот, как семя, содержит в себе будущие исторические акты. Только в этой связи вообще какой бы то ни было акт имеет смысл. Только в этом свете можно ставить себе цель, даже частичную, личную, оторванную якобы от целей окружающего. Цель эта получает смысл только как часть подобного осуществляющегося в истории проекта. В этом значении великих людей и совершаемого ими. Они велики, поскольку через них выражалось то или иное историческое культурное движение человечества, и в этом смысле ценны мыслители и художники, и законодатели, говорившие «новое слово» и направлявшие человечество на новые пути. Но наибольшее значение имеют деятели-водители, не замыкающиеся в мысли или в специфической сим-

волической деятельности, как, напр<имер>, художники, а в самом деле реально и всесторонне преобразившие жизнь поколений человечества.

Ставится вопрос о структуре подобных основополагающих актов. Их можно, конечно, определить самым различным образом в зависимости от точки зрения, с которой они рассматриваются. Но тем не менее можно наметить несколько главных моментов, присущих каждому такому акту: это, во-первых, необходимая субъективность, или единственность такого акта, вкорененность его в деятельность индивида. Во-вторых, акт должен быть по возможности всемирным актом. Это означает, что акт этот — не ограниченный акт индивида, а такой акт, осознавший себя в отношении материала и цели своей как акт мировой. В-третьих, основополагающий акт должен быть коллективным, т. е. действительное расширение от индивидуального субъекта к субъекту мировому не есть скачок от индивида к миру, — что приводит к мечте, а есть постоянное реальное участие индивида во все расширяющемся круге действия различных включающих его коллективов. Лишь через их кругозор индивид восходит до кругозора мирового. Наконец, в-четвертых, содержание основополагающего акта есть всегда реформа или преобразование мира. В этом смысле он создает, на место старых, новые ценности, реальная совокупность которых и выражается в определенной культуре.

§ 5

Условие субъективности возникает из необходимости в действии исходить из личного субъективного момента. В сверхличных созерцательных состояниях духа нет места для такой точки зрения с ее ограниченностью кругозора, связанностью временем, слабостью силы, частичностью власти. Между тем действие должно всегда исходить из такой ограниченности или проходить через нее, ибо она тесно связана с единичностью и особенностью, а следовательно, с реальностью акта. Безоговорочная отдача себя целому есть величайшая ошибка, ибо в нем растворяется все реальное и получается небытие, отрицание акта. Акт всегда начинается в определенном настоящем и включает всегда момент ограниченный и субъективный. В историческом преобразовательном акте субъективный момент претворяется в момент личного избранничества. Вождь ощущает, что он как бы выдвинут или избран историей. В этом основа личного водительства в великих народных движениях. В результате момента субъективности исторический акт обнаруживается как индивидуально единственный и вместе с тем обладает динамической природой, постоянно меняется. Для каждого действующего в истории лица в каждый момент его существования имеется свое особенное, единственное настоящее, прошлое и будущее.

Но вместе с тем исторический деятель связан с целым. Он создается средой и, действуя, является вместе с тем орудием природы, преобразующим мир, ее выразителем и министром, как говорит Фрэнсис Бэ-

кон⁸⁵. Природа в нем осознает себя и через него действует. Вследствие этого рядом с идеей личности должна стоять идея целого, действующего через эту личность. Личность должна начать с утверждения своего реального кругозора, но при этом пределы этого кругозора должны раздвинуться до того, что они как-то сольются в сознании с границами мира. Субъективность становится универсальностью. Индивид и мир взаимно друг друга проникают и обуславливают. Тут есть, конечно, некоторое внутреннее противоречие между моментом особенности и вселенскости. То, что особо, не может быть во всех смыслах всем, а все не может быть особым. Для того чтобы примирить эти два начала, надо постигнуть настоящий смысл универсальности как момента личностности и личностности как момента универсальности.

При глубоком вдумывании в свою собственную личность человек начинает сознавать произвольность пределов последней и, постепенно расширяя их, доходит до идеи всемирного кругозора личности. Личность начинает осознавать себя как весь мир. Здесь есть, несомненно, опасность мечтательного растворения личности в мире, исчезновения ее в элеатическом едином, в буддийской нирване, в шопенгауэровском небытии. Это своего рода самоубийство личности через посредство слишком большого ее расширения и гипостазирования. В этом состоянии многие философские и мистические учения склонны были вообще искать освобождения от времени и обретения вечности. Но на самом деле вечность, получаемая таким путем, иллюзорна, ибо она уничтожает самую личность. Мы видели, что для каждой личности есть два времени, внешнее принудительное и внутреннее, ею создаваемое, когда она действует, образуя собственную последовательность событий. Обычное состояние личности есть состояние такой двухвременности, когда в цепь самостоятельных последовательных действий вносится элемент внешнего принуждения или сопротивления среды, из которого возникает обязательная для нее последовательность, несущая в себе и смертность личности. Такое внешнее время, являющееся всегда показателем, как мы видели, насильственного сцепления там, где нет еще добровольного союза, может быть, конечно, уничтожено отказом от всякой самостоятельности, принятием его закона как закона самой личности. Но это будет отказом от личностности, не овладением временем, а погружением в безвременность или в бессознательность. То, что ищется нами, есть всегда расширение причинности личности. И если таковое не дается голою личностностью, вследствие отрыва ее от мира и «объявления своеволия» (говоря словами Достоевского)⁸⁶, оно не достигается и простым отождествлением себя с миром. В первом случае личность отсыхает и умирает, лишенная питательных соков общего действия, во втором — она теряет свою субъективность и потому перестает существовать как особое самостоятельное действие.

Синтез личности и вселенскости, очевидно, следует искать в знакомом нам понимании элемента не как части, а как проявления. С этой

точки зрения ясно, что личность есть весь мир и вместе с тем она мир, взятый в особом его выражении, с особым именем. Несомненно, что нельзя строго очертить пределы личности. Мое ощущающее «я», психическое или физическое, не имело бы в себе никакого содержания, не ощущало бы и даже не существовало бы, если бы на него не оказывали воздействие окружающие вещи. Эти вещи так или иначе входят в мое «я». Но раз вошла в него хотя одна такая вещь, тем самым они все вошли, ибо все вещи связаны цепью всеобщей причинности. Каждая вещь, если рассматривать ее конкретно, есть все вещи, и я таким образом включаю все вещи. Это доказывается рассмотренным выше необходимым расширением каждого действия на все прошлое и на все будущее. И внутренне наше солипсистическое ощущение, что я познаю все вещи как бы в круге моего «я», как феномен моего «я», есть психологическое отражение этого явления. Таким образом, в каком-то смысле каждый данный момент состоит из всех вещей, зависит от всех причин, преследует все цели.

В общем, таким образом, расширение любого действия, поскольку расширяется познание его причинности и его конечной цели, оказывается делом не маленького, лично и эгоистически настроенного индивида, но звеном всеобщей причинной цепи и тем самым, в конечном итоге, восходит к основному объективному процессу или мировому действию и раскрывается как частичное его выражение.

§ 6

Но такое расширение требует существенных оговорок. Мы уже видели, что основополагающий акт является максимальным известным нам конкретным историческим актом. Подобный характер его указывает на то, что расширившееся малое действие не может быть сразу возводимо до неизвестного нам всеобщего действия, но останавливается на горизонте максимального исторического акта каждого периода. Или иначе: скачок от личности непосредственно к космосу повел бы к поглощению в последнем личности, что и случилось во многих созерцательных учениях, постигающих мир как единое. Спасение от этой опасности в том, что ум в процессе расширения останавливается на ряде посредствующих инстанций между малым «я» и большим «я», восходящим к космосу. Эти инстанции — конкретные исторические коллективы, являющиеся субъектами тех или иных культурных исторических актов. Отождествление с ними субъекта акта делает его реальным и конкретным. Личность осознает себя как та или иная историческая социальная группа и постигает свое действие уже не только как личное действие, но и как действие этой группы. Это придает ей новую мощь, каковая не получается в случае пребывания в горизонте только маленького «я» или же в случае непосредственного восхождения до туманной сущности всеобщего акта. Только в случае, если оно проходит через иерархию подобных все более

и более широких множеств или коллективов, расширение личности к космосу будет исторически действенным и реальным. История есть цепь этих коллективных действий. Цель объединения с космосом, которую мечтательное созерцание думает постичь путем непосредственного общения с всеединым, — что должно дать якобы вечное существование, — на самом деле достигается другим путем, через коллективное историческое действие. И в связи с этим степень постоянства и длительности жизни данного целого измеряется объемом и степенью согласованности составляющих его и творящих его множеств. Таким образом, вместо воображаемого восхождения, ведущего в ничто, получается восхождение реальное, истинное, осуществляющее полноту каждой особи в полноте этих более широких совокупностей. Время может быть побеждено только овладением им, т. е. в самом времени или, иначе, в историческом процессе коллективного действия. В этом действии реально создается то, о чем лишь грезит мечтательный созерцатель.

В общем, «я» передвигается от эгоистического действия к действию космическому через действие посредствующих коллективов, причем оба предела в чистом виде представляют собою погружение в ничто — в первом случае через отъединение личности, во втором — через ее поглощение целым. Как реальный субстрат истории остается только жизнь в исторических множествах. Само же передвижение «я» или смена кругозоров его есть рассмотренное нами раньше изменение субъекта действия, превращение в субъект различных, все больших и больших множеств. Исторический основополагающий акт, оставаясь актом личным и стремясь стать актом всеобъемлющим, или космическим, на самом деле имеет своим действительным субъектом необходимо историческую группу людей — народ, класс, государство, социальная группа или союз и т. п. В этом отношении весьма характерной является роль вождей подобных союзов. На примере их легче всего проследить различную субъективность действий, иногда проходящих через одну и ту же личность. Личность имеет свой маленький круг интересов, в котором исторический деятель живет как семьянин, частный человек и т. п. Здесь его маленькое личное «я» является субъектом действия, не выступающего за личный горизонт. Но, рядом с этим, деятель этот имеет горизонт того целого, ради которого он действует. В этом случае субъектом действия вождя является не он сам, не его личное «я», а его личность, поскольку он выражает действие исторического коллектива. Посредством слова, письма, примера он раскрывает группе людей ее собственные мысли, упования и влечения, дает им четкое формулирование. Этим объясняется то, что вождь учит всегда тому, что в душах людей уже смутно существует.

Можно считать, что основополагающий акт совмещает всегда тройного рода цели — личные, космические и коллективные. Это соответствует указанному выше старому делению человеческих целей на три категории: эгоистические, мировые и групповые. Сознание, исходящее из одной только из этих точек зрения, приводит к заблуждению. Мы видели

уже самоуничтожение первых двух видов целей. Но если индивидуальная точка зрения создает узкий эгоизм, а космическая точка зрения — отвлеченную мистику, третья точка зрения — коллективное сознание — в оторванности от сознания личного и мирового оказывается также губительной для правильного развития действия. Оно создает в таком случае из отдельных групп фетишей, провозглашает культ социальных идолов, как, например, узкий национализм, обоготворяющий нацию, или извращение социализма, забывающее про конечную свою цель — бесклассовое общество и т. п. Правильным является сочетание всех трех категорий целей. Этим создается истинное основополагающее историческое деяние человека, коллективными силами осуществляющего космическую задачу преобразования мира. Устанавливается в человеческой группе сознание этого коллектива, включающее непременно момент личный для каждого его участника и момент всеобщий как цель всего общего действия в последнем его проективном расширении. Отсюда роль масс в историческом процессе и призывы вождей, к ним обращенные. Отсюда общий характер великих реформ, лежащих в основе каждой культурной эпохи, их значение для каждой личности, для человеческих групп и их мировое устремление. В этой широте и вместе с тем глубине и разносторонности охватываемого им содержания заключается значение основополагающих культурных актов как актов, преодолевающих время.

§ 7

Наконец, важнейшим моментом основополагающего исторического акта является совершаемое им преобразование мира. Мы говорили уже, что отличительная черта деятельности всех основателей периодов человеческой культуры заключалась прежде всего в целостном и разностороннем характере этой деятельности. Она охватывала обычно все стороны жизни, ставила все вопросы, вырастающие из этой жизни, и стремилась дать их синтез в определенном учении или же в виде законодательных реформ. Всякая такая реформа, начинающаяся с изменения человеческих отношений, есть на самом деле зародыш действия, изменяющего мир. Всякая культура есть движение, обновляющее все доступные человеку стороны действительности, и никогда культура не замыкается в одной философии, искусстве, устройстве внешней жизни, но всегда она проникает своим действием весь круг доступных человеку сторон жизни. Мировой характер культуры сказывается и в материальных ее результатах, физически видоизменяющих мир вокруг нас. Современная культура в этом отношении в особенности поучительна, ибо никогда доколе влияние человека на окружающую среду не сказывалось в больших размерах, чем в могучих средствах современной науки и техники. Сейчас уже некоторые ученые подводят итоги этой культуры в деле изменения условий существования нашей планеты. Подсчитывается использование недр земли и остающиеся в ней запасы. Вся поверхность

земного шара исследована человеком и поступает в хозяйственное его использование, усовершенствуются пути сообщения, радио и телеграф связывают все части земного шара мгновенными передачами известий; меняется в результате человеческого воздействия флора и фауна земли; одни виды животных и растений вымирают как вредные и ненужные, другие же, как полезные, выращиваются человеком. Вследствие культуры леса и работ по осушке и по ирригации меняется климат целых областей. С развитием метеорологии можно ожидать со временем полного овладения погодой и регуляции ее по желанию. В области экономики все больше и больше идея всеземного или даже мирового хозяйства становится действительностью. Можно предвидеть наступление момента, когда земля со всеми ее странами будет в самом деле принадлежать людям и видоизменяться ими согласно их рациональным планам. Идя дальше, можно мечтать (как это делает научная фантастика) о полном овладении силами мирового тяготения, о таком регулировании движения земли, которое превращает ее в послушный космический корабль. Тогда люди будут пилотами не только пароходов и аэропланов, но лоцманами земли — землеводами⁸⁷. Но и тут не останавливается вырастающая из науки мечта: рисуются перспективы сообщения с другими планетами путем изобретенных для этой цели особых приборов. Люди овладеют не только землей, но всею солнечной системой, станут факторами космического преобразования [26].

Несомненно, что эти широкие и пока еще фантастические перспективы представляют естественное развитие всякой исторической земной реформы, переходящей последовательно из сферы общественности в сферу космических отношений. В этом объяснение того обстоятельства, что всякая культура имеет в своей основе известное отношение ко всему миру и представляет собой не что иное, как такое его преобразование. Поскольку же конечная цель такого преобразования есть овладение временем мира, частичная реформа мира в виде исторической культуры является частичным же преодолением времени.

§ 8

Если окинуть взором все акты, развивающиеся в мире, мы увидим, что они образуют системы актов, включающие все действующее, а следовательно, и все существующее. Было ли или нет в начале «дело», как это говорит Гёте в «Фаусте»⁸⁸, мы не знаем, но мы можем утверждать, что все, что мы знаем и ощущаем, есть связанные друг с другом и друг друга обуславливающие системы действия⁸⁹. Вместе с тем все нам известное состоит из актов, в меньшей или большей степени приближающихся по структуре и содержанию к указанным максимальным актам. История, в частности, состоит из ряда основополагающих актов, в которых участвуют отдельные люди, народы и группы и, наконец, все человечество. Акты эти иногда сменяют друг друга, выводя одну из другой

последовательные культурные эпохи, иногда же существуют рядом, борются друг с другом, связанные каждый с определенной социальной исторической группой или же раскалывая такую группу на части различными мировоззрениями ее составных элементов. Так, мы имеем период античной культуры, период средневековый, период новой культуры Возрождения, наконец, период новейшей культуры, начинающийся с мировой войны и с Русской Революции. С другой стороны, иногда и в рамках одной и той же культуры происходит расслоение ее на борющиеся внутри ее акты отдельных социальных слоев. Так, в России в XVIII и XIX веках установилось полное разобщение русского народа и образованных его кругов. В дальнейшем в одном и том же слое образованных людей намечается различное мировоззрение консервативной и революционной группы.

Основополагающий акт в такой системе обычно служит как бы вершиной движения, создающего данную культуру. Хотя акт этот совершается нередко в начале культурного периода, но тем не менее он возможен только потому, что корни его давно имелись в жизни и в нем только выявляется то, что под спудом незримо накапливалось и назревало. Это революционный взрыв скрытых сил, уничтожающих старый мир и создающих на месте его новый. Поэтому появление нового учения подготавливается разложением старых условий, и само это учение есть только выражение коллективного движения, обновляющего этот уходящий мир. В этом смысле новое всегда диалектически связано со старым, есть его новая форма, его реформа. Старое всегда налицо, в виде хотя бы материала нового. Часто новые законодатели сами не подозревали всю силу отрицания, направляемого ими против старого. Моисей считал, что он только продолжает дело Авраама. Лютер исправлял дело католической Церкви и долго не хотел от нее оторваться. В развертывающемся на наших глазах новом основополагающем акте Революции долгое время его провозвестниками не мыслилась вся та глубина и радикальность переворота, которая потом выявилась, когда Революция восторжествовала. В этом отношении, например, любопытно сравнить объем отрицания старого у Ленина и у Герцена. Это происходит оттого, что каждый основополагающий акт развивается сперва в лоне старого, предшествующего ему акта, из которого он вытекает в виде развития его или отрицания. (Это то, что Гегель назвал диалектическим развитием идеи и что, с другой стороны, Маркс для частного случая выразил в своем учении о возникновении социализма из условий капиталистического мира⁹⁰.) Старый акт стареет и костенеет, теряет способность роста и расширения и в конце концов становится препятствием для той новой молодой жизни, которую он в себе вырастил и воспитал. Молодой же акт, наоборот, зреет и крепнет и, расправляясь, заставляет трещать старые сдерживающие его рамки. Иногда реформа бывает только частичной, исправляет только недостатки старого акта, иногда же силы последнего оказываются исчерпанными и никакая доза новых соков не способна дать ему нужное

обновление. Тогда рождается новый основополагающий акт, начинается новая культурная эпоха. Рождение новой культуры есть часто процесс мучительный и разрушительный. Стихийная сила нового роста не жалеет старых, накопленных прежними культурами ценностей. Она уничтожает вместе с тем то, что действительно отжило, то, что завтра понадобится для самой новой культуры. Иногда же культура оказывается равнодействующей нескольких различных основополагающих актов и является как сложный цвет, выросший из взаимной прививки многих стволов; так было, например, в эпоху начала Возрождения, когда сталкивались наследие античного мира, христианство, арабская культура и то новое, что внесли в мир покорившие его и вместе с тем покоренные им варвары.

При этом надо заметить, что отношения основополагающих актов, хотя и имеют свое отражение в хронологии в виде образования последовательных периодов, на самом деле лежат гораздо глубже этих видимых явлений генетической связи. Дело в том, что содержание основополагающего акта, как и всякого разумного акта, вообще есть преодоление времени. Акты эти поэтому не только находятся в истории, но вместе с тем они ее делают. Акты человеческие, индивидуальные и коллективные имеют историческую природу, но вместе с тем они имеют природу историко-созидательную или предшествующую (в причинном смысле) истории [27]. Во времени они преображают имеющееся время и создают новое.

Основополагающий акт несет поэтому, как свой заветный проект, свершение времени, из которого он родился. Это сказывается в том, что акты, созидающие культурные эпохи, придают постоянство тем или другим ценностям возникающих культур и тем самым побеждают, останавливают течение времени в его Гераклитовском смысле. И можно считать, что основополагающий акт есть акт эпохи, наиболее преодолевающий время. Если же сравнивать несколько основополагающих актов — их сравнительная ценность и соответствующая иерархия их значения устанавливается по степени овладения ими временем. Наивысшая качественность неразрывно связана вместе с тем с наибольшей прочностью. Овладение временем здесь выражается в действенных результатах акта, в изменениях, вносимых им в мир, или в определенных, не символических только, но реальных достижениях создаваемой им культуры. В будущем, когда в процессе исторической жизни человечества эта сторона основных коллективных актов людей будет в достаточной степени осознана, задача организованной культуры будет заключаться в том, чтобы усилить эти результаты исторического действия и выдвинуть из исчезающего океана культурных смен те острова или материи действительно ценного, спасение которых и постоянное существование необходимо для совершенной жизни живых, неумирающих существ — победителей смерти. В этом смысле, может быть, действительно, последняя задача исторического акта есть на самом деле прыжок из царства необходимости в царство свободы, уничтожение истории с ее разрушитель-

ными процессами и замена слепого ее движения разумным действием объединенных в великий союз живых существ. Это, вероятно, потребует, однако, полного биологического и физиологического, а быть может, и физического изменения природы планетных обитателей. История сольется с астрономией, ибо действие человеческое выйдет за пределы земной жизни, соединится с действием жителей других астрономических систем. И конец земной истории в этом смысле будет началом истории солнечной и затем истории космической.

§ 9

Из сказанного можно сделать важный вывод для практической оценки акта: в основополагающем историческом акте мы имеем критерий всякого вообще действенного проявления. Основополагающий акт имеет определенную структуру, которая есть нормальная структура каждого акта. И так же как содержание максимального акта есть преобразование мира и преодоление времени, таковым же оказывается содержание всякого вообще акта. Должно поэтому в основу суждения о каком бы то ни было акте класть сравнение его с максимальным и наиболее совершенным из известных нам актов — актом исторически основополагающим. В самом деле, чтобы судить о каком-нибудь подрастающем дубе, мы берем не лист или желудь, а самое большое, возросшее дерево, с которым мы и сравниваем наше дерево. Отступление от структуры высшего экземпляра есть признак сужения, ограничения, изуродования типа в частном случае. Таким образом, между любым человеческим актом и родственным ему основополагающим актом есть только различие степени. Акт основополагающий есть максимальный, в смысле объема, длительности, мощи и качества, акт данного исторического периода. Всякий же развивающийся в этом периоде меньший акт, как бы скромнее он ни был, имеет такую же структуру и может быть путем вложения в него достаточной мысли, воли и активности расширен до пределов своего основного акта. Последний является как бы его родоначальником и вместе с тем максимальным его проектом. В большинстве случаев это означает для частного акта приурочение его к данному ранее образцу, нахождение им своего истока, т. е. всемирного акта, рождающего его и придающего ему его смысл. Это есть не что иное, как стремление к ортодоксальности или к следованию ранее данному гениальному толчку или примеру, направляющему целую эпоху исторической культуры.

Общий метод оценки любого акта поэтому заключается в следующем: 1) акт оценивается, во-первых, имманентно, т. е. с точки зрения внутренней его цели и средств; 2) но самая эта цель и средства должны, в свою очередь, быть оценены с точки зрения общего исторического основополагающего акта, создающего данную историческую культуру и включающего как свое порождение рассматриваемый акт; 3) общий этот основополагающий акт должен быть судим имманентно, т. е. относи-

тельно внутренней его цели, смысла, средств и результатов; 4) основополагающий акт этот должен быть сравним с такими же культурно-историческими актами, ему предшествующими и следующими за ним, либо с актами параллельными ему, развивающимися с ним рядом в других группах или борющимися с ним в его собственной группе.

Способ оценки частного акта можно понять из следующего примера. Возьмем инженера, который должен построить мост. Он имеет вполне определенное задание — построить мост с известной провозоспособностью. Его задача заключается в том, чтобы, руководствуясь этой целью, использовать имеющиеся средства для максимального ее достижения. Но цель, поставленная инженеру, имеет смысл, только поскольку она представляется как часть большого проекта, включающего совокупность подчиненных целей. Мост нужен в этом именно месте для обеспечения определенных перевозок, которые, в свою очередь, нужны для развития определенных экономических отношений. Акт инженера, таким образом, является частью большого акта, осуществляемого, например, в данном случае государством, и получит объективный смысл только в масштабе и с точки зрения этого большого акта. (Работа белки в колесе бессмысленна только потому, что она с таким большим актом не связана.) Если поставить иерархию целей, включающих цель инженера, каждой из таких целей будет соответствовать акт какого-нибудь лица или, вернее, группы, выражаемой этим лицом, и каждый такой акт будет сопровождаться соответствующим сознанием своей задачи. Сознание это может иметь кругозор, ограниченный непосредственным заданием деятеля: инженер в нашем примере может строить мост по выработанному плану, не интересуясь его экономическим значением. С другой стороны, ясно, что учреждения или лица, дающие задание инженеру, могут не сознавать все средства и детали подчиненного акта инженера (например, экономист может и не быть инженером, может знать, какой нужен мост, но не знать, как его построить). Для высшего акта должен быть ясен лишь общий смысл акта меньшего. Восходя выше в нашем примере, мы увидим, что есть точка зрения еще более общая, обуславливающая существование субъекта большого акта — государства и раскрывающая смысл всей цепи рассматриваемых актов и их значение для определенной исторической культуры. Культура же эта, как мы знаем, выразилась в максимальной степени в основополагающем акте, ее создавшем. Поэтому, если даже инженер не задается этими вопросами — они тем не менее придают смысл всей его деятельности. Если взять расчет инженера и, раздвигая его пределы, расширить его до расчета наиболее общего проекта, обуславливающего этот малый проект, — получится расчет мирового характера, имеющего в виду все прошлое мира как исходную область, захватывающего как проект все будущее. И если такой расчет совершенно не нужен инженеру, где-то все-таки в данной культурной сфере он нужен и где-то он есть, ибо все частные цели и действия связываются с действиями и целями всей культурной эпохи.

Из этого следует, что осмысливание действия всегда требует раскрытия его исторических корней. Мы должны находить место каждого акта в истории, понять его не обособленно, а в контексте развития целой культуры. Можно сказать, вместе с тем, что достижения каждого акта в смысле реального преодоления времени и утверждения совершаемого им изменения мира прямо пропорциональны этому осознанию прошлого, ибо тот акт сильнее и действительнее, который имеет наиболее широкий базис и наиболее широкий проект. Когда мы говорим о действии в данной обстановке при данном материале и средствах, мы имеем в виду эту зависимость от существующих условий, созданных прошлым. Но там, где она дана как неодолимая необходимость в кругозоре малого акта и его расчета, — восхождение к большому проекту и соответственно к кругозору большого акта может раскрыть, что тут в распоряжении деятеля имеются средства, способные изменить данную обстановку и невидимые лишь с точки зрения малого расчета. Так, мы можем не только познать причины этой обстановки, но принять и меры к изменению этих объективных условий. В нашем примере инженер мог столкнуться с невозможностью построить требуемый мост вследствие природы местности. Но государство, считающее мост необходимым, может пойти на экстренные расходы и мероприятия и располагает средствами изменить коренным образом самую местность путем взрыва гор, отведения русла реки и т. п.

Восхождение к общему основополагающему акту, носящему целостный характер и охватывающему все стороны жизни, особенно важно там, где малый акт вынужден замкнуться в специальной сфере. Совершая акт, мы часто ограничиваемся какой-нибудь одной областью — например, экономической, чисто технической или даже просто областью физической. Между тем даже малый акт может быть вполне осмыслен, только если выйти из этой области и связать его совершение с целями всей жизни деятеля или группы, коей он является участником. Если я, например, ремесленник, я могу не выходить из круга очень узкого и профессионального — материальных условий моей работы, ее элементарной обстановки, ее ближайшей психологической и физической обстановки. Но лишь я начну размышлять, — каждая из этих сфер бесконечно расширяется: экономика моего сбыта, спроса и предложения превращается в общий закон рынка. Познав его, я получаю и соответственное приращение своего могущества. Я уже не ремесленник только, но вместе с тем я становлюсь экономистом. Наконец, если мне удастся расширить еще больше пределы моего акта, я начинаю видеть его связь со всей историей данной культурной эпохи или даже с существованием космоса.

Такое осознание связи моего малого акта с основополагающим актом исторического периода дает мне критерий для нахождения общечеловеческого и вселенского значения малого этого акта. Отныне я знаю его культурный смысл и могу соответственно его направить и исправить. Такое осмысливание частичного действия с точки зрения более общего

чрезвычайно важно. Только связь с коллективным исторически-культурным актом придает смысл и санкцию индивидуальному акту, остающемуся без такой санкции эгоистическим и часто противообщественным. Только выполнение в индивидуальном действии высшей общечеловеческой или мировой цели, обнаруживаемой основополагающим культурным актом, оправдывает существование и деятельность отдельных людей и их заботы о самосохранении, самоопределении и развитии. Простое самоопределение личности или даже целой группы людей (как, например, нации) как самодовлеющих единиц, носящих в себе верховный закон, не может быть оправдано, и только осуществление их руками общего дела преобразования мира и преодоления времени делает их цели полезными и нужными, достойными выполнения. Отдельный человек всегда должен быть рассматриваем как элемент некоей множественной стихии, и смысл его жизни — в развитии и завершении действия, рождающегося в результате этого общего течения.

С этой точки зрения оказывается, что есть три возможных типа отношений частного акта к основополагающему. 1) Мой акт участвует в подготовке грядущего более общего акта. Таково было, например, положение какого-нибудь узко-экономического требования рабочих до Революции. 2) Мой акт есть развитие ранее совершенного основополагающего акта. В примере Революции настоящая деятельность марксистов есть развитие основополагающего акта Маркса. 3) Наконец, мой акт может быть вершиной данного культурно-исторического действия. Я — мессия, я — вождь этого движения.

Для каждого из этих случаев возникают выводы из сравнения большого и малого актов.

Не забудем, что с точки зрения времени все эти сопоставления и сравнения будут сравнениями различных степеней его преодоления. Каждый акт есть равнодействующая системы, преодолевающей время и вступающей в отношения с другими подобными же системами. Различию актов и соответствующих сознаний соответствует и реальное значение времен, создаваемых этими актами.

Глава 6

ОРГАНИЗАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ⁹¹

§ 1

Обращение ряда индивидуальных актов к обуславливающему их общему основополагающему акту и осознание ими такого общего их корня приводит к согласованию их и объединению в едином действии. Действия, творившие культуру индивидуально и разрозненно, каждое в своей замкнутой сфере и ради своей собственной цели, вливаются в русло общего дела, совершаемого объединенными деятелями.

Но согласование отдельных культурных проявлений есть не что иное, как организация культуры. Культура, вследствие распыленности человеческих действий и еще более вследствие отрыва ее символических сторон от сторон реальных, до сих пор выростала естественно, иногда буйным ростом, иногда чахлыми ростками, но всегда с громадною расточительностью живой силы, с потерей жизни в междоусобной борьбе сталкивающихся в культурном движении влечений. Осознание культурного процесса как общего дела людей, направленного к преодолению времени, должно внести в этот процесс начала разума и организации. Время должно не рождаться только, но делаться, причем в первую очередь оно должно делаться в виде производства и творчества людьми культуры. Должно быть сознано, что есть единый мир и единое дело его преобразования и что преобразование это должно совершаться усилиями всех людей и всех существ мира. И преобразование это должно захватить все отрасли жизни, одинаково жизнь психическую, общественную и материальную и коснуться всех учреждений и органов, обслуживающих человечество. Само собою разумеется, что организация культуры есть одинаково организация науки, философии, искусства, политики, морали, экономики, всех отраслей личной и общественной человеческой деятельности. Мы не можем здесь входить в детали этой организации и можем лишь указать на главные ее черты: во-первых, признание единой цели всего общего дела в виде преодоления времени; во-вторых, признание метода этого преобразования через организацию множественности, через коллективное дело; в-третьих, само содержание преобразования должно заключаться не только в творчестве символов или формул, как то было до сих пор; но в реальном претворении их в жизнь, в осуществлении того царства высшего совершенства, которое этими формулами обозначается, но слишком часто относилось к недоступной реальному опыту потусторонней области.

Само собою разумеется, что на этом пути есть колоссальные опасности. Прежде всего, опасность рационализации, насилующей естественные процессы, не оставляющей места естественному росту, органическому их развитию. На самом деле, однако, нельзя противопоставлять рост деятельности, ибо рост есть всегда еще и деятельность каких-то субъектов. Весь вопрос в правильном понимании субъектов действия и роли, отводимой совокупностью условий каждому. Бессмысленно пытаться заменить механическим воздействием биологические процессы, но это не значит, что биологическими процессами, если им отвести правильное место, нельзя руководить. Такое руководство заключается прежде всего в правильном понимании и распределении роли каждого элемента, участвующего в общем деле.

С этою оговоркою организацию культуры надо считать очередной задачей, стоящей перед человечеством, и можно думать, что когда она достигнет известной степени совершенства и человеческие массы будут вовлечены в массовую работу по преодолению времени, культура полу-

чит расширенный базис и соответственно даст невиданный расцвет. И мир будет действительно преображаться, и жизнь будет действительно шириться и торжествовать там, где она сейчас борется случайными и разрозненными вспышками против смерти, слишком часто уступая последней место.

Люди должны привыкнуть видеть в общей борьбе против смертоносных сил природы наивысшее человеческое дело [28]. В настоящее время действие и служение, как священнодействие или священная служба, как бы прикреплены к зданиям церквей и храмов. На самом деле действие и служба в самом священном смысле должны совершаться не столько внутри храмов, сколько в виде внехрамового служения — общественной литургии, увлекающей человеческие массы не в молитвенном только, но в действенном подвиге. Постепенно расширяясь, движение это должно охватить все человечество, стать стихийным и вместе с тем организованным общим делом, движущим мир в сторону совершенства и могущества и преображающим окружающее силою человеческого сознания и разума.

Этим устраняется указанная выше опасность насильственной рационализации культурного делания. Потребность в его объединении и регулировании вырастает из его внутренних нужд, из недр самой культуры. Культура сама себя организует в виде внешнего коллективного дела, подчиняясь внутреннему взрыву бьющих из глубин ее устремлений. Она перестает расти беспорядочно и спорадически и вырабатывает в себе руководящее центральное направление. Последнее же, выросши из нее, свою очередь воспитывает ее и формирует, согласуя и синтезируя ее различные проявления. Нельзя считать, что этим создается как бы одностороннее сужение широты культурных замыслов. Здесь не происходит ничего, чего не было бы уже сейчас в каждой отрасли культурного строительства, но только образующее движение развивается в бóльшем масштабе, чем обычно. Ведь не насиловали культуру и не суживали ее отдельные вырастающие из нее направления, выражаемые отдельными великими людьми! Какой-нибудь гений был носителем определенных течений, зачинал особые новые формы, и жизнь окружающей среды естественно в них вливалась. Также и образующее направление, ныне вырастающее из культуры, подчиняет ее своей внутренней силой и разумностью. И прежде всего тем, что объединение именно не ограничивает человеческие цели, но, наоборот, бесконечно, до максимального предела их расширяет и придает им в конечном итоге космический характер. То, что противоречит этому объяснению, наоборот, заключается в сужении этих целей, в ограничении их горизонта, в приурочении их к частичному и частному действию, тогда как они должны стремиться к вселенскому и общему.

До сих пор такое освящение человеческих действий высшим их синтезом происходило случайно и бессистемно. И тем не менее из всего достигнутого на поприще культуры можно сказать, что все эти достижения

являются именно результатом этих взлетов отдельных порывов человеческого творчества и объединения их в том или другом общем полете. Задача организации культуры заключается в том, чтобы ввести ее в систему, чтобы дать ей направление в смысле сосредоточения усилий, а не распыления их. Вместо безумной хаотической растраты сил в погоне за случайными и совершенно обособленными частичными целями перед культурой должна быть поставлена единая цель — целостное преобразование и обновление мира. Это требует, очевидно, организации объединения и соборования культуры прежде всего в рамках каждого вида человеческой деятельности и затем общего их объединения так, чтобы все теоретические деятельности связывались бы друг с другом и вместе с тем связывались бы с практическими проявлениями культуры.

Итак, организация культуры требует соответственной организации и направления общего дела всех людей путем придания ему коллективно космической цели — преобразования мира. Человеческое действие, когда оно не связано с такою целью, может быть только беспорядочным и индивидуально-эгоистическим. Когда же оно ставит себе эту высшую цель и тем самым переходит грани отдельных систем, оно становится коллективным и организованно-единым. Единение же, дающее на языке ума понятие единства, а на языке сердца — любовь, является необходимым условием осуществления космической цели. Единение является условием мощи и преодоления времени. Всякое зло или слабость есть не что иное, как форма розни. Рознь — вот первый и главный враг истинного и плодотворного действия, преодолевающего время. Устранение розни, превращение индивидуального действия в общее — вот первое условие преодоления времени. И мы видим в самом деле, что все дальновидные вожди и основатели культур стремились всегда прежде всего организовать человеческое общее делание — в виде устройства соответствующих учреждений.

При этом, однако, надо опасаться созерцательной символической организации, где достигается единение мысли, но это единение не переходит в действие: таков был уклон мистической мысли многих культур. Культура требует организации одновременно и мысли, и действия, одинаково науки, философии, искусства, политики и экономики. В средневековой церковности была вселенская организация, но это была именно организация не столько дел, сколько помыслов. Последняя необходима, но не как самодовлеющая цель, а как начало или зародыш дела.

§ 2

Если придерживаться в вопросе об организации культуры вышеприведенного деления культурных проявлений, прежде всего ставится вопрос об организации знания.

В первую голову философия должна быть организована и превращена в философию вполне сознательного действия.

Такая философия глубоко отлична от того, что обычно понимается под термином философия, ибо последняя представляется по большей части как самодовлеющая деятельность, оторванная от целостного действия. Философия же действия исходит из основного положения, что всякая теория есть прежде всего теория того акта, из которого она возникает.

Соответственно всякая мысль тесно связана с рождающим ее актом. В ней акт этот становится сознательным, узнает себя, свои условия, обстановку и цель. Из этого можно сделать тот важный вывод, что нельзя отрывать философию от реального жизненного акта. Мысль, как говорит американский логик Дьюи, есть явление производное и вторичное. Она следует за действием и из действия, существует ради действия. Возможна и крайне общая мысль, мысль о мысли, общая теория мысли. Она появляется в исторические периоды, когда случаи для размышления настолько подавляющи и настолько взаимно сталкиваются, что частичное адекватное разрешение вопроса невозможно [29]. Тогда возникают самые большие обобщения, указывающие на то, что совершается общее действие, стремящееся устранить препятствия, борьба с которыми непосильна для отдельных актов и их философии. Такая точка зрения, утверждающая тесную связь сознания с актом, приводит к парадоксальному выводу, что нет одной философии, а есть множество философий, столько, сколько и актов. Каждое действие имеет свою философию, отличную от философии каждого действия.

Такой вывод не лишен опасностей. Он ведет, при последовательном применении, к релятивизму Протагора, провозгласившего, что «человек есть мерило истины». Подобное «очеловечение» истины получается и в результате новых субъективистических систем, например, учения Маха⁹² или же англо-саксонского прагматизма Пирса и Джемса, где критерием истины является полезность результатов действия⁹³. Получается мир, лишенный объективного смысла и устойчивости, где самое существование внешних вещей подвергается сомнению.

Такая точка зрения явилась не самостоятельно, но родилась как одно из следствий старой ошибки отвлеченных идеалистических течений, выступавших в качестве противников релятивизма. Они, как это часто случалось в истории человеческой мысли, перегнули палку в другую сторону. Они создали точку зрения, при которой в каждом логическом суждении объект его разрезается как бы на два слоя — абсолютный и относительный. Истины, полученные в верхнем слое, называются логическими, объективными, обязательными, вечными идеями, и философы ими удовлетворяются, откидывая все преходящее и временное и оставляя этот нижний мир ощущению. Этим самым создается разрыв между мыслью, имеющей дело только с вечными сущностями, и действием, необходимо связанным с временными содержаниями. Получается два мира — потусторонний и земной. Пассивная философия отказывается от действия и созерцает запредельное совершенство в полном пренебрежении к миру

земному, «лежащему во зле»⁹⁴. Релятивизм же, хотя и яростно нападает на эти построения, но их на самом деле не преодолел, ибо он связывает себя с одной частью этого деления — миром сенсуальных, голых ощущений и потому принимает само разделение на два мира, лишь перенося истину из верхнего в нижний мир.

На самом деле надо сперва засыпать пропасть между обоими мирами и понять, что мир вообще един. Тогда исчезнет и расхождение между субъектом и объектом. Мы должны в действии, рядом с его субъективной природой, уловить его свойство выводить деятеля в более широкую, уже сверхличную сферу.

Дело в том, что на практике мы не можем избежать опасности субъективизма и релятивизма, поскольку мы доверяем нашему обыденному взгляду на вещи и остаемся в мире случайных, разрозненных, неполных действий. Отдельные мыслящие особи друг с другом как будто ничем обязательным не связаны, ибо один человек решает математическую проблему, а другой рядом занят эстетическим построением. Оба исходят из индивидуального момента, ограниченного данным действием, и ни в чем как будто их мысли не встречаются. Также в жизни каждого человека чрезвычайно мало общего между мыслями его в различные моменты и по различным случаям. Каждое из таких мысленных содержаний претендует на самодовлеющее единственное значение, так же как каждый момент является настоящим и также самодовлеющим.

§ 3

Но мы знаем, что каждое индивидуальное действие со своей природой малого и ограниченного действия, связанного с определенным моментом времени и места, всегда может быть вместе с тем рассматриваемо как действие более общее, включающее это малое действие. Соответственно, совершенно иной будет картина для моей жизни, если я, помимо и сверх отражения в моем сознании этих разрозненных и малых действий с малой философией каждого, соединю их в высшем синтезе, стремясь все время осознать всю мою жизнь как целое, как все мое прошлое и будущее, как всю мою судьбу. Это будет мирозерцанием акта всей моей жизни и в нем получится связь ее отдельных моментов. Все они останутся единственными, но сольются в высшую единственность, войдут в единый ряд или множество, где каждый акт займет определенное место.

Также, если я совершаю максимальный акт мысли в отношении мира, я неминуемо в него включаю не только свое прошлое и будущее, но также все моменты жизни других существ, их жизнь, в виде такого же ряда для каждого. Я могу вычислить для себя от настоящего момента все мое прошлое и будущее. Но я могу и для другого вычислить его прошлое и будущее, включив все эти единственные моменты в единственность его мироотношения. Таким образом, если бы все люди все время совершали в мысли такой умственный космический акт — т. е. обнимали бы все

прошлое и будущее всех других существ, был бы ряд отдельных, особых, единственных мироотношений с различными исходными моментами, но вместе с тем мирозерцания эти были бы существенно внутренне связаны, были бы отнюдь не произвольны, но по содержанию одним и тем же мирозерцанием. Всеобщность его заключалась бы, конечно, не в восприятии всеми одной и той же буквально точки зрения, без всяких изменений, но в восприятии точек зрения соотносительных, в части своей совпадающих, в части только обязательно взаимно обусловленных. При этом эта обусловленность — динамическая, все время меняется, но не произвольно, а в зависимости от хода жизни, по определенным направлениям расходящихся прошлого и будущего. В каждом целостном акте охватывается, таким образом, все разнообразие других актов, но так как объем их один и тот же и содержание одно и то же (все прошлое и будущее всех существ), получается возможность общей и вместе с тем различной философии каждого акта — общей, поскольку все акты связаны и представляют одно и то же, различной, поскольку все они своеобразны. Получается философия, не подлежащая только применению, но все время реально осуществляющаяся. Поскольку она есть философия особого случая, она различна, но все случаи ею же связываются в единое, высшее, основополагающее действие, лишь различно раскрывающееся в каждом моменте. Таким образом, избегнута опасность объективно идеалистической точки зрения, не вмещающей индивидуального момента, а также опасность субъективно-идеалистической философии (или солипсизма), отрывающей Я от мира и ограничивающей мир этим Я. Каждый момент имеет свою философию, но философии эти составляют системы, также как моменты входят в системы. И каждая отдельная философия включает все другие.

Отличие такой точки зрения от общепринятой в философии заключается в том, что там система принципов существует сама по себе, якобы вне времени и лишь в порядке особого использования связывается с индивидом и его реальным временем. Излагается система, начиная с крайне отвлеченных идей. Затем идут следствия в отношении действия, этики, эстетики, права и т. п. Вопрос же о том, как я, Иван, или он, Петр, будем применять эту систему, есть уже не дело философа. Наоборот, в нашем представлении все дело, если не начинается с этого Ивана, то во всяком случае тесно с ним связано. Высший принцип этого мирозерцания существует для Ивана и Иван — для этого принципа. Достигается же эта связь тем, что основное расчленение системы приурочено не к тем или иным необходимым логическим делениям, из которых мы исходим произвольно, избрав свой подход ко всей системе (Кант, например, говорит, что к его системе можно подойти с любой стороны), но для каждого из нас и для каждого момента есть реально только один к ней жизненный подход, также как есть только один подход к действию, которое мы совершаем. Я не могу начать с жатвы, если я еще не посеял. Так же и в отношении мирозерцания: я не могу произвольно подойти к

факту будущего, не пройдя через все посредствующие инстанции настоящего и будущего. Это не значит, что нет истин, которые возвышаются над остальными и всегда одинаково ко всему относятся. Эти истины существуют, но они всегда воплощены и раскрываются только через реальность, т. е. через временные моменты. Таким образом, основное расчленение философии действия есть мое настоящее, мое прошлое, мое будущее. Но вместе с тем, так как мое будущее, настоящее и прошлое связано с будущим, настоящим и прошлым всего мира, определяется ими — я одновременно мыслю о своей судьбе и о судьбе мира. Я ни на одно мгновение не должен разрывать эти понятия. Я делаю свое дело в общем деле. Я мыслю свое мироотношение в общем мироотношении.

Из этого ясно, почему действие не могло уместиться в подобной философии старых систем. Она была приурочена к неподвижному вневременному единому. Философия же действия, наоборот, должна быть вечно движущейся, живущей вместе с жизнью диалектически, развивающейся вместе с действием. Только тогда, будучи во времени, она сможет время одолеть и преодолеть изнутри, как выросшее из него его осознание. Каждое действие, поскольку оно имеет свой особый субъект и свой особый момент, имеет свою особую философию. Но вместе с тем, несмотря на свое происхождение всегда из единичного и единственного, философия эта не впадает в релятивизм и в субъективизм вследствие внутренней связи всех этих действий и, следовательно, их философий. Не человек в смысле маленького узкого «я» есть мерило всех вещей, а человек — в смысле действующих коллективов или в смысле наибольшего коллектива — мира. Все действия сохраняют в основе единый и общий субъект — мировую причинность, создающую в соответствующем множественном сознании живых существ и единый философский охват вселенной. Каждое частное действие есть это единое общее действие, но совершаемое особым образом — путем установления одной из возможных комбинаций мирового действия. Всеобщее действие состоит исключительно из этих отдельных действий, так же как единственное содержание всеобщего субъекта действия есть синтез субъектов частных. И это не только не ведет к пассивности, но, наоборот, к максимальной активности, ибо всеобщее действие тем более действие, чем более оно изменяет мир, а это достигается превращением его в обособленные действия. Математически можно представить познавательное действие следующим образом: имеются n философий, столько же, сколько субъектов-деятели (a, b, c, d, \dots, n). Но так как $a=b=c= (a, b, c, d, \dots, n)$, то все n философий вместе с тем представляют одну философию. Содержанием ее является $(a+b+c+d, \dots, +n)$, т. е. A . По мере перехода от a к b и далее меняется исходный пункт философии. Но вся она остается тою же, так же как по мере нашего движения меняется вид мира, но он остается вместе с тем тождественным себе. Задача философии действия в том, чтобы дать дифференциальную форму для каждой действующей личности и для каждого момента ее действия и интеграл всеобщего действия мира.

Из этого не следует, что нельзя брать отдельные части общей картины, отдельные моменты или разрезы действия и обсуждать их объективно вне вопроса об их субъекте. Но это будет всегда лишь методологическим приемом отвлечения, и истинная философская точка зрения должна потом снова вставить все эти моменты в общую их цепь.

Вместе с тем, если анализировать содержание действия в каждом подобном его разделе, а также во всей совокупности действий, обнаруживается, что это содержание есть не что иное всегда, как преодоление времени. В самом деле, мы знаем, что природа действия, по существу, есть множественность. Но реальная множественность, как мы знаем, есть время. Действие поэтому творит время. Поскольку же оно сознательно творит его, оно им овладевает и преодолевает его через подчинение разуму. Отсюда раскрывается значение в каждом действии его внутренней философии, являющейся не чем иным, как проектом соответствующего действия. Из этого вытекает то обстоятельство, что ряд философий, возникающих из ряда действий, отражает ряд таких временных творений или преодолеваний. Каждая реальная система имеет свой акт как равнодействующая действий своих элементов, и каждая система имеет свое сознание этого акта, выражающегося в ее особой философии. Но система овладевает временем только путем объединения своих элементов и согласования их целей. Следовательно, ее особая философия есть синтез философий всех ее элементов. Расширяясь же и становясь через взаимодействие с другими системами членом большой системы, система наша может преодолеть вместе с тем общее их время только путем согласования действий. Но это требует сперва согласования или синтеза их философий. Таким образом, указанный нами процесс расширения особой философии и обращения ее в синтез философий известного множества деятелей есть необходимое условие объединения этих деятелей и совместного преодоления ими времени их общей системы.

§ 4

Практически согласование различных философий, возникающих из различных актов, есть организация знания. Такая организация должна дать знанию единое содержание и единую цель, т. е. превратить его в сознание единой причинности и стремление к единому проекту. (Это деление соответствует разделению на область объективных истин и область истин проективных.)

Можно поставить вопрос, не получим ли мы здесь насилования свободы знания и превращения ее снова в *ancilla theologiae*⁹⁵ или прислужницу высшего знания? Но весь вопрос в том, чьей прислужницей становится знание. Если ее господином будет истина, открываемая или создаваемая целостным действием людей, очевидно, служба знания истине не может вызывать возражений. На самом деле здесь не будет внешнего давления на знание: истина будет вырастать из нее самой. Это будет

внутренней систематизацией и объединением разрозненных целей науки. Но вместе с тем этот синтез будет также синтезом ее результатов с результатами всего действия, частью которого является наука. Неподчинение ее такой общей, создаваемой всем действием цели будет отступлением от истины. Ибо, когда мы говорим о свободе знания, мы все же не включаем в это понятие возможность познавать ложь. Это уже накладывает на знание ограничение, вытекающее как бы из внутреннего его существа, каковое существо в последнем итоге есть действие, родившее это знание. Но это ограничение вместе с тем отделяет истину от лжи, истинное от мнимого знания.

В общем можно считать, что в знании всегда вырабатывается и проявляется такое центральное общее направление, соответствующее наибольшему в каждый исторический момент масштабу рождающего знание действия. Знание, таким образом, всегда преодолевает разброд отдельных мыслей, и человечество всегда приближается к единому проекту будущего своего действия. Все дело только в том, что бессознательный или полусознательный характер этого процесса влечет за собою колоссальную расточительность участвующих в нем сил и сильно замедляет его, задерживая нарождение более общих истин. Задача правильной организации человеческого знания и заключается в том, чтобы по возможности устранить посторонние влияния разных частных действий на процесс образования единой истины. Это может быть достигнуто, само собой разумеется, только путем правильного построения общего действия, из которого рождается знание, что достигается созданием органов, через которые коллективное действие совершает дело собирания и синтеза в единую истину разрозненных усилий индивидуальных умов. Знание слагается из интуитивных прозрений, из логических рассуждений и из опыта. Но все эти виды знания имеют не индивидуальный только, но также коллективный характер. Интуитивные течения суть течения, общие для целой эпохи и для той или иной социальной группы, рассуждение имеет дело с накопленными веками в результате коллективной работы элементами, опыт развивается преемственно, в ряде поколений, продолжающих одну и ту же работу. Все эти проявления знания суть отдельные моменты единого основного коллективного действия, которое определяет содержание знания и его цель. Знание является как бы глазами, которыми это действие смотрит на мир. Но глаза не могут быть оторваны от их носителя. Их сила зрения зависит от общего его состояния. Цель же зрения есть практический проект, устанавливаемый тем, кто видит. Таким образом, всякое знание в основе своей связано с известною историческою эпохою, вытекает из определенного исторического момента, ведет к другому такому же историческому моменту. Какую бы науку мы ни изучали или ни создавали, она всегда есть только историческое высказывание. Содержание теоретической физики или механики есть сводка ряда исторических теорий и опытов. Другими словами, всякое знание есть воплощенное знание или выражение истины из-

вестной эпохи. Это отнюдь не равнозначает признанию полной относительности истины. Являясь нам в облики эпохи, как часть истории, и, следовательно, подвластная изменению и временности истина вместе с тем обладает способностью воплощаться в действие и создавать сама историю, т. е. побеждать поток изменения и временности. В истории разум относителен, но разум сам является властителем истории, поскольку ему дано разрывать пути ее слепой необходимости. Но в обоих случаях разум побежденный и разум побеждающий рождаются в множественной системе человеческого коллектива, и действие есть внутреннее изменение человеческого коллектива и через это изменение ведет к изменению знания и к дальнейшим победам над временем.

Но, признав это, мы тем самым признаем необходимость коллективной организации знания, т. е. осознания его исторической жизни. Осознание это ведет к применению методов, сокращающих непроизводительные усилия и способствующих выполнению в кратчайший срок поставленных действием задач.

Такая организация и сейчас имеется в человеческой культуре, но в зародышевом виде: она проявляется в единстве педагогических приемов и принципов организации школ, в международном характере науки и в общении ученых, а также во все более и более единообразных мерах, повсюду принимаемых людьми для поощрения науки и просвещения. Однако все эти способы грешат случайностью и лишь стихийно, в порядке общей природы явлений знания, вводятся в единые рамки. Получается недостаточная последовательность и углубленность методов организации. Для науки создаются благоприятные условия, а затем она предоставляется произволу отдельных ученых, результатом чего является хаотический и беспорядочный ее рост и часто отрыв от рождающего ее и обуславливающего действия, ибо отдельные специалисты думают только о частных целях своих изысканий, а не о координации их и синтезе с другими специальными целями. Там же, где мыслится этот синтез, как, например, у философов, системы их строятся отвлеченно, не принимая во внимание необходимое воплощение знания и связь его с коллективным действием. В общем наука остается без определенной, ясной общей цели, рядом случайных опытов или «проб» без перехода от пробы к реальному осуществлению. Ввиду этого необходимо сознание того, что в каждый данный момент наука должна получить определенное единое направление, возникающее из добытых ею данных, но с которым все последующие усилия ученых обязаны так или иначе считаться. Вместе с тем должен быть расширен опытный базис науки в смысле вовлечения в дело выработки знания широких масс человечества. Опыты, совершаемые кое-где и кое-кем, должны превратиться в единый общий опыт, совершаемый везде и всеми. Тогда только наука перестанет быть тепличным цветком и станет тем, чем она должна быть — сводом действенных знаний всего человечества, теорией и техникой общего его дела.

Несомненно, что есть специфические опыты, которые должны производиться не отдельными лицами (или корпорациями ученых), но всенародно, громадными массами людей, иногда целыми народами. Таковы, например, опыты в области социально-исторической. Эти опыты сходны по методу с теми, которые производятся в лаборатории, и лишь тем отличаются, что деятели и материал их — человеческие массы.

Но следует иметь в виду, что и лабораторные, и узко-келейные ученые опыты тесно связаны с исторической обстановкой, вырастают из известной культуры, составляют плод больших культурных социально-исторических явлений. Постольку можно считать, что путем известной организации этих движений можно влиять на науку вообще и создавать обстановку и условия для этих кабинетных опытов. Последние же, в свою очередь, дают средства для новых массовых опытов в виде организационной и материальной техники. Очевидно во всяком случае, что опыты кабинетно-лабораторные всегда являются частью громадных, иногда протекающих в веках социально-исторических движений. Ввиду этого ошибочно ждать от кабинетных ученых или даже вообще от ученых раскрытия целей их работы. Цели эти лежат вне специальной области отдельных наук. Кругозор для их выяснения достаточно широк только у целых народов, у больших социальных групп, у масс человечества. Ученый ввиду этого должен понять, что его специальная работа есть только часть общей массовой работы, что он обслуживает последнюю, давая ей смысл теоретический, но получая от массовой работы смысл действительный. В таком случае связь между наукой и историей станет сознательной и делание истории будет неотделимо от научно-испытательного дела.

Вообще надо провести строгую границу между четырьмя видами человеческой деятельности: 1) бессознательным деланием; 2) игрою; 3) опытом и 4) делом. Бессознательное движение есть деятельность, лишенная смысла. Игра имеет смысл, внутренне ограниченный поставленными искусственными рамками и условиями. Опыт есть деятельность, имеющая смысл не в себе самой, а в действии более широком, включающем этот опыт. Наконец, дело есть деятельность, имеющая смысл в себе самой и вместе с тем в более широком действии и производящая поэтому реальные изменения мира.

§ 5

Из сказанного можно заключить, что единая и общая истина, имеющая действительный и деловой смысл, должна быть организована как господствующее мирозерцание эпохи в порядке, внутренне обязательном для тех, кто принимает участие в данном историческом движении. Должна быть установлена общая программа действий или проект общего дела исторической эпохи. Это приводит, в отношении практических мер, к возобновлению старого плана Огюста Конта и в особенности Сен-Симона, устанавливающего необходимость учреждения верховного ре-

шающего органа знания⁹⁶. Орган этот должен формулировать положения дел или догматы знания для новой эпохи в связи с потребностями общего культурного дела человечества. Практически орган этот должен развиться из международных научных конгрессов и представить собою объединение всех усилий людей, направленных в сторону познания. Вопросы, конечно, в этом верховном Научном Совете должны решаться не голосованием, а по внутреннему убеждению его участников. Критерием же истинности принимаемых догматов должно служить в конечном итоге признание общественным мнением человечества этого Совета как органа выражения и организации истины.

Можно возразить, что осуществление такого проекта способно привести к режиму насилования принятыми догматами свободного мнения отдельных ученых, каковое свободное мнение в истории постоянно служило орудием изменения истины. На самом деле для таких опасений нет реальной почвы. Указанная организация есть последовательное завершение того, что сейчас уже совершается на практике, как результат естественного синтеза свободно открываемых истин. Мы живем уже сейчас как бы под сенью подобных общепринятых научных догматов, и общественное мнение человечества их санкционирует. Так, до последнего времени научным догматом была ньютоновская механика. Теперь же устанавливается в этой области новый догмат — теория Эйнштейна. Преимущество же организации знания будет заключаться в том, что устанавливаемые таким образом положения будут служить отправными точками коллективного организованного действия, осуществляющего определенную задачу преобразования мира в смысле преодоления в нем времени. Официально принятый научный догмат или формулированный его проект будет как бы формально утвержден высшей инстанцией человечества и передан следующим инстанциям для исполнения, подобно тому как известная идея, носившаяся в воздухе в какой-нибудь стране, воплощается наконец в положительном законодательстве. Также и здесь, проект, одобренный Верховным Научным Советом⁹⁷, будет обязателен для всех действенных органов общечеловеческой организации. На выполнение соответствующего проекта будут ассигнованы необходимые средства, и приведение его в действие будет делом всего человечества. Что же касается свободных исканий, им не будет поставлено препятствий и, наоборот, они будут всячески поощряться. Задача всякого провозвестника новой истины будет облегчена тем, что ему не придется завоевывать неопределенное и изменчивое общественное мнение непосредственно, но придется действовать путем склонения на свою сторону беспристрастного и компетентного научного Совета. При этом система инстанций будет вместе с тем системой связывания проекта с действительным его использованием, ибо высшая научная инстанция рассмотрит вопрос с точки зрения теоретической, а также практически, как очередное средство осуществления космократии или времявластия. Для вопросов же, в которых истина имеет не только познавательный, но и эстети-

ческий характер, и проектов, также преследующих эстетические цели, должен существовать специальный орган, вносящий в рассматриваемый предмет художественную оценку.

§ 6

Это приводит нас к вопросу об организации искусства. С первого взгляда кажется чудовищным утверждение, что искусство, это самое свободное из всех свободных проявлений человеческой деятельности, должно подчиняться догматам. Но эти догматы так же, как и для науки, суть не что иное, как растущие из самой глубины искусства направления. Что такое господство какого-нибудь течения, как не установление такого догмата? В низшей области искусства, в области костюма, домашнего обихода, нравов, такие догматы и сейчас господствуют в виде обычаев, быта, обрядов и общепризнанной моды. В высшей области устанавливается так называемый стиль в искусстве известной эпохи. Вот эти-то общие положения искусства должны не только молчаливо быть признаны, но быть признаны особым органом — Высшим Художественным Советом. Последний необходим для перевода в коллективное действие того богатства образов, что создается искусством. Против официальных догматов искусства могут сколько угодно восставать и бороться новые направления, но пока они, в свою очередь, не станут господствующими, необходимое единство действия человечества требует, чтобы ему был дан единый и определенный художественный идеал эпохи. И здесь, конечно, должна быть связь между идеалом этим и идеалом знания. Первый должен выражать второй в образной форме. Художественное произведение должно дополнять то, что не может сказать ограниченный язык мысли и опыта. И сейчас художник бывает великим, только поскольку он выражает мироотношение своей эпохи и движет культуру вперед, к новым свершениям, вырастающим из этого мироотношения. Но в настоящее время художник не знает, какое употребление получит его идея или образ, будут ли они вообще факторами действия в жизни. От этого рождается пагубная безответственность художников, часто ведущая к прямой бессовестности, к нагромождению в культуре непродуманных и непрочувствованных высказываний. При указанной же организации искусства каждое произведение художественного творчества будет иметь в виду какое-то вытекающее из него осуществление провозглашенных им начал. Оно будет судимо не с точки зрения эстетики только, но также с точки зрения его значения как реального фактора преобразования мира и преодоления времени. Это должно привести к тому, что искусство значительно разовьет присущий ему уже сейчас дар предвидения. Каждое его произведение должно быть вместе с тем действием, устанавливающим проекты будущего и тем самым символически предсказывающим дальнейшему действию реальное преодоление времени. Польский поэт Мицкевич говорит, что наступит время, когда будет

клеймиться позором всякий, кто будет говорить не о том, что он действительно пережил. Французский мыслитель Сен-Мартен отождествляет художественное творчество с чудом⁹⁸ и высказывает мысль, что должно быть дозволено творить только тому, кто совершает такое чудо, т. е. через кого мир получает новое откровение. Организация искусства и будет организацией этой пророческой деятельности.

Спрашивается, однако, не повлечет ли такая система за собой ограничение возможностей многих ценных видов искусства, не могущих, по своему характеру, быть включенными в такое общее направление: таковы некоторые виды искусства лирического, искусство интимное или проявления крайнего, иногда аморального индивидуализма. Не уменьшится ли вообще разнообразие и богатство художественных проявлений, вследствие необходимости класть их на прокрустово ложе установленных форм и содержаний? На самом деле, однако, эта опасность устраняется тем, что организация искусства вовсе не покушается на направления, стоящие вне ее. Она организует или синдицирует то, что способно принять участие в этом действенном синтезе. Остальные виды могут продолжать развиваться и расцветать вне этого образующего потока или даже образовывать свои собственные соединения. Но ведь и сейчас великое в искусстве обнаруживается по большей части не в этих побочных направлениях. Они как бы случайные раскрашенные павильоны рядом с величественным зданием готических соборов. Пусть существуют эти павильоны и в них ютятся люди, находящие в этом удовлетворение. Основные течения человечества проходят уже сейчас мимо них. Задача организации заключается в том, чтобы построить еще большее здание, в котором вместится все человечество и весь мир.

Таким образом, задача искусства в том, чтобы дать людям художественный проект будущего преображенного мира. От изображения жизни, как она есть, искусство должно перейти к изображению грядущей жизни так, как она должна сложиться. В этом скажется прозрение искусства и его роль как орудия преодоления времени.

Искусство, действующее таким образом, перестанет быть простым зарисовыванием сети тупиков и клеток, в которые замкнулись отдельные личности и маленькие их группы, но станет изображением будущего, вызывающим к жизни это будущее. Тогда изменится смысл слова «творчество». Вместо символического только значения созидания образов, запечатленных в виде мертвых подобию на предметах, искусство даст живые образы, воплощаемые в живых вещах.

Искусство будет в состоянии творить отдельную вещь и превращать ее в живое существо, претворяя производство в генетику. Оно будет вместе с тем вдохновлять людей к истинным свершениям массового характера. Великие произведения искусства действовали всегда в этом смысле, производя созидательные коллективные движения. Такою была ранее архитектура, живопись на стенах храмов, музыка и танцы в обрядах. Эти древние и средневековые результаты теперь, конечно, для нас

недостаточны. Нужен бóльший размах, охватывающий большие массы, соответствующий современным средствам сообщения и способности людей при помощи техники схватывать зараз гораздо большие, нежели раньше, содержания. Нужно изображение общих линий предстоящих движений живых существ, ритм сменяющихся, в зависимости от возрастания действия, горизонтов. Необходимо соединение конструктивизма с кинематографом, или динамический конструктивизм. Нужны движущиеся картины огромного многоверстного масштаба, которые силою изобразительных приемов раздвигали бы горизонты людей, раскрывали бы силою художественной интуиции со всею непостижимостью и вместе с тем точностью художественной правды световые, цветные, контурные формы мира, скрытые от нас нашею ограниченностью. Тут надо выйти из мира только человеческого, надо постичь более глубокие и всеобъемлющие формы мировой жизни в потрясающей игре их сменяющихся движений. Надо как-то слить красочное окружение электрона с кругозором человека или с кругозором Млечного Пути как наибольшего опытно известного нам существа. Надо перенестись одновременно в низшие и высшие миры и все это нарисовать в виде общих форм. Вместе с тем это должно быть стихией жизни, не ограниченной индивидом или отдельным видом живущего. Очевидно, такая движущаяся живопись должна быть соединена с музыкой, и в этом смысле искания Скрябина⁹⁹ указывают верный путь. Но только масштаб последней, как живописи, должен быть не салонный и не концертный. Нужен выход искусства на площадь, к народным массам, перенесение картин на облака, овладение как экраном или полотном всем видимым небом. На нем должны появиться действительно видения, которыми населяло его воображение¹⁰⁰. Но это должны быть образы и прообразы не в старом антропоморфическом смысле, а предзнаменования или проекты космических построений. И музыка должна соответствовать этим видениям. Она должна выйти из маленьких ритмов частичных и законченных в себе пьес и найти ритм общий и единый, не кончающийся, поскольку не кончается космическое действие. И так же как новая живопись должна возобновить древние видения, придав им новый смысл, музыка должна создать действительную музыку сфер. Звуки человеческой музыки должны прозвучать в космических просторах и достигнуть отдаленных звезд. В этой музыке должен звучать, как общая мелодия, основной математический пифагорейский тон вещей, и к нему она должна подводить и обращать наше действие, им вдохновлять его. Ритм этот должен двигать и делать участниками космического движения не только отдельных людей, но человеческие массы, должен вздымать их, давая им как бы крылья, вовлекать их в коллективное движение, в преддверие космической производительной пляски. И музыка, и полезный этот танец должны безмерно расширить свой масштаб, стать снова, как раньше, священным искусством, но в отличие от прежних церемоний и обрядов эти движения должны быть внетраповыми, массовыми. Они должны служить зародышем космического слу-

жения, и обряды земные должны быть началом обрядов мировых. Гармоническое это движение, таким образом, должно из себя создавать общее дело живых существ. Так зародыши, заключенные в храмовом обряде, с одной стороны, и в трудовой бурлацкой песне — с другой, должны слиться в массовом радении живых существ, воссоздающих мир.

То же надо сказать об архитектуре. Искусство это в настоящее время выродилось. Оно должно вспомнить свои былые задания, связь архитектуры с идеей космического строительства, синтез которых вдохновлял историческое масонство, строившее в веках под видом Храма Соломона здание Мира. У Бэкона этот храм знаменует также социальное преобразование¹⁰¹. Так построение зданий должно связываться с построением общества и с построением мира. Из этого следует необходимость реформы архитектуры: вместо того, чтобы через посредство соответствующего расположения постройки вывести человека из его узкого домашнего обихода к жизни более широкой, сперва общественной, потом космической, начало чего было положено древними и средневековыми величественными постройками, современная архитектура, наоборот, строит клетушки, частные квартиры, запирающие в себе человеческое действие, ограничивающие его интересами маленькой личности и семейно-кухонного очага. На самом деле архитектура должна раздвигать рамки зданий, сливать домашнюю жизнь с работами аудиторий, музеев, обсерваторий, метеорологических станций, лабораторий, создавать архитектурные центры массового человеческого действия, меняющего историю и физические условия жизни, в ожидании участия его в астрономических преобразованиях. Архитектурным же идеалом должно быть построение крепостей и замков, еще более величественных, чем в старину, но с целью обороны уже не против человеческих армий или против нашествий кочевников, но против злого вражеского действия слепых сил природы и прежде всего смерти¹⁰². Тип такого рода всеобъемлющих военных построек, крепостей-городов дан в построении русских кремлей, и прежде всего Кремля Московского. Там вокруг праха отцов должны быть сооружены здания, являющиеся как бы передовыми позициями в новой космической войне: музеи для сохранения всех образцов прошлых достижений в виде хранилищ записей и символов, необходимых для воскрешения. Рядом с ними лаборатории и ученые мастерские для производства небольших работ, метеорологические вышки для регуляции погоды, необходимой для земледелия, обсерватории для регуляции астрономического действия, наконец, обширные общественные помещения — храмы, переходящие постепенно в громадные площади для массовых собраний всего народа. Площади же эти через сады должны непосредственно сообщаться со всеми будущими городами, сгруппированными вокруг своих кремлей, но улицы должны уходить от этих центров в глубину полей и лесов с тем, чтобы исчезло губительное современное разделение на горожан и сельских обитателей¹⁰³. Все люди одновременно должны жить в городе и в деревне.

В отношении стиля здания эти должны по возможности возобновить все то великое и красивое, что раньше достигалось человечеством в смысле архитектуры, — тут должны быть вавилонские зиккураты, игравшие роль упомянутых обсерваторий и вышек, египетские пирамиды, хранившие прах героев, готические храмы, смело указующие человечеству на дорогу в астрономические дали, наконец, соборная русская древняя архитектура; вместе с тем тут должна быть техника и чудовищная усовершенствованность современных небоскребов. Все это увенчанное мощными антеннами, распространяющими в мировое пространство человеческие сигналы, и, быть может, действенную двигательную электрическую энергию. Как видно, здесь открываются для современных архитекторов перспективы большие, чем в мечтательном строительстве прежних храмов, существующих исключительно для созерцания и вместе с тем больших, чем в исключительно меркантильном и низменно практическом строительстве современных американских зданий. В указанном типе Кремлей-городов архитектор должен вместить физическую форму коллективного организма, где камень и железо будут телом великих целых, образуемых человеческими группами. Со временем же, быть может, при новом развитии техники, кремли эти оторвутся от земли, сделаются подвижными, сперва поползут, как гигантские танки, затем полетят как чудовищные дирижабли. Будет проделана вновь, но уже для коллективных существ, эволюция, которую когда-то куски материи проделали, став сперва растениями, прикрепленными к земле, затем животными, свободными двигавшимися по ее поверхности. Будет вновь возрождено и оправдано начало кочевничества, представляющее, несомненно, более высокую стадию, чем рабская привязанность к клочку земли, но в этих кочевых движениях будут передвигаться не жалкие юрты, сшитые из звериных шкур, а мощные города-аэропланы, готовые к космическим полетам. Наконец, вся земля будет вовлечена в процесс такого строительства, и вся она будет объединением таких отдельных Кремлей-Организмов, вся она, согласно гениальному прозрению Фехнера¹⁰⁴, оживет, осознает себя, как живой корабль человечества, плывущий к мировым свершениям в кильватерной колонне солнечной эскадры. Тогда, воистину, человек станет архитектором вселенной, превратится в строителя мира и люди станут землеводами и солнцеводами.

Само собой разумеется, что вступление на путь такого космического строительства должно повлечь за собою уничтожение граней между отдельными видами искусства, с одной стороны, и с другой же стороны, уничтожение граней между этим объединенным искусством и всею остальной творческой работой человечества. Тогда искусство впервые войдет полностью в жизнь, будет ее душевным руководителем. Жизнь станет совокупностью звуков, цветов, созвучий, целокупных ощущений и прозрений, станет целостным движением, направляемым вдохновением и разумом к единой цели — преодолению времени.

Так совершится синтез разрозненных ныне проявлений символиче-

ской культуры, и вся она станет такою же целостной, как является целостной жизнь знакомых нам живых организмов, в которых способность различных ощущений и движений есть вместе с тем способность единой жизни, единого мироощущения и преобразования.

И каждое реальное совершение, достигнутое при помощи организованных таким образом символических видов культурной деятельности, будет в своей области создавать длительность творимых им вещей, тем самым производя полезное и разумное время.

Глава 7

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

§ 1

В тесной связи с такой организацией символических сторон культуры должна находиться организация ее реальных проявлений. Символы и образы, через посредство реального их воплощения, осуществляются в виде творимых культурою живых существ и вещей. Очевидно, живые существа эти являются наиболее полными продуктами культуры.

Мы назвали культурную деятельность, имеющую задачей такого рода творчество, генетикой. Организация созидания живых существ есть поэтому организация генетики. Генетика имеет главной своею целью создавать наиболее совершенные из известных нам существ — людей.

Уже сейчас несомненно, что люди создаются всею совокупностью культурных сил данной эпохи и носят на себе ее явственный отпечаток. Рядом с общим фактом творения людей эпохой, факт рождения их от совокупления двух полов, через женщину, есть факт неважный, случайный и временный: было время в истории жизни, когда предки наши — какие-нибудь первобытные животные или растения — рождались путем непосредственного деления. Будет время, когда, быть может, процесс рождения будет рационализирован и перенесен в лабораторию. Евгеника и наука производства людей будут знать формулы каждого существа и соответственно творить их и воспитывать. Важно, *что* создается, а не *как* создается. И здесь несомненно, что в результате культурно-производственной деятельности человечества в течение веков создаются им уже не только вещи, но и живые существа, в виде определенных типов данного исторического периода. Весь вопрос в том, чтобы поставить целью процессов сознательного творчества и производства усовершенствование этих живых продуктов культуры. Но, так же как опытный садовод заменяет естественный процесс роста растения выращиванием определенных способами известных их сортов, — организованное и осознавшее себя человечество должно от случайного производства ценных и рядом с этим малоценных типов людей перейти к созиданию исключительно первых. Если культура вынашивает веками одного какого-

нибудь гения или таланта, надо, чтобы последние производились массовыми способами, чтобы весь род человеческий постепенно обратился в род сверхчеловеческий, не в смысле Blonde Bestie Ницше¹⁰⁵, а в смысле будущего совершенного и могучего существа, с космическим кругозором и космическою же мощью.

Здесь мы возвращаемся к методу построения множественности: отдельные существа нужны миру, чтобы выявиться в возможном богатстве и совершенстве особых и разнообразных форм. Мир нужен каждому из этих существ, чтобы возвести в его масштаб свое сознание и свое могущество. С одной стороны, живые существа инструментальны для их совокупности. С другой — последняя, наоборот, есть лишь как бы орудие каждой особи в ее самоутверждении. Примирение — в сознании тождества всех существ и тождества их с миром. Здесь наблюдается логический, отмеченный нами выше круговорот совпадения конца и начала. И время, попадающее между жерновами мира и личности, раскалывается и перерабатывается в постоянную и всепобеждающую жизнь.

Созидание человека есть реальное преодоление времени в виде утверждения против его разъедающей силы постоянства личности. Развитием этого процесса является продление существования этой личности (медицина, гигиена, омоложение) и, быть может, в будущем возобновление ее или воскрешение путем лабораторного творчества жизни. Люди должны привыкнуть к мысли, что последнее возможно, притом не в виде только представления о бессмертности души, как это имеет место в мистике, а в виде математически и научно обоснованного возобновления в одних и тех же условиях всякой бывшей комбинации элементов. Бессмертие личности, так, как оно понимается в обычном виде легковверными людьми, представляет собой логическую бессмыслицу, и недаром все великие мыслители были вынуждены отказаться от этого наивного представления. Причина этого заключается в отмеченной нами ранее невозможности мыслить вечность личности как вечность чего-то определенного и вместе с тем единого (см. гл. III, § 4). Личность есть по существу своему множество и существует только в виде общения этого множества с множеством других элементов, во взаимодействии с которыми она составляет все новые и новые системы, в себе возобновляющие старые. Таким образом, восстановление личности есть возобновление старой комбинации и жизнь, поскольку она повторяет виды и формы таких воскрешений.

§ 2

Остается все же неясным, что при таком восстановлении личности воскрешается? В опыте омоложения что омолаживается? И когда в лабораториях будут делать жизнь и повторять какой-нибудь опыт создания живого существа, что именно будет в таком случае воссоздаваться?

На самом деле воскрешение существа возможно только, поскольку

каждый индивид есть известная комбинация элементов мира, каковая комбинация может быть выражена определенной формулой. Это как бы возвращает нас к древнему учению пифагорейцев о том, что сущность вещей в числах, что вещи суть числа. Новейшая наука, поскольку в ней все больше и больше устанавливается господство физико-математических методов, все ближе и ближе подходит к этой точке зрения, в особенности в новейшей физической химии.

В общем мы приходим к тому, что всякий временно-пространственный процесс есть продукт некоторого множества, т. е. элементов, объединенных известным законом. Если мы представим себе в статическом виде картину мира, изменение, а следовательно, и время для каждого элемента этого мира выразится в совокупности отношений других элементов к этому элементу. Если бы два момента имели одну и ту же комбинацию, они совпали бы. Таким образом, существенной в каждой вещи в каждый данный момент является формула, выражающая эту вещь и связь ее с другими вещами.

Но в таком случае воскрешение вещи значит только повторение бывшей подобной комбинации множества элементов, составляющих вещь или влияющих на нее. Свойство необратимости времени есть результат единственности каждой такой комбинации. Для того, чтобы победить время, чтобы повторить бывшую комбинацию, надо проделать все предшествовавшие или катастрофически, путем скачка, воздействовать на множество, чтобы вернуть его элементы, помимо посредствующих комбинаций, в искомую.

И несомненно, здесь неприменимо возражение, напрашивающееся как будто с первого взгляда, что таким образом нельзя воскрешать ничего живого, а можно лишь повторять мертвые и отвлеченные подобия. Мы можем таким путем воскресить Сократа, настоящего Сократа. Можно возразить: но ведь это будет не тот же, а подобный только индивид. Это будет копия, отображение, а не тождественный бывшему индивид! Но здесь следует вдуматься в основание различия между подобным и тождественным. На самом деле различие их есть только различие степени. Чем копия отличается от оригинала? Рядом качественных признаков, а затем внеположностью своего состава, другим составом. Но представим себе, что первые признаки совершенно совпадают. Остается только то, что это не те, а другие частицы материи. Так ли оно важно для живого существа? Последнее все время себя создает из различных материалов, все время меняющихся, так что, в продолжение жизни, быть может, наше тело несколько раз совершенно меняет свой состав. Тем не менее мы не колеблемся называть эти составы одним именем и видеть в них одного и того же человека. На самом же деле мы имеем дело с целым, уже не тождественным прежнему целому и, быть может, вовсе, по замене одних частиц другими, от него отличным. Оба целых только подобны, т. е. имеют одну и ту же форму, существуют по одной и той же формуле. А между тем мы утверждаем в жизни, что человек этот все же себе тож-

дествен в самом реальном смысле! Но тогда возникает вопрос, нельзя ли рассматривать нового Сократа в чуждом ему теле как очередную переменную материала с сохранением его формы и формулы? Разве эта формула не главное и самое важное? Представим себе, что нам пришлось бы из другого материального состава создать вещь, абсолютно подобную данной вещи, не все ли равно, что их составляют другие электроны? Индивидуальность заключается не в той или другой частице материи — материю, быть может, возможно свести к абсолютно идентичным энергетическим единицам, группы которых отличаются только математическими их комбинациями. Все дело во внутренней формуле вещи, в ее пифагорейском числе. Данная частица важна с индивидуальными ее чертами только как запечатленная память бывших их комбинаций, как символ их или запись, и в этом, быть может, тайна наследования — в передаче новым элементам записанной старой формулы. С этой точки зрения частицы определенного организма в самом деле важны, но не потому, что из них только может быть восстановлен старый организм, а потому, что они прошли известную как бы школу, проделали путь, наложивший на них определенную печать. Печать эта и передает другому составу требуемую индивидуальную формулу.

В общем, когда мы, согласно такой формуле, повторяем бывшую комбинацию, мы имеем возобновление индивида совершенно так же, как в химическом опыте, через выполнение требования химической формулы, мы повторяем или воскрешаем то или другое явление. И можно себе представить поэтому, что такая формула бесконечное число раз, на протяжении веков, будет воссоздавать в разном, более или менее приближающемся к основному типу, Сократа, именно Сократа, не бледную и отвлеченную тень его, но самого живого, великого Сократа, так же, как формула лампы, осуществляемая в веках, дает нам различные и вместе с тем все те же явления — лампу.

Надо, однако, иметь постоянно в виду, что это не теоретическое только допущение таких формул — лицезрение форм в их вечности и потому отдаленности от мира. Здесь мы имеем практическое учение о таких числах, согласно которому все время происходит и совершается нашими сознательными усилиями их воплощение в жизни. Тут есть реальное изменение мира, причем осуществление в результате такого действия формулы или числа вещи и есть преодоление времени, эту вещь, в сфере обычной изменчивости, разрушающего. Рождение и творчество знаменуют начало такого акта воплощения, а смерть — его приостановку, за которой следует распад личности в ее временном виде.

Вопрос этот, конечно, тесно связан с вопросом о возможности в лабораториях делать жизнь. Формулы или числа вещей должны дать этой работе цели и направления. Пока же в настоящих условиях культурного творчества мы имеем только частичное возобновление прошлых личностей, т. е. не целое их повторение, а только повторение некоторых их сторон и свойств. Если я по какому-нибудь вопросу мыслю совершенно

так же, как Гегель, это и есть частичное воскрешение умершего Гегеля. Если при этом на меня повлияли его идеи, это результат записи его личности в истории, данной его сочинениями. Конечно, Гегель со всею своею личностью и жизнью здесь отсутствует. Но в рамках известных переживаний, в моих мыслях, совпадающих с его мыслями относительно известных, быть может, ограниченных даже проблем, — меня нельзя назвать подобным только ему, но надо назвать тождественным, ибо в этих рамках все логические признаки наши совпали. Также, если я читаю, например, вопросы бывшего мыслителя и его предположения относительно будущего, я чувствую полное единство мыслей с ним по этим вопросам, неужели я могу сказать, что я не он, что я и он, в рамках этих мыслей, не одно и то же? Очевидно, в этих пределах мы тождественны, ибо все, что нас отличает друг от друга, осталось в области неподобного, вне рамок этих выраженных мыслей. При этом эти же самые мысли мною по сравнению с этим мыслителем могут быть дополнены современными знаниями. Следовательно, во мне живет этот мыслитель, но развившийся, ибо сотни лет со времени его смерти прошли не даром. Конечно, я не он, в смысле его тела, да и в психике его и мысли большая часть его остается мне чуждой и неизвестной. Но в этой одной выхваченной области мы совпали, и я могу, перечитывая его сочинения, испытывать буквально радость воскресения, в малой степени то, что он сам испытал бы, если бы он сейчас появился, в XX веке. Я могу говорить себе: вот, как я ставил вопросы тогда, вот как я те же вопросы ставлю теперь. Таким образом, я тождествен той части его, которая во мне воскресла. Надо сказать, что это касается не только одной умственной области: я отождествляю себя с ним и в некоторых желаниях, вкусах, идеальных стремлениях и эстетических чаяниях. Я ставлю себе вопрос: быть может, это только и стоило в нем воскрешать? А чтобы воскресла его зубная боль — кому это нужно? Ему, вероятно, меньше, чем кому бы то ни было.

Здесь следует сказать несколько слов о глубоком отличии указанной концепции воскрешения от воскресения, как его понимают, например, спиритуалисты. Они сказали бы, что душа какого-нибудь великого человека воплощается в какое-нибудь другое тело. Мы же имеем в виду только как бы символ, или запись его индивидуальности, и это вполне заменяет душу. Ее неземность, вездесущность как раз в ее природе математической формулы, числа или имени. Здесь нет ничего абстрактного, ибо для этого имени или числа возможно воплощение в целой гамме приближающихся к основному типу форм. Быть может, как мы раньше указали, отдельные частицы сохраняют свою запись. Но последняя важна сама по себе, не по тому, на чем она запечатлена. Когда мы говорим, что личность воскресает, или, вернее, воскрешается, это всегда означает лишь то, что снова в мире созданы условия, при которых бывшая комбинация снова имеет место. В отдельных явлениях рождения людей мы имеем подобия бывших личностей: так повторяются типы ученых, математиков, художников и деятелей. Так бывает, например, в случае воз-

рождения старых культур. Снова появляются люди, воспитанные и настроенные согласно прошлым идеям. В природе и в истории постоянно действуют такие воскресительные силы жизни. Они воссоздают многое из того, что сохранилось в виде записей и повторение чего почему-либо нужно. Такое воскрешение из природного должно стать разумным. Орган жизни, могущий организовать и направить такое использование старых форм, а также исправить их и дополнить, есть сознание и действительный разум. В этом процессе нет ничего таинственного, ибо те личности или союз личностей, которые призваны восстанавливать бывшее, носят в себе печать того, что они воссоздают. Они только раскрывают и выявляют символы, в них самих начертанные.

Ставится вопрос: но в таком случае можно воссоздать несколько тождественных личностей? Можно в самом деле себе представить абсолютные двойники, отличающиеся только своим *locus situ*¹⁰⁶, или внеположностью друг к другу. Это и происходит, когда восстанавливается целая эпоха и определенный тип людей делается в ней господствующим. Чаще всего, в самом деле, этот процесс производится по отношению к целым циклам или эпохам, и тогда повторяются в новой культуре массовые явления, уже бывшие в прошлой эпохе. Такими возрождениями изобилует природа и еще больше история. Всякая осуществленная реформа есть такое коллективное возрождение. Ученики великих течений античной философии, сохраненных византийцами и арабами, воссоздали этих мыслителей в лице философов Возрождения и Нового Времени. Можно представить себе, в известных случаях, такое воссоздание гораздо более точным и близким оригиналу, вплоть до буквального его почти повторения. Если представить себе разумную и систематическую организацию и массовое совершение таких воскресительных процессов, можно получить в конце концов их слитие в единое преобразование, меняющее весь мир.

Этим путем жизнью побеждается смерть. Она преодолевается тем, что всепоглощающему ее безразличию противопоставляется качество и личностность, выражаемые именем или числом. Смерть есть бездна, возвращение личности в бесформенное ничто, в единое несущее Парменида, в Брамму Упанишад. Жизнь — это печать имени над бездной.

Таким образом, генетика превращается в анастатику, искусство рожать — в искусство воскрешать.

§ 3

Гораздо легче, чем такое целостное воскрешение людей посредством генетики, изменение только одной их психики посредством морального совершенствования и отношений между ними посредством политики и права. Подробное описание организации этих отраслей деятельности не входит в нашу задачу, так как путем совершаемых ими преобразований меньше всего преодолевается реальное время в его физических проявлениях. Скажем только, что истинной целью морали должно быть создание

человека с расширенным сознанием, целью же политики и права должно быть создание такого строя, который имел бы задачей объединять людей в работе над изменением мира в смысле преодоления хаотического разброда разъедающих его времен. Этот строй по его конечной цели — власти над миром — можно назвать в последнем итоге космократией. Он должен создаваться как часть общечеловеческой культуры объединенными действиями всего человечества, причем каждое такое отдельное меньшее действие может быть действием особого народа и постольку создавать особую национальную культуру. Но все эти культурные действия должны непременно вливаться в общее русло единой и верховной всечеловеческой и всемирной культуры, обогащая ее своим своеобразием и особыми способами совершения дела преобразования мира. Такая цель каждой культуры дает критерий для суда над всяким отдельным народом и государством: его самоопределение и особое существование оправдываются не отвлеченным принципом: «существуй, благо ты народ, ради твоих эгоистических целей», но исключительно степенью участия его в общем деле, тою частицею мира, которую он преобразует, тем особым временем, которое он преодолевает на пути к мировому свершению времен. Народы, не выполняющие такую вселенскую задачу, не имеют с точки зрения космократии права на жизнь и в случае, если они препятствуют организации человечества и делу преобразования его, их эгоистическая национальная самобытность должна быть устранена как вредная помеха мировому успеху общего мирового дела.

При космократическом строе, таким образом, политика получает космическую цель. Это возвышает ее над столкновениями частных и групповых интересов, превращая ее в основную деятельность по организации общего дела человечества. С другой стороны, ввиду несравненно-го значения ее целей по сравнению со всякими более мелкими человеческими целями, политика приобретает полную свободу в смысле применения средств — ибо какие бы средства ни употреблялись, они будут освящены этой целью высшего преобразования¹⁰⁷. Единственное ограничение, здесь допустимое, касается таких средств, которые, преодолевая время в одном отношении, в другом создавали бы дурное принудительное время.

Те же принципы применимы в другом масштабе в отношении организации самой личности. Это дело ее внутренней политики, образующей сознательную и совершенную физическую и моральную систему из полубессознательной группы элементов, составляющих живое существо. Это создает обширное поле для работы личного самоусовершенствования, вплоть до изменения человеком своей собственной природы.

§ 4

Если до сих пор в области генетики мы мало имеем возможности преодолевать время, а в политике вообще сама сфера такого преодолева-

ния ограничена, — в области производства мы имеем максимальные возможности создавать культуру и побеждать время в ограниченных областях.

До сих пор производство создавало одни только вещи. Вещи, или так называемая материальная культура, представляют собой совокупность произведений, живущих жизнью частичной и потому отвлеченной и фантастической, подобно невоплощенным еще семенам или зародышам истинных живых существ.

На самом же деле цель всякого творчества и производства должна была бы заключаться в том, чтобы создавать не подобие жизни, а самую жизнь. Производство должно превратиться в генетику. Машины могут служить этой цели, но не могут ее заменить, стать этой целью. Производство должно сделаться производством живых существ, причем существа эти должны потерять настоящий половинчатый характер преходящности, смертности, иррациональности и бессознательности и стать всецело сознательными. Тогда они будут постоянно порождаться и воскрешаться созидающими их группами. Такое утверждение звучит странно только потому, что мы привыкли к индивидуальным лабораторным методам и мыслим себе, например, создание человека в научной мастерской подобно тому, как химики выводили из колбы гомункулов. На самом деле процесс создания жизни и тем самым реального преодоления времени должен носить совершенно иной характер — быть некоторым усовершенствованием тех массовых способов созидания культуры, которые и теперь применяются наполовину бессознательно в истории.

Пока же достижение этого идеала невозможно, рассмотрение понятия производства с точки зрения преодоления времени приводит к необходимости пересмотра современных целей производства. В настоящее время производство создает предметы, служащие не для овладения временем, а для времяпрепровождения. Человечество как бы задается не вопросом, как преодолеть время и, следовательно, увековечить жизнь, а как провести время, как убить время, остающееся каждому до часа смерти. Как наилучше заполнить его наслаждением или опьяняющим дурманом! На этом фундаменте построена вся современная культура. И соответственно, от промышленности и производства требуют, чтобы они «украшали жизнь» и делали бы ее «удобною», т. е. заполняли бы праздное время богатых классов человечества погоней за всякого рода безделушками, вещами, перед которыми, по меткому наблюдению русских мыслителей, Герцена и Достоевского, так благоговееет средний европеец¹⁰⁸.

И все это в значительной мере происходит оттого, что экономические отношения или организация производства уродуют в этом смысле человеческую жизнь. Жизнь культурных людей в современную эпоху, начиная с Возрождения, как мы уже указали, протекает в формах крайнего себялюбивого индивидуализма. Возрождение провозгласило идею «свободы» во всех сферах, совершенно не принимая во внимание, чем эта

свобода должна быть заполнена. Получилось царство культурного либерализма, где культура с ее материальными и духовными ценностями вырастает в вольной игре проявления случайных сил и в борьбе сталкивающихся конкурентов.

Такая свобода имеет свои достоинства по сравнению с эпохами слишком одностороннего вложения жизни в прокрустово ложе определенных идей, но она таит в себе величайшие опасности. Создается распыление действия человечества. Могучий океан единого действия, как мы видели, вместо того чтобы течь стройным и мощным потоком, увлекающим мир в определенном направлении, растекается по сторонам, образуя миллионы ручейков, перекрещивающихся и друг друга нейтрализующих, и в конце концов останавливается, коснея в бесчисленном количестве стоячих луж. В них действие стало частичным и минимальным, а иногда в объятиях того или иного дурмана вовсе превращается в смерть, убивая людей задолго до их смерти, притупляя их активность и уничтожая их волю и сознание. Вся современная культурная жизнь состоит из таких тупиков, куда зашли люди и где они коснеют в мертвой и бессмысленной кристаллизации. Создались миллионы маленьких, не связанных друг с другом индивидуальных центров, мирозерцаний и соответствующих экономических хозяйств. И производство исключительно обслуживает эти тупики, регулируемое гораздо больше даже, чем экономическими законами, законом человеческой глупости и ничтожества — законом моды. В конце концов, мода (вместе с более длительными ее проявлениями — привычкой, традицией, отчасти обрядом) является, быть может, единственной серьезной связью этих распыленных кусочков современной жизни. Пещерные троглодиты по своей хищнической и варварской психологии — современные люди, средние обитатели Европы, связаны интернационалом единой пиджачной формы, общего поклонения предрассудкам тщеславия и общей эволюцией к единообразному ношению усовершенствованных манжетных пуговиц. Вместо культуры создается культ разноцветных идолов, и этим истуканам молится истово и неистово каждый член человеческого стада, молится до упаду и до одурения, не замечая, что перед ним болван из дерева или камня. И мало-помалу сам человек деревенеет, костенеет. Его внутренний огонь чадит и гаснет. Так получается уродливое искажение труда и производства: вместо того, чтобы вещи превращать в живые существа, наоборот, люди превращаются в бездушные чурбаны — вещи.

§ 5

Производство, поскольку оно себе ставит для всего человечества и для всего мира единую цель — преодоление времени или, вернее, бесчисленных времен мира, прежде всего требует разрушения этого партикуляризма целей, слома этих перегородок, служащих как бы заповедниками, отгораживающими выращивание на земле всякого рода культур-

ных и некультурных суеверий, всякого идолопоклонства, ведущего к вырождению и к убиению жизни. Должна быть поставлена задача приурочения всех хозяйств к выработке исключительно одного продукта — управляемого людьми времени, вместо настоящего времени, владеющего людьми и их умертвляющего. В этом смысле в каждой хозяйственной системе, начиная от хозяйства индивидуального и кончая, быть может, хозяйством космическим — планетным и солнечным, — должно быть установлено единое устремление и организация экономического действия.

Здесь мы сталкиваемся с вопросом о частной собственности и тем спором, который ожесточенно ведут ее сторонники и противники.

С точки зрения производства как деятельности, преодолевающей время, вопрос этот разрешается следующим образом: к старым понятиям собственности индивидуальной (лица) и собственности общественной (коллективной) следует добавить третий вид собственности, которая может быть условно индивидуальной, но вместе с тем сохраняет всегда общественный характер: это собственность *инструментальная*, или собственность, не являющаяся самоцелью, но лишь орудием или средством для достижения более широких целей жизни, чем цели узко-эгоистические. Зародыш этой идеи заключен в революционном русском законодательстве, признающем, что каждый работник имеет право на орудия своего мастерства, музыкант — на свои музыкальные инструменты, ученый — на свою библиотеку, рабочий — на профессиональные инструменты. Поскольку же творческий труд в нашем понимании есть категория космическая и цель всякого труда, как и производства, есть преодоление времени — всякая собственность должна рассматриваться с этой точки зрения и оправдываться выполняемой ею функцией. Этот принцип дает гибкий критерий законодательства в сложных вопросах ограничения собственности, выдвинутых еще до социализма всей государственной практикой XIX века.

Такая организация производства дала бы возможность постепенно планомерно расширять рамки работы человечества по преодолению времени и превратить ее из совокупности случайно связанных усилий в действительно общее дело борьбы против смертоносной силы природы за жизнь, за разумное преобразование мира.

Таким образом, целью хозяйствования должно стать овладение природой и преодоление навязываемого нам времени. Труд человечества, являющийся орудием хозяйствования, должен получить космическую цель. Каждый труженик должен помнить, что он не вырабатывает только какие-нибудь ремешки или пуговицы, но является фактором такого мирового преобразования. Этим облагораживаются и освящаются самые скромные, самые приниженные виды труда и труд возводится в деятельность, создающую наибольшее возможное для людей совершенство жизни.

Но космическое хозяйствование требует соответственной организации. В основу последней должен лечь принцип, что каждый хозяйствен-

ный шаг только тогда исполняет свое назначение, когда его цель может быть связана с общечеловеческой и мировой хозяйственной целью. Во-все не нужно для этого, чтобы каждый мелкий экономический акт всецело постигал эту цель во всем ее объеме. Достаточно, чтобы человек, совершающий этот акт, сознавал, что он входит в какую-то систему высших актов, преследующих цель всеобщего движения вперед по пути усовершенствования мира. С этой точки зрения расширение горизонта экономических деятелей должно заключаться в раскрытии для них связи этих систем и их целей и, в конечном итоге, космического значения промышленности, торговли, всякого ремесла и профессии.

Организация же всех этих актов должна заключаться в том, что к каждому должны применяться проекты, созданные наукой и искусством, и вместе с тем применение это должно быть произведено по отношению ко всей их совокупности. Это требует объединения и регулирования этих хозяйственных актов. Органом такого объединения и регулирования в общечеловеческом масштабе должен быть Всемирный Верховный Экономический Совет, который должен создавать синтез хозяйства человечества и направлять это хозяйство в смысле максимального преобразования нашей планеты и, если возможно, всего мира. Экономика, так понимаемая, есть деятельность, физически и материально меняющая землю. Ее проектирует знание, образец дается ей искусством, политика ее организует, задачей же ее служит превращение в генетику, причем все эти виды деятельности, также как и сама экономика, протекают в максимальном всеземном масштабе. Таким образом, должна быть установлена связь между деятельностью Совета экономического и Советов научного, художественного и высших космических органов.

Специально экономические советы должны представлять не что иное, как сосредоточение воли и разума всех главных отраслей промышленности, торговли, финансовой деятельности, земледелия и труда человечества. Как таковые, они не будут нужным органом, навязывающим экономической жизни извне искусственно свои решения, но будут выразителем зрелого экономического сознания, вырастающего из самой этой жизни. Это будет голос организованных и объединенных предприятий человечества. Верховный Совет будет выражать тенденции, рождающиеся в этих предприятиях, но в синтезированном виде. Таковой совет соответственно будет располагать могущественными средствами для приведения в исполнение своих решений и для принуждения не желающих ему подчиняться к покорности. А именно решения совета будут осуществляться координированными силами могущественнейших предприятий мира, и вряд ли сопротивление ему отдельных хозяйств будет иметь возможность долго длиться. Это тот же принцип, что в современном капиталистическом синдицировании промышленности, но с той разницей, что синдикаты капиталистов объединяются ради достижения эгоистических целей, не считающихся с интересами человечества, тогда как здесь целью общего объединения будет космическое преобразование.

Последнее, в результате хозяйствования, ведомого таким образом и направляемого согласованными наукой, искусством и политикой, должно значительно продвинулось вперед. Постепенно вещи будут превращаться в живые существа, и машинное и механическое воздействие останутся для все более ограниченной области. Соответственно, с углублением преобразований будет расширяться область культуры в виде создаваемой человеком жизни. Содержание последней, как мы знаем, — творимое ею время. Таким образом, производство будет все более и более преодолевать время, превращая свои малые современные победы в виде созидания ограниченных и элементарных систем — вещей, в системы все более сложные, способные воздействовать на само производство и таким образом расширять субъект производственного действия¹⁰⁹.

§ 6

Надо сделать оговорку относительно слова «организация». Его можно понять в смысле рационально механического распределения ролей в известном множестве. Такое понимание вызывает справедливую критику, ибо жизнь чужда механических схем и в основе ее лежит деление и распределение, сопровождаемые связанностью действующих элементов, вследствие чего получается течение или рост вместо толчков, являющихся результатом применения логической схемы. Это позволяет противопоставить понятию организации понятие органичности, и многие мыслители, в особенности находящиеся под влиянием Шеллинга¹¹⁰, считают, что понятие организма есть высшее вообще, что можно себе представить в смысле синтеза целого и его элементов. В этом смысле организация должна пониматься как построение системы органов, из которых каждый особым образом служит целому и в этой функции специализируется. Суть органов в том, что они друг другу нужны как части целого.

Однако при всем удобстве и стройности этой концепции она чревата отрицательными последствиями. Этим путем существенно ограничивается индивидуализация элементов, ибо им приписывается служебная роль, и при этом только в одном каком-нибудь специальном аспекте. Индивид вследствие этого уродуется, ибо закрепляется его подчиненная роль. Он становится служебной единицей и не может уже быть целым. Но мы видели, что сущность личности не в том, что она хочет отдельности, но также в том, что в этой отдельности она хочет быть всем.

Мы видели, что самое деление целого на части можно объяснить только так, что каждая часть есть все целое и на самом деле нет частей. Недостаточность принципа органичности в том, что он не считается с такой ролью элементов или органов. Вследствие этого органичность сама по себе не может преодолеть время: она смягчает борьбу, регулирует ее, но приемлет ее разрушительное начало уже в том, что ограничивает индивидуальность.

Выход из этого затруднения может быть только в замене органа как части целого органом в роли частичного аспекта, или лика всего целого, т. е. всем целым в известном его проявлении. Не так следует мыслить, что орган есть ухо, глаз, нос, оторванный от тела, но весь человек становится в известные моменты определенным органом. Он весь становится глазами, ушами и проч.

Это ведет к полному уничтожению внутри такой организации борьбы, каковая возможна между специализированными и отъединенными органами, живущими каждый в своем собственном мире. Здесь же каждый орган есть вместе с тем все другие, выраженные в данный момент через него, завтра через другого, третьего и т. п. (Идеал этот вытекает из сосуществования всех возможных комбинаций «одного», т. е. из существования их в бесконечном количестве видов, отличных весьма малыми отличиями и друг друга дополняющих.) Только при таком устройстве наступает в организме полная согласованность и, следовательно, побеждается время. Нетрудно заметить, что сущность сознания единого «я» состоит как раз в ощущении такой тождественности всех его органов со всем целым.

Заключение:

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ ПРОТИВ СЛЕПЫХ СИЛ ПРИРОДЫ¹¹¹

В общем с точки зрения возможностей человеческого действия мы можем представить себе мировое множество в виде четырех вариантов. 1. Либо это хаотическое собрание вовсе не влияющих друг на друга частей или же влияющих случайно, без всякой закономерности. В таком мире, конечно, нечего делать, в нем ничто ни с чем определенно не связано и ни о каком сознательном действии не приходится думать. Это мир сумасшедших. 2. Другой образ — это мир самого строгого предопределения, в котором действует единый, неумолимый, бесповоротный закон. Это мир крайних механистов или даже фаталистов; в нем также ничего нельзя сделать, кроме того как покориться своей предопределенной судьбе. 3. Третий мир — это мир сторонников идеальной свободы, где нет ничего необходимого и есть только внутренняя закономерность цели, осуществляемой этой свободой. Это, конечно, высший идеал, к которому человеческая мысль может стремиться, но совершенство достигается в нем путем пожертвования реальностью, и потому вся концепция страдает отвлеченностью. 4. Наконец, четвертая возможность — мир, смешанный из вида второго и третьего. Это мир, в котором сталкиваются два процесса, две закономерности — необходимая объективная причинность и разум. Реальная активность возможна, очевидно, только в таком мире, в виде превращения закона причинности в закон разумной воли.

Слепой космической силе разрушения может быть противопоставлена только такая жизнотворная деятельность всех живых существ. Люди не должны плыть покорно вместе с потоком «конкретной длительности», увлекаемые безразумной эволюцией, но бороться совместными силами против этого потока. Бергсон назвал эту эволюцию творческой, обнимая в этом понятии все основное природное течение вещей, связанных причинностью, развертывающееся в виде временной эволюции мира. Но на самом деле в этом движении есть не одно только творчество. Причинность сама по себе есть убиение творчества, ограничение его и связывание. Сила, сказывающаяся в причинности и во всем этом движении слепой природы, есть сила целого, объединяющего свои элементы через их поглощение и обезличение. Если бы она восторжествовала, получились бы безвыходный консерватизм, одноэлеат, без элементов и без множественности, мир, лишенный силы внутреннего умножения и потому лишенный жизни. Одно стало бы тем же, что ничто. Смерть — истинное имя этого единства. Но в этом движении рождается против него другое, истинно творческое и сознательное. Появление в эволюции природы множества существ, заживающих собственной жизнью, есть начало борьбы двух сталкивающихся сил. Кто же побеждает? По учению унитаристов, необходимость, слепой рок или предопределение так или иначе сковывает множество и придает ему в конце концов мнимый характер. По учению плюралистов, единство расплывается, разбредается, множество живет бесчисленными, оторванными друг от друга частями. На самом деле в этой эволюции происходит не столько борьба единства и множественности, сколько борьба двух различных единств. Момент множественности есть внутренний момент единства, не имеющий самостоятельного значения. Движение творческое есть плюрализм лишь на подчиненной ступени, пройдя которую оно становится стремлением к новому синтезу, но не мертвому, с частями, а к живому, с живыми же элементами, из которых каждый есть выражение целого.

И если законом первого смертоносного движения является причинность, все подавляющая и принудительно связывающая, — законом второго является проективная деятельность живых существ, все приводящая в гармонию и связывающая, но не принуждением, а согласием и общим разумом. Правда, некоторые мыслители считают, что причина и проект — одно и то же явление, только рассматриваемое с разных сторон. Это, несомненно, заблуждение. На самом деле они величайшие враги. Там, где создается целевой проект, нарушается, или, вернее, побеждается причинность. Там, где господствует эта слепая причинность, нет проекта и нет цели. И только недостижение полной победы того или другого факта, вынужденное их сожитие, кажущийся компромисс, вытекающий из постоянного их чередования, создают иллюзию их примирения.

Реально в жизни индивидуальной, исторической и космической первое движение ощущается нами как бессмысленный, слепой, необратимый поток времени. Это река Гераклита, слепая и бессмысленная воля

пессимистов, это механическая безжизненная игра атомистических систем. Верить только в это движение, в его неотвратимость, неизбежность и непреодолимость, значит отказаться раз и навсегда от разума, от самого даже первичного права на утверждение должного. Если стоять на этой точке зрения, есть два только последовательных исхода, исход Эпикура, или наслаждения, если мы имеем благоприятные данные, исход Гегезия, или самоубийство, если судьба нас преследует. Да и эти учения древности для такой философии слишком благородны и утонченны: они, в наш измельчавший век, должны изливаться не в величественном презрении к смерти увенчанного розами Петрония или кончающего с собой в ванне Сенеки, а одурманиванием себя кокаином в неприглядном притоне или самоубийством в грязном номере гостиницы в бледных лучах северного утра.

Другая философия, исходящая из осознания второго движения, жизнетворного, есть философия всяческой борьбы, устремления, искания и нахождения смысла. Она восстанавливает веру в разум и в человеческую благу волю, вопреки упадочным учениям иррационализма и интуитивизма. Она присутствует во всех направлениях мысли, поскольку последние улавливают истинную задачу преобразования мира. Мы имеем в виду эту точку зрения, когда говорим о совершенствовании, о красоте, о благе, о морали, о смысле. В этих понятиях господствует идея качества, движения вверх от бескачественности или низкокачественности к улучшению, идея бунта во имя лучшего. Можно оспаривать сколько угодно в теории правомерность утверждений, связанных с такой верой. Как факт — наличие и развитие таких течений неопровержимо. И присутствие этих и только этих элементов в человеческом сознании было движущей силой в истории. Представим себе даже, что они иллюзия. Можно сказать, раз они действовали в истории последовательно, организованно и систематически, они уже не иллюзия.

Таким образом, то, что ощущается как слепая, безумная, убивающая сила времени, увлекающая мир на путь уничтожения, в объятия бесформенного единого, ничто, есть, по существу, дурное внешнее время, тлен и смерть. Гераклит, говоря об изменениях, говорил именно об изменениях, порождаемых этой силой. Другого рода изменения, воскресительные, не теряют ничего ценного и существенного. Сила, противоборствующая силе тлена, есть сила, овладевающая временем, т. е. изменения обогащающего, творящего. Здесь обнаруживается связь понятий последнего высшего блага и свершения времени. Очевидно, благо, чтобы быть совершенным, должно длиться. И только совершенное, с другой стороны, может длиться. Этим объясняется самое глубокое внутреннее стремление личности — стремление утверждать свою жизнь.

Это, очевидно, не стремление к пустому бытию, к продолжительности времени, могущего быть наполненным любым содержанием, а к жизни, содержащей полноту всех осуществляемых возможностей, неисчерпаемость бытия. В реке Гераклита все преходяще, все исчезает, все

покорно смерти и т. д. Здесь, наоборот, все ценное спасается, переживает болезнь времени. И надо, вместе с тем, еще раз подчеркнуть, что это не теоретическая только предпосылка, но вывод из того, что уже сейчас вокруг нас совершается в различных областях человеческой деятельности.

Когда мы размышляем о потоке времени, мы обнаруживаем, что мы имеем опыт фактов совершенно иной категории, где нет присущей ему текучести и постоянного исчезновения. У нас имеется память и история, основанная на памяти, делающая вечным, во всяком случае, в смысле повторяемости, какие-то моменты истекшего прошлого. У нас имеется разум, мыслящий в категориях обратимости, повторяемости, общности. Наконец, у нас имеется и опыт организующих действий, как мы увидели, создающих в ограниченных областях примеры действительного воскрешения и обратимости времени на практике в виде творчества культуры. Вообще, всякая разумность несет в себе свойство постоянства, и всякое сознательное целесообразное действие, дающее нам власть над природой, есть в самом деле овладение временем. Сюда же следует отнести, конечно, и факты воли и нравственности.

В общем, жизнь, поскольку мы относимся к ней сознательно и активно, есть постоянная борьба двух этих противоположных стремлений. Независимо от всяких теоретических попыток исследования отношения этих процессов, перед нами ежедневно и ежечасно ставится практическое задание этой борьбы. И разрешаем мы его всегда во втором смысле, ибо всякий человеческий акт, стремящийся быть разумным, есть восстание против смерти.

Конечно, можно находить выходы из этой дилеммы, и человечество их всегда находило¹¹². Но все эти выходы не суть действительные выходы, а либо иллюзии, необоснованная вера в торжество вечности во что бы то ни стало и помимо нас, либо подчинение, сознательное или бессознательное, слепому процессу времени.

На самом деле, надо искать выхода не в гипостазировании наших чаяний¹¹³ и, с другой стороны, не в преуменьшении ожиданий, переходящем в настроение скота, покорно ведомого на убой, но в приложении в этой области разума с его особым свойством побеждать время. Надо перестать надеяться на готовую вечность и начать *делать время*¹¹⁴. И по всем признакам пора такой человеческой победы приближается. Слепое неразумное время корчится и трепещет в судорогах своих предсмертных убийств. А за ним грядет новое, исполненное совершенства разумное время — произведение будущей общемировой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. В связи с этими мыслями можно вспомнить изречение *Маркса*: «Философы лишь объясняли мир так или иначе, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (*Карл Маркс. О Фейербахе / Перевод Г.В. Плеханова*)¹¹⁵. Этим мар-

ксизму придается чрезвычайно широкий смысл и революция превращается в космическую категорию.

[2]. Согласно *Канту*, «время есть необходимое представление, лежащее в основе всех наглядных представлений. Из явления вообще мы не можем удалить время, тогда как явления могут быть удалены из времени» (Критика Чистого Разума, II глава. 4, 2, перевод Лосского)¹¹⁶. То, что вещи могут быть удалены мысленно из времени, еще не доказывает, что время продолжает существовать после этой операции. Именно в результате ее обнаруживается, что время, по удалении из него явлений, перестает быть, т<ак> к<ак> не имеет уже содержания. Следовательно, единственным таким содержанием служат явления. Неверно и первое положение *Канта*, что «из явления вообще мы не можем удалить время». Мы можем мыслить смысловые статические связи, как это делают, например, математики. Но если рассматривать явления, признаком которых является время, невозможность его удаления вытекает уже из самого этого определения. В таком случае для такого рода явлений содержание их и время неразрывно связаны, что и признается этим заключением *Канта*.

[3]. Это можно представить еще так: нет конкретного изменения. Для одного целого нет безвозвратного времени: всякая вещь стареет, разлагается в результате взаимодействия с другими вещами и в сравнении с другими вещами, то есть тогда, когда есть несколько целых. Но эти целые в своем взаимодействии составляют новое целое. Следовательно, всякое подобное временное изменение есть процесс длительный, в пределах какого-то целого: отнятие от A и прибавление к B . Но если мы возьмем целое, созданное из элементов, например, $A + B$, создающееся по коммутативному закону математики, всякий переход части от A к B и обратно составляет целое, по своему составу неизменное. Значит, для целого нет количественного изменения, ничего для него не выпадает из существования. Следовательно, всякое целое, путем временного перемещения его частей (в случае, если количество их оставалось неизменным), может быть возвращено во всякое бывшее его состояние.

Но возможно ограничить задачу: есть случаи, когда нет нужды прибегать ко всему первоначальному целому. Можно, имея целое ($A, B, C, D \dots N$), остановиться только на секторе его, множестве (A, B, C) и исчерпать его комбинации, а затем снова соединить их. Здесь совершаются, следовательно, две операции: сперва изоляция некоторых элементов из некоторого процесса ($A, B, C, D \dots N$) и исключение внешних влияний по отношению к избранному множеству (A, B, C) и ограничение его собственным составом. Это то же, что переход от большей к меньшей системе. Такая изоляция имеет место в каждом научном опыте (например, в указанном выше химическом опыте создания воды). Результат достигается здесь в ограниченной сфере с ограниченным числом элементов. Затем в пределах этой изолированной системы совершается указанное выше перемещение всех элементов целого. Если хоть один из них не участвует в этом процессе, он оказывается внешним по отношению к остальным и в качестве постороннего фактора или же мертвого груза, нарушающего общее согласие, препятствует овладению всем временем системы.

[4]. *Бергсон* считает, что кинематографический метод, употребляемый нашим разумом в виде разложения движения на статические моменты, свидетельствует о несовершенстве нашего ума. Никогда мы не схватываем движения и жизнь и всегда только неподвижное и мертвое¹¹⁷.

Но, быть может, это вовсе не доказательство неадекватности нашего разума природе, но, наоборот, полной его приспособленности передавать действительность? Быть может, в основе построения последней лежит именно кинематогра-

фичность, т. е. умножение и интегрирование единого неподвижного элемента, каковые процессы представляются нам как изменение, движение и время.

[5]¹¹⁸.

[6]. Истина о необходимости единого субстрата всех отдельных явлений в мире признавалась большинством древнегреческих философских систем, одинаково системами *Фалеса*, *Анаксимандра*, *Анаксагора*, *Гераклита*, *Парменида*. Признание такой единой сущности мира, в виде ли какой-нибудь материальной стихии, неопределенного апейрона или единого течения, было необходимо как предпосылка познания множественности, опирающегося на предварительное допущение единой природы разобщенных вещей. Но одним пифагорейцам и пифагорействующим философам удалось сочетать идею такого единства с действительным объяснением ограничения его в отдельных вещах как особых его комбинациях или проявлениях.

Идя далее, если вдуматься в философские системы более позднего времени, в корни их, мы найдем этот же вопрос, прикрытый иногда разными метафизическими усложнениями. Правда, вопрос этот ставится в различных контекстах и формах. Но все же ясно, что проблема сочетания единства и множественности является главнейшей для патристики, а затем для схоластической философии, одинаково в аристотелических и платонических ее ветвях. *Джордано Бруно* и *Помпонаци*¹¹⁹ одинаково проникнуты ее пафосом. То же видим ранее у арабов, у *Аверроэса* и *Авиценны*¹²⁰. У мотекаллеминов¹²¹ мы находим сложное учение, напоминающее современные теории: они учили, что то, что мы называем рождением, есть соединение, разрушение же есть разделение атомов. Идея единства и его сочетания с множественностью есть основной вопрос философии *Спинозы*. То же можно сказать про *Канта*, и то обстоятельство, что единство переносится им внутрь сознания и является в виде нового понятия синтетического единства апперцепции, не уменьшает его основополагающее значение как необходимого условия всякого разнообразия. Подобные же выводы можно сделать относительно *Фихте*, *Гегеля*, *Шеллинга*, *Лотце* и т. д.

[7]. Эти парадоксы сформулированы в настоящее время в учении *Лотце* и в учениях английских и американских философов: *Брадлея*, *Ройса*, *Мак-Таггарта*¹²². *Лотце* доказывает, что разобщенные и независимые вещи нельзя рассматривать как имеющие реальное существование. Реальность придается им только целым, частями которого они являются (*Metaphysik* §§ 69–70). *Ройс* считает, что малейшее раздробление мира должно повести последовательно к полному отрицанию какой бы то ни было связи между его частями. Наоборот, малейшее объединение влечет за собой признание полного единства всего. *В. Джемс*, полемизируя против этих взглядов *Лотце* и *Ройса*, доказывает, что эти положения основаны на «словесном характере заранее взятых определений». Когда мы говорим, что вещи разъединены, это не значит, абсолютно разъединены, но разъединены в одном отношении, а в другом связаны (*Плюралистическая Вселенная*, перевод Осипова, стр. 37)¹²³. Сам *В. Джемс* в своей книге «*Pragmatism*» приводит пример того, как все в мире связано и вместе с тем раздельно: между каждым человеком и китайским богдыханом нет необходимой связи, но в каждом случае можно такую связь установить, если избрать правильный путь соответствующих знакомств, ведущих от каждого человека к китайскому императору¹²⁴.

В. Джемс пользуется этим примером как аргументом в пользу плюрализма, но на самом деле можно усмотреть здесь как раз довод в пользу монизма. В этом примере обнаруживается не то, что иногда есть связь, а иногда нет ее, но что связь эта есть всегда, хотя мы и не всегда ее знаем. Утверждение *Джемса* подчеркивает относительность полного разъединения и то обстоятельство, что тако-

го полного разъединения нет никогда, ибо вещи всегда в каком-то отношении связаны. Эту же мысль имеют в виду *Лотце*, *Ройс* и *Брадлей*. Последний утверждает, что мир должен быть или «a *rite universe*», т. е. совокупность вещей, имеющих абсолютную связь и относительное разделение. Другая же альтернатива — «a *multiverse*», или мир чистой множественности, представляется ему как абсурд, возникающий в результате применения принципа абсолютного разъединения или плюрализма¹²⁵. На самом деле вещи, не объединенные хотя бы общим понятием вещиности, нельзя ни сопоставлять, ни сравнивать, ни вообще мыслить вместе. Характерно, что, несмотря на свою талантливую и остроумную критику монизма, *Джемс* в конце концов вынужден придти к идее абсолютности связи и относительности различия: единое можно мыслить без различий, тогда как различия требуют предварительного отнесения к какому-то единству. И *Джемс* в конце концов провозглашает себя «умеренным монистом»¹²⁶, тем самым отказываясь от своего непримиримого плюралистического символа веры. Те же положения, что и *Джемс*, ставил еще ранее *Больцано* в виде возможного возражения против реального существования вещей в множествах, из них составленных. Но *Больцано* также приходит к выводу, что все вещи находятся во взаимодействии (*Парадоксы бесконечного*, русский перевод под ред. проф. Слешинского, стр. 21¹²⁷).

[8]. *G. Cantor*. *Mathematische Annalen*. Bd. XLVI. S. 481–512. *Begründung der transfiniten Mengenlehre*. § 1¹²⁸.

[9]. *G. Cantor*. 9 *ibid*.

[10]. *Dedekind*. *Was sind und was sollen die Zahlen*. § 1–2¹²⁹.

[11]. *Poincaré*. *La science et l'hypothèse*. P. 30¹³⁰.

[12]. Жегалкин. *Трансфинитные числа*, стр. 1¹³¹.

[13]. *Hausdorff*. *Grundzüge der Mengenlehre*. 1–1¹³².

[14]. Смысл теоремы *Цермело* заключается в связи, устанавливаемой им между понятием ряда произвольных актов выбора начальных элементов в множестве и, следовательно, способов его упорядочения и количеством слов, выражающих эти акты. И так как число актов является бесконечным, можно считать, что никакой закон, выраженный конечным числом слов, не способен дать определение такого ряда.

[15]. *Гуссерль*. *Логические исследования* — перевод под редакцией С. Франка. Предисловие автора V¹³³.

[16]. Сущность включает необходимо все признаки вещи и, следовательно, отношение ее ко всем другим вещам, поскольку она связана с ними законом причинности. *Лейбниц* дает следующее логическое определение сущности: «Когда несколько предикатов приписываются одному и тому же субъекту, а этот субъект не приписывается никакому другому, то его можно назвать индивидуальной сущностью» и далее: «Природа индивидуальной субстанции или полного существа состоит в том, чтобы иметь настолько полное и законченное понятие, чтобы оно могло обнять и позволило вывести все предикаты того субъекта, которому оно дается» (*Рассуждение о метафизике*, стр. 59. Издание Психологического Общества, выпуск IV)¹³⁴.

[17]. Этим разрешается старый спор детерминистов и сторонников свободной воли тем, что уничтожается самый объект спора. Безразлично сказать, что свобода есть степень связанности или же что связанность есть ограничение свободы, так как во всяком случае субъект действия есть весь мир и самое понятие частного субъекта есть фикция. На самом деле всякое действие есть связанность, ибо оно есть проявление той или другой коллективности. Но иногда этой коллективности соответствует явно множественный субъект, иногда же она прояв-

ляется в скрытом виде, в форме целого, действующего как частный субъект. В первом случае мы говорим о связанности, во втором — о свободе.

[18]. Так, каждая малая ограниченная система a ощущает свое отношение к другой малой системе b как внешнее время. Но может наступить момент, когда малая система a расширяет свой кругозор до горизонта всей включающей ее вместе с другими малыми системами большей системы A (включающей a, b, c, d, \dots, n) и в связи с этим проникается как бы коллективным духом и сознанием и начинает противопоставлять уже не себя отдельным другим малым системам (а против b, c, d, \dots, n), но вместе с ними совокупно противопоставляет себя как большую систему A другой большей внешней системе B . Тогда время системы A , т. е. отношения a к b, c, d, \dots, n и *vice versa*¹³⁵, меняют для a свой характер. Она начинает ощущать эти отношения уже как какую-то равнодействующую, которую a само, в согласии с b, c, d, \dots, n , создает, и, соответственно, это общее действие большой системы есть уже собственное действие малой системы, и связанное с этим действием время является для этой малой системы временем внутренним, возникает из нее самой. То же рассуждение можно повторить относительно всей системы A в ее отношениях к системам B, C, D, \dots, N и к включающей их всех еще большей системе U .

[19]. Эта остановка на сложных целых соответствует второму принципу порождения *Георга Кантора*, согласно которому действие первого принципа или закона математической индукции, ведущей в бесконечность, ограничивается образованием законченного множества элементов из целого их ряда.

[20]. Несомненно, есть какая-то глубокая аналогия между способами воздействия человека на природу и явлениями катализа. Человек через незначительное физическое прикосновение развязывает действие колоссальных иногда природных сил.

К сожалению, явления катализа принадлежат к наименее разъясненным в химии. Новейшее развитие этого вопроса изложено в исследовании акад. *Ипатьева* и *М.М. Блох*. *Каталитические явления в природе*. М., 1923¹³⁶. В современной химии существует до 8 различных теорий катализа¹³⁷. Несомненно, что каталитическое действие есть особая форма проявления энергии, присущей каждому телу и рассматриваемой в химии преимущественно как сила, создающая химическое сродство. В настоящее время доказано, что биохимические процессы, протекающие в форме катализа, производятся энзимами без участия деятельности клеток, что значительно расширяет сферу катализа, распространяя его вообще на всю природу. Вместе с тем за последнее время начинает как будто устанавливаться взгляд на катализатор как на трансформатор энергии, превращающий ту или другую форму энергии в химическую энергию, напряжение которой и обуславливает то или другое изменение системы (теория *Ипатьева* и *Оттенгейма*¹³⁸). Если предположить, что живое существо действует как катализатор, тем самым оно является также как бы трансформатором энергии. Нервная энергия есть в таком случае не что иное, как особое состояние мировой энергии, действующей каталитическим путем (ср. *С.А. Бекнев*. Гипотеза о нервной энергии. 1923 г., стр. 9)¹³⁹. В таком случае энергия только проходит через человека, аккумулируется им, но не создается. Он есть как бы особый центр, ее сосредоточивающий и излучающий.

[21]. *Metchnikof. Études sur la nature humaine*. 342 стр. и следующие и *Essais optimistes*, 3-е partie, II, III. *Вейсман* на основании исследования способов размножения инфузорий в двух статьях «О продолжительности жизни» (1882) и «О жизни и смерти» (1884) приходит также к мысли, что смерть не является необходимым концом жизни¹⁴⁰. Краткий очерк учений о бессмертии и долголетию

на русском языке дан в книге проф. Третьякова «Бессмертие и долголетие»¹⁴¹; см. также работы Louis Bourdeau. *Le problem de la vie* и *Le problem de la mort*¹⁴².

[22]. *Оствальд. Основы неорганической химии*, [с.] 27¹⁴³.

[23]. Преодоление времени в индивидуе, например, в человеке, связано с его разумностью и есть продукт согласия и общего дела составляющих его биологических и физических элементов, клеток и атомов.

[24]. Энгельс, как известно, в знаменитом месте *Анти-Дюринга* применяет идею Гегеля о переходе от необходимости к свободе к идее революционности, понимая в этом случае революционность в смысле космической категории. Это ясно из его утверждения в другом месте (статья о Фейербахе), где он говорит, что мы можем изменять кантовские вещи в себе революционной практикой и промышленностью. Такое же понимание революционной практики находим мы у Маркса (*О Фейербахе*)¹⁴⁴.

[25]. Здесь возникает вопрос об абсолютном времени. Если возможно свершение времени во всеобщем масштабе, то равняется ли это утверждению, что абсолютного времени нет? Ибо в свершении времени нет уже времени. То, что казалось абсолютным рядом меняющихся отношений, теперь, с этой высшей точки зрения, оказывается рядом повторений, осуществляющих совокупность своих прототипов, соотношения которых уже нельзя назвать временными. Становясь абсолютным, таким образом, время в самом деле перестает быть временем. Оно остается временем лишь с точки зрения отдельных составляющих его систему отношений. Поскольку же они объединяются в высшую соборность, время исчезает. Клочки времени сливаются, или множественность единства превращается в единство множественности.

Этим как будто устраняется концепция единого конца истории. Свершение времени наступает в каждой системе, когда она вступает в состояние внутренней согласованности. Но рядом другое множество может отдаляться от такого состояния. Поэтому конец истории каждой системы может произойти независимо от конца истории другой. И только поскольку все системы объединяются единым процессом, делающим из них единую систему в моменте космического свершения времени, можно говорить об его уничтожении.

Мы впадаем как будто, если принять указанные выводы, в сеть неразрешимых противоречий. Единство и множественность, относительность и абсолютность, время и свершение времени представляются в виде несводимых друг к другу категорий. Вспомним, однако, каким образом, путем применения расширенной диалектической логики, нам удалось избежать противоречия в противопоставлении понятий единства и множественности. Между тем, как мы знаем, именно единство и множественность обуславливают время. Поэтому устранение их противоречивости влечет за собой и синтез идеи времен и их свершений.

Синтез этот становится возможным, если отказаться от мысли, что расширение систем и, соответственно, времяобразование каждой есть процесс, возрастающий в бесконечной степени. Здесь надо мыслить не прямую линию движения, а круговорот, в виде возвращения систем в первоначальное их единство, так же как все числа ряда, при применении второго принципа порождения Кантора, возвращаются к единице. Такой круговорот происходит при движении от меньших множеств к большим, ибо каждое новое большее множество как целое, согласно диалектической логике, тождественно всем меньшим множествам. Постепенное развертывание и возрастание целых в конце концов не ведет к бесконечности, но в пределе возвращает нас к исходному множеству. (Множественность лежит в основе всякого возвращения и кривизны движения в пространстве.)

Можно проследить образование множеств таким путем во всех областях, доступных нашему познанию. В математике мы находим такое построение для специфических ее элементов в основе одинаково всех математических наук. Мы видели, что единственной возможной логической основой учения о множествах является тождество элементов и образуемых из них множеств через тождество каждого элемента с множеством всех вещей. Отсюда в арифметике образование всех чисел из пифагорейской единицы, стоящей вне ряда, и возвращение к ней через образование рядов, воспринимаемых, в силу второго принципа порождения, каждый как новое целое, или единица. В геометрии мы находим, что определение точки через посредство координат требует сперва построения целого или координатной системы, вследствие чего частное выражение точки есть вместе с тем выражение всего целого в виде всей системы и постольку есть возвращение к исходному построению. В механике следует искать предела движения материальной точки не в покое, а в максимальном движении, т. е. в такой скорости, которая ведет к тому, что точка во всякое время везде, или, иначе, к всеобщности точки. В самом деле, только этим путем, — если одна и та же точка одновременно везде, — получается множественность точек. Мы имеем здесь рядом с Платиновским изречением: «Единое, чтобы быть, должно быть многим» — положение, что многое, чтобы быть, должно быть единым; каждая точка должна быть тождественна всем другим и их совокупности. Вместе с тем такой взгляд позволяет видеть в каждом частном состоянии точки случай равновесия всех действующих сил в мире. Но здесь, следовательно, мы имеем опять круговорот, идущий от одной точки ко всем другим. Поскольку же высшие отрасли математики вытекают из этих элементарных дисциплин и в особенности из учения о множествах, все они также построены на указанных основаниях. Следует подчеркнуть близость к этой концепции идеи пространств постоянной кривизны и последствие этих воззрений для астрономии, как, например, учение *Эйнштейна* о конечности, но неограниченности мира. В отношении же проблемы большого и малого здесь возникает парадоксальная точка зрения, согласно которой бесконечно большое в известном смысле отождествляется с бесконечно малым, а также со всеми вещами посредствующих размеров.

К этим математическим выводам можно присоединить ряд выводов чисто логических, также связанных с построением множественности. Всякое логическое суждение, поскольку оно опирается на множественность терминов, выражает лишь отношение этих терминов и поэтому имеет не абсолютную, а относительную природу. В чем же искать основу высказываемой в логическом суждении безотносительной истины? Если не отказываться от такого значения логики и, с другой стороны, не искать обоснования ее в потусторонних началах, придется ставить в основу этой истины единство, обнимающее всю данную в суждении множественность. Другими словами, приходится в относительной природе отдельных терминов видеть какую-то общую их природу, меняющую лишь в них свою форму. Если логика имеет основание в себе самой, это ведет к признанию в ней круговорота смысла и взаимного обусловливания всех имеющихся в ней понятий. Это значит, что самым совершенным суждением является логический круг и что все суждения к нему сводятся. Тем самым восстанавливается в правах и кладется в основу реформы логики тот самый *circulus vitiosus*¹⁴⁵, который находился в таком пренебрежении у логиков и философов.

[26]. Переход истории в астрономию (в виде практической космической деятельности людей) составлял предмет размышлений *Н. Ф. Федорова*, возлагавшего большие надежды на развитие техники в этой области.

[27]. Эту идею можно найти также в философии марксизма, а именно в уг-

верждениях *Маркса* и *Энгельса* о том, что люди не воспринимают течение вещей, как оно дается, но меняют его посредством революционной практики. В частности, чрезвычайно интересна мысль *Энгельса* о том, что мы можем путем такой практики и промышленности видоизменять кантовские «вещи в себе».

[28]. Борьба против слепых и смертоносных стихийных сил была во всех веках привычным делом русского народа, отстаивающего свою жизнь в трудовых условиях преодоления скудной и суровой природы. В памятниках народной поэзии мы находим древние свидетельства сознания необходимости такой борьбы. Таков, например, рассказ о богатыре-земледельце Микуле Селяниновиче. В песне об Егории Храбром Егорий повелевает лесам, горам, рекам, животным и птицам¹⁴⁶. Из русских мыслителей XIX века в особенности явно сознавали задачу преодоления природы посредством науки и связывали этот вопрос с общественной организацией такие писатели, как *Герцен*, *Федоров* и *Кропоткин*.

[29]. John Dewey. *Studies in logical Theory* (1–4)¹⁴⁷.

**ФИЛОСОФСКИЕ СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ,
ПЛАНЫ, НАБРОСКИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ТРУДОВЕДЕНИЕ»

В наше время вопросы труда так разрослись, что уже не вмещаются ни в какие из старых научных дисциплин. В самом деле, политическая экономия не может ответить на усложнившиеся до крайней степени вопросы физио- и психотехники¹, которые сейчас занимают центральное место при изучении труда. С другой стороны, чистой психологии чужда экономическая и социологическая сторона трудовой деятельности. Но и социология не исчерпывает нужных точек зрения, ибо она рассматривает труд лишь как социальное явление. Также односторонней остается юридическая разработка вопросов трудового права. Если же принять во внимание еще возрастающее значение для проблемы труда физиологической точки зрения, а также зависимость между трудом и техникой производства и управления — мы получим реестр наук, без которых невозможно в настоящее время сколько-нибудь полное исследование трудового процесса.

Очевидно, все эти специальные точки зрения сами по себе недостаточны. Необходима особая наука *трудоведения*², которая должна взять от перечисленных дисциплин все, что касается проблемы труда и связать эти отдельные суждения в единую стройную и исчерпывающую теорию.

Исходя из такого взгляда, авторы настоящего сборника и приступают к анализу трудового процесса. По их убеждению, в основу трудоведения должны лечь некоторые положения, разработка которых и даст возможность наметить общие черты этой науки. Главнейшие из этих положений для авторов могут быть сформулированы следующим образом:

1) Всякое достижение живого существа должно быть не даровым, а трудовым³. Этот принцип раскрывается как критика пассивности и как требование, в каждом данном случае, максимальной активности субъекта действия.

2) Процесс работы, лежащий в основе труда, не является процессом, свойственным только человеческой деятельности. Можно говорить о работе материи и ее составных частей, о работе атома и электрона, о работе теплоты и электричества. Из этого следует, что труд, поскольку он есть работа, не является особой сверхприродной деятельностью, но включен в естественную цепь объективных причин и следствий. Но вместе с тем участие сознания в работе, превращает ее в труд, проективно изменяющий мир.

3) Целью труда является преобразование природы и управление ею. Здесь можно вспомнить слова Маркса: «Философы лишь объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (Карл Маркс о Фейербахе, перевод Г. Плеханова)⁴. Мысль эта также определенно высказыва-

ется Энгельсом в знаменитом месте Анти-Дюринга. Рисуя картину будущего, он говорит: «Все условия жизни, созданные людьми и угнетавшие до сих пор человека, сами подчинятся тогда людям и их контролю, и они впервые явятся сознательными, действительными господами природы, будучи господами в собственном соединенном обществе. Объективные и чуждые им силы, царившие до сих пор в истории, попадут под контроль самих людей»⁵.

4) Труд представляет собой не проявление какого-нибудь одного вида человеческой деятельности, но является сложной и целостной системой, объединяющей все виды деятельности, доступные вообще человеку. Из этого вытекает чрезвычайно важное следствие для проблемы отношения физического и умственного труда. Обнаруживается, что в действительности такое разделение в значительной степени является искусственным и на самом деле речь идет всегда о сложном действии, имеющем и физическую, и умственную сторону.

5) Наконец, труд всегда представляется коллективным и социальным явлением. Нет исключительно индивидуального труда, ибо всегда индивид связан с общественным целым и всегда он использует энергию, знания и материал, накопленные социальным и историческим коллективом. Из этого следует, что труд несовместим с распадом и рознью и всегда является сотрудничеством людей. Всякий труд есть участие в общем деле всего человечества и всех живых существ.

Как видно, перечень этих положений разворачивается в обширную программу трудоведения, которая может быть исчерпана только рядом обстоятельных специальных исследований. Началом одной из таких Работ и является настоящий сборник. В нем авторы отнюдь не задаются целью обсудить все перечисленные вопросы, но ограничивают свою задачу рассмотрением проблемы, отмеченной в пункте четвертом, а именно о труде как системе деятельностей.

В этом вопросе, сохраняя каждый свой индивидуальный и оригинальный подход и пользуясь различным материалом, авторы, однако, объединены в полной мере критическим отношением к существующему разделению труда умственного и труда физического и стремлением найти теорию целостного трудового процесса, включающего все виды одинаково проективной и производительной деятельности человека.

Вопрос этот чрезвычайно обширен, и, несмотря на ценную подготовительную работу, проделанную рядом мыслителей и ученых, на труды которых имеются ссылки в сборнике, требуется длительное и коллективное изучение, раньше чем возможно будет вполне определенно формулировать строгую научную теорию по этому предмету. Потому также и предлагаемые в настоящем издании работы⁶ должны рассматриваться лишь как подготовительные, как собиранье материала для предстоящего фундаментального исследования.

Вместе с тем предположено в дальнейшем выпустить подобные сборники, посвященные другим проблемам трудоведения⁷.

Характерной чертой современной жизни является устремленность ее в сторону творчества и строительства. Перед нами во всех областях властно встают вопросы труда и производства и, работая над ними, все более и более мы ищем путей действительного созидания. Все более и более мы требуем от человеческой деятельности положительных результатов, реально изменяющих мир.

Вместе с тем, чем больше мы отдаемся этим задачам и чем разностороннее стремимся их осознать, тем яснее становится для нас, что такая деятельность есть не только работа, но вместе с тем и борьба. Мы встаем против косных и слепых сил природы и пытаемся заменить их действие деятельностью нашей воли, осуществляющей, вместо их бессмысленных велений, цели нашего разума. Уже давно человечество, вооруженное наукой и техникой, во всех странах мира ведет эту войну против разрушительной мощи стихий, уничтожающих не только начинания человека, но и самого человека. И становится ясным, что эта борьба, с целью овладения природой и управления ею, есть реальная задача всякого хозяйствования, одинаково в форме регулирования естественных сил и в форме производства, или преобразования материального мира. В связи с этим лозунгом современной производительной деятельности, поскольку последняя является синтезом созидательных человеческих процессов, становится окончательное освобождение человека от сковывающего его рабства природе и установление его сознательной власти над последней. И когда мы говорим о грядущей эпохе новой культуры, мы можем, вместе с тем, наметить главные ее черты — направление различных видов человеческой деятельности именно в эту сторону. Рядом с первичной данной нам природой, являющейся в результате действия слепой и бессмысленной стихии, мы должны трудом нашим создать вторичную природу, строяемую согласно проектам нашего разума*. Характерно, между прочим, что наш язык как будто предугадал необходимость полного отождествления велений естественной причинности с нормами, устанавливаемыми человеком: и те и другие называются на нашем языке законами. Превращение законов природы в законы, ей предписываемые разумом, — вот цель производительной деятельности, связанной с культурой. Как учил еще Герцен: природа должна превратиться в историю².

* Ср. проф. Н.А. Умов. «Эволюция живого и задача пролетариата мысли и воли», стр. 10, 33¹.

Из этого определения основной задачи производительной деятельности человека вытекает особое значение сознания как силы, превращающей первобытную стихию в культуру. Первичная природа — это природа без человеческого разума, вторичная природа — это природа, обработанная разумом. Поэтому перед нами становится вопрос о роли сознательного усилия человека, выражающегося в умственном труде, и о методах, им употребляемых в процессе творчества.

Правда, методы эти очень различны, равно и точки зрения, возникающие в связи с применением сознания, весьма разнообразны. Но несомненно, однако, что во всех случаях приложения ума к решению практических задач, деятельность его протекает в сходных формах: мысль сперва рисует себе образ, символ или знак, соответствующий воспринимаемому впечатлению. Затем ум проделывает самостоятельную работу разбора и критики этих символов и путем их сочетания создает проект действительности, измененной разумом. Проект этот прилагается к данному материалу, который соответственным образом перерабатывается, превращаясь в новую, улучшенную действительность.

Все эти фазисы умственной работы дают более или менее определенные или точные результаты, вследствие чего устанавливаются степени понимания действительности и власти над нею. При этом история культуры показывает, что наивысшая степень такого понимания и наибольшей власти связаны с способностью ума выражать свои проекты и выводы в наиболее точной форме, в форме чисел, или математической.

Этим обуславливается развитие, по мере совершенствования отдельных наук, применения в них по преимуществу измерительных и исчислительных методов. Все науки в настоящее время все более и более ставят себе задачу изучения множественности тех или других элементов. Изучение это всегда производится по методу вычисления, т. е. путем нахождения чисел, выражающих комбинации этих элементов. Таковы, например, задача и приемы, так называемых, точных наук: механика, астрономия, физика, электродинамика разлагают мир на различные элементы и находят законы, законы сочетания последних в виде математических формул. В этом же направлении развивается современная химия, становящаяся все более и более физической химией*. Современное уче-

* М. Борн («Строение материи», 1, 2)³ высказывает следующие положения: «Задачу исключения всех химических измерений и вычисления сродства из чистых физических величин впервые разрешил Нернст и этим положил начало третьей части приложений термодинамики к химическим процессам. Таким образом достигнута высшая цель: химические процессы определены с помощью чисто физических измерений» (М. Борн. Строение материи, 62). Но и это разрешение вопроса есть только подготовительная стадия к еще более полному слиянию химии с физикой на основе взаимодействий между основными элементами материи, электронами и атомами или атомными ядрами, с применением принципов теории квантов.

ние о квантах особенно ярко подчеркивает числовую основу химических законов*. Но несомненно, что и так называемые естественные науки — биология, физиология, зоология, ботаника, минералогия находятся в тесной связи с физикой и химией и также должны будут пойти по пути применения математических приемов. Так, мы видим, что кристаллография стала уже всецело математической наукой; с другой стороны, в науке о живых организмах все больше сейчас начинает господствовать убеждение в сложности строения клетки, состоящей, по-видимому, из множества первичных элементов, каковые в конце концов сведутся к элементам химическим. Вместе с тем все большее значение в этих науках приобретают методы статистики, также имеющие в основе своей свойства числовых сочетаний. Но можно идти далее и предсказывать в связи с новыми биолого-физическими теориями, как, например, теория ионного возбуждения, постепенное распространение математических выводов на всю область физиологии, биологии и даже психологии**. Тем самым будет заложено прочное основание для перенесения исчислительных методов и в сферу антропологических наук. Уже сейчас экспериментальная психология, социология и экономика пользуются статистическими методами. Но можно надеяться, что со временем будут найдены переходные ступени между статистикой, или наукой, выражающей в числах множественность видимых предметов, и исчислением невидимых множеств, составляющих природу вещей. Тогда, быть может, удастся построить иерархическую систему всех известных нам множеств, входящих в состав окружающего мира, и мы будем в состоянии применять единые законы к явлениям, происходящим в самых различных областях жизни. Законы множеств станут вообще законами природы, и люди будут одинаково в действиях, изменяющих материальные вещи, или преобразовывающих человека, или слагающих новые общественные отношения, исходить из учения о числах.

Обсуждая результаты последнего открытия Резерфорда⁴, М. Борн говорит: «Это важное открытие рождает надежду на возможность построить всю материю из двух противоположных по зарядам элементов. Тогда физика и химия обратятся в главу теории чисел: теорию атомного номера Z » (там же, стр. 39).

* В речи, произнесенной в Венском Университете, известный физик Артур Хааз говорит: «В начале XX столетия возникла новая теория, приведшая к важным следствиям во многих областях физики, именно в теории атома. Это так называемая теория квантов, которая основывается на допущении, что количество действия, связанное с каким-либо физическим явлением, есть целое кратное так называемого элементарного кванта действия. Но так как с математической точки зрения действие, умноженное на постоянную скорость света, есть... отвлеченное число, то вопрос об основании теории квантов оказывается теснейшим образом связанным с основной проблемой арифметики, с вопросом о сущности числа» («Физика как геометрическая необходимость», Артур Хааз)⁵.

** П.П. Лазарев. Теория ионного возбуждения⁶. Б. Ильин. Молекулярные силы и валентность в процессах физико-химических и биологических, стр. 233 (сборник «Успехи физических наук», II, 2 выпуск, 1922).

Во всяком случае, секрет расширения нашей власти над природой, очевидно, заключается в том, чтобы распространить действие этого метода на все окружающее. Идея такой всеобщей математики предносилась уже многим древним учениям, ставившим в основу знания познание чисел. Начиная с самой глубокой древности, мы находим следы такой науки у халдеев⁷ и вавилонян, у египтян, у пифагорейцев. Через неоплатоников, неопифагорейцев, отчасти через гностиков эти искания в области числовой символики передаются средневековой философии, развиваются в еврейской каббале, учениях арабов, в творениях Агриппы, Люллия, Пико де[лла] Мирандола⁸ и т. п. Наконец, в Новое время учение о числе воскресает в виде новой математики, основы которой закладываются Декартом Лейбницем, Ньютоном, Кеплером, Лагранжем, Лапласом⁹. В XIX веке математика получает невиданный расцвет, становясь в своих бесчисленных приложениях основой всей современной техники и реальной власти человека над природой. Смысл же ее остается все так же, как в древнейшем учении о числах, — стремлением выразить все вещи посредством чисел и убеждением в том, что знание формулы процесса или вещи дает нам власть изменять и направлять этот процесс и тем самым творить эту вещь.

Такая точка зрения нашла себе выражение в позднейших попытках обобщения, а именно в математически-философской деятельности Лейбница и затем в XIX веке в стремлении Огюста Конта найти в математике образец для всех наук¹⁰.

Современная математика также идет по этому пути и учитывает указанное устремление наук. Соответственно в ней развивается сейчас теоретическая дисциплина, подготовляющая такую всеобъемлющую теорию множественности. Пока в этом направлении сделано многое в смысле разработки специального учения, не могущего еще претендовать на такое всеобщее значение, но в смысле теоретическом являющегося, несомненно, математической основой будущей панматематики. Это учение о множествах, созданное впервые Георгом Кантором и в настоящее время становящееся постепенно основой всей высшей математики*. Правда, учение о множествах встретило на своем пути ряд парадоксов, разрешение которых путем обычных логических и математических ме-

* Учение о множествах имеет в настоящее время обширную литературу. На русский язык переведены три работы Кантора математически-философского характера: «О различных точках зрения на актуальную бесконечность», «К учению о трансфинитном» и «Основы общего учения о многообразиях»¹¹. Математические же сочинения Кантора, помещенные с 1870 по 1885 г. в специальных математических изданиях, не переведены. Из современных книг, систематически излагающих учение о множествах, можно указать на Hausdorff, Grundzuge der Mengenlehre; Fraenkel, Einleitung in die Mengenlehre; Weil, Das Kontinuum, а также на русском языке на книгу Жегалкина «Трансфинитные числа»¹². Недостаток последней работы в том, что автор вводит свою систему обозначения чисел, не соответствующую общепринятой системе.

тодов, по-видимому, невозможно. Но тем не менее теория множеств продолжает развиваться и влияет не только на математику, но и на смежные области логики и философии. Последняя все более и более вынуждена применять математические методы, и этим создается почва для попыток создать новую *mathesis universalis* в виде всеобщей философской алгебры. К этому направлены старания так называемых логистиков, пытающихся на таковой основе пересоздать логику*.

Успехи в области теории сопровождаются такими же успехами в области прикладной математики. Математическая теория раскрывает числа в их сущностной природе и отношениях, прикладная математика находит числа существующих вещей в виде формул реальных отношений мира. Техника применяет это значение к материальным условиям и дает возможность человеку действительно преобразовывать природу. При этом следует отметить, что подобная структура воздействия на вещи при помощи математики не есть какой-нибудь исключительный вид действия, свойственный только тем случаям, в которых явным образом применяется математика. Те же приемы употребляются всяким вообще сознательным действием, ибо всегда роль ума в действии есть роль органа, рассчитывающего или вычисляющего, т. е. ищущего законы сочетаний вещей и меняющего эти сочетания. Там, где нет явных чисел и явной математики, есть понятия и имена, и операции производятся логическим мышлением над последними. Таким образом, можно признать, что ум всегда работает математически, и это не только не является недостатком нашего мышления, будто бы не могущего вследствие этого схватить текучесть жизни, как утверждает иррационалист Бергсон, но, наоборот, указывает на точное соответствие сознания и действительности и на значение в обоих не столько момента текучести, сколько момента множественности**.

* Главнейшие работы в области логики принадлежат Берtrandу Расселю, Уайтхеду, Гильберту, Кутюра, Веронезе¹³. Основателями алгебры логики можно считать Джорджа Буля и Эрнста Шредера¹⁴. Особая разработка этого учения дается в школе итальянского математика Пеано¹⁵. На русском языке имеется самостоятельное исследование Порецкого (1884) и книга Волкова (1888), излагающая учение Шредера и Порецкого¹⁶. Отдельные статьи по вопросу о логистике помещены в Сборнике «Новых Идей в Математике» под ред. проф. Васильева 1915 г.¹⁷ Имеются также в переводе работы Кутюра «Алгебра Логики» и «Философия математики»¹⁸.

** Французский мыслитель, писавший во время Великой Революции под псевдонимом «Неизвестный Философ», учил, что есть числа, соответствующие основной природе вещей. Есть также числа, выражающие их действия, их длительность, их возникновение и окончание. Есть также числа для различных степеней их движения. Все, что существует в материальной природе, состоит из соединений, сочетаний, делений основных знаков, также как все возможные фигуры геометрии состоят из точек, линий, кругов или треугольников. Роль сознания в том, чтобы раскрывать эту «живую геометрию, обнимающую все вещи»¹⁹.

К этому можно прибавить, что действие ума на реальный и материальный мир может быть уподоблено некоторым процессам, известным нам из химии, а именно процессам каталитическим. Сила разумного существа проявляется всегда не как действие физической силы, соразмерное явно затраченной последней энергии, и не как химическая реакция, соразмерная атомному весу действующих элементов, а как действие фермента или энзима, совершающего ничтожным движением, а иногда просто своим присутствием, колоссальные превращения. Из этого не следует, конечно, что в этих случаях не затрачивается сила, но, по-видимому, сила эта несколько иного порядка, чем совершаемые ею внешние изменения. В настоящее время доказано, что биохимические процессы производятся энзимами без участия клеток, что значительно расширяет сферу катализа, распространяя ее на всю природу, одинаково органическую и неорганическую. Вместе с тем начинает устанавливаться взгляд на катализатор как на трансформатор энергии, превращающий один вид энергии в другой и тем самым влияющий на изменение системы*. Если предположить, что сознательное существо действует как катализатор, тем самым оно является как бы трансформатором энергии**. Нервная энергия есть в таком случае не что иное, как особое состояние мировой энергии, действующей в случаях проявления сознания каталитическим способом. При этом энергия эта сообщается окружающему через посредство символов и слов, числовых знаков или языка имен.

3

Таковы общие условия деятельности человеческого сознания и проективная роль человеческого ума в деле овладения природой. Очевидно, производительная деятельность и всякое строительство должно в высшей степени считаться с такой деятельностью сознания и всякая организация коллективных культурных усилий должна одинаково поощрять творчество проектов²¹ и символов и приложение их к материальным процессам.

Однако историческая практика показывает нам, что не всегда эти два вида культурной деятельности развивались равномерно и в соответствии друг с другом. С одной стороны, поскольку люди отдаются материальному творчеству в виде экономического строительства и производства, они часто бывают склонны недооценивать в этих процессах роль умственного труда и употребляемой им символики. С другой, наоборот, в результате древней традиции культура человечества носит издавна слишком теоретический и символический характер, пренебрегая реальным преобразованием мира в виде изменения физического мира и сози-

* Теория Ипатьева и Оппенгейма (Акад. [Вл.Н.] Ипатьев и М.[А.] Блох. Каталитические явления в природе. [Пг., 1922], стр. 76).

** Ср. С.А. Бекнев. Гипотеза о нервной энергии, стр. 920.

дания материальных вещей. В первом случае все внимание обращается исключительно на организацию техники и материальных условий производства. Во втором — преобразовательная деятельность включает только развитие идей и выработку художественных образов в ущерб действительному влиянию на всю природу.

Не трудно доказать односторонность первой точки зрения.

Если ставить вопрос о производительной работе во всей его широте, к чему, по-видимому, стремится сейчас в большинстве стран как человеческая мысль, так и производственная практика, становится ясным, что такая организация этой работы требует, кроме организации труда физического, также организации труда умственного.

Значение умственного труда тем больше должно учитываться, что наука в настоящее время раскрыла тесную связь психических и физических явлений и вследствие этого само деление на труд физический и умственный уже нельзя проводить в полной точности и строгости. Всякая психическая работа есть вместе с тем известное изменение физиологических состояний, и вместе с тем всякое движение неразрывно сопровождается соответственной мозговой работой. Это ярко сказывается, например, в обнаруженной в настоящее время тесной связи ручных движений и деятельности мозгового центра речи. В результате трудов выдающихся физиологов и экспериментальных психологов оказалось, что преимущественное развитие одной стороны человеческого тела связано с наличием у нас в нормальном состоянии одного только центра речи. Но путем известных упражнений, и притом упражнений в виде движений, можно пробудить к действию и атрофированный центр в другом полушарии. Тем самым устанавливается полное соответствие слова и внешнего движения. Нет движений без смысла и нет слов или имен без действия. Произнесение слова есть уже действие. Из этого следует, по физиологическим основаниям, что организация движений и организация мысли и ее выражения в виде речи неразрывно связаны.

Но необходимость организации умственного труда вытекает и из другого основания, уже не индивидуально-физиологического, а из требований коллективно-социологического характера всякой работы. Поскольку индивид не может ни на один миг быть отделен от исторического социального целого, в котором он живет, всякая индивидуальная работа, чтобы быть осмысленной, должна вместе с тем быть общим делом человеческой группы и в конечном итоге всех людей. Такая общность действий может получиться в результате объединения людей иррациональными, слепо влияющими на них мотивами, что чаще всего имело место в истории при массовых движениях. Но поскольку мы стремимся к рационализации и организации человеческой деятельности, мы не можем, конечно, довольствоваться таким естественным способом приведения этой деятельности в одно русло. На самом деле, чаще чем объединение, таким путем, наоборот, создается рознь, обнаруживается не исконное родство людей, а эгоистическая их неродственность — следствие

подчинения их слепым инстинктам. Люди, при таком порядке их социальной связи, остаются, по большей части, в состоянии пагубной распыленности. И ясно, что, при сохранении этого состояния, как бы хорошо ни был организован физический труд этих людей, построенное таким образом здание остается без крыши, — различные виды труда не связаны общей разумной целью и смыслом. Таковой смысл может возникнуть только в том случае, если все эти отдельные усилия будут выполнять единый общий проект общечеловеческого дела. Установление же такого проекта есть не что иное, как организация разрозненных человеческих усилий в различных областях умственного труда.

Проект сообщается другим людям посредством языка символов и имен, являющегося как бы кристаллизованным запасом прошлых, коллективных продуктов человеческой культуры. Обобществление этого запаса в виде использования его всеми людьми обеспечивает согласование их мыслей и усилий и создает из них органическое целое — социальное тело — «эгрегор» древних писателей.

4

Однако, как мы видели, существует²² опасность увлечения творчеством этих знаков и символов и пренебрежения, ради деятельности, их создающей, действительной борьбой с материальной природой. Подобный уклон имеет в своем основании унаследованное от уходящей исторической эпохи неправильное понимание сущности культуры.

До сих пор во всех известных нам периодах человеческой истории культура в ничтожной своей доле создавалась сознательной волей человека согласно проектам его разума, но в большей своей части выростала естественным процессом, вне контроля разумного сознания. Такое стихийное возникновение и рост культуры иногда давали чахлое ее развитие, иногда, наоборот, буйное ее цветение. Но всегда в ней господствовали иррациональные элементы, и человечество шло, не зная, куда идет, отдаваясь пассивной вере, фатализму, бездейтельному созерцанию, каковые состояния сопровождалась в жизни кристаллизацией косного и неподвижного быта.

Такое сужение роли человеческого разума обусловило искажение представления о сущности культуры. Культура, согласно этому неправильному взгляду, есть совокупность отраслей человеческой деятельности, стоящих как бы несколько вне жизни и представляющих даже некоторую для нее роскошь. Культура, в таком понимании, ограничивается теоретическим знанием и творчеством искусства. Она творит не действительность, но одни только формулы, знаки, образы и подобию. Она рассматривается, следовательно, как некоторое усложнение жизни и украшение ее, придающее ей полноту, но без которых возможно в крайнем случае обойтись. «Сперва устроим жизнь, — слышатся голоса, — затем будем строить и культуру».

Между тем несомненно, что строительство жизни и есть не что иное, как созидание культуры. Жизнь, сознательно построяемая человеком, и есть культура. Культура есть совокупность результатов, достигаемых человеком в деле преобразования мира. Культура есть мир, измененный и изменяемый человеком согласно идеалам его разума.

Но в таком случае культура включает не только деятельность теоретическо-символическую, выражающуюся в науке и в искусстве. Существенной и важнейшей частью культуры являются те виды деятельности, которые реально, а не только в мысли и в воображении изменяют окружающий нас мир. Это экономика, производство, земледелие, техника, медицина, евгеника, практическая биология, педагогика и т. п. И в самом деле, из обзора всех современных исканий и стремлений явствует, что содержание культуры раскрывается именно как совершаемое людьми, при помощи этих способов действия, реальное изменение действительности. Культура не только не есть исключительно чистая наука и чистое искусство, но непременно состоит в приложении последних к производству, добывающей и обрабатывающей промышленности, труду и технике. Вследствие этого можно сказать, что вообще смысл и цель всякой культуры есть, в конечном итоге, задача реального улучшения и преобразования мира путем рационального управления природой.

И новая культура будущего есть не что иное, как выявление именно этого характера общечеловеческой культуры, раскрытие ее как такой мировой преобразовательной деятельности.

Из этого следует, что первая задача, предшествующая всякому строительству и организации, есть расширение общего понимания культуры и включение в нее таких видов человеческой деятельности, которые до сих пор рассматривались, как стоящие вне сферы ее творчества. Другими словами, должно исчезнуть существующее в настоящее время разобщение культуры и жизни и вытекающее отсюда отделение теоретическо-символической деятельности, творящей формулы знания и идеальные образцы, от деятельности, реально, путем действия, изменяющей окружающий нас мир.

Для этой цели необходимо прежде всего ясно понять, откуда могло возникнуть это губительное разобщение. Его корни, несомненно, лежат в древнем разделении мира, с одной стороны, на мир потусторонний, доступный одному только уму и воображению, с другой — на мир земной, материальный, где протекает человеческое действие.

Не будучи в силах, вследствие ограниченности своего кругозора и слабости своей власти над природой, совершать действительное всеобъемлющее преобразование окружающего, человек отмежевал себе особую область деятельности, где ему было сравнительно легче утвердить царство своего разума и своих моральных и эстетических идеалов. Это была область чистого знания и такая же область чистого искусства. Здесь, в особом мире, созданном умом и воображением, человек творил нужные ему мысли и образы, пассивно воспринимая внешнюю реальность и воз-

действуя на нее лишь в собственном внутреннем мире, путем обогащения своего интеллекта и развития своих эстетических способностей. В этой отгороженной области одерживались победы над противоразумной и злою природой, но недостаток этих успехов заключался в том, что они реально, в жизни, не приводили ни к каким изменениям действительности, кроме создания поколений особо утонченных людей, очень совершенных, но очень далеких от остальной массы, продолжавшей прозябать в тисках жизни бедной, бессмысленной и уродливой. Так развивались пассивное созерцание и абстрактное философствование. К ним примкнули чистая наука и чистое искусство. Ученые занялись чистой теорией, забыли, что их деятельность имеет смысл, только поскольку она реально преобразовывает мир, и что они, соответственно, не являются самодовлеющей корпорацией, а лишь как бы комиссией, выделенной человечеством для определенной цели — создания проекта преобразования мира*. Художники, со своей стороны, отделились от символики образов и забыли, что последние имеют смысл только, поскольку они связаны с действительностью, и что назначение искусства — дать людям идеал лучшего мира и помочь реальному претворению настоящего в такое будущее. В итоге культура стала отделяться от жизни и замыкаться в узкие рамки такого чистого, далекого от действительности творчества.

Результаты разобщения символическо-теоретической и реальной культурной деятельности одинаково пагубны для обеих: действие без мысли бессмысленно, мысль без движения бездейственна, знание, поскольку оно ни к чему не прилагается, вырождается в отвлеченное умствование; наука, не имеющая практической цели, в конце концов, превращается в изложение не нужных ни для чего методов; искусство, творящее одни только мертвые подобию, превращается в вредную забаву. С другой стороны, правотворчество²⁴ и экономика, как деятельности, должны изменить общественные отношения, техника и производство, как деятельности, меняющие материальный мир, медицина и евгеника, меняющие природу живых существ, педагогика, меняющая их психическую природу, также лишаются определенной цели и начинают служить удовлетворению частных и индивидуальных интересов, вместо того, чтобы выполнять задачу преобразования мира.

Следствием этого является распыление человечества на множество враждующих центров. Культура перестает вырабатываться как общее дело человеческих усилий, и последние развиваются, каждое в своей области, как самодовлеющее устремление. Отсюда рождается губительный партикуляризм, который мы находим в основе культурного либерализма, провозглашенного в эпоху Возрождения и развившегося в современный культурный хаос. В этом состоянии общее сознательное действие людей, вместо того, чтобы пролагать себе русло в истории единым мощным потоком, растекается на тысячи ручейков, заканчивающихся, по большей

* Ср. Н. Федоров. *Философия Общего Дела*. Т. I и II.²³

части, стоячими лужами зловонной воды. Каждый человек живет лишь для своих эгоистических целей. Возникает множество тупиков — отдельных жизней, отгороженных от остальных. В каждом таком тупике воздвигается идол, в виде того или другого личного предрассудка или страсти. И во имя этих идолов разгорается взаимная кровавая война, раздирающая рознь человечество. Правда, люди вместе с тем объединены иррациональными факторами, но объединение это имеет обычно в своей основе косность и пассивность и рассыпается при столкновении с сознанием, даже в его первичной эгоистической и индивидуальной форме.

Описанные явления обуславливают кризис, переживаемый сейчас европейской культурой. Ясно, что она не может оставаться в состоянии современной индивидуальной распыленности, и ясно также, что пути к прошлым попыткам единения — на основах угашения сознания — ей заказаны, вследствие слишком большого современного ее развития. Остается один только путь — создать культуру, в которой сознание было бы не удалено от жизни, но проективно руководило бы последней, при этом руководило бы не в смысле отъединения людей друг от друга, а наоборот, в смысле возможно полного их объединения на основах общего дела.

5

Необходимость поставить предел указанным явлениям распада и разброда требует от разума объединяющего и оформляющего воздействия на все виды человеческой деятельности. Мы видели, что в каждом отдельном действии роль сознания заключается в том, чтобы выяснить проект этого действия. Поскольку же все действия обобщаются в виде общего дела всего человечества, — а именно в виде объединенных усилий, направленных к овладению природой, — коллективное сознание должно найти общий проект этого действия и создать руководящий план всеобщего дела.

Тем самым задача организации всех видов человеческой деятельности, или задача организации культуры, заключается в том, чтобы одновременно организовать символику жизни и ее практику.

Поскольку культура вырастает стихийно, зародыш подобной организации создается естественно в очень элементарной и несовершенной форме в виде равнодействующей природных сил, способствующих или препятствующих преобразовательной или культурной деятельности человека. Когда баланс этого действия устанавливается в пользу творчества, получается та или иная историческая культура, когда, наоборот, берут верх силы разброда и бессмысленной причинности, мир погружается в мрак первобытной эпохи, где человек остается в рабстве у слепой стихии. Но всегда, даже в случаях творчества культуры, такой естественный способ ее роста бывает сопряжен с громадной расточительностью усилий. Очевидная задача индивидуального и коллективного разума заключается в том, чтобы внести в этот естественный процесс осмысливаю-

щее, организующее начало человеческой сознательной воли. Другими словами, культура должна быть организована одинаково в своих символических проявлениях, т. е. в науке, искусстве и в приложении их к жизни, т. е. в практических видах человеческой деятельности, как-то: в экономике, производстве, медицине, технике, педагогике и т. п.

Такая организация требует от коллективного сознания выработки всеобъемлющего синтеза* культурных достижений во всех областях. В этом синтезе должны быть объединены все выводы отдельных наук, выражающиеся в соответствующих исследованиях. Таким образом, результаты, достигнутые специальными ветвями знания, будут собраны в единое стройное целое. Такая же работа должна быть произведена в отношении различных проявлений искусства, каковые должны также быть объединены в виде синтеза лучших его достижений. Затем должен быть сделан уже совокупный синтез последних результатов науки в виде высших ее обобщений и самых ценных художественных открытий. Вместе взятые, эти продукты науки и искусства составят культурный идеал эпохи. При этом организация их все время должна иметь в виду не теоретическую или эстетическую цель, но цель действительную — реальное преобразование мира посредством осуществления в нем этого идеала. Последний должен носить характер проекта соединенного действия всех людей, направляющего это действие к высшим свершениям, доступным человеку. Проект этот должен по самой своей конструкции носить сложный характер, ибо в него войдут, в виде составных его частей, все частные проекты преобразования действительности, вырабатываемые отдельными науками и видами искусства. Каждая из них этих наук и искусств будет иметь свою специальную цель и каждое научное открытие и каждое художественное произведение будет иметь такую особую цель. Но все эти частные цели будут согласованы в виде единой общей цели всей включающей их культуры. Так бывает на заре всякой культурной эпохи, когда ее различные проявления выходят как бы из общего, рождающего ее лона. Так должно быть и в новую открывающуюся перед нами эпоху, в которой должен измениться общий характер культуры путем превращения ее во всеобщее преобразовательное дело всех живых существ. От этого нового общего корня должны пойти новые побеги и отпрыски в виде новой всеобъемлющей науки, знающей, для чего она творит и чему служит, и нового искусства, переставшего быть безответственной игрой и ставшего служением и священнодействием.

В связи с такой основной задачей организации культуры — выработки общего ее идеала и проекта — стоит последующая задача: приложение этого проекта к жизни, реальное его осуществление. Для этого культура, через аппарат соответствующих учреждений, должна внедряться в жизнь, завоевывать все отрасли человеческой деятельности.

* Ср. Н. Ф. Федоров. Супраморализм или всеобщий синтез. «Философия Общего Дела». Т. 1. С. 399 и сл<едующие>.

Общий проект должен специальными своими сторонами охватывать специальные ветви практического действия. Так, для органов, осуществляющих строительство общественных форм и создающих право, общий проект должен давать картину того общества, которое эти органы призваны создать. Для органов, сохраняющих или улучшающих живые существа путем евгеники, медицины, педагогики, необходим проект или образ совершенного человека, являющегося целью этих видов деятельности. Наконец, для органов, преобразовывающих действительность путем созидания материальных ценностей, посредством экономики, производства и труда, общий проект должен давать образцы улучшенных условий жизни и физической обстановки, отвечающей разумному идеалу. Взятые вместе все эти виды деятельности осуществляют преобразование мира как целого, сначала планетарного, а затем космического.

Поскольку же, как мы видели выше, наиболее совершенный вид мысли есть мысль, выражаемая в числах, — проект этот со всеми своими подразделениями и частями должен представлять собою систему формул или чисел, дающих каждое ключ к тому или другому процессу, совершаемому действием. Так же как аналитическая геометрия дает нам формулы кривых, механика — формулы движений, прикладные науки, как например оптика или гидравлика, — формулы тех или иных конкретных явлений, наука вообще в своих теоретической и прикладной частях должна давать формулу всякого вообще возможного действия. Тем самым проекты науки превращаются во *всеобщую производительную математику*, включающую все точные познания человека о мире с точки зрения преобразовательного воздействия на последний. Это то же, что *mathesis universalis* Лейбница, но в виде системы не символических только, но также действительных чисел. Вместе с тем числа могут быть заменены такими же действительными знаками или именами, знание которых дает власть над природой²⁵.

Все эти задачи носят ясно выраженный характер преобразования природы в виде определенного изменения и улучшения того, что создавалось до сих пор стихийной деятельностью ее сил. Некоторые изменения касаются живых существ и самого человека, другие имеют в виду превращение материи, третьи создают новые виды средств сообщения и движения.

Первая группа преобразований приобретает сейчас особую важность. Мы вышли из тех периодов человеческой истории, когда можно было думать только о психическом изменении человека, о развитии в нем тех или иных идей или нравственных склонностей. Рядом с подобной необходимой задачей внутреннего совершенствования человека перед нами ставится проблема более целостного его преобразования и обновления, изменения его как естественного типа. Человек должен стать не только *homo sapiens*, но настоящим властителем природы, *homo creator*²⁶. Это ставит вопрос о биологическом совершенствовании человека и о физическом превращении его в более могущественное и устойчивое в

смысле жизненности существо. Это вызывает потребность в особом искусстве, связанном с усовершенствованной антропологией, — в антропотехнике или даже антропоургии²⁷. Уже сейчас мы имеем ряд прикладных наук, которые разрабатывают практический подход к этой проблеме. Прежде всего, сюда относятся медицина и гигиена, уже совершившие переворот в условиях нашего существования путем устранения некоторых болезней и значительного обезвреживания других. Медицина идет дальше: в лице хирургии она видоизменяет самое человеческое тело, устраняет зараженные органы, заменяет их другими, искусственным образом дополняет изъяны организма. Вершиной подобных достижений является открытие возможности омоложения, представляющее собою весьма реальный шаг по пути научной борьбы за долговечность. Но рядом с медициной стоит экспериментальная биология, которая идет еще дальше. В различных ее опытах, носящих, правда, пока еще частичный характер, намечаются пути победы над смертью, путем оживления органов, воскрешения после анабиоза и т. д.* Конечная же цель биологических исканий есть творчество живой протоплазмы, к чему уже как будто приближаются опыты над коллоидами. В туманной дали за этими успехами рисуется лабораторное творчество настоящей жизни, завершение старых опытов Парацельса в виде производства живых существ²⁹. Это будет настоящая и полная победа над смертью, и естественно, что тогда сама антропотехника будет иметь рядом с собою анастаттику, искусство воскрешать утраченную жизнь. Пока же биология и химия не дошли до осуществления этих задач, другая наука ставит уже сейчас практический вопрос совершенствования живых существ и человека путем сознательной культуры наследственных качеств. Евгеника стремится создать новую человеческую породу, вырастить путем организации искусственного подбора тип homo creator'a. Правда, наука эта находится пока еще в начальной стадии, но перспективы ее громадны и затрагивают одинаково улучшение индивида, социальных условий, половых и семейных отношений, наконец, реформу морали и жизни**.

Но не менее важна, чем задача изменения природы живых существ, задача влияния сознательной человеческой воли на превращения материи.

Новейшие открытия в области физической химии ставят перед человечеством не только ряд теоретических вопросов, но выдвигаются также две практические задачи, в которых, посредством применения расчета, возможны достижения колоссальной важности в смысле значения их для изменения природы. Первая есть не что иное, как возрождение в научной форме старой мечты средневековья — о превращении веществ. Как из-

* Можно указать на блестящие изыскания и опыты в области физиологии и биологии русских ученых — профессоров Бахметьева, Воронова, Кольцова, Кравкова²⁸ и других.

** Евгенический журнал. [1922]. Т. 1. Вып. 1. Статья Н.К. Кольцова: «Улучшение человеческой породы»³⁰.

вестно, алхимики думали, что такое превращение возможно, и искали основное вещество, называемое ими философским камнем, из которого произошли все другие. Они предполагали, что пребывание какого-нибудь вещества в известных условиях, напр<имер>, в земле, в течение определенных сроков способно превратить его в другое. Идея эта была отвергнута, когда образовалось учение современной научной химии и выяснилось, что химические элементы не подлежат разложению при помощи обычных химических способов. Однако уже в 1815 году В. Прут (W. Prout) предложил гипотезу, согласно которой все элементы являются полимирами единственного первичного элемента — водорода³¹. Идея эта сейчас снова выдвинута в результате опытов Томсона, Бора и Резерфорда³² и блестяще подтвердилась в ряде экспериментальных работ. В настоящее время является неопровержимой научной истиной, что атомные ядра всех элементов построены из ядер водорода и гелия и из электронов*. Вместе с тем был обнаружен, факт несомненной эволюции химических элементов, связанный с их разложением, вызванным радиоактивными процессами. Так, из урана получается ионий, из иония — радий, из радия — полоний, из полония, наконец, — свинец**.

Из этого следует, что вопрос о превращении веществ теоретически решен в положительном смысле и человеческой деятельности открывается неограниченная область в деле изменений материи.

Не менее важным результатом новейших химических открытий является обнаружение внутри атомов колоссальных запасов энергии. Радиус ядра в 2000 раз меньше радиуса электрона, тогда как масса ядра в 2000 раз больше массы электрона. Из этого следует, что «положительно заряженная инертная часть атома» (и следовательно, его весомая часть) «сосредоточена в чрезвычайно малом объеме»***. Ставится вопрос, возможно ли будет овладеть этой интраатомной энергией и освободить ее путем разложения материи в таких количествах, которые могли бы дать полезную работу? Положительное решение этой задачи, несомненно, произведет невиданный переворот в технике и производстве и даст людям власть над изменениями мира в масштабе совершенно неизмеримом с современными нашими представлениями.

Рядом с указанными областями науки, можно наметить еще одну, в которой научный математический расчет, приложенный к производительной деятельности, открывает небывалые перспективы для человеческого действия. Это область овладения пространством путем создания

* [Э.В.] Шпольский. Возрождение гипотезы Прута. — Сборник «Успехи физических наук» под ред. П. Лазарева. [М., ГИЗ]. Т. II. Вып. 2, стр. 241, 243.

** [П.А.] Рымкевич. Эволюция учения о строении вещества. [Пг., 1922, с.] 57. [Л. А.] Чугаев. Природа и происхождение химических элементов [в связи с новейшими исследованиями о распаде атома и об изотопии. Пг., 1923, с.] 45–50.

*** М. Борн. Строение материи. [Три статьи по современной атомистике и электронной теории. Пг., 1922, с.] 12.

новых видов средств сообщения и способов движения. Здесь сперва надо указать на в значительной степени уже решенную проблему завоевания воздуха, в которой несколько десятков лет дали успехи, превышающие все самые смелые ожидания и надежды прежних веков. Сейчас воздухоплавание нуждается лишь в некоторых усовершенствованиях, главным образом в смысле увеличения грузоподъемности летательных аппаратов. Но рядом с этим возникает несравненно более величественная проблема полетов в пустом пространстве и, как конечная цель ее, задача междупланетных сообщений. Здесь открываются головокружительные перспективы, которые с каждым годом все более и более уточняются, по крайней мере в предварительных теоретических предположениях и расчетах. Сейчас научная мысль склоняется к тому, чтобы признать в ракете, движимой внутренними взрывами, прибор, могущий при некотором усовершенствовании служить для цели таких передвижений*. В связи с этим, подобно тому, как в XV и XVI веках люди были охвачены надеждой открыть неизведанные материи земли, мы можем мечтать о скором открытии планет, посещении планет и о перенесении нашей деятельности в космические просторы. И кто знает, не встанет ли за этою проблемой вопрос об управлении движением планет и не будет ли в самом деле осуществлена идея русского мыслителя Н.Ф. Федорова, провидевшего, что люди когда-нибудь станут хозяевами земли до такой степени, что последняя превратится в послушный им корабль и они будут направлять движение ее в пространстве?..³⁴

Во всяком случае, пока эти отдаленные перспективы остаются достоянием мечты и фантастических гаданий, в смежной области по овладению пространством путем действия на расстоянии достигнуты большие успехи. Здесь в особенности продвинулась техника радиотелеграфа. Сейчас на очереди стоит вопрос об изобретении средств для сосредоточения в одном направлении энергии, рассеиваемой при обычном способе радиотелеграфирования во всем пространстве**. Когда будет достигнута возможность передачи энергии без ее ослабления, возможно будет не только посылать сообщения на громадные расстояния, быть может, на другие планеты или даже звезды, но будет также приобретена способность при посредстве электрических волн переносить на расстояние любое действие разрушительного или созидательного характера***.

* В России идея ракеты как средства междупланетных сообщений была выдвинута известным революционером Кибальчиком и затем разработана Циолковским. См.: Перельман. «Междупланетные путешествия»³³.

** Иностранная печать приводит недавно сделанные заявления Маркони³⁵ о последних удачных его опытах в области таких изысканий. Вместе с тем Бюро Стандартов в Соединенных Штатах официально сообщило об изобретенном аппарате для управления радиоволнами и об успешных опытах, с ним произведенных (1923 г.).

*** По словам английских журналов, подобные опыты уже увенчались успехом.

Можно было бы перечислить еще целый ряд подобных перспектив науки и техники, но сказанного достаточно, чтобы дать представление о мощи проективного человеческого действия, руководимого научным и математическим расчетом.

Следует указать, для завершения картины, на одну еще из задач науки, представляющую как бы синтез всех других видов и способов овладения природой. Это задача овладения всеми вообще процессами движения и изменения путем завоевания их общего корня — времени.

Преодоление времени не является³⁶ только теоретическим допущением, вытекающим из современных физических и математических теорий. Победа над временем и овладение им возможны на практике в результате сознательной деятельности людей. Можно пойти далее и утверждать, что уже сейчас в ряде областей мы имеем частичную реальную власть над временем и постоянно ее осуществляем, несмотря на то, что мы не сознаем такого значения ваших действий. В самом деле, если вдуматься, мы поймем, что мы имеем такой пример овладения временем в каждом свободно и сознательно произведенном человеческом опыте. Каждый день, в ограниченных областях, мы изменяем время и осуществляем его обращение. Это происходит, например, в каждом научном опыте. Когда я из двух газов делаю воду и затем обратно ее разлагаю и затем снова создаю, повторяя этот процесс по желанию, я составляю или разлагаю каждый раз комбинацию элементов данного множества. Другими словами, я повторяю последовательность явления, или уничтожаю и воскрешаю воду. Спрашивается, однако, можно ли говорить здесь о воскрешении воды? Это уже не совсем та, но другая вода, ибо кругом все изменилось и сама вода незаметно изменилась. Но это не уменьшает значения процесса воскрешения. Конечно, с точки зрения движения земли или даже моей жизни тут нет полного воскрешения, ибо новая капля воды имеет в каждый данный миг новые связи с новым окружающим. Можно поэтому, исходя из Гераклита, считать, что второй раз полученная — это уже не та же самая вода. Но если отказаться от столь широкой точки зрения и искусственно ограничить опыт определенной областью отношений, — умышленно отвлекаясь от всех связей с окружающим, в этой ограниченной области получается полное овладение временем и воскрешение определенных событий. Ограничение это проявляется для нас в данном случае в том, что вода для нас важна только в смысле соответствия формуле H_2O , как известная комбинация данных химических элементов. Для этого вовсе не требуется, чтобы это была бы та же вода, то есть вода, состоящая из тех же самых атомов, что и старая. Когда я говорю «вода воскресает», я имею в виду только получение известного количества H_2O , хотя бы из совершенно иных атомов. Понятие индивидуальности ограничивается исключительно соответствием формуле или числу и ничего другого, кроме такого числа или показателя своеобразной комбинации, ни в каком индивидуале нельзя найти.

Таким образом, всякое сознательно и целесообразно произведенное

изменение природы, созидающее или воссоздающее реальность, согласно данной формуле, есть не что иное, как овладение временем.

В общем, такие опыты показывают нам частичную победу над временем, овладение им в ограниченной области и совершение частичного воскрешения. Такую же победу над временем, но в более сложном комплексе отношений, представляют опыты омоложения. Но в таком случае можно считать, что преодоление времени или его обращение допустимо, что его возможность доказана и зависит от нашей сознательной воли, поскольку не препятствуют последней окружающие условия. Ведь чтобы доказать, что время вообще обратимо, я вовсе не должен доказывать, что все время обратимо. Достаточно доказать возможность повторения хотя бы небольшой его части, чтобы сказать, что принципиальная возможность воскрешения имеется. Раз же такое распоряжение временем возможно в ограниченной сфере, оно и по существу возможно, и вопрос сводится к расширению пределов этой сферы, т. е. к масштабу действия. Если представить себе опыт, в котором мы, вместо двух определенных частей газа, орудуем большим числом элементов, для них мы можем также овладеть временем. Представим себе такое действие в еще большем, космическом масштабе, и мы получим картину овладения всем временем. Это приводит к колоссальным последствиям. Обнаруживается, что сознательное проективное действие способно не только видоизменять ту или другую вещь в той или другой области, но что вообще изменение мира доступно такому действию. Мы можем побеждать всякое время и мы стоим на пути к такому завоеванию в каждом сознательно производимом опыте.

6

До сих пор мы рассматривали сравнительно отдаленные перспективы человеческого проективно-производительного действия. Если от этих сложных и широковещательных предположений перейти к ближайшим задачам производительной деятельности, имеющим и сейчас уже практическое значение, — можно составить внушительный перечень таких неотложных задач.

В первую очередь здесь ставится вопрос о разумном использовании запасов, находящихся в недрах земли или на ее поверхности (минералов, угля, нефти, металлов, драгоценных камней, леса, растительности и животных). Запасы эти, хищнически расточаемые человеком, быстро истощаются. Деятельность человека в этом смысле уже изменила природу земли, причем изменила ее в сторону обеднения и порчи. Если не будет поставлен предел этому разрушительному действию, с природой постепенно произойдет то, что случилось с многими лесистыми местностями, превращаемыми в пустыни, или с уничтоженными видами животных. Закон Мальтуса³⁷ в самом деле может стать для человечества грозною реальностью. В виду этого необходимо, с одной стороны, введение ме-

тодов хозяйственного использования там, где господствует сейчас хищническое расточение этих богатств. Это имеется уже сейчас в фактах искусственного удобрения земли, лесонасаждений, выращивания ценных пород растений и животных. Но методы эти должны получить всеобщее и организованное распространение. Рядом с этим должны быть усилены меры к разысканию новых источников полезной энергии, могущих восполнить недостаток современных запасов до того времени, как овладение интраатомной энергией не произведет вообще радикальный переворот во всей технике производства. Такими новыми источниками энергии, доступными людям в известной мере уже сейчас, является сила водяных движений, рек и водопадов, так называемый белый уголь, а также солнечная энергия, для овладения которой уже строятся приборы. Можно указать также на другую задачу колоссальной важности для будущего земледелия, на задачу регуляции погоды. Несомненно, что метеорология должна стать точной наукой, но независимо от этого люди должны научиться управлять погодой и создавать необходимые для их жизни климатические условия. У русского мыслителя Н. Федорова мы находим в этом отношении ряд ценных мыслей, связанных с опытами замечательного русского общественного деятеля начала XIX века Каразина³⁸. И в настоящее время попытки вызова или устранения облаков посредством стрельбы указывают на начало такой регуляции, но истинное развитие последней связано, по-видимому, не с подобными, сравнительно примитивными, опытами, а с новейшими успехами теории и техники электрических явлений, влияющих на атмосферу.

Наконец, перед культурой ставится общая задача направления и организации производства и труда во всех отраслях экономической жизни, в особенности же в области обрабатывающей промышленности. Вместо бессмысленного расточения сил и средств в процессе создания ненужных вещей, предметов роскоши и орудий взаимострелбления, являющихся сейчас продуктами фабричного производства, последнее должно иметь задачей снабжение человечества предметами, в самом деле необходимыми для улучшения жизни. Цели производств должны не диктоваться ему стихийными и безрассудными веяниями рынка, но ставиться перед организованною промышленностью в результате особой проективной деятельности высших культурно-экономических инстанций.

7

Описанная организация культуры будет надежным средством против отмеченных выше явлений распыления людей и разброда их усилий. Единство человечества, к которому стремятся лучшие политические и социальные проекты, будет обеспечено прежде всего единством производительной и преобразовательной цели, охватывающей все области человеческой мысли и деятельности. Этим будут подготовлены условия для действительного рождения и развития новой культуры, каковая

культура должна сменить современную западноевропейскую, постепенно меркнувшую на наших глазах. Если старая культура имела в своей основе возведенное в догму биологическое соперничество, эгоистическую борьбу индивида за физическое самосохранение, часто вопреки интересам других людей и общества, — новая культура должна исходить из осознания более глубокого начала как двигателя жизни — симбиоза или сотрудничества живых существ*. Необходимость такого объединения усилий вытекает уже из факта первоначальной родственности людей, обнаруживающейся в общем их происхождении, как органического типа. Но родство это, данное природой, должно во вторичной своей сознательной стадии стать трудовым и действенным и превратить мир в одну великую, коллективно работающую семью.

Создаваемая таким образом новая культура, направляемая единым усилием человечества, впервые действительно осуществляющего общее дело всех живых существ, дело жизни против смерти³⁹, получит в результате такого объединения стремлений и действий тот широкий человеческий базис, который отсутствовал в прежних символических и аристократических культурах. Впервые человечество полностью будет вовлечено в дело творчества культуры, и все люди примут участие в этом творчестве. Научные опыты будут производиться не кое-кем и кое-где, в результате индивидуальных попыток отдельных ученых или их корпораций, а всюду и всеми, везде и всегда, путем массового действия широких слоев человечества — так, как производятся сейчас наиболее значительные историческо-социологические опыты, создающие человеческое общество. И культура, вырастающая на таком социальном фундаменте, даст расцвет во много раз больший и более богатый, чем чахлое цветение тепличных ростков прежних культур, умиравших на суровом ветру исторических и социальных схваток, последствий узости этих культур и неудовлетворительности их для всего человечества.

Вместе с тем, рядом с таким социальным базисом новая культура получит всеобъемлющий политический базис. Она будет не только национальной культурой отдельных народов, но также культурой всемирной, общим делом человечества, подготовляющим будущее Всемирное Общество, построенное на началах этой культуры. Организация культуры

* В современной биологии точка зрения раннего дарвинизма, видевшая единственный стимул действия в побуждениях к индивидуальному самосохранению путем борьбы и соперничества, в настоящее время сменяется признанием выдающейся роли кооперации и симбиоза организмов. Американский биолог В. Паттен⁴⁰ указывает, что растения и животные создаются и сохраняются тройкой системой такой кооперации: внутренним сотрудничеством частей организма, сотрудничеством с другими существами, наконец, согласованным действием организма с факторами космического процесса. (H. Reinheimer. *Evolution by symbiosis* // *Contemporary Review*. March 1924). Можно отметить, что эта точка зрения уже ранее отстаивалась против учения знаменитого Гекслея в работах П. А. Кропоткина⁴¹.

выдвигает идею объединения человечества уже не в виде прежних неопределенных идеалов всеобщего мира, проповедуемых пацифистами, а в виде требования совместного трудового общения всех людей ради достижения определенной цели, каковая может быть достигнута только общими усилиями. Быть может, тогда в связи с постановкой этой задачи, можно вновь выдвинуть лозунг разоружения народов, но в новом виде, не в смысле отказа вовсе от оружия и всеобщей повинности, а в смысле нового вооружения, но обращенного уже не против людей другой национальности, а против слепых сил природы, которая к тому времени останется в качестве единственного врага человеческого разума. Тогда, по разрушении Европы и Америки в их современном облики, в новых Соединенных Штатах Мира пушки, стреляющие на много сотен верст, будут направлены против облаков, с целью рассеяния градовых скоплений или вызова благодетельных дождей. Химические изобретения будут не убивать людей, а возрождать и воскрешать их. И всеобщая воинская повинность, в версальской Европе, разделенной коридорами, оккупациями и национальной враждой, служащая оружием международного насилия и угнетения, — превратится в организацию великой всемирной трудовой армии, мужество и искусство которой будут обращены против смерти, времени, бедности, и болезни. Объектом ее будет завоевание не областей и царств, а всего мира с целью совершенного его преобразования.

Таковы окончательные цели, которые уже сейчас должно поставить себе человечество. Преобразование космоса и актуальная космократия и пантокрратия⁴², обеспечивающая для человека возможность жить во всем мире, во всех средах, оживотворяя и оживляя всю природу и превращая ее из современного стихийно-хаотического, неразумного мира всяческих противоборств в мир как совершенное целое, пронизанное разумом и вполне подчиненное ему, — такова основная задача для всего человечества, освобожденного от угнетающих его внутренних противоборств⁴³.

Москва.
Декабрь 1923 года

ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ ПО ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

* * *¹

I. *Pro domo sua*²

1. Книга Бердяева. — Обращение к недругам. — Определенная позиция Бердяева³.

2. Однако он повторяет ошибку русской интеллигенции, заключающуюся в мысли, что последняя твердо стоит на какой-то позиции и должна ее защищать. — На самом деле идеи Б<ердяева> представляют собою идеи старого периода, отвечают на старые вопросы и совершенно не отвечают на новые.

3. Московские кружки 1917–1922 г.⁴ доказали это. Их неспособность понять масштаб происшедшего. — Были великие, апокалиптические масштабы, в том числе у самого Берд<яева>. Но это масштабы туманные и безответственные. — Реально идей, отвечавших на запросы современности, не было.

4. Мое выступление на проводах в 1922 г.⁵ — Требование Б<ердяева> и др., чтобы я высказал свои идеи. — Эта книга и представляет такое изложение. — Потому она обращена к друзьям. Раньше чем говорить с недругами⁶, «не лучше ли на себя оборотиться»?

Таким образом, это попытка понять духовную трагедию мыслящей Москвы 1918–1922 и найти из нее выход.

II. *Гибель Европы*

1. Этим термином, конечно, злоупотребляют⁷. Европа не гибнет, а развивается.

2. Тем не менее современная культура больна, и доказательством этого служат революционные потрясения, периодически в ней возникающие.

3. Признание болезни и ее следствия.

III. *Общая проблема культуры*

1) Что такое культура? Расширение термина «культура».

2) Культура есть преобразование мира.

3) Преобразование системы есть всегда ее самовоскрешение. — Это первый момент проблемы культуры.

4) Самовоскрешение совершается через посредство осуществления общего дела участниками системы — 2-й момент.

5) Самовоскрешение распространяется на ряд систем и охватывает мир.

б) В разные культурные периоды выдвигаются разные стороны проблемы культуры.

Самовоскрешение есть цель преобразования. Два других момента необходимы для достижения этой цели [и] соответствуют: 2-й — отношениям членов внутри системы, 3-й — отношениям систем между собой.

IV. Древние культуры

1. В древних культурах мы находим налицо все три момента проблемы культуры.

2. Но с точки зрения первого момента древние культуры страдали преувеличением символизма культуры и заменой им реальных ее достижений. В это главный недостаток религий.

3. Вследствие этого не развивалось и второе условие культуры — общее дело, т<ак> к<ак> для создания символической культуры было достаточно аристократического меньшинства.

4. Что касается третьего момента расширения системы и самовоскрешения мира, в религиях эта задача ставилась в настоящем объеме, но тоже разрешалась символически.

V. Средние Века

1. То же находится и в христианстве.

2. Его течения — мистическое христианство — индивидуализм и аристократизм — символизм.

3. Теократия — Ограничение дела культуры юридическими и нравственными требованиями.

4. Проявление христианства — замкнутость и недостаточность нравственного преобразования.

5. Правильная апокалиптическая точка зрения — но символизм создает пассивную апокалиптику, тогда как нужна активная.

6. В результате такого извращения культурного дела оказывается, что как и в древних культурах, так и в славянстве *не осуществлялось самовоскрешение* культурных целых, в связи с этим отсутствовало общее дело как базис культуры и не выполнялось самовоскрешение мира.

VI. Новая культура

1) Новая культура в лице идей Возрождения и науки выдвигает предельное активное преобразование мира на место символического. — Бэкон дает закон активной апокалиптики.

Ошибки

2) Преобразование не понимается как самовоскрешение, и создается искаженная теория прогресса (1-й момент).

3) Преобразование рассматривается само в себе и не обращает внимания на необходимость общего дела как его базиса. В этом основа индивидуализма Нового времени (2-й момент).

4) Индивидуальный характер ведет к игнорированию космически-апокалиптического масштаба культурного дела (3-й момент).

VII. *Революция*

1) Итак, новая культура разрешила в значительной степени первый вопрос культурной проблемы — проблемы самовоскрешения, но не разрешила вопрос об общем деле, и след<овательно>, и вопрос о расширении системы до космоса.

2) Ввиду этого начинается движение, выдвигающее 2-ю проблему, — это движение — Революция. Ее основная идея — расширение культурного базиса.

VIII. *Культура будущего*

1) Культура будущего должна разрешить 1-ю проблему — путем [не дописано]

2) главным же образом *вторую проблему*.

Весь социальный вопрос есть не что иное, как вопрос о расширении культурного базиса.

3) Это поведет к выполнению культурного дела (к самовоскрешению в космическом масштабе).

Культура будущего

- 1) Общее дело в науке.
- 2) Общее дело в философии.
- 3) Общее дело в искусстве (ритм).
- 4) Общее дело в евгенике.
- 5) Общее дело в производстве.
- 6) Общее дело в политике.

- I. Образование соц<иально>-исторических целых.
- II. Производство вещей.
- III. Производство существ.

IX. *Народ Богоносец*

В исторической цепи мессианских актов по совокупности причин настала очередь для русского народа — Смысл Революции.

Письмо второе. Проблема культуры⁸

1. Я сознаю, что мое намерение выступить с критикой миросозерцаний моих друзей будет встречено вопросом: «Хорошо, пусть мы — представители известных культурных устремлений, заключающих в себе определенные ошибки и недостатки. Но Вы-то какой культуры являетесь представителем? Какую культуру Вы выражаете? И соответственно с

высоты каких общих воззрений на культуру Вы судите и критикуете наши идеи?»

Здесь два вопроса — о генезисе моего миросозерцания и содержании моих взглядов на культуру. Очевидно, надо дать и два ответа. Позвольте мне только из методологических соображений ответить в настоящем письме на второй вопрос, т. е. о моих общих воззрениях на культуру. Второй же вопрос мне удобнее отнести к последнему из моих писем, так как я имею сомнение считать себя представителем наиболее поздней из появившихся в мире культур — культуры будущего. В виду этого анализ ее исторических корней в современной обстановке не может предшествовать историческому обзору других культур, но должен следовать за ними, являясь как бы их завершением. Ответ же на первый вопрос возможен для меня уже сейчас, до исторического рассмотрения каких бы то ни было идей, потому что я в его решении исхожу из некоторых общих незыблемых оснований. Истина их, по глубокому моему убеждению, даже в несовершенной форме их современного высказывания, остается верной для всех вообще культур известных нам исторических периодов. Настоящее письмо поэтому будет содержать общее введение ко всякому взгляду на определенные культуры.

По существу, мне придется в этом письме приступить к формулированию тех положительных точек зрения, которые требовали от меня Н.А. Бердяев и С.Л. Франк. Спешу только сделать оговорку, что я не могу в настоящем сочинении, посвященном специальной теме о культуре, излагать все мое миросозерцание в целостности. Это тем более излишне, что этому вопросу посвящены мои другие сочинения. В виду этого в настоящих письмах я излагаю лишь те выводы, которые можно сделать, исходя из этих общих взглядов по вопросу о культуре.

Совокупность таких выводов даст мне вместе с тем схему для суждения о Ваших культурных идеалах.

* * *

3) *Революция и культура*⁹. Генезис социалистических учений. Коммунизм древних времен — аристократический. Эволюция его от Платона и демокритовского коммунизма до Томаса Моруса. — Коммунизм христианских сект. — Революция в начале XIX века против индивидуализма. С.-Симон — Огюст Конт, Пьер Леру, Фурье, Овен¹⁰ — значение утопического социализма — управление мира силами культуры и науки. — Марксизм как учение об организации коллективного действия человечества. — Марксизм как политическое учение и марксизм как миросозерцание. — Марксизм как учение о преобразовании мира. — Идеи Маркса, Энгельса. — Исторический материализм и его отношение к старому материализму, к субъективизму и к прагматизму. — Узкая и широкая точка зрения на революцию. — Революция как общественно-политический переворот и Революция как борьба против природы. Социализм распре-

делительный и социализм производительный. Современное искание строительной идеологии. — Космизм в русской революции.

4) *Культура будущего*.

а) Человек будущего. — Познание места человека в мире. — Преобразование человека.

б) Преобразование космоса. — Космические цели жизни.

в) Общее дело — идеи Федорова. — Организация соборного коллективного усилия.

Регуляция природы. — Инструментальная собственность.

5) Организация политики — Космократия.

Мессианское призвание классов, наций и человечества.

6) Новый быт. Вопрос о семье и о деторождении (Федоров)¹¹.

7) Дальнейшие перспективы науки в отношении изменения мира. Вопрос о борьбе с болезнями и смертью — о созидании жизни и о преодолении времени. (Евгеника, омоложение, приближение к творчеству органической жизни.) Учение о преодолении времени и воскрешении жизни средствами науки.

* * *

*Преображение как культура*¹². <...> Великое, религиозное значение культуры — она начатое преобразование мира, и будущее преобразование, след<овательно>, не висит в воздухе, а есть лишь продолжение того, что уже делалось и делается. Тем самым все культуры, по степени их совершенства, включаются в религию. Культура есть результат мессианского акта (лежащего поэтому в ее основе) как частичное преобразование мира.

(Роль науки и искусства.) В этом принципе будущее: смысл жизни есть строительство культуры, а строительство культуры по существу космично и религиозно.

КУЛЬТУРА БУДУЩЕГО¹

Оглавление²

Введение

Кризис современной культуры. Содержание будущей культуры. Овладение природой и преобразование материального мира средствами науки, техники и искусства.

Глава I. Преобразование вещей и организмов

Вещи. Преобразование материальных вещей. Роль машин. Недостатки современного производства и производство будущего.

Организмы. Одноклеточные организмы. Воздействие человека на мир бактерий и микробов. Растительный мир. Его использование. Животные. Использование их человеком. Преобразование растений и животных.

Человек. Преобразование человека посредством воспитания, медицины, гигиены, евгеники. Лабораторное производство жизни. Отмена деторождения. Производство людей. Новое человеческое тело, созданное наукой и искусством.

Глава II. Преобразование общества

Отмирание старых форм общественности. Преобразование семьи, государства, классов. Организация новой экономики. Преобразование собственности. Эволюция промышленных предприятий.

Расширение базиса общественности в результате освобождения трудящихся и привлечения их к строительству новой культуры.

Ритм как средство социального объединения. Будущее искусство. Преобразование искусств пластических и динамических. Приближение искусства к жизни. Театр будущего.

Глава III. Преобразование космоса

Мировая эволюция. Фазис конденсации материи из эфира. Действие энергии в пределах материи. Диссоциация материи (радиоактивность). Рассеяние энергии (энтропия). Новая конденсация материи.

Роль жизни в космическом процессе. Космическое значение труда. Преобразование космоса в результате трудовых усилий живых существ. Овладение землей. Ресурсы земли и использование их человеком. Ресурсы космоса. Планетарное и мировое хозяйство. Междупланетные сообщения.

Будущая культура будет иметь главным своим содержанием овладение природой и научно-техническое преобразование и улучшение мира. Из этого следует, что задачей этой культуры будет целесообразное изменение различного вида материальных образований, составляющих этот мир. Всякое явление, одинаково психическое и социальное, имеет и материальную форму, и поэтому эволюция явлений есть эволюция и изменение физических целых, входящих в состав вселенной.

Все материальные целые мира могут быть подведены под несколько определенных категорий: 1) мы имеем, во-первых, так называемые *вещи, или неодушевленные предметы*, слагающиеся по химическим и физическим законам вещества, а также по особому закону эстетической или функциональной формы. 2) Во-вторых, мы имеем *органические существа, или организмы*, образующиеся из особых веществ, рассматриваемых в химии живых существ. Они обладают на известной стадии ясно выраженными свойствами психичности. 3) Из числа этих целых можно выделить особую группу, больше всего нас интересующую, ввиду того, что мы к ней сами принадлежим, — это *человеческие существа*, отличающиеся чертами сознательности и разумности. 4) Дальнейшая категория есть разряд *животных и человеческих обществ*. Здесь наше внимание привлекают главным образом человеческие *социально-исторические коллективы*. 5) Наконец, все указанные группы включаются в астрономические или в *космические целые*, т. е. в планетарные и звездные системы, вплоть до последней известной нам системы Млечного Пути и предполагаемого общего целого мира³.

Как легко усмотреть из этого перечня, деления его вовсе не являются абсолютными. Большой вопрос, например, можно ли вообще разделять органическую и неорганическую материю, а также природу, именуемую одушевленной, от так называемой неодушевленной или мертвой. Также выделение человека из среды животных в некоторой степени является условным. Вместе с тем различия неравноценны и неравномерны: отличие человека от животных или растений от вещи, конечно, иное, чем отличие социального коллектива от коллектива космического. Однако деления эти отвечают тому, как нам представляется мир, и так как мы ищем закона *культурного действия*, мы можем исходить из этих эмпирически намеченных нами группировок.

Такой практический характер нашего подхода вместе с тем ограничивает нашу задачу рассмотрением этих различных целых главным образом с точки зрения преобразования их человеком.

Глава I

Преобразование вещей и организмов

Вещи в будущей культуре

1

Культура творит и преобразовывает вещи⁴.

Что такое вещи?

В основе их образования лежит свойство материи быть прерывной. Материя состоит не из сплошной массы, но из совокупности элементов — молекул, атомов, электронов. Соединения этих элементов образуют так называемое вещество. Но последнее может быть разделено на отдельные части или куски, называемые после известной обработки вещами. Таким образом, вещи представляют собою облака электронов, отделенные от таких же больших облаков, но вместе с тем подвергшиеся известному внешнему воздействию. (Можно ли назвать такого рода куски материи определенными культурными системами? Это очень сложный вопрос.) Характер вещи определяется не столько внутренним ее составом или законами, или даже ее характером как системы, сколько ее назначением. Организм несет в себе свой смысл, цель, единство и форму. Вещи все это дается извне. Создается ли она природой или людьми, она носит на себе отпечаток внешнего, чуждого ей по ее первоначальным свойствам процесса. Он придает ей данное положение и форму. И соответственно она отвечает иной функции, чем та, в которой она образовалась. Стол имеет иное назначение, чем дерево. Отделившийся от скалы камень вошел в иную внешнюю совокупность, чем гора, от которой он оторвался. Вопрос о целостной, или эктропической, природе вещи, очевидно, сводится к тому, насколько функция, ею выполняемая, обеспечивает ей обособленность и длительное существование.

С этой точки зрения, хотя бытие вещей является в значительной степени неполным и искусственным, их можно тем не менее назвать новыми сущностями, отвечающими некоторым признакам культурного целого. Хотя они и не живые существа в общепризнанном понимании этого слова, они несомненно являются целыми, иными, чем простая совокупность элементов, их составляющих. Они имеют каждая свой особый лик и обладают особой формой, «структурным качеством» (*Gestaltqualität*), возникающим в целом и не бывшем в образующих его элементах. Следовательно, мы имеем полное право назвать их обособленными целыми, хотя и не вполне такими, как живые существа. Вещь отличается от простой совокупности материальных частиц (куска, кучи, конгломерата) тем, что она имеет функциональный смысл и служит извне навязанной ей цели.

Из этого следует, что отличительной чертой вещи является, с одной стороны, ее освобождение от первоначального процесса, в котором она

возникла (стол — от жизни дерева, камень — от жизни скалы). С другой же стороны, вещь несамостоятельна и зависит от нового завладевшего ею процесса — стол служит для работы человека, камень захвачен определенной геологической эволюцией. Вещь по отношению к своему родоначальному процессу есть как бы некий результат его или остаток. По отношению же второго процесса (напр<имер>, выделки стола человеком) вещь связана целевой природой своей новой формы.

Таким образом, вещь стоит всегда на грани двух циклов развития и является переходной между ними ступенью. Она — часть определенной системы: дерева, скалы, руды, животного, но присоединяется к другой системе, напр<имер>, к человеку или к социальному целому. Вещи в этом смысле всегда связаны с живыми существами, являются органами, им служащими.

Но в таком случае можно сказать, что природа вещи всегда связана с природой той культуры, от которой она находится в зависимости. Жизнь вещи, если можно о таковой говорить, есть жизнь целого или системы, образуемой из нее и ее хозяина. Жизнь стола есть совершающаяся на нем работа, жизнь камня есть эволюция геологического пласта, его включающего, и в конечном итоге земли.

Такая точка зрения отличается от старых взглядов на этот предмет. Обычно считали, что вещь либо имеет собственную «душу», либо что она вовсе «бездушна». Эти два воззрения соответствуют двум различным и последовательным культурным периодам. Первый обнимал все первобытные исторические и доисторические культуры, а также античную и средневековую эпохи. Он характеризуется тем, что в нем каждой вещи приписывался особый стихийный дух, ангел или демон. Учение о духах, населяющих природу, также было основано на такой вере. С этой точки зрения сущность вещи самостоятельна от человека, пользующегося этой вещью. Этот взгляд в настоящее время дал место новому воззрению. Согласно научному взгляду, существует причинность, которой подчинены все явления. Поэтому основание движения и изменения вещей следует искать во внешних и внутренних естественных факторах. Здесь совершенно уничтожается идея жизни вещи и вещь становится простым неодушевленным предметом без всяких признаков самостоятельного существования.

Но возможна третья точка зрения, особенно важная для целей материального производства вещей. Она заключается в том, что всякая вещь, служащая живому существу, становится участницей особого культурного целого, образованного из этого существа с добавлением этой вещи. Здесь вещь, так же как и во втором описанном понимании, есть только придаток использующего ее живого фактора. Но вместе с этим существом вещь становится также чем-то живым. Она присоединяется к нему, становится частью его живого организма. Аэроплан, направляемый человеком, имеет разумное сознание — мозг этого человека. Палка удлиняет руку, очки вооружают зрение. Машина является продолжением че-

ловека, новым органом, дополняющим его физические и духовные органы⁵. На самом деле нет никакой специфической разницы между частицами, присоединяемыми к организму во время питания (например, поглощаемая вода или соли), и предметом, которым работает человек и который для этой цели присоединен к его телу.

2

Живыми существами, вырабатывающими и преобразовывающими вещи, являются одинаково растения, животные и люди. Мы знаем, что растения обладают способностью перерабатывать различные материальные вещества, добываемые ими из почвы и из воздуха. Здесь нет по большей части образования новых отдельных и самостоятельных вещей, но главным образом поглощение физических элементов растениями и ассимиляция их организмом последних. Однако в таких процессах, как, например, поглощение воздуха и выработка кислорода, можно говорить о выделении частиц последнего в виде микроскопических вещей. Второй случай — образование вещей животными — находит себе много иллюстраций в жизни природы. Животные также пользуются материальными веществами мира для питания, увеличивая ими свой организм. Но рядом с этим животные могут производить настоящие вещи, как это видно из примеров возводимых ими построек и жилищ.

Для вопроса о культуре, однако, важнее всего образование и переработка вещей усилиями человека. Такое производство занимает в современном культурном периоде видное место.

Однако ближайшее исследование раскрывает ряд теневых сторон постановки этого вида человеческой деятельности в условиях нашей цивилизации.

В современной культуре мы сталкиваемся с крайним разнообразием проявлений производственной работы по выделке вещей. Сами вещи и их функции очень различны. Вещь — машина на фабрике или паровоз на рельсах, вещь — книга и предмет искусства, вещь — безделушка, украшающая гостиную или костюм. Но очевидно, все деления можно с точки зрения целесообразности свести к двум главным: вещи бывают полезные и необходимые, как орудия и средства действия, и вещи бывают преимущественно орнаментальные, как современные предметы искусства или украшения.

С первого взгляда кажется, что нельзя обвинить нашу культуру с ее практическим уклоном в недостатке утилитарности и в пренебрежении к вещам первого рода. Как будто изобретательность техники в отношении создания новых полезных предметов не оставляет желать лучшего. Но на самом деле это лишь кажущееся благополучие. Производство этих нужных вещей является по большей части результатом неорганизованного экономического процесса современности — они отвечают, в самом деле, известным функциональным требованиям развития промышленности, но

сами эти требования являются по существу либо излишними, либо неправильными. Это связано в значительной степени с тем, что конечная цель производимых вещей и их полезность заключается в доставлении ими людям комфорта, удовольствия, удобства, уюта, в том, что они «скрашивают» существование. Тем самым полезные вещи, как, например, орудия производства, в конечном итоге также служат только для производства вещей-украшений. Цель последних в том, чтобы удовлетворять «эстетическим» потребностям людей, служить наслаждению или тщеславию. Во всех этих случаях культура, таким образом, имеет вершиной своих достижений производство такого рода вещей. Создается тот культ вещей, который процветает в Европе и который так жестоко в свое время был осмеян русскими мыслителями — Герценом, Достоевским, Толстым⁶. Отличительной чертой производства таких вещей является то, что они служат орудием совершений, замыкающихся в себе, самодовлеющих, удовлетворяющих отдельные личности и небольшие их группы. Вследствие этого каждая вещь ведет в тупик, вместо того чтобы открывать людям горизонты великих космических достижений. Такой характер вещей обусловливает и технический расчет, их проектирующий, и художественную форму, в которую их облачают. Форма эта поэтому грешит индивидуализмом и партикуляризмом и совершенно теряет связь с общею формою мирового преобразования, являющегося целью работы живых существ.

Как результат этого получается коренная неправильность употребления человеком своей мощи и власти над материальной природой. Новые создаваемые им вещи несовершенны, ибо в них использована только незначительная часть того, что материя могла бы дать человеку. Он похож на гастронома, который, для того чтобы добиться изысканного минутного наслаждения, губит множество жизней. Таковы были, например, любители древних блюд, состоявших из птичьих языков, или носители мод, для которых истребляются целые породы животных или птиц, чтобы получить их мех или перья. Также и здесь во всем вообще современном производстве громадные усилия и богатейший материал тратятся на совершенно незначительные цели, а затем как остатки этого материала, так нередко и сами орудия производства при насыщении минутного каприза выкидываются как негодные.

В общем, вместо того, чтобы быть хозяином вещей, человек становится их слепым рабом. Парадоксальным образом не столько общество и человек присоединяют к себе и используют вещи, сколько эти вещи по своему образуют и преобразуют людей и общество, превращая живые и разумные существа в манекены — куклы, постепенно утешающие в себе способность к широким планам и могучим проявлениям жизни.

Очевидно, необходима коренная реформа всего современного производства. Она должна состоять во включении трудового процесса, созда-

ющего вещи, в общее мировое действие⁷. Для этого надо определить в нем место творчества вещей.

Но сперва надо точно оттенить то, что должно создаваться этим творчеством в отличие от указанных мертвых подобию, представляющих цель современного производства. Вещи, как мы уже установили, — не что иное, как продолжение человека, искусственные его органы. Тело его дополняется и постепенно заменяется усовершенствованными приборами. Вспомним идею Уэльса в его описании марсиан, передвигающихся и действующих при помощи гигантских машин⁸. Конечно, общая тенденция культуры должна заключаться в том, чтобы эти присоединенные части не оставались машинами, но превращались в живые органы⁹. Но вместе с тем, пока этого нет, все время эти добавления к нашему телу должны быть в нашей власти и подчиняться нашему разуму, подобно тому как ему подчиняются машины. И потому до создания идеально сложного организма из совокупности этих вещей приходится довольствоваться приборами, восполняющими органы. Несомненно, что фантастический образ человека, у которого вместо глаз вставлены электроскопы, позволяющие ему видеть электрическую природу предметов, является предварением такого будущего творчества. Целью последнего должно быть превращение этих машин в нечто новое, сохраняющее от машины ее подчинение разуму, от органа — его природу живой сущности. Тело человеческое должно производиться им как вещь и вместе с тем должно оставаться живым.

Следует отметить, что в таком творчестве вещей и органов мы имеем дело с построением некоего целого из клеточек, молекул, атомов, составляющих как наше тело, так и предметы, к нему присоединяемые. Вследствие этого задача заключается в создании такого объединения этих элементов, которое через механизацию их взаимодействия привело бы в конечном итоге к органическому их соединению. Должна быть создана общая живая форма, объединяющая эти разрозненные материалы.

Как же происходит присоединение части материального мира к человеку и как связывается этот процесс с общим космическим действием¹⁰? Всякий материал, на который воздействует человек, связывается с ним в определенную систему. Управляет ли рабочий машиной или, наоборот, подчиняется ее движениям, в обоих случаях он вместе с нею составляет такую систему. Очевидно задача в том, чтобы усовершенствовать характер этого сложного целого. Для этого должно быть установлено прочное объединение в новом виде деятеля и материала. На самом деле такое объединение никогда не дается в виде физического прикосновения по той простой причине, что такого явления, как «прикосновение», вообще не существует в природе. Оно никогда не имеет места. Между атомами и электронами двух видимо соприкасающихся тел остаются колоссальные пространства, такие же, если исходить из объема электронов и атомов, как расстояния между звездными мирами. Но в таком случае объединение двух тел означает только то, что они *совершают одни и те же свя-*

занные друг с другом действия. Мое влияние на вещь есть подчинение ее моему закону, который становится тем самым общим для нас обоих. Но одинаковые действия, и притом повторяемые (иначе не может быть речи о длительном воздействии), суть не что иное, как ритм. Отсюда колоссальное значение ритма для производства вещей — его роль как фактора, создающего из случайной совокупности определенную систему действия, а следовательно, систему, имеющую известную форму. Итак, вещи используются человеком и творятся им посредством установления общего с ними ритма. Но ритм этот не выдумывается человеком, а диктуется ему общим ритмическим процессом, в котором он участвует, — в последней инстанции всеобщей причинностью¹¹. Частный ритм, возникающий в системе деятеля и материала, есть одна из волн этого общего ритма — один из аккордов общей великой мировой симфонии.

Здесь можно сказать несколько слов о роли машин в будущей культуре¹². Как известно, в настоящее время люди боятся развития машин в будущем, считая, что оно сделает жизнь механичной и бездушной. Другие, наоборот, возлагают громадные надежды на рост и развитие машинизма. Так, например, Форд считает, что со временем машины настолько облегчат работу, что каждый человек будет вынужден тратить лишь 2% своего времени на производство необходимых продуктов, оплачиваемых заработной платой. Все остальные 98% времени будут в его распоряжении для других целей¹³. Однако на этом взгляде, несомненно, имеется отпечаток определенной эпохи развития механических приборов, превращающихся в громоздкие и чудовищные машинные установки. Таковым было направление начала XX века. Но нет никаких оснований полагать, что будущее принадлежит именно этим сложным и объемистым механизмам. Мы видим в разных областях упрощение дела и постепенное устранение излишних передаточных и вспомогательных приспособлений. Так, например, в области переноса энергии мы, несомненно, идем к господству беспроводной ее передачи. Также можно себе представить, что в ближайшем будущем будут открыты такие формы интраатомной энергии, которые произведут полный переворот во всех современных фабричных установках. И несомненно, переворот этот будет в сторону замены больших и громоздких машин небольшими приборами, действующими не экстенсивно, а интенсивно и использующими как резервуар энергии каждую частицу вещества.

Такая техническая революция отразится на всей организации будущего производства, не говоря об ее экономических последствиях: очень возможно, что ряд предприятий, связанных с эксплуатацией старых видов энергии старыми способами, значительно пострадают от изобретения способов использования интраатомных сил. Уже сейчас в некоторых американских журналах раздаются тревожные голоса акционеров крупных предприятий. Дельцы эти боятся новых изобретений и дрожат за свои капиталы, вложенные в старые установки. Такая же революция ожидает экономику в случае коммерческого приспособления уже сле-

ланных открытий в области превращения металлов и искусственного производства золота.

Научное преобразование организмов¹⁴

Организмами следует считать такие соединения элементов, которые подчиняются не только физико-химическим законам, но также законам биологическим, регулирующим проявления живой или органической материи. Как известно, представляется невозможным провести строгую границу между миром органическим и неорганическим или между так называемой живой и мертвой материей. Кристалл живет почти такую же жизнью, как низшие виды живых существ. С другой стороны, почти все реакции и проявления последних могут быть выведены из усложнения простой способности раздражения, свойственной всякой вообще материи. Из этого можно делать выводы одинаково в духе крайнего механизма или крайнего гилозоизма.

Все организмы являются сложными совокупностями элементов. Большие включают группы меньших, чем устанавливается строгая цепь объединений, от высших вплоть до первичных и самых малых известных нам материальных образований. Согласно этому, если спускаться вниз по этой лестнице при разложении организма, можно различить в его составе несколько групп, как органических соединений, так и составляющих их физико-химических частиц. Такими органическими соединениями являются: 1) органы живых существ, 2) части этих органов, 3) ткани, составляющие органы, 4) клетки или пластиды, составляющие ткани, 4) части клеток в виде протоплазмы, ядер, ядрышек, хроматина и проч. С другой стороны, сами эти органические соединения состоят из 1) химических элементов, 2) молекул, 3) атомов, 4) атомных ядер и электронов, 5) предполагаемого первичного фактора — электричества или эфира*.

Мы не будем останавливаться здесь на роли этих различных элементов, ибо она описывается в любом курсе биологии и физической химии. Отметим только, что особенное значение имеют в первой категории клетка, во второй — атом. Также очень важно само основное различие между биологическими и физическими элементами, составляющими организм. Где-то при переходе от молекул к составным частям клетки или бесклеточной протоплазме имеется таинственная область, где материя переходит в загадочное четвертое состояние, близкое к коллоидальному, но до сих пор не объясненное никакими исследованиями. Очевидно только, что протоплазма, клетки, их ядра и составные части представляют уже органические целые, подчиняющиеся особым законам жизни.

* Общая система всех этих элементов прекрасно описана в труде французского мыслителя [Bourdeau], рассматривающего весь мир как сложную совокупность различного рода множеств, подчиняющихся общему социологическому закону¹⁵.

Для нас важно отметить, что эти образования, так же как и высшие составленные из них организмы, имеют в своей основе знакомый нам принцип диалектической общности. Это следует уже из того, что органические соединения состоят из физико-химических элементов, и, следовательно, указанный нами выше способ индивидуации путем образования в эфире силовых центров несомненно является также основным способом образования организмов. Последние являются усложненными вихрями первичного вещества или эфира, причем каждый такой вихрь, на самом деле, с одной стороны, должен быть рассматриваем как весь эфир или весь мир, с другой же — представляет этот эфир и выросший из него в виде особой его внутренней комбинации. Множественность индивидов, с этой точки зрения, есть не что иное, как результат одновременного самоумножения мира в пространстве или сосуществование его различных комбинаций.

Интересно исследовать, что вносит специфически нового в эти процессы жизнь и ее образования? Ответ заключается в указании на определенную роль сознания. Сознание знаменует возвращение природы в себя, происходящее в каждом живом существе в двойной форме, соответствующей двусторонней природе всякого развития: с одной стороны, сознание утверждает, что данный индивид есть весь мир и что, следовательно, не всякое знание есть солипсизм. С другой стороны, сознание утверждает, что мыслящий индивид есть центр этого мира, т. е. подчеркивает первоначальность последнего, его преимущественную важность, его единственность, одним словом, утверждает все черты, создающие личность.

В виду сложной природы организмов и составления их из таких же, но меньших организмов необходимо рассмотреть, в чем заключается взаимодействие органических элементов и каким образом они объединяются в группы, имеющие характер живых существ.

Всякие отношения между организмами ведут либо к утверждению отдельных особей, либо к слиянию их в новое, большее целое¹⁶.

Из этих общих оснований взаимодействия организмов вытекают его виды, встречающиеся в природе:

1) *Стремление к особности* каждого элемента и возникающий отсюда его эгоизм и стремление к самосохранению приводит часто к состоянию взаимной борьбы, Гоббесовой войны всех против всех, или *homo homini lupus*¹⁷. На этом принципе основана теория раннего дарвинизма с ее идеями естественного подбора и торжества наиболее приспособленных индивидов. Долгое время эти начала казались достаточными для построения на их основе всей биологии.

2) Однако в настоящее время обнаружилось множество фактов, доказывающих, что не менее важно действие другого фактора, *закона симбиоза или сотрудничества организмов**. Современная биология вынуж-

* Значение этого принципа отстаивалось П. Кропоткиным в его споре с Гекелем¹⁸.

дена уделять все большее и большее внимание этому фактору. По-видимому, животные и растения создаются, сохраняются и преобразовываются тройкой системой сотрудничества: 1) внутренней системой сотрудничества элементов, составляющих тело, 2) непосредственным или косвенным сотрудничеством организма с другими подобными ему целыми, 3) сотрудничеством с космическими силами мира*.

Во всех этих случаях необходимым условием сотрудничества в той или иной степени является сознание. Степени объединения или симбиоза в значительной степени зависят от развития этого фактора в действующих индивидах. Это связано с тем, что высшее сотрудничество должно быть добровольным, т. е. вытекать из автономного побуждения и решения индивида. Только тогда устраняется мертвый груз, присоединяющийся к сумме общей воли и превращающий ее в механическую или полумеханическую равнодействующую.

3) Третий случай взаимодействия наступает *в случае несознательности элементов*. Тогда они подчиняются причинности, лежащей вне образуемой ими совместно системы. Образуется механическая равнодействующая, которая принудительно поглощает их индивидуальные воли. Целое, таким образом создаваемое, лишается собственной жизни, не имея собственного субъекта и превращаясь в придаток другого, внешнего, навязывающего ему свою причинность целого.

4) Наконец, последний случай взаимодействия имеет место, *когда часть элементов сознательна, часть же не сознательна* (на самом деле все органические элементы в какой-нибудь степени сознательны, так что несознательность есть всегда малая сознательность). Это случай, часто получающийся в жизни. Здесь мы имеем нечто подобное объединению несознательных элементов в предшествующем случае. Только различие в том, что они подчиняются не внешней системе, а сознательным элементам собственной системы. Гетерономия первых поэтому соединяется с автономией вторых.

Результатом процессов борьбы, симбиоза и подчинения является большая или меньшая степень объединения элементов или же в случае борьбы — полного разложения целого.

Как мы знаем, вообще образование целого сопровождается появлением особых его свойств, отличных от свойств суммы элементов и определяемых в совокупности его структурной формой. Это понятие еще лучше выражено в идее энтелехии или индивидуальной субстанции, введенной Аристотелем.

Такая структурная форма присуща каждому организму, и можно даже считать, что она то, что делает его таковым. Функциональные свойст-

* Эта схема развивается американским биологом В. Паттенон¹⁹. Леон Бурдо еще больше расширяет этот принцип, излагая в своей книге систему вселенной, построенной на симбиозе существ, образующих цепь включающих друг друга союзов индивидов²⁰.

ва отдельных его органов получают смысл и единство только во взаимном их сочетании, когда появляется общая цель и общий лик всего организма. Такой сложный организм является высшей формой по сравнению с низшими, в которых нет дифференциации органов, и все проявления совершаются всем существом, как, напр<имер>, у низших животных. Но с другой стороны, наличие органов создает часто слишком большую специализацию их, поработая, ради блага целого, некоторые из его частей. Идеал заключается в дифференциации, но не органов, а самого существа, в такой его пластичности, которая позволила бы ему обращать всего себя в орудие данного процесса. Организм должен становиться весь «ушами», «глазами» и т. п.

Внутреннее единство всякого целого обеспечивается симметрическим расположением его частей, если оно лишено подвижности. Если же существо обладает внутренней жизнью, выражающейся в движениях его частиц, одинаковый ритм их движений есть естественный фактор, связывающий действия этих элементов и устанавливающий общее их направление. Аритмия (отсутствие ритма) есть начало разложения организма. Смерть последнего есть потеря его общего ритма и замена его частными, не координированными движениями его составных частей. Нарушение ритма всегда влечет за собой ту или иную болезнь организма²¹.

Если перейти к видам структурных форм организмов, мы найдем самое общее подразделение их на: 1) Низшие виды, каковыми являются *одноклеточные существа*, так называемые протисты²². 2) Затем мы имеем мир *растений*. 3) Далее идут *животные*, причем промежуточное положение между растениями и животными занимают зоофиты, более близкие к первым, и зооспоры, более близкие ко вторым. 4) Наконец, особое и высшее место в этой лестнице занимает *человек*.

Все эти виды организмов составляют единую иерархическую лестницу, соответствующую совокупности всего органического мира.

Из этого следует прежде всего невозможность оторвать какую-нибудь часть этого целого или подойти к тем или иным организмам или их группам, иначе как пройдя через все смежные с ними группы. Так, например, невозможно логически установить отношения отдельного организма ко всему целому органического мира, иначе как пройдя через отношения этого организма ко всем группам, представляющим промежуточные инстанции между ним и всем целым. Из этого рождается необходимая историчность всех органических процессов, т. е. течение их в рамках единой эволюции всего органического целого.

Мы уже видели выше, что взаимодействие вещей и организмов выражается либо в поглощении и ассимиляции первых вторыми, либо в присоединении их к своему телу. Отношения между организмами протекают в тех же формах. Возможность поглощения и ассимиляции, лежащая, напр<имер>, в основе функции питания, обуславливается тем, что состав всех вещей и организмов в последнем своем разложении один и тот же. Вследствие этого постоянно происходит перемещение материи

то в виде перевода ее из одного организма в другой посредством питания, то в виде деления (распадение или разлом вещи, почкование или рождение организмов). В отношении процесса перемещений существует сложная иерархия, соответствующая системе организмов. Так, клетки, образуют из себя все животные организмы, и все проявления жизни сопровождаются вхождением их в тело или их выхождением. С другой стороны, растения также играют служебную роль по отношению к животным и к людям, т. е. всякое животное потребление использует продукты, переработанные растениями.

С другой стороны, процесс порождения новых организмов путем рождения их или деления есть всегда внутреннее деление организма, сопровождающееся при явлении роста присоединением к новому организму внешних одноклеточных существ.

В общем же, несмотря на кажущийся хищнический характер, взаимное поглощение в конечном итоге есть тоже вид сотрудничества, но низшего порядка.

Для вопроса о сознательно творимой человеком культуре нас больше всего интересует высший вид сотрудничества, выражающийся в координации действий без взаимного поглощения и уничтожения. Здесь мы должны остановиться на трех видах взаимодействия: воздействие организмов друг на друга и взаимное их образование, образование организмов воздействием человека, наконец, образование человеком человека.

Во всех этих случаях мы приходим к выводу, что первый вид образования, путем деления, рождения и поглощения есть вид несовершенный и связанный с несознательностью, вследствие чего эти способы сотрудничества постепенно заменяются сознательным и целесообразным воздействием — *переработкой вещей и организмов согласно заранее устроенному плану*. Если поглощение соответствует последнему пределу борьбы между двумя организмами, переработка ближе всего стоит к типу сотрудничества через подчинение несознательных существ сознательным. Это первый шаг к настоящему сотрудничеству, основанному на взаимном согласии, и несомненно, что переработка стремится к этому идеалу, осуществляемому в союзе деятеля и материала.

По существу, переход от низших видов сотрудничества к высшим с участием человека означает установление на месте произвольных движений, не подчиняющихся человеческому разуму, ритма, сознательно регулируемого разумной волей. Именно благодаря этой способности человек и получил свою власть над природой. Благодаря способности ритмизовать свои движения и движения окружающих, подчиняя их в зависимости от случая своей воле, или требованиям, идущим извне, человек мог внести в мир действительное преобразование, или реальную культуру. Культура означает, что часть мира стала оркестром, в котором человек является дирижером.

Рассмотрим последовательно культуру как преобразование всех указанных видов организмов.

Естественное образование одноклеточных организмов — бактерий, микробов, инфузорий совершается посредством их деления. Изменение же их происходит путем питания их, роста, движения и т. п. На эти процессы влияет сильнейшим образом общая внешняя среда и окружающие вещи и организмы. Вся биологическая эволюция живых существ влияет на протистов, из которых они составлены. Поэтому если внутренние события в мире протистов являются факторами созидания и разрушения крупных и сложных многоклеточных организмов (в виде болезней, сложения и разложения организмов), то, в свою очередь, тот или иной образ жизни сложного организма отзывается на существовании составляющих его протистов.

Можно поэтому считать, что даже элементарные реакции на действия микроорганизмов, так, как эти реакции имеют место у животных или даже растений, могут создать изменения в мире протистов.

Но только у человека процесс преобразования этого мира стал сознательной деятельностью. Человек, конечно, оказывает влияние на этот мир также в виде полусознательных реакций своего организма. Но рядом с этим он воздействует на него разработанными научными средствами, применяя медицинские средства, выращивая нужные ему микроскопические культуры. Первый способ унаследован нами от старой медицины. В течение веков люди опытным путем познали лечебные средства и, сами того не зная, воздействовали ими на одноклеточные организмы, составляющие человеческое тело. В настоящее время с раскрытием роли микроорганизмов наука все больше и больше прибегает к выращиванию нужных ей протистов и успешно борется против вредных, вводя в организм специально приготовленные из них составы. Человек в известных случаях разводит полезные микроорганизмы совершенно так же, как скотовод разводит домашних животных. Это делается, например, с целью поднять земледелие. Бактерии придают земле ее лучшие качества, превращая соли аммиака в составы, посредством которых азот ассимилируется растениями. Ввиду этого усовершенствование культуры почвы требует культуры бактерий. Рядом с этим промышленность при помощи ферментов вырабатывает вина, пиво, алкоголь, сахар, уксус, печет хлеб, делает простоквашу и т. п.*

Нет надобности указывать на громадное влияние человека на преобразование растительного мира. Вообще, растения имеют громадное значение для животных и человека. Растение подготавливает материалы для животного потребления. Растение накапливает в себе запасы энергии, которые животные превращают в теплоту и движение. Растение собира-

* Леон Бурдо в своей книге [«Le problème de la vie»] указывает, что недавно начатая эксплуатация мира протистов как в смысле борьбы с ним, так и использования их, будет когда-нибудь столь же плодотворной, как завоевание человеком животного мира, где также произошло деление на вредных хищников и полезных животных²³.

ет — человек тратит собранное. Высшее царство пользуется низшим и без него не могло бы существовать*.

Однако и животные оказывают услуги растениям. Навоз удобряет почву и способствует ее плодородию. В значительной степени общению с насекомыми растения обязаны своей окраской и формой. Птицы и насекомые являются также распространителями растительных семян. С другой стороны, животные оказывают разрушительное влияние на растения, чему примером служит работа саранчи и других вредителей.

Но планомерное воздействие на растительный мир оказывает один только человек. Здесь также можно найти отрицательные явления — хищничество людей, ведущее к обезлесению целых местностей и меняющее, соответственно, в неблагоприятную сторону их климат. Но чем больше совершенствуется и воспитывается сам человек, тем больше развивает он настоящую культурную регуляцию природы и, в частности, жизнь растений. Достаточно указать на все возрастающее значение сельского хозяйства. Для целых пород и для обширных местностей естественный ритм развития и роста заменен ритмом, всецело регулируемым человеческим разумом. В этом глубокий культурный смысл земледелия. Последнее включает самые разнообразные отрасли: посев злаков, полевые культуры, садо-огородничество, лесоводство, виноделие, цветоводство и т. п. Пустынные местности оживляются травосеянием, древонасаждением, будущее которого, по-видимому, огромно. Быть может, многие части земли, в настоящее время представляющие пустыни, будут засеяны полезными злаками и обсажены деревьями. Вспомним гениальные планы Фурье о лесонасаждениях в Сахаре и ряд уже совершенных грандиозных работ в этом смысле, дающих Европе на место вырубленных лесов новые обширные лесистые чащи. Как указывал Фурье, таким путем, может быть, удастся регулировать климат нашей планеты и влиять на экономические условия будущего²⁵. То же можно сказать о других перечисленных выше видах специальных культур. В общем, система культуры растений, улучшение их пород и завоевание для отдельных их видов целых новых материков (вспомним первое появление табака и картофеля в Европе в XVII веке) ставит грань между кочевой эпохой и современной земледельческой. Человек создает этим новые условия жизни на земле. Не забудем важности культурных растений для топливного вопроса. Уже сейчас раздаются голоса, предсказывающие со временем исчезновение на земле лесов и истощение запасов угля, являющегося также продуктом химического превращения остатков прежней растительности. Правда, полагают, что скоро будут найдены способы использовать солнечную и атмосферную энергию, а также интраатомную энергию, запасы которой необозримы. Но рядом с этим, быть может, удастся создавать искусственным путем торф или уголь улучшенного вида использованием для этой цели особых древесных насаждений.

* См.: Леон Бурдо, [с. 154]²⁴.

Вместе с тем человек произвольно меняет самый тип растений. Как известно, сейчас в этой области достигнуты громадные успехи. В Америке выращивают фрукты и цветы колоссальных размеров. И быть может, наука обращает недостаточно внимания на этот вопрос. Путем разведения евгеники растений полезность последних может быть увеличена до небывалых степеней.

Что же касается создания растений лабораторным путем без участия семян, вопрос этот, унаследованный наукой от алхимиков, находится пока в той же стадии, как общий вопрос о созидании жизни.

То же почти, что указано нами в отношении преобразования растений, можно повторить относительно культурного воздействия на животных. Влияние животных на других животных ведет часто к взаимному их уничтожению и к исчезновению целых пород. Многие из животных видов, населявших раньше нашу планету, были вытеснены другими видами, оставив о себе только воспоминание, записанное в современных им геологических пластах. Гораздо реже примеры сотрудничества животных. Однако последнее также встречается в пределах одной породы в виде так называемых животных обществ.

Что касается воздействия человека на животный мир, оно развивается в различных формах. Оно распространяется на существующие их виды посредством охоты, рыболовства и приручения некоторых полезных пород. В этом смысле животные превратились в непосредственных пособников культуры и играют большую роль в выработке ее материальных продуктов. Чем была бы наша культура без лошади и без коровы и собаки? Но вместе с тем человек обладает способностью воздействовать на животных, меняя и преобразовывая их природу. Он выращивает и воспитывает новые породы, уничтожает старые вредоносные и заменяет их полезными типами. Человек ведет в этом смысле постоянную войну с хищниками, с вредителями, с паразитами всякого рода. С другой стороны, он заботится о полезных животных, улучшает их посредством правильного питания, ухода и ветеринарии. Тем самым общей совокупностью этих усилий постепенно меняется фауна мира, становится все более и более произведением рук человеческих, результатом его предвидения и регуляции. Уэллс в одном фантастическом романе пошел дальше и изобразил изменение лабораторным путем природы животных, искусственное превращение их в полулюдей посредством вивисекции, прививок и гипнотизма²⁶.

Кто знает, быть может, в самом деле, в будущем евгеника животных уступит место более прямым способам воздействия на их породу. Последняя будет преобразовываться хирургически (как это делается сейчас уже в опытах омоложения). Затем, быть может, в лабораториях будет химически изготовляться настоящая жизнь.

Надо, впрочем, сказать, что конкурентом животному в будущей культуре явится машина. Уже сейчас во многих больших городах лошади вытесняются автомобилями. Но существуют проекты устранения жи-

вотных и из обихода деревни. Так, Форд проектирует реформу земледелия, при которой все полевые работы будут производиться машинами. Молоко будет выделяться химическим путем. Также почва будет удобряться исключительно веществами, добытыми из воздуха²⁷.

Но несомненно, важнейшая область воздействия на организмы и их преобразование есть переработка человеком самого человека. Важность такого изменения природы человека бросается в глаза и, очевидно, она имеет гораздо большее значение, чем все указанные до сих пор виды культурных преобразований. Совершенствуя человека, мы не только выполняем непосредственную задачу, поставленную таким изменением, но вместе с тем мы создаем такое увеличение человеческой мощи, которое дает нам могущественное орудие для новых преобразований.

Здесь прежде всего ставится вопрос о том, как человек может сам себя изменить посредством усилий воли и самовоспитания. Такое изменение возможно, например, в области внутренней, откуда берут начало наши внешние проявления. Для каждого вступающего на путь самоизучения и сознательной переработки своей личности, раскрываются в психологических тайниках его внутреннего «я» безбрежные глубины, заключающие в себе колоссальные возможности жизни, творчества и мощи. Эти области, на которые указывалось еще в глубокой древности, были научно исследованы новейшей психологией и получили название «подсознательной области» человеческой личности. В них человек соприкасается с истоками своей природы, с самим своим существом, роднящим его с другими людьми и с целым миром. Так же как тело его состоит из тех же электронов, из которых состоит вселенная, внутренние силы его тождественны силам, создающим космос в каждый момент его существования. Посредством работы над собой человек может овладеть этими иррациональными, неразумными глубинами, воспитать не только свое сознание и свою волю, но также и свое подсознательное «я» и установить, таким образом, гармонию между его проявлениями и проявлениями всей мировой жизни.

По существу, эта задача требует создания нового внутреннего ритма человека и нового ритма его жизни в сношениях ее с окружающим. Значение внутреннего ритма для каждого живого существа было уже нами отмечено. Для человека, ввиду тонкости его сложной организации, ритм является условием его внутреннего единства и координации деятельности различных частей его тела. Вспомним, что в древности многие мыслители самую душу человека отождествляли с движением*. В настоящее время способность ритма признается как основная врожденная способность человека. Согласно Руссо, все человеческие страсти обладают ритмической природой²⁹. Для Гегеля в музыке раскрывается сокровенная глубина человека, и ритм служит необходимым средством внесения в

* Аристотель в «Трактате о Душе» (Книга I глава II) приписывает это мнение Демокриту, Левкиппу²⁸, пифагорейцам и Анаксагору.

последнюю раздельности и установлением в единстве духа необходимой множественности³⁰. Современная психология, так же как практика различных искусств, подчеркивает индивидуальное восприятие ритма людьми, указывающее на то, что он отвечает глубокому внутреннему закону человеческого существа. С этой точки зрения получают смысл отмеченные многими деятелями искусства факты удовольствия, доставляемого людям даже в детском возрасте ритмом в танцах и музыке и даже независимо от последней*. При этом указывается, что органом ритма является все тело.**

Быть может, раскрытие человеческой природы в этом отношении приведет к полному отождествлению личности с определенным сложным ритмом. Вспомним поэтический рассказ о том, что пифагореец Архит, услышав от пастуха, что из могилы пифагорейца Филолая исходят какие-то звуки, интересовался не содержанием слов говорившего голоса, а исключительно музыкальным тоном последнего и его ритмом³³. Это предание хорошо иллюстрирует точку зрения пифагореизма, что вещь есть число, а след<овательно>, душа есть движущееся число или ритм. Изменение природы человека должно совершаться в виде изменения соотношения его элементов, определяемого ритмом.

Для этой цели можно себе представить несколько способов такого преобразования. Это, во-первых, воспитание людей в существующем их виде. Воспитание расчленяется на воспитание умственное, или образование, на воспитание моральное, наконец, на воспитание физическое. Быть может, все эти виды обработки человеческой личности можно объединить в понятие ритмического воспитания с приданием этому понятию гораздо более широкого значения, чем оно имеет сейчас. В этом отношении у современных ритмистов, действующих в узкой сфере физического ритма, чувствуется, однако, стремление рассматривать последний лишь как какую-то первоначальную стадию целостного ритмического развития. В трудах этой школы можно найти ряд ценных указаний о том, что задача современного воспитания заключается не в развитии одной какой-нибудь стороны личности, а в создании условий для расцвета всего человека³⁴. Человек с этой точки зрения рассматривается как целое, как космос. Человек должен посредством эвритмии выработать в себе способность не только телесной, но и умственной и духовной ритмики. Ритм должен быть везде и всюду. Ритм должен осуществляться во всех проявлениях человека и проникать всю жизнь. Так было у наиболее выдающихся представителей идеи самосовершенствования. Соответственно намечается, правда, еще в очень туманной форме, всеобъемлющая реформа воспитания, где ритмика должна играть роль древней аскезы. Не подавлять надо в себе влечения и устремления, но ритмизовать их.

* Далькроз. РИТМ, 7.³¹

** То же³².

Здесь можно упомянуть еще об одном вопросе, глубина которого осознана не всеми реформаторами человека³⁵, но естественно раскрывается как следующая стадия их исканий. Это вопрос о соотношении ритма и времени. Последователи Далькроза обратили внимание на эту проблему и указывают на значение ритма для восприятия времени. Однако из этого не делают практических выводов, и здесь получается такая же остановка, как у представителей теорий организации труда, когда они говорят о времени исключительно в смысле уплотнения его, т. е. заполнения работой данного, уже готового времени³⁶. Также ритмисты видят возможность ритмического восприятия времени и регулирования в нем движений. На самом же деле ритмическая работа может не только использовать готовое данное время, но может творить новое, согласно своему собственному заданию. В самом деле, повторение какого-нибудь действия во времени есть не что иное, если отвлечься от окружающего, как воскрешение этого действия. Таким образом, есть система воскресительных актов, превращающих слепое и неразумное время, навязываемое нам всеобщим течением природной эволюции, в новое, разумное время, творимое нами согласно идеалу нашего ума.

Однако одна только внутренняя реформа человека недостаточна. Вопрос о ней не нов. Он ставился всеми религиями, всеми системами философии и морали, всеми нравственными и законодательными реформами. Казалось, что можно сказать нового по этому предмету, когда уже давно в этой области все существенное повторялось до превращения его в общие места? Но именно факт такого неустанного и вместе с тем бесплодного утверждения о необходимости преобразовать человека заслуживает внимательного расследования. Почему, в самом деле, реформа человека есть избитая тема и всякие высказывания об идеале человека давно общепризнаны и давно набили всем оскомину? Мы не ближе к осуществлению идеала реформы человека, чем люди самых отдаленных исторических веков. Почему идеал, сам по себе простой и ясный, не поддается осуществлению? Вопрос о том, каким должен быть новый человек в духовном и моральном смысле, не возбуждает особых разногласий. Даже какой-нибудь сверхчеловек Ницше на самом деле, если откинуть писательские громы и молнии и эстетические бури, делающие его немного косматым, может быть в достаточной мере причесан, чтобы занять место среди общих идеальных представлений о будущем человеке. Но как только речь заходит о претворении этих красивых идей в действительность — воз не двигается с места.

Мне кажется, что следует искать разрешения этого вопроса прежде всего в предполагаемом объеме преобразования. Характерно, что все почти учения и системы, одинаково религиозные, моральные и философские, исходили из разделения природы человеческой на физическую и духовную и занимались исключительно вопросами о реформе второй. Это связано было с идеалистической концепцией мира и с пренебрежением к материи, заметным в миросозерцании всех старых культур. Ма-

терия представлялась как зло, отягощающее и порабощающее дух, и первый шаг всякой реформы заключался в том, чтобы пытаться освободить дух от низменной плоти. Ввиду же того, что такое освобождение реально представлялось невозможным, так как человек не может отрешиться от своего тела, иначе как путем смерти, по большей части прибегали к фиктивному уходу от тела и связывающего его мира. Там, на высотах беспредметного созерцания, старались забыть презренную материю и преобразовывать один только дух, мысль и волю. В особенности сильным такое направление было в индусской религии и философии. В Индии такое мирозерцание наложило печать пассивности и неделания на всю индусскую культуру, обреченную вследствие этого на косность и застой. В христианском мире судьба культуры была бы тою же, если бы не культурная Революция, начавшаяся в эпоху Возрождения и выдвигающая в настоящее время идеал активности и материального преобразования мира. Такое устремление, несомненно, направлено против пассивно-созерцательного уклона, и вследствие этого возникает современный кризис культуры, имеющий в своем центре противоречие между активной наукой и пассивной религией. Но Революция эта, освободившая человеческую активность в отношении творчества вещей, растений, животных и вызвавшая к жизни мощную современную технику, не имела решимости поставить на очередь вопрос о таком же целостном физически-духовном преобразовании самого человека. Тогда как современная наука имеет ряд прикладных наук и технических дисциплин, учащих, как можно изменять окружающий нас мир, в отношении такого же радикального изменения человека она ничего не смогла или не посмела прибавить к старым учениям, добывавшимся исключительно морального его преобразования.

Хорошо было бы, конечно, если бы такое моральное преобразование могло хотя бы одно состояться, не дожидаясь более целостной реформы человека. Но беда в том, что человек есть именно целостное существо и никакое действительное психическое и моральное его преобразование невозможно, если одновременно не будет коренным образом изменена физическая его природа. Объяснение неудачи моральной реформы и невозможность осуществления возвышенных духовных идеалов заключается в том, что реформа эта сталкивается с затруднением, лежащим в целостной природе человека и прежде всего в известном составе, форме и свойствах его тела. Последние и ставят все время предел самым одухотворенным мечтаниям, останавливая полет души преобразователей напоминанием о том, что человек «телом немощен» и что ему не по силам ожидаемые от него подвиги одного только внутреннего совершенствования. Это подтверждается не только неспособностью рядовых людей на такого рода подвиги, но также теми безысходными противоречиями, в которые впадали избранные и закаленные в духовной работе провозвестники таких реформ. Ни одно учение не в силах установить последовательную точку зрения на отношения духа и плоти: подвижник вынужден

все же есть и получать от этого какое-то удовлетворение, безбрачие в чистом виде невозможно, ибо убитая плоть воскресает в греховной игре воображения, не может быть и абсолютного милосердия ко всем тварям, как это видно из опыта последователей индуистской джайны, боявшихся ходить, чтобы не раздавить какое-нибудь существо³⁷. И все же они вынуждены были двигаться и отмаливать совершаемые на каждом шагу убийства. Поэтому всякая аскеза или йогизм всегда имеют предел, убивающий все достигнутое, и этот предел — именно возвращение к господству в своей сфере изгнанной плоти.

Ввиду этого преобразование человека нельзя мыслить как только умственное и моральное. Изменения в этих двух областях также необходимы, но общая цель есть преобразование целостное, всего человека, а не одной какой-нибудь его стороны. Человек должен быть видоизменен всецело, одинаково в духовной и физической своей природе, ибо пока он остается, как теперь, немощным, подверженным болезни и смерти, никакое моральное только преображение не пойдет в счет и он будет по-прежнему оставаться во власти полужречей природы. Надо освободить его от этого гнета и, наоборот, подчинить разуму эту бессмысленную властительницу. И прежде всего, человек должен пересоздать себя, сделать себя неуязвимым для смерти.

Такое бессмертие надо понимать не как пребывание в потустороннем мире, а как продление жизни человека научными средствами на земле. Возможно ли такое преобразование? Теоретически оно, безусловно, возможно. Мы не удивляемся тому, что природа через посредство известных ей способов создает жизнь и воскрешает и возобновляет ее проявления там, где они почему-либо угасли. Так почему удивляться тому, что на известной стадии биологического развития одним из этих способов будет деятельность самих этих живых существ? Это не более невозможно, чем деятельность ферментов, совершающих химические превращения микроорганизмов, составляющих органические целые. Почему клетки могут создать человека, а совокупность этих клеточек — сам человек — не может влиять на процесс собственного своего созидания? Тут надо отрешиться прежде всего от того, что существует естественная деятельность природы и деятельность людей, носящая искусственный характер. На самом деле оба вида деятельности естественны, и оба они — виды деятельности природы, но только в одном случае она действует неразумно, или с минимумом сознания, в другом же — при помощи развитого разума. Если же ссылаться на то, что до сих пор все попытки создать жизнь оставались тщетными, этот аргумент не более основателен, чем сомнения, высказываемые еще в начале XX века относительно возможности человека когда-либо завоевать воздух.

Этим ставится вопрос о необходимости совершенно иного подхода к преобразованию человека. Рядом с освобождением духовным надо освободить человека от слабостей его тела. Надо увеличить до возможных пределов мощь последнего. Тогда возможно будет думать с новой силою

о дальнейшем внутреннем совершенствовании и о реальном могуществе, дающем человеку власть над природой. До этого времени всякие идеалы самосовершенствования или сверхчеловечества в виде ли крайнего его смирения или крайнего возвеличения могут дать лишь частичные результаты. Ввиду этого большую важность приобретают способы воздействия на человека, захватывающие и его материальную природу. Из известных научных способов можно указать на медицину. Главная цель медицины есть продление человеческой жизни. Всякая врачебная деятельность, от лечения первобытными средствами до современных видов усовершенствованной медицины, имеет в виду эту задачу. Если же стать на эту точку зрения, можно удивиться тому, как мало в этом направлении достигнуто. Правда медицина за последнее время в отделах хирургии, серотерапии, гигиены, асептики имела громадные успехи: многие эпидемические болезни в настоящее время в культурных странах при нормальных условиях почти устранены (чума, холера, сыпной тиф и т. д.). Другие значительно обезврежены, как, например, дифтерит, оспа. Третьи излечиваются сравнительно простою операцией, как, например, аппендицит. И тем не менее в отношении самой центральной проблемы продления жизни ничего существенного пока не достигнуто. Если взять вышедшую в 1796 году книгу германского врача Гуфеланда «Макробиотика, или Искусство долго жить», мы увидим, что современная медицина вынуждена почти повторять его советы своим пациентам*. Правда, за последние годы медицина и практическая биология вступила на путь смелых опытов пересадки и оживления органов и тканей, а также действительного омоложения одряхлевших организмов. Но это только начальная стадия будущих работ, масштаб и значение которых трудно предугадать. Несомненно только, что это путь грядущих великих побед над слепыми законами природы, и в конце его, быть может, в самом деле стоит биологическое бессмертие. Вообще любопытна эволюция идеи смерти в современной науке. Все чаще раздаются голоса, утверждающие что смерть неестественна и что умирающий организм есть жертва розни и насилия. Вместе с тем обнаруживаются загадочные случаи состояния между жизнью и смертью, как это имеет место в анабиозе, в каталепсии или в недавно открытом американскими врачами состоянии организма после прекращения дыхания, когда еще не наступило разложение тела и оживление вполне возможно.

С нашей точки зрения воздействие на человека медицинскими средствами есть не что иное, как изменение его ритма, или ритма, установленного между ним и окружающей средой. Средства эти повышают или понижают деятельность внутренних элементов, тем самым меняя ритм их общения. Быть может, такие изменения со временем будут совершаться электрическими или даже музыкальными средствами.

Наконец, кроме воспитания и медицины много надежд возлагается

* Ср. книгу *Finot* «La longévité». Мечников, Третьяков, Бурдо³⁸.

также для преобразования человеческого организма на евгенику. Евгеника имеет то преимущество перед медициной, что, тогда как операции последней имеют характер приложения действия к индивидуальному случаю, — в евгеническом действии принимают участие целые поколения людей, вследствие чего операции ее принимают характер сложного сотрудничества многих организмов. В этом превосходство евгеники над попытками творить жизнь индивидуально, подобно опыту Парацельса, выведившего гомункула в телячьем желудке или в тыкве³⁹. Серьезным возражением против такого рода попыток является соображение, что в них невозможно учесть сложное начало наследственности. В евгенике же, наоборот, все построено на использовании наследственности в процессе цепи естественных рождений.

Но евгеника имеет свои недостатки. Аппарат ее необычайно громоздок, ибо для получения известного типа необходимо согласованное действие многих поколений. К тому же рационализация детородного процесса затрудняется психологическими и эмоциональными элементами, привносимыми людьми в эту операцию. Вообще несомненно, что при рождении людей практикуемыми ныне способами через посредство полового общения мужчины и женщины процесс этот находится на три четверти во власти бессознательных сторон человеческой природы. Через последнюю на него воздействует внешняя биологическая, климатическая, физическая стихия, превращающая деторождение в чрезвычайно сложный, болезненный и несовершенный акт. Можно сказать, что природа его извращена неестественным половым развитием людей, начавшимся с появления у отдаленных наших предков в первобытном органическом состоянии двуполой структуры. Быть может, другие способы размножения, на которые мы смотрим свысока, потому что они остались уделом низших существ, вроде почкования, деления и т. п., являются на самом деле более естественными и совершенными. Если бы эволюция усовершенствовала эти средства передачи наследственности новым особям, быть может, многое мучительное и вредное было бы устранено в нашей жизни. Прежде всего, могло бы не существовать деления человека на мужчину и женщину. Эта мысль кажется нам сейчас чудовищной, потому что она лишает жизнь той особой значимости, которая возникает из встречи, соединения и коллизии разнообразных элементов, присущих каждому полу как его специфическая природа. Но можно представить себе людей однополыми, как их изображают древние сказания⁴⁰. Каждый такой однополый человек будет иметь в себе одинаково мужскую и женскую энергию, и потому разнообразие, вносимое в жизнь различием этих начал, не потеряется, но будут устранены нелепые и отвратительные современные проявления иррациональной половой жизни. Идя дальше, можно себе представить многополость, т. е. такое множество индивидуальных различий, при которых каждый индивид будет глубоко отличен во всей своей природе от других и между полюсами таких расхождений будет гамма проявлений, во много раз бóльшая, чем та, которая

сейчас обнимает воплощения мужского и женского начал. Правда, тогда и проявления эти перестанут быть специфически половыми и то, что сейчас является любовью мужчины и женщины, в исправленном виде, без уродливых присущих ей преувеличений, будет возникать во взаимных отношениях новых людей. Такая любовь превратится в высшую дружбу, до сих пор тщетно искомую мудрецами.

Отмена деторождения выдвигает необходимость четвертого способа преобразования человека рядом с воспитанием, лечением и евгеническим выращиванием. Это *производство людей при помощи средств науки и искусства*. Производство и преобразование людей отличается от других способов преобразования их тем, что здесь создается или меняется человек как целостное существо во всех его проявлениях. В этом отношении наука и искусство получают совершенно новые задачи. До сих пор они имели своей целью только частичное изменение природы данного индивида. Так, наука через посредство медицины лечила человека, уподобляясь искусству ставить заплатки на продранное место. Целью искусства также признавалось воспользоваться человеком как материалом, напр<имер>, в театральном искусстве. Театральное искусство тем интересно, что тогда как в других искусствах человек преображает внешне данный ему материал, здесь он преображает себя самого. Но преобразование это имеет весьма определенные рамки, устанавливаемые физической природой человека. Он может разнообразить свои движения, но все же остается рабом данного ему от рождения тела. Путем же производства само тело меняется. Соответственно, искусство получает новую громадную задачу: способствовать этому целостному преобразованию. Здесь мы имеем новый театр, где актер не меняет грим, но представляет собой нечто вроде сказочного оборотня, действительно меняющего свой физический облик.

Первая мысль, когда речь заходит о производстве людей, обращается к упомянутой уже колбе или телячьему желудку Парацельса. Вспоминается вторая часть «Фауста» и рисуется сцена в лаборатории, когда новорожденный гомункул приветствует первым возгласом своего химического отца. Но на самом деле в этой картине отсутствует если не главная, то, во всяком случае, существенная сторона человеко-производственной операции. Вспомним возражение против такого опыта, исходящее из соображения, что каждая частица живого вещества несет в себе в виде наследственности результаты работы многих предшествующих поколений. Отнимите эти результаты, и нет больше жизни, потому что нет больше сложной индивидуальности, запечатленной в протоплазме. Личность есть не что иное, как проявляющаяся в веществе комбинация усилий миллионов предков данного индивида. Значит, если мы хотим создавать жизнь в лаборатории, мы должны каким-то образом передать нашему химическому составу такое же богатство определений. Как этого достигнуть и возможно ли это?

Также при операции деторождения, когда будущий человек опреде-

ляется в своей природе наследственностью, передающей ему известную сумму свойств, последние являются результатом не только единого физического, но также целостного исторического культурного процесса, создающего тип этого человека. Но можно представить себе, что свойства эти передаются новому существу не посредством наследственности, а путем осуществления проекта, построенного так, чтобы включить эти свойства. В самом деле, раз культура может запечатлеть в зародыше совокупность этих свойств, та же культура может собрать ту же сумму свойств в виде определенного проекта или формулы будущего человека. И можно себе представить, что также как ряд поколений были носителями формулы, записанной в зародыше, ряд лиц одновременно может стать обладателем указанной формулы, в то время как она существует отдельно от зародыша, как его проект. Множество лиц при этом необходимо в виду крайней сложности состава творимого типа — сложности, не могущей быть охваченной всецело одним человеком. Ведь и зародыш несет в себе следы деятельности миллионов предков.

Можно предположить поэтому, что со временем отпадет необходимость физической наследственности. Что такое представляет наследственность, до сих пор неясно для биологов. Но если непонятна ее сущность, то функциональное ее значение ясно: она передает новому организму какую-то совокупность качеств, выработанных миллионами его предков. И потому всякий другой способ передачи этих свойств может в этом отношении заменить наследственность, если только в результате его будет получена известная комбинация свойств. Поэтому из двух процессов, происходящих при деторождении: 1) химического составления нового человека и 2) определения его формы и свойств наследственностью, — первый будет осуществлен в лаборатории, второй же может быть совершен путем составления группой лиц проекта этого человека, в виде формулы, регулирующей вышеуказанный химический процесс. Так же как врач дает рецепт лекарства, группа эта выработает проект нового человека в химической, физической природе, так же как определенный художественный и моральный идеал человека, который затем будет технически осуществлен в лаборатории. При этом требуемая сложность состава нового человека будет обеспечена в такой же мере, как при наследственности, разнообразием и количеством участников данной группы. Таким образом, новый человек будет результатом творчества не отдельных двух людей, но определенного соборного целого.

Конечно, выработка проекта нового человека будет особо ответственной задачей. Нужно, чтобы группа людей, участвующих в этом деле, состояла из лиц, связанных единомыслием. Подобно тому, как музыканты в оркестре сыгрываются и постепенно из сочетания вдохновения, темперамента и техники каждого рождается единая разыгрываемая ими симфония, — творцы нового человека должны объединиться в едином гармоничном выявлении идеала последнего. Различие только в том, что оркестр играет по готовым нотам, тогда как здесь вначале имеет место

коллективная импровизация и лишь постепенно, после ряда совместных попыток сочетать разнородное действие каждого в единый ритм — получается искомая живая симфония, проект человека. В этой операции возможно соответственное распределение ролей при общем руководстве наиболее компетентного лица. Вместе с тем все это действие должно совершаться с вниманием и сосредоточением всех участников, и настроение их должно быть на высоте величия и значительности совершаемого ими общего дела. Это, в самом деле, священнодействие — творчество нового человека. И каждый должен понимать, какая великая честь выпала на его долю и как велика его ответственность перед обществом и перед самим творимым. Неправильное действие или уродливый замысел может создать несчастный и ненужный ублюдок — позорный продукт некрасивых представлений и злых чувств. Зато удачное творчество должно дать его участникам высшее из возможных удовлетворений. Они создают не абстракцию или мертвую вещь, но живого человека. Это венец мечтаний для всякого истинного художника.

В самом процессе творчества возможно воспользоваться для создания соответствующего настроения участников всеми средствами современных искусств и еще лучше — сочетанием последних. Это особенно важно, так как самый объект творчества имеет рядом с научной еще и художественную сторону. Он представляет собою художественное произведение, вырабатываемое в научных рамках при помощи научных средств. И творчество авторов проекта человека в этом отношении есть дальнейшее развитие современного художественного творчества.

Независимо от осуществимости в ближайшее время и такой операции с целью создания проекта человека, несомненно, что она имеет и другой, более общий смысл как указание направления будущего искусства. Здесь есть все, чего ищет тщетно последнее: индивидуальное вдохновение, мощь коллектива, творчество живых существ вместо мертвых подобию. Есть также великая действенная цель, возникающая из вкорененности частного ритма данной операции в ритм всеобщего преобразования мира. Есть еще одно не менее важное достижение: постепенный переход умственного общения в общение художественное, причем последнее целостно обнимает проявления всех известных человеку видов искусства. Поэтому здесь важен самый метод операции, даже если она будет долго еще невозможна в виде действительного способа создавать людей. И быть может, сперва ее можно будет применить к более скромным целям, к творчеству коллективным путем произведений искусства.

С другой стороны, если позволено мечтать о дальнейших перспективах, можно себе представить момент, когда будет устранена необходимость последующего воплощения проекта лабораторными средствами, ибо будет найден способ непосредственной передачи человеком своей энергии в любом направлении и к любой точке приложения. И сейчас человек передает физическим действием свою энергию на расстояние, нуждаясь, однако, для этого в посредстве соответствующих приборов.

Быть может, с развитием техники возможно будет беспроводным путем сосредоточивать всю энергию человека в одном каком-нибудь месте. Тогда операция превращения химических состав[ов] будет также совершаться таким путем и можно себе вообразить непосредственное воздействие на вещество коллективной энергии, излучающейся от группы, совершающей производственное радение⁴¹.

Но как быть с другим возражением: до сих пор в лабораториях не удалось создать живую протоплазму! Однако этот довод не сильнее аргументов против возможности летания, исходивших из опыта тысячелетий до XX. Но чудо совершилось на наших глазах и опыт этот оказался ложным. Воздух оказался завоеванным через двадцатилетие после первого же удачного полета. Также и в отношении творчества жизни неуспехи в этой области доказывают только, что до сих пор секрет ее не найден. Но теоретически совершенно очевидно, что раз речь идет об определенных комбинациях элементов, создающих наше тело, закон их может быть найден и соответственные опыты могут удалиться. Надо прибавить, что и практически мы уже воспроизводим коллоидальное состояние материи, соответствующее жизни, и целый ряд веществ, необходимых для последней, уже воспроизводятся.

Преобразование тела человека есть частичная перегруппировка его элементов или добавление к ним новых, но с сохранением основных черт главной комбинации, создающей индивид. Всякое вещество, как известно сейчас химикам, отличается от другого только иной группировкой своих составных частиц. Следовательно, нет ничего невозможного, чтобы тело наше проходило через ряд фазисов, меняя при этом свое вещество. Одни комбинации электронов могут быть заменены другими с сохранением основной конструкции целого, т. е. его души. Быть может, будет признано, что роль углеродистых соединений могут с успехом играть другие составы, имеющиеся или могущие быть изобретенными. Известно, что природа в начальный период органической жизни как будто нащупывала возможности последней в различных направлениях, употребляя в дело и фосфор, и кремнезем, и другие вещества. Быть может, в будущем будут изобретены новые составы, совершенно лишенные отрицательных сторон современной органической материи. Будут созданы новые тела, обладающие гораздо большей пластичностью, могуществом, прочностью, подвижностью. Они будут передвигаться с громадною скоростью без внешних приспособлений, будут питаться непосредственно светом и не будут подвержены действию законов тяготения в теперешней степени. Вместе с тем они будут мыслить и чувствовать, и ощущать, и действовать на расстоянии. В конце концов современное тело в виде определенного облика, принимаемого группировками электронов, будет вовсе устранено и останется электрическое тело в виде некоторого центра или очага электрических сил. Общение таких тел будет также с материальной точки зрения общением электронных зарядов. Но само электричество раскроется как гораздо более могучая сила, из которой рожда-

ется и материя в настоящем ее виде, и сознание. Всего этого, конечно, наука и техника достигнут только в очень отдаленном будущем. Но можно себе представить гораздо раньше момент, когда человек будет настолько властвовать над своим телом, что последнее потеряет современный постоянный и определенный облик, фабрикуемый как бы по штампу для всех людей. Тогда каждый человек в смысле своего состава и формы будет создан в самом деле как нечто особое и несравнимое, подобно тому как сейчас создаются художественные произведения. Но тогда Шекспир и Гете будут творить не драмы, а людей и человеческие группы.

Главной задачей искусства и будет искание и творчество таких форм. То, что сейчас уже имеет место у насекомых, где каждая функция сопровождается изменением организма и рождением новых его форм, будет сознательно осуществлено культурным творчеством. Тогда творчество это будет не метафорой, а реальным достижением.

Можно поставить вопрос и о том, что станет в таком случае со смертью? Вернее всего, что она в самом деле к тому времени потеряет свое жало, попрунная не смертью же, но жизнью. В практику войдет рядом с преобразованием организмов и творчеством новых воскрешение того, что было ценного в старых. Такое воскрешение будет совершаться по тому же способу, как преобразование или производство их. При этом по большей части воскрешение будет частичным, т. е. сведется к новой сложной комбинации, где будут воссозданы те свойства бывшего человека, которые достойны продления.

Нет нужды говорить о том, что физическое преобразование не есть еще все. Это только условие для целостного преобразования человека, в котором весь он будет воссоздан и преображен. Но для духовного его совершенствования и роста не будет тех преград, которые теперь ставятся ему материальными условиями нашего существования, ибо последние будут в руках у самого человека. Тогда станет возможным в самом деле осуществить самые радикальные проекты такого совершенствования, и все лучшее, о чем когда-либо мечтали люди, из игры воображения и мистических созерцаний превратится в живую действительность.

Но вместе с тем будет осознано, что человек не есть самоцель, но только орудие преобразования мира. Отсюда необходимость рядом с задачей преобразования вещей и организмов включения в культуру также задачи преобразования коллективов живых существ, составляющих мир.

Глава II

Преобразование общества

1

Историческое действие человека подходит ко всем явлениям мира только через посредство действия социально-исторических коллективов.

Из этого следует, как это отмечено еще Энгельсом, что никакое настоящее овладение природой невозможно, пока человек не преобразует собственное общество и не устранит препятствия к коллективному действию, лежащие в сфере устройства социально экономических и политических междулических отношений⁴².

Поэтому мы должны остановиться на законе образования социально-исторических форм культуры⁴³, определить исторические условия всякой дальнейшей деятельности людей, направленной к образованию других видов культур. Тем самым социология оказывается не столько венцом других наук, как этого хотел Огюст Конт, сколько необходимой к ним входной дверью.

Социология — самая вообще шаткая почва для каких бы то ни было достоверных выводов. Если Огюст Конт мог приписывать неясность постановки вопросов и проблематичность заключений этой науки ее молодости, у нас сейчас уже нет этого утешения. За столетие, протекшее со времени учения отца позитивизма, социология разрабатывалась усиленно многими мыслителями и создано было в этой области множество систем, проектов и схем. И тем не менее «воз и ныне там» и мы не имеем социологии как настоящей науки. О достоверности социологических выводов вряд ли можно говорить, тем более что нет еще приблизительного даже согласия социологов относительно общей исходной точки зрения на эту науку.

Это и побуждает нас вместе с уже указанными во введении соображениями⁴⁴ чисто социологический метод, опирающийся исключительно на историю, экономику и психологию, дополнить еще методом материально-социологическим или физико-социологическим, т. е. в каждом социальном или историческом образовании видеть вместе с тем его физическую сторону. Человеческий союз с этой точки зрения есть всегда некое материальное тело с большей или меньшей степенью связанности его частей и большей или меньшей жизненностью.

Какие же бывают виды взаимодействия людей?

Взаимодействие складывается из общения умственного ([пропуск в машинописи]), морального (чувства), физическо-материального, биологического, социального, в тесном смысле включающего общение политическое и экономическое. Чаще всего бывают смешанные формы этих видов общения и сложные их сочетания. Так, всякое физическое соприкосновение людей сопровождается исторической обстановкой, мораль-

ным настроением, умственным общением. Вместе с тем культура выработала сложные способы передачи людьми своих высказываний, мыслей, образов. Так, мы имеем книги, рукописи, телеграф, телефон, граммофон, картины, рисунки, кинематограф. Ими обеспечивается как передача мыслей и сведений сосуществующими людьми, так и преемственность знаний из поколения в поколение. Благодаря всем этим способам общения в связи с усовершенствованием путей сообщения, ростом финансовых и торговых связей, развитием политических отношений, общностью для всех народов завоеваний современной культуры и знания и техники все больше и больше укрепляется единство человечества и отдельные его части все реже остаются изолированными от общего процесса его развития.

Взаимодействие в каждой социальной системе, так же как и во всякой системе, выражается в установлении некоторой равнодействующей воли членов этой системы. Равнодействующая эта может носить механический характер в случае несознательности людей и направления их усилий иррациональными мотивами. В таком случае они составляют целое, не живущее самостоятельной жизнью, а увлекаемое слепым потоком природных сил. Может быть и другой случай сознательности части членов системы и подчинение им остальных, несознательных. Наконец третий идеальный случай — это солидарность воли и вытекающее из него сотрудничество личностей, составляющих социальное целое.

Однако все, что достигнуто в этом направлении человечеством, ничто в сравнении с тем, что возможно было бы достигнуть, и лишь мы представим себе эти возможные перспективы, современное единение людей покажется нам одною лишь рознью со слабыми и беспомощными попытками объединения.

2

Этим ставится вопрос об «отмирании» старых форм человеческого общения и создаваемых в результате их социальных целых. Такими целыми являются семья, нация, государство, класс, профессия и т. п.⁴⁵

Какое будущее семьи в новой культуре? Вопрос этот поставлен давно в острой форме и вокруг него ведется ожесточенная борьба, но никаких положительных решений до сих пор провозвестники новой морали не выдвигают. В связи с этим современная семья находится сейчас в трагическом положении. Основательно расшатаны старые патриархальные устои, нового же на место их ничего не поставлено. Жизнь же требует норм и правил, и отношения, возникающие на половой почве, нуждаются в оформлении и регулировании. Отсутствие последних создает нестерпимое межумочное состояние, отражающееся не только на общественной нравственности, но и на биологической крепости расы. Очевидно, такое состояние не может длиться, и надо куда-нибудь решительно двинуться. На самом деле есть только три возможных радикальных и

последовательных решения семейного вопроса. Во-первых, возможно пытаться вернуться к старой семье и восстановить старую, с нею связанную, мораль. Однако, не говоря о том, что фактически такая реставрация вряд ли возможна, несомненно, что старая семья обладала рядом отрицательных свойств, которые и привели к современному ее кризису. Сюда относится роль семьи в деле поддержания человеческой косности, выражающейся в крайнем консерватизме во всех областях. Благодаря пресловутой крепкой семье, являющейся оплотом всяких традиций и поклонения старине, культура развивалась в известные периоды так медленно и столько тратилось сил для того, чтобы взорвать путы, на нее налагаемые. Еще пагубнее роль семьи в индивидуальных случаях, когда выдающиеся люди, от которых можно было ожидать великих свершений на благо всему человечеству и миру, погрязали в тину домашних дрызг, заволакивались чадом и дымом домашнего очага. И мало пользы для общего дела, если эти люди, засыпая в этой убаюкивающей обстановке, чувствовали себя счастливыми счастьем, резко противопоставленным несчастью окружающего мира. В виду этого, если даже и можно было бы воскресить старую семью, следовало бы высказаться решительно против такой реставрации.

Другой выход из положения есть откровенное вступление на путь уничтожения семьи. Такая реформа давно проповедуется социалистами и анархистами, но оказывалась всегда самую слабою частью их идеологии. В самом деле, какой смысл для женщины рождать детей, если она должна отдавать их в воспитательный дом? Она лучше сделает себе аборт и тем избегнет жестоких мучений, сопровождающих рождение. И нет никакой возможности, при подобной постановке вопроса, обеспечить продолжение человеческого рода. Последнее остается уделом людей темных и несознательных, и тем самым рост культуры обратно пропорционален увеличению народонаселения. Во Франции сейчас обнаруживаются результаты этого в условиях капиталистического устройства семьи. Но несомненно, что при правовом уничтожении семьи количество детей еще более уменьшилось бы. Ошибка этих теорий заключается, однако, не в их главной мысли — уничтожения семьи, а в недостаточном внимании, обращаемом ими на биологическую сторону вопроса. Между тем сейчас развивается наука, специально занимающаяся этой проблемой и дающая на нее ряд исчерпывающих ответов. Это эвгеника, которой несомненно принадлежит величайшее будущее. С точки зрения эвгеники уничтожение семьи не означает предоставление процесса деторождения частной прихоти. Правильное эвгеническое воспитание и высокая культура должны создать кадры людей, одинаково мужчин и женщин, которые добровольно пойдут на подчинение своей половой деятельности эвгеническому регулированию, имеющему в виду цели всего общества. Конечно, чрезвычайно трудно организовать область этих отношений надлежащим образом, так, чтобы не оскорбить или [не] нарушить чувств и не создать невыносимый контроль над этою личной и

интимной областью переживаний. Но и сейчас ведь врачи имеют возможность вмешиваться во многие подобные вопросы и нередко принимают участие в направлении половой жизни своих пациентов. Развитие эвгеники должно мыслиться как дальнейшее усовершенствование такого вмешательства до того времени, когда будут найдены более совершенные способы облегчения акта деторождения или когда измененная и перевоспитанная психика создаст новые взгляды на многие вопросы. Попутно в лабораториях должны быть созданы особые питомники для выращивания более усовершенствованного типа человека наподобие опытов, производимых в настоящее время над животными и растениями. Как не кажется возмутительной многим эта мысль, но если при посредстве таких приемов может в самом деле быть создано лучшее человечество, было бы преступление отказаться от таких возможностей во имя устаревших идей и непродуманных чувств.

Но на самом деле и эвгеническое решение проблемы деторождения есть лишь временный паллиатив, применение которого является желательным лишь до раскрытия возможности более радикального преобразования в этой области. В самом деле, несомненно, что движение науки рано или поздно приведет к таким изменениям человеческой природы, которые в корне преобразуют самый способ производства новых людей⁴⁶.

3

Но человек является не только членом семьи. Он — участник общественных коллективов, создаваемых правом, политикой и экономикой. Особенно важной для образования социальных союзов является политика. Политику, однако, не следует понимать в том обыкновенном смысле, в каком она понимается в настоящее время на Западе. Согласно этому пониманию, политик смешивается с политиканом. Он живет изо дня в день, применяясь к обстоятельствам и достигая своих целей всеми доступными средствами. На самом деле политика не есть подобное служение мелким интересам личности или группы или даже нации. Политика должна питаться из самых глубоких истоков общественной жизни, направляться сознанием масс, совершающих великое дело преобразования мира.

Совместною деятельностью права и политики создается важнейшее из человеческих союзов — государство. Если рассмотреть эволюцию человеческих объединений⁴⁷, будет очевидно, что национальное государство не есть венец этой лестницы, но только одна его ступень. Много было попыток, идя по стопам Гегеля, обожествить государство или вместе с органицистами видеть в нем организм. Несомненно, что в государстве есть что-то от природы последнего. Но вернее будет считать, что он еще не организм, а нечто вроде собрания или колонии организмов, готовящейся превратиться в более тесный союз, где уже будет общее созна-

ние этих организмов, а следовательно, будет новое живое существо. Но при образовании такого коллективного существа территориальные и национальные признаки вообще не играют той первенствующей роли, которую им часто приписывают. Эти свойства прежде всего отнюдь не избытки. Территория может расширяться, а национальности слиться. Поэтому надо стремиться не к закреплению этих несовершенных делений созданием ряда национальных живых существ, а надо стремиться создать единое существо из всего человечества. Внутренняя же природа государства должна эволюционировать в сторону уменьшения необходимости принуждения и замены его всеобщим согласием, основанным на общем сознании. Таким образом, государство мало-помалу превратится в идеальный союз и оправдается идея «отмирания» государства.

То же можно сказать про другие социальные группировки, например, про класс и профессию. В отношении первого можно сослаться на рисуемую идеологами социализма картину замены классового строя строем сверхклассовым. Идея эта особенно ярко выражена в книге Ленина «Государство и Революция»⁴⁸. Относительно же профессий можно сказать, что восстановление целостности человека путем развития различных сторон его деятельности должно разрушить современную узкую специализацию и создать новый тип универсального человека. Обычный довод против этого — невозможность объять все современные специальности — устраняется тем, что со временем несомненно сама наука будет значительно упрощена и станет возможным воспринимать ее выводы, не проходя через школьную премудрость подготовительных дисциплин.

Остаются еще несколько социальных целых, принадлежащих к ряду наименее оформленных и крепко спаянных: это хозяйственные союзы, союзы моральные и культурные. В отношении первых, возникающих в результате тесного сотрудничества людей и экономической их взаимозависимости, они должны быть заменены общим экономическим союзом всех людей, что уже осуществляется через посредство развития путей сообщения, внешней торговли и международного финансового, научного, политического и технического общения. Что же касается человеческих групп, объединенных определенными нравами или принципами, они также должны под влиянием развивающихся международных отношений слиться в единое человеческое общество с единым кодексом нравственности.

В общем же все перечисленные союзы должны слиться в расширенном и усложненном союзе, который со временем должен стать определенной культурой, воплощенной в виде коллективного социального живого существа.

Особенно важно остановиться на вопросе о том, в каком направлении развивается организация человеческих отношений, вытекающая из по-

требностей экономики. Поскольку такая организация является осуществлением известного сознательного плана, она должна преследовать задачу установления некоторого единства указанных отношений и вместе с тем определенного подчинения их и дисциплины.

Вместе с тем ясно, что идеал будущего в этом отношении не есть единство ради единства, подчинение ради подчинения, дисциплина ради дисциплины, но осуществление всех этих начал ради выполнения совместными силами великого дела преобразования мира. Этот идеал не только не требует подавления живых сил в экономической области, но, наоборот, имеет своим главным основанием негодование против недостаточного приобщения к культурной работе этих сил, против угнетения несправедливым строем и косными формами большей части работоспособного человечества. Идеал будущей культуры требует для этих угнетенных слоев населения равного участия с другими в общем деле, и поэтому, рядом с пафосом объединяющим и дисциплинирующим, каковой пафос исправляет дело Возрождения, у него есть также интенсивный освободительный пафос, непосредственно от этой эпохи унаследованный. В этом главные положительные устремления нового экономического строительства, и они дают будущей культуре в этой области ее внутреннюю силу и создают ее обаяние для масс. Зависть, жадность, ненависть могут поддерживать в течение некоторого времени социальное или политическое движение, но они не могут обусловить его основную силу. Последняя всегда проистекает из глубоко идеальных стремлений, заложенных в сердце развивающегося учения.

Как же мыслится в новом понимании грядущей культуры разрешение центрального вопроса, разделяющего сейчас экономистов, — вопроса о собственности?

Собственность, связанная с отдельными актами людей, должна в связи с их слитием в единый акт пройти через серьезные превращения. Старая форма собственности привязывает человека к индивидуальным типикам, в которые уперлось действие разрозненных личностей. Очевидно, в эту дурную кристаллизацию надо пустить сквозной ветер, который поднимет и сольет в одном вихре эти застоявшиеся осадки, эти липкие болотца в единое движущееся море общечеловеческого дела. Собственность соответствует как бы растительному состоянию, ввиду того что она прикрепляет человека к неодушевленному веществу. Следующая стадия соответствует передвижничеству, движению личностей, или новому культурному кочевничеству. Последнее возникает как неизбежное следствие подвижности человека, созданной развитием современной техники. В этом теоретическая основа изменения взгляда на собственность. На наших глазах происходит соборование всех людей в деле мирового преображения путем постепенного включения всей совокупности достояния культуры в сферу личной жизни каждого отдельного человека. В экономической области также возникают новые формы такого расширения и раскрепощения мощи.

Вопрос сводится к тому, какие цели должна преследовать новая форма собственности? Если разделить цели людей, согласно классификации Бэкона, на личные, групповые и всемирные, надо искать такое понятие собственности, которая служила бы третьей категории этих целей. Собственность не должна быть самоцелью, но должна носить *инструментальный характер*, т. е. служить общему преобразованию, понимаемому как цель общечеловеческой работы. Старый вид собственности превращает людей в мещан, привязывает их к вещам, суживает их горизонт, возвращает их к растительному состоянию связанности с окружающим. Это вызывает стремление к обобщению собственности, соответствующее второму состоянию, которое мы назвали кочевничеством. Здесь возникают коллективные стадные цели людей, обобществивших свои индивидуальные цели до целей групповых. Но это состояние переходное к новому пониманию собственности. Последнюю совершенно устранить нельзя. Она необходима как условие обработки мира, как условие творчества. Я не могу что-нибудь создать без того, чтобы материал как-то не прошел через меня, не поступил бы в мою власть и не получил бы мою печать. Такое владение предметом не есть само по себе явление отрицательное, но, наоборот, весьма положительное. Оно расширяет человеческую личность, дает ей как бы продолжение в материи. Таким образом, из индивидуального центра происходит распространение власти человека на окружающее. Такое овладение вещами есть необходимое условие их преобразования. Поэтому должен возникнуть синтез идеи общего усилия, имеющего мировую цель, с индивидуальным устремлением к овладению вещью. Из этого рождается инструментальная точка зрения на собственность. На этой, более высокой, чем нынешняя, стадии развития человек должен преодолеть ограниченность, связанную с партикуляризмом отдельных вещей, и вместе с тем он должен преодолеть безграничный коллективизм, вовсе уничтожающий свободу распоряжения отдельной вещью. Это достигается заменой частичных и индивидуальных целей собственности установлением единой общей ее цели — преобразования мира. Препятствия действию, преследующему эту цель в виде гипостазированных личных целей, устраняются. Вследствие связи ее с общим мировым усилием собственность теряет самодовлеющую ценность, перестает существовать как самоцель. Соответственно этому собственность в этом виде должна рассматриваться не как цель, а как средство для выполнения конечной цели — усовершенствования окружающего. Этим создается совершенно иное мироотношение, чем мироотношение среднего современного европейца, кругозор которого заставлен незыблемыми и священными вещами. В новом мирозерцании зрение человека проникает через вещи, он смотрит через них, он действует через них. Они диалектически изменяются и перерабатываются в результате его усилий. Они являются лишь этапами или переходными формами преображаемого мира. Такая точка зрения, согласно формуле, данной Энгельсом (по вопросу о нашей способности изменять кантовские «вещи

в себе»)⁴⁹, отличается от взгляда, требующего полного устранения распоряжения вещью и расширяет творческие возможности человека.

Таким образом, владение вещами имеет различные формы и проходит эволюцию, постепенно совершенствуясь от низшей формы, где личность распоряжается вещью путем механического присоединения ее к субъекту действия, через стадию организации, где личность пользуется вещью в качестве органа, до высшей, где личность отождествляется со всем целым, и потому собственность служит одинаково целям личности и социального и космического целого. Конечно, последняя точка зрения будет развиваться только в отдаленном будущем, когда будут примирены в едином действии, преображающем мир, требования личности и требования целого, и тем самым личность станет нераздельной с культурным союзом людей. Однако и сейчас возможно некоторое приближение к такому новому пониманию собственности. Мы находим, например, такую тенденцию в русском революционном законодательстве, поскольку оно предусматривает собственность работника на орудия производства, мастера — на инструмент, ученого — на библиотеку и т. п. Здесь мы имеем как раз пример инструментальной собственности, т. е. собственности, связанной с функциональной целью более широкой, чем удовлетворение данного индивида.

Вместе с тем можно указать, что освобождение от собственности, согласно большинству учений, проповедующих реформу мира, сопровождается переходом человека к более высокому уровню сознания. Есть стадия личного совершенствования, где собственность в смысле использования вещи «для себя» сводится к минимуму в виду того, что человек такого типа не живет для удовлетворения своих потребностей. Для него собственность может существовать только как орудие, также как все общественное устройство должно также служить определенной цели — создания наилучшей организации общечеловеческого дела преобразования мира.

Но для нас в настоящее время вопрос о собственности не ставится уже только как моральный вопрос или даже как чисто политико-экономический вопрос, как проблема устройства в любое время и в любом месте экономических отношений людей. Постановка этого вопроса тесно связана с известным моментом, в котором мы живем, и прежде всего с колоссальным ростом нашей власти над природой. Цель новой культуры есть прежде всего увеличение этой власти до идеала полного завладения природой и управления ею согласно разумному идеалу сознательных существ. Совершенно очевидно, что старое патриархальное понимание собственности в виде привязанности человека к клочку земли, или к зданию, или к определенной вещи находится в кричащем противоречии со всем направлением культуры, несущей в качестве своих лозунгов завоевание пространства, подвижность человека, власть его над всей природой, над всей землей, над космосом. Старое понятие собственности, как мы уже указали, ближе всего к растительному состоянию,

где организм привязан к почве, владеет ею в небольшой сфере влияния, но зато в общем рабски ей подчинен. Первый признак перехода к высшим формам есть обретение свободы передвижения, т. е. возможность использовать не только средства данного клочка земли, но целого ряда других, подобных ему или от него отличных. Несомненно, что все последующие изобретения науки и техники направлены на то, чтобы произвести переворот в современной жизни именно в этом смысле. Если человек хочет реальной власти и силы, он не может уже проводить жизнь в одном месте, как бы оно ни было благоустроено, но должен иметь дом всюду, т. е. иметь возможность жить и действовать на всем земном шаре. Усовершенствование путей сообщения есть мощное средство развития такой универсальной власти, и предел его при увеличении скорости движения есть вездесущность — одновременное присутствие всюду или, по крайней мере, возможность себя всюду проявлять. В этом смысле развивается способность людей действовать на расстоянии, видеть и слышать на расстоянии, а также переносить через пространство действие своей энергии через посредство телеграфа, радио, телефона, граммофона, диктофона и т. п. И революция, производимая развитием техники в организации экономических отношений, лучше всего видна, когда мы сопоставляем с новыми, создаваемыми наукой возможностями старое юридическое понятие собственности. Так, в области потребления все больше и больше увеличивается число экономических ценностей, использование которых происходит в формах, необходимо общих для многих людей: таковыми являются, например, помимо старых ценностей вроде воздуха, воды и света, новые виды их — земля, поскольку речь идет о путях сообщения, электрическая энергия, наконец, невесомые ценности культуры, вроде научных знаний, технических открытий и т. п. Промышленность также в растущем количестве стандартизованных продуктов использует известные методы, формы, образцы, становящиеся общественным достоянием. Можно, однако, спросить: если такова картина в области потребления, имеется ли налицо подобный процесс в области развития средств производства? Должны ли последние быть общими или частными? Но и здесь очевидно, что эволюция идет в сторону расширения пространственного охвата предприятий, создающих эти продукты, ибо только большие объединения средств и их концентрация могут создавать вещи для массового потребления.

Отсюда возникает даже в капиталистическом хозяйстве вопрос о расширении экономической роли государства или даже настоящий государственный социализм. Вообще же ясно, что собственность на средства производства есть нечто совершенно иное, чем собственность на продукты потребления. Первая собственность необходимо инструментальна, так как она преследует цели созидания, а не голого использования. И поэтому размеры и условия этой собственности должны измеряться исключительно ее инструментальной необходимостью, т. е. ее соответствием нуждам не частного, а общего потребления. Производство есть

общественная функция, выполняемая в некоторых случаях частными людьми. И постепенная эволюция в этом смысле в капиталистических условиях несомненно имеет тенденцию уменьшать различие между инженером, строящим железную дорогу по общественному поручению и владельцем фабрики, если только последний также выполняет общеполезную работу. Мало-помалу первый тип деятеля имеет тенденцию заменить второго, что указывает на то, что факт владения не играет для успеха дела решающей роли. Единственный пункт, который здесь имеет значение, — это обеспечение производящему органу свободы распоряжения и проявления инициативы при неизменности и незыблемости цели — служения обществу. Итак, вопрос о частной собственности имеет тенденцию стать вопросом об организационных рамках проявления способностей данной личности. Это нечто уже совершенно иное, чем проблема безраздельной и неограниченной власти над вещью. Доказательством же такой эволюции служит то, что в отрицательном смысле вопрос во всех законодательствах решается именно в указанном смысле, там, где частная собственность сталкивается с нуждами общества, — последнее налагает на нее свои ограничения, как это имеет место, например, в случаях экспроприации для общественных надобностей, в случаях реквизиции, мобилизации и т. п.

Рядом с этим следует отметить процесс постепенного раскрепощения современного предприятия от подчинения его определенной совокупности условий. Все более и более уменьшается прикрепленность предприятия данному месту или зависимость его от данных условий снабжения и работы. Если раньше предприятие зависело всецело от 1) данных местных условий — путей сообщений, характера местности, климата, почвы и т. п. 2) от данных источников энергии — воды, топлива, 3) от данных видов сырья и потому было связано с определенным местом и обстановкой, — сейчас все более и более расширяются возможности видоизменять эти условия. С одной стороны, возможности передачи энергии на расстояние и усовершенствование способов сообщения освобождают предприятие и открывают пути для замены невыгодных форм перевозки более экономными, причем одно и то же предприятие может перейти от менее совершенных к улучшенным средствам сообщения. С другой стороны, современное производство в случае отсутствия или дороговизны какого-нибудь вида сырья легко заменяет его искусственными продуктами. Известно, какой толчок в этом направлении был дан многим отраслям производства войной. Одним словом, во всех областях происходит раскрепощение промышленности техникой, приобретает подвижность, возникает способность использовать для того или другого процесса многих средств по выбору. Очевидно, производство будущего будет следовать направлению этого движения и, быть может, мы увидим со временем передвижные заводы, меняющие свое местопребывание и использующие имеющиеся в данном месте запасы. Сейчас уже все расширяется употребление локомотивов или передвижных моторов. Рядом с

этим война доказала также колоссальные возможности переоборудования в случае надобности современных заводов. Последние обращаются для производства иных продуктов, чем те, на которые они были первоначально рассчитаны. Если прибавить еще к этому быстрое совершенствование орудий производства и вытекающую отсюда постоянную потребность замены старых машин усовершенствованными — получается общая картина роста подвижности и изменчивости средств производства. Предприятие по гибкости реакции своей на те или иные экономические условия и нужды *приближается к способности живого организма приспосабливаться к окружающему*. Мы видим в самом деле, что самые формы управления предприятием соответственно меняются: все больше и больше ведение дела сосредоточивается в руках лица или группы лиц, вкладывающих в производство свои творческие усилия вместо старой системы, при которой во главе дела стояли финансисты, связанные с предприятием лишь тем, что получали из него прибыль. Такая юридическая собственность все больше и больше сменяется реальным владением, владение же — распоряжением предприятием как орудием, служащим целям всего общества.

Одним из доказательств совершающейся в указанном смысле эволюции является колоссальное значение, приобретаемое сейчас в промышленных странах, в особенности в Америке, инженерами, ведущими предприятия. Они мало-помалу вытесняют капиталистов биржевиков и сосредоточивают в своих руках все функции по управлению и ведению дела⁵⁰. Вместе с тем в общественном сознании в промышленных странах в особенности Америки возникает новая идеология в виде требования расширения роли инженеров и техников в современной жизни. Согласно этому взгляду будущее во всех областях принадлежит деятелю, вооруженному всем арсеналом современных научных знаний. Там считают, что инженеры должны также постепенно взять в свои руки и управление государством и применить в политике и администрации свои точные и усовершенствованные организационные методы. Но очевидно такое движение вступает в конфликт с течениями старого экономического индивидуализма, так как тип старого собственника противится проникновению в сферу частного владения общественного духа, который нужен развивающемуся современному производству. Очевидно следующая ступень — участие в ведении дела уже не одних инженеров, но и массы рядовых работников предприятия, что должно сопровождаться окончательной инструментализацией средств производства.

Итак, можно отметить следующие этапы развития современного предприятия как основной ячейки экономической системы: 1) Обобществление продуктов потребления в результате развития техники; 2) Раскрепощение промышленности; 3) Инструментализация собственности на средства производства; 4) Замена собственности, преследующей личные цели владельца, собственностью, служащей обществу в целом; 5) Организация ведения предприятия по типу массового действия машин и людей.

Все эти условия вытекают из общего характера направления будущего экономического развития — стремления создать организованное хозяйство единого культурного целого, представляемого человечеством.

5

Как же представить себе в конкретном виде новое целое, создаваемое путем общего культурного действия? Это не будет союз людей, объединенных родовым моментом, из чего возникал первобытный род или племя. Это не будет группой, связанной национальным происхождением и интересами. Это не будет социальным целым, объединяющим своих членов началом принуждения, покорностью их центральной власти целого. Но это не будет и союзом групп, составленных по признаку разделения труда и обнимающих каждая определенную профессию, согласно идеалам анархического синдикализма или новейшим теориям нового цехового устройства. Связь, объединяющая культурное целое⁵¹, основана на другом начале — *на участии группы людей в определенном акте преобразования мира или его части*. Отличие такого целого от рода в том, что происхождение людей не играет в нем решающей роли и имеет значение только с точки зрения эвгенического направления развития целого. В задаче же своей и цели последнее смотрит не назад, а вперед, не притягивает все к предкам, а наоборот, строит будущее человечества и мира. От национального союза культурный союз отличается тем, что хотя в нем национальный момент признается, поскольку он создает своеобразие данной культуры, но он не является чем-то самоценным и абсолютным и вечным. Все устремление участников культуры в том, чтобы расширить ее пределы и использовать национальные качества с общечеловеческой и космической целью. Поэтому культурное целое может включать много наций или частей наций. Также государственный способ объединения, идет ли речь об идеальном демократическом и правовом государстве с суверенитетом всех граждан или о реально существующем классовом государстве, неприемлем для культурного объединения. Государство с этой точки зрения есть как бы корсет для больного, исправляющий некоторые больные его члены, а отнюдь не идеальная форма человеческого общения. И вся задача должна заключаться в том, чтобы перейти к более совершенной форме объединения, где не будет уже необходимости в принудительной власти. Связь, устанавливаемая последней, заменяется в культурной системе⁵² таким вовлечением всех членов данной группы в преобразовательный процесс, что у них не остается ни сил, ни времени, ни охоты, чтобы проявлять себя в каких-нибудь эгоистических или антиобщественных эксцессах. Более всего быть может приближается культурное объединение к союзу профессиональных групп. Но глубокое от отличие будущего союза в том, что тогда как в идеале синдикалистов идея профессии или вида работы есть самодовлеющее начало, для культуры всякий труд ценен, только поскольку он двигает вперед

всеобщее преобразование. Бесцельный конгломерат, создаваемый давлением на эти профессиональные группы, заменяется настоящим организмом, функциональными членами которого эти группы являются.

При этом надо оговорить, что самая группировка по профессиям не исключает и территориальных объединений⁵³. Например, представим себе, что культура, развивающаяся по заранее установленному объединенным человечеством плану, требует ряда последовательных действий⁵⁴, имеющих не только универсальный (в смысле значения для всего человечества), но и местный характер — напр<имер>, завоевание для культуры пустующей местности. Для этой цели образуется определенная группа людей, носящая характер территориального объединения. Соответственно люди ее будут специалистами известной отрасли, входящие в какую-нибудь профессию, но вместе с тем они будут отдельным функциональным органом человечества. Здесь можно провести аналогию с органами нашего тела, имеющими каждое свое особое место и назначение, но вместе с тем состоящими из нервов, тканей, крови, лимфы и т. п., также как и другие органы. При этом отличие подобного территориального целого от современных наций или государств будет заключаться в том, что оно не является чем-то самодовлеющим и священным в силе своего права на «самоопределение», но, наоборот, последнее вытекает из роли играемой этим целым в общем процессе культуры и соответственно длительность его существования измеряется временем, потребным для исполнения своего назначения. В общем, при таком построении получается не существующая ныне гибкость в деле образования объединений, подчиняющихся определенной планомерности, устанавливаемой общим проектом. Все союзы такого рода также как и союзы профессиональных работников суть только как бы инструменты единого культурного оркестра, при том инструменты пластичные, могущие быть превращенными в совершенно другие в случае потребности.

Но мы не будем иметь полного и определенного понимания культуры, если мы не будем рисовать ее себе в виде некоторого материального организма, подчиняющегося не только законам историческим, но также и законам физическим. В этом смысле тело культуры образуется из совокупности тел личностей, ее творящих и являющихся поэтому членами ее как известной общей системы. Поскольку каждый человек есть облако электронов, объединенных тяготением к некоторому общему фокусу и связанных функционально взаимозависимостью, — совокупность людей есть группа таких облаков или большое облако, из них составленное. Вместе с тем системы эти и образуемая из них общая система данная культура — существуют и действуют по определенным законам, создающим стройно организованный общий процесс их роста и развития и взаимодействия. При этом с течением времени одни умирают и выпадают из общей системы, другие вновь рождаются и в нее входят, так же как отдельные частицы нашего живого организма отмирают и заменяются вновь возникшими.

Такое тело культуры вместе с тем есть только часть тела всего человечества, которое в свою очередь есть только небольшая часть нашей планеты — земли. Земля есть часть Солнечной системы, последняя входит в Млечный Путь, наконец — во Вселенную. Из этого следует, что на самом деле есть только одно великое тело — мир и все частные виды тел, в том числе и тело культуры, являются известным приспособлением мира для выполнения той или иной задачи своего преобразования.

6

Однако никакие достижения в области культуры невозможны, пока не устранены недостатки старой культуры⁵⁵. Основной реформой должно быть прежде всего расширение социального базиса культуры. Это создаст вместо культуры аристократической такую культуру, в которой будут участвовать широкие массы человечества. Культура станет их родным делом, а не роскошным цветком, им недоступным, ради выращивания которого они должны делать черную работу, не будучи в состоянии вместе с тем приобщиться настоящему культурному творчеству и благам, им создаваемым. Тогда исчезнет современное разделение на людей образованных и необразованных, культурных и некультурных. Все будут исходить в различных своих неравных проявлениях из единого минимального уровня участия в культуре, так же как сейчас, напр<имер>, в среде самых образованных людей есть различия их способностей и достижений.

В связи с этим исчезнут и другие последствия современного разделения человечества на две чуждые друг другу расы — избранников и темных масс. Культура, создаваемая совместными усилиями, выиграет в прочности и мощи. Она будет в самом деле преобразовывать все окружающее, вследствие чего невиданным образом возрастет власть человека над природой. Исчезнет отрыв культуры от жизни и деление ее на символические и реальные проявления.

Конечно, против такого заключения можно сделать очень существенное возражение: а что если по самой своей природе культура аристократична, будучи результатом деятельности избранных и качественно отличных от массы меньшинств, выделяемых человечеством? А что если для их существования и для развития того, что они несут, т. е. культуры, потребуется пушечное мясо, живой пьедестал, с высоты которого они могут подняться до сверхчеловечества? Что если одни люди в мире призваны играть победную роль статуй, а другие служебную роль кариатид? Эта идея в духе Ницше — самая опасная для будущей культуры.

Можно спросить: но почему считать, что возвышение одних возможно лишь за счет понижения других? Такое предположение совершенно произвольно. Почему предполагать, что есть какая-то математическая сумма культурности, которая должна быть распределена между людьми либо равномерно — и тогда ее на всех хватит, либо неравномерно — и

тогда для некоторых ее будет недостаточно? Опыт, так же как и рассуждение, доказывают, что возможности творчества не ограничены и что нет прямой пропорциональности между поднятием одних и понижением других. Мальтус может быть прав относительно определенной области продовольственных ресурсов, но мы думаем о всем мире и о беспредельных поэтому возможностях. Если стать на такую точку зрения, наоборот, можно поставить вопрос о том, откуда возникают ограничения культуры в настоящее время, и притом не только количественные, но и качественные? Почему, если мы возьмем какую-нибудь вершину культуры, какое-нибудь прекраснейшее и лучшее ее достижение, оно все же скоро находит предел своего развития? Оно внезапно исчерпывается, останавливается в своем росте, умирает? Согласно модной теперь формуле — культура превращается в цивилизацию⁵⁶. Великие идеи и чувства заменяются культом вещей и безделушек. Этот мир вещей есть мир культурных устремлений, зашедших в тупик. Это общее усилие, направленное когда-то на преобразование мира, но раздробившееся на ряд частичных усилий, преображающих лишь кусочки материи и создающие из них вещи. И собственность, дополняющая личность, служащая ей продолжением, поскольку она расширяется и завоевывает окружающее — здесь из орудия этого расширения и завоевания превращается в препятствие, в клетку, суживающую и уродующую этот творческий порыв, в тиранического идола, порабащивающего живые существа. Собственность создает из Прометеев мещан. Она создает то прилепление людей к вещам, против которого протестовали Герцен и Достоевский. Личность, попавшая в ее рабство, прирастает к почве, возвращается к растительному состоянию, наконец, сама превращается в вещь.

В чем же причина такого качественного бессилия культуры? Оно связано с тем, что крайний индивидуализм создает бессилие той личности, которую он брался возвеличить. Личность в одиночестве есть сама по себе ничто. Только отношения к другим личностям и совместная работа с ними дают ей содержание. Чем больше у нее связи с ними, тем шире пределы этой личности и тем она могущественнее. Собственность ее служит средством общения и взаимодействия с другими существами, связывает с ними, а не отъединяет от них. Из этого следует, что качественный расцвет личности возможен только при коллективных формах работы и жизни, и если нет такого широкого коллективного базиса у культуры, рано или поздно в ней сказываются пагубные для личности качественные ограничения. Следовательно, ясно, что причина качественного ограничения — *в количественном ограничении, в недостаточном численном основании культуры и культурного делания*. В каждом культурном усилии группа людей дает равнодействующую, создаваемую внутренним согласием своих членов, или их соборностью. Но поскольку такое усилие сталкивается с мертвой косностью окружающего мира, не вовлеченного еще в процесс культуры, — его хватит только на то, чтобы произвести известное изменение внутри действующей группы. Очевид-

но, последняя если она будет замыкаться в себе и не расширяться, застынет, засохнет, превратится в мертвый кусочек мира, в вещь. Жизнь группы, наоборот, требует постоянного ее воздействия на окружающее, т. е. расширения ее как группы, так как сущность действия и есть такое соединение деятеля и материала, которое создает из их совокупности новое расширенное живое существо.

Очевидно поэтому, что всякая культура требует расширения, вовлечения в процесс совершаемого ею преобразования по возможности большего количества личностей, если возможно — всего мира. Частичные очаги коллективности, создающие, поскольку они действуют разрозненно, раздробленность преобразовательного процесса, должны слиться в одно всеобщее мировое объединение, выполняющее преобразование мира⁵⁷.

В этом истинное значение для культуры «превращения количества в качество».

7

При анализе социально-исторических коллективов⁵⁸ нельзя ограничиться статическим их описанием или построением. Надо постоянно иметь в виду их динамическую природу и изменения. Каждый такой коллектив совершает общее дело людей, организуемое в рамках какой-нибудь их группы согласно определенному ритму⁵⁹ и принимающее вследствие этого характер уже не действия только, но образуемого этим действием социального существа.

Какие же пути для такого социального превращения? В чем выражается общая деятельность людей, придающая их совокупности новые органические черты? Мы находим эти будущие пути в развитии известных нам и в настоящее время способов образования социальных целых. Та скрепа, которая создается в физическом мире взаимопротяжением элементов, составляющих целое, в человеческих группах заменяется психическим притяжением или побуждением к известным поступкам. Стимуляция есть побуждение другого существа действовать согласно данному правилу. В несколько ином виде действует закон подражания, играющий столь существенную роль во всяком человеческом общении и положенный некоторыми социологами* во главу угла строительства всякого человеческого коллектива. Вообще повторение является условием психологической и социальной преемственности и связи отдельных состояний людей, отдельных их актов и актов человеческих групп. В случае совместного действия многих людей подражание их друг другу непременно стимулируется общими побуждениями, что указывает на общий фокус притяжения. Это как бы психический вихрь, возникающий по образцу обычных энергетических вихрей.

* Напр<имер>, Тардом⁶⁰.

Можно указать на ряд разновидностей социального подражания и на различные мотивы, его обуславливающие. Так, обычаи, нравы, привычки, традиции играют громадную роль в деле образования и сохранения социальных коллективов. Без них завтрашний день этих объединений не был бы связан со вчерашним, и они распались бы на отдельные групповые состояния, «не помнящие родства» и потому слабо спаянные*. В этом же смысле действуют привычка и бытовые навыки. Быт есть совокупность этих установленных твердых форма. Рядом с этим мы находим подражательное действие общественных увлечений, моды, психологических эпидемий и даже психозов. Во всем этом наибольшее значение для внутреннего связывания человеческих соединений имеют традиции и обряды. Сила последних заключается в том, что в одном и том же положении люди совершают одни и те же движения, ставят себя в одно и то же положение, возбуждают в себе одни и те же настроения и душевные состояния**. Любопытно отметить, что здесь важна также внешняя сторона совершенно незначительных поступков, ибо она механически связывает людей в определенное целое***. Несомненно, что для построения будущего социального культурного целого необходимо учесть все эти способы объединения людей. Они должны быть приведены в строгую систему, с исключением беспорядочных и бессмысленных проявлений (вроде, например, моды) и тех традиций и обрядов, которые препятствуют движению вперед и создают общественный застой и косность.

В общем упорядочение видов социально-повторительного действия сводится к *организации правильного ритма коллективных человеческих действий*. Ритм имеет не только индивидуальное значение. Он имеет громадное влияние на объединение деятельности многих людей. Основание этой способности лежит в законах подражательности действия. Способность подражать, как известно, считается многими биологами основной способностью материи, из которой выводится сознание и жизнь. Она устанавливает в природе явление ритмического повторения. Для человеческих действий еще Аристотель в своей Поэтике указал на функцию ритма как орудия повторения и подражания⁶². Соответственно ритм всегда имел первостепенное значение в деле объединения множества людей в одно целое. В этом заключался смысл хоровой музыки и пляски, имевших во многих религиях значение священнодействия. Через их посредство люди, участвующие в священной церемонии, соединялись в некое целое, заживавшее особой жизнью. То же мы находим, например, во многих сектах, где практикуются радение, верчение, общие тело-

* Чаадаев⁶¹.

** Церковь во всех веках учитывала большое значение обрядов, и ими держались многие религии в течение целых исторических эпох.

*** Паскаль учил, что для обретения веры надо совершать известные установленные телодвижения. Хомяков на вопрос о том, что он получает путем соблюдения постов, объяснял, что самое важное здесь — сознание подобных же, действие в определенные сроки множества других людей.

движения и действия, как, например, у наших хлыстов*. Рядом с этим можно поставить всякое вообще объединение отдельных людей в толпу, всегда являющееся в результате отдельных действий, объединенных единым ритмом. В этом отношении, как указывает французский социолог Тард, играют главную роль подражание и повторение, создающие не что иное, как подобный ритм. То же находим мы в работе. Соединение усилий нескольких людей недостаточно, если они не подчиняются определенному ритму, регулирующему максимум и минимум этих усилий. Известно, какое значение общая песнь или общие возгласы имеют для поднятия тяжести или другой работы, производимой артелью. *Поэтому можно сказать, что общее дело человечества требует определенного ритма его совершения.*

Соответственно установление этого ритма выходит из рамок одной музыки или специально ритмических упражнений. Должно быть ритмическое искусство вообще, ритмическая работа и деятельность. Другими словами, ритм объединяет все виды последней.

8

В области социальных отношений в понятии ритма могут быть объединены все средства общественной спайки⁶⁶. Роль ритма для нас ясна, если мы присутствуем при народных танцах или слышим хоровое пение. Также понятно его значение в древнегреческой трагедии, в поэзии, в музыке, в богослужении. Выясняется, что ритм служит могущественным средством для объединения усилий группы работников, вследствие чего у всех народов мира можно найти особые трудовые песни, напевы, возгласы, а также особые виды музыки, приспособленные для содействия работе (Бюхер)⁶⁷. Во всех этих случаях ритм есть средство соединения прерывных явлений, как бы живое воплощение математического закона упорядочения множества.

Труднее уловить ритм социальных проявлений, протекающих на больших пространствах и с большими промежутками во времени. Но

* *Хлысты* прекрасно усвоили громадный принцип теократического царства не земле, жидущийся на мистическом единении «людей Божьих». Для них религия прежде всего исторична; Бог воплощается в вождя (ср. [1 нрзб.]⁶³).

Д.Н. Куликовский считает, что надо искать «источника экстаза у радельщиков не в чем ином, как в ритме, заключающемся в пляске и пении», и определяет «экстаз как результат воздействия ритма движений, пения или музыки на нервную систему человека...». «Самый факт существования связи между ритмом и экстазом может быть довольно прямо установлен на данных из истории культуры, религий и языка. Если мы взглянем в жизнь, нас окружающую, если мы постараемся вникнуть в те психические процессы, которые разворачиваются в нас самих, нам не трудно будет найти в них несомненные признаки и элементы экстатических состояний». Д. Куликовский приводит пример бала⁶⁴ ([см. также] Андерсон. 296)⁶⁵.

если бы мы могли, подобно ускорению движения в кинематографе, сблизить моменты выявления обычаев, традиций, социальных привычек и проч., мы получили бы тоже картину определенного ритма. И так же как можно регулировать и подчинять известному мотиву звуки музыкантов или движения пляшущих, так же можно ввести определенную регуляцию ритмических явлений социальной жизни. При этом нет пределов той области, которую такая регуляция может захватить. Указанное кинематографическое ускорение показало бы нам, что все вообще проявления людей, взятые в социальном масштабе, подчиняются тому или иному ритму. Если этого нет, то нет и взаимодействия людей. Можно уподобить все стихийное течение коллективной жизни огромному шествию или служению, социально-исторической литургии (от греческого — *λειτουργία*)⁶⁸, в которой принимают участие как отдельные люди, так и целые их группы.

Но в таком случае регуляция этих движений дает нам в руки мощное средство объединения разрозненных человеческих действий. Человечество подобно оркестру, пытающемуся инстинктивно сыграть общую симфонию, но не успевающему в этом, так как у музыкантов различные ноты и нет общего дирижера. Очевидно, должны быть выработаны эти общие ноты и должно быть организовано управление игрой этого оркестра.

Русский мыслитель Н. Федоров дает образ того, как могло бы произойти подобное объединение. Он описывает литургию, происходящую в храме и затем постепенно выходящую из храма, становящуюся внехрамовым служением⁶⁹. Сперва организованное ритмическое движение происходит на площадях: оно захватывает человеческие массы, становится массовым, всечеловеческим, наконец, превращается в космическое служение. Здесь трудность, конечно, в том, чтобы найти первоначальный реальный центр такого движения. Если приурочить к какому-нибудь территориальному земному центру, оно может стать неотделимым от известных национальных стремлений к экспансии или же стать, подобно католическому Риму, средоточием духовной власти, притягивающей на всемирность⁷⁰. Но можно себе представить такое движение с различными центрами и вместе с тем координированное общим содержанием и ритмом.

При этом надо иметь в виду, что составными элементами этого действия являются все виды человеческой деятельности — работа в области политической, экономической, культурной, научной, познавательной, художественной и т. п. Здесь раскрываются колоссальные перспективы для организационной проективной научной работы — познания законов ритма и распределения его форм по областям. С другой стороны, не меньшие возможности представляются для работы практически-организационной — осуществление посредством ритма строительства различных культурных систем. В области образования социальных коллективов, быть может, вся вообще будущая цель науки будет заключаться в том, чтобы направлять такое движение, а задача политики будет заключаться в том, чтобы организовывать его и им руководить.

Вместе с тем раскрывается громадное поприще для новых форм искусства. Искусство вместо того, чтобы заниматься перепевами и пережевываниями в миллионный раз личных лирических мотивов или выжимать из себя искусственные формы, якобы удовлетворяющие идеалу чистого эстетизма, — должно найти свое назначение в творчестве необходимого ритма, посредством которого станет возможно образование и развитие социально-исторических объединений. В этом колоссальная, необозримая задача искусства, и выполнение ее необходимо во всех областях — одинаково в мире форм, цветов, звуков, движений и т. п. Искусство должно стать орудием общего дела человечества, глазами техники, так же как наука есть ее мозг. Сама же техника должна быть также священным служением, нести священную службу общему делу.

Чем же новое искусство может служить общему делу созидания культуры? Искусство играет первенствующую роль в процессе творчества организмов и превращения в последние вещей. Но его значение также очень велико для созидания и деятельности социально-исторических целых, через посредство которых творятся остальные ценности культуры. И сейчас каждый культурный период выдвигает своеобразное направление искусства, обслуживающего в отдельных своих проявлениях те или иные стороны этой культуры. Но главные недостатки этих видов искусства, во-первых, в оторванности их друг от друга — музыки от архитектуры, оркестрики от живописи и т. д. Во-вторых, отдельные отрасли искусства оторваны от практической деятельности, а следовательно, не включены в целостное действие. Это ведет к отрыву от жизни, к отвлеченной работе по созиданию не живых существ, а мертвых подобию. Наконец, в-третьих, искусство, не имея сущностной цели, обслуживает цели индивидов, а часто простые их прихоти, тем самым разбредаясь в губительном партикуляризме. Все эти недостатки устраняются, поскольку искусство будет восприниматься не отдельно от жизни социально-исторических коллективов, но будет признано как постоянное выявление и оформление лучших стремлений таких групп. Поскольку же группы эти должны слиться в единое организованное человечество, а затем в космическое целое, и искусство должно также стать руководящей деятельностью такого целого.

Процесс такого преобразования предполагает прежде всего объединение отдельных видов искусства в одно. Эта задача поставлена еще в Древней Греции, где она составляла основную проблему развития «триединой хореи» и связанной с последней греческой драмой*. В религиоз-

* Греческая оркестика объединяла «около 1000 вспомогательных средств танца, гимнастики, пантомимы, пения, просодического чтения и музыкальных инструментов»⁷¹. Основная ее идея лежала в сотрудничестве отдельных элементов художественного проявления людей.

ных мистериях большинства древних культов также объединялись музыка, пение, танцы, архитектура в виде построения храмов, вмещающих эти обряды. В настоящее время мы присутствуем при возобновленных исканиях в этом направлении. Достаточно указать на идеи Вагнера, на опыты Скрябина⁷², на неоднократные высказывания в этом смысле ритмистов во главе с Далькрозом*. Однако все эти попытки в достаточной степени робки, ибо исходят от лиц, специализировавшихся в искусстве и потому не могущих выйти совершенно из рамок современных его форм. На самом деле необходимо искать синтеза не в виде реформы того или другого из отдельных искусств, а в перестройке всех их соотношений. В этом смысле можно исходить из общепринятого деления искусств на искусства, имеющие своим предметом пространство и покой (архитектура, живопись, пластика), и на искусства, воспринимающие и творящие движение и время (орхестика, музыка, поэзия). Каждое из этих искусств играет сейчас социальную роль. Но объединение их должно во много раз развить их возможности в этом смысле. Объединение же это можно мыслить в следующем виде. Сперва происходит соединение искусств первой категории, путем включения их в высший их вид, в архитектуру. Отчасти это будет возвращением к древнему периоду, когда живопись и скульптура имели своей главной целью украшать храмы. В настоящее время чувствуется явственная потребность в таком соединении. С одной стороны, архитектура страдает от отсутствия отделки в виде художественного исполнения барельефов, колонн, внешних узоров, внутренней росписи потолков, стен и т. п. Все это оставляется малярам, тогда как к этому могли бы быть привлечены художники, как это делается и сейчас в редких случаях. Сюда же должна была бы входить и выделка мебели, представляющая значение, не соответствующее способностям простых обойщиков. С другой стороны, скульптура и живопись, оторванные от архитектуры, также впадают в жалкое и половинчатое существование. Что может быть нелепее и уродливее современного способа выставки картин и статуй? Их выравнивают точно солдат в казарме вдоль стен и посреди не больших зал, причем получается пестрая мешанина различных сюжетов, красок, форм, антихудожественное нагромождение произведений, взаимно вытесняющих и обезображивающих друг друга. Иная картина или статуя требует отдельного зала или, во всяком случае, соответствующего помещения, гармонирующего с ее содержанием и формой, а вместо этого ей уделяют несколько аршин пространства, не позволяю-

* Мы читаем у Далькроза, первого провозвестника нового ритмического искусства, следующее: «Мы пришли к заключению, что внешние проявления в ритмических жестах и марше имеют неизмеримое значение, что нашему поколению, нам самим предстоит осуществить воссоединение искусств и что наши мысли и чувства найдут себе выражение в будущих произведениях соединенной полифонии и полиритмии». В этих словах целая программа реформы и возрождения искусства. Надо только сказать, что недостаточно одного только возвращения к древнегреческой системе или к другим системам священного искусства⁷³.

щих ей ни выделиться, ни наложить на окружающее свою особую печать. Если сейчас на очереди уплотнение людей в квартирах, то, быть может, надлежало бы придумать способы разуплотнения художественных произведений, ибо иначе они лишаются половины их значения. Для этого следует, прежде всего, принять за руководящий принцип, что картина, заключенная в рамку, сама по себе есть нелепость, так же как является нелепостью раздетое изваяние в неподходящей среде современной обстановки. И картина, и статуя имеют смысл лишь как часть здания и должны твориться художниками и скульпторами всегда в связи со всей обстановкой, которой они будут окружены. Само же здание, как мы увидим дальше, имеет смысл только в связи с его назначением быть вместе-лишь определенной группы людей.

Так же как пластика и живопись — в архитектуру, музыка, поэзия и танец должны войти в состав сложного искусства движения — орхестрики. Мы видели выше стремление к этому в древнегреческом искусстве. В настоящее время искания современного театра возобновляют движение в этом направлении. Но еще не осознана необходимость полного слияния в целостном ритмическом проявлении человека словесных высказываний, звуковых выражений и хореографических движений. Ближе всего такое объединенное искусство стоит к обрядовым пляскам и движениям древних мистерий или к современным хлыстовским радениям. Но последние должны иметь определенную цель творчества новых целей. В области социальных отношений такое творчество может выражаться в самом факте создания из разрозненных индивидов сложного сверхорганического целого. Такая производительная пляска имеет значение для дела творчества во всех областях.

Таким образом, вместо шести видов искусства получаются всего два — архитектура и орхестрика. Дальнейшая задача состоит в их объединении в едином художественном проявлении. Подходы к такому соединению делаются уже сейчас в виде, например, опытов Скрябина синтезировать музыку и световые впечатления. Но полнота в этом направлении может быть достигнута только в случае совершенного преобразования прежде всего архитектуры с вошедшими в нее пластическими искусствами. Последняя должна из неподвижной и статической стать динамической, движущейся. Она должна выражать уже не одно только пространство, но в соответствии с новейшими физическими теориями — единое пространство-время. Это значит на первое время переход от построения жилищ, прикрепленных к определенному месту, к зданиям движущимся, могущим переноситься с места на место в виде передвижающихся или перелетающих сооружений. Процесс такого превращения можно сопоставить с биологической эволюцией живых существ, бывших сперва минералами, затем растениями, наконец животными, обладающими свободой передвижения. Такое кочевничество несомненно более совершенно, чем современная прикрепленность к определенному месту. Этим разрешилась бы проблема земельной собственности, а также про-

блема роста и скученности городов. Дальнейшую эволюцию можно себе представить в виде превращения здания в настоящую оболочку живого существа, гораздо ближе с ним связанную, чем дом, но вместе с тем создающую его независимость от внешних условий. Здесь, так же как в вопросе о деторождении, раскрывается необходимость возобновления таких линий биологического развития, по которым пошли низшие животные, в то время как высшие существа взяли другое направление, в настоящее время заведшее их в тупик.

Но рядом с развитием таких индивидуальных домов-оболочек возможно также создание таких зданий-оболочек для коллективных человеческих групп. Это будут передвигающиеся или летающие города. Такие здания представят настоящее общее тело существ, скрывающихся в их недрах от внешних невзгод, подобно тому как в нашем теле скрываются внутренние нежные органы. Тем самым откроются невиданные возможности жизни в условиях, где сейчас это представляется невозможным, например, при большой жаре или холоде. Конечно, если представлять себе такие оболочки из камня, дерева или металла, перспектива закупорки людей в такие ящики, даже передвигающиеся, не особенно привлекательна. Но можно представить себе возможности изменения состава самого человеческого тела и предметов, которыми мы орудуем. В связи с этим в отдаленном будущем здания-оболочки будут создаваться из изменяющихся составов, быть может, газообразных или состоящих из электрических волн. Тогда исчезнет самое понятие здания, но останется игра цветов и художественные их очертания. Таким образом, соединение искусств будет началом длинной эволюции преобразований. В них человек будет окружен средой в виде ритмически вибрирующего архитектурного целого, все движения которого будут сопровождаться музыкой, пением, поэтическим и звуковым ритмом. Частью этой среды будут также другие люди, и это позволит для каждого из них сделать пение, пляски и музыку других людей частью этого окружающего живого здания.

Но соединение искусств само по себе еще не создает полноту их реформы. Для этого необходимо, как мы сказали выше, сочетание художественной деятельности с остальными видами человеческой деятельности. Одним словом, должен быть синтез моральных, политических, экономических, физиологических, физических, научных, умственных, художественных проявлений человека. В великом деле, создающем преобразование мира, человек должен участвовать не одной только или несколькими своими сторонами, но всем своим существом, всеми возможными своими средствами. Иначе, великая внехрамовая литургия⁷⁴ должна вместе с тем быть историческим делом, конкретным выявлением мощи участвующих в нем масс в деле преобразования мира.

Объединение искусств должно быть первым шагом к объединению всех вообще видов человеческой деятельности. И прежде всего искусство должно перестать быть оторванным от жизни и объединиться с различными видами практического дела, с творчеством во всех областях

жизни. И в первую голову такая объединенная деятельность людей должна поставить себе задачей организацию человеческих коллективов, через которые создается историческая культура.

Для такого синтеза, однако, недостаточно объединения технических средств различных отраслей человеческой деятельности. Общее дело, совершаемое таким путем, должно иметь определенную единую цель. Ритм, его создающий, должен быть связан с известным содержанием — с стремлением достигнуть определенного идеала. Здесь можно вспомнить Платона, учившего, что «надо не только, чтобы наша молодежь плясала хорошо — надо чтобы она плясала хорошее»⁷⁵. Отсутствие такой цели у современных проявлений ритмической деятельности является несомненным существенным их недостатком, делающим их в конце концов ненужными и бесплодными. Мы видим, что вопрос этот также встает перед современной ритмикой в той даже узкой сфере, в которой она сейчас развивается. Далькроз ссылается на мнение Платона, указывает, что, согласно Платону, древняя орхестика культивировалась не для удовольствия и не для наслаждения, но служила «всегда для наглядного пояснения какой-нибудь идеи, напр<имер>, для возвеличения того или иного божества, героя или родины»⁷⁶. Как отрицательный пример Далькроз ссылается при этом на оторванность современной музыки, ушедшей в византийство и тоскующей по покинувшей ее жизни⁷⁷. Несомненно, что жизненность может быть возвращена искусству только наполнением его форм сущностным содержанием. Такое содержание и дается новой культуре ее целью — преобразованием мира.

Таким образом, исследование вопроса о ритме обнаруживает, что последний существует не сам по себе, но является только средством общечеловеческой деятельности, творящей культуру.

Значение объединения искусств особенно явно выступает в вопросе о реформе театра⁷⁸. Театральное искусство стоит несколько особняком от других, но ему суждено, по-видимому, сыграть большую роль в деле объединения других видов искусства, а также объединения искусства и исторической практики.

В этом отношении характерна прежде всего та неудовлетворенность, которая царит в области театрального искусства, то искание новых форм, которое проявляется в различных современных театральных направлениях. Вместе с тем, однако, поражает бедность воображения реформаторов, их блуждание в трех соснах современной театральной обстановки. Это происходит оттого, что во всех этих попытках не поставлен основной вопрос об отношении жизни и театра. Или вернее, поскольку он ставится, на него продолжают отвечать всегда в том смысле, что театр должен «изображать» жизнь, давать ее копию, переработанную с точки зрения тех или иных принципов театрального искусства.

Во всех этих проектах поэтому сохраняется основное разделение на сцену и зрителей, на мир рамп и мир зрительного зала, соединяемые кухней или лавочкой кулис. И соответственно актер остается лицедеем, надевающим на себя какую-то искусственную личину, с тем чтобы, после того как он скинул плащ Гамлета, снова вернуться к горшкам своего домашнего очага или к обстановке своего холостого кочевничества. Правда в этом отношении сейчас как будто намечаются интересные искания. Возникают театры, где актеры не повторяют заученную роль, но импровизируют. Все больше и больше укрепляется мысль, что материал театра есть сам человек и что задача в том, чтобы произвести его обработку⁷⁹. Здесь дана только внешняя формула какого-то необходимого пути, но сам путь не указан.

Дело в том, что недостаточно развязать путы, связывающие актера в отношении его зависимости от чужого творчества. Быть может, такое освобождение остается нередко обоюдоострым, ибо исчезает могущество Шекспира и на место его появляется творчество какого-нибудь ничтожества, вымучивающего из себя дешевые мысли и чувства. Для того чтобы создавать роль в смысле ее импровизации, надо иметь не только талант актера, но вдохновение великого мыслителя и писателя. Центр тяжести не в освобождении актера, но в приобщении к стихии жизни, бьющей вне рамп и даже вне театрального зала. В этом отношении, быть может, следует взять пример со старинных форм театра итальянской комедии или русского скоморошества, где актер был свободен импровизировать, но вместе с тем свобода эта ограничивалась определенными рамками. Все типы, которые актер мог воплощать, были не сочинены им или каким-нибудь автором, но являлись типами бытовыми, выношенными многолетней работой народной любви, фантазии и мысли. Типы эти в самом деле жили, несмотря на то, что они не имели определенного тела: они имели тело всякого, кто сумел бы вдохновиться живущей в них народной стихией. Конечно, все великие образы гениального творчества — Фауст, Гамлет, Эдип, Борис Годунов — являются в некотором роде такими же живыми мифами, но в бытовых типах важна их близость массе, выражение в них ее жизни, интересов, страданий и чаяний. В этом отношении можно сравнить эти типы, к сожалению очень иногда расплывчатые и нигде не закрепленные вследствие трудности театральной техники, с образами народного эпоса. Идеал и заключался бы в соединении театра и эпического народного творчества, в переводе на сцену героев этого эпоса, существующего, несмотря на все усовершенствования цивилизации, во всех веках и в современности.

Тем самым устанавливается связь театра и истории. Театр становится зеркалом истории. Но идеал в том, чтобы театр вообще перестал быть зеркалом, чтобы он стал настоящим орудием исторического творчества. Отдаленный подход к этому сейчас намечается в робких попытках вынести сцену из рамок искусственных декораций и выпустить ее в зрительный зал, самый же зал этот превратить в угол живой природы. Такие по-

пытки на самом деле, конечно, все же остаются искусственными. От того, что гора будет настоящей, происходящие на ней события не станут реальными и, быть может, даже получится безвкусное, кричащее несоответствие между рамкой и содержанием. Радикальное разрешение вопроса есть уничтожение вообще сцены и перенесение театрального искусства в жизнь, превращение его в воспитание отдельных людей и масс. В этом отношении правильный подход намечается современными ритмистами. Но как присяжные и профессиональные артисты и искусствоведы они все же не могут прыгнуть в поток настоящей жизни. Они хотят естественности движений и соответствия между ними и выражаемыми чувствами, но сами эти чувства не должны быть настоящими, и все действие не имеет на самом деле реальной жизненной цели. Опять мы имеем гримирование и разоблачение Гамлета. На самом же деле необходимо, чтобы вся жизнь превратилась в театр и чтобы игра в ней слилась бы с человеческими действиями, а режиссерство стало бы управлением и организацией этой жизни. Тем самым театр стал бы организованной историей.

Для этого надо, чтобы сцена раздвинулась и включила бы реальный простор всего мира. Театр и жизнь должны слиться. Театр привносит в жизнь театральность — дисциплину движений и слов, направленность их к цели, развитие согласно заранее намеченному плану. Режиссерство становится управлением жизни. Грим превращается в одежду. Театральное искусство и сейчас в своих гениальных проявлениях влияет на жизнь и регулирует ее. Но вместо сложных путей воздействия великого произведения на зрителей должно быть организовано превращение их всех в актеров деятелей⁸⁰. Актер, таким образом, перестанет быть профессионалом, «изображающим» жизнь, а станет делателем ее во всех сферах. Вернее — все активные люди станут актерами. И сейчас есть два типа актера: один уносит нас от жизни, рисует перед нами мир искусственный и мертвый. Другой захватывает нас великой жизненностью своего подхода. Во втором случае игра не есть уже игра для артиста, но есть некое великое и, быть может, даже священное служение. Теперь такое служение должно стать одновременно жизненным делом, реальным актом индивидуального бытия и частью великого театрального действия, в котором участвуют массы, творящие историю. И всякий в нем участвующий становится глашатаем чувств и мыслей этих масс, становится творцом истории, участником общего дела преобразования мира. Так лицедей, ломающийся на подмостках, превращается в ответственного исторического деятеля.

Смысл такой реформы театра заключается в том, чтобы использовать его школу и организацию, его выработанные приемы коллективного действия для настоящих видов такого исторического действия. Мы имеем нечто подобное во всякой организации толпы — например, в военных коллективных движениях или в церемониях и манифестациях, где участниками являются многочисленные толпы народа. Задача театра в том,

чтобы внести в эту организацию ту утонченность и сложность, которая сейчас привлекает нас в сценических представлениях. Это будет настоящей демократизацией театра, расширением культурного делания путем применения к нему сценического искусства.

При этом, конечно, осуществление этого идеала в его полноте будет возможно очень не скоро. Для этого необходимо, чтобы организация человечества, ныне проводимая другими путями — политикой, правом, экономикой, — была заменена всеобъемлющей организацией единого ритмического движения. До этого времени приближение театра к жизни может осуществляться в частных формах.

Глава III

Преобразование космоса

1

Есть особое ощущение космического восторга, охватывающего всякого, кто останавливается взором на звездном небе и уходит мыслью в безмерные пространства мироздания. Чувство это испытывалось в древности пастухами в долгие ночи у лесного костра и изошренными в мудрости астрологами, наблюдавшими светила с высоты какого-нибудь вавилонского зиккурата. В Новое время о нем оставили нам свидетельства одинаково пылкий Бруно и холодный Кант⁸¹. Оба воодушевлены открытием Коперника, раздвинувшим небесные просторы и давшим человеку новую и вместе с тем достоверную область величественного познания. Сейчас для людей нашего поколения границы вселенной еще шире раскрылись, ибо оправдалось научно древнее положение о тождественности макрокосма и микрокосмоса. Уже сейчас мы ищем законы небесных движений в мире бесконечно малом и находим мерную поступь звезд во вращении невидимых, но угадываемых частей атома. Завтра, быть может, мы увидим в микроскопе Альцион и Сириус, а на небе телескоп раскроет нам составные элементы окружающей нас материи. И сейчас Млечный Путь есть уже не случайный и беспорядочный агломерат светил, но некое единое целое, обладающее свойствами внутреннего единства и стройности, напоминающими черты организма.

В этой мысли — о жизни небесных образований — есть что-то притягивающее и вместе с тем жуткое. Из глубины веков, в виде наследия неизвестных нам исчезнувших великих культур, идет к нам упорное отождествление светил с живыми существами. Когда мы начинаем изучать мифологию различных древних религий, мысль о жителях небес кажется нам, людям XX века, фантастической и сумасбродной. И в самом деле, форма, в которой нам преподносятся эти мечтания, история небесных войн и походов разных богов, чудовищная англология и

демонология, где ангелы и демоны описываются с животными телами и звериными лицами, кажется нам каким-то странным измышлением суеверного прошлого. Современная наука дает нам правильное понятие о вероятной населенности космических пространств. Мы находим в ней указания на невозможность перерыва в цепи материальных образований мира и на единство закона его эволюции. Последний распространяется, по-видимому, и на небесные целые. Если из атомов и электронов создаются материальные тела и земные организмы и если, с другой стороны, атомы и электроны отождествляются с Солнечной системой и планетами, почему не предположить, что из звезд и их спутников образуются в мировом масштабе другие космические материальные тела, другие организмы, включающие наши планеты так, как наши тела включают мириады электронов? Здесь мы имеем в виде гигантских звездных образований возрождение библейских Левиафана, Бегемота и Рахаба⁸². И быть может, образ дракона, в каком еврейская англелогия изображает Рафаила, и змея с человеческой головой, каким рисуется ею Гавриил, есть смутное прозрение, унаследованное от какой-нибудь атлантической культуры, реального образа Млечного Пути или другой гигантской космической системы.

Вспомним волнующие изыскания в этом направлении английского физика Фурнье Д'Альб⁸³, все больше подтверждающиеся в свете современной науки? Или утверждения таких мыслителей как Фехнер или Леон Бурдо⁸⁴, доказывающих, что нельзя отказать самим планетам, и в том числе нашей Земле, в признаках органической жизни. Эти мнения ученых как будто взяты из Корнелия Агриппы⁸⁵ и странным образом поновому объясняют жизнь светил. Так же как стихийные духи древних религий оказались микробами и бактериями, быть может, эти небожители и космические духи древних религий окажутся со временем реальными космическими организмами, на поверхности тела которых мы живем и воздвигаем свою культуру. Этим не преуменьшается роль человека и других планетарных обитателей. Наоборот, с этой точки зрения культура наша и деятельность приобретает неожиданный смысл. Мы зависим от этих космических целых, но вместе с тем мы создаем их, так же как пластины создают наши собственные тела.

Как бы то ни было, если даже отрешиться вовсе от этих, пока еще полуфантастических предположений, остается как неопровержимый факт наличие рядом с телами, встречающимися в земном обиходе, космических систем, подчиняющихся также физическим законам. Эти целые образуют нашу вселенную. И очевидно, преобразование ее требует на какой-то ступени их преобразования. Мы должны поэтому рассмотреть естественную эволюцию светил так, как она сейчас протекает, и те возможности влияния на нее, которые раскрываются для сознательных существ. Эти возможности и будут возможностями космической культуры.

Уже в нашем обзоре видов образования различного рода материальных целых⁸⁶ мы упоминали о законах, имеющих общемировое значение,

каковыми являются, например, законы физико-химические. Многие вышеописанные целые, например, электроны, атомы, молекулы, составляют также звенья цепи мировых систем. Другие системы, как, например, клеточки или организмы, имеют более узкое значение: они — группы атомов или молекул, существующие только в известных условиях.

Можно представить себе мировую эволюцию, пробегающую следующие главные стадии (в различное время для различных частей вселенной и вместе с тем в смысле однократного всеобщего процесса единственной мировой эволюции): 1) фазис конденсации материи; 2) действие энергии в пределах материи; 3) диссоциация материи через радиоактивность, электричество и теплоту; 4) рассеяние энергии и предел этого движения в виде возвращения ее в эфир; 5) новая конденсация первичного вещества в результате деятельности живых существ. Два последних процесса носят противоположный характер и борются друг с другом. Как мы увидим из дальнейшего, это космическая борьба разумных существ против слепых сил природы, в итоге каковой борьбы природа преобразуется, превращаясь в культуру.

2

1) *Фазис конденсации материи.* Для того чтобы стали возможны наблюдаемые нами процессы преобразования материи и обмена энергией в различных ее формах, необходимо допустить сперва предварительный процесс образования этой материи. Для того чтобы стали возможными процессы рассеяния энергии и диссоциации материи, необходимо признать процесс сосредоточения этой энергии и конденсации ее в материю.

Здесь, очевидно, ставится вопрос о первичном веществе, из которого все вещи образовались. Даже если придерживаться строго энергетического или электродинамического мировоззрения, необходимо признание каких-то первичных форм, в которых энергия начала проявлять свою деятельность.

Мы видели выше при рассмотрении вопроса о взаимодействии элементов целого значение гипотезы о существовании эфира. Для многих мыслителей эфир остается первичным состоянием энергии или даже самим первовеществом. В этом нетрудно узнать новое проявление старого стремления найти основу для монистического мировоззрения в идее единой субстанции, из свойств которой выводится все построение мира. Но за последнее время в связи с новейшим пересмотром физики и механики под влиянием идей Лоренца⁸⁷, Минковского и Эйнштейна существование эфира признается многими проблематичным⁸⁸. Однако отказ от эфира в том виде, в каком он представлялся старым физикам, не означает отказа от идеи первичного и универсального фактора образования вселенной. Попытки, поколебавшие представление об эфире, не могли разрушить потребности в таком факторе, который обладал бы одновременно свойствами универсальности и единства и мог бы вместе с тем прояв-

ляться в формах обособленности и индивидуальности. Эти свойства эфира сохраняются, если признать его состоянием энергии. Более того, они остаются незыблемыми, даже если встать на новейшую точку зрения, провозглашенную Эйнштейном, о тождестве этого первичного эфира и самого пространства. Вместо вещества, обладающего свойствами притяжения, получаются поля тяготения в самом пространстве. Но само понятие «пространство» указывает на наличие объединяющего начала, тогда как отдельность поля указывает на его особенность.

Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что все эти представления в своей основе вытекают из монистического взгляда современной науки, сменившего средневековый плюрализм субстанциональных форм и перенесшего их *qualitates occultae* (скрытые свойства) в единую первопричинность явлений. Через Спинозу новый взгляд возвращается в известном смысле к древнему парменидовскому унитаризму.

Каким же образом из этого первоначального данного единого двигателя возникает многообразие мировых явлений? Новейшие космогонические учения говорят нам о конденсации энергии, об ее сосредоточении в отдельных центрах. Здесь мы сталкиваемся с громадным разнообразием теорий, разрабатывающих эту общую тему. Прежде всего следует отметить самую постановку вопроса о таком разделении первичной данности в виде обособления ее и дифференциации на отдельные индивиды. Со времени Ньютона исследователи принимали во внимание главным образом явления притяжения. Для образования центра сосредоточения материи притяжение, конечно, необходимо, и в этом смысле гипотеза Гершеля⁸⁹ о действии центральных сил в скоплениях звезд и туманностей получает свое применение. Но ясно также, что для возможности такого рода процессов, необходимо, чтобы вещество или энергия, сгущающаяся таким образом, было сперва рассеяно вокруг этих центров и могло бы вследствие этого подвергнуться действию их притяжения. Отсюда заключение, что в какие-то более ранние периоды вещество было разрежено посредством действия отталкивательных сил. Сейчас теория таких отталкивательных процессов разрабатывается новейшими космогоническими учениями. Многие из последних доказывают, что частицы вещества в виде космической пыли или целых кусков материи извергались звездами в результате внутренних процессов или взаимных столкновений. Существование отталкивательных сил доказывается такими явлениями, как солнечные протуберанцы, падение метеоритов, строение хвостов комет и т. п. Движение небесных тел является также доказательством совместного действия сил отталкивания и притяжения. Открытие В. Хеггинсом⁹⁰ в 1864 году равномерного распределения во вселенной одних и тех же химических элементов также приводится как доказательство наличия отталкивательных сил. Также на основании существования космических облаков и туманностей можно заключить, что материя выделяется из звезд в результате проявления этих сил, подобно тому как существование водяных паров в атмосфере свидетельствует о про-

цессе испарения вод. Туманности — продукт звездного испарения и должны непрерывно возобновляться благодаря действию отталкивающих сил, пребывающих в центре сгущения и излучения. Такая точка зрения вместе с тем вполне согласуется с теорией Лапласа об отрыве планет из ранее изверженных звездных частиц. (Можно заметить, что еще Анаксагор учил, что солнце, луна и звезды были оторваны от предполагаемого центра вселенной.)

Рядом с такими явлениями отталкивания отмечены процессы притяжения, получившие свою теорию в трудах Ньютона. В новых космогониях на разные лады описываются формы такого притяжения. Из космической пыли, выделенной звездами, постепенно образуются плотные тела. Кометы разрушаются, и продукты их распада увеличивают другие светила. Метеоры, кометы, астероиды, спутники и мелкие планеты захватываются звездами и большими планетами, «пожираются» ими, превращаясь как бы в материал больших космических образований. Многие астрономы сейчас особенно подробно разрабатывают теорию захвата спутников, доказывая, например, что Луна, так же как спутники других планет, вращалась раньше самостоятельно вокруг Солнца. (Можно отметить, что теория эта имеет сходство с описанием присоединения электрона посторонними атомами.) При этом, в случае одинаковых или подобных масс космических тел, они образуют сложные системы двойных, тройных, четверных звезд или целые их скопления. Падение мелких частиц, например, метеоритов, также идет на увеличение больших светил. Сейчас, например, доказывают, что лунные кратеры образованы в результате последовательных бомбардировок лунной поверхности метеоритами и что наша Земля увеличилась в своем объеме таким способом*.

Самый процесс образования притягательных центров объясняется некоторыми астрономами при помощи теории вихрей. В этом, несомненно, можно видеть возрождение некоторых из декартовских идей. В 80-х годах XIX века Фицджеральд⁹² определил строение эфира как состоящего из собрания вихрей, причем обратные движения некоторых из них обуславливают будто бы обратное электричество. Эта точка зрения развивалась также Томсоном и Лоджем⁹³. В настоящее время теория вихрей перенесена и в астрономию. Белло доказывает, что без признания дуализма в первичном веществе, обуславливающем вихри, нельзя объяснить образование мира. «Единица не может дифференцироваться. Но если даны два члена, отношение их может принять бесчисленное количество значений». Опираясь на такую точку зрения, Белло доказывает, что каждая космическая система проходит в своем существовании через

* Образование космических тел из обрывков других миров является одним из положений так называемой планитезимальной теории, формулированной и развитой Чемберлином и Мультином⁹¹. Вследствие столкновения звезд происходит разложение их на мелкие самостоятельные тела или частицы — планитезимальи.

два периода, незаметно переходящие друг в друга, — «начальный Декартов, или вихревой период, когда господствуют большие скорости и отталкивательные силы; и Ньютонов период, когда притяжение закрепляет сгущенные светила в относительно устойчивых положениях»⁹⁴. Такое же признание необходимости вихрей находим мы у Файя и у русского астронома Фесенкова⁹⁵, приводящего как пример вихрей образование солнечных пятен.

В общем, последние открытия в области химии и физической химии дали возможность конкретизировать некоторые из догадок, касающихся образования материи. Как известно, в настоящее время обнаружено, что элементы не являются вечными, но представляют продукт определенной эволюции, вызываемой, по-видимому, космическими процессами. Хотя на наших глазах происходят только явления распада материи в результате радиоактивности последних элементов периодической системы, но, очевидно, были периоды, когда совершался обратный процесс — образование элементов из основных их типов — водорода и гелия. И как бы в подтверждение этого спектр некоторых туманностей обнаруживает только водород, гелий и другие из легких элементов, тогда как спектры других туманностей и звезд дают нам почти всю шкалу элементов. Это позволило создать теорию образования, согласно которой сперва образовались легкие элементы и затем из них тяжелые (Локайер, Ферсман⁹⁶). Очевидно, водород и гелий являются состояниями промежуточными между первичными состояниями материи и более сложными ее видами.

3

2) *Действие энергии в пределах материи.* Таким образом, самоумножение неизвестного нам первичного фактора создает элементы всего существующего, атомные ядра и электроны или, быть может, какие-нибудь неизвестные нам инфраатомы и инфраэлектроны. Далее идут, если подниматься к большему целому, атомы, молекулы, элементы и, наконец, космические образования — звезды и планеты, и, наконец, Вселенная. В общем, указанная в главе II цепь мировых образований, от квантов и электронов до Вселенной, должна быть таким образом дополнена, что в начале ее, так же как и в конце, стоит Вселенная как единое целое. Последняя ступень возвращает нас к первой с тем отличием, что первая соответствует Вселенной в бесформенном и неопределенном ее состоянии (что и выражается понятием эфира или первичного вещества — апейрона древности, или Несущего Парменида), а последняя ступень соответствует Вселенной в состоянии оформленности и дифференцированности (Единое Сущее Парменида с богатством всех признаков). Это также ничто и всеединое, или гегелевское абстрактное всеобщее и конкретное всеобщее.

Жизнь энергии протекает в ряде этих образований. Все они существуют в рамках материального мира, т. е. мира, где действуют открытые

Гельмгольцем⁹⁷ законы сохранения материи и энергии, считавшиеся в XIX в., до открытия фактов диссоциации материи, научными догматами. Другим выражением того же космического закона является принцип эквивалентности, или первый закон термодинамики, открытый Майером и доказанный впоследствии Джоулем⁹⁸. Согласно этому закону, всякий энергетический процесс является обратимым. В настоящее время, однако, выяснено, что действие этого закона не распространяется на все перечисленные виды образований. Он верен только для образований, начинающихся с атомов и кончающихся скоплениями звезд. Для первых ступеней — эфира и электронов — и для последней (Вселенной) обнаружено действие других законов, регулирующих общение интраатомических сущностей и, следовательно, создающих образования, не подчиняющиеся действию закона сохранения материи.

Но о процессах, происходящих в области материи, можно сказать еще нечто. Они подчиняются также действию второго закона термодинамики, или закону Карно⁹⁹. Согласно этому закону, принцип эквивалентности, из которого вытекает в адиабатических явлениях¹⁰⁰ полная их обратимость, на самом деле осуществляется в мировом масштабе всегда в форме процессов необратимых, с определенным нисходящим направлением. Энергия течет в рамках материи от уровня высшей интенсивности к низшему уровню. Из этого следует рассеяние и деградация энергии, или явление *энтропии*. Полезные формы энергии, таким образом, дают место состоянию ее в рассеянном виде. Из формулы энтропии, вычисленной *Клаузиусом*, некоторые исследователи выводят, что со временем в мире сравняются все температуры на уровне 273° ниже нуля, когда никакая жизнь уже невозможна¹⁰¹. Это не противоречит законам сохранения материи и энергии ввиду того, что происходит не потеря их, а только рассеяние и деградация. В дальнейшем мы остановимся подробно на явлении энтропии и покажем, что единственное средство борьбы против нее есть строительство культуры трудом живых существ. Теперь же ограничимся указанием, что в фазисе жизни в пределах материи или молекулярных соединений энтропия является одним из основных законов.

4

3) *Диссоциация материи*. Третий фазис есть фазис диссоциации материи. Ряд опытов над некоторыми веществами в связи с действием невидимых химических лучей открыл свойства некоторых веществ излучать эти лучи, а затем свойство радиоактивности тяжелых элементов периодической системы. Таковыми были открытия Рентгена, Кюри-Склодовской, Лебона, Томсона, Рутерфорда¹⁰². В результате их было обнаружено явление диссоциации материи и возможное освобождение интра-атомических сил. Эти открытия позволили изучать строение атомов и обогатили химию величайшими откровениями. Так было найдено, что элементы образуются из первичных атомов водорода и гелия.

Вместе с тем факт диссоциации материи обнаруживал границы действия закона сохранения материи. Закон сохранения энергии также оказывается неточным для интраатомических явлений, поскольку речь идет о видах энергии, измеримых в молекулярных процессах.

Несмотря на то, что ряд последних опытов в области астрофизики (в том числе опыты индусского ученого Сага) выяснили, что нет никаких признаков, указывающих на распад атомов в мироздании, значение этих процессов в современной концепции строения и эволюции вещества так велико, что идея распространения радиоактивных явлений на весь космос разделяется большинством современных ученых. Старые космогонические гипотезы в духе Канта-Лапласа, объясняющие механическим законом образование вселенной, даже в новых их формах недостаточны для вмещения этих фактов. Этим объясняются попытки различных ученых (Локайер, Нернст, Аррениус)¹⁰³ привлечь теорию радиоактивности для объяснения космической эволюции.

Другими словами, эти ученые ставят во главу угла уже не одно только перемещение измеримой энергии в рамках материи, но выдвигают вопрос об явлениях распада или диссоциации материи в космических масштабах.

Если можно предположить, что атомы образуются из первичного фактора путем конденсации светового эфира (Нернст), все новейшие опыты в области радиоактивных явлений указывают на обратный процесс возвращения энергии в состояние этого первичного вещества через процесс распада элементов. В общем, при таких явлениях нельзя, конечно, говорить о потере или уничтожении энергии. Материя теряется, потому что она есть только одна из форм энергии. Но сама энергия при переходе в состояние светового эфира или другое вещество, терпит лишь некоторые неясные для нас превращения. Поэтому можно говорить о потере энергии, только если мы имеем в виду ту энергию, которая действует в материальном мире и проявляется известными нам способами. Такая энергия в самом деле исчезает при переходе в эфир, оставляя вместо себя непонятный х.

Можно заметить тесную связь между таким превращением энергии и ее рассеянием в форме энтропии. По существу, с точки зрения полезного действия энергии результат получается один и тот же, что и привело к включению в идею энтропии не только результатов термодинамических процессов, но также всех вообще энергетических проявлений мира. В общем, можно считать, что все явления электричества, теплоты, радиоактивности имеют тесное отношение к явлениям диссоциации материи.

В астрономических явлениях мы имеем ряд примеров возвращения сложных форм материи в виде большого количества ее элементов и возникающих из них неорганических и органических форм к уровню первой ступени, т. е. в состояние первичного вещества. Новейшие космогонии имеют именно это в виду, когда указывают на конец миров, наблюдаемый нередко астрономами в результате столкновений звезд. Как известно, так объясняется появление внезапно ярких звезд, исчезающих через

короткое время и оставляющих после себя смутные туманности. Предполагают, что наблюдения эти показывают нам столкновения светил или космические взрывы, обозначающие распадение звезд или планет на первичные элементы. Характерно, что спектроскопический анализ подтверждает эту точку зрения, ибо тогда как во время блеска этих звезд спектр их показывал наличие многочисленных тяжелых элементов, — остающиеся после них туманности дают линии одних только основных легких элементов. Можно предположить, что здесь совершился процесс, обратный образованию тяжелых элементов, — распадение их или превращение в наиболее устойчивые — водород и гелий.

Другая медленная и постепенная форма диссоциации доступна нашим наблюдениям в явлениях радиоактивности некоторых веществ. Изучение этих явлений создало теорию о возвращении в этих случаях материи к первичным формам или к состоянию светового эфира.

5

Энтропия и эктропия. В общем, сумма таких наблюдений должна приводить скорее к пессимистическим выводам в отношении общего направления эволюции мира. В рамках материи мы имеем деградацию полезных видов энергии, в условиях диссоциации материи мы имеем их полное исчезновение. Правда, если звезды и превращаются на наших глазах в туманности, мы присутствуем также при том, как темные туманности путем накаливания, сгущения и конденсации превращаются в красные, а затем в желтые и белые солнца. Миры умирают, но миры и рождаются. Это ведет к точке зрения необходимости цикличности космических процессов, которую все больше и больше склонны выдвигать выдающиеся исследователи (Нернст).

Однако в этих учениях нет никакого действительного объяснения необходимости подобного круговорота. Если рассчитывать для этого на одни только механические силы, несомненно, что в конце концов они способны породить только один бесформенный хаос, а не упорядоченные образования. Это видно из анализа возможностей, заключенных в таком механическом действии.

1) Можно привести ряд соображений, доказывающих, что одно только действие случайных и механических сил, так, как они представляются в космогонической гипотезе д-ра Лигондеса¹⁰⁴ [пропуск в машинописи] и [пропуск в машинописи], не может создать полную цикличность этих процессов.

Вопрос этот часто связывался с вопросом о конечности числа элементов, составляющих мир. Ницше ставит эту идею в основу своей теории вечного возвращения всех вещей. Раз во множестве, состоящем из конечного числа элементов, все эти комбинации будут исчерпаны, неминуемо повторится какая-нибудь из бывших комбинаций и за нею снова все остальные.

Однако этот вывод вряд ли математически верен. При действии случайных и хаотических сил нет никаких оснований предполагать, что будут повторяться серии бывших комбинаций. Теория вероятности учит, что неизбежны повторения некоторых из бывших комбинаций, но ничего не говорит об их порядке и, следовательно, о повторении их ряда. Это картина, получающаяся в любой лотерее. Правда, можно сослаться на детерминизм, обуславливающий вслед за одной комбинацией вытекающие из нее другие. Но в таком случае не может быть речи о случайности действия сил. Они очевидно, если существует такой детерминизм, подчиняются общему закону, и необходимость повторения не есть уже дело случая и вероятности, а получается в результате действия этого закона. И задача исследователя будет, следовательно, заключаться в том, чтобы обнаружить внутреннюю сущность и динамику этого закона.

Другими словами, для того чтобы получился круговорот, недостаточно случайного действия механических сил, но необходимо организованное действие их. И мы видим в самом деле, что сторонники идеи конечности мира вынуждены признать не только конечное количество элементов мира, но также и некоторую необходимо связанную с этою конечностью общую форму мира. Так, Лигондес в своей космогонии говорит, что если бы мир не был конечен и не имел бы определенной формы, он не мог бы родить отдельные миры, имеющие определенную форму. Если мир не имеет границ, равнодействующая в каждой точке всех молекулярных сил здесь, как и в центре шара, в точности равна нулю. Элементы находятся в покое или движутся равномерным прямолинейным образом. Хаос всегда останется бесформенным, т. е. хаосом. Здесь характерна невозможность отделить конечность мира от определенной его формы. Очевидно, необходимость цикличности надо искать в соединении этих двух начал, а не только в одной конечности.

Итак, надо искать в эволюции мировых образований такие процессы, которые противопоставляли бы слепому действию природных сил, ведущему к бесформенному состоянию или небытию, деятельность, направленную к организации мира. Другими словами, надо искать средства культуры, преобразовывающей мир, вместо разложения, подчиняющего его закону смерти.

Конкретно это означает обнаружение восходящего движения, которое может заменить нисходящее направление, создаваемое энтропией. При этом энтропию, как мы уже сказали, следует понимать одновременно как процесс, протекающий в пределах материи в формах ее рассеяния и деградации, а также как процесс, происходящий там, где материи уже нет, т. е. внутри атомного мира в виде различных форм распада атомов. Допустимость такого расширения понятия энтропии вытекает из того, что, согласно последним физико-химическим опытам, всякое химическое соединение есть начало распада атомов (изменение числа и расположения их электронов) и, следовательно, нет точной границы между

действием молекулярных и атомных интраатомических сил. Таким образом, рассеяние энергии не ограничивается рамками термических процессов. Такое рассеяние производится электричеством, излучением, радиоактивностью, химическими соединениями и т. п. Сравнение тепловых уровней есть частный случай в общем процессе падения энергетических уровней, ведущего к возвращению энергии в первичное состояние эфира или другого состава, в котором она уже не проявляется в активных формах.

Поэтому наша концепция мира не должна стать всецело термодинамической. В явлениях теплоты наиболее ярко сказывается действие общих законов, регулирующих работу мировой энергии, и потому изучение законов последней можно начинать с термодинамики. Но необходимо помнить, что выводы последней годны вообще для всех областей деятельности материи и энергии. Законы термодинамики тем самым могут выражать самые основные законы природы и могут быть рассматриваемы как общие законы последней.

6

Что же может дать для обоснования возможности положительных процессов исследование явлений энтропии?

Как уже было сказано, наличность в мире процессов потери полезной энергии вытекает из законов термодинамики — принципа Майера об эквивалентности и Карно о деградации энергии.

Вопрос о значении энтропии можно сформулировать следующим образом: основным ее следствием является необратимость известных процессов. Если первый закон термодинамики создает теоретическую возможность обратимости энергии во взаимодействующих телах, — второй принцип термодинамики, и в особенности уточнение принципов энтропии, показывает существование определенного отрицательного направления мировой эволюции. При этом из всех физических явлений энтропия единственное, которое противоречит возможности обратимости, ибо в механике само время обратимо путем изменения знака процесса.

Очень важно отметить все же, что основной принцип есть принцип эквивалентности и, следовательно, обратимости. Принципы Карно и Клаузиуса являются как бы ограничениями этого первого закона. Замкнутая кривая, получаемая в результате адиабетического процесса, выражает наиболее общий закон эволюции вселенной, если последнюю мыслить как замкнутое и ограниченное целое. Обратимость не только возможна, но она основа всех других видов перемещения энергии.

Ограничение, вносимое в действие этого закона вторым принципом термодинамики, возникает вследствие наличия рядом с количественным качественных процессов. Недаром Томсон назвал энтропию не потерей энергии, что означало бы нарушение закона ее сохранения, но рассеянием ее или, еще лучше, — деградацией, т. е. превращением в худшие по качеству формы. Энтропическое направление мирового процесса полу-

чает, таким образом, три выражения, определяющих: 1) тенденцию выравнивания всех различий (уровня воды, температуры, напряжения электричества, химических различий и т. п.); 2) тенденцию рассеяния энергии, или стремления ее распределяться по большему пространству и заменить интенсивность экстенсивностью; 3) тенденцию к обесценению энергии, т. е. к уменьшению ее способности действия и к превращению ее из энергии свободной в энергию связанную.

Но если признать действие закона энтропии или даже просто второго принципа термодинамики, не влечет ли это за собой необходимость признания необратимости мировой эволюции?

Мы находим некоторые возражения против такой необходимости у представителей современной науки. Так, некоторые физики говорят (профессор Хвольсон¹⁰⁵) о том, что мы не знаем вселенную и законы, верные для той ограниченной части мира, которую мы знаем, могут оказаться неверными для всей его совокупности. Но это слабый аргумент, и, следуя ему, пришлось бы отказываться от всяких широких обобщений и довольствоваться узким эмпиризмом в масштабе уже произведенных опытов. Вместе с тем точка зрения эта опровергается общим направлением научных изысканий, обнаруживающих тождественность состава, строения и движения всех доступных нам исследований в самых отдаленных даже от нас пространствах. Другие возражения исходят из идеи бесконечности мира и происходящих в нем процессов. Такая бесконечность, по существу, противоречит идее конца мира, неизбежно вытекающей из безоговорочного признания энтропии. Если условием обратимости является вообще замкнутый процесс, то можно вывести ее неизбежность из противоположной концепции вечно незавершенной эволюции, а именно такое движение может создавать возможность обратимости через постоянную затрату все новых и новых сил, служащих неисчерпаемым источником притока теплоты к охлаждающимся телам. Но ссылка на бесконечность мира весьма неопределенна и бездоказательна, не говоря о том, что разум наш вообще не вмещает бесконечность.

Но вместе с тем мы уже видели, что всеми исследователями подчеркивается то обстоятельство, что для самой возможности энтропического процесса рассеяния энергии необходимо было предварительное ее собиранье или процесс, обратный энтропии. Такой процесс можно назвать *эктропией*. Эктропия есть изменение в сторону увеличения действия энергии. Очевидно, должен быть в каждой системе, где происходит рассеяние энергии, предшествующий момент максимального ее накопления. Или иными словами — всякому нисходящему процессу предшествует движение восходящее. Но допущение это означает признание возможности эктропии или эволюции, обратной энтропической. Надо найти, при каких условиях возможно такое изменение энергии и в чем оно состоит.

Профессор Хвольсон указывает на связь деления энергии системы на две части — энергию обратимую и энергию энтропическую с делением самих процессов работы на процессы естественные, или нормальные, и

неестественные, или ненормальные¹⁰⁶. Процессы естественные всегда сопровождаются энтропией. Но последняя побеждается процессами неестественными. При этом следует прибавить, что процессы нисходящие, или необратимые, самостоятельны и добровольны, тогда как процессы обратимые, или восходящие, требуют помощи извне и потому вынуждены (это и вызывает отождествление их с чем-то неестественным, чуждым, не включенным в самый процесс). В виду же того, что всякий процесс второго восходящего типа должен неизбежно рано или поздно превратиться в какой-нибудь системе в ее внутренний процесс, можно сказать, что всякое обращение в конце концов опирается на естественный процесс, тем самым в этой системе превращаясь в энтропию. Таким образом, если исчерпать все вспомогательные системы, влияющие на данную и дойти до этой последней, мы найдем, что энтропия в ней господствует. Иначе, энтропия лежит как будто в основе всех вообще видов движения энергии.

Но так ли неизбежна зависимость неестественных процессов от естественных? Нельзя ли найти случаи превращения восходящих процессов в самостоятельные и добровольные и постепенного их преобладания над процессами нисходящими, чем устанавливается зависимость, обратная ныне наблюдаемой.

Нечто подобное обнаруживается в особой области действия энергии, называемой областью органических явлений. Оказывается, что вышеотмеченный закон верен только для органического мира.

7

Жизнь как культура. Уже Гельмгольц высказывал сомнение относительно того, *подчиняются ли живые организмы действию закона энтропии**. И в самом деле, наблюдение показывает нам, что жизнь по сравнению с рассматриваемыми принципами является принципом новым и действующим в ином направлении. Всюду в мире мы находим факты обесценивания и рассеяния энергии, за исключением явлений жизни, где, наоборот, качество ее повышается и происходит несомненное ее сосредоточение. Живая энергия имеет способность автономно, автоматически и систематически сосредотачиваться и тем самым поднимать свою дееспособность. Развитие, являющееся главным свойством организмов, — это увеличение сложности и сосредоточения энергии в весьма малых пространствах и, по мере ее накопления, эктропическое ее действие. При этом мы не можем проводить резкой грани между живой и так называемой неживой природой. Несомненно, и во второй имеют место процес-

* «Является ли такое превращение невозможным (превращение беспорядочного движения в упорядоченное) для более тонкой структуры органической ткани, это все еще остается для меня открытым вопросом, значение которого для экономики природы ясно»¹⁰⁷.

сы, очень сходные с жизненными и несомненно эктропические (примеры — кристаллы).

Вообще, в неорганическом мире процессы нисхождения нормальны и естественны, протекая добровольно и самостоятельно, тогда как процессы восходящие нуждаются в принуждении и внешней помощи. Наоборот, в мире органическом процессы нисходящие зависят от восходящих, которые самостоятельны, добровольны и нормальны. Это проявляется, например, в строительстве машин, посредством чего человек принуждает природу принять участие в эктропических процессах. Проф. Авербах правильно отмечает, что машины являются как бы продолжением человека, новыми членами, создаваемыми им для несения эктропических функций¹⁰⁸. Посредством их он овладевает нисходящими процессами в их крепости — неорганической области и превращает мертвую природу в организованную, как бы в преддверье организма.

Сам же организм обладает способностью внутренне побеждать энтропию.

Ставится вопрос, каким же образом жизнь превращает энтропию в эктропию?

Жизнь вносит в природный процесс новый элемент — сознание. Сознание через посредство разума меняет характер действия из энтропического в эктропическое. Такая роль разума объясняется следующими его проявлениями: 1) Разум есть фактор обособления. В нем каждая ипостась мирового целого находит себя, заживает автономно и самостоятельно. Она создается как особое проявление мира, как особый индивидуальный, единственный его центр.

2) Вместе с тем сознание выполняет роль объединяющую. Созданный центр повторяет действие всего мира, стремится объединить последний вокруг себя. Живая система втягивает все доступные ей другие системы в свой процесс, рассматривая их как часть себя. В этом отношении характерен необходимо солипсистический взгляд на мир каждого сознания. Весь мир есть только часть его, и все вещи расположены на радиусах, идущих от центра этого сознания. В этом находит себе объяснение любопытный факт такой универсальности каждого разума.

Следствием этих двух свойств является 3) способность разума упорядочивать явления и организовывать их. Авербах правильно отмечает, что эктропическое действие живых существ заключается именно в такой способности вносить порядок в хаотическое течение нисходящих процессов. В явлениях жизни природа превращает автономные автоматические неупорядоченные движения в упорядоченные, подчиня случайные движения закону, созданному разумом. Конечная цель этого как будто в том, чтобы создать противовес все возрастающему расстройству и понижению ценности энергии. Из этого следует, что в глубине противоположение энтропии и эктропии сводится к противопоставлению беспорядка и порядка. При образовании современного вида мира в нем была известная сумма порядка, которая постепенно теряется вследствие эн-

тропии. Мир переходит в состояние хаоса и беспорядка, и единственное противодействие этому — в упорядочивающем действии жизни и разума.

Но необходимо понять, в чем заключается сущность этого упорядочения.

Упорядочение всегда должно происходить в виде круговорота, вследствие закона ипостасийности, неизбежно создающего цикл: движение в сторону особности приводит к объединению в целом. Но объединение это, со своей стороны, реально только в особых проявлениях целого. Или — конец возвращает к началу¹⁰⁹.

Мы видим, таким образом, что то новое, что вносится вторым принципом термодинамики в принцип эквивалентности, заключается в наличии рядом с количественными явлениями явлений качественных. Последние связаны с признанием способности энтропии обладать различной интенсивностью или, другими словами, сосредотачиваться в большей или меньшей степени в различных центрах. Превращение количества в интенсивность является следствием распределения одной и той же энергии. Такое превращение может быть осуществлено сосредоточением энергии в небольшом пространстве, что и приводит к повышению уровня ее интенсивности. Обратная операция, наоборот, превращает интенсивность в количество.

Из этого следует, что *пространственной и количественной перегруппировкой элементов целого системы можно изменить условия ее обратимости*. Иными словами, можно создать условия, при которых обратятся сами условия задачи и будут осуществлены требования принципа эквивалентности, притом что состояние тела в начале и конце операции должно быть одно и то же. Интенсивность силы в таком случае в конце процесса будет снова больше, чем в середине, и обратное движение будет возможно и необходимо. В известный момент будет равновесие интенсивности. Для этого нужно, очевидно, чтобы интенсивность была одинаковой в следствии и в причине, или чтобы следствие обратилось снова в причину.

Ключ к разрешению этой задачи лежит в различных пространственных условиях начала, середины и конца процесса. Быть может, само пространство может быть определено как способность динамического процесса проходить через подобные интенсивные и экстенсивные состояния.

Таким образом, получается полное превращение «естественного» процесса в «неестественный», т. е. внутреннее перерождение в определенном направлении без всякого добавления к данному процессу чего бы то ни было извне. (На самом деле терминология эта весьма несовершенна, и оба процесса протекают в рамках природы и потому нормальны и естественны.)

По существу, мы можем себе представить, что множество живых элементов, рассеянных на большом пространстве, собираются в кучу и

создают очаг температуры с большей интенсивностью, чем когда они были разъединены. Это «естественное» или пассивное состояние разделенных элементов сменилось активной «неестественной» их деятельностью, приводящей в конце концов к победе над энтропией. Так действуют, например, живые существа. В ограниченной области они обладают способностью к подобной активности, хотя и они зависят от внешних «естественных» условий. И для них, следовательно, остается в силе зависимость от этих условий. Из этого следует, что раз оказалось возможным, хотя бы и в ограниченной области известное качественное превращение — проблема распространения этого превращения на другие, более широкие области есть только вопрос количественный. Количественное же распространение зависит от интенсивности качественного очага. Если вернуться к идее пространственного сосредоточения, интенсивность последнего является мерилем его количественной мощности.

8

В человеке природа нашла наивысшее и могущественнейшее свое выражение. В человеке вместе с тем, так же как во всяком организме, одновременно сосуществуют оба мировых процесса, нисходящий и восходящий. Его эктропизм имеет естественную границу, по достижении которой организм слабеет и умирает, растворяясь в окружающем. Вместе с тем в сознательных своих действиях человек может плыть по течению нисходящего мирового процесса, подчиняясь причинности слепой природы, или же он может поднять против нее восстание, противопоставить ей свою волю, заставить окружающее подчиниться его собственной причинности.

Но, как мы видели, живая система втягивает другие системы в свой процесс, усиливаясь присоединением к ним. Также живая система может расширяться тем, что присоединяется к большей, включающей ее системе. Соответственно, эктропический процесс может проявляться в рамках индивида и его изменений или в рамках групп — рода, вида, расы, различного рода союзов и их изменений. Вместе с этим меняется и степень воздействия индивида на мир. Различно воздействует на последний низшее животное и человек, вооруженный коллективно выработанной техникой.

Поэтому роль человека в мире, кривая его эктропического действия зависит также от широты его кругозора. Он может иметь эгоизм личного «я», эгоизм группы, человечества, природы, вселенной. При таком расширении индивидуализм становится универсализмом. При этом расстоянии между подобными степенями расширения сознания неодинаковы. Если для целей личных, групповых и всечеловеческих можно установить градацию согласно схеме, предложенной еще Бэконом, при переходе к сознанию связи всех существ или к сознанию космическому приходится делать скачок через неизвестные стадии промежуточных

расширений. Во всяком случае, благодаря таким ступеням расширения разум человека и направляемое им действие приобретают два свойства. Действие это становится историческим, т. е. создает реальное течение времени. Вместе с тем оно становится коллективным действием группы, человечества, всего мира.

Преобразование земли и ее обитателей их собственными силами есть только часть большого преобразования Солнечной системы и ее обитателей и за нею всего Млечного пути и, быть может, дальше еще больших объединений. Для этого, конечно, недостаточно сил одних людей, даже преобразенных. Для того чтобы живые существа стали планетоводами и солнцеводами и далее мироводами, в астрономии должны соединиться все науки и все виды человеческого знания и деятельности. Наша история должна стать действенной, практической, коллективной астрономией, и в коллектив, ее осуществляющий, должны войти обитатели всех других космических систем. Только союз со всеми этими существами, ставшими хозяевами своих систем, даст возможность овладеть мировым целым и повернуть обратно его время.

В этих расширяющихся целых разумная деятельность объединенных существ становится деятельностью, обратной процессу диссоциации материи, а именно деятельностью ассоциативной, собирательной, строительной. Коллективный труд есть единственная сила, способная спасти мир от энтропии и полного рассеяния материи и энергии. Поэтому цель труда есть его коллективизация, сбор вселенной в ряде иерархически расширяющихся коллективов.

Это создает разделение человеческого действия на ряд периодов, охватывающих все стадии его физического, биологического и культурного существования. В течение их мир, остающийся несовершенным без человека, в нем находит своего выразителя и борца за эктропический идеал. Человек, одолев двойственность внутри себя, воздействует на мир своей отбирающей, упорядочивающей деятельностью и совершает эктропическое его преобразование.

9

Из всего сказанного следует, что труд живых существ является, с космической точки зрения, чрезвычайно важным процессом — процессом превращения энтропии в эктропию*. Иначе, это превращение количества в качество, пространства — в силу.

* Акад. Ферсман в своей книге «Химические проблемы промышленности» приводит следующие слова В. Анри («Природа», 1917, [с.] 455): «С мировой точки зрения жизнь есть не что иное, как постоянное задержание и накопление химической и лучистой энергии, замедляющей превращение полезной энергии в теплоту и препятствующей рассеиванию последней в мировом пространстве. Присутствие живых организмов на земле удлиняет продолжительность существ-

Можно формулировать следующим образом принципы, вытекающие из этого для труда:

1) Всякое реальное достижение живого существа должно быть не даровым, а трудовым. Этот принцип раскрывается как критика пассивности и как требование в каждом данном случае максимальной активности субъекта действия.

2) Процесс работы, лежащей в основе труда, не является процессом, свойственным только человеческой деятельности. Можно говорить о работе материи и ее составных частей, о работе атома и электрона, о работе электрического и теплового процесса. Из этого следует, что труд, поскольку он проявляется как работа, не является особой сверхприродной деятельностью, но включен в естественную цепь объективных причин и следствий. Но вместе с тем участие сознания в работе превращает ее в труд, проективно меняющий мир.

3) Труд всегда является коллективным явлением. Нет исключительно индивидуального труда, ибо всякий труд связан с целым, в котором он производится, и сущность труда заключается в образовании в этом целом новых объединений. Способом же действия, создающего эти образования, всегда является осуществление коллективного усилия. Так организуется общее дело человечества, соединяющееся в низшем и высшем своих пределах с такою же деятельностью всех живых существ и создающее в таком масштабе общее дело всех обитателей мира, совершающих его преобразование.

4) Целью общего дела, а следовательно, и производящих его трудовых усилий, является преобразование мира в виде замены нисходящих процессов, в нем протекающих и ведущих к рассеянию энергии и к гибели всех мировых образований, активным восходящим движением, сосредоточивающим энергию в неисчерпаемом богатстве жизненных форм.

Космической задачей труда является овладение мировыми силами и использование их для дела преобразования и улучшения мира. Посредством труда идеал, вырабатываемый в течение многотысячелетнего существования живых существ и выношенный бесконечными периодами их борьбы и страданий, реально осуществляется в мире.

Какой же объем возможной победы в этом отношении человека? На этот вопрос трудно дать конкретный и определенный ответ. Однако мож-

вования мира, т<ак> к<ак>, если бы не было живых организмов, деградация энергии происходила бы быстрее и мир скорее приближался бы к состоянию окончательного равновесия». (Под окончательным равновесием, очевидно, подразумевается состояние Земли при температуре в 273° ниже нуля, когда жизнь уже невозможна.) «Может быть, формулировка В. Анри, — добавляет Ферман, — несколько решительна, но несомненно, что весь промышленный процесс деятельности человека с геохимической точки зрения является постоянной борьбой за группировки, богатые энергией, борьбой за вещество и охрану его от рассеяния» ([с.] 48)¹¹⁰.

но сказать с полной научной достоверностью, что человек является мощным геологическим и геохимическим фактором, меняющим облик и природу земного шара весьма быстрым или даже катастрофическим темпом*. Обстоятельство это в настоящее время отмечено в научной литературе не только в виде общего утверждения. Сделаны точные подсчеты тех изменений, которые внесены и вносятся человеческой промышленной деятельностью. Так, в книге акад. Ферсмана собраны данные о таких результатах человеческого труда, причем сюда входят не только общеизвестные процессы добычи из земли ископаемых или обработки земли, но также такие процессы, как распыление веществ в воздухе, чем вызываются значительные химические изменения в жизни нашей планеты. Так, например, путем использования углерода угольных слоев человек способствует распылению и рассеянию этого элемента в столь значительных масштабах, что в случае продолжения этого процесса через 700 лет он удвоит содержание в атмосфере [CO₂]. Это вызовет повышение средней температуры земной поверхности на целых четыре градуса и отразится на климате и растительных процессах. Повышение давления [CO₂] в воздухе также должно повлиять сильнейшим образом на перенос и рекристаллизацию карбонатных пород, в результате чего громадные количества будут вынесены в морские бассейны. Трудно предвидеть итоги этих грандиозных геологических и геохимических процессов, создаваемых человеком**.

Однако преобразовательная деятельность человека не ограничивается пределами земного шара. Изменение последнего есть вместе с тем уже преобразование, вносимое в космос. Это позволяет тому же ученому включить органический мир и деятельность человека в число факторов, перемещающих атомы в мировом пространстве***.

* «Колоссальный рост промышленности, растущая большими шагами металлургия и химические процессы, увеличивающееся сжигание угля, торфа, дерева, — все это вносит огромные изменения в природное хозяйство, выдвигая человека на степень серьезного фактора геологических и геохимических процессов. Шерлок в своей новейшей сводке о геологической работе человека рисует грандиозные картины его инженерной деятельности и, оценивая ее в числах, устанавливает, что роль человека значительно превышает обычных природных явлений переноса вещества, например, деятельности рек, моря и ледников и что по своему масштабу она отвечает в геологической истории страны революционным периодам усиленных процессов, перед которыми бледнеют даже сильнейшие извержения вулканов» (Ферсман. Химические процессы в промышленности. 5) и далее: «Мы начинаем понимать, что человек преобразует лик земли, являясь новым, выступающим на арену истории геологическим фактором. Постепенно мы начинаем понимать и то, что он не только механически перемещает вещество, но что он грандиозный геохимический агент, который, против воли природы, своей воле подчиняет вещество, используя его согласно своему желанию» (Там же. [С.] 6).

** Ферсман. Химические проблемы промышленности. [С.] 15¹¹¹.

*** Ферсман. Химические элементы земли и космоса ([С.] 115, 124)¹¹².

Можно, однако, поставить вопрос: всегда ли человек действует в вышеуказанном положительном смысле как сила, создающая концентрацию энергии и борющаяся против ее рассеяния. Из данных, приводимых в первой из упомянутых работ акад. Ферсмана, видно, что это не всегда так. Если взять отдельные химические элементы, можно перечислить ряд различных случаев соотношения действия природы и человека: «1) Природа концентрирует, человек концентрирует. 2) Природа концентрирует, человек рассеивает. 3) Природа рассеивает, человек концентрирует. 4) Природа рассеивает, человек рассеивает. 5) Природа концентрирует, человек сперва сначала концентрирует, чтобы потом рассеивать. 6) Природа рассеивает, человек концентрирует, чтобы потом рассеивать»*. Из этой таблицы видно, что из шести случаев в четырех человек способствует конечному рассеянию обрабатываемых веществ. Правда, некоторые из этих случаев, как, например, второй очень редки, другой же — пятый — обнимает очень мало элементов. Но все же оказывается, что роль человека для многих веществ является разрушительной. Конечно, из этого нельзя еще вывести абсолютный баланс деятельности человека в смысле воздействия на мир, но все же видно, что промышленность создает не одно только прибавление полезности, но нередко ведет и к отрицательным явлениям. Несомненно, что причина последних заключается, во-первых, в недостаточно сознательном и планомерном отношении человека к природе. Для того чтобы добыть немного золота, в Южной Африке истираются в мелкий порошок ежегодно 100 миллионов куб. метров твердых конгломератов. Железо в результате промышленных процессов в конце концов распыляется, то же происходит с серой, с углеродом. Конечно, из этого не следует, что вещества эти во время прохождения через руки человека не принесли пользы. Но при отсутствии рационального земного хозяйства трудно сказать, каков окончательный итог такого рода воздействия человека на природу: окупается ли рассеяние этих элементов созданием за их счет прочных культурных ценностей хотя бы и невесомого характера.

Очевидно, здесь ставится вопрос о целях промышленности. Мы знаем из предыдущего (Глава 2), что при современных условиях последние возникают в хаотическом порядке, следуя прихоти отдельных лиц или небольших их групп. Человечество хозяйничает без единого общего плана, хищническим образом расточая земные богатства. Неудивительно поэтому, что инстинктивное и естественное стремление жизни создавать эктропию не осуществляется человеком и, наоборот, заменяется пособничеством и даже прямым содействием энтропическому процессу. Причина этого — в недостаточном применении разума, являющегося, как мы знаем, основным фактором эктропического действия. Человек в этих случаях, вместо того чтобы подчинять природу своей разумной воле во всеземном масштабе путем планомерного использования ресурсов зем-

* Ферсман. [С.] 20. 21.

ли, наоборот, подчиняется слепой и неразумной природе в общем процессе своего планетарного хозяйствования. И этому не может помешать то обстоятельство, что в масштабах меньших личного и группового хозяйствования проводится определенный план. Выигрыш личности или той или иной социальной, национальной или государственной группы может на самом деле в земном масштабе учитываться как потеря. Единственное средство против таких отрицательных явлений — ведение планетарного хозяйства по плану с ежегодным сведением его положительного или отрицательного баланса. План же этот должен выполняться соединенными силами всех людей, объединенных в общем деле овладения природой и преобразования мира.

Однако поскольку человек не есть только фактор изменения земли, но также воздействует через ее посредство на весь космос, ставится вопрос о возможной его деятельности вне земных пределов. Сейчас в этом отношении наука приступила к разработке вопроса о междупланетных сообщениях. Правда, ничего осязательного ближайшее время в этом направлении не обещает. Но самая постановка вопроса научным образом уже имеет большое значение. Всегда действие предварялось наукой, и не было еще почти случая, чтобы проблема, теоретическая разработка которой была начата, не переходила в какую-нибудь практическую задачу. Во всяком случае, в области вопроса о междупланетных сообщениях добыт тот интересный результат, что начат расчет той силы, которую может дать в мировом пространстве использование силы тяготения Земли и других планет. Особенно интересна идея междупланетных станций, представляющих на самом деле не что иное, как искусственные планеты — спутники Земли. Быть может, разрешение вопроса о междукосмических сообщениях лежит именно в этом направлении. Как известно, по планитезимальной теории, многие из спутников стали таковыми в результате присоединения их небесными телами, захватившими их пространство или отнявшими у других светил. В таком случае можно себе представить искусственно созданного человеком спутника Земли с таким расчетом, чтобы в известный момент он был притянут другой планетой и получил бы новую орбиту вокруг последней.

Человеческий ум, однако, не останавливается на таких перспективах. Со свойственной ему смелостью за каждой развертывающейся перед ним задачей он провидит дальнейшие еще большие свершения. Астрономия и история должны слиться. Поприщем для деятельности людей, овладевших своею планетою, должна стать Солнечная система. Н. Федоров рисует нам картину того, как наука и техника в будущем найдут способы подчинить себе земное электричество и сделают Землю управляемой. Подобно кораблю, управляемому пилотами-земноводами, она будет передвигаться уже не по извне навязанной орбите, а следовать указаниям ученых, направляющих ее согласно своим сложным расчетам¹¹³. Если представить себе такие же революции на других обитаемых планетах, получается овладение Солнечной системой. Сознательные оби-

татели планет будут иметь возможность общаться и выработать общий план для завоевания Солнца. Затем они станут солнцеедами, поплывут на управляемой Солнечной системе в звездные миры, соединяясь с другими подобными же космическими революционерами. Картина эта, конечно, в достаточной мере фантастична. Но вспомним аналогию звездных систем и атомов. Кто знает, не произошли ли на частицах, составляющих нашу материю и подобных звездам и их спутникам, подобные перевороты? Не есть ли, быть может, высшее проявление материи — жизнь — результат таких сложных и разумных эволюций, которые совершаются под управлением каких-нибудь инфра-малых электронов или атомных пилотов? Но здесь самая смелая фантазия находит свой предел, и можно упомянуть о таких возможностях, только чтобы оттенить громадность вопросов, встающих там, где современная наука и техника нашли свой предел. Но мы знаем из опыта, что этот предел не является абсолютным, и все говорит за то, что он будет продолжать передвигаться вперед с возрастающей быстротой и вслед за ним будут двигаться разумные существа, завоевывающие космос.

Правда, можно возразить, что, раньше чем человеческая раса сможет развиваться в достаточной степени и преобразиться в могущественные существа, способные сыграть астрономическую роль, наступит какая-нибудь космическая катастрофа, которая одним взмахом уничтожит жизнь на земле, быть может, самую нашу планету. Конечно, такой конец возможен, но это не значит абсолютную потерю того, что жило, ибо раз небесные тела способны возвращать на себе жизнь, последняя может возродиться из пепла разрушенных миров и расцвести с небывалой силой, как, быть может, и сейчас расцветает после многих подобных катастроф.

Общее действие членов системы может выразиться либо в механической равнодействующей их движения, либо в целесообразном их сотрудничестве, либо в смешанном случае сотрудничества в форме понуждения одних другими. Эти формы соответствуют трем способам единения членов системы: 1) при полной пассивности и бессознательности они превращаются в целое в силу внешне навязываемого закона. Равнодействующая их действия в этом случае есть на самом деле результат действия подчиняющих их внешних систем. 2) При сознании элементов равнодействующая их воли есть на самом деле их общая воля. 3) При смешанном составе сознательных и несознательных членов устанавливается воздействие первых на вторые.

В первом из этих случаев уничтожается особенность элементов системы и их отдельные действия, и последние поэтому не нуждаются в согласовании. В обоих последних случаях механизм общего действия требует координирования движений отдельных элементов. Такая координация может быть основана только на определенных повторениях одними действиями других, ибо это единственный способ связать разрозненные движения отдельных особей. Но такие повторения, поскольку они составляют определенные системы, представляют не что иное, как определенный ритм этих движений.

Ритм есть соединение одним законом ряда отдельных явлений. Универсальность явления ритма обусловила наиболее древнее его определение, идущее к нам от древнегреческой науки, но, быть может, почерпнутое ею из еще более древних источников. Аристид Квинтилиан¹, оставивший нам компилятивный труд, где собраны заключения предшествовавших ему писателей, определяет ритм как соотношение, которое имеют между собою части какого-нибудь целого. Здесь самый важный признак — соединение в одно целое разрозненных элементов. Мы находим подобные же определения у Руссо и у Гегеля².

Из этого следует, что ритм в широком смысле одинаково проявляется в пространстве и во времени. Ритм в музыке и в движении сопоставляется с явлением пространственных пропорций в пластических искусствах. Соответственно Квинтилиан делит ритм на три вида: ритм неподвижных тел, проистекающий из строгой размерности их частей, как это, например, имеет место в хорошо сделанной статуе, ритм пространственного движения (танцы, правильная походка, пантомима), наконец, ритм в виде определенного чередования звуков.

Это приводит к сравнению музыки и архитектуры. Гегель подчерки-

вает близость этих искусств, причем различие между ними устанавливается в том, что первое есть искусство времени, второе же — искусство покоя. Другие мыслители, как, например, Джоберти³, добавляют, что эти искусства являются родоначальниками остальных. Опираясь на подобные воззрения, большинство составителей эстетических систем приходят к разделению искусств на искусства пространства, с одной стороны, и времени и движения с другой. К первым принадлежат архитектура, живопись и пластика, ко вторым — музыка, поэзия и орхестика. В этих делениях для нас интересно то обстоятельство, что ритм охватывает одинаково мир явлений статических и явлений движущихся. Тем самым признается его основная природа для всякого вообще рода явлений.

Что касается значения ритма для человека, здесь также можно сослаться на общее мнение многочисленных авторов. Всякий человек имеет свой ритм. Вспомним, что в древности, например, многие мыслители самую душу человека отождествляли с движением. В настоящее время ритм признается как врожденная способность человека. В приведенном сочинении Руссо ставит вопрос, откуда происходит впечатление, производимое на нас размером и ритмом. По его мнению, человеческие страсти обладают ритмической природой. Для Гегеля в музыке раскрывается сокровенная глубина человека и ритм служит необходимым средством внесения в последнюю раздельности и установления множественности. В общем, как современная психология, так и практика различных искусств подчеркивают индивидуальное восприятие ритма людьми и те ощущения, которые он в них возбуждает. Известный творец новой ритмической гимнастики Далькроз⁴ указывает на то, что дети испытывают громадное удовольствие от ритма независимо от всякой музыки*. С другой стороны, несомненно, что ритмическая музыка воспринимается значительно легче, чем аритмическая. Можно также указать на то наслаждение, которое получается людьми от танцев, соединенных с музыкой, причем связь между ними состоит именно в ритме. Далькроз объясняет эти факты замечанием, что у ритма нет особого органа, но последним является все тело.

Но можно взять ритм в более узком смысле исключительно как организацию движения или времени. В этом случае ритм есть своего рода симметрия или пропорциональность в движении. Симметрия есть распределение единичностей в пространстве, ритм — распределение их во времени. Симметрия есть ритм в покое, ритм есть симметрия в движении. Ритм в этом смысле есть орудие объединения движений и подчинение их известной закономерности. Можно даже сказать, что он есть сама эта закономерность. В этом отношении можно найти проявление ритма прежде всего в физике. Физика учит нас, что все движения в мире совершаются закономерно. Так же как все они в статическом отношении расположены в геометрическом пространстве. При этом, если в мире

* Далькроз. Ритм. [С.] 7.

неорганическом мы всегда предполагаем, что можем доискаться причины движения, в мире органическом причина эта не всегда очевидна: движения одушевленных тел иногда вызваны внешними толчками, но иногда кажутся результатом внутренней силы организма. Однако несомненно, что все движения организмов, как произвольные, так и произвольные, всегда связаны с определенными процессами, которые отличаются закономерным и ритмическим характером.

Ритм в пространстве, или симметрия, и ритм во времени могут быть объединены. Осуществление такого пространственно-временного ритма дает наиболее совершенный тип организации. Ритм создает форму и притом не нарушает своеобразия индивидов, ею объединяемых. Получается максимум единства и вместе с тем максимум разносторонности и разнообразия. На самом деле только этим путем и возможно создать реальное живое целое, ибо всякое другое приведение к единству стирает все различия элементов и превращает целое в неопределенный апейрон. Отсюда колоссальное значение ритма во всех областях жизни, действия и творчества. Можно сказать, что, благодаря ритму, хаос превращается в космос и вместо единого несущего Парменида без всяких признаков получается его единое сущее со всем богатством внутренних определений. Таким образом, посредством ритмизации какой-нибудь совокупности элементов устанавливается общее их действие и производится интеграция их в одно целое. С этой точки зрения можно сказать, что ритм есть осуществление в реальном мире того упорядочения, которое рассматривается в математическом учении о множествах как способ различного составления множеств.

Из сказанного вытекает огромное значение ритма при образовании культуры. Последнее есть не что иное, как ритмизация действий ряда индивидов и через это слитие этих действий в единое общее дело создающее из этих индивидов единое целое. Созданием же новых целых совершается преобразование мира путем превращения его в ряд культур.

* * *

Таким образом, культура возникает тогда, когда устанавливается в группе организмов или вещей общий их ритм, придающий этой группе определенную структурную форму.

Благодаря такой особой форме, создаваемой ритмом, действующее целое заживает как особое существо. Но сущность всякого действия есть преобразование окружающего мира. Постольку целое это есть культурная система или культура. Итак, культура всегда имеет природу группы элементов, принявших в своей совокупности характер организованной системы. Соответственно все перечисленные нами целые, участвующие в преобразовании мира, — могут быть в самом деле названы культурами. Атом — культура, создаваемая электронами и атомными ядрами, молекула — культура, создаваемая атомами, клетка — культура молекул, ор-

ган — культура клеток, организм — культура органов и тканей, социальное целое или животное общество — культура организмов, космическая система — культура газов, минералов, растений, животных. Благодаря такой взаимозависимости становится возможным действительное движение вперед по пути все больших и все более совершенных образований.

* * *

Все культуры составляют определенную иерархию. Расположение их в пространстве, являющемся не чем иным, как порядком умножения первичного вещества, создает необходимость во взаимных отношениях этих культур и общего закона, регулирующего эти отношения. Прежде всего, должен быть соблюден принцип соседства, согласно которому всякое воздействие одной культуры на другую должно совершаться через посредство лежащих между ними культур. Трехмерное пространство имеет три измерения, и соответственно каждая культура может иметь таких соседей в шести направлениях под прямыми углами и в направлениях комбинаций этих измерений. Поскольку же мы рассматриваем нашу культуру вообще как пространственный центр, направления, идущие от него под косыми углами, становятся бесчисленными радиусами шара, в центре которого находится данная культура. Во всех этих направлениях ритмическое действие культуры распространяется на все смежные культуры, лежащие на его пути. Это создает основной закон протяженного пространственного, а следовательно, физического существования культуры, ее материальность и вещественность в мире трех измерений и вместе с тем ее связь с другими культурами и со всеми окружающими вещами. И всякое действие должно считаться с этим правилом даже тогда, когда действие это проходит сквозь тело, как, например, свет через стекло или кварц или радиоволна, посылаемая к антиподам сквозь землю: в этих случаях все же энергия известным образом воздействует на посредствующее тело. Из комбинации различных видов взаимодействия культур создаются сложные его формы и при тесной связи нескольких систем они превращаются в новую большую культуру, включающую старые. Отсюда возникает еще новое измерение пространства в сторону большого и малого. Поскольку культуры включают одна другую, никакое действие, идущее вверх или вниз по этой цепи, не может миновать посредствующие звенья, ближайшие или большие или меньшие культуры.

Закон этот очень важен, ибо с ним связана необходимая *историчность* деятельности культур. Ни одна из них не может при конкретном рассмотрении быть изъята из определенной среды, образуемой сложным взаимодействием окружающих культур. И поскольку это взаимодействие рождает определенное время каждой из этих систем и общее время их общей системы, никакая культура не может быть выделена из определенного процесса исторического развития. Историчность есть другое

название для связанности различных проявлений мира и возникающих из нее явлений пространственности и временности. И соответственно проект общего дела всех культур — преобразования мира должен учитывать этот исторический момент, т. е. давать необходимо целостный охват всех сторон мировой жизни.

При этом общее направление действия, конечно, дается не одним только законом определенного расположения культур в пространстве. Их иерархичность имеет другие основания — от которых, быть может, зависит и это расположение. Пространственность есть следствие функциональной связи культур и функциональной же их взаимозависимости. Пространство указывает поле действия культуры, математическую область ее функции. Настоящие же отношения культур рождаются из того, что каждая выполняет известную роль в процессе преобразования мира и соответствует определенной стадии этого преобразования. Ряд этих стадий и есть совокупность всех культур — культура мира.

ИМПРОВИЗАЦИЯ В НАРОДНОМ ТЕАТРЕ¹

В настоящее время некоторые театральные направления поставили на очередь вопрос о театре импровизации. Но какова истинная область последней и в какую сторону она толкает театральное искусство? В большинстве случаев считают, что это путь к созданию нового театра с совершенно иными заданиями и методами, чем существовавшие до сих пор. Однако, на самом деле, развитие импровизации есть само по себе не столько новый путь, сколько возрождение в театре живых начал, в старые времена в нем процветавших, но заглушенных впоследствии литературным направлением XVII, XVIII и XIX веков. Как пример этих живых начал обычно указывают на бывшее одно время в Италии направление *commedia dell'arte*². Примером же восторжествовавшего литературного театра является творчество драматических писателей после Шекспира. На самом деле, если вдуматься в сущность обрисовывающегося здесь спора, становится ясным, что в нем ставится вопрос, затрагивающий отношение двух различных проявлений художественного творчества в современной культуре — коллективного творчества народных масс, с одной стороны, и кабинетно-литературного творчества — с другой. В области словесности к первому принадлежат народный эпос и лирика и народная драма во всех ее видах (развитием одного из этих видов и была *commedia dell'arte*). Ко второй категории принадлежат произведения писателей в области поэзии, прозы и драматического искусства.

Несомненно, что народное искусство не только всюду предшествует искусству литературы, но создает последнее, являясь для него как бы глубоким резервуаром образов, идей и настроений. Если на стороне произведений писателей отмечается совершенство их формы, их законченность, продуманность, художественная отделка и проч., в народном искусстве мы находим ряд ценных черт, которые не всегда имеются налицо в литературе. В самом деле, что такое представляет из себя народная поэзия или драма? Это ряд картин, образов и понятий, выношенных коллективным народным творчеством в течение многих веков, родившихся по большей части во многих импровизированных вариантах и кристаллизовавшихся затем в народной памяти в виде любимых мотивов легенд, песен, сказаний, повестей и драм. Вследствие этого основная черта народного творчества — его близость к жизни. Эти образы необходимы для последней, естественно из нее вытекают и затем вторично оказывают на нее воздействие в виде влияния на нас этих синтезированных экстрактов народной мудрости и народного художе-

ственного творчества. Народные массы этим путем создают определенные мифы, живущие особой жизнью, обладающие для известного периода своего рода бессмертием. Если же проанализировать элементы этих сложных мотивов, мы увидим, что в них главную роль играют определенные *типы* людей, являющиеся художественно обработанными отражениями данной эпохи и совокупности ее бытовых, экономических, социальных, исторических условий. Путем процесса творческой импровизации эти типы выделяются, как бы отбрасываются на экран воображения и затем заживают в народной памяти. Весь этот процесс коллективен, ибо свойство такого типа или маски именно в том, что он изображает не одно лицо, а многих, и, с другой стороны, прочность его и значение обуславливаются тем, что он для всей массы народа «свой», ибо изображает то общее, что есть у всех элементов этой массы. Несомненно, что и письменная литература использует эти типы. Всякий образ, нарисованный писателем или поэтом, имеет смысл и ценность, только поскольку он оказывается изображением реально существующего, т. е. рисует тип, близкий и понятный массам. Литература является в этом смысле усложненным рупором народного творчества. И мы видим, в самом деле, что всегда писатель черпает свои образы из предшествующих произведений, так что можно указать родословную каждого литературного образа. Иногда процесс этот сознателен, иногда бессознателен: писатель полагает, что он выдумывает, в то время как он только выявляет то, что он бессознательно воспринял из сокровищницы коллективного творчества. Как яркий пример такого случая можно указать на создание некоторых героев Достоевского. Рисуя Ставрогина в «Бесах», Достоевский пытался (как он говорит в своих заметках) нарисовать образ человека, обладавшего такой силой, что ее нельзя ни на что применить³. Но задолго до этого такой именно образ с замечательной законченностью и художественной красотой был дан в народном эпосе в образе богатыря Святогора. И несомненно, что Ставрогин и Святогор — братья, оба отвечающие чертам определенного русского типа и оба рожденные как художественные образы из одного источника — массового русского народного творчества. Также типы Гоголя соответствуют фигурам украинской сатирической песни и драмы.

С указанной точки зрения импровизация получает особенное значение. Она является способом выражения отдельной личностью того, что уже живет в массе. Импровизатор потому только может творить, что он выражает не себя, а нечто большее, чем он сам, что предносится ему невольно и улавливается его художественной чуткостью. Этим самым ставятся условия и пределы этому виду творчества: нельзя импровизировать «любое» содержание, а только то, которое уже дано в народе, только то, что уже ранее смутно и неясно, но все же прочно выношено массами. Но в таком случае особенный интерес получают первые непосредственные попытки обрисовать эти типы, являющиеся, как мы видели, элементами всякого последующего творчества. И всякая попытка реформировать тот

или другой вид искусства должна состоять в том, чтобы по возможности дать новой импровизации наиболее подлинный материал, освобожденный от того наносного и искусственного, что привнесла в него литература. Другими словами, современный импровизатор, желающий выразить живой народный тип, должен по возможности вернуться к истокам, схватить этот тип в том виде, в каком он был ранее обработан народным творчеством. Или, вернее, импровизатор должен войти в традицию народной импровизации, стать одним из длинного ряда чередующихся в веках народных «сказителей», создававших варианты на излюбленные народом темы.

В этом отношении несомненно, что реформа русского театра на началах внесения в него элемента импровизации должна воспринять кое-что из древних видов русского драматического творчества. История нашего театра так, как она обыкновенно изучается, начинается незадолго до Петра Великого и описывает расцвет русского театра в XIX и XX веках. Но с нашей точки зрения этот период был не только периодом положительного творчества. Он был в известной степени, как всякий литературный период, временем заглушения и искажения кабинетно-интеллектуальным методом сочинения тех живых начал, которые ранее стремились пробиться в русской народной драме. Правда, проявления последней в Древней и Средневековой Руси крайне скудны. Обычно указывают на религиозные мистерии, на так называемые «вертепные» драмы, предшествующие начаткам настоящего театра. Но как раз эти виды древнего театра менее всего интересны, так как они были литературными произведениями того времени. Если взять одни из первых русских пьес — мистерии Дмитрия Ростовского⁴ — мы видим, что они написаны по всем литературным правилам того времени и в них нет ничего народного. Народную импровизацию можно найти гораздо ранее в другой области, в области обрядовых песен, плясок, хождений, восходящих до самой глубокой древности, «до языческих времен». «Русский народ, — говорит один исследователь, — не менее чем какой-либо другой, был богат зачатками драматической поэзии в своих играх и обрядах, но после принятия христианства преследования, которым подвергалось все, связанное с языческим культом, и недоверчивое отношение ко всяким пережиткам народно-поэтической старины не дали свободно и самостоятельно развиваться этим зачаткам драмы в течение всего древнего периода нашей литературы. А в конце его (на юго-западе с XVI века) пришли готовые драматические формы с Запада — вертеп, школьная драма, интерлюдия — и началось их влияние»*. Как образец этих драматических действий, возникающих из игр, можно привести весенние празднества в честь бога Ярилы или сложный обряд похорон Костромы. Последний связывается с провожением весны и сохранился до недавнего времени в некоторых местностях (напр<имер>

* А. Алферов и А. Грузинский. Допетровская литература и народная поэзия⁵.

в Муромском уезде). Сама игра очень разнообразна, но основной мотив всегда состоит в том, что делают куклу Кострому, одевают ее, затем кладут в корыто и после ряда церемоний, носящих иногда определенно драматический характер, несут к реке и бросают в воду. В настоящее время обычай этот выродился в детскую игру, в которой дразнят умершую Кострому, которая вскакивает и ловит бегущих. К разряду подобных же обрядовых представлений можно отнести некоторые песни, которые разыгрывались в лицах, в особенности связанные со свадебными обрядами (например, «А мы просо сеяли, сеяли»). В некоторых из них, как, например, в изображении «умыкания невесты», дан сюжет, который разыгрывается участниками путем настоящей импровизации. Во всех этих обрядах всегда, при большом различии представления, имеются налицо одни и те же типы — Кострома, Ярило, плакальщики, невеста, жених, свекор и т. п. Кроме этого вида обрядов, носящих по преимуществу языческий характер, имелось много смешанных игр и обычаев, где память язычества переплеталась с христианскими мотивами. В драматической форме в таком виде выражались чувства радости и веселья или же печаль по случаю смерти любимых родственников. Такими были, например, «русалии», неделя, посвященная русалкам перед Троицыным днем (в нее входил Семик), обряды на Ивана Купала, колядование на святках, игры, справлявшиеся около Пасхи, окликание весны, поминовение покойников на Радоницу, хороудный обряд Вьюнца на святой неделе и т. д. Мы находим любопытные упоминания об этих обычаях в Стоглаве, где выражено строгое осуждение этим «бесовским» играм и гульбищам: «Вопрос 23 — По погостам, селам и волостям ходят лжепророки, мужчины и жены. По селам и погостам в Троицкую субботу мужчины и женщины сходятся на кладбищах и плачут на могилах с великим криком. И когда заиграют скоморохи и гудочники, они перестают плакать и начинают скакать и плясать и в ладоши бить, и петь сатанинския песни... Вопрос 24 — На Иванов день бывают русалии, и накануне Рождества и Крещенья сходятся мужчины и женщины, и девицы ночью на крик и бесчинный шум, на бесовские песни и пляски, и скакание — богомерзкое дело. Вопрос 25 — А на Пасхе окличка на Радонице и вьюнец и в это время всяческое беснование. Вопрос 26. А в великий четверг рано утром жгут солому и кличут покойников и т. д.»⁶ Несомненно, что во всех этих веселых и грустных играх и обрядах находила себе выражение потребность народа облечь свои чувства и настроения в живую форму, очень близкую к драматической и несомненно являющуюся видом поэтической импровизации, чередующейся с пением заученных мотивов.

Вообще, элемент импровизации несомненно присутствовал в искусстве певцов и сказителей того времени. Доказательством этого являются способы составления стихов и былин. Имелись некоторые сравнительно немногочисленные сюжеты отчасти русского происхождения, отчасти заимствованные из иностранных источников. Задача рассказ-

чика или певца не заключалась только в том, чтобы передать дословно сохранившиеся от прежних времен определенные тексты. По большей части в каждой местности создавался свой вариант песен и былин путем внесения в них новых подробностей или изменения некоторых мест. Таким образом, сказитель был вместе с тем сочинителем, причем обычно эти изменения создавались путем импровизации во время самого пересказа или распевания. К сожалению, мы имеем очень мало данных о методах такого творчества и можем судить о них главным образом по сохранившимся и до недавнего времени образцам народного творчества на севере России.

Импровизация в драматической форме процветала в особом виде народного искусства, несомненно, заключавшем в себе элементы древнерусского народного театрального творчества. Это было так называемое «скоморошество», игравшее очень большую роль в древнерусских увеселениях. Скоморохи сперва были простые бродяги, выродившиеся из прежних известных нам по былинам «калик переходящих» — паломников в Иерусалим, соединившихся в определенные ватаги. Тип калики очень своеобразный: они не только религиозные паломники, но также богатыри, нередко похожие также на разбойников. В этом смысле они являются, быть может, первыми родоначальниками казачества, и организация их (атаманы, круг) очень похожа на последующую организацию казаков. В другом смысле калики близки к скоморохам, так как они не брезгают забавами и шутками, из которых, по-видимому, выросло последующее балагурство разных бродяг и странников. В том же Стоглаве скоморохи описываются следующим образом: «Вопрос 19. По глухим местам ходят скоморохи большими ватагами по 60, 70 и по 100 человек: они по деревням насильно заставляют поить и кормить себя, грабят имущество из клетей и по дорогам разбойничают»⁷. Но несомненно, что скоморохи не только бесчинствовали и грабили. Они играли роль народных увеселителей — в деревнях и на боярском дворе они являлись с медведем и козой или с кукольным театром и давали представления. Они же распространяли песни, сказания, повести и т. п. Особый тип скомороха развился в виде придворного или боярского шута, являвшегося необходимым элементом в среде челяди, окружавшей великих князей, царей, вельмож и бояр. Шут должен был всегда иметь наготове какое-нибудь остроумное словцо и являлся поэтому типичным импровизатором, разыгрывавшим в течение одного вечера иногда множество ролей. Спор и перебранка нескольких шутов при этом давали образцы настоящих комедий. К сожалению, мы не имеем почти никаких точных сведений о содержании выступлений скоморохов и шутов и должны восстанавливать их общий характер по смутным сохранившимся в истории упоминаниям. Тем не менее сохранились некоторые образцы любимых форм их выступлений. Таковой является представление «Медведя и Козы». Здесь одним из актеров является живой медведь, который изображает определенные смешные типы. Так,

он изображает девицу молодицу, которая белится и румянится, бабу Ерофеевну, которая блинов не напекла, но угорела, молодца, который «горох воровал, в улье мед добывал, фефел за вихри трепал». Другие типы изображаются мальчиком, одетым козой. Еще ближе к театру так называемая «кукольная комедь», являющаяся не чем иным, как перенесенным к нам театром иностранного Полишинеля или Пучинелло. Олеарий описывает подробно это зрелище, увиденное им в Москве⁸. В варианте кукольной комедии XVIII и XIX [века] имеются вполне определенные типы самого Петрушки, его супруги Маланьи Пелагеевны, цыгана, доктора-лекаря, из-под Каменного моста аптекаря, немца, татарина, квартального и т. п. В северо-восточной полосе сравнительно недавно еще эти представления процветали под именем «Петрушка Угорел», а в юго-западных местностях под именем «Ваньки ррю-тю-тю», изображавшего бесшабашного русского ухаля, который «злу тоску кручину бросает в морскую пучину, горе завивает в веревочку» и для которого «жизнь — копейка и та ребром». Несомненно, что этот последний тип является прообразом в народном творчестве литературных типов, которых можно найти в современных комедиях, напр<имер>, у Островского, там, где изображается ширь русской природы, уловленная в характерном изречении: «Ндраву моему не препятствуй»⁹. Сюда же, к наследию эпохи древнего скоморошеского театра, можно отнести народные пьесы, еще недавно имевшие большой успех на балаганах, как, например, «Царь Максимилиан» или инсценировки в популярных комедиях сказаний и повестей «Соломона и Китовраса», «Саввы Грудцына» и т. п.

Очень интересно отметить, что стихия импровизации, несомненно преобладавшая во всех указанных народных представлениях, была не сразу побеждена принесенным с Запада литературным театром. Этому способствовало то обстоятельство, что в самом западном театре в XVII в. боролись различные течения, среди которых видную роль играла та же стихия, которая в Италии выдвинула *commedia dell'arte*. В то время, главным образом в Англии, распространялось модное течение, которое к прозаической обработке в драматической форме разных библейских и исторических сюжетов примешивало большую долю комического элемента, придававшего этому виду театра полукнижный, полународный характер. Непременным участником такого рода пьес была шутовская фигура Пикельгеринга, отличавшегося грубостью и даже цинизмом своих выходок¹⁰. Внутренней связи в пьесах было мало, действие развивалось по известной схеме, данной актерам. В немецкой обработке Пикельгеринг иногда заменялся Гансвурстом¹¹, но оставался основной характер этого вида представлений. Это было время, когда германский театр, подавляемый уродливым подражанием французскому ложному классицизму, освобождался от этого влияния и черпал силы в возрождении элементов народной импровизации. Главным деятелем в этом направлении был Иоганн Фельтен¹² (конец XVII века), создавший це-

льный репертуар пьес по образцу тех, которые в то время были популярны в Германии и которые по большей части составлялись организаторами бродячих актерских трупп, включавших много бывших студентов, отбитых от занятий в результате тридцатилетней войны. Эти пьесы отличались тем, что текст их не всегда был закреплен и предоставлял известную свободу импровизации исполнителям. Репертуар Фельтена был перенесен в Россию Кунстом и Фирстом, принявшими на себя руководство русским театром в начале XVIII века¹³. Пьесы эти часто не заключали полного текста, но выдавались в виде программ или перечней, отчего они и получили название «перечневых». В виду этого в них импровизация играла известную роль и возрождалось стремление к свободной игре актера, подавляемое мелочными требованиями классических театральных требований. Впрочем, и до этого времени, даже во время господства в нашем начинавшемся театре так называемой «школьной драмы», сменившей мистерии и вертепные представления, импровизация прорывалась в так называемых «интермедиях», разыгрывавшихся между отдельными действиями серьезных пьес и называвшихся поэтому «междувброшенными игрищами»¹⁴. Но тем не менее борьба двух направлений, народно-импровизационного и книжно-литературно-школьного, привела постепенно к полному устранению первого и к господству современного чисто литературного театра.

Из сделанного краткого обзора роли импровизации в русском народном театре можно сделать некоторые практические выводы в том смысле, что новый театр, если он хочет органически быть связан с массами, должен возродить в себе некоторые стороны этого народного театра. При этом, однако, надо помнить, что освобождение от данного текста, даваемое народной импровизацией, вовсе не означает освобождения от всяких рамок творчества автора. Если снимаются некоторые рамки, связанные с литературной обработкой пьесы, ставятся другие очень строгие внутренние пределы: импровизация есть выявление все же определенного содержания — созданных массовым народным творчеством типов. И трудность нахождения того, что театр должен выразить при переходе к импровизации, поэтому не уменьшается, но во много раз увеличивается. Собственно говоря, все дело сводится к тому, что уничтожается писатель как посредник между народом и актером и сам актер призывается к тому, чтобы проделать и свою работу, и работу драматурга. Несомненно, что трудность выполнения такой задачи огромна, ибо она равняется требованию того, чтобы каждый актер стал Шекспиром. Ввиду этого импровизация должна быть рассматриваема не столько как метод, вовсе заменяющий литературный театр, сколько как метод обновления последнего путем перенесения центра тяжести актера не на копирование текста, а на переживание того, что текст выражает.

Для русского театра это означает необходимость пережить на подмостках то, что каким-то образом ранее или в то же время выношено

массаами в трагически-печальных или веселых моментах их жизни. Поскольку же коллективный народный организм живет не в одном сегодняшнем дне и не в промежутке жизни одного или нескольких поколений, но медленно в течение веков вырабатывает формы жизни и соответствующие им художественные формы — полное постижение и восприятие последних требует изучения всех моментов возникновения и развития рождающихся отсюда образов. Поэтому нельзя не рекомендовать русским авторам вдуматься как в самое содержание типов, создававшихся начальными попытками древнерусского народного драматического творчества, так и в способы выражения этих образов в русской истории.

ОВЛАДЕНИЕ ИСТОРИЕЙ¹

Первая часть — Учение о соборных актах.

Введение.

Глава первая — Анализ индивидуального акта.

Глава вторая — Анализ мистического акта.

Глава третья — Анализ соборного акта.

Глава четвертая — Анализ мессианского акта.

Глава пятая — Отношения актов.

Настоящая работа ставит себе целью не академическое исследование, которое могло бы войти в рубрики «социальной философии» или «философии истории». В нем, несомненно, будет затронута и философская сторона предмета в виде изложения связи и соотношений различных видов социальных явлений. Но выведение законов сосуществования и преемственности последних для нас не является самоцелью, но служит другой — практической задаче — указать методы обращения с социальными явлениями и постольку способствовать сознательному творчеству или даже строительству культуры.

Для выполнения этой задачи мы хотим показать, во-первых, каким образом человек может найти свое место в истории, т. е. через определение существующего в любой данный момент своего отношения к содержанию исторического процесса — получить исходную точку для дальнейшего исторического и культурного действия. Эта часть задачи, следовательно, должна заключаться в формулировании свода правил для отыскания связи между моим частным, малым, индивидуальным актом и большими в пространстве и времени историческими актами, его обуславливающими и включающими. Такие большие акты всегда носят коллективный характер. Поэтому выведение указанных законов и вытекающих из них правил будет своего рода исследованием природы социальных явлений.

Рядом с этим или, вернее, вслед за этим, мы должны выполнить обратную задачу — показать, каким образом, исходя из найденной культурно-социально-исторической формулы — если можно так назвать ее, можно вывести из нее прогноз последующего положения, исторический гороскоп данного акта. Но это не должно быть только пассивным фаталистическим признанием действия известных неотвратимых сил — на-

оборот, надо строго отделить то, что неизбежно (для наших сил), от того, что может быть преобразовано нашим активным воздействием. Первое должно быть стоически признано в виде *vis major*², второе должно служить предметом нашей переработки. Задача наша в том, чтобы указать правила этого преобразовательного действия.

Наконец третья часть нашего труда — или даже вовсе отдельный труд — будет посвящена анализу современного исторического положения с точки зрения выведенных законов.

Глава первая. Анализ индивидуального акта

1. На самом деле понятие чисто индивидуального акта включает в себе противоречие. Акт есть воздействие чего-нибудь на что-нибудь другое. Как Аристотель говорит в своей «Метафизике», акт есть отношение одного к другому³. В акте всегда есть две стороны — одна действующая, другая воспринимающая действие. Одна вещь, именуемая средой, материалом, объектом, — изменяется другою, называемой деятелем, или субъектом. Этот исконный внутренний дуализм акта придает ему, по существу, собирательный, синтезирующий характер. Акт есть всегда новое объединение разрозненных частей, превращение множества в единство или, вернее, превращение одного единства в другое через посредствующее разложение первого и объединения его элементов новым путем. Мы увидим в дальнейшем более подробный механизм внутреннего состава акта. Теперь же нам важно установить его изначальную коллективную природу.

Поэтому, когда мы говорим об индивидуальном акте, это не должно пониматься в абсолютном смысле, но в смысле относительном. Мы имеем в виду здесь не связь двух вещей вообще, [не] понятие множественности любых объектов вообще — а исключительно множество людей. Акт, в котором участвуют многие люди, будет актом коллективным, акт же, в котором действует один человек, есть акт индивидуальный, хотя этот человек и воздействует на тот или иной посторонний предмет.

Правда, что и в этом смысле нельзя также говорить об абсолютно индивидуальной природе акта. Нет такого акта отдельного человека, который был бы совершенно не связан с актами других людей. Прежде всего, надо помнить, что сам человек есть продукт коллективного творчества. Он — потомок миллионов предков одинаково в физиологическом и в духовном отношении. Весь психический уклад его и все содержание его мирозерцания вместе с тем обусловлены той исторической культурой, в которой он родился, живет и действует. Наконец, всякая его мысль или поступок так или иначе связаны с социальной средой, видоизменяясь под влиянием последней и со своей стороны на нее влияя.

В виду этого основного коллективного характера человеческих действий, даже если они производятся одним человеком, приходится при-

знать, что индивидуальный поступок может существовать только в виде абстрактного понятия. На самом деле есть только акты, совершаемые совместно множеством людей. Но мы можем всё же выделить акты с более или менее определенным индивидуальным уклоном, т. е. такие, в которых влияние коллектива есть влияние отдаленное и косвенное. В этих актах участником их является непосредственно один человек, несмотря на то, что через его наследственность, через воздействие культуры и социальной атмосферы они по существу также коллективны. Тем не менее можно сказать, что субъектом их в прямом смысле является один человек, *совершающий индивидуальный акт*. Этими действиями эти будут отличаться от актов, имеющих коллективного субъекта в виде того или иного социального множества, составляющего известную группу людей. Для последних актов мы сохраним название актов *коллективных*, причем максимальные и высшие по своей внутренней организованности определяются нами в дальнейшем как акты *соборные*.

2. *Расчленение проблемы*. При анализе акта мы можем, во-первых, определить элементы акта, взятого со статической точки зрения, во-вторых — изучить процесс действия, т. е. рассмотреть акт с динамической точки зрения, наконец, исследовать результат акта, рассматривая его как некоторый его итог. Данность в виде элементов акта, процесс и результат — вот три раздела, с точки зрения которых мы произведем дальнейший наш анализ.

Элементы, с которыми акт имеет дело, могут быть перечислены следующим образом: деятель, среда, орудия и материал.

Процесс есть всегда преобразование деятелем материала.

Результат есть возникающая отсюда новая данность, или культура.

3. *Деятель*

Во всяком акте центром его является действующее лицо, субъект или деятель. Это как бы точка, из которой акт устремляется в окружающую периферию.

Извне деятель представляется как внешне активный элемент акта, дающий ему импульс и направление. Изнутри деятель представляется как «я», как активная сила, реализующая в акте себя, совершающая этот акт как продукт своего волевого усилия. Надо особенно подчеркнуть это субъективное ощущение и представление, присущие всякому акту и потому являющиеся одним из необходимых его основных признаков.

Психологически действующее в акте «я» имеет две стороны. Одна из них — это ощущение своих мотивов. Это как бы голос прошлого, всего, что накоплено в деятеле и что ныне проявляется в нем как некая определяющая его данность. Это корни, из которых внутренне вытекает усилие, выливающееся в виде акта. Вместе с тем в значительной степени данность эта, из прошлого превращенная в настоящее, определяет и дальнейший характер акта, составляя ядро разворачивающегося в нем содержания.

Другая сторона акта — это целевое его устремление. Это устремление к будущему, проект, предопределяющий последнее, идеал, его образующий. Несомненно, что идеал также рождается прошлым, и постольку, как мы увидим в последующем, сущность всякого акта есть какое-то возрождение или воскрешение части прошлого. Но роль целевого устремления совершенно иная, чем роль мотива, и в этом смысле мы можем выделить проект как часть прошлого, выполняющую особую функцию. Функция эта состоит в том, чтобы дать проект самого действия и в особенности конечного результата, того, что действие как таковое стремится достигнуть и осуществить.

4. *Среда*

Деятелю противостоит нечто, без которого, как мы раньше выяснили, не может быть вообще акта. Это нечто внешнее по отношению к внутреннему содержанию, действующему центральному «я». Это «не-я», себя ему противопоставляющее. Мы здесь не можем входить в рассмотрение того, откуда психологически и логически возникает это «не-я» и насколько оно вяжется вообще с нашим солипсистическим сознанием. Для нас важно лишь то, что всюду, где есть акт, есть и это разделение, одинаково обязательное для практического анализа действия как практически-материального комплекса и как комплекса метафизического в фихтеанском смысле. Лучше всего — мы думаем — назвать этот элемент, противопоставленный в действии «я», средой, так как последняя есть понятие, объемлющее все, что не выделено в качестве субъекта. Вместе с тем среда не имеет значения абсолютного, но всегда есть только состав, окружающий активный центр действия.

Дальнейшее расчленение понятия среды дает нам остальные элементы действия: в самом деле, среда, противостоящая субъекту, может быть подразделена на 1) зависимую часть среды, составляющую средства действия, на 2) независимую часть среды, которая должна в процессе действия подвергнуться преобразованию и частью стать зависимой, [на] 3) независимую часть среды, которая остается таковой до конца действия, причем ею отчасти оказывается влияние на совершающийся в нем процесс.

5. *Орудия*

Зависимую часть среды можно иначе назвать орудиями [действия]. Во всех анализах действия всегда представлялось большим вопросом, куда отнести его орудия. С одной стороны, они берутся из окружающей среды, с другой — они как будто составляют часть деятеля. Здесь возникает как бы особая природа вещей, которые теряют свое старое самодовлеющее существование и получают существование новое, осмысленное новой функциональной для данного акта целью. Мы выражаем это, называя орудия зависимой от деятеля частью среды. Деятель выбирает из последнего те вещи или данности, которые ему нужны, вооружается ими

для предстоящего боя с остающейся частью этого окружающего. При этом вещи эти известным образом перерабатываются и приспособляются. Они превращаются в приспособления. Последние всегда в известном смысле служат продолжением человека, например, в физическом смысле всякое орудие является продолжением человеческого тела. Машина или инструмент обладает в этом смысле двойной зависимой природой — как физическое продолжение организма человека и как комплекс, подчиняющийся его волевым велениям. Вещь как бы получает новую душу. Или, вернее, человек частично воплощается в этой вещи.

6. Материал

Но процесс выделения орудий из окружающей среды есть только первоначальная стадия подготовки элементов действия. Следующая стадия есть выделение из этой среды той ее части, которая в процессе действия должна быть превращена в его результат. Таким образом, образуется материал, над которым совершается преобразовательное действие. Материал независим до акта, после же акта он принимает некоторую форму, придаваемую ему деятелем, и постольку становится от последнего зависимым. Границы части среды, выделенной в виде материала, определяются при этом проектом действия. В этом уже начало подчиненной роли материала.

7. Независимая среда

За выделением из среды орудий и материала останется та ее часть, которая уже не находится ни под каким воздействием деятеля. Если и говорят об изменении действием среды, надо понимать это всегда в смысле превращения части среды в материал. При этом, конечно, возможно, что данный акт не имеет задачей изменить часть среды и захватывает ее своим влиянием косвенно или случайно сверх изменения, производимого им в данном, избранном им материале. Так, паровоз выпускает пары, дым изменяет температуру воздуха — все действия, ненужные для проекта работы паровоза. Во всех этих случаях, однако, несомненно, что воздух, пар, дым и т. д. являются продуктами превращения какой-то части среды в материал посредством действий, связанных с основным, если они даже не нужны для последнего. Можно назвать их превращением побочной части среды в материал, также по существу побочный для данного действия. Вернее будет сказать, что рядом с последним имеет место ряд побочных действий, производящий каждое свои изменения в своем материале.

Вместе с тем существует часть среды, которая не только не зависит от деятеля, но, наоборот, воздействует на него или на материал или на оба вместе — вообще оказывает влияние на процесс. Она либо облегчает действие, либо, наоборот, тормозит его. Это известный коэффициент усиления мощи деятеля в данных условиях или, наоборот, известный коэффициент сопротивления.

8. *Процесс.* Акт, взятый с динамической точки зрения, есть всегда процесс, протекающий во времени.

Сущность совершающейся в этом процессе операции, состоит в том, что материал, обрабатываемый деятелем, превращается в нечто зависимое от последнего. При этом безразлично, остается ли все время подчинение материала деятелю в смысле длящегося процесса воздействия на него. Важно то, что материал проходит стадию такого подчинения и хранит след его, когда становится результатом действия. Материал принял форму, данную ему деятелем, и в некотором смысле мы можем считать, что он стал частью последнего. По-видимому, идеал акта есть именно такое превращение полностью материала в деятеля (или если материал также живой — образование союза деятеля-субъекта и деятеля-материала или, вернее, обоих деятелей) (такой случай будет впоследствии нами рассмотрен и ляжет в основу коллективного действия).

Другой замечательной чертой действительного процесса является отмеченное нами уже ранее обстоятельство, что преобразование материала является всегда изменением настоящего согласно идеалу, возникшему в прошлом, — иначе, всегда является возрождением или воскрешением бывшего. Надо отметить, что речь здесь идет не только о том, что сам материал был дан раньше, создан в прошлом и поэтому превращение его не есть его умножение. Такое умножение происходит вследствие объединения материала с деятелем и с орудиями и с влияющей на него средой. Воскрешение, однако, надо искать не в длительности существования данного — оно происходит в результате гораздо более знаменательного явления. А именно самый проект есть идеал будущего, согласно которому оно строится. Но проект есть возникшая в прошлом комбинация элементов. Постольку будущее преобразуется *волей и разумом, бывшим в прошлом*. Не только побуждение, но самая цель связаны с этим прошлым сознательным хотением. Это обстоятельство первостепенной важности. С ним связана вообще возможность всякого творчества. В частности, оно проливает свет на первичное сотворение вещей, обуславливая необходимость происхождения их всегда не от низших в смысле совершенства вещей, но всегда от более совершенных. Так же как молодой дуб, вырастающий из желудя, всегда предполагает за собой старый дуб, от которого родился сам желудь, — всякая вещь есть продукт, поскольку появление ее обязано действию (а так обстоит [дело] решительно со всеми вещами) — продукт какого-то творческого ума и воли.

Если вдуматься глубже, можно понять, каким образом совершается этот процесс воскрешающего творчества. Для этого надо отказаться от представления о необратимом течении времени, вечно текущего куда-то вперед без всякого регресса и возврата. Представим себе вещь, или, вернее, существо, которое путем эволюции дошло до такого совершенного состояния, что оно может себя воссоздать. На самом деле временный процесс имеет конец, а именно наступающий тогда, когда будущее под-

чиняется цели, поставленной прошлым. Правда, создать проект одно, а осуществить его другое. Но осуществление есть всегда, с точки зрения чистого проекта, какая-то [пропуск], дает всегда по сравнению с проектом какое-то умножение, конкретизацию (от «конкрето» в смысле полноты⁴). Но полнота ничего не прибавляет к совершенству самого проекта.

Благодаря тому вещь как будто уходит из времени. Ее временное существование зависит от вневременного момента, бывшего в ее начале и одинаково в ее конце и пронизывающего все ее бытие.

Это лучше всего можно понять, если вдуматься в то, чем творчество представляется деятелю. Оно всегда для него связано с подвигом, с жертвою, с отдачей части себя (ибо подчинение вещи, материала деятелю есть вместе с тем плен последнего). Действие для деятеля связано с ограничением его свободы, с прохождением его через что-то связывающее его своими пределами и условиями. Пусть в результате получится умножение данности и умножение мощи, все же деятельность потребовала подчинения деятеля каким-то законам, стоящим вне его. Это объясняет, почему непременным условием деятельности является смирение — покорность закону, будь то закон научный или как, например, это имеет место в достижениях науки и техники. Деятельность для деятеля есть, следовательно, всегда добровольное жертвенное нисхождение, спуск с высоты в темный мир, где нет уже свободы безвоздушных пространств, но каждый шаг предопределяется на три четверти условиями среды.

Для чего же, в таком случае, совершается такое воплощение, отяжеление себя телом, спуск в низины, близкий к падению? Побудительной силой, очевидно, является любовь к тем, кто находится в этих низинах, желание их поднять с собой, приобщить к своей более высокой и совершенной жизни. В терминах более прозаических, годных для анализа каждого дела, — это стремление превратить как можно больший сектор среды в материал и затем преобразовать этот материал в более совершенную сущность. Это, следовательно, стремление к умножению совершенного и тем самым к увеличению мощи самого деятеля, взятого уже вместе с результатом как нечто объединенное, как новый расширенный деятель.

Итак, побудительным мотивом действия, основанием любви и самоотверженности, в самых бескорыстных даже их проявлениях, мотивом смирения также, является стремление воссоздать большее и более могучее существо. Большая же мощь есть условие большего совершенства своего и через себя и окружающего.

9. Результат

Наконец, в порядке рассмотрения элементов действия и главных его моментов мы подходим к завершению его в полученном результате. Мы уже знаем кое-что о природе результата действия в смысле его отношения к прошлому. Остается сказать, что вместе с тем оно всегда есть но-

вая данность, которая может войти в новый акт в качестве деятеля, материала или части среды.

Характерной чертой результата действия является то, что он всегда представляет собой *культуру*. Культура есть всегда результат преобразования, нечто переделанное, переработанное действием. Оно носит следы возделывания, что придает ему иногда искусственный характер. Но на самом деле все вообще есть культура, поскольку все есть результат какого-либо действия. Весь вопрос в степени сознательности этого действия и ценности одушевлявшего и осуществляемого им идеала.

Глава вторая. Анализ мистического акта

1. В мистическом акте имеется налицо взаимодействие человека и Бога. Объем этого акта — космический и даже сверхкосмический.

2. Мистический акт дает направление всем другим актам. Это вытекает из того, что он имеет в смысле цели — максимальный объем и выступает мессианскому акту только в полноте и богатстве охвата.

3. Мистический акт есть, по существу, индивидуальный акт, ибо в нем нет непременно общения с другими людьми. Если оно есть, акт этот превращается в соборный. Соборный же мистический акт есть акт мессианский.

4. Деятель

Деятелем мистического акта является человек. Субъективно в центре его стоит созерцающее «я».

5. Среда

Среда — всегда Космос, Все и Ничто, Бог.

6. Материал

Материал, на который воздействует мистик, — он сам, его душа и дух, тело. Он сам для себя является предметом преобразования.

7. Орудия

Орудиями или средствами превращения является его собственная воля, а также внешняя воля или сила, которая ищется в независимой среде и ощущается не как орудие деятеля, а как орудие среды.

8. Независимая среда

Космос, Бог, Судьба, Объективный процесс.

Влияние содействующее этой среды ощущается мистиком как воля Божья, как благодать, как Промысел и т. д. и т. п. По отношению к благодати он становится сосудом, ею наполняемым.

Влияние препятствующее ощущается как злая сила — Ариман⁵, Сатана, демоны, ларвы⁶ и т. п.

9. Процесс

Преобразование, происходящее в мистическом акте, глубоко отличается от преобразования, происходящего в индивидуальном акте. Там деятель человек превращал материал в себя при помощи подчиненных орудий. Здесь на самом деле человек-деятель есть орудие деятеля независимой среды, которое через него, человека, превращает его же (материал) в себя. Поэтому здесь главный и сильнейший элемент — несравненный со всеми другими — есть среда. Однако нам выгодно ради стройности представления сохранить звание деятеля для человека, отневив лишь указанную диспропорцию.

Что касается самого преобразования — оно заключается в превращении человека в нечто высшее и лучшее, рождающееся в глубине его души. Это то, что разные мистики разными именами называли. Это обожение отцов Церкви, превращение человека в Бога. «Будете как боги»⁷.

Обожение есть всегда вместе с тем возвращение к своим собственным глубочайшим корням и постольку есть воскрешение или второе рождение. Это преображение в виде возвращения к совершенству перво-сущего. Постольку время здесь всегда побеждено (Круговорот м-м Гюйон⁸).

Это достигается посредством жертвы, отказа от себя. Такой отказ связан с прохождением через Ничто, Несущее (Парменид, Ничто мистиков, Нирвана буддистов).

Можно отметить внутренний ритм мистического акта, соединяющий в нем человека с Богом.

10. *Результат* есть новый человек, новый Адам.

11. *Критика мистического созерцательного акта*

Его узость. Его индивидуализм.

Его пассивность. Пассивная апокалиптика.

Его отвлеченность.

Глава третья. Анализ соборного акта

1. В индивидуальном акте, тогда как деятель его (в случае, если акт человеческий) всегда — человек, среда, материал, орудия и результат акта могут быть любыми физическими, психическими или даже отвлеченными данностями. Акт может преобразовывать частицы материального мира, как это имеет место, например, в химии или технологии.

В акте соборном, в отличие от этого, все элементы, участвующие в акте, а именно — деятель, среда, материал и результат акта — являются людьми. Акт совершается людьми в человеческой среде и имеет объектом людей, которых он преобразовывает.

Это вытекает из того, что сфера воздействия на нечеловеческий материал как бы монополизирована индивидуальным действием. Если даже действует коллектив — поскольку действие касается предметов, отвлеченных данностей и т. п., — оно совершается всегда через отдельных людей. Действие коллектива передается этим вещам через его отдельных членов. Для непосредственного действия соборного целого остается только сфера взаимодействия людей, преобразование социального целого как такового.

Правда, и здесь можно возразить, что действия совершаются и воспринимаются отдельными людьми. Но несомненно, когда мы имеем дело с особым целым, возникающие в нем изменения и свойства не являются простой суммой изменений его членов. Социальное целое не есть только сумма своих участников, но имеет свою особую природу, отличную от природы последних. Это выяснено рядом мистических и философских учений (напр<имер>, учением об эгрегорах и теорией «структурных качеств» Мейнонга⁹). Также в математике можно указать на свойства множеств в учениях о множествах. Вот эти-то особые свойства социальных целых и не дают возможность рассматривать их исключительно с точки зрения их индивидуальных участников, но вынуждают выделить совершенно особое явление, которое мы назвали соборным актом. Характерная его черта, как мы уже сказали, заключается в том, что все элементы его — люди и что они действуют как социальное целое, имеющее свою особую природу.

2. Деятель

Соборный акт может иметь одного или нескольких деятелей, причем во втором случае они должны быть связаны единомыслием, обеспечивающим согласное их участие в действии. В таком случае они представляют действующую *группу* или *союз*. Для жизненности и мощи и широты охвата культуры необходимо расширение до крайних возмож<ных> пределов создающего ее социального коллектива. В этом оправдание идеи освобождения трудящихся и участия их в культуре.

3. Среда

Благодаря историческому и коллективному характеру соборного акта, среда, в которой он развивается, всегда представляет исторический коллектив — ту или иную социальную группу. Это может быть отдельная нация или народ, это может быть несколько взаимодействующих народов — наконец, это может быть все человечество.

Само собой разумеется, что рядом с этим соборный акт протекает в известной космической обстановке, имеющей свою среду и создающей

физическую среду и, следовательно, он развивается и в этой среде. Но поскольку мы видели, что соборный акт всегда носит коллективно-человеческий характер и протекает в соответствующей сфере, мы можем пренебречь нечеловеческой его средой, относя ее к области индивидуальных действий. Воздействие групп и обществ на природу всегда производится через индивидов. И так как единственное содержание соборного акта есть взаимодействие людей, очевидно, он совершается в сфере человеческого общения, составляющей его среду.

3. Орудия

Так как орудие берется из среды и составляет его часть — орудия соборного акта представляют собой людей, являющихся проводниками соборной цели или идеала. Это та часть общества, которая является авангардом его, наиболее передовой частью по пути реформы. Вследствие этого эти люди находятся в зависимости от деятелей, не являясь ими только в силу меньшей степени своего сознательного участия в совершении акта. Впрочем, границу эту трудно установить, и часто деятели и орудия соборных актов почти сливаются и совпадают.

4. Материал

Материалом соборно-исторического акта являются также люди, члены исторического коллектива, в котором протекает акт. Эти люди тем отличаются от орудий акта, что только во время совершения акта происходит их подчинение цели деятелей. После этого они часто превращаются в орудия, которые в свою очередь воздействуют на других людей. Примером может служить Савл, бывший сперва элементом среды, противоборствующим христианству, затем ставший его материалом, чтобы наконец превратиться сперва в орудие, а затем и в деятеля¹⁰.

Здесь можно поставить интересный вопрос о границах пассивного восприятия акта и активного его совершения. Как известно, Аристотель считает пассивное состояние таким же участием в акте, как и активное¹¹. Но это не значит, что они не могут ничем быть отличены: наоборот, ясно, что граница пассивности — там, где начинается сознательное или, по крайней мере, добровольное участие в совершении акта.

Характерным признаком соборно-исторического акта является то, что материалом его всегда являются только люди. Там, где акты имеют дело с космическим материалом, они либо индивидуальные, либо коллективно-мессианистические. Царство, устроенное исторически-соборным актом, есть человеческое общество.

5. Независимая среда

Во всякой социальной группе, где совершается соборно-исторический акт, — имеются некоторые ее члены, которые не могут быть включены по степени и роду своего участия в предшествующие разряды, потому что они не совпадают с деятелями и вместе с тем не находятся в

зависимости от них. Они — либо вовсе нейтральны к акту, либо они препятствуют его совершению, либо де проприо мото¹² они оказывают ему содействие, оставаясь вместе с тем вне его.

6. Процесс

Сущность процесса заключается в том, что люди, составляющие материал, превращаются в людей-деятели, присоединяются к группе последних. Если этого не происходит полностью, то, во всяком случае, совершается приближение к этому — отпечаток деятельной группы налагается на группу — материал.

Это совершается двумя путями:

1) либо посредством насильственного подчинения, когда имеется диктатура деятельной группы над пассивными остальными людьми (на этом основано государство с применением принудительных методов). Здесь мы имеем только частичное влияние деятелей на материал.

2) Другой способ — образование *союза людей*, т. е. группы сознательных и добровольных участников, связанных общей целью. Это и есть обращение (в большей или меньшей степени), конечно, группы материала в группу деятеля.

Здесь возникает ряд огромных проблем, разрешение которых составляет предмет социологических исканий ряда выдающихся мыслителей.

Чем связываются люди в таком союзе? Штирнер учит, что в основе его лежит размежевание и компромисс сталкивающихся эгоизмов¹³. Это своеобразное повторение мысли Руссо о социальном договоре.

Многие писатели указывают на внешние проявления связи, например, в виде трех законов Тарда — подражание, противопоставление и приспособление¹⁴. Другие, как напр<имер>, Мак Дугаль, говорят о внушении¹⁵.

Все это сводится довольно удачно воедино в *понятии ритма*. Спенсер показывает нам, что ритм есть основной закон движения множеств. И в самом деле, всякое повторение создает ритм. Там же, где есть общность движений нескольких существ, одни из них повторяют движения других. Вообще ритмичность есть единственная возможная организующая сила для массы существ. Указания об этом дает литература о ритме, напр<имер>, Далькроз, Бюхер, Александрова¹⁶ и др.

Однако ставится вопрос — какая же сила заставляет людей действовать ритмично? Что лежит в основе социальной связи? Большинство авторитетных мыслителей указывают, что связь эта основана на любви. Вспомним эрос Платона, любовь христианских проповедников и писателей (напр<имер>, Св. Павла¹⁷). Последнее время особенно интересны выводы в этом отношении Фрейда, указывающего на то, что либидо (под которым он подразумевает все формы социального взаимного притяжения) создает все человеческие союзы.

Здесь можно пойти дальше и спросить: что же лежит в основе самой

любви? Ответ дается индусским учением о тат твам ази¹⁸ и вообще учением об ипостасийности, лежащем в основе всякого человеческого взаимоотношения и взаимодействия (см. «Овладение Временем»)¹⁹.

Закон ипостасийности. На самом деле живые существа общаются и любят друг друга потому, что они — одно и то же существо. В любви как будто открывается окно на эту тайну.

Разные виды любви и разные степени создают разного рода типы союзов — от временной, преходящей, непостоянной толпы до постоянных и организованных социальных союзов — государства, Церкви, армии и др.

В процессе соборного акта при превращении материала в деятелей, даже если оно только частично, оно является осуществлением и воплощением проекта, выношенного ранее деятелем. Следовательно, поскольку речь идет о воспроизведении уже бывшего, можно говорить об его воскрешении или возрождении.

Наконец, характерной чертой процесса является то, что для выполнения его от деятеля требуется жертва — соединение их с группой, стоящей на более низком, чем они, уровне развития. Через это соединение после временного нисхождения деятеля — он расцветает в большем, чем раньше, величии, славе и мощи.

Между прочим можно отметить, что макиавеллизм, иезуитизм, вообще всякое использование насилия, лжи, вообще дурных и низких средств исторически является каким-то проявлением этого момента — трагического нисхождения к тем средствам, которые единственные могут направить на истинный путь несовершенную толпу.

7. Результат

Результатом соборного акта всегда является образование исторического соборного целого — коллектива в виде союза людей, творящего ту культуру, которую насадили деятели акта.

Глава четвертая. Мессианский акт

1. Мессианский акт есть синтез акта индивидуального, подчиняющего человеку вещи, акта мистического, подчиняющего человека Богу, акта соборного, строящего союз людей. Постольку мессианский акт есть акт универсальный, соединяющий в себе осуществление трех моментов: индивидуально-технического, космически-мистического, соборно-исторического. Мессианский акт есть величайший акт индивидуальный, космический и соборный и вместе с тем акт технический, мистический и исторический.

2. Путь от индивидуального акта к мессианскому лежит всегда через мистический и космический и через соборно-исторический. Голый индивидуальный акт бессмыслен, голый мессианский акт — оторван от действительности. По закону посредствующих инстанций надо пройти через них, для того чтобы возвыситься и расшириться до мессианского охвата. Нельзя отрываться от Бога, нельзя отрываться и от истории. Надо восходить к истине исторически вместе со своим народом. Это, между прочим, очевидно тесно связано для мессианского акта с необходимостью соблюдения этого же закона в акте мистическом: нереальность мессианского акта, если он лишен соборно-исторического момента, вытекает, вероятно, из того, что мессианский акт включает мистический, а мистический, как мы видели выше, требует историчности и соборности.

3. *Деятель* мессианского акта — человек, притом избранный, пророк, вождь, основопологатель религии или культуры, мирозозерцания.

Тогда как в других актах деятель их не является целостным, ибо они до известной степени исключают друг друга и каждый замыкается в своей сфере — индивидуальный в технике, мистический в созерцании, соборный в общественности, — акт мессианский включает все стороны и проявления человеческой природы и постольку является полным, всесторонним и *целостным* (в отношении своего субъекта — деятеля). Также же в силу того, что мессианский акт включает мистический, дающий действию качественное направление, — в мессианском акте важна не только его соборно-историческая форма, но и существенное содержание того, что создается действием.

Очень важно отметить еще одно обстоятельство: соборный субъект мессианского акта может иметь различный объем и мощь, и преобразование, создаваемое этим актом, отличается большим или меньшим масштабом, глубиной и полнотой. Также результат этого процесса, а именно рождающаяся в мессианском акте культура получает тот или иной характер — остается бедной и немощной и некрасивой при малой мощи субъекта, наоборот, расцветает красотой и богатством в случае силы и объема последнего. В виду этого ясно, что путем увеличения удельного веса субъекта — а именно путем расширения его социальной базы можно обогатить и культуру, создаваемую данным актом. В этом культурное оправдание таких лозунгов, как народничество, демократизм, освобождение трудящихся и т. п. Само собою разумеется, что расширение базы не должны производиться в ущерб качеству существующей в данной среде и тем более новой создаваемой культуры.

Корни деятеля даются ему его мистическим действием, тем, что он — сосуд, орудие божественной воли.

Идеал деятеля есть идеал возможно широкого преобразования существующего в более совершенную сущность. Идеал также дается мистическим актом.

Надо подчеркнуть активный характер мессианского акта.

4. *Среда*, в которой совершается мессианский акт, есть среда человеческая в виде того или иного соборного целого: нации, народа, человечества. Не всякий коллектив может служить этой средой, но только эти два, ибо культура, являющаяся конечным результатом мессианского акта, всегда национальна и вместе с тем всечеловечна. Три элемента ее обуславливают — личность, нация и человечество. Вместе с тем для мессианского акта важен еще четвертый элемент, привходящий в него вследствие того, что он содержится в мистическом акте, включенном в мессианский акт, — это космос. Мы увидим дальше роль этого элемента в мессианском процессе. Итак, среда мессианского акта — личность, народы, человечество, космос.

5. *Орудия*

Орудиями мессианского деятеля являются его ученики, апостолы, приверженцы, сторонники, вообще носители данной мессианской идеи.

6. *Материал*

Материалом мессианского акта является всегда соборное целое — часть нации или человечества, которая охватывается мессианской идеей. Через личности, составляющие этот коллектив, охватываются в акте индивидуальном — часть физического космоса, в акте мистическом — часть органическая.

Ввиду того что мессианский акт объединяет, таким образом, различные материалы — больше того, все возможные и существующие материалы, — его материал есть непременно *целостный материал*, так же как субъект его целостен, целостен и объект. Это значит, что акт этот охватывает все стороны и сферы жизни, не замыкаясь в каком-нибудь разрезе действительности. Из этого, как мы увидим, следует полная конкретность мессианского акта — от глагола «конкрето», соединяю. Отсюда следует космический и вместе с тем исторический характер мессианского акта. Мессианский акт, будучи величайшим и полнейшим из всех доступных нам актов, не может довольствоваться только индивидуальным и даже соборным материалом. Он захватывает материал физический и космический. Отсюда апокалиптический характер его процесса, видоизменяющего (в своем стремлении) не часть мира, а *весь мир*.

5. *Процесс* мессианского акта превращает его материал в *соборном своем акте* в новый коллектив, в собор, в совершенный союз деятелей — материала. Это царство истины, правды, теократия, Церковь. Великое Единое (Конт), Эгрегор мистиков.

В своем *индивидуальном* подчиненном акте мессианский акт превращает часть материала в новый физический, механический и органический состав.

Все это вместе взятое дает апокалиптическое и даже эсхатологическое космическое превращение.

При преобразовании этом осуществляется круговорот времен, происходит их свершение. Происходит воскресение или, вернее, воскрешение, т.е. это не пассивная, но активная апокалиптика. Тем самым конец встречается с началом и побеждается время.

Круговорот этот имеет в своей основе жертву деятеля, отдачу им себя миру, самопожертвование, нисхождение с достигнутых высот в низину вследствие необходимости спастись и преобразовываться не одному, а вместе со всеми отсталыми, униженными, темными, страждущими. В этом *подвиг* мессианского деятеля, вследствие чего он всегда является подвижником. Космически в этом объяснение космического круговорота, самотворение Бога.

Средством преобразования является новый ритм, связывающий материал с деятелем. Отсюда значение различных усложненных исторических и религиозных видов ритма. (Религия этимологически — связь). Виды эти — поклонение историческим святыням, обряд, предание, церковная дисциплина, внешнее воздействие культа, воспитательная сила молитвы (например, умной, сосредотачивающей всего человека. См.: «На горах Кавказа»²⁰). Обряд в особенности осуществляет соборный ритм. Сюда же относится значение обычаев, традиций и т. п. Так создается историческое вероисповедание, и в этом некоторая доля его значения. Искусство может также способствовать мессианскому акту. В этом, например, мессианское значение эпоса, музыки, мистериальных представлений (Парсифаль, Китеж²¹).

Процесс мессианского акта совершается всегда соборно. Но мы знаем, что соборный акт слагается из актов отдельных людей. В мессианском акте такие отдельные действия могут носить тройкий характер: они могут быть подготовительными действиями, развивающимися в начале мессианского акта или какой-нибудь его стадии. Или же они могут стоять в его центре — в таком случае деятель как лицо совпадает с мессией или входит в ядро наиболее ярких выразителей акта. Или же акт отдельного человека может находиться в конце мессианского акта, развивать его или его последствия.

6. *Результат* мессианского акта есть всегда *культура*, т. е. часть мира, преобразованная согласно идеалу акта. Часть культуры, осуществляемая соборным подчиненным актом, есть новое царство, создаваемое мессианским актом, часть индивидуального акта — есть новые формы среды, часть мистического акта есть новая духовная и смысловая форма данного материала, материал этот в обожженном виде.

7. Оценка мессианских актов

Всякий человеческий акт оценивается прежде всего с точки зрения выполнения им имманентного своего задания. Затем это задание оценивается с точки зрения мессианского идеала данного акта, т. е. задания включающего его мессианского акта. Наконец, сам мессианский акт оценивается по сравнению с другими мессианскими актами.

На самом деле, так как идеал ставится мистическим подчиненным актом, в нем всегда следует искать критериев и актов отдельных людей, и всего мессианского, и всех мессианских.

Мессианский акт христианства

1. Мессианский акт христианства создал величайшую из известных нам культурных эпох, эпоху христианской культуры. И если мы можем говорить сейчас о новых мессианских актах, создающих новые культурные эпохи, как, например, акт Возрождения, акт Революции и др., мы должны признать, что акты эти родились в лоне христианства и представляют собой развитие в форме положительной или отрицательной христианских начал.

Правда, возможно возражение, что действие христианства, хотя оно и было широко, но не захватило всей жизни человечества. Христианство в течение целых веков на громадных пространствах воспринималось поверхностно, часто как внешняя только форма, которая скрывала языческое или антихристианское содержание. Такое соображение имеет вес, если говорить о проповеди Христа, которая в чистом виде, в самом деле, мало где вошла в жизнь. Но христианство есть явление гораздо более широкое и древнее, чем эта проповедь, хотя она и стоит в его центре, является ядром всего этого движения. Христианство в целом несло обильные, разнообразные и часто противоположные элементы, тяготеющие к этому средоточию, так же как при вихревом движении волны с различными направлениями и силой тем не менее вращаются вокруг единого центра. Динамика могучего и целостного коллективного мессианского акта, выступающего из глубины веков, несущего мудрость Востока, разумность эллинского мира, любовь всего человечества, — объединяла в неудержимом и непреодолимом своем порыве идеи, чувства, действия миллионов людей, вливая их в единую форму исторического учения. Форма эта была сперва чеканной и определенной, как слова и мысли Человека Того, кто стоял в центре движения. Затем по мере вливания в образовавшееся русло новых и новых вод, стекавших со всех сторон в виде участия в христианском акте Христа актов сотен тысяч, а затем миллионов людей, численно христианский мир разросся, качественно усложнился. Сказалось разнообразие его составных элементов, и каждый внес свое специфическое богатство в общее цветение мощной созданной таким образом культуры. Итак,

различие, противоречивость форм и проявлений христианской культуры не есть доказательство того, что она не охватывала жизни и на место ее развивались другие начала. Эти начала суть не что иное, как внутренняя множественность самого христианства, как разнообразие форм, в которых проявлялся единый христианский мессианский акт. Или иначе, это было множество частных и отдельных актов, объединяемых актом христианства. Можно спросить: что же было между ними общего и почему мы даем им общее название «христианский»? Общее заключалось в том, что все эти акты были действиями исторически связанными, так же как поступки одного и того же человека различны, но связаны тем, что они — его поступки. Историческая же связь есть всегда выявление связи более глубокой, связи единого происхождения и постоянного взаимодействия. Происхождение же и общение суть признаки уже какого-то скрытого, раскрывающегося в истории сущностного единства, единой природы живущего одновременной и однопространственной жизнью коллективного множественного существа...

Впрочем, можно привести и другие доказательства значения христианства для современной культуры. Каждое ее проявление вытекает непосредственно из общего русла христианского мирозерцания и действия, связанного с этим миропониманием. Если взять, например, такие антагонистические выступающие против христианства начала, как начала позитивной науки или революционной идеологии, то и они, со строго исторической точки зрения, ведут свое происхождение посредством ряда диалектических скачков и переходов из сокровищницы христианской мысли. Преобразование мира научным действием родилось из такого же магического преобразования, в свою очередь опиравшегося на религиозную космологию и антропологию. Революционный же идеал в самых крайних и непримиримых проявлениях есть не что иное, как возобновление в новой форме и терминологии старых мессианских чаяний рая на земле. Этим, между прочим, можно объяснить отчасти революционность евреев. Маркс сродни Иезекиилю²², прыжок из царства необходимости в царство свободы есть новое имя для апокалиптических ожиданий. Стоит только прочесть описание революции в Иудее в 60-х годах первого века²³, и будет ясно, что ее мистическая идеология непосредственно предшествует современному коммунизму. И в этой филиации нет даже тех затруднений, которые ставят в тупик провозвестников тех или иных явлений биологической эволюции — искание посредствующих звеньев и форм. Мы имеем таковые в виде идеологии средневековых апокалиптических сект (катаров, анабаптистов, [пропуск]) и т. п., в которых дан в полном виде синтез старой эсхатологической религиозности и нарождающегося революционизма.

В дальнейшем мы постараемся рассмотреть сущность мессианского акта Христа и тот ряд мессианских актов, который в первую очередь из него родился. Это мессианские акты, создавшие главнейшие христиан-

ские исповедания, — католическое, протестантское, православное. Такими же частными религиозными актами в зачатке были идеологии различных ересей. Но им не хватило внутренней силы, чтобы воплотиться в истории в виде долговременных и территориально обоснованных движений. Некоторые (как, например, несторианство в Азии) продержались долго и были как бы своеобразными исповеданиями. Другие господствовали во всей христианской Церкви (как арианство одно время), но скоро выдохлись. Эти же три больших направления создали три современные разновидности христианства. Другие же учения, как, например, философия Возрождения, новая философия, просветительное движение XVIII века, либерализм, социализм и т. д. представляют уже вторичные акты, также выросшие из христианского лона, но восставшие со временем против своего родоначальника. Мы посвятим несколько замечаний и им, группируя их в виде двух главных совокупностей меньших актов — в виде акта Возрождения и Акта Революции. В туманном же отдалении, в свете чуть брезжащей зари мы покажем очертания нового мессианского акта, тоже рожденного из христианства и идущего на смену всем перечисленным.

Этим закончится настоящая вводная глава к истории русских мессианских актов, представляющих собой, несмотря на всю их своеобразность, также акты, могущие быть включенными в сеть упомянутых общеевропейских актов. Лишь последний, будущий акт будет носить характер акта, превосходящего все эти акты, и поскольку мы ожидаем, что русский народ будет виднейшим его носителем, мы можем отождествить создаваемую им русскую культуру с культурой всего будущего человечества. Другими словами, мы верим, что мы стоим накануне такого периода в истории земной культуры, который будет назван русским периодом, так же как был Египетский период, Эллинский и Римский. В этом смысле мы верим, что Москва есть, в самом деле, новый Рим, хотя и не последний.

И нет поэтому в вере нашей национальной узости и чванства. Ибо не для себя строим мы культуру, но для всех людей и всего мира. И грядущий подвиг нашего народа есть [не] власть, а служение, и увенчан он уже сейчас в преддверии этого грядущего делания не короной царей, но венцом мученика. И дальше, быть может, придется испить ему новые чаши, еще горше тех, что мы уже испили, тех, что горше были всех когда-либо мучивших народы мира. Мы сознательно на это идем, и если надо будет еще страдать и распинать себя за человечество и за мир — мы пойдем и на этот подвиг, ибо безмерна наша жажда истины и беспредельна наша вера в наступление царства любви и правды.

Глава I. Необратимый исторический процесс

§ 1. *Историчность акта*

Всякое человеческое действие необходимо исторично, т. е. имеет место в истории. Нет ничего вне истории и кроме истории. Отрицание истории есть отрицание жизни. Такое отрицание вытекало в прошлые времена либо из недомыслия людей, которые еще не смогли схватить связь вещей и событий, либо из попыток подняться над историей и схватить иные связи, чем те, которые обнаруживает действительность.

Таковы, напр<имер>, были попытки мистиков, созерцателей и идеалистов, отказывавшихся от реальности ради будто бы постигаемого ими скрытого синтеза вещей. В обоих случаях действительная жизнь во всей ее сложности и конкретности оставалась вне поля рассмотрения, и изучение акта поэтому превращалось в отвлеченную комбинаторику отдельных черт, выхваченных из жизни.

§ 2. *Множественность исторических процессов*

Одним из наиболее ценных достижений современной физики и математики является признание того, что время не есть единый однообразный процесс с единственным течением. Самое важное, быть может, что остается от учения Минковского и Эйнштейна, есть понятие множественности и разнообразия времен. Такие свойства времени вытекают непосредственно из его сущности как известного порядка и темпа изменения множества вещей. Поскольку порядок и темп этот видоизменяются — самое время теряет черты, свойственные ему в одном процессе, и приобретает свойства другого. Таким образом, получается картина множественности временных систем, объединяемых в высшие, более широко объемлющие системы в порядке объединения самых вещей всеобщей причинностью.

Но поскольку время не едино, но состоит из разнообразных процессов — то же самое имеет место и с историей. Последняя есть не что иное, как конкретное время, как время, воплощаемое в материальные сущности и выражаемое их взаимоотношениями. Из этого следует, что история, также как и время, множественна. Существует множество исторических процессов, сталкивающихся и переплетающихся в мире. В среде человеческих отношений эти процессы протекают каждый в определенных временных, пространственных и культурных рамках. Шпенглер прав, когда говорит о множественности возникающих культур и отсутствии преемственности между ними.

Но если нет этой преемственности в истории человеческих отношений, она есть в физической, биологической, органической истории мира.

В самом деле, сейчас уже невозможно ограничивать понятие истории только динамикой человеческих социальных отношений. Существует история органических видов и геологическая история, химическая история. Сейчас доказано медленное, в веках, превращение химических элементов, напр<имер>, радиоактивность так называемых тяжелых элементов периодической системы. Существует вместе с тем космическая история. Все эти истории имеют каждая свои масштабы, области и мерила.

Но при этом все-таки, так же как можно говорить об объединении временных систем в одну систему всеобщего времени, можно считать, что есть история истории — универсальная или абсолютная история мира. Но надо понимать необычайную сложность этой концепции.

§ 3. *Всеобщая причинность. Историческая причинность*

Единый процесс, охватывающий все частные исторические процессы, получил свое наиболее яркое выражение в понятии всеобщей или исторической причинности. Все в истории или, вернее, во всех историях подчинено единой мировой причинности. На самом деле, конечно, поскольку существует много времен и историй, имеется и много причинных связей, но система их систем создает систему всеобщей причинности. Правда, были мыслители, отрицавшие причинность, как, напр<имер>, Юм. Но такое мнение вытекало из непонимания действия на расстоянии, каковое хотели свести к действию путем прикосновения.

а) Отличительной чертой всеобщей причинности является то, что она захватывает *все элементы мирового процесса*. Тогда как отдельные временные системы или отдельные исторические процессы охватывают только определенные совокупности элементов — действие причинности распространяется на всю совокупность мировых элементов.

Причинность захватывает *все* мировые элементы в смысле их количества.

Но причинность захватывает и все области мирового действия, т. е. все сочетания этих элементов, протекающие в особых формах физической, космической, биологической и т. п. жизни.

б) Сущность детерминизма в том, что наша воля не совпадает с объективным процессом. Он навязывается нам извне помимо нее. Действие причинности связано с тем, что «детерминирующая» или «определяющая» сила находится не в отдельных вещах, но в их совокупности, в равнодействующей их действий, не зависящей от воли каждого или зависящей в ничтожной степени. Иначе — это результат *несогласованности* воли.

в) Причинность есть проявление мирового единства. Математика и логика — доказательства и средства причинности.

§ 4. *Необратимость истории. Единственность*

В истории все нам представляется необратимым (необратимое связано с индивидуальным). История есть цепь необратимых комбинаций,

составляющих поток мирового действия и в статическом разрезе — мир. Это означает, что последняя комбинация какого-нибудь данного исторического процесса всегда иная, чем предшествующие.

Общее значение [не]обратимых процессов раскрывается нам в термодинамике.

За необратимость высказываются:

- 1) II и III законы термодинамики
- 2) Теория всеобщего детерминизма
- 3) Эмпирическое восприятие необратимого времени —
 предрассудок обратимости времени
- 4) Необратимость истории
- 5) Теория индивидуальности как единственности.

Все это создает концепцию *единства как прогрессивного поступательного движения*.

До сих пор такова была картина истории. И лишь незначительную роль играли в ней обратимые и разумные трудовые процессы, к исследованию которых мы теперь перейдем.

Глава II. Обратимые процессы

I. Математика опровергает необратимость.

II. Основной закон термодинамики также утверждает обратимость.

III. Труд и жизнь также.

IV. Правильное понятие индивидуальности как повторенья, а не как единственности.

V. Логика опровергает необратимость, разумность есть обратимость.

Все это создает концепцию единства как *воскрешения*.

Если бы не трение, маятник качался бы вечно, значит все дело в изоляции и в ограниченных условиях возможна обратимость.

[2]

«Овладение историей»

I. Единство как прогресс

Объективный исторический процесс

1) а) Необходимая историчность вечного акта. Нет ничего вне истории и кроме истории. Но поскольку есть много времен, есть много исторических процессов с разными масштабами и разными мерилami.

б) Но все это сливается в единый процесс, ибо все в истории подчинено причинности и, следовательно, существует всеобщий исторический детерминизм. Это детерминизм всей истории или, вернее, история

истории. Он захватывает все элементы мира. (Физическая, космическая история.)

в) Сущность детерминизма для нас заключается в том, что наша воля не совпадает с этим процессом. Он навязывается нам извне помимо нашей воли. Причинность означает, что «детерминирующая» или «определяющая» сила находится не в отдельных вещах, но в каком-то объективном течении вещей, которому она подчинена.

г) В истории господствует детерминизм, все в ней представляется нам необратимым. История есть цепь необратимых комбинаций элементов, составляющих мир. Последняя комбинация какого-нибудь исторического процесса всегда иная, чем предшествующие.

До сих пор история в своей совокупности была таковой и лишь незначительную роль в ней играло сознательное овладение ею человеком.

II. Единство как повторение

III. Трудовой процесс

Однако рядом с объективными процессами, не зависящими от человека, в истории имеются подчиненные воле человека трудовые процессы. Они отличаются от объективных рядом признаков:

а) Картина объективного процесса меняется, если мы начнем *ограничивать* наши множества и выбирать отдельные из них.

в) Комбинации элементов этих множеств будут иметь особый порядок, устанавливаемый *сознательной* волей человека и потому носящий характер уже не случайно данной комбинации элементов, а *установки* их ради данной цели и согласно данному плану. Поэтому когда речь идет о трудовом процессе, можно комбинации в нем заменить установками²⁵.

с) Проективный характер установки. Различие двух процессов выразится прежде всего в том, что, тогда как объективный процесс необратим, трудовой процесс допускает повторение бывших комбинаций. Сущность его есть всегда построение нового по плану. Тем самым конечная установка подчиняется условиям, бывшим в начале, как бы возвращается к началу, развивая и воплощая программу, выставленную в этом начале. Тем самым становится возможным и воскрешение бывших установок. Это — все в рамках определенного и ограниченного множества.

Поэтому тогда как в объективном процессе конечная установка независима от бывших в начале, в трудовом акте она повторяет бывшие установки или, во всяком случае, им подчиняется в порядке уже не случайной причинности, но плана. Осуществление плана и есть построение будущего по данному в прошлом образцу.

Сущность этой зависимости заключается, след<овательно>, в *стандартизации* последствий или в придании им заранее определенной плановой формы.

д) Если сделать анализ того, что таким образом происходит, мы при-

ходим к выводу, что все дело в изменении комбинации в пространстве и установки во времени. Это выражается в *перемещении элементов* множества, в расположении их в известном порядке, предуказанном планом.

е) Но установление будущего порядка размещения возможно только путем *ритмизации*, т. е. подчинения движений элементов некоторому общему закону.

ф) Ритмизация есть вид действия на расстоянии. (Есть только действие на расстоянии.) Она возможна, потому что природа всех элементов одна и та же, они — одна сущность. Это возврат к идее предустановленной гармонии.

г) Существенной чертой процесса овладения множеством является необходимо коллективность. Характер действия — *общее дело*.

h) Объекты претворяются в субъекты.

IV. *Расширение трудового процесса*

а) Возможно постепенно овладеть всеми элементами одной системы и *расширять* эту власть захватом больших кругов действия (так из индивидуального трудового процесса вырастает предприятие). Поскольку же вовлекаются новые элементы, побеждаются более широкие круги времени. Это и будет овладением историей.

б) Космическая перспектива ритмизации и трудового процесса. — Энтропия и труд. — Пространство и труд²⁶. — Космическое значение труда как способа побеждать время и преобразовывать мир через культуру.

Культура

а) Культура есть объективно-исторический процесс, превращенный в сознательно-исторически-трудоу. Мир с культурой и мир без культуры. Каждая культура есть часть преобразованного мира.

в) Выводы для производства, для искусства, для науки.

Области ритмизации.

Это будет новая история, подвластная человеку.

[3]

Система исторических актов

I. Абстрактные и частичные акты.

а) *Определение акта*: акт есть то, что человек совершает или делает, т. е. всякое проявление человека.

б) *Большинство актов совершается абстрактно*, т. е. с участием не всего существа человека, а лишь одной какой-нибудь его стороны или вида деятельности. Так, акт может быть ограничен по характеру деятельности субъекта, только физический, или только умственный, или

только моральный. Или акт может быть ограничен по объекту, т. е. быть политическим только, или юридическим, или экономическим, или эстетическим. Соответственно из осознания и обоснования такого рода актов рождаются ограниченные и отвлеченные точки зрения — чисто физическая и отвлеченно идеалистическая; или чистый материализм, или чисто нравственные учения. Или же точка зрения становится специальной — мир рассматривается эстетически, экономически, политически и т. д. В этом несовершенство частичного познания.

в) Такие отвлеченные акты изобилуют в каждой из знакомых нам до сих пор культуре и придают им особый *символический характер*, ибо отвлеченный акт выражается всегда частично, не полным действием, но символизированием этого действия в избранном плане. Могут быть логические, моральные, эстетические, политические символы полного действия.

г) Последствия преувеличения такого символизма в ущерб реальному осуществлению и развитию акта ведут к *гибельным последствиям для данной культуры* и являются по большей [конец страницы, продолжение утрачено]

* * *

1. 1. Система исторических актов — акты малые и большие, отвлеченные и конкретные. Вред отвлеченных актов. Значение целостности как критерия действия. — Смысл конкретности — символическая и реальная культура. — Беспомощность и слепость малых актов. — Иррациональная культура — быт.

2. Всякий малый акт есть часть большого акта (Гастев²⁷). Всякий отвлеченный акт есть часть целостного акта. По происхождению (анализ прошлого), по цели (анализ проекта). Вся история — система развертывающихся больших и целостных актов. Место в них малых актов (подготовка, выражение или развитие).

3. Из этого следует, что для суждения о всяком вообще акте надо дать анализ максимального акта по объему и целостности, а след<овательно>, действительности.

1. *Определение исторического акта или действия.* Историческим актом можно назвать всякое изменение истории. Понятие это можно толковать расширительно: геологический или космический переворот, поскольку он видоизменяет историю, есть историческое действие. Можно, однако, брать этот термин в более узком смысле и рассматривать только один вид исторических актов, а именно человеческие исторические акты.

2. *Акты малые и большие.* Исторические акты можно разделять прежде всего по их объему, т. е. по пространству их действия и по времени. Обычно эти признаки являются также критериями мощи акта. Интен-

сивность акта измеряется внешним его действием, последнее же имеет главными критериями охват территории и продолжительность. Если взять даже акты, действенность которых измеряется другими признаками — как то эстетическим — красотой или моральным — добро, в конце концов, с точки зрения изменения истории важно не это свойство само по себе, а влияние их на пространственно-временные события. Таким образом, мы получим возможность путем применения критериев пространственности влияния акта и его деятельности, разделить все акты *на большие и малые*.

Здесь мы сталкиваемся с очень большой практической трудностью: как определить объем акта в истории? Все в ней связано и течет непрерывным потоком, в котором незаметным образом один акт превращается в другой. Очевидно, для правильного суждения надо выделить определенный момент, специфический для данного акта, и считать его продолжающимся, пока разворачивается влияние этого момента. Мы вернемся к этой задаче после того, как обрисуем общую структуру всякого акта: тогда легко будет путем анализа его необходимых элементов распознать организм каждого акта.

3. Но есть другой признак деления актов, не менее важный, чем указанные. Акты могут быть *целостными или отвлеченными*. Целостный акт обнаруживает проявление существа во всех доступных ему областях. Все эти способы действия связаны с целостным актом. Поэтому его можно назвать конкретным. Здесь совпадают два смысла слова. Конкретный — от *conspesco*, «связываю» и обычный смысл — как противоположность абстракции. Если взять целостность за критерий действия, мы получим целую цепь актов меньшей или большей целостности, а след<овательно>, и конкретности.

В описанной системе актов максимальные и целостные акты играют особую основополагающую роль. Всякий малый акт есть часть большого исторического акта. Всякий отвлеченный акт есть часть целостного акта. Задача заключается в том, чтобы, исходя из данного частичного акта, найти то целое, в которое он органически входит.

Это можно видеть из анализа любого малого исторического акта. По происхождению он связан с каким-то основным актом, создавшим данную культуру. И такая же связь обнаруживается в вопросах цели и задания.

[4]

Социологическая точка зрения. — Равнение по высшему акту. Историки религии отмечали давно, что особенностью всякой религиозной мысли является социологическое построение ею соотношений с космосом. Если слабой стороной большинства религий было антропоморфическое изображение божества, то придание социального характера косми-

ческим связям, несомненно, является весьма плодотворным подходом к последним вопросам человеческого знания. В двух отношениях эта концепция приносит положительные результаты: теоретически, поскольку, как мы видели, в конце концов всякая определенность даже неживых вещей должна быть приведена к действию сознательных сил. Социологическая концепция и заключается в установлении отношений с этими силами. Практически такой метод также чрезвычайно важен: он перебрасывает мост между человеческим переживанием и деятельностью и явлениями природы, каковой акт иначе никаким образом не может быть построен. (Необходимым результатом этой точки [зрения] является принятие за образец высших доступных актов — актов человеческих.)

[5]

Тезисы

I. Максимальный исторический акт

1. Большинство философий до сих пор брали в основу своих положений анализ отвлеченного акта. Таким представляется метод Декарта, Фихте, Гегеля. Особенно типичен Фихте с его игрой *я* и *не-я*.

2. Однако, если мы хотим строить не теоретическую только, но практическую философию, такой метод не годится, так как нам нужны не рассуждения, как бы они ни были логичны, а живые примеры того, что свершалось и, следовательно, может совершенствоваться и снова совершиться в новых формах.

[3.] В виду этого самое лучшее, что мы можем взять в основу нашего анализа, есть *исторические* акты людей, и притом, так как мы ищем идеала, мы должны взять не любой акт, а акт наиболее богатый, т. е. включающий все известные нам виды человеческого действия.

4. Таким актом являются основополагающие акты великих исторических переворотов, от которых начинаются новые культуры, революции, законодательные эпохи. Такие акты являются либо делом одного лица — вождя, пророка, законодателя, либо делом целых человеческих групп или даже всего человечества.

5. Если разложить максимальный исторический акт на отдельные элементы, окажется, что в нем имеются налицо следующие четыре момента, без которых акт этот будет не полным, т. е. не максимальным.

Это — преобразование человека, общества, культуры, мира.

Деление это построено на признаке последовательного расширения охвата акта. Акт есть превращение объекта акта в его субъект. Когда объект — отдельный человек, непреобразенный, преобразуемый частицей воли, уже преобразенный, это первый случай.

Когда объект — тот или иной человеческий союз, преобразуемый преобразенной общей волей в союз более совершенный, это второй слу-

чай. Второй случай непременно включает первый. (Преображенный человек в качестве субъекта.)

Третий случай — когда объект уже не только люди, а вся сумма предметов, составляющих материал культурного преобразования. Сюда входят цели науки и техники. Третий случай включает непременно первый и второй (преображенные люди и общество в качестве субъектов).

Четвертый — когда акт стремится достигнуть преобразования мира. Т<ак> к<ак> эта задача превосходит пока человеческие силы — надо довольствоваться выисканием идеи такого преобразования и воспитанием в себе космического сознания.

[6]

Определения

1. Живые существа преобразовывают мир, создают новые формы действительности.

2. Культура есть преобразование мира живыми существами.

3. История есть процесс превращения ложных, мертвенных, мэональных культурных форм в культуру истинную, живоносную, эйдетическую.

4. Превращение это происходит путем совершения мессианских деяний, заменяющих деяния индивидуальные и социальные.

5. Деяние мессианское есть деяние, имеющее субъектом неограниченную личность — ипостась мира. Деяние это создает истинную культуру, имеющую эйдетическую ценность.

6. Деяние индивидуальное есть деяние, имеющее своим субъектом ограниченную личность — индивида. Она создает формы ложной культуры, связанные с абсолютизацией и с гипостазированием такого индивида.

7. Деяние социальное есть деяние, имеющее субъектом социальную личность, ограниченную пределами того или иного социального союза (государства, общества, нации, класса и т. п.). Она создает формы ложной культуры, связанные с абсолютизацией и гипостазированием такой личности.

Иерархия актов

1. В своем сочинении [Novum Organum Scientiarum] Френсис Бэкон дал следующую классификацию человеческих целей. Цели эти могут быть индивидуальными, социальными и универсальными. Такое разделение, носящее с первого взгляда как бы, главным образом, эмпирический характер, имеет на самом деле глубокое значение. Не только возможно подвести под него все человеческие стремления и соответственно

классифицировать связанные с этими стремлениями действия. Более того, оказывается, что мы имеем в этом ряде настоящую иерархию всех человеческих целей, иерархию, восходящую через относительные ступени к единственно реальной точке зрения, точке зрения ипостасности. В действии же такая градация целей создает подобную же иерархию обусловленных ими актов. Акты людей являются либо как акты *личные или индивидуальные*, либо как *акты групповые, социальные**, либо как акты *мировые, универсальные*. Однако мы не будем классифицировать акты по их целям** в виду того, что цель связана исключительно с сознанием, а мы должны иметь в виду и бессознательные состояния, и иррациональные побуждения. Вместо этого возьмем понятие субъекта акта, куда можно включить и иррациональные факторы акта.

2. Анализ индивидуального акта

Человек есть определенная физиологическая и психическая система, обладающая обособленным сознанием. Сознание это имеет различные степени. На самой низшей степени оно носит рудиментальный характер. Нет личности как центра, объединяющего во времени и в пространстве ряд разнородных или однородных актов. Сперва есть только ряд реакций на определенные раздражения. Известно, что есть низшие животные, которые настолько не объединены внутренне, что одна часть организма питается, в то время как другая часть отрезается или гибнет. Личность, индивид как субъект акта возникает вследствие необходимости координировать в одном центре ряд актов, создать таким образом связь актов во времени, обеспечить возможность предвидения и организации действий. Затем, когда такой центр возник, ему приписывается особое бытие, возводимое иногда в степень чего-то абсолютного. Создается фикция абсолютной ограниченной личности, индивида. Возникает индивидуальная точка зрения, в которой бытие этого центра получает самодовлеющий характер. Все поступки совершаются ради этой личности и для нее. Она часто воспринимается как последняя цель. Ей приписывается бессмертие и вечность. Ее считают незаменимой, неповторимой. Ее существованием обуславливаются философские системы. Возникают мораль и право, построенные на идее индивида, абсолютной личности.

* В праве делению на индивиды и группы соответствует классификация на физические и юридические лица. Понятие лица ипостасного возникает в идее церкви и теократического государства. См. также Огюст Конт. Система позитивной политики. *Le Grand Être*²⁸.

** В основе такого деления как целей, так и актов лежит, несомненно, ответственное деление субъектов действия. Человек есть определенная физиологическо-психическая система, имеющая свое обособленное сознание. Рядом с этим множество таких систем образуют группы их, союзы, соединения, в которых возникает групповое или социальное сознание. Сознание это в известные моменты становится сознанием универсальным, космическим, тем самым как бы объединяя людей в один космический союз.

Между тем настоящая природа личности — относительная и инструментальная. Уже не говоря о том, что нельзя указать границы отдельной личности, как доказывает это Мах («Познание и Заблуждение», параграф 14, стр. 73)²⁹, несомненно, что идея абсолютной личности суживает возможности акта. Для акта нужно объединение его с другими путем отсчета из одного временного и пространственного центра. Но цели актов отнюдь не должны быть связаны с этим центром как с чем-то самодовлеющим, а наоборот, должны быть отнесены к другому, более обширному субъекту.

Личность как инструментальный и относительный центр является двигателем истории и творцом культуры, преображающей мир. Все великие начинания и достижения человечества исходят от подобных индивидуальных центров и через них осуществляются. Ничего нет, что не проходило бы через индивидов и ими не создавалось. Абсолютная же и гипостазированная личность — фикция. Она ставит себе личные, себялюбивые цели* и постольку является тормозом истинной культуры, поддержкой на пути преображения мира. Для того чтобы идея личности могла играть творческую роль, она должна отрешиться от своего маленького индивидуального «я», видеть себя (как то делали, например, мистики) уже не абсолютно обособленным существом, но проявлением какого-то высшего существа. Мы увидим дальше развитие этой формы личности при анализе высшего типа актов, актов мессианских. Такой путь есть путь к обожению.

3. Анализ социальных деяний

Акты групповые или социальные возникают в результате соединения действий известной группы людей. Когда люди под влиянием одних и тех же или соотносительных побуждений совершают все вместе известные действия, одинаково ритмизируя свои поступки, создается в результате этого группа людей, имеющая свою специфическую природу, уже отличную от природы простого скопища этих людей (см.: Франк. Предмет знания, Гештальтлере)³⁰. Тогда в этой группе рождается особое сознание (Тард, Лебон)³¹. Можно считать, что есть новый субъект более обширного действия. И цели этого действия уже относятся не к отдельным участникам группы, а к ней самой как к целому.

Исторически этот процесс выражается в возникновении социальных существ — обществ, наций, государств, союзов, классов и т. п. Каждое из них обуславливает известное общее коллективное сознание у его участников и соответственные цели и действия. Индивиды, увлеченные

* Сознание человека изменяется в зависимости от того, какие он ставит себе цели. Он может жить для себя, жить для семьи, для нации, для класса, для Бога. Во всех этих случаях получаются совершенно различные типы «я». При этом надо понимать сознание как некоторую результанту всего его существа, включая в последнее бессознательную часть его психики, физиологическую сторону и вообще всего человека.

социальным потоком, перестают жить своей маленькой индивидуальной жизнью, но присоединяются к жизни всего коллектива.

На этой почве возникает (так же как на индивидуальной почве — идея абсолютного индивида) идея абсолютизации этих союзов. Они нужны для дела преобразования мира как мощные объединения в социальном масштабе и по известным признакам разрозненных и распыленных индивидуальных усилий. С этой точки зрения природа их инструментальна и относительна. Но люди возводят их в абсолютные сущности. Это делается, с одной стороны, путем всяческого их возвеличения и создания соответственных социальных культов. С другой стороны — путем сведения к ним личности. Личность индивида, по этому учению, не имеет собственных побуждений — она детерминирована социальной средой. Она — продукт известных социальных и экономических отношений.

Здесь можно повторить то, что было выше сказано по поводу гипостазирования индивида. Личность, расширенная до пределов социального союза, также не имеет самодовлеющей природы, есть инструментальная идея и только. Для того чтобы найти подлинную реальность, нечто в самом деле самодовлеющее и действительное, и абсолютное, надо еще больше расширить личность, надо дойти до отождествления с универсумом, со всем миром. Мы увидим эту форму сознания в параграфе, посвященном третьему виду актов — где деяния будут иметь универсальные и ипостасные цели.

Такие деяния создают социальные целые — *эгрегоры*, имеющие одновременно индивидуальную, социальную и космически-ипостасную природу.

Вместе с тем, однако, нельзя считать, что сознание групповое непременно является высшим по сравнению с сознанием индивидуальным. Есть формы группового сознания очевидно низшие, как, например, *стадное* первобытное сознание, которое конечно безмерно ниже утонченных и развитых видов себялюбивого эгоцентризма.

Но уже тем самым, что групповое сознание есть сознание более обширного субъекта — группы или союза — сознание это имеет особое значение, вес и мощь. Так, мы видим, что в современном обществе величайшая трагедия происходит от того, что культурные одиночки индивидуалисты вынуждены подчинять свои утонченные потребности и жизнь безмерно ниже стоящим требованиям, обычаям, законодательству, желаниям масс. Сила масс не только в том, что их много, но в том, что их сознание есть сознание стадное, а за ним стоит их стадная сила. — Тогда как акты культурных людей суть акты одиночные и потому слабые и недействительные, массы имеют возможность совершать групповые акты большой мощи.

С другой стороны, если взять низшие формы себялюбивого сознания, сознания, обуславливающего безобразные хаотические проявления личности, и сравнить с ними формы высшего соборного сознания — расхождение между ними будет также безмерное.

На самом деле надо сравнивать высшие формы индивидуального и соборного сознания — тогда несомненно откроется преимущество вторых. Соборное сознание дает место индивидуальному сознанию, преобразуя самое понятие личности и расширяя его до пределов данного союза. Но только ипостасное сознание раскрывает истинную природу и личности, и человеческого союза.

Один из видов социального союза, с которыми отождествляется социальная личность, есть нация.

Гипостазирование и абсолютизация идеи нации в виде принципа «самоопределения народности» как верховного принципа, абсолютного патриотизма или чистого безусловного национализма ведет к созданию замкнутых национально-эгоистических ценностей, не имеющих значения для человечества и мира. Такова, например, кристаллизация неподвижного и косного национального быта. Получается национальное разнообразие без синтеза своеобразных достижений в общемировую культуру.

Из этого не следует, что надо отрицать или преуменьшать идею национальности. Наоборот, национальная культура необходима как условие богатства и разнообразия культуры общечеловеческой и космической. Национальная культура, чтобы стать фактором этих высших культур, должна исходить из мессианских корней, т. е. быть носителем, в национальном аспекте, общей мессианской идеи. Это достигается путем расширения субъекта национально-социального деяния до пределов субъекта мессианского деяния. Иначе личность-нация должна осознать себя как личность-ипостась мира.

Только нация, исполняющая мессианское дело, имеет право на существование.

4. Деяние универсальное, ипостасийное, мессианское

Если ни акт индивидуальный, ни акт социальный не имели абсолютной природы и гипостазирование их создавало фикции, иначе обстоит дело с актом универсальным, возникающим из универсального же сознания. Такое космическое сознание является результатом расширения личности до пределов мира, отождествления личности со всем, с миром, с Богом, с первопричиной и т. п. Мы находим в истории человечества примеры такого сознания во всех случаях, когда люди глубоко думали и погружались в созерцание истинной сущности вещей.

Такое сознание можно назвать *ипостасным*. Тогда как примитивный ум воспринимает личность как часть целого мира, проникновенная мысль признает, что на самом деле личность не меньше мира, но тождественна с ним. Мир состоит не из частей, а из ипостасей. И такими ипостасями являются человеческие личности. Это вполне соответствует тому, что говорит нам наш непосредственный внутренний опыт. Мы видим себя не как часть мира, а как какое-то я, включающее мир или, во всяком случае, с ним совпадающее. Это не иллюзия, не извращение истины, а сама дей-

ствительность. И если требуется сейчас коперниканское деяние, чтобы это осознать, и переворот в наших общепринятых взглядах — такое положение является следствием искажения понятия индивида, личности и построения культурного мирозерцания на основе такого неверного представления. Между тем возможно было бы смолоду воспитывать людей в совершенно ином воззрении — в отрицании своей обособленной личности, в признании в ней лишь проявления высшего целого, действия этого целого через определенный центр — данного человека.

Такой взгляд не нов. Это было мнением всех великих мыслителей человечества, большинства религий, всех выдающихся мистиков. В разных формах в разных видах, с большими или меньшими искажениями, воззрение это существовало и легло в основу целых культур, как, например, культуры индусской.

В истории акты, совершаемые людьми с ипостасным сознанием, назывались *мессианскими* актами (от еврейского «месайя» — «помазанник»). Подразумевалось, что люди, возвышающие до такого сознания, являются помазанными свыше, избранными, чтобы вести человечество.

Акт мессианский среди человеческих актов имеет особую природу: 1) он совершается как акт отдельного человека, как всякий вообще человеческий акт; 2) человек этот при этом ощущает себя не как часть мира, не как отдельная оторванная от целого личность, а как *сосуд*, через который действует высшее начало. Тем самым он имеет горизонт всемирный и сознание космическое. Он совершает не свое дело, маленького человека, а нечто важное и нужное для всего целого: он выполняет миссию, он избран для того, чтобы ее выполнить. 3) Вместе с тем акт мессианский есть всегда акт социальный. 4) Также как целью всякого вообще акта является изменение окружающего, целью мессианского акта является изменение мира. Для этого мессианский деятель действует через индивидов, через социальные группы, придавая и им мессианский характер, но всегда цель его и цель тех, кого он поднимает к действию, — есть цель, связанная с высшими интересами всего мира. Если таков объем этого действия, то таково и содержание его. Оно охватывает все разнообразие жизни, все ее отрасли. Оно проникает во все области. 5) Результатом мессианского акта является всегда творчество новых форм, возникающих на старой основе, — реформа. Реформа эта носит характер всеобъемлющий и мировой.

В результате мессианского акта возникает истинная и живая *культура*. Культура создается и индивидами для их личных целей, и союзами для их общей цели, но, как мы увидим дальше, все ценное в культуре, истинная культура, настоящее преобразование мира возникает всегда как следствие того или иного мессианского акта, обуславливающего, часто без ведома индивидов и обществ, все их культурные начинания.

Там же, где в культуру индивидуальные и социальные воззрения вносят результаты своей гипостазированности и, следовательно, своей иллюзорности, культура в этой области хиреет и умирает, ибо неистинное

есть неживое и в нем нет творческой силы. Получается кристаллизация ошибок, фикций, иллюзий. Такое явление мы находим во всех случаях, где религия, например, стала исторической и в ней появились и кристаллизовались индивидуальные и социальные элементы, ложно принимаемые верующими за мессианские. То же со всяким учением, которое создало свою форму, отображающее время и место и потому уже не вполне истинное. Таковы, например, кристаллизация обрядов, внешних форм, догматов и т. п. Само собою разумеется, что всякое учение может выражаться только в современных ему формах и потому является несовершенным и ошибочным представлением истины. Но формы эти и выражения позволительны и полезны, лишь если мы не будем их гипостазировать, а наоборот, сознавая их относительную и инструментальную природу, будем постоянно их обновлять.

Мессианский акт заменяет понятие индивидуальной ограниченной личности понятием личности неограниченной, *личности-ипостаси*. Такая личность тождественна со всем миром, в нее входят все вещи. Она не часть, а проявление мира. Она носит в себе идею совершенства и высшего блага.

5. *Отношения актов*

Так как ипостасность есть единственная реальность, акты мессианские с ипостасным сознанием являются единственными обладающими в самом деле творческим характером. Остальные акты творят культуру, только поскольку сознательно или бессознательно они осуществляют мессианский ипостасный идеал. Вследствие этого акты индивидуальные и социальные, хотя и имеют видимость собственной жизни, но на самом деле живут только тем содержанием, которое в них вложено мессианским актом. Они могут следовать за мессианским актом, вытекая из него, или предшествовать ему, подготавливая его, или быть ему современными, но, во всяком случае, их сущность раскрывается только в этом мессианском акте и только он дает им их смысл.

Исторически это выражается в том, что акты индивидуальные и социальные совершаются людьми, являющимися последователями, предвестниками мессианской идеи или исполнителями, ее осуществляющими. При изучении всякого человеческого акта надо прежде всего найти обуславливающий его мессианский акт.

Такая связь всех актов с актом мессианским объясняется самой сущностью ипостасности. Взаимодействие людей возможно только потому, что они на самом деле одно существо с одним умом и сознанием. Если бы этого не было, не было бы никакой возможности общаться и воздействовать друг на друга. Люди оставались бы в своих отдельных коробках без всякого сообщения (то, что Вейнинггер отметил относительно кантовской концепции)³². Но так как все люди одно существо — проявления одного и того же существа, — все их акты суть акты этого существа. И очевидно там, где это сознается людьми, в актах мессианских закладываются основы всех других актов.

6. Содержание мессианского акта

Как мы видели, содержанием мессианского акта является преобразование мира. Однако можно спросить, в какую сторону направлено это преобразование.

Из ипостасности можно прежде всего сделать пассивный вывод. Его сделали элеаты, индусская философия, буддизм, Шопенгауэр. Раз все вещи одно и все люди одно — всякая множественность иллюзия. От нее зло и страдания. Надо освободиться от множественности, слиться с единым, погрузиться в него и потонуть в безразличии нирваны. Надо убить страдание отказом от действия и от жизни.

Такой вывод очень последователен, но все же ложен. Он упускает из виду существенный момент конституции вселенной. Пусть все одно, но это одно очевидно несовершенно, пока оно одно, и должно приобрести совершенство путем умножения себя, путем возникновения множественности. Единое, чтобы быть, сказал Плотин, должно быть многим. Другими словами, в разнообразных проявлениях единого есть смысл и все они имеют определенное назначение и задачи. В них ищется полнота жизни, своеобразие, разнообразие. Вернуться к единому, отказавшись от них, уничтожив их, значит вернуться к обедненному одному, которое должно засохнуть в своем одиночестве, которое, поскольку оно не имеет множественности, не есть (см.: «Парменид»³³). Очевидно, надо, наоборот, проявить единое во всех его формах и аспектах. Различие между дурным и совершенным проявлением будет только в том, что во втором случае будет осознана ипостасийность, т. е. в каждом существе будет жить сознание его тождественности с другими существами и поступки будут направляться этим сознанием.

Здесь очевидно имеется почва для воздвижения величественного культурного здания. Мир должен быть преобразован активным действием всех существ, и притом в определенном направлении осуществления закона ипостасности. Каждый на своем месте должен исполнить свой долг и работу как проявление целого в этой области. Не уходить в дела надо, а наоборот, делать общее дело. Все заинтересованы в преобразовании лица вселенной, ибо все одно и те, кто будут жить после нас, — мы сами. И мы даже в наших проявлениях будем воскресать, поскольку мы были ценны и полезны (см. «Овладение Временем»). Воскрешение Сократа³⁴).

Очевидно, на этих основах можно построить мораль. И мораль эта будет в первую голову проповедовать *общее дело* и *общую любовь*. Любовь вытекает из ипостасности, и не любить друг друга с этой точки зрения есть величайший абсурд, какой можно только себе представить. Прав был Карпенгер, когда он сказал, что любовь и смерть открывают нам двери на другой мир³⁵, — этот другой мир есть осознанная ипостасность нашего существа.

Мы находим все черты ипостасного целого — личности в идее Церкви. К сожалению, все исторические церкви, включая сюда языческие

теократии, еврейскую и христианские, всегда после известного периода творческого созидания культуры костенели в той или иной догматической и обрядовой кристаллизации. Последняя объясняется именно тем, что формы, носящие индивидуальный или социальный характер, принимались и выдавались за последнюю реальность.

В русской истории первым и основным мессианским актом является акт Владимира Святого. Акт этот не представлял собой самостоятельный мессианский акт, но заключался в присоединении к мессианскому акту Христа. Тем самым Русская земля вводилась в русло христианской культуры.

Мессианский акт Петра не был самостоятельным актом. Он оставался подчиненным мессианскому акту Владимира и через него основному акту Христа. Но он освобождал Россию из-под исключительного влияния византийских актов, дотоле всецело в ней господствовавших.

Акт Ленина был мессианским актом, имевшим задачу освободить Россию из-под влияния акта Владимира, а следовательно, и христианства. С актом Петра он шел отчасти в разрез, поскольку революция порывала с преемственностью «буржуазной» культуры, отчасти же оставался в его русле, поскольку большевики признавали часть этой культуры в виде техники, науки и известного запаса накопленных знаний.

НАБРОСКИ К РАБОТЕ О МЕССИАНСКОМ АКТЕ

[1]

5 июля 1925

Свойства мессианского акта

1. Субъективность — Расширение личности.
2. Водительство — культ героев.
3. Всемирность.
4. Коллективность.
5. Историчность.
6. Религиозность.
7. Апокалиптический характер.
8. Активность.
9. Преобразовательный характер — Создает культуру.
10. Создает царство Божие на земле.
11. Теократичность.
12. Оправдывает все средства — насилие¹.
13. Воскресительный характер — побеждает время.
14. Целостный охват (области).
15. Целостная психология (ум и чувство).
16. Авторитарность.
17. Демократизм (массовый характер).
18. Соединяет пафос смелой
19. реформы с уважением к прошлому,
20. фатализм
с революционностью.
21. Сверхнациональный пафос.
Мессианизм и Нац<иональные> государства.
22. Созидание высших земных целых.
24. ² Соединение действия с идеологией.
25. Все мессианские акты сходны по структуре и отличаются лишь содержанием.
27. ³ Содержание их эволюционирует, сравнение его ценности.
28. Всякий акт есть часть мессианского акта.
29. Способ оценки акта (соответствие с своей целью).
Сравнение с мессианскими актами.
Сравнение мессианских актов.

30. Единство законов физики и истории, но преимущество вторых ввиду
- а) детальности
 - б) конкретности
 - в) сложности.
31. Пророческий характер
- а) осуждение действительности
 - б) призыв
 - в) предсказание.
32. История мессианизма. История есть ряд мессианских актов.
33. Пророк — деятель — созерцатель.
Пророк и современность.
34. Национальный характер.
35. Связь с эпосом. В противоположность лирике — эпический пафос мессианского искусства.
36. Времяобразование мессианских групп.
37. Через мессианский акт индивидуальная свобода связывается с причинностью.
38. Мессианский акт обуславливает вечное творчество.
39. Иерархия действий.
40. Прошлое и мессианский акт.
41. Проективность мессианского акта (будущее).
42. Телеологический характер мессианского акта.
43. Мессианский акт есть максимальный исторический акт.
44. Мессианский театр.
45. Мессианические пророчества и наука (История науки, Магия и пророчество, еврейские пророки и наука).
46. Мессианский акт.
Христианство — Церковь.
47. Античный мессианский акт.
48. Мессианский акт Революции.
49. Мессианский акт будущего.
50. Мессианский акт древней Руси (Владимир)⁴.
51. М<ессианский> а<кт> Москвы.
52. М<ессианский> а<кт> Петра.
53. М<ессианский> а<кт> Пушкина.
54. М<ессианский> а<кт> русского народа.
55. М<ессианский> а<кт> Европы.
56. М<ессианский> а<кт> Азии.
57. М<ессианский> а<кт> Евразии.
58. Мессианизм и малые народности.
59. Избранный народ.
60. Мессианская благодать.
61. Еврейский Мессия.
62. Пророки у персов.

63. Будды.
64. Польский мессианизм (Мицкевич, Вронский)⁵.
65. Мессианизм потусторонний (апокалиптика).
65. Мессианизм земной.
(Царство Божие на земле.)
66. Месс<ианизм> и природа.

* * *

Определение акта.

- 1) акт всегда требует коллективности — есть отношение одного к другому (охват акта);
- 2) акт вносит в мир изменение (преобразование);
- 3) акт всегда субъективен.

История мессианизма.

Термин «мессианизм», «мессианский» происходит от древнееврейского слова «Мессия» — помазанник. Евреи ожидали наступления царства Мессии, о чем предсказывали их пророки, причем ожидания эти расширялись до небесно-апокалиптических и суживались до теократически-земных рамок.

Христиане восприняли Христа как Мессию (слово «Христос» по-гречески также значит помазанник).

В настоящее время термин *мессианский* может быть приложен к каждому случаю, когда идет речь о наступлении на место действительности нового преображенного царства, создаваемого усилиями избранных личностей и народов.

Мессианский акт имеет свои этапы, и содержание его эволюционирует — оно динамично.

Мессианский акт всегда активен.

Сущность акта — отношение одного к другому.

Мессианский акт всегда историчен, ибо он совершается в истории, он делает историю. Через мессианский акт всякий акт историчен.

Максимальный исторический акт.

Мессианский акт есть максимальный исторический акт и акт вообще (ибо все акты исторические) по ценности и объему.

С ним сравниваются все другие акты.

Этапы сравнения

- 1) Акт судится по выполнению своей имманентной цели,
- 2) по соответствию своему мессианскому акту.

3) Мессиянские акты сравниваются между собой (Иерархия актов). Мессиянский акт, как акт максимальный, имеет уже природу сверх-историческую.

Через него всякий акт судится высшим критерием.

Структура мессиянского акта.

Все мессиянские акты близки по структуре, хотя не все имеют все элементы этой структуры. Вообще же они отличаются содержанием.

Структура:

1) *Максимальный* человеческий акт по охвату и объему вносимого в мир преобразования (простой акт).

2) *Исторический акт*, делающий историю, — история состоит из мессиянских актов.

3) Целостность субъекта.

4) Целостность объекта.

5) Личность, герой.

6) Действие благодати, избранность, сосуд Божией силы, связь с Богом.

7) Универсальность (коллектив<ный> охват).

8) *Массовый акт*.

9) Исторические коллективы (целевой субъект).

10) Преобразование — культура.

Космическое преобразование.

11) Царство — образует общественные целые, нации, государства, Церковь.

12) Владение временем — воскрешение.

13) Жертва.

14) Включает рядовые акты, соединяемые ритмом.

15) История состоит из мессиянских актов.

Субъект Мессиянского акта *целостен* (в смысле целостного действия (субъекта)). Это не есть акт одного чувства или мысли, но обеих вместе, всего человека.

Мессиянский акт соединяет *созерцание и действие, идеологию и деятельность, мысль и осуществление*.

Мессиянский акт имеет *целостный объект*, т. е. охватывает все области жизни и действия, включает все сферы (наук, искусств и проч.).

Субъективность мессиянского акта.

Мессиянский акт ощущается деятелем как акт его я. — В нем всегда есть такой действующий субъект.

Солипсистический его характер.

Мессианский акт и личности.

Для личности, участвующей в совершении мессианского акта, он всегда является источником беспредельного расширения.

Мессианский акт и свобода.

Через этот акт свобода связывается с причинностью, побеждается детерминизм и анархия.

Субъект мессианского акта всегда является *вождем и героем*.

Избранный человек (Род избран Макария)⁶.

Каждый человек может быть избран для выполнения мессианского акта. Каждый гений или даже талант, поскольку он накладывает свою печать на историю, выполняет мессианский акт.

Мессианский акт и ничто.

Так же как обожение в мистическом акте наступает в результате отказа от своего маленького я и погружения в ничто — такая смерть для внешнего мира необходима для ощущения в себе мессианской силы — Ничто у Платона, у Индусов, у Пифагорейцев, m-me Guyon.

Но нельзя успокаиваться в ничто, как ошибочно делают многие созерцатели — надо идти дальше: пребывание в ничто должно побуждать к выходу в мир, к любви, к высшей активности.

Мессианский акт и всё.

Победоносный выход из ничто есть выход в мир любви, самопожертвования, мир подвига, общего дела.

Душа поняла, что Бог содержит в себе все возможности и что все они должны быть осуществлены, что ее задача — умножить Бога, а не отъединиться в нем и через то слить его с ничто.

Благодать в мессианском акте

получает особое толкование и разъяснение. Она есть не что иное, как ощущение субъектом акта себя как наполненного силой высшего существа, как сосуд, несущий его веления, как избранника, выполняющего его волю. Это не есть порабощение, но раскрытие в себе высшей воли.

Мессианский акт всегда космичен,

т. е. обнимает всю природу
(макрокосмичен).

Мессианизм и природа.

Совершение мессианского акта с первого взгляда как будто противоречит успокоению в лоне природы через посредство ее созерцания. Но на самом деле природа в наиглубочайшем понимании сливается с исто-

рией, и всякое ее преобразование может быть рассматриваемо как обнаружение или совершение некоего мессианского акта.

Этим наука и техника приобщаются к мессианскому деланию.

Мистическая природа мессианского акта.

Мессианский акт раскрывает дверь в глубину мистических миров.

Мессианский акт всегда религиозен.

Он имеет своим содержанием соединение Бога и человека, слитие земного и небесного. Царство, им создаваемое, всегда есть схождение потустороннего и здешнего.

Мессианский акт носит всегда характер *универсальный, всемирный*, в смысле всечеловеческого.

Коллективность мессианского акта.

Всякий месс<ианский> акт есть акт группы.

Следствие этого — его массовый характер и демократизм.

Массовый характер мессианского акта

вытекает из его коллективности.

Мессианский акт и национальность.

Мессианское действие выражается через национальную культуру; последняя подчинена мессианизму, но второй не есть раб первой, как это часто понимается в дурном патриотизме.

Национальные особенности необходимы — но они только путь для высшей цели службы миру и человечеству. Обогащенные же и превращенные в фетиш, они становятся на пути мессианизма (сюда относятся мессианский акт и нация).

Исторические коллективы.

Избранный народ, класс и т. д.

Каждый народ может быть избран для выполнения мессианского акта (миссии).

Мессианизм и малые народности.

Оправдание нации или государства не есть ее существование, а выполнение ею мессианской задачи.

Частичное преобразование мира, создаваемое мессианским актом, есть *культура*.

Преобразование мира

есть всегда содержание мессианского акта.

Мессианская роль труда в космосе.

Эктропия и энтропия.

Мессианский акт и творчество.

Всякий творческий акт есть мессианский акт. Сила творчества — в выходе за пределы истории, в почерпании сил в сверхисторических родниках.

Значение для творчества овладения временем: оно — это овладение.

Мессианский театр.

Мессианское искусство.

Роль эпоса — [не дописано].

Мессианское построение Церкви.

Мессианский акт *авторитарен*, ибо он провозглашает абсолютную истину.

Мессианский акт всегда имеет *абсолютную цель*, которая выше всех других целей.

Поэтому он оправдывает все средства, в том числе и насилие. Возможна война, но она должна всегда быть мессианской, священной войной, во имя истины и Бога.

Мессианизм теократический.

Мессианский акт может создавать Царство Божие или правды на земле, немедленное осуществление земного рая.

Мессианский акт в порядке организации общества всегда создает *теократическое государство*.

Мессианский акт создает новое *право*
(акт законодателя).

Мессианский акт создает всегда царство, причем облакает его в сверхгосударственные и сверхнациональные формы (Церковь, Третий Рим, Рах Романа и т. п.).

Мессианский акт совершает преобразование в виде *воскрешения* лучшего, что было в момент свершения времен.

Мессианские группы или системы образуют время.

(См.: М<ессианский> а<кт> и время.)

Мессианский акт побеждает разрыв времен.

В нем соединяются прошлое и будущее. — Он обращен корнями в прошлое, исходит из него, проектом же своим в будущее.

Соединение прошлого, действительности (настоящего) и будущего.

Мессианский акт и время.

Мессианский акт овладевает временем — все, что длится, есть результат мессианского акта, есть избранное царство.

Проективность мессианского акта.

Телеологическая устремленность акта.

Мессианский акт и прошлое.

Идея музея — (Федоров)⁷. Смысл прошлого — его воскрешение.

Мессианизм апокалиптический

состоит в вере в преобразование всего мира.

Мессианизм этот может быть *созерцательно-пассивным* и, наоборот, активным.

Мессианский акт соединяет фатализм и консерватизм с крайней революционностью,

пафос смелой реформы — с уважением к прошлому.

Мессианский акт есть акт пророческий.

Он а) осуждает действительность

б) призывает к очищению и к преобразованию

с) воскрешает прошлое

д) предсказывает будущее (условно).

Мессианский акт и жертва.

Мессианский акт есть всегда нисхождение высшего, просветленного существа в мир ради его спасения и, следовательно, принесение себя в жертву ради него.

Если углубиться в смысл этого — станет ясно, что здесь мы имеем отображение или проекцию, или следствие процесса, происходящего в момент, когда начало встречается с концом и личность, вышедшая к Богу, понимает, что она должна снова спуститься, чтобы осуществлять все возможности, чтобы привести в Божественное лоно остальные существа, чтобы обогатиться жертвою.

Мессианский акт всегда имеет целью реформу *нравственности* .

Всякий акт есть *мессианский акт* .

Возьмем самый маленький обыденный наш акт и будем искать его смысл. Мы увидим, что самодовлеющего смысла акт этот не имеет. Он получает таковой, только будучи отнесен к большему историческому акту, включающему и обуславливающему малый и придающему ему смысл как своей части.

Так, например, если я делаю что-нибудь, чтобы поддержать свое существование, — действие это получает свой полный смысл, только поскольку само это существование для меня ценно. Ценность же эта устанавливается тем или иным мирозерцанием, как бы оно примитивно ни было. Но мирозерцание есть акт какой-то культуры, в которой я живу. Акт этой культуры и есть мессианский акт, осмысливающий мой малый акт.

Мессианские акты объединены ритмом
(и акты в мессианском акте).

Мессианские акты в истории.

История состоит из ряда мессианских актов.

История состоит из актов, но все акты, как мы знаем, мессианские акты или их части (полные или неполные).

Человек и мессианский акт.

Мой акт есть часть начала, середины или конца мессианского акта.

Мес<сианский> акт *Возрождения*.

Мес<сианский> акт средневековых
хилиастов и сект.

Мессианизм *русской музыки.*

Мессианизм Вагнера.

Мессианизм Ренана.

Мессианизм St Marten и De Maistre^{а8}.

Еврейский мессианизм.

Персидский мессианизм. Быть может, мы можем найти корни еврейского мессианизма в мессианизме, возведенном в древне-персидской эсхатологии.

Египетский мессианизм.

В древнем Египте мессианские чаяния связывались с именем Мессии *Амени*⁹.

Польский мессианизм.

Польский мессианизм вытекал из веры польских мыслителей (Мицкевич, Вронский и др.) в воскрешение и высокую судьбу польского народа.

Итальянский мессианизм можно найти в чаяниях великих итальянских революционеров (Маззини¹⁰).

Революционный мессианизм

отчасти состоит в революционно-мистических движениях, отчасти, наоборот, связывается с крайним безбожным социализмом. Можно найти следы его у Маркса и Энгельса (будущее сверхклассовое общество — прыжок из царства необходимости и т. д.).

У Ленина также и наших революционеров.

Несомненно, что Маркс перенес в свое учение черты еврейского мессианского духа. Роль евреев в Революции также может быть объяснена их мессианскими чаяниями наступления земного царства человеческими средствами. Если сравнить революцию в Иудее в I веке с нашей, в них много общего (Renan)¹¹.

Мессианизм русского народа.

Русский народ издавна искал Нового Иерусалима — царства правды. — Паломники, странники, калики переходящие. — Вера раскольников в истинное христианское царство за морями. — Путешествие казаков в Опоньское царство¹².

Вся русская история может быть объяснена этими чаяниями, и русские писатели, ими одушевленные, подают через века руку былым искателям. Этим объясняется скидывание русским народом его культуры, как ненужного плаща. Разуверившись в православии, русский народ поверил в революционный мессианизм и подал руку родственному еврейскому мессианизму (предсказание Серафима Саровского)¹³.

Мессианский акт Владимира.

Мессианизм инока Филофея.

Пересветов¹⁴ — Легенды о русском царстве.

Мессианский акт Петра.

Мессианизм Сковороды.

Мессианизм Ломоносова.

Мессианизм русских масонов.

Новиков — Гамалея¹⁵ — Радищев.

Мессианский акт Пушкина и его плеяды.

Мессианизм Гоголя.

Мессианизм Чаадаева.

Мессианизм славянофилов.
Хомяков — Киреевский — Аксаков.

Мессианизм Данилевского.

Мессианизм Леонтьева.

Мессианизм Достоевского.

Мессианизм Федорова.

Мессианизм Соловьева.

Мессианизм русских богоискателей.
А. Белый, Бердяев, Булгаков.

Новейшие мессианские искания.
Евразийцы, федоровцы, имяславцы.

Мессианский акт античной культуры.

Мессианский акт христианства.

Мессианизм будд<изма>.

Мессианский акт европейской культуры.

Европа совершает некий мессианский акт в мире — несет в нем свою культуру. Проблема «гибели Европы» есть проблема окончания этого акта, уступка места другим актам, более сложным, впитавшим в себя европейский, но обновившим его.

Мы верим, что новая культура будет в значительной степени делом рук нового избранника — русского народа.

Мессианский акт православия.

Мессианский акт Москвы.

Славянский мессианизм.

Роль чехов — «Ave Caesar, resurrecturi te salutant»¹⁶. Палацкий¹⁷.

Мессианский акт Революции.

Мессианский акт новой культуры.

Очертания этого акта уже выясняются.

1. Преод<оление> Рев<олюции> узкой и Революция в космическом смысле.

2. Подчинение науки и техники религии.

3. Новое объединение человечества в новом целом.

4. Овладение природой.
 5. Овладение временем.
 6. Борьба за бессмертие.
 7. Слитие коллектива и личности.
- Первым носителем новой культуры будет русский народ.

История развития науки как мессианско-апокалиптического акта.

Политеизм — Монотеизм — Христианство.
 История магии — Корректив Бэкона¹⁸.
 Современное состояние (без смысла и цели).

История активной апокалиптики.

[2]

- I. Мессианский акт Христа.
 Его близость к жизни.
- II. Католицизм. *Внешний авторитет*. Критерий внешней объективности.
 Влияние юридических учений и государства.
 Мессианский идеал — *теократия*.
 Рыцарство как первый протест против Рима.
 Секты, альбигойцы, тамплиеры.
- III. *Реформация*. Протест во имя личности.
 Критерий *субъективный*.
 Мессианский идеал *демократии* (Социальная утопия).
- IV. *Православие*. Истинная традиция также затемнена. — Критерий авторитета, но не личности, а обряда и обычая.
Освященная монархия.
Соборность. Критерий соборного делания.
 Традиция, патристика, Хомяков.
 Мессианский идеал, общество — органическое живое целое.
- V. Можно ли довольствоваться только преобразованием внутреннего человека и общества?
 Вопрос о преобразении мира — Апокалипсис.
- VI. Пассивный апокалипсис { католичество } или же отказ
 { православие } от него вовсе.
 Мистическая реформация.
 Два мира — небо и земля.
 Мессианское небесное царство.
 Государство на земле.
- VII Активный апокалипсис: вовлечение в соборность всех существ и даже вещей всего мира. — Воскрешение плоти. — Мессианское Царство, где небо и земля соткнутся.
 Роль науки и культуры.

-
1. *Учение о мессианских актах.*
 2. *Мессианский акт христианства.*
 3. *Мессианский акт Возрождения.*
 4. *Мессианский акт Революции.*
 5. *Акт христианства в России.*
 - а. Акт Владимира.
 - б. Московская Русь.
 - в. XVIII, XIX, XX вв.
 - I. Православное направление. Дм. Ростовский, Серафим, Величковский, Гоголь, Славянофилы, Данилевский, Достоевский, Леонтьев, Федоров, Флоренский, Булгаков, Иоанн Кронштадский, Соловьев. Имяславие.
 - II. Католическое. Иосиф Волоцкий, Чаадаев, Стефан Яворский, Соловьев.
 - III. Морально-религиозное. Нил Сорский, Сковорода, Новиков, Лабзин¹⁹, Массонство, Секты, Толстой.
 - IV. Мистики и богоискатели — Достоевский, Булгаков, Бердяев, Вяч. Иванов, Блок, Андрей Белый, Тютчев. Секты.
 6. *Акт Возрождения в России.*
 - а. Акт Петра.
 - б. XVIII, XIX, XX века.
 - I. Западничество — Петр, Феофан Прокопович, Радищев, Грановский, Белинский, Кавелин, Чичерин, Милюков.
 - II. Олимпийство — Пушкин, Тургенев, Тютчев, Толстой.
 7. *Акт Революции.*
 1. Социализм утопический — Герцен.
 2. Анархизм — Бакунин, Кропоткин.
 3. Народничество — Добролюбов, Михайловский, Чернышевский, Писарев.
 4. Социализм научный — Плеханов.
 5. Большевизм — Ленин.
 8. *Акт будущего.*
 - Петр, Ломоносов, Герцен, Федоров.

[1]¹

Есть одно только действие. И действие одно только есть. Когда люди говорят о мысли, они говорят о действии. Диалектика мысли есть диалектика действия. Все вмещается в действие и все к нему сводится. Оно одно первоначально и самодовлеюще. Нельзя спрашивать: что такое действие? Ибо действие — всё и всё — действие. Не ему отвечать на вопросы, но оно, наоборот, вопрошает встречные начала о верности их его повелениям. Действие не может быть судимо, но само судит. Оно — та ткань, из которой соткано все существующее. Бытие есть бытие в действии. Действие не может быть ничем уничтожено или ограничено, как одним только действием. Истина эта не требует доказательств, ибо никакая мысль не может подтвердить или опровергнуть действие. Действие доказывается лишь собственным утверждением. Действие нельзя утвердить извне. Оно все само определяет и себя само определяет. Его единственное определение — внутреннее самоограничение.

Кто действует? Действует — всё. Всё, что есть, действует, ибо быть — значит действовать. Если же что-нибудь не действовало бы, оно не включалось бы во всёи всё не было бы всем. Всё называется также Богом, если ощущается Его совершенство, благость, вездесущность, бесконечность. Бог есть неисчерпаемость действия, первое и последнее и вместе с тем постоянное творчество. Бытие Бога не требует доказательств. Ведь не требует же доказательств существование прошедшего, всего, что было и есть? Доказывать можно только там, где приложимо правило возможностей. Возможность же относится только к неопределенному, к будущему. Определенное — прошлое есть одинаково все, что, было возможно, и все, что было необходимо, все, что было и что есть.

В основе всего представляется действие, не действие отвлеченное, а мое, *это* действие. Всякое ощущение и всякое рассуждение есть действие. Действие вообще нельзя определить. Оно — всё и само всё определяет. Его единственное определение — его внутреннее самоограничение. Можно представить себе действие вообще неопределенное и хаотическое. Оно идет по тысяче различных направлений. Оно измеряется тысячами различных масштабов. Там может быть одновременно действие ума, сердца, действие физическое, соборное. На один и тот же предмет действие может быть направлено по различным путям. Получается иерархия действий и иерархия вещей. Выбор масштаба и мерила зависит от побуждений, рождающих во мне то или другое действие, заставляющих меня

искать то употребление предмета или другое. Но очевидно для людей наибольшая полнота — где действует не часть только человека, не одна какая-нибудь оторванная его способность, вроде ума тела, того или другого органа, но весь человек со всеми его способностями. Это — целостное действие человека. Между ними тогда устанавливается гармония, которой нет в том случае, когда действуют отдельные способности. Степень сознательности этой гармонии зависит от степени участия разума.

Но размышление показывает, что только в области соборности, в масштабе человеческих отношений проявляются все способности человека. Всякая работа ума, всякий опыт, всякое движение в отдельности представляются отвлеченными от той соборной обстановки, в которой работает человек. Доктор, исследующий раствор, вместе с тем семьянин, член общества и государства. Весь опыт его обусловлен соборными условиями, давшими ему возможность учиться, найти материалы, приобрести инструменты. Из этого не следует, конечно, что соображение об этих условиях должно каждый раз вноситься в частный опыт. Но все же он весь от них зависит и является как бы частью более цельного соборного действия.

Соборное действие человека превосходит и включает все другие его действия. Полнота действия человека в отношении различных предметов ограничена их свойствами. Отношение человека к камню иное, чем отношение к животному, к животному иное, чем к человеку. Взаимодействие камня и человека телесное. Взаимодействие животного и человека уже душевное. Взаимодействие людей — духовное и умственное, чем создается соборность. Наука о соборности, социология, предполагает и включает все другие науки.

Итак, данное действие есть всё и всё находится в данном действии. Данное действие имеет в себе данное время — настоящее, включающее прошлое и будущее. Действие есть другое название для настоящего. Настоящее может быть только в действии и действие только в настоящем. Вместе с тем действие имеет в себе данную соборность. Личность есть данность и не может быть противопоставлена ничему. Она — только она. Но содержание ее всегда соборное. Личность есть данная соборность, или данное соборное действие.

Но тогда личность перестает витать в странном пространстве без правой и левой стороны, вне всяких определенных координат. Личность прикреплена своим соборным содержанием. От нее простираются вглубь времен величественные корни, и корни эти поддерживают ее, собирают для нее жизненные соки.

Внутренний стержень чисто действенного мирозерцания есть отношение ко времени. Отвлеченная мысль искала вневременности и связанное с ними постоянство, обязательность и необходимость вне времени. Мысль эта пыталась от последнего уйти, обособить себе иную сферу. На самом же деле можно уйти от времени, только войдя в него, став его

частью. Вневременность достигается либо там, где вовсе отсутствует сознание, т. е. там, где царствует неподвижность и смерть, либо там, где есть высшее сознание — сознание действия в нем самом. Мир прикреплен к конкретному, и рамки объективного все время раздвигаются или сдвигаются в зависимости от приливов и отливов действия. Пределы этого действий и суть пределы мира.

Мое настоящее — единственная дверь познания. Для каждого история есть его история и вместе с тем она история всех. Этим создается одновременно внутренняя и внешняя связь людей. Ложь прагматизма и идеализма одинаково в том, что он разрывает связь между вещами. История ее восстанавливает. Но связь эта в самом человеке и потому не опровергает вполне Протагора. Объективный закон и, следовательно, непреложная и обязательная истина находится в человеке, когда он находит в себе историю, ощущает себя как выразителя и творца целого. Нахождение истории в себе — то же, что нахождение в себе Бога, так ярко описанное мистиками. Бог уничтожил в них время, и будущее и прошлое для них одно. История есть тоже Бог, живой и конкретный. И таинственным образом история, рождаясь из времени, время уничтожает.

Каждым моим действием я выражаю всё, что больше и глубже меня, — русский народ, человечество, мир живых существ, природу, Бога. В каждом моем действии я изливаю их богатство. Мое я обогащает историю — история обогащает мое я. Правилom моего действия должно быть познание уделенной мне части этого богатства. Я сознаю, что во мне множественная, многомерная природа. Как такой-то человек я часть — я ограничен условиями места и времени. Частность моя именно заключается в связанности этими условиями. Но как выразитель восходящих и нисходящих целых, как Бог — я Он Сам, я — всё.

Мое действие тогда будет сильным и производительным (а искание этого — внутренний, побудительный рычаг действия), когда оно будет согласовано с законами высших целых, в которые я вхожу. Это не может уменьшить или подавить мою личность, но, наоборот, расширяет ее и обогащает. Это не может ограничить мою свободу. Законы эти не вне меня, но во мне. Они — мои собственные законы. Мое свободное творчество заключается в их выявлении. Через меня прибавляется нечто новое, своеобразное, ко всему, что есть. Действие никогда себе не тождественно. Тождественности нет. Действие всегда единично и ново. Оно состоит из различий. Если бы ничто не прибавлялось, целое не жило бы, не развивалось, не было бы неисчерпаемым. Но вместе с тем новое не выходит за пределы изначальной неисчерпаемости.

Большинство недоумений наших происходит вследствие перенесения на прошлое логической категории возможности, имеющей смысл исключительно для будущего. Мы невольно себе представляем, что возможно было, кроме происшедшего, какое-то другое прошлое, с которым мы сравниваем имеющееся. В этом основа неконкретности нашего мышления. Всякая мысль должна быть мыслью о существующем, т. е. суще-

ствовавшем. Философия должна быть историей Всего. Все философы, даже когда они мыслили о совершенно отвлеченных вещах, как, например, о Разуме, о Субстанции, как будто сопровождали свою мысль утверждением: я верую, что такой Разум, такая Субстанция есть. Всякая мысль имеет предмет, относимый к конкретному всеединству.

Этим устанавливается непосредственная связь между мыслью и цельным действием, ибо цельное действие является последним критерием существования всеединства. Мысль есть неполное действие по сравнению с целостным действием человека. Если мы можем в частном случае свою мысль искусственно отделить от действия нашего, в общем — ее последним основанием является вся наша жизнь, т. е. цельное действие наше, определяющее нашу связь с Всеединством.

Всякое рассуждение должно было бы начинаться поэтому не с отвлеченной объективной или субъективной точки зрения, но с точки зрения конкретной, включающей их обоих.

«Это» есть первоначальное понятие. *Это* есть переход от не мысли к мысли. «*Это*» мыслится и ощущается. Если мыслить исключительно о конкретном, т. е. об *этом*, нет никакой пропасти между ощущением и мыслью. Из «*этого*» возникает утверждение и отрицание. «*Это*» — всё и всё — «*это*». «*Это*» в истории есть «я», как индивид с моим прошлым, которое есть вместе с тем всё прошлое. «*Это*» субъект и объект, внутренне и внешне. «*Это*» определено и неопределенно. «*Это*» — точка и периферия. «*Это*» содержит в себе *coincidentia oppositorum*² — начало и предел мысли. В *coincidentia oppositorum* заложены все различия. Но само совпадение противоположностей есть как бы интенсификация «*это*». Сознание есть углубление ощущения через раскрытие в нем противоположностей.

Такая точка зрения дополняет все существующие теории необходимой предпосылкой. По существу эти теории остаются со всем, что есть в них истинного. Но возникает необходимость связи теории и действия. Обе переводятся в одну плоскость — действия, ибо акт утверждения первоначальной логической посылки есть действие. Действие это становится разумным, связываясь с предыдущим действием всего соборного целого, а следовательно, и мира.

Очевидно, такая точка зрения отводит совершенно исключительное значение разумению прошлого. Все прошлое есть совершенно и свято. И есть только одно прошлое. Когда мы чувствуем, что нечто существует и чувствуем это всем нашим существом, мы имеем в виду одно только прошлое. Всякий образ, всякая определенная мысль, самая мысль «есть» относится исключительно к находящемуся во времени, к прошлому.

Но вместе с тем мы ощущаем реальность также простирающейся куда-то вперед, в то, что есть пока еще будущее, вне времени. Для нас действительность жива, только если у нее есть способность захватить и эту область, приобщить и ее к своей определенности. Жизнь, в сущности, и заключается в этом действии. Прошлое умерло, застыло в богатстве за-

конченных форм, будущее туманно и расплывчато в очертаниях различных возможностей. Живо только настоящее, т. е. таинственное сочетание двух граней, переливы одной в другую. Ибо одинаково верно сказать, что прошлое выливается своей неисчерпаемой еще силой в будущее, или сказать, что неоформленное будущее твердеет, кристаллизуется в прошлое.

Будущее есть прошлое. Есть два способа определения прошлого. Один способ — частичный, когда мы определяем его как прошлое, т. е. мы изучаем его отдельно от себя. Другой способ — целостный, когда мы определяем его как настоящее. Третий способ — когда мы строим возможности, т. е. создаем отвлеченности, — не есть определение.

Различие заключается в том, что в первом случае есть разрыв между процессом определения и тем органическим процессом, которым мы живем. Во втором же случае разрыва этого нет. Определение — есть все наше действие. Целостность нашего отношения к прошлому в этом случае отнимает у него характер случайности, присущий первому определению и придает ему характер неизбежный. Оно надвигается на нас помимо нашей воли именно потому, что действие наше предшествует нашей воле и включает ее. Другое отличие — личный характер первого определения. Мы совершаем его в то время, как окружающие нас предметы в этом процессе не участвуют и для них оно как бы не определяется. Но это стояние предметов, их неучастие в процессе определения и есть следствие нашего отрыва от них, следствие нецелостности нашего определяющего действия. Наоборот, когда мы действуем целостно — мы связаны со всеми окружающими нас вещами и все они вместе с нами идут навстречу будущему, т. е. участвуют в определении прошлого. Общее настоящее вещей есть общность условий их действия.

Полное отсутствие связи — отрыв есть уже неподвижность, т. е. прошедшее. Та искусственная связь, которая создается, когда я изучаю прошлое, недостаточна, конечно, чтобы претворить его в будущее. Но иногда она достаточно сильна, чтобы дать мне ощущение, что прошлое *сейчас* живет. Если же устанавливается более полная связь (напр<имер>, я решаю строить город по образцу развалин), прошлое воскресает в той мере, в какой связь восстановлена.

В случае возрастания взаимодействия вещь из настоящего начинает переходить в будущее, т. е. меняться. В этом и заключается действие.

Почему же из двух сходных вещей одна иногда меняется быстро, другая же остается неподвижной? Дело в том, что не во всех случаях надо брать одну только личность. По большей части имеет значение участие мое в колоссальном процессе действия, принадлежность к великому действующему целому. Связь моя с каждой его частицей, с каждой находящейся в нем вещью может быть более или менее сложной. Связь моя с вещью есть, поскольку она в моей власти, есть мое свободно действие. Между мною и падающей звездой, бегущим тигром, летящей птицей нет такой непосредственной связи. Но есть связь одних и тех же ус-

ловий — данного воздуха, данной местности, климата, географии, одним словом, всей общей динамической обстановки, включающей и меня, и эти вещи. Связь устанавливается уже не моим, а этим общим действием.

Можно возразить, что определение прошлого может быть ошибочным, субъективно меняющимся. Тогда область прошедшего перестанет быть строго отграниченной. Между тем ее отличительное свойство именно резкая отграниченность и свойство вещей, в ней находящихся, — определенность, конечность, исчерпанность. Это было бы непреодолимым затруднением, если бы речь шла об определении, основанном на рассуждении. Последнее в самом деле может ошибаться. Но определение рассудочное играет весьма малую роль в создании прошлого. Оно определяется действием, из которого ум уже делает свои выводы. Развалины Вавилона, труп умершего определяются как исчерпанное, законченное совокупностью действий, опытом. В этом единственная функция опыта — он определяет прошлое. Он придает прошлому его особенные свойства законченности и необходимости. Опыт возможен там, где есть большая связь между мной и вещами. Пока она есть — это опыт настоящего. Но свойства опыта — отыскивать пределы между вещами. Лишь такие пределы найдены и вещи отграничены, они переходят в прошлое. Невозможность выхода из прошлого есть невозможность перейти этот предел.

Такое утверждение звучит странной ересью для мыслителя, привыкшего о некоторых предметах рассуждать вне времени. Если требовать для всего прохождения через время и строить в нем свое рассуждение, возможно ли будет критика познания, пространства, самого времени? Не лежит ли в основе всей философии в том или ином виде древнее деление на мир умопостигаемых и чувственно постигаемых вещей? Можно ли посягать на это деление, создавать вместо него грубое смешение идей и явлений:

Я отвечу — все равно всякое суждение происходит во времени. Эта плоская и поверхностная истина имеет глубокий смысл, если рассматривать время исключительно с формальной стороны, как определение предмета действия. Все определяемое в действии тем самым включается во время, в прошлое, ибо время и есть исключительно прошлое. Когда мы говорим: «это есть», мы тем самым определяем «это» во времени. Всякая идея, самая отвлеченная даже, раз мы верим в ее существование, есть для нас во времени. Доброе Платона не есть какое-то отвлеченное доброе, но возможность доброго, а Доброе существующее, т. е. бывшее, единственное, единичное, это Доброе, конкретное доброе. То же — Субстанция Синтеза. Она не есть возможность Субстанции, но реальная, эта субстанция.

Всякая вещь единична, если она есть, а всякая вещь есть. Единичное значит определенное, прошлое, находящееся во времени. Всякое действие есть создание какой-нибудь единичности, т. е. создание прошлого. <...>

Если рассмотреть все философские учения, мы увидим, что в каждом из них, быть может, больше сказано, чем сознательно хотел его автор. Последний в большинстве случаев стоял на отвлеченной точке зрения,

орудовал отвлеченными общими понятиями. На самом же деле такие понятия должны быть заменены соответственными конкретными понятиями. Так, когда Спиноза говорит о субстанции или Кант о разуме, следует заменить отвлеченную идею какой-то субстанции, какого-то разума вне времени и места конкретными понятиями субстанции и разума, действительно существовавших, когда писали Спиноза и Кант. Несомненно, если в их мыслях (вследствие пагубного метода всей философии) не было сознания этого различия, все же, помимо их воли они думали именно о таких реальных понятиях. Думать отвлеченно на самом деле то же, что видеть сны или быть сумасшедшим.

Иначе, и Спиноза и Кант как будто добавляли к каждому своему представлению: я верую, что то, о чем я думаю, существует. Это относится и к самым ограничительным и отрицательным мыслям. В них отрицается и ограничивается нечто из области действительности, т. е. определяется какой-то реальный остаток. Итак, отрицая Бога или мир, Кант все же мысленно утверждал за этими понятиями некий реальный объект, хотя бы субъективное о них мышление. Каждая мысль сопровождается не только апперцепцией «я мыслю», но признанием «я верую».

Мы имеем пример такого отношения к основным идеям во всех религиях. Ни одна религия не строит понятие о Боге, рассматривая Его как оторванное от времени и этого мирового процесса понятие. Для всякой религии Бог есть ее Бог и Бог исповедующего ее народа. Бог появляется непременно во времени и в красочном богатстве бывших событий, а не в убогой пустоте логической общности. Лишь путем крайне искусственных отвлечений, совершенно чуждых истинной религиозной мысли, идея Бога была вынесена из конкретной временной среды и перенесена в область отвлеченной мысли. В итоге получилась смерть религии, наблюдающаяся у всех народов, где философия выдвинула такую идею Бога. Религия сохранилась лишь в той части верующих, которая не поддавалась такому соблазну и верит не в Бога вневременного, а в Бога действующего и являющегося во времени. Воплощение Иисуса Христа есть яркий пример требования религии иметь Бога единичного и конкретного.

[2]

Метод познания³

Предположим, что я ничего не знаю. Я не знаю даже, что значит знать. Но я могу действовать. Под этим именем я подразумеваю достижение известных практических результатов, соответствующих заранее намеченному моей мыслью проекту. Возможность такого моего совершения для меня неоспорима, и если я в ней сомневаюсь, я могу доказать ее рядом вольных и целесообразных поступков. Я передвигаю предметы, встаю, сажусь, хожу, совершаю эти поступки, затем прекращаю их совершение и по воле повторяю их. Я имею, следовательно, при полной

неопределенности того, что называется знанием, нечто достоверное в виде этих целесообразных поступков. Я не понимаю их природу, но я могу их повторить и потому считаю их достоверными.

Однако при некотором внимании моего ума, направленном на эти поступки, я могу о них сказать нечто большее, чем просто утверждение факта, что я их совершаю. Я замечаю, что во всех этих действиях есть какая-то общность внутренних признаков и внутренней природы. Что бы ни делал — я всегда подчиняю свое действие определенным формальным законам. Оно происходит всегда так, что в нем необходимо появляются определенные моменты (не непременно в данном хронологическом порядке, но непременно в виде системы взаимно зависимых моментов). Если эти моменты отсутствуют, не получаются требуемые результаты действия — тогда я говорю, что действия не было, или они получаются неполным образом — тогда я говорю, что действие было неполным. Я имею, следовательно, основание считать, что всякое действие имеет определенную и необходимую структуру. Конечно, это положение можно оспорить и сказать, что возможно действие без этой структуры или с другой структурой. Но для меня это не важно. Пусть будут бесчисленные виды других структур деятельности. То, что я называю действием, есть сочетание именно этих моментов. И поскольку такое действие есть и дает результаты, я могу исходить из него как из факта.

Изучая эту структуру, я нахожу в ней две резко разграниченные категории фактов. Во-первых, я нахожу процессы, происходящие внутри моего организма. Во-вторых, я нахожу процессы, выражающиеся во взаимовлиянии и взаимодействии моего организма и окружающей его внешней среды. Для меня не важно, что не знаю, что такое этот организм и что такое эта среда. Я замечаю, что в действии этим двум понятиям отвечают различные группы элементов. И этого достаточно, чтобы я мог правомочно различать их и рассматривать каждый из них отдельно.

С каким же из этих процессов связано получение результатов, наличие которых при совершении действия гарантирует мне его успешность? Для меня ясно, что важнейший процесс есть процесс внешнего взаимодействия моего организма и среды. Без этого взаимодействия среда останется неизменной и результатов не получится. Результаты всегда создаются изменением, преобразованием этой среды. Но я вижу, что, для того чтобы получились намеченные заранее результаты, а не какие-нибудь случайные, во мне должен совершиться первый из указанных процессов. Мой организм должен внутренне что-то проделать, чтобы нарисовать в проекте эти желательные результаты. Он должен их наметить или, другими словами, *знать*. Это и есть, очевидно, то, что называется знанием.

Мне могут ответить: но не всегда же знание связано с практической целью? Пусть так, я это признаю. Но что это значит с точки зрения моих поступков? Это значит, что там, где есть такое знание, называемое теоретическим, действия в полном виде нет. Есть только один из моментов

этого действия. Я могу знать что-нибудь, рисовать себе картину того, что я знаю, но не делать из этого никаких практических выводов, не переходить ни к какому действию, связанному с этим знанием. Далее я могу себе представить случай, когда такое действие даже для меня невозможно. Я могу вычислить, сколько надо энергии, чтобы повлиять на движение луны вокруг земли, но привести в действие этот расчет, сдвинуть луну я не могу. Из этого следует, что первый проективный момент действия протекает вполне самостоятельно и не необходимо связан с действием, хотя и является всегда частью структуры всего действия.

Из сказанного я могу сделать очень важный вывод: я могу знать даже там, где я не действую⁴.

Мы узнали, следовательно, очень важное обстоятельство.

1) Изучение действия (хотя бы нескольких случаев, где происходит действие) позволяет нам понять, что такое знание. Мы можем узнать роль и назначение момента действия. Более того, нам раскрывается его смысл. Мы узнаем природу его, вытекающую, с одной стороны, из основного свойства субъекта — сознания, с другой — из необходимости сочетать в действии некоторое количество таких сознаний. Сознание — факт, не менее достоверный, чем действие, приносящее результаты. Нам не нужно даже идти за Декартом и говорить *cogito ergo sum*, а просто *cogito*. Или, быть может, *cogito ergo cogito*. Вопрос о бытии вообще может даже вовсе быть обойден, так как то, что есть, доказывает свое существование само — действием или сознанием или действием и сознанием.

Итак, для объяснения знания достаточно этих двух аксиоматических фактов *сознания* и *внутреннего действия*. *Происходящее в действии согласование нескольких сознаний в одно, новое и есть знание*.

Мы узнали природу знания. Но что значит знание о мире? Это очевидно момент процесса действия, субъектом которого является философствующее человечество, объектом — мир. Действие в этом процессе должно заключаться в каком-то превращении мира в человечество или, другими словами, в овладении человеком миром. Но мы знаем, что такое овладение вовсе не нужно для соответствующего знания, так как последнее предваряет действие. Следовательно, не овладев миром, мы можем его познать. Даже мы должны его познать предварительно, чтобы им овладеть. Итак, частичное действие раскрыло нам природу знания, знание же мира раскрывает нам возможность на него действовать.

Ставится вопрос: что значит знание о знании? (Это вопрос Фихтевского наукоучения.) Как может знание обращаться на себя, знать о себе? Надо найти процесс, в котором протекает действие, соответствующее знанию о знании. Для каждого, ставящего этот вопрос, это означает, что он нашел равнодействующую своих внутренних сознаний, своих внутренних субъектов-ипостасей.

Ставится вопрос: откуда мы знаем о множественности сознаний? Из анализа действия, ибо без такой множественности не было бы что соеди-

нять, не было бы действия. Сознание и множественность их — условия действия.

[3]⁵

I. *Элементы действия и его динамика*

1. Структура действия.
2. Я как ипостась (универсальность).
3. Я как часть (субъективность).
4. Я как действие (соборность).
5. Преобразование.
6. Воскрешение — круговорот.
7. Инволюция.

II. *Виды действий*

1. Действие обособляющее.
2. Действие растворяющее.
3. Действие объединяющее.

III. *Система действий*

1. Система действий в истории.
2. Акты обособленные.
3. Акты мессианские.
4. Отношения и синтез актов.
5. Мессианско-преобразовательный характер культуры.

IV. *Мессианские акты и настоящее*

1. Акт христианский — апокалиптики.
2. Акт научный.
3. Акт революционный.
4. Акт литургический.

V. *Литургическая культура будущего*

1. Созидание вещей — Будущее производство.
2. Созидание организмов.
3. Созидание человека.
4. Созидание социальных коллективов.
5. Созидание космических образований.

[4]⁶

1) *Определение действия.* Быть может, наиболее поразительной чертой истории человеческой мысли является пренебрежительное отношение ее к действию. Мысль упорно отказывается мыслить действие. Она размышляет преимущественно о себе самой, вращаясь в том логическом круге, о котором писал Фихте⁷. Скрепя сердце, по необходимости мысль

изредка останавливалась на понятии существования, как мы видим это в знаменитом декартовском положении. Но и тут самое важное первая часть силлогизм[a] je pense⁸. К тому же, самое существование в дальнейшем заменено было понятием бытия, несмотря на то, что первый термин Wesen⁹ гораздо выразительнее, так как устанавливает связь между фактом и сущностью, существом. Правда, о действии кое-что сказано у великих мыслителей, но всегда как-то обиняком, уклончиво, как будто стыдно портить мысль упоминанием о таких грубых предметах. Бытие — еще туда-сюда, благо, оно неизменно. Но нечто меняющееся, нечто действующее — это как бы неподходяще для мысли. Тем не менее приходилось давать некоторые формулировки. Но они давались мимоходом, и авторы их спешили переходить к другим, более выпяченным предметам. Проблема эта, конечно, не могла не остановить пристального взора непревзойденного отца философии — Аристотеля. Тогда как для Платона действие включается в игру теней, проходящих на стене пещеры, Аристотель понимает важность и неизбежность категории действия. Но он не дает его определения. Он ограничивается установлением связи и разделения между актом и мощью, потенцией и указанием их связи и перехода друг в друга. Кроме того, он улавливает с редкою проницательностью существенный признак действия, его необходимую коллективность — действие всегда, по его определению, содержит в себе отношение одного к другому.

В новой философии германский идеализм выдвигает снова проблему действия. Фихте в «Основ<ах> Наукоучения» прямо говорит, что все начинается с акта, который предшествует мысли. Но последующее рассуждение очень скоро доказывает, насколько несправимо бездейственно и противоестественно все мирозерцание послекантианской школы. Фихте очищает поле своего зрения от всего эмпирического и затем, когда мысль уже не имеет содержания (и, следовательно, безвозвратно оторвана от породившего ее акта), он пытается в ней обнаружить голую форму, из которой впоследствии все придется снова построить. В этом рассуждении раскрывается, во-первых, что акт сам по себе неважен и неинтересен для Фихте, во-вторых, что он назвал актом вовсе не настоящее действие, а какой-то первичный экзистенциальный субстрат мысли, схваченный в статическом, а не в динамическом моменте. У Гегеля действие в смысле основоположном заменено пресловутым бытием, которое, играя в прятки с самим собой, порождает существование, становление и проч. Все это в виде чехарды чисто логических, строго размеренных менуэтов и пассажей, с расшаркиванием понятий при взаимных встречах. Правда нашлось несколько слов для «деятельности», но понятие это ютится в великольном строении Гегелевской философии где-то на задворках, и к тому же тоже рождается [из] игры расходящихся и влетающих сами в себя понятий.

Пришлось мыслителю, ученому и поэту, но не профессиональному философу разбить этот вековой лед смелым утверждением, что в начале было не Слово, а дело. Это изречение Гете, несмотря на то, что оно не

учтено историей философии, горит огненными буквами на фронте современной мысли. И затушевывать его, или обойти, или замазать метафизическим туманом нет уже никакой возможности. Недавно философская школа прагматистов снова выдвинула это положение и сделала действие критерием ценности и истинности. Правда, прагматисты имели une mauvaise presse¹⁰, как говорят французы, и их с презрением провозгласили невеждами и не философами. Быть может, в самом деле, молодцы эти ринулись в бой немного опрометчиво и слишком бесцеремонно обращались с вековыми сокровищами, накопленными человеческой мыслью, слишком устойчивыми и ценными, чтобы быть уничтоженными или даже поколебленными таким кавалерийским набегом. В общем, прагматисты очень больно ударились о твердыню объективности знания, и когда на них прошла мода, оказались в жалком положении героев, обципаных от своих перьев, и потерявшими всякий блеск и даже интерес. Тем не менее кое-что из сказанного ими не прошло незамеченным и Джемс в особенности все же вписал свою страницу в историю философии. Ибо правда прагматизма заключалась в новом выдвижении проблемы действия и в указании на первичный его характер по сравнению с мыслью¹¹.

Но может быть высказано возражение, повторяющее идею Фихте: действие ни к чему не сводимо и поэтому иррационально и для мысли неопределимо. Конечно, действие само себя определяет или, вернее, утверждает. Но это не значит, что его нельзя никак выразить мыслью. Последняя не может объяснить действие, но она может в инвентаре своих определений найти формулу, отличающую действие как объект мысли от всех других ее объектов. И этого будет достаточно для того, чтобы в пределах мысли проделывать с этой формулой все необходимые логические манипуляции.

Для нахождения необходимого признака действия достаточно вдуматься в то, что ему противопоставляется. Как выглядит недействие по сравнению с действием? Недействие, или отсутствие действия, нереально. Если возможно говорить о каком-нибудь его существовании, существование это необходимо ущербное, обедненное. Одним словом, признак недействия есть отвлеченность или абстрактность, частичность логического выражения, наличие только некоторых выделенных признаков. Признаком же действия соответственно является максимальная полнота свойств, такое богатство определений, которое внедряет его в гущу реальности, делает его самой этой реальностью. Если недействие отвлеченно, действие необходимо конкретно. При этом будем помнить, что «*abstrahō*» не значит выделять, а корень конкретности означает связывание воедино многих сущностей. В этом, следовательно, мы находим новое подтверждение глубокомысленного положения Аристотеля о необходимости коллективном характере действия.

2. *Отвлеченные акты.* В самом деле, проявление человека во внешнем мире, которое можно назвать актом, может иметь различную сте-

пень действенности. Ни один акт не может быть абсолютно бездейственным, ибо это равнялось бы утверждению, что ничто есть реальность. (Прим. см. Бергсон)¹². На самом деле недействия нет вовсе в природе, и если мы о нем говорили, то лишь как о воображаемом пределе, к которому приближается уменьшающееся в интенсивности действие. Степень же действенности измеряется степенью полноты или целостности акта. Это означает, что максимум действенности принадлежит тому субъекту акта, который всецело, всеми сторонами своего существа проявляет себя в этом акте. Если же есть какие-нибудь планы, в которых акт не проявляется, результат его должен быть признан односторонним или частичным, и акт остается отвлеченным.

Из этого не следует вовсе, что максимум действенности требует максимум интенсивности проявления, т. е. затраты во всех направлениях максимальной силы. Напр<имер>, пуск в действие при совершении какой-нибудь работы всей физической и умственной силы субъекта. Измерение по критерию интенсивности определяет не степень действенности, а количественный характер действия. Нас же интересует его полнота, т. е. неравномерное использование им всех способов выявления человека, хотя бы выявление совершалось медленно и с небольшими последствиями.

Можно привести много примеров отвлеченных актов. Так, акт может быть ограничен по характеру деятельности субъекта: он может быть только физическим актом, или только умственным, или только моральным. В этих случаях как бы суживается и отграничивается особый канал, через который протекает действие. Также сам физический акт может быть актом только одного органа или группы органов. Умственный же акт может быть формально логическим, диалектическим и т. п. Моральный акт может быть рациональным или основанным на чувстве. С другой стороны, акт может быть ограничен по своему объекту, т. е. быть, например, политическим проявлением, или хозяйственным, или эстетическим. Ограничение может быть одинаково по характеру действия и по объекту — напр<имер>, в акте эстетическом. Соответственно из осознания и обоснования всех этих видов отвлеченных актов рождаются частичные и отвлеченные точки зрения. Таковыми являются все специальные точки зрения, рассматривающие мир с одной какой-нибудь стороны — экономической, эстетической, логической и т. п., чисто нравственной и т. п.

Здесь необходимо остановиться несколько подробнее на частичных и отвлеченных точках зрения в философии. Многое зависит, конечно, от того, как определять последнюю. Это в свою очередь зависит от основной точки зрения на познание.

Нам кажется, что, во всяком случае сейчас, правильно отставить точку зрения целостного познания против познания нецелостного, частичного, отвлеченного, абстрактного. Целостное знание — это постижение действительности всеми возможными способами и вместе с тем постижение всех сторон этой действительности. Но очевидно такое познание должно быть динамическим, вечно возобновляющимся по мере на-

ступления и прохождения действия. Но в таком случае оно должно быть тесно связано с последним, быть его постоянным коррелятом в сознании действующего субъекта. Этим самым устанавливается недостаточность одной целостности знания: оно должно быть знанием-действием или выражением меняющейся в течение времени совокупности человеческих проявлений. 3) Примечание. Целостное знание у мистиков. Сковорода. Умное делание. На горах Кавказа¹³. Но в мистическом восприятии познание ограничивается статическим восприятием и потому не дает процесс действия. (Оно целостно в объеме, но не в продолжении.)

То же находим мы у некоторых философов, как, например, Шеллинга и Соловьева.

Очевидно, философия, опирающаяся на такое познание-действие, не может быть односторонней и не может возвеличивать одну сторону действительности в ущерб другой. Раз человек состоит из плоти и духа, оба эти свойства его природы должны быть восприняты философией. Одинаково неприемлемы для последней идеалистическая точка зрения, имеющая центр тяжести и упор в потустороннем мире, смутно ощущаемом, но зато детально расписываемом логическим воображением. Несомненно, что это смутное ощущение этого мира, какой-то области, простирающейся где-то за пределами ежедневной эмпирии, есть реальное указание на какие-то пути, открывающиеся в этом направлении. Это как бы отголосок далекого неведомого края, отзвуки которого доходят до нас ослабленными и еле слышными. Но также несомненно, что ни мистическое созерцание, ни умозрительное рассуждение не дают нам действительного знания об этом мире. Мистическое созерцание слишком иррационально, смутно, расплывчато, перемешано с досужей игрой воображения. В нем отсутствует четкость и ясность, которые необходимы для всякой правдивой мысли. В них самообман затмевает опыт. К тому же, как мы видели, картины, создаваемые таким путем, статичны и не дают движения действительности. С другой стороны, идеализм, поскольку он исходит из непосредственно воспринимаемой онтологии, страдает тем, что оставляет в стороне чрезвычайно важный в отношении знания мир эмпирического существования. Поэтому и созерцательный, и идеалистический методы в философии не дают целостного познания, а лишь отвлеченное представление о действительности. Они неспособны преодолеть время. Ибо в созерцании ввиду отсутствия движения нет и времени. В идеалистическом же умозрении движение ограничивается следованием логических содержаний, вследствие чего реального времени также не возникает.

3. *Символическая и реальная культура.* Отвлеченные акты, подобные описанным, изобилуют во всех известных нам исторических культурах. Наличие их придает культуре символический характер в отличие от реального. В самом деле, культурное творчество, возникающее и проходящее, развертывающееся в форме отвлеченных актов, создает вместо ре-

ального изменения мира, вместо культуры в смысле преобразования и улучшения существ и предметов, — фиктивное их изменение в виде символического украшения действительности путем украшения ее рядом символов, представляющих логическую, нравственную, эстетическую и т. п. проекцию желательного действия. Но самое это действие не совершается, ибо это творчество отвлеченное и в лучшем случае дает только проект того, что необходимо сделать. При этом замечается любопытное явление гипнотического влияния этих символов на их творцов: последние по большей части забывают об этой проективной природе символов, при которой единственно они получают действенный смысл. Вместо этого творцы эти довольствуются совершенством, красотой и смыслом самих символов и наконец убеждаются, что создать эти образы [не дописано].

[5]¹⁴

I. Определение действия как целостное проявление человека.

Степени целостности и степени действенности.

Абстрактные акты.

Конкретные сущности.

Наиболее конкретная сущность — это мое действие.

II. Если взять мое действие в какой-нибудь момент как бы в разрезе, т. е. статически, получится известная установка этого действия, отличная от всех других установок, других «я» и отличная даже сама от себя в разные моменты. Это как бы индивидуальная система координат.

Задача заключается в том, чтобы найти

а) все элементы такой установки,

б) проследить движение каждого от ничто до Единого Сущего.

III. Взаимодействие установок, выражающееся в преобразовании мира. Найти закон преобразования одной установки во все другие.

I. Определение действия.

II. Анализ элементов действия.

A. Если стать в центре совершающегося действия, *элементы* его разложатся следующим образом:

1) Субъект — я — деятель — настоящее начало единства (момент субъективности).

2) Множественность (соборность), участвующая в действии. Она выражается всегда как прошлое.

Она делится на:

- а) объект — материал;
- б) окружающее, которое в свою очередь распадается на:
 - а) условия, воздействующие на деятеля;
 - б) условия, воздействующие на материал;
 - с) нейтральное окружающее;
 - д) условия, воздействующие на материал и на деятеля.

Совокупность окружающего = миру

+ деятель (универсальность)

деятель = миру.

3) Проект — цель — соответствует будущему. — Расчет.

V. III. *Процесс действия* (преобразование) — во времени соответствует свершению времен и овладению временем.

1) Процесс действия заключается в преобразовании деятелем материала, т. е. в превращении материала в деятеля.

2) Посредством этого процесса окружающее превращается сперва в материал, а затем в деятеля.

C. IV. Результат действия — воскрешение.

D. V. Система действий.

1. Расширение малого акта. — В прошлое. — В будущее. — Малый акт — часть большого.

Система актов в истории. Подчинение малых актов большим (Гастевский метод)¹⁵.

Необходимо класть в основу анализа действия не малый акт или отвлеченный частичный акт, но акт максимальный, целостный и действенный.

Степени действия. — Вред отвлеченных актов. — Значение целостности как критерия действия. — Смысл «конкретности».

2. Максимальными из известных нам космических актов являются акты, строящие культуры, акты мессианские. Такими являются акты основателей религий, вождей и пророков. Что такое мессианизм.

Апокалиптический характер мессианского Царства. — Идея преобразования мира. — История мессианской идеи. — История — ряд действий и соответствующих им апокалипсисов.

Пассивная апокалиптика. — Застой в Церкви. — Магия. — Наука. — Техника. — Необходимость придания им общей цели. — Общее дело — преобразование мира. — Культура как преобразование мира.

3. Разложение мессианского акта на элементы.

Субъективность — настоящее.

4. Соборность — прошлое.

5. Проективность — будущее.

6. Универсальность — свершение времен.

7. Преобразование мира — овладение временем.
8. Воскрешение и круговорот.
9. Инволюция.
10. Система актов. — Анализ всякого акта. — Оценка всякого акта.

III. *Соборность акта*

1. Согласно Аристотелю, акт есть отношение одного к другому. Отсюда необходимо коллективная или соборная природа акта.

2. Соборность акта выражается в том, что в нем всегда устанавливается воздействие субъекта на объект или деление на деятеля и на материал. Деятель стремится овладеть материалом, т. е. превратить его в себя. Идеал для деятеля — превращение объекта в субъект, поглощение объектности субъектностью.

3. Отсюда возникают два времени. Поскольку материал сопротивляется и вынуждает субъекта с собой считаться — рождается время внешнее, принудительное, являющееся не чем иным, как цепью изменений, навязываемых извне субъекту. Постольку же субъект обладает материалом и превращает его *ad libitum*¹⁶, т. е. присоединяет к себе, возникает время, подвластное субъекту, или цепь изменений, развивающихся согласно его собственному сознательно устанавливаемому закону.

4. Содержание времени принудительного воспринимается нами всегда как детерминизм или как прошлое. Содержание голый субъектности, без времени — как настоящее. Содержание времени подвластного — как завоевание грядущего или формирующееся будущее. Первому моменту соответствует данность, второму субъектность, третьему цель. Формами принудительного времени являются пространство и объективные признаки вещей. С этим тесно связаны их различия. Формой времени подвластного является ощущение ее, единого однородного. Власть над вещами или установление различий *ad libitum* есть постоянный синтез обоих времен. Отсюда необходимость внешнего времени или объективности, правда в подчиненном виде. Но без нее есть только одно, которое потому ничто, Единое несущее Парменида. Наличие же различий, заживающих собственной жизнью, но согласующихся со мной, создает неисчерпаемую полноту творения — Единое Сущее. Отсюда можно вывести возможность и необходимость зла и разрешение дилеммы не в смысле его уничтожения, но подчинения. Зло есть всегда обособленность.

5. Итак, соборная природа акта всегда создает его прикрепленность к цепи прошлого, к данности. Но против этой данности встает цель и стремится покорить будущее. Будущее основывается двумя временами — временем внешним, превращающим его в прошлое, временем подвластным, превращающим его в вечное настоящее (вечное в смысле возможности его воскрешения). Степень кругозора «я» и действенный его охват определяет степень его победы над данностью и, следовательно, размеры его субъектности.

IV. Универсальность акта

1. Уже солипсизм, возникающий во всяком обособленном сознании, служит показателем универсальной природы совершаемого субъектом акта. Но солипсизм сам по себе есть голая форма, которая одинаково годна для я — единого несущего и для я — единого Сущего

2. Для того чтобы получить последнее единое, включающее всю полноту признаков и различий, необходимо восходить к этому целому через данность, т. е. осознать всю цепь причин, иначе, говоря толстовским языком, «вспомнить» истину. Этот путь от «я» малого к «я» всеобщему протекает через ряд посредствующих инстанций, представляющих каждая расширенную первоначальную субъектность или малый эгоистический субъект, осознавший себя как группа, род, нация, класс, земля, солнечная система, космос. Для того чтобы убедиться, что этот путь в самом деле ведет к всеединому целому, можно взять любой акт и начать осмысливать его с точки зрения его данности. Этот процесс путем ряда регрессов приведет нас ко все расширяющимся действиям, отражением которых служит причинная цепь.

Самое основное действие и будет действием всего мира. И наш частный акт получает смысл только от связи с этим актом. Такая цель акта есть вместе с тем ряд абсолютного детерминизма или внешне принудительного времени.

3. Но возможно расширение не только в прошлое, но и в будущее. Здесь возможны три постановки вопроса. Либо [не дописано].

Третий вид есть наступление субъекта в сферу будущего и подчинение последнего цели.

Здесь мы видим другую сторону истории:

Если при расширении данности мы убедились, что историческая конкретность дана и неизбывна, здесь мы видим, что она создается нами, она продукт нашего творчества.

4. Расширенный таким образом акт остается все же актом данного субъекта. Получается вывод, что малый этот субъект есть то же, что субъект большой, универсальный. Оказывается, что каждая вещь есть всё. Частей нет, а есть только ипостаси. Закону противоречия предшествует закон тождества. Все отдельные существа оказываются аспектами или модусами единой сущности единого. Многое, чтоб быть, должно быть едино. (Тут закон прерывности соединяется с законом непрерывности (более глубокой)). Все различия возникают как его видоизменения. Одним из таких различий оказываются различия внеположности, создающие пространство. Единое, чтобы быть, должно быть многим.

5. Из этого следует, что личность есть *universum* и пределы ее — пределы мира. Отсюда моральный закон: можно сделать буддийский вывод — я всё и отдаюсь всему, теряя свою индивидуальность. Или же я

всё в смысле пифагорейском, я включаю все индивидуальности — я разнообразие всего.

Отсюда завоевательно-наступательное настроение, стремление овладеть природой, поставить свое время на место ее принудительного времени.

6. Но как быть в случае невозможности действовать, когда мы сталкиваемся с данностью, которую наши силы не могут преодолеть?

Здесь оправдывается стоическое правило о том, что надо сделать все доступные и возможные усилия в рамках возможного действия, а затем, когда обнаружены его границы, мужественно покориться внешней силе.

V. Преобразование и круговорот

1. Сущность акта заключается, таким образом, в превращении объекта в субъект или в преобразовании материала в деятеля. Из этого следует, что весь мир должен [быть] превращен в действующего субъекта. Другими словами, должно произойти преобразование материи в новый состав, одаренный сознанием.

2. *Овладение временем.* — Преобразование это означает овладение принудительным временем и превращение его во время, подвластное живому существу. Метод указан в книге «Овладение Временем».

Овладение временем носит необходимо коллективный характер.

3. *Воскрешение.* — Овладение временем ведет к воскрешению. — Воскрешение есть новая жизнь лучших частей старого. Она имеет индивидуальный характер, поскольку воскрешается индивид, но вместе с тем коллективна, поскольку производится совокупными силами соборного целого.

4. *Круговорот.* Природа этого процесса есть круговорот. Круговорот есть последняя постигаемая форма процесса во всех случаях.

5. *Инволюция и жертва.*

Существенный момент для круговорота есть инволюция или добровольное нисхождение высших существ. В этом начало жертвенности или воплощения высших образований в низшие составы.

6. *Преображение зла.*

Инволюция указывает, что зло необходимо, а преодоление его заключается не в уничтожении его носителей, но в преображении.

7. *Универсальность преобразования.* Преобразование, начинаясь в отдельных сферах, становится всеобщим процессом.

VI. Мессианские акты

1. История есть ряд индивидуальных и коллективных актов.

2. Культура есть не что иное, как преобразование человеком окружающей среды.

3. Исторические акты бывают разного калибра:

а) акты лично-семейственные

- б) акты групповые
- в) акт мессианские.

Мессианские акты являются основоположными для культурных эпох, ибо они являются максимальными коллективными актами.

4. Черты мессианского акта:

- 1. Субъективность.
- 2. Соборность содержания.
- 3. Универсальность — Общее дело.
- 4. Преобразовательный характер.
- 5. Космическое устремление.
- 6. Религиозный характер.
- 7. Коллективность деятеля. — Действенный собор.
- 8. Обещание будущего царства.

5. Всякий акт должен быть сравниваем с своим мессианским актом, мессианские акты — между собою. Борьба и амальгама мессианских актов.

- 6. Место каждого момента в мессианском акте.
- 7. Исторические культуры и их мессианские акты.

VII. Мессианский идеал человечества

- 1. Бывают эпохи собирания и разделения.
- 2. Кризис европейской культуры.
- 3. Кризис христианства.
- [4.] Мессианские акты современности. Новое собирание.
- 5. Будущее науки и техники. — Овладение природой.
- 6. Роль Революции. Превращение ее в Революцию космическую.
- 7. Активная апокалиптика в веках.
- 8. Мессианский идеал человечества — преобразование мира.
Преобразование материи, человека, общества.
- 9. Россия и Азия.
- 10. Всемирный нот.
- 11. Общее дело человечества побеждает рознь.

[6]

[ФИЛОСОФИЯ ДЕЙСТВИЯ Первая редакция]¹⁷

- 1. Есть Единое и кроме него нет ничего.
- 2. Единое для того, чтобы расцвести в иерархии совершенней проявляется в бесчисленных ипостасях, представляющих каждое отдельное сознание. Сознания-ипостаси изначально тождественны. Каждое из них есть

Единое, но в отдельном его проявлении. Каждое сознание-ипостась поэтому в основе тождественно каждому другому и всех их в себе содержит. Различия между ними возникают в результате их взаимодействия, и тогда они становятся уже не отдельными только проявлениями Единого, отличные друг от друга только по внеположности, но особыми проявлениями, отличными по качеству. Внеположность не есть пространство, ибо внеположность предшествует действию, а пространство из последнего возникает. Внеположность есть бескачественное и непротяженное свойство, отделяющее ипостаси-сознания друг от друга как отдельные сущности. До действия также нет еще иерархии сознаний-ипостасей, ибо иерархия эта возникает в итоге из различий, создаваемых действием. Иерархия эта имеется в Едином, поскольку к нему возвращаются через действие отделившиеся через внеположность сознания-ипостаси. Таким образом, иерархия создается действием. В этом смысл умножения Единого. Время также создается действием.

Когда Единое рассматривается как Безипостасное, оно называется Богом. Когда оно представляется как проявляющееся в отдельных и особых видах — оно является как многие сознания, в своей совокупности образующие мир.

Для самих сознаний, когда они обращаются к своим основам, само сознание это раскрывает им их изначальное единство, тождественность и божественность. Когда же они обращаются к своей ипостасной сущности и особенности, создаваемым действием, им представляется мир разделенный и различий, и все другие сознания, отделенные от них изначальным умножением Единого и воссоединяемые действием в виде синтеза особых его проявлений — представляются им как стоящие вне их в пространстве и во времени.

3. Сознание ипостасей-сознаний выражается в том, что весь мир представляется им как включенный в каждую из них. Они все воспринимают через себя как нечто лежащее в их сознании. Самое понятие внешней вещи, чего-либо вне их сознания есть для них понятие искусственное и сложное. И всякая такая вещь, раз только они ее воспринимают, уже тем самым есть часть их сознательного *я*. Последнее, конечно, не есть маленькое пространственно-временное *я*, но именно потому, что оно включает мир, — предшествует пространству и времени и условиям эмпирического мира.

На самом деле такое ощущение всеобъемлющего характера сознания ипостасей не есть иллюзия, но отвечает реальным свойствам всего существующего: каждая из них, как сказано было выше, есть проявление всего Единого и включает все другие ипостаси, т. е. весь мир.

4. Системы ипостасей-сознаний

Ипостаси-сознания образуют системы, группирующиеся каждая вокруг одной или нескольких центральных ипостасей-сознаний. Такие ипо-

стаси становятся центрами для остальных и подчиняют их закону своего особого сознания, причем особность эта создается и усиливается в результате возникающего таким образом общения.

5. Ритм

Способом влияния одного сознания на другие, в данном же случае центрального сознания-ипостаси на подчиненные ему в системе, является приобщение последних к форме и содержанию своего сознания. Каждое сознание имеет свои стадии переживания, причем их последовательность выражается в известном присущем данному сознанию ритме ее проявлений. Ритм этот зависит от всего накопленного в данном сознании опыта, полученного в результате взаимодействия ее с другими сознаниями. Для каждого нового случая такого общения, а следовательно, и при образовании новой системы центральная ее ипостась-сознание выступает с уже готовым сформированным ритмом. Процесс подчинения новой группы сознаний-ипостасей этому ритму и называется действием. Сущность всякого действия заключается в том, что центральное сознание-ипостась выделяет из окружающей среды некоторое множество ипостасей-сознаний, именуемых для данного действия его материалом, и создает из них новую систему путем приобщения их своему особому ритму. Вообще же установление общего ритма есть единственный способ взаимовлияния и взаимодействия нескольких ипостасей-сознаний. Сущность взаимодействия, присоединения, подчинения именно в том и состоит, что ритм становится общим для всей системы. Действующая ипостась-сознание подчиняет остальных своему ритму, т. е. устанавливает для них как правило творимый ею закон. Ритмы же их, от нее независимые и ей противопоставляемые в виде внешне навязываемого ей закона, — есть собственный особый ритм этих присоединяемых сознаний-ипостасей, вырастающий в каждой из них и сопротивляющийся поглощению ритмом центральной ипостаси-сознания. Ритмы эти чаще всего воспринимаются последней как некоторая внешняя сила, сила среды или окружающего. Это равнодействующая сознаний-ипостасей, входящих в состав окружающих уже существующую систему.

Для сознаний-ипостасей, на которые оказывается воздействие, — положение обратное — они воспринимают ритм центральной ипостаси-сознания и ее системы как принудительный для себя и внешне им навязываемый ею. Это в том случае, если они противопоставляют ей свой собственный ритм, если они борются за свою самостоятельность против ритма центральной ипостаси, действующей ипостаси-сознания. Но возможен другой случай, и это то высшее, к чему стремится каждая ипостась-сознание, образующая новую систему, — сделать свой ритм внутренне необходимым для присоединяемых ипостасей-сознаний, превратить его в их ритм, добровольно и сознательно ими принимаемый. Так создается внешний вид системы — система, в которой господствует согласие всех ее элементов, заменяющее механическое и принудительное их присоединение и объединение.

6. Равнодействующая сознаний

Так как речь идет всегда об ипостасях, являющихся вместе с тем сознаниями, т. е. осознающими себя (для субъекта все воспринимается в виде самосознания) очевидно все, что мы описали как содержание процесса действия, вместе с тем переживается сознанием ипостасей как та или иная степень самосознания. Но когда имеется несколько ипостасей-сознаний, согласующих свой ритм в принудительном или добровольном порядке, — самосознание есть уже сложное явление, в основе которого лежит некоторая равнодействующая их сознаний, некое общее для всех сознание или, иначе, самосознание образуемой ими системы.

7. Множественность как условие действия

Всякое действие предполагает как неперенное свое условие некоторую множественность элементов. (Еще Аристотель сказал: действие есть отношение одного к другому). Если нет налицо множества (по крайней мере двух) элементов, есть нечто одно, остающееся в состоянии покоя, из которого его ничто не выводит. Правда, возможны внутренние [отношения] или то, что можно назвать внутренним действием. Но это означает, что то, что мы принимали за одно, на самом деле внутренне сложно и включает в себя множественность, обуславливающую его действие. Из этого следует, что действие всегда возникает в группе элементов и состоит в преобразовании этой группы и обращении ее в систему.

8. Выделение элементов действия

Уже в самом определении действия содержится указание на внутреннюю дифференциацию его элементов, а именно на необходимое наличие в нем действующей ипостаси-сознания и нескольких присоединяемой к последней других ипостасей-сознаний. Другими словами, для действия необходимо выделение из данной среды, во-первых, субъекта действия, или деятеля, во-вторых, материала действия, или его объекта. Сам же субъект, хотя внутренне дифференцируется на действующую ипостась-сознание и на подчиненную ей систему (иногда представляющую сочетание, именуемое организмом), но в действии субъект является единым активным фактором. Можно также выделить средства, но они также представляют нечто уже находящееся во власти действующей ипостаси сознания.

9. Ограничение системы.

Выделение элементов системы приводит к четкому ее отграничению от среды. Последняя, конечно, может влиять на элементы, но влияние это происходит в направлениях и отношениях, не существенных для данного действия. Для последнего важен лишь процесс присоединения материала к субъекту, и поскольку это совершается, можно отвлечься от привходящих влияний, не изменяющих характера этого процесса и его результаты.

Поэтому хотя отграничение системы всегда носит относительный характер и система остается включенной в мировой порядок — тем не менее можно говорить об изоляции системы для данного действия. Изоляция эта чрезвычайно важна для обеспечения возможности круговорота действия и возврата системы в известных случаях к первоначальному ее состоянию — на чем основано овладение временем.

10. *Субъект действия*

Первым и основным элементом действия является субъект действия, или деятель. Выделение деятеля из данной среды всегда предшествует действительному процессу. Если в последнем не видно деятеля, как, например, в работе автомата, — это значит, что надо расширить систему, что она неполна и нуждается в дополнении истинным скрытым деятелем. Последний находится где-то вне ее пределов, и от него, несомненно, исходил или исходит толчок, придавший движение автомату. И в самом деле, ни один автомат не работает без того, чтобы не состоялся предварительный пуск его в ход каким-нибудь сознательным деятелем.

Выделение деятеля совершается путем его самоутверждения. Поскольку он действует сознательно, он утверждает себя этим сознанием, он ощущает себя как самодовлеющее начало и причина данного действия.

Но для того чтобы самоутвердиться, деятель должен установить свои пределы. Это очень трудная задача. Неизвестно, где кончаются эти пределы. В особенности трудно определить границы воздействия деятеля на окружающее. Для этого необходимо ограничение себя деятелем.

Задача самоограничения заключается в том, чтобы установить пределы сознания. (Здесь совершается операция, которую Кантор для образования своих множеств называет вторым законом порождения — а именно восприятие и утверждение данного ряда как законченное целое.)

Субъект действия имеет две границы: одна большая граница, периферия всего мира, с которым субъект тождествен ввиду того, что он есть ипостась Единого. Эта граница колеблется между двумя пределами — Ничто и Всё. Субъект может осознать себя как ничто, т. е. не ощущать себя ни в одном из центров мира. Или же он может осознать себя как всё, т. е. пребывающим во всех центрах мира.

Но для данного действия самоутверждение субъекта через его самоограничение требует не только такого максимального смирения или возвеличения, но какой-то промежуточной остановки между обоими максимальными пределами. Это минимальная граница субъекта, определяемая конкретными условиями, в которых протекает действие. Это та граница, которою деятель себя отделил сперва от среды, затем от материала. Действие возникает потому, что деятель не удовлетворен второй из этих границ и хочет расшириться так, чтобы поглотить материал и слить границу, отделяющую его от материала, с границей, проведенной между ним и средой. На самом деле тут не две границы, а только одна движу-

щаяся, так как отношение субъекта к среде чисто отрицательное. Он ею не занимается вовсе, ибо все, на что она обращает свое сознание, либо входит в него и влияет через него, представляя, следовательно, часть субъекта, либо составляет часть материала. И для субъекта важно определить, а затем преодолеть границу, установленную в самом действии между ним и материалом или между подвластной ему системой и материалом.

11. Пространство

Как один из результатов выделения элементов действия рождаются отношения ипостасей-сознаний, воспринимаемые ими как пространство.

Пространственные отношения возникают из сопоставления и противопоставления выделенных элементов действия. В каждом процессе действия, как мы видели, образуется разрыв между деятелем и средой, между субъектом действия и материалом и постольку возникает между ними расстояние, пространство. Конечно, в основе этого лежит внеположность, изначально разделяющая ипостаси сознания, но внеположность — более широкое понятие, чем пространство, так как протяженность есть один только вид внеположности. Протяженность, таким образом, есть функция действия.

Этому как будто противоречит то обстоятельство, что пространственные отношения не меняются с каждым действием, но как будто даже ему предшествуют и его обуславливают, оставаясь постоянной величиной — константой в смене преходящих действий. Но это происходит оттого, что пространственные отношения в каждый данный миг и для каждого данного действия представляют собой не исключительно продукт его — равнодействующую всех действий мира. Тогда как действующая система условно отграничивается от окружающей независимой среды — элементы действительного процесса остаются на самом деле в него вкорененными, и это выражается в их пространственном отношении друг к другу и к целому миру.

12. Выделение материала

Для действия необходимо, чтобы система деятеля расширилась в новую систему путем присоединения новых элементов. Выделение этих элементов, составляющих материал, вот следующая задача деятеля после его самоутверждения.

Материал выделяется из среды. Но на самом деле материал есть не что иное, как группа ипостасей-сознаний, входивших ранее в определенные системы и ныне присоединяемых к системе субъекта действия. Здесь, следовательно, мы имеем отрыв подчиненных ипостасей-сознаний от старой системы и переход их в подчинение к новой центральной ипостаси-сознанию. При этом материал может представиться в виде вещи. Вещь есть целое, не имеющее самостоятельного существования, а лишь функциональное. Это группа, оторванная от естественной своей систе-

мы, в которой все ее ипостаси согласовали свои сознания, и подчиненная целям, поставленным системой, находящейся вне самой группы.

13. Средства

Существенным вопросом для действия является вопрос об его средствах. Из среды иногда выделяется, кроме материала, преобразование которого есть прямая задача действия, — еще другая группа ипостасей-сознаний, которая имеет подсобное значение, служит орудием указанного преобразования.

Из этого определения ясно, что элементы-средства уже находятся в известной степени зависимости от субъекта действия. Здесь возможны самые различные градации, от полного слияния с системой деятеля и полного претворения в субъект до полной почти независимости — несколько уменьшенной лишь потому, что субъект всегда располагает средствами и использует их для целей действия.

Отличие средств от материала вместе с тем не только в том, что субъект имеет большее влияние на последние. Средства всегда носят характер подсобный, вспомогательный. Ипостаси-сознания, входящие в эту группу, не получают удовлетворения от своей деятельности, не живут для себя, а выполняют известное, поставленное субъектом функциональное задание. Материал же сам по себе есть цель процесса действия.

Характер средств, впрочем, в высшей степени различен, и средствами могут быть, кроме определенных групп ипостасей-сознаний, отвлеченные методы, и способы, и установки. В таком случае можно сказать, что имеется налицо отраженное в самом субъекте или в его системе влияние среды или материала в виде приспособления деятеля и его системы к среде или материалу. Впрочем, описание средств такого рода должно быть отнесено уже к другой части нашего изложения, касающейся проектирования действия.

14. Следующим моментом действия рядом с выделением его элементов является *проективный синтез*. Проективный синтез есть действие, происходящее внутри организма.

Что такое организм? В самой системе, образуемой данным именем-ипостасью, наблюдаются различные степени объединения ее элементов. Имена-ипостаси, входящие в эту систему и наиболее близко связанные с действующим именем, образуют ее центральное ядро. Это и есть то, что представляется нам в виде организма. Это не вся система данного имени-ипостаси, ибо пределы всей системы заключают в себе всю сферу ее возможного действия, — область гораздо более широкая, чем сам организм. Область эта не организм, но сфера действия организма. Различие этих двух сфер — внутренней области организма и внешней области его действия обуславливает различие внутреннего и внешнего действия, центрального для системы имени-ипостаси.

15. *Внутреннее действие имени-ипостаси*

Внутреннее действие имени-ипостаси есть действие, происходящее в пределах самого организма.

Если ипостась обращается в себя без привлечения в свою систему новых имен-ипостасей, то вообще нет взаимодействия, а следовательно, нет и действия. Есть чистое самосознание или самосозерцание. А так как в основе своей каждое имя-ипостась есть Единое, то такое созерцание ведет к прозрению сущности последнего как основной сущности и осознанию места самого имени-ипостаси по отношению к Единому. Это состояние, свойственное мистическому созерцанию Божества, когда личность освобождается в подвиге смирения от всего, что связывает ее с другими именами, и проходит через Ничто и погружается в лицезрение себя на самом низу лестницы творения ввиду своей отдаленности от своей Основы.

С таким созерцанием связано воспоминание не только тождественности имени-ипостаси с Единым, но также умножения последнего и основной связанной с этим структуры множественного мира. Это то, что мы называем диалектическим и математическим постижением основ бытия. Числа и идеи выражают вечную природу, заложенную в именах-ипостасях и изначальное их соотношение, порядок умножения Единого.

16. *Цель*

Но возможно, что имя-ипостась не созерцает только себя, но действует внутри организма, т. е. устанавливает равнодействующую ритмов подчиненных имен-ипостасей, составляющих организм, и тем самым согласовывает проявления их сознаний. Такая равнодействующая внутренних сознаний организма называется его целью. Цель возникает внутри организма без внешнего влияния и есть результат чисто внутреннего действия в пределах организма центрального имени-ипостаси. Цель зарождается в самом субъекте действия, независимо от материала, и может не только предшествовать выделению последнего, но даже предопределить самую сущность материала, избрать его из многих возможных. Цель может указать, что именно должно выделиться.

Из этого видно, что цель всегда является носителем ритма центрального имени, согласованного с ритмами организма, но независимого от ритмов, внешних последнему. Цель ставит вопрос, как будто вообще существует только ритм самого организма. Цель не ставит вопроса о возможности и путях своего осуществления. Она исходит из убеждения всемогущества деятеля или, вернее, из ограниченности внутренних мотивов. Для целевого устремления все строится исключительно исходя из условий организма. Сознание, ставящее себе цель, не считается с материалом и со средствами.

Что такое цель в самом организме? Цель есть образ расширенной системы, предносящейся имени-ипостаси, господствующему в уже существующей системе организма. Отсюда характерная черта целевого устремления — возникновение его из неудовлетворенности имеющимся

состоянием. Но так как идеал этот возникает внутри организма, в последнем должны быть элементы, составляющие содержание этого идеала. Целевое действие выделяет эти элементы в организме и стремится подчинить им остальных. Получается раздвоение организма и борьба одной части его против другой.

Первая стадия целевого действия, таким образом, состоит в осознании неудовлетворенности, вторая — в построении идеала, где она устранена. Неудовлетворенность может быть двух родов. Во-первых, недовольство внутренней группировкой или состоянием имеющих в организме элементов без указания того, что самый состав их недостаточен. В таком случае рождается цель внутреннего преобразования и происходит внутреннее действие — размышление, внутреннее ощущение и т. п. Во втором случае недовольство связано с сознанием, что внутренние средства реформы недостаточны, что надо привлечь какие-то элементы извне, надо расширить пределы системы, надо расширить самый организм присоединением к нему новых элементов (имен-ипостасей). Тогда в ответ на это возникает цель внешнего распространения. При этом содержание идеала составляет синтез этих внешних элементов с системой организма, возглавляемой центральной ипостасью-именем и преобразованной благодаря выделению в ней и господству избранных в предшествующем моменте имен-ипостасей. Но пока речь идет только о цели, а не о проекте, внешние элементы представляются неопределенно, предположительно, не как найденные и выясненные, а скорее как искомое X, как некий X, который надо присоединить к организму и подчинить его центральному имени-ипостаси. Центр тяжести для целевого устремления лежит не в содержании этого X, а в форме собственного искания, в устремленности к этому предположенному пределу. На самом деле его может вовсе не быть и цель может быть воображаемая.

Что же создает в организме это деление на осужденные и избранные элементы? Очевидно, критерий выбора лежит в центральном имени-ипостаси. Он — в прохождении этой ипостаси через два различных момента. Один — это момент смирения, самоуничужения, в пределе даже самоотождествления с ничто. Прохождение через ничто — самое полное выражение этого момента. Основанием возникновения этого момента является невозможность для имени-ипостаси удержаться на промежуточной ступени между ничто и всем. Начинает выявляться недостаточность, ущербность, промежуточность положения, вырисовываются отрицательные его черты, вырисовывается перспектива падения, ухода в ничто. Ибо верно правило, что нельзя остановиться между двумя полюсами Единого — между Единым Сущим и Единым Несущим. Надо быть в движении с направлением или вверх, или вниз.

В такую минуту, когда осознается, таким образом, близость остановки к ничто, надо смело свергнуться в бездну последнего, надо сознательно и добровольно в нее спуститься. Это означает — новое начало всего процесса, новый разбег вместо того, который дал восхождение лишь до

промежуточной ступени. Последняя уничтожается — в этом смысл отказа от себя и погружения в ничто. На самом деле это начало искания лучшего я, возврат к тем силам, которые обусловили возможность движения вверх. Что это за силы? Они кроются по-видимому в стремлении каждого имени двигаться по пути совершенства вплоть до достижения последнего предела совершенства — обожения. Здесь мы переходим ко второму моменту — восхождению от Ничто ко Всему, к Единому.

Если взять три момента — Ничто, промежуточную остановку и Всё, первый есть полная неопределенность, второй дает индивидуальное обособление, третий — сочетание индивидуального обособления с всеобщим единством. Первое создает центр — нигде, второе — центр кое-где, третье — центр везде. В терминах множественности ипостасей-имен — это первый случай — неопределенное единство Единого без ипостасей и без имен. Это божественное Ничто мистиков, из которого все рождается. Второй случай — объединение части имен вокруг центрального имени. Третий — объединение всех имен — полное обожение действующего имени.

Необходимость вторичного спуска до ничто после достижения промежуточной остановки объясняется тем, что остановка эта заводит, если на ней пребывать, в тупик. Само восхождение, если оно имеет целью самодовлеющее удовлетворение индивида, ведет в такой тупик и должно быть начато снова сначала. При движении вверх должно быть налицо сознание сквозного характера этого движения. Всякий шаг должен создаваться как получающий смысл только в связи с продвижением по всей лестнице, прохождением от Ничто ко Всему. Это так потому, что на самом деле нет отдельных индивидов, абсолютно обособленных субъектов, есть только Единое, которое является в двух своих основных аспектах — Единого Несущего без определений и Единого Сущего с богатством всех определений, проходя по этому пути через бесчисленное количество промежуточных аватаров.

Что же обуславливает необходимость движения именно вверх к Единому Сущему? То, что Всё превосходит Ничто. Действие рождается из основного преодоления наполненностью, богатством, неисчерпаемостью, совершенством, осуществлением всех возможностей бедности, пустоты нижнего предела.

17. Проект

Но рядом с целью, которая вырастает, таким образом, внутри организма в полной независимости от внешнего материала — внутри организма происходит другой процесс — выработка проекта внешнего расширения действия. Отличие проекта от цели в том, что в нем устанавливается равнодействующая между результатами внутреннего действия и проектированного в организме внешнего материала. Механизм этого установления следующий:

Устанавливается равнодействующая сознаний имен-ипостасей, составляющих организм, но видоизмененных внешними влияниями. Сис-

темы и имена, находящиеся вне организма, пытаются присоединить к себе его имена. Их ритм распространяется на них, заставляет их звучать с собой в унисон. Это называется восприятие организмом внешних влияний. Тогда, поскольку элементы организма не оторвались от него и не присоединились всецело к другим системам, но только получили на себе как бы отпечаток их в виде частичного подчинения их ритму — отражения последнего стали частью самого организма и видоизменили сознание его имен. Проект и есть установление равнодействующей этих сознаний в виде общего самосознания организма, достигнутого в результате проективного синтеза в организме.

Целевая операция касалась исключительно самого субъекта действия, его мотивов и условий и рассматривала при этом материал как нечто неопределенное. Теперь, при проективном синтезе принимаются во внимание все свойства материала и строится план овладения им на основании сочетания 1) содержания целевого устремления субъекта и 2) свойств материала. Проективный синтез соединяет в одно целое эти две категории данных.

18. *Знание*

Проект, таким образом, есть равнодействующая внутреннего ритма имен организма и ритма тех из них, которые восприняли частично ритм внешних имен-ипостасей. Совокупность проектов организма образует его знание.

Бывают случаи, когда действие может ограничиться таким внутренним действием и не переходит к присоединению к организму внешних ипостасей-имен. Проективное действие в таких случаях не имеет дальнейшего продолжения. Это значит, что общее действие организма не достигло полноты, не расширилось до пределов всей доступной ему системы, но ограничилось рамками одного только организма. В последнем произошел проективный синтез, не распространившийся дальше. Это то, что можно назвать чистым знанием.

В таком случае проект самодовлеющ и не нуждается в осуществлении. Чистое знание, таким образом, есть равнодействующая внутренних сознаний организма, видоизмененных восприятием материала в тех случаях, когда эта равнодействующая не обязательно связана с внешним действием. Такое чистое знание, впрочем, всегда может превратиться в практическое знание, т. е. иметь продолжение в виде осуществления своего идеала.

Несомненно, что множественность внутренней системы организма, вырабатывающей знание, отражается в логической деятельности мышления и, быть может, строение логической операции также отражает строение самого действия.

19. *Действие вне организма*

Действие может не остановиться на стадии проективного синтеза, но

продолжаться вне организма в пределах системы, объединение которой является задачей этого действия.

Моментами полного действия, включающего и проективный, и действительный синтезы, являются: 1) Самоутверждение субъекта действия; 2) Выделение материала; 3) Проективный синтез внутри организма; 4) Внешний синтез, проходящий следующие стадии: а) установку орудий, б) каталитический толчок, в) превращение материала в субъект действия; 5) Сверка результатов с проектом.

20. *Установка орудий*

В использовании средств следует различать три последовательных момента: 1) первый, когда средства еще не связаны с материалом и получили только установку в организме (если они представляют собой метод) и вне его (если они представляют реальную группу ипостасей-сознаний); 2) второй, когда средства уже приспособлены к материалу и придали ему соответствующую установку; 3) когда начался процесс преобразования материала и средства служат в деле этой обработки.

21. *Каталитический толчок*

Одна установка недостаточна для начала преобразующего процесса, подчиняющего материал субъекту. Требуется еще каталитический толчок, которого назначение — пустить в ход установленную уже систему. Природа катализа близко связан с природой сознания, также способного на молниеносные и внезапные реакции и обладающего собственной самодовлеющей причинностью и, наконец, действующего не постепенно, а внезапными толчками. Катализ освобождает вдруг заранее накопленную энергию.

22. *Присоединение материала к субъекту*

Содержание всякого процесса действия составляет преобразование материала, т. е. присоединение его к ритму субъекта действия. При этом материал как таковой не исчезает. Но власть субъекта распространяется на материал — он как бы присоединяется к орбите действующей ипостаси-сознания. Часто он остается и после действия в таком состоянии и превращается в средства: иногда же состояние это прекращается с завершением действия, но в результате последнего материал видоизменен ритмом субъекта — сохраняет в своем ритме следы этого ритма. Так, например, какое-нибудь вещество (железо) может стать средством (инструментом), употребляемым деятелем, — это пример повторяющегося действия: химический состав может быть поглощен всецело деятелем, впечатление от воспринятого усвоено — это пример поглощения материала (химический состав и впечатление) субъектом. С другой стороны, скульптор сделал статую, которая затем живет собственной жизнью, оторванной от него и отдельной. Но все же и статуя несет на себе отпечаток своего творца.

23. *Время*

Действие тесно связано с временем. «Действие протекает во времени». Так обычно выражается соотношение этих понятий. Рисуется вечное, необратимое течение времени, движущегося в одну сторону. И в нем, в его потоке происходят процессы совершаемых живыми существами актов. Процессы эти обусловлены временем и подчиняются его непреложному закону. Из сочетания же времени и этих актов рождается история. Таков общепринятый взгляд на время и действие.

Наша задача — перевернуть это соотношение, показать, что не время обуславливает действие, но, наоборот, в самом действии творится время. Оно возникает как результат и следствие действия. Это так для того времени, которое нам подвластно, которое создается нашей волей. (см. «Овладение Временем»). Мы являемся субъектами действия, его творящего. Мы его творим. Но и время, от нас не зависящее, время, для нас принудительное, навязываемое нам природой, имеет совершенно такой же характер. Только нам, по большей части, неизвестен субъект действия, его творящего. Нам неизвестно, кто его создает, а также самый размах этого творчества нам непонятен.

Не трудно заметить, что такая точка зрения имеет общее со взглядами таких мыслителей, как *Фихте* и *Гегель*, которые сперва постулируют сознание, а затем из него выводят все остальное, в том числе и время.

В общем, все наши затруднения возникают оттого, что мы не могли до сих пор освободиться от дилеммы: или все происходит во времени (этот взгляд идет от Гераклита), или же все неподвижно (элеаты). На самом деле оба взгляда неверны: время есть порождение действия.

В процессе сознательного обращения материала в субъекта действия путем присоединения его к системе деятеля создается то явление, которое называется временем. Время не предшествует действию и не обуславливает его, как обычно полагают, но, наоборот, действие создает время.

Уже в установлении цели и в выработке проекта заключалось преодоление времени мыслью в факте возникновении из прошлого идеала, господствующего над будущим и являющегося для него законом. Но хотя мысль тесно связана со временем и развивается в его категориях (прошлое связано с данностью, цель и проект с будущим), но реальное время течет мимо этой мысли и часто вопреки ей. Это объясняется тем, что мысль, как и вообще внутреннее действие субъекта ограничено в своей реальности множественностью деятеля и организма, тогда как объективное время развертывается в мире более широких систем, множественность элементов которых обуславливает содержание этой более широкой реальности.

Не то, когда мысль воплощается и служит законом процесса, совершающегося в этой более широкой реальности. Процесс этот означает, что будущее в действительности во всем многообразии затронутых систем претворяется в настоящее согласно закону, установленному прошлым. Здесь уже нет свободных или независимых от субъекта форм это-

го превращенного будущего, но все они обусловлены прошлой мыслью и выражены в бывшем ранее проективном синтезе. Проект этот направляет развитие будущего, превращая его содержание в субъект.

Если бы в данной системе такое подчинение оказалось бы полным и будущее развивалось бы всецело по образцу прошлого проекта, власть деятеля всецело царил бы в системе. Он мог бы постоянно и по желанию подчинять систему своему ритму, затем освобождать ее и снова по желанию подчинять — тем самым воскрешая эту более широкую, чем его первоначальная, систему. Другими словами, субъект действия творил бы время *ad libitum*. Это и происходит в известной мере в каждом сознательном действии.

Но на самом деле господство деятеля вне организма (и даже во многих проявлениях последнего) не бывает полным. Материал сопротивляется деятелю — мысль должна уже во внутреннем действии организма, при выработке проекта, считаться с самостоятельным влиянием и воздействием внешних ипостасей-сознаний. В действии получается еще новое несоответствие цели и ее выполнения (достижения). Времени, создаваемого субъектом, противопоставляется какое-то другое, независимое от него время. Что это значит? В последнем итоге это значит, что есть другой действующий субъект, воздействующий на тот же материал или удерживающий его в своей системе. Это значит, что есть другой закон, ему навязываемый, другое проективное знание, воплощающее в нем свой идеал. Происходит встречное течение двух времен, двух процессов, обусловленное тем, что два разных субъекта (или несколько) стремятся присоединить к себе одну и ту же группу ипостасей-сознаний. Время, подвластное мне, есть мое время, время принудительное же, извне мне навязываемое, есть результат действия другого или других деятелей. И так как, в конечном итоге, все субъекты суть ипостаси Единого, то здесь происходит борьба двух или нескольких таких ипостасей, борьба Единого с самим собой. Вопрос в том, кто из этих ипостасей борется для себя, для своей исключительной особенности, а следовательно, творит зло, и который защищает свою особенность только как одно из звеньев мировой цепи, ведущей к совершенству. Такая борьба может происходить между двумя равносильными и, следовательно, видимыми друг другу деятелями. Например, двое людей тянут каждый к себе один и тот же предмет. Тогда между ними устанавливается равнодействующая их силы. Из этой встречи рождается общий ритм и общее время новой образованной таким образом системы.

Но если один из субъектов невидим, вследствие того что масштаб его больше или меньше масштаба другого, мы называем это природой — объективным процессом, причинностью и т. п. ничего не значущими названиями, которые только скрывают наше незнание. Так же, вероятно, поступил бы сознательный микроб при воздействии на него человека через посредство какого-нибудь химического состава. Микроб не подозревал бы, что постигающее его событие есть результат сознательной воли и цели существа, живущего в теле, которое представляется ему, мик-

робу, безымянной и аморфной природой или средой. (Здесь можно вспомнить теорию Фехнера о том, что космические тела одушевлены). Во всяком случае, время этой встречной и враждебной системы представляется борющемуся субъекту, если он не может с нею совладать и превратить в свое время, — также враждебным, принудительным, необратимым, беспощадно слепым временем, проклинаемым поэтами и учитываемым мудрецами.

Так время есть всегда результат действия.

24. *Сверка результатов действия с его проектом (Контроль)*

Вслед за действием происходит его осознание деятелем. Это обратный процесс процессу проектирования. Там через посредство проекта прошлое овладевало будущим, навязывало ему свой закон. Здесь, наоборот, осуществленный идеал обращается вспять, сравнивается с проектом. Действие заключалось в том, что внешние системе сознания-ипостаси согласовали свои цели с целью организма и деятеля и тем самым подчинились последнему в меру его над ними превосходства. Теперь действующее сознание-ипостась осознает этот расширенный ритм, как бы прислушивается к тому, насколько правильно он звучит — насколько, в самом деле, согласованы проявления субъекта, установившие проект, с проявлениями внешних сознаний-ипостасей. Без такого осознания действие не полно — не стало вполне сознательным. В действии же этому моменту соответствует сверка с проектом, учет, контроль достигнутого.

Следует иметь в виду, что эта операция есть также познание, но познание уже не в одном организме, но во всей системе. Признак ее подчинения центральному сознанию-ипостаси заключается в том, что внешнее действие претворилось в познание.

Такое действие имеет значение не только для проверки прошлого, уже совершенного расширения системы. Оно имеет также значение для действия будущего, т. е. для дальнейшего расширения системы. Контрольное осознание совершенного дает систему не только учета прошлого, но отсчета для будущего, создает базу для перехода к новым, более широким системам.

25. *Переход к новой системе*

Момент сверки результатов действия с его проектом завершает процесс действия в данной системе, ограниченной выделением деятеля и материала. Однако действие может не остановиться на этом. От полученной системы можно перейти к расширенной системе, включающей полученную и присоединяющую к ней новые элементы в виде отдельных сознаний-ипостасей или целых их систем.

Очевидно, такое расширение требует нового действия, в котором система, служащая местищем первого действия, будет либо играть подсобную роль в виде средств, либо она явится как непосредственное продолжение организма и субъекта.

От новой системы можно перейти к еще более широкой и т. д., пока наконец действие не примет общемирового характера.

26. Иерархия ипостасей-сознаний

Взаимодействие ипостасей-сознаний создает их качественные различия, в результате которых они располагаются по степени совершенства и мощи на лестнице определенной иерархии.

Ипостаси занимают места на этой лестнице не вечно, но согласно достигнутому каждой в данный момент. Достигнутое определяется *кармой* ипостаси-сознания. Карма есть совокупность запечатленных в сознании и слившихся с ним отпечатков пройденного ипостасью пути, ее благоприобретенная наследственность. При этом, так как ипостась всегда стоит в связи с другими, составляет центр или элемент системы, карма выражается в виде определенной равнодействующей всех воздействий, создавших и сохраняющих и разрушающих эту систему.

Итак, в зависимости от кармы каждой ипостаси она является для данной стадии мирового действия членом всеобщей иерархии ипостасей. В зависимости же от действия места меняются и иерархия перестраивается.

27. Виды сознаний ипостасей

Различие кармы объясняет и различие видов сознаний-ипостасей, и, в частности, различие сознательных существ и несознательных целых. Мы разъяснили процесс действия, когда деятелем является ипостась-сознание, образующая организм и через него воздействующая на внешние системы и отдельные ипостаси, входящие в сферу ее действия. Но практика показывает нам много случаев действия там, где нет никаких организмов или сознательных деятелей. Многое из того, что происходит в природе, создается по-видимому несознательными факторами. Если мы признаем, что проявления их не действие, нам придется из этого сделать вывод, что все в мире делится на действующие существа и на предметы, обладающие способностью движения и проявления себя, но не действия, т. е. воздействия на другие элементы. Если же мы признаем, что и для последних имеет место действие — придется согласиться, что действие возможно без сознательного деятеля.

Однако есть и третий возможный исход: признать, что нет вообще никаких несознательных явлений. Это заключение находится уже *imply* в первом нашем положении: что есть одно только Единое и что вся множественность вещей — проявление его самосознающих себя ипостасей. Если стать на такую точку зрения, окажется, что весь мир есть общение и взаимодействие сознаний-ипостасей (Это можно сравнить с учением о духах Беркли, Мальбранша¹⁹, Фихте).

В таком случае необходимо допустить, что все вещи, кажушиеся нам несознательными, на самом деле суть сознания. Для того чтобы себе это представить, надо, очевидно, признать, что всякое целое есть система сознаний и само имеет сознание. Но само целое может и не быть созна-

нием, в том случае, если целое это не естественное, органическое, т. е. не выросло вокруг центральной ипостаси, но было образовано с функциональной целью по закону системы, центр которой является для данного целого внешним и чуждым. Такими являются все вещи. (Очерк о вещах.)

Из этого следует, что вещь не имеет собственного существования, но есть всегда придаток к какой-то органической системе. Что же остается по исключению вещей в мире кажущихся несознательными сущностей? Одни только химические вещества, газы, жидкости либо минералы, наряду с растениями и животными обладают способностью роста, утомления, раздражения — вообще свойствами, приближающимися к органическим.

Если, однако, рассмотреть внимательно вещества, кажущиеся совершенно лишенными сознания, — будет видно, что они не отступают от изображенных нами выше общих форм действия. Они образуют системы, выделяя действующие факторы и материал или же несколько воздействующих друг на друга деятелей (как это бывает, например, при химическом сродстве). Затем происходит присоединение материала к деятелю или же установление равнодействующей проявлений нескольких общающихся деятелей.

Остается, однако, вопрос: сознает ли себя при этом деятель, участвующий в таком процессе? На этот вопрос, конечно, эмпирически невозможно ответить. Но способность самосохранения, отражения нападения — реагирования, вообще все, что образует самостоятельный индивид и противопоставляет его сознание внешней среде, — все это свойства, весьма близкие к тому, что происходит в связи с процессами самосознания. Мы имеем здесь лишь аналогию, лишь вероятность. Но она совпадает с тем, что было установлено нашим положением о существовании одного только сознания.

Можно вспомнить при этом, что древние и первобытные народы отказывались верить в возможность несознательного действия и населяли природу духами, невидимыми существами, являющимися факторами всех ее процессов. Нам удалось посредством научного исследования опровергнуть наличие этих существ в том именно виде, в каком их изображали анимистические религии. Но следует ли из этого, что они вообще не существуют — в других, например, формах, нам непонятных? Следует ли из этого, что действие производится непременно без участия сознательных существ? Возьмем современные теории, объясняющие причину болезней. Сначала считали, что они вызываются духами, бесами и т. п., которые будто бы вселялись в людей. Затем эти представления сменились новыми, в которых болезни представлялись как результат необъяснимых процессов, происходящих без участия живых существ. Но в настоящее время доказано, что большинство болезней — дело микробов и бактерий. Все же изменения организма вообще — дело живых существ, составляющих наше тело. Все строение организма таково, что в нем вообще ничего не живого нет — он колония живых существ, живая система.

Допустим, что это так для организмов. Но как же быть с неорганической природой? Где в ней живые и сознательные деятели? Но известно, что современная наука совершенно утратила грань между живым и неживым, органическим и неорганическим. Из этого можно сделать механистические выводы и доказывать, что всякая сознательная реакция есть не что иное, как усложненное раздражение, а раздражение объяснять механически. Так создается, например, современная рефлексология. Самую жизнь можно объяснять как усложнение механического процесса. Но, с другой стороны, отсутствие четкой грани может привести к возрождению гилозоизма — к утверждению, что сам механизм есть затемненная, ослабленная, первобытная жизнь — жизнь связанная, за которой стоит свободная жизнь, ее породившая. Что касается жизни и ее происхождения, мы не знаем случая, чтобы последняя родилась не от жизни. Дуб вырастает из желудя, но самый желудь выращен другим дубом.

В связи с этим стоят искания направления к отысканию жизненных проявлений в масштабе не только меньшем, чем наш, но и большем. Так, многие социологи и государственеды считают социальные целые настоящими организмами (Вормс, Гумплович²⁰). Другие мыслители, как, например, Фехнер считают сами планеты и небесные светила одушевленными, возрождая этим представления старой астрологии. Фурнье д'Альб идет в смелой гипотезе еще дальше, представляя весь Млечный путь как частицу органического сверхмира²¹. Как бы то ни было, мы не можем нигде и никогда окончательно сказать, что за механическим процессом не кроется живой деятель. Наука дает нам следующий критерий: механическим процессом является тот, который мы можем опытно воссоздать по нашему желанию. Но Федоров блестяще доказал, что это не может служить основанием для признания самодовлеющего характера такого процесса. Наоборот, воспроизводя процесс по нашей воле, мы тем самым доказываем, что для совершения его нужна сознательная воля, хотя бы и наша.

Поэтому нет никаких оснований считать, что наука опровергла древнее и средневековое представление о невозможности существования неживого действия. Всюду, где есть движение и действие, мы должны искать за ними живого двигателя и деятеля.

Следует разъяснить понятие сознательного действия. Последнее не должно непременно означать способность логического рассуждения или даже вообще прохождения через мозг или высшие центры. Рефлекс на самом деле есть также сознательное действие, но направляемое другим сознанием, тем, что у нас принято называть подсознанием. В виду этого даже низшие существа не лишены своих форм сознания, быть может, совершенно для них самих неясных. Мы в случаях проявления последних выходим из затруднения, говоря о природе, но тем самым мы приписываем последней чудодейственный разум и она получает и то сознание, в котором мы отказываем отдельным существам. Может быть, это и правильно и все сознания могут быть сведены в конце концов к одному, общему для всех.

28. *Зло и совершенство*

Какое же общее направление мирового действия, если взять действие в наиболее широкой, вселенской системе? В таком масштабе оно — равнодействующая всех меньших видов действия и потому указывает направление совокупности всех видов действия вообще. Правда, многие действия и многие равнодействующие имеют направление, противоположное мировому, ибо они исходят из целей индивидуального обособления и утверждают ту или иную систему как самодовлеющее целое, не связанное с мировой системой. Это и есть то, что называется злом. Зло есть всегда продукт обособления, кристаллизующего в чопорных и статических формах то, что должно течь. Зло — порождение тупиков, в которые заходят воды вселенского потока и где они загнивают в оторванности от мирового движения. Зло — остановка там, где должно быть сквозное движение. В самом глубоком понимании зло есть проявление ипостасей-сознаний, которые забыли, что они ипостаси, и думают каждое, что оно абсолютное в своей особности Единое. Это гипостазирование одной особы в ущерб другим, развитие одной возможности, исключаящей все другие.

С этим явлением тесно связано естественное и необходимое его последствие — рознь. Рознь есть столкновение двух действий, причем исключительность цели каждой из систем порождает смертельную их борьбу, стремление их взаимно уничтожить друг друга, вместо того чтобы искать согласования с ним как с другим сознанием-ипостасью того же Единого.

Из осуждения розни нельзя, однако, сделать вывода о недопустимости борьбы. Наоборот борьба необходима, так же как необходимо в известных случаях принудительное подчинение низших ипостасей высшим. Но борьба эта возможна и нужна только в связи с таким иерархическим началом, т. е. тогда, когда это единственный способ для высших ипостасей направить действие низших в сторону мирового действия, т. е. совершенства.

Что же означает совершенство и почему считать, что мировое действие развивается именно в эту сторону? Совершенство, в противоположность злу, есть осуществление единства при полном сохранении особенностей всех ипостасей-сознаний. Единое несущее не имеет определений и имен, т. е. не умножено на ипостаси и потому ничто. Единое сущее есть единое, умноженное и заключающее в себе все возможности в виде живых ипостасей. Это единое сознание, ставшее многогранным, лик, сделавшийся многоликим.

Но что значит возможность? Неужели сюда должны быть включены злые возможности? Но мы видели, что зло есть только «объявление своеволия», абсолютная оторванность; та же обособленность, помнящая свое родство с целым, есть уже добро. Значит нет абсолютно злых возможностей. Особность как возможность всегда может быть и добром, и злом в зависимости от того, ведет ли она в простор Единого Сущего или

в тупик своеволия. Возможности сами по себе не добры и не злы. Качественный характер придается им взаимодействием и его результатами. Это связано с тем, что возможности являются только формой, в которой еще нет содержания. Это начальная установка, исходное место, положение, определяющее внеположное отношение ипостаси к остальным. Возможность становится особью, ипостась получает лик и имя, не в начале, а в конце процесса действия. И тогда же можно говорить о совершенстве, тогда как в начале есть только устремление к последнему.

Почему же должно победить совершенство? Потому что оно уже победило, потому что его победа вечна. Если бы совершенство не победило, если бы оно уже не было вечно — оно не было бы совершенством. Это означает на языке соборного действия — что не было бы доминанты всех систем. Но тогда были бы отдельные, совершенно разрозненные друг от друга целые и не было бы вообще Единого. Единое для того, чтобы быть, должно быть многим — сказал Плотин. Принимая это, можно добавить: Единое для того, чтобы быть, должно быть совершенным. Это и есть конечное объяснение необходимости процесса умножения Единого и последующего мирового действия.

Каким же образом различия количества, создаваемые внеположностью, обращаются в различия качества? Через образование систем, представляющих организованные целые, т. е. такие, в которых важны не только элементы ряда и их численность, но также направления их группировок. Направление это связано с целью, т. е. с способностью приспособления организма к данным условиям — иначе к действию, т. е. расширению системы*.

[29.] *Воскрешение*

Мы выяснили процесс превращения Единого Несущего в Единое Сущее через умножение Единого и взаимодействие его ипостасей. Этим самым стал яснее путь от Единого к Единому Сущему. Но не требуется ли для вечности такого превращения — обратный процесс от Единого Сущего к Единому Несущему? Нет ли тут круговорота и вечного возвращения? Ошибка такого взгляда (как, напр<имер>, у Ницше) в том, что мировой процесс включает в абсолютно существующее время. Есть, в самом деле, круговорот бытия, но он вне времени. Есть воскрешение, но это не есть воскрешение исчезающего прошлого, а воскрешение вечного, т. е. сама вечность. Это лучше всего понять, если представить себе, что для Единого, и несущего и сущего, нет времени принудительного, но все время есть время подвластное и, след<овательно>, сливается с законом, устанавливаемым сознанием Единого. Этот закон есть закон вечного и потому однократного умножения ипостасей и их взаимодействия. Но вместе с тем, так как цель и осуществляемое действие здесь сливаются, можно говорить здесь о постоянном воскрешении, о присутствии

* *Дю Буа Реймон. Мысли Лейбница о новейшем естествознании. Стр. 1122.*

обоих Единых в одном моменте и вместе с тем о противоположности — *coincidentia oppositorum* Николая Кузанского²³.

Однократное движение можно представить себе вечным только при одном условии сосуществования всех его моментов. Это и есть постоянное их воскрешение.

[30.] *Жертва*

Когда сознание-ипостась проникается необходимостью идти вперед не одиноко, но действовать, т. е. вести с собою к совершенству другие ипостаси, она может делать это разными способами. Она может навязывать свой ритм путем насилия, путем согласования, путем жертвы. Последний способ [не дописано].

[7]

ФИЛОСОФИЯ ДЕЙСТВИЯ²⁴

Вторая редакция
Апрель 1928

I. Действие как основа философии

Первичное, что нам дано в нас самих и в окружающем мире, есть действие. Действие неопределимо, ибо через него все определяется.

Нельзя себе представить себе чего-нибудь, что не было бы действием.

Между тем до сих пор нет философии действия. Такая философия должна бы дать анализ действия и через исследование принципов, заключенных в развитии любого действия, раскрыть общие законы действия, совпадающие с общими законами мироздания.

Философы и мыслители не дали такой философии. Они либо включали действие как отдельную проблему в свою систему (Аристотель — *Метафизика*), либо понимали под действием основной метафизический акт (Фихте), либо развивали общие положения диалектики становления, заменяя последним действие.

Между тем задача заключается не в том, чтобы дедуцировать действие в том или ином виде из логических принципов, а в том, чтобы из данного нам действия вывести основную первую философию. Такая постановка вопроса сразу дает философии твердый базис, ибо принципы действия не постулируются нами, а даны нам во всех окружающих нас явлениях и в нас самих.

К правильной точке зрения приближаются, впрочем, некоторые авторы, видящие в действии основной и первичный факт мироздания. Такой взгляд содержится, напр<имер>, в утверждении Goethe — *Am Anfang war die Tat* и Knippe — *Der Welt als Tat*²⁵.

Также на правильном пути находится *Федоров*, утверждающий, что «мы знаем только то, что творим»²⁶ и устанавливающий как основной критерий истинного совершенства дело.

Ср. также *Бэкон*.

Большое значение имеют, конечно, прагматисты *W. James*, *Schiller*, *Peirce*, *Dewey*²⁷ и др.

Также *Bergson*.

Для философии действия представляет интерес также анализ различных процессов, являющихся на самом деле частными случаями действия, но сохраняющих в своей структуре главные черты действия. Сюда относятся процессы *работы* и *труда*.

В то же время как философия пренебрегала действием и тем самым обрекала себя на затухание, ибо она не отвечала требованиям нашего действительного века, — в области техники, организации и производства назрела потребность в создании рядом с практикой теории рабочих и трудовых процессов. Здесь проделана обширная работа, опирающаяся на физику (исследование работы), на биологию, психологию, изучение профессий, исследование производства и т. п. Сюда примыкает учение об организации (*Богданов*, [1 нрзб.], *Эрдман*), изучение труда (*Giese*, *Nicklisch*)²⁸, немецкое учение о предприятии, работа ЦИТа.

Также содержат анализ рабочего процесса различные системы анализа производства.

Можно сопоставить также с анализом действия вообще анализ формы логического акта и акта грамматического.

II. Анализ действия

Множественность как условие действия

Всякое действие предполагает как неперенное свое условие некоторую множественность элементов. Еще Аристотель высказал, в своей *Метафизике*, положение, что действие есть отношение одного к другому. Если нет налицо множества (по крайней мере двух элементов), есть нечто одно, остающееся в состоянии покоя, из которого его ничто не выводит.

Правда, возможно действие внутри такого единственного элемента. Но это означает то, что нечто, принимаемое за одно, на самом деле внутренне сложно и включает в себя множественность, обуславливающую его действие.

Из сказанного следует, что действие всегда возникает в группе элементов и состоит в преобразовании системы, образуемой этим множеством элементов.

При этом ограниченная эта система остается связанной со всем мировым порядком и окружающее находится в ней в известном взаимодей-

ствии. Но этими взаимовлияниями можно пренебречь при анализе действия, т.е. как они не касаются тех отношений внутренних элементов действующей системы, которые обуславливают данное действие.

Компоненты действующей системы

Действующая система состоит из определенных компонентов или составляющих, т. е. из элементов, выполняющих определенные функции. Такими необходимыми компонентами являются субъект действия, или деятель, и объект действия, или материал. И тех и других может быть несколько.

Можно также выделять средства действия и среду, в которой оно развивается. Но эти элементы не имеют значения для проблемы установления общих принципов действия и вообще влияние их чисто вспомогательное. Поэтому в нашем анализе, преследующем определенную цель, мы можем их оставить в стороне.

Субъект действия

Выделение деятеля необходимо для возникновения действительного процесса. Если в последнем не видно деятеля, как, например, в работе чистого автомата, — это значит, что надо расширить систему и включить в нее скрытого где-то деятеля. Последний находится вне ее пределов, и система само по себе не является полной. Но толчок, обусловивший работу автомата, непременно дан каким-то деятелем. Ни один автомат не работает без того, чтобы не состоялся предварительный пуск его в ход.

Ставится вопрос, должен ли деятель быть непременно сознательным. Сознание тесно связано с субъектностью, есть внутреннее ощущение ее и непереносимое ее условие (см. «Овладение Временем»). Если нет сознательности, нет полного действия — деятель находится вне системы, и надо его найти, чтобы получить полную систему действия. Сознание может быть в самых различных степенях — от раздражимости амебы до всеведения наисовершеннейшего существа. Мы увидим далее, что без сознания невозможен необходимый момент действия — проективный синтез.

Объект действия

Для действия необходимо, чтобы деятель расширился, охватил новые элементы, не бывшие ранее в его системе. Элементы эти называются объектами действия.

Главное отличие субъекта действия от объекта заключается в том, что деятель становится центром действия. Субъект обладает активностью, тогда как объект пассивен. При этом, тогда как субъект представляет собой, как мы видели, сознательный фактор, объект действия может не

иметь сознания. Он может быть целым, живущим обособленной жизнью, или же частью, оторванной от какого-нибудь ранее жившего целого.

Объект получает отпечаток субъекта, принимает его образ, присоединяется к нему, подчиняется ему, обрабатывается им, оформляется им, создается им.

Все это названия для процесса, сущность которого мы узнаем в параграфе о практическом синтезе.

Возможны случаи, когда объект также активен и воздействует на субъекта встречным действием. Тогда это уже не одностороннее действие, а сотрудничество или союз.

(По Аристотелю же и пассивное восприятие есть действие.)

Проективный синтез

Раньше чем объект связывается с субъектом действия в практическом синтезе, действие происходит проективно, в самом субъекте. В субъекте возникает образ продукта или результата действия и способов, какими результаты эти создаются.

Можно различать несколько форм проективного синтеза:

а) Деятель создает *проект* конечного результата действия. Субъект представляет себе объект, измененный действием и принявший новую форму, созданную этим действием. Тут важно отметить, что в проекте отображается лишь *что* создается действием, а не *как*.

б) Для того чтобы ответить на вопрос о том, как это новое нечто создается, деятель строит *план* действия. План включает проект, но добавляет к нему представление о том, какими средствами и способом будет произведено превращение объекта.

в) Если же к плану добавляется еще представление о разворачивающемся действии в календарных и временных его моментах, имеется налицо третья стадия или форма проективного синтеза, выражающаяся в составлении программы. Программа рисует, как видоизменяется объект (проект), каким способом (план) и в какие сроки.

Сумма проектов, планов и программ, имеющих в наличности у деятеля, составляет его *знание*. Если деятель удовлетворяется одним накоплением проектов, планов и программ без дальнейшего, т. е. без перехода к осуществлению их — можно сказать, что знание его носит теоретический характер. Если же проекты, планы и программы переводятся в действительность, т. е. если совершается практический синтез — знание это является прикладным.

Одно и то же действие может рассматриваться с разных точек зрения. Когда я курю — происходит мое одурманение и уничтожение папиросы. Критерием для определения, которое из этих действий в данном случае рассматривается, служит интенция, вложенная в план.

Проективный синтез позволяет сделать расчет и тем самым дает возможность деятелю создавать условия, в которых будет протекать действие. Это производится в виде установки составных частей действующей системы согласно намеченному плану.

Значение установки в том, что она служит статическим осуществлением плана. Элементы системы располагаются и устанавливаются известным образом, предопределяющим практический синтез. Благодаря установке синтез этот протекает не в случайном или самодовлеющем виде, но направляется согласно проекту, плану и программе. Всякая установка поэтому регулируется шаблонами, направляющими и водителями, выработанными в проективном синтезе. Установка, таким образом, связывает действие, предугадывает его течение.

Из этого следует, что между проективным и практическим синтезом существует еще форма синтеза, которую мы относим к проективному синтезу, но которая могла бы быть выделена в самостоятельный вид.

Благодаря установке, деятель получает возможность овладеть будущим, вводить его в рамки возникшего в рамках прошлого плана. Установка есть расчет, вынесенный из пределов деятеля и претворенный в действительность в виде подготовительных к практическому синтезу условий.

В установке должны быть все элементы действующей системы, но в статическом виде.

Определение установки — сумма условий, предопределяющих направление и характер действительного процесса согласно проекту, плану и программе*.

Практический синтез

Центральным и важнейшим элементом действия является преобразование субъектом объекта. Объекту придается форма, спроектированная деятелем и предугаданная установками. Объект присоединяется к субъекту, в результате чего создается новый субъект или же сам объект получает новый облик. При этом объект воспринимает отпечаток субъекта, несет следы его влияния и воздействия. Но всегда рождается новая форма:

- 1) либо новый расширенный аспект старого субъекта,
- 2) либо объект, преобразованный по-новому и превращенный в новое существо — в продукт действия.

Превращение, таким образом, бывает разной степени — от полного поглощения деятелем объекта (съеденная пища, прочитанная книга, воспринятое впечатление) до временного и преходящего следа, оставленно-

* Теория установки как важнейшего момента трудового процесса впервые разработана А.К. Гастевым в его книге «Трудовая установка» и др. работах и легла в основу работы ЦИТ²⁹ как составной член формулы «Установка — Обработка — Контроль». — В настоящей книге дано обобщение этой идеи в применении к общему процессу действия.

го на материале. Между этими полюсами много градаций. Иногда же (2-й случай) объект, получив отпечаток деятеля, вовсе отрывается от него, заживает собственной жизнью, — напр<имер>, художественное произведение, имеющее независимую от своего автора судьбу.

Всегда практический синтез имеет творческий характер, порождает новую вещь или существо. При этом творческий акт этот всегда исходит из общения или взаимодействия двух элементов — субъекта и объекта. Здесь можно подчеркнуть поразительное сходство с совокуплением двух полов для производства нового существа. Даже устройство мужских и женских половых органов активная роль мужского и пассивная женского указывают на то, что это частный случай указанного нами общего построения действия.

Продукт действия

В результате практического синтеза получается продукт, изделие, фабрикат, новая форма, новое существо.

Продукт, как мы уже видели, может находиться в различных отношениях к деятелю. Он может быть самим деятелем, если объект не отличается от последнего, если деятель над собой производит действие. Он может быть поглощен деятелем. Он может оставаться в зависимости от деятеля. Он может быть от него независимым. Он может вести новую, самостоятельную жизнь.

Контрольный синтез

Вслед за действием происходит его осознание субъектом. Это процесс, тождественный процессу проектирования, но с обратным направлением. Там через посредство проекта прошлое овладевало будущим, навязывало ему свой закон. Здесь, наоборот, осуществленный идеал обращается вспять, сравнивается с проектом. Деятель осознает то новое, что получилось в результате его общения с объектом. Без такого последующего осознания действие для совершившего его не полно. Это достигается путем сверки с проектом, проверки, учета, контроля достигнутого.

В результате контрольного синтеза получается расширенное знание, новый проект. Этот проект может быть исправлением старого. Контроль служит способом корректирования и совершенствования через браковку неудачных форм. В таком случае действие обращается на себя, само себя исправляет.

Но проект может быть и новым. Контроль, выражаемый в виде научного суждения или художественного суда, может иметь значение не только для проверки прошлого, уже совершенного действия. Уже исправленное действие есть новое действие. Но контроль имеет также значение для действия будущего — т. е. для дальнейшего расширения действующей системы. Контрольное осознание совершенного дает систему

не только учета прошлого, но отсчета для будущего и тем самым создает базу для перехода к более широким системам.

Переход к новой системе

Момент сверки результатов действия с его проектом завершает процесс действия в данной ограниченной действующей системе с определенными субъектом и объектом. Однако действие может не остановиться на этом. От имеющейся системы можно перейти к новой.

Здесь возможны несколько случаев:

1) Либо может иметь место *повторение* данного действия. Здесь возможно: а) повторение действия старым субъектом при новом объекте; б) повторение действия новым деятелем при старом объекте; в) повторение действия новым деятелем и при новом материале, но с сохранением старого проекта.

Идеальное обращение — с тем же объектом, субъектом и проектом — было бы *perpetuum mobile*.

2) Либо действие может расширяться присоединением нового объекта к старому. Могут параллельно со старыми элементами системы возникнуть параллельные ряды деятелей орудий и начаться новый прилив объектов и энергии.

3) Либо может произойти расширение деятеля и в связи с этим расширение проекта. Несколько деятелей могут быть соединены и подчинены общей воле и общему управлению. Один и тот же проект может направлять работу ряда деятелей.

III. Основные принципы мироздания, выведенные из действия

Из приведенного анализа действия можно вывести основные принципы мироздания.

Множественность

Необходимость множественности в действии объясняет необходимость множественности в мире. Если бы в мире было бы только одно — не было бы действия, все было бы неподвижно и мертво, не было бы ничего.

Был бы мир элеатов, одно Несущее Парменида.

Многоименность и многоликость Единого

Отношения субъекта и объекта в действии объясняют нам природу множественных сущностей, составляющих мир. С первого взгляда ка-

жется, что это отдельные и разрозненные части, совокупностью которых является мир.

Но анализ действия раскрыл другое — эти сущности не части целого, а его ипостаси. Каждая есть всё Единое, но в особом его выражении. Назовем их ликами или именами Единого. Лик выражает выявляющееся в каждом лице целого, имя — именуемость, определимость каждой ипостаси.

Такой характер элементов мирового множества доказывается тем, что сущность действия есть превращение объекта в субъект или создание из них нового существа. Это было бы невозможно, если бы они были частями целого, а не ликами его или именами*. Действие состоит в том, что одна вещь становится другой, значит они обе лишь модусы или ипостаси третьей — Единого. Если бы они были отдельными вещами — частями целого — этот переход ни в коем случае не мог бы иметь места.

В этом объяснение взаимовлияния и взаимодействия вещей (см. «Овладение Временем»).

Вместе с тем несомненно, что вне таких отдельных ипостасей Единое не может действовать и потому не существует вне своих имен или ликов. Вернее оно без них есть Единое Несущее Парменида без качеств и без определений. Но у Единого есть Имя, соответствующее Единому Сущему Парменида, т. е. наибольшей полноте выражения Единого. — Этот Лик Единого есть Наисовершеннейшее Существо, или Бог.

Пантеизм построен на смешении Единого с Наисовершеннейшим ликом. Но у Единого есть и другие имена и лики, в том числе и дьявольский лик.

Глубина личности, выявляемой в каждом из имен Единого, имеет направление не в сторону ее специфичности, безотносительно образуемого всеми ими ряда, а в сторону универсальности этого лика, т. е. приближения его к полноте качеств Наисовершеннейшего Существа.

Пространство

Из анализа действия видно, что объект противопоставляется субъекту и, следовательно, отделен от него. Степень отделения называется расстоянием. Если есть несколько объектов, то расстояние их к субъекту различно и возникает также расстояние между ними (через каждого из них к другому). Расстояние есть показатель трудности для действия, возникающего вследствие большей или меньшей отделенности субъекта и объекта. Таким образом, пространство возникает в действии и для него

* Называя ипостаси именами, мы тем самым устанавливаем связь нашего учения в его терминологии с глубокими учениями об имени. См.: *Лосев. Философия Имени*³⁰.

(ср. Бергсон — «Длительность и одновременность»³¹ — 66. «Степень невозможности и есть то, что мы называем расстоянием»).

Главная ошибка, которую мы делаем в отношении пространства, это представление его в виде чистого пространства, т. е. протяженности, независимой от того, что ее наполняет. На самом деле «пространство есть место материи», как сказал Анаксимандр, или «геометрия есть глава физики» (Минковский). Иначе нет вовсе пространства, а есть те или иные системы, в которые входят те или иные элементы. Место же, занимаемое сперва одною вещью, а потом другою, означает тождество в обоих случаях отношений к окружающим системам, служащим точками отсчета. В таких случаях очевидно, что то, что нам кажется пространством, есть совокупность известного вида отношений между системами и их элементами. Но что это за вид отношений?

Это отношения расстояния — стояния врозь. Расстояние указывает на то, что между данной вещью и другой есть какие-то промежуточные инстанции или, если их нет, они могут возникнуть. Последняя альтернатива указывает на то, что для таких возможностей отведено место в плане деятеля той системы, где находится пустое пространство.

Время

Время возникает в результате практического синтеза в процессе действия как последовательность переходов одного имени в другое или в новые имена. Переходя от А к N, ипостась X превращается в промежуточные ипостаси В, С, D... и т. д. Это и есть цепь времени. Содержание времени — ряд имен А, В, С, D..... N.

Бергсон прав, когда он утверждает, что время есть не только объективное, но и субъективное явление («Длительность и одновременность»). Субъективность его в том, что последовательное приятие ряда ликов ощущается каждым из них как его внутренний процесс.

Относительность точек зрения, возникающая при перемене субъекта действия, является прямым результатом умножения Единого и явления его в ряде имен.

Но это не единственный вид относительности. Один и тот же субъект передвигается в пространстве и времени. Передвижение в пространстве означает перемену отношения к другим объектам (всякий субъект, когда устанавливается к нему отношение другого субъекта, является для последнего также объектом). Эта перемена отношения, вообще подвижность, есть свойство имен быть во многих местах. При возрастании скорости оно становится вездесущностью (в пределе). Это, следовательно, свойство, в основе которого лежит способность Единого быть многим. Это зародышевая форма свойства умножения.

Подвижность есть один из видов размножения имени (другим видом является отделение (почкование), разделение, половое размножение,

влияние на объект — действие — все это способы перехода одного имени в другое). Пространство же пробегаемое имени дано заранее, поскольку есть не только проект этого движения, но и известная установка, отмеченная вехами — существующими в этом пространстве вещами.

Что касается другого вида относительности — во времени — она рождается вследствие невозможности для одного и того же имени быть вездесущим. Вечность связана с вездесущностью. Вездесущее не может исчезнуть, т<ак> к<ак> тогда оно перестает быть вездесущим. Вечное не может не быть везде — так как иначе, если оно есть постоянство одного и того же, оно есть постоянство неживого. Время есть ограниченная вездесущность — или, вернее, отрицательная вездесущность. Поскольку вещь не везде, она временна. Если бы она была в одном только месте без движения, она была [бы] неподвижной, мертвой, не имела бы ни вездесущности, ни времени. Если бы вещь была бы везде, она не имела бы также времени, потому что ей некуда было бы перейти. Поскольку вещь может быть в нескольких местах — получается род вещей, много вещей с одними и теми же признаками. Поскольку же вещь может быть в нескольких местах, т. е. умножаться в порядке принятия на себя тех же отношений, что принимает другая вещь, мы говорим о движении и о времени.

Движение к совершенству

Переход ипостасей в другие происходит либо путем присоединения объекта к субъекту, отчего субъект получает новые свойства, становится иным, новой ипостасью, либо в виде создания новых имен.

Очевидно, движение происходит так, что более могущественное имя воздействует на более слабые. Есть ли указание в анализе действия на характер этого могущества и на связь его с совершенством?

Мы находим такие указания в законах проективного и контрольного синтеза. Если бы не было этих видов синтеза, действие было бы слепое, не осознавало бы себя. У него не было бы субъекта. Наличие этого синтеза обуславливает осмысленность действия, т. е. подчинение его требованиям известных качеств — разумности и красоты. Критерии разумности и красоты проявляются в проективности и контрольном синтезе. — Виды деятельности, создающие проекты и отчеты, — знание и искусство.

Действие носит благодаря этому в себе способность различения и самоосмысливания.

В масштабе мирового действия проект есть идеал, к которому стремится все сущее, — образы искусства и знания, заложенные в каждом имени. Так — есть наука и философия. Программа есть совокупность практических моральных принципов, указывающих правила жизни.

При переходе имен и создании новых имен имеет место сперва создание нового имени в проекте, затем создание реальной системы согласно проекту. Это и есть установка. Только впоследствии, когда сис-

тема установлена, начинается ее действие, выражающееся в практическом синтезе.

Смысл действия

Дальнейший вопрос — в чем же заключается смысл действия. Очевидно в том, что оно, следуя указаниям разума и эстетического чувства, создает постепенно все более совершенные имена.

Можно считать, что предельным идеалом является превращение всего в Наисовершеннейшую Ипостась.

Иерархия имен

То обстоятельство, что одно имя переходит в другие, указывает на их различие. То, что одни поглощают другие, указывает на их качественные отличия. Есть иерархия имен по степени их активности и способности превращать в себя другие или рождать из сообщения с ними новые существа.

Каждая ипостась есть сама в себе ничто иное, как ограниченная действующая система. Иерархия имен есть иерархия действующих систем, иерархия действий. Каждая ипостась, следовательно, включает в себя субъекта и объекта. Этим обеспечивается рост и развитие этих ипостасей, что было бы невозможно, если бы в них не происходило действия, захватывающего и внешнюю среду.

В частности различие организмов от вещей есть различие степеней совершенства и сознательности систем. Система, имеющая менее сознательного субъекта, находится на низкой степени развития. Система, не имеющая сознательного субъекта, не имеет самодовлеющей жизни и присоединяется к другим (см. статью «Вещи»).

Воскрешение

Существенно важно, однако, понять, что Наисовершеннейшее Имя не находится только в конце каждого действия, но и в начале и что движение к нему есть, следовательно, вместе с тем и воскрешение. Степень действительности соответствует степени воскресительности действия. То, что действие стремится к воскрешению, доказывается, между прочим, тем, что истинное знание, ставящее идеал, — есть воспоминание (заложено в нас, ср. «Менон» Платона³²). Обнаруживается, что в начале был процесс творчества, т. е. образование ликов по образцу Наисовершеннейшего Лица).

Если бы действие не воскрешало бы прошлое, оно не предшествовало бы времени, а подчинялось бы ему.

Отдельные ипостаси могут воскрешаться во множественных экземп-

лярах поскольку их возрождение приближает остальных к Наисовершеннейшему Имени.

Воскрешение дает основание для построения морали (личной и общественной) и права. Основой этой морали является убеждение, что мы должны внести как можно больше улучшений в мир, т<ак> к<ак> мы будем в нем жить много раз.

Переход к новой системе действия означает взаимодействие прежнего объекта и субъекта с новой ипостасью, более могущественной или большей по объему. Здесь ставится вопрос о значении большого и малого.

Несомненно, что в иерархии вещей включающих и включаемых дана схема, при совершенстве выполнения которой большое должно было совпадать с более совершенным, малое — с менее совершенным. Наиболее совершенным должен был бы быть весь мир. Другими словами, действие стремится все включить в свою систему. Этому соответствует наше солипсистическое представление о мире как включенном в наше я. Каждый лик есть лик всего мира, ощущает всё Единое как входящее в него. Относительность пространства при перемещениях есть доказательство того, что контуры имени все время меняются и что, пройдя известное расстояние, мы уже новое существо. Пространственность есть изменчивость ликов.

На практике, однако, малая часть качественно выше большого и, прорастая и вырастая, малое имя охватывает большое и стремится к вселенскому кругозору.

Сущность лика или имени

Когда мы говорим, что отдельная вещь есть лик или имя Единого, что это значит? Мы имеем ответ в осознании своего существования каждым сознательным существом. Почему-то принято считать такое субъективное представление иллюзорным и относительным. Оно относительно настолько, насколько относительно само отдельное существование. Но такое представление совершенно верно отражает действительность: оно как раз отражает то, что есть в себе отдельный лик или имя. Это рассуждение можно сравнить с рассуждением Бергсона, когда он опровергает множественность реальных времен («Длительность и одновременность», 67).

Все-таки сознания отдельных существ и связанные с ними времена выражают больше чем нечто единое. Они выражают каждое в своем особом переживании — особый лик Единого.

Когда я осознаю себя как центр мира — это Единое переживает себя как мое имя.

ПЛАНЫ ФИЛОСОФСКИХ СТАТЕЙ

[1]

Облик будущего героя¹

1. Старый идеал нравственного, духовного и материального совершенствования:
 - а) Античный идеал — герой, атлет.
 - б) Христианский идеал — святой.Достижения на этих путях и тупики.
2. Революция в культуре в результате выработки методов овладения природой.
3. Влияние этой революции на идеал людей. — Выработка нового идеала человека и деятеля.
 - Его главные черты — современный тип инженера, тип деятеля — их критика.
 - Ход вещей опережает их. — Необходимость нового типа. Его главные черты.
4. Цель — преобразование мира. — Овладение природой — овладение временем. — Энтропия и эктропия. — Роль жизни и труда.
5. Характер деятельности — *труд*. — Трудовая культура.
6. Метод — *наука*. — Научная культура. Эволюция от Бэкона.
- 6 bis. *Математика*. — Ее роль.
7. Приложение науки к труду — дает инженерную *технику*. — Что такое инженерия?
8. Необходимость *коллективности* в творчестве культурных ценностей.
 - Значение социальной точки зрения.
9. Объединение всех процессов путем *рационализации* и *организации*.
10. В итоге новый тип деятеля — инженера — с совокупностью этих черт в итоге.
11. Новый деятель и нравственность.
12. Новый деятель и духовная жизнь.
13. Новый деятель и космос.
14. Новый деятель и семья. — Будущее деторождения.
 - Вопросы Пола — защиты любви.
15. Новый деятель и экономика.
16. Новый деятель и государство.
17. Новый деятель и материальная культура — вещи.

18. Новый деятель и жизнь — Преобразование организмов.
19. Новый деятель и искусство.
20. Новый деятель и организация науки.
21. Новый деятель и социальный вопрос.

[2]²

I. Коллективная природа умственной работы.

Коллективный ритмический характер:

- 1) Теоретического знания
- 2) Научно-технической изобретательности
- 3) Художественного творчества.

Воздействие на умственное творчество через соответствующую организацию социального коллектива.

II. Стандартизация мысли.

1) Образование искусственных языков: (роль международных языков, стенография, телеграфные коды, эсперанто, волапюк и т. п.).

2) Образование логического языка (расширение математики, теории математиков-логистиков Расселя, Уайтхеда, Кутюра, Пеано³ и др.).

III. Организация культуры.

1) Кризис культуры в результате разъединения символической и реальной деятельности людей.

2) Организация культуры в виде выработки проекта деятельности и его осуществления.

3) Задачи новой организованной культуры.

[3]⁴

Исторический очерк

1. Религиозная идея преобразования мира. Апокалиптика в разных религиях. — Пассивный ее характер.

2. Идея промышленности. — Платон. — Отрицательное мнение Сенеки. — Промышленность у греков и римлян.

3. Средние века.

4. Ренессанс — Гуманизм.

5. Новое время — Рождение науки. Бэкон.

6. Промышленность в XVIII веке — Дидро и Энциклопедия.

Петр — Ломоносов.

7. Французская революция — Сен-Мартен.

8. Эпоха утопического социализма — Фурье — Сен-Симон — Конт.

9. Маркс.

10. Федоров.

11. Новое развитие техники.

12. Америка.
13. Русская революция — сперва социальная.
Лозунг индустриализации.
14. Индустриализация и преобразование мира.
15. Роль промышленного пролетариата.

[4]

[План работы об эпосе]⁵

Введение. Найти в эпосе постановку наших вопросов и ответы на них.

Значение эпоса.

I. 1) Калики перехожие — Казачество, Странничество, Достоевский, Толстой, Сковорода.

2) Святогор.

3) Аника и Смерть.

4) Микула — Народничество без обогащения мужика.

Федоров.

5) Вольга — магия, наука, Федоров.

6) Буслаев — бунт, Стенька, Революция.

7) Илья Муромец

8) Егорий Храбрый

9) Круг Владимира

} христиане-рыцари. Творчество.

II а) Эпос и лирика. — Превосходство эпоса. — Эпос у греков — эпос великого народа. — У великого народа — великий эпос.

б) В эпосе соединяется идея великой личности и коллективного действия.

в) В эпосе прошлого мы можем найти постановку наших вопросов и ответы на них.

III. *Заключение* 1) Мы должны иметь перед глазами героев;

2) русских героев;

3) таковыми являются прежде всего герои русского эпоса, ибо они соединяли свободу и величие личности с служением общему делу — страны и творчества культуры.

**ПИСЬМА, ЗАПИСКИ,
ПРОЕКТЫ, ЗАЯВЛЕНИЯ**

ПИСЬМА Л.Д. ТРОЦКОМУ

Письмо от 31 декабря 1919¹

Многоуважаемый

Лев Давыдович,

Выслушав в заседании Комиссии по Изучению Опыта Войны 28 сего ноября Вашу речь по вопросу о милиционной системе² и прочтя затем Ваши тезисы в «Правде»³, я считаю необходимым сделать Вам некоторые принципиальные возражения. При этом, так как Вы расширили вопрос и поставили проект организации милиции в связь с общим вопросом о будущем строе, я должен придать моей критике такой же широкий объем.

1) Мне представляется прежде всего неясным отношение Вашей постановки вопроса о милиции к основным линиям настоящего и будущего государственного строительства Советской Власти. В принципах этого строительства есть несомненно глубокое и притом необходимое внутреннее противоречие. Это та двойственность идеалов, которая ярко подчеркнута в книге Ленина «Революция и Государство»⁴. В книге этой ясно указано, и это конечно вполне совпадает с основами марксизма, что социализм осуществляется в двояком процессе: 1) Переходном — в создании пролетарского государства в виде диктатуры пролетариата и 2) Окончательном — в создании сверхгосударственного коммунистического строя, имеющего осуществиться по мере «отмирания» государства. Нужно признать, что в теории соотношение этих моментов очень неясно, и это было не раз отмечено критиками марксизма. Но мы имеем теперь возможность говорить о практике социализма. И вот с этой точки зрения, присматриваясь к окружающей нас действительности, мы видим, что в самом деле строительство Советской Республики осуществляется путем двух связанных, переплетающихся и вместе с тем противоположных процессов. 1) С одной стороны, созидание новой государственности путем применения всех типичных для государства приемов: принуждения, насилия, господства меньшинства над большинством. Этот последний признак особенно важен для государства. Он присущ государству всех времен и народов. Если откинуть сложные и принципиальные юридические формулы государства, от последнего остается непременно в той или другой форме два необходимых элемента. Это — Власть и Подвластные, согласно терминологии французской школы объективной и реалистической социологии (Дюги) — *Les Gouvernants, Les Gouvernés* (Управляющие и Управляемые)⁵. Принципы, во имя которых действует власть, безразличны в вопросе об ее природе. А природа всякой власти и, следовательно, всякого государства — Диктатура. 2) С другой стороны, мы видим в гораздо более слабой степени, но все же вполне заметно, зарождение некоторой сознательной связи при проведении нового по-

рядка между некоторыми частями населения. Образуется некоторый слой людей, проникнутых в известной мере идеализмом строительства новой жизни. Вы совершенно правильно отметили в Вашей речи, что победа Красной Армии объясняется не только применением мер принуждения при создании дисциплины, но также тем, что за этими мерами стоит воздействие на массы некоторого идейного меньшинства⁶. Чрезвычайно интересен вопрос о соотношении этих процессов сейчас в России. В какую сторону меняется это соотношение? Пока можно сказать, прежде всего, что нет признаков «отмирания» государства. Наоборот, государственность у нас крепнет и, наследуя задачи старой России во всех областях жизни, пытается разрешать их во всем их национальном объеме. Растет ли с такой же скоростью коммунистическое сознание масс? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Сознание растет вообще, но не чисто коммунистическое и по большей части вовсе не коммунистическое. Сознание растет потому, что низшие классы получили выход к жизни. Рабочие и крестьяне почувствовали себя людьми, нашли стимул для усилий, получили за революцию колоссальное расширение горизонтов. Но не следует закрывать глаза на то, что сознательность эта останавливается по большей части на известном уровне, не доходя до коммунизма, или даже, когда она принимает его лозунги, лишая их радикального содержания. А Сверхгосударственный строй, если он останется не на бумаге, требует не только коммунизма, но самого чистого и целостного.

2). Исходя из сказанного, я спрашиваю себя, и это центр всех моих недоумений, вызываемых Вашей речью, к какому из двух указанных моментов можно приурочить Вашу милиционную систему как будущее военное устройство русской армии? Я думаю, правильно будет отнести ее всецело ко второму, сверхгосударственному моменту. Милиционная система, если придерживаться широкой концепции ее, Вами обрисованной, всецело связана с новым строем отношений, долженствующих наступить тогда, когда ввиду полной сознательности масс уже не будет нужно строить организацию общественной жизни на принуждении. Совершенно очевидно, что до наступления этого условия милиция, если она и будет осуществлена, обречена принять вид плохого суррогата постоянной армии, о которой говорит проф. Свечин⁷. Пока нет нового сверхгосударственного строя, пока сознательность масс, его обуславливающая, растет лишь весьма медленно, если вообще растет, совершенно немисливо начать перестраивать самый аппарат принуждения. Это означало бы ослабить государство, подсесть те скрепы, которыми держится пока все целое, подлежащее эволюции. Конкретно осуществление сейчас милиционной системы либо сузит самое понятие милиции, либо вернет нас, в случае широкой постановки дела, к общерусской «Керенщине» 1917 года или к недавней украинской партизанщине. Это будет самоуправство полу- или бессознательных элементов, в котором потонет организация армии.

Между прочим, в этом вопросе можно отметить парадоксальное явление: защищают новую государственность, диктатуру пролетариата со всеми присущими ей приемами власти и принуждения военные специалисты, представители старой армии и старого мировоззрения. Мечтают же об отказе от постоянной военной силы, а следовательно, об отказе от принуждения — самые крайние коммунисты. Это объясняется тем, что в людях старого порядка сказывается их основное государственное воспитание. Они понимают необходимость государства для страны, даже того государства, которое поступает с ними очень круто. Они реалисты в политике, и этот реализм их сближает с реализмом тех большевиков, которые усвоили себе на практике природу власти. Врагами же и тех и других являются прежде всего мечтатели всех видов, безразлично, рисуют ли они себе непротивленческую идиллию демократической республики Мартова — Князя Львова⁸ или же наступающее теперь же отмирание государства и «прыжок из царства необходимости в царство свободы»⁹.

3) Не разбирая тех последствий, которые могут возникнуть в различных областях жизни от преждевременного введения в России милиционной системы, я отмечу лишь опасность такой меры для непосредственных задач обороны страны. В деле обороны страны против внешнего врага особенно ярко сказывается отмеченный мною выше процесс огосударствления советской политики. Из каких бы конечных принципов и идеалов ни исходила бы власть, она должна, раз перед нею задача защиты страны, видеть в этой стране определенное органическое территориальное целое и воспринять национальные задачи и потребности этого целого. Пусть национальные задачи — не окончательные цели власти. Власть может думать о своих последних, вселенских целях, об организации всего человечества лишь тогда, когда ей есть из чего исходить, то есть тогда, когда она организует свое государство, обеспечит своей стране условия независимого, мощного национального существования. Следовательно, здесь мы имеем совпадение до известного предела внешнеполитической линии коммунистов и патриотического стремления людей, не заглядывающих так далеко, как коммунисты, или не верящих в осуществимость их идеала, но желающих защищать свою родину и дать ей возможность развития. Конкретно и для тех и для других ставится сейчас в этой области два основных вопроса: 1) Необходимость снятия блокады России и участия ее в международном обмене и 2) Объединение России. Не меньше чем Деникин Советская Власть силою вещей должна строить «Единую неделимую Россию»¹⁰. Это диктуется не какими-нибудь шовинистическими или империалистическими соображениями, а тем самоочевидным фактом, что Россия не может существовать под постоянной угрозой своих враждебных окраин. Это — в области политической и стратегической. В области же экономической Россия не может жить без Мурманского Моря, Балтийского Моря, Украины, Черного моря, Кавказа, Туркестана и т. д. Это знает сейчас каждый крестьянин, и Советская власть повторяет это на всех углах. По-видимому, это вполне

уже осознано Правительством, и вопрос о необходимости федеративной связи с окраинами как будто принципиально решен¹¹. Для осуществления же этого Советская Власть имеет козырь, отсутствующий у всякого другого правительства, — возможность опереться на низы населения окраин и противопоставить их центробежным национальным вожделям центростремительную силу их классовых влечений. Обе указанные задачи — снятие блокады и объединение России — могут быть разрешены окончательно и прочно лишь при условии помощи военной силы, которая должна проложить пути для объединительной политической работы. Очевидно, с белыми окраинными правительствами, пока они остаются в настоящем виде и служат орудием политики европейских держав, невозможно никакое длительное соглашение. Разрушить стену, окружающую Россию, возможно только силой оружия. И здесь нельзя терять время в надежде на проблематические «передышки», ибо с каждым днем экономическое бедствие России принимает все более катастрофический характер. Не о соглашениях надо думать, а о немедленном наступлении на западном фронте. В Риге, Варшаве, Бухаресте, Батуме и Баку решится наше экономическое, а следовательно, и государственное будущее.

При таких условиях возможно ли думать о переходе к милиционной системе? В то время, когда государство начинает только усиливаться, когда ему нужно послушное орудие для проведения его внешней политики, возможно ли выдвигать вопрос о полной перестройке этого орудия, притом о перестройке, связанной с таким медленным, трудным и неверным процессом, как проникновение в массы сверхгосударственного сознания? Можно уже теперь ставить себе вселенские задачи, можно уже теперь развивать внутреннюю работу по линиям, более широким, чем линии государственные, но необходимо помнить все время, что основой этого строительства, его базой должно быть Великое Русское Государство, обладающее прежде всего боеспособной армией.

Сотрудник-составитель Комиссии по Изучению и Исследованию Опыта Войны 1914–1918 гг.¹²

31 декабря 1919 года.

Между 2 и 6 января 1920
*Черновое*¹³

В связи с нашим разговором — 2 января у меня возникли некоторые предположения, о которых ставлю Вас в известность, для краткости — в письменной форме.

На Ваш вопрос о том, какую бы я мог взять на себя работу в области затронутых вопросов, могу ответить следующее:

За последнее время я работал главным образом по вопросам, касающимся истории минувшей войны и изучения ее последствий в различных областях жизни¹⁴. Мои критические замечания по поводу идеи милиционной системы в значительной степени были вызваны выводами, к которым я пришел в отношении создавшегося в результате войны внешнеполитического положения. Однако рядом с этим другие выводы из опыта войны, преимущественно экономического и социального характера, диктуют повелительно пересмотр всех вопросов, связанных с устройством в будущем армий. Возврата к прошлому быть не может ни для одного из государств. Стратегия, политика и устройство вооруженных сил слишком тесно сплелись с делом организации экономических отправок жизни народов и их социальными последствиями. Я рассматриваю возникающие у нас проекты перехода к милиционной системе как шаги по совершенно правильному пути, — диктуемому жизнью, — искания усовершенствованной и всеобъемлющей государственной организации, устраняющей возможность таких непроизводительных и чудовищных затрат крови, труда и материалов. Ввиду этого мое общее отношение к такого рода проектам, поскольку они исходят из широкой государственной концепции, безусловно положительное. Я расхожусь с ними главным образом в виду туманности многих их положений в отношении условий и времени их применения. Я боюсь, что трудности и опасности, связанные с осуществлением реформы в нашей обстановке, внутренней и внешней, приведут к скороспелому компромиссу, вредному для армии и вместе с тем не обеспечивающему общей цели организации жизни. Выход из этой дилеммы, несомненно, есть, и я думаю, он заключается в какой-то очень тонкой и осторожно проведенной средней линии между нежелательными крайностями. Дело сведется при конкретизации к зрело продуманной и твердо применяемой системе постепенного проведения требуемых мер и к неослабевающему контролю над ними государства.

Я лично с большой охотой взялся бы за разработку проекта конкретного плана начинаний, которые, по моему мнению, могли бы обеспечить максимальное приближение к искомой сложной цели: переустроить армию на новых началах, связанных с организацией труда, вместе с тем не ослабляя ее в боевом смысле для предстоящих ей боевых задач, вытекающих из современной международной обстановки. У меня недостает, конечно, многих специальных военных познаний, но я предполагаю ставить вопрос не столько в области чисто военной техники, сколько в области техники административно-экономической и дипломатической.

Если бы составление такой работы могло представить интерес, я мог бы за нее взяться, не оставляя моих занятий в Комиссии по Изучению Опыта войны. Я просил бы только обеспечить мне следующие условия, которые значительно облегчили бы и ускорили работу:

1) Предоставления мне возможности пользоваться необходимыми материалами, находящимися как в Военном, так и в других ведомствах.

2) Назначения меня в каком-либо качестве на должность, по возможности связанную с разработкой вопросов о милиционной системе и трудовой повинности. Желательно было бы, чтобы должность эта носила, скорее, комиссионный характер и не отнимала бы времени текущей и канцелярской работой. С этой точки зрения должность в Мобилизационном Управлении, о которой Вы мне говорили, вряд ли была бы подходящей, по крайней мере на время составления моей работы. Больше всего меня устроило [бы] участие в той или другой форме в работе Комиссии по разработке вопросов, касающихся введения Трудовой Повинности, заседающей под председательством Л.Д. Троцкого¹⁵.

3) Вопрос о должности связан для меня с необходимостью получать хотя бы скромное дополнительное содержание, кроме получаемого мною от Комиссии по Изучению Опыта Войны, так как без такой добавки я вынужден значительное количество времени тратить на частные работы, что не может не отразиться на выполнении срочного предположенного труда.

В случае если бы Вы одобрили вышеизложенное предположение, я мог бы немедленно приступить к сбору материалов для работы.

Письмо от 6 января 1920¹⁶

В результате разговора с Вами я пришел к некоторым мыслям, которые считаю необходимым Вам представить. Я не находил бы возможным злоупотреблять вновь Вашим вниманием, если бы не полагал, что формулирование моих разногласий с Вами имеет и некоторое общественное значение. Я невольно, в известном смысле, являюсь представителем части русской интеллигенции, той бесправной части, которую суровый пролетарский режим не только лишил возможности выражать свои мысли, но лишил даже самой способности мысли, заставив ее заниматься исключительно насущным хлебом.

Между тем речь идет о разногласии необычайно глубоком и чреватом последствиями для всего будущего. Я ясно ощутил, говоря с Вами, что это не есть столкновение двух различных политических взглядов. Это встреча двух совершенно различных *масштабов* мысли, суждение об одной и той же действительности в двух совершенно различных плоскостях. Вопрос сводится к следующему: должны ли мы применить к окружающему масштаб новой всемирной эры, которая захватит века, а может быть, и тысячелетия, или же происходящее вмещается в рамках русского исторического переворота, который постигнет судьба всех подобных ему революционных потрясений?

Прежде всего несколько слов о Вашей Концепции и Вашем масштабе. Я вполне оценил его значительность. На меня большое впечатление произвела грандиозная нарисованная Вами картина будущего. Я принадлежу не к тем работникам, которые довольствуются планом своей от-

дельной колонны при постройке здания. Меня интересует идея всей постройки, и моя колонна имеет для меня смысл только как часть этого целого. И вот, вдумываясь в широкие линии Вашей мысли, я нахожу в ней все черты великих общественных идеалов прошлого — построений Пифагора, Платона, Бэкона, Кампанеллы, Моруса и т. д. Но что особенно для меня интересно, — Вы не мыслите только. — Вы вместе с тем осуществляете. Это особенно важно, так как несомненно, что величайшим злом нашей культуры является отделенность мысли от действия. Мы должны вернуться к отдаленным временам, когда в опыте народов не было этого разделения, обусловившего все наши кризисы, между прочим и кризис социальный. Разделение на классы произошло вследствие отхода верхов культурного творчества человечества от народных низин, питавших его своими стихийными истоками. Необходимость освобождения и поднятия трудящихся, соответственно, не есть только вопрос социальной справедливости, но есть прежде всего вопрос жизни и смерти для самой культуры, которая иначе отсохнет и выродится, как это и происходит на наших глазах. Выход из кризиса — в перемене метода культурного творчества, в слитии мысли и дела, в принятии на себя ответственности не только за содеянное, но и помысленное. В большевизме я нахожу многие из искомых черт. Он, несомненно, нечто большее, чем теория, так же как его государственная идея есть нечто большее, чем идея чисто государственная. Она — идея, приближающаяся к теократической. В этом правильный путь. Философия должна стать делом. Мыслители должны стать деятелями, а деятели должны стать пророками-строителями по образцу вождей древности, полагавших основы древних культур и царств.

Ваше действие есть историческое действие. Меня оскорбляло в нашей революции отсутствие в ней историзма. В стихийном ее движении соединилась антиисторичность русских интеллигентов, воспитанных в подполье, вдали от практической жизни, и антиисторичность невежественных масс, живущих только сегодняшним днем. Тут не столько было даже ненависти к прошлому, сколько просто абсолютное отсутствие к нему интереса. Между тем, как это правильно отмечает марксизм, без истории нет будущего. Но сам марксизм слишком узко и слишком нецелостно, схематично понимает историю. Нельзя отвлекаться от всей совокупности прошлых фактов, личностей и явлений. Всякий практик, всякий истинный строитель знает цену истории как резервуара, из которого черпается материал для построения будущего. Я заметил с большим интересом, что Вы стоите именно на такой точке зрения. Вопреки взгляду узких социалистов, которые боятся истории как чего-то чуждого и враждебного, Вы ищете преемственности для всех Ваших начинаний и понимаете, что она не только не ослабляет Вас, но, наоборот, безмерно Вас усиливает. Те сравнения с Петром, те аналогии с процессами древнерусской истории, которые мы, писатели и мыслители другого лагеря, привыкли выдвигать в виде отправных точек для суждений о большевизме, его корнях и последствиях, — оказывается, эти связи для Вас

также представляют живой материал и Вы в них черпаете назидания и уроки. Это дает Вам корни в истории, и Вы как бы в нее врастаете, приобретая от этого новую действенность и силу.

Из совокупности этих свойств — действительности и историчности — вытекает значительная реальность Ваших начинаний, та их жизненность, которая так поражает людей, считающих большевиков мечтателями и постоянно удивляющихся тому, что им так «везет». Вы мечтатели, но вместе с тем Вы практики. Главное же, Вы связаны с жизнью изнутри сознательным участием в известном процессе. В этом, в некотором смысле, осуществляется задание социальной науки, искомое социологами, — предвидеть в области социальных фактов так же, как можно предвидеть в области химических явлений. И потому, в значительной мере, в некоторой своей части создаваемое Вами царство есть царство, уже рождающееся, а не зачатое только в мечте.

Я не могу, тем не менее, удовлетвориться таким строительством. В мысли моей я иду дальше. Я нахожу глубокое внутреннее противоречие в материалистической основе Вашего миропонимания. Вы приглашаете людей ставить себе исключительно цели личного материального благополучия, ибо всякие другие исключаются Вашим материализмом. Вместе с тем и в полном с этим противоречии Вы зовете их ради идеала жертвовать собой, отдать ради него свою жизнь. Вам могут ответить то, что ответил солдат Керенскому в знаменитом диалоге. Керенский побуждал солдата идти в наступление, обещая ему землю и волю. «На что мне земля и воля, если я буду убит?» — ответил солдат и рассуждал глубоко логично. Жертву нельзя обосновать материалистически, исходя из личного интереса. А других побуждений у Вас быть не может. Правда, Вас спасает то, что коммунисты поступают против логики и идут в огонь в религиозном энтузиазме, оправдывающем мои, а не Ваши теории.

Подобного противоречия нет в более совершенном идеале общечеловеческой организации, в идеале теократическом. Он имеет над Вашим то преимущество, что захватывает всего человека, не только телесного, но и духовного, и всю конкретную историю, а не взятую из нее искусственно одну только экономическую схему. Такой вселенский, всеобъемлющий идеал мелькнул в Русской Истории, когда инок Филофей в послании Великому Князю Московскому хотел сделать из него наследника Всемирной империи Рима¹⁷. Это был не грубый захватный империализм политического завоевателя, но попытка обосновать завоевание духовное — объединить человечество в единой Церкви — Царстве Правды. Я Вам говорил о формуле, провозглашенной в прошлом году иронически в московских консервативных кругах: мы ждали Третьего Рима, а получили Третий Интернационал. В этой формуле есть очень глубокий смысл, и отнюдь не только отрицательный. Можно противопоставлять Третий Рим Третьему Интернационалу, как я сейчас делаю, но можно указать и на известную родственность этих идеалов. Ведь не случайно же, что в большевизме соединились русская национальная и

европейская социалистическая стихии. Первая имела свой вселенский идеал, искала его издавна в Церкви, и этим объясняется в значительной мере былая религиозность русского народа и связь религии его с созданной им государственностью. Русский народ искал Новый Иерусалим, сказочное Царство истины, где господствует вечная справедливость. И предвестниками Ваших идейных коммунистов были, быть может, паломники наших средних веков, схимники и святители, над которыми в Вашей печати и в Ваших кругах принято теперь так грубо издеваться. Русская интеллигенция, вследствие реформы Петра, отошла от народа и его религиозности и, сохраняя национальные черты, пошла искать Царство Правды в науке и социализме. Там она проявила ту же твердость и подвижничество, что схимники в своих скитах. И в конце концов она вернула нам идеал Третьего Рима в виде идеала Третьего Интернационала. Ленин оказался духовным преемником старца Филофея. Я думаю, что Третий Рим шире и глубже Третьего Интернационала и в конце концов его поглотит. Третий Рим идет снизу, от народа, а Интернационал есть только разновидность идеи о Всемирной Организации, т. е. часть идеи Третьего Рима. Я хочу оговорить, что, говоря о Третьем Риме как теократическом идеале, я понимаю последний чрезвычайно широко, считая отличительным признаком теократии охват всех сторон человеческой жизни, организацию всех ее проявлений.

Замечу далее, что и Ваши виды на Азиатскую революцию далеко не случайны¹⁸. Напомню, что в наших Средних веках была чрезвычайно популярна легенда о Царстве Пресвитера Иоанна, по которой русский народ искал Царство Правды именно в Азии¹⁹. Если же взять историю Туркестана, где Вы хотите создать базу для проникновения в Азию, мы найдем в нем в эпоху перенесения туда из Аравии мусульманства поразительные аналогии с большевизмом в движении крайних магометанских сект. В этих движениях завязалась вся последующая история Востока, и они легли в основу образования ряда сильных среднеазиатских царств с очень большой культурой. Так было, впрочем, и в Европе в религиозных движениях богомилов, гуситов, Реформации, английского пуританизма и т. д.²⁰ Но Азия нам ближе не только потому, что мы стоим на рубеже двух материков, но Азия больше и глубже, и масштабы ее движений значительнее: в конце концов, вся Европа вышла из Азии. И здесь я должен сказать, что не боюсь упреков в склонности к азиатчине и в том, что в ней «потонет наша культура». Культура не может ни в чем утонуть, и только те, кто не чувствует в себе способности нового культурного творчества, цепляются за старые формы и боятся, что их захлестнет окружающее. Культура может как зародыш быть и в некультурной среде.

Вот то здание, которое мне мерещится иногда в тумане будущего. Очертания его не меньше границ Вашего плана и в некоторых отношениях их превосходят. Я думаю, что когда-нибудь мы к этим идеям придем и что социализм сыграет роль в этом процессе. Вообще коммунизм,

вероятнее всего, представляет собой идею еще свернутую, из которой в последующем могут развиваться самые неожиданные новые идеи.

Размышляя об этих идеалах и меряя, следовательно, действительность первым из двух указанных, большим масштабом, я часто себя спрашиваю, не есть ли он единственный правильный. Не глупо ли и даже преступно цепляться за маленькие исторические преграды и разделения, когда открывается такая сияющая ширь, такие безбрежные и волшебные горизонты.

Но, увы, человек XX века должен уметь размышлять в нескольких плоскостях одновременно в зависимости от характера и объема предмета. Сочувствие широкому и отдаленному идеалу не должно мешать трезво оценивать окружающую действительность и мерить ее мерилom возможного для завтрашнего дня, для известного предстоящего промежутка истории. Здесь, когда я так ставлю вопрос, я коренным образом расхожусь с Вами и буду скептиком, пока мне не докажут на практике, что я ошибаюсь. Я далек от мысли отрицать успехи Советской Власти, их значение и размеры. Но если поставить вопрос о глубине сделанного, я вынужден буду высказать большие сомнения. Да, политическая победа Советской Власти полная. Но ведь не это нужно, чтобы можно было говорить о строительстве в том, большом масштабе. Для этого нужно, чтобы изменилась вся подпочва жизни, чтобы произошел в самом деле глубокий переворот всех отношений, всех представлений, всех способов жизни. Что достигнуто в этом смысле? Думаю, очень мало. Ведь важно не изменение принадлежности тех или других предприятий, не перераспределение благ, не новые данные права и новые наложенные обязанности. Все это важно как точки отправления, как та экономическая и социальная статика, которая явится основой новой динамики. Важна не новая форма отношений, а *жизнь* этих отношений в этих новых формах. Пока я вижу кругом себя как бы войско, готовое к бою, но стоящее на месте. Надо видеть его в бою. Пока я вижу искусно созданный механизм. Надо, чтобы он зажил собственной жизнью, превратился бы в организм. Тогда можно будет сказать, родился он в самом деле или нет, действительность он или только видимость.

И я не могу, конечно, высказаться окончательно и в отрицательную сторону. Я жду и слежу с большим вниманием за признаками зарождения в связи с новым строем политическим (который налицо) нового строя экономического (которого я еще не вижу). Весь вопрос сводится к результатам новых производственных процессов во всех областях. Пока страна живет либо старыми запасами (и в смысле материального и духовного культурного богатства), либо ценностями, вновь вырабатываемыми, но при помощи старых производственных процессов. Это значит, новый политический строй кормится старыми производственными отношениями. Вот этому, для того чтобы можно было говорить о новой эре в Вашем смысле, должен быть положен конец. Центр тяжести вопроса для меня лежит сейчас в предпринимаемых Вами реформах, связанных с

организацией труда, введением трудовой повинности, милиционной системой и проч. От результатов этих начинаний будет зависеть все будущее в гораздо большей степени, чем от побед Красной Армии или от исправления транспорта. Важно, конечно, иметь боеспособную армию и налаженный транспорт, но это нисколько не предрешает вопроса об изменении строя. Последний должен родиться от одного какого-то удачного опыта, как новая химическая комбинация от нового сочетания элементов. В социальной области должно произойти нечто вроде опытов ученых, пытающихся найти тайну жизни, создать новую протоплазму. Если это удастся как прием в одном каком-нибудь месте, при одинаковых условиях это произойдет везде. Если Вам удастся найти органические формы трудовой повинности, при которой она не будет наложена искусственно на население, как это безобразно практикуется сейчас в нарушение всех экономических законов, но, наоборот, будет естественно вытекать из процесса новых отношений, если организм, так построенный, задвигается и заживет, — тогда Ваша победа обеспечена, и в самом деле мы вступим в новую эру.

Пока же этого нет, я считаю себя вправе видеть в окружающем лишь результаты переворота в малом историческом смысле, т. е. так, как понимает его большинство русской интеллигенции. Я считаю себя вправе применить к этому перевороту известные мне из истории аналогии и предсказывать его будущую судьбу на основании законов известных мне исторических революций. И стоя на этой точке зрения, я беру из программы Советской Власти то, что соответствует в ней именно такой точке зрения, т. е. не сверхгосударственную программу, а государственную. И так как государственность имеет свои объективные законы, я готов защищать ее требования против всей остальной Советской программы, если это окажется нужным. Пока Вы не создадите органического милиционного строя, я буду защищать против механического милиционного строя постоянную армию. Пока Вы не замените принуждения сознанием, я буду защищать принуждение. И в каждой государственной задаче можно будет провести такую линию: то, что оправдывается большим масштабом, и то, что оправдывается малым. Но пока у меня нет возможности применять большой, пока он для меня еще только теория, я должен работать, чтобы быть добросовестным, в рамках малого.

Эти два порядка суждений очень глубоко расходятся, и разногласием их обуславливается взаимное непонимание Советской Власти и части интеллигенции. Советская Власть требует постоянно работы в обоих масштабах от людей, которые сознательно и чистосердечно могут применить свои силы только во втором. И когда эта часть интеллигенции ставит перед властью вопрос о политических уступках, об отказе от крайних коммунистических идей, она хотела бы перевести власть в этот малый масштаб. Наоборот, коммунисты часто поступают обратно, причем многие из них вообще антигосударственны и живут только в одном большом масштабе.

В чем выход из этого положения? Я думаю, он не заставит себя долго ждать. Либо новые формы производственного процесса будут в самом деле найдены и осуществлены, и тогда всем будет ясно, что новая эра началась, что надо строить в большом масштабе. Либо встретятся при первых же попытках создать новую социально-экономическую динамику настолько серьезные препятствия, что Вам, повинуюсь жизни, придется отказаться от осуществления больших линий Вашего плана и ограничиться действием гораздо меньшим, способным вписаться в рамки исторической государственности. Это будет ожидаемая многими эволюция Советской Власти. И в том, и в другом случае понятно — для блага страны необходима совместная работа двух ныне расходящихся течений: в первом случае второе поднимется до первого, во втором — будет обеспечено между ними соглашение на почве реальной государственной работы.

Валентинов.

6-го января 1920 г.

Приложение

Первая редакция письма от 31 декабря 1919²¹

Многоуважаемый

Лев Давыдович

Выслушав в заседании Комиссии по Изучению Опыта Войны 28 сего Ноября Вашу речь по вопросу о милиционной системе и прочтя Ваши тезисы в «Правде», я считаю необходимым сделать Вам некоторые принципиальные возражения. При этом, так как Вы расширили предмет и поставили вопрос о милиции в связь с общим вопросом о будущем строе, я должен придать моей критике такой же широкий объем.

1) Совершенно неверно обычное утверждение коммунистов, что идеал старой государственности, по существу, не ставил ей международную задачу в смысле устройства жизни всего человечества. Этот идеал лежал в основе идейного образования европейской государственности старого порядка и выражался в идее христианской Церкви, как вселенской теократической организации человечества. Средние Века пытались ее осуществить. Национальные государства с узкими задачами исключительно собственного блага появляются значительно позже, и лишь в XIX веке была окончательно сформулирована теория национального государства, преследующего как абсолютные свои собственные цели. Таким образом, международная идея социализма не есть для человечества нечто новое, но лишь возобновление в новом виде очень старой идеи, унаследованной от далекой древности. И соответственно, критика социализма должна иметь в виду, что она борется не столько против сущности старой государственной идеи, сколько против ее сужения и вырождения.

2) Тем самым я признаю, что новая постановка этой идеи необходима. Она диктуется вырождением старой государственности, являющейся следствием вырождения всей современной культуры. И масштаб социалистической критики, требующей поворота не только политического, но гораздо более глубокого в этом отношении, совершенно правилен.

3) Также правильно указывается социалистами ближайшее основание вырождения государственности и культуры европейских народов. Это расслоение человечества на классы, потеря связи между верхами культурного творчества и теми массами, которые органически должны питать и обновлять последние своими почвенными, стихийными силами. Поэтому вопрос об участии трудящихся масс в благах жизни не есть только вопрос удовлетворения их справедливых требований, но в гораздо большей степени вопрос о жизни или смерти самой культуры и построенной на ее началах общественной организации людей. Оторванная от масс культура неминуемо вырождается и отсыхает без живых источников. Государственность же превращается в господство мелких себялюбивых кучек.

5)²² Но социализм останавливается на полпути. Он не видит, что кризис, им врачуемый в экономической и социальной области, гораздо глубже и есть прежде всего кризис человеческого духа. Вернее, кризис всех вообще человеческих проявлений, и материальных, и духовных. Анализ основ современной культуры путем объяснения ее внутренних ошибок вскрывает и причину расслоения на классы и тем самым придает характер следствия тому, в чем социалисты хотят видеть последнюю причину кризиса. Правда, перенесение вопроса в эту плоскость требует уже проникновения в область философских проблем, но ведь социализм сам вырос из философии. Во всяком случае, мое основное возражение против коммунизма не вытекает из боязни его излишней дерзости, а наоборот, из признания его недостаточной реформаторской смелости при постановке первых вопросов человеческого бытия.

6) Никто из коммунистов не будет отрицать, что в основе коммунизма лежит глубокое противоречие. Это — та двойственность идеалов, которая ярко подчеркнута в книге Ленина «Революция и Государство». В ней ясно указано, и это конечно вполне совпадает с основами марксизма, что социализм осуществляется в двояком процессе: 1) Переходном — в создании пролетарского государства в виде диктатуры пролетариата и 2) Окончательном — в создании сверхгосударственного коммунистического строя, имеющего осуществиться по мере «отмирания» государства. Нужно признать, что в теории соотношение этих моментов очень неясно, и это было не раз отмечено критиками марксизма. Но мы имеем теперь возможность говорить о практике социализма. И вот с этой точки зрения, присматриваясь к окружающей нас действительности, мы видим, что в самом деле строительство Советской Республики осуществляется путем *двух* связанных, переплетающихся и вместе с тем противоположных процессов: 1) С одной стороны, мы имеем созидание новой государ-

ственности путем применения всех типичных для государства приемов: принуждения, насилия, господства меньшинства над большинством. Я несколько не считаю такого господства ненормальным для государства явлением. Наоборот, это основной признак всякого государства во все времена. Если откинуть сложные юридические теории, от государства остается непременно в той или другой форме только два элемента: Власть и Подвластные, то, что французская реалистическая социология в лице Дюги называет *Les Gouvernants* и *Les Gouvernés* (Управляющие и Управляемые). Принципы же, во имя которых осуществляется диктатура меньшинства, для вопроса о государстве безразличны. 2) С другой стороны, мы видим в гораздо более слабой степени, но все же вполне заметно, зарождение некоторой сознательной связи при проведении нового порядка между людьми, проникнутыми коммунистическим идеализмом. Вы совершенно правильно отметили в Вашей речи, что победа Красной Армии объясняется не только применением мер принуждения при создании дисциплины, но тем, что за этими мерами стоит воздействие на массы идейного меньшинства. Чрезвычайно интересен вопрос о соотношении этих процессов сейчас в России. В какую сторону меняется это соотношение? Пока ясно, что нет признаков «отмирания государства». Наоборот, государственность крепнет и, наследуя задачи старой России во всех областях жизни, пытается разрешать их во всем их национальном объеме. Растет ли с такой же скоростью коммунистическое сознание масс? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Сознание растет вообще, но не чисто коммунистическое. Сознание растет потому, что низшие классы получили выход к жизни. Рабочие и крестьяне почувствовали себя людьми, нашли стимул для усилий, получили за революцию колоссальное расширение горизонтов. Но не следует закрывать глаза на то, что сознательность эта останавливается по большей части на известном уровне, не доходя до коммунизма или даже, когда она принимает это слово, — лишая его радикального содержания. А сверхгосударственный строй требует не только коммунизма вообще, но самого чистого и целостного.

6). Исходя из сказанного, я спрашиваю себя — и это центр всех моих недоумений, вызываемых Вашей речью, — к какому из двух указанных моментов можно приурочить Вашу милиционную систему как будущее военное устройство русской армии? Я думаю, всецело ко второму. Милиционная система, если придерживаться широкой концепции ее, Вами обрисованной, всецело связана с новым строем отношений, долженствующих наступить уже тогда, когда в виду полной сознательности масс уже не будет нужно строить организацию общественной жизни на принуждении. Совершенно очевидно, что до наступления этого условия милиция, если она и будет осуществлена, обречена принять вид плохого суррогата постоянной армии, о котором говорит проф. Свечин. Пока нет нового сверхгосударственного строя, пока сознательность масс, его обуславливающая, растет лишь весьма медленно, если вообще растет, со-

вершенно немислимо начать перестраивать самый аппарат принуждения. Это означало бы ослабить государство, подсесть те скрепы, которыми держится пока все целое, подлежащее эволюции. Конкретно осуществление сейчас милиционной системы либо сузит самое понятие милиции, либо вернет нас в случае широкой постановки вопроса к общерусской «керенщине» 1917 года или к недавней украинской партизанщине. Это будет самоуправство полу- или бессознательных элементов, в котором потонет организация армии.

Между прочим, в этом вопросе можно отметить парадоксальное явление: защищают новую государственность, диктатуру пролетариата со всеми присущими ей приемами власти и принуждения военные специалисты, представители старой армии и старого мировоззрения. Мечтают же об отказе от постоянной военной силы, а следовательно, и об отказе от принуждения и диктатуры — самые крайние коммунисты. Это объясняется тем, что в людях старого порядка сказывается их основное государственное воспитание. Они понимают необходимость государства для страны, даже того государства, которое поступает с ними очень круто. Они реалисты в политике, и этот реализм сближает их с реализмом тех большевиков, которые усвоили себе природу власти. Врагами же и тех, и других являются прежде всего мечтатели всех видов, безразлично, рисуют ли они себе непротивленческую идиллию демократической республики Мартова — Князя Львова или же наступающее теперь же отмирание государства и «прыжок из царства необходимости в царство свободы».

7) Не разбирая тех последствий, которые могут возникнуть в различных областях жизни от преждевременного введения в России милиционной системы, я отмечу лишь опасность такого введения для непосредственных задач обороны страны. В деле обороны страны против внешнего врага особенно ярко сказывается отмеченный мною выше процесс огосударствления советской политики. Из каких бы конечных принципов и идеалов ни исходила бы власть, она должна, раз перед нею задача защиты страны, видеть в этой стране определенное органическое и территориальное целое и воспринять национальные потребности и задачи этого целого. Пусть национальные задачи — не окончательные цели власти. Власть может думать о своих последних, вселенских целях, об организации всего человечества лишь тогда, когда она организует свое государство, обеспечит своей стране условия независимого, мощного национального государственного существования. Следовательно, здесь мы имеем полное совпадение до известного предела внешнеполитической линии коммунистов и патриотического стремления людей, не заглядывающих так далеко, как коммунисты, или не верящих в осуществимость их идеала, но желающих защищать свою родину. Конкретно и для тех, и для других ставится сейчас два основных вопроса: 1) Необходимость снятия блокады и участия России в международном обмене и 2) Объединение России. Не меньше чем Деникин Советская Власть силою вещей

должна строить «Единую неделимую Россию». Это диктуется не какими-нибудь шовинистическими или империалистическими соображениями, а тем уже самоочевидным фактом, что Россия не может существовать под постоянной угрозой своих враждебных окраин, в политическом и стратегическом смысле, и не может жить экономически без Балтийского Моря, Украины, Черного моря, Закавказья, Туркестана и т. д. Это, впрочем, по-видимому, уже вполне осознано Советской Властью и вопрос о необходимости федеративной связи с окраинами как будто принципиально решен. Для осуществления же этого Советская Власть имеет козырь, отсутствующий у всякого другого правительства, — возможность опереться на низы населения окраин и противопоставить их центробежным национальным вождениям центростремительную силу их классового сознания. Обе указанные задачи — снятие блокады и объединение России — могут быть разрешены окончательно и прочно лишь при помощи военной силы, которая должна проложить пути для политики советской власти, лишенной сейчас возможности выполнять свою объединительную работу в виду противодействия белых окраинных правительств. Очевидно, с последними, пока они остаются в настоящем виде и служат орудием политики европейских держав, невозможно никакое длительное соглашение. Разрушения стены, окружающей Россию, возможно достигнуть только силой оружия. И здесь нельзя терять время в надежде на проблематические «передышки», ибо с каждым днем экономическое бедствие России принимает все более катастрофический характер. Не о соглашениях надо думать, а о немедленном наступлении на западном фронте. В Риге, Варшаве, Бухаресте, Батуме и Баку решится вопрос о нашем экономическом оздоровлении.

При таких условиях возможно ли думать о переходе к милиционной системе? В то время, когда государство начинает только усиливаться, когда ему нужно послушное орудие для проведения его внешней политики, возможно ли выдвигать вопрос о полном преобразовании этого орудия, притом о перестроении, связанном с таким медленным, трудным и неверным процессом, как проникновение в массы сверхгосударственного сознания? Можно уже теперь преследовать вселенские задачи, можно уже теперь развивать внутреннюю работу по более широким, чем государственные, линиям, но необходимо помнить все время, что остовом этого строительства, его базой должно быть Великое Русское Государство, обладающее прежде всего боеспособною армией.

Сотрудник-составитель Комиссии по Изучению
Опыта Войны.

В моей первой записке я высказал Вам некоторые сомнения по поводу Вашего взгляда на частный вопрос о милиционной системе. Теперь после разговора с Вами на принципиальные темы я считаю необходимым написать Вам мои сомнения по более основному вопросу: в чем именно я и, вероятно, со мной значительная часть русской интеллигенции расходимся с коммунистами во взгляде на будущее. При этом я имею в виду 1) людей, объективно, по возможности, *мыслящих*, т. е. отрезавшихся от интересов, чувства мести и т. п., и 2) людей *независимых*, т. е. которые свои убеждения не продают за чечевичную похлебку и потому соглашение с которыми было бы ценно как с силой; 3) наконец, в-третьих, *практиков*, людей действия, которые не могут сидеть вдали от дела, соблюдая свою невинность и чистоту, но хотят принять участие в строительстве жизни.

Я думаю, что все сводится сейчас к двум совершенно различным концепциям *масштаба* исторического процесса, в который мы вовлечены.

Остановлюсь сперва на понимании его большевизмом — так, как оно мне является. Я много задумывался над сущностью последнего и начал даже писать о нем книгу. Перечислю вкратце, в чем я вижу силу коммунизма и в чем его слабость, и соответственно очерчу его понимание действительности.

Прежде всего мне совершенно ясно:

1) что большевизм и есть социализм и в споре Ленина с соглашателями конечно прав Ленин, а не они. В таком большом движении надо брать основной его пафос, и пафос марксизма в теории, пафос рабочего движения на практике, пафос русского большевизма в нашей революции — явления одного и того же тона — различные стороны одного и того же течения. Неверно, когда говорят: есть много социализмов. Безусловно, С<ен>-Симон и Маркс не одно и то же, Каутский, Бернштейн и Либкнехт²⁴ не одно и то же. Но надо брать наиболее сильное и характерное, и это конечно — коммунизм.

3) Большевизм отличается существенным образом от других социальных теорий тем, что он не есть только теория. Он в одно и то же время и мыслит вопрос, и осуществляет то, что нужно для его разрешения²⁵.

Между прочим, с этим характером действительности связано то странное явление, что большевизм так хорошо чувствует себя при катастрофических условиях. Его природа глубоко динамична, а опасность, хроническая катастрофа является его естественной стихией. С этой же действительностью связана естественность для большевизма насилия. Он не [от]деляет дела от мысли и берет на себя ответственность не только за суровые мысли но и за поступки. В этом большая цельность.

3) Действенность большевизма коренится в его целостности. Действие есть проявление всего человека. Но весь человек есть вместе с тем человек социальный, связанный со всеми людьми. Отсюда неотделимость для большевизма индивида от общественного целого, в которое он включен.

Исторически я считаю, что социализм ставит, в сущности, здесь тот же вопрос, который ставится всеми религиями и прежде всего христианством. Идеал Церкви был идеалом наилучшей земной организации жизни. Средневековая теократия пыталась его осуществить. Возрождение и гуманизм разбили созданный ею строй, носивший или стремившийся носить вселенский характер, и к XIX веку выработались для личности — крайний индивидуализм, для государства — национализм. Социализм возобновляет в новой форме старую вселенскую идею, причем он связан и философской преемственностью (через Гегеля) с идеями, выросшими на почве христианской культуры с примесью юдаистического мессианизма (быть может, через Спинозу). Таким образом, интернационал есть возрождение старой вселенской идеи, и логическое его завершение есть полная теократия, до которой договорился даже такой атеист, как Aug. Comte²⁶.

Здесь, между прочим, одна из точек соприкосновения русского национального духа с духом западного социализма. Русский народ издавна склонен был искать последней правды. Паломники отправлялись искать Новый Иерусалим, ходили легенды о царствах на Опоньских островах²⁷, Китеж-граде и проч. С религиозностью русского народа связаны были эти вселенские искания. Они нашли себе отражение и в литературе, с одной стороны, привели к «соборности» славянофилов, с другой — к «интернационализму» социальности «русских социалистов». Но можно в самом деле сказать, что идея III Рима, которую инок Филофей в XV веке проповедовал Московским Правителям, родственна идее III Интернационала, осуществленной в 1918 году в Москве.

4) Из этого видна теократическая природа социализма, т. е. его стремление создать строй, охватывающий все стороны человеческого существа, строй сверх-государственный, в отличие от демократического имеющий чисто формальный характер. Большевизм имеет свой обязательный содержательный идеал. Этим объясняется резкое столкновение юридического понимания государства, как организации, обеспечивающей своим членам прежде всего свободу и права, и социалистической идеи, возлагающей на своих членов главным образом известные обязанности.

5) В резком противоречии с этим находится как будто способ осуществления власти большевизмом через правящее меньшинство. По странному как будто противоречию большевизм выдвигает, рядом с положительной идеей соединенного в одно целое множества, другую идею — господства меньшинства. Это противоречит как будто обычному взгляду на социализм как отрицающий качество. Меньшинство — всегда качество. Дело в том, что меньшинство, осуществляя власть в диктатуре пролетариата, является носителем этой воли. Быть носителем этой воли недос-

тупно всем людям. Воля же эта священна не потому, что она воля массы, а потому, что она выражает последнюю правду. Таким образом, у большевиков существует своеобразный аристократизм — выдвижение гениев — творцов, созидających жизнь своими индивидуальными особенностями, и аристократизм гениев пророков, служащих орудием выражения сверхиндивидуальной правды. Это вполне соответствует социализму как учению, отрицающему индивидуальность и свободу и подчиняющему человека объективному процессу. Получается странное явление: демократическое по своему внутреннему духу, это учение аристократично по форме своего осуществления. Тут найдено особое сочетание меньшинства и целого, особенно ценное, ибо оно вполне соответствует истинной природе государства как организации, где властвует всегда меньшинство. Но большевизм вносит в учение о том, что в государстве есть всегда только управляющие и управляемые (Дьюи), ту поправку, что правители всегда выражают волю масс или, скорее, выражается и в тех и в других сверхиндивидуальная воля объективного процесса.

Этому соответствует в идее советская система, и в этом ее видное преимущество над парламентарными теориями государственностями.

6) Большевизм отличается выгодно от социализма старых типов тем, что он историчен. Я недавно только признал эту истину и понял, что действие большевизма есть не слепое, но сознательное историческое действие. Я знал, конечно, что марксизм считает себя историчным. Но, на самом деле, марксизм историчен в весьма малой степени, так как он выкидывает три четверти конкретной истории и оставляет только схематический процесс, лишенный содержания, места, времени и фактов. Большевизм начал с такого же отрицания истории, в котором сходилась некоторая беспочвенность (вследствие долгой эмиграции, отдаления от практической русской жизни) его вождей и невежество русских масс²⁸.

7) Все это, взятое вместе, придает большевизму характер мирозерцания. Он ставит все вопросы в таком масштабе, в котором не может соперничать с ним ни одна юридическая, ни экономическая теория, ибо все эти теории зависят от какого-нибудь мирозерцания, а большевизм сам есть мирозерцание. Единственное учение, которое могло бы спорить с ним как равное, было бы христианство или какая-нибудь новая философия (типа вышеочерченной). Но нет признаков сейчас возрождения христианства. И потому вообще при наличии, несомненно, в человечестве кризиса материального, духовного, социального, государственно-го нет никаких указаний на идеалы, могущие вывести из этого кризиса со стороны несоциалистических учений. Социализм же в наиболее сильной своей форме — большевизм — указывает ясно такой выход.

Из совокупности этих свойств — действительности и историчности — вытекает, по моему представлению, значительная реальность Ваших на-

чинаний, та их жизненность, которая так поражает многих, считающих Вас, вследствие размахов Вашего масштаба, за фантазеров и мечтателей. Вы мечтатели, но вместе с тем Вы практики и гораздо менее оторваны от действительности, чем это извне кажется. Вы связаны с нею изнутри и осуществили в некоторой степени искомую социологами задачу создать социальную науку, имеющую, не менее химии, дар предвидеть. И создаваемое Вами Царство поэтому отличается от многих мечтательных концепций тем, что оно — царство, уже рождающееся, а не зачатое только в мечте.

Я не могу, тем не менее, удовлетвориться таким строительством, и в мысли моей, рискуя, быть может, в ней остаться, я иду дальше. Я нахожу глубокое внутреннее противоречие в материалистической основе Вашего миропонимания. Вы приглашаете людей ставить себе исключительно цели личного материального благополучия, ибо всякие другие цели исключаются Вашим материализмом. С другой стороны, Вы приглашаете их ради идеала жертвовать всем, если нужно — жизнью. Вам могут ответить т<ак>, к<ак> ответил солдат Керенскому в знаменитом их диалоге, когда Керенский звал его в наступление, обещая ему землю и волю. «На что мне земля и воля, если меня убьют», — сказал солдат и был глубоко логичен и прав. Жертву необходимо обосновать иначе, и в этом Ваша слабость. Правда, она поправляется тем, что Ваши последователи поступают нелогично и выходят из рамок материализма — в энтузиазме своем придают религиозный характер Вашим земным принципам. И цель достигается — они жертвуют собой.

Подобных противоречий нет в более совершенном идеале общечеловеческой организации, в идеале теократическом. Он имеет над Вашим то преимущество, что захватывает всего человека, не только телесного, но и духовного, и всю конкретную историю, а не взятую из нее искусственно одну только экономическую схему. Я не буду здесь развивать его основания. Скажу только, что такой вселенский идеал мелькнул в Русской Истории, когда инок Филофей в послании Великому Князю Московскому хотел сделать из него наследника Всемирной империи Рима, причем это был не грубый захватный империализм политического завоевателя, а попытка выставить идеал завоевания духовного, объединения человечества в едином христианском царстве правды. Я Вам говорил уже о формуле, провозглашенной в прошлом году в московских консервативных кругах: мы ждали Третьего Рима, а получили III Интернационал. В этой формуле есть очень глубокий смысл, и отнюдь не только отрицательный. Можно противопоставлять III Рим и III Интернационал, но можно указать и на известную их родственность. Ведь не случайно же, что в большевизме соединились русская национальная и европейская социалистическая стихии. Первая имела свой вселенский идеал, искала его издавна в Церкви, и этим объясняется в значительной степени религиозность русского народа. Он искал Новый Иерусалим, сказочное Царство истины, где господствует вечная справедливость. И предвестниками

Ваших идейных коммунистов были, быть может, паломники наших средних веков, схимники и святители, над которыми сейчас у Вас принято плоско и грубо издеваться. Русская интеллигенция, вследствие реформ Петра, отошла от народа и, сохраняя его национальные черты, пошла искать Царство Правды в науке и социализме. Там она проявила ту же твердость, радикальность и подвижничество, что схимники в своих скитах. И в конце концов она вернула нам III Рим в виде III Интернационала. Я думаю, что Третий Рим глубже и шире и поглотит III Интернационал. Все-таки III Рим идет снизу, от народа, а Интернационал сверху, и Интернационал есть разновидность III Рима, а не наоборот. Я хочу оговорить, что, понимая под III Римом религиозный идеал, я понимаю его не узко-церковно, а в расширенном значении нового религиозно-философского понимания, которое должно еще народиться.

Замечу здесь, что и Ваше увлечение Азией и виды на азиатскую революцию далеко не случайны. Напомню, что в наших Средних веках была легенда о таинственном христианском царстве Пресвитера Иоанна, где сохранилась Правда и которое паломники искали именно в Азии. Если взять историю того самого Туркестана, с которым связаны сейчас Ваши расчеты, мы найдем в нем в Средних веках, в эпоху проникновения туда мусульманства поразительные аналогии с большевизмом в виде движений магометанских крайних сект. В этих движениях завязалась вся последующая история Востока, и из них образовались великие среднеазиатские царства. Так было для Европы в религиозных движениях богомилов, гуситов, Реформации, английских пуритан и т. д. Но Азия нам ближе не только потому, что мы стоим на рубеже двух материков. Азия больше и глубже, и масштаб ее движений значительнее: в конце концов, Европа вышла из Азии. И здесь я должен сказать, что я не боюсь упрека в склонности к азиатчине. Боятся потерять культуру лишь те, кто не в силах ее обновить. Защищают старую культуру те, кто не может строить новую. Те же, кто чувствует в себе стихийную силу новых начинаний, бросаются сломя голову в самые азиатские потоки, и, к удивлению, из этого вырастает новая европейская форма творчества.

Таким образом, мне рисуется здание, не меньшее Вашего, но превзошедшее своей красочностью, богатством, разнородностью, цельностью охвата всех проявлений жизни сухой и узкий социалистический идеал. Мне мерещится в тумане, быть может, когда мы пройдем через социализм, начало новой религиозно-общественной эры, в преддверии которой стоит, не вполне понимая сам то, что он хочет и может сказать, Ваш коммунизм. Если он всмотрится в себя, в своем внутреннем противоречии он увидит уже философский зародыш своего преодоления и превращения.

Вот то, что я могу сказать об этом большом масштабе. Часто я спрашиваю себя, не есть ли он, в конце концов, единственный правильный. Не глупо ли и не преступно цепляться за маленькие преграды и разделения, когда открывается такая сияющая ширь, такие безбрежные и чудные горизонты?

Но, увы, культурный человек XX века привык размышлять в нескольких плоскостях одновременно в зависимости от характера вопроса. Имея такой конечный и всеобъемлющий идеал, можно и, быть может, [необходимо] для данной эпохи, для известного промежутка истории умерить полет своей мысли и, спустясь в низины практики, искать только осуществимое и осязаемое. Здесь, когда я так ставлю вопрос, я расхожусь с Вами и встречаюсь с идейными противниками коммунизма, осуждающими не за его цели — признаваемые в общем прекрасными — а за ошибочное мнение, что их осуществление возможно и близко. Я не буду приводить известные Вам общие возражения против коммунизма и, придерживаясь конкретной действительности, в которой мы живем, укажу только на те трудности, с которыми Вы не справились и в борьбе с которыми нет, по-моему, даже признаков Вашей победы. Между тем от результата этой борьбы зависит все будущее.

1) Международная обстановка. Я не разделяю ни Вашего оптимизма в отношении европейской революции, ни в отношении возможных для нас передышек²⁹. Я согласен с тем, что Европа переживает глубокий кризис и что выход из него лежит через социальные перемены. Но революции в нашем смысле вряд ли там возможны вследствие социального распределения сил. Во Франции против революции будут несомненно: 1) высшая и средняя буржуазия, представляющая колоссальную силу и численность, 2) квалифицированные рабочие, 3) крестьянство. Дело может дойти до гражданской войны, но, скорее, кончится монархией или введением радикального социализма. — Что касается передышки, я думаю, что ликвидация Деникина³⁰ и наша угроза Азии заставят Англию, несмотря на все неудобства и опасности, принять против нас решительные меры. Последние для нее не так трудны, если она откровенно поддержит Финляндию, Эстонию и Польшу и весной двинет их при настоящей поддержке своего флота на Петроград. Это кажется сейчас маловероятным, но когда встанет перед Англией вопрос — потерять Индию или решиться на войну с нами³¹, она решится на последнее. Надо помнить английскую историю: никогда Англия не уступала и добивалась своей цели, если нужно было, столетия. Что будет в результате будущих войн, я не знаю, но что они будут, в этом я уверен.

2) Крестьянство. Советская власть ничего для крестьянства не сделала. И дело здесь вовсе не в одном керосине, смазках, мануфактуре, о которых Вы говорите. Если не дать всего этого крестьянину, он будет против Вас. Но если ему дать все это и гораздо больше, это вовсе не значит, что он будет за Вас. Он — за себя, и косность его и обособленный быт — это крепость, которая выдержит любую осаду. Если Вы хотите ввести новый строй, надо начать снизу. Надо разрушить эту крепость. Это можно сделать только одним путем — введением мелкой (более мелкой, чем волость) хозяйственной единицы с полнотою экономических функций в отношении всего тяготеющего к ней населения³². Никакие губернские, уездные, волостные советы делу не помогут, а только отдалят от власти

крестьян. Тут дело не в администрации, а в создании хозяйственных предприятий, связывающих с собой и своим хозяйством окружающих крестьян. Идеал заключался бы в том, чтобы крестьяне, оставаясь мелкими владельцами, вместе со своей землей входили бы в состав Советского хозяйства, а Советское хозяйство являлось бы мелкой единицей самоуправления. — Во всяком случае, мое глубокое убеждение, основанное на 1½ года личных наблюдений: что в деревнях Вы ничего почти еще не сделали и от этого вся Ваша постройка грозит остаться без фундамента.

3) Интеллигенция³³.

Указанные три главнейших трудности на пути Советской власти лежат тяжелым грузом на ожиданиях, которые можно связывать с будущим. В каждой из областей, отмеченных таким препятствием, необходима героическая работа, раньше чем можно будет увидеть далекие вышеописанные горизонты. Ряд войн, связанных с постоянной армией и милитаризмом со всеми его последствиями, — раньше, чем решится вопрос о мировой революции. Полное изменение хозяйственных отношений деревни — раньше, чем можно будет говорить о правильном обмене с нею и о привлечении ее к трудовой повинности. Изменение всего отношения к интеллигенции — раньше, чем можно будет привлечь ее к искренней и вдохновенной работе.

Я не говорю о ряде других трудностей.

Пока в этих областях коммунистами ничего не достигнуто или достигнуто весьма мало, есть основания для скептицизма в отношении скорости построения всего будущего здания и даже вообще возможности его построения. Есть основания считать, что многое даже из того, что сейчас героически осуществляется, не войдет в жизнь, а останется в качестве мечты, полуосуществленной, но не вошедшей в плоть и кровь. Есть основания проводить исторические аналогии и, перелистывая историю революции, назначать сроки, когда под влиянием, с одной стороны, психологической усталости масс, а с другой — под влиянием корыстлюбивого консерватизма новой буржуазии из шкурных коммунистов все сделанное кристаллизуется и затвердеет. Начнется стихийное поправление людей, и после ряда лет качаний (*politique à bascule*³⁴, как говорили в подобную эпоху при Директории во Франции) в той или иной форме придет реакция. Нет более неверной мысли, чем та, что она невозможна. Это не будет, конечно, по существу возвратом к старому. Но вся ломка такого возврата будет.

Для меня сейчас центр тяжести всего вопроса лежит в предпринимаемых Вами реформах, связанных с трудовой повинностью, организацией труда, милиционной системой и т. п. От результата этих начинаний будет все зависеть в гораздо большей степени, чем от побед Красной армии и от исправления транспорта. Хорошо, конечно, иметь хорошую армию и здоровый транспорт, но это не значит иметь новый строй. Национализация тоже не есть новый строй, ибо она ничего не прибавляет к

динамике жизни. Изменить эту динамику и завладеть ею, начать по желанию производить — это уже новый строй, обеспечивающий творчество новых ценностей, а следовательно, неизмеримые возможности будущего развития. Все остальное — только условия введения этого строя, но не самый необходимый механизм или, вернее, организм.

Поэтому я с величайшим вниманием присматриваюсь — удастся или нет Вам создать этот организм. Это вроде опытов ученых, пытающихся найти тайну жизни и создать протоплазму. Если это Вам удастся хоть где-нибудь, хоть в малой частице — Ваша победа везде обеспечена и в самом деле мы вступаем в новую великую эту.

Если же нет, если не родятся новые формы производства, пессимизм русской интеллигенции окажется обоснованным.

335

Чем больше я размышляю о разговоре с Вами, тем большее впечатление производит на меня грандиозный масштаб нарисованной Вами картины будущего, к которому Вы идете. Я принадлежу не к тем работникам, которые довольствуются планом своей отдельной колонны при постройке здания. Меня интересует идея всей постройки, и моя колонна имеет для меня смысл и значение только как часть этого целого. И тут нет предела моим желаниям и мечтам. Я русский до глубин души в этих исканиях и не могу удовлетвориться ничем, кроме последнего, предельного, безоблачной и безраздельной правдой. И вот в полете Вашей мысли, в ее основных, быть может, недосказанных даже до конца концепциях я нахожу путь к некоторым неожиданным ответам. Скажу откровенно, многому в Ваших планах я сознательно и упорно сопротивляюсь и буду сопротивляться и в будущем. Но в широких линиях определяя место Ваших идей, я не могу не ставить их рядом с лучшими мечтами мыслителей прошлого, с общественными идеалами Пифагора, Платона, Бэкона, Кампанеллы и т. п. И что особенно для меня интересно — Вы не мыслите только, Вы осуществляете, Вы пытаетесь каждую идею со всеми ее последствиями претворить в жизнь. Это для меня особенно важно, так как я путем размышлений, еще не вполне оформленных в виде написанной философии, но для меня уже ясных, пришел к выводу, что главное зло нашей культуры — отделенность мысли от действия. Мы должны вернуться к отдаленным временам, когда в живом опыте народов не было этого разделения, лежащего в основе всех наших кризисов и, между прочим, через сложную цепь причин, и кризиса социального. Разделение на классы обуславливается отходом верхов культурного творчества человечества от его народных низин, призванных питать его своими стихийными истоками. Необходимость освобождения и поднятия трудящихся, соответственно, не есть только вопрос социальной справедливости для них самих, но есть вопрос жизни и смерти для самой культуры, которая иначе засохнет и выродится, как это происходит уже на

368

наших глазах. Выход из кризиса — в перемене метода культурного творчества, в слитии слова, мысли и действия, в принятии на себя ответственности полностью не только за содеянное, но и за помысленное. Из этого можно вывести, что философия должна стать делом: мыслители должны стать пророками-строителями по образцу вождей древности, положивших в различные времена основы великих религий, великих культур и великих царств. В большевизме, несмотря на мое к нему отрицательное отношение, я нахожу многие из искомых черт. Он, несомненно, больше чем теория, так же как его государственная идея есть больше чем идея государственная, есть идея — теократическая. Я упрекаю большевизм не за его чрезмерную, а наоборот, за его недостаточную смелость. Почему не перенести приемы его в область философии? Почему ограничивать себя областью материального и не взять целостного человека без различия его физических и духовных проявлений? Почему не провозгласить там его свободу и бесконечную силу, и способность его творчества. Это то, что делает в известной мере та школа философии, к которой я примыкаю, англо-американский прагматизм.

Во всяком случае, чтобы вернуться к Вашим идеям, — они для меня представляют особенный интерес, ибо это не идеи только, но историческое действие. Я недавно начал понимать историзм большевизма. Еще в первое время после октябрьского переворота я написал яростную критику большевизма (в сборнике, в котором участвовали кроме меня Булгаков, Бердяев, Струве, В. Иванов и др. писатели)³⁶ с той точки зрения, что большевизм хочет все строить сначала и, прикрываясь связью с великими материалистическими процессами, на самом деле, вопреки даже марксизму, отрицает историю. В особенности это казалось мне доказанным в области конкретных исторических фактов, личностей, явлений и т. п. Меня оскорбляло отсутствие преемственности в революционных построениях, даже преемственности диалектической, ибо в стихийном движении нашей революции было более всего заметно не ненависть к старине, а абсолютное ее незнание и отсутствие к ней интереса. Но прошлое, и это знает всякий истинный практик, всякий истинный строитель, иногда важнее для действия, для его верности и целесообразности, чем даже окружающее нас настоящее. Ведь мы строим из элементов прошлого. И вот меня поразило в вас, что Вы все время мыслите в исторических рамках не только по отношению к будущему, но в отношении прошлого. Вы ищете преемственности для всех Ваших начинаний в прошлом и понимаете, что она не только Вас не ослабляет, но, наоборот, безмерно Вас усиливает. Те сравнения с Петром, те аналогии с процессами древнерусской истории, которые мы, писатели и мыслители другого лагеря, привыкли делать и считать своими открытиями в отношении большевизма, его корней, причин и последствий, — оказывается, эти связи для Вас также представляют живой материал и Вы в них черпаете назидания и уроки. Это дает Вам корни в истории, и Вы как бы вращаетесь в нее, делаясь гораздо более мощными, чем те беспочвенные социалисты, которые огульно презирают все бывшее до Маркса.

Из совокупности этих свойств — действительности и историчности — вытекает, по моему представлению, значительная реальность Ваших начинаний: Ваше Царство Правды, Ваш Новый Иерусалим отличается от вековых мечтаний в этом направлении русского народа тем, что они в действии, в осуществлении и строительстве. Это Третий Рим, не осознавший еще вполне себя и покрытый еще грязью и кровью, но зато это Рим, уже рождающийся, а не только зачатый в мечте. И когда Вы говорите об Азии, и это одновременно фантастично и реально. С одной стороны, это как бы возобновление средневековой легенды о таинственном христианском царстве Пресвитера Иоанна, где сохранилась вечная правда и которое Богом скрыто было в глубинах Азии от глаз греховного мира. Тысячи паломников искали это царство до путешественника Марко Поло, который в XVI веке, в самом деле, открыл в Монголии христианское царство³⁷. Но, с другой стороны, Ваше влечение в Азию есть трезвый и правильный расчет. Если взять историю Средней Азии, того самого Туркестана, где будет Ваша база, мы найдем в Средних веках, в эпоху проникновения туда мусульманских сект, явления, поразительно напоминающие большевизм нашего времени. В моих жилах течет татарская кровь, и я должен сказать, что эти страницы по странной наследственности несказанно меня волнуют: Я чувствую, когда изучаю эти народные движения, что в них завязывалась таинственно в какой-то стихийно психологической динамике вся последующая история. Так было, впрочем, и для Европы в религиозных движениях богомилов, гуситов, Реформации, Английских религиозных войнах и пр. Но Азия нам ближе, и, кроме того, Азия больше и глубже: в конце концов, Европа вышла из Азии, а не наоборот. И здесь я должен сказать, что я не боюсь упрека в «азиатском». Боятся потерять культуру лишь те, кто от нее зависят, а не те, от кого она зависит сама. Защищают культуру те, кто не может строить новую. Те же, кто чувствуют в себе стихийную силу новых культурных начинаний, бросаются сломя голову в поток действия, не думая о культуре, и из их творчества она вырастает в новых формах сама.

В общем, я сказал бы, что в нарисованном облике этого будущего здания я вижу образ, уже далеко превзошедший по своей реальности, красочности, богатству и разнородности содержания родившие его социалистические теории. Тут уже мерещится мне в тумане начало новой религиозно-общественной эпопеи, новой эры цивилизации, в преддверии которой стоит, как одно из предшествовавших течений, нынешний коммунизм. Отличительная черта этой эпохи будет общественная организация людей в теократических формах, понимая теократию в более широком даже, чем религиозный смысл³⁸.

И вот в то время, как я вполне понимаю увлечение таким идеалом и те суровые иногда действия, которые вызываются желанием ускорить его приближение, для меня является непостижимой загадкой, почему Советская Власть не только не пытается привлечь к этому строительству интеллигенцию, но всячески ее от него отталкивает.

Я говорю именно об интеллигенции, ибо можно считать, что буржуазии старой у нас нет или есть жалкие остатки. Новая еще не окрепла. Во всяком случае, буржуазия имеет значение только поскольку она связана с интеллигенцией. Интеллигенция же имеет громадную собственную ценность.

Тут четыре вопроса:

- 1) Верно ли, что Советская власть отталкивает интеллигенцию. Если верно, возможно три объяснения этой политики.
- 2) Советская власть убеждена, что интеллигенция неспособна стать на другую точку зрения.
- 3) Интеллигенция не нужна Советской власти.
- 4) Политика эта связана с ролью интеллигенции после Октября.

[1.] Я утверждаю, что Советская власть ничего не сделала, чтобы привлечь на свою сторону идейно интеллигенцию и, наоборот, делает все, чтобы ее оттолкнуть. Правда, Советская власть кормит в учреждениях громадное количество ненужных ей и по большей части вольно или невольно саботирующих работу интеллигентов. Правда, Советская власть каждому без разбора интеллигенции предоставляет возможность найти по своей специальности или вне ее работу. Но не в этом дело. Нельзя ставить вопрос на коммерческую почву. Все эти люди, которые живут жалованием, получаемым от Советской власти, в душе ненавидят ее, и ненависть эта не убывает, а возрастает. Надо кроме денег и скудных обещаний дать интеллигенции нечто другое. Надо идейно пойти ей навстречу. Т. е. как, — меня спросят, — идти на уступки? Да, конечно, надо идти на уступки. Я здесь не имею в виду политических или экономических уступок, связанных с программой коммунистов. Я имею в виду некоторые уступки, вполне вмещающиеся в эту программу и относящиеся гораздо больше к существу ее применения. Разве осуществление этой программы требует непременно, чтобы всякий русский интеллигент чувствовал себя в России хуже, чем последний пария в кастовых государствах Востока? Почему власть не может допустить у него некоторого чувства собственной гордости, некоторой чести, некоторого чувства собственного достоинства. Все это попирается немилосердно декретами и в особенности их применением. Вся система государственности по отношению к рядовому интеллигенту, городскому жителю есть система не только попирающая его человеческих прав, но прямого угнетения его, и притом угнетения с надругательством. Можно указать тысячи примеров. Один пример: деятельность ЧК. Я не вхожу здесь в рассмотрение общей целесообразности ее деятельности. Но почему *способы* этой деятельности приняли подобный характер уже как постоянные и утвержденные? Почему нельзя обставить аресты, судопроизводство, обвинение, приговор минимальными элементарными гарантиями гласности, возможности защититься, оправдаться и т. д.? Разве от этого уменьшится сила учреждений? Сейчас, напри<ер>, волокиты при арестах, антисанитарных условий заключения, плохого

питания и т. п. боятся почти больше, чем самих приговоров. Почему это все нельзя устранить? Почему дают основание мрачным средневековым легендам ходить по Москве при абсолютной невозможности проверить их ложь или верность?

2. Пример. Безобразное наложение трудовой повинности, безобразное с точки зрения экономической и человеческой. За десятки верст гонят толпы истощенных, голодных, необутых, неодетых интеллигентов, чтобы рубить деревья или чистить снег. Это ничего ровно не дает в смысле экономическом, а в обиходе возбуждает невероятное и справедливое нареkanie, ибо оттуда все возвращаются больными.

3. Меры против торговцев ввиду полной неясности их прав и положения выражаются в хаотической и неорганизованной периодической их травле — оцепляют рынки, закрывают лавки, конфискуют товар — за все это платит не торговец, а тот же бедный интеллигент.

Во всех трех случаях, которые я взял в виде примеров, я утверждаю, что без всякого изменения Советской политики возможно внести начала упорядочения и контроля для прекращения перечисленных явлений. Мне скажут — все, что возможно, делается. Делается, но не так, как следует. Надо громогласно и официально провозгласить принцип *защиты* гражданина от органов власти. Арестованный — не вещь, не объект, а остается гражданином и человеком с известными правами. При наложении снеговой повинности важно не только количество убранного снега, но также то, простудятся или нет обыватели и есть ли у них валенки. На рынках бывают не только спекулянты, но и голодающие горожане, интересы которых надо обеспечивать. Издайте три таких постановления и Вы, не нарушая конституции и не меняя политики, приобретете тысячи сторонников.

То, что я отметил в области отношений к рядовому обывателю, следует отметить в общем отношении к интеллигенции. Советская власть ее нравственно угнетает, не допускает ни свободы мнения ее, ни известной законности индивидуальных точек зрения. Здесь дело не в отдельных фактах, а в особой, созданной свыше атмосфере. Это атмосфера, в которой не может жить человеческая душа, требующая известной, хотя бы минимальной свободы, известного к себе уважения и внимания. Здесь от власти ничего особенно конкретного не требуется. Надо только создать атмосферу некоторого доверия, открыть какие-то отдушины. Пусть останется расхождение взглядов с властью, но, по крайней мере, люди выйдут из настоящего неслыханного идейного и душевного угнетения. Я утверждаю, что сейчас в Москве муки голода ничто в сравнении с нравственными муками тысяч людей, беспричинно и ненужно нравственно угнетаемых Советской Властью. Угнетение это просто заключается в том, что люди эти знают, что они не признаются за людей. Я приведу обратный пример — то, что Вам удалось другой политикой достигнуть в Военном Ведомстве. Там был гораздо больший % активных контрреволюционеров, чем где бы то ни было. Вы не побоялись их и

создали атмосферу доверия к воен<ным> специалистам и уважения к ним³⁹. Результат налицо — активная контрреволюция почти исчезла. И все военнотружущие чувствуют и открыто говорят, что они привилегированные граждане. У них есть свобода мнений, печати; во всем ведомстве царит совершенно иной дух, чем где бы то ни было, и дисциплина во много раз больше, несмотря на отсутствие унижительных контрольных мер, практикуемых в некоторых гражданских учреждениях.

2) Если верно, что есть такое угнетение (это можно было бы проверить анкетой), быть может, оно связано с ролью интеллигенции после Октябрьских событий. Несомненно, что в этом корень этого отношения. Но сейчас разве достойно власти-победительницы, власти, которая чувствует свою силу, мстить за старое? Разве не целесообразно было бы здесь немного великодушия? Почему Советская власть так скупа на красивые жесты?

3) Но, быть может, власть убеждена, что интеллигенция ни на что не способна. Интеллигенция просто не нужна. Все строится рабочими и крестьянами, а городская интеллигенция пусть вымирает от голода и холода. В Москве чрезвычайно распространено в широких кругах мнение, что таково именно настроение руководителей Советской власти к интеллигенции. Это — класс, который не может сейчас оказать влияние на политику, ввиду этого он обречен. Мысль эта имеет необычайно угнетающее действие на людей. Если она неверна, ее следовало бы опровергнуть какими-нибудь специальными заявлениями и мероприятиями.

4) Вопрос же о том, на что способна интеллигенция, тесно связан с вопросом о том, нужна она или нет Советской власти.

Я думаю, что по этому вопросу не может быть двух мнений. Достаточно вдуматься хоть немного в грандиозность планов Советской власти, выше очерченную, чтобы понять, что их можно осуществить только при тесной совместной работе всей интеллигенции и всего народа. Я понимаю еще, чтобы люди, ограничивающие задачи государства, люди, верящие в голую государственную власть, в управление прежде всего силой, — чтобы такие люди рассчитывали создать в том или другом виде царство без интеллигенции. Мечта русского монархизма, поскольку он сейчас возрождается, связана исключительно с консервативным крестьянством. Интеллигенция, наоборот, всегда была в России носительницей крайнего общественного и социального идеализма. Почему Советская власть не старается вновь пробудить в ней эти течения, но направленные уже в русло государственности? Это надо делать не окриком и не пропагандой пролеткульта, совершенно не подходящих по своему качеству для просвещения образованных людей, а предоставлением самой интеллигенции создать новые идейные течения.

Для меня ясно, что этот вопрос тесно связан с будущим всего Вашего строительства. Я не знаю, какой степени приближения Вы достигнете до Ваших идеалов, но я знаю, что эта степень будет обусловлена участием тех или других интеллигентных сил.

И здесь не надо вовсе бояться того, что воздействие на Вас интеллигенции, если она войдет в идейную работу, будет, быть может, не в сторону расширения Ваших концепций, а, скорее, в сторону сужения их и умерения полета Вашей мысли. Вы несомненно, это чувствуется во всяком Вашем разговоре, понимаете колоссальную ценность серьезного возражения и ту пользу, которую можно извлечь из достойного противника.

Почему Советская власть не хочет видеть в интеллигенции такого достойного противника и, сняв с нее ненужные и унижительные запреты, приобщить ее к общей творческой работе?

Несомненно, интеллигенция в своем большинстве сейчас иначе, чем коммунисты, оценивает революцию и считает, что путь ее не тот, в который верят последние. Вы верите, что революция есть начало новой эры, новой культуры, нового строя всех жизненных отношений. Вы верите, что за разрушением должно начаться Строительство, которому не будет предела. Для Вас, я себе так представляю, движение, в котором Вы участвуете, захватывает вперед не года, не десятилетия, а века, быть может, тысячелетия. Это то же, что появление христианства, буддизма и т. п. Для противоположного взгляда жизнь революции измеряется годами, в лучшем случае десятилетиями. Она пойдет по пути всех революций, по пути греческой и римской свободы, по пути Кромвеля и французской революции. Она сменится усталостью и в конце концов — реакцией. Правда, кое-что от нее останется, как всегда оставалось, и это кое-что будет ферментом для будущего. Вот крайний противоположный взгляд, полный пессимизма. Но нельзя же отрицать, что и такие возможности следует обдумывать, что кругом Вас опасности и зияющие бездны, что все Ваше дело, в конце концов, зависит от размеров и глубины мировой Революции. Разве не полезно дать высказаться трезвым и даже мрачным людям? А на десяток таких неисправимых пессимистов Вы, может быть, найдете одного или двух вновь обращенных в Вашу веру или приближающихся к ней, и это во много раз восполнит ту потерю, которую Ваши идеи испытали от встреч с противным направлением.

Я лично думаю, что мы должны прежде всего все, и власть имущие, и подвластная интеллигенция, пытаться выйти из той узости, которую поневоле внушили всем самые острые, трудные, страстные месяцы революций. Теперь пора всем взмахнуть крылами, сказать себе, что начинается жизнь, с разрушением покончено, начинается творчество и строительство. И если Вы, как Вы утверждаете, видите в самом деле сияющие горизонты будущего, если, действительно для Вас зелень, вода, огонь и солнце ослепительно ярки — Вы берете на свою душу великий грех тем, что не открываете эту сокровенную даль бедным подземным жителям и думаете внушить им веру в грядущее одним окриком. Дайте им взлететь, а для этого не бойтесь того, что они полетят бог знает [какой] стороной. Если истина там, где Вы ее указываете, они все равно ее увидят.

ЗАЯВЛЕНИЯ В ОСОБЫЙ ОТДЕЛ ВЧК

1

В Особый отдел ВЧК¹

Валериана Николаевича Муравьева
Заявление

В связи с раскрытием организации Национального Центра и Совета общественных деятелей², считаю нужным сделать нижеследующее заявление личного характера, объясняющее мои действия и вскрывающее их идеологические мотивы:

После февральского переворота я стоял на следующей идейной точке зрения: я приветствовал совершившийся в русской жизни перелом. Я ожидал от него возрождения русского народа; в связи же с этим процессом я думал, что будет облегчена возможность довести войну до сокрушения германской мощи, которая казалась мне препятствием к установлению во всем мире нового строя международных отношений. Мои идеи по этим вопросам я развивал в разговорах с друзьями, а также в печати, главным образом в издаваемом П.Б. Струве еженедельнике «Русская свобода»³, а также в изданной мной брошюре «Сущность международных отношений», где я разбираю проблему империализма⁴. В редакции «Русской свободы», куда входили кроме Струве еще Н.Н. Львов, Изгоев, Маклаков⁵ и некоторые другие деятели и писатели, мои статьи иногда встречали возражения (в особенности одна: «В защиту утопий»⁶), но они печатались вследствие моих личных отношений к Струве. Рядом с этим развивалась другая сторона моей деятельности в виде моей службы в Министерстве иностранных дел в качестве Начальника Политического кабинета Терещенко⁷. В последнее время перед октябрьским переворотом я заведовал осведомлением наших послов за границей о внутреннем положении России, и многие телеграммы, подписанные Терещенко и излагавшие события в России (впоследствии напечатанные в числе тайных документов Советским правительством) были написаны мною. В них я старался быть по возможности объективным. В одной из этих телеграмм, между прочим, по поводу защиты революционных матросов острова Эзель⁸, я выразил мысль, что, быть может, эти крайние элементы способны будут на такую же положительную эволюцию, как борцы Великой Французской революции. Мои взгляды на общее положение и войну я изложил в статье «Великая Россия и Маленькая Германия», написанную 9 окт[ября] 1917 г., которая не могла, вследствие ее парадоксальности нигде появиться⁹. В ней развита мысль, что, несмотря на видимое величие Германии и слабость России, на самом деле соотношение между ними обратное, в пробуждении русских сил, вызванном их освобождением, заложена возможность величайшего будущего. Я упре-

кал наших революционеров, и в том числе и Ленина, в недостаточной смелости, в том, что они в политическом смысле останавливаются перед проблемой разрушения германской мощи, что является необходимым условием освобождения человечества. Этот ход мыслей обусловил мое отношение к войне, вполне сливаясь с требованиями моего патриотизма и национального чувства, т^{ак} к^{ак} я хотел России великой во всех смыслах, не только внешне-территориальном, но главным образом внутренне-культурном, как страны, которой принадлежит всемирно-историческая миссия указать человечеству выход из современного развала.

Я рассматривал октябрьский переворот преимущественно с этой точки зрения и не мог примириться в политике первых недель большевизма прежде всего с отношением его к войне и Брестскому миру. Я видел в последнем совершенно непонятную мне капитуляцию перед Германией тех людей, которые чрезвычайно смелы в разрешении внутренних русских вопросов. Мне кажется, что здесь я разделял позицию многих врагов Брестского мира даже из среды большевиков. Разделение России, им созданное и отвечавшее хорошо известным мне мечтам крайних германских империалистов, вроде Шимана и Наумана¹⁰, казалось мне чудовищным и вызывающим во мне самое страстное негодование. Я решил искать путей для организации борьбы против большевизма. 28-го октября я уехал из Петрограда в Ставку, где имел много знакомств. В Ставке, находившейся в Могилеве и не признавшей еще октябрьский переворот, я увидел атмосферу необычайной слабости и политической немощи. Не было идеи, вокруг которой можно было сплотиться и ради которой можно было начать борьбу. Духонин¹¹, лично очень храбрый человек, был лишен политической смелости и кругозора. Приезжавшие в то время в Ставку Чернов, Верховский¹² и другие представители «соглашательского» социализма находились, как всегда, безнадежно между двумя решениями. Из военных один Врангель (ныне командующий Добровольческой армией) думал об объединении ударных частей и оказании, таким образом, сопротивления¹³. После нескольких разговоров я убедился в развале Ставки и поехал в Новочеркасск, чтобы убедиться лично в возможностях казачества, о которых тогда много говорили.

Я приехал в Новочеркасск 12-го ноября 1917 г. Положение там было неопределенное. Войны с большевиками не было. Но не было и признания их. Из разговоров с Калединым и Богаевским¹⁴ я понял, что казаки не желают и не могут выполнить общерусскую задачу. Председатель Думы Родзянко¹⁵, который там находился, носился с широкими планами, но успел уже восстановить против себя местных людей, и Каледин говорил о нем с нескрываемой неприязнью. Единственный человек, который знал, чего хотел и принимал меры к проведению своего плана, был генерал Алексеев¹⁶. Он изложил мне свою идею, которая заключалась в том, чтобы под прикрытием образовать армию из офицеров и добровольцев и идти на Москву. Он заявил, что имеет поддержку Московских деятелей в финансовом и политическом отношении. Через несколько

дней, в самом деле, приехали Струве, Г.Н. Трубецкой, М.М. Федоров¹⁷ и др. Появился вскоре и Корнилов¹⁸. Началась работа по образованию армии. Я не принимал в последнем участия и, посвятил себя публицистике, печатал статьи в местных газетах¹⁹ и разрабатывал проект большого издания. Вместе с тем я наблюдал и сделал ряд решающих для меня выводов об обреченности всего мероприятия. Я отметил ряд слабых его сторон, клевших в основу его неизлечимый изъян: 1) отношение казаков, узко-местное, безыдейное, корыстно-эгоистическое; 2) полная непопулярность идей борьбы с большевизмом в народных массах, как казачьих, так и не казачьих; 3) личные разногласия между генералами; 4) главное же — то же, что в Ставке — отсутствие положительной политической идеи и вытекающей из нее программы для дальнейшего управления России, в случае удачи военных операций. В общем, все, что удалось на моих глазах создать руководителям добровольческой армии, был колоссальных размеров штаб, почти без армии, причем в нем были сохранены все те недостатки организации и работы, которые обусловили наше поражение в войне с Германией. Все это привело меня к разочарованию в возможности создать что-либо на Дону и вообще на юге, и я пришел к убеждению, что изменение положения должно произойти в центре и что работу сплочения общественных сил надо производить в Москве. В виду этого в январе 1918 года я приехал в Москву.

В Москве я, прежде всего, заинтересовался политическими кругами и, благодаря некоторым связям, скоро получил возможность с ними познакомиться. Главную роль тогда играл Совет общественных деятелей, который работал еще полулегально. Я был на нескольких его собраниях. Они поразили меня своей хаотичностью и неопределенностью целей. Опять я обнаружил, но еще в большем масштабе, чем в ставке и в Новочеркасске, т<ак> к<ак> дело шло о сердце русской общественности, — отсутствие продуманного, ясного и дружно проводимого политического идеала. Это было объединение людей на чисто отрицательных началах борьбы против большевизма, и чувствовалось, что вне этой общей идеи сейчас же возникнет полный разброд мнений. Более узкие круги казались более сплоченными, и было ядро, достаточно сговорившееся, но взгляды его вождей не выходили за рамки применения старых идей без учета колоссального сдвига, совершенного в России революцией. Я обратился к публицистической деятельности и скоро получил возможность проводить свои взгляды через «Зарю России»²⁰. Должен сказать, что я при этом писал совершенно свободно, без всякого влияния на мои статьи промышленных кругов и почти без ограничения редакции. Я начал оживленную кампанию против Германии и одновременно против Советской власти, причем старался провести следующие дорогие для меня идеи: 1) национальное возрождение России ее собственными силами и средствами, без чьего бы то ни было вмешательства извне. Я допускал при этом, насколько это было возможно в рамках моего мирозерцания, даже совместную работу с большевизмом, при условии его перехода на

национальную точку зрения. В этом смысле я посветил весной 1918 года в «Заре» Р«оссии» статью по поводу слуха о совместных действиях Корнилова с большевиками против немцев, в которой я доказывал, что это прообраз того, что все мы должны делать²¹. Вместе с тем я писал против начавшегося вмешательства японцев в наши дальневосточные дела; 2) Я проводил идею сближения с массами, за которую Струве меня всегда обвинял в «народничестве». Я доказал, что пока интеллигенция будет оторвана, никакое возрождение невозможно. 3) Наконец, я высказал мое убеждение, что все современные бедствия вызваны духовным кризисом всего человечества и что только в таком религиозно-философском масштабе можно приступить к составлению новой идеологии. Когда закрылись газеты в июле 1918 года, я остался без дела. К этому времени обострился спор об ориентациях и начало образовываться объединение, впоследствии ставшее Национальным Центром. Я был на двух заседаниях и вынес впечатление идейного разочарования, которым поделился со Струве: опять я не нашел всеобъемлющего плана, разрешающего колоссальные вопросы будущего. Ощущая потребность уйти в уединенную работу мысли, я в сентябре 1918 года отказался от мысли продолжать активную политическую деятельность, я уехал в деревню, в Новгородскую губ«ернию», где благодаря хорошим отношениям с крестьянами у меня сохранился уголок и я имел возможность спокойно работать²². Я остался там до февраля 1919 года, причем приехал в Москву с большим сожалением, так как мечтал продолжать чисто философскую работу. Однако ввиду мобилизации я вынужден был искать себе работу в военном ведомстве по моей специальности. Я нашел таковую в Военно-Исторической комиссии, где А.А. Свечин, которого я знал по Ставке и который совершенно не был в курсе моих политических выступлений предложил мне писать «Историю сношений России с союзниками» по документам Ставки²³. Я начал тотчас же эту работу.

Я приехал в Москву с совершенно определенным мнением, что революция у нас развивается эволюционным путем и что всякая мысль о насильственном перевороте или поддержке контрреволюции извне совершенно не соответствует действительности. Меня укрепляло в это время в моем стремлении увидеть положительные стороны советского режима ослабление террора и некоторые выступления Ленина, как будто направленные к тому, чтобы перекинуть мост к интеллигенции. По вопросу о терроре я должен сказать, что не принадлежу в политике к числу противников насилия. Пока есть государство, необходимо насилие, и вообще борьбы нет без насилия, а жизни без борьбы. Я имею [в виду] и философское оправдание некоторых форм насилия, которое не буду здесь излагать. Но, конечно, красный террор в том виде как он применяется (например, в провинции уездными чрезвычайными комиссиями), приводил меня в состояние самого глубокого возмущения и [я] не мог найти никаких оправданий для режима, который, будучи сильным, допускал тем не менее известные мне факты. Мое отношение таковое к террору не

могло вместе с тем поколебать мою убежденность в неизбежности внутренней эволюции. Успехи Колчака²⁴ и затем Деникина весной и летом 1919 года²⁵ создали обстановку чрезвычайно неблагоприятную для таких идей, как в смысле продолжения их до конца, так и в особенности их проповеди. Все жили, не исключая и коммунистов, изо дня в день в ожидании катастрофы. В кругах Национального Центра, который был связан определенной тактикой, принятой до моего приезда в Москву, в особенности трудно было встретить сочувствие таким идеям. Признаюсь, что я сам часто спрашивал себя, правилен ли мой диагноз и верно ли мнение, что русский народ найдет в себе силы для того, чтобы выйти собственными силами из состояния развала. Тем не менее я все же пытался осторожно готовить почву для моих идей, причем видел особенный смысл в пребывании в Национальном Центре как политическом центре противоположного убеждения. Я считал, что русское общество само должно проделать известную эволюцию и прежде всего политические организации, связанные с интеллигенцией и представляющие ее, должны найти пути к всеобщему примирению враждующих [в] России течений. Моя работа в этом смысле проявлялась, прежде всего, в ряде частных разговоров, между прочим с С.А. Котляревским²⁶. Кроме того, два раза я поднимал вопрос о перемене тактики на общих собраниях. Один раз в не совсем откровенной критике идеи вооруженного заговора и предложении завязать отношения не с теми военными, которые хотят переворота, а наоборот, с теми, которые стоят на точке зрения эволюции. Второй раз в июле я поставил определенно и даже резко вопрос о необходимости перемены всей нашей тактики, что вызвало возражения Н.Н. Щепкина²⁷, не отклонившего вовсе мое предложение, но попросившего некоторого для него срока. После разгрома военной организации и в связи с неудачами Деникина обстановка начала меняться в пользу проведения эволюционных взглядов.

К этому времени мне пришлось проделать очень большую умственную и душевную работу, чтобы выяснить себе определенно и окончательно в чем заключается моя собственная идеология. Мне значительно помогли в этом смысле ряд собраний самого различного состава и характера, к которых в различных постановках, но всегда с очень широкой и возвышенной философской, религиозной точке зрения рассматривались вопросы о будущем человечества вообще и, в частности, о будущем России²⁸. Большое влияние на меня оказало общение с некоторыми выдающимися мыслителями, как, например Н. Бердяев и И.А. Ильин²⁹, которые всегда стремились вынести свои суждения за рамки современности и даже вообще политики и высказываться с точки зрения конечных проблем человеческой мысли и человеческой культуры. Расходясь в очень многом с этими философами и вообще с современными русскими мыслителями, я тем не менее многое у них почерпнул, и оно помогло мне выработать более или менее определенное мирозерцание, которое имеет сторону философско-религиозную, имеет и сторону политиче-

скую. К зиме 1919/1920 года я почувствовал, что мое отношение к современности находится в соответствии с глубокими моими последними убеждениями, и это дало мне силу приступить к определенному пересмотру некоторых моих воззрений, связанных и с политической работой. Я стал искать, в связи с потребностью лучше понять коммунизм и его возможности, общения с выдающимися его идеологами. К сожалению, тогда как коммунисты отлично разрешили задачу привлечения к себе масс, они ничего не сделали из того, чтобы облегчить понимание их идей культурными верхами русского общества, которые могут довольствоваться газетными статьями и популярными брошюрами. Я нашел, в конце концов, то, чего искал, т. е. возможность искренно и до глубины обсудить интересующие меня вопросы совместно с представителем противоположного мне идейного лагеря, в общении с Л.Д.Троцким. На одном из заседаний Военно-исторической комиссии он произнес речь, производящую на меня чрезвычайно глубокое впечатление³⁰. Он затронул в ней, кроме подлежащего обсуждению конкретного вопроса о милиции, общие перспективы и нарисовал общую картину культурного, государственного и экономического идеала будущего. При этом меня особенно поразила терпимость Л.Д. Троцкого при большой силе внутренней убежденности, а также то, что его мысль вращалась в области исторических и даже религиозных сравнений, совершенно не связанная обычной не слишком гибкой терминологией и фразеологией революционного социализма. Я изложил мои впечатления о выступлении Л^{<ва>} Д^{<авидовича>} в двух письмах к нему и в разговоре с ним³¹. Последний также произвел на меня большое впечатление. Я пошел к нему как политический его противник, чего не скрывал от него, и главное содержание моих к нему писем были существенные возражения его взглядам. Но именно в качестве идейного противника я почувствовал глубокое удовлетворение от сознания, что при основном расхождении наших мирозерцаний и идей нашлась общая почва, которая оказалась синтезом весьма разнородных с первого взгляда подходов к одним и тем же вопросам.

Постараюсь вкратце формулировать те общие положения, к которым я пришел в настоящее время в отношении идеалов Советской власти и возможности совместной с нею работы.

1) Прежде всего, определю свое отношение к общему мирозерцанию коммунизма. Я расхожусь коренным образом с последним, поскольку теоретическая и философическая его основа связана с материалистическим мирозерцанием. Я считаю материализм ложной и недостаточной философией. Я считаю вместе с тем, что в социализме, материалистически обоснованном, есть внутреннее противоречие: нельзя требовать от индивида жертвы ради целого или ради других людей, обосновывая это материалистически. Такова моя основная критика коммунизма. Вместе с тем, если подходить к последнему иначе и видеть в нем очень высокий идеал человеческого братства и устройство жизни, обоснованное непременно материалистически, я готов признать все положительные стороны

этого идеала и переношу критику свою уже на осуществление, о чем дальше.

2) В связи с этим находится мое отношение к Интернационалу. Поскольку последний есть объединение людей, связанных исключительно материалистически, я не могу такое объяснение считать жизненно прочным и нужным. Оно не имеет в себе главного, ради чего должны объединяться люди, — стремление слиться в общем духе. Вместе с тем я признаю вполне правильность и необходимость постановки, раньше и прежде чем ставятся национальные задачи, вопроса об объединении и устройстве человечества. Задача эта поставлена на заре человеческой истории, и церковь была именно таким идеалом. Я понимаю интернациональные стремления социализма как попытку разрешить задачу, которую не удалось выполнить исторически церкви. Но я думаю, что социализм может с этой задачей справиться, только преодолев самого себя и расширяясь настолько и углубившись, что он перестанет быть социализмом и станет откровенно теократическим идеалом в новой форме. У меня вполне определенная концепция такого идеала, которую я выражаю в форме Третьего Рима, т. е. всемирного государства на теократической основе. Я думаю, что русский народ в своем прирожденном идеализме требует во всем (в лучших своих моментах) «последней правды». Эту правду в области государственной [он] искал в церковно-православном русском государстве. После разочарования в последнем русский народ искал ту же общественную правду в социализме, и в этом отношении Третий Интернационал является в самом деле наследником Третьего Рима инок Филофея. Но на этом истории не остановится и рано или поздно, я думаю, встанет пред всеми народами, и прежде всего перед русским, более углубленный духовный идеал вселенского общения, преобразованного человечества, истинный Третий Рим. Поскольку к нему ведет III Интернационал, я готов его приветствовать.

3) Если спуститься с этих высот и поставить вопрос о государственности, я могу определить следующим образом свое отношение к Советскому государству:

а) Я признаю всецело идею власти самих трудящихся, т. е. к этому соответствует моим стремлениям сблизить массы с государством. Делаю только две оговорки: власть трудящихся должна стремиться быть в самом деле их властью, что вызывает необходимость особой правильности выборов. Вместе с тем я понимаю под властью трудящихся классовую власть, ставшую национальной. Вообще классовое государство есть государство временное и соответствует переходному периоду, ибо сама идея государственности включает идею общей цели всех граждан данной страны.

б) В советах я нахожу возможность, соблюдая ряд второстепенных условий, провести на практике эти начала. Вместе с тем советская форма правления преодолевает парламентаризм, являющийся источником величайшего политического зла и разврата на Западе.

в) Поскольку речь идет о построении на этих началах государства, я считаю обязанностью всех граждан принимать в нем участие и считаю, что связанные с таким государственным строительством формы принуждения необходимы и соответствуют вообще государственности. Поскольку противопоставляется в идеале, в идеале коммунистов, государство сверхгосударственному строю, долженствующему наступить после «отмирания государства», я в настоящую минуту являюсь сторонником по преимуществу государственной политики, так как думаю, что сверхгосударственный строй, если вообще наступит, создастся лишь в отдаленном будущем. Преждевременная же попытка его осуществления в виде институтов, рассчитанных на рост народного сознания, при нынешних условиях, когда это сознание очень слабо, может поколебать столь трудно устанавливаемые и столь необходимые России государственные устои.

4) В области внешней политики я считаю, что Советская власть в настоящее время стоит перед необходимостью разрешить целый ряд вопросов, связанных с историческими задачами России. Таков вопрос об объединении частей России, являющийся вовсе не фантазией империалистов, но насущной необходимостью, вызываемой нашими политическими, стратегическими и экономическими интересами. При этом я признаю чрезвычайную силу тех способов, которые употребляет [в] вопросах сближения народов Советская власть, а именно опору, создаваемую ею себе в низах населения, и значение добровольного участия в федерации.

В отношении настоящего момента я полагаю, что возобновление мирных отношений со всеми народами совершенно необходимо и неизбежно и явится условием нашего экономического возрождения и культурного развития.

5) В области правосудия, гражданских свобод, гарантий неприкосновенности личности я отнюдь не являюсь сторонником крайне либеральных или социалистически-соглашательских теорий, ослабляющих во имя личности права государства и нередко лишаящих последнее необходимых ему средств борьбы и защиты. Но не могу не признать, что продолжающееся применение в России многих приемов государственного вмешательства в жизнь граждан в чисто революционных формах не дает установиться нормальному отношению граждан к власти. Я приветствую шаги Советского правительства, направленные на прекращение террора и к упорядочению суда, розыска, следствия, условий тюремного заключения, думаю, что реформы в этом направлении совершенно необходимы, чтобы успокоить русское общество и внушить ему доверие к государству.

6) Я существенным образом расхожусь с коммунистическими воззрениями на экономические вопросы. Я думаю, что чистый коммунизм не осуществим, пока останется деревня в настоящем виде. Изменить же экономические отношения деревни, разрушить ее быт представляется мне задачей совершенно неразрешимой при настоящих условиях. Я придаю

громадное значение переходу социализма у нас от задач распределения к задаче производства и думаю, что в надлежащей организации трудовой повинности и вообще организации труда лежит центр тяжести современной политики. Сроки здесь, по объективным условиям, очень кратки: либо меры эти должны, в самом деле, перестроить экономические отношения, создать новые стимулы для труда и принести немедленные плоды. Либо должна выясниться невозможность выполнения их в таком объеме и тогда власть должна будет ограничить выполнение своей экономической политики в чистом виде. Этот вопрос должен, по моему мнению, принять тот или другой оборот в ближайшее время и от него зависит, конечно, в значительной мере и общий политический курс. Я лично полагаю, что мы идем к установлению смешанных экономических форм, в которых будут силою необходимости допущены различные и нередко противоречащие друг другу начала.

Таково мое общее отношение к главным вопросам Советской политики и к самой власти. Считая себя политическим деятелем и находя, что пассивное выжидание в эпоху, когда страна переживает тяжкий кризис, недопустимо, я тем самым ставлю перед собой вопрос не только о тех или других мнениях, но и об активной работе по проведению в жизнь необходимых мер. Другими словами, предо мной ставится вопрос об участии в государственной работе.

Когда я пришел к таким убеждениям, они, должны были, очевидно, столкнуться со всем тем, что я делал до этого в области конспиративной, в виде борьбы против власти. Я очутился в чрезвычайно тяжелом положении, т^{ак} к^{ак} ощущал необходимость сделать конкретные шаги для обеспечения себе возможности работать. Но вместе с тем я был связан грузом своего прошлого участия в Нац^{иональном} Центре. Правда, последний, после разгрома Щепкина, уже существовал лишь формально³². Но это формальное существование и было для меня главным препятствием. Я мог избрать три пути: откровенно заявить руководителям Советской власти о моем прошлом и ждать их над собой суда, что было наиболее последовательным путем. Но это было связано с необходимостью умолчать о своих товарищах по Центру, что было бы полупризнанием. Другая возможность заключалась в том, чтобы уйти из Центра, закрыть глаза на его существование и делать самостоятельно свое дело. Третья линия, которую я избрал, заключалась в том, чтобы постараться в самом Центре провести мою точку зрения и склонить его к такой перемене тактики, которая отвечала бы положениям, принятым мною в основании моей личной линии поведения. Последнюю, однако, я не ставил в зависимость от того или иного другого решения Центра, но, наоборот, считал правильным поставить последний перед совершившимся фактом. Положение разрешилось тем, что вопрос о моих действиях был поднят в самом Центре, от меня потребовали объяснений.

Действия эти заключались в моем поступлении в январе 1920 года в Комиссариат Иностранных Дел на должность заведующего Информа-

онным отделом. Я был назначен на эту должность как специалист по рекомендации Л.Д.Троцкого, от которого шла инициатива в моем поступлении в Комиссариат Иностранных Дел. В разговоре с Г.В. Чичериным³³ я изложил свое отношение к Советской политике и заявил о своем желании добросовестно работать. За время с моего поступления до ареста я приступил к работе, причем получил в заведование два отдела: Информационный и Экономически-правовой.

Не считая возможным и нужным обсуждать в Национальном Центре вопрос о моем поступлении в Комиссариат вне общего вопроса о перемене тактики, я заявил, что сделаю сообщение именно об этом общем вопросе и в связи с ним объясню, как смотрю на свою службу. Собрание, посвященное этим вопросам, состоялось в конце января, и я изложил на нем свою точку зрения³⁴. В общем, я рассказал изложенное в настоящем докладе и сделал вывод, что сейчас возможны три линии поведения по отношению к Советской власти:

1. Продолжить старую заговорщическую линию. Я заявил, что считаю это безумным и вредным со всех точек зрения и что если бы такая линия была принята, я не только не приму участия в такой деятельности, но буду всеми силами против нее бороться;

2. Линия пассивная — ожидание, чтобы обстоятельства переменились. Эта линия для меня также неприемлема, так как я считаю ее политически безнравственной, нельзя ждать, чтобы другие сделали черную и трудную работу, чтобы потом явиться с чистыми руками и пользоваться результатами;

3. Третья линия — единственно приемлемая, заключается в том, чтобы принять участие в государственной работе честно и добросовестно. Это возможно в силу того, что есть известная почва, на которой мы можем откровенно сговориться с Советской властью. От нас будет зависеть в процессе дальнейшей работы поставить по существу все вопросы и попытаться доказать даже правильность наших взглядов в том, в чем они расходятся с программой правительства. Относительно саботажа я высказался самым резким образом, определив его как явление, преступное в отношении государства, разлагающее внутренне тех, кто применяет саботаж. Обсуждение моего сообщения не состоялось ввиду начавшихся арестов³⁵.

Заканчивая этим настоящим заявлением, я считаю своим долгом сказать, что во всем мною совершенном за описанный период, несомненно, есть много непоследовательного и противоречивого. Это меня не смущает, и если вдуматься в чрезвычайную трудность переживаемой в настоящее время русским народом эпохи, в колоссальные, требуемые от него усилия ума, воли и напряжения сил, — будет ясно, что соответственная трудность выпадает и на долю отдельных русских людей, стремящихся найти выход из создавшихся вокруг нас условий для нашей родины. Отдать свои силы русскому народу было основным и единственным моим желанием и побуждением. Ради него я готов на все жертвы, не только

материальные, но и на жертвы духовные, быть может, самые тяжкие — на перелом, когда этого требует жизнь самых дорогих воззрений, на отказ от самых дорогих традиций. Ради народа я остался в России в эти трудные года, когда имел возможность много раз уехать и счастливо жить за границей. Но я считал, что обязан был делить с ним и горести и радость, и сейчас, в тюрьме, перед неизвестным будущим о своем решении не жалею. Я верю в Россию, в великое ее будущее, в новое, светлое слово, которое скажет русский народ миру. Не я, так другие доведут до конца великое совершающееся вокруг нас дело.

Лично же сейчас я хотел бы, чтобы мои политические противники вчерашнего дня, которые почтили меня доверием, не зная всей степени моей недавней, активной к ним и их идеалам враждебности, — верили в глубокую искренность всего того, что я им высказал и что высказываю в настоящем признании.

В. Муравьев

25 февраля 1920 г.

2

Заявление³⁶

Валериана Николаевича
Муравьева

Ввиду того, что действия Польши угрожают единству и целостности России, препятствуют мирному ее возрождению, необходимому для блага русского народа и трудящихся всех стран, считаю, что каждый русский гражданин обязан всемерно поддерживать Советскую Власть в ее борьбе против наступающих на нас насильников.

Не менее решительного отпора, чем сама Польша, заслуживают все ее возможные союзники, как иностранные пособники ее движения³⁷, так же и русские, кто, в своем партийном или классовом ослеплении, способны оказать явное или скрытое содействие неприятелю или вступить с ним в союз.

Валериан Муравьев.

15 мая 1920

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОИНСКОЙ СИЛЫ ДЛЯ БОРЬБЫ С ПРИРОДОЙ

В Известиях ВЦИК от 22 июля сего года № 1601 помещена статья И. Брехничева «К голодной проблеме», в которой автор ставит вопрос об учреждении особого «Практического института по борьбе с голодом» при ВЦИКе. Институт этот должен, между прочим, иметь одной из своих важнейших функций изучение борьбы с атмосферическими явления-

ми, причем «астрономия, метеорология, климатология должны быть национализированы» и поступить на службу государству. В основу этого дела И. Брихничев считает [нужным] положить следование призывам в этом смысле известного русского мыслителя Н.Ф. Федорова.

Сочувствуя всецело идее такого Института, я хотел бы вместе с тем подчеркнуть еще одну сторону вопроса, с которой связаны заветные мысли того же Н.Ф. Федорова, к сожалению, слишком мало известные среди русских ученых. Федоров в ряде статей, из которых особенно интересны в этом отношении «Разоружение» и «Об обращении оружия, т. е. орудий истребления в орудия спасения» (Философия Общего дела. Т. 1)¹, идет гораздо дальше чисто теоретической задачи изучения метеорологических явлений. Согласно своему общему мирозерцанию, он требует: 1) чтобы изучение сопровождалось делом, 2) чтобы это дело развивалось в возможно большем масштабе, стало всеобщим, организованным, всенародным, всечеловеческим. Все неудачи науки и философии, а также общественного строительства он вообще приписывает разрозненности и неорганизованности усилий людей, прежде же всего — кастовому характеру работы ученых. В особенности пагубным является влияние этой частичности и оторванности научных опытов в деле борьбы с природой, в которой должны участвовать все люди — прежде всего сельское население, уже и сейчас ведущее эту борьбу, но средствами несовершенными, ненаучными и без надлежащей помощи города. Между тем общие усилия людей возможны и существуют выработанные способы их объединения и направления: это военная организация, основанная на всеобщей воинской повинности. Военные методы и техника должны, по мысли Федорова, быть перенесены из области войны между людьми на войну с природой. Не отрицая необходимости армии для известных случаев, он полагает, что в будущем следует стремиться к искоренению войны, но отнюдь не к разоружению и ликвидации военной организации. Последняя должна превратиться в грандиозную организацию всех людей для овладения природой, прежде же всего для регуляции атмосферических явлений. Федоров подчеркивает важность этого проекта в особенности для России, страдающей от периодических голодов² и обладающей колоссальными пространствами. Он напоминает, что еще в 1810 году выдающийся русский ученый Каразин поставил этот вопрос и изобрел даже аппарат для такой регуляции². Но мысль эта, изложенная у Каразина, у его последователей, у самого Федорова, не встретила должного сочувствия в обществе и правительстве. Опыты в этом направлении продолжались, но без надлежащего рвения, интереса и, главное, не в надлежащем масштабе.

Мне кажется, что пережитый нами страшный голод, повторение которого и впредь угрожает России, должен заставить нас отнестись с сугубой внимательностью к этим мыслям. С другой стороны, развитие военного дела как в смысле техническом, так и организационном, в особенности техника управления усилиями громадных человеческих масс,

дают возможность рассчитывать, что идея Федорова о привлечении к борьбе с природой воинской силы может сейчас найти еще большее применение, чем в его время. В частности, изучение с этой точки зрения мировой войны должно было бы быть поставлено на очередь как в смысле влияния взрывов и артиллерийской стрельбы на атмосферу, так и изучения возможности применения новых технических методов, и в особенности воздухоплавания, к разрешению этих задач. Вместе с тем постановка этого вопроса практически в военных частях имела бы большое значение. Независимо даже от результатов коллективных опытов при нынешнем состоянии техники, самый факт сознания, что люди призываются не только для борьбы против своих ближних, но также для общего дела овладения природой, имело бы громадное воспитательное значение, расширило бы и облагородило военную мысль. Здесь открываются для военного дела как такового широчайшие перспективы: из того, чем оно ныне является в сознании всех мыслящих людей, — временным, хотя и необходимым злом, — оно превращается в величайшее и благотворнейшее дело всего человеческого рода.

В случае, если бы был в самом деле поставлен вопрос о «Практическом Институте по борьбе с голодом» при ВЦИКЕ, согласно проекту Брихничева, было бы важно изучить и указанную здесь сторону проблемы, в чем Военное Ведомство непосредственно могло бы оказать большую помощь научным исследователям.

[ПО ПОВОДУ РЕЧИ Л.Д. ТРОЦКОГО]

В одной из своих последних речей Л.Д. Троцкий поставил чрезвычайно важный теоретический вопрос — что следует понимать под словом революционер? Отвечая на него, Л.Д. Троцкий отмечает, что есть два возможных понимания революционности. Во-первых, можно считать ее как временное свойство, возникающее из определенных исторических условий в известную эпоху. С этой точки зрения потомки современных революционеров уже революционерами не будут, так как подготавливается общество, где не будет классового антагонизма, не будет революций, а следовательно, не будет революционеров. Но рядом с этим существует другое, расширенное понятие слова «революционер», охватывающее «всякое сознательное человеческое творчество, направленное на порабощение природы, на умножение технических и культурных завоеваний, на то, чтобы перебросить ныне для нас еще невиданные и неслыханные мосты к другим космическим мирам». Из этих двух пониманий Л.Д. Троцкий считает в настоящее время необходимым удерживать только первое, так как «мы не завершили еще конкретной, исторической, политической, революционной задачи», заключающейся в том, чтобы «ниспровергнуть классовое общество, и не имеем поэтому права на такое абстрагирование, на такое безбрежное расширение слова “революционер”»¹.

Вопрос, разрешаемый Л.Д. Троцким с таковою категоричностью, на самом деле очень сложен, и он, по-видимому, отдает себе в этом вполне отчет, обуславливая указанную ограниченную точку зрения не постоянным и объективным образом, а лишь незавершенностью для данного поколения определенной работы.

В самом деле, если вдуматься в этот вопрос, от такого или другого решения его проистекают весьма важные следствия, как в отношении мирозерцания вообще, так и в отношении практических из него выводов.

Рассмотрим логические последствия обоих взглядов.

Если встать на первую точку зрения ограниченного понимания революционности, мы видим, прежде всего, что революционность перестает здесь характеризовать известное мирозерцание. Это просто временная историческая категория, не имеющая отношения к ответам человека на последние вопросы его ума. Из этого можно вывести, что революционеры не имеют специально революционного мирозерцания (ибо такого вообще нет) и могут иметь самые различные воззрения в зависимости от эпохи и исторических условий их жизни. Это соответствует обычному употреблению слова революция. Как известно, на французском языке, откуда оно к нам перешло, оно означает первоначальное обращение или поворот, напр<имер>, обращение планеты («les révolution d'une planète»). Отсюда оно стало обозначать переворот, и в этом смысле у нас утвердилось. И мы называем соответственно революционером всех, кто совершает политические перевороты: говорим о революциях древнего мира, о революциях религиозных, как, напр<имер>, английская, буржуазных, как Великая французская, национальных, как итальянская, интернациональных, как современная. Делавшие же их люди имели соответственно самые различные общие убеждения. Если сравнить Кромвеля, Робеспьера, Мадзини, Ленина — общие мирозерцания их весьма различны.

Что же остается в таком случае как практическое содержание слова революция? Остается то, что Л.Д. Троцкий назвал исторической, политической революцией или, другими словами, измерение строя человеческих отношений, переворот прежде всего *юридический*. Социалистов упрекали часто в том, что они отрицательно относятся ко всякому праву, но с этой точки зрения революция сводится именно к известному правовому преобразованию, т. е. к изменению норм, регулирующих политические, экономические и социальные отношения.

Сила такой постановки вопроса, как это и отмечается Л.Д. Троцким, в конкретности и определенности. Но вместе с тем нельзя не видеть в ней и чрезвычайную слабость. А именно возникает вопрос: а что же дальше? Что должен делать революционер после завершения переворота? Он становится гражданином или обывателем и содержание его дальнейших действий уже не революционно, диктуется мирозерцанием, не связанным непременно с понятием революционности. Для коммуниста,

как указывает Л.Д. Троцкий, задача будет заключаться в том, чтобы ввести коммуны, но этот идеал самостоятелен, отнюдь не включен в идеал революции, которая была только средством подготовить условия для введения коммуны.

Этот дальнейший идеал, следовательно, не черпается из специфического революционного мирозерцания, а из какого-то другого мирозерцания — в данном случае, как считает Л.Д. Троцкий, в материализме и атеизме².

Но этим самым социализм низводится на степень вывода из общей не революционной и не социалистической концепции. Могут быть материалисты и атеисты либералы, консерваторы. Но есть и материалисты — социалисты и революционеры.

Не трудно заметить, что такая точка зрения совершенно уничтожает масштаб революционной мысли, стремящейся создать новый мир, ибо оказывается, что новый этот мир не самодовлеющ, а возникает как одно из частных следствий в недрах мирозерцания, годного и для старого мира. Одним словом, юридический переворот не может обусловить иное, чем юридическое, отношение людей и сам зависит от определенного мирозерцания.

Не то получается, если встать на вторую точку зрения, отвергнутую Л.Д. Троцким. При таком взгляде революционность есть сама по себе главный признак определенного мирозерцания. Л.Д. Троцкий правильно определяет содержание этого понятия — как охват человеческого творчества, направленного к космическим изменениям жизни. По видимому, такой была именно точка зрения Маркса и Энгельса на вопрос о революции. *Маркс* говорит (в статье о Фейербахе), что «главный недостаток материализма до фейербаховского включительно состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность... лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно» (90)³. «Практика эта должна доказать человеку, что он имеет действительную силу и не останавливается по сю сторону явлений». Практика же эта есть ничто иное, как практика революционная: «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может быть правильно понято только в том случае, если мы представим его себе как революционную практику».

Энгельс развивает эту идею, указывая, что практика эта в виде опыта и промышленности дает нам власть над природой так, что мы данное явление вызываем и заставляем служить нашим целям. «Таким образом, приходит конец незыблемой кантовской “вещи в себе”» (43)⁴. Все во власти революционной практики. То же там, где Энгельс отмечает революционный характер диалектического метода Гегеля (32). Совершенно ясно из этих цитат, что Маркс и Энгельс отождествляют революции не с политически-социальным только переворотом, а вообще со всякой деятельностью человека, дающей ему власть над природой. Тем самым ре-

волюции придается уже не юридический только, но космический характер. Создается специфическое революционное миросозерцание, и политико-юридический переворот есть только одно из частных следствий, вытекающих из этого миросозерцания.

Из этого вытекают очень большие практические следствия. Во время революции постоянно злоупотребляли термином «революционный». По всякому поводу углубляли революцию. Было революционное строительство, революционное производство, революционная культура и т. п. Автору настоящей статьи даже казалось, что в этих выражениях нет ничего, кроме временной моды, и что по существу они абсурдны. Но углубление в вопрос при свете объяснений, вроде вышеприведенных мной Маркса и Энгельса, приводит к тому, что если эти выражения часто преувеличены и неверно употребляются, тем не менее есть известная точка зрения, придающая им глубокий смысл. А именно, термин «революционный» применительно к деятельности означает тогда не что иное, как включение этой деятельности в общую работу космического преобразования мира. И с этой точки зрения вполне понятна связь революционности и строительства: на следующий день после переворота продолжение революции в том, чтобы овладеть природой. Революция продолжается против последней, против кантовских вещей в себе. В настоящее время в России как раз мы столкнулись с необходимостью постановки такого вопроса. От распределения перешли к производству, от разрушения — к строительству. И несомненно, что для этого положительного фазиса революции понимание ее в первом смысле не может дать ничего — есть отрицание такой работы, тогда как понимание во втором дает направляющее направление такой положительной работы.

Конечно, совершенно безразлично, называть ли работу преобразования мира перманентной революцией или иначе, напр<имер>, овладение миром. Быть может, даже лучше политологически сохранять за революцией узкое, обычное значение. Но важно, чтобы в человечестве было специфическое миросозерцание, ставящее как новую цель такую задачу. Маркс говорил в той же статье о Фейербахе: «До сих пор философы только объясняли мир, тогда как задача заключается в том, чтобы его изменить». Вот это изменение и должно быть центральным пунктом нового миросозерцания. Таким миросозерцанием не может быть старый материализм по той простой причине, что оно есть миросозерцание объективное, в котором нет места субъективному моменту. Кроме того материализм в старом его виде в настоящее время основательно поколеблен, во-первых, энергетическим взглядом на вещи в науке, во вторых — теорией относительности. Старое проявление материализма, связанное со спором о том, что чему предшествует: сознание бытию или бытие сознанию — с отрицанием абсолютного времени теряет всякий смысл. Начало сливается с концом, так же как в пространстве переход к неевклидовой точке зрения сливает всякую точку отправления с конечной точкой достижения. Ввиду этого материализм в старом виде не может

удовлетворить будущие поколения человечества, не говоря уже о том, что как учение релятивистическое он не может даже ставить космических вопросов. Даже решение их в атеистическом смысле недопустимо для материализма, ибо он имеет позитивную основу, т. е. всегда опирается на опыт. Поэтому в религиозных вопросах его последовательная позиция есть только агностицизм — признание области известного и области неизвестного. Все это приводит к тому, что на базе материализма в старом его виде не может быть построена теория преобразования мира, каковая теория должна включать субъективное динамическое начало человеческого действия, должна считаться с новыми открытиями физики и математики, должна, наконец, быть в состоянии ставить космические и даже метафизические вопросы.

Ввиду этого, так как человечество идет по пути преобразования мира и требует соответствующей философии, все философские учения так или иначе считаются с этим опытом. В кругах людей думавших о социальной и политической революции, необходимость эта давно была ясна, как мы это видим из того расширения материализма, которое придали ему Маркс и Энгельс. Исторический материализм и является такой переработкой старого материализма, имеющей целью дать в нем место деятельности человека. Но термин «исторический материализм» сам по себе очень неясен. Для нас в настоящее время указанное миросозерцание можно философски охарактеризовать точнее: *Это есть вид коллективного прагматизма*. Прагматизм, так, как его защищает школа W. James⁵, возобновляет субъективистическое учение Протагора о том, что человек есть мерило всех вещей, и как таковой подвержен упрекам в слишком большой субъективности. Еще Энгельс отмечал ошибочность индивидуального прагматического взгляда на историю. Совершенно иначе обстоит дело с коллективным прагматизмом. В нем момент субъективности, самого участия человека в процессе деятельности заключается в понятии «прагматический». Но вместе с тем коллективность предохраняет это понятие от крайнего субъективизма и придает объективную основу человеческим совершенствам. Марксистское учение о творческой роли коллективов, создающих все объективное, на самом деле в современной науке расширяется до общего признания, что всякое изменение есть функция множества, т. е. что все в мире состоит из совокупностей элементов и что всякое изменение в мире связано с коллективными их движениями.

В этом смысле интересно сравнить марксизм с другим философским учением, также являющимся видом коллективного прагматизма. Это учение великого русского мыслителя Н.Ф. Федорова. Он мало известен даже в России, но, как известно, он почитался весьма высоко такими людьми, как Толстой, Достоевский и В. Соловьев⁶. Учение Федорова, хотя оно очень далеко от революционности и социализма вообще и приемыкает к консервативному полюсу в политике, — в отношении миросозерцания развивает именно точку зрения, сформулированную Марксом, о

необходимости перейти от слов к делу, от созерцания мира к его «изменению». «Философия общего дела» Федорова и есть философия такого изменения мира коллективными силами людей. Поразительно то, что, стоя на совершенно иной идеологической позиции, Федоров предваряет многое из того, что затем в отдельные моменты русской революции выставлялось в ее программе: у него мы найдем теорию трудовых армий, субботников, идею коллективного действия во всех его видах, замечательные мысли об организации науки, о массовой культуре и т. п. Но достоинством философии Федорова (если не считаться с многими его крайностями и фантастическими часто высказываниями) в отношении поставленного нами вопроса о преобразовании мира является откровенная и величественная его космичность⁷. Он не хочет остановиться на чисто юридическом перевороте, на разрешении социального вопроса в рамках политики, ибо убежден, что в конечном итоге основа всякого социального зла, как и зла вообще, лежит в законах слепой природы, которые нужно побороть. К такому же взгляду приходит и революция, когда она предельна: когда все, что возможно в масштабе изменения человеческих отношений, сделано, революция сталкивается лицом к лицу с вопросом о природе, с необходимостью наладить производство, организовать науку, с указанной Федоровым и Марксом необходимостью менять уже не только отношения людей и классов, т. е. исторические явления, а все явления вообще, т. е. включая сюда и физический мир.

Нельзя не отметить, что многие из революционных теоретиков как будто боятся такого направления деятельности, и эта боязнь сказывается как будто и в статье Л.Д. Троцкого. Здесь сказывается своеобразная склонность оставаться на гуманитарно-юридической точке зрения, тогда как расширение деятельности толкает в сторону науки в целостном ее виде и даже в сторону метафизики, поскольку космичность всегда метафизична. Можно сделать в парадоксальной форме упрек самым смелым борцам революции в том, что их революция грешит не слишком большою смелостью, а наоборот, боязнью поставить некоторые вопросы, перейти некоторые пределы.

Конечно, есть известные основания для такой боязни. Это доказывается увлечением самого Федорова или некоторых из его последователей, современных анархистов-биокосмистов⁸. Несколько времени тому назад на одном из их вечеров было заявлено: мы сделали социальную революцию самого радикального типа, и в этом направлении идти дальше некуда. Но можем ли мы революционность остановить? Конечно, не можем! Мы должны сделать революцию в космическом масштабе. В связи с этим ставится на очередь вопрос о воскрешении мертвых и объявляется, что смерть есть буржуазный предрассудок. Конечно, серьезные деятели вряд ли могут так ставить вопрос о преобразовании мира. Но нельзя не видеть, что сама идея биокосмистов, несмотря на преувеличение, все же верна и есть та же идея, которую мы находим у Маркса и у Федорова. Мы найдем полное подтверждение ее своевременности, между прочим, в

современной устремленности науки, поскольку последние наиболее вдумчивые представители последней синтезируются: так, недавно появилась брошюра академика Ферсмана «Пути науки в будущем», где изложена конкретная программа, ставящая ряд вопросов, совершенно соответствующих указанной программе космического преобразования⁹. Расчет научной теории и техники не может не ставить эти вопросы, и овладение природой, реально на наших глазах происходящее, властно требует создания соответственной теории. Взять, напр<имер>, такой вопрос, как организация массового научного действия. Федоров правильно отмечает своевременность этой задачи. Он указывает, что роль ученых извращена, что она стала как бы самоцелью, самодовлеющей, тогда как на самом деле это только временная командировка — как бы комиссии, выполняющей определенное задание массы человечества.

И в самом деле, если мы станем на точку зрения масс, мы не найдем у них боязни космичности в постановке практических вопросов. Совершенно неверны утверждения людей, полагающих, что в великих народных движениях главными психологическими двигателями были такие чувства, как ненависть, зависть, желание грабить и т. п.¹⁰ Все эти чувства играют роль, но движение народное мощно, только если за ним стоит мотив идеализма, вера в новое строительство, имеющее мировое значение. Такой идеализм, напр<имер>, несомненно есть в русской революции, и массы в ней все время в своем сознании ставят вопрос об отношении своей деятельности к последним вопросам. В этом смысле массы всегда ищут «царства правды», последнего царства истины на земле. Между прочим, это характерно проявляется в жертвах, приносимых ради революции. Человек, жертвующий жизнью ради революции, строящий будущее счастье человечества, несомненно, понимает революцию в космическом смысле, ибо никакой чисто социально-экономически-юридический идеал недостаточен для того, чтобы человек ради него отдал свою жизнь. Жизнь отдается тогда, когда человек стоит лицом к лицу с последними вопросами, т. е. о своем отношении к миру, и судит свое действие как отношение к миру. Поэтому можно считать, что всякая такая жертва жизнью была как бы подтверждением не юридической точки зрения на революцию, а космической точки зрения. И в самом деле, всякая частная цель, всякое устройство жизни бессмысленны как самоцель, требуют отношения к последней цели. — Такая цель дается идеей завоевания природы, обращения ее, как говорил Энгельс, на службу человеческому разуму. И ясно, что если ставится вопрос о космическом и политическом преобразовании, сперва надо иметь план первого, а затем лишь в виде частной его детали вырастает план изменения человеческих отношений.

Социальный переворот есть суровое напоминание философам и мечтателям, что соловья баснями не кормят, что недостаточно одной постановки мирозерцательных вопросов, что необходимо дело, и прежде всего, для начала какое-то изменение политических, экономических, со-

циальных, юридических отношений людей. Но, быть может, и революционным борцам-практикам, слишком односторонне рассматривающим все с точки зрения требований битвы, которую они ведут, можно напомнить, что битва ведется ради известной цели и что цель эта дается мирозерцанием, ставящим космические вопросы. И соответственно одинаково, быть может, ошибочно и безбрежное расширение основной точки зрения, и, наоборот, слишком большое ее сужение, а надо искать гармонического сочетания принципов действия и принципов мирозерцания. В отношении современной фазы русской революции это означает сейчас, во всяком случае, для восстановления равновесия, нарушенного чрезмерным преклонением перед узкой точкой зрения действия, расширение ее понятия в сторону определения космического значения будущего человеческого строительства.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА МИРА

§ 1. Вопрос о мире и организации человечества

За последнее время в связи с печальными результатами мировой войны и общей неустроенностью международной жизни все большее и большее значение приобретает вопрос о такой организации международных отношений, которая в наибольшей степени способна была бы предотвратить будущие войны и обеспечить всем народам возможность справедливого удовлетворения их потребностей. Вопрос о такой организации не нов. Он поднимался неоднократно в течение XIX века и служил объектом ожесточенных споров в литературе. В конце XIX века и в начале XX под влиянием общественного мнения всех стран была сделана и практическая попытка осуществления проекта подобной организации в виде работ Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг.¹ Но широкие планы, разработанные для этой цели некоторыми учеными, не могли быть осуществлены вследствие эгоистической политики правительств большинства Великих Держав, сведших в конце концов на нет все обширные проекты разоружения, установления обязательного арбитража и проч. В результате Гаагских конференций получился ряд конвенций, регулирующих вопросы ведения войны и организация Гаагского Трибунала с крайне ограниченной компетенцией для разрешения второстепенных конфликтов. Серьезного значения в смысле возможности предотвращения войны эти работы не имели. Мировая война 1914–1918 вновь выдвинула вопрос о подобной организации международных отношений. Державы, примкнувшие к противогерманской Коалиции, с самого начала для привлечения на свою сторону общественного мнения всех стран выставили в качестве главной цели войны уничтожение германского империализма и создание такого порядка, при котором в международной жизни господствовали бы мир и справедливость. В особенности горячо

отстаивала эту идею Америка в лице Вильсона, выставившая к концу войны определенные принципы такой организации человечества². Однако как только было приступлено к практическому осуществлению этих возвышенных принципов, оказалось, что за ними не стоит ничего, кроме определенного и неприкрытого желания Держав-победительниц создать строй, закрепляющий результаты их победы в форме, самым чудовищным образом нарушающей и попирающей интересы побежденных и даже нейтральных держав. В результате работ по осуществлению Вильсоновских принципов был создан Версальский договор и организована пресловутая Лига Наций³.

Несмотря на силу держав Антанты и на господство в господствующих кругах многих стран империалистических настроений, поддерживающих созданный Версальским договором строй, нельзя, однако, считать, что общественное мнение большинства человечества примирилось с созданным в результате мировой войны порядком. Против него естественно протестуют, несмотря на всю свою беспомощность и забитость, побежденные народы. Многие нейтральные страны также выражают свое недовольство порядком, слишком явно и грубо расходящимся со всеми надеждами человечества и с самими заявлениями Держав-победительниц. Более того, в самих этих государствах значительная часть общественного мнения, свободная от дурных националистических страстей, также признает несправедливость и неправедность созданной в результате войны организации человечества.

В общем, ни для кого не тайна, что положение, создавшееся в мире в результате мировой войны, чревато для будущего величайшими отрицательными последствиями. Совершенно ясно, что мир вступил в новую эпоху и что все старые организационные формы, жалкой гальванизацией которых является созданный в Версале строй, не способны ответить на требования рождающегося нового сознания человеческих масс. Сознание это пока неясно и туманно, полно неопределенных и неоформленных исканий. Во всяком случае, оно достаточно определено в своей критике старого мира, в властном приговоре, осуждении, произнесенном в отношении такого рода организации международных отношений. В отношении же положительных идеалов в этой области настроение этих кругов человечества может быть охарактеризовано как состояние ожидания и надежды, что наконец появится конкретный и определенный план переустройства этих отношений.

Положение России в отношении всего этого вопроса особенное вследствие всего характера русской Революции. Всецело разделяя критическую сторону вышеизложенных суждений о старом мире и о созданном в Версале строе в отношении положительного идеала господствующая в России партия высказывает весьма определенный идеал, идущий гораздо дальше всех мечтаний западноевропейских пацифистских кругов. На вопрос о кризисе международных отношений коммунизм отвечает вопросом о построении Интернационала, долженствующего объединить

человечество в новой форме при главном участии классов, до сих пор считавшихся низшими классами человечества.

Идеал этот, однако, независимо от его значения для будущего, в настоящее время не представляется приемлемым по своей связанности с мировой революцией для средних классов европейского общества, требующих реформ, но боящихся реформы в духе слишком крайнего социализма. Русская внешняя политика, хотя и преследует конечные цели, связанные с мировой революцией, также, вследствие определенных перспектив последней, вынуждает ставить перед собою практические цели, осуществимые в ближайшем будущем и не связанные с Интернационалом. Мы видим, что руководители Советской политики в связи с этим ведут линию в двух различных масштабах: в длительном масштабе советская политика преследует цель всемирной революции и постольку является непримиримой в своих заданиях, в масштабе же ближайшего времени она вынуждена вести обычную линию международных компромиссных действий, дающих иногда успех, иногда поражение, но протекающих в условиях борьбы старыми дипломатическими средствами (переговоры, соглашения и т. д.) В обоих отношениях для нас вместе с тем получается невыгодная позиция: всемирная революция слишком далека, чтобы влиять в достаточной мере на настоящее положение.

[§ 2.] *Организация акта, институтов мира*

Таково положение общего вопроса об отношении советской политики к вопросу о мире. Возникает вопрос, нет ли каких-нибудь средств, кроме обычных дипломатических, для работы в этом направлении. Одним из наиболее действительных средств для немедленного осуществления такого плана могла бы служить организация международных сил, создание в целом ряде стран особых общественно-научных организаций, специально ставящих себе задачу работы в указанном направлении для разработки, с одной стороны, плана будущей организации и технического его проведения, с другой же — системы для соответствующего воздействия на общественное мнение всех стран. Такими организациями могли бы служить особые Институты мира, которые возможно было бы при посредстве сочувствующих этим идеям режимов создать во многих странах.

Компетенция их определялась бы двумя указанными целями. С одной стороны — чисто научной и технической разработки вопросов мира, а с другой — возможной пропаганды этих идей. В общем, деятельность институтов, таким образом, заключала бы в себе:

- 1) Собрание всевозможных материалов научных, публицистических, официальных, литературных, посвященных вопросу об организации человечества.
- 2) Опубликование тех из этих материалов, которые имели бы значение для немедленного воздействия на общественное мнение: таковыми явились бы, напр<имер>, разоблачения возможных закулисных целей

правительств, статистические данные о жертвах последней войны, сравнительное сопоставление военных расходов в бюджетах и т. п. Институты могли бы издавать свои сборники и журналы и объединить их даже в одно международное издание.

3) Научная разработка вопросов, связанных с будущей организацией человечества: составление детальных проектов ее, техническая подготовка вопросов, находящихся в стадии международного обсуждения.

4) Техническое участие в виде подготовительных инстанций во всевозможных переговорах, конференциях и т. п., посвященных этим вопросам.

5) Сношения с иностранными подобными же институтами по всем вышеуказанным вопросам. Для объединения деятельности институтов можно было бы создать особое международное бюро.

6) Воздействие всякими способами (печатной пропагандой, выступлениями в парламентах, собраниях, обществах в пользу идей мира), организация соответствующих кампаний по отдельным поводам.

Организация сейчас таких институтов была бы мощным подспорьем для нашего национального подъема, т^{ак} к^{ак} дала бы возможность *иностранным обществам и частным лицам, не стоящим на платформе коммунизма, но сочувствующим общему направлению мировой политики, в организованной форме проявлять свое действие на общественное мнение своих стран*. Москва могла бы стать центром, объединяющим означенные институты, и через них — Сов^{етское} П^{авительство} воприобрело бы возможность организованного влияния на самые широкие слои европейского общества. После ряда подготовительных действий в виде организации отдельных институтов в разных странах, возможно было бы, постепенно объединяя их работу посредством периодических конференций, наконец создать Центральный международный институт мира, который бы взял на себя проведение выработанного общего плана.

Как первый шаг в этом направлении, всецело от нас зависящий, следовало бы в первую голову организовать такой институт в Москве. В состав его должны были бы войти практические деятели в области международной политики, а также ученые, специально изучавшие вопросы мира. Институт находился бы в тесном контакте с Нарком^{атом} ин^{остранных} дел и выполнял бы его задания как в смысле разработки материалов, так и в смысле сношений с иностранным институтом и организацией общественного мнения за границей.

В отношении финансовом учреждении Института не потребовало бы больших средств, т^{ак} к^{ак} количество специалистов по вопросам международного права в России крайне ограничено и Институт был бы поэтому в достаточной степени малочисленным. Если пересмотреть список [2 нрзб.] существующих у нас научных институтов, пользующихся субсидиями от гос^{ударст}ва, можно найти многие гораздо менее нужные и оправдывающие своей деятельностью расходы на них государст-

венных средств, чем этот институт, который во всяком случае сыграл бы известную роль в нашей политике. С самого же начала для установления тесной связи с заграницей почетными членами его или членами-корреспондентами могли бы быть избраны наиболее подходящие иностранные деятели.

Во всяком случае, самый факт организации такого института и объявление о начале его работ было бы очень важным фактом в международной жизни и само по себе свидетельствовало о твердой решимости Советского П<равительст>ва идти по пути разоружения, мира и организации международных отношений.

Выявление же этой решимости особенно нужно теперь, когда вследствие нашей экономической и технической слабости мы не можем противустать другим государствам с равными силами в области обычных дипломатических отношений. Тем более следует искать возможных способов действия в области, где мы обладаем исключительным, никому другому не принадлежащим капиталом — сочувствием широких кругов населения во многих государствах⁴.

ВОЗМОЖНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ РУССКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В настоящее время русской внешней политике вследствие экономической нашей слабости приходится вступать на путь дипломатических сношений с иностранными государствами в невыгодной обстановке и идти по пути компромиссов и уступок. Иностранные государства и в частности Англия, пользуясь нашим вынужденным переходом к обороне, стремятся держать в своих руках инициативу переговоров и навязывают нам свои требования. Проявленное же нами миролюбие, хотя и устраняет немедленную опасность конфликтов, но может повлечь за собой дальнейшее давление враждебно настроенных к нам правительств.

Такое неблагоприятное для нас положение вещей в среде непосредственных дипломатических переговоров с иностранными державами заставляет выискивать, нет ли другой области международных отношений, где мы имели бы преимущество перед другими странами и могли бы перейти в дипломатическое наступление, компенсирующее указанные выше невыгоды.

Такая область, несомненно, есть и выступление наше в ней вполне подготовлено всей предыдущей нашей политикой. Она определяется тем единственным капиталом, которым мы располагаем сейчас в международной политике: мы нищии экономически и уступаем в военной технике, но тем не менее мы можем в известном отношении рассчитывать на сочувствие широких масс во всех странах в большей и в иной мере, чем любое из других правительств. Этим создается область и возможных наших практических политических достижений.

Ни для кого в Европе не тайна, что положение, создавшееся в мире в результате мировой войны, чревато для будущего величайшими последствиями: совершенно ясно, что мир вступил в новую эпоху и что все старые организационные идеи и формы не способны уже ответить на требование рождающегося нового сознания человеческих масс. Сознание это пока неясно и туманно, полно неопределенных и неоформленных исканий; но если оно слабо в своих положительных достижениях, оно могут в своей критике старого мира, определенно во властном приговоре осуждения, произнесенном в отношении старых форм жизни. Среди этих форм являются на первой очереди в международной области национальная замкнутость и эгоизм отдельных народов, обуславливающая возможность и необходимость захватов и войн, в области же внутренней — социальный строй, при котором большая часть человечества обречена на вырождение и физическое и моральное прозябание.

Исходя из подобной критической оценки существующих международных условий, коммунизм выдвигает вполне определенный положительный идеал, долженствующий по разрушении этих условий лечь в основу новой организации человечества. На вопрос о кризисе международных отношений коммунизм отвечает построением Интернационала, долженствующего объединить человечество в новой форме при главном участии классов, до сих пор считавшихся низшими классами человечества.

Независимо от вопроса об общем значении идеала, для всякого, кто размышляет о текущей политике России, ставится вопрос о ближайшем [будущем], [о его] практической применимости в международном масштабе. Уже сейчас III [Интер]национал играет большую роль в международной жизни, но область его влияния специфична и не совпадает с реальной существующей областью дипломатических отношений. Если возможно в отношении отдаленного будущего иметь то или другое суждение о наступлении всемирной революции, о тех изменениях, которые она производит в мире, и об отражении их на русской политике, для будущего ближайшего необходимы какие-то практические, менее широкие и немедленно выполнимые задания, способные разрешить насущные вопросы текущей политики.

Отношение русской политики к вопросу о мире

Какие силы в международной области могут сейчас снова поставить этот вопрос и выдвинуть требуемый план организации не в качестве частного только и индивидуального высказывания, а в виде проекта, подержанного официальным сочувствием государства? Очевидно, со стороны держав победительниц ничего нельзя ожидать, кроме дальнейшего закрепления и развития Версальских принципов. Со стороны побежденных, доведенных до состояния полной зависимости от победителей, также нельзя ожидать желаемого выступления. Нейтральные государства

слишком малы и слабы, не обладают мировым кругозором и к тому же также в значительной степени зависят от Антанты. Необходима для такого выступления Держава, в полной мере независимая от сегодняшних мировых хозяев и, с другой стороны, обладающая достаточным удельным весом, чтобы голос ее, раздающийся в защиту идеи мира и организации человечества, мог бы оказать воздействие на другие государства. Такая держава имеется в лице России. Ее современное дипломатическое положение таково, что делает для нее естественным и возможным подобное выступление.

И мы видим, что русская политика в самом деле уже давно начала делать подготовительные шаги для вступления на такой путь. На возможность такого пути и на вероятный его успех указывает вышеупомянутое обстоятельство, что в общем на точке зрения, ему сочувствующей, стоят широкие круги западноевропейского населения. Они, будучи средними классами, с крайней осмотрительностью относятся к идее мировой революции и связанному с нею плану переустройства, но вместе с тем явственно настроены против политики старого дипломатически-империалистического типа, чреватой грозными последствиями для всех народов в виде захватов и войн. И если в последнее время тем не менее политика эта под влиянием усиливающейся реакции во многих странах торжествует, надо считаться с тем, что торжество это не из прочных и что не сегодня-завтра возможны неожиданные повороты общественного мнения Европы в другую сторону.

[Все это связано]¹ с стремлением защитить наши непосредственные законные интересы. Причем слияние это должно было бы создать идеал, приемлемый для средних классов, стоящих и у себя на подобной же позиции. В сознании этих классов такой идеал носится в неопределенной и туманной форме, но до сих пор не делаются попытки его конкретизировать. Быть может, нам, пережившим революцию и строящим на новых основаниях, легче, чем другим народам наметить здесь пути будущего.

Проект организации

Общие очертания такого идеала, в общем, давно намечены: это идея такой объединяющей организации человечества, которая была бы выполнима уже сейчас, при существующих условиях (не дожидаясь всемирной революции), но вместе с тем клала бы в известном смысле предел разброду, анархии и ненавистничеству, господствующим в международных отношениях. Идеал этот, в самых различных формах, начиная от мечтаний 48 года и кончая Гаагскими конференциями и, наконец, Лигой народов, уже выдвигался в разные эпохи и находил себе даже осуществление во второстепенных областях (как, напр<имер>, Гаагский трибунал и создание международной конвенции). Потребность в нем издавна чувствовалась в широких кругах европейского общества и создавала движе-

ния так называемого пацифизма, пропаганды международного единения, разоружения и пр. Но до сих пор идея эта использовалась с демагогическими целями как раз заядлыми противниками всякой настоящей и справедливой организации человечества, что нашло себе яркое выражение в организации пресловутой Лиги наций. Реальные политики, стоящие на узкой эгоистически-национальной позиции, чувствуя устремления средних классов, выдвигали такого рода идеи со скрытой целью использовать их в своих целях. Создавалась рядом с голым насилием какого-нибудь Версальского договора вильсоновская Лига наций, отвечающая будто идеальным целям, но на самом деле только служившая опорой этому договору.

Но вопрос заключается в том, чтобы взглянуть на идеалы эти с несколько иной точки зрения, чем это делалось до сих пор, и разработать программу максимального и возможно честного их осуществления. Идеи, скомпрометированные указанным их искажением, можно было бы очистить от плесени и выставить как действительный план осуществимой немедленной организации человечества. Собственно говоря, на этот путь мы уже вступили в виде выступления Г.В. Чичерина на Генуэзской конференции²: задача заключалась бы в том, чтобы снова поднять в еще более конкретной форме вопрос разоружения и организации всемирного союза. И вообще в каждом выступлении Советской внешней политики всегда подчеркивается ее отношение к миру.

В этом отношении Россия могла бы сыграть выдающуюся и благодарную роль, так как она не связана участием в указанных извращениях этих идей и, наоборот, против такового неоднократно. Вместе с тем выступление в этом смысле России (нисколько не связывая ее в отношении других идеалов ее политики) обезоружило бы одинаково тех ее противников, которые доказывают, что все ее пути организации лежат через всемирную революцию, и тех, кто обвиняет ее в новом империализме. Независимо от вопроса об отдельных идеалах, был бы выставлен вполне конкретный, немедленно осуществимый план организации человечества, рассчитанный так, чтобы устранить теперь же самые опасные явления международной жизни.

Было бы наивно, конечно, воображать, что план этот был бы принят и в самом деле мог бы быть осуществлен. Но если таковое осуществление невозможно, вследствие очевидного сопротивления большинства европейских правительств, — *возможна постановка вопроса и немедленное начатие реальной борьбы за этот идеал*. В этой борьбе на нашей стороне была бы несомненно значительная часть общественного мнения всех стран не только в лице социалистических, но и либеральных партий. Кроме того ряд правительств из угнетаемых наций, в первую голову германское и австрийское, несомненно всецело бы присоединились к нашему почину. Весьма возможно, что некоторые нейтральные государства также поддержали бы такое выступление. В общем, создалась бы возможность на вполне конкретной почве поставить вопрос о междуна-

родном устройении и о борьбе против хищнических поползновений отдельных наций, не смущаясь никакими отказами и отводами.

Важно снова поднять во всеуслышание этот вопрос и развивать систематически, с наивозможным упорством и не смущаясь никакими препятствиями, намеченные в этом смысле предшествующими выступлениями Г.В. Чичерина положения. Без устали следует бить в одну точку и отвечать на эгоистические поползновения других держав расширением нашей программы реорганизации международных отношений человечества. Вместе с тем и такая борьба за такие идеалы вполне бы отвечала задачам нашей текущей политики, способствовала бы выведению нас из состояния изолированности и дала бы нам возможность требовать удовлетворения наших законных потребностей уже не в порядке односторонних только договоров, но в виде осуществления того, что причитается на нашу долю при справедливом построении международных отношений. Быть может, было бы возможно даже вместе с Германией и нейтральными государствами создать зародыш такого союза. Во всяком случае вести за него борьбу.

Конкретный план, который в этом смысле надлежало бы предложить всем государствам мира, заключался бы в проекте созыва конференции, специально посвященной разрешению не политических вопросов, но вопросов международной всечеловеческой организации, разоружения, способов предотвращения конфликтов и войн наконец установления действительной связи всех народов. Проект предусматривал бы ряд последовательных стадий все большего и большего объединения человечества: сперва речь шла бы о ряде разрозненных конвенций, регулирующих те самые вопросы, которые были поставлены когда-то в Гааге, и связывающих государства лишь в порядке договорном; рядом с этим могло бы быть предложено создание ряда международных органов в виде арбитражных трибуналов и комиссий, предусматривающих случаи конфликтов; наконец, в виде конечного идеала можно было бы поставить вопрос о союзе или федерации государств при полном сохранении внутренней свободы и независимости каждого. Проект этот возможно построить в такой детальной постепенности восхождения от простых договоров к искомому союзу, что самый предубежденный противник его не мог бы возразить против частичного по крайней мере осуществления начальных его предложений.

Вместе с тем следовало бы построить его по такому принципу, чтобы начало осуществлялось независимо от присоединения всех или даже большинства Держав. Два-три государства могли бы уже реально заключить соответствующие соглашения, с тем чтобы потом к ним присоединялись другие государства. Собственно говоря, начало такого порядка как будто уже намечено Рапальским договором³. Но следовало бы оформить в гораздо большей степени конечную цель — определенную международную организацию и предложить всем державам обсудить ее характер и своевременность ее введения. Державы, получившие подобное предложение России, надлежащим образом обоснованное и мотиви-

рованное, и не желающие на него согласиться, во всяком случае очутились бы в чрезвычайно тяжелом положении по отношению к общественному мнению собственных стран, зависящему в значительной степени от упомянутых выше средних классов. В этом отношении на нас лежала бы задача планомерной и систематической мобилизации общественного мнения всех стран для выступления в пользу нашего проекта. Им возможно было бы увлечь даже такие слои населения, которые нейтральны или даже враждебны по отношению к идее всемирной революции.

Внешним поводом к такому выступлению мог[ла] бы послужить опасность разрыва с Россией, вызванная нотой лорда Керзона⁴, а также неразрешенность рурского вопроса⁵.

Вернее, каждое подобное явление в международных отношениях должно было бы вызывать новое наше представление в смысле указанного идеала, высказанное с такою силою и настойчивостью, что в конце концов миру пришлось бы с ним считаться. Искусное проведение этого плана заключалось бы в том, чтобы создать самостоятельную кампанию в каждой стране в пользу приступления к осуществлению нашего проекта. Можно было побудить за границей, напр<имер>, в Англии, умеренные элементы, относящиеся к Советской России если не сочувственно, то, во всяком случае, без предубеждения, принять на себя почин по созданию особой международной Лиги для проведения такого плана. Это создало бы новый международный фактор, действующий в направлении нашей политики и способный нейтрализовать враждебные против нас нападения.

В случае принципиального одобрения принципов, изложенных в настоящей записке, возможно разработать: 1) программу, имеющую быть предложенной иностранным государствам, 2) план проведения кампании в иностранных государствах в пользу принятия этой программы.

Как первая же практическая мера следовало бы создать научную комиссию при Наркоминделе с включением представителей Военного Комиссариата, а также экспертов по части международного права. Комиссии этой могло бы быть дано задание в кратчайший срок собрать материалы и составить вышеуказанные проекты, причем результаты ее работы могли бы периодически быть опубликованы. Так можно было бы опубликовать статистику войн и их жертв за XIX и XX век, статистику современных военных бюджетов и т. п.

ПИСЬМО Г.В. ЧИЧЕРИНУ

Глубокоуважаемый Георгий Васильевич!

В 1920 году служба моя в НКВД в качестве Заведующего Отделом Печати и Правовым Экономическим Отделом была прервана моим арестом, вследствие участия моего в 1918 и 1919 гг. в организации «Национального Центра»¹.

Хотя дело это, несмотря на полное признание мною моей вины, кончилось отказом обвинителя Крыленко² от обвинения против меня и освобождением меня по амнистии, я не считал возможным, в первое время после моего освобождения и до того, как лояльность моя была доказана не словами только, но посильной работой в других учреждениях, — обратиться к Вам с просьбой использовать меня вновь по моей специальности³.

В настоящее время, сознавая, что время не могло еще, в короткий четырехлетний срок, загладить мою вину перед Советской Властью, — я, тем не менее, считаю своим долгом, в виду признания Советской Властью и связанного с этим расширения требований на дипломатическую работу, предложить НКВД свои услуги, как профессионального дипломата с 12-летним стажем в России и за границей и как научного деятеля со специальностью международных вопросов.

Считаю возможным решиться на такой шаг также потому, что в настоящее время зрелые размышления настолько изменили мои политические взгляды по сравнению с прошлым, что я могу с полной искренностью в области внешней политики участвовать не в одной только технической работе, как в 1920 году, но также и в работе политической. Я не только считаю сейчас, что политика НКВД является единственной правильной и спасительной для России, но я убежден, что во внешней политике необходима точка зрения более широкая, чем узко национальная, и что роль Советской России заключается в том, чтобы быть глашатаем международного единения масс с целью разрушения косного строя Версальской Европы и приготовления строительства новой культуры человечества во всемирном масштабе⁴.

Изложенные соображения побуждают меня просить Вас, если Вы сочтете это возможным, принять меня вновь на службу в НКВД на активную или консультативную должность или же дать мне работу научного характера в виде участия в разработке тех или иных дипломатических вопросов. Я имею звание научного деятеля по 2 категории КУБУ⁴ по юридическим и экономическим наукам. Имею несколько печатных работ, из которых некоторые посвящены международным отношениям («Сущность международных отношений», изд. «Огни» 1917 г. «Соглашения России с иностранными государствами по военным вопросам до войны 1914–1918 гг.» — 1919. «Сношения России с иностранными государствами по военным вопросам во время мировой войны, ч. 1». Изд<ание>. Военно-исторической комиссии. 1920)⁵.

По моей службе в старом Министерстве Иностранных Дел я состоял: в посольстве в Париже, где проходил курс в *École des Sciences Politiques et Sociales*⁶, секретарем Мирной Гаагской Конференции в 1907 году, секретарем Миссий в Гааге и в Белграде, Начальником Политического Отделения Ближневосточного Отдела (Турция и Балканы), Заведующим Информационно-Статистическим бюро, Вице-Директором Дипломатической Канцелярии, Начальником Политического кабинета Министерства Иностранных дел.

После освобождения моего в 1920 году я служил в Военно-Исторической Комиссии, состоял Заведующим Концессионным Отделом Главлескома и Ученым Консультантом Научно-Технического Совета ЦУЛПа⁷. В настоящее время состою научным консультантом (ученым библиотекарем) Центральной экономической библиотеки ВСНХ.

Я знаю английский, французский и немецкий языки.

Был бы очень благодарен Вам за сообщение мне Вашего ответа.

В. Муравьев

8 марта 1924

Валериан Николаевич

Муравьев, жит<ельство:> Б<ольшой> Ржевский пер. 2, кв. 1.

Тел. 379-03 (служ.).

[Черновой вариант письма]

<...> Я не могу согласиться с взглядом, высказанным Л. Троцким (в речи на юбилее Свердловского ун-та), что после завершения революции революционер перестает носить такое звание⁸. Для меня приемлема только такая Революция, которая ведется дальше и глубже, которая направляется против косных и слепых сил природы и подчиняет их организующей и оформляющей силе разума. Это убеждение, которое также формулировано Марксом, я думаю, особенно важно для нас в настоящем периоде Революции, когда она перешла от разрушения к строительству. Только на нем можно построить настоящую строительную и производственную идеологию на место идеологии распределения и разрушения. И только в этой плоскости можно искать истинного союза между политикой и наукой, ибо наука в настоящее время представляющая собою только систематизацию средств, получает цель — служит преобразованию мира, покорению и изменению природы согласно идеалам человеческого разума.

Я не могу в этом кратком письме сделать все выводы из этих взглядов в применении к вопросам политической и общественной программы. Этим вопросам я посвятил две книги, которые надеюсь в скорости издать. Скажу только, что в смысле программы для меня одинаково неприемлемы коммунизм (типа военного коммунизма 1919 года), не считающийся с требованиями науки и ломающий ее искусственно, и его антипод — разгул нэпа, так, как он рисуется сторонниками европейского мещанства. С величайшим напряжением ума и воли надо искать путь, в котором были бы избегнуты эти Харибда и Сцилла и где в новых, быть может, небывалых формах было бы действительно осуществлено максимальное приобщение трудящихся масс к творчеству жизни и культуры.

Остановлюсь на выводах, которые вытекают из сказанного для внешней политики:

1) Я убежден, как уже говорил, что не бурная Революция, а именно современный европейско-американский политический строй стоит накануне коренной ломки и крушения.

2) Это крушение и русская интеллигенция. Как не расходятся взгляды.

3) Я убежден, что сила советской внешней политики заключается не только в том, что она защищает интересы России, но также в том, что она делает общечеловеческое дело. Но вместе я сознаю, что есть точка зрения более широкая, чем узко национальная и конечная цель должна быть не торжество или даже жизнь того или иного народа или государства, а служение общечеловеческому делу. Поэтому целью международной политики должен быть не старый империализм, или искание гегемонии, а стремление объединить все народы на новых началах — на началах внутреннего перестроения и общего участия в созидании новой культуры. Вместо старого либерального принципа самоопределения народов должен быть выставлен лозунг, что не народ важен сам по себе, а значение приобретает им, поскольку он является носителем великой общечеловеческой идеи. И так же как недопустима жизнь и свобода индивида, тормозящего своим индивидуальным эгоизмом поступательное движение общества, так же в обществе народов недопустимо эгоистическое утверждение народом своей национальности, чем создается препятствие общему делу и устанавливается современный режим национальной розни, коридоров и проч. Капитал России за границей, сейчас в миллионы раз больший, чем когда он вел наступательную империалистическую политику, заключается в сочувствии к ней масс, сознающих ее всемирную роль как глашатая новой эры.

4) В отношении настоящего международно-политического момента для нас ясно, что два величайших факта последнего времени — неудача Германской Революции и признание Советской России. События эти хотя внешне противоположны, ввиду того что первое есть как бы успех русских идей, а второе, наоборот, признание их, на самом деле внутренне связаны. В них обоих сказывается компромиссный дух Европы в отношении Революции, установление общего уровня приближения к ней, до которого европейские народы вынуждены дойти, но дальше которого одни идти пока еще не хотят. В самом деле, в конце концов [в] том, что в Германии утвердился Эберт и связанный с ним соглашательский социализм, а в Англии Макдональд⁹, можно усматривать именно некоторое сравнение уровня во внутренней политике Германии и Англии. Отношение же к Советской России есть показатель этого уровня. Это, безусловно, громадная победа Советской политики, колоссальный удар, нанесенный Версальской Европе¹⁰. Но вместе с тем ясно, что П<равительст>ва, идущие на признание, имеют заднюю мысль путем воздействия коммерческого и финансового мало-помалу подтянуть к этому компромиссно-соглашательскому уровню и Советскую Россию. Как

всегда в компромиссе, где соединяются две руки, весь вопрос в том, чья рука сильна — кто в конце концов перетянет?

5) Такая точка зрения при сопоставлении ее с взглядом, изложенным во втором пункте — а именно необходимость взорвать Европу — приведет к выводу, что для этого недостаточно уже одних только старых средств непосредственно революционизированных масс, побуждения их к «actum directi»¹¹. Ясно, что торжество Эберта и Макдональда указывает на невозможность для масс действовать в виду силы и крепости средних, так называемых, мелкобуржуазных слоев, поддерживающих точку зрения компромисса. В виду этого настоятельно диктуется нечто вроде провозглашения коммунистами тактики «единого фронта», но в несколько ином смысле. Революция в Европу должна прийти не только через массы, но через европейскую интеллигенцию. Необходимо обратить внимание на революционизирование европейского интеллигентного пролетариата, миллионов чиновников, служащих, лиц либеральных профессий и т. д., находящихся в тяжелых экономических условиях и способных при надлежащей постановке в известный момент присоединиться к рабочему пролетариату. Только путем разложения средних классов на обеспеченные слои и на пролетаризированную интеллигенцию возможно ослабить режим Эберта и Макдональда и подрезать корни реакционных движений, вовлекающих в свои ряды именно эти необеспеченные интеллигентские группы. Таким путем Революция в России, таким путем, вероятно, она пойдет и в Европе.

6) Осуществление такой задачи объясняется в настоящее время для Советской власти тем, что в отношении Европы солидарны с Советской властью широкие слои русской интеллигенции. Через последнюю, близкую по образованию, по языку, по взглядам Советская власть должна воздействовать на интеллигенции Европы. Нет опасности в этом отношении увлечения русской интеллигенции Западом, ибо она прошла слишком суровую школу, она убедилась в том, что позиции, защищаемые Макдональдом и Эбертом, на самом деле не выдерживают в настоящей борьбе против масс, она разочаровалась раз навсегда в своем старом мирозерцании. В этих видах должна быть разработана сложная программа вовлечения в дело разрушения современной Европы ее интеллигенции, прежде всего путем применения к пониманию и взглядам последней революционной идеологии, а также ряда практических мероприятий: Россия, войдя в общество европейских народов, должна стать носителем в ней не только крайне революционных идей, близких массам, но идей, доступных интеллигенции, как, например, разоружения, мира, ограничения методов войн, международного арбитража, создания Соединенных Штатов Европы и т. п. Постоянные и твердо высказываемые шаги в этом направлении принудят европейскую интеллигенцию, не меньше чем массы, видеть в России грядущую спасительницу. Подобная же задача предстоит и на Востоке, где ясно, что придется также (как это уже видно в Китае и Индии) иметь дело с интеллигенцией, через которую совершается революционизирование масс.

1) Из вышеизложенного в[ы] усмотрите, насколько глубоко изменились мои взгляды по сравнению с недавним прошлым.

Это 2) побуждает меня в связи с настоящим моментом, когда требуются новые силы для дипломатической работы, предложить мои услуги НКВД как профессионального дипломата с 12-летним стажем в России и за границей.

ПИСЬМО Н.К. КОЛЬЦОВУ

Многоуважаемый Николай Константинович,

В результате некоторых размышлений я написал прилагаемую при сем записку, затрагивающую вопросы, которые Вам несомненно близки¹. Ввиду этого представляю ее на Ваше суждение с просьбой высказать Ваше мнение по существу поставленной в ней проблемы, а также, если Вы согласны с основными моими выводами, помочь мне в дальнейшем направлении этих предположений, в смысле напечатания записки или же прочтения доклада или другого способа распространения этих идей. Мысли эти возникли у меня отчасти как результат философских размышлений о культуре (я читаю курс по истории культуры²), отчасти же на практической почве в связи с работой в ВСНХ и разговоров с экономистами. Думаю, что, во всяком случае, мы движемся в этом направлении и здесь есть поле для деятельности. Если бы Вы или кто-нибудь из лиц, компетентных в естественнонаучной части такого проекта, им заинтересовались, мне легко было бы, вместе с некоторыми специалистами по вопросам организации производства и труда, разработать более конкретные предположения по экономической части. Это могло бы послужить практическим синтезом и завершением различных современных исканий в области организации приложения науки к культурным и экономическим задачам.

Я позвоню Вам по телефону через несколько дней и буду очень благодарен Вам за сообщение ответа и за совет, стоит ли дальше работать в этом направлении. Если Вы сочтете это нужным, покажите эту записку лицам, интересующимся этими вопросами.

В. Муравьев.

3 апреля 1924.

В.Н. Муравьев
Большой Ржевский 2, кв. 1
Тел. (служ.) 379-03.

РАБОТА [КУЛЬТУРНОГО ТЕХНИКУМА]

I

1. Мы исходим из положения, что оратор должен быть культурным, т. е. помимо обладания знаниями, техникой и навыками по своей специальности охватывать в большей или меньшей мере сумму того, что называется современной культурой. Культура эта состоит из материальных ценностей, которыми должен уметь пользоваться оратор и которые он должен уметь ценить, и из ценностей умственных и моральных, как то: знания методов работы, техники труда, методов самопознания и совершенствования и т. п.

Способами приобретения культуры являются: 1) школьная работа, 2) внешкольная работа, 3) самообразование, 4) чтение, 5) посещение музеев, памятников, выставок, 6) научные экскурсии, 7) работа в техникумах, студиях и лабораториях, 8) использование для культурных целей произведений искусства, 9) театр, 10) клубная работа, 11) общение с людьми, 12) спорт, 13) умственные игры.

2. Все эти способы приобретения культуры могут быть использованы для личной работы отдельного индивида или же могут служить методами коллективного культурного развития. Второй вид имеет для оратора много преимуществ над первым. Во-первых, коллективная работа всегда *продуктивнее* индивидуальной, так как создает определенную среду, воспитывающую и развивающую человека. Во-вторых, коллективная работа дает громадную *экономия сил и средств*, так как одну и ту же лекцию слушают разом множество людей или же все вместе они производят одно и то же упражнение. Наконец, в-третьих, ораторское искусство есть искусство, связанное специально с *коллективным действием*, так как оратор должен воздействовать на массы. Из этого следует, что и развивать свои способности он должен не в отрыве от людей, но в обстановке постоянной коллективной работы. Из этого следует, что при изучении методов приобретения культуры оратором надо обратить специальное внимание на те из них, которые могут быть проводимы коллективным путем.

3. Все перечисленные способы культурного развития могут получить такое коллективное применение. Сущность школы, например, заключается как раз в коллективизации приобретения знаний [далее не пропечатано] какую-нибудь область работы. Напр<имер>, школа дает преимущественно теоретические знания и только для некоторых специальных предметов (напр<имер>, декламация, рассказывание и т. п.) в ней возможны практические занятия. Гораздо больше в смысле полноты развития культуры дают клубы, в которых сосредоточены все стороны культурно-просветительной деятельности. В этом отношении клубы в Советской России представляют большой интерес как совершенно новый вид организации человеческого общения. За границей известны чисто поли-

тические клубы или же клубы, исключительно служащие для отдыха, игры и времяпрепровождения. У нас же клубы ставят себе задачей очень серьезную педагогическую и культурную работу.

Однако следует иметь в виду, что работа клуба делится на две связанные друг с другом, но все же отличные части. Это, во-первых, работа по приобретению культурных знаний и по воспитанию и самообразованию и, во-вторых, работа агитационная по пропаганде известных идей. Первая работа является как бы основой для второй. Оратор, выступающий как лектор, пропагандист или агитатор, должен сперва приобрести большую сумму знаний и прежде всего освоиться с тем, что дает ценного человеку культура. Поэтому при правильной постановке дела при каждом клубе должен был бы существовать особый культурный техникум, восполняющий те культурные знания, которые трудно получить в школе. Клуб сам по себе имеет значение одновременно воспитательное и пропагандистское и потому должен делиться на две части по выполняемой им работе. Это и имеет место в большинстве клубов (где, например, читается политический доклад (работа пропаганды) и устраивается археологическая экскурсия (работа научно-культурная)).

Можно возразить, что в таком случае получается параллелизм со школой. Это совершенно верно, и, быть может, в будущем клуб будет перенесен в школу или школа в клуб. Дело в том, что школа в современном ее виде не охватывает слушателя или ученика целиком во всех его умственных и моральных потребностях. Школа имеет тенденцию высушивать преподаваемые предметы и превращать учебу в усвоение отвлеченностей. Соответственно в школе нет той привлекательности, которая захватывала бы молодого человека и придавала бы его занятиям характер увлечения учением. Люди заставляют себя слушать скучные предметы, усилием воли проходят курс, принудительно просиживают часами на уроках или лекциях, и в результате часто происходит только трата времени, так как, когда ум не заинтересован по существу, все усилия насильно вдолбить ему премудрость бывают тщетны. Задача в том поэтому, чтобы создать такую обстановку и приемы работы, которые захватили бы слушателей и в самом деле развили бы в них жажду знания и учения. Этого возможно достигнуть превращением учения в настоящую работу, коллективно продельваемую и сопровождаемую повышенным вниманием и даже энтузиазмом. Для этого надо постепенно развешивать в поле зрения слушателя и участника такой работы все богатство знаний, к которым он должен приобщиться, и сделать так, чтобы он ощущал каждый свой шаг вперед по этому пути как дающий ему новые возможности действия. В этом отношении клубная работа очень полезна, так как создает постоянное общение людей на культурной почве, заставляет их жить культурными интересами и, кроме того, создает поле, где они могут немедленно проявлять свои приобретенные знания (участием в сообщениях и докладах, творческой поэтической работой, ораторскими выступлениями, игрой на сцене и т. п.)

Ввиду этого очевидно: наилучший способ культурной коллективной работы с целью развить культуру оратора заключается в участии последнего в специальном культурном техникуме при клубе. Клуб этот может быть клубом любой профессии. Но ввиду того, что мы имеем дело с ораторами разных профессий, назовем его клубом «Ораторов». Само собою разумеется, что при переходе к более специальному клубу должна изменяться и программа техникума и делаться более приспособленной к данной специальности. Но нас интересуют общие принципы этой работы, которые могут затем видоизменяться в зависимости от общего уклона клубной работы.

4. Какой должен быть состав нашего техникума? Из сказанного уже ясно, что в него должны входить ораторы, т. е. люди, готовящие себя к ораторским выступлениям на разных поприщах. Тут могут быть и политики, и экономисты, и юристы, профессионалисты, агитаторы, пропагандисты, ученые, лектора, педагоги, учителя, артисты, клубные работники и т. д. Работа должна быть поставлена так, что лица, готовящиеся для какой-нибудь специальной профессии, найдут в работе соответствующей секции техникума возможность развить свои знания более полно в специальной области. Так, например, будущий политик сосредоточит свое внимание на политических вопросах в школьной, исторической, ораторской секциях и т. п., юрист остановится на правовых вопросах, артист или поэт займется секцией искусства и т. п. При этом, так как вся работа секций ведется коллективно, эта специализация сведется к тому, что каждая отдельная отрасль в соответствующей секции будет иметь несколько специалистов инструкторов и докладчиков. Вместе с тем коллективное обсуждение их докладов и рефератов устранил опасность узкой специализации, и все участники техникума будут обогащаться опытом всех секций.

Очень важен вопрос о составе в смысле подготовленности участников техникума. С одной стороны, чем выше их уровень, тем успешнее может быть культурная работа. Но цель наша не в том, чтобы создать небольшой круг культурных людей, но в том, чтобы выработать такие приемы, которые позволили бы приобщить к культуре возможно широкие массы населения. В конечном итоге, должны исчезнуть самые худшие из социальных различий — различия в образовании и в культуре. Это, конечно, не должно заключаться в низведении уровня культурных людей и установлении общего среднекультурного уровня. Наоборот, надо всех по возможности возвести на культурные высоты. Пусть будут люди, идущие все выше и выше, но они не должны идти одни, но всегда вести остальных за собой, быть не сверхчеловеками Ницше, удаляющимися на прекрасные горы в полное одиночество, но вожжами масс, несущими на своих плечах бремя ответственности за культурное развитие последних. Поэтому уже в ораторском культурном техникуме дело должно быть поставлено так, чтобы по возможности можно было начинать с низкого уровня культурности и пройти к высшим ступеням

под руководством и при помощи более опытных и сведущих товарищей по работе.

5. Из вышеизложенного уже ясны общие принципы организации работы в техникуме. Он должен быть разделен на секции, но не в том смысле, что некоторые из участников входят в одну художественную секцию, а другие — только в политическую. Все должны входить во все секции, состав которых, таким образом, совпадает с составом пленума. Но пленум в зависимости от поставленного вопроса превращается в ту или иную секцию. Это значит, что соответственные специалисты читают в нем доклады по предмету этой секции и руководят обсуждением и практическими занятиями, в которых могут принять участие все желающие. Таким образом, например, театрал может также принять участие в обсуждении работы музейной секции, но он предпочтет, вероятно, проявить себя более активно в тот день, когда пленум станет секцией театральной.

Сама работа должна состоять в самых различных проявлениях в зависимости от того, какая секция работает. В секции чтения должны, очевидно, разбираться вопросы теории чтения, а также производиться практические занятия по разбору книг и теории чтения. Писательская секция должна заниматься теорией сочинения и соответственной практикой. Секция экскурсий должна учиться вести экскурсии и участвовать в последних. Одним словом, каждая секция должна выработать свои приемы изучения и приобретения культуры, и здесь именно сказывается преимущество клубной работы в том, что все способы общения, изучения и работы допустимы. Каждая секция должна выработать 1) свои приемы культурной работы и 2) поставить надлежащие упражнения или практические занятия. При этом в зависимости от количества времени, которым располагает техникум, должен быть составлен план таких занятий. Очевидно, план этот может вместиться для каждой отрасли в одно заседание или же может растянуться на целый год. Но здесь важна система, остова плана. Детали же могут пополняться по желанию в зависимости от времени.

Другой принцип организации заключается в том, что по возможности все должно приносить какой-нибудь реальный плод. Каждый опыт должен быть не только проделан, но записан и затем рассмотрен и подвержен соответствующему обсуждению. Каждая секция должна вести журнал. Все эти журналы, вместе взятые, будут журналом всего техникума. Каждый устный доклад (а все доклады ораторов должны быть устными) должен записываться в виде конспекта или реферата. Затем все доклады должны быть собраны вместе с резолюциями по ним всего собрания участников техникума. Каждое представление или лекция должны также обсуждаться и получить оценку. Каждая экскурсия должна также оставить след и быть изучена в отношении добытых ею результатов. Все эти записи должны делаться не кое-как, но в убеждении, что они когда-нибудь будут напечатаны и послужат свидетельством о работе техникума.

6. Деление техникума на секции. При делении культурного техникума на секции можно принять в основание деления разные системы. Можно было бы, например, создать ряд секций по признаку предмета, который каждая из них [должна] изучать. Тогда мы получили бы общественно-политическую секцию, юридическую, естественнонаучную, искусства, техники, точных наук, профессиональную и т. п. Однако такое разделение не будет отвечать нашей цели, заключающейся прежде всего в выработке методов культурной работы. Только имея эти методы и применяя каждый в области, где он наиболее подходящ, можно перейти к изучению того или иного предмета и восприятию через посредство этого метода культуры в данной ее отрасли. Другими словами, уже в пределах каждой секции, объединяющей работу по данному методу, должно быть проведено при дальнейшей работе клуба деление по предметам. Например, секция школьная может поставить предметную работу по вопросам общественно-политическим, естественнонаучным, искусства и т. д. То же самое с иными методами продельывает секция самообразования. Итак, перед нами две задачи: выработка методов и их применение.

По признаку различия методов можно, конечно, разделить техникум на очень большое количество секций, но мы ограничимся наиважнейшими. Такими должны быть:

1) *Секция педагогическая или школьная.* В ней культура приобретает всеми средствами, употребительными в учебных заведениях. Теоретически и практически изучается система лекций, рефератов, семинариев, совместного обучения.

2) *Секция самообразования.* Сюда входят все методы работы по самообразованию, в первую голову чтение. Изучается вопрос о составлении библиотек. Какой нам нужен состав книг. Также изучается техника чтения.

3) *Секция ораторского искусства.* Значение диспутов и их организация. Работа ораторской мастерской.

4) *Секция художественная.* Использование произведений искусства для приобретения культуры. Как смотреть картины. Как слушать музыку. Ритмическое воспитание.

5) *Поэтическая и писательская секция.* Умение писать. План сочинения. Декламация и чтение. Сочинение стихов и их значение для культуры.

6) *Театральная секция.* Значение театра. Современный спор о театре.

7) *Секция музейно-экскурсионная.* Музеи и выставки и их посещение. Организация экскурсий. Значение их для культуры.

8) *Секция историческая.* Значение изучения истории культуры. Лучшие методы ее изучения.

9) *Спорт и игры* и их значение для культуры.

К этому списку, конечно, можно прибавить еще многое путем добавления новых методов или выделения некоторых из состава известной

секции (напр<имер>, чтение на секции самообразования). Но для начала можно строить техникум на таких основах, с тем чтобы по мере разрастания работы увеличивать и видоизменять число секций.

Что касается предметов, которые будут изучаться в этих секциях, можно также составить большой их список. Сюда должны войти: 1) общественно-политические вопросы, 2) юридические вопросы, 3) история (уже не как метод, а по существу), 4) искусство (не как метод, а по существу), 5) естественные науки, 6) вопросы труда, 7) профессиональные вопросы, 8) экономика, 9) техника, 10) точные науки, 11) сельское хозяйство, 12) литература и т. д. Количество предметов не ограничено, так как беспредельна область человеческой деятельности, обнимаемая культурой.

Некоторые секции, конечно, охватывают все эти предметы. Напр<имер>, путем чтения можно получать сведения по всем решительно вопросам. Другие же по характеру своего метода касаются только некоторых тем, как, напр<имер>, секция художественная, не имеющая отношения к юридическим вопросам.

Значение этой системы заключается в большой ее гибкости — можно начать с небольшого количества секций и постепенно расширять работу техникума в виде умножения их и, следовательно, применения все новых и новых методов приобретения культуры. Вместе с тем внутри каждой секции также можно ограничить ее программу работ по предметам или, наоборот, ее расширить.

Наша задача заключается, прежде всего, в создании остова такой системы, которая таким образом впоследствии сможет развиваться.

[ПРОГРАММА ЦИКЛА ЛЕКЦИЙ «ОБЩАЯ КУЛЬТУРА ОРАТОРА»]

Введение

1) *Определение понятия оратора.* Формальные стороны ораторского искусства. Содержание ораторской речи. Оратор как деятель.

2) *Определение понятия культуры.* Два значения понятия культуры. Культура как собрание ценностей. Культура как обработка личности. Зависимость культуры во втором смысле от культуры в первом. Отсюда две части курса: 1) Инвентаризация культурных ценностей, которыми мы располагаем. 2) Личная культура оратора в связи с его деятельностью. 3) Виды культуры. 4) Методы приобретения культуры.

Первая часть

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

1) Наследие, оставленное древними историческими народами в области науки, искусства, нравов, материальной и духовной культуры. Отжившие ценности.

- 2) Ценности античной культуры, живые и отжившие.
- 3) Ценности Средневековья, живые и отжившие.
- 4) Ценности периода Новой Западноевропейской культуры. Необходимость отбора полезных среди этих ценностей и отказа от устаревшей и вредной части этой культуры. Признаки кризиса современной культуры. Вопрос о «гибели Европы». Точка зрения славянофилов. Точка зрения Шпенглера. Точка зрения революционного марксизма.
- 5) Культура будущего. Значение мировой войны и Революции. Выработка новых культурных ценностей и форм. Участие в этом процессе молодых поколений. Культура как преобразование мира. Пролетарская культура.

Вторая часть

ЛИЧНАЯ КУЛЬТУРА ОРАТОРА

- 1) Обусловленность личности оратора свойствами исторического коллектива, которого он является выразителем.
- 2) Влияние личности на исторический коллектив.
- 3) Личная культура как результат социального действия.
- 4) Значение личной культуры для развития социального коллектива.
- 5) Значение личной культуры оратора для его социальной деятельности.
- 6) Специфические черты культуры оратора.

Третья часть

ВИДЫ КУЛЬТУРЫ

- 1) Внешняя культура. — Форма ораторской речи. — Риторика. — Речь естественная и речь искусственная.
- 2) Внутренняя культура: а) Культура интеллектуальная;
 - б) Культура эстетическая;
 - в) Культура моральная;
 - Культура правовая, политическая, экономическая.
 - г) Всесторонняя культура.
- 3) Значение культуры для речи.
- 4) Специальные виды культуры. Специализация оратора: культура политического деятеля, артиста, художника, мыслителя, экономиста, преподавателя, судебного деятеля, юриста, агитатора.

Четвертая часть

МЕТОДЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

- 1) Различные способности к усвоению культуры: развитие памяти, воображения, внимания, наблюдательности, любознательности. Интуитивное восприятие. Эстетическое восприятие. Анализ. Психология культурного развития.

- 2) Значение школы. Лекции. Семинарии. Рефераты.
- 3) Самообразование. Лучшие методы.
- 4) Чтение. Выбор книг. Умение читать. Специализация. Экономия памяти.
- 5) Путешествия. Умение путешествовать. Что замечать и как запоминать.
- 6) Музеи и выставки и их посещение.
- 7) Общение с людьми. Выбор знакомых. Использование чужих знаний. Совместная работа.
- 8) Использование искусства. Театр. Живопись. Музыка. Поэзия. Архитектура. Ритмическое воспитание.
- 9) Развитие шестого культурного чувства.
- 10) План культурной работы.
- 11) Передача своей культуры другим.

ПИСЬМО Н.И. БУХАРИНУ

Прочтя Вашу речь, произнесенную на учительском съезде, считаю своим долгом откликнуться на некоторые из Ваших мыслей, имеющих, как мне кажется, большое значение для вопроса о строительстве новой культуры.

Вы отметили, как мне представляется, совершенно правильно общую цель современной культурной и государственной работы — преобразование человека, и прежде всего крестьянина. Для всякого задумывающегося о деревенском быте одинаково у нас и за границей должно быть ясно, что в этом быте с его косностью, узостью горизонта, себялюбием и экономическим эгоизмом лежит главный камень преткновения всякой истинной социальной реформы. Если мы хотим, чтобы человечество в самом деле увидало новую жизнь, где будут устранены современные виды экономического и социального угнетения, где все будут равным образом участвовать в общем деле преобразования мира, — должны быть сперва уничтожены индивидуальные крепости невежества и бытовой косности, поддерживающие сопротивление всякому смелому и всеобъемлющему нововведению. И Вы правы, когда требуете от господствующего класса, чтобы целью его власти было просвещение тех слоев населения, которые при условиях современной культуры были обречены на прозябание в состоянии тупоумия и дикости.

Но есть в этой проблеме другая сторона, не менее важная, и относительно ее у меня возникает ряд сомнений, которые я хотел бы подвергнуть Вашему рассмотрению. Борьба против быта может быть плодотворной только в том случае — если Вы на место старых негодных форм по мере их разрушения ставите новые. Человека можно изменять, если имеется налицо психологический и интеллектуальный идеал нового человека, выдвигаемый на место старого. Насколько можем мы быть уве-

рены, что у нас налицо имеются эти новые формы? Можем ли мы по мере искоренения деревенского «идиотизма» указать конкретное содержание новой культуры, требования которой должны быть восприняты крестьянином как руководящие начала? Я не имею в виду повторить возражение акад. Павлова¹. Я думаю, как и Вы, что можно преобразовывать жизнь постепенно и самим учиться в этом процессе.

Но это возможно только при условии, если вполне точно определено направление развития нового человека и нового быта в виде динамической программы диалектического их измерения. И вот здесь мне кажется, что обнаруживается слабое место всего современного культурного строительства. У него нет разработанной и ясно сформулированной идеологии, устанавливающей цели и пути создаваемой культуры. И в результате все, что создается на фронте просвещения, все, что проводится в жизнь в виде нового быта, все что внедряется в умы масс как начатки новой культуры, носит случайный, примитивный, необработанный, поверхностный, часто уродливый даже характер. В особенности это заметно в «новом быте», где часто берут новые формы и вливают в них старое содержание, тем самым создавая, на место старых, новые суеверия.

Между тем такой процесс вывода масс в сферу сырой и несовершенной полукультуры или даже псевдокультуры чреват большими опасностями. Создается на место деревенского некультурного дикаря тип городского полукультурного дикаря, человека, который оторвался от старого уклада, но не получил никакого нового уклада, заменяющего старый. Умножение людей этого типа можно проследить по образам современной беллетристики или еще лучше по статьям и заметкам в ежедневной печати. Как пример, сошлюсь на недавнюю статью Л. Сосновского, в которой приведены выдержки из письма в деревню сына, который требует, чтобы крестьяне «повыдергали бороду» его отца². Или те самые комсомольцы, которые, как Вы картинно описали, ведут антирелигиозную пропаганду «под окном у попа»³. Или вообще многочисленные типы хулиганов, против которых сейчас усилены меры наказания. Я думаю, что и убийства селькоров раскрывают нам картину умножения таких же недообработанных культурой людей.

Я не хочу этим сказать, что в этой области есть одни только неуспехи: наоборот, можно поражаться, насколько в общем велико воспитательное влияние этих революционных лет на массы, насколько русский человек из крестьянской или рабочей среды⁴ во многом начинает близко подходить к уровню средней интеллигенции. Но боюсь, что мы имеем здесь нередко дело с демократизацией в западноевропейском смысле, т. е. с приобщением людей к состоянию среднепомещанской культуры, а это состояние мало общего имеет с идеалом социального обновления и, быть может, способно послужить не меньшим тормозом на его пути, чем помещанство деревенское. Это может быть началом образования мелкой буржуазии, столь же мало привлекательной по своему мировоззрению, как и крупная.

Я знаю — все эти отрицательные возможности для Вас не новость, и я не утруждал бы Вас чтением этого письма, если бы хотел ограничиться перечислением трудностей, стоящих на пути нашего просвещения. Мне хочется указать на некоторые положительные возможности развития культуры, которые, как мне кажется, недостаточно сейчас принимаются во внимание.

Чем объясняется сравнительная слабость работы на культурном фронте? Можно ответить, конечно: общим тоном некультурности, являющейся наследием старой России. Но это будет лишь одна половина ответа, объясняющая общие тяжелые условия борьбы в этой области. Я думаю, что есть еще другие причины этой слабости, коренящиеся в неравномерности разработки различных сторон революционной идеологии. Октябрьская Революция до сих пор очень много занималась теорией социальной борьбы и очень мало — теорией борьбы с природой. Поэтому и получилась весьма разработанная идеология массового классового действия, строительная же идеология осталась несколько в тени. Между тем, как указывает Энгельс, когда «условия жизни, созданные людьми и угнетавшие до сих пор человека, подчинятся людям и их контролю, — они явятся действительными господами природы, так как будут господами в своем собственном соединенном обществе»⁵. Здесь очевидно указание на два различных момента Революции: перестроение общества и овладение природой. И несомненно, что весь пафос революционеров был до сих пор связан с выполнением первой задачи. Подготовка Революции в произведениях ее идеологов, так же как и само революционное действие, требовало сосредоточения усилий на борьбе с другими людьми и изменения прежде всего экономических и социальных условий. Но в настоящее время мы вступили в новый фазис. Если на международном фронте борьба с людьми еще находится только в периоде приготовления, в самом СССР назрела необходимость перехода и постановки второй проблемы овладения природой. В этом смысле и развивается наша производственная деятельность, и внимание, обращенное теперь на промышленность, электрификацию, развитие техники, производительность труда, НОТ, указывает на вступление на эту дорогу. Но надо признать, что дело начинается нередко с неправильного конца и в полном нарушении основного принципа хорошей организации — составления идеологического плана раньше приступления к действию. Этот план и есть недостающая у нас строительная идеология. В самом деле, у нас в области овладения природой довольствуются преимущественно эмпирическими и практическими исканиями в отдельных областях, имеющими большую ценность, но не могущими никогда заменить общие методологические начала, которые могут быть даны только общей идеологией. Получается следующая картина: марксизм дает самые общие штрихи такой идеологии или, вернее, даже указывает только на ее необходимость. Снизу в каждой области разрабатываются отдельные вопросы. Основной же стержень, на который должны нанизываться эти частичные достижения, от-

сутствует. И в результате «производственный» пафос или слишком конкретен, или недостаточен. Нет точного плана того здания, которое строят отдельные архитекторы и, главное, нет соответствующего масштабу такого плана энтузиазма строителей всего здания.

Особенно сказывается отсутствие строительной идеологии в деле издания современной литературы. Сейчас брошен лозунг популярных изданий и все издательства пекут брошюры для широких масс. В области политики и перестроения социальных отношений за этим потоком литературы стоит направляющее его вполне разработанное учение. В области же постановки строительных и производственных вопросов такого учения нет, так как совершенно неясна общая программа овладения природой. Вследствие этого популярная литература в этой области беспомощна. Если не считать элементарных научных сведений, не дающих метода организации работы по овладению природными силами в целом, то популярной литературе в этой сфере нечего популяризировать. Между тем (здесь я возвращаюсь к вопросу, поставленному Вашей речью), *организация борьбы с природой и овладения ею во всех областях и должна быть центральной задачей и содержанием новой культуры, поскольку последняя, согласно Энгельсу, освобождена от угнетающих ее старых условий*. Вот то положительное направление, по которому, мне кажется, должна была бы идти вся наша культурная работа, те цели, ради которых должно ломать старый быт, к выполнению которых мало приспособлять нового человека. Эта мысль соответствует вполне задачам, которые ставит себе современная евгеника, а именно создание нового типа человека-творца (см. «Эвгенический журнал», статья проф. Кольцова, выпуск 1, 1922)⁶.

Какие же практические мероприятия диктуются постановкой указанной задачи? В первую голову, конечно, здесь необходима усиленная соединенная работа научных деятелей, экономистов, техников и политиков. Здесь создается область, в которой возможно полное единение между лучшими представителями старой интеллигенции и советскими и партийными деятелями. Смычка здесь, наверху научной работы, так же необходима, как и внизу, с органами распространения и популяризации знаний. Но каково положение пропагаторов, когда им нечего распространять или когда они не знают толком, в чем содержание новой культуры.

Но указанная работа требует двух необходимых условий: 1) Объединение всего дела выработки новой строительной идеологии. Для этого необходимо какое-нибудь особое учреждение, которое соединило бы в себе все нужные силы, напр<имер>, в виде Центрального Института по Овладению Природой⁷. Его задачей между прочим было бы координировать распыленную и разрозненную в настоящее время работу разных научных институтов, исследовательских лабораторий и т. п.

2) Необходимо дать возможность теоретического обмена мнений по вопросу о строительной идеологии в печати. Для этого надо либо создать

особый журнал, либо дать место в существующих статьях по этому вопросу. Также было бы весьма желательно приспособить какое-нибудь издательство специально для издания серии книг по этому вопросу.

Возможно детально проработать как эти, так и другие проекты, но моя цель в том, чтобы поставить самый основной вопрос, вытекающий из вышеприведенных соображений. Думаю, что результаты теоретических работ в этой области не замедлились бы сказаться в практике и дали бы твердый метод для культурного строительства одинаково в городе и деревне вместо современной работы ошупью и кустарным способом.

УЧРЕЖДЕНИЕ КОМИССИИ ПО УПРАВЛЕНИЮ ПРИРОДОЙ

1

Характерной чертой современной русской жизни является устремление ее в сторону творчества и строительства. Перед нами во всех областях властно встают вопросы труда и производства, и, работая над ними, все более и более мы ищем путей действительного созидания. Все более и более мы требуем от человеческой деятельности положительных результатов, реально изменяющих жизнь.

Вместе с тем, чем больше мы отдаемся этим задачам и глубже в них вникаем и чем разностороннее стремимся их осознать, тем яснее становится для нас, что такая деятельность есть не только работа, но вместе с тем борьба, носящая не менее революционный характер, чем восстание против несправедливого гнета в общественной области. Здесь мы восстаем против косных и слепых сил природы и пытаемся заменить их действие деятельностью нашей воли, осуществляющей, вместо их бессмысленных велений, цели нашего разума. Уже давно человечество, вооруженное наукой и техникой, во всех странах мира ведет эту войну против разрушительной мощи стихий, уничтожающих не только начинания человека, но и самого человека. Но в России сейчас, больше, чем где бы то ни было, в результате пережитых потрясений и накопленного действительного опыта, создаются психологические условия для развития этой борьбы в новом невиданном масштабе. И лозунгом общих наших усилий все более и более становится освобождение человечества от сковывающего его рабства естественным силам и установление власти людей над последними. И если раньше мы верили в возможность наступления эпохи новой, более совершенной человеческой деятельности, но не могли определенно обрисовать ее черты, теперь основное направление такой деятельности становится все более и более явственным. Мы можем уже с большою долею уверенности формулировать руководящую ее идею — овладение силами природы и обращение их на служение разумному идеалу. И соответственно можно предугадать, что в этом именно будет заключаться содержание будущей культуры.

Однако такая точка зрения далеко не приобрела у нас еще всеобщего права гражданства. Утверждению ее препятствует унаследованное от уходящей эпохи неправильное понимание сущности культуры.

До сих пор во всех известных нам периодах человеческой истории культура в ничтожной своей доле создавалась сознательной волей человека, согласно проектам его разума, но в большей своей части выростала естественным процессом, вне контроля разумного сознания. Такое стихийное возникновение и рост культуры иногда давали чахлае ее развитие, иногда, наоборот, буйное ее расползание. Но всегда в ней господствовали иррациональные элементы, и человечество шло, не зная, куда идет, отдаваясь пассивной вере, фатализму, бездеятельному созерцанию, каковые состояния сопровождались кристаллизацией косного и неподвижного быта.

Такое сужение роли человеческого разума обусловило искажение представления о сущности культуры. Культура, согласно этому неправильному взгляду, есть совокупность отраслей человеческой деятельности, стоящих как бы несколько вне жизни и представляющих даже некоторую для нее роскошь. Культура в таком понимании ограничивается теоретическим знанием и творчеством искусства. Она творит не действительность, но одни только формулы, знаки, образы и символы. Она рассматривается соответственно как некоторое украшение жизни, которое придает ей полноту, но без которой возможно, в крайнем случае, обойтись. «Сперва устроим жизнь, — говорят многие, — затем будем строить и культуру».

3) Между тем несомненно, что строительство жизни и есть не что иное, как созидание культуры. Жизнь, сознательно строяемая человеком, и есть культура. Культура есть совокупность результатов, достигаемых человеком в деле преобразования мира. Культура есть мир, измененный человеком согласно идеалам его разума.

Но в таком случае культура включает не только деятельность теоретическо-символическую, выражающуюся в науке и в искусстве. Существенной и важнейшей частью культуры являются те виды деятельности, которые реально, не только в мысли и в воображении, изменяют окружающий нас мир. Это — экономика, производство, земледелие, техника, медицина, евгеника, практическая биология, педагогика и т. п. И в самом деле, из обзора всех современных исканий и устремлений явствует, что содержание культуры раскрывается именно как совершаемое людьми, при помощи этих способов действия, реальное изменение действительности. Культура не только не есть чистая наука и чистое искусство, но непременно состоит в приложении последних к производству, добывающей и обрабатывающей промышленности, труду и технике. Вследствие этого можно сказать, что вообще цель и смысл всякой культуры есть в конечном итоге задача реального улучшения и преобразования мира путем расширения области управления природой.

И новая культура наших дней есть не что иное как выявление именно

этого характера общечеловеческой культуры, раскрытие ее как такой мировой преобразовательной деятельности.

Из этого следует, что первая задача современного строительства и организации есть расширение общего понимания культуры и включение в нее таких видов человеческой деятельности, которые до сих пор рассматривались как стоящие вне сферы ее творчества. Другими словами, должно быть окончательно устранено отделение культуры от жизни и связанное с этим разобщение теоретическо-символической деятельности, творящей формулы знания и идеальные образцы, от деятельности, реально, путем действия, изменяющей окружающий нас мир.

Для этой цели необходимо прежде всего ясно понять, откуда могло возникнуть это губительное разобщение. Его корни несомненно лежат в древней концепции двух миров, мира потустороннего, доступного одному только уму и воображению, и мира земного, материального, где протекает человеческое действие.

Результаты разобщения символическо-теоретической и реальной культурной деятельности одинаково пагубны для обеих: знание, поскольку оно ни к чему не прилагается, вырождается в отвлеченное умствование; наука, не имеющая практической цели, в конце концов превращается в изложение не нужных ни для чего методов; искусство, творящее одни только мертвые подобию, превращается во вредную забаву. С другой стороны, политика и экономика, как деятельности, меняющие общественные отношения, техника и производство, как деятельности, меняющие материальный мир, медицина и евгеника, меняющие природу живых существ, педагогика, меняющая их психическую природу, также лишаются определенной цели и начинают служить удовлетворению частных и индивидуальных интересов, вместо того чтобы выполнять задачу преобразования мира.

Следствием этого является распыление человечества на множество враждующих центров. Культура перестает вырабатываться как общее дело человеческих усилий, и последние развиваются, каждое в своей области, как самодовлеющее устремление. Отсюда рождается губительный партикуляризм, который мы находим в основе культурного либерализма, провозглашенного в эпоху Возрождения и развившегося в современный культурный хаос.

Необходимость поставить предел указанным явлениям распада и разброда требует от культуры организующего и объединяющего воздействия на практические виды человеческой деятельности. С одной стороны, культура должна вырабатывать общий проект действия этих видов этой деятельности. С другой стороны, через их посредство культура должна овладевать всеми областями жизни.

При современном устройстве у нас каждая из этих областей имеет в лице того или иного государственного или общественного учреждения свой руководящий и регулирующий орган. Например, в системе государственных органов¹: экономика находится в ведении органов, ведаю-

щих народным хозяйством: ВСНХ, НКВШТ, НКФ, ГОСБАНКА и т. д., сельское хозяйство — в ведении органов, управляющих земледелием: НАРКОМЗЕМА, труд — в ведении органов труда (НКРТРУДА) и профес<сионального> союза (ВЦСПС); медицина и общественная гигиена — НКЗДР, право — НКЮ и т. д.²

Но деятельность этих и подведомственных им учреждений, хотя регулируется и направляется в смысле политическом и административном в виде подчинения высшим органам Республики, в отношении научного и культурного освещения и направления ничем не связывается в единое действие, выполняющее общими усилиями, в различных областях единую программу преобразования.

Отсюда возникает необходимость особого центрального учреждения, которое выработывало бы подобный общий проект и предоставляло бы его различные части в качестве руководящих проектов выполнению указанными государственными и общественными органами. Такой проект должен, конечно, быть синтезом всех выработываемых у нас культурных устремлений и научных выводов.

Правда, и в настоящее время у нас существует ведомство, на попечении которого находятся все вопросы, касающиеся культуры. Это Народный Комиссариат Просвещения. Нужно поэтому прежде всего установить отношение новых предполагаемых учреждений к этому уже существующему органу, ведающему культурой. Наркомпрос имеет в своем ведении всю область теоретической и символической культуры, в лице знания и искусства. Такая компетенция вовсе не является следствием революционного нововведения, а наоборот, является подражанием тому, что имеется в западных странах, где Народное Просвещение соединяется с покровительством наукам и искусству, под руководством соответствующего Министра. На самом же деле эта система для организации культуры является не преимуществом, а существенным препятствием. Такое устройство создает совершенно искусственное сужение всех задач культуры, увековечивая отмеченное выше отделение науки и искусства от реальных видов человеческой деятельности. Получается ведомственное разделение, при котором эти виды деятельности, имеют каждый контролирующие и организующие его учреждения в виде тех ли иных государственных или общественных органов, знание же и искусство зачислены в особое ведомство и тем самым отгорожены от других проявлений жизни.

Ввиду этого очевидно, что для приближения к жизни науки и искусства необходимо прежде всего изъять их из ведения Наркомпроса. Последний должен стать Комиссариатом Просвещения в настоящем смысле слова, т. е. образования и Воспитания, но не учреждением, создающим само знание. Наркомпрос должен получать готовый запас принципов, идей, научных положений и художественных образов, и деятельность его должна заключаться исключительно в их распространении и передаче массам. Этим будет избегнуто наблюдающееся ныне смешение задач

организации культуры и педагогики, представляющих: первая — задачу строительства первооснов культуры, вторая же — ее популяризации.

При таком распределении культура как совокупность результатов человеческой деятельности, преобразывающей мир, должна стать предметом забот особого органа с гораздо большей компетенцией, чем современный Наркомпрос. В противоположность настоящему устройству, при котором наука и искусство отделены от жизни, должно быть создано учреждение со специальной целью приложения их к делу овладения природой и обращения последней на служение человеку. Таким органом в масштабе СССР могла бы быть особая Комиссия по Управлению Природой, носящая вневедомственный характер и обладающая многосторонней компетенцией.

Орган этот должен, с одной стороны, объединить все виды культурной деятельности, носящие символический и теоретический характер, т. е. 1) Науку с ее различными теоретическими дисциплинами, а также с различными ее практическими средствами в виде опытных станций, музеев, обсерваторий, метеорологических станций, книгохранилищ, научных институтов, лабораторий и т. п., и, во вторых — искусство с его различными отраслями и подсобными средствами — печатным делом, театром, кинематографом, мастерскими и т. п.³

Для выполнения этой задачи организации символической культуры КУП должно быть вверено созидание и постепенное корректирование, в связи с требованиями жизни, всеобъемлющего проекта культурных достижений во всех областях. Роль КУП должна заключаться в том, чтобы собирать все выводы отдельных наук, выражающиеся в соответствующих исследованиях, и сводить их к наибольшим возможным обобщениям, сочетая результаты, достигнутые специальными ветвями, в единое стройное целое. Такая же работа должна быть произведена в отношении различных проявлений искусства в виде формулирования синтеза их лучших достижений. Затем должен быть сделан уже совокупный синтез последних выводов знания для данного периода и наилучших художественных достижений в виде общего культурного идеала эпохи. Синтез этот должен носить характер проекта изменения мира, согласно выработанного таким образом идеала.

В этот общий проект должны войти, в виде составных его частей, все частные проекты преобразования действительности в отдельных отраслях жизни. Таким образом, каждая наука или искусство будет иметь свою специальную цель, но цели эти будут согласовываться в единую общую цель всей культуры. Наука тем самым потеряет современный свой характер исключительной систематизации средств и методов действия и будет знать определенно, для чего она творит и чему служит. Искусство перестанет быть безответственной игрой и станет служением делу преобразования мира.

Вторая задача КУП должна заключаться в том, чтобы направить государственные и общественные органы, регулирующие реальные виды

культурной деятельности людей, к осуществлению проекта культуры, выработанного наукой и искусством. Для всех этих действенных органов КУП должна разрабатывать соответственные специальные проекты деятельности в смысле культурных задач, намечаемых в поле их деятельности. Содержание этих проектов для органов, видоизменяющих человеческие отношения⁴ или правовых органов, есть не что иное, как картина того общества, которое они призваны создать. Для видов же культурной деятельности, сохраняющих, или улучшающих, или создающих живые существа, или преобразовывающих мир в смысле созидания материальной культуры, проекты КУП дают образцы усовершенствованного человечества и улучшенных условий его жизни.

Для осуществления такого влияния на действенные органы культуры КУП должна быть разделена на секции, из которых каждая ведаёт определенной отраслью культуры и передает в соответственное учреждение касающуюся его часть общего проекта, являясь тем самым как бы культурно-идеологической комиссией этого учреждения.

Что касается конкретных задач новой культуры и общего направления, в котором она должна развиваться, содержание их вытекает из указанной выше общей цели этой культуры — стремления подчинить природу человеку и превратить бессмысленное действие ее слепых и косных сил в работу, необходимую для преобразования и обновления мира. В отношении задач, вытекающих из этой общей формулы для отдаленных достижений, вехами их могут служить гипотетические еще перспективы, стоящие в настоящее время перед наукой: творчество жизни, омоложение, овладение временем, получение интраатомной энергии, междупланетные сообщения, превращение элементов, действие на расстоянии и т. п. Важнейшими среди ближайших задач, имеющих практический характер, являются разумное использование истощающихся постепенно ресурсов недр земли и ее поверхности: минералов, минерального топлива, угля, металлов, леса, фауны и флоры — и овладение новыми источниками энергии (солнечной, водяной и т. п.). В связи с этим находится и другая задача колоссальной важности для будущего земледелия — регуляция погоды. Затем ставится перед культурой общая задача направления и организации производства и труда, с тем чтобы, вместо современного бессмысленного расточения сил и средств в процессе созидания ненужных вещей, предметов роскоши и орудий взаимоистребления, — производство создавало бы то, что в самом деле необходимо для улучшения жизни.

Подобная организация культуры будет надежным средством против отмеченных выше явлений распыления человечества и разброда его усилий. Единство человечества, к которому стремятся лучшие политические и социальные проекты, будет обеспечено прежде всего единством культурной цели, охватывающей все области человеческой мысли и деятельности. Этим путем будут подготовлены условия для действительного развития новой культуры, каковая культура должна сменить современную западноевропейскую, постепенно меркнущую на наших глазах.

Эта новая культура, направляемая единым усилием всего человечества, действительно осуществляющего общее дело всех живых существ, дело жизни, восстающей против смерти, получит в результате такого объединения стремлений и действий тот широкий человеческий базис, который отсутствовал в прежних символических и аристократических культурах. Впервые массы будут вовлечены полностью и наравне с другими слоями населения в дело творчества культуры, и все люди примут участие в этом творчестве. Научные опыты будут производиться не кое-где и кое-где, в результате индивидуальных попыток отдельных ученых или их корпораций, а всюду и всеми, везде и всегда, путем массового действия широких слоев человечества, так, как производятся сейчас наиболее значительные историческо-социологические опыты, создающие человеческое общество. И культура, вырастающая на таком социальном фундаменте, даст расцвет во много раз больший и более богатый, чем чахлое цветение тепличных ростков прежних культур, умиравших на суровом ветру исторических и социальных схваток, вызываемых их узостью и неудовлетворительностью для широких масс.

Вместе с тем рядом с таким социальным базисом новая культура получит всеобъемлющий политический базис. Она будет не национальной культурой, но культурой всемирной, общим делом человечества, подготавливающим будущее Всемирное Общество, построенное на началах этой культуры. Организация культуры выдвигает идею объединения человечества уже не в виде прежних неопределенных идеалов всеобщего мира, проповедуемых пацифистами, а в виде требования совместного трудового общения всех людей и всех народов ради достижения определенной цели, каковая может быть достигнута только общими усилиями. И быть может, в связи с постановкой этой задачи можно вновь выдвинуть лозунг разоружения народов, но в новом виде, не в смысле отказа вовсе от оружия и всеобщей повинности, а в смысле нового вооружения, но обращенного уже не против людей другой национальности, а против слепых сил природы, которая к тому времени останется как единственный враг человеческого разума. Тогда, по разрушении Европы и Америки в их современном облики, в новых Соединенных Штатах Мира пушки, стреляющие на много сотен верст, будут направлены против облаков, с целью рассеяния градовых скоплений или вызова благодетельных дождей. Химические изобретения будут не убивать людей, а возрождать и воскрешать их. И всеобщая воинская повинность, служащая в версальской Европе, разделенной коридорами, оккупациями и национальной враждой, орудием международного насилия и угнетения, — превратится в организацию великой всемирной трудовой армии, мужество и искусство которой будут обращены против времени, бедности, болезни и смерти. Объектом ее будет завоевание не областей и царств, а всего мира с целью совершенного его преобразования.

Такой идеал, конечно, еще далек, и приступление к задаче такой борьбы требует соответственного преобразования человеческого обще-

ства и устранения современных к тому препятствий. Но уже сейчас он может вдохновлять работу по организации культуры в России и создать здесь почин именно такой организации. И соответственно в предвидении будущего общечеловеческого характера такой организации уже сейчас необходимо готовить для нее пути. Ввиду этого КУП должна быть построена так, чтобы включать уже теперь представительство иностранных обществ, которые захотели бы примкнуть к идее такой работы. Таким образом, постепенно разовьется зародыш будущего международного органа по организации культуры в виде Всемирной Комиссии по Управлению Природой.

В. Муравьев.

ПИСЬМО Н.А. СЕТНИЦКОМУ

Дорогой Николай Александрович

Вы жалуетесь, что я редко пишу Вам. Но должен сказать, что известия, приходящие от Вас за последнее время, внушают мне недоумение и тревогу. Я знаю, что в душе Вы честный советский гражданин и мечтаете, по окончании занятий, вернуться сюда и снова послужить государству, как и раньше. Но из всего, что Вы пишете, можно предположить, что Вы дали себя увлечь различным мистическим настроениям и в связи с этим забыли те трезвые мысли, к которым мы пришли в результате Революции. Ваша брошюра¹, которую я на днях получил почтой, с этой точки зрения представляет образец фантастических мечтаний, выходящих из круга тех идей, которые здесь Вами отстаивались. Если мы хотим преобразования мира, и если мы ищем для этого средств, то вряд ли можно после всего пережитого обращаться за этим к христианству, и в частности к православию. Религия и Церковь за эти годы доказали свое бессилие настолько явственно, что не в них, конечно, надо искать колыбель новой культуры. Все-таки основным положительным фактом этих лет остается то смелое и решительное движение, которое называется Революцией, движение, которое мы раньше отрицали, но значение и величие которого теперь для нас стало ясно. Через Революцию идет к нам новая культура, а не иными путями. И в этом смысле советская власть, как она сурово с нами ни обращается, но делает великое и правое дело — дело всечеловеческого преобразования, того преобразования, которого мы ищем. Можно со многим здесь не соглашаться, можно критиковать наш бюрократизм, сетовать на отсутствие свободы, жаловаться на Главлит за то, что не выпускаются наши книжки, — но надо глядеть шире и выше, и с этой точки зрения нельзя не признать, что мы присутствуем при величайшей в истории мира героической попытке изжить зло старой культуры и построить новую культуру на истинно трудовых и общечеловеческих началах. Вы помните наши разговоры и тот парадоксальный вывод, к которому мы пришли, что революция для нас недостаточно революци-

онна, что она слишком замыкается в общественных задачах, тогда как мы хотели бы мировой, космической Революции. Но если так и если Вы все еще придерживаетесь этих взглядов, мне кажется, что Вы должны именно в Революции, расширенной и углубленной, ставшей всеземной и мировой, искать фундамента будущего Вашего строительства. Я лично всецело стою на этой точке зрения, изложенной, как Вы знаете, в предисловии к моей книге «Овладение Временем» и во второй ненапечатанной моей книге «Культура будущего»². В последнем сочинении я начинаю с описания современного кризиса культуры и затем показываю, как через Революцию и при ее посредстве строится во всех областях новое здание грядущей культуры.

Там между прочим мне приходится указать на кризис Церкви, на консервативно-бытовой характер нашего благочестия, тогда как требуется *активность*, и активность по существу революционная и материалистическая³.

Я мог бы еще многое Вам написать в этом порядке идей, но сказанного достаточно, я думаю, чтобы подчеркнуть нарастающие существенные наши расхождения. Надеюсь, что они не слишком глубоки и что Вы вернетесь к старым Вашим идеям.

В. Муравьев.

[ЦИТ И НОУТ]

Тезисы

1. 1. Иностранная литература показывает нам, что во всех странах в настоящее время в связи с колоссальными успехами науки и техники, с одной стороны, и развитием производства — с другой, ставится вопрос о координации исследовательской и производственно-оперативной работы. Вопрос этот, несомненно, также возникает сейчас у нас и приобретает особую остроту. Так же как и другие области, научная работа требует планирования и установления связи с деятельностью в сфере производства.

2. В самом деле, не все в этом деле благополучно. Процесс развития идет стихийно и в результате этого сотрудничество науки, техники, производства, труда, искусства и т. п. остается случайным и не организованным. Общее выражение этого можно видеть в кризисе, переживаемом, с одной стороны, чистыми науками и искусством, с другой стороны — производственной и трудовой практикой.

3. Кризис чистой науки. Чистая наука необходима, но предоставленная сама себе без всякой организованной связи с жизнью — она нередко теряет всякое сознание *цели*. Пример евгеники. Известно, что когда нужда (напр<имер>, война) побуждает науку, она делает колоссальные открытия. С другой стороны, целые области лежат втуне, потому что разработка их не нужна.

Рядом с этим вырабатывается особый тип индивидуальной работы,

страдающей от оторванности от жизни. Тип ученой профессорской косности. Его преодолевают только очень большие ученые. Вред дилетантизма, но и польза. Много из самых больших изобретений созданы дилетантами. Отсюда ставится проблема организации науки.

4. Но и практика страдает от того, что не организована ее связь с наукой. Результаты последней недостаточно быстро проникают в толщу практики. Свидетельством этого является кризис производства и труда — выражающийся в потребности научной его организации. В этом основное значение НОТ.

5. Из этого следует, что сейчас ставится задача организации связи между наукой, с одной стороны, и производством и трудом — с другой.

6. Соединение в этой формуле «производства и труда» не случайно и полно очень большого смысла. В самом деле, рядом с оторванностью производства от науки можно отметить в западной цивилизации другой кризис — оторванность *производства от труда*. Это выражается в современной системе не только организации хозяйства на базисе разрыва между капиталом и трудом, но также между трудом и культурой, поскольку последняя обслуживает главным образом высшие классы населения. Будущее принадлежит, очевидно, другой системе — при которой *расширяется базис культуры* в виде сознательного участия в ней и использования ее — широкими массами трудящихся. Постольку производство и труд сливаются в виде единого трудового акта этих масс — процесса осуществления ими власти над природой. Ввиду этого нельзя отделять производство от труда и надо видеть в них два аспекта одного и того же процесса — производственного труда.

7. Задача организации связи между наукой и производственным трудом распадается на две подчиненные задачи:

а) Прежде всего необходима классификация всех видов научной и производственной работы в виде таблицы, на которой были бы нанесены с одной стороны чистые научные дисциплины, с другой — виды труда и производства; между же ними — виды прикладной науки и техники. В таблице должны быть нанесены разной краской области каждой науки и каждого вида производственного труда — там же, где они сливаются, две краски должны быть сопоставлены, с оттенками, отмечающими степень «практичности» данной науки.

Дальнейшее развитие этой схемы может превратить ее в план научных и прикладных работ.

б) Рядом с этим необходимо разработать ряд организационных мер, обеспечивающих связь между науками и производственно-трудовыми процессами, там, где отмечены пункты их слияния.

А) С одной стороны, необходимо создать систему, при которой выяснялись бы потребности производства и труда в содействии науки (исследования, руководство, освещение, открытия и т. п.) и по выяснении восходили бы в соответствующие научные инстанции в виде авторитетных требований.

В) С другой стороны, необходимо, чтобы результаты научной работы не оставались лежать втуне (как это случилось в ряде случаев, например [пропуск]), но использовались бы соответствующими производствами.

С) Наконец, должен быть поставлен вопрос об организации смежной области — где смешиваются начала науки и практики — области прикладного изобретательства. Не забудем роль изобретателей, вышедших из практики и применяющих начала науки, и практическую судьбу большинства их и их изобретений.

8. При выполнении этих задач надо иметь в виду, что оно встретит ряд препятствий, из которых одни будут связаны с особой косностью людей науки, другие — с особой косностью практиков. Необходим новый тип деятеля, новый дух, новые учреждения, где осуществлялась бы вышеуказанная связь.

9. Несомненно, что в этом отношении ЦИТ обладает особенно благоприятными условиями: тогда как чисто научные учреждения (Академия наук) не имеют связи с производством, НТО¹ и разные Институты — осуществляют связь с одним производством, ЦИТ — соединяет в себе начала науки, производства и труда. Здесь особенно важна связь с профсоюзами — приближение науки к труду, создание культуры в виде производственно-трудовой культуры.

10. Практически установление связи между наукой и трудом должно выразиться в учете рядом с потребностями и условиями производства в научном содействии также потребностей и условий труда — того именно, что служит предметом изучения ЦИТа. ЦИТ может взять на себя выполнение подобной задачи, только когда заложит прочный фундамент изучения труда в виде пропаганды методики ЦИТ²а.

11. Дальнейшая же задача потребует рядом с а) классификацией наук и видов производства и труда и б) разработкой мер к установлению связи между ними, еще выполнения третьей задачи: в) разработки системы органов, которые будут осуществлять эту организацию. Сюда должны войти в преобразованном виде все современные научно-исследовательские органы. Задача заключается в объединении их и выработке общего положения их работы и, быть может, в создании особого бюро или другого органа для связи между ними.

12. ЦИТ мог бы взять на себя разработку вышеуказанных вопросов и представить на предстоящей III Конференции НОТ² соответственный доклад о реорганизации научно-исследовательского дела в СССР.

I. Большой вопрос, требующий коллективной работы: организация исследовательской работы, поскольку она связана с трудом и производством. (Традиция — Бахметьев, Умов, Отле, Вейсман, Гувер, «Экономия производства» в Октябре мысли за 1924 г., Институт международного Сотрудничества при Лиге Наций³).

II. Я хочу дать только постановку вопроса.

1) Нужно ли ЦИТ'у им заниматься или нет?

2) На какие стороны обратить внимание?

III. Почему ставится вопрос: Научная организация труда постепенно захватывает все новые и новые области. Она охватывает фактор 1) труд, она охватила 2) производство, 3) управление, теперь она должна сделать дальнейший шаг, охватить 4) научно-исследовательскую работу, поскольку она связана с этими отраслями человеческой деятельности. Дальнейший шаг, о чем уже говорит Гувер, есть организация 5) самой науки и умственной техники. Постановка этого вопроса в Европе, в Америке и у нас

Заграница:

Проблема

1) организационная

2) техническая

3) экономическая

4) финансовая

5) культурная.

У нас:

1) возможность организации

2) индустриализация

3) (качество продукции, работа НТО).

Кому заняться этим?

IV. Этим объясняется, почему этот вопрос ставится в ЦИТ'е. 1) Мы уже проделали работу в области труда и производства, теперь ставится на очередь следующий вопрос — об исследовательской работе, связанной с ними.

2 стороны: 1) Теоретическая. Необходимость постепенного охвата всех указанных областей вплоть до чистой науки в дальнейшем вытекает логически из понимания трудового процесса как *единого* и *основного*, т. е. как зародыша всех вообще видов человеческой деятельности. Поскольку мы считаем, что и физический труд и труд умственный тесно связаны и имеют единый корень, естественно, что, начав с рационализации первого, мы должны прийти последовательно к рационализации второго. Первая же ступень по этому пути заключается в рационализации смежной области между производственным трудом и наукой — области научно-исследовательской работы в приложении к производству.

Рано или поздно ЦИТ к этому придет.

2) Практическая. Этот вопрос ставится в ЦИТ'е потому, что в нем сейчас уже производится и работа по изучению труда и производства, и производятся научные исследования.

Планирование внутренней работы ЦИТ'а ставит вопрос об организации научно-исследовательской работы. Планирование каждой отрасли ведет к их координации, к общему планированию научно-исследовательской работы ЦИТ'а.

3) Исключительное положение ЦИТ'а:

- a) изучает труд
 - b) производство
 - c) научные исследования,
- чего нет в других учреждениях.
- 4) Имеет прочный фундамент в виде своей методики.
Опасность широкого охвата без такого фундамента.

V. Дифференциация проблемы

- 1) Классификация научных исследований, связанных с трудом и производством (таблица)
 - a) связь между собой, б) с трудом, в) с производством.
- 2) Планирование научно-исследовательской работы, их задания.
- 3) Организация связи науки, производства и труда.
 - a) Движение от производства к науке.
Выяснение потребностей в научных исследованиях.
Стандартизация сообщения этих нужд научным инстанциям (потребность в исследовании, в руководстве, в разработке, постановке новых проблем, использовании старых работ, эксперименты и проч.).
 - б) Методика обратного течения — сообщение научных выводов практическим инстанциям.
Стандартизация такого сообщения. — Организация изданий.
Организация методического снабжения, библиотек, библиографии и проч.
- 4) Организация научно-исследовательских учреждений.
- 5) Воспитание нового типа учено-производственного работника.
Проблемы эти должны быть приняты во внимание при организации курсов В⁴.
- 6) Проблема изобретательства.

VI. Для начала можно ограничиться постановкой этих вопросов в рамках ЦИТ'а, т. е. выяснить методику связи труда, производства и науки в ЦИТовской работе.

Это означает:

- 1) Классификация видов научно-исследовательской работы в ЦИТ'е.
- 2) Планирование ее.
- 3) Организация связи между оперативной и методической работой.
 - a) Выяснение потребностей в методической работе.
 - б) Соотношение оперативной и методической работы.
 - в) Исследовательская и методическая работа.
 - г) Стандартизация сообщения нужды в методической работе.
 - д) Сообщение научных выводов.
 - е) Организация методического снабжения.
 - ж) Издательское дело и его роль в методической и оперативной работе.

Рационализация издательского дела.

4) Воспитание нового типа учено-производственного работника.
Основания работы на курсах В⁴.

VII. Как поставить эту работу в ЦИТ'е?

1) Поручить разработку вопроса и соби́рание материалов Ученому Секретариату.

2) Уделить внимание этому вопросу в издательском плане.

Тогда можно будет заказать работы на эти темы лицам, ими занимающимся, под редакцией и по указаниям ЦИТ'а.

ПИСЬМО А.К. ГАСТЕВУ

Многоуважаемый Алексей Капитонович

Из предисловия, которое редакция Тейлоровского Бюллетеня прислало моей статье о деятельности ЦИТ'а¹, можно усмотреть, что интерес к ЦИТ'у в Америке приобретает значение, далеко переходящее за границы специальной области научной организации труда и производства. Американцы со свойственной им живостью восприятия и широким масштабом суждений убеждаются в том, что работа ЦИТ'а представляет собой начало осуществления рождающейся у нас новой культуры. Это тем более знаменательно, что мнение это высказывается столь видным и серьезным органом, как Бюллетень Тейлоровского Общества.

Обстоятельство это наводит меня на мысль, что, быть может, было бы своевременно поставить вопрос об *организации в Америке серии лекций*, которые могли бы быть прочитаны группой советских деятелей по вопросам научной организации труда и производства, организации научной, исследовательской работы и планирования. Я думаю, что Тейлоровское общество достаточно подготовлено, чтобы взять на себя оказание содействия и покровительство такому предприятию. Авторитет же этого общества значительно поможет успеху лекций. Конечно, в первую голову в программу следует включить цикл лекций о ЦИТ'е, которые вы могли бы прочесть лично, при помощи переводчика.

Я думаю, что такие лекции имели бы большое политическое значение для дела сближения СССР с Америкой, так как ничто не производит на американцев такого благоприятного впечатления, как изложение конкретных достижений в научной и культурной области. Почва для такого рода выступления подготовлена всей предшествующей работой ЦИТ'а и теми статьями и отзывами, которые за последнее время печатались в американской печати.

Если бы вы согласились в принципе с мнением о желательности такой поездки и лекций — можно было бы запросить частным образом Персона², в случае же положительного ответа с его стороны, поставить вопрос уже официально. Я уверен, что Западная Торговая Палата и ВОКС³ поддержали бы такое предприятие. Относительно финансирования его

нечего опасаться, так как лекции в Америке являются весьма благополучным в смысле самоокупаемости делом.

Я счел нужным изложить все это в виде письма, чтобы сразу придать вопросу определенность и ясность.

Искренне преданный Вам

В. Муравьев.

1-го октября 1929.

ПИСЬМО Л.А. АВЕРБУРГУ

Ташкентский Университет
Факультет Советского Хозяйства и Права
Заместит<елю> Декана т. Авербургу

Глубокоуважаемый Лев Александрович!

Будучи вынужден, по причине слабости здоровья, проводить зиму в теплом климате, предлагаю Факультету Советского Хозяйства и Права свои услуги в качестве преподавателя по вопросам научной организации труда и рационализации труда и производства. Я занимал в течение последних трех лет (1926–1929) должность Ученого Секретаря Центрального Института Труда в Москве и мог бы прочесть курс по следующим предметам:

1) Научная организация труда. История, общая теория, практическое применение.

2) Организация и рационализация производства.

3) Американские методы организации предприятий.

4) Метод ЦИТа и применение его к различным производствам в СССР.

5) Научная организация труда в сельском хозяйстве.

6) Методы подготовки рабочей силы и профессионального образования.

По всем этим предметам я знаком с новейшей иностранной литературой, в особенности американской.

Из лиц, могущих подтвердить мою научную квалификацию в области научной организации труда, могу сослаться на директора Центрального Института Труда А.К. Гастева.

В случае, если бы чтение мною курса было признано желательным, я мог бы приехать в Ташкент на время соответствующего семестра или же даже совершенно переселиться в этот город.

Прилагаю краткую библиографию и список научных трудов.

Научный Работник

В. Муравьев.

8-го августа 1929.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
ПЛАНЫ, НАБРОСКИ**

«СОВЕТНИК СМЕРТИ»
(Пьеса в 5 действиях и 9 картинах)

Действующие лица

Елена Герасимовна Монкевич.
Владимир Платонович Рудный, профессор¹.
Ирина Михайловна, его жена.
Михаил Миронов, молодой художник.
Павел Петрович Маетнов, профессор философии.
Владимир Иванович Нефорошин, врач, невролог.
Василий Евтихьевич Нептырь.
Оттон Андреевич Лаубе, профессор, юрист.
Николай Игнатьевич Постышов, писатель, публицист.
Евгений Николаевич Вобриневский, искусствовед.
Анемподеста Марковна Куренкова, мистическая дама.
Софья Васильевна Мельникова } дамы-посетительницы
Анна Каллистратовна Варнах } философских собраний.
Никандр Степанович Прядлов, профессор физики.
Наталья Никандровна } его дочери.
Ксения Никандровна }
Василий Федорович Арпегин, биолог.
Нина Николаевна Гурьева, аспирантка-химичка.
Неренбах, приват-доцент.
Березняков, аспирант-математик.
Роза Самуиловна Вейсберг } модные дамы.
Софья Мироновна Винницкая }
Лидия Петровна Обводина.
Анна Николаевна Пелевина.
Кварцов, инженер.
Петя, его сын.
Лев Иосифович Маркусон, нэпман.
Пастух Ванька.
Николай Дмитриевич Ардаткин, чемпион бега Украины.
Федя Разнов, студент-техник.
Инженер.
Бывший человек.
Мавруша, домашняя работница Рудных.
Работница на трамвае.
Сидорыч, рабочий.
Иван Никанорович.
Студенты, рабочие, гуляющие, дамы, девицы, молодые люди, сторожа,
мальчики и проч.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Большая комната в квартире профессора Владимира Платоновича Рудного. Комната служит спальней, столовой и приемной. На стенах старинные французские и английские гравюры. Мебель подобрана с большим вкусом. Жена Рудного Ирина Михайловна ставит на стол, накрытый белой скатертью, бутерброды, закуски, печенье, фрукты. Домашняя работница Мавруша принесла из кухни, находящейся слева, тарелки и расставляет их на столе.

Ирина Михайловна (*останавливаясь в своей работе и оглядывая стол*). Вот так, теперь хорошо.

Мавруша. А много ли их будет, гостей-то?

Ирина Михайловна (*поправляя цветы на столе*). Больше, чем обычно по субботам. Владимир Платонович будет читать доклад.

Мавруша (*перебирая ножи и вилки*). Небось двух самоваров хватит?

Ирина Михайловна. Пожалуй, хватит. Да, вот что, Мавруша, сбегай-ка в лавку, купи три лимона. Я совсем про них забыла. Вот тебе деньги.

Вынимает деньги из сумки, лежащей на маленьком столе, и дает Мавруше. Мавруша уходит вправо. Ирина Михайловна осматривает стол, переходит на другую сторону, смотрит оттуда. Затем она подходит к закрытой двери, выходящей в столовую из глубины сцены, и стучит в дверь.

Ирина Михайловна. Владимир, можно к тебе?

Голос Рудного (*из-за двери*). Можно.

Ирина Михайловна отворяет дверь. В глубине видна вторая комната — кабинет с полками, уставленными книгами вдоль стен.

Ирина Михайловна (*у двери*). Прости, что мешаю тебе заниматься, но надо взять стулья для столовой.

Она входит в кабинет и возвращается оттуда с двумя стульями. За ней идет Рудный. Он среднего роста, крепкого сложения, с длинными волосами и острой бородкой, в которой уже видны седые волосы. Рудный несет кресло.

Рудный. Я помогу тебе.

Ирина Михайловна. Не беспокойся, я все сделаю сама.

Рудный (*расправляя руки в обе стороны*). Все равно, я кончил.

Ирина Михайловна (*смотрит на него с беспокойством*). Ты что-то неважно выглядишь. Здоров ли ты? Может быть, тебе лучше не читать доклада?

Рудный. Что за вздор! Ты всегда преувеличиваешь. Я в самом деле немного устал. Но я не допускаю мысли об отмене доклада. Мои друзья были бы разочарованы.

Ирина Михайловна (*с упрёком*). Ты даже не сказал мне, о чем ты будешь говорить. Последнее время ты стал невозможно скрытным. Ты

занимался дни и ночи, а я узнаю, наравне с чужими людьми, о результатах твоей работы.

Рудный (*смеется и шутливо грозит ей пальцем*). Ириночка, пожалуйста, не ревнуй меня к моим интеллектуальным друзьям. Ты не можешь жаловаться на недостаток внимания с моей стороны. Ты мне не жена только, но и друг.

Ирина Михайловна. Я это знаю и очень тебе благодарна. Но мне иногда хочется большего. Мне грустно делается, когда я не знаю всех твоих мыслей.

Рудный (*хмурится и качает головой*). Мои мысли не всегда бывают приятны. Быть может, я шажу тебя, воздерживаясь от большей откровенности. Сегодня, во всяком случае, ты кое-что узнаешь.

Ирина Михайловна (*с грустью*). С тобой нельзя спорить. Делай, как хочешь. (*Показывает стол.*) У меня все готово.

Рудный (*осматривает стол, потом смотрит на нее*). Ты плохо причесана.

Ирина Михайловна. Да, я должна еще зайти к парикмахеру.

Рудный (*удивленно*). К парикмахеру? Перед философским докладом?

Ирина Михайловна. Ну, да, ведь ты сам всегда требуешь, чтобы я хорошо выглядела.

Рудный (*улыбаясь*). Не мешает, не мешает.

Ирина Михайловна. Я сейчас сбегаю и поспею как раз к приходу гостей.

Рудный. Ну, иди, а я еще раз просмотрю свои записки.

Ирина Михайловна уходит вправо. Рудный медленно направляется в кабинет. Вид его сразу изменился, выражение стало задумчивым. Не доходя до кабинета, он поворачивает обратно и стоит в раздумии. Затем начинает ходить взад и вперед по комнате. В это время раздается звонок в передней, находящейся справа. Рудный проходит через сцену и выходит в переднюю. Слышно, как он отворяет дверь.

Голос Елены Монкевич. Можно к Вам, Владимир Платонович?

Голос Рудного. Пожалуйста, войдите.

Рудный и Елена входят.

Елена. Я пришла очень рано. Но мне нужно поговорить с Вами. Можно?

Рудный. Я к Вашим услугам. Садитесь, пожалуйста. Ирина у парикмахера.

Оба садятся. Слышен шум отворяемой двери в передней. Входит Мавруша.

Мавруша. Насилу достала лимоны. (*Увидев Елену, кланяется.*) Здравствуйте, Елена Герасимовна.

Елена. Здравствуйте, Мавруша.

Мавруша уходит налево, в кухню.

Елена. Может быть, отложить этот разговор до другого раза, а то Ваши мысли заняты и не следует их перебивать?

Рудный. Нисколько. У меня ум дисциплинированный и переключается по желанию. Но Ваше предисловие обещает какое-то серьезное общение.

Елена (*качая головой*). У меня нет никакого сообщения. Я хочу просто высказать Вам некоторые недоумения и поставить вопросы. Боюсь только, что это Вам будет неприятно.

Рудный (*загадочно улыбаясь*). Мне трудно причинить неприятность, особенно в настоящем моем настроении. Говорите смело.

Елена. Владимир Платонович, за последнее время Ваши слушатели стали замечать, что Вы изменились.

Рудный. Изменился, в моих лекциях?

Елена. И в лекциях, и вообще. Вы так много нам давали, Вы довели нас до какого-то чудесного предела, Вы пробудили в нас жажду красоты и художественного совершенства и вдруг, в тот самый момент, когда мы ожидали дальнейшего раскрытия, Вы оставляете нас, уходите от нас, повергаете нас в полное недоумение.

Рудный (*смотрит на нее пристально*). То есть как так уйду от Вас?

Елена. Мы не узнаем Вас, мы потеряли Вас. Поймите, мы жили тем, что от Вас получали, мы питались исходившими от Вас энергией и огнем. Вы нам раскрыли античный мир так гениально, что нам казалось: мы видели Грецию и Рим. Мы прониклись духом этих великих прошлых культур. Камни для нас заговорили, века пришли в движение. Все это от Вашего слова. Так было, пока Вы были с нами, пока мы слышали Ваше вдохновенное слово. Но теперь мы вдруг почувствовали, что Вы изменились, что в Вас как будто что-то надломилось или треснуло. Ваши лекции сейчас носят совсем другой характер, в них ощущается равнодушные и какая-то странная безжизненность. Простите, что я так говорю.

Рудный. Пожалуйста, продолжайте. Я Вас внимательно слушаю.

Елена. Необычно, конечно, чтобы ученица все это высказывала своему профессору. Но ведь Вы для меня не только профессор, Вы для меня все, Вы это знаете. Поэтому я так настойчиво и горячо обращаюсь к Вам: Владимир Платонович, что с Вами? Вы устали? Вам нездоровится? Я беспокоюсь за Вас.

Рудный. Почему, Елена, Вы раньше мне об этом не говорили?

Елена. Я боялась, да и это было еще не так ясно. Но Ваша вчерашняя лекция прямо потрясла меня. От нее веяло каким-то странным холодом. И не я одна ощутила это. Все слышавшие ее были удивлены.

Рудный. Ну, что же, быть может, я илссак!

Елена. Нет, Владимир Платонович, меня Вы не введете в заблуждение. Моя интуиция любящей женщины подсказывает мне, что в Вас происходит глубокий перелом. Вам все стало как будто безразличным.

Рудный. Да, Елена, я прошел какую-то грань.

Елена. Владимир Платонович, мои догадки идут дальше. Тут уже не ученица говорит с Вами, а Ваша Елена, которой Вы иногда позволяли себя любить. Владимир Платонович, я ощущаю всем существом, что Ваши мысли нерадостны, что Вы несете в себе какую-то скрытую боль.

Рудный. Нет, Елена, это не так. Я на пороге внутреннего освобождения. Мои мысли должны дать мне вечный покой.

Елена. Почему же нет света в Ваших глазах?

Рудный. Он есть, Елена, но это особый свет — без горения.

Елена. Свет ли это? Вокруг Вас Все потускнело, все краски померкли, знаете ли, как бывает в летний день, когда облако набегаёт на солнце.

Рудный. Для меня зажглось другое солнце.

Елена. Но почему Вы грустны? Почему Вы, недавний проповедник жизнерадостной Эллады, ясного Рима, забыли их заветы?

Рудный. Я не забыл их. Напротив. В античной мысли сочетались противоположности. Вспомните чувственность Тибулла и Катутлла, смешанную с элегической грустью и ожиданием смерти. Смерть и любовь — две основные темы древней литературы. Высшая культура в своей утонченности раскрывает безнадежность жизни, и единственное утешение — это фалернское вино и ласки Делии. Забудем все в любви, Елена!

Он хочет обнять ее — она не дается.

Елена. Это не любовь!

Рудный. Почему?

Елена. В ней одна плоть. Душа отсутствует.

Рудный. Так и надо. Для тела радость, для души грусть. Вы боитесь плоти. Учитесь у древних. Они не знали моральных сдержек, привнесенных в культуру христианством. Это христиане боятся тела, видят в нем мерзость и грех. Подвижники годами не мылись и воспитывали на себе паразитов. А греки лелеяли сказания о прекрасных нимфах. Украшенный гроздьями Вакх, нагая Венера — вот единственные истинные божества. Любовь — вот высший смысл, пока нет еще большей истины — смерти.

Елена. Вы меня не любите.

Рудный (*строго*). Не начинайте снова этот разговор, Елена.

Елена. Простите, не сердитесь на меня, Владимир Платонович. Я за последнее время изнервничалась. Я почему-то боюсь за Вас.

Рудный (*смотрит на нее пристально*). Да? Боитесь? За меня нечего бояться. Я сильнее других.

Елена. Вот именно, этого я больше всего и боюсь.

Рудный (*с улыбкой*). Вы очень умная женщина, Елена, у Вас гениальное прозрение.

Слышен звонок. Мавруша проходит, направляясь в переднюю. Входит Ирина Михайловна. Голова ее причесана и завита.

Ирина Михайловна. Я вовремя? Еще никого нет? *(При виде Елены выражение ее меняется, становится холодным и враждебным.)*

Рудный. Елена Герасимовна уже здесь.

Елена. Здравствуйте, Ирина Михайловна.

Ирина Михайловна *(не глядя на нее)*. Здравствуйте. *(Поворачивается к Мавруше.)* Мавруша, вот я купила еще ветчины, про запас.

Мавруша берет ветчину и уходит в кухню.

Рудный. Ну, я пойду, проверю еще раз мои заметки.

Уходит в кабинет.

Ирина Михайловна хлопочет у стола, делая вид, что не замечает Елену. Елена чувствует себя неловко.

Елена. Помочь Вам, Ирина Михайловна?

Ирина Михайловна *(резко)*. Нет, спасибо, я пока еще хозяйка в моем доме.

Елена густо краснеет. Неловкое молчание. Звонок в передней. Мавруша проходит из кухни в переднюю. Шум открываемой двери, шаги, голоса в передней. Входят профессор Павел Петрович Маетнов с женой Марией Васильевной. Здравуются с Ириной Михайловной и Еленой.

Маетнов. Мы, кажется, слишком рано.

Ирина Михайловна. Нет, нет, нисколько. Наоборот, другие опаздывают. Чем раньше соберемся, тем лучше.

Мария Васильевна. С этими трамваями нельзя никак рассчитать: то тянутся, как на похоронах, то летят, как сумасшедшие.

Ирина Михайловна. Да ведь Вы далеко живете.

Маетнов. Наше величайшее желание переселиться к Вам в Арбатскую Республику. Но пока это мечты. Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем найти квартиру.

Ирина Михайловна *(кричит в дверь кабинета)*. Владимир Платонович! Павел Петрович и Мария Васильевна здесь.

Рудный *(выходит и здоровается)*. Очень рад, очень рад.

Звонок. Входит Николай Игнатьевич Постышов. Новый звонок. Входит Анемподеста Марковна Куренкова.

Рудный. А вот и Николай Игнатьевич. И Вы, Анемподеста Марковна. *(Здороваются.)*

Маетнов *(Рудному)*. Признаюсь, усиленно любопытствую узнать, чем Вы сегодня угостите нас. Какое уточненное философское блюдо поднесете нам, уважаемый Сенека с Собачьей Площадки?²

Рудный (*улыбаясь*). Тема неожиданная: о жизни и смерти.
Маетнов. Ого! Это напоминает религиозно-философское общество³. Интересно, как Вы подойдете.

Постышов. Приветствую эту тему. Пора поставить вопрос о преодолении смерти⁴.

Рудный (*загадочно*). Не знаю, понравятся ли Вам мои мысли.

Ирина Михайловна (*всем присутствующим*). Садитесь, пожалуйста.

Все садятся в кружок около дивана. Звонок. Входит проф. Владимир Иванович Нефорошин с женой Ксенией Петровной. Здравуются.

Нефорошин. Здравствуйте, Владимир Платонович, здравствуйте, Ирина Михайловна, насилу к Вам вырвался. Одолели заседания да консультации.

Маетнов. Это плохой признак, такое увеличение работы невролога. Скоро будет больше сумасшедших, чем здоровых.

Новый звонок. Входит Вобриневский. Здравуются. Все садятся и разговаривают.

Куренкова (*ведет Елену Монкевич на авансцену*). Я очень рада Вас найти здесь. Я Вас давно искала, чтобы переговорить с Вами.

Елена. С удовольствием, Анемподеста Марковна.

Куренкова. Я хочу заказать Вам серию рисунков.

Елена. Для печатного издания?

Куренкова. Боже упаси, исключительно для внутреннего употребления и в большом секрете. Рисунки должны носить мистический характер и быть доступны только посвященным. Они должны изобразить жизнь нашего великого пророка Пришнакурти⁵. Надо нарисовать все события его жизни, знаете ли, в таком индусском стиле. Рождение пророка, пророк в ванночке...

Елена. Почему же в ванночке?

Куренкова. Ах, непременно, непременно в ванночке и с цветком лотоса в руке. И вещает истину. Я все это обдумала. Понимаете ли, тут обыденное, человеческое — ванночка. И вдруг вещает о последних вопросах. Потом поклонение нашего Верховного Совета, знаете ли Вы, вроде трех Волхвов у яслей. Потом Пришнакурти юноша — сорок дней в пустыне.

Елена. Мне казалось, что он живет очень удобно в голландской усадьбе и даже играет в теннис.

Куренкова (*в увлечении не слышит*). Потом Пришнакурти взрослый, с проникновенным взором, ах, непременно с проникновенным взором, благословляет человечество. Должно быть всего 12 циклов, по числу знаков Зодиака.

Вобриневский (*некоторое время прислушивается к их разговору*

издали, теперь подходит). Что Вы тут интересного рассказываете, Анемподеста Марковна?

Елена. Про индусского пророка Пришнакурти.

Вобриневский. Что, пророк? Это из кинематографа? Индийская гробница? Новый фильм с Дугласом Фербенксом?

Куренкова (*обиженно*). Это про будущего спасителя человечества, которого воспитывает наше общество для священной миссии.

Вобриневский. Странное дело. Воспитывать спасителя. Точно особую породу огурцов выращивают.

Куренкова (*в гневе*). Такой тон неприличен, когда идет речь о священных предметах.

Звонок. Проходят Софья Васильевна Мельникова и Анна Калистратовна Варнах — обычные посетительницы философских⁶ кружков. За ними Василий Евтихьевич Нептырь.

София Васильевна. Ах, как хорошо, Анна Калистратовна, Маетнов здесь и Постышов. Значит будут споры⁷.

Входит профессор Оттон Андреевич Лаубе.

Нефорошин (*продолжая разговор с Маетновым*). Представьте себе, вчера ко мне зашел знакомый, приехавший прямо из Парижа. Профессор Забитный, знаете?

Анна Калистратовна. Как интересно — прямо из Парижа!

Маетнов. Что же он рассказывает?

Нефорошин. О, много любопытного. Поразительные успехи науки. Как будто нашли способ разложить человеческое тело на атомы.

Нептырь (*вмешиваясь в разговор*). Вот удобно будет! Если ехать в Америку, напр<имер>, не надо ни парохода, ни аэроплана. Зашел в лабораторию, там разложили тебя на атомы и электроны, передали по радио в Нью-Йорк, а там опять собрали. Опасность только, что плохо соберут, недоберут ногу или поставят чужую голову...

Маетнов. Ну Вы, Василий Евтихьевич, всегда придумаете.

Постышов. Тут пахнет не шутками. Я уверен, что полное уничтожение смерти не за горами.

Рудный (*вполголоса*). Уничтожение смерти? Не проще ли уничтожение жизни?⁸

Елена (*смотрит на него с беспокойством*). Владимир Платонович, что Вы сказали?

Рудный. А, Вы слышали.

Они отходят, разговаривая, влево.

Вобриневский (*выходит на авансцену с Куренковой*). Итак, Вы утверждаете, что Пришнакурти имеет миссию?

Куренкова (*с важностью*). Он должен спасти человечество и установить космическую гармонию.

С.И. Мельникова. Ах, как это замечательно сказано! Неужели это сказал сам Приشناкурти? Разрешите, я запишу (*вынимает записную книжку и записывает на кончике стола*).

Рудный (*подходит*). Спасает человечество. А может быть, человечество вовсе не желает, чтобы его спасали. Может быть, вся история — пир во время чумы?

Ирина Михайловна (*ловит Рудного*). Не пора ли начинать? Уже поздно.

Рудный (*оглядывая собравшихся*). Можно. Как будто все. (*Обращаясь к присутствующим.*) Пожалуйста к столу. Ирина, приглашай.

Рудный и Ирина Михайловна усаживают гостей вокруг стола. Все садятся. Рудный занимает место около лампы. Ирина Михайловна разливает чай.

Ирина Михайловна (*Рудному*). Подожди минутку, пока все получат чай. Мавруша, разноси. (*Мавруша разносит чашки.*) Возьмите бутерброды. (*Гости начинают пить чай и берут бутерброды и печенье.*)

Маетнов. Надо избрать председателя.

Голоса. Просим, просим Павла Петровича.

Маетнов. Хорошо, согласен. (*Обращаясь к Ирине Михайловне.*)

Можно приступить?

Ирина Михайловна (*осматривает стол*). Все получили чай? (*Маетнову.*) Пожалуйста, у меня все готово.

Маетнов. Слово принадлежит Владимиру Платоновичу.

Рудный. Я хочу ознакомить Вас с некоторыми мыслями, к которым я пришел за последнее время. Мысли эти имеют для меня громадное значение, большее, чем все, что я когда-либо говорил или писал. Думаю, что они имеют такое же значение и для других людей. Они могли бы лечь в основу пересмотра всего нашего отношения к жизни и смерти.

Ибо тема моя — жизнь и смерть.

Это, во всяком случае, тема, затрагивающая всех и заставляющая бледнеть все другие проблемы. Но она требует смелости, способности отрешиться от всех предрассудков и привычек. Надо заглянуть бесстрашно в бездну, приблизиться к ней и, может быть, ввергнуться в нее.

Софья Ивановна Мельникова. Какое интересное начало!

Маетнов. Прекрасно, прекрасно!

Все слушают с жадным вниманием, предвкушая дальнейшее. На всех лицах ожидание.

Рудный. Мы ничего не знаем о смерти. Мы знаем о ней не больше, чем троглодиты каменного века. Но знаем, что она — неминуемый конец, большая черная яма, куда летит все. Вдумайтесь в то, что это значит для каждого из нас. Это значит, что жизнь в последнем своем итоге не

дает достижений, не венчается прогрессом и совершенствованием, а кончается ужасом агонии, мучениями и мраком, страшной бездной, в которую мы должны провалиться. Это значит, что в конце концов жизни нет, а есть одна смерть. Пусть мыслители во главе с Эпикуром твердят, что смерть не касается нас, ибо, пока мы живем, мы ее не чувствуем, а когда умерли, тоже не чувствуем. Это сказано для красного словца. Смерть есть важнейшее и даже единственное важное для человека. Смерть есть цель жизни, смерть накладывает на жизнь свою печать. Жизнь — только тень смерти. Из этого следует, что жизнь со всеми ее заботами, волнениями, горестями и удовольствиями лишена всякого значения, смысла и ценности.

Во все время этой речи лица слушателей выражали смешанные чувства — удивление и недоумение. Последние слова Рудного вызывают движение.

Вобриневский (*прерывая*). Скажите, что в таком случае имеет значение?

Рудный (*не обращая внимания на слушателей*). Но тогда чего стоят наши усилия, страдания, надежды, желания, поступки? Мы все приговорены к смертной казни с разными сроками, нам неизвестными. Но не все ли равно, в общем, имеем ли мы для жизни срок в 40, 30, 5 лет или несколько месяцев. Смерть поставит предел всем нашим начинаниям, уничтожит все наши достижения. К чему учиться, знать, понимать, совершенствоваться? К чему любить? К чему работать? Для других людей, для будущих поколений, для страны, для человечества? Но какое мне до них дело — раз я умру и они умрут? Не абсурд ли претерпевать лишения, изнурять организм в тяжелом труде, делать усилия, переживать волнения? Для чего все это делается? Для одной смерти. Она все поглотит, все сотрет без остатка.

Маетнов. Владимир Платонович, я не узнаю Вас. С каких пор Вы стали таким безнадежным пессимистом?

Рудный. Это не пессимизм. Это трезвый взгляд на вещи. Довольно обманывать других и самообманываться. Надо наконец сказать всю правду.

Мария Васильевна Маетнова. Да, но как жить тогда?

Рудный. Я к тому и веду. Раз мы убедились в том, что жизнь не имеет смысла, что нам остается делать? Грубо наслаждаться? Забыть все в дурмане удовольствий? Отдаться вину, любви и наркотикам? Сжигать свечу с обоих концов? Вспомним ужасный рассказ Достоевского «Бобок», где мертвецы в могилах имеют одну только мысль — сожаление, что они недостаточно насладились жизнью. Да, можно избрать наслаждение.

Проф. Лаубе. Это противоречит моральному императиву.

Рудный. Не в этом дело. Наслаждение имеет в себе свой предел, свое внутреннее возмездие. Оно несет в себе, после наиболее острых моментов — пресыщение, отвращение, реакцию после страсти, духов-

ный катцениаммер⁹. К тому же наслаждение не заглушает мысли о смерти. Она врывается чуждым аккордом в зал, где пируют, она поджидает веселых гостей у выхода, зажигает письма Валтасара на стене. Тогда что же остается — безразличие стойков, равнодушное отношение ко всему.

Постышов (*прерывая*). Это позорный и жалкий взгляд. Философия скота, ведомого на убой.

Рудный. Я тоже нахожу, что это пассивный взгляд. Надо активно отнестись к смерти. Этой проповеди безразличия я противопоставляю учение Гегезия¹⁰.

Голо са. Кого? Кого?

Рудный. В древней Александрии был мыслитель по имени Гегезий. Он учил, что смерть не только неизбежна, но желанна. Она приносит освобождение. Он так усердно восхвалял смерть, что получил название Советника Смерти. Царь Птоломей запретил его лекции, так как многие из его слушателей кончали после них самоубийством. К тому же велено чтение его книги под заглавием: «Не выносящий жизни»¹¹.

Постышов. А Вы к чему ведете?

Рудный. Я согласен с Гегезием. Я тоже считаю, что смерть желанна, что надо поставить ее в центре наших устремлений. Я утверждаю, что разумный человек должен построить свою жизнь не для каких-нибудь жизненных целей, но для единой цели — смерти. И верх разума, конечно, самому себе нанести смертельный удар.

Движение среди присутствующих. Жесты и возгласы протеста. Постышов вскакивает с места.

Постышов. Это неслыханно! Это апология самоубийства!

Нефорошин. Что Вы говорите, Владимир Платонович?

Софья Ивановна Мельникова. Это ужасно!

Рудный. Я замечаю на лицах Ваших недоумение и слышу протестующие голоса. Но вопрос так серьезен, что я не могу, несмотря на все мое желание, смягчить резкость моих выводов или приятнее их выразить.

Вобриневский. Дело не в выражении, а в чудовищности самой мысли.

Рудный (*обращаясь к Вобриневскому*). Мысль эта грандиозна в своей истинности и беспощадности. Она дает новую установку человеческой жизни, новое содержание и смысл. Человек не может и не должен пребывать более в унижительном и фальшивом положении — незнания о смерти. Не только животные и дикари, но вся масса человечества спасается тем, что не думает о смерти, упорно устраняет из своего сознания мысль о ней. Но раз мы хотим быть разумными существами, мы не должны это больше делать. Мы должны осознать факт смерти, ее неотвратимость, неизбежность. А когда так, ум наш велит организовать ее наступление, избрать самим место ее и время. (*Протесты слушателей.*)

Она не должна застать нас врасплох, как тать в ночи, но должна прийти к нам в результате нашего свободного и продуманного решения.

Протесты, возрастающий шум, крики. Рудный продолжает говорить, но за шумом его не слышно.

Маетнов. Прошу не мешать говорить оратору. Вы выскажетесь потом.

Постышов. Нельзя слушать! Это возмутительная речь!

Маетнов (*машет на него руками*). Молчите, Николай Игнатьевич, Вы выскажетесь потом.

Шум смолкает. Все смотрят на Рудного, ожидая, что он скажет.

Рудный. Я не боюсь выговорить это во всеулышание, несмотря на все протесты, — высшее искусство, единственное реальное и вполне осмысленное действие — это искусство самоубийства, умение дать себе смерть... (*Снова крики и шум. Крики: Это невозможно! Довольно!*) ... так, чтобы она гармонировала с велениями разума, чтобы жизнь наша была увенчана ею, как естественным и красивым концом. Искусство заключается не в том, чтобы умереть, когда судьба от нас отворачивается, как то сделали Сенека и Петроний, в старости и болезни, как описывает Плиний, а в том, чтобы нанести себе удар в полном хладнокровии, тогда, когда мы обладаем всей нашей волей. Вспомним индийского жреца Калана, сжегшего себя в торжественной обстановке при всей армии Александра Македонского, вспомним Лафарга¹² и других идейных самоубийц Нового времени¹³. Человек не властен над своим рождением, он только отчасти властен над своей жизнью, но он вполне властен над своей смертью. И он должен использовать свою эту власть. Как говорит древнее изречение: «Самое лучшее, что может случиться с человеком, это — не родиться, самое лучшее для того, кто родился — поскорее умереть»¹⁴.

Рудный, окончив речь, оглядывает собрание. Все молчат. Лица выражают негодование. Мало-помалу слушатели приходят в себя и начинают выражать свое возмущение.

Постышов (*снова вскочил с места, размахивая руками, кричит*). Это возмутительно! Вы не имеете права так говорить! Это недостойно русского мыслителя!¹⁵

Вобриневский. Это издевательство над нами!

Ксения Петровна Нефорощина. Я в жизни не слыхала ничего подобного.

Нефорошин. Что с Вами, Владимир Платонович? Вы никогда так не говорили.

Анна Калистратовна (*обращаясь к Софье Ивановне*). Ах, как интересно! Я обожаю философские скандалы.

Куренкова мечется от одного конца стола к другому, испуская нечленораздельные звуки. Все встали и образовали кучки вокруг Рудного. Он стоит спокойно, с улыбкой прислушиваясь к протестам. Ирина Михайловна что-то пытается сказать ему. Елена пристально всматривается в лицо Рудного.

Маетнов. Спокойствие, господа, прежде всего спокойствие (*поднимает руку*). Я хочу сказать несколько слов. Прошу внимания (*шум стихает*). То возбуждение, которое охватило собрание, мне кажется вполне законным. Владимир Платонович так остро и необычно поставил вопрос о смерти, что естественно рождается некоторое недоумение. Сказанные здесь слова о самоубийстве несколько... ну, как выразиться помягче, ну, скажем, неосторожны. Я думаю, однако, что я правильно передам настроение Владимира Платоновича, если скажу, что он вовсе не хотел сделать здесь апологию самоубийства.

Постышов (*прерывая*). Он именно делал.

Маетнов (*машет на Постышова руками*). Позвольте, позвольте. Я думаю, что речь эту надо понимать как некоторую литературную трактовку античной темы о смерти и рассматривать ее в контексте со всем соответствующим направлением мысли Греции и Рима. Ну, в духе, например, Тускулан Цицерона¹⁶. Не так ли, Владимир Платонович?

Рудный. Как Вам угодно. Я сказал, что сказал, и ничего не беру обратно.

Постышов (*вызывающе смотрит на Рудного*). Но Вы именно сделали апологию самоубийства. Вы его проповедуете. Вы восхваляете смерть.

Лаубе. Николай Игнатьевич прав. Это было глубоко антиморальное выступление. Это вредная речь.

Рудный молчит и пожимает плечами.

Нептырь (*он небольшого роста, с всклокоченными волосами, держится очень прямо*). Позвольте мне сказать несколько слов в защиту Владимира Платоновича.

Вобриневский. Не надо, пусть он сам скажет.

Нептырь. Нет, уж позвольте, я выскажусь. Я думаю, что многое из сказанного вполне правильно. Только следовало бы дополнить речь маленьким предложением.

Голоса. Что еще?

Нептырь (*торжественно*). Вношу предложение, чтобы наши университеты, вместо обучения юношества разным никчемным наукам — учили бы искусству уходить из этого мира с максимальным и разумнейшим эффектом. Наука о смерти, танатология, должна быть главной теоретической дисциплиной. Курс практического самоубийства должен быть единственным прикладным предметом в университете, который следует переименовать в Академию Смерти. А затем, вместо организации и рационализации труда, надо преподавать организацию и рациона-

лизацию самоубийств. Их прекрасно можно обставить, в единичном порядке для индивидуалистов, в массовом — для коллективистов.

Нефорошин. Что за чушь?

Нептырь. Нет, позвольте, позвольте. Это не чушь. Это плодотворнейшая мысль. В громадных залах, отделанных с возможной красотой, при звуках оркестра и органа, в атмосфере курений и ароматов, вкушая разные изысканные блюда, вдыхая наркотики, переносящие в мир чудесных видений, отдавая даже утехам любви, — тысячи людей могли бы одновременно предать себя смерти. И я уверен, что если только начать, не было бы пределов тяги к этому, на улицах образовывались бы очереди чающих смерти, пока наконец все человечество не истребило бы себя. Тогда насекомые наследуют землю, построят на ней огромные муравейники.

Постышов (*в негодовании, Нептырю*). Тут вопрос серьезный и трагический, а вы превращаете его в какой-то балаган.

Нептырь. Нет, отчего же, я серьезно. Я только слегка дополнил.

Все смотрят на Нептыря с изумлением. Затем Маетнов начинает смеяться.

Маетнов. А ведь, в самом деле, Василий Евтихьевич ловко повернул дело. В юмористическую сторону. (*С многозначительным видом.*) Может быть, это не так далеко от самого автора. И Владимир Платонович нам поднес, если так взглянуть, как бы ироническое произведение, сатиру в духе Ювенала.

Постышов. Позвольте, ведь это же серьезный вопрос. Какая же может быть ирония?

Маетнов (*качая головой*). Ах, какой вы неисправимый человек, Николай Игнатьевич. Вы не понимаете юмора. Это тонкий философский сарказм.

Куренкова. Неужели, а я так тоже приняла всерьез.

Софья Ивановна. И я тоже.

Вобриневский. Это интересная постановка. В самом деле, здесь открывается совершенно новая точка зрения. И может быть, Владимир Платонович просто нас ловко мистифицировал.

Ирина Михайловна (*обрадовавшись*). Неужели?

Куренкова. Ай да Владимир Платонович! Кто бы мог подумать!

Маетнов (*увлекаясь своей мыслью*). Это непременно, непременно должно быть так. Именно так. Здесь очень сложная и красивая философская игра. Владимир Платонович поднес нам такую тонкую иронию, чтобы мы сперва попались и начали даже возмущаться и негодовать. Теперь же, благодаря остроумию Василия Евтихьевича, подчеркнувшего в художественной форме именно это значение доклада, все разъясняется к общему удовольствию.

Все облегченно вздыхают. На лицах появляются радостные улыбки. Один Постышов угрюмо качает головой. Куренкова бросается его убеждать.

Куренкова. Вы поймите, Николай Игнатьевич, здесь как бы доказательство от противного. И Владимир Платонович на самом деле такой же сторонник жизни, как и мы все.

Во все время предшествующих разговоров Рудный стоял и слушал, перебегая глазами от одного к другому из говоривших. Постепенно выражение его лица меняется. Из равнодушного оно становится удивленным, затем на нем можно прочесть брезгливость и гнев. Слова Куренковой как будто окончательно взрывают его спокойствие.

Рудный. Нет, это совершенно не так! Неужели я неясно выражался? Я, наоборот, постарался поставить все точки над и. Все, что я говорил, я сказал совершенно серьезно, без всякой иронии.

При этих словах лица вытягиваются. Все смотрят с укором на Рудного.

Магнов. Ну вот, Владимир Платонович. Только что создалось хорошее впечатление, а вы нас опять ввергаете в сомнение.

Рудный (*с досадой*). Я совершенно не гонюсь за хорошим впечатлением. Мне очень грустно, конечно, причинять неприятности моим друзьям. Но не могу же я вследствие этого скрывать свои убеждения... Впрочем... (*лицо его светлеет*) — это все неважно, вообще, что мы думаем и делаем... поймите же — жизнь неинтересна сама по себе.

Постышов (*в негодовании*). А интересна смерть?

Рудный (*с очень серьезным лицом*). Да, смерть интересна. Смерть есть небывалая авантюра. Величайшее приключение нашего существования, колоссальный прыжок в неизвестность, фантастическое происшествие. А само умирание, которого многие боятся, страшно только потому, что мы не умеем умирать, потому что мы предоставляем все дело слепому случаю, ждем болезни, которая ослабляет нас, измучивает, приводит в состояние, близкое к идиотизму. Но совершенно иная картина получится, если мы умрем сознательно, в избранный нами момент, в подходящем месте и обстановке. Тут возможны различные вариации, художественное творчество, эстетическая отделка своих последних минут. Василий Евтихьевич говорил в шутку, но он много сказал правды. Да, можно чудесным образом организовать свою смерть. И может быть, весь смысл жизни в том, чтобы научиться искусству этой организации. Надо уметь умереть грустно или радостно, как захочется, так же как по желанию разыгрываешь какую-нибудь патетическую симфонию. Можно, например, кончить свои дни в серый осенний вечер, в нашем северном лесу, где-нибудь на опушке, под ивовым кустом. Знаете ли, когда дождь моросит с утра и все кругом безнадежно и мокро, ужасно мокро, когда кажется, что никогда не было и не будет, не может быть солнца. Зелень вся намочла, птицы спрятались. И вот в такой день лечь под куст, в лужу и там умереть, когда темнеет, вдали от всех глаз, как умирают звери.

Рудный останавливается и молчит несколько секунд. Все обступили его и смотрят на него с ужасом.

Рудный (*продолжая*). Или же, наоборот, горная местность на юге, яркое солнце, беспредельный горизонт, синее море. Вдали виднеются зеленые холмы с виноградниками, а за ними цепи зажженных огнем снеговых вершин. Везде кругом кусты в цвету, воздух насыщен ароматами азалий и мимозы. Все так прекрасно, что остается одно — лечь и...

Елена (*прерывая Рудного*). Нет, наконец, это невозможно! Я не могу больше это слышать! Так нельзя говорить. Это преступно. Это безумно. Это эгоистично, это трусливо... Вы не смеете так говорить, Владимир Платонович... (*Обращаясь к присутствующим.*) Скажите ему, что он не смеет!

Все стоят кругом, не зная, что сказать и что делать. Ирина Михайловна разводит руками. Постышов ударяет кулаком по столу. Нептырь улыбается. Маетнов качает головой.

Рудный (*спокойно*). Почему не говорить, ведь это правда.

Елена (*бросаясь к нему*). Ах, молчите, Владимир Платонович, вы знаете сами, что это неправда, что это ложь, самая ужасная ложь, которую вы могли произнести. Это величайшее кощунство, мысленное убийство жизни. Это безумная гордыня и себялюбие. Почему вы лжете, Владимир Платонович, почему, когда мы протягиваем к вам руку за хлебом, вы кладете в нее камень?

Рудный (*пожимая плечами*). Я не Христос, чтобы кормить голодающих.

Елена (*в страшном волнении*). Нет, вы могли бы быть вождем, вы могли бы быть пророком! Только вы не хотите. Вы не даете вашей силы, вы скрываете ее. Вы носитель жизни, а проповедуете смерть. Это преступно, это подло, подло!.. (*она выкрикивает последние слова*).

Маетнов (*вмешиваясь, берет Елену за руку*). Успокойтесь, Елена Герасимовна, прошу вас, успокойтесь. Ничего ужасного не произошло. Это обмен философскими мыслями.

Елена (*страстно*). Нет, нет, это не философия... я знаю...

Рудный (*оглядывая собрание с улыбкой*). Я очень жалею, что вызвал такое волнение... Я, право, не хотел...

Постышов. Нет, вы именно били на такой эффект. Вы можете радоваться.

Маетнов. Николай Игнатьевич, право! К чему вносить в наш спор такие нотки? Владимир Платонович нас огорошил, можно сказать, своими мыслями, огорчил нас, несомненно огорчил. Мы с ним не согласны, мы протестуем. Но не надо обострять...

Вобриневский. Если Владимир Платонович имеет свое мнение, мы можем иметь свое. Я совершенно согласен с Еленой Герасимовной. Это преступно — произносить такие речи. Дайте вашу руку, Елена Герасимовна! (*Хочет пожать ее руку, Елена не дает руки.*)

Рудный (*Елене с улыбкой*). Ну что же, Елена Герасимовна, вас благодарят за то, что меня обругали.

Елена (*смотрит на него с смущением*). Да я... я ничего... я не хотела.

Постышов (*сурово, Рудному*). Вас еще не так следует обругать!

Маетнов (*примирительно*). И обругаем, непременно обругаем, только уж не сегодня, а в другой раз. Увидите, Владимир Платонович, если дружно за вас примемся — рожки да ножки останутся от ваших вредных софизмов. Все это построено на песке, да-с... А сейчас уж поздний час, надо двигаться.

Лаубе. И в самом деле, уже четверть первого.

Мария Васильевна Маетнова. Ой, ой, трамвай!

Маетнов. Ну, до свидания, Ирина Михайловна. До свидания, Владимир Платонович. Ай, ай, ай, разве можно отпускать такие парадоксы?

Рудный. Это не парадоксы. Это истина. Я не виноват, что вы все хотите быть страусами.

Маетнов. Почему же страусы? Я отлично понимаю, как философ, что можно защищать и такую позицию, но все-таки...

Мария Васильевна (*прерывая Маетнова*). Павел Петрович, нам надо ехать, а то пропустим трамвай. До свидания, Владимир Платонович. Вы очень, очень меня огорчили... До свидания, Ирина Михайловна, выручайте как следует вашего мужа за его нехорошие выступление! (*Уходят.*)

Остальные гости также прощаются. Ирина Михайловна провожает их в переднюю. Рудный стоит посредине комнаты с рассеянным видом.

Нефорошин (*прощаясь с Рудным*). Мне не понравился ваш доклад, Владимир Платонович. В нем есть что-то нездоровое.

Рудный (*смеясь*). Уж не хотите ли вы причислить меня к вашим пациентам?

Нефорошин. Я, конечно, не философ, но как врач я недоволен.

Рудный (*продолжая смеяться*). Вы боитесь конкуренции! Мой способ лечения радикальнее вашего и может сделать врачей ненужными. (*Прощаются. Нефорошин уходит, качая головой.*)

Елена (*подходит к Рудному, робко*). Владимир Платонович, простите меня.

Рудный. За что, Елена?

Елена. Я наговорила Вам Бог знает какие слова, я не знала, что говорю, я была так потрясена вашей речью.

Рудный. Я не обиделся. Наоборот, вы только показали хорошее чувство ко мне. Только вы меня не понимаете.

Елена. Я боюсь за вас.

Рудный. Ну, не будем больше об этом. На вас лица нет. Вы бледны как полотно. Вы, наверное, сильно устали. Идите домой и спите хорошо.

Прощаются. Елена уходит с грустным видом. Рудный стоит один в задумчивости. Из передней слышны голоса.

Голос Постышова. Это знамение времени. Это крах западной культуры.

Голос Куренковой. Все спасение в Приشناкурти.

Двери хлопают и затворяются. Ирина Михайловна, проводив гостей, возвращается в комнату. Мавруша убирает со стола.

Ирина Михайловна. Владимир, что ты наделал? Все были возмущены.

Рудный пожимает плечами.

Ирина Михайловна. Я в полном недоумении. Что ты хотел сказать? К чему все это?

Рудный. Как к чему? Я сказал то, в чем убежден.

Ирина Михайловна (*в ужасе*). Ты убежден в пользе самоубийства.

Рудный (*снова пожимает плечами*). Понимай, как хочешь.

Ирина Михайловна (*смотрит на него с беспокойством*). Володя, что с тобой?

Рудный (*спокойно*). Ничего.

Ирина Михайловна. Я не понимаю. Ты никогда таких вещей не говорил.

Рудный. Почему я должен повторяться? Я пришел к новым мыслям.

Ирина Михайловна. Но какие мысли! Все было справедливо возмущены.

Рудный. Право, мне безразлично.

Берет бутерброд и ест. Ирина Михайловна смотрит на него в недоумении. Подходит к нему и говорит ласково.

Ирина Михайловна. Володя, милый, скажи, почему ты это сделал?

Рудный. Знаешь что, я пойду спать. Покойной ночи, Ирина. (*Целует ее и уходит. По дороге оборачивается и говорит Мавруше.*) Мавруша, принесите мне кресло и стулья. (*Ирина Михайловна с беспокойством глядит ему вслед.*)

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Комната Елены Монкевич. Скромная обстановка. Вместо постели широкий диван. Туалетный стол. Полки с книгами. На стенах портреты писателей и художников. Копия с Аннунсиации Фра Анджелико. На мольберте неоконченная картина. На столе папки с эскизами. Елена ходит взад и вперед по комнате в раздумьи. Потом подходит к стене и стучит в нее рукой. Из-за стены слышен ответный стук. Дверь открывается и входит Миша Миронов.

Елена. Миша, вы рисуете?

Миронов. Да, исправляю эскиз.

Елена. А я хотела вам дать поручение. Вы не можете сбежать в лавку и купить мне что-нибудь к завтраку?

Миронов. С удовольствием, Елена Герасимовна. Что купить?

Елена. Купите сыру голландского, колбасы, булку и два яблока. Только получше выберете. Четверть фунта сыра и полфунта колбасы. Вот деньги.

Миронов. Мигом будет сделано!

Елена. Мне очень совестно. Но я что-то ленива сегодня. А у вас молодые ноги.

Миронов. Что вы, что вы, Елена Герасимовна, я всегда в восторге, когда могу вам услужить. Мне же хорошо проветриться, а то я засиделся у станка.

Елена. Спасибо, Миша. *(Миронов уходит.)*

Елена садится за стол и начинает рисовать. Потом останавливается и задумывается. Сидит несколько секунд в раздумьи. За стеной с левой стороны кто-то играет на рояле и поет «Новую деревню»¹⁷. Елена отталкивает рисунок, встает, начинает ходить по комнате. Садится, начинает снова рисовать и снова встает. На лице ее выражение тревоги и тоски. Подходит к окну и кладет лоб на холодное стекло. Стоит так неподвижно. За стеной пьяный голос, коверкая слова, поет: «Прощай ты, новая деревня». Стук в дверь.

Елена. Войдите.

Миронов. Это я. Видите, как скоро сбежал. Вот все ваши припасы, сыр, колбаса и хлеб. А вот сдача.

Елена. Спасибо, милый Миша. Давайте будем завтракать.

Миронов. Да я, Елена Герасимовна, не голоден.

Елена. Неправда, Миша. Вы очень мало едите, а много работаете. Вы наверное еще не завтракали. К тому же мне будет скучно одной.

Миронов *(смущенно)*. Да я, право, не знаю.

Елена. Да что вы, Миша, точно не взрослый художник, а институтка. Что это вы вздумали со мной стесняться. Извольте разжигать примус.

Миронов послушно берет примус, зажигает и ставит на маленький стол в углу.

Елена разворачивает пакеты и накрывает на стол.

Елена (*вытирает стаканы*). Ну, расскажите, Миша, как ваша картина. Миронов. Сажу пока над эскизом. Трудно, знаете ли, Елена Герасимовна, все выразить. Столько у меня мыслей, так много хотелось бы сказать.

Елена. Не покажете ли что вы нарисовали?

Миронов. Я сейчас принесу (*бежит в свою комнату*).

Елена развешивает покупки и перебирает посуду. Миронов возвращается с большой картиной, которую он ставит на мольберт.

Елена. Покажите. (*Подходит, держа в руке чашку, и смотрит*.)
Расскажите ваш замысел.

Миронов. Хорошо, только я плохо передам.

Елена. Ничего, я пойму главное.

Миронов. Картина называется «Преображение мира». В ней я хочу выразить все, к чему пришел, помните, я вам недавно рассказывал?

Елена. О преобразовании жизни через искусство.

Миронов. Да, всех вещей, всех существ, всех людей. Искусство должно дать миру новый образ. Оно должно указать путь технике и производству. Это есть задача моей картины. Вот, смотрите (*показывает картину*.) Тут три картины на одном полотне, как бы триптих — люди собрались в большом зале, движения их бессмысленны, слепы, стихийны. Люди эти не имеют вовсе лиц — вместо них пустые круги. Мечутся они из стороны в сторону, как листья, что ветер носит. Вторая картина (*показывает*) тот же зал, те же люди, но у каждого особое лицо. А лица все обращены друг против друга в невыразимой злобе. В движениях людей страсть, соперничество, борьба. Как звери поедают друг друга. Угнетают и мучают. А в углу, видите, вот там (*показывает*) уже началась борьба против угнетения — там восстание рабов. Видите, их выражение уже другое.

Елена. Вижу, Миша, хорошо видно. Ну, а третья что означает?

Миронов. Третья картина — это самая трудная и самая ответственная. Опять тот же зал и те же люди, каждый с отдельным, своим лицом. Но сквозь эти отдельные лица видно вырисовывающееся новое, единое, общее лицо. Единая мысль в нем и сознание и само оно чудесное, просветленное¹⁸.

Елена (*с жаром*). Миша, это огромный и глубокий замысел. Как хорошо, что вы это задумали. И движения у вас великолепно схвачены.

Миронов. Трудно только это очень, Елена Герасимовна, иногда я в себе сомневаюсь, падаю духом, а иногда несет меня как на крыльях. Чувствую в себе силу, не могу не думать и не писать. Только не хватает мне знаний. Как вы счастливы, Елена Герасимовна, что имеете такую культуру!

Елена (*ставит на стол тарелки и смотрит на него. При последних словах выражение ее стало грустным*). Нет, Миша, я очень несчастна. Но не будем говорить обо мне. Будем лучше говорить о вашей картине.

Миронов (*озабоченно*). Несчастны, вы, Елена Герасимовна? Вы несчастны? Да вам весь мир поклониться должен, за то, что вы так хороши и так много для людей делаете. Для меня вы точно свет в темную комнату внесли, двери закрытые отворили мне вашими уроками. Все, что я знаю по истории, по искусству, — от Вас. Поверите ли, в этом чудесном лице, которое я ищу, — видится мне ваша улыбка, ваши глаза, только в огромном, в небывалом размере — и вдруг вы говорите — я несчастна. Это очень мне неприятно. Скажите, почему это, не могу ли я вам помочь?

Елена. Добрый Миша, вы обо мне не беспокойтесь. Такая уж верно у меня судьба.

Миронов (*подходит близко к ней с серьезным видом*). Быть может, кто-нибудь вас обидел? Скажите мне, и я с ним расправлюсь.

Елена (*смеется*). Нет, нет, Миша, никто меня не обижал. Я вам очень благодарна за ваши добрые намерения, но мне ничего не надо.

Миронов. А то скажите, я постою за вас.

Елена. Спасибо, спасибо, Миша, но, право, не надо. Я грустна так, без причины.

Миронов. Без причины? Разве это можно? Смотрите, как солнце горячо (*указывает в окно*). Уже снег тает и воробьи чирикают. Скоро весна. Цветы пойдут. А вы невеселы, разве так можно!

Елена (*задумчиво*). Миша, вы думали когда-нибудь о смерти?

Миронов (*удивленно*). О смерти? Почему вы спрашиваете?

Елена. Так, мне хочется знать.

Миронов. О смерти? Нет, признаться, не думал. А разве надо думать о смерти? Я думаю о жизни.

Елена. О жизни? Но жизнь ведет к смерти. Все равно умрем!

Миронов. А сколько до этого успеем натворить, сколько узнать можно, сколько сделать больших дел! Я сильным буду, Елена Герасимовна. Я не хочу думать о смерти. А вы разве о ней думаете?

Елена. Иногда, Миша. Но вы правы, лучше жить. Создавать, рожать, творить красоту.

Миронов. Вот это дело, я рад, что вы так говорите. А то вдруг — смерть. И откуда у вас, молодой и красивой, такие чудные мысли? Вы должны думать о радости, о счастье. Я так хотел бы, чтобы вся ваша жизнь была бы светлой!

Елена. Вы очень хороший, Миша, и вы мне помогаете такими словами.

Миронов (*восторженно*). Я бы хотел всю жизнь для вас отдать, Елена Герасимовна.

Елена (*с улыбкой*). Ну, уж это не нужно, Миша, ваша жизнь вам самому пригодится. Мне достаточно вашей хорошей дружбы.

Миронов (*грустно*). Дружбы? Я хотел бы большего, чем дружбы. Вы не можете себе представить, что вы для меня, Елена Герасимовна. Когда я думаю о вас, я расширяюсь, передо мной раскрывается мир, жизнь моя раздвигается и освещается.

Елена. Я очень, очень рада, Миша, и все, что могу, сделаю для вас. Я счастлива, что наши занятия принесли вам пользу.

Миронов. Пользу? Я новый человек, понимаете ли, через вас. Раньше я как бы жил на пяточке, не видал ничего дальше своей околицы. Как пришел я из деревни — вы мне глаза раскрыли, вы меня натолкнули на искусство. Вы мне показали, сколько людьми уже сделано, сколько еще кругом темного и плохого. Я был как нищий, а вы дали мне богатство.

Елена. Милый Миша, как хорошо, что вы это говорите. *(Два звонка в передней.)* Миша, пожалуйста, откройте, это ко мне.

Миронов выходит, Елена подошла к стеклу и барабанит пальцами по стеклу.
Миронов возвращается.

Миронов. Там какая-то дама вас спрашивает.

Елена. Дама? Кто бы это мог быть? *(Идет к двери и растворяет ее. На пороге показывается Ирина Михайловна.)*

Ирина Михайловна. Можно к вам, Елена Герасимовна?

Елена *(растерянно)*. Ирина Михайловна? Пожалуйста, войдите.

Ирина Михайловна. Вы завтракаете, я помешала вам.

Елена. Нет, нет, нисколько, мы успеем. Позвольте вас познакомиться. Мой сосед Миша Миронов. *(Ирина Михайловна и Миронов здороваются.)*

Миронов. Я пойду к себе, Елена Герасимовна.

Елена. До свиданья, Миша. Только захватите ваш завтрак и налейте себе чай.

Миронов. Ничего, Елена Герасимовна.

Елена *(дает ему в руки тарелку с бутербродами и стакан)*. Что за глупости! Я очень прошу вас.

Ирина Михайловна. Я в самом деле помешала.

Елена *(поспешно)*. Нет, нет, ему надо рисовать. Идите, Миша.

Миронов берет тарелку и чай и выходит. Елена и Ирина Михайловна молчат.

Ирина Михайловна. Вы удивлены меня видеть, Елена Герасимовна? *(Елена стоит в замешательстве.)* Я вас понимаю. Я сама была бы удивлена на вашем месте. Но мне нужно с вами переговорить. У меня к вам просьба.

Елена. Я очень буду рада, если смогу услужить вам, Ирина Михайловна. Садитесь, пожалуйста. *(Они садятся.)*

Ирина Михайловна. Вы догадываетесь, о чем я хочу с вами говорить?

Елена *(смущенно)*. Нет, не вполне...

Ирина Михайловна *(с горькой усмешкой)*. Вам должно быть ясно, что у нас есть только одна тема разговора.

Елена. Я...

Ирина Михайловна (*прерывая ее*). Я думаю, нам нечего друг от друга скрывать. Я знаю все давно, и вам известно, что я знаю. (*Она останавливается и ждет ответа Елены. Елена смущенно молчит.*) Я буду говорить прямо. Я жена Владимира Платоновича, а вы его любовница.

Елена (*с болью*). Любовница!

Ирина Михайловна (*сухо*). Вам это неприятно. Но ничего не поделаешь, это так называется.

Елена. Вы пришли сюда, чтобы это мне сказать?

Ирина Михайловна. Нет, к чему, ведь это известно и вам, и мне, и вдобавок всей Москве. Из-за этого я не стала бы вас беспокоить... Я сидела бы в своем углу, как сидела до сих пор, бессильная в моей ревности и горе. Потому что — вы вероятно об этом не думаете — это для меня горе.

Елена (*встает*). Ирина Михайловна, голубчик, если бы вы знали.

Ирина Михайловна. Как, вы мне сочувствуете? Очень может быть. Я не думаю, что вы злая женщина... Но от этого мне не легче.

Елена (*взволнованно*). Мне страшно тяжело, Ирина Михайловна.

Ирина Михайловна. Тяжело? Верю вам. Но я думаю, вам тяжело сейчас от другого.

Елена (*вздвигнув*). От другого?

Ирина Михайловна. До сих пор я вас ревновала. Признаюсь откровенно, я вас безумно, дико ревновала. И надо было всю мою выдержку, всю ту дисциплину, которой он меня выучил, чтобы видеть вас, принимать и не показывать.

Елена. Я всегда это замечала.

Ирина Михайловна (*насмешливо*). Замечали. Это делает честь вашей пронизательности. Но я хочу сказать, что так было раньше. Теперь я перестала вас ревновать. (*Елена смотрит на нее с удивлением.*) Вы думаете, я примирилась или перестала его любить? Но это не так. Есть другая причина.

Елена. Не понимаю.

Ирина Михайловна (*придвигаясь к ней лицом*). Теперь мы обе в одном и том же положении.

Елена (*в страхе*). Не понимаю.

Ирина Михайловна. Он разлюбил меня, когда полюбил вас. Теперь я имею все основания думать, что он разлюбил и вас! (*Выкрикивает.*) Мы обе в отставке!

Елена. Вам доставляет удовольствие мне это говорить?

Ирина Михайловна. Раньше доставило бы. Теперь мне не до этого.

Елена. Теперь?

Ирина Михайловна. Теперь мы обе ему не нужны. Неужели вы этого не заметили?

Елена (*тихо*). Я заметила.

Ирина Михайловна (*не слушая*). У него другое увлечение.

Елена. Другое увлечение?
Ирина Михайловна. Вы думаете, другая женщина?
Елена. Я не знаю.
Ирина Михайловна. Я была бы счастлива, если бы это была другая женщина.
Елена. Но тогда что?
Ирина Михайловна. Вы ведь были на его докладе?
Елена. Была.
Ирина Михайловна. Тогда почему вы спрашиваете: что?
Елена (*робко*). Я не понимаю.
Ирина Михайловна (*твердо*). Если вы его любите, а по всему я думаю, что вы его любите, вы не можете не понимать. Только вы боитесь признаться сама себе в том, о чем думаете.
Елена (*поднимая руки*). Не надо, не надо!
Ирина Михайловна. Не надо? Нет, именно надо, пока не поздно!..
Елена (*вскакивает с ужасом в лице*). Что вы говорите? Ведь это был литературно-философский доклад. Петроний, Сенека... Это же теория.
Ирина Михайловна (*качает головой*). Нет.
Елена (*хватает ее за руку*). Он вам что-нибудь говорил?
Ирина Михайловна. Нет.
Елена. Это Ваши догадки?
Ирина Михайловна. Если бы это были только догадки, я не пришла бы к вам. Ведь вы понимаете сами, как тяжело мне было сделать этот шаг. Если я пришла, значит, у меня есть уверенность в том, что это именно так. (*Дрожащим голосом.*) Я пришла просить вас спасти его.
Елена. Спасти?..
Ирина Михайловна. Я не знаю, конечно, его мысли. Но что есть опасность, для меня ясно.
Елена. Я не могу прийти в себя. Я тоже об этом думала после того доклада, но это так противоречит всему. Он так далек, казалось...
Ирина Михайловна. Он был далек, дальше, чем кто бы то ни было. Он сильный человек, и вся его сила была направлена на жизнь. Теперь с ним что-то внутренне приключилось. Сила его теперь направлена на отрицание, на саморазрушение. Этот доклад, эта ужасная речь была не теорией, не измышлением художника. Тут было что-то из автобиографии Владимира Платоновича Рудного.
Елена. Это ужасно, если это так. Вы пробовали переговорить с ним?
Ирина Михайловна. Он стал очень скрытен. Он ничего мне не показывает.
Елена. Надо что-то сделать!
Ирина Михайловна. Я за этим к вам пришла.
Елена. Но вы сами говорили только что, что я ему уже не нужна. Тогда я не буду иметь влияния на него.

Ирина Михайловна. Я преувеличила, чтобы уколоть вас. Я прошу у вас прощения. Я безумна в моей тревоге. Вы все-таки ему дороги. Дороже меня. Мне тяжело было бы раньше в этом признаться вам, но теперь это второстепенно. Одно только важно. Надо его спасти, и вы одна можете это сделать.

Елена. Я все сделаю, что в моих силах. Сегодня же я днем зайду к нему.

Ирина Михайловна. Я все сказала вам. Надо идти. Мне как-то неловко, что я вам все это наговорила. Теперь это представляется мне как-то иначе. Разговор с вами успокоил меня. Не сердитесь на меня!

Елена. Я не знаю, как вас благодарить.

Ирина Михайловна. До свиданья... Приходите непременно.

Елена. Приду. До свиданья. Спасибо.

Ирина Михайловна уходит.
Елена ходит по комнате, на лице у нее волнение.

Занавес.

Картина вторая

Художественные курсы. Приемный зал, в который выходят аудитории. Двери одной аудитории раскрываются, и из нее валит толпа студентов и студенток.

Первый студент (*взволнованно*). Это невозможно! Надо протестовать!

Второй студент (*размахивая руками*). Он не имеет права читать такие лекции!

Голоса. Верно, верно!

Первая студентка. Он развращает молодежь!

Вторая студентка. Надо устроить ему демонстрацию, освистать его!

Третий студент (*из другой группы*). Что вы бузите? Лекция была великолепна.

Четвертый студент. Он говорил правду.

Третья студентка. Надо его благодарить.

Вторая студентка. Это возмутительно! Ты наверное ничего не поняла.

Третья студентка. Я отлично все поняла и со всем согласна.

Второй студент. Нельзя быть согласной с проповедью самоубийства!

Третий студент. Это вовсе не проповедь самоубийства. Это пессимистическая точка зрения на жизнь. Надо глядеть правде в глаза.

Голоса. Это ложь. Нельзя так говорить!

Первый студент. Позвольте, позвольте, я ему отвечу.

Голоса. Долой!

Первый студент (*третьему*). Главное зло — ваши упаднические настроения. Мы живем в эпоху строительства, а не интеллигентского хныкания и уныния. Это годно для буржуазии.

Третья студентка. Вы хотите заткнуть рот профессору.

Третий студент (*настойчиво*). Индивидуализм имеет право на существование. Коллективы только фикции!

Второй студент. Вот, вот именно — договорились до мелкобуржуазных и идеалистических теорий. Не понимаю, что смотрит ячейка.

Третья студентка. У вас не хватает аргументов. Вам бы только силой заткнуть рот!

Голоса. Неправда!

Второй студент. Товарищи, дело очень серьезно. Предлагаю собраться для обсуждения. Поднимем вопрос в ячейке.

Первый студент. Нечего обсуждать! Все ясно! Просто когда он войдет, освистать его.

Третья студентка. Мы будем аплодировать. Товарищи, кто за Рудного?

Голоса. Мы за профессора, мы поддержим.

Вторая студентка. Это возмутительно! Буржуазные прихвостни!

Общий шум. Студенты и студентки размахивают руками, насакаивают друг на друга.

В это время из двери выходит Рудный с портфелем. Он бледен, но спокоен. За ним идет толпа студентов.

Голоса. Долой, долой!

Первый студент. Проповедник самоубийства!

Первая студентка. Вы развращаете молодежь!

Второй студент. Вы носитель буржуазной идеологии!

Голоса. Долой, долой!

Слышен свист. Меньшинство аплодирует. Рудный останавливается и смотрит на обступившую его молодежь. Все замолкают и ожидают, что он скажет. Он молчит несколько секунд, потом пожимает плечами. Улыбка появляется на его лице.

Рудный (*спокойно*). Позвольте мне пройти.

Все расступаются молча. Он проходит сквозь толпу. Студенты смотрят ему вслед, затем с шумом и разговорами устремляются к выходу. Рудный подходит к двери, ведущей на лестницу. У двери он сталкивается с входящей Еленой.

Рудный. Елена!

Елена. Я думала, что вы еще читаете на младшем курсе.

Рудный (*улыбаясь*). Я им сказал мои взгляды на жизнь, и они устроили мне враждебную манифестацию. Пришлось прервать лекцию.

Елена (*с укором*). Опять ваши ужасные теории!

Рудный. Это не теория, это мое глубокое убеждение.

Елена. Я вас перестаю понимать. К чему выносить на свет такие идеи и портить людям жизнь?

Рудный (*удивленно*). Разве я порчу жизнь? Я радикально от нее лечиваю.

Елена (*с досадой*). Я не хочу спорить с вами о ваших идеях. Но неужели вы не видите, что вокруг вас за эти дни создалась атмосфера тревоги и беспокойства. Все ваши близкие и друзья взволнованы после вчерашнего и не знают, что думать.

Рудный. Это любопытные сведения. Это очень даже любопытно. Видите, Елена, как непрочна вся эта постройка нашего каждодневного благополучия и видимого спокойствия. Стоит искреннему человеку выйти и сказать: «Друзья, а ведь вы все смертны», и все колеблется и рушится и люди начинают бегать, как встревоженные муравьи в разворошенном муравейнике.

Елена. Ах, Владимир Платонович, вы меня не понимаете. Если бы говорил это кто-то другой, никто не обратил бы внимания. Но с этим выступаете вы, кого мы считали вождем и руководителем. Потому это так больно и действует так сильно.

Рудный (*серьезно*). Вы ошибаетесь, Елена, дело не в личности. Мои слова производят впечатление, потому что я говорю правду.

Елена. Но к чему все это. Чего вы хотите добиться?

Рудный (*удивленно*). Я, добиться? Я ничего не хочу. Я никого не желаю убедить. Я пришел к известным мнениям для себя.

Елена. Но тогда к чему эти доклады и лекции?

Рудный. Это просто скверная, вкоренившаяся профессорская привычка выступать с кафедры. А затем почему не сказать правду? Это облегчает душу. Когда я был мальчиком, я любил кричать один в поле и думал, что меня слушают деревья и травы. Теперь я также кричу в человеческом обществе. Только люди глупее деревьев. А я также один!

Елена (*нежно*). Если бы вы позволили любить себя, вы были бы не одни.

Рудный. К чему? Я прошел все пути любви и жизни. Я узнал на практике, что Кант прав, когда он говорит о невозможности для человека выйти из своей коробки, из тюрьмы своего «я». Мне она смертельно надоела. Смертельно — каков каламбур? Кто-то сказал: «Человек умирает один». А затем уже нет даже одиночества.

Елена. Владимир Платонович, милый, вам тяжело!

Рудный. Мне? Тяжело? Нет, Елена, мне не тяжело. Мне просто немного скучно, а главное, это должно все равно рано или поздно кончиться. Ну, я предпочитаю рано.

Елена (*в тревоге*). Что вы говорите?

Рудный. Что я сказал? Ах, да, ведь вы не знаете.

Елена. Что?

Рудный. Что я намерен кончить свою жизнь.

Елена вскрикивает и чуть не падает. Рудный поддерживает ее.

Елена (*дрожащим голосом*). Этого не может быть.

Рудный (*улыбаясь*). Ну, как не может быть? Вы знаете, что если я что-нибудь решил, я выполню свое решение.

Елена (*прерывающимся голосом*). Когда?

Рудный (*спокойно*). Я еще не решил. Но важно, что я пришел к определенному сознанию.

Елена (*в отчаянии*). Я предчувствовала, что это так, еще когда слушала ваш доклад. Я все время этого боялась. Но я все-таки еще не верю. Это слишком глупо, это дико, это чудовищно.

Рудный (*улыбаясь*). Это единственный возможный разумный поступок.

Елена. Неправда, это бессмысленно, это трусливо — это верх эгоизма и себялюбия! Но этого не будет. Я не позволю вам это сделать. Я буду бороться за вас против вас самого. Я подниму небо и землю, я найду идеи и слова. Я отыщу людей, которые убедят вас, которые рассеют этот ужасный дурман. Не может быть, чтобы люди дали умереть одному из своих, холодно и спокойно при этом присутствовали. Да и к тому же лучшему из них! Я подниму их, я разбужу их, они дадут мне противоядие от вашей лжи. Общество человеческое должно же иметь в себе какие-то принципы, какие-то идеи для борьбы с такой безумной, зловредной философией. Ведь запирают же безумцев. Мы запрем вас, обезвредим, обезоружим!

Рудный (*с той же спокойной улыбкой*). Ищите, ищите противоядие. Идите к мудрецам, к философии, к людям науки — вы найдете средства от всех болезней, от всех зол, от всего, но только не от смерти. Тот, кто сказал слово «смерть» — царь и бог. С ним ничего нельзя сделать. Ему ничего нельзя противопоставить. Потому что смерть правит миром. Она — единственная истина!

Елена (*с горящими глазами*). Неправда, вы лжете, я докажу вам, что это ложь, я докажу вам, что жизнь и любовь сильнее смерти!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

Терраса дома отдыха ЦКУБУ в Узком. Видна часть парка. Солнечный день в конце марта. Снег еще лежит сугробами. Деревья в инее. Но в воздухе уже тепло. Воробьи чирикают и кое-где тает. Профессор физики Никандр Степанович Прядлов сидит на террасе, одетый в шубу, и греется на солнце. С ним рядом известный биолог Василий Федорович Арпегин. Аспирантка-химичка Нина Николаевна Гурьева ходит взад и вперед по террасе. Они наблюдают за тем, как группа молодежи внизу, под руководством приват-доцен-

та астрономии Неренбаха строит ледяной дом из снежных глыб. Аспирант-математик Березняков и дочери Прядлова, молодые девушки Наталья и Ксения Никандровны взяты на санках глыбы, добываемые у реки. Неренбах занимается их укладкой в виде стен дома и колонн.

Прядлов (*обращаясь к дочерям*). Ксения, смотрите не простудитесь! Возитесь в снегу, ноги промочите.

Ксения. Да что ты, папа, мы в калошах.

Наталья. Тут можно умереть от жары!

Прядлов. Вот именно, разгорячитесь, а там хватит ветром. А я перед мамой отвечай.

Наталья (*смеется*). Ты все хочешь нас кутать и воспитывать по-старому, а мы спортсменки.

Ксения. Да и ветра никакого нет (*Обращаясь к Неренбаху*). Не довольно ли поработали? Давайте прогуляемся на лыжах!

Неренбах. Охотно. Только боюсь снег будет липнуть.

Березняков. Ничего, попробуем.

Они достают лыжи, лежащие в стороне около дерева, надевают их и направляются в аллею. Березняков идет с Натальей и что-то говорит ей. Она смеется. Неренбах следует за ними с Ксенией.

Арпегин (*Прядлову*). Да-с, нынче молодежь пошла другая. Все спорт, да самостоятельность. Это надо всячески приветствовать.

Прядлов. Ох, уж эта самостоятельность. Как бы до беды не довела.

Гурьева (*останавливается в своей прогулке около него и смотрит на него с презрением*). Я удивляюсь вам, Никандр Степанович. Вы профессор физики, самой что ни на есть современной науки, и вместе с тем у вас самые отсталые взгляды на воспитание. Надо создать новый тип женщины!

Прядлов. Новый тип женщины? Легко сказать. С меня достаточно и старого. Женщина всегда останется женщиной. Когда молода, у нее ветер дует в голове, а когда состарится, делается сварливой.

Гурьева (*возмущенно*). Просто противно слушать. Точно не ученый говорит, а какой-нибудь зубр помещик или бывший человек!

Арпегин. Ну, вы опять за свое, Нина Николаевна, сцепились с Никандром Степановичем. Конечно, новая женщина, спорт, гигиена, короткие юбки — это все хорошо. Только все-таки за молодежью нужно наблюдение.

Гурьева (*презрительно*). Еще большой вопрос, кто кого учить может, старые молодых или молодые старых. Никандр Степанович не хочет отдать себе отчета в том, что новая женщина не утопия, а находится уже здесь в нашей среде.

Прядлов (*насмешливо*). Трудно этого не заметить, наблюдая вас, уважаемая Нина Николаевна. Только ведь и в древности были амазонки. Да и бой-баба очень русское слово. Только не это, по-моему, надо развивать в женщине.

Гурьева. А что же? Делать из них домашних хозяек? Киндер, Кюхе и Кирхе, как говорят немцы. Вы этого что ли хотите?

Прядлов. Насчет церкви я равнодушен. А вот насчет кухни — люблю, признаться, чтобы жена меня хорошо кормила, да и детей вряд ли бы вырастил без нее.

Гурьева. Я не отрицаю материнства.

Прядлов. Еще бы вы отрицали! Ведь в наших колбах, насколько я знаю, гомункулы еще не выводятся.

Входит Нефорошин и становится в отдалении, прислушиваясь к разговору.

Гурьева. Смейтесь, смейтесь! А новая женщина все-таки есть. Я знаю уже несколько случаев, когда женщины, сознательно не выходя замуж, имеют детей и великолепно их воспитывают без всякой помощи мужчин.

Прядлов. Ну все-таки для рождения помощь-то нужна.

Гурьева сердито машет рукой.

Арпегин. Ко мне как-то пришла молодая девица и убедительно просила найти ей ученого, который согласился бы сделать ей ребенка с учеными наклонностями. В случае отказа она грозила кончить жизнь самоубийством.

Прядлов (*хохочет*). Новая женщина, значит? Ну, и что же вы ей ответили?

Арпегин. Я сказал, что это очень трудно, потому что все мужчины больше всего боятся алиментов. А так как она настаивала и угрожала обмороком, я посоветовал ей обратиться в институт к Николаю Константиновичу Кольцову и попросить, чтобы ей все это сделали на почве евгеники без вмешательства мужчины. (*Все смеются, кроме Гурьевой.*)

Прядлов. И что же, она пошла?

Арпегин. Не знаю, я больше ее не видал. Боюсь, что ребенок родился обыкновенным путем.

Гурьева (*недовольно*). Ну, знаете, все можно обратить в шутку! Зубоскалить легко. А все-таки освобождение женщины — великое достижение.

Нефорошин (*вмешиваясь в разговор*). Пожалуй, Нина Николаевна права. Эмансипация женщин у нас уже не мечта, а реальный факт.

Прядлов (*обращаясь к Арпегину*). Пропали мы с тобой, Василий Федорович. Заедят нас эти самые новые женщины. А там того и гляди введут вместо современной семьи с мужским главой матриархат с многомужеством и пикнуть нам не дадут!

Арпегин. Тому есть примеры в животном мире. Есть глубинные рыбы — самка большого роста, а с бока у нее крючки, а на них прицеплено несколько маленьких самцов. Она их носит с собой, кормит и защищает, а они ее оплодотворяют.

Прядлов. Да, ну?

Арпегин. А у скорпионов еще почище — когда они влюбляются, они долго гуляют вместе, потом милая парочка входит в норку самки, и когда они кончили свои любовные дела, она его спокойно съедает. Остаются одни клещи.

Прядлов. Что же останавливаться на полпути? Можно дойти до полной отмены мужского пола. А размножение будет происходить, как у низших организмов — путем почкования.

Гурьева (*сердито машет рукой*). С вами невозможно разговаривать.

Нефорошин. Ничего, Нина Николаевна, пусть их смеются. Все великие реформы сперва дают пищу для издевательства!

Слышно гудение автомобиля.

Арпегин. Кто-то приехал. Сейчас получим газеты и московские новости.

На террасу входят четыре приезжих, закутанных в дохи и шубы. Двое мужчин и женщина проходят через террасу вовнутрь дома.

Арпегин (*смотрит им вслед*). Не знаю их.

Нефорошин. Как будто инженеры. Я видел их в ЦЕКУБУ.

Четвертая приезжая Елена Монкевич. Она оглядывает всех. Увидя Нефорошина, она направляется к нему.

Елена. Владимир Иванович, не узнаете?

Нефорошин. А, Елена Герасимовна, какими судьбами!

Подходит к ней и здоровается. В это время Гурьева уходит в дом. Прядлов поднимается и, взяв под руку Арпегина, уводит его в другую сторону террасы и что-то ему объясняет.

Елена. Как я рада, что застала вас, Владимир Иванович! Я приехала специально, чтобы вас видеть.

Нефорошин (*предлагает ей кресло и сам садится*). Очень рад служить вам. Надеюсь, вы сами не нуждаетесь в моей помощи?

Елена (*садится*). Нет, нет, я совсем здорова, но мне необходимо посоветоваться с вами.

Нефорошин (*закуривая папиросу*). Вы сколько остаетесь здесь?

Елена (*озабоченно*). Я спешу. Еду через два часа обратным рейсом автомобиля.

Нефорошин. Ну, как жаль, неужели вы не останетесь даже обедать? Смотрите, как у нас хорошо (*показывает рукой в сторону парка*). Чудная погода стоит!

Елена. Нет, Владимир Иванович, у меня в Москве неотложные дела. Я приехала только потому, что мне крайне нужно было с вами переговорить.

Нефорошин *(качает головой)*. Жалко, жалко. Ну что же, я вас слушаю. Рассказывайте, чем могу быть вам полезен.

Елена. Я хочу говорить о Владимире Платоновиче.

Нефорошин *(удивленно)*. О Владимире Платоновиче? С ним что-нибудь случилось?

Елена. Нет, пока ничего.

Нефорошин. Пока? Вы что-то не договариваете.

Елена. Я просто не знаю, как сказать вам, я так взволнована, это так ужасно.

Нефорошин. Что? Что? Да говорите же!

Елена. Он решил покончить с собой.

Нефорошин. Что?

Елена. Владимир Платонович решил себя убить.

Нефорошин *(молчит несколько секунд в изумлении, потом встает)*. Не может быть, что Вы говорите?

Елена. Я говорю с его слов. Он мне сам вчера это сказал. Я хочу его спасти и не знаю, что предпринять.

Нефорошин. Пойдите, пойдите, не будем волноваться. *(Садится.)* Сейчас. Все обсудим по порядку. Садитесь. *(Елена продолжает стоять. Нефорошин повелительно.)* Садитесь, я Вам говорю. *(Она послушно садится.)* Он Вам сказал вчера, что думает о самоубийстве?

Елена. Да.

Нефорошин. Но, вероятно, это было сказано в шутку.

Елена *(качая головой)*. Нет, он говорил вполне серьезно.

Нефорошин *(с профессиональным видом)*. Он был взволнован, расстроен?

Елена. Нет, он был совершенно спокоен. Он сказал, что все обдумал и принял твердое решение. *(Встает с волнением.)* А ведь он такой. Вы знаете, Владимир Иванович. Если он решил, он убьет себя. Что делать, как его спасти?

Нефорошин *(тоже встает и в раздумьи ходит по террасе)*. Можно принять меры.

Елена *(обрадовавшись)*. Вы мне даете надежду. Скажите, что можно сделать.

Нефорошин. Можно повлиять на него, убедить его. Он, вероятно, говорил в состоянии аффекта. Это известный казус у нас в психиатрии. *(Ходит взад и вперед.)* Эти философы — невозможный народ. Всегда выдумывают какие-нибудь ахиней. Создают у себя бредовое представление и маниакальные побуждения. Во всяком случае, раз у него имеется такая навязчивая мысль, наша обязанность — воздействовать на него и рассеять его ослепление.

Елена *(с надеждой)*. Что же сказать ему? Я приехала к вам, как к ученому, чтобы вы сказали мне, какие доводы ему приводить. Наука же должна опровергать такие ужасные измышления.

Нефорошин *(задумывается, потом говорит медленно)*. Наука, да,

конечно, наука. Только наука как-то мало касается этих вопросов. (*Сердито.*) Не может же наука разъяснять такие элементарные вещи, что надо жить, а не умирать. Смешно тут говорить о науке. Это вопрос просто-го здравого смысла.

Елена (*разочарованно*). Но что же все-таки делать?

Нефорошин (*неуверенно*). Гм. Это надо обдумать. Если разрешите, я приглашу к обсуждению этого вопроса двух моих друзей. Вот они стоят, профессора Прядлов и Арпегин. Они люди рассудительные и наверное знают Владимира Платоновича. В дискретности же их я уверен. Вы не возражаете?

Елена. Я на все согласна, лишь бы его спасти.

Нефорошин (*кричит*). Никандр Степанович, Василий Федорович! Можно вас попросить сюда на минутку? (*Прядлов и Арпегин подходят.*) Позвольте вам представить художницу Елену Герасимовну Монкевич. (*Здороваются.*) Здесь очень серьезный вопрос, и мы хотели бы посоветоваться с вами.

Арпегин. В чем дело?

Нефорошин. Один из выдающихся наших ученых, которого вы хорошо знаете задумал кончить жизнь самоубийством.

Арпегин. Кто?

Прядлов. Что за ерунда?

Нефорошин. Это Владимир Платонович Рудный, знаменитый мыслитель и философ.

Прядлов (*ворчливо*). Я думал, вы говорите о каком-нибудь представителе точных наук. Философы — это народ отпетый!

Нефорошин (*строго*). Речь здесь идет не о том, какую он науку представляет. Погибает человек. Мы об этом случайно узнали, и наша обязанность его спасти.

Арпегин. Совершенно верно. Надо принять меры.

Прядлов. Надо его лечить. Это касается вашей специальности, Владимир Иванович.

Нефорошин. Я сам об этом думал. Но дело в том, что он до сих пор был в здравом уме и не было никаких признаков психического расстройства. Не правда ли, Елена Герасимовна?

Елена (*она смотрела с недоумением на говоривших. Замечание Нефорошина возвращает ее к разговору*). Нет, конечно. Он совершенно здоров!

Прядлов (*сердито*). Человек, который хочет покончить с собой, не может быть здоров. Он явно сумасшедший.

Елена (*с болью*). Ах, что вы говорите. Это совершенно не так!

Арпегин. Но есть ведь у него родные, близкие? Они должны вмешаться в это дело.

Нефорошин. Его очень трудно убедить. Вот, Елена Герасимовна, его ученица и друг, приехала сюда, чтобы посоветоваться с нами.

Прядлов. О чем?

Нефорошин. О том, что делать. Как убедить его.

Прядлов (*пожимая плечами*). Я не вижу, какие здесь возможны убеждения. Раз человек стоит на такой противупublicственной позиции и проявляет явное безумие, остается только посадить его в дом умалишенных.

Елена (*морщится*). Ах!

Нефорошин. В том, что вы говорите, Никандр Степанович, есть известная доля истины. Быть может, и в самом деле, в конце концов, придется прибегнуть к такой мере. Но до этого возможно действовать путем убеждения.

Елена (*умоляюще*). Я исчерпала все свои доводы. Теперь пришла к вам, чтобы вы помогли мне, научили, что ему сказать. Он несомненно прислушается к голосу ученых. У него есть, наверное, убедительные слова.

Арпегин. Мы, конечно, не можем отказать в нашей помощи. Мы должны сделать все возможное. Надо доказать ему, что самоубийство противуестественно, что это безумие.

Елена (*обращаясь к нему*). Да, но как это доказать?

Нефорошин. Тут нечего доказывать. Это поймет и ребенок.

Прядлов. Какие там убеждения! Это не математическая теорема. Просто надеть горячую рубашку, посадить в ванну.

Елена (*в отчаянии*). Ах это все не то, не то!

Нефорошин (*поглаживая бороду*). Положение в самом деле затруднительное. Ведь он взрослый человек и даже выдающийся мыслитель. Он сам знает все, что мы можем ему сказать.

Арпегин (*к Елене*). Может быть, есть какие-нибудь личные причины, семейные или служебные, душевные потрясения или что?

Елена (*качает головой*). Никаких. Он совершенно спокоен. Он пришел на основании разумных доводов к тому, что смерть лучше жизни и что надо убить себя.

Прядлов (*возмущенно*). Смерть лучше жизни? Явно сумасшедший!

Нефорошин. Что ж все-таки делать, что сказать ему?

Арпегин (*неуверенно*). Может быть, нам встретиться с ним, устроить совещание?

Нефорошин. Это возможно. Но сперва нам надо самим прийти к решению относительно аргументов.

Прядлов (*нетерпеливо*). Меня это возмущает! Какие там аргументы! Убеждать в том, что 2 плюс 2 — четыре.

Елена (*решительно*). Я боюсь, что напрасно вас побеспокоила. Я думала, что у людей науки я найду исчерпывающие возражения его ужасным идеям. Я думала, что наука имеет ответ на такой вопрос. Теперь я понимаю, что это было наивно.

Нефорошин. Что вы, что вы, Елена Герасимовна, да мы готовы все сделать, что возможно. Вы должны простить Никандра Степановича — он всегда прямо говорит свое мнение.

Елена. Я очень благодарна Никандру Степановичу и всем вам. Я верю в ваше искреннее желание. Только все это не то. Тут нужны какие-то другие, огненные, проникновенные слова.

Прядлов. Огненные слова? Тогда Вам надо идти к каким-нибудь поэтам и священникам.

Нефорошин (*Прядлову*). Оставьте, Никандр Степанович. Дело в высшей степени серьезное.

Прядлов. Я всегда говорю серьезно.

Арпегин (*Примирительно*). Очень жаль, что вы, Елена Герасимовна, так воспринимаете наши слова. Только дело это нелегкое. (*Гудок автомобиля.*)

Елена. Я знаю, знаю и искренне благодарна вам. Время мое истекло. (*Гудок автомобиля.*) Я должна с вами проститься.

Нефорошин. Куда вы, вы бы пообедали с нами? Тем временем мы что-нибудь надумаем.

Елена. Нет, я должна ехать, надо к нему.

Нефорошин. Ну что делать, тогда до свидания!

Прядлов (*Елене*). Вы на меня, старика, не обижайтесь. Я в самом деле думаю, что его надо лечить.

Елена (*процаясь*). Я нисколько не обижена. Наоборот, я благодарна за участие. До свидания. (*Прощается со всеми и уходит.*)

Нефорошин (*ей вслед*). Главное, не волнуйтесь, а мы что-нибудь сделаем.

Арпегин. Вот так случай.

Нефорошин. Надо обдумать. Надо принять меры.

Прядлов. По-моему одна мера — Дом умалишенных!

Нефорошин. В том, что вы говорите, есть, несомненно, правильное указание. Надо все это всесторонне обсудить.

Арпегин. Самоубийство? Что бы в самом деле ему сказать?

Слышны оживленные голоса. Компания лыжников возвращается с прогулки. Они поют «Шарабан», ударяя в такт палками. Неренбах идет с Ксенией, Березняков с Наталией.

Нефорошин. Вот вам лучшие доводы жизни против смерти — молодость да любовь!

Занавес.

Картина вторая

Кабинет Маетнова. Вдоль стен полки с книгами. На шкафу большой бюст Сократа. На стенах портреты мыслителей — Канта, Гегеля, Фихте. Маетнов сидит у письменного стола. Елена Монкевич сидит против него на кресле. В глубине комнаты Нептырь, взгромоздившись на лестницу, рассматривает книги.

Маетнов. Я благодарен вам за доверие, Елена Герасимовна, и надеюсь его оправдать. Я почитаю и люблю Владимира Платоновича и глубоко потрясен тем, что вы мне сообщили. Я сделаю все возможное, чтобы предотвратить катастрофу.

Елена. Я не знаю, где еще искать помощи. Я надеялась на Нефорощина и других ученых. Но столкнулась у них с полным бессилием в этом вопросе. Они по-видимому ничего не могут противопоставить человеку, решившему умереть.

Маэгнов (*с улыбкой превосходства*). Ничего другого нельзя ожидать от врачей, биологов и физиков. В своих науках они или вовсе упускают из вида человека, или имеют дело только с телесными его проявлениями. В старые времена лучше было бы, конечно, обратиться к священнику¹⁹. Сейчас, конечно, это устарело и вряд ли какой-нибудь длинноволосый батюшка подействует на Рудного. Единственное, что может помочь, — это философия, и, как представитель этой науки я надеюсь, что смогу дать вам нужное для влияния на Владимира Платоновича.

Елена. Я не знаю, как благодарить Вас. Быть может, вы мне скажете, как надо с ним говорить.

Маэгнов (*профессорским тоном*). Я могу прежде всего указать вам литературу предмета. Хорошо было бы, если бы вы возобновили в своей памяти несколько классических сочинений, трактующих вопрос о смерти. Сюда следует отнести, конечно, Платоновского «Федона». Правда, «Федоном» надо оперировать осторожно, так как он может внушить мысль о красоте смерти. Цицерон рассказывает в I книге Тускулан, что философ Клеомброт, прочтя «Федона», бросился со скалы в море. Поэтому «Федон» может служить лишь введением в предмет. Гораздо опеределеннее в смысле защиты и положительной трактовки жизни Эпикур и Сенека. Мысли Эпикура изложены у Диогена Лаерта. Комментарием может служить прекрасная книга Гюйо. У Сенеки — письма к Люцилию и трактат «Об утешении»²⁰. Из новых мыслителей можно указать...

Елена (*прерывая его*). Простите меня, Павел Петрович. Я непременно ознакомлюсь со всеми этими авторами, но я боюсь, что таким путем мы едва ли чего достигнем.

Маэгнов (*обиженно*). Почему?

Елена. Мне кажется, что именно все несчастье в том, что Владимир Платонович увлекся рассуждениями и оторвался от людей. Надо, чтобы он как-то вошел в их жизнь.

Маэгнов. Гм... Понимаю. Теория коллектива. Эти идеи можно найти у Дюркгейма в его книгах «О самоубийстве» и «О разделении социального труда». В них много интересного и верного. Но Рудному, как пирронисту, будет трудно стать на точку зрения объективной социологии...²¹

Елена (*прерывая*). Павел Петрович, я боюсь, что все это слишком отвлеченно и научно. Тут надо какое-то живое слово.

Маэгнов (*недовольно*). В таком случае вы обращаетесь не по адресу. Я могу дать только философскую консультацию.

Елена. Поговорите с Владимиром Платоновичем!

Маэгнов. Я буду говорить, но только своим языком. А относительно других слов — вам это, может быть, удастся, попробуйте вы.

Елена. Я сделаю все, что будет в моих силах. Простите, что побеспокоила вас, и благодарю за советы.

Маетнов (*встает и прощается*). Помилуйте, Владимир Платонович мой друг, и я очень обеспокоен его состоянием. Я непременно, непременно с ним поговорю, в ближайшее же время.

Елена хочет уйти, но в это время Нептырь, молчавший все время, подходит к ней.

Нептырь. Позвольте, я хотел бы добавить словечко.

Елена (*останавливаясь*). Да?

Нептырь. Я только хотел спросить, почему вы мешаете ему, раз он... того... хочет.

Маетнов (*строго*). Я удивляюсь вам, Василий Евтихьевич. Это не этическая постановка вопроса!

Нептырь. Я ничего, ничего, я только за свободу — раз человек хочет...

Маетнов. Недопустимо так говорить, Василий Евтихьевич. Разве вы не видите, Елена Герасимовна взволнована, положение, можно сказать, трагическое, а вы шутите.

Нептырь. Помилуйте, какие тут шутки — я реалистически подхожу. И чего это люди все хлопочут, да в чужие дела тычутся? Живешь — жить не дают, умираешь — и умереть не дают, все лечат, да спасают.

Елена смотрит на Нептыря в недоумении.

Маетнов (*машет на него рукой. Елене*). Вы не слушайте его, он у нас чужак. До свиданья, Елена Герасимовна. Всего лучшего. (*Елена уходит.*)

Маетнов. Стыдно, Василий Евтихьевич.

Нептырь. И нисколько. Ведь Владимир Платонович прав.

Маетнов (*подскакивая на месте*). Как так прав? Вы за самоубийство?

Нептырь. Как для кого. Для себя нет. А для него да!

Маетнов. Почему для него?

Нептырь (*подходит к нему на цыпочках и говорит с таинственным видом*). Кутька.

Маетнов (*в недоумении*). Что вы говорите? Что за Кутька?

Нептырь. Богатырь был такой — Кутька. Сильнее всех был и больше. Землю хвалился перевернуть.

Маетнов. Это Святогор был.

Нептырь. То Святогор, а то Кутька.

Маетнов. Ну и что ж?

Нептырь. Вот идет Кутька раз по лесу. А ростом под самое небо, выше дерева стоячего, ниже облака ходячего, как говорится. Видит, лес внизу точно трава растет, а деревья точно былинки. Некуда Кутьке силу

свою приложить, да и земля его не держит, по колено проваливается он. Ну и прилег он на поляне, да и заснул. Долго ли коротко ли спал — неизвестно, а как проснулся — видит, лес кругом вырос под облака, ан и верхушек не видать, а сам он стал маленький, малюсенький, что букашка. И свет из лесу к нему не доходит. Сидит он в темноте один одинешенек.

Маэгнов (*улыбаясь*). Ну, хорошо, пусть Кутька. А причем тут Владимир Платонович?

Нептырь (*таинственно*). Он Кутька этот самый и есть. Вокруг него лес вырос — новые люди, новое время — а он из большого превратился в маленького!

Занавес.

Картина третья

Кабинет Рудного. На столах и диване раскрытые чемоданы. Ирина Михайловна укладывает вещи. Рудный ходит взад и вперед по комнате.

Ирина Михайловна. Я не могу прийти в себя. Ты так внезапно решил ехать!

Рудный (*с улыбкой*). Я люблю внезапные решения. Вчера еще я не думал об этой поездке, а теперь с нею связаны все мои планы.

Ирина Михайловна. Ты можешь не достать билета. Теперь в Сухум многие едут.

Рудный. Наверное достану. В спальных вагонах всегда есть места.

Ирина Михайловна (*робко*). Право, ты подождал бы несколько дней. У тебя занятия, лекции.

Рудный (*смеется*). Лекции, занятия? Все это побоку. Мне нужно на короткое время море, солнце, горы.

Ирина Михайловна (*умоляюще*). Я так хотела бы ехать с тобой...

Рудный (*строго*). Ты знаешь, что эта возможность исключается. Мне необходимо быть одному.

Ирина Михайловна (*глаза ее наливаются слезами*). Мое присутствие для тебя тяжело.

Рудный (*нетерпеливо*). Пожалуйста, только не плачь. Неужели я не научил еще тебя быть разумной? Да, мне тяжело с тобой, когда ты такая.

Ирина Михайловна (*вытирая слезы*). Не буду, не буду, я не плачу. Сколько тебе положить галстухов?

Рудный. Галстухов? Все равно. Все или ни одного.

Ирина Михайловна (*робко*). Ведь ты не надолго там останешься?

Рудный (*неопределенно*). Не знаю, я никогда заранее не решаю.

Ирина Михайловна. Будешь писать, по крайней мере?

Рудный. Тоже не знаю (*смотрит на часы*). Ого, осталось всего полтора часа до отхода поезда. А мне надо еще взять билет. Как вещи?

Ирина Михайловна. Все готово.

Рудный. Ну тогда надо двигаться. Ириша, не сердись на меня. Если я иногда заставлял тебя страдать, прости меня.

Ирина Михайловна *(в испуге)*. Володя, не езд!

Рудный *(качает головой)*. Нет, я поеду. Я напишу тебе. Прощай. *(Обнимает ее.)*

Ирина Михайловна *(цепляется за него)*. Володя, ненаглядный мой, любимый, не езд, я боюсь. *(Он ее целует, затем мягко, но решительно освобождается из ее объятий.)*

Рудный. Прощай, Ирина. *(Берет чемодан и укладку и выходит в переднюю. Оттуда слышен его голос.)* Мавруша, положите вещи на автомобиль.

Ирина Михайловна несколько секунд стоит в оцепенении. Потом бросается в переднюю. Слышны голоса, шаги, хлопанье дверей, гудение и шум автомобиля. Через несколько минут Ирина Михайловна возвращается в кабинет. Лицо ее выражает волнение. Она нервно ходит взад и вперед по комнате, подходит к окну, выглядывает. Потом хватается за голову руками. Садится на диван, кладет лицо на подушку и начинает истерически рыдать. Входит Мавруша.

Мавруша. Кажись, ничего не забыли. *(Видит плачущую Ирину Михайловну.)* Ирина Михайловна, что с вами?

Ирина Михайловна прерывает плач, поднимается с дивана и смотрит на нее дикими глазами.

Ирина Михайловна. Он не вернется!

Мавруша *(удивленно)*. Не вернется? *(В это время слышен звонок в передней.)* Что вы, что вы, Ирина Михайловна? Да он и вещей самую малость захватил. Соскучится без вас-то и мигом приедет!

Ирина Михайловна *(с надеждой)*. Ты в самом деле так думаешь, Мавруша? *(Снова звонок, на этот раз продолжительный.)* Мавруша, иди же открой. Может быть, это Владимир Платонович вернулся.

Мавруша выходит. Ирина Михайловна бежит к двери. Шаги, шум открываемой двери. Входит Елена Монкевич. Выражение лица Ирины Михайловны меняется. Надежда исчезает в ее глазах.

Ирина Михайловна *(убитым голосом)*. Это вы, Елена?

Елена. Вы одни? Владимира Платоновича нет?

Ирина Михайловна. Он только что уехал в Сухум.

Елена *(отшатываясь)*. В Сухум?

Ирина Михайловна. Да, он поехал отдохнуть.

Елена *(повторяет машинально)*. Отдохнуть?

Они молча смотрят друг на друга.

Елена *(резко)*. Не может быть.

Ирина Михайловна (*смотрит на нее со страхом*). Я его удерживала, но он непременно захотел ехать.

Елена. И вы отпустили его? Вы не поехали с ним?

Ирина Михайловна. Он не хотел. Он хочет быть один!

Елена (*хватается руками за голову*). Что вы наделали, что вы наделали!

Ирина Михайловна (*в испуге*). Что, что, говорите?

Елена (*в отчаянии*). Неужели вы не понимаете? Неужели вы слепы?

Вы же сами мне тогда говорили...

Ирина Михайловна (*смотрит на нее в страхе*). Я не знала, что делать. Он так хотел... Я боялась. (*Плачет.*)

Елена (*раздраженно*). Не время теперь плакать. Надо действовать. Вы знаете его адрес в Сухуме?

Ирина Михайловна (*сквозь слезы*). Да, он сказал, что остановится, как всегда, на даче Пелевина, на Черняевской горе.

Елена (*вынимает записную книжку из сумки и записывает. Отрыгнуто*). Когда он уехал?

Ирина Михайловна. Только что!

Елена. С каким поездом?

Ирина Михайловна. Девять тридцать.

Елена (*смотрит на часы на стене*). Теперь девять двадцать. Уже нельзя успеть!

Ирина Михайловна. Что вы хотите сделать?

Елена. Я еду в Сухум.

Ирина Михайловна (*обнимая ее*). Голубушка, Елена, поезжайте, спасите его!

Елена (*не обращая на нее внимания*). Есть поезд, кажется, в одиннадцать. Бегу брать билет. До свиданья! Да, я спасу его. Я верну его. (*Экзальтированно.*) Владимир Платонович, вы не знаете меня. Я еще не сказала свое последнее слово! (*Выбегает.*)

Ирина Михайловна смотрит ей вслед.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина первая

Сад пансиона Пелевина в Сухуме. Сад содержится в отличном порядке. Пальмы, магнолии, банановые деревья. Белые акации в полном цвету. Мимозы отцветают. На каждом шагу розы и лилии, пестрые, белые и голубые. В сад спускается терраса, обвитая глициниями и виноградом. На террасе Лидия Петровна Обводина, молодая барышня со стриженными волосами и в очень короткой юбке, играет на рояле фокстрот «Аллилуйя». В саду среди роз лежат на кушетках две элегантные дамы Роза Самуиловна Вейсберг и Софья Миро-

новна Винницкая. Они почти раздеты, в одних легких трико, греются на солнце, покрыв головы цветными шарфами. Анна Николаевна Пелевина, дочь хозяина, молодая девушка 17 лет, скромно одетая, с помощью мальчика Пети Кварцова очищает розы от жучков, смахивая последние палочкой в коробку, которую держит Петя. Рядом с Розой Самуиловной стоят инженер Кварцов и Лев Иосифович Маркусон. На одной из полотняных кушеток чемпион бега Украины Николай Дмитриевич Ардаткин, одетый в одни трусики, загорает на солнце, выставляя напоказ свои могучие мускулы.

Рудный гуляет по саду.

Кварцов (*обращаясь к Анне Николаевне*). Много ли собрали жучков? Сегодня их высыпало больше чем обычно!

Анна Николаевна. Да, это наше несчастье. Папа посадил лилии, нарочно, чтобы отвадить их, но они перебираются с них на розы. Должно быть вкуснее.

Софья Мионовна (*поворачиваясь на другой бок*). А солнце здорово печет. Трудно выдержать.

Ардаткин. Надо намазаться вазелином. Тогда загорашь хорошо и нельзя обжечься.

Роза Самуиловна (*томно*). Фи — вазелином! Я намазалась розовым маслом.

Маркусон (*галантно*). Роза среди роз в розовом масле. Это поэзия!

Роза Самуиловна (*жеманно*). Ах, Лев Иосифович, какой вы дамский кавалер.

Софья Мионовна (*Ардаткину*). Николай Дмитриевич, вы слышали про бедную Лину? Помните, здесь была в прошлом году?

Ардаткин. Как же, как же, отлично помню. Только я ничего про нее не слышал.

Софья Мионовна. Представьте себе, ей один из ее знакомых сказал, что когда она выступает на сцене, у нее толстые ноги.

Ардаткин. Это верно!

Софья Мионовна. Ну, она поехала в Париж, и там ей вырезали икры.

Кварцов. То есть как так?

Софья Мионовна. Сейчас в Париже дамы для красоты вырезают себе какие угодно части тела. Это особая операция.

Кварцов (*изумленно*). Для красоты?

Маркусон. По-моему, толстые икры украшают женщину.

Роза Самуиловна (*выставляя напоказ свои тонкие ноги*). Фи, какая гадость! Вы, Лев Иосифович, ничего не понимаете в женской красоте.

Ардаткин. Ну так что же, Софья Мионовна? У нее вырезали икры. Она этого хотела. Почему же вы ее жалеете?

Софья Мионовна. Представьте себе. Ноги у нее высохли как щепки. Она стала уродом и не может ходить.

Ардаткин (*пожимая плечами*). Охота же производить над собой такие безобразные опыты.

Кварцов. А вы слышали про Семена Владиславовича?

Роза Самуиловна. Он ведь уехал в Гульрибш.
Кварцов. У него открылся СЗ.
Роза Самуиловна. Это что такое?
Кварцов. Последняя степень туберкулеза. Он конченный человек.
Роза Самуиловна. Он так прекрасно танцевал фокстрот, неужели он умрет!
Кварцов. Да, у него каверны в обоих легких. Он харкает кусочками ткани.
Софья Мироновна. Как ужасно, умереть тогда, когда все так красиво кругом и такая чудесная погода.

Во время этого разговора Рудный подошел и слушал молча.

Рудный *(с улыбкой)*. А по-моему как раз в эту погоду приятнее всего умереть.

Софья Мироновна. Профессор, вы говорите парадоксы!

Рудный. Нисколько, умереть надо спокойно, в возможно прекрасном окружении.

Роза Самуиловна. Что за мрачный разговор! Давайте поговорим о том, как лучше жить. Вы надолго приехали сюда, профессор?

Рудный. Нет, на очень короткое время. Я здесь мимоходом прежде чем предпринять большое путешествие.

Роза Самуиловна. Ах, как интересно. Вы едете в командировку? В Турцию, наверное, или в Персию?

Рудный. Нет, не совсем. Я сам себя командирую. Я еду значительно дальше.

Софья Мироновна. Дальше, в Египет? Это страшно интересно!

Рудный. Я не могу сейчас сказать куда.

Роза Самуиловна. Наверное, дипломатическая миссия. Какой вы счастливый. У вас будут замечательные приключения.

Рудный. Да, в этом путешествии много неизвестного, все почти неизвестно. Впрочем, вероятнее всего оно будет без всяких впечатлений.

Софья Мироновна. Вы говорите загадками. Вы вообще загадочный человек. Я много про вас слышала раньше, но не представляла вас таким.

Рудный *(рассеянно)*. Каким?

Софья Мироновна *(кокетничает)*. Ну, таким таинственным.

Рудный. Я самый простой и ясный человек.

Роза Самуиловна *(вставая)*. С меня довольно солнца. Иду на террасу. *(Идет к лестнице.)* Лидия Петровна нам еще сыграет. Лидия Петровна!

Лидия Петровна *(перестала играть и качается на качелях)*. Ау?

Роза Самуиловна. Лидия Петровна, милая, сыграйте еще фокстрот.

Лидия Петровна. С удовольствием!

Обе входят в дом. Слышна игра на рояле.

Рудный. Я тоже пойду.
Софья Мироновна. Куда, спать?
Рудный. Нет, на гору.
Софья Мироновна. На гору?
Маркусон. Там сейчас очень жарко.
Кварцов. Нет, там всегда ветерок.
Рудный. Для меня это безразлично.
Софья Мироновна. Ну, до свидания, только не опоздайте к обеду.
А после обеда поучим вас танцевать фокстрот.

Рудный уходит по направлению к горе.

Софья Мироновна. Какой обаятельный человек этот профессор.
Маркусон. Это человек высокой культуры. Первой марки!
Ардаткин (*поднимаясь*). Мне пора бегать.
Софья Мироновна. В такую жару?
Ардаткин. Именно в жару надо бегать. От этого спадает вес.
Софья Мироновна. Воображаю, с каким удивлением смотрят на вас абхазцы!
Ардаткин (*самодовольно*). Да, они еще не привыкли к спорту.

Встает и уходит.

Анна Николаевна (*Пете Кварцову*). Ну, теперь, Петя, довольно собрали. Высыпай их и дави.
Кварцов. Смотри, чтоб обратно не поползли.
Петя. Я умею. (*Высыпает жучков и давит их ногой.*)
Софья Мироновна (*Маркусону*). Я влюблена в профессора.
Маркусон. Это человек высокой культуры.
Кварцов. А по-моему, в нем есть какая-то страшная рассеянность. Как будто он занят все время мыслями и не живет в мире.
Софья Мироновна. Ученые всегда бывают такие. Вот я знала одного — ну я забыла, как это называется — он занимался разными букашками, да червяками. Тоже был со странностями и очень забывчивый. Только Владимир Платонович куда интереснее. Он мог быть героем романа.
Роза Самуиловна (*подходит*). В доме невыносимая жара. Вы о ком это говорите?
Софья Мироновна. Не правда ли, Рудный интересный мужчина?
Роза Самуиловна. О да, только он очень холодный и спокойный. Я люблю бурные темпераменты.
Софья Мироновна. Не говорите, в нем есть скрытый огонь. У него что-то в глазах... Как загорится... ууууу. (*Слышен колокольчик у калитки.*) Ага, кто-то приехал. Должно быть, с парохода.

Кварцов. Какая-то дама поднимается по аллее.

Все оборачиваются и смотрят. Входит Елена Монкевич. Она в дорожном платье и держит чемодан.

Елена (*обращаясь к Маркусону, который стоит ближе всего к ней*). Простите, здесь живет профессор Рудный?

Маркусон (*любезно*). Здесь, как же, как же.

Елена. Вы не можете мне указать, как к нему пройти?

Кварцов. Он сейчас был здесь.

Софья Мироновна. Он пошел прогуляться в горы.

Елена (*вздвигнув*). В горы?

Софья Мироновна (*показывая рукой гору*). Вон на ту гору. Если вы хотите его видеть, подождите здесь, он вернется к пяти часам, к обеду.

Елена (*взволнованно*). Мне нужно спешно его видеть. Скажите, как его найти.

Софья Мироновна (*смотрит на нее с удивлением*). Туда пройти трудно. Вы устанете.

Маркусон (*любезно*). Там одна дорога. Если хотите, я вас провожу до подножья горы.

Елена (*с радостью*). Я вам буду очень благодарна. Мне необходимо его видеть возможно скорее.

Софья Мироновна. Вы можете оставить чемодан на террасе.

Елена. Правда? Это отлично, а то он очень тяжелый.

Кварцов (*берет у нее из рук чемодан*). Позвольте, я отнесу его в дом.

Елена. Я вам очень признательна.

Софья Мироновна. Право, вы бы лучше подождали. А то очень жарко идти. К тому же там коровы. Они бодаются.

Елена. Нет, нет, мне надо как можно скорее...

Маркусон. Идемте, я покажу вам тропинку.

Елена. Идемте, только, ради Бога, поскорее. (*Они уходят в сторону горы.*)

Роза Самуиловна (*молча наблюдала за этой сценой*). Ого, каков профессор.

Кварцов (*возвращаясь из дома*). Может быть, это его дочь?

Роза Самуиловна (*с усмешкой*). Дочь? Ну уж нет! Я бы подумала что-нибудь другое.

Софья Мироновна. И почему ей нужно так немедленно его видеть?

Кварцов. Во всяком случае, дама очень интересная.

Роза Самуиловна (*недовольно*). Для мужчин все дамы интересны. Она безобразно бледна и губы ее даже не накрашены. Это ни на что не похоже.

Софья Мироновна. Вы заметили, какой у нее взволнованный вид? Что бы это означало? Тут, наверное, романтическая подкладка.

Роза Самуиловна. О, уж конечно!

Лидия Петровна (*выходя на террасу*). Роза Самуиловна, Софья Мироновна! Давайте играть в преферанс. Владимир Александрович, идите!

Софья Мироновна. Идем!

Занавес.

Картина вторая

Гора над Сухумом. Справа внизу видно голубое море. У моря белые дома Сухума и зелень садов. Слева долины и холмы. На них дома и табачные плантации. Далее — горы со снеговыми вершинами. Сцена представляет площадку на вершине горы. С трех сторон крутые склоны. С четвертой вьется, поднимаясь на площадку, узкая тропинка. Гора обросла кустарником. Видны заросли мимозы и азалий с ярко желтыми цветами.

Рудный стоит на площадке над обрывом, он в раздумьи. Поднимает руки и раскрывает широко объятия, как бы желая обнять весь горизонт. Выходит на середину площадки. Смотрит в одну сторону, потом в другую.

Садится на камни. Закрывает лицо руками. Открывает лицо и снова смотрит вдаль. Вынимает из кармана револьвер и внимательно его осматривает. Пробует приставить его к виску. Снова осматривает. Кладет рядом с собой. Задумывается. Берет снова револьвер и быстрым движением приставляет к виску. В это время слева слышны шаги. По тропинке всходит на площадку пастушок Ванька.

Увидя его, Рудный опускает руку и прячет револьвер в карман.

Ванька. Дяденька, не видал здесь корову?

Рудный (*с досадой*). Нет, не видал.

Ванька. А вы что здесь, гуляете?

Рудный. Гуляю.

Ванька. Хорошо здесья.

Рудный. Да, очень хорошо.

Ванька садится около него и начинает чинить кнут.

Рудный (*смотрит на него с недовольством*). Ты что же не ищешь корову?

Ванька. Ничего, далеко не уйдет. (*Пауза.*)

Рудный. Ты откуда будешь?

Ванька (*показывает один из домиков на соседнем холму*). Вон с той дачи. Мамка там у грека нанимает флигер.

Рудный. Тебе сколько лет?

Ванька (*ковыряя в носу*). А, пятнадцатый.

Рудный. Хорошо здесь жить?

Ванька. Не. Харчи плохие. Все кукуруза.

Рудный. Ты учился?

Ванька. Нда, в сельской школе. Мы около Таганрога жили.
 Рудный. Тебе жить хочется?
 Ванька. Чаво?
 Рудный. Жить тебе хочется?
 Ванька (*ухмылясь*). Кому жить не хочется?
 Рудный. А вот мне не хочется.
 Ванька (*смеется с видом: меня не проведешь*). Шутите, небось. Всякому жить охота.
 Рудный. Знаешь, для чего я сюда пришел?
 Ванька (*равнодушно*). Не.
 Рудный. Я пришел стреляться.
 Ванька (*недоверчиво*). У вас и ружья-то нет.
 Рудный. У меня револьвер. Хочешь покажу? (*Показывает револьвер.*)
 Ванька (*с любопытством осматривает револьвер*). Покажите. У папани, как воротился с фронта, тоже большущий револьверт был.
 Рудный. Ну так вот я из него буду стреляться.
 Ванька (*смеется*). Неправда. Где ж это видано? Самому стреляться. Жить всякому дорога.
 Рудный. А мне не дорога.
 Ванька (*качает головой*). Шутите! Вишь, какой на вас пиджак добротный. Да часы на руке. (*Осматривает с любопытством часы на руке у Рудного.*)
 Рудный. Хочешь, я тебе часы эти отдам? На память. (*Снимает часы и протягивает Ваньке.*)
 Ванька (*не берет*). Мне? Часы? Не! (*Машет рукой.*)
 Рудный (*предлагая часы*). Бери! Бери! Мне они не нужны.

Ванька неуверенно берет часы и смотрит на них со страхом.

Рудный. Почему ты думаешь, что надо дорожить жизнью?
 Ванька (*смотрит на него с удивлением*). Как не дорожить-то?
 Рудный. Ты в Бога веруешь?
 Ванька. Не знаю. Мамка — та иконы держит, а папка ругается, грит, Бога большевики отменили.
 Рудный. Ну, а ты как же? Есть Бог или нет?
 Ванька. А по мне что есть, что нет, все одно. В иконы-то я не верю.
 Рудный. А во что же веришь?
 Ванька (*тихо*). Боюсь.
 Рудный. Чего боишься?
 Ванька. Не знаю.
 Рудный. А как думаешь, что будет после смерти?
 Ванька. После смерти-то? Вот намедни покойника в Сухум везли, я видел, страшный такой, зеленый. Бандиты, сказывают, убили в горах.
 Рудный. И я буду таким, и ты.

Ванька (*качает головой*). Я вырасту большим, садовником буду, как на Афоне, буду апельсины сажать.

Рудный. И все равно потом умрешь.

Ванька (*не слушая*). А папаня обещал меня на станцию свести.

Рудный. На какую станцию?

Ванька. На опытную станцию. Там учат, как агрономом сделаться.

Рудный (*с нетерпением*). Ну, хорошо, ты бы свою корову поискал.

Ванька (*встает*). И то пойду. А за часы спасибо вам. Мамке покажу. А вы гулять будете?

Рудный. Да, да, я погуляю.

Ванька. До свиданья.

Рудный. До свиданья.

Ванька спускается по тропинке. Рудный встает и снова подходит к обрыву.

Рудный. Что есть, что нет — все одно.

Ходит взад и вперед. Вынимает револьвер. На площадке показывается Елена.

Елена (*увидя Рудного*). Владимир Платонович, Владимир Платонович!

Он оборачивается и смотрит с удивлением на нее.

Прячет в карман револьвер.

Рудный. Елена, вы?

Елена (*бросается к нему*). Владимир Платонович, Владимир Платонович, как я рада, ах, как я рада, что нашла вас!

Рудный (*с досадой*). Каким образом вы здесь очутились?

Елена. Вы будете бранить меня. Я узнала у Ирины Михайловны, что вы уехали, и поехала за вами.

Рудный. Как глупо, что я оставил адрес. Я очень недоволен тем, что вы здесь.

Елена. Я так и думала, что вы меня этим встретите.

Рудный. Я хотел быть один.

Елена. Владимир Платонович, голубчик!

Рудный. Что?

Елена (*взволнованно*). Я не могу выразить все, что чувствую!

Рудный (*с досадой*). Ах, Елена, опять эти чувства. Право, мне не до этого.

Елена. Неужели вы могли подумать после того, что вы мне сказали, что я вас оставлю.

Рудный (*строго*). А если я этого захочу?

Елена (*решиительно*). Все-таки не оставлю. Теперь я от вас не уйду ни на шаг.

Рудный (*гневно*). Но знаете, это ни на что не похоже. Вы навязываетесь мне, когда я вовсе этого не желаю.

Елена (*трясет головой*). Мне все равно. Вы не должны были мне это говорить. Я решила спасти вас.

Рудный (*смеясь*). От меня самого?

Елена. Да, от вас самого! Вы меня не знаете. Я могу быть сильной.

Рудный (*хмуря лоб*). Посмотрим, кто сильнее. Я вас прошу сейчас же уйти и уехать обратно в Москву.

Елена (*упрямо*). Не уйду. Не поеду! И остаюсь с вами.

Рудный (*раздраженно*). Но, наконец, это невыносимо. Я сам от вас уйду. Я уеду.

Елена. Я поеду за вами.

Рудный. Вы хотите мне помешать убить себя?

Елена. Да.

Рудный (*ходит взад и вперед по площадке. Задумывается. Внезапно говорит отрывисто*). Я имею вам сделать предложение.

Елена. Какое?

Рудный. Уйдем из жизни вместе!

Елена (*удивленно*). Как, я не понимаю?

Рудный (*махнет рукой, как бы отрезая что-то*). Кончим все это сразу. Я убью вас, а потом себя.

Елена (*отшатываясь в испуге*). Что вы говорите?

Рудный. Я делаю вам заманчивое предложение. Я твердо решил умереть и намерение свое выполню. Если вы меня любите и жить без меня не можете, давайте умрем вместе.

Елена. Это безумие.

Рудный. Почему? Неужели вам так дорога жизнь? Неужели она дает вам счастье? Ведь за каждую минуту радости надо платить часами горя и мучения. Всякая красота имеет изнанку уродства. Здесь солнце и цветы, а недалеко зеленые трупы. Все глупо, пошло, бессмысленно! Бога нет, смысла нет, цели нет!.. На каждом шагу сторожит нас в несчастных случаях, в болезнях, в человеческой злобе страдание и смерть. Все равно ею все кончим. Мы смертники, приговоренные к казни, только с разными сроками. Неужели не достойнее, не красивее, не осмысленнее добровольно наложить на себя руки? Здесь, в таком окружении — перед лицом этого моря, этих гор, этого солнца?.. Или вы хотите быть агрономом?

Елена (*в ужасе*). Что вы говорите, Владимир Платонович, опомнитесь!

Рудный (*кричит*). А, вы цепляетесь за жизнь, вы не хотите с ней расстаться, животный страх сильнее вашей любви!

Елена. Владимир Платонович, умоляю вас!

Рудный (*продолжает кричать*). Ну, тогда идите и наслаждайтесь вашей жизнью и не мешайте мне делать что я хочу!

Елена (*решительно*). Я не оставлю вас.

Рудный (*запальчиво*). Вы мне портите последние мои минуты. Я все обдумал и взвесил, чтобы умереть спокойно, рассудительно, в трезвом

уме и полном сознании, а вы заставляете меня волноваться и выходить из себя.

Елена (*с жаром*). Я не позволю вам умереть. Я заставлю вас жить. Я внесу смысл в вашу жизнь. Я окружу вас теплом, лаской, светом! (*Вдохновенно.*) Вы не знаете, что может женщина, когда она любит. Я дам вам красоту, я объявлю войну страданию, уродству, смерти.

Рудный (*устало*). Ничего этого не нужно. Я через все прошел. Я всем пресытился, я ни во что не верю.

Елена. Я вас верну жизни. Только доверьтесь мне на короткое время. Дайте мне еще один шанс. Я чувствую в себе силу.

Рудный. Это не для меня. Право, лучше умрем.

Елена (*возбужденно*). Вы меня вызвали к жизни. Вы сделали из меня женщину, вы меня приобщили к знанию и культуре. Вы безгранично расширили мой горизонт. Теперь вы мне предлагаете смерть.

Рудный. Тогда уходите — я один умру.

Елена. Никогда, я спасу вас. Я дам вам снова желание жить.

Рудный (*решительно*). Довольно, Елена, мне это надоело. (*Вынимает револьвер.*) Прошу вас в последний раз — оставьте меня.

Елена. Никогда (*подвигаясь к нему*). Дайте мне ваш револьвер.

Рудный (*в исступлении*). Берегитесь, я кончил счета с жизнью и на все могу решиться! Я могу убить Вас! (*Угрожает револьвером.*)

Елена (*спокойно стоит перед ним*). Стреляйте.

Рудный смотрит на нее несколько секунд с поднятым револьвером. Она прекрасна в лучах заходящего солнца.

Елена. Ну что ж вы не стреляете?

Рудный молчит. Лицо его озаряется огнем. Быстрым движением он поднимает руку как будто для выстрела. Но он продолжает движение дальше, широко взмахивает рукой с револьвером и сильным движением кидает его в пропасть. Слышен звон металла о камни.

Елена (*бросается к Рудному*). Владимир, дорогой, голубчик.

Он раскрыл объятия, схватил ее и обнимает.

Елена (*не зная себя от радости*). Я знала, я верила... Спасен, спасен.

Она плачет от радости, целует ему руки. Он обнимает ее, потом останавливается и проводит рукой по лбу.

Рудный. Елена, милая...

Елена. Я люблю тебя, я отдам тебе все!

Рудный (*целует ее*). Ты хорошая, ты чудная!

Елена. Будем всегда вместе, вместе, идем туда (*она увлекает его к тропинке*).

Вечер наступил. Солнце село. В долинах начинает клубиться туман. Рудный стоит задумавшись.

Рудный. Да, идем... который час? *(Он машинально смотрит на руку, где обычно находятся часы. Увидя пустую руку, он внезапно что-то вспоминает.)* Да, часы... у пастуха.

Елена. У какого пастуха?

Рудный. Я отдал... *(задумывается)*.

Елена *(смотрит на него с беспокойством)*. Идем, дорогой, любимый.

Рудный *(продолжая стоять)*. Есть Бог или нет — все одно.

Елена. Что ты говоришь? *(Берет его за руку.)*

Рудный *(освобождает свою руку и смотрит кругом, как бы не видя Елену)*. Что бишь? Да — апельсины на Афоне²².

Елена *(в тревоге)*. Владимир Платонович, что с вами? *(Бросается к нему.)*

Рудный *(отступает на несколько шагов и поднимает руку. Глухим голосом)*. Назад. Не подходи!

Елена. Что? Что? *(Она подбегает к нему и охватывает его руками.)*

Рудный *(сильным движением вырывается и подбегает к краю обрыва)*. Прощай, Елена! *(Он добегает до края, взмахивает руками и кидается в пропасть. Елена дико кричит и падает лицом на землю.)*

Ванька *(поднимается по тропинке на площадке)*. Дяденька, а дяденька! А часы-то стоят. Где дяденька? *(Увидя Елену, останавливается.)*

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Весенняя ночь. Садик около Храма Христа Спасителя у набережной. Слабое освещение. В глубине белеет громада собора. На клумбах расцветают желтые, синие, белые, лиловые цветы. Много гуляющих. Дамы, девицы, молодые люди, рабочие, работницы, инженеры, техники, военные, неопределенные личности.

Первая девица *(жеманно смеется)*. Вы всегда, Иван Никанорыч, такое скажете!

Иван Никанорыч *(ухмыляясь)*. Да я ничего особенного. Уверяю вас — у нее хвост!

Вторая девица. Это Бог знает что такое! Как так — хвост?

Иван Никанорыч. Хвост поклонников. Ха, ха, ха!

Все смеются. Проходят. Подходит группа парней.

Первый. Как Степка вдарит... он и грохнулся.

Второй. Ну, будто?

Первый. Ей Богу, так и упал. Прямо под ложечку ему угодил!

Третий. Ловко, боксом, значит. *(Проходят.)*

Идет пара. Она в цветном шарфе и короткой юбке. Он в костюме от Москвошвея и в рубашке с мягким воротником и галстуком.

Она. Ах, Костя! Надо всегда носить англесе. Это очень даже элегантно.

Он. А они говорят — пижон. Гаврилку носишь! Ихние ребята как есть все за кожанки и клеш. *(Проходят.)*

Елена идет через сцену, понунив голову. Она одета в темное пальто. Она бродит бесцельно по садику. На лице у нее глубокая тоска. Подходит к ограде и смотрит вниз на реку. Потом идет назад и садится на скамейку. За Еленой следует человек в фуражке инженера. Он несколько раз проходит перед скамейкой. Елена его не замечает. Наконец он садится рядом с ней. Елена не двигается. Он кашляет.

Инженер *(обращаясь к Елене)*. Не можете ли вы мне сказать, который час?

Елена *(не смотря на него)*. Не знаю.

Инженер. Приятный вечер, не правда ли?

Елена. Да.

Инженер. Вы часто здесь гуляете?

Елена *(рассеянно)*. Да. Нет, редко.

Молчание.

Инженер. Такая интересная дама и гуляете одни. *(Елена не отвечает.)* Вы как будто в состоянии задумчивости. *(Елена продолжает не отвечать и смотрит в другую сторону.)* Ну, как это можно. Вы молоды и прекрасны. Жизнь создана для наслаждения! Разрешите подсесть к вам поближе? *(Подсаживается и хочет обнять Елену. Елена вздрагивает и быстро отодвигается.)* Что вы, что вы, я ничего.

Елена *(резко)*. Будьте добры, оставьте меня в покое!

Инженер. Простите, я ничего, я ничего. Я думал, вы гуляете одни. *(Поспешно удаляется.)*

Елена продолжает сидеть в задумчивости. Гуляющих стало меньше. Садик постепенно окутывается туманом. Из тумана вырисовывается фигура «бывшего человека». Он одет в пальто с пелеринкой старого покроя. На ногах его гетры. На голове фетровая шляпа. Он пожилого возраста. Платье на нем потертое и потрепанное, но хранит печать былой элегантности. Увидя Елену, он садится на скамейку рядом с ней.

Бывший человек *(приподымая шляпу)*. Разрешите спросить. Я вам не помешаю, если выкурю папиросу?

Елена. Нет.

Бывший человек *(показывая на клумбы)*. Прекрасные цветы, не правда ли? Отлично содержат эти садики. Привык, знаете ли, с детства к

красоте, к уюту. Раньше в имении у меня самого клумбы роскошные были. Вот и приходишь сюда помечтать, да вспомнить старину.

Елена. Да, я люблю это место и эту скамейку. Но сейчас много народу.

Бывший человек. И не говорите! Этот плебс все наводняет. Бывало здесь и на Пречистенском бульваре всегда гуляла порядочная публика. Теперь рабочие, солдаты, девицы, все простонародие. А вы изволите быть москвичкой?

Елена. Да, я живу в Москве.

Бывший человек. Служите?

Елена. Нет, я слушательница Художественных Курсов.

Бывший человек. Художественные курсы. Хорошее дело искусство. Оно, знаете ли, облагораживает, придает этакую рафинированность мысли. В мое время все дамы и девицы общества увлекались искусством. Теперь другое — все работают как чумички. Тогда им нечего было делать. *Savez-vous*²³, такое аристократическое времяпрепровождение. Вот и ходили по музеям и изучали искусство. *(Елена задумалась. Молчание.)* О да, искусство великая вещь, прекрасная вещь. *(Обращаясь к Елене.)* Но я замечаю, вы как-то мрачны, у вас какие-нибудь неприятности?

Елена *(рассеянно)*. Да.

Бывший человек. У кого их нет! Налоги, да сокращения²⁴, да квартирные условия хоть кого в мрак загонят. Вот знакомый мой, бывший миллионер, представьте себе, даже заболел нервами — и все от соседской собаки. Собака эта, видите ли... Но вы не слушаете, вы очень как-то выглядите грустной.

Елена. У меня большое горе.

Бывший человек. Сочувствую вам, сочувствую от души. Я, знаете ли, сам многое испытал. Прогуливаетесь, чтобы отвлечь мрачные мысли?

Елена. Я не выношу сейчас домашней обстановки, моей комнаты. Не могу видеть друзей и знакомых. Меня тянет на улицу, к чужим людям.

Бывший человек. О, я понимаю вас, великолепно понимаю. *(Галантно.)* Но знаете ли, среди незнакомых вам людей найдутся такие, которые с восторгом заменят вам знакомых. *(Делает выразительный жест рукой и крутит усы.)*

Елена *(доверчиво)*. Вы не можете себе представить, как мне тяжело!

Бывший человек *(оживленно)*. Вы не могли найти лучше меня и для доверения ваших сердечных тайн. Я умею слушать и молчать. Я всегда раньше был на роли *confident*²⁵ молодых дам.

Елена. У меня нет никаких сердечных тайн. У меня просто тоска и страшная тьма в душе. Такая тоска, от которой я не нахожу себе места. Я хотела бы уйти от себя и от своих мыслей. Или вообще уйти, исчезнуть.

Бывший человек. О, я отлично это понимаю. Мне такие настроения хорошо знакомы. Но знаете ли, против такого состояния есть сред-

ства. Вам надо развлечься. В вас надо пробудить жажду веселья, радости и наслаждения. Я очень много встречал таких случаев и чудесно их излечивал.

Елена. Чем?

Бывший человек. Видите ли, прежде, когда я учился в привилегированном учебном заведении, а затем служил в полку (кавалерийском, конечно), у нас был совсем другой взгляд на жизнь. Тогда не было кругом уныния и подавленности, как сейчас. Все кипело весельем, все было изящно, красиво. Как грянет цыганский хор, зазвенят бокалы, всякая печаль, знаете ли вы, на дне и потонет. Вино, женщины, карты, лошади — все это, знаете ли, захватывало, сулило наслаждение.

Елена (*задумчиво*). Наслаждение?

Бывший человек. Теперь, конечно, ничего этого нет. Но в малом масштабе, так сказать, частным образом, можно кое-что воссоздать. Если бы вы позволили мне быть вашим ментором и просветителем в этой области, я бы живо развеял вашу тоску.

Елена. Каким образом?

Бывший человек (*вкрадчиво*). Прежде всего надо проще смотреть на некоторые вещи. Женщины, видите ли вы, усложняют отношения между мужчиной и женщиной требованиями душевности и романтики, исканием истинной любви, знаете ли там вроде *plus fort que la mort*²⁶ и тому подобное. Все это ведет к разочарованиям и к этой самой тоске. Надо смотреть проще и реальнее на жизнь. Надо искать в ней прежде всего того, что поэты называли чувственными утешениями. Страсть, конечно, с ее жгучими ощущениями имеет в себе много привлекательного, но по-моему предпочтительнее этакий, знаете ли, холодный и трезвый, быть может, даже циничный подход к вопросам любви. Важно пробудить интеллектуальное любопытство к такому легкому жанру, двусмысленному, пикантному. Есть такие коллекции специальных картинок или особые сочинения, знаете ли вы, немного откровенные... хэ, хе, хе... Если бы вы мне разрешили, я бы вас ознакомил. (*Елена молчит и смотрит в сторону реки. Бывший человек подсаживается поближе к ней.*) Вообще, знаете ли, можно отлично провести время. Молодая красивая женщина и опытный человек известных лет. Потому что молодежь не знает того, что мы знаем, не может так просветить, так раскрыть все стороны предмета. *Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait*²⁷. Знаете ли вы классическую поговорку? Если бы вы согласились, я мог бы вам многое сообщить и показать в этой области. Я научил бы вас холодно наслаждаться.

Елена (*отодвигаясь, с отвращением*). Оставьте меня.

Бывший человек. Помилуйте, я ничего же не сказал такого.

Елена (*со слезами в глазах*). Ради Бога, оставьте меня в покое.

Бывший человек. Пожалуйста, пожалуйста... я не хотел. (*Встает, смотрит на нее с удивлением, потом пожимает плечами. Вежливо кланяется, приподымая шляпу. Уходит.*)

К этому времени и садик опустел. Начинает светать. Елена сидит одна в тумане. Она встает, подходит к ограде и смотрит пристально на реку. Она дрожит мелкой дрожью. Делает движение, чтобы пойти в сторону спуска, но отшатывается назад как бы во внутренней борьбе. Снимает быстрым движением пальто, бросает его на скамейку и с закинутой назад головой и решительным видом бегом устремляется в сторону лестницы. Несколько секунд сцена пуста. Слышны удаляющиеся шаги Елены. Пальто ее лежит наполовину на скамейке, наполовину на земле. Идут двое сторожей.

Первый сторож. Просто не знаешь что делать. Как они пришли учерась, вчетвером, да давай пальму выкапывать, я сперва подбежал, да крикнул, думал вслугану. Не тут-то было: «Убирайся, говорят, подбру-поздорову, пока цел». Да еще матюгаются. А сами финки повынимали. Ну что же было мне делать, без оружия-то? Я побежал Андрюшку кли-кать, он в другом саду сторожил. А они тем временем пальму выкопали, да айда. И след простыл!

Второй сторож. Нужно нам непременно заявление подать, чтобы револьверы выдали, а то так невозможно. Того гляди все цветы заберут, а то нас самих прикончат.

Первый сторож. Это им ничего не стоит. Уложат за милую душу. Теперь такой хулиган пошел, что Боже упаси. Непременно надо заявление подать. (*Проходя мимо скамейки, остаются при виде пальто Елены*).

Второй сторож. Глянь-ка, Василий Адрианович, никак пальто?

Первый сторож (*подходит и берет в руки пальто*). Пальто и есть. Женское как будто. (*Переглядываются*.) Забыл кто али скинул?

Второй сторож. Не может, чтобы забыли — вещь большая. Не-ладно тут что-то. Давай обыщем сад. Ты иди влево, а я здесь вдоль ограды. Да возьми пальто, а то утащат.

Расходятся в разные стороны, унося пальто. В это время уже ясно обозначился рассвет. На горизонте показывается солнце. Входят Миронов и Федя Раз-нов. Одеты бедно, по-студенчески, в старые рубахи и стоптанные ботинки.

Федя. Ну, вот и довел тебя до твоей скамейки.

Миронов. Здесь хорошее место. Сколько раз мы с Еленой Гераси-мовной здесь сживали — целые дни проводили! (*Садится*.)

Федя (*стоит*). А мне пора — надо на работу.

Миронов. Ну, посиди. Еще рано. Успеешь!

Федя. Нет, мне в лабораторию.

Миронов. Вздор! Посиди! Смотри, вот цветы уже посажены. Экая красота! А хорошо теперь небось в деревне. Самая весна. Из поля землей мокрой да зелеными тянет. Иволги поют.

Федя (*с усмешкой*). Видно сейчас — художник. Нам, техникам, некогда об этом думать. Я про деревню уже забыл.

Миронов. Инженеры ничего не могут без художников!

Федя. Ну, говори еще. Небось жизнь-то меняется техникой.

Миронов. Техника без искусства слепа. Оттого техника не дает людям счастья, что отделена от искусства. Художники дадут миру новый образ!

Федя. Не образы нужны, а машины. *(Садится.)*

Миронов *(убежденно)*. И то и другое нужно. Мы с тобой одинаково будем необходимы, Федя.

Федя. Вот с этим я согласен. Будущее наше, как не гляди. Ты будешь рисовать проекты, а я строить.

Миронов. Знаешь, Федя, я иногда чувствую в себе такую силу, что, кажись, было бы за что уцепиться, землю перевернул бы.

Федя. Очень просто — захотим — перевернем. Была бы цель да воля!

Миронов. А вот есть люди, в жизнь не верят. Слышал небось — профессор Рудный с собой покончил. На Кавказ поехал, да прямо в море и кинулся.

Федя *(зевая)*. С чего это?

Миронов. Говорят, в жизни разочаровался. А умный был. Обстоятельный такой. А уж образование, культура... Как начнет читать, бывало, заслушаешься и уходить не хочется. Все больше про древние страны, про Грецию и Рим рассказывал. Все знал, какие писатели тогда были, какие художники, как люди жили, во что одевались, что ели даже.

Федя. И откуда это только известно?

Миронов. В книгах можно прочесть, да в музеях на памятниках можно видеть. Я слушал, бывало, и любопытство меня разбирало, все больше хотелось знать подробностей. Великая наука — история!

Федя. У нас своих инженерных и математических наук много. Всего не узнаешь. За многими зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

Миронов. И с чего такому человеку, с такой большой культурой вздумалось убивать себя? Жил бы да молодых учил!

Федя. Никудышное дело. А главное — бессмысленно. Иного слова не скажешь.

Миронов. Верно, умный был человек и вдруг такое безрассудство.

Федя. От слишком большого ума, говорят, затмение находит.

Миронов. Ну, это вздор. Слишком умным быть нельзя. Только как люди бывают кривые, да косоглазые — так и умы бывают неправильные. Говорит — уши развесил, а сделает — плюнешь с досады, такое натворит.

Федя. Да, это так *(смотрит на небо)*. А солнце уже поднялось. Надо мне идти, а то далеко в лабораторию-то ехать. — А цветы-то в самом деле пахнут!

Миронов. Это с утра. Они всегда на рассвете лучше пахнут.

Федя. Хорошо здесь, да только надо на работу. *(Встает.)*

Миронов. Ну, прощай, а я книгу почитаю. Замечательная попалась.

Федя. Какая?

Миронов *(читает по обложке)*. Рихард Вагнер — Искусство и Революция. Знаешь, такой музыкант был?

Федя. Слышал, да это не про нас. До свиданья! (*Уходит.*)

Миرون ов развертывает книгу, кладет на скамейку тетрадь и карандаш. Читает некоторое время молча. Затем встает и начинает ходить перед скамейкой взад и вперед. Берет снова книгу и читает громко.

Ми ро н о в. «Задача искусства именно в том, чтобы указать социальному инстинкту его настоящую дорогу. Истинное искусство может подняться из своего состояния цивилизованного варварства на достойную его высоту лишь на плечах великого социального движения; у него с ним общая цель, и они могут ее достигнуть лишь при условии, что оба признают ее. Эта цель — человек прекрасный и сильный. Пусть Революция даст ему Силу, Искусство — Красоту»²⁸. (*Качает головой.*) Вот знатно. Как будто в наше время писано — а на самом деле восемьдесят лет тому назад.

Внизу на набережной слышны крики и шаги бегущих людей. Ми ро н о в, поглощенный своим чтением, сперва не обращает на них внимания. Он встал и ходит перед скамейкой с книгой в руке. Между тем внизу крики усиливаются. Сторож пробегает мимо Ми ро н о в а. Трое мальчиков карабкаются на каменные плиты, чтобы лучше видеть.

Ми ро н о в (*обращаясь к мальчику*). В чем дело, что случилось?
Мальчик. Утопленница. Женщина в воду бросилась.
Ми ро н о в. Утонула?
Мальчик. Не знаю, из-за народа не видно!

Ми ро н о в идет к ограде. Навстречу ему двигается сторож.

Сторож. Она только хотела броситься. Да ее рабочий сгреб, не пустил. Вот сюда ведут.

По лестнице приближается шествие людей, направляющихся в садик. По большей части это рабочие и работницы. Трамвайная работница поддерживает женщину, идущую посередине группы. Сперва ее лицо не видно из-за множества людей, затем они расступаются. Видно, что женщина — Е л е н а М о н к е в и ч.

Е л е н а. Оставьте меня, пожалуйста. Я больше не буду!
Работница. Как это можно? Ежели бы не Сидорыч, так ты бы утопла! И с чего это вздумалось тебе?

Сидорыч (*рассказывает окружающим*). Работаю я на набережной, вижу — она сидит у перил, где спуск. Смотрю — встала, да как побежит вниз по лестнице, к реке, значит. А лицо такое тревожное, белое. Не ладно, думаю. Давай за нею. Только успел подбежать, вижу — взмахнула руками, да кидается к воде, сигнуть хочет. Ну, я тут подошел, захватил в охапку, да задержал. А она вырывается, кричит: «Пустите, не мешайте!»

Работница. Грех-то какой! Что это ты, голубушка, задумала? Должно быть, кто из мужчин досадил, проклятых. (*Кричит, отгоня мальчи-*

шек, обступивших Елену.) Ну, вы, черти, проваливайте, чего не видали?
(*Усаживает Елену на скамейку.*)

Миронов стоял и в изумлении глядел на эту сцену. Теперь он подбегает к Елене.

Миронов. Елена Герасимовна!

Елена. Миша!

Работница (*подозрительно осматривает Миронова*). Ну, ты! Не от тебя ли она в реку кинулась? Кобеля!

Миронов (*Елене, не обращая внимания на работницу*). Что с вами, Елена Герасимовна? Неужели... (*Он останавливается в нерешительности.*)

Елена (*обращаясь к работнице, Сидорычу и другим людям*). Оставьте меня, пожалуйста.

Работница (*Миронову*). Ну, смотри за ней. А то того гляди, опять бросится (*уходит, качая головой, вместе с другими людьми*).

Миронов (*не знает что сказать и что делать*). Что это вы, Елена Герасимовна?

Елена смотрит на него и молчит. Пробует встать, но шатается и снова садится.

Миронов. Что с вами, Елена Герасимовна? Вы нездоровы? Хотите, я доведу вас до доктора?

Елена молча встает и быстрыми шагами бежит к реке. Миронов вскакивает, догоняет ее и хватает за руки. Он ведет ее обратно к скамейке.

Елена (*вырываясь*). Пустите!

Миронов. Нет, не пущу!

Елена. Умоляю вас, пустите, я больше не могу!

Миронов (*взволнованно*). Елена Герасимовна, голубчик, очнитесь, успокойтесь. Прошу Вас. Вот сядем на скамейку, поговорим.

Он усаживает ее. Она снова делает движение, чтобы уйти.

Елена (*со слезами на глазах*). Миша, пожалейте меня, дайте мне уйти, кончить все это.

Миронов (*удерживая ее*). Вы с ума сошли!

Елена. Мне все противно. Я не могу дольше жить.

Миронов. Что вы говорите! Почему?

Елена. Жизнь... не имеет смысла.

Миронов. А смерть имеет?

Елена. Тоже не имеет. Ничто не имеет. Но это, по крайней мере, конец.

Миронов (*решительно*). Полно, Елена Герасимовна. Давайте поговорим серьезно. Ведь вы сейчас сказали глупость.

Елена (*удивленно*). Глупость?

Миронов. Вы сказали: жизнь не имеет смысла.

Елена. Для чего жить?

Миронов. Как для чего? Я не умею выразить, но я так это чувствую. Жить надо, чтобы жить. Жить надо, чтобы все кругом сделать, как эти цветы (*показывает цветы на клумбах*), чтобы весна вечная была. Жить надо для творчества. Сила великая в нас заложена, Елена Герасимовна.

Елена. Я слаба, Миша.

Миронов. Один человек всегда слаб. Надо с другим соединиться.

Елена (*с горечью*). Так говорят, а на самом деле каждый один живет и один умирает.

Миронов. Вот в этом главное зло, что люди живут каждый для себя, уткнувшись в свой угол. Надо всем вместе выйти на простор. Надо присоединить свою жизнь к общей жизни. Общее дело не умрет, оно переживет отдельных людей.

Елена. Не все ли мне равно, раз я умру?

Миронов (*с досадой*). Ах, как вы не понимаете, Елена Герасимовна. Ведь если я живу для большого, не личного дела, мне смерть не страшна, меня нет, а есть только я в этом деле, ради него. Надо забыть свое личное в общественном. Была бы везде красота.

Елена (*упрямо*). Но ведь не вы же ею будете пользоваться? Вас-то не будет!

Миронов. Что значит не будет? (*Встает и начинает ходить взад и вперед, размахивая руками.*) Вот в физике нас учат, что ничто из мира уйти не может. Значит, мы где-то останемся, только меняем форму. Воскресаем в чем-нибудь другом. Но тогда значит и нужно именно, чтобы везде, во всем, в мире все было счастливо и красиво. И надо жить, чтобы все кругом улучшать. Ведь я же буду в былинке, в цветке, в воздухе. Вот вам и причина, почему все надо переделать, и совершенствовать, и людей, и вещи, и самую природу. Чтобы лицо мира стало другим, чтобы земля улыбалась, чтобы радость и жизнь выпирали наружу из всех углов, чтобы само солнце светило и грело по-новому!

Елена. Но меня не будет. Я, Елена Монкевич, теряюсь.

Миронов. Напротив, вы вырастаете, вы становитесь больше. Общее дело в вас живет, вами творится. У вас в мире свое место, своя задача, свое назначение. Ваше лицо — особый образ мира.

Елена (*молчит несколько секунд, задумавшись. Затем говорит*). Я не знаю своей задачи.

Миронов (*горячо*). Найдите ее, ищите, испытывайте, спрашивайте у других людей, проверяйте себя по поступкам. Вы не знаете своих сил, Елена Герасимовна. Человек безмерно силен. Каждый — гений, но только мало кто нашел путь к собственной гениальности. Каждый — избранник, каждый — вождь и пророк. А как жизнь была бы хороша, если бы все выказали в ней то, что в них есть, если бы помогли друг другу вывить эти огромные силы!

Елена (*задумчиво повторяет*). Каждый избранник, каждый пророк. Говорите, Миша, говорите дальше.

Миронов. Я не умею говорить, я только чувствую, что нужно.

Елена. Нет, Миша, вы хорошо говорите, мне хочется вас слушать. Что-то от вашего огня зажглось во мне, я перестаю себя ощущать одинокой и оторванной.

Миронов (*убежденно*). Огонь в людях общий. Прежде этого не понимали. Горели каждый врозь. Теперь все пойдет по-новому. Я в этом убежден. Новая пора, Елена Герасимовна, встает для человечества. Прорвался огонь подспудный страшным взрывом из низин, спалил пожаром мир — много в нем красоты былой погубило, но зато как разгорится — новые звезды будут светить, люди станут огненными, сама земля будет солнцем. Мы, молодые, чуем в себе тепло этой новой зари. Оттого дерзание у нас, воля и жизнь, оттого идем мы напролом на завоевание мира. Спешите, Елена Герасимовна, к нам присоединиться.

Елена. Я чувствую в себе какой-то новый порыв. Сердце бьется сильнее, день сияет ослепительно, везде кругом цветы...

Миронов (*продолжая*). Помните, Елена Герасимовна, сколько мы с вами насчет культуры рассуждали? Она нужна нам, молодым, как свет и воздух. Мосты к ней надо проложить через знающих людей. Разве это не великое, не святое дело? Поднять людей, зажечь их, помочь им развернуть их творчество. Разве ради этого не стоит жить?

Елена. Да, да, это так, это настоящие слова, Миша, это настоящее дело. Я слепая была, не видела дороги, теперь вы мне показали. (*Елена идет к Миронову. Волосы ее развеваются в свете зари.*) Миша, идите сюда, дайте вашу руку. Для вас, с вами я начну новую жизнь.

Сцена заполняется молодежью. Это экскурсия провинциальных студентов. Они одеты бедно, в русских рубашках и в стоптанных сапогах. Среди них много девушек.

Один из студентов. Товарищи, не отставать. Идем все вместе.

Молодые люди движутся стеной на зрителя. Миронов и Елена находятся посредине. Они захвачены движением и идут вместе с другими. Откуда-то сбоку выскакивает Нептырь.

Нептырь. А цветы-то потопчут!

Миронов. Неправда. И старые сохраним, и новые еще лучше вырастим.

Занавес.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из прозаической версии

Глава вторая. Эпигоны богоискательства²⁹

Владимир Платонович поспешил навстречу гостям. В дверях стояла грузная фигура известного русского мыслителя Павла Петровича Маетнова. Его называли в кругу близких московских друзей «последним богоискателем», так как он принадлежал к группе деятелей девятидесятых годов, объединившихся в свое время в Религиозно-Философском Обществе. Он был другом Н. Бердяева, Вячеслава Иванова, М. Волошина, С. Франка, Андрея Белого и других писателей и мыслителей того времени, которых Революция рассеяла по разным местам, кого загнав за границу, кого затеряв в обширных пространствах СССР.

Из-за широкой спины Маетнова выглядывала немолодая дама с тонкими чертами лица — его жена Вера Ларионовна.

Владимир Платонович провел Маетновых в кабинет, где обычно в дни философских бесед гости сидели до полного сбора, после чего следовали во вторую комнату, где усаживались за обеденный стол. Беседа происходила за чашкой чая.

Павел Петрович был полон еще впечатлений от своей недавней поездки на Кавказ, где он провел месяц на Черноморском побережьи в Сочи и Новом Афоне³⁰.

— Сердце сжималось, — рассказывал он, — при виде Новоафонского монастыря, превращенного в курортную гостиницу. Я отнюдь не церковный человек в православном смысле, но мне тяжело было видеть трапезу монастыря с рядами подвижников и святых на стенах и где теперь ресторан с кафешантаном. Тут есть, независимо от религиозных соображений, какое-то поразительное безвкусие.

— А что случилось с монахами? — спросила молодая дама, вошедшая вслед за Маетновыми. Это была Софья Васильевна Мельникова, обычная посетительница суббот Рудного. Она никогда не выступала и ничем не была замечена, кроме постоянным своим присутствием на всех собраниях, где обсуждались духовно-философские вопросы. С нею пришла другая дама, Анна Вадимовна Клеонова, известная своим участием в организации закрытой в 1922 году Академии Духовной Культуры³¹.

— Монахи разбрелись, — сказал Маетнов, — кто остался и служит на Новом Афоне, лучшие же ушли в горы и образовали там скиты.

— Правда ли, что среди них много имяславцев? — продолжала расспрашивать Софья Васильевна.

— Да, — ответил Маетнов, — хотя они, по-видимому, живут ближе к Красной Поляне. Говорят, там есть в самой дикой части горное озеро, окруженное отвесными скалами, покрытыми хвойным лесом. Там, в совершенно недоступной местности, построили они себе кельи и живут, пи-

таясь скудными приношениями нижних монахов, возделывающих кукурузу. Но вам вернее всего сможет сообщить об имяславцах отец Владимир.

Он указал на вошедшего в кабинет высокого и худого, еще молодого священника. Рудные, муж и жена, встретили его с особенным почтением — то был отец Владимир Сергеевич Медиоланский, знаменитый математик и философ, прогремевший своим участием в Афонском споре как защитник Булатовича³².

Отец Владимир присоединился к образовавшемуся вокруг Маетнова кружку. С ним вместе подошел красивый человек с седеющими волосами — поэт и писатель, последователь федоровской философии — Николай Игнатьевич Постышев. Завязалась общая беседа, которая с монастырских поселений перешла вообще к разным религиозным искателям на Кавказе.

— Я встретил там удивительного странника, — рассказывал Маетнов. — Он по виду совершенно напоминает древнерусских паломников, с большой седой бородой и спокойными глазами. Сын богатых родителей, он двадцать лет тому назад кончил университет, но почувствовал неудовлетворенность, бросил науку и стал странником. С тех пор он не имеет уже двадцать лет постоянного жилья, ходит и ездит и проповедует. Останавливается у благочестивых друзей, от которых принимает средства на жизнь.

— Удивительно, что в наше время есть еще такие люди, — заметил новый собеседник, известный врач-биолог Сергей Дмитриевич Нефороцин. Это возможно только в нашей стране с ее поразительными контрастами. Электростанция воздвигается рядом с соломенными крышами и диалектический материализм уживается с хождением какого-нибудь игумена Даниила.

Сергей Дмитриевич очень гордился своим просвещенным взглядом на религию, необычным, как он считал, для биолога с мировым именем. Здесь же он был доволен, что ему удалось также показать свое знание русской истории.

Разговор некоторое время вращался вокруг странников и мистиков разного рода. Маетнов, продолжая свой рассказ, указал, что как в Красной Поляне, так и в Псхе имеются колонии самых различных по убеждениям групп. В частности, ему пришлось встретиться с антропософами, о которых он сохранил самое лучшее воспоминание.

При этом Маетнов обратился к благообразной даме в пенсне, стоявшей несколько в стороне от собеседников.

— Рассказываю про Ваших антропософов, Дарья Александровна, — сказал ей Маетнов, — они оставили во мне глубокое впечатление — ей-богу, замечательные люди.

Дарья Александровна Куренкова улыбнулась.

— Я очень счастлива слышать такой ваш отзыв о последователях доктора Штейнера, Павел Петрович, — сказала она, — надеюсь, что вы воздадите им должное и в ваших будущих работах.

— Вы знаете, — ответил с большой серьезностью Маетнов, — что мне одинаково дороги все, кто стремятся к развитию духовной жизни. По-моему, все мистические пути ведут одинаково к Логосу.

Владимир Платонович слушал внимательно и затем перешел к другим гостям.

В другом конце кабинета, у письменного стола Рудного, заваленного книгами, завязался горячий спор между искусствоведом Вобриневским и профессором философии Оттоном Андреевичем Лаубе.

— Я не отрицаю интереса логических и метафизических проблем, — говорил Вобриневский, — но мне как гетеанцу ясно, что ваша школьная философия мертва. Тогда как искусство есть сама жизнь, есть потребность и творческое порождение организма, ваша философия есть игра умственных систем, пребывающих в безнадежной отвлеченности.

Лаубе улыбнулся в сознании явного своего превосходства.

— Я думаю, — сказал он, — что вы не будете отрицать значения математики. Ведь не всегда и не вся математика применяется в жизни людей. Математика существует независимо от жизни. Также философская истина раскрывается нам безотносительно ее практической пользы.

Владимиру Платоновичу сделалось тоскливо на сердце. «Все то же, — подумал он, — как им не надоест повторять эти слова. Нужны ли искусство и философия для жизни? А может быть, сама жизнь не нужна».

Он взглянул на своих гостей. Как он далеко от них себя ощущает, несмотря на то, что знает их столько лет, что пережил с ними все ужасы и грозы Революции и, казалось, связан с ними неразрывными духовными узами. Но они чужды ему, несмотря на то что он воспитан десятилетиями в той же культуре. Ему известны все эти вопросы, он дома в этих лабиринтах мысли, эти исторические образы ему родные — но вместе с тем все его мироощущение теперь другое и он бесконечно, безмерно далек от всей этой культурной суеты.

«Да, именно суеты, — подхватил он собственный образ, — пыль, порожденная стареющей культурой. Ничего нового, ничего свежего, ничего стоящего внимания... и жизни». Его новая истина, та, которую он сейчас им выскажет, единственная, в самом деле, глубокая и правдивая оценка мира. Больше чем когда бы то ни было он убежден в правильности своих выводов, в железной логике своих умозаключений. «Они вертятся вокруг проблемы и ее не разрешают, — продолжал он свою мысль, — я упраздняю самую проблему и тем самым разрубаю заколдованный круг как бы мечом, даю единственное радикальное, бесспорное решение. Пусть они будут ошеломлены, пусть они негодуют на меня, клеймят меня презрением — я все им выскажу. Я выше их, потому что мысль моя смелее и честнее, и я дохожу в ней до конца, как он ни грустен в своей ужасной простоте».

Он стоял посредине комнаты, не обращая внимания на окружающих. Лицо его, обычно напряженное сосредоточенной работой ума, изобразило странное равнодушие.

Ирина Михайловна, проходившая в столовую, с беспокойством на него взглянула. Было что-то в его выражении, что внушало ей уже некоторое время непонятную ей самой тревогу. Она тоже забыла гостей и хотела подойти к нему. Но в это время раздумье Владимира Платоновича было прервано. С ним здоровался странный человек небольшого роста и неопределенного вида. У него было маленькое и тщедушное тело и огромная лысая голова. Туберкулез спинного хребта заставлял его носить гипсовый корсет, вследствие чего он держал шею в неестественном положении и двигался, не сгибаясь. Маленькие глаза его с двух сторон небольшого носа-пуговицы выглядывали хитро и недружелюбно, но с неизменно умным выражением. Вообще весь его облик напоминал существа будущих времен или обитателей других планет, как их рисуют художники с фантазией. Лицо его было незнакомо Ирине Михайловне и почему-то произвело на нее неприятное впечатление.

«Кто бы это мог быть?» — подумала она.

Но в это время Владимир Платонович заметил ее и подвел к ней странного человека.

— Ириша, — сказал он, — позволь мне представить тебе одного из моих новых друзей, — Василия Евтихиевича Нептыря.

Василий Евтихиевич раскланялся и поцеловал ее руку. Почему-то прикосновение его губ вызвало в ней какую-то дрожь.

— Василий Евтихиевич, — продолжал Владимир Платонович, — тонкий мыслитель, и я особенно счастлив, что он услышит мой сегодняшний доклад. Многие из моих новых мыслей, я не стыжусь это признать, были навеяны разговорами с Вами, Василий Евтихиевич, за последние недели.

Василий Евтихиевич как-то криво улыбнулся, затем издал странный звук вроде кудахтания курицы и только после этого раскрыл рот для речи.

— П-п-п-п...ростите, — произнес он, заикаясь, каким-то режущим и неприятным голосом, точно кто-то водил гвоздем по стеклу, — простите, все ваши мысли, Владимир Платонович, ваши собственные. Я т-т-т-т... только уточнил некоторые ваши выводы.

Ирина Михайловна, уже предубежденная наружностью этого странного собеседника, — еще более прониклась с нему недружелюбием, когда узнала, что «новые мысли» мужа, эти новые мысли, от нее сокрытые и ее беспокоящие, как-то связаны с этим уродом.

— Я не имела еще удовольствия вас встречать, — сказала она Нептырю, взглядываясь в него своими глубокими глазами.

— Да, Ириша, мы с Василием Евтихиевичем недавно только познакомились. Мы встречались в специальном зале Румянцевской Библиотеки. Но теперь я надеюсь, что он будет частым нашим гостем, не правда ли, Василий Евтихиевич? Ирина Михайловна присоединяется к моей просьбе, не правда ли, Ириша?

— О, да, конечно, — сказала Ирина Михайловна, в то время как что-то в ней еще сильнее, чем прежде, восстало против Нептыря.

Василий Евтихиевич приложил руку к сердцу и, как Ирине Михайловне показалось, подмигнул ей.

В это время подошел к ним Нефорощин.

— Не пора ли, милые хозяева, приступить к беседе, а то поздно будет. Знаете ли, трамваи ходят только до половины первого.

— А мы все к тому же, — подхватил подошедший Маетнов, — горим желанием услышать ваш сегодняшний доклад, новые ваши мысли, о которых вы нам намекали, не раскрывая их. Как называется доклад? — добавил он с видом интеллектуального гурмана, предвкушающего вкусное умственное блюдо.

— О жизни и смерти, — кратко ответил Рудный.

— Ого, — раздался голоса, — ну и тема. В вашей трактовке это обещает многое.

— Ммм... многое, — повторил многозначительно Нептырь и, как показалось Ирине Михайловне, усмехнулся.

— Ну что же, Ириша, — сказал Владимир Платонович, — зови гостей в столовую.

Через несколько минут после усиленного передвигания стульев, все устроились вокруг четырехугольного стола, где был подан чай с бутербродами.

Владимир Платонович сел около лампы в своем обычном кресле. Он оглянул твердым и внимательным взглядом собравшихся. Они сидели в два ряда и были похожи на птенцов, ожидающих пищи.

— Можно начинать? — спросил он.

— О да, мы слушаем, — сказал Маетнов.

— С-с-с-слушаем, — пискнул после краткого кудахтания Нептырь.

— Ну хорошо, — сказал Рудный, откашливаясь, — я начинаю.

[НАЧАЛО ПЬЕСЫ]

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

[Картина первая]

Терраса дома в усадьбе-музее «Токарево». Дом-дворец в Александровском стиле с колоннами. Над террасой остатки герба рода Канищевых. Под гербом доска с большими буквами. Надпись гласит: «Усадьба Музей». Под надписью указаны часы посещения музея. В одном из углов террасы накрыт стол. Семья Александра Федоровича Канищева, бывшего владельца усадьбы, а ныне хранителя музея, пьет утренний чай за столом. Здесь сам Канищев, жена его Татьяна Владимировна, старая тетка Феоктиста Семеновна, дочь Канищева Ольга и сын Николай. Канищев — высокий и полный человек лет пятидесяти с величественной барской осанкой. У него небольшая седеющая борода. Во всех манерах его виден барин, но не грубого крепостнического типа, а либеральный, в духе земских деятелей начала XX века. Жена его — дама лучшего общества, одетая по довоенным модам с длинной юбкой. Руки ее слегка погрубели от домашних работ. Старая тетка носит моды конца XIX века. Вся в черном, в старинном чепце. Молодые люди — Ольга, хорошенькая блондинка, стройная, тонкая, но с известным спортивным налетом. Юбка короткая, шея и лицо загорелые. Николай — насколько позволяют скудные средства — одевается франтовато, в френче, стянутом в талии, длинных брюках и темно-коричневых башмаках. Галстук завязан бабочкой. Вид офицерский. Васена, деревенская девушка, домашняя работница Канищевых, ставит на стол самовар. Все сидят в ожидании чая. Татьяна Владимировна хлопочет у самовара.

Канищев. Ну и утро, славно как здесь.

Татьяна Владимировна. Я удивляюсь тебе. В нашем ужасном положении еще думать о красоте утра.

Канищев. Ничего не может помешать мне вдыхать хороший воздух и любоваться природой. Человек должен быть выше всяких неприятностей.

Татьяна Владимировна. Хороши неприятности. Это катастрофа для нас. Не сегодня-завтра выкинут нас на улицу.

Канищев. Тогда будет время переживать это несчастье.

Николай. Папа неисправим. Что с ним не делай, он остается прекрасодушным либералом.

Феоктиста Семеновна (*шамкает*). Либеральничали. Съезды всякие устраивали. Вот и допрыгались до Революции.

Канищев хочет что-то ответить, но в это время открывается дверь, ведущая на террасу из внутренности дома. Выходит профессор Редискин в сопровождении аспиранта Леонида Викентьевича Власьева. Профессор Илья Антонович Редискин — видный советский археолог, сделавший карьеру на недавних крымских раскопках. Очень смуглый, с длинным носом и острой черной бородкой и черными же волосами. Носит пенсне. Худощав, шуплого сложения. Роста среднего. Власьев — белобрысый молодой человек обыкновенной наружности, в которой все так ничтожно, что нельзя ничего отметить выдающегося. Оба прилизаны, одеты с иголки в полуспортивно-полупоходное

платье. Короткие брюки, чулки. Несут чемоданчики с археологическими принадлежностями. Идут по террасе к лестнице. При виде Канищевых Редискин принимает важный и официальный вид.

Канищев (*Редискину*). А, Илья Антонович, как изволили почивать?

Редискин (*с холодным поклоном по адресу семьи Канищевых*). Благодарю вас, хорошо. (*Хочет пройти мимо.*)

Татьяна Владимировна. А чаю не покушаете с нами?

Редискин (*сухо*). Спасибо, я уже пил в конторе музея.

Канищев. Ну, не велика беда, выпьете еще раз с бывшими помещиками.

Редискин (*с предельной сухостью*). Я при исполнении официальных обязанностей.

Канищев (*смотрит на него и смеется*). Ну, знаете, там кому хотите очки втирайте относительно революционной археологии, а с нами могли бы по-приятельски закусить.

Редискин (*с видом, как будто он проглотил аршин*). Я вас не понимаю.

Николай. Мы недостаточно советское общество для профессора.

Редискин (*Власьеву*). Идемте, Леонид Викентьевич. (*Во время предшествующего разговора Власьев стоял несколько в стороне, как будто дело его не касалось. На лице у него были написаны равнодушие и легкая скука. Теперь он с деловым видом идет за Редискиным. Последний кланяется Канищевым еле заметным официальным поклоном.*) Честь имею кланяться. (*Оба уходят, спускаясь по лестнице террасы.*)

Николай (*показывая им вслед кулак*). У, коммуноиды.

Канищев (*качая головой*). Кто бы сказал — как переменялся человек. Делает, видно, карьеру.

Татьяна Владимировна. Правда ли, что он был раньше в Союзе русского народа?

Канищев. Где-то около во всяком случае. Еще года четыре-пять тому назад он все ждал падения советской власти и втихомолку вел контрреволюционные разговоры. А теперь вот каким стал — в Академию, должно быть, метит. Выдумал красную археологию.

Ольга. Я не понимаю, папа, каким образом археология может быть революционной?

Канищев. Все может сделаться революционным, даже самые буржуазные и монархические камни, когда такие субъекты используют их для своих личных целей.

Николай. Хотел бы я его посмотреть в случае переворота. Первый наденет трехцветный значок и будет участвовать в погромах.

Ольга. Противный человек. Я предпочитаю настоящих коммунистов.

Николай. Не говори глупостей. Все они бандиты.

Феоктиста (*шамкает*). Хуже бандитов.

Канищев. Ну нет, объективно судя, среди них есть и идейные.

Николай (*сквозь зубы*). Идейные мерзавцы.

Канищев (*не обращая на него внимания*). Вот этот, которого ждем сегодня, новый заведующий школой, говорят, он идейный.

Татьяна Владимировна. А выселить нас не постеснится и сам, наверное, займет наши комнаты.

Канищев (*спокойно*). Все возможно. Только вообще я много слышал про него хорошего.

Татьяна Владимировна. Я тебе удивляюсь, Саша. Человека специально присылают с тем, чтобы разгромить остатки нашего имения и пустить нас по миру, а ты его хвалишь.

Феоктиста Семеновна (*шамкает*). Либерал.

Канищев. Надо быть справедливым. Я его не хвалю — лично с ним не знаком. Но мне рассказывали, что это лучший тип коммуниста. У него возвышенные идеи.

Николай (*смеется*). Папа бесподобен. Возвышенные идеи! Убивать и грабить — вот все, что они могут.

Канищев. Я ни в одном пункте с ними не согласен, но справедливость требует...

Феоктиста Семеновна (*Шамкает*). До хорошенького положения довели Вы Россию с вашей справедливостью. Перевешать надо было вовремя всех этих негодяев.

Николай. Правильно, тетушка, вот это дело. Еще сделаем.

Канищев. Такие зоологические чувства несовместимы с человеческим достоинством. Вы такие же большевики, только справа.

Татьяна Владимировна. Ну вот, будешь спорить. Посмотрю я на тебя, когда этот твой идеальный коммунист выгонит нас всех из имения, а все наши драгоценные вещи отдаст деревенским соплякам.

Слышен колокольчик, и топот лошадей, и громыхание телеги.

Татьяна Владимировна (*вытирает глаза*). Слышать не могу этих колокольчиков. Столько с ними связано воспоминаний. А теперь это, наверное, какая-нибудь новая неприятность.

Слышен шум открываемых дверей.

Канищев (*Васене, которая заходит на террасу*). Кто это, Васена? Экскурсия?

Васена. Не знаю. Какой-то высокий, бритый приехал. С револьвером.

Татьяна Владимировна. С револьвером?

Васена. Сюда идет с Демьянычем.

Дверь открывается. Входят комендант музея Демьяныч и Васьков.

Демьяныч (*указывая Васькову [на] Канищеву*). Вот хранитель музея. (*Канищеву*.) Александр Федорович, это приехал новый заведующий из Москвы.

Канищев (*встал. Здоровается. Демьянычу*). Надо зеленую комнату приготовить.

Демьяныч. И то верно. Пойду открою. (*Васькову.*) А вы, товарищ, пока здесь подождите.

Васьков. Хорошо, подожду.

Канищев. Может быть, чайку попьете с нами?

Васьков. Хотелось бы сразу к делу.

Канищев. Можно за чаем переговорить. Ведь у вас секретов нет — тут моя семья.

Васьков. Нет никаких. Я все делаю и говорю открыто.

Канищев. Ну, великолепно, садитесь. (*Садятся.*) Это моя жена Татьяна Владимировна, а это тетка Леокадия¹ Семеновна. А то дети Николай и Ольга. (*Васьков сдержанно кланяется.*) Ну, Таннет, налей чаю... Простите, как вас по имени и отчеству?

Васьков. Андрей Степанович, а проще — товарищ Васьков.

Татьяна Владимировна наливает ему чай и передает через стол. Молчание.

Канищев. Вы приехали устраивать новую школу?

Васьков. Да.

Канищев. Старая-то очень плоха. Помещение ничего. Вон в том флигеле. (*Показывает.*) А вот книг нет да тетрадей.

Васьков. Вы думаете, я для сельской школы сюда приехал?

Канищев. А то как же.

Васьков. Да нет, тут недоразумение. Школа для ребят останется прежняя, и учителя вместо прежнего, умершего, найдем. А я новую школу заведу, совсем в новом духе.

Канищев. Т. е. какую же?

Васьков. Школу коммунизма.

Канищев. То, что у вас называется партшколой?

Васьков. Нет, тут шире. Такую школу, чтобы с мещанством во всей округе боролась и истинный коммунизм в быту насаждала.

Канищев (*удивленно*). Позвольте. Я что-то не слышал про такие школы.

Васьков. Это совершенно новый опыт. Этого еще нигде нет. Я избрал это место в глухой провинции, чтобы попробовать создать здесь новых людей.

Канищев. Каких же людей вы хотите создать?

Васьков. Это долго рассказывать. В коротких словах: я хочу показать, что возможна совершенно новая психология — людей без мещанских вкусов и предрассудков. И соответственно возможен новый быт и новые формы личной и общественной жизни.

Канищев (*улыбаясь*). Это было мечтой многих реформаторов, начиная еще с Платона. Но никому это до сих пор не удалось. Идеальные коммуны Оуэна и других провалились.

Васьков (*с жаром*). Да потому что было неверное основание. Аристократический коммунизм или филантропия, без классового начала. Бесклассовый строй, к которому идет коммунизм, не может быть создан, пока власть находится в руках эксплуататорских классов. Пролетариат, как новый класс, охватывающий массы, может дать социальную базу, достаточно широкую, для создания новой бесклассовой культуры.

Николай (*сквозь зубы Татьяне Владимировне и Леокадии Семеновне*). Ну, пошла шарманка.

Канищев. Я не буду спорить — это завлекло бы нас слишком далеко — тут ставятся основные экономические и социальные вопросы. Но позвольте спросить, как вы конкретно мыслите себе такую школу?

Татьяна Владимировна. Где? В каком помещении?

Васьков. Здесь, в этом доме.

Канищев (*с беспокойством*). Но ведь здесь музей.

Васьков. Ну так что же?

Татьяна Владимировна (*испуганно*). Неужели вы его уничтожите? Тут ценнейшие вещи и архивные документы.

Васьков (*спокойно*). Почему уничтожу — наоборот, использую.

Канищев. Используете? Не понимаю, как это возможно. Архивные документы XVIII века. Старинные гравюры, мебель.

Васьков. Я не уверен, что все будет одинаково полезно. Но в мою идею входит как раз устроить школу, которая была бы связана с музеем старой культуры.

Канищев. Что общего между коммунизмом и старой культурой?

Васьков. Прежде всего то общее, что коммунизм есть переделка старой культуры в культуру новую. Надо знать то, что отрицаешь и переделываешь.

Татьяна Владимировна (*с укором*). Вы хотите уничтожить старую культуру?

Васьков. Да, поскольку она мешает росту новой. Нет, поскольку она может быть использована в новой жизни.

Леокадия Семеновна. Вы только умеете уничтожать.

Васьков (*спокойно*). Да, нам многое пришлось уничтожить и многое еще мы разрушим. Но по существу мы строители и разрушаем только для того, чтобы поставить на место старого плохого новое — лучшее.

Николай. На словах.

Васьков (*пристально на него смотрит*). На деле. Здесь, в этой местности, я вижу — старая жизнь, старые люди. Я все это изменю. Я создам могучий очаг новой культуры, такой, где человек не будет рабски связан узами собственности.

Канищев. Все-таки вы не объяснили, каким образом вы используете музей.

Васьков. Я придам ему динамический характер, придам вещам живой, учебный смысл². Музей — это собрание старого, из которого диалектически должно вырасти новое. В каждом явлении, о котором говорят

ваши картины и документы, надо уметь найти зачатки той борьбы, из которой вырастут будущие наши достижения.

Татьяна Владимировна. А с нами что будет? Вы нас выселите?

Васьков. Я еще не осмотрелся. Если будет нужно для дела, выселю.

Татьяна Владимировна. Куда?

Васьков. Постараемся вам дать помещение. Но согласитесь, что это маленький вопрос по сравнению с значением новой школы.

Николай. Просто вам нужен хороший дом.

Леокадия Семеновна. Грабеж!

Васьков (*встает. Холодно*). Вы не можете, конечно, понять. Одним из оснований для вашего удаления отсюда как раз послужит ваша неспособность проникнуться новыми началами. Вы очевидно оказываете вредное влияние на окружающее население, которое я хочу охватить моим новым воспитанием.

Николай (*насмешливо*). Посмотрим, товарищ Васьков, как отнесутся еще наши крестьяне к вашим проектам. У них пока определенный взгляд на коммунизм.

Васьков (*спокойно*). Разные есть крестьяне — кулаки и бедняки. Разные и взгляды.

Николай. На лодырях, значит, хотите социализм строить.

Васьков (*делает движение, чтобы идти. Строго*). Я приехал сюда не спорить, а дело делать. А вы (*обращается к Николаю*), я вижу, явно вредный элемент. Смотрите, как бы не пришлось принять против вас меры.

Николай. Угроза?

Татьяна Владимировна (*испуганно*). Брось, Николай, что ты лезешь! Вы должны извинить его, товарищ Васьков, он молод и очень нервен.

Николай. Фи, Мама, как не стыдно тебе произносить это паскудное слово.

Канищев (*до этого времени он ходил взад и вперед по террасе. Николаю*). Молчи, Николай, не путайся не в свое дело. (*Васькову*.) Мы считываем на вашу справедливость. Я слышал о вас, что вы зря не причиняете зла людям.

Васьков. Зря, конечно, нет. Только когда это необходимо.

Входит Демьяныч.

Демьяныч. Ну, товарищ Васьков, отличная будет у вас комната. Пойдемте, я вам покажу.

Васьков (*равнодушно*). Мне это неважно. Лишь был бы угол отдохнуть, да стол, чтобы писать.

Уходят.

Татьяна Владимировна (*в отчаянии*). Какой ужас! Он нас выселит.

Канищев. Ну почему так думать, он сказал: может быть.

Татьяна Владимировна. Ты до невозможности наивен. Разве ты не видишь, что им нужен дом и больше ничего? Только бы грабить, да жить поудобнее.

Канищев. Ну, нет, я не сказал бы. Он производит впечатление убежденного человека.

Николай. Убежденный мерзавец. Я бы с удовольствием застрелил бы этого негодяя.

Татьяна Владимировна. Глаза у него точно каменные.

Ольга. Мне понравились его глаза. В них сила и мысль.

Татьяна Владимировна (*смотрит на нее с укором*). Что ты говоришь, Оля, ведь он хочет нас выселить.

Николай (*Ольге насмешливо*). Вот советую тебе влюбиться и выйти замуж. Вокруг ракитового куста. Мадам Васькова — это звучит хорошо.

Ольга (*с задором*). А кто знает, быть может, так и будет.

Татьяна Владимировна (*строго*). Не говори глупостей. Все вы не только не помогаете, но только ухудшаете еще наше положение. (*Канищеву*.) А ты вел себя, как старая тряпка. Ты даже не пробовал его убедить.

Николай. Убедить такую дубину? Пулей из винтовки разве.

Канищев. Я нарочно не хотел вначале развернуть все мои аргументы. Я еще с ним поговорю. Я разъясню ему вопрос с точки зрения свободы и справедливости.

Татьяна Владимировна (*горько*). А пока он будет нас выселять. Прямо на улицу.

Леокадия Семеновна. Бандиты.

Николай. Посмотрим еще, кто окажется сильнее. Что скажут крестьяне.

Входят Васьков и Демьяныч.

Васьков (*Канищеву*). Я хотел бы осмотреть Музей.

Канищев. Я вам сейчас покажу.

Проф. Редискин поднимается по лестнице. Подходит к Демьянычу и разговаривает с ним, вопросительно указывая в сторону Васькова.

Демьяныч (*Васькову, указывая на Редискина*). Вот, товарищ> Васьков, здесь профессор Редискин, приехал на раскопки. (*Редискину*.) Это товарищ из центра, приехал заведывать новой школой.

Редискин (*любезно*). А, из Москвы. Я тоже из Москвы. Очень рад, товарищ, с вами встретиться.

Васьков (*сухо*). Что вы здесь раскапываете?

Редискин (*заискивающе*). Курганы. Представьте себе, товарищ, здесь есть ценнейшие находки. Памятники угнетения народа империализмом.

Васьков. Хорошо, все это посмотрим. (*Хочет уйти.*)

Редискин (*не отходя от него*). Я хотел бы еще спросить ваше мнение, товарищ. Я хотел бы устроить лекцию для крестьян — для бедняков и середняков, конечно, о Революции и Археологии.

Васьков (*холодно*). Я не вижу в этом надобности.

Редискин (*заискивающе*). Но позвольте, товарищ, это имеет значение для культурного обслуживания масс.

Васьков. Гражданин профессор, мы сами знаем, как обслуживать массы. Когда будет надобность в вашей специальности, мы вас вызовем.

Редискин. Но позвольте, товарищ... (Васьков идет вниз по лестнице. Навстречу ему поднимаются комсомолка Анна Павлова, комсомолец Сергей Антюхин и молодой батрак Василий Климов. Одеты по деревенски. Анна в красной повязке.)

Анна. Здесь товарищ Васьков?

Васьков. Это я.

Анна. Мы к вам, товарищ, от Токаревского актива.

Васьков. Очень рад, товарищи.

Антюхин. Мы слышали, что вы приехали, чтобы создать здесь новую школу.

Анна. Мы пришли, чтобы помочь вам.

Васьков. Очень хорошо, товарищи, мне ваша помощь очень нужна. Это совершенно новое и очень трудное начинание. Я особенно рассчитываю на местную молодежь.

Анна. Мы все сделаем, что можем. Мы хотим строить новую культуру.

Васьков (*показывает рукой дворец*). Товарищи, вы видите этот дом. Когда-то здесь накапливались десятилетиями, а может, и веками ценности старой культуры. Теперь это музей, где собраны для обозрения все эти богатства. Нужно, чтобы они ожили в наших руках. Нужно создать нового человека, вооруженного всем прошлым знанием, но воспитанного в истинном коммунизме.

Картина вторая

Улица в селе Токареве. Видно несколько изб. Колодец. В глубине гумно с амбарами. На завалинке одной из изб и на скамье и на бревнах сидят крестьяне Петр Тимофеев, Карп Степанов, Василий Мельник, Василий Федоров, Антон Климов.

[ГЕРСЕВАНОВ]

[1]

1. 1913 — Заседание религиозно-философского общества. — Мережковский выступает с докладом, высказывая идею мистической революции.

Герсеванов в числе оппонентов¹. Произносит громовую речь о явлении Христа во славе.

Его триумф. Его окружают слушатели и слушательницы.

Робкие возражения одной из слушательниц Елены. — Нужна ли слава и мощь? Нет ли силы в бессилии? Герсеванов читает ей отповедь, ссылаясь на величие христианской культуры.

1 bis. Сцена у Исаакиевского собора.

Поражен скорбным ликом Христа.

2. 1917 — На квартире Герсеванова в Москве. — Он женат на Елене. — Разговор с Дубцовым. — Он возлагает надежды на Революцию. — Он читает Дубцову свою статью для «Русской свободы» — о Св. Георгии². Дубцов замечает, что нет в Революции звона колокольного. Будет — говорит Герсеванов³. Революция есть проявление религиозности русского народа и окончится торжеством христианства. Дубцов доказывает обратное: Революция есть начало величайшего кризиса христианской культуры, она есть продолжение нехристианской культуры, начатой Возрождением, она есть возобновление язычества, она есть конец христианства.

Герсеванов восхваляет Революцию. — В это время стрельба.

3. Лунная ночь в Петрограде. На площади Мариинского Дворца. Летучий митинг. Разные высказывания. Молодой матрос не умеет сказать, но ищет правду.

Все расходятся, кроме Герсеванова и его. Их разговор. Герсеванов его уговаривает сделаться религиозным. Матрос рассказывает свою жизнь. Он из окрестностей Ясной Поляны — Ведерников по имени. — Служил на Тульском заводе. — Теперь он хочет записаться в большевики. У них одна правда.

4. Конец 1919. — Герсеванов и Елена в Москве. — Их квартира. — Голод. — К ним приходят знакомые. Разговор — о красном терроре. — Ужас всех. — Молодой поэт произносит у рояля мелодекламацию о красивых цветах.

5. Очередь за академическим пайком. Звериная злоба ожидающих.

1919. Конспиративная квартира. — Заседание Народного Союза⁴. —

2 течения. — Одни — непримиримые. Другие, наоборот, за примирение. — Вдруг стук в дверь — обыск — арест.

6. Тюрьма. — Околоток в Бутырской тюрьме. — Все в белых халатах. — Самоуправление. — Социалистическая прогулка. — Спор анархистов и меньшевиков. — Встреча с махновцем.

7. У следователя. — Следователем оказывается Ведерников. Вспоминают встречу. Идейное исповедание Ведерникова. — Гордый ответ Герсееванова. — Христос грядет во славе.

8. 1921. Кружок Бердникова⁵. — Все в унынии. — Разброд. — Разные типы. — Антропософы. — Католики. — Советская монархия. — Выше-славцев. — Вход Герсееванова. — Он только что из тюрьмы. — Овация. — Его пламенное выступление. — Христос грядет во славе. — Вся христианская культура за нами. — Овация.

9. Герсееванов на бульваре. — Демонстрация. — Толпа. — Разговор с рабочим. — Сомнения.

10. Дома у Герсееванова. — Разговор с Еленой. — Ее сомнения. — Он раздражается. — Разговор с его сыном. — Сын не понимает.

11. 1922. Комсомольское Рождество. — Его выход на улицу. — Ожидания отпора, выступления духовенства. — Сцена у Иверской. — Старушки закрываются⁶.

Первый приступ сомнений, близкий к помешательству.

12. 1924. Красивая жизнь — кутеж сына Герсееванова — Foxtrot⁷.

13. Академия Духовной Культуры⁸.

Доклад об американизме. — Возражения.

Герсееванов выступает с речью, в которой говорит о провале христианства.

Его проклятие русскому народу.

14. Сумасшедший дом. Видение Христа во славе. — Лик сменяется рожей. — Бегство из дома умалишенных.

15. Приход домой. — Разговор с Еленой. — Бегство из дома.

16. Бульвар. — Сцена с пьяницей. — Пятится — падает. — Прибегает Елена. — Молится.

Звуки Интернационала.

Проход войска.

1. В Петербурге, проходя мимо Исаакиевского собора, видит лик Христа — уязвлен им.

2. Лекция Г<ерсевича> — о значении христианской культуры.

3. *Кружок Бердяева*. — Разногласия. — Все в унынии вследствие событий. — Выступление Г<ерсевича>. Христос грядет во славе!

4. Сцена с сыном. Объяснение сыну значения Христа. Сын не понимает.

5. Комсомольское Рождество. Пьяница падает на забор и ранит себе руки.

Акад<емия> Дух<овной> Культуры.

6. Один на бульваре — ночью. Во сне — видит: Христос-Царь грядет. — Ужасный лик. — Ставит вопрос: кто ты — гусиная лапа (или рожа)?

Просыпается. — К нему подходит пьяный прохожий, похожий на Христа. — Подходит и показывает свои руки. — Затем прободенный бок. — Ужас Г<ерсевича>.

Сумасшествие.

Появляется жена — обнимает. — Молится. — Падает.

В противоположность Герсевичу, ученому интеллигенту, богослову, надо изобразить идейного большевика, мечтающего о царстве правды и справедливости на земле, о рае земном.

Жена Герсевича — носительница внутреннего христианского начала. — Не образована. — Не может высказать свои идеи, но доказывает их поступками.

ПОЛОНЕННОЕ ЦАРСТВО

[План 1]

1. Полоненное Царство.
2. Искание Василисы Прекрасной.
3. Три брата берутся за дело.
4. Поход первого брата. — Созерцание.
5. Погружение в *ничто*.
6. Поход второго брата. — Распыление и *хаос*.
7. Исход Ивана-Дурака. — Организация природы для борьбы против природы.

Превращения через *знание*.

8. Электроны и атомы.
9. Стихийно-геологический мир. — Минералы. — Кристаллы.
10. Клеточки и микроорганизмы.
11. Растения.
12. Низшие животные. Их социальность.
13. Насекомые.
14. Животные.
15. Человек как мир. Духовное и физическое преобразование.
16. Общество и культура. Организация Культуры — Общее дело. —
Вещи, производство. Искусство. Ритм.
17. Мир светил. — Бесконечно большое.
18. Господство над природой.
Овладение временем — Воскрешение.
19. Освобождение Софии — Василисы.
20. Царство Пресвитера Ивана.
21. Миры иные.

[План 2]

- I. 1. Полоненное царство.
2. Вызов его богатырей.
3. Три брата берутся спасти царевну.
- II. *Первый брат*. — Его приключения. — Путь созерцания.
Картина идеалистической культуры.
Погружение в Ничто.
- III. *Второй брат*. — Его приключения.
Распыление.
- IV. *Иван-Дурак*. 1. Его приготовления.
2. Его приключения.

Иван раскрывается как сознание всех существ и вещей.

Электроны, атомы.
Минералы — Растения.
Микробы.
Низшие животные.
Царство Насекомых.
Животные.
Социальные союзы.
Преображение человека.
Вещи.
Преображение мира.

V. Спасение Царевны.

Эпilog. Превращение Ивана в Пресвитера Иоанна.
Встреча с Царевной — Царицей Савской.
Василиса — София.

[Дополнение к плану 2]

Путешествие Ивана.

Через знание проникает в разные миры и преобразовывает их. — Он Мессия для них!

Мир светил (Большое) — Иван — звезды.

- 1) Электронный мир (Малое) — Иван — электроны.
- 2) Стихийно-геологический мир — Минералы.
- 3) Клеточки и микроорганизмы.
- 4) Растения.
- 5) Низшие животные.
- 6) Насекомые.
- 7) Животные.
- 8) Человек. — Его преобразование.
Общество и культура будущего.
Социальные союзы — Культура — Искусство.
Вещи — Производство — Машины.
- 9) Мир светил. — Тождество малого и большого. —
Эктропия и труд.

Преображение мира.

Раскрытие.
Иван — Пресвитер Иоанн.
Василиса — София.

[План 3]

1. У Царя Гороха дочь — Василиса Прекрасная. — Налетает на ту землю *Вихорь*, уничтожает все, полонит, увозит царевну. Вся земля во власти стихийных сил. — Мучения, болезнь, смерть населения.

Змей требует ежегодной дани — части населения.

Сцена покорной отдачи ему жертв.

2. У одного мужика три сына. Вот царь вызывает тех, кто могут убить змея, спасти царевну. Выходят первый брат, второй и Иван-дурак.

3. Первый брат — идеалист, надеется победить Вихорь посредством созерцания и молитвы — пассивным созерцанием.

4. Второй брат — материалист — побеждает природу, но забывает цель.

5. Дурак — соединяет борьбу с материей с целесозерцательностью.

Он собирает силы — свое войско.

Ему помогают 1) животные, 2) Вертедуб, Вертегор.

Великаны со специальностями, 3) гномы — металлоеды, кузнецы.

Он отправляется в путь — Семь Семионов.

Борьба с природой.

6. Встреча с вихрем. — Творческое обновление природы.

(Егорий Храбрый).

Вертедуб, Вертегор.

7. Производство вещей.

8. Производство организмов.

9. Преобразование человека.

Борьба со смертью.

Преобразование искусства.

10. Борьба со злом.

11. Организация культуры — теократия.

12. Преображение мира — Воскрешение Василисы.

[Начало сказки]

1. *Полоненное царство*

За морями за океанами, за пустынями сыпучими, за горами за лесами непроходимыми жил был народ в полоненном Царстве. Налетело на

землю ту Чудище злое, змей многоголовый, захватило Чудище Царство то, село в столице его и стало править и государствовать. И не столько правило Чудище, сколько мучило людей и изводило их и терзало. Насылало на них болезни и беды жестокие. Хватало бедных, ломало кости их, жгло тело, выворачивало члены, вырывало внутренности, пожирало несчастных без остатка. И никуда не могли спастись люди, ибо Чудище везде стояло, везде жило, везде над ними измывалось и государствовало. И мудрейшие из них качали головой и говорили: ничего не поделаешь — надо поклониться. Ибо не чудище это, не змей Многоголовый, прозвищем Бурзачило проклятый, а сама Природа. Никто же разумный против природы идти не может.

И покорились люди, бедствовали, болели, страдали, умирали. И единственное их утешение было — либо не думать вовсе о насилиях Чудища и жить, увлекаясь всякими временными мелкими делами, либо мечтать и строить себе вместо действительного ада, каким являлся мир, — воображаемые воздушные замки.

2. Василиса Прекрасная

У Чудища была дочь, Бог весть как прижитая, именем Василиса. И не в родителя была Василиса, а как раз вся наоборот выглядела. За красоту прозвали ее Василиса Прекрасная. Нравом же была она кроткая, душою добрая, сердцем нежная. Только ума как будто не хватало у Василисы. Не ведала она ничего, что творилось в полоненной земле. Выстроило Чудище для нее волшебный дворец из золота и хрусталя, и в дворце том были сады висячие, озера голубоводные, луга зеленые из шерсти, поросшие круглый год пахучими бумажными цветами. И крыша над дворцом была, как небо, и горело в ней волшебное солнце, а ночью волшебная луна и звезды. И думала Василиса, что это и есть весь мир, мир единственный и настоящий. Что за ним нет ничего, а внутри есть только пушистые кролики на лужайках, золотые рыбки в прудах, цветочки на полянах.

И бегала она по саду, купалась в светлых озерах, грелась на солнце, мечтала в свете лунном на резном крыльце.

Правда, иногда посещала ее тоска, девичья тоска непонятная, беспредметная. Думала она о чем-то неясном, вопросы какие-то вставали в головке, глаза искали чего-то за деревьями, упирались в хрустальные стены, сердце замирало томительным и беспокойным ожиданием.

Но мамки и бабки не давали девице мечтать, прибежали, кутали ее от ветра, заговаривали глупыми речами, затуманивали снова сказками и прибаутками. Так приказано было Чудищем строго-настрога — чтобы Василиса никуда не выходила, чтобы ничего не знала, чтобы всеми игрушками окружена была и ничего настоящего ей не было знакомо.

Только раз как-то одна старушка, по старости, должно быть, запомнила и вместо сказок-приказок без смысла, без конца, без начала, вме-

сто песен-прибауток без слов, с одним трепанием языка — рассказала Василисе про страдания людей, про злую их долю и мучения, да про Ивана Богатыря, что живет в тридевяти царстве, в тридесятом царстве, что едет на чудесном коне бороться со змием, спасти полоненные земли.

И задумалась Царевна сперва, а затем закидала мамку вопросами.

Но испугалась мамка и от всего отнекивалась: нет-де никаких людей, нет и Богатыря — все-де она по глупости выдумала — есть только хрустальный дворец и солнце и луна, приделанные к потолку, да бумажные разноцветные цветы на шерстяных полянах.

Но Василиса все думала и думала, и все чаще мечтала она, и сердце ее ныло, и вопросы мучительно осаждали бедную головку.

3. Три брата

Наконец невтерпеж стало полоненному народу. Стали собираться ночью в лесах дремучих, стали шептать друг другу речи смелые, на змея брань и жалобы великие. Стали спрашивать: неужели нет конца горю нашему? Неужели ничего нельзя со змеем поделать? Неужели погибать придется всему народу нашему?

Тогда встал один старец-мудрец из среды народа того. И сказал: «Никто не может, даже самый сильный богатырь, победить этого змея. Ибо на место каждой срубленной его головы вырастает новых десятков. Но в самом змее имеется начало гибели его как злобного и жестокого чудища. Он темен и беспощаден, но дочь родил он светлую и милосердную. Он уродлив — она прекрасна. Только несознательна она, не ведает ничего, ибо заперта в хрустальном дворце. Но рано или поздно узнает она истину, встрепенется, выйдет, умом своим великим и красотой обезоружит злого Родителя. Если же кто хочет спасти народ наш — должен открыть глаза Василисе Прекрасной, вывести ее из запретного Хрустального Дворца».

«Где же дворец этот?» — спросили люди старца. Но старец качал головой: «Не знаю, — говорит, — в этом все дело, надо сперва найти дворец, надо искать его в глубине и в высоте, в широте и в длине, во всех направлениях, во всех пространствах, во всех царствах природы».

Тогда стали спрашивать друг друга люди: «Неужели из нас никто не встанет, не поднимется, кто найдет Хрустальный Дворец, раскроет глаза Василисе, выведет ее на свет Божий, спасет нас от гибели неминуемой?»

В то время у мужика одного было три сына, двое умных, третий дурак. Вот услышали два старших брата, что говорит народ, и пошли, поклонились отцу, матери. И говорят: «Пустите нас, батюшка, матушка, на дело святое, великое, на подвиг богатырский. В жилушках наших сила погуливает, переливается. Хотим мы стране своей послужить, народ от гибели спасти! Пусти[те] нас, батюшка, матушка, в путь-дорогу: не узнаем ли мы, как со змеем расправиться, не найдем ли мы для этого волшебного средства?»

Горевали отец, мать, отговаривали, журили да плакались. Только видят: уперлись братья Василий да Микита — ничего с ними не поделаешь. Ан, вынь да положь — благословение! Хотим ехать да и только. Богатыри мы — и никаких!

«А может и впрямь так? — сказали старики. — Кто знает, кому что на роду написано? Может и впрямь спасут они землю от змия? А нет — так все равно всем погибать». Подумали, подумали и благословили братьев. Сели те на коней, подбоченились, гаркнули — только и видно их было! Так унесли их кони молодецкие.

Только один Иван остался, дурак, ходит за коровой, да горницу убирает. А как нет работы, дудочку себе вырежет из ивы да сидит на солнце, да посвистывает...

«Эх, дурак, дурак!» — говорят прохожие. А дурак сидит, им улыбается, ручкой машет, а сам насвистывает.

4. Брат старшой Василий

Долго ли скоро ли ехали братья, только наезжают они на столб — а столб показывает перекресток, две дороги отселе в разные стороны направляются. А на столбе том написано: «Поедешь направо — в болото попадешь, и сам погибнешь, и коня утопишь, а поедешь налево — разнесут тебя звери, птицы, рыбы на малые кусочки — разорвешься ты на части, развеются они по случайным ветрам».

Посмотрели братья, подивились, кто диковинку такую написал. Шутник, должно быть, был, говорят, балагур безбожный. Где это видано, чтобы столбовая дорога к болоту да к зверям приводила! Пошутил он, поиздевался над прохожим, перелетный он гусь! Плюнули, повернулись, а затем как размахнутся, как ударят палицей с двух сторон о столб тот злоеший — в щепки разнесли, ничего от столба не осталось и надпись о землю powyтерлась.

«Ну, теперь гладко, — посмеялись братья, — небось каркать не будешь! Едем, брат, в разные стороны». И поехал Василий на север, а Микита на юг.

В мире бесконечно малого

Сел Иван на лавку, расставил на столе микроскоп, смотрит на щепотку плесени и дивуется малому миру. И вдруг видит — оттуда из-за стеклышка кто-то кивает ему, кланяется, ручкой машет. Смотрит — стоит в садике из плесенных грибков мужичок с ноготок, борода с локоток; стоит, манит его и приговаривает: «Иди к нам, Иван, в наше малое Царство».

ВОССТАНИЕ РАДИОНАСЕКОМЫХ

Термиты наименее защищенные насекомые и физически слабы; но они наилучшие строители.

(Michelet)¹.

То же самое можно сказать про людей.

Сцена 1-я Старый термитник

Совещание *надзирателей*. Они сообщают друг другу, что в общине неладно. — Нарастает недовольство рабочих. — Не подчиняются. — Не исполняют своих обязанностей. Критикуют установленные порядки. — Кормление матки совершается нерегулярно. — Матка худеет. Опасность всему строю термитника. Особенно опасно, чтобы насекомые не пошли по пути людей. С тех пор как последние завели радио, мы стали улавливать все тонкости их культуры. Как известно, у нас естественные радиоаппараты. — И вот в этом есть определенная опасность: наши могут научиться у них социализму. Еще если бы слушали только американские фокстроты, а то они охотнее еще воспринимают московские передачи. И что это за язва — эта Москва! Весь мир взбудоражила — а теперь и за насекомых принялась! Того и гляди и у нас революцию устроит.

Друг<ой>: К сожалению, нельзя всем отрезать антенны.

Первый: Необходимо уловить зачинщиков!

В-третьих, выясняется, что все это вызывается деятельностью злонамеренных личностей. — Во главе их стоит изобретатель Фаф. Он носит с какими-то измышлениями. Он ругает наши порядки и возмущает рабочих, уверяя, что все это можно улучшить, что настоящее не вечно и возможно движение вперед. — Собрание решает принять меры.

Сцена 1-я бис Лаборатория Фафа

Его друзья и ученики.

Фаф объясняет Цалар, что, в отличие от человека, изменяющего вещи, он, как насекомое, пользуется пластичностью своего рода, совершенствуя себя. Человек создал аппарат для радио, насекомое само превращается в источник радиосилы.

Это развитие уже и сейчас существующей способности насекомых излучать радио-силу.

До этого, однако, он открыл способ продлить жизнь насекомых.

В общем, факт открытия мною силы, продлевающей жизнь, и радиоспособности живых существ только доказывает, что предшествующая эволюция это подготовила, что сейчас для этого настал момент.

Сцена 2-я
В лесу недалеко от термитника — лунной ночью.

Фаф и Цалар.

Цалар: Почему ты меня не любишь по-прежнему всем сердцем, всем существом?

Помнишь, когда мы оба были крылаты и летели в брачном полете!²

Фаф: Я озабочен. — Я не могу примириться с тем, что нас окружает. — Я верю в возможность другого мира. — Надо выйти из этой косности и из этого застоя! Посмотри на людей — почему они могут изобретать и двигаться вперед, а мы нет? Мы такие же существа, как и они. И они когда-то были на низком уровне, как говорится в наших преданиях. Почему среди нас не могут появиться вожди, которые откроют глаза народу и совершат чудеса?

Цалар: Ты хочешь быть колдуном!

Фаф: Да, если называть так власть над природой. Я чувствую, что в этом моя миссия.

Цалар: Ты велик, Фаф. Я люблю тебя за это.

Фаф: Ты меня окрыляешь!

Фаф: Для нашей любви надо также изменить существующий безобразный порядок — согласно которому есть одна царская пара, которая несет все яйца, а другие осуждены на бесплодие³.

Все самки должны быть царицами, все рабочие — самцами, все самцы — царями.

Цалар: Вот брак у людей...

Фаф: Ну, нет, они черт знает куда зашли со своим браком! Самое простое дело, казалось, совокупиться, а они в нем как в трех соснах заблудились! Надо придумать что-нибудь получше.

Фаф: Ты должна стать вдохновительницей!

Сцена 2-я бис
Около термитника

Цалар и Рара.

Рара уговаривает Цалар бросить Фафа. Ибо он увлечет ее неизвестно куда. Лучше по-старинке. Весной она полетит как все, и этого достаточно.

Но Цалар говорит Раре, что она хочет именно лететь неизвестно куда.

Сцена 3-я
Около термитника на поляне

Друзья и единомышленники Фафа.

Он им говорит о невыносимости настоящего положения и об его унизительности. Надо прекратить это.

Вопросы: Но как? *Фаф:* Надо овладеть силами природы, изменить то, что есть. Но как? Здесь он рассказывает им про свое изобретение, про электрическую силу, которую он открыл. Она действует на расстоянии. *Заз* выступает против Фафа.

Жуж поддерживает его.

Арест Фафа. Солдаты приходят, разгоняют собрание, арестуют его.

Сцена 4-я

Суд над Фафом. — пытки
(Из легенды Св. Георгия⁴).

Сцена 4-я bis

Заз объясняет свою любовь *Цалар* и уговаривает ее бросить Фафа, ибо его дело безнадежно.

Лучше пусть она сделается королевой термитника, а он будет царем.

Но *Цалар* с негодованием отвергает это предложение.

Сцена 5

Смятение в термитнике. — Нападение людей. — Удушливые газы. Термиты бегут и прячутся. Видны огромные ноги. — Руки хватают термитов — в сетку — попадает *Цалар*. — Два пальца берут ее и кладут в коробку.

Сцена 6

Фаф в тюрьме. — Освобождение его рабочими. — Ужасные новости. — Режим надзирателей довел термитник до полного упадка. — Они дали себя окружить людям. — Люди проникли к нам. — Удушливые газы. Взяли в плен *Цалар*.

Фаф на воле. — Все опустошено. Он созывает народ и приглашает установить новое правление с новыми порядками. — Все соглашаются и избирают его вождем.

Сцена 7 bis

Фаф один около разрушенного термитника лунной ночью. Из термитника вылезают нахлебники, паразиты и приживальщики, уродцы всякого вида лезут к нему, предлагают свои услуги, чтобы заменить Цалар. «Мы удобнее», мы безличны. Они обступают его, как липкая масса.

Он их гонит и убегает.

Лес около термитника. — Лунной ночью. Ночные бабочки кружатся.

Вокруг огня
Светлого, сильного
Всемощно
Мы кружимся, исповедуя в него нашу веру.
Мы кружимся, крутимся, вертимся, скачем, пляшем,
Перелетаем. Сверху — вниз,
Справа — налево.
Пока опьяненно не падаем в него,
Не умираем, сожженные.

Фаф — ты наш огонь.
Фаф — ты наше пламя.
Веди нас, люби нас, жги нас,
Мы покорны тебе, мы ищем тебя,
Мы счастливы за тебя умереть.

Фаф отклоняет предложение бабочек.

- 1) Борьба с хамелеоном, который ловит Фафа языком.
- 2) Встреча с летающим драконом.
- 4) Мимикрия насекомых.

[Сцена] 8. Освобождение Цалар

Внутри лаборатории. — Цалар сообщает по радио Фафу о своем местопребывании. — Он прилетает на искусственных крыльях. — Освобождает ее. — Смотрит с восторгом на окружающую культуру.

[Сцена] 9. Совещание под председательством Фафа. — Отчет о культурных успехах. — Необходимость остановить нашествие людей. — Фаф сообщает о технике изменения своего организма и о том, что Цалар должна родить нового типа радио-термитов.

[Сцена] 10. Демонстрация изобретения Фафа.

В присутствии всего народа луч уничтожает скалы. В это время общаются о новом выступлении людей. — Они показываются на экране. — Фаф обращает против них луч. — Их поражение.

Он предупреждает, что это только начало.
Необходимость милитаризации всех насекомых.

[Сцена] 11. Международное совещание насекомых. — Фаф сообщает о начавшихся военных действиях, о мобилизации всего человечества против термитов. — Показывает военные приготовления людей на экране. — Необходима контра-мобилизация всех насекомых. — Речи муравьев (мир с термитами), пчел, ос и т. д. Решение всех вооружить лучом Фафа. — Комбинированные действия.

[Сцена] 12. Генеральное сражение с людьми и победа насекомых.

[Сцена] 13. Насекомые овладевают человеческим городом. — Экран показывает людей, обращенных в рабство и заменяющих собой вьючный скот. Часть гонится на бойни для доставления мяса победителям.

[Сцена] 14. Чествование Фафа и Цалар.

Новый город насекомых. — Речь Фафа на площади. — Человечество у наших ног. — Земля в нашей власти. — Мы достигли небывалой культуры. — Но это не все. — Мы должны идти дальше. — Мы должны овладеть внутриатомной энергией.

[Сцена] 15. Лаборатория. — Сквозь окна видна окружающая толпа насекомых. — Депутации разных видов.

Помощник Фафа высказывает опасения взрыва. Он колеблется. — Но Цалар, увлеченная успехом, побуждает его продолжать. — Атомная сила должна быть освобождена на расстоянии в скале. Все смотрят на экран.

И в самом деле там начинается вихреобразное движение.

Фаф: Остановите! Довольно!

Помощник: Мы не можем! Движение разрастается!

Другой: Спасайтесь! Может произойти всеобщий взрыв.

Фаф: Поздно! Земля будет взорвана. — Смятение. Слышен гул, начинается ветер, вихрь, взрыв. — Все летит.

[Варианты плана]

Карьера насекомого

Действие 1-е
Старый термитник

Бунт Фафа

1) Надзиратели (солдаты) сообщают друг другу, что в общине неладно. Нарастает недовольство рабочих. Не подчиняются. Не исполняют

своих обязанностей. Матка худеет. Все дело в злонамеренных личностях. Во главе их стоит изобретатель Фаф. Он все изобретает какие-то новые порядки и новые приборы. Он возмущает рабочих утверждением, что может быть другой мир, что настоящие условия не вечны, что возможно какое-то движение вперед. Надо принять меры.

2) *Фаф* со своей невестой *Цалар*. Он рассказывает ей свои виды на будущее, говорит о своих мечтах, о невыносимости окружающей серой и косной жизни. Он чувствует свою великую миссию. Сейчас они на пути к изобретению аппарата, который должен дать термитам небывалую силу над природой. Они превзойдут даже таинственных властителей окрестных стран.

Сцена

Жуж и *Фаф*.

Жуж: Здравствуй, Петька!

Фаф: Мое имя Фаф!

Жуж: Для других, быть может. Для них ты герой, вождь, революционер. Но для меня ты Петька, которого я бил и шипал, Петька чудак, Петька с гвоздиком⁵.

Фаф: Ну так что же из того, что мы старые товарищи?

Жуж: А то, что я хочу вместе с тобою проделать все твои авантюры.

Ведь ты, я знаю тебя, авантюрист чистой воды. Ну, я хочу быть авантюристом! Я так рад бить посуду и нарушать права.

Действие II. Новый термитник

1) Вид нового города. — Толпа собирается на площади, где должны производиться опыты с лучом Фафа.

2) Опыт на площади — Фаф и Цалар.

На экране скала, находящаяся за много миль. Она разрушается лучом. Всеобщая радость.

3) Вдруг смятение и беспокойство — люди проникли в термитник. Они пускают удушливые газы. — Надо объявить им войну — надо обратиться против них луч Фафа.

4) Народ плачет. — Ропот против Фафа. — Новое рабство.

5) Вдруг смятение — удушливые газы. — Термиты бегут и прячутся. Видны огромные ноги. — Руки хватают термитов, между прочим Цалар.

4) Советание старейшин. — Надо обратиться к Фафу. — Быть может, он что-нибудь изобретет.

5) Фаф в тюрьме при помощи луча разрушает стены. — Выходит на волю. Кругом все опустошено. — Матка говорит ему, что Цалар взята в плен. Люди готовятся вовсе уничтожить термитов.

- 6) Он клянется спасти ее.
- 7) Он собирает вокруг себя оставшихся термитов и захватывает власть.

Сцена

Фаф отправляется в поиски за Цалар, которая дала ему знать по радио о своем пленении и месте лаборатории.

По дороге у него разные приключения.

- 1) Его удерживают приживалки.
 - 2) Пляска вокруг него бабочек.
 - 3) Бой с муравьями.
 - 4) Бой с ящерицей.
 - 5) Бой с козодоем.
 - 6) Засыпает. — *Сон термита*. — Путешествия по другим мирам, населенным тоже термитами.
- Бог — Великий термит.

[Действие] III

Преобразованный термитник

- 1) Лунная ночь — Фаф демонстрирует действие своего луча народу. — Разрушает скалы.
- 2) Объявление войны людям.
- 3) На экране показываются приготовления людей. — Лаборатория. — Высылают экспедиции.
- 4) Бой на расстоянии — на экране видно поражение людей.
- 5) Всеобщий восторг — но Фаф предупреждает, что это только начало.

IV. Фаф у людей

- 1) Лаборатория. — В стеклянной коробке — Цалар. Фаф прилетает и освобождает Цалар.
- 2) Окончательная битва с людьми — победа Фафа.

V. Культура термитов. Новый мир. Новый город — зрение на расстоянии.

Есть еще один враг — природа, она кишит вредными и бесполезными существами — надо переделать материю — надо взорвать [не дописано].

Переделка земли — с целью превращения ее в очаги культуры.

Открытие внутриатомной энергии.
Взрыв — в напоре все летит.

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ЯИЧКИН СДЕЛАЛСЯ ФОРДОМ

Библиотекарь Яичкин. — Скромное существование. — Ведомственная библиотека. — Библиотечное прошлое. — События текли мимо Яичкина, не задевая его. — Его волновали лишь меняющиеся запросы читателей. — По ним можно было догадаться, что где-то что-то происходит. Но для Яичкина единственными событиями были эти библиотечные отражения жизни. — Он не читал книг. Он только слышал о них и составлял себе постепенно мнение о каждой — компонентами в его представлении о книге был ее шифр, ее место в каталоге, ее обложка и отзывы о ней читателей. Среди последних особенное внимание его привлекал Нахрапов. Это был типичный человек новой формации.

Разговор с Нахраповым. Вы, Василий Викентьевич, старый интеллигент — а я новый человек. То, что для Вас трудно, для меня плевое дело.

Мирная жизнь. Библиотечные волнения — кто-то разорвал книжку, книга потерялась, начальство, где-то далеко находящееся, на невидимом облаке, через вереницы курьеров и секретарей спрашивало книгу зачитанную или вовсе не имевшуюся.

В общем, однако, мирная жизнь.

Яичкин влюблен

И вот вдруг в это своеобразное существование врывается событие. Яичкин влюбляется! До того он не смел взглянуть на женщин, были у него только читательницы — по большей части девчонки, комсомолки и партийки

Как это началось. Началось с того, что появилась в библиотеке некая надушенная дамочка. Сперва Яичкин узнал об ее появлении по непривычному запаху духов. Он пришел в смущение. Что делать? Может ли быть надушена Библиотека? Как отнестись к надушенной книге, каковые оставляет дамочка. Он справлялся в библиотечных руководствах у Аблова¹ и др. (перечислить), но ничего не находил. Потом он стал привыкать к запаху, и он стал ему даже приятен. Он знал об отсутствии дамочки по отсутствию запаха И замечал это отсутствие.

Он стал отмечать, какие книги берет дамочка. Оказалось — «Внутри-организационный Контроль», «Организация предприятия». Кацкий. Чарновский².

Что за притча? Как может она понимать эти книги? Он справился в анкетном листке ее о том, кто она. Он прочел: Александра Павловна Мизинчик, инженер. Вот так фунт! — Надушенная дамочка — инженер. Впрочем, так и должно было быть. — Для Яичкина — инженеры это те, кто спрашивают Чарновского и Кацкого, и, наоборот, кто спрашивает эти книги, это и есть инженеры.

Он проникся почтением к дамочке. Он стал подыскивать ей книги, давал на более долгие сроки, одним словом, оказывал максимальную сумму библиотечных любезностей. Дамочка относилась к этому как к положенному и не проявляла особой благодарности. Наоборот, она оставалась на высоте своего инженерного величия. В Яичкине она как будто не замечала человека и глядела на него только как на библиотекаря. Она подавала листок и, когда получала книгу, величественно поворачивалась с еле заметным кивком головы. При этом она обдавала бедного Яичкина своим победоносным пряным запахом, а иногда задевала его нос своею развивающеюся шалью.

Он стал терять сон.

О том, как вмешалась в дело корова

Плохи были дела Яичкина. Он таял и чах. Но дама-инженер ничего этого не замечала. Судьба, однако, была на стороне Яичкина. Неисповедимыми своими путями она вмешала в дело некоторое четвероногое животное, которое сразу перевернуло всю картину.

Раз летом начальство вдруг из своих невидимых недр потребовало срочно книгу Чарновского. Прилетел вестник. Курьер. Яичкин бросился искать — нет книги. Он — к записи, роется в ней. Прилетает второй вестник. Сотрудник. Яичкин не может найти верной записи. Прилетает сам секретарь, пушит его. Яичкин находит — книга у Мизинчик.

Он докладывает: читается.

— Кем?

— Мизинчик?

— С какого срока?

О ужас, приходится сознаться, что книга просрочена на месяц.

И как назло нет дамы-инженера!

Уже месяц ее нет — должно быть, в отпуску. Посылают к ней на квартиру. — Оказывается, уехала на дачу, неизвестно куда.

Дело докладывается начальству. Получается приказ: привлечь Мизинчик к уголовной ответственности за похищение казенной книги.

Яичкин ломает себе руки в отчаянии, но грозная бумага послана.

О том, как корова съела Вейссмана³

Проходит неделя. Яичкин начинает подзабывать это дело. Мало ли грозных бумаг! — Ну, приедет, успеет вернуть Вейссмана!

Вдруг влетает как буря Мизинчик. — Чело ее грозно. — Прямо к нему.

— Это ни на что не похоже. Вы меня привлекаете к ответственности — из-за дрянной книжки.

Яичкин клянется, что не он; он готов был душой и телом заступиться, но это сделали через его труп.

— Что же теперь будет? — спрашивает успокоенная его горячностью дамочка.

— Ничего не будет, — говорит, улыбаясь, Яичкин, — верните книгу и мы напишем о прекращении дела.

Дама смущена.

— Но я не могу ее вернуть.

— Почему?

— Ее съела корова!

— Корова? Вейссмана? Не понимаю. Это чье-нибудь прозвище? Ваша знакомая зачитала?

— Фу, какой непонятливый. — Ну, корова, настоящая корова.

— Т. е. как так съела?

— Ну, взяла, начала жевать и проглотила. Я играла в теннис, а книгу оставила на скамейке. Вдруг дети начинают мне кричать. Повернула голову и что же вижу: огромная крепкая корова спокойно доканчивает съесть Вейссмана. Я бросилась спасать, но было поздно.

— И что же?

— Ну и съела. Вот что осталось.

И дама вынимает из портфеля полуразорванный корешок с последними страницами.

— Но разве коровы едят книги, — спрашивает Яичкин, — ведь они травоядные.

Для него открываются новые горизонты.

— Очевидно, или, может быть, это была особая корова. Когда у нее отняли с большим трудом и даже героизмом книгу — она бодалась и фыркала — она жалобно замычала и все лезла на нас. Так ей понравилось.

— *Вейссмана*. Организация труда. В 633-61, — шепчет в ужасе Яичкин, — и вдруг травоядное животное. В-1

— Бумага делается из растительных веществ, — сказала женщина-инженер.

Яичкин глядел на нее растерянно.

— Но это ничего, — сказала А. П., к которой вернулась ее прежняя величественность. — Я куплю новый экземпляр этой книги, и все будет хорошо. И Вы вернете обратно эту глупую бумагу. — Она сунула ему под нос грозный документ.

Но лицо Яичкина глядело мрачно.

— Боюсь, — сказал он, — что книга редкая.

— Ну все же у букинистов она должна быть.

— Мы с трудом ее достали, — бормотал Яичкин.

— Глупости, у меня есть знакомые. Я пошлю их искать. Все это очень глупо и скучно, — прибавила она, — но поправимо.

Она вышла величественно, шелестя короткой юбкой. Яичкин с замиранием сердца увидел ее красивую ногу.

Но через несколько дней она вернулась в менее боевом настроении.

Инженер плачет

— Знаете ли Вы, — сказала она, — что эту проклятую книгу нигде нельзя найти! Я нарядила ее искать пять своих поклонников. Они разби-ли город на секторы и все магазины перерыли. Нигде ее нет.

— Я так и думал, — отозвался Яичкин, — я тоже справлялся через нашего комиссионера. Он говорит, что один только экземпляр и был в Москве⁴.

— Что же теперь будет? — жалобно пролепетала Мизинчик.

Яичкин молчал.

И вдруг он увидел, что она заморгала, потом слезы потекли из ее глаз.

— Меня посадят в тюрьму, — сказала она, — сошлют в Нарым. Муж мой и то рассердился, он говорил, что я испорчу ему карьеру, что он не хочет быть мужем осужденной, что я вроде растратчика. — А я не знаю, что делать, — прибавила она, всхлипывая, — спасите меня, дорогой мой, спасите.

Она бросилась обнимать Яичкина.

Он с испуга даже выронил из рук толстый том энциклопедии Дидро, который больно отдал ему ногу. Но, объятый рыцарскими чувствами, Яичкин не замечал ничего, кроме горя m-me Мизинчик. Теперь она плакала навзрыд, одной рукой облокотясь на стол, другой хватая его плечо и цепляясь за него, как за якорь спасения.

Яичкин совершенно не был знаком с прикосновениями женщины и пришел в крайнее замешательство. Он бросился за водой к стоявшему на читательском столе графину и впопыхах не заметил, что какой-то скупающий читатель влил в последний гущу чернил и накрошил бумажек. Взволнованный Яичкин влил этой бурды в стакан и поднес к губам плачущей А.П. Она хлебнула немного из стакана и чуть не подавилась от ужасной смеси. Ротик ее окрасился в темно-лиловый цвет. Яичкин в ужасе увидел свою ошибку и бросился отнимать стакан. Но раньше еще, чем он успел это сделать, дама оттолкнула стакан, который опрокинулся и разлился, обливая чернильной водой инвентарную книгу, свеженаписанные книги и вечных Чарновского и Кацмана. Энциклопедия Дидро, лежащая на полу, тоже пострадала.

Яичкин бросился в ужасе от стола к посетительнице, не зная, кого спасать в первую очередь — вверенные ему книги или рыдающего навзрыд человека. Весь он был также облит чернильной водой.

Но дама уже не сидела, а лежала на столе среди мокрых и грязных книг и билась в истерике.

Яичкин не знал, что делать, и рвал на себе волосы. Он слышал, что в таких случаях надо расстегнуть лиф у бьющейся в обмороке дамы. Но он не знал, как за это взяться. Ни спереди, ни сзади не было видно пуговиц. Да и посмел ли бы он прикоснуться к этой прекрасной груди? Он танцевал вокруг А.П., как медведь на привязи цыганов.

Но далее [2 нрзб.], зажмурив глаза, засучив рукава, он бросился к ней и начал усиленно дергать ее за блузку. Блузка не поддавалась. Он еще поддал. Появились какие-то белые тесемки и начал показываться секрет домашнего туалета. Яичкин все дергал в исступлении.

Вдруг грозный голос раздался над его плечами:

— Так вот, чем вы занимаетесь в присутственное время в ведомственной библиотеке.

Яичкин обмер в страхе. Перед ним стояли во главе с председателем члены ревизирующей комиссии РКИ.

— Что это? — продолжал голос. — Как вы смеете превращать казенное рабочее место в Чубаров переулок!⁵ Кто эта дама? Назад, старый безобразник.

Яичкин отшатнулся в страхе и лепетал что-то непонятное.

Члены комиссии обступили А. П. и его с угрожающими жестами. Некоторые уже схватили его за руки, один поднял энциклопедию Дидро и замахнулся было на несчастного библиотекаря.

В это время прекрасная А. П. открыла глаза.

— Где я? — слабо прошептала она синими от чернил губами.

— Будьте спокойны, — продолжал председатель, — мы спасли Вас от ужасной участи. Этот мерзавец, очевидно, опоил Вас снотворным составом, чтобы вернее исполнить свои гнусные намерения. Но он поплатится здорово за это.

А. П. как будто очнулась.

— Это не он, а травоядное животное, — сказала она.

— Конечно, он животное, и прескверное, — сказал председатель. — Мы с ним разделаемся.

— Он ни в чем не виноват, — сказала А. П., окончательно очнувшись, — он благородный человек — он хотел помочь мне в моем горе.

— Ничего не понимаю, — сказал председатель. — Но в это время А. П. подняла свое лицо.

— Не может быть, — воскликнул председатель. — А. П., это вы? Какими судьбами вы здесь и что произошло?

— Афиноген Игнатьевич! — вскричала А. П. — Это вы. Голубчик! Спасите меня.

И она изложила перед недоумевающим Афиногеном Игнатьевичем и удивленными членами комиссии всю историю взятой книги, коварной коровы, полученной повестки. Роль Яичкина оттенялась с самой благородной стороны как рыцаря и вместе с тем верного своему долгу хранителя казенного добра.

Кончилось тем, что Афиноген Игнатьевич пожал руку Яичкина.

— А мы вас заподозрили в чубаровщине, — сказал он. — Вот какие бывают аннорансы.

Но А. П. была уже недовольна, что ею не занимаются.

— А как же мне быть с этой проклятой книгой? Я не хочу ехать в Нарым, — сказала она, готовясь снова плакать.

Но Афиноген Игнатъевич был, по-видимому, в курсе этих привычек.
— Прекратите, А. П., — сказал он, — это дело можно уладить.
— Можно? — радостно воскликнула она.
— Конечно, все это дело выеденного яйца не стоит. — Вы внесете 1.50 копеек, следующие за потерянную книгу, и дело будет прекращено. Яичкин встрепенулся.
— Но книга эта незаменима, — сказал он упавшим голосом.
— Незаменима? — ответил Афиноген Игнатъевич. — Нет незаменимых книг. Мы должны стоять на точке зрения стандартизации, — требовал он, обращаясь к своим коллегам, — и не поощрять книжный индивидуализм. Голос его звучал грозно и начальственно.
Члены комиссии выразили полное одобрение. Один из них был тонкий и юркий и по всей своей подобострастной видимости подлизывался к А<финогену> Игн<атьевичу>. Другой, толстый и неуклюжий, во все время описанных происшествий стоял с совершенно равнодушным видом, позевывая в руку, и как будто думал: «Когда наконец пробьет 3½ и можно будет пойти обедать!»
А. П. просияла.
Но Яичкин грустно и тревожно сказал:
— Начальник отдела требовал эту книгу.
А<финоген> Игнатъевич посмотрел на него сверху вниз.
— Это Василий-то Федорович? Ничего, я объясню ему, что она никуда не годится. Пусть он лучше почитает Кацкого.
На этом кончилась история о съеденной коровой книге.
Но с этого дня между Яичкиным и А. П. установились совершенно новые отношения. Для него началась эра несказанного блаженства.

Любовь Яичкина

Яичкин объясняется А. П. в любви.
Она отвергает его и говорит загадочную фразу:
— Что Вы за человек? Вот если бы Вы были Фордом.
Яичкину эти слова ударили в голову.
Он начинает думать о Форде.
Он подыскивает в каталоге литературу и читает ее. Он говорит о Форде. Он замечает, что все кругом увлечены Фордом⁶. Он ходит на лекции.
Форд! Форд! Форд!
В нем просыпается дерзкая мысль. Там Форд, а здесь Яичкин! Почему бы ему, Яичкину, в самом деле не сделаться Фордом? Пусть Нахрапов будет советский новый человек! Он, Яичкин, будет Фордом. Он переплюнет Нахрапова.

Сон Яичкина

Он идет на лекции Пинкевича⁷. «Гиганты мысли. Форд и Маркс. Форд и Дарвин. Форд и обезьяна. Форд и воцарение системы. Форд и теория относительности. Форд и половая проблема. Форд и аборт. Рационализация, специализация, организация. Сверхрационализация, сверхспециализация, сверхорганизация. Ной и Форд. Сверх Ной. Сверх Форд. Форд — повод запретить деревню. Форд перед открытой дверью. Форд и Собачий переулок. Форд и луч справа, луч слева, луч спереди, луч сзади. Форд и Чемберлен, Форд [и] физкультура, Форд в сюртуке, во фраке, в пиджаке, в пижаме, в белье и без белья. Форд и красота жизни. Как можно сделаться Фордом?»

Спор с Нахраповым

Последние слова вошли в сознание Яичкина.

Значит можно? Раз об этом говорится на афише, в печатном слове, значит оно так и есть. Он не смел сомневаться в истинности встающей перед ним на всех перекрестках заборной литературы.

Встреча на бульваре с изобретателем Кувшинниковым.

Когда он возвращался домой, у него в голове стала каша, и всюду, куда он смотрел: Форд и проблемы пола, Форд и m-me Мизинчик, Форд и Яичкин.

Тогда созрело в голове его героическое решение.

Он станет Фордом.

Он расписывается в учреждении: Яичкин-Форд. Его запрашивают: Я переменял фамилию!

Лекция. Речь профессора Пупкова.

На следующий день он посетил Фабрику социально-инженер[ных] машин.

Сон Яичкина

Зал машин.

Его приводят к станку и говорят: «Ты — Директор этого станка».

Он становится заведующим цехом.

Он — Директор предприятия.

Он Форд.

Его колоссальные предприятия.

Авиация, станки и т. д.

Растет Яичкин.

Он завоевал мир.

Корабль мира⁸.

Он делает новое чудовищное изобретение — превращает рабочих в машины. Процесс превращения.

Фабричный зал — никого нет. Только машины и Яичкин-Форд.

Дуэль Яичкина-Форда и машин

Яичкин начинает побаиваться машин. — Он хочет бежать. — Но везде кругом растянутый конвейер, на котором железные руки людей-машин совершают операции.

Он хочет бежать. Но машины преграждают ему путь, ловят его железными руками.

Он чувствует сам, что превращается в машину.

Вот он стал фрезерным станком, вот машиностроительным.

И пустой зал прозрачно сияет машинами, которые поворачиваются одни, без рабочих.

Пробуждение Яичкина.

Серое утро. — Он бежит в учреждение.

В библиотеке все на месте. — Он любовно осматривает книги.

Когда же приходит Мизинчик, он даже на нее не смотрит — он вылечился.

В это время хохот. Нахрапов, новый человек, появляется в зале.

— Что, Василий Викентьевич, не выдержал? А мне нипочем. — Не нужно никакого Форда.

И видит Яичкин, что машины подчиняются новому человеку.

Вариант главки «Сон Яичкина»

Сон Яичкина

Утром он расписывается в учреждении: Яичкин — Форд.

Его запрашивают.

Я переменял фамилию.

Ведь имеет же право он в СССР называться как хочет.

Письмо Яичкина к Форду.

Заседание комиссии об изобретениях.

Председатель оглашает заявление Форда-Яичкина.

Он придумал конвейер для образования людей.

Все в восторге.

Но затем замечают, что он сумасшедший.

Ему кажется что он на фабрике.

Он выходит и глядит.

Затем он прямо отправляется в кабинет начальника и посылает записку

«Henry Ford

хочет видеть».

На него смотрят с удивлением.

Он врывается в зал заседания.

Но он останавливает всех властным жестом и говорит:

«Я Генри Форд»

и падает.

АФОРИЗМЫ

[О ЛИЧНОСТИ И ВРЕМЕНИ, О ВОСКРЕШЕНИИ И СОБОРНОСТИ]

31. Познание иллюзорности количества создает мир чистой качественности. Качественность есть не что иное, как единственность, единственность же требует изменения. Изменение есть не что иное, как постоянно возобновляющаяся единственность, ибо неподвижность была бы отрицанием единственности. Неправильность статического мирозерцания вытекает отсюда. Оно не только не является мерилем и идеалом всякого суждения, но, наоборот, оно есть только элемент не полного суждения динамического. Мысль о чем-нибудь не единственном, а следовательно, и о количестве есть мысль ленивая, мысль бессильная, слабая. Статическое ограничение допустимо только в случае разложения действия на его составные элементы, в таком случае статическое понятие играет роль дифференциала в математическом анализе. Но целостная мысль всегда имеет в виду нечто индивидуальное, незаменимое, историческое.

32. Ставится вопрос о пределах индивидуальности. Изменение как будто стирает пределы, через которые оно переступает. Единственность требует изменения, изменение же требует перехода пределов, слияния разных индивидуумов, тут есть как будто противоречие. Но дело в том, что переход пределов и стирание их может быть не отрицанием индивидов, но связыванием их, утверждением их во взаимном воздействии. Рост индивида (а следовательно, самая сущность его единственности, ибо она в основе и есть изменение и рост) состоит в этой все возрастающей его всесторонней связанности. Связанность лежит в основе протяженности пространства и текучести времени. Что она лежит в основе времени, это ясно из того, что связанность есть нарастание единственности. Но что такое пространство? Пространство представляется тоже как вид связанности, причем единственное его отличие от времени то, что пространство есть большая связанность, чем время. Мы теснее связаны с вещами, находящимися даже на большом расстоянии от нас в пространстве, чем с нашим собственным вчерашним прошлым. Таким образом, в нашу индивидуальность входит здесь одновременно существующий мир, тогда как наше собственное я, в прошлых своих проявлениях, уже меньше влияет на этот мир, и тем меньше, чем дальше оно отстоит от нас в прошлом.

32. Отдельные индивиды связываются между собой соборностью. Соборность — это притяжение, любовь, связь, соединяющая в одно це-

рое разъединенные и действующие порознь особи. Если каждая такая особь является процессом, целым, создающимся посредством соборности, то, очевидно, есть высший процесс, составленный из совокупности этих малых процессов. Всякое разложение, т. е. разъединение особей, включенных в высшее целое, есть вместе с тем возвращение их к существованию в других целых или начало новых целых. Соборность не есть механическая и случайная связь, но есть связь глубоко органическая, внутренне-стихийная, есть выявление родственности особей, общий их рост в одном направлении. Каждая особь, проникнувшись соборным духом, началом и силой, приобретает громадную действительную мощь по сравнению с той, которая была присуща ей как индивиду только. Ибо в ней начинает действовать уже все целое. Она является носителем воли и силы последнего (нужно заметить, что высшее целое тоже индивидуально и исторично, как и вообще все множества).

Сила, которую индивид получает от соборности, проистекает от того, что он в точку приложения действия применяет силу всего целого. Знание есть знание воли и силы целого. Свобода есть способность применить большую или меньшую степень этой силы в избранном месте. Самое же применение этой силы дает результаты, *творит*, потому что, во-первых, здесь есть элемент нового, небывалого, новое историческое непредвиденное изменение, во-вторых, здесь есть элемент старого прошлого. Сила множества, познанная ранее, и есть воздействие этого прошлого, воздействие же прошлого есть не что иное, как воскрешение, творчество всегда есть воскрешение. Воскрешает же не голое прошлое, но прошлое обновленное, соединенное еще не бывшим, достигается же воскрешение соборностью, ибо соборность дает необходимую связь элементов.

Задача наша заключается в том, чтобы доказать, что то же самое происходит в процессах логических, физико-опытных, математических. На первый взгляд, здесь как будто идет речь о количествах, величинах, общих понятиях, одним словом, отрицается непрменная индивидуальность, особенность всех вещей. С другой стороны, способность предвидения и воздействия на будущее, присущая точным наукам, как будто связана именно с этим свойством их все приводить к количественному и общему.

Следует доказать, что и здесь количественное и общее представляют собой иллюзию и что сила дается соборностью и приближением к индивидуальности.

Когда мы производим физический опыт или осуществляем на практике математический расчет, мы принимаем во внимание лишь частичные законы вещей, т. е. отвлекаемся от целостной их природы и рассматриваем их только с точки зрения математически-пространственной или физической (массы, веса и т. д.). Это в том расчете, который мы производим. На деле мы также пытаемся произвести это разделение — сочетать или соединить предметы только теми методами, которые нам

нужны. Мне нужен проводник электричества — я беру металл, совершенно не интересуясь его другими свойствами или лишь постольку, поскольку они нейтрализуют другие вредные свойства других предметов. Получается *механическое* сочетание, т. е. одностороннее, где вещи связаны не всей своей природой, не срачиваются, а только одной своей нужной мне стороной. В этой области получается, быть может, большая сила, но в общем, если сравнить с органическим сращением, где создается не новый механизм, а новый организм, конечно, созданная вещь весьма несовершенна. Все создаваемое руками человеческими при помощи точных наук отличается именно такими чертами.

Что же здесь происходит? Человек выделил в общем процессе, в общем целом одну его сторону, один закон и воспользовался им для своих целей. Это не есть выделение одного из процессов, слагающих целое, ибо процесс, даже частный, всегда целостен. Это кусок процесса. Он обладает некоторой силой, инерцией, некоторым разбегом, и вот эта сила и используется человеком. На самом деле, конечно, она тоже органична, и сила этой части процесса является силой, только поскольку она есть сила всего процесса. Но сила эта односторонне применена, и в этом применении она ограничена, она не обладает способностью самовосполнения, роста, собственной жизни. Она оживит механизм на некоторое время, а затем замрет, если не будет подновлена притоком свежей органической силы. На этом основана невозможность механического [пропуск] и необходимость в каждом механизме, когда толчок, двигавший его, исчерпан, дать ему новое движение, исходящее из какого-нибудь живого процесса. Таким образом, сила, применяемая человеком в механизмах, есть всегда остаток органической силы. Вся область приложения математических наук есть область искусственного и ограниченного, механического применения органических сил.

Из этого ясно, что действенность механической силы приобретается ею из того же источника, из которого возникает действенность органической силы. Количественность математики и общность логики должны быть сведены к соборности. Они частичная, ограниченная соборность. Соборность создает внутреннюю, реальную органическую связь между отдельными индивидуумами, соединяя их в один большой индивид. Число в математике схватывает предмет лишь в некоторых его сторонах. Это видно, например, в статистике. Здесь могут быть степени приближения к целостности. Считая людей, я могу брать самое общее, во-первых, людей, во-вторых, людей с некоторыми свойствами, например, профессии, 3) людей с большей полнотой свойств. Очевидно, совершенная статистика была бы та, которая включила бы все эти свойства, т. е. была бы, в конце концов, списком имен, т. е. индивидов. Но для отдельных нужных видов действия такая полнота не нужна. Чтобы накормить этих людей, не надо знать, кто из них курящий, кто нет. Поэтому мы останавливаемся где-то по пути этого восхождения к чистой качественности. Мы довольствуемся количеством. Но очевидно, эта точка зрения искусствен-

ная, ограниченная ради частных целей. Вся наша органическая цель должна была бы быть не только в том, чтобы накормить этих людей, но в том, чтобы отнестись к каждому как к Ивану, Петру и т. д.

То же самое с логикой, если я рассуждаю об этих людях и хочу сделать какие-нибудь о них выводы, выводы мои будут чем общее, тем беднее. Пока я буду иметь в виду в них только человеческие их черты, т. е. общие всем людям свойства, мои выводы будут очень бедны. По мере же осложнения их чертами индивидуальными, я буду иметь дело уже с целостным историческим процессом каждого и с общим историческим процессом всего целого. Таким образом, и здесь логическая связь будет становиться реальнее, поскольку она будет приближаться к соборности и я почувствую последнюю уже не как логический вывод, не как одну только мысль. Она во мне заговорит как реальный мотив, во мне будет сама стихия этого целого — всех людей, к которым я до сих пор подходил частично с одной только стороны.

Вместе с тем ясно, что в обоих случаях ограниченная сила механического опыта давалась ограниченным воскресением. Я накормил всех людей, потому что рассчитал подвоз продуктов, т. е. связал во времени ряд действий, воскресил в минуту раздачи мое действие, имевшее место в минуту подвоза, превратил известное количество телег с провиантом (уже исчезнувших в прошлом в минуту раздачи) в известное количество пайков. То же в физическом опыте. Соединяя данные сейчас H_2 и O , я в этом историческом акте воскрешаю частично ряд исторических актов предыдущих опытов. Там расчет предвидел на известное количество человек подвоз и раздачу некоторого количества продуктов. Расчет связал два отдельных во времени исторических действия. Здесь расчет имеет в виду две части воды, одну — кислорода. Это общее правило, т<ак> к<ак> ряд исторических актов совершен и привел к созданию воды. Я воскрешаю эти акты, поскольку они создавали воду.

Очевидно, поскольку нам нужны только частичные результаты — получить воду или накормить данных людей, математический метод превосходит, но лишь мы попытаемся охватить им целостную жизнь или даже вообще достигнуть больших результатов, чем включенные в наш расчет данные, — обнаруживается несоответствие и ошибка.

Должен быть предел применения этого метода, и этот предел есть не что иное, как граница той или другой науки. Если я применяю математический метод в социологии или физико-химический в психологии, я очевидно не охватываю всего материала. Это грубая ошибка, которую легко избежать. Но применение логического метода общих понятий к жизни вообще происходит сплошь и рядом, вся наша культура отравлена протекающими отсюда ошибками.

Следует перестроить логику и в ней самой провести необходимую границу применения общих понятий. Наша логика подразумевает как будто, что последние распространяются на всю сферу жизни, что они — основа логики, частные же понятия — исключение. Следует, наоборот,

показать, что основа логики — частные понятия, имена. В некоторых же случаях ради практических целей допустимы отступления от логики частных понятий путем отвлечения от всех их свойств, другими словами — употребление фикций, символов, частных понятий. Последние то же, что буквы алгебры, необходимые для известных операций, но реальность всегда шире их, богаче и действительность их ограниченная и производная от индивидуальных понятий.

34. Все есть вечный акт воскрешения. Идея воскрешения полнее идеи творчества, включает его. Воскрешение требует внутренней связи прошлого с будущим через настоящее. Воскресение имеет степени — чем больше мы воскресаем, тем больше мы живем. Но можно умереть в одном и воскреснуть в другом. В этом тайна «еще не умрете — не воскреснете». Смерть, таким образом, связана с воскресением.

35. Воскресение требует соборности — связи разнокачественных моментов. Соборность же бывает двух видов — соборность рождения (отцовства-сыновства), лежащая в основе времени. Я вечно рождаюсь во времени, и из меня вечно рождается новое. Другая соборность — соборность братства (любви), лежащая в основе пространства. Я привязан к смежным вещам, рожденным вместе со мной. Я сотрудничаю с ними, и мы вместе живем и творим. Первая соборность в логике создает суждения, в основе которых лежит чистый разум — признание в вещах одной и той же природы происхождения, что и моя природа. Это — воспоминание Платона. Вторая же соборность обуславливает суждения эмпирические, т. е. отпечаток во мне внешних впечатлений.

36. Нужно преодолеть не время, а тленность — результат пожирающей силы времени. Она всегда есть следствие розни. С другой стороны, всякое воскрешение всегда имеет своей основой восстановление соборности. Здесь имеются налицо два момента: 1) изоляция данных элементов от внешних, разделяющих, нейтрализующих сил (вроде, например, тяготения, привлекающего к одному месту) и 2) соборный акт соединения двух предметов. Но надо помнить, что силы разделяют в одном случае только потому, что они соединяют в другой связи, по другому закону или в другом ряду. Тяготение соединяет все тела, но вместе с тем отъединяет их друг от друга, ибо его закон есть закон масс. Задача соборности, следовательно, заключается в том, чтобы найти такой всеобъемлющий закон, который создал бы соединение без разделения.

37. Различные времена различных систем суть не что иное, как различные степени и состояния множественности. Поскольку последняя путем разумной деятельности сознательных существ переходит к высшим формам коллективной организации, время побеждается и дает место сознательному труду, направленному к усовершенствованию жизни,

к созиданию и воскрешению ценных личностей и ценных вещей, т. е. к преобразованию мира в формах уже не символической, а реальной культуры.

38. Сознательное существо есть существо, овладевающее временем.

43. Личное сознание рождается из слепого потока бессознательного действия и заживает как переживание индивида. Но сознание это неисторично или, вернее, еще не делает истории. Для последней необходимо общение и связь многих личностей. История соответственно есть всегда плод коллективных усилий и сопровождается коллективным сознанием. Такое сознание рождается в группах людей — носящих самый различный характер: от первобытной стадности до сложных форм современных союзов — национальных, политических, классовых, профессиональных и т. п. Высшая форма союза — та, где люди связываются узами общей религии и через нее связываются со всем космосом. Человеческий союз, таким образом составленный, получает своего Бога, и боги племен, родов, наций, государств борются между собою и враждуют. Боги древности именно так являлись мидянам, вавилонянам, египтянам, ассирийцам, персам, евреям, грекам. Следующая стадия — это объединение богов, искание универсума. Мы находим его одинаково в строительстве Рима, в борьбе за объединение еврейских пророков, в объединении богов Египта и Греции, в культе универсального начала стоиков. Наивысшее, наиболее последовательное выражение это стремление нашло себе в элеатической философии — в учении об Едином неизменном и бескачественном Парменида. Родственная этому концепция — всепоглощающее единство браманистов. Очевидно, такая универсализация, доведенная до крайности, должна была уничтожить все различия, всякую множественность и тем самым оказаться на такой же неисторической точке зрения, как и точка зрения одинокого индивида. Крайности эти совпадают в отрицании всякого преобразования и всякой активности. Последние появляются исключительно на промежуточных ступенях между этими двумя отрицательными пределами в области исторического действия живых существ.

55. Вагнер в Парсифале описал расхождение любви земной и небесной. Но, быть может, важнее — пока найти пути, где они встречаются. Это значит показать исконную и первоначальную святость женщины и ту святость, которая ею дается мужчине.

57. Надо отдаваться чувству естественной благожелательности, живущему в душе у каждого человека. Надо встречать людей с душой, открытой для их исканий. Только тогда лучи двух сердец встретятся и загорится между ними новый фокус жизни, подобно ребенку, рожденному от общения двух людей.

53. Я ничего не хочу, потому что я один. Но вместе с тем я всего хочу, потому что я — все.

59. Смерть — уход из времени. Если мы освободимся от времени, мы тем самым уйдем от смерти.

63. Если Вы не готовы к встрече с другим человеком, лучше уклонитесь от общения с ним, уйдите куда-нибудь в сторону, переждите в отдалении. И только тогда, когда Вы будете во всеоружии Вашей духовной мощи, вступите в бой с этим противником. Ибо всякая встреча есть битва двух душ. Но если Вы в самом деле сильны, Вы сумеете победить вражду и превратить столкновение в сближение, вражду — в союз.

50. Наступает время, когда самый черствый и замкнутый эгоист вдруг сознает, что он не может дольше жить, если не найдет дороги в сердца людей.

64. Все, что человек делает, вмещается в масштабы, ему свойственные и доступные — связанные с измерением тех пространственных размеров, в которых человек живет и движется. Соответственно этому все, что мы создаем, от мебели до грандиозных храмов, является только продолжением человеческих органов.

Между тем мысль наша, вооруженная математикой и логикой, способна охватить неизмеримо большие области. Почему же не искать в этих направлениях и не мыслить только, но и пытаться действовать в новых, неведомых и небывалых масштабах.

65. Многие люди стремятся пережить жизнь. Они становятся от слишком большого ума неразумными, от слишком большого опыта — неопытными.

68. Велика и благодетельна сила разлуки и отдаления. В них крепнет любовь и углубляется дружба. — Но разве время не стирает памяти о бывшем? Пусть стирает то, что может быть стерто. Пусть исчезает то, что не имело прочных корней. Зато там, где эти корни были, они уйдут еще глубже в почву, они дадут ростку любви вырасти в могучее дерево. Всякое испытание полезно: в нем куется истинное и вечное.

71. Есть в нашей памяти лица, которые не теряют от сравнения с новыми представляющимися нам образами. Мы встречаем их, когда память возвращает нам эти любимые черты как гостей из другого мира, как милые и вещие привидения. Мы почти уже не верим в их бытие, и тем не менее они привлекают нас, и волнуют, и как-то внутренне возрождают и обновляют.

74. Единственный правильный метод установления вселенскости есть не присоединение себя к мировому целому, но, наоборот, присоединение этого целого к своей личности. Это путь, по которому шли все великие основоположники новых религий и строители всемирных империй. Москва была права, поскольку считала себя Третьим Римом, единственным христианским царством. Но она была неправа в том, что на самом деле не осуществляла истинного царства. Третий Рим потому остался в истории невыполненным проектом.

77. Казалось бы, самый простой и бесспорный путь — это путь откровенного эгоизма. Мне ни до кого и ни до чего дела нет, я живу для себя без всяких чувств и забот об окружающем. Но оказывается, при осуществлении этого пути нас подстерегает великая опасность — опасность окаменеть или одеревенеть. Мы развиваемся не в сторону жизни, связанной всегда с обогащением чувствами и ощущениями, но, наоборот, в сторону обеднения и отвердения в дурной кристаллизации. Мы становимся не высшими существами, но низшими, в пределе куклообразными вещами. Причина этого в том, что личность, перестающая любовно общаться с окружающим, противопоставляет себя ему и этим отрезывает себя от всего, что могло бы ее обогатить. Отъединенность есть в то же время сужение себя, ведущее в конечном итоге к полному ничто.

80. Настоящее бессознательно. Только прошлое имеет логику. Логика эта включает все данное. Будущее же имеет свою особую логику: в ней обнаруживается разность данного и возможного или желательного.

84. В зависимости существ друг от друга проявляется их ограниченность. Моя власть над другим определяет его ограниченность. Его власть надо мной — указывает пределы моей ограниченности.

85. Вопрос не в том «что есть?», а в том, «что делаешь?» Бытие само по себе есть иллюзия и имеет смысл, только поскольку оно подходит к «что делать?» через «как делать?».

86. Исследуя свое маленькое «я» и вживаясь в него, я постигаю, что оно способно на бесконечное расширение, превращающее его на какой-то ступени в Большое Я. Но путь этого расширения не умственный, он заключается в действии. Это вечное создание нового, небывалого, до того неведомого. Это неисчерпаемое творчество, выводящее из себя бесчисленную множественность творений. Имя этому творчеству, этой вечно возникающей и воскресающей множественности — Бог. Отношения между мною и Богом суть отношения между моим Малым и Большим Я. Большое Я вместе с тем ощущается мной как бесконечный поток творчества всего мира, меня несущий. Отсюда необходимость общения с дру-

гими существами, составляющими вместе со мной этот поток, или соборности. Соборность является необходимым условием перехода от Малого к Большому Я. Через воссоединение с другими существами, во мне действующими (я постигаю законы этого воссоединения путем внутреннего углубления или узнаю их в виде платоновского воспоминания), я восхожу, расширяясь, к Богу. Я почерпаю в этом общении возможность участия во всех мировых процессах овладения таким путем будущим. Так, уходя в себя, в глубины моего Большого Я, я получаю силу и средства для воздействия на все вещи, представляющиеся мне внешними. (На самом деле, это те же вещи, которые я познал внутри себя.)

87. От себя к миру, от мира к себе — вот процессы, объединенные в понятие грандиозной раскачки, необходимой для приведения вселенной в движение. Маятник отходит в одну сторону, чтобы лучше захватить другую. Мое могущество пропорционально моим корням, моей внутренней укрепленности. Последняя же есть моя внедренность в мир, степень моего участия в жизни вселенной.

88. Время есть другое название для жизни.

104. Соборность не может иметь места, пока личность скована временем. Сознание в этом случае еще не поднялось над маленьким узким настоящим и не расширилось еще до универсального настоящего, до всевременности. Индивидуализм остается и самосознанием оторванной от целого личности, ибо она вся в кругу этого малого настоящего, вся в текущем миге и если выходит вынужденно за его пределы, захватывая немного прошлого памятью и будущего — предвидением, она все же отсчитывает свои шаги от своего исходного пункта, от этого минутного я как единственной для нее достоверности. Поэтому личность эта ощущает свою несвободу, ибо не она владеет настоящим, но оно ею владеет, унося ее в бешеной скачке своей ужасной неподвижности в неведомые недра неизбежного ничто. Она чувствует слепо свою привязанность к этому бегу времени на месте, к этому настоящему, которого на самом деле нет. Надо преодолеть эти две уродливо сцепившиеся противоположности — безудержное движение в пустоту и мертвенную неподвижность смерти. Надо превратить данный нам миг в управляемый нашей волей челн, несущий нас вместе со всем миром к разумным и избранным совершенностям. Тогда останется благодетельная сторона времени — его наполненность жизнью, но это будет жизнью победоносной, покорившей природу и уничтожившей смерть.

93. М-м Гиюон в ее знаменитом «Трактате о Потоках» сравнивает души людей с реками и потоками, вливающимися в море, которое есть Бог¹. Она указывает в одной из глав на два разряда душ — те, которые не создают сами свои богатства и только изливают, передают воды, полу-

ченные ими извне, и на те, которые имеют в себе неисчерпаемый источник таких вод. Мне представляется, что задачей каждой личности должно быть стать таким живым источником.

110. Самый общий анализ действия как такового обнаруживает в нем два различных и вместе с тем необходимых момента, которых оно является синтезом. Это то, из чего исходит действие, и то, к чему оно стремится. При этом соотношение между этими областями все время меняется. Одни вещи уходят в прошлое, другие остаются в настоящем, третьи вновь появляются. Деятель более или менее активно участвует в этом процессе, творя и изменяя вещи².

113. Если признать, что каждая вещь и каждое существо есть не что иное, как ипостась или воплощение мира, то тем самым найден элемент, из которого все состоит и к которому все может быть сведено. Но элемент этот особой природы и понимание его, быть может, требует расширения логики, превращая ее из формальной дисциплины в диалектическое учение. Истина эта смутно сознавалась философией всех великих мыслителей, но только новейшие учения — математики могут дать ей настоящее логическое обоснование и выяснить общеобязательный характер этой истины.

115. Всякое имя стремится стать личностью, и всякая личность стремится получить имя — в этом внутренний смысл всякого превращения, роста и эволюции. Имя есть самый совершенный вид личности. Личность есть имя, сознавшее себя таковым. Становясь личностью, имя реально и объективно заживает собственной жизнью, создает из себя свою причинность, становится уже не просто «этим», а «я». Личность есть живое имя. Я могу назвать половину стола именем, сам стол именем, но живое существо есть уже имя, ставшее личностью. Можно возразить: но ведь имя дается извне, другими существами? Как связать это с внутренней его принадлежностью данной вещи? Имя имеет двоякую природу: оно не только указывает на особенность вещи, оно вместе с тем связывает ее со всеми другими вещами; это заложено уже в том, что имя выражает совокупность всех свойств вещи. В каждом имени сосредоточен весь мир. Ни одно имя нельзя иначе, как искусственно или в отвлечении, отделить от всех других имен, ибо только наряду с ними и в сопоставлении с ними оно обнаруживает и провозглашает свою особенность. Эта связь раскрывается в том, что рождение имени есть всегда двухстороннее действие, в котором участвует, с одной стороны, именуемый предмет, выращающий свои свойства, отделяясь от окружающих вещей, с другой же стороны — участвует совокупность этих вещей, определяющая совместно данную личность. При этом в зависимости от большей или меньшей степени личности имени оно больше себя создает или, наоборот, больше создается окружением.

120. Лучшее, говорят, есть враг хорошего. Это правильное изречение, но в смысле обратном, противоположном, чем обычно ему придается. Лучшее не хуже хорошего, но в самом деле лучше его. Хорошее есть понятие пассивное, статическое, не устремляющееся никуда, но коснеющее в самоудовлетворенности своего достигнутого уровня. Лучшее же указывает всегда на превзойденную ступень и вместе с тем на движение, на неудовлетворенность, на искание и требование превосходного.

121. Если взять как идеал движение, рост, процесс перехода к лучшему, все должно представляться в виде неостанавливающегося течения жизни. Бесконечное следует искать в развитии и вечном обогащении, а не в растяжении мертвого и пустого пространства. В этом смысле, вероятно, следует понимать Гераклита: его единство не есть единство сферы Парменида, но целостность акта, связь моментов времени, единство живой и вечно преобразующейся субстанции. Лучшее всегда предполагает обновление и творчество и Воскресение прошлого в более совершенных формах.

122. Вечность неотделима от творчества и воскресения — от процессов, в которых проявляется всегда в старом новое. Если нет старого, то нет вечности, ибо ничто не длится. Но если нет нового, то также нет вечного. Вечность требует нового. Неизменной вечности не может быть, ибо она равнялась бы ничто — косность и неподвижность не могут длиться, ибо длительность есть сочетание постоянства и изменения. Только там, где возникает разнообразие и, следовательно, новое, есть содержание длящегося.

123. Благостность необходимо включает творчество. Благостная воля изливается сама из себя как переполненный сосуд.

125. Если не будет материала — старого, не будет и нового, то[го], во что старое превращается. Если не будет нового, не будет и старого, ибо неизменное есть ничто.

126. Быть может, следует установить связь трех моментов времени — прошлого, настоящего, будущего — с тремя видами психических переживаний — познанием, ощущением, волей. Прошлое есть только познание, и познание есть только уразумение прошлого. Настоящее есть только ощущение, и ощущение живет только в настоящем. Будущее есть только воля, и содержание воли есть только будущее.

127. Результат действия должен быть судим и оцениваем с точки зрения заключающихся в нем способностей дальнейшего творчества. Там, где есть остановка, тупик, голый возврат, — это уже не действие, это начало бездействия, умирания.

128. Качество и количество тесно связаны. Различение вещей по качеству требует их количественного разделения и, быть может, создает его. С другой стороны, можно говорить о количестве, когда есть вещи сходные, но не вполне тождественные.

129. Особый характер пространства возникает вследствие необходимого постоянства отношений вещей. Пространство как бы длит настоящее. Без времени нет пространства, ибо, если бы оно все было бы дано одновременно, оно превратилось бы в точку.

140. Одно из сильнейших доказательств того, что все люди суть ипостаси мира и что, следовательно, они тождественны, или представляют одно и то же существо, может быть почерпнуто из учения о чувствах, объединяющих людей в больших социальных союзах. Здесь, в отличие от временных соединений людей под влиянием того или другого общего порыва или настроения, как это бывает при образовании толпы, — действует совершенно особое стремление участника каждого союза сойтись с другими и по возможности с ними слиться. Психологи, и среди них в особенности Фрейд, показали, что в основе этого стремления лежит не только желание возможно близкого общения с другим существом, но нечто гораздо более глубокое и таинственное: желание идентифицировать себя или отождествить с другим человеком, желание слиться с ним так, чтобы он превратился в меня, а я — в него. Далее указывают, что самое яркое проявление такого стремления можно найти в половом влечении, через посредство которого люди физически соединяются. Все другие проявления этого чувства, и в том числе социальное проявление, представляют собой, по мнению Фрейда, видоизменения полового чувства, не находящего себе естественного исхода и направленного на разные, не половые цели. Последнее утверждение, быть может, и преувеличено. Почему считать, что половое влечение есть основное и главное и что все другие проявления «эроса» оказываются его извращениями? На самом деле вероятнее, что эти стремления, а в том числе и половое, являются различными проявлениями гораздо более глубокого и фундаментального по своей природе действия «эроса», присущего всем живым существам и даже материи (в факте притяжения частиц). Эрос есть не что иное, как стремление особых состояний мира, возникающих в виде отдельных индивидов и вещей, вернуться в первичное и последнее лоно, где все они отождествляются друг с другом. Отсюда все общие черты таких различных чувств, как эротическое влечение, как возвышенная любовь, дружба, социальный инстинкт, стадность и т. п. В половой любви открывается как бы окно в другой мир, и та возвышенность, красота и блаженство, которые мы находим в переживаниях, связанных с чувством истинной любви, являются опытными доказательствами, что здесь мы нащупываем выход из серой повседневности нашей разделенной жизни к таинственным сферам неразделенного и всеединого мирового существа.

Отсюда также связь религиозной и половой мистики, рождение религий из оргиастических мистерий, отражение религий в искусстве. В свете этих идей, быть может, мы поймем много странных учений, и в том числе сен-симонизм с его культом женщины.

141. Мы не задумываемся над странным характером чувства любви, над тем, что оно будто не соответствует ничему другому в нашей действительности и, наоборот, противоречит многому, побуждая нас к парадоксальным и нелогическим поступкам. Оно не признает наши земные пределы и запреты, оно не может быть измерено нашими масштабами, оно проявляет необычайную для наших маленьких критериев мощь. Если вдуматься во все это, то нам станет ясно, что любовь есть в нашем темном, отсталом и непросветленном мире частица мира преображенного, пронизанного неведомыми нам лучами, рожденными в совершенстве и вечности.

142. Доказательством ипостасности нашей природы является наша способность сочувствовать другим живым существам, переживать в известной степени то, что они переживают. Можно, конечно, упростить вопрос и объяснить этот процесс тем, что мы одинаково реагируем на одни и те же явления, что наша чувствительность подражает другой чужой чувствительности, подобно тому, как камертон повторяет услышанный звук. Но такое объяснение на самом деле мало дает для уразумения вопроса. Ибо сама способность одинаковой реакции в достаточной степени загадочна. Что значит иметь те же свойства, что другое существо? Не значит ли это в известной степени быть этим другим существом? Ибо тождественное есть только степень подобного. Подобны две вещи, имеющие несколько общих признаков. Но по мере увеличения числа этих признаков вещи приближаются к состоянию полной общности признаков, когда наконец они будут тождественными. При устранении же признака различного места в пространстве это будет одна и та же вещь. Нельзя ли предположить поэтому, что мы реагируем на чужое горе, боль или радость по той причине, что мы имеем не только природу, подобную природе других существ, но что в основе мы и они составляем одно и то же существо? Мне тяжело, когда я присутствую при страдании другого, потому что это вместе с тем мое страдание. И разве это не мое страдание, раз я его невольно ощущаю? Его режут, а мне больно. Он смеется, и я внутренне улыбаюсь. Если искать эмпирических доказательств — это одно из сильнейших, ибо факт тождественного, хотя и ослабленного переживания налицо. И оно правильно названо состраданием или сочувствием. Здесь также великая истина *Tat twam asi* оказывается оправданной.

144. Если есть что-нибудь бессмысленное, то все бессмысленно.

150. В основе апокалиптического чаяния лежит одна простая, но чрез-

вычайно важная истина: спасение отдельной личности связано со спасением всего мира. Мысль эта облеклась в различные религиозно-апокалиптические представления, в поэтические образы, составляла предмет философских размышлений. Сейчас она может быть выражена одинаково в терминах современного научного мирозерцания как следствие всеобщего закона причинности или же в образах видения нового откровения на Острове Патмосе.

151. Спасение личности и мира необходимо представляется как акт единственный, конкретный, т. е. как акт исторический, или, вернее, метаисторический. Это вытекает одинаково из анализа содержания идеи личности и идеи всего мира. Личность необходимо единственна, и только индивидуальная, незаменимая ее судьба отвечает требованиям этой единственности. Но та же единственность дается миру его полнотою или конкретностью. Здесь ясна связь между двумя различными значениями слова «конкретность» — в смысле единичного, единственного и в смысле связанности, всего.

154. Уйти в себя, углубиться в открывающиеся там просторы более совершенного бытия... Но туда надо уйти не в одиночестве, но увлечь за собой весь мир внешний, всю человеческую культуру, всех людей и все существа вселенной. Надо открыть им эти двери и войти туда вместе с ними. Вот подвиг, который ожидается от нас, в то время как раньше было достаточно личного созерцания, личного блаженства и покоя в удалении от жизни мира. Теперь нужно спасать не свою душу только, но весь этот погибающий и утопающий в грязи и повседневности мир.

155. Когда дойдешь ты до своих корней, окажется, что они общи тебе со всеми живыми существами и даже с бедными неподвижными вещами. В себе найдешь ты разгадку прошлого и будущего, услышишь «дольней лозы прозябание и гад морских подземный ход»³. Сириус блеснет в твоей глубине, и неведомые Млечные Системы окажутся частицами твоего расширенного «Я».

156. Среда, конечно, влияет на развитие организма, питая его, с одной стороны, а с другой — разрушая. Но не она создает закон этого развития. Среда остается одной и той же, организм же в ней возникает, растет до известного предела, затем хиреет и умирает. Значит в нем самом основная причина его могущества и его бессилия. В общем похоже на то, что развитие организма есть достижение определенной цели. Он стремится вывести и создать некоторую заложенную в нем форму. Это энтелехия Аристотеля, осуществляющая идею Платона. Или это пифагорейское число, которое есть сама вещь. Но почему же в таком случае наступает смерть? Ведь идея или форма есть нечто постоянное или даже вечное, могущее появиться везде, где есть соответствующая комбинация

элементов. Очевидно, возможности раскрытия вечной идеи или числа ограничены тем, что другие такие же вечные сущности стремятся воспользоваться теми же элементами для своих воплощений. Получается рознь и спор энтелехий из-за риз, в которые они должно облечься, чтобы получить материальное тело. Несогласованность их, таким образом, создает рознь, лежащую в основе всего зла, разрушения и смерти. И средством против последних является согласование проявлений всех форм, организация их деятельности в виде общего дела всех живых существ.

157. О личности можно говорить только в аспекте вечности, т. е. поскольку она причастна к целому. О целом можно говорить, только поскольку оно временно, т. е. распадается на личности.

158. С точки зрения личности реально и необходимо только одно завоевание ею вечности без потери того, что делает ее особой личностью. С точки зрения целого, вселенной реально и необходимо только воплощение ее во временных формах, в личностях, без потери единства, создающего целое мира. В каждом из нас соединены, сталкиваются и согласуются эти два противоположных, но гармонично связанных устремления, ибо наша задача — осознать себя как личность-вселенная и вселенная личность.

159. Вечность является нормальным законом всего существующего. В физике закон сохранения энергии указывает, что потеря энергии происходит от трения, т. е. от затраты ее на преодоление других вещей. Не будь этого сопротивления, этой розни вещей — работа продолжалась бы вечно. Таким образом, преходящность, недолговечность связаны с раздором, и преодоление его согласием должно восстановить вечность.

160. Наше настоящее каждого мгновения есть кусочек вечности, поскольку оно является результатом частичной соборности. Поскольку же эта соборность неполна и остается состояние раздора — вечность ограничена. В случае усиления раздора — она заменяется смертью. Исследуя прошлое, мы измеряем эту соборность, определяя ее как хорошее, полезное, разумное, благоприятное, так и эту рознь, называемую нами вредным, губительным, неблагоприятным. Соотношение же этих элементов дает нам долговечность этого настоящего. Очевидно, изменение этого соотношения может ускорить смерть или, наоборот, отдалить ее, или же, в идеальном случае, вовсе ее преодолеть. Для этого нужно прибегнуть к объединению или соборованию всех существ и вещей, создающих это настоящее. Если все они будут действовать согласованно и разумно, розни не будет более и существование данного мига продлится до бесконечности. Апокалиптический взгляд дает максимум познания прошлой розни и соборности и максимальную цель в отношении соборности будущей.

163. Если личности разрушаются от розни, возникающей от взаимодействия их с другими личностями, не будет ли полное отъединение каждой личности залогом ее расцвета и ее вечности? Нет, ибо личность жива только общением с другими. Она получает свое содержание от включения в себя того, что ее окружает. Предоставленная себе она не живет. Вместе с тем и отъединение личности есть путь к ее порабощению, к механическому и насильственному поглощению ее другими существами или в случае их отсутствия слепыми процессами природы. Всякая отделенная личность служит материалом для чужой жизни. В самом деле, отсутствие общения есть проявление крайней пассивности. Насилие проявляется тогда, когда есть слабые, убегающие, уклоняющиеся от встречи в совместном деле.

164. Все существа изначально связаны общим происхождением и родственностью. Всякий отказ от высшей связи не отрывает их друг от друга, но на самом деле возвращает их к этой связи низшей, к этой первоначальной низшей связи. Предел низшей связи есть полная бессознательность, безвременность, превращающая живое существо в безжизненный придаток к насилующему его внешнему процессу. Это есть поглощение чужой волей, переживаемое личностью как погружение в ничто. Это тоже вечность, но вечность целого без участия в нем включенных в него личностей. Это одно Платоновского «Парменида» — без частей и без качеств. Эта вечность лежит в начале, в корне всех личностей, в их изначальном тождестве. Но она, если отделить ее от дополняющей ее другой вечности, вечности конца, есть путь к смерти и уничтожению. Ибо другая вечность есть вечность бесконечного разнообразия расцветающих в особых формах личностей. Первая есть вечность семенная, где нет еще ничего, но есть все возможности, вторая есть вечность расцветшая, где эти возможности раскрылись и воплотились. Появляясь вместе и сочетаясь, обе вечности дают неисчерпаемое богатство развивающейся жизни, конец которой и начало сливаются в первопоследнем моменте совершения времен.

166. Можно понять, каким образом вечность семени превращается в вечность разнообразия. Это процесс истории мира. Но каким образом вечность конечная превращается в вечность изначальную? Каким образом и откуда возникает история? Почему она нужна? Переход этот, очевидно, влечет за собой какое-то помрачение личности, какое-то ее падение, какую-то потерю ее вечности. Чтобы превратиться в «сперматический» или «семенной» логос Василида⁴, личность должна потерять не только совершенство, но должна отказаться от себя как от личности, растворяясь в первичном веществе вселенной. Она должна, следовательно, потерять блаженство, достигнутое ею в процессе медленного исторического совершенствования форм. Единственно возможное предположение — это то, что есть таинственная степень блаженства, когда оно тре-

бует отказа от себя — жертвы. Для полноты блаженства требуется страдание, для Воскресения — крестный путь и Голгофа. И вот каждая личность в конце своего космического пути идет добровольно на эту жертву, воплощается в несовершенных формах примитивного мира. Так, может быть, происходит уравнение неравенств, и каждое существо в различных воплощениях выносит в общем одну и ту же сумму страдания и радости. Личности меняются как бы местами, осуществляют друг друга, в сплошном круге бытия занимают по очереди все положения. Каждый бывает каждым другим. Так снова получается тождественность всех существ через прохождение их по всем путям мира.

167. Современные люди постоянно ссылаются на закон всеобщей причинности, как будто в самом деле факт ее существования что-либо может до конца объяснить. На самом деле причинность сама нуждается в объяснении. Чем больше мы размышляем о ней, тем удивительнее она нам представляется. Ибо если бы все вещи были в самом деле разъединены, как это нам кажется, не было бы никакого их взаимодействия и никакой причинной связи явлений. Каждая вещь существовала бы сама по себе и действовала бы по собственному закону, и даже вещи, имеющие одно и то же происхождение, были бы на самом деле разъединены и не имели бы общения. Единственное возможное объяснение взаимодействия и причинности — в том, что все вещи, несмотря на свою видимую разделенность, представляют собой проявления одного действующего через них существа. Не в смысле одинаковой субстанции, из которой они сделаны, но целого, которое полностью присутствует в каждой из них. И тогда окажется, что общение субстанций подчиняется не закону воздействия их друг на друга извне, что непонятно, но гениально провиденному Лейбницем закону предустановленного их родства и гармонии.

168. Следующий силлогизм определяет отношение начал личности и соборности: *Спасение личности требует вечности.* (Это положение доказывается следующим образом: Спасение личности требует возможной полноты жизни. Полнота жизни есть вечность. След<овательно>: Спасение личности требует ее вечности.) *Вечное есть произведение соборности.* (Вечная жизнь обеспечивается способностью воскресения. Воскресение имеет место там, где личность воскрешается создающими ее внутренними и внешними множествами, т. е. соборностью. След<овательно>: Вечность создается соборностью.) *Спасение личности создает соборность.* (Спасение личности требует вечности. Вечность создается соборностью. След<овательно>: Спасение личности создается соборностью.)

169. Преобразование не есть только проект или задание. Оно совершается все время кругом нас и в нас самих. Оно происходит во всевозмож-

ных областях. Изменение, движение, перемещение — все это способы преобразования, правда неопределенные в смысле направления процессов. Но когда мы говорим о росте, о развитии, о прогрессе, об эволюции, о целесообразных и разумных изменениях, — мы имеем в виду уже определенные моменты общего процесса апокалиптического преобразования вселенной.

170. Различие между воскресением и воскрешением соответствует различию между пассивной и активной апокалиптикой. Воскрешение есть основной и главный и, быть может, единственный реальный процесс. Пока наше сознание затемнено и мы сами не понимаем, что делаем и что можем делать, мы полагаем, что воскресаем, тогда как на самом деле мы воскрешаем себя и нас воскрешают другие существа.

171. Есть глубокая изначальная связь между явлением времени и соборности. Умирание или исчезновение во времени есть всегда результат разделения, атомизации, уничтожения целостной природы какого-нибудь органического множества. Воскрешение или возобновление существа во времени есть составление новых множеств из распыленных и разъединенных особей или поддержание единства старых множеств.

172. Когда мы говорим о пространстве, это значит, что мы рассматриваем вещи как однородные и отличающиеся только внеположностью и различными местоположениями этих вещей.

173. Каждый из элементов мирового множества стремится стать всем миром или, вернее, раскрывается как весь мир. Это стремление к розни и особности через признание своей исключительности и даже единственности. Но, с другой стороны, это стремление к наибольшему единству, ибо каждый элемент вследствие этого стремится включить в себя все другие или, что то же, стать единственным центром составленного из них множества — мира.

174. Природа ощущается нами как сила внешняя, навязывающая нам свою неразумную или, вернее, полуразумную волю. Время, ею создаваемое, есть для нас внешнее, принудительное, необратимое время подобно, например, времени, возникающему в результате вращения земли. Задача заключается в том, чтобы мы перестали только терпеть природу, но начали бы сами ее делать. Тогда время, возникающее из этого активного процесса, будет для нас временем внутренним, подвластным нам. Жизнь перестанет быть слепой игрой случайной судьбы, но станет разумным нашим творчеством.

175. Через присоединение к целому мира личность становится вместе с ним бессмертной. Но вместе с тем ее присоединение означает отказ ее

от собственной жизни и, следовательно, от себя самой. Она растворяется в космосе. Нужно, очевидно, не присоединение себя к миру, но, наоборот, присоединение мира к себе. Тогда личность будет так же огромна, как в первом случае, и так же будет бессмертной бессмертием всего существующего, но вместе с тем она не потеряет свое своеобразие и особенность. Наоборот, она наложит свой отпечаток на мир, она создаст некое особое, индивидуальное воплощение всего мира.

176. Один из укоренившихся предрассудков — это убеждение в необратимости времени. На самом деле время не только обратимо в принципе, но мы постоянно сами его обращаем, совершая те или другие целесообразные превращения окружающего и воскрешая по нашей воле бывшие его состояния. Каждый разумный акт есть пример такого акта, ибо он может быть по желанию повторен.

177. Если не будет действия, а одна только разумность, получится очень ясное, может быть, представление должного, но на самом деле, на практике останется слепое подчинение потоку необходимости и принудительного времени.

Если, с другой стороны, будет одно только действие, без разумности, оно опять-таки не будет иметь особого отделяющегося от природы субъекта и сольется с слепым течением последней.

Следовательно, для преодоления времени и для утверждения своего творчества живое существо должно проявлять и разумность, и действие.

178. Проявлять активность и бороться против неразумных велений природы не значит необходимо лезть на рожон и колотиться головой о стену, которая преграждает нам дорогу. Стоики учили весьма мудро, что надо различать в каждом отдельном случае то, что мы можем сделать, и то, что нам не по силам. И делать надо, конечно, только то, что нам доступно. Совершив же максимальное усилие и выполнив все, что мы могли, можно принять как неизбежное воздействие на нас превосходной силы. Но такое принятие должно быть условным, а отнюдь не принципиальным. Признавая, что сейчас я слаб и не могу разбить стены, я вместе с тем должен быть убежден, что я могу преобразиться и тем самым умножить свои силы. Следовательно, если я сталкиваюсь с непреодолимым препятствием, это должно быть основанием не для моей пассивности и пребывания в состоянии покоя, а наоборот, для возможно интенсивной работы над собой с целью освобождения спящих моих сил. Увеличение же своей силы зависит не только от внутренних процессов живого существа, но главным образом от объединения его усилий с усилиями других существ в общем деле совместного наступления на встретившееся препятствие. Если представить себе, что мы действуем в согласии со всеми существами мира, очевидно, некому будет оказывать нам сопротивление и мы станем всемогущими.

179. Всякая разумная деятельность есть борьба против навязанного нам бессмысленной судьбой направления событий, есть творчество нового их течения и, следовательно, созидание нового подвластного нам времени.

180. Содержание и настоящего, и будущего есть всегда одно только прошлое. Проект будущего меняет настоящее, накапливая новое прошлое. Новое есть всегда только видоизменение прошлого, новая комбинация его элементов. Таким образом, всегда во всяком действии происходит воскрешение. Вопрос только в степени его сознательности, а следовательно, индивидуализации. И действие слепой природной силы, поскольку оно создает жизнь, создает воскрешение, но хаотическое, случайное, с неясно разграниченным разделением воскрешаемых личностей. Так, рядом с совершенными и вполне отчетливо выделенными животными особями природа создает колонии полипов, где различие отдельных особей почти невозможно определить.

181. Разум организует воскрешение. Организация есть промежуточная стадия между слепым механическим сцеплением и соборностью. Роль разума в том, чтобы упорядочить деятельность разрозненных существ через посредство одного и того же закона и мотива их действий, который одинаково диктуется каждому из них изнутри, его рассудком. Тем самым создаются условия для соборования этих существ, т. е. для установления между ними сознательной и добровольной связи. Она обеспечивает их объединение, создает из них целое не подавлением их и принудительным присоединением, но через их собственное действие, оберегая и используя возможную их индивидуализацию и обособление.

183. Личность есть краеугольный камень будущей соборности. Соборность же обуславливает возможность преображения мира. Мир будет преобразован через преобразование, индивидуальное и совместное, всех его составных элементов. Каждый человек должен иметь два идеала: прежде всего, стать новою личностью, преобразиться внутренне и телесно. Рядом с этим, не дожидаясь еще полного своего личного преображения, он должен в мере наличных уже сил войти в общение с другими существами, совершающими тот же процесс, и участвовать в соборном преобразовании всего, что его окружает.

184. Цели личные, должны, конечно, остаться (в этом залог сохранения и развития личности), но они должны расширить свой объем, стать целями всего человечества, всей природы, всего мира. Через осознание себя отдельным человеком, группами людей и человечеством должны осознать себя все живые существа. Природа должна осознать себя и овладеть собой через посредство выделенных ею высших существ. Человек, как учил Фрэнсис Бэкон, есть выразитель и министр природы. При

этом это должно совершаться не индивидуально, в сверхчеловеческом отрыве от совокупности всех тварей, но вместе с ними, в тесном союзе всех обитателей мира. Только цель, поставленная в таком масштабе, достойна направить общее усилие всех людей. Только достижение ее может быть конечным долгом высшего проявления природы, исправляющей и совершенствующей себя через человека. Ибо природа есть только название для неведомого нам Центрального Существа, отдельными воплощениями которого мы являемся.

200. Надо говорить не только о мирозерцании, могущем быть пассивным, но о мироотношении, включающем действие целостного человека.

206. Когда прекращается дурная обособленность живого существа и восстанавливается его связь с питающим его и оплодотворяющим миром — океан мировой силы и сознания начинает вздымать свои волны в безводном этом дотоле озере жизни. Тогда внезапно проявляется изначальная божественность этой спасенной личности и обновленная мощь ее разливается среди окружающего потоком животворных вод.

211. Спасение созерцанием и молитвой в случае злоупотребления ими может стать глубоко безнравственным. Устремление в потусторонний мир может стать изменой миру, в котором мы живем, любовь к Богу в небесах — предательством по отношению к Богу на земле. Идея Богочеловечества тем именно ценна, что она пытается соединить два мира, указывая и путь этого объединения — крестное страдание, пролитие своей человеческой крови.

212. Забудем на мгновение внушенное нам с детства убеждение, что Христос — Бог. Представим себе, что он только человек. Тогда, быть может, подвиг его, не подкрепленный возможным содействием легионов ангелов, будет еще больше. Если же представить себе, что у него были минуты сомнения, когда он не верил буквально в ожидающий Его престол «одесную Отца», но погружался так же, как и все люди в их смертный час, в темное море неизвестного, — акт его в наших глазах будет еще выше и еще прекраснее. Наоборот, чем больше мы возвеличиваем Иисуса, превращая его в божество, тем больше мы умаляем значение Голгофы. Жизнь же его как человека достаточна, чтобы признать в нем Сына Божия.

230. Сознание человеческого могущества имеет хорошие стороны и дурные. Надо остановиться где-то между Прометеем и Люцифером. Вернее, надо создать новый тип деятеля, не предусмотренный даже глубокомысленными образами мифологии: это Титан, покоряющий мир, но осуществляющий в нем не свои прихоти, а устанавливающий закон добра и разума.

235. Перед нами раскрывается все богатство понятия личности: личность необходима, единственна, и только индивидуальная, незаменимая ее судьба отвечает этой единственности. Но вместе с тем личность есть весь мир, нашедший особое выражение. Отсюда внутренняя связь и соответствие между единственным, единым, всеобщим миром и единственной, единичной личностью. Мир конкретен (от [concreto] — связываю) в смысле связи всего. Личность конкретна в смысле своей единичности и исключительности.

236. [пропуск в машинописи] Спинозы оказывается каждой личностью. Мир — все и личность — все. Мира нет вне той или другой личности. Но личности нет вне мира. Личность и соборность — родственные понятия. Углубляясь в личность, мы находим в ней, под знаменем ее особого имени богатство всех других имен. Наоборот, когда мы погружаемся в соборное целое мира, он раскрывается нам как каждая личность. Каждое существо только потому и живет, что создается все время остальными. В каждой особи — равнодействующая двух ее пределов — ее самой и всего мира. Есть ли отдельные индивиды? Нет, ибо они общаются друг с другом беспрестанно. Но нет и целого без элементов личностей. Оба предела ложны, и есть только их синтез.

237. Демиург⁵ более правильный образ, чем Дьявол. Дьявол должен быть отделен от Бога и противопоставлен ему. Он — абсолютное зло. Наличие его придает религии дуалистический характер. Не то Демиург. Он необходим, ибо раз осуществляется всемогущество Творца, должны осуществляться разного рода и разного качества возможности. Среди них находится и возможность зла. Но это зло относительное. Оно участвует в мировом строительстве. Небытия вообще нет. Оно недоразумение, абсурд. Есть это и не это бытие. Есть отрицание только по сравнению с утверждением. Каиниты⁶ были правы, когда воздавали почести Каину и Иуде, ибо и они являются героями Священного Писания и сыграли в нем свою роль.

240. Человек одновременно тварь и творец. Он творит миром, но он в свою очередь творит этот мир.

241. В своем творчестве человек встречает объективный предел, ограничивающий его мощь. Он не может достигнуть совершенства посредством скачка, выносящего его из пространства и времени. Такое выхождение, когда оно совершается мистиками или философами-идеалистами, есть преобразование только мысленное. Восхождение здесь покупается отказом от действия, в результате чего возносится один дух, целостное же наше существо остается в «юдоли зла и скорби». В итоге получается иллюзия. Обеднением, отвлечением, отвержением действия нельзя достигнуть полноты и высшего богатства бытия. Для того чтобы дойти до последнего или, по крайней мере, чтобы стать на его пороге, необходимо

пройти все ступени не одного только познания, но и совершения. Для этого нет иного пути, как овладение временем путем созидания своего подвластного времени. Для этого надо ввергнуться всем существом в пучину жизни, завоевать ее целостным и всесторонним действием.

241. Правильное действие человека, в такой даже ограниченной области, как область общественная, требует космической идеологии. Для того чтобы наметить цель социальных движений и дать их оценку, надо стоять вне исторического потока, надо глядеть на него сверху, с высот мировой истины.

244. Всякая философия, достойная этого имени, стремится быть философией творчества. Творчество — наивысшее понятие. Выше идеи творчества нет ничего, и творчество всему предшествует и все включает. В основе всех категорий лежит категория творческой мощи, создающей все существующее в виде сочетаний единства и множественности. И жизнь человека и всякое его действие может быть сведено к творчеству. Мое действие, моя мощь и сопротивление, ею встречаемое, единственное, что составляет содержание моей жизни.

245. Вечность может быть представлена как мир свободной творческой деятельности, где последовательность во времени всецело соответствует смыслу или, другими словами, где нет расхождения между связями следования и связями ценностными.

246. Свершение времен есть как бы венец всех времен, ведущих на одну дорогу, к подножию вечности. Но свершение времен есть также и корень всех времен, ибо здесь в нем начинается их мировая страда. Конец совпадает с началом и, странным образом, дойдя до последних ворот, мы узнаем, что они вместе с тем являются первыми. Цель наша есть вместе с тем наша причина. Мы доходим до состояния высшей соборности, и там оказывается, что наша жизнь есть не что иное, как нами самими совместно с другими существами совершаемое воскрешение.

245. Научный метод требует постижения связи нового и старого. Строится новое не из ничего, но из материала, т. е. из прежде бывшего.

247. Историчность и конкретность совпадают. Это вытекает одинаково из анализа понятий личности и вселенной. Личность необходима, единственна и только индивидуальная, незаменимая ее судьба отвечает этой единственности. Но вместе с тем личность есть весь мир, определенный с особой точки зрения. Личность — все и мир — все. Мира нет вне той или другой личности. Есть внутренняя связь между двумя различными значениями слова «конкретность», как индивидуальная единичность (обладающая наибольшим богатством признаков) и конкрет-

ность от глагола кон[креско] (связываю), в смысле совокупности всего существующего.

248. Непродолжительность жизни живых существ, невечность их зависит от розни, происходящей в их организмах, от недособорованности последних. Если к этой внутренней борьбе прибавить внешние опасности, которым они подвергаются, — мы получим полное подтверждение того, что существа эти подвластны времени и тлену исключительно вследствие несогласованных отношений их внутренних элементов и всего их состава с окружающими вещами. Но тогда становится очевидным, что если бы удалось победить эту двойную рознь, человек мог бы преобразиться и стать бессмертным. Путь к этому — во внутреннем и внешнем соборовании человека, или установлении согласия всех составляющих его частиц и совокупности их с внешними факторами.

249. Можно представить себе мировое свершение времен, т. е. момент, где имеет место всемогущий и ничем не ограниченный союз мировых проявлений или воплощений. Этот момент есть начало и конец мира и всех времен, совпадающих в вечности. Если принять его, вместе с тем признается единственность всех временных процессов, отрицается идея вечного возвращения, ибо она означала бы вечность временности. Время вмещает все временные различия, тогда как вечность вмещает все вечные различия. Можно назвать этот союз Богом и видеть его одинаково в Начале и в Конце. Но тогда мы сами (ибо мы составляем этот союз) являемся в каком-то смысле своей Первопричиной и своим Последним Судом. Это провиделось двумя концепциями религиозной мысли — идеей апокалипсиса о свершении времен и идеей обожения. Только в апокалиптических предсказаниях момент этот наступает в результате внешней по отношению к нам силы, в результате действия Бога, отделенного от мира. По нашей теории свершение мира создается нами, так же как Бог есть не что иное, как мы в степени наибольшего совершенства. Последняя идея и есть идея обожения, которая проповедывалась многими отцами Церкви и великими мистиками и опирается на слова [81] Псалма, подтвержденные Евангелием: «Будете как боги»⁷.

250. Будущее — это недовоскрешенное прошлое.

251. Прошлое познается нами в виде имен, конкретного, индивидуального, исторического, несравнимого, неподобного, необратимого. Все содержание прошлого именно в этом богатстве и определенности свойств индивидуумов, делающих невозможным сравнение их, уподобление, счет, обобщение. Будущее же есть неопределенное прошлое.

252. Будущее мыслится нами в виде общих понятий, выведенных из прошлого опыта. Мы предвидим то, что возможно как результат общего

закона. Мы переносим на неизвестное (будущее) категории известного (прошлого). При этом категории живые — имена превращаются в категории отвлеченные, общие идеи. Сила понятий — в присущей им способности упрощать предмет, сводить его к необходимости. Вследствие этого суждение охватывает большое количество предметов. Но общее понятие никогда не бывает адекватно жизни, и потому наши предвидения всегда грешат неспособностью предугадать все будущее.

253. В споре с Локком о том, является ли душа или же имеет в себе врожденные идеи в виде семени, Лейбниц опирается на теорию воспоминания Платона⁸. Но не представляется ли возможным объединить обе концепции, если предположить, что первыми и основными впечатлениями души и были эти вечные идеи? Все зависит от понимания времени. Если верить, что конец и начало сливаются в свершении времен, в вечности, станет ясным, что в основе души лежит воспоминание полной собранности ее с другими душами и это воспоминание является общим для всех душ. Это первая в них запись. Она сама сущность [пропуск для иностранного слова], на которой все остальное впоследствии вписывается. Затем наступает разъединение душ и обособление их (соответствующее падению или греху теологов). Душа начинает получать особые индивидуальные впечатления. Вся трудность в том, чтобы уловить этот переход от общих идей к индивидуально-единичным. Но на самом деле общая идея для отдельной души тоже единична, ибо вообще все общие понятия отличаются от остальных только тем, что общи, совпадают для всех душ. В виду же богатства различий в недрах общей идеи, подчиненные ей понятия начали развиваться в виде частных впечатлений и идей. Это и было началом образования данной личности.

254. Когда мы мыслим будущее, мы все время мыслим понятиями, составленными из элементов прошлого. Но когда мы доходим в нашей мысли до Бога, понятие либо остается пустым (непознаваемое апофатического богословия, свобода у Гегеля и т. п.), или же оно наполняется конкретным содержанием и становится историческим именем. Но лишь это произошло, Бог оказывается уже не в одном будущем, но и в прошлом. Будущее каким-то образом подошло к прошлому и начинает с ним сливаться. Бог есть наше собственное состояние в наибольшем восхождении, в стремлении к наисовершеннейшей цели. Вместе с тем он — наша причина, то, откуда мы исходим, проистекаем. Цель сливается с мотивом. Тем самым время исчезает, ибо время прошлое есть причина, время будущее — проект или цель.

258. Наши имена сейчас суть меньше имена, чем имена людей в первобытные эпохи, когда с именем связывались признаки выявления личности. Так, напр<имер>, прозвища давали полное понятие о человеке.

259. В мысли нашей и интуиции мы доходим до Бога и убеждаемся, что никакие понятия не могут Его выразить, что Он Всереальнейшее Существо, что в нем полнота не мысли только, а жизни и дела. Таким образом мысль имеет определенное начало — мое настоящее и определенный конец — мое постижение Бога. Она носит характер всегда строго проективный, заполняет промежуток между мной и Богом. Но это промежуток реальный, а не мыслимый только, и он может быть заполнен не мыслью, а непременно жизнью, делом. И не индивидуальными только жизнью и делом, а деятельностью всех связанных со мной вещей и существ. Я от них оторваться не могу, и промежуток, отделяющий меня от Бога, есть вместе с тем промежуток, отделяющий их, весь мир от Бога. Итак, я вместе со всем миром, в нашем общем воскресении еще далек от воссоединения с Богом. Но мне дана возможность путем свободного выбора и активного дела превратить воскресение в воскрешение. Как орудие этого дела я имею разум, черпающий в прошлом элементы и рисующий будущее в виде предположений и альтернатив. Будущее, таким образом, есть искание мною и со мной всем миром Бога. Но достижение Его возможно только путем действительного реального воскрешения, путем победы над временем и овладения им, путем перенесения прошлого в грядущее, путем восстановления лучшего прошлого в действительном творчестве. Мы должны делать историю, так, чтобы дойти до Бога, т. е. осуществить в ней то божественное, что заложено в нас и отчасти открылось уже в прошлом. Будущее — это недовоскрешенное прошлое. Когда мы воскресим (не в мысли только, а действительно) то, что было жизненно в прошлом, а след<овательно> то, что в нем было божественно, — будущее вовсе исчезнет. Это будет концом мира, свершением времен, слитием нас с Богом. Тогда исчезнет мысль в ее проективном виде, а также в историчном ее виде и останется одна мысль-ощущение, т. е. вечное настоящее.

261. Мир идет к своему преобразению, в котором, вероятно, будут уничтожены все законы его настоящего существования и связанные с ними протяженность и временность. При этом он не путешествует, двигаясь куда-то вперед по прямой линии (что вытекало бы из движения в пространстве), а воскресает, т. е. рождается вновь, творя все время средства обновления своих собственных истоков. И еще больше: мир не воскресает, а воскрешается, т. е. не переживает навязанный ему извне процесс, а сам добровольно и сознательно его производит через деятельность лучших своих элементов, выделенных для этой роли. На земле — это люди. Абсурд поэтому отрывать человека от его предков, от обезьяноподобных и от первобытных существ. Человек есть их возвышение и преодоление.

262. Бессмертие одноклеточных организмов признается большинством биологов. Не есть ли это также доказательство того, что смерть, т. е.

временность связана с внутренней рознью? Бессмертие одноклеточного организма означает, что там, где есть самодовлеющее единство, есть и преодоление времени. Это преодоление возможно и для всякого единства, которое достигнет такой степени соборности.

263. Какую имеем мы гарантию того, что предположение наше верно, что наступит, в самом деле, минута, когда оно станет действительностью? Гарантии никакой нет, ибо будущее не решено заранее, но нами и всеми другими существами ежеминутно строится, притом всегда из элементов прошлого. И критерий всякого проекта есть степень, в которой он соответствует этому прошлому. Могущество над будущим дается исключительно властью над прошлым, родством с ним, проникновением в него. И это не удивительно — ибо прошлое и будущее — одно и то же. Мы вовсе не безоружны в отношении будущего. Вникая в прошлое, мы можем им овладеть. Претворение нами и всем миром этого прошлого в будущее (делом конечно, а не одною только мыслью) — есть творчество жизни.

264. Проникновение до корней прошлого, до зарождения нашей способности самосознания и разума будет вместе с тем проникновением до конца времен, до полного охвата действительности нашим сознанием. Самое давнее воспоминание будет вместе с тем самым последним предвидением. Самое старое имя будет самым новым. Бог нареченный, явленный, изъяснивший свою волю словом в творчестве мира — будет и Богом непознаваемым и неизреченным. И если мы сомневаемся в конце разума, мы должны сомневаться и в его начале. Но тем самым мы признали бы вечный круг, т. е. то, к чему ведет слитие начала и конца, т. е. вечность.

265. Всякое суждение имеет характер либо исторический, либо проективный. В первом случае — это утверждение памяти о прошлом или о настоящем (на самом деле настоящее постигается нами также памятью, всегда как прошлое). Отсюда рождается особая логика прошлого и настоящего — логика конкретного, единичных и индивидуальных существ — логика имен. Роль сознания здесь в том, чтобы точно различать имена и их сочетания. Во втором случае мы имеем суждения ума о будущем, т. е. о том, что *может* или что *должно* быть. Они составляют логику понятий, ибо понятие всегда имеет общую природу и потому охватывает будущее. Можно даже сказать, что понятие имеет своим содержанием одно только будущее. Если я говорю про смертность вообще исторически, я могу сказать лишь, что все до сих пор жившие люди умерли. Здесь нет еще общего понятия, а есть одно только перечисление конкретных случаев. Если же я говорю: «Все люди смертны», — это значит, что я непременно имею в виду будущее.

Собственная роль разума, таким образом, сводится к проективным суждениям. Разум имеет два определенных предела: первый — настоя-

щий момент, с которого начинается мое будущее и будущее мира. Второй — предположение о таком моменте, когда никакого дальнейшего проекта нельзя будет построить, т. е. о моем конце. Это предположение связано вместе с тем с некоторыми общими понятиями, как то: Всеобщая Полнота, Бог, Всё, Бесконечность, Вечность, и эти понятия поэтому являются предельными. До них было действие и после них тоже действие, не нуждающееся в разуме и проектах. Следовательно, есть максимум того, что может быть предположено, и это есть предел разума. Это очевидно вместе с тем и предел времени: слияние будущего и прошлого в настоящем. Но, конечно, делая это предположение, мы тем самым не достигаем этого предела, ибо предположение всегда останется таковым, будет делом, но делом, совершенно не соответствующим внутренней картине, которая его сопровождает и в нем рисуется.

267. Роль разума сводится к тому, чтобы, пока дело человеческое и общемировое еще не завершено, — снабжать его нужными для него проектами. Вернее, единым проектом, потому что все проекты могут быть связаны в единый проект будущего нашего общего действия, имеющего пределами указанный выше предел всех проектов. Другими словами, так же как каждое совершенное действие является частью совершенного общего действия (охватывающего все вообще прошлое мира) и сравнивается с ним и по нему находит свое место, — так же каждый проект возможного, предположенного, желаемого действия сравнивается с общим проектом всего возможного действия. Это и есть сравнение временного и вечного, постоянное их взаимодействие, обнаруживающееся памятью в сделанном и разумом проецируемое для еще не сделанного. Это тот необходимый фонд единства, который Кант назвал синтетическим единством апперцепции, причем его ошибка заключалась в том, что он не установил отношения его к времени или, вернее, установил его недостаточно отчетливо. На самом деле, две половины времени — прошлое и будущее — включаются в это единство, составляют его две части или, правильнее, одну часть, совпадают с ним, ибо будущее, в конце концов, есть лишь иллюзия человека и мира, не воскресивших еще свое прошлое.

268. Не составляют ли все имена, взятые в совокупности, одно Величайшее Имя? Безусловно, все имена как-то слагаются, но их участие в общем Имени различно. Различно их влияние на целое и различна их длительность, связанная с жизнью их носителей. Они все строили вечность, но они не все одинаково в нее входят. Многие лгали, т. е. выдавали себя не за то, чем они были на самом деле. Последующая их жизнь есть их разоблачение, есть воздаяние каждому должного, есть избличение их лжи и лишение жизни тех, кто только притязал на нее, но, в сущности, ее в себе не нес. Все они как-то жили, но в разной степени и воскреснут именно постольку, поскольку в них была жизнь, с отметанием, с

отвержением сопровождающего ее обмана и необоснованного и недостойного их самовозвеличения. Поэтому можно сказать, что все воскресает, если под «все» подразумевать только истинную жизнь. Если же под «все» подразумевать также и ложную жизнь, фантазмагорию, сплетенную из обманов, — тогда не все воскреснет. Вспомним знаменитый ответ Федорова Соловьеву на вопрос последнего: «Воскреснет ли и каннибализм?». Федоров на это возразил с негодованием: «Что за нелепость — это было бы воскресением смерти!»⁹. Каннибализм не есть настоящая жизнь, но ее извращение. Жизнь воскреснет, но очищенная и исправленная от подобных искажений. Это относится ко всему большому вопросу о роли зла в истории. Способность строительства будущего есть не что иное, как наша способность выбирать в прошлом, т. е. воскрешать его не целиком, с его обманами и ошибками, но без них. К этому сводится, в конце концов, исключительно различие между прошлым и настоящим. Из материала, где смешаны ценные достижения и вредные примеси, мы должны выбрать посредством нашей разумной воли только нужное и ценное. Жизнь наша будет продолжаться, доколе мы не освободим и не воскресим все ценное, доколе мы не научимся творить без обмана.

(Надо оговорить, что разум для нас тесно связан с целостным действием, неразрывной частью которого он всегда является. Разум, оторванный от этого целостного акта, — разум отъединенный, рационалистический — есть дурной и ложный разум.)

269. Если верить в истинную свободу, не может быть речи ни об оптимизме, ни о пессимизме, ибо оба эти взгляда исходят из predeterminedности будущего. На самом же деле будущее условно — оно зависит от наших поступков. Мы можем спастись, но мы можем и погибнуть. Мы можем оказаться недостойными восстановления, неспособными воскреснуть. Это произойдет в том случае, если окажется, что мы в жизни несли обман, если наше имя было лишь видимостью, в действительности же мы представляли собой расплывчатый агломерат плохо объединенных частиц. Каждая из этих частиц воскреснет, если она несла свое имя, исполняла свое назначение, обогащала по-своему мир, работая для дела общего воскрешения. Но то целое, которое они составляли, было целым иллюзорным, целым лишь [по] видимости. Оно поэтому может и не быть воскрешено. Быть может, не во всех людях имеется бессмертная душа вместе со смертным телом. На самом деле в большинстве случаев, наоборот, тело бессмертно, тело воскреснет в разных формах — душа же смертна, ибо она не проделала подвига, необходимого для ее воскрешения. Итак, нельзя верить в безусловное спасение или безусловную гибель, но надо желать воскресения и прилагать все усилия, чтобы завоевать на него право.

Надо всегда соединять мысль о прошедшем и мысль о будущем. Они должны быть единой, одною и той же мыслью. Сущность же сочетания

должна заключаться в том, что к фактам прошлого присоединяется проект будущего, их исправляющий. Поэтому прошлое в этой мысли предстает в двояком виде, так, как оно было в истории и вместе с тем в виде обновленном и очищенном. Но такая проективная мысль есть только преддверье к очистительному делу, воскрешающему прошлое в очищенном виде.

271. Если бы все прошлое было освящено, не было бы никакой нужды в действии, создающем будущее, не было никакого проекта. Греховность мира сказывается именно в неочищенном его прошлом. Надо покаяться, т. е. осознать примесь смерти к жизни в его прошлом.

274. Время производится природой. Если человечество овладеет природой, оно овладеет и временем.

275. Будущее есть, поскольку есть разумные существа, которые его хотят. Оно есть только для них. Слепая природа не имеет будущего. В день, когда вся она станет разумной, все время станет будущим, и будущее тем самым сольется с прошедшим в вечном настоящем.

277. Деление на прошлое и будущее существует, поскольку мы не свободны и не всемогущи. При достижении этих высших состояний прошлое уже не прошлое, ибо оно лишено характера необратимости и, следовательно, необратимости. Оно в нашей власти. Оно здесь, в нас, все время. Оно — настоящее. Но это может быть достигнуто не индивидуально, а только соборно, всем миром, через процесс активного знания-действия, заменяющего собой пассивный и страдательный процесс бессознательной повторяемости.

277. Прошлое властвует над нами в виде необходимого закона постольку, поскольку над нами властвует природа. Овладев ею, мы овладеваем и прошлым, т. е. мы можем изменять его и воссоздавать его. Впрочем, овладение природой достигается через прошлое, т. е. через постижение своих корней.

278. Проекты наши не осуществляются полностью, ибо мы недостаточно исходим из прошлого и не вполне его постигаем. Полное постижение прошлого создало бы проект, совпадающий с его осуществлением. Но это возможно лишь в момент слития прошедшего и будущего.

279. Молитва Манассии (конец 2 Пара<липоменон>): «Господь связал море словом повеления Своего, заключил бездну и запечатал страшным и славным своим Именем»¹⁰. Но каждый из нас носит имя, и имя это должно быть тоже страшным и славным и ими всеми, нашими именами, должна быть заключена и запечатана бездна мира.

281. Воскресение — сущность жизни, внутренний ее закон. Оно происходит все время, везде, где есть жизнь и рождение. И чтобы жить, надо стремиться все время полнее и глубже воскресать и воскрешать все вокруг себя. Сознание (если иметь в виду под этим названием целостное постижение человеком своих состояний) есть необходимое условие более совершенного Воскресения: сознание дает картину познанного, т. е. прошлого, тем самым вдвигая это прошлое в пределы настоящего мига и делая его мотивом и побудительной силой будущего действия. Здесь также обнаруживается таинственное явление человеческой свободы, выражающееся в том, что прошлое предстает перед нами в двух видах: 1) как познанное, бывшее, прошедшее, необратимое; 2) как проект, как возможное, желательное, как будущее, как возвращение или восстановление прошлого. Будущее всегда слагается из элементов прошлого, но сочетание этих элементов новое, и в этом проявляется наша свобода. Свобода не есть только свобода выбора между данными направлениями, но гораздо больше способность создавать эти направления, утверждать, что так именно должно быть. В чем же корень этой способности? Очевидно, в ней ничего не может сказаться, чего не было в прошлом. Но возможно говорить от меньшего или большего целого, т. е. от части только прошлого или же от всей его совокупности. Свобода есть сосуд, который может воспринимать различное содержание, в зависимости от того, кто в данный момент высказывается посредством человека. Так, например, через него может выражаться веление коллективной воли, идущей из прошлого, — воля Церкви, Нации, того или иного социального класса или союза. В таком случае личная свобода человека связана соборностью и ограничена подчинением его коллективному переживанию. Так устанавливается необходимая связь глубины воскресения с объемом воскресающего. История всегда связана с соборностью, время — с пространством. Вместе взятые, эти явления создают конкретность бытия, выражающуюся в связанности всех вещей и всех существ.

282. Свобода всегда должна иметь известную задачу. Она должна быть наполнена определенным содержанием — стремлением сочетать с воскресением мирового целого также воскресение отдельных составляющих это целое личностей. Свобода есть страж, на обязанности которого лежит долг блюсти в вечности вселенной вечность живых обитателей этой вселенной.

283. Воскрешение предполагает творчество новых и лучших комбинаций старых элементов, воссоздание того, что в прошлом было лучшего и наиболее жизненного. Роль сознания и заключается в том, чтобы составлять проект такого будущего: для этого разум выбирает элементы жизни и отбрасывает элементы смерти. Что такое жизнь? То, что способно воскресать. Смерть — то, что не обладает этой способностью. Кри-

терий здесь не формальный и не статический, а действительно динамический — выживает то, что несет в себе силу воскресения и возобновления, и это воскресение своей наличностью освящает бытие, спасшееся из бездн уничтожения.

284. Свобода тесно связана с будущим. Оба являются проявлением отделенности некоторых элементов от целого. Для целого нет деления на прошлое, будущее, настоящее. Все для него в прошлом, завершено, замкнуто в известные границы. Когда же часть мирового целого восстает против его совокупности, появляется свобода и возможность изменения, т. е. будущего.

285. Время каждой личности зависит от степени ее ограниченности. С расширением личности до степени коллективной системы общее время всей системы становится временем личности. Время всех систем есть время личности.

286. Основной вопрос в том, составляют ли минуты нашего высшего внутреннего сознания в самом деле моменты максимального возможного нашего возвеличения и расширения, или же есть помимо нас реальность, которая уже осуществила высшее совершенство. В таком случае эти моменты будут не максимальными достижениями, а лишь некоторым приближением к этому уже где-то наличному совершенству. Этот вопрос тесно связан с проблемой воспоминания, поставленной Платоном. Когда мы достигаем этих высших состояний, создаются ли они впервые или же только повторяются, раскрываясь как воспоминания бывшего? Или создавать нечто вновь и значит доходить до глубин прошлого?

287. Смысл воскресения заключается именно в том, что, двигаясь вперед, к будущему, мы на самом деле только вспоминаем, приближаемся к вечному и общему высшему состоянию, в котором заключена вся полнота жизни и творчества. Оно должно обнаружиться в нас, течь из нашего прошлого в наше будущее, переливаясь через настоящее. Оно не только впереди, но и позади, стихийно в нас встает, расширяет нас включением в себя. Оно одновременно поэтому и прошедшее, и будущее. Полное слитие времен есть уничтожение времени, уничтожение уничтожения, вечность. Так происходит овладение всем будущим через воскрешение всего прошлого.

288. Если произойдет в будущем реальное воскресение всего существовавшего, оно окажется вечно бывшим, ибо тогда не будет различия между прошлым и будущим. Поэтому вопрос о том, что такое новое и старое, теряет смысл. Они сливаются в вечном. Это вечное не есть отрицание времени, но включает все отдельные моменты последнего, так же как целое мира включает населяющие и составляющие его личности.

289. Рассуждения о природе времени, о свершении его, о вечности кажутся метафизичными и лишенными практического смысла. Однако так можно было говорить до последних успехов техники. Сейчас с головокружительной скоростью происходит завоевание человеком пространства, а следовательно, и времени. Мы стоим накануне таких передвижений в пространстве, которые создадут приближение к вездесущности. Для вездесущего нет уже времени.

290. Вся природа стремится воскреснуть и слиться с Богом, обожиться, стать Богом. В человеке она создала себе для этого усовершенствованное орудие. Человек не может быть отделен от своих предков животных и даже растений, и даже камней и газов. Но отличительная его черта заключается в том, что он не только воскресает сам, но воскрешает других и себя, тем участвуя в Боге активно. Средствами, направляющими акт воскрешения, являются память, сохраняющая имена прошлого, и разум, проектирующий будущее, т. е. судящий весь процесс с точки зрения выбора наилучшего и желаемого. Суд этот состоит в том, что часть жизненного процесса признается действительно жизнью и определяется как желательный и для будущего, остальное же отбрасывается как временное, искаженное, смертное. Это равняется открытию божественного и подчинению ему жизни. Быть может, это тот самый процесс, который составляет внутреннюю сущность всякой вообще жизни. Некоторые элементы отбрасываются, другие оказываются постоянными, вечными и во имя их, ими строится весь организм. Какие же элементы принадлежат к тому или другому разряду, решается путем дивного ощущения в себе жизни Бога, т. е. самоутверждением в нас божественного, вечным его воскресением.

293. Основной ритм жизни есть движение вперед после отхода назад, как бы для разбега. Шаг назад — полтора шага вперед. Процесс воскрешения есть как бы постоянная раскачка, которая забирает прошлое, чтобы лучше овладеть настоящим и будущим. Очевидно для охвата и преобразования всего будущего нужно дойти до последних корней прошлого, завладеть им целиком. Тогда мы дойдем до последней сущности вещей, до конца их и начала. В этом смысл и тайна воскрешения.

297. Если рассматривать все происходящие в природе процессы как процессы преобразования через воскрешение, станет ясным, что такое время. Прошлое есть та часть настоящего, которая является материалом для воскресительного акта. Будущее — это образцы, согласно которым материал этот перерабатывается и возобновляется. Не время объясняет воскрешение, но, наоборот, время зависит от последнего и им объясняется.

298. Законченная Церковь, замкнувшаяся в раз навсегда данных и неизблемых догматах, есть абсурд. Это означало бы отказ от совершенства

и от обожения. Церковь есть процесс воскрешения, т. е. творчества нового из старого.

300. Ошибка чистой философии истории, столь любимой гуманитарными мыслителями, заключается в том, что они упускают из виду область биологических факторов, влияющих на исторические факты. Это не значит, что нет истории в собственном смысле слова, как преемственности социальных явлений. Но она всегда имеет в своей основе биологические превращения. Стремление к культурному совершенствованию есть явление историческое. Но рамки и обстановка, в которых оно развивается, даны геологическими, географическими, биологическими причинами. В них действует уже не преемственность историческая, а более общая, создаваемая этими факторами. И даже когда между двумя культурами нельзя установить исторической связи, можно установить связь более глубокую — тождество проявлений, вытекающее из тождества природы носителей различных культур. Так, например, быть может, нет прямой исторической преемственности между философией индусов и европейцев — но логика и общие философские постановки у них совпадают. Искусство во всех странах повторяет одни и те же или близкие мотивы. Это результат одинакового строения человеческого мозга и совпадения во всех случаях главных эстетических устремлений.

301. Любовь есть таинственное явление, раскрывающее нам связь и, может быть, тождественность всех существ. Только этим можно объяснить ту воскресительную ее роль, чудесное ее свойство наполнять «сердце одного бесконечными источниками жизни для сердца другого» (Достоевский. Преступление и Наказание.)¹¹

303. Спиноза и Лейбниц выяснили различие между пассивностью и активностью. Они считают, что активен тот, кто является единственной причиной того, что в нем происходит. В противном случае получается пассивность. Пассивен тот, кто ограничен другими существами.

Развивая эти мысли, можно прийти к некоторым выводам по вопросу о сущности и роли времени. Навязываемое мне внешнее время возникает всегда вследствие ограничения моей активности, т. е. является как бы совокупностью пассивных проявлений моего существования. Но в течении времени возможны два направления: пассивность уменьшается, т. е. уменьшается воздействие других и активность возрастает, или же наоборот, активность уменьшается, возрастает воздействие других и с нею пассивность. Второй путь есть путь, ведущий в пределе к смерти, ибо смерть есть не что иное, как полное порабощение, уничтожение индивидуума подчинением его чуждым и внешним процессам.

Из этого как будто следует, что преодоление внешнего времени — обретение полной активности — связано прежде всего с освобождением от чужих воздействий, соответственно, идолом и идеалом должно быть

полное одиночество и жизнь в себе одном. Это путь крайнего индивидуализма, могущего принимать религиозно-созерцательную форму (спасение «своей души») или же форму безбожного возвеличения своей личности. Но здесь кроется ошибка в том, что освобождение от воздействия других не есть единственное условие активности. При учении Лейбница о невозможности общения монад это было бы в самом деле так. Но в действительности, для того чтобы что-нибудь вообще «происходило», в смысле ли активности или же пассивности, необходимо предварительное условие — общение существ. «Происходить» значит двигаться, меняться, а изменение возникает всегда как результат перегруппировки множества элементов. Если нет ничего, кроме моего внутреннего содержания, и если это содержание не включает в себе мир и внешние вещи, никакое преобразование и изменение, в виде ли развития или же вырождения невозможны. Ибо изменение есть всегда нарастание или потеря, т. е. присоединение новых, других элементов, или, наоборот, освобождение от них. Следовательно там, где нечто происходит, где есть жизнь, есть вместе с тем всегда общение, и отношения между общающимися существами никогда не пребывают косными, но всегда видоизменяются в сторону плюса или минуса. Пассивность есть такое общение в виде воздействия на меня других и ведет в сторону моего уничтожения, приближения моего поработания смерти. Активность же требует общения, но в виде *моего воздействия* на других. Последние необходимы хотя бы как материал моего действия. Отсюда возникновение рядом с двумя указанными фазами 1) воздействия на меня и 2) моего одиночества третьего 3) моего воздействия на других, доходящего до стремления их поработить. Здесь рождается либо религиозное насилие, либо насилие безбожного анархизма. Но проявления эти не дают истинного могущества, ибо, следуя им, я осуществляю лишь *свои возможности*, подчиняя им возможности других и даже вовсе их уничтожая. Но этим уничтожением я сокращаю свой кругозор действия, ибо содержание всякого действия дается ему включением в него окружающих процессов. Механическое подчинение последних не есть такое включение, ибо оно убивает как раз то ценное, что могли бы мне дать другие существа, оно превращает их в бездушные, слепые придатки моего действия, от которых уже нельзя требовать живого участия в моем деле: я убил курицу, которая несла мне золотые яйца. Я могу восторгаться во всем мире и подчинить всех — это не будет осуществлением всех возможностей и своеобразий вселенной, — а лишь сокращением их, сведением их к одному моему закону. — Это будет обеднением целого и обеднением меня самого. Время как будто будет побеждено моим освобождением, моей активностью, на самом же деле оно будет побеждено, преодолено не овладением им, не усвоением и осуществлением в его потоке всего богатства мировых различий — но отказом от последних, уходом в одиночество, а следовательно, остановкой, покоем, застоём. Это будет полной протрацией, таким мертвым равновесием, в котором уже не будет ни активности, ни

пассивности, потому что никто на меня не будет воздействовать и я с другой стороны буду почивать на развалинах других индивидуальностей.

Правильный выход из положения очевидно в том, чтобы создать общение, *в котором все могли бы быть активны*. Это и есть соборность. Тогда не будет больше пассивности и внешнее время будет преодолено, но будет полнота жизни, воздействие всех на всех во всех возможных формах.

304. Пассивность в пределе есть не что иное, как завладение моим «я» чужой волей, после того как оно истощено и исчерпало все свои возможности. Подобное же состояние создается в результате моего уединения и отказа воздействовать на других. С тем лишь различием, что в опустевшем храме моей воли никто не воцаряется. В смерти надо различать два момента, иногда совпадающих: 1) мое уединение — это основной момент и 2) мое превращение в орудие чужих целей. Порабощение ведет к смерти, уединяет поработаемую личность.

305. Сказать: вечное есть — недостаточно. Надо добавить: вечное воскресает. Но и это определение не вполне точно, ибо в нем как будто предполагается существование «вечного» и до его воскресения. Если же сказать: воскресающее вечно, здесь ударение ставится не на динамическом моменте процесса воскресения, но на статическом пребывании в вечном состоянии. Момент статизма очевидно возникает, поскольку мы мысленно отделяем оба понятия — вечного и воскресающего. На самом деле их не следует отделять. Вечное и воскресающее должны быть выражениями одного и того же тождественного понятия: вечно только то, что воскресает, и потому только, что воскресает. И вечное необходимо воскресает. Понятие воскресения здесь является главным. Оно включает в себя категорию бытия и вечности и все вообще другие категории. Можно сказать:

С этой точки зрения надо отдать предпочтение понятию воскресения, например, над понятием творчества: творчество недостаточно, ибо в нем нет идеи прошлого. Если же внести в него идею прошлого, то есть мыслить творчество из чего-нибудь уже данного, — получается не что иное, как идея воскресения. При этом не следует мыслить себе нечто воскресающее в виде субъекта акта. Воскресение само по себе есть основное нечто. Воскресает то, что воскресает. Здесь субъект и предикат слиты. Можно поэтому сказать, что высшее понятие, нам доступное, есть понятие воскресения. Когда мы берем его реально, конкретно, как формулу всего происходившего, происходящего и имеющего произойти, — оно включает все вещи, все времена все возможности.

Но если вдуматься в проблему еще глубже, окажется, что идея эта все недостаточна и, как ни мало развита наша мысль на этих высотах, она может представить себе большее и наш язык может большее выразить.

Идея воскресения сама по себе недостаточна, ибо это идея какого-то объективного процесса, из которого мы мысленно себя выводим, когда мы о нем судим. Мы как будто становимся в стороне от него, возобновляя тем самым дурное деление на субъект и объект. Чтобы победить это деление, надо, очевидно, выразить основное положение в терминах: «я воскресаю». Но и это недостаточно, ибо «воскресаю» как будто выражает пассивное переживание, нечто со мной происходящее. Идея того, что меня воскрешает, отделяется от меня и моего воскресения. Надо поэтому сказать: воскрешаю себя. В этой формуле мы приближаемся к требуемой полноте. В ней воскресение становится самодовлеющим и вместе с тем подразумеваются многие другие необходимые, хотя и вспомогательные понятия: сознание и разум (ибо воскрешение предполагает целеустремленность), идея совершенствования, перехода от худшего к лучшему, от зла к развитию в положительном направлении.

Здесь, однако, возникает новая трудность. Если считать основным положение мысли: «я воскрешаю себя» и видеть в этом наиболее общую истину, получается либо истина частичная (если рассматривать «я» как часть мира), либо солипсизм (если отождествлять «я» с целым миром). Очевидно, надо исходить из второго положения, но необходимо дополнить его включением в него упоминания об участии в процессе воскрешения и других существ, и вещей, являющихся, наряду со мной, другими воплощениями или аспектами того же мира. Действительность будет правильнее выражена, если я упомяну о том, что я не только себя воскрешаю, но и других. И другие не только себя воскрешают, но и меня и друг друга. И только когда это будет осознано полностью и мы сольемся в одно целое взаимно воскрешающих друг друга элементов, можно будет найти исчерпывающую формулу, которая выразится в слове «воскрешаемся» или «мы воскрешаемся». «Мы» выражает субъективную точку зрения и вместе с тем сочетание единства субъекта действия при сохранении множественной его природы. Вместе с тем дается иное понимание совершенствования: последнее есть уже не только результат сравнения недостаточного с абсолютно совершенным, что предполагало бы в Боге вечный изъян, хотя и вечно восполняемый. В нашей формуле мы имеем здесь идею сравнительного улучшения, соперничества всех во взаимном совершенствовании — сравнение своих успехов не с абсолютными образцами, а с реально достигнутыми успехами других участников акта воскрешения. Мы воскрешаемся друг в друге, т. е. стремимся сочетать своеобразие каждого с полнотой общего союза: надо воскресить всех, и тогда только каждый из нас обретет совершенство и будет всеобъемлющей личностью. Так создается в результате взаимного воскрешения всех существ новое Великое Существо, вечно возобновляющее в себе все ценные своеобразия создающих его членов.

306. Идея воскресения связана с множественностью воскрешающих себя и друг друга существ. Если число их конечно, осуществление в со-

вокупности их своеобразных индивидуальностей в определенный момент будет исчерпано. Тогда повторятся уже бывшие возможности и вечность превратится в вечное возвращение, описанное Ницше. Но этому противоречит природа воскресительного процесса, сущность которого заключается не в повторении бывшего, но в возобновлении старого в улучшенном виде. Можно найти пример. Таким образом, здесь необходимо постоянное движение вперед и вместе с тем остановки, при которых бывшее восстанавливается в виде законченной и целостной сущности. Можно выразить такой процесс или, вернее, два эти процесса в математических законах, регулирующих образование бесконечных множеств. Неисчерпаемость поступательного движения выражается через посредство закона математической индукции, вследствие которого к каждому данному числу можно прибавить еще единицу и так до бесконечности. Кантор назвал этот закон первым правилом порождения бесконечного множества. С другой стороны, создание воскрешенных сущностей изображается и вторым законом порождения Кантора, согласно которому происходит закругление чисел в виде включения целого их ряда в новое число другого высшего разряда. Итак, идея воскресения включает понятие бесконечности и вместе с тем и понятие конечного, как уже достигнутого, как прошлого. У каждого индивида, так же как и в их совокупности, воскресительный процесс раскрывает способность бесконечного рождения и размножения. Так же как бесконечность дробления включена в целое число — бесконечность выявления форм моего своеобразия включена в природу моей индивидуальности. Но сущность моего своеобразия — выражать особым образом все другие существа, весь мир. Отсюда необходимость совместного и взаимного воскрешения существ, осуществляющих свои индивидуальные призвания через посредство друг друга.

307. Активность и собранность тесно связаны. Это будет понятно из анализа действия. Что такое действие? По Аристотелю — действие есть отношение одного другому. Иными словами, действие всегда предполагает множественность и служит связью между двумя и более существами. Отъединенность поэтому совпадает с максимальной пассивностью — одинокое «я» суживается и превращается в ничто. Наоборот, полнота общения есть величайшая активность. Отсюда активность любви, воскрешающей ближних. Наибольшая активность преобразует наибольшее количество окружающих существ.

308. Вечно то, что воскрешается вечным соборованием. Соборование есть объединение каждого индивида в самом себе посредством организации внутренних его элементов и обмена ценными и нужными материалами с другими индивидами. Таким образом, каждая личность развивает свое своеобразие, черпая необходимые элементы из запаса, принадлежащего не ей одной, но всей совокупности общающихся существ. Вме-

сте с тем ничто не пропадает, ибо отпадающие от одного индивида части используются другими.

309. Объективно и вечно то, что соборуется в вечном воскрешении. Субъективно или временно то, что не соборуется до конца и потому остается недовоскрешенным. В каждый данный момент то, что дано как результат прошлого (это составляет вместе с тем содержание данного настоящего) объединено и организовано только до известной степени и постольку остается неполным, несовершенным, недостаточным. Обмен элементов индивидов и, следовательно, соборование и воскрешение их неполно. Степень этой неполноты указывается тем, что остается еще сделать, чтобы достигнуть состояния полной соборности, свершения времен и вечного воскресения в данной области. Понятно, почему время обязательно и принудительно нам навязывается и не подчиняется воле индивида. Каждый индивид связан с другими, и время есть не индивидуальный, но соборный процесс. Поскольку же настоящее состояние изменяется в зависимости от движения к большей или меньшей соборности — оно вместе с тем субъективно. Сознющий индивид ощущает неполноту своей точки зрения и изменяемость ее в зависимости от увеличения или уменьшения соборности. И вещи делятся согласно этому в глазах этого индивида: некоторые уже настолько участвуют в соборности, что они достигли вечности путем воскрешения. В них прошлое и настоящее восстанавливаются и происходит поэтому постоянное свершение времен. Они поэтому сверхвременны или, что то же — могут быть выражены вечными понятиями. Другие же вещи не дошли еще до этой степени. Они преходящи и субъективны. Это создает различие объективного и субъективного знания. Первое увеличивается в виду нарастания прошлого. В идеальный момент всеобщего соборования и всеобщего свершения времен налицо будет одно только прошлое в виде вечного настоящего.

310. Не все прошлое одинаково равноценно в смысле его объективности. Объективна, обязательна, принудительна для нас лишь какая-то более глубокая его часть, пережившая века и преодолевшая время. В настоящем живо не все прошлое (в этом различие между прошлым и настоящим: настоящее — это живое прошлое). Некоторые формы прошлого уже не действуют, уже не принуждают нас. Постольку мы их не помним и не знаем.

311. Что значит углубление и расширение знания? Знание есть содержание соборной памяти, память не «я», а «мы». И чем шире, объединеннее и согласованнее это «мы», тем могущественнее охват этой памяти. Рост, расширение и углубление памяти есть рост, расширение и углубление соборности в деле памятования. Припоминание есть переход от памяти «я» к памяти «мы». Новое припоминание есть замена воспо-

минания меньшего «мы» воспоминанием большего «мы». Утеря памяти есть регресс соборности. Движение от «я» к «мы» в памятовании не есть только расширение памяти личной переходом к памяти социальной (книгами, воспитанием, обучением), участием в культуре. В самом индивидуальном припоминании есть раскрытие соборной памяти — путем либо осознания врожденных истин (трансцендентальных), либо путем прямого соборования с другими существами посредством жизненного с ними общения. Через второй процесс всякое ощущение и впечатление возрождается в памяти, обогащая их новым припоминанием. Вся жизнь (с точки зрения знания) есть только припоминание, и взаимодействие наше с другими существами и вещами возможно только потому, что, соборуюсь в таком общении, мы их припоминаем. Мы не чужды друг другу, но родственны или, быть может, даже еще ближе: *Tat twan asi* как будто говорит нам каждая встреча и каждое впечатление, создавая внутреннюю связь в сознании параллельно связи внешней.

313. Если я строю себе картину мира, я должен включить в нее историю. Но это приведет к некоторому субъективизму. Спускаясь с высот, от неизменяемых начал к изменяющемуся миру, для того чтобы дать верную его картину, я должен вырисовать в ней свое особое положение, т. е. то обстоятельство, что один предмет находится от меня направо, другой налево, один связан со мной как причина, другой — как следствие. То же самое должен сделать и всякий другой рассуждающий человек. Но тогда эти картины, несмотря на то, что содержанием всех их будет единый мир — в некоторых отношениях будут выглядеть различно. Не будет единой философии, но множество философий, совпадающих, быть может, в вершине их, упирающейся в вечность, но расходящихся там, где они соприкасаются с единичным миром каждого субъекта.

314. Следует ли из этого, что единая философия вовсе невозможна? Она возможна — обычно считают, если пожертвовать частью единичного мира и рассматривать только общие свойства вещей. Индивидуальность же остается чем-то неопределимым, иррациональным. Но такая точка зрения на самом деле отказывается от разрешения проблемы. Надо искать в другом направлении. И вот, вдумываясь в поставленную задачу, можно прийти к выводу, что разрешение ее, недоступное индивидуальному уму, быть может, доступно уму соборному. Что это за соборный ум? Очевидно, это ум множества существ, отражающий их общее действие, так же как ум индивидуальный отражает личное действие одного какого-нибудь индивида. Если картина мира для ряда существ, живущих и действующих порознь, необходимо была различной, так как отображала особый опыт каждого, — если мы возьмем согласованное их действие и общую жизнь, мы получим синтез всех этих отдельных действий и соответствующий ему синтез их философий. В нем сохранится особенность каждого индивидуального взгляда, так же как в соединенном об-

щем действии сохранится особенность слагающих его индивидуальных действий, но вместе с тем будет налицо объединяющая и всеобъемлющая точка зрения. При этом это не будет только объединением в области общих и отвлеченных идей. Это будет единая философия, возникшая из соединенного действия и потому излагающая всю конкретность последнего, его единичность для каждого участника. Таким образом, можно прийти к заключению, что различие философий есть показатель различия действий, и можно предположить, что когда будет соборность действий, она будет сопровождаться и единой философией общего дела.

315. Если будет когда-нибудь полная общность, полное общение личностей и полнота общего действия — не сотрутся ли различия между личностями и в связи с этим не исчезнут ли они сами? На самом деле главное изменение будет состоять в том, что у них не станет больше раздельного будущего и вообще не станет будущего, ибо полнота общего дела ведет к свершению времен и к вечности. Но в прошлом различия личностей остались бы и каждая личность жила бы в общей вечности со своим отдельным прошлым. И этим определялось бы ее отличие от всех других.

316. Все сводится, в конце концов, к задаче создания из разъединенных личностей Единой Высшей Личности. Высшая Личность эта постоянно себя воскрешает, разделяясь на множество своеобразных отдельных личностей, которые потом снова воссоединяются. Вечность заключается в этом непрестанном рождении неисчерпаемых богатств, а не в статическом и косном пребывании чего-то. Бог воскрешает посредством роста нашего разума, расширения и углубления нашей любви и объединения наших действий в общем деле. Мы восстанавливаем этим божественное, встающее в нашей памяти и обнаруживающееся в нашем разуме. С точки зрения Бога путь, проходимый нами, есть путь Его собственного творчества и обогащения. Бог вечно обогащается и воссоздается из самого себя. Все это происходит для нас во времени, ибо время есть не что иное, как каждый из этих отдельных процессов. Для Бога же время — вечно. Оно отлично от разорванного на прошлое — настоящее — будущее времени человеческого, поскольку Он Всемогущ, а мы ограничены в своих возможностях.

319. Роль культуры в том, чтобы охватить всего человека, обнять его целостную личность и двигать вперед путем самотворчества и взаимотворчества. Но человек — только часть большего целого, и всякое движение совершается по законам этого большего, чем он сам, в смысле пространства, времени и мощи целого. Задача культуры, следовательно, в том, чтобы направить человека по законам этого целого, спаять его с высшим организмом, элементом которого он является. Поэтому всякая культура создает формы религиозного общественного быта, зародыш чего мы находим уже в доисторическом стадном состоянии.

320. Быть может, в солипсизме есть глубокая истина. Надо начинать не с голого отвлеченного «я» (как то делает, напр<имер>, Фихте), облекая его постепенно в одежды, но «я» конкретного, исторического, с наиболее богатой моей совокупности мысли. Это и будет мое «я», связанное с местом и временем, со всем историческим процессом. И не только связанное с ними, но и в известной мере их создающее и определяющее.

321. Высшая формула есть «Мы *воскрешаем каждого из нас*». Все другие формулы динамизма не включают полноты мировой истины. Если разобрать термины, употребляемые в этой формуле, оказывается: начинается сознательная жизнь существ с стадного «мы», с сознания своего участия в общем процессе. Таковы первобытные культуры. Затем наступает пора индивидуализма и обособления личностей от целого. Это приводит либо к уничтожению отдельной личности в ее себялюбивом одиночестве, либо к уничтожению ее в виде растворения в целом, либо к воскресению ее в соборности. Идея воскресения вносит сюда понятие времени и действительности. Но воскресение недостаточно, ибо нужна взаимная помощь и любовь, — так возникает идея воскрешения. «Каждого из нас» подчеркивает сохранение в соборности всех индивидуальностей. Союз без этого превращается в поглощение личностей. Это ведет к уничтожению личности, ибо она, подчиняясь механически, превращается в ничто.

322. В одном нет мощи, ибо мощь, согласно определению Аристотеля, есть принцип изменения или движения в другом существе, поскольку оно — другое. Значит, требуется множество, чтобы была мощь. Жизнь существа в том, чтобы создавать из множества единство, но это единство в свою очередь размножать. Первый процесс есть внутреннее устройство и совершенствование существа, второй — воздействие его на мир, включение последнего в круг деятельности данной личности.

322. Отказ от общего дела ведет к уничтожению реальной личности. Признавая соборность, мы тем самым должны признать реальность и конкретность существующего (от [congruesco] — соединяю). Тем самым мы признаем историчность жизненного процесса и относим все свои суждения к настоящему моменту и создаваемому им соотношению прошлого и будущего.

323. Изучая историю, мы должны ощущать в себе то, что происходило в давно прошедшие времена. В этом методе истинное отношение к прошлому. Мы должны войти в родную историю, как на корабль, который должен везти нас в новые страны. И при этом стремиться не только узнавать историю, но и делать ее, управляя по возможности этим кораблем. Почувствовать себя народом и проникнуться его интересами, стремлениями и целями. Затем почувствовать себя человечеством, затем

всею природой, наконец, космосом. И не жалко при таком расширении оторваться от маленького личного кругозора. Может быть, в нем, в самых лучших личных чувствах, семейных привязанностях и узах и т. п. есть ценность, только поскольку в ней проявляется высшая связь с высшим целым. Новый человек должен не отречься от всего личного, но возвести свое личное на более широкую и высокую ступень.

324. Несомненно, что расширение сознания в область прошлого создает у разных людей в разные времена очень различную волю, знание и могущество. В одном и том же существе, в одном и том же моменте возможно осознание его интересов личных, интересов народа, интересов всечеловеческого и космического целого. В индивидуе происходит синтез и, быть может, разгорается конфликт этих начал, различно направляющих его действия. Задача правильной философии заключалась бы в том, чтобы выяснить соотношение этих целей, установить их иерархию, устранить ненужную потерю сил и времени отведением каждой ее сферы действия и кругозора.

324. Ощущение себя есть уже известное расширение личности. Такое расширение возможно в основном виде по образу Декартова акта, т. е. восходя сразу мыслью до вершины, до начала начал. Но такое расширение останется всегда отвлеченным, даже в опыте величайших мистиков. Созерцательность и пассивность всегда являются отвлечением от полноты миродействия. Расширение должно быть необходимо историческим, а всякое историческое действие должно быть мессианским. В Декартовом расширении я не помышляю о могуществе, ибо оно представляется мне невозможным. Но в историческом акте — степень захвата прошлого обуславливает власть над настоящим и будущим.

325. Быть может, потому астрономия так тесно связана с математикой, что математика есть продукт астрономии. Математические законы — воля астрономических существ.

327. В одно и то же время мы мыслим Бога как абсолютную бедность (абсолютное общее понятие) и как абсолютное богатство (абсолютное конкретное понятие). Первое воспоминание связано с прошлым — это идея первого родства, потенции, семени, в котором все заключено. Второе — это идеал будущего. Осуществление этого идеала наступит при свершении времен. Настоящая минута есть всегда разность этих двух моментов. В ней есть уже некоторое родство, частично раскрывшаяся потенция и потому есть и частично осуществленный идеал.

328. Есть таинственная связь между соборностью и временностью. Временному соответствуют разорванные части целого. Полнота же существа ознаменована преодолением времени, подчинением его созна-

тельной воле человека. Разрешение той или иной проблемы установления соборности есть вместе с тем разрешение проблемы времени.

330. Самая сущность жизни есть воскресение. Воскресение не должно умственно только или духовно пониматься, но целостно переживаться. Воскресение заключается в активном участии в творчестве времени, в превращении слепого ее течения в подвластную нам деятельность. Творчество и свобода немислимы без воскресения или, вернее, без воскресения.

331. Смерть есть всегда результат розни в организме или организма и окружающего. Если бы не было розни, была бы вечность для всех. Преодоление смерти и, следовательно, вытекающее из нее достижение вечности связано с прекращением борьбы и установлением соборности. Теперь, когда есть рознь, жизнь бессмертных личностей прерывается. При развитой соборности они будут воскресать и жить вечно.

332. Нужно пережить воскресение, чтобы понять его смысл. Вообще, предел нашего понимания, переход от смысла ограниченного к смыслу более широкому намечается при переходе к мистическому переживанию смысла как движения к более светлой, преизбыточествующей реальности — блаженству. Это есть одновременно состояние высшего покоя и высшего движения, вечного воскресения от форм отживающих к формам вновь рождающимся. Высшее это состояние — блаженства — есть состояние фактическое, действительное, ощутительное чувствами и потому не подлежащее спору. Его нельзя назвать одним статическим состоянием — покоем, ибо в нем основа и корень величайшего динамизма быющей ключом неисчерпаемой жизни. В этом его отличие от буддийской нирваны. В нирване личность поглощается целым и исчезает в нем. В состоянии блаженства-воскресения личность расширяется до пределов или, вернее, до беспредельности целого, как бы поглощает его, включает в себя, заживает его жизнью, обретает его величественный и всемогущий ритм действия и жизни.

233. Пределы моей силы в смысле ее потенциальной мощи не существуют. Но я ограничен данными условиями того, что я есмь в моей земной жизни, того, что есть вокруг меня. Целое определяет меня, пока я еще не целое и моя область распространяется лишь на область, где я — все целое. Я могу уйти от этого детерминизма, только став всем целым. Есть в будущем момент, когда оно сливается с прошлым в свершении времен. Все происходит именно так, как происходит, потому что когда-то я этого захотел. Когда я получаю власть в моей ограниченной области посредством знания — я вспоминаю часть этого бывшего всеобщего знания или всезнания и постольку делаюсь могучим через приобщение вновь к воле и сознанию целого.

334. Мы знаем только до известной степени. И степень эта определяется недособорованностью нашей и мира. Полная соборность дает полное знание и всемогущество. Недособорованность определяет и временность наших восприятий, т. е. взаимную зависимость и вытекающую из нее принудительность. Полная соборность создаст не только царство нашей свободы, но и нашего всемогущества.

335. Основная проблема есть проблема вечности. Ни в чем нет смысла, если в мире нет никакой вечной сущности.

336. Гораздо плодотворнее, чем идея вечного пребывания, — идея вечного воскресения.

339. Все живые существа и вещи нашего видимого мира на самом деле суть облака неизвестным образом сгруппированных электронов и протонов. Если бы мы могли воздействовать на эти сочетания, мы меняли бы по желанию природу этих вещей. Но комбинации эти необычайно сложны. Представленные же в виде вещей и веществ, они воспринимаются как обозначения реальной арифметики, символизирующей действительность. В ней каждая вещь соответствует такому символу — числу. Это — вещи-числа пифагорейцев. Это символы мистиков. На самом деле реальность нами улавливается только в таком символическом облике. И ум наш проделывает над этими образами операции, которые он не мог бы совершать, если бы ему преподносились электронные облака во всей их сложности.

340. Не надо забывать, что все известные нам вещи слагаются из бесконечно малых (по сравнению с нашими масштабами) элементов. И поэтому расширяться надо в смысле развития сознания и активного его воздействия не только в сторону бесконечно большого, где мы ищем Бога в космическом величии. Область малого заключает в себе такие же беспредельные просторы, такие же проявления высшей силы. Надо привыкать мыслить в ее масштабах и категориях. Надо строить соборность этих малых элементов. Надо учиться входить с ними в сношения. Мы производим это бессознательно. Так почему же не внести в эту сферу свет сознания, могущество нашей воли? Надо найти методы проникать в эти инфра-миры и управлять ими. Сознание такой необходимости сейчас начинает проникать науку, руководящуюся правда пока что целями знания больше, чем целями воздействия. Но в терапии и, в особенности, в борьбе с эпидемическими болезнями развиваются способы воздействия на микроорганизмы. Опыты с разложением атома представляют дальнейший шаг, являются попыткой управлять электронным миром. В учении йогов мы находим давнее выражение этих идей и даже разработанную науку о сознательном отношении человека к элементам, составляющим его тело. Надо думать, что в будущем каждый из нас будет от-

носиться к своему телу как директор к подведомственной ему фабрике или как правитель к вверенному ему государству. Давно искали для управления обществом подобия ему в организме. Не пора ли перевернуть задачу и использовать методы социального воздействия и общения в области органической природы? Тут есть, конечно, опасность потерять единство личности, являющееся продуктом высшего сознания по сравнению с самочувствием колонии организмов. Но, быть может, полная потеря способности осознать свои элементы была не биологическим приобретением, но утратой. Она дала нам единство личности, свела все бесконечные процессы к взаимодействию больших совокупностей электронов и протонов и тем облегчила нам расчеты в жизни, как арифметика и алгебра облегчают счет. Но зато многое, что происходит в организме, ускользает от нашего сознательного руководства. На высшей ступени развития необходимо сохранить единство личности, но присоединить к нему знание всех элементов организма и способность входить с ними в общение и регулировать их взаимоотношения. Это должно быть облегчено нашим знанием и природы, и свойств их совокупностей на разных ступенях (атомы, молекулы, клетки, ткани и т. п.).

341. Надо учиться методу исторических деятелей. Во всякое действие последних входят одни и те же элементы: осознание прошлого, которое соответствует работе историка, воля к будущему, действие в настоящем.

341. Всякий человек, что бы он ни делал и в какой бы области он ни работал, является историческим деятелем. Это не значит, что методы отдельных наук должны отпасть. Все они остаются, но как часть общего отношения ко всей жизни, которое должно быть индивидуально историческим. Этот метод есть, в сущности, единственный правильный философский метод, и философия, таким образом, становится наукой наук, методом методов, дисциплиной, включающей все остальные. Все другие науки становятся элементами такой науки. (Весьма важная работа заключалась бы в том, чтобы определить точное отношение каждой науки к такой философии). Философия эта имеет также своей отличительной чертой, что она различна для каждого индивида и для каждого момента. Вместе с тем если представить себе их совокупность, связанную взаимодействием во времени и в пространстве, — она едина. Вместе с тем философия эта не мыслится только, но переживается в виде тесной связи в ней мысли (прошлого), действия (настоящего) и воли (будущего).

342. Мыслится только история, то есть конкретное время.

343. Я должен перестать быть узким маленьким «я» и стать соборным сознанием данного множества и данного мига — в высшем же моем проявлении сознанием всего мира. Это достигается — воспоминанием

всей прошлой соборности как моей, и опытом, т. е. взаимодействием, создающим соборность.

137. Франсис Бэкон говорит, что человек может ставить себе тройного рода цели — цели индивидуальные, цели общественные и цель универсальную. Быть может, правильнее будет исходить из четверного деления, приписывая человеку задачи *индивидуальные, групповые* (национальные, классовые, профессиональные, семейные, родовые), *общечеловеческие* и *космические*. В эту схему могут в самом деле быть вложены все человеческие цели, и все акты являются более или менее удачными попытками осуществить такого рода перечисленные задачи.

Все эти положения, впрочем, с точки зрения диалектической логики имеют лишь общелогическое значение и представляют аксиомы, предшествующие действию принципа внеположности и его обслуживающие. После же введения этого принципа становится возможной обычная логика и математика с ее законами.

Таким образом, спор сводится к старому разногласию мысли и практики. Нужно при этом найти форму, при которой прагматизм включает идеализм, не только не разрушая его, но ему подчиняясь.

8. Не трудно отметить, что все живые конкретные религии имеют с этой точки зрения громадное преимущество над философией. Христианство, например, в своих догматах совершенно неуязвимо для вышеприведенной критики. Все в этих догматах конкретно. Протекая вне времени, христианский завет есть вместе с тем определенный единый и единичный процесс. Все в нем единично. Все находится ко всякому другому в необратимом и определенном отношении. И само воскресение является таинством, поскольку оно соединяет в себе несоединимое; сводит к единичному и конкретному сверхвременное.

Каждое действие человека есть действие этого процесса, правила действий человека суть законы этого процесса.

Каждый из нас — есть множество других существ и вещей. Индивидуализм невозможен потому, что рядом с законом ипостасийности стоит закон соборности. Он означает, что цель развития и преобразования личности есть сознательное соединение ее с другими личностями. Такое соединение происходит тогда, когда личность постигает свою соборность и соборность всех других существ. Максимальное развитие своего «я» есть обнаружение его групповой, множественной природы, максимальное его действие — есть участие его в общем деле, в сознательном и коллективном соборном строительстве единого сверхчеловеческого, вселенского тела. И до преобразования мы в нем неминуемо естественно участвуем, но пассивно и бессознательно. Свет же внутреннего преобра-

жающего самопознания и самотворчества открывает нам пути для сознательного созидания этого великого Соломонова Храма Вселенной, для рождения из себя мистического Первого Человека, Адама Кадмона древних сказаний.

83. Внутренний стержень чисто действенного мирозерцания есть отношение ко времени. Отвлеченная мысль искала вневременности и связанное с ними постоянство, обязательность и необходимость вне времени. Мысль эта пыталась от последнего уйти, обособить себе иную сферу. На самом же деле можно уйти от времени, только войдя в него, став его частью. Вневременность достигается либо там, где вовсе отсутствует сознание, т. е. там, где царствует неподвижность и смерть, либо там, где есть высшее сознание — сознание действия в нем самом. Мир прикреплен к конкретному, и рамки объективного все время раздвигаются или сдвигаются в зависимости от приливов и отливов действия. Пределы этого действия и суть пределы мира.

Очевидно, такая точка зрения отводит совершенно исключительное значение разумению прошлого. Все прошлое есть, совершенно и свято. И есть только одно прошлое. Когда мы чувствуем, что нечто существует, и чувствуем это всем нашим существом, мы имеем в виду одно только прошлое. Всякий образ, всякая определенная мысль, самая мысль «есть» относится исключительно к находящемуся во времени, к прошлому.

Но вместе с тем мы ощущаем реальность также простирающейся куда-то вперед, в то, что есть пока еще будущее, вне времени. Для нас действительность жива, только если у нее есть способность захватить и эту область, приобщить и ее к своей определенности. Жизнь, в сущности, и заключается в этом действии. Прошлое умерло, застыло в богатстве законченных форм, будущее туманно и расплывчато в очертаниях различных возможностей. Живо только настоящее, т. е. таинственное сочетание двух граней, переливы одной в другую. Ибо одинаково верно сказать, что прошлое выливается своей неисчерпаемой еще силой в будущее, или сказать, что неоформленное будущее твердеет, кристаллизуется в прошлое.

139. В основе всего представляется действие, не действие отвлеченное, а мое, это действие. Всякое ощущение и всякое рассуждение есть действие. Действие вообще нельзя определить. Оно — все и само все определяет. Его единственное определение — его внутреннее самоограничение. Можно представить себе действие вообще, неопределенное и хаотичное. Оно идет по тысяче различных направлений. Оно измеряется тысячами различных масштабов. Так, может быть одновременно действие ума, сердца, действие физическое, соборное. На один и тот же предмет действие может быть направлено по различным путям. Получается иерархия действий и иерархия вещей. Выбор масштаба и мерил зависит от побуждений, рождающих во мне то или иное действие, заставляющих

меня искать то употребление предмета или другое. Но очевидно, для людей наибольшая полнота, где действует не часть только человека, не одна какая-нибудь оторванная его способность вроде ума, тела, того или другого органа, — но всего человека, со всеми его способностями. Это — [пропуск] действие человека. Между ними тогда устанавливается гармония, которой нет в случае, когда действуют отдельные способности. Степень сознательности этой гармонии зависит от степени участия разума.

Но размышление показывает, что только в области соборности, в масштабе человеческих отношений проявляются все способности человека. Всякая работа ума, всякий опыт, всякое движение в отдельности представляются отвлеченными от той соборной обстановки, в которой работает человек. Доктор, исследующий раствор, вместе с тем семьянин, член общества и государства. Весь опыт его обусловлен соборными условиями, давшими ему возможность учиться, найти материалы, приобрести инструменты. Из этого не следует, конечно, что соображение об этих условиях должно каждый раз вноситься в частный опыт. Но все же он весь от них зависит и является как бы частью более цельного соборного действия.

Соборное действие человека превосходит и включает все другие его действия. Полнота действия человека в отношении различных предметов ограничена их свойствами. Отношение человека к камню иное, чем отношение к животному, к животному иное, чем к человеку. Взаимодействие камня и человека телесное. Взаимодействие человека и животного уже душевное. Взаимодействие людей — духовное и умственное, чем создается соборность. Наука о соборности — социология — предполагает и включает все другие науки.

Итак, данное действие есть все, и все находится в данном действии. Данное действие имеет в себе данное время — настоящее, включающее прошлое и будущее. Действие есть другое название для настоящего. Настоящее может быть только в действии, и действие — только в настоящем. Вместе с тем действие имеет в себе данную соборность. Личность есть данность и не может быть противопоставлена ничему. Она — только она. Но содержание ее всегда соборное. Личность есть данная соборность, или данное соборное действие.

Но тогда личность перестает витать в странном пространстве без правой и левой стороны, вне всяких определенных координат. Личность прикреплена своим соборным содержанием. От нее простираются вглубь времен величественные корни, и корни эти поддерживают ее, собирают для нее жизненные соки.

Таким образом, можно отметить, что, когда мы имеем столкновение, или встречу, или взаимодействие двух или более элементов и соответственные их изменения, тем самым обнаруживается, что они связаны, или представляют известную систему. Таким образом, изменение

и воздействие возникают только внутри системы, т. е. там, где устанавливается связь нескольких вещей, выражающаяся в их взаимном воздействии.

Но связь эта существует на самом деле между всеми элементами мира, т. е. между всеми вещами. Следовательно, всякое изменение одной вещи другою есть не только внутреннее явление системы, образуемой этими вещами, но вместе с тем есть внутреннее изменение всего мирового целого, являющегося, как мы видели раньше, действительным составом всех вещей каждой вещи.

Из этого следует, что каждое явление есть на самом деле какое-то проявление умноженного единого, самоумноженного единого. Постольку связь между двумя вещами заранее дана в их тождественной природе и воздействие одной на другую есть не что иное, как различные проявления одной и той же сущности или, вернее, последовательное проявление единого сперва в деятеле, затем в объекте действия. То, что нам кажется причинной связью, есть на самом деле как бы предустановленная гармония, являющаяся результатом непрерывного течения одного и того же процесса.

100. Личность рождается на заре культуры в задумчивом вое лесного зверя, чающего неведомое ему сознание и смутную возможность какой-то высшей жизни. В темных глубинах бессознательности-безвременности, где есть только железное время общего роду биологического процесса, вспыхивает искра сознания, пробуждается личность, утверждает в переживаемом миге постоянство своего собственного времени. Когда родилась личность, трудно сказать. Для человека можно проследить ее борьбу и победы в первобытных лесах исчезнувших геологических эпох, когда люди вели звериное существование, оспаривая у пещерного медведя его кровавую пищу. Личность рождается на протяжении долгих веков доисторического периода в биологических недрах, которых она является пределом и преодолением. Она продолжает рождаться и сейчас, в разгаре исторических свершений, взращивается в душах людей, освобождаясь от первичной безвременности, овладевая дурным и слепым внешним временем, творя время внутреннее, собственное, подвластное человеку. Личность утверждает в настоящем, опираясь на свои корни, уходящие глубоко в прошлое, расцветая кверху будущими надеждами, обращенными, как цветы на заре, к грядущему солнцу.

101. Нужно, чтобы в душе каждого человека расширился и расцвел его собственный зеленый остров. Затем эти острова должны распространить свои пределы на все, что этого человека окружает. Наконец, должны слиться в одно острова отдельных людей и затем всего человечества и всех живых существ. Тогда образуется на месте темных глубин современного бушующего хаоса единый весенний луг, испещренный благоухающими цветами, прорастающий целебными травами, окаймленный де-

ревьями — вершинами человеческой мысли и творчества. Это будет новый Эдем пророчеств, новое небо и новая земля Апокалипсиса, Преображенное царство, искомое путниками и паломниками человечества.

102. Я остаюсь на месте в моей комнате, но вместе с тем я совершаю все время чудесные путешествия. С ними не могут даже сравниться сказочные перелеты на волшебном ковре самолете. Ибо все время в глубине каждой вещи, во внутренних тайниках каждого встречного живого существа для меня раскрываются все новые и новые миры, по неисчерпаемому богатству своему, по необычайному смыслу, по бесподобной красоте оставляющие позади все, что может грезиться воображению.

165. Искусство ниже известного уровня не есть еще искусство. Выше же этого уровня оно уже не искусство. Искусства нет, ибо оно в момент совершенства своего уничтожает самое себя, превращается в священное делание. И достоинство его именно в этой способности самоуничтожения. Как Феникс оно сжигается в огне вдохновения и возрождается религией.

Когда в протяженном мире для человека закрылись все пути, он должен найти царственную дорогу в своем внутреннем существе. И о чудо, лишь он начнет глядеть в свою собственную глубину — она начнет раскрываться ему как волшебный сад, скрытый дотоле за потайными дверями. Тогда не нужны будут ему более Сезам и Лампа Аладина. Теперь двери сами приотворились и на него падает оттуда, где дотоле был один мрак неизвестности, сноп лучей, окрашивающих темную жизнь в золотые и яркие цвета. И чем больше он в себя углубляется, чем яростнее он в одиночестве своего ухода, тем больше открывается дверь, тем шире расстилается перед ним сияющая даль необъятных горизонтов. Пока наконец он весь не будет охвачен ощущением безграничного простора, не увидит себя как центр космических излучений. И тогда поймет он, что эти открывшиеся ему бесконечности — его собственные бездны и глубины, все в нем родившееся или жизнь в него привнесенное. И вместе с тем это уже не он, это все другие существа, все другие вещи. Это вселенная. Он остался собой, но стал вместилищем мира.

8. Велика тайна грядущего преобразования человека. Он поймет, что он не часть вселенной, но целостная ее ипостась. Он весь мир и вместе с тем личное проявление или особый облик этого мира. Свойствами его являются в одинаковой мере вселенскость и личностность. Все существа имеют одно и то же тело и все вещи мира имеют один и тот же состав — тело и состав вселенной. Но тело это имеет столько душ, сколько существует существ и вещей в мире отдельных и различных существ. Таким образом, тождество всех сочетается с их различиями.

9. Человек включает все существа и вещи и каждое из них его включает. Я включаю все существа и вещи и каждое из них меня включает. Это то, что говорит нам наше непосредственное сознание и что соответствует в самом деле действительности. Философы спорили, склоняясь то к признанию бытия внешних вещей, то одного их внутреннего восприятия. Но на самом деле все, что внешнее, есть внутреннее и все внутреннее, наоборот, раз оно проявляется, есть для нас внешнее.

225. Ничего нет вне нас, чего бы не было внутри нас, и внутри нет ничего, чего бы не было вне нас.

226. Тожество мое со всеми существами и вещами открывает мне возможность все мочь, быть всем, все знать. Ибо — я все и постольку я все могу.

227. Связь всех личностей повторяется в каждой из них. Каждая может поэтому понять каждую, стать на ее место. Каждая личность есть как бы потенциальное собрание всех остальных.

**[О РУССКОЙ И ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ,
О ВЕРЕ И ЗНАНИИ,
О ХРИСТИАНСТВЕ И МЕССИАНИЗМЕ]**

26. В постановке вопроса об искании или построении мессианского царства кроется основное и не случайное противоречие. Оно не случайно, но вырастает из необходимого подхода к мессианскому деланию. Мы видим, что царство всегда строится где-то, когда-то, кем-то в конкретных исторических условиях, и постольку всякое такое искание должно быть не только личным, дело отдельного человека, но национальным, делом отдельного народа. Иначе оно будет отвлеченным, нереальным, оторванным от мысли и действия масс, строящих в веках человеческую культуру. Поэтому надо настаивать на национальном характере всех наших образов, надо находить в выступлении каждого из нас, в каждой нашей мысли преемственное развитие раньше рожденного, раньше так или иначе обозначившегося в этом же народе искания. Поэтому в современном творчестве для внимательного исследователя воскресают беспрестанно мотивы самых древних сказаний и былин.

Но вместе с тем цель этих исканий остается общечеловеческой и, более того, космической. Каждое из национальных течений постольку примыкает к каким-то родственным течениям в человеческом космосе. В частности наш русский народ делает какое-то мировое дело, и это дело делается через нас, носителей национальной и вместе с тем общемировой мысли. Нельзя оправдать узкий национализм, но не менее неправилен и беспочвенный универсализм, вовсе лишенный племенных корней.

Можно спросить, однако: почему именно здесь, в этой обстановке создастся мессианское царство будущего? Почему именно русский народ родит грядущего Мессию? Мы не знаем, конечно, так ли это будет. Мы знаем только, что каждый народ должен стремиться выделить из своей среды Спасителя Мира, и каждый человек в частности должен стремиться быть этим Спасителем. Но вопрос о том, где действительно эти мессианские Вожди родятся и о сравнительной их силе и конечной победе того и другого из них — очевидно, решится не в зависимости исключительно от этих, только индивидуальных и национальных усилий, но в результате сочетания действий, протекающих в космическом масштабе. Мы же можем только рассчитывать на свою веру, желание, энтузиазм и энергию. Когда этих качеств много в народе, когда в сердцах и умах его сынов горит дерзновенный мессианский огонь, можно ожидать от него совершенных и подвигов, можно с основанием ждать появления Мессий из этой среды, скорее, чем из других, более спокойных и рассудительных мест.

Ряд признаков и больше всего русское искание царства в его трех разветвлениях: народно-эпическом, религиозно-философском и революционном — дает почву для ожидания, что здесь заложены какие-то национальные мессианские возможности. Поэтому мы ищем в своей среде нового, новых спасителей и верим в близкое к нам по месту и времени Второе Пришествие. И другие народы, мы знаем, бывают объяты мессианским духом и проявляли мессианское творчество. Но нигде муки родов не вызвали и не вызывают таких страданий, как в современной России. И потому мы здесь надеемся положить основание строительства Храма Будущего.

45. Былина о Вольге Всеславиче, считавшемся долгое время вместе с Миколой Селяниновичем и Святогором одним из старших богатырей русских, является вместе с тем одним из древних предзнаменований торжества современного знания и техники. Герой былины, Вольга или Волх, по-видимому, имеет общее с историческим лицом, знаменитым Олегом Святославичем, называемым в сказаниях Вещим Олегом. Но мудрость Вольги имеет особый характер: она носит не отвлеченный, не мистический и даже не моральный характер, но определенно связана с практическим делом завоевания природы. Вольга — охотник и задается целью покорить окружающий его мир живых существ и вещей. Для этого ему мало простой и грубой богатырской силы. Он поступает в то, что казалось высшей школой — Университетом того времени. Он учится магической науке, познает все земные премудрости. И вот он познал способ превращаться во всякого зверя и птицу, и не только сам превращается в них, но обладает способностью превращать в них и других людей.

Конечно, многие современные умники скажут: но ведь это все младенческие сказки, все эти магические превращения и т. п. Но мы должны вдуматься. Но народные сказания редко бывают только фантастическими вымыслами. В них всегда отмечена глубокая философия — направление вековых устремлений и исканий народной мудрости. В частности, относительно былины о Вольге мы должны вспомнить, что попытки получить власть над природой в виде различных опытов алхимиков и магов в Средних Веках были на самом деле первыми шагами научного господства над силами природы. Сейчас даже многие проблемы, поставленные магией, близки к разрешению — как то: превращение элементов, омоложение, влияние на расстояния, внушение и т. п. Из этого следует, что магические искания и надежды, во всяком случае, не были столь нелепым и ненужным явлением, но, быть может, ближе к современности, чем все остальные проявления древней культуры. И во всяком случае, нас должен привлекать [тип] русского древнейшего богатыря, который признал победоносную силу уже не только «палицы сорокопудовой», обычного богатырского оружия, но учения и знания. И нас должно поражать, что он правильно направил свои знания на дело овладения природными силами. Правильным оказался его метод — превращение есть и

сейчас наиболее распространенный способ действия. Правильной также оказывается цель Вольги — посредством ряда превращений изменить окружающее, преобразовать мир согласно желанию человеческой воли. Велика, глубока и таинственна народная мудрость, и пути ее поистине неисповедимы. Кто знает, не будь христианства, быть может, именно начала мудрости Волхва, воплощенные в искусстве какого-нибудь первобытного шамана, развились бы в новую культуру, несущую знамя научного знания. Рано или поздно практическое это направление встретилося бы с могучим наследием античного мира (как сам Олег встретился с ним в Царьграде) и произошел бы гораздо раньше, чем это случилось, синтез начал и форм, который вошел в историю под именем Возрождения.

Я не хочу умалить христианство и признаю его решающее влияние на все развитие современной культуры. Но, быть может, рядом с теми ценными дарами, которыми христианство обогатило человечество, на нем лежит вина за некоторое замедление темпа развития реальной власти человека над природой. Во всяком случае, несомненно, что в движении Возрождения появились вновь в иных формах и терминах воскресшие стремления и приемы нашего вещего Вольги, вождя и кудесника, мудреца и оборотня. Есть прямая преемственность между его «учением», и превращениями, и обучением истинной науке и теми сложными трансмутациями, которые производят наши лаборатории. Все движение новой мысли и ее детища техники только осуществляло и развивало задание Вольги — изменение и овладение природой, преобразование мира путем ряда собственных превращений и превращений существ и веществ вокруг себя.

40. Я здесь как будто один перед вами. Но я на самом деле не один, а связан с массами, выразителем чужих мыслей и чувств я являюсь. Я хотел бы поэтому, чтобы в моих словах пронеслось стихийное дуновение их воли. И препятствия на пути нашего соединенного действия полетели бы тогда, как карточные дома от ворвавшейся в комнату бури.

46. Христианство проповедует изменение человека, превращение его в другое существо и в этом оно согласно с наукой, которая есть учение о мировых преобразованиях. Наука есть апокалиптическое учение, и техника есть способ осуществления апокалиптических видений. Неудивительно поэтому, что из христианства родилось Возрождение и что заклинания и молитвы сменились произношением математических формул. На самом деле это разные стадии одного и того же движения — покорения человеком мира и преобразования его согласно идеалам его разума и сердца. Таинственные пентаграммы, тетраграммы, треугольники, язык планет, астрологические знаки, тарот, имена духов и демонов — все это первые попытки найти научную терминологию, через посредство которой можно координировать усилия в деле овладения природой. Ре-

нан понимал это, когда рассматривал будущие достижения науки как чудеса грядущей новой религии.

47. Возрождение тем замечательно, что оно поставило вопрос о преобразовании мира всеми способами и во всех направлениях одинаково науки, религии, искусства, техники. Мессианское начало проникло во все области жизни, оживило и вдохновило коснеющие души людей, подавленных тяжелой дланью Церкви. Лозунгом того времени было — есть много Мессий, каждый человек есть Мессия. Каждый — завоеватель, пророк и царь в поле своей работы и творчества. В прошлом Мессиями были Аристотель, Пракситель, Фидий, в настоящем — Колумб, Кортес, Джордано Бруно, Рафаэль, Галилей. Все они вместе с тем были волшебниками, властным словом или властным поступком меняли лицо мира. Пусть они были самоуверенны — пусть Ванيني в самом деле сравнивал себя с Богом¹² — они были также немного богами. И не о них ли было сказано в псалме и подтверждено в Евангелии: Вы боги? Ибо они творили в мире необъятное богатство форм, образов и смыслов. Их культура была в самом деле культурой деятельного преобразования мира.

58. Архитектура прежде была языком, на котором люди говорили с Богом. Теперь она стала разговором фабрик, контор и бирж. Задача будущего — превратить фабрики в соборы, конторы в церкви, биржи в храмы, освятив их деятельность приданием ей священной цели — преобразования мира. Тогда здания, отвечающие целям техники и экономики, будут снова возноситься к небесам и небоскребы примут участие во всемирной литургии.

58. Мода есть своего рода социальная мимикрия — стремление избежать ответственности, налагаемой на человека развитием его личности.

66. Все религии имели свою мессианскую веру: у египтян было пророчество о царе Амении, который должен был восстановить царство правды. У халдеев Меррудуг, «тот, который располагает людскими благами», был сыном бога Эа и служил посредником между своим божественным отцом и страждущим человечеством. Оанесс или Анодафос у вавилонян также являлся посланным от богов вождем и наставником человечества¹³. Можно было бы привести еще множество таких примеров. Они доказывают, что все религии проповедывали рядом с призывами уйти в другие миры необходимость какой-то реальной связи Бога и людей, построения царства Божия на земле. Христианство продолжило и развило эту идею, выразив ее в догматах Богочеловечества и в концепции Церкви.

67. Спор о социализме потерял для нас интерес. Мы мыслим себе революции гораздо более глубокие, преобразовательные, масштабы гораз-

до более обширные, чем те, которые возможно вместить в рамках юридической, социальной или экономической реформы.

72. Петр Великий понимал, что наука необходима для преобразования мира. В этом его преимущество одинаково над современными и философами, и теологами, и современными учеными. Ибо люди мысли, мыслители и богословы вообще считают науку ненужной, рассматривая ее как досадное осложнение, портящее их схемы. Люди же науки знают обычно науку как ремесло и специальную дисциплину и совершенно не ставят вопроса, о чем она, для чего она, собственно, нужна в жизни.

73. Легендарное мировоззрение Средних Веков стремилось связать все события в определенные циклы сказаний и тем самым способствовало осознанию единого мессианского акта человечества. Последний явился содержанием представления всемирной истории.

78. Вместо того чтобы превращать вещи в живые существа путем творчества жизни из неодушевленной материи, современная культура обладает способностью обездушивать людей, превращать их из живых существ в мертвые вещи.

79. Когда я предстал пред лицом Софии Премудрости, я пал ниц перед нею и сказал: «Вот я весь отдаюсь тебе, весь твой поклоняюсь тебе, служу тебе». Но София спросила меня: «Что принес ты мне?» «Я несу тебе, — отвечал я, — все, что имею: ум мой, душу мою, опыт деяний, плод размышлений — все это смиренно повергаю к твоим стопам. Прими меня, улыбнись мне». Но София не улыбнулась мне, но глядела на меня сурово. «Мне не нужен человек, — сказала она, — мне нужно царство мира. Завоюй его. Сделайся царем вселенной и тогда я приму тебя, улыбнусь тебе и твоему царству».

81. Великие катастрофы, подобные пережитой нами Революции, всегда являются показателем того, что в стране иссякла правда, которую она веками жила. В России надо удивляться не тому, что смута произошла в начале XX века, но тому, что государство так долго держалось, не имея за собой нравственного и духовного основания. Процесс подтачивания и исчезновения последнего начался очень давно. Еще в конце XVI века московский публицист того времени Иван Пересветов в сочинении своем «Епистола Ивашки Семенова Пересветова» доказывал необходимость правды для процветания царств и приводил как пример строгого и справедливого правления пример турецкого царя Махмета, указывая, что у него в царстве больше правды, чем в Московской земле. «А коли по грехам в Московском государстве правды нет, — говорит Пересветов, — то у государства государя всего добраго нет и он живет прежними чудотворцами да святительскими молитвами». Т. е. царство

живет на приобретенный ранее капитал религиозности и святости. Запас этот, по-видимому, был очень велик, если хватило его до XX века. Но теперь не может быть сомнений в том, что он иссяк, и надо, если мы хотим возрождения, снова приступить к возвращению и накоплению в нашей стране «правды».

82. В тайной науке средневековья было два направления: индивидуальное и коллективное. Из первого родилась современная наука, из второго выросли тайные ордена и союзы, мистические общества, масонское движение.

83. Наука тотчас после своего первого оформления выступила против Церкви, ибо она в корне отрицала замкнутость, вечную законченность, совершенство церковной истины, что истина может быть замкнута вечно законченные, раз навсегда неизменные и совершенные догматы. Природа науки, наоборот, была динамична. Вечно познавать мир и вечно менять его — лозунги науки, тогда как для Церкви он уже узан и познан и подлежит изменению лишь руками Божьими, т. е. извне, а не изнутри. Так возникли конфликты с Церковью Бруно, Коперника, Галилея, Декарта. В конце концов, так как церковное мирозерцание владело еще многими умами и жило в массах, а в особенности ввиду того, что научное творчество не имело соборной организации — а без соборности нет культуры — руководящие умы человечества помирились на компромиссе, сформулированном Декартом в знаменитом его заявлении по поводу Коперникова дела: уста мои опровер [не дописано]¹⁴. С тех пор культура живет в двойственном свете плохо примиренных религии и науки. Последние внутренне еще враждуют, но внешне установили *modus vivendi*¹⁵, хромое соглашение, необходимое для практического их сосуществования. Но такое воззрение есть, конечно, удел слабых и трусливых и не может удовлетворить истинных искателей. Здесь заложены корни переживаемого ныне христианством кризиса.

90. Совершенно ясно, что нельзя жить вне религии. Но также ясно для современного человека, что нельзя жить вне науки. Значит, надо найти какой-то их синтез. Но синтез этот дается всей совокупностью современных апокалипсисов. Он заключается в идее преобразования мира знанием и действием человека. Религия указывает цель и идеал преобразования, наука — средства.

91. Социализм встретился с исконным русским религиозным ищательством в стремлении найти царство правды на земле и осуществить его в виде вселенского объединения всех людей.

92. Если во время мировой войны за нами наблюдали жители какой-нибудь планеты, владеющие мощными телескопами, внимание их, на-

верное, привлекла поразительная организация мобилизации и содержания многомиллионных масс и управление ими во время военных операций. Английские клерки, французские комми, германские рабочие, русские крестьяне, австралийцы, канадцы, американцы, португальцы — одним словом, представители всех наций, материков и рас были захвачены великой организационной машиной, на время были вынуждены совершенно отказаться от личных своих интересов и даже личной жизни. Воистину здесь богатая почва для размышлений, и много потрудятся будущие мыслители, чтобы понять психологическую возможность этого факта. Но то обстоятельство, что такая координация усилий миллионов людей возможна, указывает на огромный шаг, сделанный человечеством по пути выработки методов коллективного делания и применения их на практике. Но вместе с тем перед лицом такой высоко развитой техники массового действия, перед которой искусство Александров и Чингисханов есть примитивное достижение — с особенной яркостью выступает бессмыслица целей, ради которых были произведены эти мощные и сложные усилия. Мир мало изменился от результатов войны. Не безразлично ли, в конце концов, с точки зрения человечества, кто получил гегемонию, Центральные Державы или Версальские победители? Цели войны были низменными целями национального чванства и самолюбия или торгашеского расчета экономических соперников. Но то, что показала война в смысле техники массового управления, имеет, очевидно, значение само по себе, ибо эти же методы могут быть применены ради других задач. И в самом деле, русская Революция дала нам картину мобилизации и организации для других целей, целей социальной Революции. Но представим себе, что такая организация была бы пущена в ход для овладения природой согласно завету Федорова. Каких бы чудес люди не натворили и как подвинулось бы вперед дело преобразования мира! Это задание — отчасти задание социализма и научной организации труда и с этой точки зрения следует их расценивать.

94. Нашим канонem должна быть вся русская философия и литература, все творения великих наших писателей и мыслителей. Это воистину выстраданная повесть мессианских исканий русского народа и крестных мук, им вынесенных в служении его человечеству. Это, в самом деле, священная книга, житие страсотерпцев и подвижников. И мы не ошибемся, если отнесемся к этим огненным страницам, полным смертной тоски и пророческих прозрений, с благоговением, как относились в старину благочестивые люди к памятникам божественных откровений. Ибо здесь тоже мы имеем «откровение в грозе и буре» и пророков, повествующих нам о своих апокалиптических видениях.

95. Мирозерцание есть отношение людей к самым последним вопросам. Круг этих вопросов и характер их различны для каждого мирозерцания, но и находятся в зависимости от глубины его и охвата. Но

каждое мирозерцание состоит из совокупности предельных и основных понятий, дальше которого люди, его исповедующие, не идут, дальше которых они уже не только не решают вопросов, но даже их не ставят. Таким образом, отличительное свойство мирозерцания — его самодовлеющий характер. Оно ни на что не опирается. Оно рождается из себя и в себе находит свое завершение.

96. Если рассматривать не воззрения только человека, но действие его, можно говорить уже не о мирозерцании, но о мироотношении. Мироотношение есть результат мессианского акта, совершаемого человеком или группой людей.

97. Величайшая ошибка — говорить об едином мироотношении или о едином мессианском акте какой-нибудь культурной эпохи. Всегда существуют в одной и той же даже группе несколько мировоззрений, из которых некоторые рождаются, другие умирают или временно меркнут. И соответственно совершаются различные мессианские акты, из которых одни продолжают развивать старую культуру, другие наоборот пытаются проложить пути для новых культур. Акты эти входят друг с другом в сложные взаимоотношения, соединения и симбиозы. В одной и той же группе, в одно и то же время, в одном и том же человеке даже возможно сочетание, борьба и уживание различных мировоззрений и развертывание различных мессианских актов. Сейчас, например, в лоне западноевропейской культуры совершаются самые разнообразные мессианские акты — продолжается акт христианский, заканчивается акт христианский, продолжается акт гуманизма, начинается акт Революции, брезжит на горизонте еле еще видимый акт будущего Преображения человечества.

98. Художники древней Греции, эпохи Возрождения и современности, так же как первобытные художники, рисовавшие зубров на стенах испанских пещер в допотопные времена, могли не быть связаны непосредственной исторической преемственностью. Но через них во всех этих случаях природа проявляется одинаковым образом — в творчестве изображений. Логика Дарматары¹⁶ и логика Канта не возникли в истории в виде самостоятельных процессов, но и та и другая представляет собой постижение одних и тех же законов общечеловеческой и, может быть, мировой мысли. Где нет преемственности в истории, есть связь в биологии, в космологии, в физической природе или в еще более глубоких, неведомых нам областях. Понятие истории должно [быть] углублено, перенесено в недра совершающихся глубинных процессов.

99. В каждом жизне- или мироотношении есть своя точка последнего углубления, своя предельная истина. Старое мирозерцание начинает умирать, когда оно исчерпало последствия этой своей истины, когда оно дошло до ее пределов и увидело, что это на самом деле не последний

предел, что есть за ним нечто, в него не вмещающееся. Тогда рождается новое мироотношение и новое мировоззрением. Путем дальнейшего углубления и расширения этой истины, путем смелого проникновения через нее дальше и глубже — люди, сперва в отдельности, а затем совместно, целыми группами и даже целыми культурами, — постигают новые, более отдаленные истины и строят согласно ним новые мирозерцания, совершают, исходя из них, новые мессианские акты. Отсюда вытекает, что основа расхождения лежит в различной степени углубленности, тогда как основа связи лежит в расположенности всех истин в виде и единой иерархии восходящих или, вернее, углубляющихся истин. Сказать, что последняя истина достигнута, нельзя, ибо, быть может, завтра она будет недостаточной и жизнь перельется через ее пределы.

106. Религиозное состояние есть всегда состояние высшее по сравнению с безрелигиозным, даже если религия является ложной. Важно то, что ищется и утверждается нечто большее, чем маленький человек. И сам этот человек включается в какое-то целое, получает космический смысл вместо бессмысленности его оторванного существования.

107. Когда исчезает вера в одного бога, это значит, что он заменен другими. Первобытные племена, наказывающие своих богов кнутом, древние народы, поклонявшиеся Ваалу или Мардуку, современные поколения, молящиеся идолам, осмеянным еще Бэконом¹⁷, — все люди одинаково подчинены закону искания божества, все заменяют потерянных богов каким-нибудь суррогатом. Чистого атеизма нет, а есть лишь одни большие или малые, красивые или уродливые, смешные или величественные боги-идолы. И в общем, невелика разница, верить ли в Творца вселенной или в причинность, в Первоначало мистиков или в Материю атеистов.

109. Религия дает науке два чрезвычайно важных элемента, которые отсутствовали до сих пор в научной работе. Это, во-первых, общая цель этой работы. Цель эта есть не что иное, как преобразование мира, и научные планы становятся проектами такого преобразования. Во-вторых, религия дает науке вселенскую организацию ее работы. Такая идеальная организация в мировом масштабе мыслилась еще в средневековой церкви. Последняя искала необходимое для науки идеальное согласование усилий всех живых существ.

114. Будущее христианства и, в частности, православия зависит всецело от того, насколько оно сможет стать настоящей и единственной религией преображения мира.

116. Все более и более становится ясным, что борьба с целью овладения природой и установление над нею разумного управления людей есть

задача будущей культуры. В виду этого лозунгом современной производительной деятельности, поскольку последняя является синтезом созидательных процессов, становится окончательно ясно освобождение человека от сковывающего его рабства природе и покорение слепых сил сознательной воле человека. И когда мы говорим о грядущей эпохе новой культуры, мы можем наметить главные черты последней — направление различных видов деятельности именно в эту сторону. Рядом с первичной данной нам природой, являющейся результатом действия бессмысленной стихии, мы должны создать, согласно выражению профессора Умова, «вторую природу», строяемую согласно требованиям нашего разума¹⁸. Характерно, что наш язык давно как будто предугадал такой оборот, назвав одинаково законами веления естественной причинности и нормы, вырабатываемые и устанавливаемые человеком. Отсюда выясняется практическое значение человеческого разума и сознания: первичная природа — это природа без участия человеческого разума, вторичная природа — природа, переработанная этим разумом. В первом случае мы имеем мир без культуры, во втором случае — мир преобразованный, или культуру.

117. Надо жить в истории. Для нас должны быть интересны события нашей личной жизни, только поскольку они вытекают из прошлого и только поскольку они создают будущее.

119. В каждую культурную эпоху философия только развивала и формулировала начала, раскрывавшиеся в мессианском религиозном акте зачинателей и основоположников этой эпохи. Этим определяется общее в философии и религии и различие их. Философия говорит в терминах разума то же, что религия до нее высказала более целостным и всеобъемлющим образом.

131. Тогда как лирика выражает исключительно почти индивидуальные настроения, народный эпос дает нам одновременно образы великих и героических личностей и повесть о соборном историческом действии. В эпосе все связано и каждый подвиг его героев служит общей цели — поддержанию национальной культуры, на страже которой стоят эти богатыри. Каждый из них выступает лично как борец и воин, но вместе с тем они все вместе — застава богатырская, защищающая народ от нашествия темных разрушителей. Тем самым богатыри служат мессианскому делу своего народа, являются его вождями, строят его царство.

131. Великие мистики прошлого совершили максимальное действие в области глубин человеческого я. Их переживания и подвиг в недрах человеческой души создали величественную и чудесную культуру духа. Все, кто прикасаются до этих источников, пьют из них живую воду, обогащаются от истечения этих неисчерпаемых, вновь открытых родников.

Это воистину раскрытие божественного царства внутри нас, откровение несказанных стран, где личность каждого является пророком и Мессией, царем царствующих и вместе с тем первосвященником по чину Мельхиседека¹⁹, святителем внутренних таинств, вождем внутренних духовных армий.

Но с точки зрения целостного преобразования мира, освящения его и просветления во всех его видах и направлениях — то, что достигнуто этими подвижниками и прозорливцами, есть только половина задачи. Свет лучезарный, ими зажженный, должен быть перенесен из тайников душевных обителей в хаотические и темные просторы кажущегося внешнего мира. Идя все глубже внутрь, все далее к безбрежным горизонтам нашего внутреннего существа, мы должны включить в эти пределы все, что кажется нам стоящим вне нас, все существа, молящие нас о помощи, все вещи, молчаливо взывающие к нам о преображении, о превращении их в живые существа. Наше действие и наш подвиг соответственно должны охватить весь мир, направить в его тоскующие пустыни живительную влагу наших внутренних источников, оросить ею его чахнущую растительность, напитать целебными струями всех жаждущих обновления и воскресения. Воистину каждая душа поток, как учила великая французская созерцательница. Но недостаточно, чтобы этот поток протекал в своем русле и себя одного проносил и вливал в безмерное море божественной сущности. Поток должен выйти из своих берегов, должен залить весенним половодьем засыхающие поля чужих душ, должен увлечь за собой все малые ручьи, превратить озера в реки, моря — в бесконечную водную ширь. Воды его должны растворить своим чудесным действием материю, разложить ее и пропитать, превратить ее в такой же текучий и живой состав, каким они являются сами. Откровение, рожденное в тиши душевной бездны, должно прорезать своими молниями небеса вселенной, зажечь сверкающим северным сиянием космические просторы. Каждый из нас должен стать царем мира, Мессией вселенского царства, первосвященником космического священного служения, стражем земли и неба и всех земель и всех небес. Рыцарь преображенного духа должен стать рыцарем преображенного мира, вождем внутренних полков должен стать водителем всего человечества, всех существ бесчисленных вселенных. Культура духа должна стать культурой всей неисчерпаемой полноты творения.

Таков божественный путь, открытый ныне перед нами.

132. Для нас важно ощутить свои корни в истории или даже в до-историческом нашем прошлом. Только тогда, когда он шире себя, старше себя, могущественнее себя, человек способен совершать исторические подвиги. Каждый народ имеет много таких корней, и свобода потомков не в том, что они могут вовсе стать безродными, оторваться во все от почвы (что не только нежелательно, но и невозможно), — свобода каждого из нас в том, что он может до известной степени выбирать в

сокровищнице своего прошлого то, что нужно и велико, то, что достойно воскрешения. Мы можем через голову многих промежуточных веков протянуть руку первым богатырям русским, брать пример не с Руси Московской, но с Руси Владимирской, провозгласить себя продолжателями вольной и могучей древней Руси, той, что имела клятвами: «Да будет мне стыдно» и «Да не посрамим земли русской». Их силу, их свободу, их действие, направленное к обновлению и преобразованию мира, можем и должны мы воскресить в мрачную эпоху тусклого современного рабства. Веру в личность человеческую и веру в общее соборное дело спасения мира — вот что можем мы почерпнуть из образов русского древнего эпоса.

133. Личность, если оторвать ее от других личностей, становится фикцией.

134. Цель личности быть больше самой себя.

135. Личность должна либо пребывать в состоянии рабства, либо быть личностью вождя. Осуществляя себя, она прокладывает своеобразный путь в мире и ведет по этому пути других людей.

145. Не всякий труд священен. Труд белки в колесе есть труд ненужный, бессмысленный и потому проклятый. Не представляет ли большая часть того труда, к которому призывает своих рабов современная культура, такой же бесполезный, неразумный, проклятый труд? Значительная часть населения современного государства вырабатывает скрепы для галстухов или усовершенствованные манжетные пуговицы. Разве это так нужно? Это может быть уподоблено расточительности слепой природы, тратящей силы на творчество излишних, не оправданных смыслом и целью форм. И задача наша прежде всего в том, чтобы направить эти попусту расходуемые запасы энергии на дело действительного и целостного преобразования мира.

149. Все наши акты суть мессианские акты, все наши постижения истины суть апокалиптические откровения.

162. Русский народ в гениальном прозрении называет одним именем мир — вселенную, мир — союз людей и мир — отсутствие розни. На самом деле здесь мы имеем не три разных слова, а одно слово, выражающее одно и то же понятие, только рассматриваемое с трех различных сторон. Но речь идет об одном и том же явлении.

153. Все имена известной культурной эпохи зависят от центрального имени ее Мессии. Имя это есть как бы сумма менее значительных имен, созидających эту культуру.

208. В ряду религиозных переживаний человека апокалиптический акт занимает особое место. Тогда как личный религиозный акт устанавливает личное отношение к Богу, церковный же акт — отношение к Богу через союз людей, именуемый Церковью, апокалиптический акт вносит сюда еще элемент участия в преобразовании всего мира, т. е. стремится обожить не только себя и не только своих братьев по вере, но весь космос со всеми заключающимися в нем существами.

209. Есть пять возможных идеалов: 1) безбожная одинокая личность, 2) безбожное общество в виде той или другой земной утопии, 3) религиозная личность, общающаяся одиноко с Богом, 4) религиозное общество, или Церковь, 5) Апокалиптический союз, или соборность, включающая все существа мира и совершающая акт космического преобразования.

213. Церковь в отличие от земной утопии мыслится как вселенская организация людей, связанных духовно в мистический союз, представляющий из себя как бы сверхчеловеческое соборное тело. Это тело Христа в том смысле, что это есть воплощение его мессианского акта, осуществление в плоти и крови духовного идеала, Им начертанного. На самом деле по величию своей концепции и по глубине основного своего принципа Церковь есть наивысший из известных нам в истории идеал общечеловеческого объединения, идеал, не превзойденный никакими мыслителями и искателями в социальной области. Всякий другой, безбожный или даже религиозный, общественный проект есть только приближение к идее Церкви. Всякое историческое движение, возникшее после христианской эры и стремящееся установить отношения людей в виде их союза, может быть поэтому измеряемо степенью своего отступления от церковного идеала или, вернее, степенью недостижения последнего. Соответственно все культурные движения, возникшие в христианскую эру, могут быть рассматриваемы как отдельные главы или эпизоды в истории Церкви. Церковь может быть определена как великое мистическое предначертание, существующее в самой природе вещей и лишь различно осознаваемое и выражаемое в различных человеческих проектах. Пусть исчезнет самое имя Церкви и личность Христа будет забыта в религиозных подвигах будущих Мессий — сущность Христианской Церкви, стремление создать из многих тел плоть и кровь едину, из многих душ единую космическую душу — останется как идеал для будущих людей или сверх-людей.

222. Критика Писаревым Пушкина была не случайным явлением. Писарев требовал служения общему делу преобразования мира, как он его понимал, и во имя его вооружался против чистого искусства Пушкина²⁰. Несомненно, что взгляд Писарева является извращенным наследием старых церковных идей. И «церковность», и «гражданственность» оди-

наково ищут царства, но ищут его в различных построениях общественного целого. Но такое искание составляет сущность всей русской литературы одинаково в ее православно-консервативном и в либерально-социалистическо-революционном направлениях. Нет почти русского писателя, который бы не искал в этом смысле царства и не являлся бы в каком-то смысле пророком судеб русского народа. С одной стороны, элементами этого настроения служит катастрофичность, безразлично, апокалиптическая или революционная, недовольство существующим и чаяние его изменения, с другой же стороны, для этого взгляда будущее заключает осуществление мечты, нахождение или построение искомого царства. Мы находим эти два момента у гигантов русской мысли — у Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Герцена, Федорова, Соловьева, Блока и у менее значительных писателей. Даже Фонвизин, Хемницер, Крылов, Жуковский, Карамзин, если исследовать их с этой точки, оказываются окрашенными таким апокалиптическим оттенком. Но как же Пушкин? Неужели он представляет исключение? Неужели в самом деле, тогда как русская мысль и русское искусство служат одной царственной идее — общего дела преобразования вселенной, — Пушкин остается, подобно олимпийцу Гете, с которым его часто сравнивают, чуждым этому проявлению национального духа? Но ближайшее рассмотрение произведений Пушкина убеждает в противном. Если вдуматься, например, в поэмы «Полтава» или «Медный Всадник», легко убедиться, что мирозерцание Пушкина исторично и проникнуто тем же пророческим пафосом, какой мы находим у других русских художников и мыслителей. Интерес Пушкина к личности Петра и к его делу — указывает на то, что великий поэт был охвачен не менее сильно, чем великий преобразователь, пафосом русской исторической борьбы и надеждой на великие наши судьбы.

223. Все русские писатели и мыслители строят город. И несмотря на глубокое различие их исходных точек и их направлений, они строят один и тот же город. Ибо история каждого народа — одна и в ней соединяются и сочетаются в построении ее зданий камни, принесенные из различных мест и как будто с первого взгляда не могущие рядом уложиться.

224. Ощупью, в предзорных потемках, в холоде утренников слишком ранней исторической поры русские духовные зодчие заложили фундамент будущего Светлого Вселенского Града. Путаясь в старых обломках древней русской церкви и в новых развалинах западноевропейской культуры, они мужественно и неутомимо воздвигали небывалое, неслыханное здание. Одни, как славянофилы и Достоевский, указывали на красоту и духовное совершенство будущего строения, другие, как революционеры, преимущественно подчеркивали необходимость очищения почвы для нового зиждательства. Но все участвовали в едином великом этом архитектурном подвиге.

229. Научная точка зрения внесла в старое христианское апокалиптическое учение о грядущем преобразовании мира новое положение, что преобразование это должно быть делом самих живых существ, населяющих вселенную. Это новый мессианский акт науки, развивающий и дополняющий религиозный мессианский акт христианства. В этом смысле *Novum Organum* Бэкона можно считать если не вторым евангелием, то, во всяком случае, книгой, двигающей вперед христианскую культуру. Вместе с тем ясно, что книга эта развивает не столько аристотелевскую традицию, как думал сам Бэкон, сколько традицию еврейских пророков и самого Христа. Слабостью научной точки зрения является, однако, недостаточное внимание, обращенное на вселенский характер необходимого преобразования. Наука дает метод преобразования и мало интересуется тем, какой объем действительности будет охвачен этим процессом. Правда, идея всего мира естественно рождается при углублении основного научного понятия — всеобщей причинности. Оказывается, что малейшее изменение частицы космоса должно влиять на состояние вселенной.

233. Мессия будущего — это Существо, понявшее свою высшую природу и восставшее против господства слепой и неразумной природы, устилающей мир бессмысленной жатвой трупов.

233. В основе всей нашей культуры лежит древний мессианский акт человечества, начавшего преобразование мира с изобретения огня и постройки первых жилищ. В последующем акт этот принял исторические формы и выразился в ряде исторических мессианских актов, из которых нам всего ближе по времени нашего появления и жизни акт культуры христианской. На наших глазах акт этот выделяет еще новые ветви — мессианский акт Науки и мессианский акт Революции.

231. Процесс преобразования есть не индивидуальное выхождение из времени, спасающее одинокую душу, но процесс, охватывающий всю жизнь вселенной, превращение самого времени в вечность, через овладение им и подчинение его разуму. Разум налагает на время свой закон, и это закон вечности. Так создается апокалиптическая Церковь. Это не только Церковь человеческая, но Церковь всех существ и всех веществ. Церковь эта имеет своим прошлым все прошлое мира — то, из чего она мучительно возникла. Это — ее данное, ее материал, ее средства. Она имеет и свое будущее — это все будущее мира, развертывающееся согласно цели преобразовательного проекта.

243. Мессианский акт исходит всегда из сочетания момента субъективного, исторического, лично-единственного с моментом универсально-всеобщим. Этим объясняется наличие во всех мессианских актах, лежащих в основе великих культур и религий, — необходимо вселенской

точки зрения, более широкой, чем остановка на национальных, племенных, географических, социальных особенностях. Всякое учение в момент, когда оно становится истинно мессианским, ставит универсальный идеал. Для религии множество богов сливается в понятие одного Бога. Местные боги претворяются в божество всечеловеческое, а затем космическое. Проблема, однако, заключается в том, чтобы по мере выхода из индивидуального не потерять конкретности, не очутиться лицом к лицу с одним отвлеченным Началом, сущим везде и всегда, но на самом деле ни в каком действии не осуществленным. Проблема эта во всей ее глубине была впервые осознана Филоном Александрийским²¹, пытавшимся сочетать греческий религиозный универсализм с иудейским историзмом. Так родилось учение о Логосе, соединяющем в себе характер всеобщности и вечности и свойство проявляться в определенных пространственных и временных условиях, т. е. в истории. Христианское учение о пришествии и воочеловечении Христа было наивысшим пунктом развития этих идей. В этой концепции как раз мы находим полноту мессианского учения об единственности, историчности и вселенскости Христа. В меньшей степени эти начала заложены во всякой пророческой или философской проповеди, в которой духовный вождь раскрывает миру полученное им лично откровение.

246. Можно ломать и разрушать только то, что уже обречено на смерть, можно строить только то, что уже само рождается.

255. Церковь потерпела неудачу не столько потому, что она применила насилие, сколько потому, что она провозгласила незыблемость нелепых и наивных догматов. Можно их толковать глубокомысленно и изощряться в философских построениях, подобных построениям В. Соловьева, но по существу догматы, так, как они понимались во времена расцвета христианства, несовместимы с нашей усложненной и научно воспитанной мыслью.

280. Если ко всем положительным моментам, выдвигаемым социализмом, прибавить начало божественное — получится Церковь. Таким образом, социализм преодолевается глубочайшей своей основой.

276. Скачок из царства необходимости в царство свободы, но не через одно только социальное переустройство, но через овладение природой.

292. Религия требует Бога воплощенного, Бога во времени. Бога, раскрывающегося в национальной и всечеловеческой истории. Через историю Бог завоевывает сперва людей, а затем всю землю.

294. Весь вопрос о Церкви и культуре, о III завете, об оправдании жизни, о церковности вне Церкви разрешается признанием мессианского

акта Христа как культурно-основоположного акта, от которого ответвляются все наши жизненные и культурные исторические акты.

295. Умаление божественности Христа, неизбежное для людей нашей культуры, должно наоборот увеличить его историческое значение как создателя и основателя этой культуры.

296. Не будем бояться. Если это нужно — а это в самом деле нужно — развенчаем благочестивую легендарную евангельскую Голгофу. От этого Голгофа историческая только выиграет. Человек Иисус Христос больше мифического Сына Божия.

302. Не надо бояться еретичества. Сегодня я проповедую ересь, я одинок и непонят и гоним. Завтра, быть может, мои утверждения, подобно утверждениям Афанасия Великого, лягут в основу будущих догматов. Главное — борьба за жизнь против консерватизма, застоя, самодовольного гниения в болоте стоячей воды. Необходимо очищение от всего отмирающего и окаменевшего. Не надо бояться планомерной жизни, изменения, пересмотра установленного, ибо это необходимый путь преобразования и воскресения. Пусть будет отмечено все, что не соответствует новому нашему сознанию, поскольку это сознание не малого и узкого нашего «я», но «Я» большого, тоже раскрывающегося нам как вселенная, как Бог, в ней воплощающийся и творящий. Пусть длань его карает смерть и зло, даруя вместе с тем искупление жизни, даже если жизнь эта в молодых своих проявлениях грозит смелостью и дерзновенной самостоятельностью своих утверждений.

329. При установлении общего взгляда на мир возможны два уклона — в сторону преувеличения значения видимого в нашем настоящем состоянии (материализм, позитивизм, эмпиризм) и в сторону оставления этого мира ради другого, невидимого, постигаемого мечтой, мыслью, воображением. Очевидно, необходимо жить по возможности в обоих мирах. Но жить целостно действием. Для мира земного это означает использовать все встречающиеся в нем возможности деятельности. Для мира же потустороннего это отнюдь не означает, что надо довольствоваться его мысленным или мистическим постижением. Надо также найти пути действия в нем. Они даются нам наукой и техникой, направляемыми религиозной целью.

337. Нахождение более широкого акта, включающего мой данный акт, может быть уподоблено нахождению математического интеграла. Зная этот общий акт, определение какого-нибудь входящего в него частного акта есть операция, сходная с дифференцированием.

338. Если взять человеческие акты, которые создают историю, мы

будем восходить от наших актов до тех мессианских актов, которые обуславливают нашу культуру. Каждый народ живет в лоне такого прошлого культурного мессианского акта, создавшего и создающего его как народ с определенным ликом. Иначе он остается простым этнографическим материалом. Все человечество, поскольку оно живет исторической и культурной жизнью, также живет подобным актом, обуславливающим его развитие в веках. В лоне этого прошлого акта, создающего общечеловеческую культуру, рождаются, цветут и отцветают частные формы культур, вырастающие каждая из соответственного мессианского акта.

340. Историческая христианская Церковь уподобилась рабам ленивым и лукавым, которые зарыли талант в землю, вместо того чтобы пустить его в оборот. При этом католичество погрешило больше в сторону лукавства, а православие — в сторону нерадения.

344. Отличие всех старых утопий, и в том числе и социализма, в том, что в них центр тяжести всех будущих реформ находится в преобразовании экономических и социальных отношений в построении нового общества. Между тем сейчас ясно, что главное преобразование будет иметь место не в экономике, а в технике.

Всякий союз живых существ управляется в каждый данный момент единолично одним из них. Власть всех или многих есть фикция, есть название для очень быстрой смены власти нескольких личностей. Всегда, при всяком строе проводится власть одной или нескольких сильных личностей, влияющих на остальных людей. Поэтому, быть может, правы в своих мечтах о власти лучших такие мыслители, как Платон, Сен-Симон и Огюст Конт.

29. Я искал истины во многих царствах. Как говорит поэт, «Я проходил по царственным озерам, глядел, как травы стынут подо льдом»²². Но на вопрос: «И что же отыскал?» я могу ответить: «Да, кое-что отыскал». В каждом из пройденных царств я нашел некоторую истину и каждому моему странствию я благодарен за обогащение, которое оно мне дало. Но я вышел из них и начал строить свое собственное царство. В основе его лежит при преемственности строительства с этими прошлыми начинаниями, при восприятии всех ценных элементов бывших мирозерцаний — какое-то новое расширенное деяние, закладывающее фундамент нового небывалого здания. Оно будет, я верю, зданием грядущего царства, до того дня, когда новый, более могущественный или счастливый, чем я, или прозорливый, чем я, искатель, так же как я прошел через те старые, пройдет и через мое царство, унесет из него материал, нужный для строительства грядущего, более истинного и великолепнейшего града.

30. Егорий Храбрый — о котором повествует древнерусский духовный стих «Сказание о Егории Храбром», образ, исполненный света и смысла. Егорий — волчий пастырь и звериный вождь. Он пастырь — в лучшем смысле этого слова, ибо он ведет низшие существа из царства неподвижности и смерти вверх, к высшим и лучшим формам существования. В Егории мы видим могучую личность, героя и рыцаря, восстающего одиноким и в единственном числе против окружающего гнета, разрушающего силой своего духа и силой меча, движимого этим духом, воздвигнутые вокруг него тюремные стены. Вместе с тем Егорий — христианский святой в лучшем смысле этого понятия. Не только черты легенды и образы ее — роль молитвы и благодати — но весь победоносный и исполненный воскресительного порыва тон стиха свидетельствует о родственности его настроения лучшим проявлениям христианского вдохновения. Но образ Егория не вмещается в застывшие формы косного догматического христианства — он, Егорий, действует в мире, активно преобразует его не в созерцании только и в молитве, но в живом воздействии на природу. При этом Егорий не замыкается в деле личного спасения — он, как мы видели, вождь и пастырь и указывает путь одинаково людям и скромным тварям вселенной — животным. В Егории есть нечто, преодолевающее историческое христианство, лучшая часть его, освобожденная от задерживающих старых искажений и извращений, голубица, ставшая орлом и воспаряющая в поднебесии.

345. В известной нам истории развития человеческой культуры постоянно происходило колебание между двумя направлениями развития: с одной стороны, расширялись и множились завоевания человека в области овладения окружающим и подчинения ему природы. Таковы были первые великие культурные факты — изобретение огня, постройка жилищ, технологические успехи в виде усовершенствования механических орудий и т. п., все то, что приводит в конечном своем развитии к небывалым достижениями современной науки и техники. Но рядом с этим стояла другая область преобразований: это область преобразования внутренней природы человека и вытекающих отсюда усовершенствования морали, человеческих отношений, знания и т. п. Исторически различные эпохи были отмечены преобладанием развития в первом или втором из этих направлений. Несомненно, что после ряда успехов в области основ технологического совершенствования наступило затишье в этой области и центр тяжести культурного делания был перенесен в область эволюции духа и морального существа человека. Такова была эпоха расцвета великих религиозных исканий человечества — весь период древневосточной, античной и средневековой культур. Высшей точкой, достигнутой этим движением, было господство в цивилизованном мире христианской религии. Однако уже со времени Возрождения замечается отлив религиозности и с ней постепенное падение интереса к внутреннему человеку и к духовным его переживаниям. Этот процесс находится

в тесной связи с развитием науки и с быстро множющимися успехами нарождающейся техники. Кульминационным моментом этого краткого, но интенсивного периода является середина и конец XIX века, когда был взят под подозрение потусторонний и духовный мир и провозглашены главные догматы воинствующего материализма. Но если период торжества христианской Церкви грешил невниманием и пренебрежением к преобразованию материальной природы, в результате чего человек поднимался внутренне, но внешне коснел в несовершенной своей физической природе, — в новую эпоху господства материализма и атеизма совершается не менее пагубный процесс — наблюдается явление больших внешних достижений, не находящихся ни в какой связи со внутренним смыслом и с последними целями человеческой жизни. В обоих случаях получилось, вследствие одностороннего направления его деятельности, расщепление целостного человека, гипертрофия сперва его духовно созерцательных устремлений, а затем забвение этой стороны жизни в погоне за внешними успехами.

Задача, стоящая перед нами, очевидно заключается в восстановлении гармонии между двумя видами деятельности — осуществление идеалов духовности, освящение техники и практики высшим их осознанием.

Восстановление целостности человеческой личности и вытекающая отсюда преобразовательная задача требует осознания следующих положений, являющихся основными правилами необходимого будущего действия.

1) Начало пути в самой *человеческой личности*, в углублении ее и расширении и развитии присущей ей духовности.

Опасности этого пути: а) безбожный индивидуализм;

б) созерцательный мистический индивидуализм.

Оба эти пути ведут в ничто, первый — через абсолютный плюрализм, второй — через абсолютное элеатическое или индусское единство, в котором растворяется человеческая личность. Как видно, здесь вскрываются два предела первоначального божественного проявления: крайнее обособление личности, т. е. разложение единого на отъединенные друг от друга аспекты, и стремление этих индивидов слиться в бесформенное единство несущего.

Исторически можно проследить все эти уклоны в греческой, индусской и т. п. культурах, а также истории христианской цивилизации. С этой точки зрения особенно грешит христианская мистика и выросшая из нее отвлеченная идеалистическая философия. Тем не менее сейчас мы грешим обратным: недостаточным вниманием к духовной стороне личности. Необходимо поэтому указать сущность и природу последней и роль ее в преображении мира.

2) Неправильности, нами отмеченные, устраняются, если принять во внимание второй важнейший момент преобразовательной деятельности: обоснование ее *соборностью*. Человек должен считаться со следующими необходимыми видами соборности:

а) Соборность *космическая*. В основе ее лежит принцип ипостасийности. Будущая культура должна принять его за свой краеугольный камень и вывести все его последствия.

б) Первым последствием ипостасийности для человека является необходимость осознания им его *внутренней соборности* в виде, с одной стороны, микрокосмичности его природы, с другой — в виде осознания множественности состава человека и отношений между его элементами. Отношения эти должны быть так регулированы, чтобы человек всецело управлял бы *преобразованием своего организма*.

в) Другим последствием ипостасийной соборности является необходимость установления соборности человека с окружающими его существами и вещами — *соборности всех вещей и существ*.

Здесь имеет место 1) воздействие на организмы, 2) воздействие на вещи, 3) воздействие человека на других людей в виде установления общества и его преобразования, 4) воздействие человека на самого себя как соборное целое.

КОММЕНТАРИИ

ОВЛАДЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ КАК ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА

Впервые: Валериан Муравьев. *Овладение временем как основная задача организации труда*. М.: Издание автора, 1924.

Репринт с предисл. *М. Хагемейстера* (Valerian Nikolaevič Murav'ev. *Ovladenie vremenem*. München: Otto Sagner, 1983, сер.: «Specimina philologiae slavicae». Bd. 51). Второе переиздание: *Муравьев 1998*, 90–238.

Над книгой, посвященной проблеме времени, В.Н. Муравьев работал в 1923–1924 гг. Это был период интенсивного общения и сотрудничества с А.К. Горским и Н.А. Сетницким. Творческая работа устремлялась в два главных русла. С одной стороны, мыслителей волновали темы религиозной историософии, эсхатологии, имяславия, с другой — широкий спектр проблем, входящих в орбиту философии науки: вопросы космологии, биологии, эволюции человека, перспективы развития техники, роль и методы научного знания, причем они понимали их не секулярно, но в контексте христианской онтологии и деонтологии, в свете главного христианского чаяния: «воскресения мертвых и жизни будущего века», преобразования Универсума в Царствие Божие. При этом ориентированные на современность друзья-философы должны были считаться с эпохой, в которую жили, а потому искали соответствующие формы выражения идей и в текстах, предназначенных для печати, расставляли акценты так, чтобы максимально притушить религиозно-философскую ноту, снимали слишком вызывающие для атеистической власти формулировки. В то же время наследники проективной мысли Н.Ф. Федорова, они стремились расширить масштабы строительной идеологии, по-новому осмыслить организационную идею эпохи.

Замысел «Овладения временем» можно реконструировать по сохранившимся в архиве Муравьева рукописным и машинописным фрагментам отдельных глав, наброскам планов и оглавления (НИОР РГБ, ф. 189, к. 10, ед. хр. 6–13; к. 14, ед. хр. 5, л. 103–103 об.; к. 19, ед. хр. 1, л. 21 и др.). Среди этих материалов особое внимание привлекают машинописные тезисы, содержащие в кратком виде программу работы над темой:

«О ПРЕОДОЛЕНИИ ВРЕМЕНИ

(Тезисы)

1) Теоретическое преодоление времени. Философский смысл относительности времени. Эйнштейн и Лейбниц. Время как *ordo rerum*. Устранение таинственных свойств времени, как то: необратимости, неповторяемости, незаменимости.

2) Время и множественность. Проблема множественности в современной науке. Идея *mathesis universalis*. Ипостасийное построение множественности. Изменение как функция множества. Время как функция множества.

3) Элементы множества как творцы его времени. Обязательное время как равнодействующая системы. Внесистемное время. Подвластное время внутри системы. Сознательные и бессознательные элементы множества. Овладение временем в результате союза и механического подчинения. Смещение видов элементов.

4) Практическое преодоление времени. Временной смысл сознательно и целесообразно произведенного опыта. Воскрешение в химии. Случаи воскрешения

в ограниченных областях. Степени воскрешения. Доказательство обратимости времени. Познание множества и распоряжение им через каталитическое действие.

5) Расширение власти над временем. Первое положение: x соразмерен составу множества. Переход к меньшей системе. Действие как внутренний результат системы. Ограничение системы. Второе положение: расширение x -а посредством включения в субъект новых элементов. Переход к большей системе. Определение действия Аристотелем. Соборование как условие воскрешения. Результаты розни. Мнение Мечникова о смерти. Закон сохранения энергии в физике. Степени соборности и временности.

6) Воскресительное дело. Разумность и время. Действие без разумности. Всякое разумное действие направлено на преодоление времени. Разумность как условие соборности. Случаи неразумного воскрешения в природе. Порождение и разумное воскрешение. Гилюзоизм и учение о раздражении в биологии. Воскресительное дело. Разрушительная эволюция Бергсона. Противоречие причины и цели. Покорность реке Гераклита. Борьба разумного действия против слепой силы природы. Неудачные выходы из борьбы. Делание вечности.

7) Личность и вечность. Личная вечность. Учение о бессмертии души в древних религиях. Учение о спасении коллективов и мира у евреев. Противоречивый синтез двух идей в христианстве. Необходимость воскресения. Воскресение и воскрешение. Множественная природа вечности. Личность как комбинация элементов или пифагорейское число. Возвращение к пифагореизму в современной науке (теория квантов). Возобновление временно-пространственных комбинаций. Воскрешение.

8) Свершение времен. Самовоскрешение системы. Иерархия самовоскрешающихся систем. Свершение времени. Овладение всем временем или самовоскрешение в мире. Гарантия свершения времени в мировом масштабе во всеобщности действия. Свершение времени в живом существе. Отличие от апокалиптической концепции конца мира. Активная апокалиптика. Совпадение конца и начала. Вопрос об абсолютном времени. Сознание и бытие. Хронологическое и смысловое порождение.

9. Бесконечность времени» (к. 10, ед. хр. 9, л. 20 об.).

Обратим внимание на название тезисов: не «Овладение временем», как в окончательном названии книги, а «Преодоление времени». Эта формулировка используется и в черновом варианте первой главы, носящем название «Культура как преодоление времени» (к. 10, ед. хр. 6, л. 1) «Преодоление времени» — нейтрально-спокойное, вполне философское и в полном смысле слова *вневременное* название, тогда как «Овладение временем» выводит в контекст эпохи начала 1920-х гг., где лозунг борьбы за время, овладения временем пестрел на страницах журналов «Время» и «Организация труда». Философский, научный и религиозный пласты в тезисах органично соединены, взаимопроникают друг друга. Прямо звучит формула: «активная апокалиптика», выводящая проблему «преодоления времени» в эсхатологический план.

Придавая большое значение архитектонике книги, Муравьев несколько раз правил оглавление, меняя местами последовательность глав и подглавок. Судя по сохранившимся вариантам оглавления, несущим на себе авторскую правку, глава «Культура как овладение временем» первоначально была не первой, а пятой. Затем философ перенес ее в начало книги (см.: к. 10, ед. хр. 12, л. 24, 26, 27), сделав тем самым особый акцент на развитой в ней теме антиэнтропийной сущности культуры, понимании труда как космогонического фактора, деятельности, обретающей в перспективе истории планетарный, а затем вселенский масштаб.

К моменту начала работы над книгой Муравьев уже имел в своем философском портфеле работы, связанные с осмыслением проблемы времени, идеи множественности, философии чисел: «Диалектическое построение множественности», «Образование множественности», «Пифагорейское учение о числах и современные проблемы» и др. Судя по сохранившимся в архиве философа материалам этих работ (к. 11, ед. хр. 1–2в, 4–7, 10–12, 16 а, в, г, д; к. 13, ед. хр. 1, 2 а, б; к. 19, ед. хр. 1, л. 99–107 и др.), а также черновым редакциям и наброскам глав книги «Овладение временем» (к. 10, ед. хр. 6–13), он использовал эти сочинения при работе над книгой, особенно при написании глав «Время и множественность», «Овладение временем в действующих системах», «Овладение временем в сознательных системах», «Времяобразующая деятельность социально-исторических групп». Активно опирался он и на диалоги Софии и Китовраса, посвященные проблеме единства и множественности, времени и вечности, мессианскому акту. Своего рода зерном, из которого выросло «Овладение временем», стал диалог о времени из 1 редакции одноименной мистерии. Сохранился его черновик и отдельные страницы беловика (к. 17, ед. хр. 12; к. 13, ед. хр. 2б, л. 12–18, к. 19, ед. хр. 1, л. 23–26 и др.), многие препарированные фрагменты текста обнаруживаются в черновых редакциях глав книги. Также Муравьев использовал дневниковые записи и заметки 1921–1922 гг.

Работая над книгой, Муравьев вынимал страницы из статей и диалогов или вырезал нужные куски текста, фрагменты перекомпоновывались, встраивались в новый текст. Используемые материалы подвергались редактированию: диалог переводился в повествование, текст в ряде случаев «ужимался» или, напротив, становился пространнее за счет добавлений и вставок.

Правка касалась и содержательной стороны текста. В период писания «Софии и Китовраса» проблема преодоления времени рассматривалась Муравьевым в христианском контексте, связывалась с идеей «свершения времен», которую философ трактовал в эсхатологическом смысле (ср. запись от 1 мая 1921 г. в его философском дневнике: «Смысл апокалипсиса и идея свершения времен была Европой не понята» — к. 19, ед. хр. 1, л. 54), связывал с достижением того состояния, когда «времени больше не будет» (Откр. 10:6). Характерен с этой точки зрения текст титульного листа к разделу «Преодоление времени», относящийся ко времени работы над диалогами Софии и Китовраса (Там же, л. 108):

«Пресвитер Иоанн

Новый апокалипсис

III. Преодоление времени

“И увидел я новое небо и новую землю;
ибо прежнее небо и прежняя земля миновали»
(XXI, 1)

Грядущий град

И сказал ангел: времени больше не будет!»

Опираясь на активно-христианские идеи Федорова, Муравьев в диалогах Софии и Китовраса выстраивал эсхатологию спасения, выдвигал принцип соборного участия человечества в «свершении времен». Здесь он был максимально свободен, ибо мистерия не могла быть напечатана в Советской России. Книгу «Овладение временем» Муравьев, напротив, надеялся напечатать именно здесь.

И стремясь сделать ее более «проходимой», максимально приглушал религиозное звучание темы, снимал акценты, идущие от наследия русской христианской философии. Это касалось не только глав, изначально писавшихся для «Овладения временем», но и тех текстовых фрагментов, которые были взяты из других сочинений. Сравнение текстов выпукло демонстрирует основные направления правки: «церковный» и «теократический» меняется на «космический», «соборный» — на «универсальный», «вселенский», «коллективный», выбрасываются или перестраиваются целые пассажи.

Это затемнение религиозно-философской основы проблемы времени позволило философу В.Н. Ильину в статье «О религиозном и философском мировоззрении Н.Ф. Федорова» упрекнуть Муравьева в том, что федоровский «священно-христианский антропологизм, не мыслящий себя в отрыве от богочеловечества и являющийся осуществлением заветов Богочеловека-Спасителя», превратился у него «в космический безбожный утопизм с коммунистическим привкусом» (Евразийский сборник. Прага, 1929. С. 20). Впрочем, собственно в рецензии на книгу, напечатанной в журнале «Путь» (1928. № 9. С. 94), Ильин как раз не отрицал религиозно-философской подкладки размышлений Муравьева о времени, подчеркивая, что, помимо «нового учения о множествах», он опирается еще на «две идеи, возникшие на почве русской философии и составляющие ее достояние: федоровскую идею соборной регуляции мировой жизни и воскресения мертвых и возникшую на почве мистически-аскетического опыта идею имяславства, представляющую своеобразное явление онтологического реализма». И хотя, подчеркивал рецензент, в книге «много советско-коммунистического прожектерства, пустого и претенциозного, много нео-гуманистической словесности», в ней «звучит, сквозь старую шарманку утопического мечтательства, грандиозная подлинная музыка будущего».

На книгу Муравьева как на симптоматичное явление новой России указывал и В. Сеземан (Версты. Вып. 3. Париж, 1928. С. 172–175): книга, отмечал он, «свидетельствует о том, что тот организационный пафос и активизм мысли, которым были заражены идейные руководители революции, продолжает и теперь еще жить в России и захватил даже такие круги мыслящих людей, которые стоят в стороне от узко-партийной революционной борьбы». И хотя Сеземан счел упрощенным самый подход Муравьева к проблеме овладения временем, подчеркнул, что «одной возможностью повторения тех или других явлений и процессов вовсе еще не преодолевается необратимость времени», в то же время он высоко оценил рассуждения мыслителя о «диалектической связи единства и множества».

В. Сеземан справедливо отметил стремление Муравьева выйти за пределы кабинетного подхода, за границы философии как таковой. Мысль Муравьева активна и проективна, обращена лицом к современности, но при этом не мелькает и не дробится, ибо каждый практический, конкретный вопрос философ рассматривает сквозь призму вопроса о том, «чесо ради создан бысть человек». Подхватывая лозунги эпохи: борьба за овладение временем, организацию труда, новую культуру, нового человека, он вкладывает в них свое проективно-философское содержание, смело расширяя их духовный масштаб.

Философия времени В. Муравьева вбирает в себя достижения научной мысли второй половины XIX — первой трети XX в. Философ был хорошо знаком с трудами по философии естествознания, внимательно следил за научными открытиями своей эпохи. Хорошее знание языков позволяло ему быть в курсе иностранных научных новинок. Много из того, что еще не было переведено в Советской России, он читал в оригинале. Круг источников, послуживших основой для формирования его научных представлений, широк. Отчасти его можно вос-

становить по текстовым примечаниям, пометам на полях рукописей, выпискам и заметкам. Это труды ученых и философов, идеями и открытиями которых совершался переворот в естествознании, закладывались основы новой картины мира, А. Эйнштейна, А. Пуанкаре, Г. Кантора, Г. Вейля, Г. Минковского, А. Бергсона, Э. Резерфорда, В. Оствальда и др. Среди книг, к которым обращался Муравьев, особое место занимают сборники серии «Современные проблемы естествознания», выходящей с 1922 г. и представлявшей читателю широкий спектр исследований по естественным наукам, от биологии и медицины до физики, химии, астрономии и молодой, бурно развивавшейся науки космологии. Муравьева привлекают сборники, касающиеся осмысления физики с точки зрения проблем радиоактивности (Кн. 1), атомной теории (Кн. 2, 11, 20, 25), теории относительности А. Эйнштейна (Кн. 12) с вытекающим из нее новым учением о пространстве и времени (Кн. 21); космологии и астрономии (Кн. 6, 9, 10), биологии в аспекте изучения проблем наследственности (Кн. 13), проблемам омоложения (Кн. 2, 16)... В набросках одного из примечаний к книге «Овладение временем» Муравьев перечисляет книги и брошюры по проблеме теории относительности, отмечая как специальные работы, так и систематические изложения для широкого круга читателей. Среди последних называет книги и брошюры английского астрофизика А. Эддингтона «Пространство, время и тяготение» (М., 1923), проф. О.Д. Хвольсона «Теория относительности А. Эйнштейна и новое миропонимание» (Пг., 1922), акад. П.П. Лазарева «Физические основания принципа относительности» (М., 1922), Б. Дюшена «Теория относительности Эйнштейна» (Берлин, 1922), подчеркивая, что две последние «грешат тем, что стремятся изложить вопрос слишком популярно». Указывает на математические изложения основ теории относительности в работах зарубежных ученых (в частности в работе Г. Вейля «Пространство, время и материя»), отмечает, что с философской точки зрения теория относительности представлена в книге Э. Кассирера «Теория относительности Эйнштейна» (М., 1922) и работе А. Бергсона «Длительность и одновременность (По поводу теории Эйнштейна)» (Пб., 1923) (к. 10, ед. хр. 7, л. 53).

Активно использовал Муравьев в своей концепции времени достижения математической науки. Ссылки в книге «Овладение временем» впечатляюще демонстрируют это. Помимо монографических источников в кругу чтения философа была серия сборников «Новые идеи в математике» под ред. профессора А.В. Васильева (СПб., 1913–1915. №№ 1–10). Издание серии было начато с целью осмыслить переворот, произведенный в математике работами Н. Лобачевского и Г. Кантора. Авторы сборников стремились на новом витке исследований поставить математику в связь с философией и ее достижениями, выяснить вопрос «об отношении чистой математики к математическому естествознанию — с одной стороны и к логике — с другой» (*Васильев А.В.* Предисловие // Новые идеи в математике. Сб. 1. СПб., 1913. С. III–IV). Помимо темы «Математика и философия» (Сб. 8, 10) особое внимание в рамках серии было уделено математическому методу и его универсальности (Сб. 1), учению о числе (Сб. 4), проблеме пространства и времени (Сб. 2–3), принципу относительности, рассмотренному с математической точки зрения (Сб. 5, 7), теории множеств (Сб. 6).

Хорошо знал Муравьев и литературу по проблемам организации: от трудов создателя «организационной науки» А.А. Богданова, работ классиков рационализации труда и производства Ф. Тэйлора, Г. Эмерсона, А. Файоля, Ф. Гильбрета и др. до литературы по НОТ в Советской России, где с начала 1920-х гг. развивается широкое движение за организацию труда, создается Институт

труда, в котором ведется всестороннее изучение трудовых процессов, разрабатываются рабочие методики, закладываются основы социальной инженерии.

В предисловии к шестому изданию книги стихов «Поэзия рабочего удара» (М., 1926) А.К. Гастев, идеолог и теоретик движения, обозначил 2 идеи, которые одушевляют организационную науку: «биоэнергетика», призванная «заразить современного человека особой методикой к постоянному биологическому совершенствованию», и «оргаэнергетика», помогающая организовать жизнь и деятельность во всех областях. Муравьев чувствовал этот пафос совершенствования человека в идеологии НОТ и одновременно сознавал узость той духовной платформы, на которой стояли его теоретики. В своей книге он стремился дать философский фундамент теории организации, вводя в нее понятия творческого труда и культуры. Если для Гастева, конструирующего человека по типу совершенной машины, «культура» — это просто «сноровка» (*Гастев А.К. Новая культурная установка*. М., 1923. С. 14), то для Муравьева это универсальное понятие, охватывающее и сферу идей и идеалов, и плоды человеческой деятельности в обществе и природе, и самого человека. Делом культуры, сознающей себя орудием жизни, и становится овладение временем — не умозрительно-метафизическое, как в философских системах, не прикладное, как в методиках НОТ, а реальное и всецелое, полагающее начало новому строю мира, где ни смерти, ни времени больше не будет.

Широта мысли Муравьева препятствовала восприятию его идей теоретиками НОТ. В сущности, они не приняли его за своего. Ни в одном библиографическом обзоре литературы по НОТ, что появлялись на страницах журналов «Организация труда», «Система и организация», «Техника управления», не фигурирует его книга. Из рецензий удалось обнаружить только одну: в журнале «Техника управления». Ее автор, скрывшийся за псевдонимом «М-ан», отмечая присутствующий в книге Муравьева «всеобъемлющий подход» к проблеме времени («с точки зрения философской, математической, социологической и организационной»), прямо указывал, что в таком подходе «меньше всего настоящего, глубоко эмпирического НОТ'а». Философская основа книги, сложный язык и терминология делают книгу «малопригодной для современного “нотовского” читателя» (*Техника управления*. 1925. № 7–8. С. 113–114). Сам Муравьев эту «несовместимость тканей», разницу «масштабов» в понимании проблемы труда у него самого и у теоретиков НОТ хорошо осознавал. Не случайно, книга «Овладение временем» появилась не в государственном издательстве, а была издана частным образом, на собственные средства философа. В сущности, она оказалась «беззаконной кометой» среди нотовских светил, двигавшихся по своим строго расчерченным утилитарным орбитам.

При подготовке к печати работы «Овладение временем» мы опирались на текст издания 1924 года. В качестве дополнительного источника текста были использованы сохранившиеся в архиве Муравьева экземпляры гранок: к. 10, ед. хр. 2 (далее — *Гранки 1*), ед. хр. 3 (далее — *Гранки 2*). Они соотносятся друг с другом по принципу взаимодополнительности: в экземпляре, хранящемся в ед. хр. 3, прокорректированы листы, оставшиеся чистыми в экземпляре, составляющем ед. хр. 2. Отдельные листы гранок хранятся в ед. хр. 5 (далее — *Гранки 3*). В *Гранках 1* есть фрагменты, зачеркнутые простым карандашом и соответственно отсутствующие в печатном тексте работы. Все они приведены в комментариях. Встречаются в гранках и случаи неучтенной правки. Поскольку книга выходила в авторской редакции и Муравьев контролировал все этапы издания, в том числе и те, что были связаны с типографским набором и верст-

кой, мы не вносили пропущенную правку в текст, а указывали ее в комментарии. Также в комментарии приводятся отдельные формулировки и небольшие фрагменты из диалога Софии и Китовраса о времени.

¹ В *Гранках I*: «Предисловие. Проблема времени и НОТ».

² В архиве Муравьева сохранились три машинописи предисловия, датированные 18 февраля 1924 г. и представляющие собой последовательные этапы работы над текстом (к. 10, ед. хр. 12, л. 4–7, 17–20, 66–69). Машинописи использовались нами в качестве дополнительного источника текста при пропусках и опечатках в окончательном тексте. В комментарии приведены наиболее существенные разночтения с печатным текстом предисловия.

³ В машинописи далее следует фраза: «В эту эпоху наука стала развиваться небывалым ходом».

⁴ Полет французских изобретателей братьев Жозефа-Мишеля и Жака-Этьенна Монгольфьер на аэростате, с оболочкой, наполненной горячим воздухом, состоялся 5 июня 1783 г. во Франции в г. Аннонэ.

⁵ В *Гранках I* прилагательное «технической» зачеркнуто простым карандашом и вверху вписано: «научной». В печатном тексте эта правка не учтена.

⁶ В *Гранках I*: «посылавшие на еще более недоступную область, чем организация движения и организация социально-политической динамики».

⁷ По всей вероятности, этот эпизод Муравьев приводит по книге Д.К. Третьякова «Бессмертие и долголетие» (см. примеч. 141). Характерно, что реакцию маркиза Виллерау Третьяков сопоставлял с восклицанием премьер-министра мароккского султана, который, «увидев над Фецем первого французского летчика на аэроплане сказал: “Я видел и верю, — французам осталось лишь раскрыть тайну смерти”». «Всякий новый и крупный успех естествознания и техники, — пояснял Третьяков, — ободряет мечты о бессмертии, и средневековая идея о философском камне еще не закончила своего существования» (*Третьяков Д.К. Бессмертие и долголетие. б/м, 1913. С. 30*).

⁸ Кристоф Вильгельм *Гуфеланд* (1762–1836) — немецкий врач, доктор медицины, положивший начало геронтологии, или макробиотике, как он ее называл. Труд Гуфеланда «Искусство продлить человеческую жизнь» (1797) был посвящен психофизиологическим факторам, оказывающим влияние на продолжительность жизни, а также изложению различных способов продления жизни, основанных на идее поддержания «жизненной силы» и разумного сочетания факторов, способствующих долголетию: питание, физическое здоровье, сон, душевная гармония и т. д. Гуфеланд считал, что продолжительность жизни человека может достигать 200 лет. «Способность жить столь долгое время свойственна натуре человека, рассматриваемой в абсолютном значении» (*Гуфеланд Х.В. Искусство продлить человеческую жизнь (Макробиотика). СПб., 1856. С. 120*).

⁹ Муравьев имеет в виду работы физика и биолога П.И. Бахметьева, который исследовал влияние переохлаждения на организм животных и человека. Бахметьев впервые вызвал экспериментально анабиоз у насекомых, рыб, летучих мышей, вернув их затем к нормальной жизнедеятельности. Интерес к идеям Бахметьева был характерен и для друзей Муравьева А.К. Горского и Н.А. Сетницкого. Еще в 1 выпуске сборника «Вселенское дело» был помещен ряд материалов по анабиозу: печаталась статья Бахметьева «Седалище души (анабиоз)», материалы к биографии ученого («К биографии П.И. Бахметьева»), обзорная статья доктора И.М. Луценко «Пределы жизни (Холод и его влияние на жизнь)». Был знаком Муравьев и со сборником «Омоложение», вышедшим

под редакцией Н.К. Кольцова в серии «Современные проблемы естествознания» (М.: Пг., 1923), где были собраны основные теоретические работы в области омоложения, которое тогда связывали прежде всего с перспективами воздействия на железы внутренней секреции. Так, австрийский ученый Е. Штейнах использовал метод перевязки семенного потока у стареющих организмов с целью вызвать усиленную выработку полового гормона. В Париже русский ученый С. Воронов вел эксперименты по пересадке стареющим особям кусочков половых желез, полученных от других особей того же вида или родственных видов. Помимо вводной статьи Кольцова (давшей принципиальную постановку вопроса об омоложении и краткое изложение основных подходов к его решению), классических работ родоначальника учения о железах внутренней секреции Ш. Броун-Секара, а также статей Е. Штейнаха, С. Воронова и др., в сборник вошла статья И. Мечникова «Введение в научное изучение старости», где излагалась его концепция фагоцитарной теории старости. В 1924 г. Кольцов выпустил второй сборник, посвятив его не столько теории, сколько обзору практических работ по омоложению, сделанных учеными России, Европы и США в 1923–1924 гг. (Современные проблемы естествознания. Кн. 16. М.: Пг., 1924). Был знаком Муравьев и с брошюрой проф. П. Каммерера «Über Verjüngung und Verlängerung des persönlichen Lebens» (1921), «Об омоложении и продлении личной жизни» (М., 1922; другой пер.: Омолаживание и долговечность. Пб.: Берлин, 1922, с указателем иностранной литературы по омоложению), в которой излагались результаты работы Е. Штейнаха, близким другом и соратником которого был Каммерер, была затронута развернувшаяся в Европе и США полемика вокруг печатных работ ученого.

¹⁰ В машинописи: «жестокой».

¹¹ Речь идет о Н.Ф. Федорове. Принятие вертикального положения мыслитель называл «первым актом самодеятельности человека», тесно связывая его с сознанием смертности, с протестом против природной необходимости (см.: *Федоров Н.Ф.* Горизонтальное положение и вертикальное — смерть и жизнь // *Федоров.* II, 249).

¹² В машинописи: «всеобщее, всеземное, всечеловеческое».

¹³ Муравьев использует здесь понятия и образы Н.Ф. Федорова. Свое главное сочинение «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства» мыслитель писал в форме «Записки от неученых к ученым», обращения носителей народного, идеально-патриархального, родственного сознания к представителям знания и науки. Стремясь к преодолению разрыва между мыслью и делом, теоретическим и практическим разумом, Федоров призывал к соединению глубины нравственного чувства, деятельного, активного отношения к миру, что свойственны представителям народной среды, и обширности естественного и гуманитарного знания, носителем которого является интеллигенция. Люди науки и культуры, по мысли Федорова, должны перестать видеть в себе «лучшее и высшее сословие, цвет и плод всей жизни человеческого рода», но считать себя как бы находящимися во «временной командировке», составляющими своего рода «комиссию для разъяснения и практического разрешения вопроса о причинах розни», для выработки «проекта восстановления родства» (*Федоров.* I, 45).

¹⁴ В *Гранках 2*: «благочестивых сказаний».

¹⁵ Илья Ильич Мечников (1845–1916) — русский биолог и философ, сторонник идеи долголетия. Призывал к научному изучению старости и смерти, к максимальному увеличению продолжительности жизни человека. Развивал взгляд

на старость как на «инфекционную болезнь, которой можно и должно избегнуть» (*Мечников И.И. Этюды о природе человека. С. 3*).

¹⁶ Начало 1920-х гг. в мировой науке ознаменовалось бурной полемикой вокруг построений А. Эйнштейна. В 1905 г. ученый сформулировал принцип относительности, согласно которому всякое указание времени, при помощи которого мы описываем физический процесс, зависит от положения наблюдателя, и для двух наблюдателей, находящихся в движении относительно друг к другу, оно будет различно (при этом для каждого из них свет распространяется с одинаковой скоростью). Принцип относительности показал, что нет абсолютной меры времени и меры длины, и понятие одновременности теряет свое значение. В 1915–1916 гг. Эйнштейн создал общую теорию относительности, исследующую свойства пространства-времени при наличии полей тяготения. Подчеркивая ее значение, известный физик О.Д. Хвольсон писал: «вторая часть работы» Эйнштейна «дает нам новое миропонимание; она разгадала тайну мирового пространства, тайну всемирного тяготения» (*Хвольсон О.Д. Теория относительности А. Эйнштейна и новое миропонимание. Пг., 1922*).

¹⁷ В соответствии с романтической стилистикой первых лет революции в машинописных вариантах предисловия Муравьев пишет «Революция» с большой буквы. В печатном тексте большие буквы отсутствуют.

¹⁸ В машинописи: «которая касается вопроса об использовании времени (задача “Лиги Времени”»).

¹⁹ В машинописи начало данного абзаца выглядит так:

«Это и обусловило название книги, связывающее общую проблему о времени с учениями, выросшими из тейлоризма. Конечная цель организации культуры в результате осознания значения времени есть преобразование мира».

²⁰ Во втором варианте машинописи предисловия после финальной фразы следует следующий текст:

«Несмотря на все старания автора придать изложению предмета общедоступный характер и сознательного ввиду этого устранения всяких формул и отвлеченных постановок вопросов, по самому содержанию книги не удалось избежать несколько сложных и трудных рассуждений философского и логического характера. Последние по возможности, так же как и ссылки на историю философии, включены в примечания, сопровождающие каждую главу. Однако главы I, II и III все же остаются трудными для неподготовленного читателя и эту трудность вряд ли возможно устранить в виду необходимости развивать в них основные философские и научные положения, от которых зависит дальнейшее изложение. Помощью для читателя, быть может, при этом послужит систематическая форма рассуждений, главный ход которых может быть часто уловлен без полного усвоения подробностей» (к. 10, ед. хр. 12, л. 30).

²¹ Имеется в виду фантастический роман английского писателя Герберта Джорджа Уэллса (1866–1946) «Машина времени» (1895).

²² Анри Бергсон (1859–1941) — французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни. В его концепции времени время неразрывно связано с жизнью, с субъектом, оно нерасчленимо на ряд обособленных состояний, но длится, неразрывно соединяя прошлое и настоящее. «Длительность предстает самой жизнью вещей, самой глубинной реальностью» (*Бергсон А. Творческая эволюция. СПб., 1998. С. 303*). См.: *Аксенов Г.П. Причина времени. М., 2001. С. 101–112. Его же. В.И. Вернадский о природе времени и пространства. М., 2005. С. 68–88*.

²³ Минковский Герман (1864–1909) — немецкий математик и физик, выдвинувший идею об объединении трех измерений пространства и времени в одно

четырёхмерное пространство, в котором справедлива псевдоевклидова геометрия и элементы которого («события») имеют физическую реальность независимо от системы отсчета. См.: Минковский Г. Пространство и время // Принцип относительности. Сборник работ классиков релятивизма. Л., 1935. С. 181–203).

²⁴ В книге «Творческая эволюция» А. Бергсон разворачивал представление о жизни как о мощном «восходящем потоке», движении, которым управляет «жизненный порыв», неразрывный со способностью и «потребностью творчества» (Бергсон А. Творческая эволюция. С. 248, 250).

²⁵ Муравьев отсылает к девятой главе одиннадцатой книги «Метафизики» Аристотеля (см.: Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 290).

²⁶ Представители Элейской школы Парменид и Зенон, будучи последовательными защитниками монизма, противопоставляли подлинно сущее Единое, обладающее качеством неподвижности и покоя, иллюзорной множественности вещей, являющейся, с их точки зрения, ошибкой субъективного, чувственного восприятия. Такой же иллюзией считали они и движение, неразрывно связанное со множественностью. Против существования множественности и движения Зенон Элейский выдвинул ряд аргументов, доказывая противоречивость и абсурдность этих понятий.

²⁷ Этот вывод Муравьев дает по книге Л. Бурдо «Вопрос о жизни» (Бурдо Л. Вопрос о жизни. СПб., 1902. С. 29).

²⁸ *Континуум* — термин античной и средневековой философии, выражавший категорию непрерывности. Средневековый теолог и философ, выдающийся представитель схоластики Фома Аквинский (1225/1226–1274), так пояснял определение Аристотеля, называвшего континуумом род утверждения, разновидность согласованности: «континуум происходит от слова “содержимое” (continendum). Следовательно, когда много частей содержится в одном, они содержатся все вместе и в одно и то же время — это и есть континуум». Непременным условием континуальности Фома Аквинский считал наличие «единства взаимодействия», подчеркивая, что один континуум состоит из многих, примкнувших к нему, из пребывающих в нем, из исходящих из него» (Неретина С.С. Латино-русский словарь философских терминов // antology.rchgi.spb.ru/slovar/diction.html).

²⁹ Обращаясь к проблеме непрерывности / прерывности, Г.В. Лейбниц относил категорию прерывности к действительному бытию, которое дискретно и состоит из монад; что касается категории непрерывности, то она, по мысли философа, дана в представлении монады и может быть постигнута лишь умозрительно.

³⁰ Георг Кантор (1845–1918) — немецкий математик, создатель теории множеств. На идеи Кантора Муравьев опирается, творчески их развивая, в своих работах по философии математики и книге «Овладение временем». Подробнее о Г. Канторе см.: Катасонов В.Н. Боровшийся с бесконечным. Философско-религиозные аспекты генезиса теории множеств Г. Кантора. М., 1999.

³¹ Герман Грассман (1809–1877) — немецкий физик, математик, философ, создатель первого систематического построения учения о многомерном евклидовом пространстве. Муравьев ссылается на русский перевод введения в книгу Грассмана «Учение о линейном измерении, новая отрасль математики»: «Die lineale Ausdehnungslehre, ein neuer Zweig der Mathematik» (Leipzig, 1878). Грассман относил математику (а также логику) к формальным наукам, которые, в отличие от наук реальных, отображающих в мышлении бытие, «имеют своим предметом то, что полагается самим мышлением». При этом если логика рассматривает общие законы мышления, то математика относится к частному, тому, «что полагается мышлением». «Частное бытие, понимаемое в этом смысле,

мы называем формой мысли, или просто формой. Поэтому чистая математика есть *учение о формах*» (*Грассман Г.* Чистая математика и учение о протяженности // Новые идеи в математике. Сб. 1. СПб., 1913. С. 66).

³² См. примеч. 13–18 к статье «Всеобщая производительная математика».

³³ Мысль о создании «всеобщей математики», универсальной науки, дающей метод исследования для всех наук, составляла характерную черту рационалистической философии XVII в. Сформулированная и развитая Р. Декартом, она активно занимала Г. Лейбница. Полагая в математике начало достоверного знания, Лейбниц призывал к созданию универсального языка, «или характеристики, в которой одновременно содержалось бы искусство открытия и искусство суждения, т. е. знаки или характеры которой представляли бы собой то же, что арифметические знаки представляют в отношении чисел, а алгебраические — в отношении абстрактных величин» (*Лейбниц Г.В.* Сочинения: В 4 т. Т. 3. М., 1984. С. 412–413). Лейбниц указывал на возможность свести рассуждение к вычислению, что позволило бы с его точки зрения заменить философские споры алгебраическими операциями. В своих построениях Лейбниц предвосхитил создание математической логики.

³⁴ В *Гранках 1*: «бессознательных».

³⁵ В *Гранках 1*: «бессознательных».

³⁶ В *Гранках 1* зачеркнуто: «составят наиболее совершенные известные нам способы управления множествами».

³⁷ В *Гранках 1* далее зачеркнуто: «Различие между ними состоит в том, что для бессознательных элементов социологические законы применяются с соответствующими ограничениями».

³⁸ В *Гранках 1* далее зачеркнуто: «следовательно вопрос об единстве и множественности».

³⁹ *Евгеника* (от греч. «εὐγενής» — благородный) — наука о целенаправленном совершенствовании человеческого рода. Основы евгеники были заложены во второй половине XIX в. трудами Ф. Гальтона и В.М. Флоринского (*Гальтон Ф.* Исследование человеческих способностей и их развития» (1883); *Флоринский В.М.* Усовершенствование и вырождение человеческого рода. СПб., 1866). С начала XX века евгеническое движение охватило и Америку, и развитые страны Европы. В России всплеск внимания к евгеническим идеям пришелся на 1920-е гг. В 1920 г. в Москве было создано Российское Евгеническое общество, возглавлявшееся биологом Н.К. Кольцовым. Общество издавало «Русский евгенический журнал», где печатались материалы годичных докладов, научные статьи по евгенике, давались международные обзоры, открывались дискуссии. При Российской Академии наук в Ленинграде работало «Бюро по евгенике», при котором выпускался журнал «Известия Бюро по евгенике». Регулярно выходили книги и брошюры — одни из них обобщали научные исследования, другие служили популяризаторским целям. Русские ученые-евгенисты предлагали увидеть в евгенике «осознание видом *Homo sapiens* процесса своей эволюции и стремление его к подчинению этого процесса своей воле», путь же воздействия на эволюционный процесс полагали «в изучении всех факторов, лежащих в основе или косвенно влияющих на эволюционное развитие человеческого рода» и целенаправленном их использовании (*Волоцкой М.В.* К истории Евгенического движения // Русский евгенический журнал. 1924. Т. 2. Вып. 1. С. 53–54). Они ратовали за широкую постановку генетических исследований, призванных выявить механизмы родовой передачи тех или иных физических и психических свойств, за целенаправленное культивирование благоприятных наследственных признаков. Выступали за взаимодействие евгеники с другими областями научного знания,

за сочетание биологических и социальных путей «облагорожения человечества». Русская евгеническая школа дала мощный толчок генеалогическим исследованиям в области русской культуры. Привлекалось внимание к знаменитым русским родам, явившим пример «наследственности талантов»: Аксаковым, Толстым, Соловьевым, Маковским, Бруни, Садовским и др.

⁴⁰ Далее в *Гранках I* зачеркнуто: «Осознание процесса времяобразования должно превратить его из случайного и почти бессознательного течения в деятельность, протекающую вполне под контролем разума».

Такое освещение этого процесса сознанием особенно необходимо ввиду частых уклонений свободно вырастающих культур в сторону подчинения дурному, навязываемому им времени. Это связано с преувеличением значения культурной символики, в ущерб реальному творчеству культуры».

⁴¹ Далее в *Гранках I* зачеркнуто: «Такую культуру, в отличие от культуры, осуществляющей проекты или реальной, можно назвать культурой символической».

⁴² *Instauratio Magna Scientiarum* — «Великое восстановление наук», труд английского философа, создателя методологии опытной науки Ф. Бэкона. Первая часть труда — «О достоинстве и приумножении наук» — была опубликована в 1623 г., вторая — «Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы» — писалась более 10 лет и вышла в свет незаконченной. В первой части труда Бэкон дает целостную классификацию человеческого знания, характеризует современный его уровень и перспективы дальнейшего развития, а также дает определение научного метода.

⁴³ По всей вероятности, речь идет о Н.К. Кольцове (см. примеч. к «Письму Н.К. Кольцову»). Мысль о том, что наука не создает целей, «не может взять на себя решение вопроса: что есть добро и что есть зло», а значит, не может ответить на вопрос о том, каким должен быть человек будущего, звучала в его программной статье «Улучшение человеческой породы» (Русский евгенический журнал. 1922. Кн. 1. № 1. С. 14).

⁴⁴ Мысль о красоте, спасающей мир, выражена у Ф.М. Достоевского в романе «Идиот». Муравьев, подобно религиозным мыслителям Серебряного века, использует эту формулу не в авторском варианте («Мир спасет красота»), а в версии В.С. Соловьева («Красота спасет мир»). Подробнее см.: *Новикова Е.* «Мир спасет красота» Ф.М. Достоевского и русская религиозная философия конца XIX — первой половины XX в. // *Достоевский и XX век.* Т. 1. М., 2007. С. 97–124).

⁴⁵ См. примеч. 323 к философской мистерии «София и Китоврас».

⁴⁶ «Пространство и время, взятые вместе, создают порядок возможностей всего универсума»; «...Говоря о времени, мы понимаем не что иное, как само расположение или ряд изменений, которые могут случиться в его продолжение»; «Пространство и время представляют собой лишь порядок вещей, а не абсолютную сущность» (*Лейбниц Г.В.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 341, 456; Т. 3. М., 1984. С. 220).

⁴⁷ Свободно (лат.).

⁴⁸ Ср. исходную формулировку в диалоге Софии и Китовраса о времени: «Если представить себе опыт, в котором мы вместо двух определенных частиц газа орудеем частью мира с включенными в него элементами — для этой части мира мы овладеем временем. Представим себе такое действие в *космическом масштабе*, т. е. соглашение со всеми сознательными существами вселенной и власть над всеми несознательными, и мы имеем картину овладения всем временем — завоевание вечности. Это приводит к колоссальным последствиям: мы

стоим на пороге вечности и обещание Св. Иоанна о том, что времени не будет, получает основу в научном принципе» (к. 17, ед. хр. 12, л. 31).

⁴⁹ Муравьев отсылает к апории «Стрела», третьей из четырех апорий Зенона Элейского, направленных против возможности движения.

⁵⁰ Отсылка к «Монадологии» (1714) Г. Лейбница: «Монады вовсе не имеют окон, чрез которые что-либо могло войти туда или оттуда выйти» // *Лейбниц Г. Избранные философские сочинения*. М., 1908. С. 340.

⁵¹ В *Гранках I* далее зачеркнуто: «такое же, как убеждение людей до Коперника в том, что солнце движется, а не земля. И до сих пор ведь мы говорим, что солнце восходит и заходит, выражая этим видимый, но неверный факт».

⁵² В тексте книги «Овладение временем» стоит знак примечания 5, но текст самого примечания отсутствует. Близкие рассуждения содержатся в подглавке «Навуходоносор», входящей в мистерию «София и Китоврас».

⁵³ В *Гранках I* далее зачеркнуто: «(Силезиус, Мейстер Экхарт, Яков Беме)».

⁵⁴ См. примеч. 257 к мистерии «София и Китоврас».

⁵⁵ Рихард *Дедекин*д (1831–1916) — немецкий математик, один из создателей теории действительных чисел, при построении которой использовал актуально бесконечные множества.

⁵⁶ Жюль Анри *Пуанкаре* (1854–1912) — французский математик и философ, автор работ в области математической физики, теории дифференциальных уравнений, небесной механики и др. Параллельно с А. Эйнштейном разрабатывал математические основы теории относительности. Написал ряд сочинений по философии науки: «Ценность науки» (1905), «Наука и метод» (1906), «Наука и гипотеза» (1910). На последнее из них и ссылается Муравьев (см. примеч. 130).

⁵⁷ *Бернард Больцано* (1781–1848) — чешский философ и математик. В книге «Paradoxien des Unendlichen» (Leipzig, 1851; рус. пер.: *Больцано Б. Парадоксы бесконечного*. Одесса, 1911) еще до Г. Кантора исследовал проблему бесконечных множеств, отстаивая существование актуальной бесконечности. О парадоксах теории множеств, отмеченных Больцано и Кантором, см.: *Катасонов В.Н. Боровшийся с бесконечным*. М., 1999. С. 30–40, 123–146.

⁵⁸ Эрнст *Цермело* (1871–1953) — немецкий математик, ученик Г. Кантора, работавший в области теории множеств. В 1904 г. предложил доказательство теоремы, гласящей, что всякое множество может быть вполне упорядочено.

⁵⁹ *Меон* (греч. μήν — не-сущее, небытие) — понятие, обозначающее неопределенность, беспредельность. Введено Парменидом (трактат «О природе»), активно использовалось Платоном и Аристотелем. *Апейрон* (греч. ἀπειρον — от α — «не» и πέρας — конец, предел) — термин древнегреческой философии, обозначающее бесконечное. У пифагорейцев и в философии Платона представлял как неопределенное, лишенное формы, внутренних границ.

⁶⁰ В *Гранках I* вместо «сродства» было: «атомного веса».

⁶¹ См. примеч. 6 к видению «Человек в жизни».

⁶² См. примеч. 17 к «Религиозно-философским статьям и заметкам».

⁶³ Вот как выглядит этот фрагмент в диалоге Софии и Китовраса о времени: «Из этого можно вывести очень важное следствие: условием овладения времени, т. е. воскрешения, является прежде всего *полное согласование деятельности всех элементов, производящих временный процесс, т. е. всех элементов целого*. Время может быть побеждено, но одним только путем, путем установления *соборности*. Соборность должна идти, расширяясь, от личности к личности, от меньших множеств к большим. Время — продукт множества. Поскольку множество станет соборно-сознательным, оно будет владеть своими изменениями, своим временем, воскрешать себя во всех желаемых комбинациях. Воскрешение

вообще зависит от объема множества, а затем от степени соборности в нем» (к. 17, ед. хр. 12, л. 47–48).

⁶⁴ При создании данной главы Муравьев активно использовал диалог Софии и Китовраса о времени. Неполный рукописный черновик диалога и некоторые фрагменты перепечатанного текста сохранились в его архиве (к. 17, ед. хр. 12 (рукопись); к. 10, ед. хр. 12, л. 38, 46, 48, 50–65; к. 10, ед. хр. 10 (машинопись с правкой)). Машинопись сильно препарирована, многие листы разрезаны и склеены. Ниже в комментарии к данной главе приводятся отдельные разночтения и некоторые снятые места.

⁶⁵ Жан Лерон *Д'Аламбер* (1717–1783) — французский философ и математик. Вместе с Д. Дидро был главным редактором знаменитой «Энциклопедии», вел в ней физический и математический отделы.

⁶⁶ Имеется в виду представление о подобии человеческого организма «просвещенной машине», «искусному часовому механизму», выраженное в системах французских мыслителей-материалистов эпохи Просвещения Жюльена Офре де *Ламетри* (1709–1751) и Поля Анри *Гольбаха* (1723–1789).

⁶⁷ Феликс *Ле-Дантек* (1869–1917) — французский биолог и философ, сторонник биологического детерминизма. В книгах «Человек и наука», «Познание и сознание» сравнивал процесс пробуждения сознания, идущий через «нарушение равновесия или ритма», с явлениями из области «электрической индукции» (*Ле-Дантек Ф.* Познание и сознание. Философия XX века. СПб., 1911. С. 71).

⁶⁸ Джон *Дьюи* (1859–1952) — американский философ и педагог, один из теоретиков прагматизма. В своих «Лекциях по логической теории» (1903) и «Очерках по экспериментальной логике» (1916) выдвинул собственную систему прагматической философии, которую назвал инструментализмом. Согласно концепции Дьюи, роль мысли, интеллекта заключается в том, чтобы служить инструментом связи между разными частями нашего опыта, суммировать и резюмировать их. Центром философии инструментализма стал Чикагский университет, где Д. Дьюи с 1904 по 1930 г. занимал пост декана факультета философии, психологии и педагогики.

⁶⁹ См. примеч. 380 к мистерии «София и Китоврас».

⁷⁰ Джон *Пристли* (Пристлей, 1733–1804) — английский химик, богослов и философ. В сочинении «Исследования о материи и духе» (1777) обосновывал мысль о том, что дух (сознание) является неотъемлемым свойством материи.

⁷¹ В диалоге Софии и Китовраса эта фраза дана так: «Если же речь идет о соборности “всех”, очевидно, тут нет деления на принуждающих и принуждаемых» (к. 17, ед. хр. 12, л. 23).

⁷² Далее в диалоге Софии и Китовраса: «Будет вечность — царство воскресения» (Там же).

⁷³ В своих философских сочинениях «Дилетантизм в науке» (1843) и «Письма об изучении природы» (1845–1846), А.И. Герцен настойчиво восставал против тенденции отделять «человеческий мир» «каменной стеной от мира природы», выражая представление о человеке как самосознании природы: «сознание вовсе не постороннее для природы, а высшая степень ее развития»; человек «имеет свое мировое призвание в той же самой природе, доканчивает ее возведением в мысль» (*Герцен А.И.* Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1948. С. 127–128). В 1850-е гг., в период кризиса, акцентируя разлад между слепо живущей природой и человеком, не приемлющим естественный закон вытеснения и борьбы, тем не менее снова высказывался против разведения человека и природы по двум несообщающимся областям бытия, подчеркивая, что человек «дома» не только в истории, но и в природе, другое дело, что «ни там, ни тут» он

«не самовластный хозяин» (*Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Сочинения: В 9 т. Т. 3. М., 1956. С. 293–294*). В 1860-е гг. в период формирования концепции «русского социализма» А.И. Герцен акцентировал значение социологии как науки, преобразующей человека, ведущей борьбу с темно-животной основой его природы, развивающей в нем высшие этические начала, тем самым возводя на новую ступень свое раннее представление о человеке как мыслящей и нравственной силе природы, вносящей в саму природу новый, высший закон.

⁷⁴ В *Гранках 2* далее зачеркнута фраза: «Правы были мыслители, которые утверждали, что природа сама себя осознает в человеческой мысли», отсылающая к воззрениям А.И. Герцена и Н.Ф. Федорова, полагавшего, что в человеке природа «начинает не только сознать себя, но и управлять собою» (*Федоров П, 239*).

⁷⁵ В машинописи диалога Софии и Китовраса эти две фразы отсутствуют. После слов «вечное течение необратимого времени» следует текст:

«Вечность вмещает в себе все вечные различия, так же как время вмещает все временные.

Очень важно отметить сходство и расхождение этой концепции с положениями Апокалипсиса Св. Иоанна, согласно которым конец войдет в начало и времени больше не будет. В апокалиптической идее, как она была воспринята христианством, больше даже чем в самом откровении, свершение времен наступает извне, производится Богом при пассивном и выжидательном отношении к нему тварей. У нас же, наоборот, свершение времен есть результат героического подвига живых существ. Их деятельность была причиной их рождения и жизни и будет снова ею в конце времен» (к. 10, ед. хр. 10, л. 12; к. 10, ед. хр. 12, л. 46).

⁷⁶ Муравьев приводит знаменитую формулу социализма, данную в работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (*Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961. С. 295*).

⁷⁷ В машинописи: «Мы доходим до состояния высшей соборности» (к. 10, ед. хр. 12, л. 35).

⁷⁸ В машинописи диалога «Софии и Китовраса»: «к подножию реальной вечности» (НИОР РГБ, ф. 189, к. 10, ед. хр. 12, л. 35).

⁷⁹ Следующие два абзаца в диалоге «Софии и Китовраса» выглядят так:

«Здесь, однако, возникает вопрос об абсолютном времени. Если есть вечность времени в виде описанного свершения времен в абсолютном масштабе, не равняется ли это утверждению, что абсолютного времени нет. Ибо вечность уже не время. То, что казалось абсолютным рядом меняющихся отношений, теперь с этой высшей точки зрения оказывается рядом повторений, осуществляющих совокупность своих прототипов, вечные соотношения которых уже не могут быть названы временными. Становясь абсолютным, время, таким образом, в самом деле перестает быть временем. Оно остается временем лишь с точки зрения отдельных составляющих его систему отношений. Поскольку же они объединяются в высшую соборность, время исчезает. Ключки времени сливаются в безвременную вечность.

Это как будто устраняет концепцию единого конца истории. Свершение времен наступает в каждом множестве, когда оно вступает в состояние соборности. Но рядом другое множество может отдаляться от состояния соборности. Поэтому конец истории каждого множества может произойти независимо от конца истории другого. И только поскольку все множества объединяются единым процессом, делающим из них единую систему в вечности, они идут к общему концу истории и создают действительно эту вечность.

Из этого следует, что вечность может быть представлена как мир свободной творческой деятельности где последовательность всецело соответствует смы-

словой и волевой связи. Там нет следовательно и расхождения между связями-ценностями и связями следования. Комбинации этого мира вечны через постоянное их воскрешение, обуславливаемое их ценностью для сил, создающих воскрешение.

Можно спросить, не есть ли такая постановка вопроса возобновление идеалистических учений, согласно которым сознание предшествует бытию? Следует сказать, что вопрос этот в такой форме в настоящее время с признанием относительности времени не имеет смысла. Одна вещь предшествует другой только относительно, а не абсолютно, и говорить об абсолютном происхождении сознания из бытия или бытия из сознания значит придерживаться устарелой терминологии. Надо совершенно иначе ставить вопрос: обуславливает ли в смысловом отношении бытие сознание или сознание бытие или, правильнее, жизнь слепая жизнь сознательную или наоборот? Это же сводится к вопросу: обуславливает ли целое множество его элементы или наоборот? Если мы имеем кривую, например, гиперболу, что является решающим — наличие точек, ее образующих, или же их расположение согласно известной форме? Закон ли создает явление или явление закон? В этом смысле следует решать вопрос и о сознании. Материя во времени производит сознание, но сознание в деятельности человека овладевает материей, становится ее законом.

Таким образом, свершение времен можно себе мыслить в виде всеобщего воскресительного дела или мировой реформы, совершаемой волею живых существ и имеющей целью преобразование мира. Те реформы, которые совершаются на наших глазах в мире, суть отдаленные отражения или приготовления этой космической реформы. В этом смысле мессианские акты, меняющие законы человеческие и создающие новые культуры, суть шаг по пути такого космического преобразования, и вожди великих народных движений, сами того не зная, когда они возвышаются до пророческого действия, суть вожди человечества в бою его против всепожирающего времени» (Там же, л. 48, 38).

⁸⁰ В черновой рукописи, представляющей собой переделку диалога «Софии и Китовраса», начало параграфа звучит так: «Такое самовоскрешение какой-нибудь системы создало бы в ней момент остановки времени — перехода конца в начало, то, что на апокалиптическом языке называется свершением времен» (к. 10, ед. хр. 10, л. 15).

⁸¹ В черновой рукописи: «соборности» (Там же, л. 21).

⁸² В данной главе Муравьев фактически излагает свою концепцию мессианского акта, представленную в дневнике 1920–1922 гг., мистерии «София и Китоврас» и целом ряде набросков (см. в наст. томе подборки «Заметки о мессианском акте», «Материалы к работе “Овладение историей”»). При составлении главы он пользуется диалогами Софии и Китовраса о мессианских актах, препарируя их. При этом, стремясь сделать текст более «проходимым», философ затушевывает религиозный пафос своей концепции, идею «активной апокалиптики», ни разу не приводит ключевое понятие «мессианского акта», заменяя «мессианский» прилагательными «исторический» и «коллективный».

⁸³ В черновой рукописи главы далее следует фраза: «Ввиду же невозможности мыслить действие последовательно без субъекта, деятельность индивида заменяется деятельностью соответственно всего мира, абсолюта, абсолютного сознания и т. д.» (к. 10, ед. хр. 7, л. 2).

⁸⁴ В *Гранках 2* вставлено: «(мессианскому)», но в печатный текст правка не внесена.

⁸⁵ См. примеч. 327 к мистерии «София и Китоврас».

⁸⁶ Отсылка к образу Кириллова из романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: «Если

Бог есть, то вся воля Его, и из воли Его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие» (*Достоевский*. 10, 470).

⁸⁷ Муравьев использует здесь образы Н.Ф. Федорова, писавшего о возможности для объединенного человеческого рода «влиять на самый ход земли», делая «земную планету электроходом»: «И вот существо, прежде только взиравшее на небо, становится пловцом в небесных пространствах, и человеческий род в совокупности делается кормчим, экипажем, прислугою земного корабля» (*Федоров*. Доп., 5). Ср. другой фрагмент: «Коперниканское зодчество имеет ближайшее сходство с первобытным сельским прототипом архитектуры — *хороводом*, как мнимым солнцеводом; оно будет целым рядом хороводов, хоров воскрешенных поколений, из них первый был бы *действительный землевод*, а все другие суть *планетоводы*, также действительные. Все эти хороводы вместе составляют движущийся уже храм, части коего суть действительно корабли, *эфироэзоты*, электроходы, пловцы эфирного пространства, свободно движущиеся в нем, но не прерывая общения с центром, с очагом, а все вместе, влияя на центральное тело, регулируют его ходом, а с ним и ходом всей системы солнечной, всего хора, всей эскадры вселенной, флота миров — звезд» (*Федоров*. II, 242).

⁸⁸ Муравьев отсылает к монологу Фауста из I части трагедии И. Гёте «Фауст»:

Написано: «В начале было Слово» —
И вот уже одно препятствие готово:
Я слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало.
Я напишу, что Мысль — всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была недалеко!
Ведь Мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли — начало всех начал?
Пишу — и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит.
Но свет блеснул — и выход вижу смело,
Могу писать: «В начале было Дело!»

(пер. *Н. Холодковского*).

⁸⁹ Параграфы 8, 9 представляют собой препарированный текст диалога Софии и Китовраса «Ряд мессианских актов» (к. 18, ед. хр. 6). Текст диалога см. в т. I наст. изд.

⁹⁰ Согласно теории исторического развития К. Маркса, предпосылки перехода к новому социально-экономическому строю зарождаются внутри предыдущего. В конце 13 главы I тома «Капитала» Маркс демонстрирует, как капитализм в высших формах своего развития подготавливает те социальные и экономические отношения, которые должны лечь в основу социализма: обобществление труда и производства становится предпосылкой перехода средств производства в собственность общества; капитализм, разорвавший связь между городом и селом, в то же время готовит условия возникновения новых форм взаимодействия города и деревни на основе активного приложения научных достижений к промышленности и земледелию; вовлекая в процесс производства женщин и подростков, создает экономическую основу для новой формы семьи, основанной на равноправии, а также для создания нового творческого рабочего коллектива, состоящего из лиц разных полов и возрастов.

⁹¹ Шестая глава книги «Овладение временем» имеет в своей основе диалог Софии и Китовраса о новой культуре (к. 18, ед. хр. 17; к. 19, ед. хр. 2, л. 121–129; текст диалога см. в Т. 1 наст. изд.). Также Муравьев использовал некоторые наброски к работе «Философия действия».

⁹² Эрнст Мах (1838–1916) — австрийский физик и философ. В основу процесса познания полагал анализ многообразных психо-физиологических ощущений «я», содержание субъективного опыта. От скрупулезности анализа, полноты учета эмпирических данных зависит, по Маху, истинность или ложность нашего понимания: «одни и те же психические функции, протекающие по одним и тем же правилам, приводят один раз к познанию, а другой раз — к заблуждению, и только многократное, тщательное, всестороннее исследование может охранить нас от последнего» (Мах Э. Познание и заблуждение. М., 1909. С. 130).

⁹³ Речь идет о трактовке понятия истины, данной в трудах родоначальников прагматизма, течения в американской философии, видевшего в практике важнейшую опору мысли. В статье «Как сделать наши понятия ясными» (1878) Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914) заговорил о необходимости взаимодействия между объектом познания и теми практическими следствиями, которые вытекают из действий с этим объектом. Опираясь на этот тезис Пирса, философ и психолог Вильям Джемс (1842–1910) обосновал прагматический метод, согласно которому идеи и понятия находятся в непосредственной связи с многообразием опыта, получают то или иное значение в зависимости от того, какой конкретный практический смысл вкладывается в них в каждом конкретном случае. Соответственно, по Джемсу, истиной является то, что проверяется практикой, что полезно для жизни, «что лучше “работает” на нас, ведет нас, что лучше всего подходит к каждой части жизни и соединимо со всей совокупностью нашего опыта» (Джемс В. Плюрализм. СПб., 1910. С. 55).

⁹⁴ Отсылка к 1 посланию ап. Иоанна (1 Ин. 5:19).

⁹⁵ Служанка теологии (*лат.*). Средневековое определение философии.

⁹⁶ См. примеч. 376 к мистерии «София и Китоврас».

⁹⁷ В черновом тексте: «Верховным Научным Советом (или Собором)» (к. 10, ед. хр. 11, л. 21).

⁹⁸ Луи Клод Сен-Мартен (1743–1803) — французский философ-мистик. Писал под псевдонимом «Неизвестный философ». Муравьев был хорошо знаком с сочинениями Сен-Мартена. Знал он и книгу Б.А. Лемана «Сен-Мартен, Неизвестный философ» (М., 1917), представлявшую изложение раннего периода творчества философа и его первого произведения «О Заблуждениях и Истине».

⁹⁹ Важное место в художественно-эстетических исканиях композитора Александра Николаевича Скрябина (1871/1972–1915) занимала идея музыкального синтеза искусств, шедшая по линии слияния музыки, живописи и архитектуры. В русле этих исканий была создана «поэма огня» «Прометей» для исполнения которой Скрябин изобрел специальный световой аппарат. Основным же произведением, призванным воплотить идею синтеза во всей полноте, должна была стать Мистерия, грандиозное художественное действо, исполнение которого, по мысли Скрябина, положило бы начало пресотворению мира. В.Я. Сабанеев в воспоминаниях о Скрябине так передавал рассказ самого композитора о своем синтетическом замысле: «Я долго думал, <...> как осуществить в самой постройке храма (речь идет о храме, в котором должна была совершиться его Мистерия. — А.Г.) текучесть и творчество. И вот мне пришло в голову, что можно колонны из фимиама... Они будут освещены светами световой симфонии, они будут растекаться и вновь собираться! Это будут громадные огненные столбы. И весь храм будет из них... Это будет текучее, переменное здание, текучее, как и

музыка. И его форма *будет отражать настроение* музыки и слов. Тут все есть: и симфония световая, и текучая архитектура, не грубо материальная, а прозрачная, и симфония ароматов, потому, что будут не только столбы светов, но и ароматов...» (*Сабанеев Л.* Воспоминания о Скрябине. М., 1925. С. 149).

¹⁰⁰ В *Гранках 2*: «благочестивые видения, которыми населяло его воображение в виде пророческих знамений».

¹⁰¹ См. примеч. 9, 19, 32 к мистерии «София и Китоврас».

¹⁰² В черновом тексте главы здесь такой текст: «Идеалом же должно быть построение “Кремлей” с объединением всех этих видов зданий в виде крепостей человечества, но защищающих его уже не против каких-нибудь нашествий кочевников, а против слепой силы природы, против смерти. Так должны строиться города будущего. Это воскрешение средневековых замков, но замков против зла природы. Вместо этого архитектура потакает материальным и развлекательным инстинктам людей, обстраивает мешанский быт, где трогательно сходятся лозунг, когда-то данный в древнем Вавилоне волшебницей герою вавилонского эпоса Гильгамешу: “наполний свое чрево”, с вывеской ресторана на Тверской “Кафе л’Эстома”. Но Вавилон с его великолепными дворцами, башнями, обсерваториями, висячими садами погиб от своего послушания этому лозунгу. И так же точно погибнет новый град Блудницы — Запад, прельстившийся желудочной жизнью и заставивший искусство, когда-то царственное и священное, обслуживать свои желудочные интересы» (к. 10, ед. хр. 8, л. 33–34).

¹⁰³ Нарисованная Муравьевым картина объединения науки, культуры, религии вокруг Кремлей как священных крепостей, хранящих прах предков, средоточий памяти, веры, державной власти, восходит к сочинениям Н.Ф. Федорова (см.: *Федоров.* I, 121, 148, 262; II, 308; III, 77 и др.)

¹⁰⁴ См. примеч. 467 к мистерии «София и Китоврас».

¹⁰⁵ См. примеч. 195 к мистерии «София и Китоврас».

¹⁰⁶ Местоположение (*лат.*).

¹⁰⁷ Здесь Муравьев расходится как с Н.Ф. Федоровым, так и со своими братьями по философскому перу А.К. Горским и Н.А. Сетницким. Все трое были последовательными противниками формулы «цель оправдывает средства».

¹⁰⁸ Муравьев имеет в виду критику потребительского уклада современной цивилизации, развернутую А.И. Герценом в «Письмах из Франции и Италии» (1855) и Ф.М. Достоевским в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863).

¹⁰⁹ В черновой рукописи фрагмента данной главы далее следует текст: «устанавливать круговорот, необходимый для свершения времени» (к. 10, ед. хр. 9, л. 17).

¹¹⁰ Речь идет о той линии философского органицизма (Ф. Шеллинг, славянофилы, В.С. Соловьев и др.), которая противопоставляла механицизму французских просветителей, английских экономистов, утилитаристов и др. идею социума как всеединого, целостного организма.

¹¹¹ При написании заключения Муравьев использовал финальную часть диалога Софии и Китовраса о времени (к. 17, ед. хр. 12, л. 103–116).

¹¹² В *Гранках 2* далее зачеркнуто: «Можно верить в то или иное учение о бессмертии, личном или безличном».

¹¹³ В *Гранках 2* далее зачеркнуто: «в виде воображаемого потустороннего мира».

¹¹⁴ В диалоге Софии и Китовраса: «Что если перестать надеяться на вечность и начать делать вечность» (к. 17, ед. хр. 12, л. 116).

¹¹⁵ Муравьев ссылается на знаменитый 11 тезис К. Маркса из его «Тезисов о Фейербахе» (1845). На русском языке тезисы в переводе Г.В. Плеханова были

напечатаны в приложении к работе Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» (*Энгельс Ф. Людвиг Фейербах. С приложениями: К. Маркс о французском материализме XVIII ст. К. Маркс о Фейербахе / Перевод с предисловием и примечаниями Г.В. Плеханова. СПб., 1906. С. 93*).

¹¹⁶ Муравьев цитирует следующий источник: *Кант И. Критика чистого разума / Пер. Н. Лосского. Пг., 1915. С. 48*.

¹¹⁷ Муравьев ссылается на четвертую главу книги А. Бергсона «Творческая эволюция», в которой философ рассматривает механизм концептуального мышления, сравнивая его с функционированием кинематографа. «Вместо того, чтобы слиться с внутренним становлением вещей, мы помещаемся вне них и воспроизводим их становление искусственно» (*Бергсон А. Творческая эволюция. С. 294*).

¹¹⁸ См. примеч. 52.

¹¹⁹ Джордано Бруно (1548–1600) — итальянский философ, поэт. Испытал влияние неоплатонизма. Пьетро Помпонаци (1462–1524) — философ, один из крупных представителей аристотелевской традиции в эпохе Возрождения.

¹²⁰ *Аверроэс* (1126–1198, Ибн Рашид), *Авиценна* (980–1037, Ибн Сина) — арабские врачи и философы, представители аристотелевской традиции в мусульманской философии. Сведения о взглядах этих мыслителей на проблему единства и множественности Муравьев дает по книге А. Штекля «История средневековой философии» (СПб., 1912. С. 11–34).

¹²¹ Сведения об учении *мотекаллеминов*, течения средневековой арабской мысли, Муравьев дает по тому же изданию (Указ. соч. С. 36–45).

¹²² Рудольф Герман *Лотце* (1817–1881) — немецкий философ и психолог. Ниже Муравьев отсылает к его книге «Метафизика» (*Metaphysik*, 1841). Френсис Герберт *Бредли*, *Брадлей* (1846–1924) — английский философ, представитель школы абсолютного идеализма. Джосайя *Ройс* (1855–1916) — американский философ-идеалист. Джон Эллис *Мак-Таггарт* (1866–1925) — английский философ-идеалист, представитель персонализма. Обзор взглядов этих мыслителей на проблему абсолютного, единства и множественности Муравьев дает по книге У. Джемса «Плюралистическая вселенная» (см. примеч. 123).

¹²³ Речь идет об издании: *Джемс У. Вселенная с плюралистической точки зрения*. М: Книгоиздательство «Космос», 1911. В книге, представляющей собой цикл лекций, В. Джемс обосновывал концепцию плюрализма, утверждающего многообразие точек зрения, ценность единичного и конкретного. Плюрализм Джемса противопоставлен монистическому идеализму, для которого мир есть целое и значим лишь с точки зрения абсолюта. Полемику против взглядов Лотце, Д. Ройса, а также упомянутых выше В. Муравьевым Бредли и Мак-Таггарта Джемс ведет во второй лекции книги (Указ. соч. С. 23–46).

¹²⁴ Муравьев ссылается на книгу В. Джемса (1907; рус. пер.: *Джемс В. Прагматизм*. СПб., 1910), представлявшую собой изложение философии прагматизма в форме популярных лекций. Утверждая прагматический метод, не приемлющий систем и абстракций, апеллирующий к многообразию бытия, к реальному опыту, к конкретной человеческой личности, как единственно возможный метод подлинной философии, В. Джемс демонстрировал его эффективность, его применимость к анализу классических философских проблем, таких как субстанция и акциденция, единое и многое и др. Приводимый Муравьевым пример содержится в 4 лекции книги («Единое и многое») и дан по английскому изданию (в русском «китайский богдыхан» переведен как «китайская императрица»: Указ соч. С. 86).

¹²⁵ Муравьев отсылает к книге Ф. Бредли «Appearance and Reality» («Видимость и действительность»). London, 1893. Критический разбор приведенной там

дилеммы: мир может быть или чистым единством, или чистым множеством, или никаким — В. Джемс дает во второй лекции книги «Плюралистическая вселенная» (Указ. соч. С. 37–38).

¹²⁶ В финале книги «Плюралистическая вселенная» В. Джемс подчеркивал, что смысл его критики абсолютного монизма заключается в том, чтобы согласовать плюралистическую и монистическую точки зрения, показать, что «плюрализм как гипотеза совершенно координирован с монизмом» (Указ. соч. С. 181). В книге «Прагматизм» в главе «Единое и многое» он подчеркивал, что, исходя из критерия практики, должны быть отвергнуты как абсолютный монизм, так и абсолютный плюрализм: «Мир есть Единое ровно постольку, поскольку части его соединены между собой какой-нибудь определенной формой связи. Мир есть многое ровно постольку, поскольку мы не в состоянии указать какой-нибудь определенной формы связи. И наконец, он становится все более и более объединенным, благодаря тем системам связей, которые одна за другой создает человеческая энергия» (Указ. соч. С. 98–99).

¹²⁷ Речь идет об издании: *Больцано Б.* Парадоксы бесконечного / пер. под ред. И.В. Слешинского. Одесса, 1911.

¹²⁸ Муравьев ссылается на статью Г. Кантора «Основания учения о трансфинитных числах», напечатанную в 1895 г. в 46 томе «Математических анналов».

¹²⁹ Речь идет об издании: *Dedekind R.* Was sind und was sollen die Zahlen. Braunschweig, 1888 («Что такое числа и каков их смысл?»). Муравьев пользовался немецким изданием данной книги. На русский язык была переведена другая работа Р. Дедекинда (см. примеч. 55) «Stetigkeit und irrationale Zahlen» («Непрерывность и иррациональные числа». Одесса, 1923).

¹³⁰ Речь идет о книге А. Пуанкаре (см. примеч. 56) «Наука и гипотеза»: *Poincaré H.* La science et l'hypothèse. Paris, 1923.

¹³¹ Муравьев ссылается на издание: *Жегалкин И.* Трансфинитные числа. М., 1907. Иван Иванович *Жегалкин* (1869–1947) — математик, один из создателей российской школы математической логики, автор трудов по математической логике и теории множеств. Книга «Трансфинитные числа» представляла собой магистерскую диссертацию ученого и была первой российской книгой по теории множеств.

¹³² Муравьев ссылается на книгу немецкого математика Феликса *Хаусдорфа* (1868–1942) «Основы учения о множествах»: *Hausdorff F.* Grundzüge der Mengenlehre. Leipzig, 1914.

¹³³ Муравьев ссылается на русский перевод первой части книги «Logische Untersuchungen» немецкого философа, основателя феноменологии Эдмунда *Гуссерля* (1859–1938): *Гуссерль Э.* Логические исследования. Часть 1. Прологомены к чистой логике / Под ред. и с предисловием С.Л. Франка. СПб., 1909). Это сочинение зафиксировало отход Э. Гуссерля от применения психологических методов в логических и математических исследованиях, чему он отдал дань в работе «Философия арифметики» (1891), и переход к формулированию концепции «чистой логики» как наукоучения.

¹³⁴ Речь идет об издании: *Лейбниц Г.В.* Избранные философские сочинения / Под ред. В.П. Преображенского. М., 1890 (Труды Московского психологического общества. Вып. IV).

¹³⁵ Наоборот, обратно, противоположно (*лат.*).

¹³⁶ Муравьев ссылается на книгу российского химика, академика, одного из основоположников каталитического органического синтеза Владимира Николаевича *Ипатьева* (1867–1952), написанную им при участии химика, историка науки Макса Абрамовича *Блоха* (1882–1941). Книга представляет собой целост-

ное исследование проблем катализа с теоретической и исторической точки зрения. Муравьев неточно указывает ее выходные: книга вышла в Петрограде в 1922 г.

¹³⁷ Эти данные Муравьев приводит по книге: *Ипатьев В.Н., Блох М.А.* Каталитические явления в природе. Пг., 1922. С. 75–76.

¹³⁸ В книге «Каталитические явления в природе», рассматривая различные подходы к проблеме катализа, В.Н. Ипатьев останавливался и на собственном понимании катализатора как «трансформатора энергии», подчеркивая, что та же точка зрения высказывалась и немецким химиком Оппенгеймером, который, определяя понятие фермента, писал: «Своеобразная энергия, материальным субстратом которой является фермент, в состоянии освободить скрытую энергию химического вещества и произвести ее превращение в кинетическую энергию» (Цит. по: Указ. соч. С. 75).

¹³⁹ Муравьев ссылается на брошюру инженера Сергея Александровича *Бекнева*, автора концепции трансформации нервной энергии, «Гипотеза о нервной энергии и ее значение в деле образования рабочих коллективов максимальной производительности труда» (М., 1923). В человеческом организме, подчеркивал Бекнев, совершается непрерывный процесс превращения энергии: энергия световая, тепловая, механическая переходит в нервную, а нервная в свою очередь может трансформироваться в механическую, тепловую, световую (Указ. соч. С. 9). Процесс этот протекает спонтанно, вне участия сознания и воли, однако, целенаправленно овладев им, человечество откроет для себя новые, невиданные возможности развития — уже не технического, идущего через усовершенствование механизмов и машин, призванных заменить трудовое усилие человека, чему во многом и служит идея НОТ, а органического, когда сам человек обретает всемогущество, способность к прямому, непосредственному воздействию на мир: «Человеку не нужен больше свет, он сам является источником такового. Где он появляется, там светло и тепло»; человеку «нетрудно будет устранить силу притяжения, а следовательно, вопросы передвижения без каких-либо приборов легко осуществляются сами собой только как результат мышления»; станет возможным «электро-химическое влияние на видоизменение строения материи, на произрастание растений, на образование не только новых живых организмов, но и различных, весьма сложных (космического типа) систем микро-масштаба» (*Бекнев С.А.* Указ. соч. С. 19).

¹⁴⁰ Муравьев отсылает к французским изданиям книг И.И. Мечникова «Этюды о природе человека» и «Этюды оптимизма»: *Metchnikoff E.* Études sur la nature humaine. Paris, 1905; *Ibid.* Essais optimistes. Paris, 1907. В первой из указанных книг в главе «Введение в научное изучение смерти» и затем в книге «Этюды оптимизма» он утверждал, «что смерть огромного большинства людей не есть естественная смерть в настоящем смысле слова, а является результатом болезненных изменений органов, обусловленных микробами, проникающими извне или живущими в кишечном канале» (*Мечников И.И.* Этюды оптимизма. М., 1917. С. 120).

¹⁴¹ Данные об исследованиях немецкого биолога-эволюциониста, зоолога, эмбриолога Августа *Вейсмана* (1834–1914), в 1880-х гг. выдвинувшего гипотезу о том, что одноклеточные организмы и половые клетки обладают потенциальным бессмертием, Муравьев приводит по книге профессора Новороссийского университета Д.К. Третьякова «Бессмертие и долголетие» (б/м, 1913. С. 25–27), который, в частности, рассматривал современные научные подходы к проблеме prolongation жизни. Комментируя выводы Вейсмана, Д.К. Третьяков заявлял: «Если бессмертие возможно для инфузорий, то принципиально оно возможно и для

человека» (Там же. С. 27). При этом, стремясь дать религиозное оправдание научным данным в пользу возможности преодоления смерти, Д.К. Третьяков отмечал: «Основание для ожидания земного бессмертия усматривается и в Свящ. Писании. В апостольских посланиях говорится об ожидании нового неба и “новой земли”. Последний враг, которого мы должны преодолеть, — это смерть, восклицает апостол Павел. “Умершие ранее воскреснут нетленными, и мы все изменимся”, т. е. без смерти станем нетленными» (Там же). Позиция Д.К. Третьякова была близка Муравьеву, и он активно использовал его книгу в своих работах.

¹⁴² Луи Бурдо (1823–1900) — французский философ, социолог, продолжатель О. Конта. Интерес к его идеям в России в начале XX в. привел к переводу двух книг: «Le problème de la mort» (Paris, 1894; рус. пер.: Вопрос о смерти и его различные решения. СПб., 1911) и «Le problème de la vie» (Paris, 1901; рус. пер.: Вопрос о жизни. Очерк общей социологии. СПб., 1902). В книге «Вопрос о смерти» Л. Бурдо давал подробный обзор верований, относящихся к теме смерти и бессмертия, критически анализировал теории вечной жизни, гипотезы о том, каким будет в ней существование человека, касался разнообразных представлений о месте нахождения обители бессмертных, типе будущей жизни, телесности и социальной организации будущего. Сам Л. Бурдо последовательно защищал необходимость смерти в природе, считая, что она не дает жизни застаиваться, делает возможным ее развитие и преобразование. «Смерть устраняет», а «жизнь исправляет» — такова формула Л. Бурдо. Однако, полагая смерть элементом развития, он в то же время подчеркивал, что один из существенных законов жизни для всякого индивида заключается в борьбе с ее умалением, «в сохранении и в развитии своего существа» (Бурдо Л. Вопрос о жизни. С. 276),

¹⁴³ Муравьев отсылает к следующему изданию фундаментального труда немецкого химика и философа Вильгельма Оствальда (1853–1932): Оствальд В. Основы неорганической химии. Изд. второе. М., 1914.

¹⁴⁴ Муравьев отсылает ко второй главе работы Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» и 1 и 2 тезисам К. Маркса о Фейербахе (Энгельс Ф. Людвиг Фейербах. С. 42–43, 90–91).

¹⁴⁵ Порочный круг (лат.).

¹⁴⁶ См. примеч. 2 к наброску «Герсеванов».

¹⁴⁷ Муравьев ссылается на книгу Д. Дьюи (см. примеч. 68) «Лекции по логической теории»: John Dewey. Studies in logical Theory (1–4). Chicago, 1903.

ФИЛОСОФСКИЕ СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ, ПЛАНЫ, НАБРОСКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ТРУДОВЕДЕНИЕ»

Печатается по: FP.I.3.22.

Сборник «Трудоведение» был составлен в 1923 г. А.К. Горским, Н.А. Сетницким и В.Н. Муравьевым как первый выпуск серии сборников, посвященных целостному философскому осмыслению проблемы труда. В основу этого осмысления была положена трактовка труда как начала сознательно-творческой космизации бытия, фактора негэнтропии, представленная в работах Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, Н.А. Умова (работа С.А. Подолинского «Труд человека и его отношение к распределению энергии» авторам сборника известна не была).

Планировавшийся к выходу в 1924 г. в издательстве ВСНХ, сборник был запрещен советской цензурой.

Подробнее о замысле сборника «Трудоведение», его составе и взглядах А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьева на труд и его перспективы см.: *Сетницкий*, 538–541.

Текст предисловия к сборнику, написанный Муравьевым, в составе наборной рукописи хранится в собрании Fedoroviana Pragensia (FP.I.3.22). На тексте имеется мелкая правка, сделанная рукой автора. В фонде Муравьева в НИОР РГБ хранится машинописный текст также с авторской правкой, которая учтена в наборном экземпляре (к. 20, ед. хр. 8).

¹ *Психотехника* — наука о применении психологии в деле организации труда. Согласно определению словаря НОТ, психотехника занимается разработкой вопроса о психологических факторах, влияющих на производительность труда; определением психических качеств и свойств, необходимых для работы в той или иной области, «разработкой в психологическом отношении проблемы организации и воздействий» (*Толчинский А.* Психотехника // *Орга-календарь ЦИТ на 1924 год.* М., 1924. С XXXII–XXXIII). Психотехника возникла в начале XX века в Америке, но быстро распространилась в Западной Европе, прежде всего в Германии и Англии. В работах по НОТ рядом с психотехникой существенное внимание уделялось *физиологии* труда. Начав с изучения вопроса о том, какие физические качества необходимы для выполнения той или иной работы и как эта работа влияет на физиологию человека, психотехника вобрала в себя вопросы, связанные со всей «энергетикой человеческого организма», разработку проблем питания, организации рабочего места, утомляемости работника и др.

² Понятие «*трудоустройства*» в первой половине 1920-х гг. активно использовалось теоретиками и практиками НОТ. Под трудоустройством понималась «прикладная наука, охватывающая всю область изучения трудовых процессов», она в свою очередь разделялась на биомеханику (механику трудовых движений), физиологию труда, психологию труда и психотехнику, трудовую педагогику. Подчеркивалась связь трудоустройства с учением об управлении (социальной инженерией) и учением об организации (социотехникой и тектологией) (*Бабин-Корень Б.* Трудоустройство // *Орга-календарь ЦИТ на 1924 год.* С. XLIII). А.К. Горский, Н.А. Сетницкий и Муравьев стремились придать понятию «трудоустройство» философский объем, раскрыть его мировоззренческий потенциал.

³ Категории *даровое* и *трудоустройство* были введены Н.Ф. Федоровым. Считая фундаментальным свойством человеческой природы активность, способность к творчеству, мыслитель выдвигал задачу всеобъемлющей регуляции процессов, протекающих как во внешнем мире, так и в самом организме человека. Тем самым даровое, изначально данное человеку от рождения, преобразуется в трудоустройство, творческое, становится сознательно обретенным.

⁴ См. примеч. 115 к «Овлаждению временем».

⁵ Цитата из завершающей части второй главы третьего отдела работы Ф. Энгельса «*Анти-Дюринг*» (*Маркс К. Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 20. М., 1961. С. 294). Муравьев цитирует перевод Н.Я. Брука: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. СПб., 1907.

⁶ О составе сборника «Трудоустройство» см.: *Сетницкий*, 539.

⁷ План этой серии сохранился в Fedoroviana Pragensia (см.: *Сетницкий*, 539–540). В архиве Муравьева сохранился черновик плана, написанный карандашом рукой Н.А. Сетницкого. При этом, в отличие от чистового плана, в черновом обозначены авторы предполагаемых статей:

«Сборник

I. Активность и труд.

1) Активность природы	<i>Бекнев.</i>
2) Активность в истории	<i>Горностаев.</i>
3) Активность и пассивная культура	<i>Муравьев.</i>
4) Даровое и трудовое	<i>Сетницкий.</i>

II. Работа и труд

1) Работа человека	<i>Бекнев.</i>
2) Проблема работы и труда	<i>Горностаев.</i>
3) Проективные элементы в труде
(объективизм, субъективизм или проективизм)	<i>Муравьев.</i>
4) От рабства к свободному коллективному труду	<i>Сетницкий.</i>

III. Цель труда

На границе всемогущества	<i>Бекнев.</i>
Психосинтез	<i>Горностаев.</i>
Управление природой и культура	<i>Муравьев.</i>
Цель труда	<i>Сетницкий.</i>

V. [sic] Труд как сотрудничество

1) Общее дело человечества	<i>Муравьев.</i>
2) Распад, рознь и паразитизм	<i>Горностаев.</i>
3) Труд коллективов	<i>Бекнев.</i>
4) Сотрудничество (конкур<енция> — кооперация)	<i>Сетницкий</i>
(к. 14, ед. хр. 20, л. 32–32 об.).

ВСЕОБЩАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ МАТЕМАТИКА

Впервые: Вселенское Дело. Вып. 2. [Харбин], 1934. С. 116–140.

Печатается по тексту первой публикации с учетом черновой машинописи.

Статья была написана В.Н. Муравьевым в 1923 г. для сборника «Трудоведение». Сборник не вышел в свет, и спустя 10 лет Н.А. Сетницкий включил статью во второй выпуск «Вселенского Дела».

В харбинском архиве Сетницкого сохранилась наборная машинопись статьи в составе других статей сборника (ФР.1.3.22). В архиве Муравьева в НИОР РГБ — неполная черновая машинопись с авторской правкой (к. 12, ед. хр. 6). Правка на статье сделана после 1924 г., когда вышла книга «Овладение временем», так как одна из помет включает ссылку на эту книгу и в тексте статьи зачеркнут фрагмент о преодолении времени. Можно предположить, что Муравьев намеревался немного поправить статью и опубликовать ее в одном из советских изданий. Характерно новое название статьи, данное ей с расчетом на публикацию в Советской России: «Умственный труд и преобразование природы» (Там же, л. 1). Позднее фрагменты статьи были использованы Муравьевым в записке «Учреждение комиссии по овладению природой» (см. в наст. книге).

В комментарии приведены некоторые разночтения текста, помещенного в сборнике «Вселенское Дело», и черновой машинописи из НИОР РГБ. Также по черновой машинописи восстанавливаются отдельные неточности и пропуски основного текста.

¹ Брошюра физика-теоретика, философа-космиста Николая Алексеевича Умова (1846–1915) «Эволюция живого и задача пролетариата мысли и воли» вышла в Москве в 1906 году. В ней проводилась одна из главных мыслей ученого: человеческое творчество создает «новую, вторую природу среди старой», внешней, вовлекает мертвое, косное вещество в круговорот цивилизации и культуры, умножает в бытии начало стройности.

² См. примеч. 74 к «Овлаждению временем».

³ Муравьев цитирует книгу немецкого физика, одного из создателей квантовой механики Макса Борна (1882–1970) «Строение материи. Три статьи по современной атомистике и электронной теории» (Пг., 1922).

⁴ Речь идет об опытах английского физика Эрнеста Резерфорда (1871–1937), который в 1919 г. провел опыты по искусственному разложению атомов некоторых веществ, в частности отделению от атома азота атома водорода.

⁵ Хааз А. Физика как геометрическая необходимость // Успехи физических наук. Т. III. Вып. 1. М., 1922. С. 14.

⁶ Речь идет о книге физика, выдающегося деятеля науки, акад. Петра Петровича Лазарева (1878–1942) «Ионная теория возбуждения» (М.: Пг., 1923; сер. «Современные проблемы естествознания». Кн. 7). В книге излагалась теория ионного возбуждения, согласно которой возбуждение в различных тканях и органах возникает в результате изменения концентрации ионов. Теория ионного возбуждения была разработана Ж. Лебом, В. Нерстом и самим Лазаревым, который распространил выводы своих предшественников на органы чувств.

⁷ *Халдеи* — речь идет о шумерах (см. примеч. 95 к мистерии «София и Китоврас»). Шумеры достигли огромных успехов в математике и астрономии. Созданная ими шестидесятеричная позиционная система счета была воспринята вавилонскими математиками и положена ими в основу различных вычислительных таблиц.

⁸ *Неопифагорейцы* — Нигидий Фегул, Аполлоний Тианский, Никомах Герасский (I в. до н. э. — III в. до н. э.) — активно использовавшие числовую символику пифагорейцев, противопоставляли единицу (начало порядка, блага, Божества) и двоицу (начало несовершенства, беспорядка, материи как источника всякого зла). Считая, подобно пифагорейцам, что все в мире построено по числовым отношениям, неопифагорейцы, идя от Платона, отождествляли числа с идеями и рассматривали их как посредствующие звенья между Богом и миром. *Гностики* активно использовали в своей космологии числовую символику (диады творения, 30 зонов, 365 небес и т. д.). Согласно учению Каббалы, изложенному в «Книге творения» (между III–VIII вв.), самооткровение Божества, энсофа, совершается путем эманации им 32 «путей премудрости» (десяти цифр, или сфер (сефирот) и 22 букв еврейского алфавита). *Агриппа, Люллий* — см. примеч. 331 к мистерии «София и Китоврас». *Пико делла Мирандола* (1463–1494) — итальянский философ-гуманист, учивший о божественном достоинстве и свободе человека, способного вместить в себя многоликую реальность мира, стать «своим собственным скульптором и творцом». Автор трактата «О сущем и едином».

⁹ О математических построениях в философии и науке Нового времени, в том числе связанных с идеей «всеобщей математики», см.: *Катасонов В.Н.* Метафизическая математика XVII в. М., 2011. *Лейбниц, Декарт* — см. примеч. 33 к «Овлаждению временем». Исаак *Ньютон* (1627–1727) — английский ученый, один из творцов науки Нового времени. Его книга «Математические начала натуральной философии» (1687) стала манифестом механистической картины мира. Видел в математической модели универсальный инструмент проверки и

оценки экспериментальных данных. Иоганн *Кеплер* (1571–1630) — немецкий астроном и математик. В сочинении «Предвестник, или космографическая тайна», опираясь на идеи Платона и пифагорейцев, представлял картину устройства вселенной, гармония которой основана на математических закономерностях. Жозеф Луи *Лагранж* (1736–1813) — французский математик, автор трудов по аналитической и теоретической механике, вариационному исчислению, теории чисел. Пьер Симон *Лаплас* (1749–1827) — французский математик, физик и астроном, автор «Трактата о небесной механике», видевший в механике образец для построения всякой науки.

¹⁰ В «Курсе позитивной философии» (1830–1842), представляя свою классификацию наук, О. Конт ставит на первое место математику как наиболее общую и широкую по объему, простую по содержанию дисциплину, располагая от нее в иерархическом порядке все прочие области знания. По мнению О. Конта, именно математика исторически первая стала положительной наукой.

¹¹ Эти работы Г. Кантора составили содержание шестого сборника серии «Новые идеи в математике»: Новые идеи в математике. Сб. 6. Учение о множествах Георга Кантора. СПб., 1914.

¹² *Hausdorff, Жегалкин* — см. примеч. 131, 132 к «Овлаждению временем». *Frankel A.* Einleitung in die Mengenlehre. Berlin, 1928 (работа немецкого математика Адольфа Френкеля «Введение в учение о числах»); *Weil H.* Das Kontinuum: kritische Untersuchungen über die Grundlagen der Analysis. Leipzig, 1918 (работа немецкого математика Германа *Вейля* (1885–1955) «Континуум: критические исследования оснований анализа»).

¹³ Муравьев перечисляет имена представителей того направления в области философии математики, которое было связано со стремлением обосновать математику путем определения ее исходных понятий в терминах логики, формулировки предложений и построения доказательств по правилам математической логики. Бертран *Рассел* (1872–1970) — английский философ, логик, создатель системы логического анализа. Логическим основаниям математики посвятил работы «Принципы математики» (1903), «Об обозначении» (1905) и фундаментальное трехтомное исследование «Principia Mathematica» (1910), написанное совместно с англо-немецким математиком, логиком и философом Альфредом Нортум *Уайтхедом* (1861–1947). Давид *Гильберт* (1862–1943) — немецкий математик, выдвинул современную версию аксиоматического метода, в 1922–1939 г. занимался логическими основаниями математики, стремясь обосновать математическое знание на основе его тотальной формализации. Луи *Кутюра* (1868–1914) — французский философ, логик и математик, занимался проблемами философского истолкования математической логики. Джузеппе *Веронезе* (1854–1917) — итальянский математик, автор книги «Истина в математике» (Пб., 1915).

¹⁴ *Алгебра логики* — раздел математической логики, основанный на применении алгебраических методов в логических операциях. Родоначальниками алгебры логики были английский математик и логик Джордж *Буль* (1815–1864), автор работ «Математический анализ логики» (1847) и «Исследования законов мысли» (1854), и немецкий математик и логик Эрнст *Шредер* (1841–1902), продолживший работы Буля и давший первое систематическое изложение математической логики.

¹⁵ Джузеппе *Пеано* (1857–1932) — итальянский математик и логик. Активно занимался проблемами математической логики, построил одну из первых дедуктивных систем логики высказываний.

¹⁶ *Порецкий П.С.* О способах решения математических равенств и об обрат-

ном способе математической логики (Опыт построения полной и общедоступной математической теории умозаключений над качественными формами. Казань, 1884; *Волков М.С.* Логическое исчисление. СПб., 1988. Платон Сергеевич *Порецкий* (1846–1908) — астроном, математик и логик, положивший начало математической логике в России. Михаил Сергеевич *Волков* — математик, преподаватель Смольного и Екатеринбургского института.

¹⁷ Муравьев имеет в виду 10 выпуск сборника «Новые идеи в математике» (СПб., 1915), посвященный теме «Математика и философия» (Вып. 10. СПб., 1915). В сборнике была напечатана серия статей А. Пуанкаре «Математика и логика», критически рассматривавших работы Б. Рассела, Гильберта, Л. Кутюра, и статья Л. Кутюра «В защиту логики (Ответ г. Пуанкаре)».

¹⁸ *Кутюра Л.* Алгебра Логики / Пер. с прибавлениями проф. И. Слешинского. Одесса, 1909; *Кутюра Л.* Философские принципы математики / Пер. с фр. Б. Кореня. Под ред. П.С. Юшкевича. СПб., 1912 (вторая книга была переводом сочинения Кутюра «Принципы математики»: «Le principes des mathématiques» (Paris, 1905)).

¹⁹ Муравьев цитирует сочинение Сен-Мартена (см. примеч. 98 к «Овлаждению временем») «О заблуждениях и Истине, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания», в котором важное место занимала мистическая символика чисел.

²⁰ См. примеч. 139 к «Овлаждению временем».

²¹ В черновой машинописи: «научных проектов».

²² В черновой машинописи эта фраза заменена на другую: «В бывших до сих пор культурах существовала».

²³ Муравьев ссылается на издание: Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданные под редакцией В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона. Т. 1. Верный, 1906; Т. 2. М., 1913. См. также примеч. 13 к «Овлаждению временем».

²⁴ В черновой машинописи: «политика».

²⁵ В черновой машинописи присутствует следующий текст:

«Применение всеобщей производительной математики даст возможность людям действительно подчинить себе все силы, действующие на земном шаре, и превратить бессмысленную их игру в полезную работу, необходимую для преобразования и обновления мира. Тем самым будет осуществлена идея, провозглашенная одним из родоначальников социализма, учеником Сен-Симона Консидераном: “La destinée terrestre de l’homme est la gestion de son globe” (“Назначение человека в том, чтобы управлять своей планетой”). Но человек может ожидать от науки еще больших свершений и мыслить себе организацию труда на земле как первый шаг к овладению всей вообще физической природой. В отношении конкретных задач, возникающих из этой общей формулы для подобных отдаленных достижений — вехами их могут служить гипотетические и полуфантастические перспективы, стоящие сейчас перед наиболее смелыми научными искателями: таковы задачи омоложения, оживления органов, лабораторного творчества жизни, превращения химических элементов, действия на расстоянии, междупланетных сообщений. Наконец, наиболее общая и наиболее чреватая последствиями задача — овладения временем». Последняя фраза оканчивается следующей сноской: «Вопросу о будущем науки посвящена брошюра Академика Ферсмана “Пути к науке будущего”, вышедшая в 1922 г. В ней автор рассматривает достижения науки в четырех главных областях: завоевание государства и народа, завоевание пространства, завоевание энергии и материи, завоевание духа. В то время как большинство ученых специалистов замыкается в сфере

своего предмета и боится всяких обобщений, Акад. Ферсман идет навстречу жизни, требующей общих выводов о будущем всей науки и не боится оценивать с точки зрения значения их для человеческой деятельности самые широкие и даже фантастические еще перспективы. Такой путь оправдывается историей, ибо по нему шли все творцы новых научных ценностей» (к. 12, ед. хр. 6, л. 20).

²⁶ Человеком творящим (*лат.*).

²⁷ *Антропотехника* — термин, введенный Н.К. Кольцовым для обозначения той области евгеники, которая (в отличие от антропогенетики, представляющей собой «чистую науку», сферу исследования генетических закономерностей) непосредственно обращена к проблеме улучшения человеческого типа, практически работает в этом направлении. Понятие *антропоургия* — (от греч. *άνθρωπος* — человек, *ἔργον* — действие, творчество) Муравьев использует в значении «человекотворчество», имея в виду не идею творческого делания человека в мире, но идею преобразования и творчества жизни.

²⁸ *Бахметьев* Порфирий Иванович (1860–1913) — русский физик и биолог (см. примеч. 9 к «Овлаждению временем»). Сергей Александрович *Воронов* (1866–1951) — хирург-физиолог, занимался проблемой пересадки органов и тканей. В 1920-е гг. активно вел эксперименты по омоложению (см. примеч. 9 к «Овлаждению временем»). *Кольцов Н.К.* — см. преамбулу примечаний к «Письму Н.К. Кольцову». *Кравков* Сергей Васильевич (1893–1951) — русский физиолог и психофизиолог, ученик П.П. Лазарева. В начале 1920-х гг. провел ряд опытов, направленных на доказательство возможности восстановить жизнедеятельность органов, даже отторгнутых от организма. Данные о разработках перечисленных ученых Муравьев, по всей вероятности, дает по первому выпуску сборника «Омоложение» (см. примеч. 9 к «Овлаждению временем»).

²⁹ *Парацельс* (Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, 1493–1541) — врач, натурфилософ, алхимик, развивавший представление о живом единстве мира и о человеке как микрокосме, способном, в силу своего соответствия макрокосмосу, магически воздействовать на природу. Одной из заветных целей алхимических экспериментов Парацельса было создание человека (гомункула); в сочинении «*De generatione rerum naturalium*» он дает подробный рецепт искусственного выращивания человеческого существа.

³⁰ Муравьев ссылается на программную статью председателя Русского Евгенического общества Н.К. Кольцова, представлявшую собой его речь в годовом заседании общества, произнесенную 20 октября 1921 (Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1. Вып. 1. М., 1922. С. 3–27). Кольцов рисовал тот идеал человека будущего, который, с его точки зрения, должен был лечь в основу широкого фронта работ по облагораживанию человеческого рода. Сочетая в себе физическое и духовное совершенство, будучи одарен «ненасытной жаждой все новых и новых достижений», этот *homo creator* сможет «стать действительно царем природы и подчинить ее себе силою своего разума и своей воли» (Там же. С. 17). Подробно останавливался ученый и на тех изменениях в государственной, общественной и семейной сфере, которые должны будут произойти, если идеал евгеники станет руководящим идеалом человеческой жизни (создание благоприятных условий для одаренных людей, обеспечение им возможности не только проявлять свои таланты, но и иметь многочисленное потомство, евгенический брак и т. д.).

³¹ Вильям *Прут* (1785–1850) — английский химик и врач. Данная гипотеза была высказана им анонимно в «*Annals Philosophy*» за 1815 г.

³² Нильс *Бор* (1885–1962) датский физик, создатель теории атома, основанной на планетарной модели и квантовых представлениях. *Томсон* Джозеф Джон

(1856–1940) — английский физик, занимался исследованием электрических разрядов в газах, в 1897 г. открыл электрон, в 1898 г. определил его заряд, предложил одну из первых моделей атома. *Резерфорд* — см. примеч. 4.

³³ В книге «Межпланетные путешествия. Полеты в мировое пространство и достижение небесных светил» (Пг., 1923) Я.И. Перельман, рассматривая идею космического полета на ракете, писал о проектах Н.И. Кибальчича и К.Э. Циолковского, а в приложении поместил извлечения из рукописи Кибальчича и подробное описание ракеты, проект которой был предложен Циолковским (Указ. соч. С. 74–77, 113–117)

³⁴ См. примеч. 87 к «Овлаждению временем». В черновой машинописи далее стоит знак вставки и вписан следующий текст: «Уже сейчас поставлен вопрос о создании искусственно управляемых спутников земли в виде так называемых междупланетных станций».

³⁵ Гульельмо *Маркони* (1874–1937) — итальянский радиоинженер и предприниматель. Занимался проблемами радиосвязи, в 1901 г. осуществил первый трансатлантический сеанс связи.

³⁶ В черновой машинописи следующий далее текст со слов «Преодоление времени не является...» до фразы «До сих пор мы рассматривали...» зачеркнут. Вместо него вставлена сноска: «Нами посвящена этой задаче отдельная книга, в виду чего мы можем здесь ограничиться одним только кратким замечанием. Как ни странной кажется с первого взгляда задача овладения временем, но на самом деле мы постоянно на практике обращаем время. В самом деле, такое сознательное его изменение происходит во всех случаях, когда мы обращаем природные процессы в различных [1 нрзб.] научных опытах». Данная правка свидетельствует, что вариант «Всеобщей производительной математики» под заглавием «Умственный труд и преобразование природы» готовился после выхода в свет книги «Овлаждение временем».

³⁷ В сочинении английского экономиста Томаса Роберта *Мальтуса* (1766 – 1834) «An Essay on the principle of population» (1789; рус. пер.: «Опыт о народонаселении». СПб., 1868) проводится мысль, что население земли возрастает в геометрической прогрессии, тогда как средства существования — лишь в арифметической.

³⁸ Василий Назарович *Каразин* (1773–1842) — общественный деятель и ученый, занимавшийся вопросами метеорологии. В «Записке о приложении электричества к потребностям человека» (1818) предлагал разработку «электроатмосферного снаряда» для использования грозового электричества. Наследие Каразина высоко ценил Федоров, видел в нем человека, дерзнувшего перейти от пассивного предсказания явлений к их разумной регуляции, считая его не просто метеоро-логом, а первым метеоро-ургом. Продолжая мысли Каразина, предлагал использовать его разработки в деле метеорологической регуляции (*Федоров II*, 260–264, 271–272 и др.)

³⁹ В черновой машинописи: «жизни, восстающей против смерти».

⁴⁰ *Паттен* Вильям (1861–1932) — американский биолог и палеонтолог, свои эволюционные идеи изложил в книгах «Эволюция позвоночных и их родство» (1912) и «Великая стратегия эволюции. Социальная философия биолога» (1920).

⁴¹ *Гексли*, Гексли Томас Генри (1825–1895) — английский естествоиспытатель, соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения. *Кропоткин* Петр Алексеевич (1842–1921) — русский ученый-географ, путешественник. В работе «Взаимная помощь как фактор эволюции» утверждал, что все биологические формы жизни основываются на взаимной помощи, солидарности особей.

⁴² Власть над всем (от греч. *παν* — всё и *κράτειν* — быть мощным, обладать силой, повелевать).

⁴³ В черновой машинописи последний абзац отсутствует.

ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ ПО ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

В настоящей подборке печатаются отдельные заметки к нереализованному замыслу книги по философии культуры. Замысел этого сочинения сложился у Муравьева в 1923 г., пересекаясь с замыслом мистерии «София и Китоврас», где значительное место заняла тема культуры, ее сущности и путей в истории (см. наброски планов: к. 19, ед. хр. 1, л. 31, 132–133). Как следует из публикуемых материалов, Муравьев намеревался сделать книгу своего рода философским исповеданием веры, обобщить в ней те идеи и понимания, что стали итогом его внутреннего развития в 1917–1922 гг. Он хотел дать свою трактовку вопроса о смысле культуры, духовных ее основаниях, кризисе современной культуры и путях его преодоления, который активно обсуждался в первые пореволюционные годы в литературных и религиозно-философских кругах (см. подробнее: Семенова С.Г. Грезы о новой культуре // *Философский контекст*, 33–49).

Книга написана не была, но ряд разделов плана, связанных с интерпретацией темы культуры в дохристианскую эру, в эпоху Средневековья и Возрождения, с активно-христианским пониманием культуры, был представлен в диалогах Софии и Китовраса, а замысел раздела, касающегося основ будущей культуры, нашел свое воплощение в работе «Культура будущего».

¹ Печатается по: к. 11, ед. хр. 16б., л. 3–11. Текст — на небольших тетрадных листах в косую клетку.

² Буквально: для своего дома (*лат.*), в защиту своих интересов.

³ Речь идет о позиции по отношению к большевизму, выраженной Н.А. Бердяевым в книге «Философия неравенства» (Берлин, 1923). Книга, написанная летом 1918 г., обращена «к недругам по социальной философии», наполнена резкими, обличающими заявлениями по отношению к «русским радикалам», подготовившим и приветствовавшим революцию. Позднее Н.А. Бердяев вспоминал, что, ведя духовную борьбу с большевизмом, он относился враждебно к тем представителям интеллигенции, которые стремились взаимодействовать с новой властью, и даже из-за этого порвал отношения с В. Ивановым и М. Гершензоном (*Бердяев Н.А. Самопознание*. М., 1990. С. 216). Отдельная глава книги, созданной в форме писем, была посвящена вопросу о культуре, причем Бердяев видел в будущем не расцвет, а упадок культуры. Опираясь на идеи О. Шпенглера, он подчеркивал, что «высшие подьемы культуры принадлежат прошлому, а не нашему буржуазно-демократическому веку», что «демократизация неизбежно ведет к цивилизации», что новой власти и новым людям не нужна культура как высшее выражение духовной жизни, им нужна только цивилизация (*Бердяев Н.А. Философия неравенства*. М., 1991. С. 247).

⁴ См. примеч. 28, 29 к «Заявлениям в Особый отдел ВЧК».

⁵ Речь идет о проводках Н.А. Бердяева, высланного из Советской России в 1922 г. вместе с другими представителями русской гуманитарной интеллигенции. Пароход «Обербургомистр Хакен», на котором уезжали Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев и др., отплыл из Петрограда 29 сентября 1922. Подробнее см.: *Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ГПУ. 1921–1923 М.*, 2005.

⁶ Аллюзия на подзаголовок книги Н.А. Бердяева «Философия неравенства»: «Письма к недругам по социальной философии».

⁷ Мысль о гибели Европы, иссякании духовных и творческих сил западноевропейского мира широко обсуждалась в среде русской интеллигенции в конце 1910 — начале 1920-х гг. в связи с полемикой вокруг книги О. Шпенглера «Закат Европы» (1918–1922; рус. пер.: 1922).

⁸ Печатается по: к. 11, ед. хр. 17, л. 1. Машинопись с правкой рукой Муравьева. Данный документ, из которого сохранилась только первая страница, свидетельствует о том, что первоначально Муравьев намеревался оформить свои размышления о культуре в форме «писем к друзьям» (по аналогии с бердяевскими «письмами к недругам»). Подобная форма, дававшая большую пластичность и свободу изложения, привлекала философа: ее он использовал и при создании так и не завершенных «Писем о большевизме».

⁹ Печатается по: к. 10, ед. хр. 9, л. 8.

¹⁰ Пьер Леру (1797–1871) — французский философ, последователь Сен-Симона, создатель учения христианского социализма, в основе которого лежит идея живого единства человечества, основанного на вере, стремлении к совершенствованию, памяти и любви. *Овен* — Р. Оуэн.

¹¹ Муравьев отсылает к идеям Н.Ф. Федорова о семье, сущности брака, смысле любви. Федоров полагал, что в основе совершеннолетнего семейного союза должно лежать не чувственное влечение, а любовь к родителям, сердечная забота о них, развивал идеи «положительного целомудрия», состоящего не в отказе от рождения детей, а в преобразении родотворной силы, направлении ее на воскрешение и творчество жизни.

¹² Печатается по: НИОР РГБ, ф. 189, к. 11, ед. хр. 17, л. 12.

КУЛЬТУРА БУДУЩЕГО

Частично опубликовано: *Муравьев 1998*, 241–279.

Печатается по: к. 13, ед. хр. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11; к. 20, ед. хр. 16.

Над сочинением, посвященным основам грядущей культуры, В.Н. Муравьев работал в 1925 г. Его творческий замысел относится к 1923–1924 гг. Первоначально работа должна была представлять собой завершительную часть большой философской работы (см. выше подборку «Планы и заметки по философии культуры»). В отличие от историко-культурной части, предполагавшей обзор концепций культуры в разные эпохи — от античности до Возрождения, часть «Культура будущего» должна была развернуть проект преобразования культуры, становящегося преобразованием мира, раскрыть смысл «третьей революции духа», указать линии движения от социального ко вселенскому преобразованию.

В архиве мыслителя сохранились различные планы работы «Культура будущего». Все они свидетельствуют о широте замысла, а также о стремлении Муравьева примирить на страницах работы научную и религиозную картины мира, увидеть в науке и религии духовных сестер, призванных к сотрудничеству на nive истории. Вот как выглядел один из первоначальных планов работы, связывавший воедино проблемы личности, культуры, науки, оправдания истории, активной апокалиптики:

«Преобразование человека

1. Расширение сознания — Малое я и я — мир.

2. Ипостасийность

- 3 Растворение в целом.
4. Личность — центр.
5. Обособление — Отъединение.
6. Отъединение личностей — соборность.

Преобразование мира

1. Культура как преобразование мира.
Учение о мессианских актах.
2. Духовно-этическое преобразование человека.
3. Физическое преобразование человека.
4. Преобразование социальных групп. Человек в истории.
5. Преобразование вещей.
6. Преобразование организмов.
7. Преобразование космических целых.
8. Активная апокалиптика» (к. 13, ед. хр. 15, л. 18 об.).

Как и в случае с «Овладением времени», ориентируясь на условия печатания в Советской России, Муравьев был вынужден редуцировать религиозно-философский план сочинения о культуре. Но редуцируя этот план, он усиливал комплекс идей, объединявший его с теми представителями естественнонаучного знания (Н.А. Умов, В.И. Вернадский), которые видели в явлениях жизни и сознания «третье начало термодинамики», фактор возрастания энергии, увеличения «стройности» в природе и космосе. А эти идеи как раз корреспондировали с тем пониманием мира и человека, которое развивала русская христианская философия, опереться на которую прямо Муравьев по цензурным причинам не мог. И нет ничего удивительного, что выстроенная Муравьевым в работе «Культура будущего» концепция антиэнтропийной сущности культуры перекликается с идеями о Павла Флоренского, видевшего в культуре «сознательную борьбу с мировым уравниванием».

Как следует из анализа сохранившихся материалов, работа «Культура будущего» существовала в двух редакциях. Первая редакция содержала большое введение, посвященное кризису современной культуры, которое не сохранилось. От этой редакции остались в машинописи некоторые части первоначального текста, разрозненные листы и блоки листов (к. 20, ед. хр. 16). Другие экземпляры машинописи были использованы для создания окончательного текста статьи. По тексту проводилась правка, снимающая «остатки» религиозно-философских формулировок, листы разрезались, компоновались по-новому. Муравьев несколько раз менял местами части, посвященные преобразованию вещей, человека, общества и космоса, о чем свидетельствует разная нумерация на архивных листах.

В 1926 г., движимый потребностью донести свои идеи о новой культуре, полагая, что «сейчас <...> важнее всего — печататься», Муравьев разделяет работу «Культура будущего» на ряд статей, надеясь напечатать их «в разных изданиях» (В.Н. Муравьев — Н.А. Сетницкому. 26 февраля 1926 // *Сетницкий*, 355). В архиве философа сохранилась справка от 23 февраля 1926 г., подписанная Н. Поповым-Татики, с перечнем статей, переданных философом для Бюро печати Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока. В перечне семь позиций: статья «Импровизация в народном театре», публикация воспоминаний Н. Муравьева «Из сибирских впечатлений о декабристах (Н. Муравьева)» и пять статей, сделанных на основе работы «Культура будущего»: «Театр и жизнь», «Искусство будущего», «Будущая культура», «Научное преобразование живых организмов», «Человек и вещи» (к. 20, ед. хр. 14, л. 14). Некоторые из этих ста-

тей сохранились в архиве мыслителя и были использованы в качестве вспомогательных источников для реконструкции и комментирования работы «Культура будущего». Это статьи «Театр и жизнь», «Искусство будущего» (к. 12, ед. хр. 9, 11), «Научное преобразование живых организмов» (к. 13, ед. хр. 8).

Как и в книге «Овладение временем», в работе «Культура будущего» Муравьев широко опирается на научную мысль эпохи. Помимо серии «Современные проблемы естествознания» он использует выпуски сборников «Новые идеи в астрономии» (прежде всего вып. 1, 3. «Космогонические гипотезы»). Знает серию «Новые идеи в физике», где печатались работы ведущих физиков, посвященные проблемам строения вещества, существования эфира, природе света и теплоты, принципу относительности, а также серии «Новые идеи в химии» (2 и 5 сборники серии были посвящены проблемам радиоактивности) и «Новые идеи в биологии», в которой активно обсуждалась проблема жизни, соотношения органической и неорганической материи, свойств человеческого организма (сб. 1 «Что такое жизнь?»).

Большое внимание в работе «Культура будущего» уделено проблемам евгеники, что было вызвано самой логикой развития Муравьева-мыслителя, одушевленного идеей совершенствования человеческого рода. Способствовало интересу к евгенике и общение с Н.К. Кольцовым, выдающимся биологом, не раз выражавшим свою веру в рождающийся в недрах человеческой природы новый эволюционный тип — *Homo sapiens explorans*, «активный, полный исканий, потребности исследовать новые пути» (Показания Н.К. Кольцова // Всероссийский Национальный Центр. М., 2001. С. 491). Но в отличие от Кольцова, требовавшего внесения естественного отбора в социальную жизнь, считавшего социальные институты средством осуществления такого отбора и призывавшего современное государство поддерживать прежде всего лучших (Евгенический журнал. 1922. Т. 1. Вып. 1. С. 20), Муравьев, следуя традиции христианской этики, опирает социальное развитие не на идею борьбы, а на начала солидарности и соборности и перспективу облагорожения человеческого рода видит не в запретительных мерах, которыми была так богата «отрицательная евгеника», а в раскрытии внутренних потенций человеческого организма, в духо-телесной его регуляции.

Окончательный текст работы «Культура будущего» в архиве Муравьева не сохранился. Реконструкция текста произведена на основе черновых машинописей и рукописных набросков.

¹ В архиве Муравьева сохранился титульный лист работы «Культура будущего». На нем напечатано название и псевдоним: «Вас. Обонежский» (к. 12, ед. хр. 4, л. 1).

² Текст оглавления напечатан на двух листах. На первом листе помещен вариант заглавия работы, более «проходной» для условий Советской России: «Производственная культура будущего (культурно-техническое преобразование мира человеком)» (Там же, л. 2).

³ Данная система классификации сложилась у Муравьева под влиянием работы Л. Бурдо «Вопрос о жизни» (см.: Бурдо Л. Вопрос о жизни. С. 200–202).

⁴ В машинописи данной главки первоначально стояло: «Культура создает не только социальные целые. Через посредство последних она творит и преобразовывает вещи и живые существа» (к. 12, ед. хр. 5, л. 3). Судя по зачеркиваниям, в первоначальном варианте работы о культуре этот текст шел после главы «Преобразование общества».

⁵ Муравьев излагает теорию органопроекции, выдвинутую в XIX в. Э. Кап-

пом («Философия техники», 1877) и Л. Нуаре. Согласно этой теории, развитие техники совершается путем копирования естественных органов человека, проекции их во внешний мир. В России теорию органопроекции развивали с разными смысловыми акцентами Н.Ф. Федоров, П.А. Флоренский (см. главы «Ното faber» и «Органопроекция» в работе «У водоразделов мысли») А.К. Горский («Огромный очерк»).

⁶ См. примеч. 108 к «Овладению временем».

⁷ Вместо выражения «в общее мировое действие» в машинописи стояло: «в общее дело космического служения, совершающееся, как мы видели раньше, в виде внехрамового радения живых существ». Фраза еще раз подтверждает, что главка «Вещи в будущей культуре» должна была следовать за главой о преобразовании общества.

⁸ Муравьев отсылает к роману Г. Уэллса «Война миров» (1896).

⁹ Здесь Муравьев выражает высказанную Н.Ф. Федоровым идею перехода с путей технического прогресса, усиливающего мощь человека при помощи сложных механизмов и машин, на путь органического прогресса, совершенствующего сам человеческий организм (подробнее см.: Семенова, 206–213).

¹⁰ Первоначально вместо «действием» было «радением».

¹¹ Первоначально было: «описанным космическим радением».

¹² Текст, начинающийся со слов: «Здесь можно сказать несколько слов о роли машин в будущей культуре...», приклеен на лист, на котором находился фрагмент первоначального варианта главы, начинавшийся со слов: «Мы поймем яснее такой процесс обращения вещей в живые органы, если...».

¹³ Генри *Форд* (1863–1947) — американский промышленник, создатель мировой сети заводов по производству автомобилей, теоретик и практик рационализации и научной организации труда. Сведения, приводимые Муравьевым, взяты им из книги А. Бенсона «Новый Форд» (*Benson A. The New Ford. N. Y., 1923*), которую он перевел в 1925 г. (*Бенсон. Новый Форд. Л., 1927. С. 85*).

¹⁴ Выделяя главку «Научное преобразования организмов» в отдельную статью, Муравьев несколько изменил ее название («Научное преобразование живых организмов») и предпослал ей следующее начало, корреспондирующее с началом статьи «Культура будущего»: «Культурная работа грядущих веков будет иметь главной своей целью овладение природой и преобразование и улучшение мира средствами науки и техники. Из этого следует, что задачей новой культуры будет целесообразное изменение различного рода материальных образований, составляющих мир. Сюда войдут не только неодушевленные предметы и изделия, выработка и переработка которых является делом промышленности. Новейшая наука в ряде своих отраслей (медицина, прикладная биология, эвгеника, биохимия и т. д.) выдвигает задачу овладения жизненными процессами, преобразования живых организмов и, быть может, в конечном итоге — творчество жизни».

Рассмотрим в кратком очерке некоторые из перспектив, открывающихся на этом пути для будущих науки и техники.

Что такое организм?» (к. 13, ед. хр. 8, л. 2).

¹⁵ Речь идет о Л. Бурдо (см. примеч. 142 к «Овладению временем»). Муравьева привлекал взгляд Бурдо на явление жизни «как на следствие организации, направляющей, соразмеряющей и соподчиняющей действие» природных сил (*Бурдо Л. Вопрос о жизни. С. 139*). В работе «Культура будущего», прежде всего в главе «Преобразование космоса», он активно использует развитое в книге «Вопрос о жизни» представление о восходящей лестнице развития — от «рассеянного однородного эфира» через атомы и их соединения к живым организмам,

затем к различным ассоциациям («семьи, корпорации, народы»), а от них к царствам природы и царствам социальным, огромным мирам (земля, планеты) и группам миров (солнечная система), которые в свою очередь образуют группы мировых и звездных систем, входящих в космическую вселенную. Все уровни этой лестницы представляют собой сложные синтезы, держатся взаимодействием и сотрудничеством входящих в него элементов.

¹⁶ В машинописи главки первоначально стоял текст, свидетельствующий о том, что при ее написании Муравьев опирался в том числе и на собственную работу «Диалектическое построение множественности»: «Мы знаем уже, что только диалектическое построение множественности делает возможным взаимодействие элементов и при его тождественности с миром, и [при] его особности. Из этого получается взаимодействие собирательное, создающее единство целого, и взаимодействие, утверждающее особность и единство данного элемента» (к. 13, ед. хр. 8, л. 4–5).

¹⁷ См. примеч. 323 к мистерии «София и Китоврас».

¹⁸ См. примеч. 41 к статье «Всеобщая производительная математика».

¹⁹ См. примеч. 40 к статье «Всеобщая производительная математика».

²⁰ См. примеч. 15.

²¹ Муравьев воспроизводит здесь точку зрения Н.Г. Александровой (см. примеч. 16 к «Материалам к работе “Овладение историей”»). Видя в ритме начало жизни, она подчеркивала, что нарушение ритмичности процессов организма говорит о болезни, а прекращением ритмической пульсации, остановкой движения является смерть (Александрова Н.Г. Ритмическое воспитание. М., 1924. С. 5).

²² *Протисты* — термин, предложенный в 1866 г. Э. Геккелем для одноклеточных животных и растений (бактерий, одноклеточных водорослей, грибов). Геккель выделял протистов в третье царство природы, рассматривая его наравне с царством растений и царством животных.

²³ См.: Бурдо Л. Вопрос о жизни. С. 126.

²⁴ Муравьев ссылается на страницы французского издания книги Л. Бурдо. В русском издании фрагмент, который он реферировал, находится на С. 127.

²⁵ В сочинении «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808) Шарль Фурье, проектируя будущее устройство человеческого рода, нарисовал картину преобразования земли совокупной деятельностью людей. Человечество, по мысли Фурье, сможет управлять климатом, поборет вечную мерзлоту, произойдет «завоевание огромной пустыни Сахары»: «путем насыпки земли, насаждения сплошными рядами растений удастся увлажнить почву, укрепить пески и превратить пустыню в цветущий сад» (Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1938. С. 184).

²⁶ Речь идет о романе Г. Уэллса «Остров доктора Моро» (1896).

²⁷ Идеи Г. Форда, касающиеся реформы земледелия на основе механизации сельского хозяйства, изложены в книге А. Бенсона «Новый Форд» (С. 73–79) (см. примеч. 13). Сам Муравьев представил их в заметке «Применение методов Форда к организации сельского хозяйства» (Хозяйство и управление. 1925. № 3. С. 91–93).

²⁸ *Левкитт* (V в. до н. э.) — древнегреческий философ, родоначальник атомистики. Соответствующее место у Аристотеля: *Аристотель. О душе*. М., 1937. С. 8–10.

²⁹ Эта мысль высказана Ж.Ж. Руссо в трактате «Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании» (1761): *Руссо Ж.Ж. Избранные сочинения*: В 3 т. Т. 1. М., 1961. С. 251–253).

³⁰ Муравьев имеет в виду третью книгу «Лекций по эстетике» Гегеля, от-

дельная глава которой посвящена философии музыки (см.: *Гегель*. Сочинения. Т. XIV. Лекции по эстетике. Кн. 3. М., 1958. С. 116–119).

³¹ В работе «Культура будущего» Муравьев широко опирается на разработки швейцарского композитора и педагога, создателя теории ритмической гимнастики Эмиля Жака-Далькроза (1865–1950), причем ссылается на русское издание лекций Далькроза, посвященных изложению его теории (прочитаны в августе 1907 г. в Женеве): *Жак-Далькроз Е.* Ритм. Его воспитательное значение для жизни и искусства. Пг., 1922. В узком смысле теория Жака-Далькроза касалась новых методов преподавания музыки, в основу которых было положено ритмическое воспитание: чтобы овладеть музыкальным инструментом, ребенок должен научиться ритмически владеть своим телом. Однако сам автор теории шел гораздо дальше задач музыкального образования. Утверждая, что музыкальный и телесный ритм глубинно взаимосвязаны, что в их основе лежит фактор движения, Жак-Далькроз указывал на значение ритмического движения в деле воспитания, духо-телесного облагораживания человека. Ритмическая гимнастика способствует согласованности психического и соматического, обеспечивает «неразрывность тела и духа», мысли и делания («думать и делать становится одно») Более того, ритм, по мысли Жака-Далькроза, призван сыграть определяющую роль в деле «воссоединения различных искусств» (Указ. соч. С. 25, 81), которое будет идти параллельно с психо-физическим совершенствованием человека.

Идеи Жака-Далькроза получили широкий резонанс у теоретиков и практиков художественного движения, в том числе танца, в области ритмопластической интерпретации музыкальных произведений. В Швеции, Великобритании, Франции, Испании, США и др. странах были открыты школы и институты по образу созданных сами мэтром в 1910 и 1915 г. Школы музыки и ритма и Института. В дореволюционной России идеи Жака-Далькроза активно пропагандировал театральный деятель и художественный критик С.М. Волконский, выстроивший собственную «ритмическую утопию», а в 1920-е гг. Н.Г. Александрова. Были созданы Ассоциация ритмистов, Институт ритмического воспитания (Москва, 1919–1924).

³² «В образовании и развитии чувства ритма участвует все наше тело» (*Жак-Далькроз Е.* Ритм. С. 9). Это указание связано у Жака-Далькроза со следующим вводимым им определением ритма: «Ритм есть движение материи, логически и пропорционально распределенной во времени и в пространстве» (Указ соч. С. 22).

³³ Этот эпизод приведен в книге философа-неоплатоника Ямвлиха «О Пифагоровой жизни» (*Ямвлих*. О Пифагоровой жизни. М., 2002. С. 95).

³⁴ В 1920-е годы интерес к идеям Жака-Далькроза пробуждается в Советской России. В 1924 г. была переведена книга немецкого ритмиста и ученика Жака-Далькроза Карла Шторка «Система Далькроза» (Л., 1924), который подчеркивал универсальное значение взглядов своего учителя, связывал их с вековой идеей совершенствования рода людского. К. Шторк приводил обширные цитаты из обращений Жака-Далькроза к ученикам, в которых призывал их «сродниться с мыслью, что мы сами являемся господами собственной судьбы, что наша будущность зависит лишь от победы над самими собой», что природа возложила на нас ответственность за наше «собственное обновление», призывал к вдохновенной работе «над созданием прекрасного человечества» (*Шторк К.* Система Далькроза. С. 27). Та же мысль проводилась и в предисловии к русскому изданию книги, написанном российским режиссером, актером, театральным деятелем П.П. Гайдебуровым, подчеркивавшим актуальность идей Жака-Далькроза для современной России: «Не метод как таковой захватывает теперь наше вни-

мание, но сущность его идеи как нового подхода к решению проблемы воспитания — и отдельного человека, и всего человечества. Методом ритмического воспитания назвали бы мы теперь это удивительное открытие...» (*Гайдебуров П.П.* Предисловие // Там же. С. 8).

³⁵ Первоначально: «не осознана еще ритмистами».

³⁶ Муравьев имеет в виду позицию идеологов «Лиги Времени», общественной организации, созданной в 1923 г. бывшим полпредом в Швеции, одним из теоретиков НОТ П.М. Керженцевым и объединявшей как специалистов в области научной организации труда, так и общественников-энтузиастов. «Лига Времени» провозгласила себя одним из орудий борьбы за новую культуру и нового человека и выдвинула лозунг экономии времени, видя в нем один из важнейших принципов научной организации труда. В целом утилитарно-практический взгляд на время выражал А.К. Гастев, призывавший к учету времени и разработавший методику такого учета. Хотя в его книжке «Время» (М., 1923) и было заявлено, что организация времени есть организация человеческой жизни, самый характер этой организации оказывался весьма узким: «Если ты имеешь ключ времени, ты — вооруженный инженер твоей жизни, ты — монтер и чужого времени, завода, учреждения» (Указ. соч. С. 16).

³⁷ Одним из основных положений *джайнизма*, религиозного течения Индии, была заповедь о непричинении вреда живым существам. Исполнение этой заповеди мыслилось как одно из необходимых условий преодоления закона кармы и достижения нирваны.

³⁸ Муравьев ссылается на философов и ученых, касавшихся в своих трудах проблемы бессмертия и долголетия. Книга французского философа и публициста, редактора французского журнала «Revue des Revues» Жана *Фино* «Философия долголетия» (Jean Finot. La philosophie de la longévité. Paris, 1906) рассматривала эту проблему сквозь призму истории культуры и научного знания. Фино развивал мысль о возможности и необходимости продления человеческой жизни, опираясь в частности на идеи И.И. Мечникова. Основной причиной преждевременной смерти Фино считал самый страх смерти, «самовнушение смерти», производящие своего рода «интоксикацию» человеческого организма. Освобождение от этого страха Фино видел в материалистическом взгляде на смерть как на продолжение жизни элементов тела умершего в новых, простейших формах, развивая на основе закона сохранения материи концепцию атомарно-клеточного бессмертия. Рассматривал Фино и проблему искусственного создания жизни, задаваясь вопросом о том, реализуются ли в будущем мечты средневековых алхимиков о гомункуле, станет ли реальностью идея творчества живой материи. *И.И. Мечников*, создатель теории ортобиоза, гармоничной человеческой жизни, основанной на рациональном поведении, правильном питании, оздоровлении организма, полагал, что «когда рациональная гигиена установит правила нормальной жизни», долголетие станет реальностью (*Мечников И.И.* Этюды о природе человека. С. XI), подчеркивал важность медицинских разработок в области здорового питания, борьбы с заразными болезнями, приготовления сывороток, повышающих иммунитет и т. д. Муравьев сравнивает теорию ортобиоза с предписаниями Гуффеланда (см. примеч. 8 к «Овлаждению временем»), книге которого был посвящен ряд страниц брошюры *Д.К. Третьякова* «Бессмертие и долголетие». Третьяков подчеркивал, что практические советы Гуффеланда «мало чем отличаются от современных диетических мер и от правил поведения, лежащих в основе христианской морали и многих практических философских требований» (Указ. соч. С. 40), проводил параллели между Гуффеландом и французским биологом Лорандом, сформулировавшим «заповеди долголетия», которые в сущно-

сти «повторяют уже то, что говорил и Гуффеланд» (Указ. соч. С. 56). Что касается книги Леона Бурдо «Вопрос о жизни», то в завершающей главе «Очерк положительной нравственности» философ в качестве важной составляющей этики выдвигал «теорию обязанностей органической жизни, которая базируется на гигиене как «искусстве быть здоровым, пользоваться постоянно хорошим расположением духа и долго жить» (Указ. соч. С. 275).

³⁹ См. примеч. 29 к статье «Всеобщая производительная математика».

⁴⁰ Имеется в виду миф об андрогинах, изложенный Платоном в диалоге «Пир» (Платон. Сочинения: В 3 т. Т. 2. М., 1970. С. 116–120).

⁴¹ В окончательном тексте «радение» заменено на «действие».

⁴² См. примеч. 5 к «Предисловию к сборнику “Трудоведение”».

⁴³ Следующий далее текст со слов «определить исторические условия» до слов «чисто социологический метод», относившийся к первой редакции работы «Культура будущего», зачеркнут.

⁴⁴ Текст введения к работе «Культура будущего» не сохранился.

⁴⁵ Было: «Такими целыми формами являются политика, право, экономика, семейные отношения, патриотизм».

⁴⁶ Далее зачеркнуто: «Этому вопросу будет уделено нами место в соответствующей главе о производстве органических целых». Зачеркнутый фрагмент указывает, что первоначально глава о преобразовании организмов не предшествовала главе о преобразовании общества, а следовала за ней.

⁴⁷ Было: «Мы видели выше эволюцию человеческих объединений от Церкви через национальное государство к высшим целым вроде международных союзов народов. Важно отметить, что национальное государство не есть венец этой лестницы».

⁴⁸ Муравьев отсылает к книге В.И. Ленина «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции», написанной в августе — сентябре 1917 г. и вышедшей в свет в Петрограде в 1918 г.

⁴⁹ См. примеч. 144 к «Овлаждению временем».

⁵⁰ В архиве Муравьева сохранились наброски и начало статьи «Роль инженера в современной экономической и общественной жизни» (к. 14, ед. хр. 10), в которой философ стремился осмыслить эту тенденцию и ее социальные последствия.

⁵¹ Было: «культурный эгрегор».

⁵² Было: «культурном эгрегоре».

⁵³ Вместо «не исключает и территориальных объединений» было: «существенно разделяется от тех видов объединения, которые нужны для творчества культуры. Последнее требует соединения людей не по признаку совершения ими одних и тех же действий, но по признаку участия определенного их количества в совершении единого общего акта, необходимого для творчества культуры».

⁵⁴ Далее зачеркнуто: «завоевания для обработки пустующих местностей, постройки и использования колоссальных сооружений и приборов для сношения с другими планетами».

⁵⁵ Перед этой фразой зачеркнуто: «Задача новой культуры, идущей на смену современной западноевропейской и заключается в том, чтобы устранить указанные недостатки этой культуры».

⁵⁶ Речь идет о концепции немецкого философа и культуролога О. Шпенглера, выраженной в книге «Закат Европы» (1–2, 1918–1922, рус. пер.: Т. 1. 1923). Культура, в его понимании, представляет собой замкнутый саморазвивающийся организм, который рождается, проходит этапы детства и юности, расцвета и зрелости и, наконец, клонится к закату, неизбежно вырождаясь в цивилизацию с

ее индустрией и техникой, городским типом существования, деградацией искусства, господством интеллекта и рассудка во всех сферах жизни.

⁵⁷ Было: «всеобщую мировую соборность, соответствующую преобразованию мира».

⁵⁸ Было: «культурных систем».

⁵⁹ В архиве Муравьева сохранился следующий план данной подглавки:

«Ритм как порядок.

Ритм как средство объединения.

1) Общее значение ритма — Спенсер — Руссо — Бюхер.

2) Ритм в природе.

3) Ритм в организме — Организация своего тела.

4) Ритм в социальном целом — Евритмия.

5) (Федоров и внехрамовое служение).

6) Обряд — Paskal, Хомяков.

7) Ритм и массы — их организация.

8) Значение всякой религии в направлении посредством ритма движения и основ. новое социально-мистическое тело.

9) Соединение посредством ритма с высшим миром.

16) Доказательство этого.

17) Ритм и труд.

18) Жизнь и театр.

19) Театр и религия — Мистерии — греческая трагедия и церковная служба — Парсифаль.

20) Переход к организации мессианского акта.

Сущность всякого акта.

21) Церковь как высшее проявление ритмической соборности — соединение человека и Бога через благодать» (к. 13, ед. хр. 22, л. 14).

⁶⁰ Габриэль *Тард* (1843–1904) — французский социолог и криминалист. Выдвинул теорию имитации, развил ее в книге «Les lois de l'imitation. Étude sociologique», Paris, 1890 (рус. пер. «Законы подражания», СПб., 1892). Считая способность к подражанию одним из коренных свойств человеческой природы, указывал на ее определяющую роль в общественной жизни, в становлении различных социальных образований, групповых и общественных ценностей и норм.

⁶¹ Муравьев отсылает к первому философическому письму П.Я. Чаадаева. Размышляя о значении для развития всякого народа устойчивой бытовой и духовной традиции, «привычек», «навыков сознания», ярких исторических воспоминаний, Чаадаев отрицал их наличие в русской истории: «Мы <...>, явившись на свет как незаконнорожденные дети, без наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из поучений, оставленных еще до нашего появления. Необходимо, чтобы каждый из нас сам пытался связать порванную нить родства» (*Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма: В 2 т. Т. 1. М., 1991. С. 323–326).

⁶² «...Искусства все совершают подражание, [пользуясь] ритмом, словом и гармонией или раздельно, или вместе» (*Аристотель.* Поэтика // *Аристотель.* Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 646).

⁶³ *Хлысты* — одна из русских мистических сект, зародившаяся в середине XVII в. В основании религиозной доктрины хлыстовства (христовства) лежала вера в то, что Господь воплощается в отдельных людях. Хлыстовские общины (так называемые «корабли») возглавляли «христы», «богородицы» и «пророки». Сердцевину хлыстовского ритуала составляли так называемые радения, хороводная пляска, сопровождавшаяся пением, выкриками и самобичеванием.

⁶⁴ Муравьев ссылается на статью литературоведа и лингвиста Дмитрия Николаевича Овсяннико-Куликовского (1853–1920) «Секта “людей божьих”» (Очерки русского народного мистицизма) (Слово. 1880. № 9. С. 45–85, подпись «Д. Куликовский»). Приведенные цитаты находятся на С. 69, 70. Исследуя экзотатические состояния, возникающие во время хлыстовских радений, Овсяннико-Куликовский проводил параллель между ними и состояниями экстаза, наступающего, например, на балу: «общее оживление и водоворот танца», «оживленные лица и горящие глаза», «магнетизм ритмических движений» и т. д. «На балу мы находим совокупность тех самых факторов, которые действуют и на радениях Людей Божьих — за вычетом одного — мистической веры» (С. 70).

⁶⁵ Ссылка сделана на книгу *Владимира Максимилиановича Андерсона* «Старообрядчество и сектантство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия» (СПб., б/г.), посвятившего отдельную главу «Хлыстам, или людям Божьим», основам их веры, описавшего хлыстовские радения.

⁶⁶ Текст параграфа 9 Муравьев позднее превратил в статью «Искусство будущего», внеся в него ряд редакционных исправлений. Правка, носящая смысловой характер, отмечена в комментарии.

⁶⁷ Немецкий экономист, историк, статистик Карл *Бюхер* (1847–1930) в книге «Arbeit und Rhythmus» («Работа и ритм», 1896), анализируя деятельность первобытного человечества, которая была одновременно работой, игрой и искусством, указывал на организующее и объединяющее значение ритма. Ритм оживляет труд, превращает обыденное в праздничное. Поэтому такое значение у древних имели песни, сопровождавшие работу.

⁶⁸ В тексте статьи «Искусство будущего»: «социально-историческому организованному движению».

⁶⁹ См. примеч. 11 к «Избранным планам мистерии». Текст «Русский мыслитель... внехрамовым служением» при подготовке статьи «Искусство будущего» был зачеркнут Муравьевым.

⁷⁰ Текст «или же стать, подобно католическому Риму, средоточием духовной власти, притязавшей на всемирность» при подготовке статьи «Искусство будущего» был зачеркнут.

⁷¹ *Жак-Далькроз Е.* Ритм. Его воспитательное значение для жизни и искусства. С. 105.

⁷² Муравьев имеет в виду искания в области музыкального синтеза искусств, которые шли в немецкой и русской эстетике второй половины XIX — начала XX вв. и были связаны с поиском путей обновления художественного творчества, со стремлением преодолеть его камерность, излишнюю отвлеченность от сферы реального жизненного строительства, с чаянием нового синтетического искусства, способного к очищающему, катарсическому воздействию на большие массы людей. В рамках этих исканий композитор Рихард *Вагнер* (1813–1883) выступил с идеей музыкальной трагедии, универсального, многомерного жанра, органически соединяющего разные виды искусств — пластические и изобразительные, словесные и музыкальные. Идея музыкального синтеза была воплощена как в теоретических работах Вагнера, так и в его оперном творчестве, прежде всего в тетралогии «Кольцо нибелунга» (1854–1876). Об исканиях А.Н. Скрябина см. примеч. 99 к «Овладению временем».

⁷³ *Жак-Далькроз Е.* Ритм. Его воспитательное значение для жизни и искусства. С. 81. Указывая далее, что для будущего синтеза искусств «недостаточно одного только возвращения к древнегреческой системе или к другим системам священного искусства», Муравьев откликается на изложенную в заключительной, шестой лекции Далькроза программу синтеза искусств, основанную на об-

ращении к опыту древних греков, утверждавших идеал калокагатии, и искусством оркестрики, ритуальной хоровой ритмической пляски.

⁷⁴ В статье «Искусство будущего»: «радение».

⁷⁵ Высказывание Платона Муравьев приводит по книге Ф. Зелинского «Древнегреческая религия» (Пг., 1918. С. 63), в которой ученый рассматривал ритуальное искусство Древней Греции, ставя его в связь с типом древнегреческой религиозности.

⁷⁶ *Жак-Далькроз Е.* Ритм. Его воспитательное значение для жизни и искусства. С. 106.

⁷⁷ Муравьев ссылается на размышления Жака-Далькроза о современной музыке, пребывающей «в состоянии наибольшего упадка и разложения», ушедшей в утонченность формы и забывшей о содержании. «Наши современные музыканты давно уже покинули плодородную твердую почву и пустились в безбрежное море византийства». Люди воспринимают музыку только ухом, а не ощущают всем телом, не отзываются всем своим существом на мощный «натиск ритмов». И «современная музыка как печальная тень, тоскует о покинувшей ее жизни» (Указ. соч. С. 114).

⁷⁸ Параграф 10 Муравьев позднее превратил в статью «Театр и жизнь», внося небольшую редакционно-стилистическую правку и предпослав ей следующее начало: «Каждый из нас, городских жителей, часто посещающих театр, хорошо знает, что сцена сейчас переживает кризис. Театральное искусство тем отличается от других искусств, что это социальное искусство, т. е. такое, где публика в виде зрителей не только присутствует при представлении, но участвует в нем, создавая атмосферу сочувствия или критики, от которой зависит не только успех, но и самая жизнь театрального произведения. Поэтому вопрос об искании новых путей театра есть вопрос животрепещущий для большей части населения большого города» (к. 12, ед. хр. 9, л. 2).

⁷⁹ Было: «видоизменение» (к. 12, ед. хр. 4, л. 3).

⁸⁰ Муравьев опирается на этимологию слова «актер»: от лат. «actor» — действующий, приводящий в движение.

⁸¹ Муравьев отсылает к сочинению Джордано Бруно «О бесконечности вселенной и мирах» (1584), в котором излагаются космологические представления философа и ученого, в основе которых лежит образ бесконечной вселенной, являющейся откровением Творца, и знаменитому выражению И. Канта из заключения к «Критике практического разума»: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это *звездное небо надо мной и моральный закон во мне*» (Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1994. С. 562).

⁸² *Левиафан, Бегемот и Рахав (Рахаб)* — исполинские животные библейской мифологии. Предстают как символ непостижимости божественного творения (Иов. 40:10–41:26; Пс. 103:26) и в то же время как воплощение стихийных, хаотических сил, побеждаемых Творцом мира в начале времен (Пс. 73:14; Ис. 27:1; 51:9–10; 3 Езд. 6, 49–52 и др.).

⁸³ *Фурнье Д'Альб* (1868–1933) — ирландский филолог, философ, физик. Муравьев ссылается на его книгу «Два новых мира: инфрамир и супрамир» (1907), в которой на основе электронной теории излагалась теория подобия микро- и макромира. Фурнье Д'Альб проводил аналогию между структурой ядра, окруженного электронами, и Солнцем, вокруг которого вращаются планеты. Отстаивая идею бесконечности Вселенной, он рассматривал Млечный путь как основу для нового звездного супра-единства, в котором присутствуют высшие формы жизни.

⁸⁴ *Фехнер* — см. примеч. 467 к мистерии «София и Китоврас». В книге «Вопрос о жизни» Леон Бурдо, утверждая единство физического и психического, указывал на присутствие элемента психизма в самом эволюционном становлении. Наличие жизни он не считал принадлежностью только земли. Рассматривая «междукосмические синтезы», объединяющие небесные тела Вселенной, философ писал: «Разнообразие условий, при которых проявилась жизнь на земле, заставляет предполагать, что на других планетах или на их спутниках, при благоприятных к тому обстоятельствах, могла осуществиться иного рода флора и фауна, может быть, даже более высокой организации» (*Бурдо Л.* Вопрос о жизни. С. 173).

⁸⁵ См. примеч. 331 к мистерии «София и Китоврас».

⁸⁶ Было: «материальных эгрегоров».

⁸⁷ Хендрик Антон *Лоренц* (1863–1928) — нидерландский физик, создатель электронной теории.

⁸⁸ В конце XIX — начале XX в. в науке происходит пересмотр идеи эфира как мировой среды, выполняющей роль переносчика электромагнитных взаимодействий, и в частности света. Создание А. Эйнштейном специальной теории относительности привело к окончательному отказу от гипотезы мирового эфира.

⁸⁹ Вильям *Гершель* (1738–1822) — английский астроном и оптик. Впервые наметил общую формулу Галактики, выдвинул гипотезу сгущения звезд и их скоплений в диффузной материи, на основе которой построил свою концепцию эволюции материи Космоса.

⁹⁰ Уильям *Хэггинс* (1824–1910) — английский астроном, родоначальник астрофизики. В 1864 г. наблюдал спектры светящихся туманностей, доказал, что они являются газовыми.

⁹¹ Планетезимальная теория возникновения Солнечной системы была разработана американскими астрономами Томасом Кроудером *Чемберлином* (1843–1928) и Форестом Реем *Мультином* (1872–1952) в 1904 г. Разбору планетезимальной теории была посвящена известная Муравьеву статья Д. Дарвина «Теория эволюции Солнечной системы» в 3 вып. сборника «Новые идеи в астрономии» (Вып. 3. СПб., 1914. С. 1–18).

⁹² Джордж Френсис *Фицджеральд* (1851–1901) — ирландский физик, занимался вопросами электромагнетизма.

⁹³ Оливер Джозеф *Лодж* (1851–1940) — английский физик и изобретатель, в наследии которого значительное место занимают работы, посвященные проблеме мирового эфира (см.: *Лодж О.* Мировой эфир. Одесса, 1911).

⁹⁴ Муравьев ссылается на статью Э. Бело «Современные космогонические идеи» («Новые идеи в астрономии». Вып. 3. СПб., 1914. С. 72–103), в которой, критически рассматривая монистические космогонии, построенные на идее того, что Вселенная возникла из первоначальной однородной хаотической туманности, он противопоставлял им собственную дуалистическую космогонию, основанную на теории вихрей. Приведенные Муравьевым цитаты см. на С. 100, 101.

⁹⁵ Эрве Огюст *Фай* (1814–1902) — французский астроном. Василий Григорьевич *Фесенков* (1889–1972) — русский астроном, один из основоположников астрофизики, академик АН СССР.

⁹⁶ Норман *Локайер*, *Локьер* (1836–1920) — английский астроном и астрофизик, занимавшийся спектроскопическими исследованиями солнца и звезд, изучал солнечные пятна и протуберанцы. В третьем сборнике серии «Новые идеи в астрономии» (СПб., 1914. С. 104–110) была помещена статья А. Пуанкаре «Теория сэра Нормана Локайера», рассматривавшая выдвинутую Локьером теорию происхождения крупных звезд. Александр Евгеньевич *Ферсман* (1883–1945) —

геохимик и минералог, ученик В.И. Вернадского. Муравьев ссылается на его работу «Химические элементы Земли и Космоса» (Пб., 1923, глава «Космогонические теории и их современное значение». С 146–147).

⁹⁷ Герман Людвиг Фердинанд *Гельмгольц* (1821–1894) — немецкий физик, математик, физиолог и психолог. В 1847 г. в работе «О сохранении силы» математически обосновал закон сохранения энергии, показал его всеобщий характер. В 1882 г. применил второе начало термодинамики к химическим процессам, ввел понятия свободной и связанной энергий.

⁹⁸ Юлий Роберт *Майер* (1814–1878) — немецкий естествоиспытатель, сформулировавший в 1842 г. закон сохранения энергии. Джеймс Прескотт *Джоуль* (1818–1889) — английский физик. В 1843–1850 гг. установил, независимо от Ю.Р. Майера, превращение механической энергии в тепловую и экспериментально обосновал закон сохранения энергии, вычислив механический эквивалент теплоты.

⁹⁹ Никола Леонар Сади *Карно* (1796–1832) — французский физик, один из основателей термодинамики, идеи которого сыграли большую роль в открытии второго начала термодинамики, устанавливающего необратимость термодинамических процессов.

¹⁰⁰ *Адиабатические явления* — термодинамический процесс, который происходит в физической системе без теплообмена с окружающей средой. Для его протекания необходима система, окруженная теплоизолирующей (адиабатической) оболочкой.

¹⁰¹ Речь идет об идее тепловой смерти Вселенной. Впервые эта идея была высказана немецким физиком-теоретиком Рудольфом *Клаузиусом* (1822–1888) в качестве вывода из сформулированного им в 1850 г. второго начала термодинамики. В 1865 г. Клаузиус ввел понятие энтропии, указав на ее неизбежный рост при необратимых процессах. Распространив принцип роста энтропии на всю Вселенную, Клаузиус пришел к выводу о том, что постепенно вся мировая энергия превратится в теплоту, которая равномерно распределится в мире, приведя его к равновесному состоянию, исключающему всякое движение и развитие.

¹⁰² Муравьев перечисляет фамилии ученых, внесших свой вклад в исследование явления радиоактивности. Вильгельм Конрад *Рентген* (1845–1923) — немецкий физик, в 1895 г. открыл рентгеновское излучение. Мария *Склодовская-Кюри* (1867–1934) — французский физик и химик. В 1898 г. вместе с мужем П. Кюри открыла полоний и радий. *Томсон* — см. примеч. 32 к статье «Всеобщая производительная математика». *Рутерфорд* — Резерфорд. Написание фамилии Резерфорда как «Рутерфорд», используемая Муравьевым, была частой в работах первой трети XX века и представляла собой точную передачу английского написания фамилии: Rutherford. Муравьев также упоминает французского психолога, антрополога и историка Густава *Лебона* (1841–1931), автора популярной в начале XX в. книги «Эволюция материи» (рус. пер. 1912), которая способствовала развитию научных споров о природе материи и энергии.

¹⁰³ Вальтер Герман *Нернст* (1864–1941) — немецкий физик. Муравьев ссылается на его книгу «Мироздание в свете новейших исследований» (М.; Пг., 1923, сер.: Современные проблемы естествознания. Кн. 6), в которой была представлена теория образования и развития Вселенной, отрицающая перспективу тепловой смерти. Преобразуя теорию образования миров Канта-Лапласа, согласно которой солнце и планеты возникли из первичной рассеянной материи, В. Нернст показывал, что процесс образования новых небесных тел идет постоянно благодаря свойству радиоактивности: из «атомов элементов очень высокого порядкового числа» образуются сначала туманности, затем карликовые звез-

ды, отдавая энергию, постепенно охлаждаются и распадаются на радиоактивные элементы, атомы которых спустя некоторое время, вновь соединяясь, образуют новые звезды (Указ. соч. С. 34). Сам Нернст опирался при создании своей теории в том числе и на работы шведского химика и физика, одного из родоначальников физической химии Свана Августа *Аррениуса* (1859–1927), который в 1903–1907 г. высказал ряд идей об эволюции планет и в работе «Образование миров» подчеркивал, что, вопреки выводам термодинамики, вселенная находится в стационарном состоянии и рождается столько же новых звезд, сколько угасает (*Аррениус С.* Образование миров // Новые идеи в астрономии. Сб. 1. СПб., 1913. С. 29–46).

¹⁰⁴ Речь идет о метеоритной теории образования планет, выдвинутой в конце XIX в. бельгийским ученым, полковником Р. Дю Лигондесом. См.: *Дю Лигондес Р.* Космогонические гипотезы и положение солнечной системы во вселенной // Новые идеи в астрономии. Космогонические гипотезы. Т. 1. СПб., 1913. С. 101–138.

¹⁰⁵ Муравьев ссылается на финал статьи физика Ореста Даниловича *Хвольсона* (1852–1934) «Сохранение и рассеяние энергии» (1912). В этой статье, как и в ряде других статей и книг Хвольсон принципиально разводил понятие «мира» как той части универсума, которая лежит в границах восприятия и познания человека, и безграничной Вселенной. Открытые наукой физические законы, в том числе законы сохранения и рассеяния энергии, непреложны для «мира, доступного нашим наблюдениям», но этот мир не составляет «даже атома вселенной, остающейся нашему познанию недоступной», между тем как в ней, возможно, присутствуют «такие явления, которые спасут наш маленький мир от последствий рассеяния энергии» (*Хвольсон О.Д.* Популярная статья и речи. Пг., 1923. С. 94).

¹⁰⁶ Муравьев ссылается на статью О.Д. Хвольсона «Основные положения термодинамики» (1912) // Там же. С. 95–138, анализ обратимых и необратимых процессов дан на С. 109–117.

¹⁰⁷ Данная цитата написана Муравьевым на обороте листа. По всей вероятности, философ дает ее в собственном переводе. Источник цитаты не установлен.

¹⁰⁸ Муравьев отсылает к книге немецкого физика Феликса Ауэрбаха (1856–1933) «Эктропизм, или Физическая теория жизни» (СПб., 1911), в которой органическая жизнь, творческая деятельность человека и техника рассматриваются как факторы борьбы с энтропией.

¹⁰⁹ В рукописи этот абзац зачеркнут. Абзац «Мы видим, таким образом...» расположен на следующей странице. Нумерация страниц на полях позволяет предположить, что в данном месте текста потеряны 1 или 2 машинописных страницы.

¹¹⁰ Утверждая представление об антиэнтропийной сущности жизни и деятельности живых существ, Муравьев, в частности, опирается на труды А.Е. Ферсмана (см. примеч. 96). В цитируемой брошюре «Химические проблемы промышленности» (Л., 1924), представлявшей собой доклад ученого в химической секции Всероссийского Союза Инженеров (состоялся 29 октября 1923), А.Е. Ферсман подчеркивал что в процессе научно-технического развития деятельность человека «принимает характер крупного геохимического и геологического фактора» (Указ. соч. С. 15), что эта деятельность, «как и вообще проявление жизнедеятельности всякого организма, сводится к накоплению энергии и к постепенной ее трате в промышленном процессе» (Указ. соч. С. 47). В подтверждение своей мысли Ферсман приводил цитату из статьи французского ученого Виктора Анри «Энергетика жизни» («Природа». 1917. № 4. С. 443–356), указывавшего на роль живой материи в процессе накопления энергии. Впрочем, сам Ферсман подчеркивал, что существующие формы концентрации энергии в промышленной деятельности человека лишь временно задерживают «неумолимый закон

рассеяния энергии и вещества» и указывал на перспективы использования новых веществ, и прежде всего легких металлов природы, таких как алюминий и кремний (С. 49).

¹¹¹ Муравьев реферирует параграф «Перераспределение человеком химических элементов на земной поверхности» из книги А.Е. Ферсмана «Химические проблемы промышленности».

¹¹² Муравьев отсылает к главе «Перераспределение элементов в космосе» из книги А.Е. Ферсмана «Химические элементы Земли и Космоса» (Пб., 1923). Рассматривая различные факторы, влияющие на это перераспределение (среди них первенствующее место принадлежит силам мирового тяготения, светового давления, радиоактивного распада и излучения, диффузии, а также движению космических тел, падению метеоритов, дифференциации магмы и т. д.), он отмечал и «влияние органического мира и деятельности человека». При этом Ферсман ссылаясь на Вернадского, придававшего «живому веществу огромное значение в процессах миграции и перегруппировки химических элементов» (Указ. соч. С. 115, 124).

¹¹³ См. примеч. 95 к «Овладению временем».

[РИТМ И КУЛЬТУРА]

Печатается по: к. 20, ед. хр. 16, л. 5–9; к. 14, ед. хр. 4, л. 37–38.

Фрагмент первоначального текста работы «Культура будущего». Машинопись с авторской правкой.

¹ *Аристид Квинтиллиан* (III или IV в. н. э.) — греческий грамматик, автор трактата «De musica», обобщившего древнегреческое учение о музыке.

² См. примеч. 29, 30 к работе «Культура будущего».

³ *Винченцо Джоберти* (1801–1852) — итальянский философ, публицист, политический деятель. Целостное изложение философских идей Джоберти было дано В.Ф. Эрном в монографии «Философия Джоберти» (М., 1916), с которой был знаком Муравьев.

⁴ См. примеч. 31 к работе «Культура будущего».

ИМПРОВИЗАЦИЯ В НАРОДНОМ ТЕАТРЕ

Печатается по: к. 12, ед. хр. 10.

Оригинал — машинопись с правкой простым карандашом. Текст машинописи вложен в двойной тетрадный лист большого формата, на котором от руки перьевой ручкой написано название статьи: «Импровизация в народном театре». Текст названия зачеркнут, простым карандашом вписано новое название: «Русский народный театр». Однако в машинописном тексте статьи сохранено название «Импровизация в народном театре», которое, в свою очередь, заменило первоначальное название статьи «От театра импровизации к массовому театру» (см. примеч. 1).

Среди бумаг Муравьева сохранился набросок плана данной статьи, свидетельствующий о серьезности интереса философа к народному театру. Философ рассматривал фольклорную драму в контексте своей философии русской

истории, подчеркивал ее роль в «выявлении народного характера», создании «коллективно выработанных типов», в которых кристаллизуются искания и порывы русской души. Видя в народном театре творческий и духовный источник, о котором не должно забывать современное театральное искусство, он намечал перспективу развития импровизационного театра: «Задача в том, чтобы прикоснуться к корням и продолжить древнее искание типов в виде создания современных типов, которыми так богата Революция» (к. 19, ед. хр. 1, л. 122).

Коротко обозначив основные идеи статьи, Муравьев перечислил в наброске те историко-литературные сочинения, которые использовались им для изучения истории народного театра. Это книга Е.В. Петухова (см. примеч. 13), «История русской словесности» И. Порфирьева (Ч 1–2. Казань, 1909), «История русской литературы» А.Н. Пыпина (Т. 1–4. СПб., 1898–1899), антология «Допетровская литература и народная поэзия» (см. примеч. 4) и др.

¹ Название статьи и ее начало со слов «В настоящее время некоторые театральные направления...» до слов «но заглушенных...» напечатано на отдельном листе и приложено к машинописи статьи. Соответственно на первой странице машинописи зачеркнуто первоначальное заглавие «От театра импровизации к массовому театру» и несколько строк текста.

² *Commedia dell'arte (umal.)* — комедия масок, импровизированное театральное представление по краткому литературному сценарию, в котором обозначены основные моменты сюжета. Сложилась в середине XVI в. в Италии на основе традиций народного театра. Характерной чертой *comedia dell'arte* явилось постоянство персонажей — «масок», кочующих из одного спектакля в другой; велика в ней была и роль любовной интриги.

³ Речь идет о характеристике образа Ставрогина в подготовительных материалах к роману «Бесы»: «Это просто тип из коренника, бессознательно беспокоимый собственно типическою своею силою, <...> не знающею, на чем основаться» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 8. СПб., 1906. С. 597).

⁴ Свт. Димитрий, митрополит Ростовский (1651–1709), духовный писатель, проповедник, был автором драматических произведений на священные сюжеты: «Рождественской драмы» и «Успенской драмы».

⁵ Муравьев цитирует введение к разделу «Народная драма», помещенному в хрестоматии: *Алферов А., Грузинский А.* Допетровская литература и народная поэзия. Тексты, переводы, примечания, словарь. М., 1907. С. 358. В разделе были представлены игровые песни «А мы просо сеяли», «Вдоль по улочке, вдоль по широкой», описание обряда похорон Костромы, народное представление «Медведь», образцы «Вертепной драмы» с описанием, народная кукольная комедия «Петрушка», фрагменты «Рождественской драмы» Дмитрия Ростовского, интерлюдии XVII — XVIII в., пьеса «Царь Максимилиан» (С. 358–394). На эти источники Муравьев активно опирается в своей статье.

⁶ Муравьев цитирует в собственном переводе главу «О тридцати двух царских вопросах и соборные ответы по главам» из «Стоглава», памятника деяний церковного собора 1551 года, собранного Иваном Грозным для упорядочения и регламентации норм церковной жизни: Стоглав. СПб., 1863. С. 138–142.

⁷ Там же. С. 137.

⁸ Речь идет о немецком ученом, историке, лингвисте, этнографе Адаме *Олеарии* (1599–1679), несколько раз бывавшем в России. Его «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (1647) ярко фиксирует повседневную жизнь Московского Царства, обычаи, традиции, бытовые

картины. Среди прочего Олеарий описывает и кукольные представления театра Петрушки (сцену продажи лошади цыганом).

⁹ Фраза принадлежит писателю, актеру И.Ф. Горбунову и впервые звучит в его «Сценах купеческого быта» (1861). Вслед за Горбуновым эту фразу, обозначающую самодурство, употребляли многие русские писатели, в том числе А.Н. Островский и Ф.М. Достоевский.

¹⁰ *Пикельгеринг* — (букв.: «маринованная селедка») персонаж английских комедий, пройдоха, обжора, весельчак. Обычно его роль не была связана с сюжетом пьесы, представляла собой импровизацию.

¹¹ *Гансвурст* — (букв.: «Иван-колбаса»), персонаж немецкого народного театра, ставший в XVII в., наряду с Пикельрингом, главным действующим лицом комических интермедий.

¹² *Иоганн Фельтен* (1644–1692) — руководитель труппы странствующих комедиантов (так называемой «Знаменитой банды»), один из родоначальников немецкого профессионального театра. В репертуаре труппы Фельтена были как профессиональные пьесы (впервые в Германии были показаны трагедии Корнеля, комедии Мольера), так и импровизационные спектакли.

¹³ В 1702 г. в Москве по велению Петра I создается публичный театр, для которого строится «комедиальная храмина» на Красной площади. В театре выступает приглашенная царем немецкая труппа под руководством *И.Х. Кунста*, после смерти которого труппу возглавляет О. Фюрст (*Фирст*).

¹⁴ Эти данные Муравьев приводит по книге Е.В. Петухова: *Петухов Е.В.* Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Пг., 1916. С. 244–245.

МАТЕРИАЛЫ К РАБОТЕ «ОВЛАДЕНИЕ ИСТОРИЕЙ»

В настоящем разделе печатаются материалы к работе «Овладение историей», над которой Муравьев работал в 1926 г. В набросках и развернутых планах глав звучат темы, особенно занимавшие мыслителя в 1920–1923 гг.: тема религиозно-оправдания истории, мессианизма, соборного действия. Новый виток интереса к этим проблемам, к христианской философии истории был вызван посещением осенью 1926 г. Нового Афона (см. в Т. 1 наст. изд. подборку «О духовной культуре, Новом Афоне и монашестве»).

Название задуманной историософской работе Муравьев дал по аналогии с названием своей собственной книги «Овладение временем», вышедшей в свет в 1924 г. Была ли работа завершена, неизвестно.

¹ Печатается по: к. 12, ед. хр. 1, 2. Текст представляет собой развернутый конспект первой части работы. Оригинал — машинопись с правкой рукой Муравьева.

² Превосходящая сила (*лат.*). В римском гражданском праве так назывались те стихийные бедствия (наводнения, землетрясения, пожары и т. д.), которые делали невозможным исполнение того или иного обязательства.

³ См. примеч. 25 к «Овладению временем».

⁴ Одно из значений латинского прилагательного «*concretus*» — густой, уплотненный, сгущенный, значения глагола «*concreresco*» — срастаться, уплотняться, слагаться, образовываться, возникать.

⁵ *Ариман* — в зороастризме дух зла и вражды, властелин мрака, болезни и смерти, противостоящий Ормузду, светлому божеству, источнику добра и жизни.

⁶ *Ларвы* — в древнеримской мифологии злые духи, души умерших насильственной или безвременной смертью. Ларвы враждебны людям, принимая вид привидений, преследуют и мучают их.

⁷ Библейское «Будете как Боги» (Быт. 3:5) Муравьев соединяет со словами 81 Псалма: «Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы» (Пс. 81:6), ставит в новозаветный контекст, где Христос отвечает на обвинение иудеев, что Он, будучи человеком, делает Себя Богом: «Не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги?» (Ин. 10:34). Рассматривая эти слова в контексте христианской идеи преображения, философ сопрягает их и со знаменитой формулой Афанасия Великого и Василия Великого: «Бог вочеловечился, чтобы мы обожились».

⁸ Жанна Мария *Гюйон* (1648–1717) — духовная писательница и проповедница, основательница квиетизма во Франции. По убеждению Ж.М. Гюйон полнота соединения с Богом достигается через полноту отречения от самости, особенности своего «я», всецелое предание своей воли, мысли и чувства Творцу, через растворение в Боге. Когда личность достигает полноты такой самоотдачи, тогда «все возвращается»: как Иову, лишившемуся всего, Господь «возвратил все: имущество детей, здоровье и жизнь», «то же происходит и с теми, кто распят и погребен со Христом, а затем возрожден к обновленной жизни, получая назад все и чудесную возможность использовать все эти блага безгрешно, без привязанности к ним и собственной выгоды, в соответствии с Божественной, а не человеческой природой» (*Гюйон Ж. Познавание глубин Иисуса Христа. Достигая совершенства.* СПб., 2004. С. 239–240).

⁹ Алексис *Мейнонг* (1853–1920) — австрийский психолог и философ, автор учения о предметах сознания, которые он разделял на элементарные предметы, чувственные данные (цвета, звуки и др.) и «предметы высшего порядка» (формы или структуры).

¹⁰ Речь идет об ап. Павле. Первоначально носил имя Савл и был гонителем христиан, однако после обращения, произошедшего с ним на пути в Дамаск, когда его озарил небесный свет и он услышал глас Господень, стал ревностным проповедником Христа.

¹¹ Муравьев отсылает к двенадцатой главе одиннадцатой книги «Метафизики» Аристотеля (*Аристотель. Сочинения.* Т. 1. С. 296).

¹² По собственной инициативе (*лат.*).

¹³ В книге «Единственный и его собственность» (1844, рус. пер. 1918) немецкий философ Макс *Штирнер* (1806–1856) подчеркивал, что социальные идеалы и нормы, представляющие собой отвлеченные образования, не имеют никакого отношения к конкретному единичному «я». Задача личности — реализация собственной свободы, что же касается социума, то он представляет собой сообщество самостей, и в его основе лежат эгоистические интересы тех или иных лиц.

¹⁴ Эти три социальных закона были выведены Г. Тардом (см. примеч. 60 к работе «Культура будущего») в книгах «Законы подражания», «Всемирное противоположение» и «Социальная логика» и затем обобщены в работе «Les lois sociales» (рус. пер.: Социальные законы. СПб., 1900).

¹⁵ Уильям *Мак-Дугалл* (1871–1838) — англо-американский психолог. Разработал концепцию личности, опирающуюся на идеи монадологии Г. Лейбница: личность как система «потенциально мыслящих и стремящихся монад», обретающих свой центр в «высшей монаде» — «самости», управляющей душе телесной жизнью человека. В книге «Групповое мышление» (1920) показал влияние на психологию индивида национальных и культурных структур.

¹⁶ Далькроз, Бюхер — см. примеч. 31, 67 к работе «Культура будущего». Нина Георгиевна Александрова — теоретик и практик ритмического воспитания, одна из любимых учениц Ж. Далькроза. В 1919 г. создала в Москве Институт ритмического воспитания, была председателем Ассоциации Ритмистов при ГАХН. В своих выступлениях и теоретических работах подчеркивала организующее значение ритма. Ритм является началом гармонии и в социуме, и в мироздании, ибо сама вселенная «создалась путем ритмизации хаоса» (Александрова Н.Г. Ритмическое воспитание. М., 1924. С. 5). Аритмия говорит о неблагополучии физического организма и о нестроениях в сфере духа, она есть болезнь европейской культуры, и против нее надо бороться. Бороться с помощью ритма, «жизненной всеобъемлющей и всепроникающей силы», которая «может быть и поэтому должна стать орудием воспитания» (Александрова Н.Г. О ритмическом воспитании (М., 1920, С. 1). Особое внимание обращала Александрова на социальную сторону ритмического воспитания: оно «способствует наиболее полному выявлению человека, как члена коллектива, в различных областях жизни и как творческой личности в искусстве» (Александрова Н.Г. Ритмическое воспитание. С. 1).

¹⁷ Муравьев отсылает к традиции христианской мысли, в которой любовь понималась как высший, должный принцип связи вещей и существ, основа подлинного всечеловеческого единства (соборность славянофилов, идея обращения государства в Церковь у Ф.М. Достоевского, общество «по типу Троицы» Н.Ф. Федорова и др.). Такое понимание восходило к учению о любви ап. Павла и ап. Иоанна Богослова, к их призывам: «Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога» (1 Ин. 4:7), «Достигайте любви!» (1 Кор. 14:1).

¹⁸ См. примеч. 264 к мистерии «София и Китоврас».

¹⁹ Муравьев ссылается на свою книгу «Овладение временем как основная задача организации труда». Термином «ипостасийность», в силу цензурных соображений, он в этой книге не пользуется, однако суть понятия излагает в главе «Овладение временем в сознательных системах».

²⁰ Муравьев отсылает к книге Илариона «На горах Кавказа» (1907). См. примеч. 3 к статье «Религиозно-философским статьям и заметкам».

²¹ Муравьев отсылает к операм-мистериям Р. Вагнера «Парсифаль» (первое представление — 1882) и Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» (первое представление — 1907).

²² Муравьев, следуя отечественной религиозно-философской традиции (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев), сравнивает учение К. Маркса о переходе от капитализма к социализму с мессианскими чаяниями иудаизма. Ярким выразителем этих чаяний был *Иезекииль*, третий из так называемых великих пророков Ветхого завета. В своих пророчествах, произнесенных после разрушения Иерусалима и храма (586–571), утешал впавших в отчаяние иудейских пленников и рисовал картину будущего восстановления Царства Израиля.

²³ См. примеч. 11 к «Наброскам к работе о мессианском акте».

²⁴ Печатается по: к. 12, ед. хр. 3, 4; к. 13, ед. хр. 15, л. 1–4, 6; к. 11, 189, к. 11, ед. хр. 16б, л. 2.

²⁵ При анализе трудового процесса Муравьев использует терминологию НОТ, и прежде всего понятие установки, сформулированное и развитое в работах А.К. Гастева. Гастев подчеркивал ключевую роль организационных установок (алгоритмы совершения определенных действий) и установок биологических (реакция организма «на данную организационную установку») в процессе труда (Гастев А.К. Трудовые установки. Структура. Анализ. Обоснование. Курсы. М., 1924. С. 267–271). Муравьев намеревался посвятить понятию «установ-

ка» отдельную статью. В его архиве сохранились материалы к данной статье и небольшой фрагмент текста:

«УСТАНОВКА есть первичный статический элемент всякого действия. Совокупность установок в пространстве и времени создает динамический процесс, подобно тому как совокупность неподвижных изображений в кинематографе создает движущиеся картины фильма. Установка есть поэтому как бы статический разрез связанных неразрывно пространства-времени, представляющих, согласно Минковскому и Эйнштейну, не два различных явления, а один физически-геометрический комплекс. Но установки, из которых складывается пространственно-временной процесс, привносят в него еще один определяющий момент — момент организации. Установка есть элемент не просто пространства-времени, но части его (зоны), организованной в виде зоны для определенной цели. Тем самым комплекс этот становится приспособлением. Он получает направленность, становится управляемым и подвластным человеческой разумной воле. И каждая установка вследствие этого играет роль действительного вектора, указывающего в проекции направление движения процесса.

Из такого определения установки вытекает ряд следствий:

1) Всякий процесс может быть разложен на составляющие его установки, так же как геометрическая кривая может быть разложена на определяемые координатами точки. Как бы ни был огромен процесс, можно себе представить его статическим, застывшим вне времени — и это будет установкой данного момента для рассматриваемого целого. Такими же установками будут все организованные части этого процесса, если брать их в неподвижности. Это будет верно вплоть до наименьшей ячейки пространства-времени, если только эта ячейка приспособлена к выполнению известного задания.

2) Также можно слагать процесс из имеющихся установок посредством связывания их во времени и в пространстве. Возможно сложение их в одном времени, как это имеет место для последовательных, сменяющих друг друга установок при развивающемся действии. Возможны и другого рода их сложения в виде усложнения пространственного и функционального. К последнему типу принадлежит, например, переход от установки станка к установке целого предприятия или учреждения.

3) Изменением порядка сложения установок можно получить новые процессы, каковое свойство установок и лежит в основе всякой организации. Организация есть искусство складывать, вычитывать, умножать, делить, дифференцировать и интегрировать установки. Возможно найти такие же определенные и точные математические законы для производства, какие в настоящее время имеются для операций над числами. Отсюда важнейший теоретический и практический вывод: *установка есть для человеческого материально-психосоциального действия такой же элемент, каким число является для математических вычислений.* И самое глубокое значение метода установок в конце концов сводится к тому, что обнаружен этот основной элемент действия, давно искомый мыслителями и практическими деятелями. Остается вывести в строгой и общеобязательной форме правила упорядочения установок, их размещения и координации в пространстве и времени.

3) Умение владеть установками и составлять процессы из их совокупностей дает человеку могущественное орудие для управления природой. Исходя из доступной ему установки, хотя бы самой незначительной по размерам и кругу действия, работник является каталитическим ферментом, преобразующим окружающую среду. Мир изменяется в результате его разумного воздействия. Отсюда колоссальное социальное и даже космическое значение установочного мето-

да. Последний сознательно или бессознательно является основным методом строительства всякой культуры. Культура же будущего должна вполне им овладеть и осознать ту силу, которую он дает организованным человеческим коллективам.

В настоящее время термин «установка» употребляется в различных смыслах, и часто применение его расширяется так, что содержание его расплывается и смысл нередко затемняется. Создается неопределенность, затрудняющая систематическое выведение тех правил, основа которых дается четким выделением этого понятия.

Если же придерживаться указанного выше понимания термина «установка» и, быть может, еще строже ограничить рамки его использования, оно может в самом деле стать рычагом для новой организационной науки, построенной на вполне твердом базисе. Благодаря ему, приемы точных наук могут быть распространены на области, до сих пор не поддававшиеся методам вычисления и расчета. Таковы области биологии, психологии, экономики, социологии — вообще, все области, где от совокупностей предметов, доступных физике и математике, мы переходим к более сложным совокупностям биопроцессов. Таким образом, будет создана настоящая биомеханика и социальная инженерия вместо современных, еще несовершенных, их проявлений. В этом отношении, быть может, можно сравнить установку по значению этого понятия с идеей дифференциалов, открытие которых Ньютоном и Лейбницем позволило разложить всякий динамический процесс на статические элементы и затем слагать эти элементы в новые сложные совокупности, что обеспечило возможность развития современной техники. Понятие установки может сыграть для всей области человеческого социального действия ту же роль, какую дифференциалы сыграли для точных наук. Установочный метод может стать точным методом науки в области экономики и культуры.

Не случайно, конечно, что термин «установка» связан со станком. Станок есть не что иное, как последний результат долгой эволюции культуры от изобретения первых орудий до современного машинного века. Преимущество станка над сложной машиной в том, что станок связан непосредственно с человеком как работником. Станок есть расширенный работник, добавленная к телу последнего механическая аппаратура. Действие станка есть действие вооруженного приборами работника. И так как машина есть дальнейшее расширение этого аппарата, а предприятие еще дальнейшее, естественно, что путь к построению и использованию машины лежит через промежуточную между человеком и этим сложным образованием стадию — через стадию построения и использования станка.

Исходя из указанного термина «установка», можно систематически, следуя по пути, намеченному А.К. Гастевым, разработать все отрасли науки об организации труда, производства и управления (к. 20, ед. хр. 7, л. 1–3).

²⁶ В архиве В.Н. Муравьева сохранилось начало машинописи статьи «Пространство и труд», главный тезис которой: «Всякий производительный труд побеждает пространство» (к. 20, ед. хр. 5).

²⁷ Муравьев отсылает к книге А.К. Гастева «Трудовые установки», посвященной анализу трудового процесса и изложению методики ЦИТа, которая строилась на основе «постепенной нагрузки сложности работы, величины работы и психологической мобилизованности работника», ведя от простого подра-

жания («имитационных трудовых приемов») к «натуральной работе и к рациональному трудовому приему» (*Гастев А.К. Трудовые установки*. С. 97).

²⁸ См. примеч. 21 к мистерии «София и Китоврас».

²⁹ Муравьев ссылается на издание: *Мах Э. Познание и заблуждение*. М., 1909.

³⁰ *Франк. Предмет знания* — Муравьев ссылается на книгу С.Л. Франка «Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания» (Пг., 1916), в которой философ выдвинул идею истинного познания, нераздельного с бытием, «знания-жизни, где субъект <...> не противопоставлен объекту, а знает объект в силу того, что слит с ним в самом бытии» (Указ. соч. С. IV). *Гештальтлере (Gestaltlehre)* — имеется в виду учение о «гештальтах» (от нем. Gestalt — фигура, форма, образ), разработанное в 1890 г. австрийским философом Х. фон Эренфельсом и легшее в основу гештальтпсихологии, возникшей в Германии в 1910-х гг. Согласно этому учению, единицами сознания и психической жизни являются гештальты как целостные образы и впечатления, не сводимые к своим частям.

³¹ Муравьев отсылает к работам крупнейших исследователей коллективной психологии Г. Тарда и Г. Лебона. Г. Тард в работе «*La foule criminelle*» (Paris, 1892, рус. пер.: «Преступления толпы», Казань, 1893), исследуя на основании своей теории подражания поведение масс, считал определяющим свойством толпы «единодушие», однородность идей и убеждений, враждебность всякому личному творчеству. С точки зрения Тарда, толпа среди других общественных организмов есть явление низшего порядка, шаг назад в социальной эволюции. «Слепая игрушка своих инстинктов и рутинных привычек», она преступна и деструктивна. Что касается Г. Лебона (см. примеч. 102 к «Культуре будущего»), рассматривавшего поведение человеческих коллективов в книге «Психология народов и масс» (рус. пер.: СПб., 1896), то он не был согласен со столь радикальной оценкой стихийно возникающих социальных целых. Во всяком собрании индивидов, подчеркивал он, образуется как бы «коллективная душа», заставляющая индивидов «чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности». Людская общность — не бесформенное месиво, она организована и одухотворена, подчинена «закону духовного единства толпы». И то, будет ли толпа преступной или же окажется способной к героическим поступкам, возвышая входящих в нее индивидов, напрямую зависит от того, какие идеи, какие внушения одушевляют ее, формируют ее коллективную душу (Указ соч. С. 162, 165, 171–172).

³² Муравьев отсылает к тем главам книги О. Вейнингера «Пол и характер» (М., 1909), в которых речь идет о понятии «я». Исходя из убеждения, что «человек есть <...> такое существо в природе, которое находится в связи со всеми находящимися в ней вещами», Вейнингер выстраивает свою концепцию личности, видя полноту ее развития, ее гениальность в способности «жить в состоянии всеобщей сознательности, которая есть сознательность всеобщего» (Указ соч. С. 232).

³³ Ссылка на диалог Платона «Парменид», посвященный проблеме единого и множественности. Подробнее см. примеч. 292 к мистерии «София и Китоврас».

³⁴ Ссылка на книгу «Овладение временем» (глава «Организация реальной культуры»), § 2).

³⁵ Муравьев отсылает к заключению книги английского мыслителя, писателя и общественного деятеля Эдуарда Карпентера «Любовь и Смерть»: «Смерть, как и любовь, кажутся нам теми неизбежными дверями, через которые мы должны пройти на своем пути из одной фазы существования в другую» (*Карпентер Э. Любовь и Смерть*. Пг., 1917. С. 195).

Печатается по: к. 12, ед. хр. 15, л. 5–109; к. 13, ед. хр. 15, л. 20 об.

Серия набросков к работе о мессианском акте была сделана В.Н. Муравьевым в 1925 г. Тема мессианского действия, тесно связанная с темой оправдания истории, занимала мыслителя с начала 1920-х гг. В публикации под цифрой [1] идут наброски, сделанные в черной общей тетради на вложенных в нее листах (к. 12, ед. хр. 15). В тетради сначала дан общий план работы, затем на каждом отдельном листе выписаны подтемы (это свидетельствует о том, что Муравьев предполагал в перспективе прописать содержание каждой из подтем, связанных с характеристикой мессианизма). Под цифрой [2] помещен план, сделанный на большом листе и хранящийся в папке набросков к работе «Овладение историей» (к. 13, ед. хр. 15).

¹ См. примеч. 107 к «Овладению временем».

² Так в тексте.

³ Так в тексте.

⁴ Темы, обозначенные в пунктах 50–55, отчасти уже были развернуты Муравьевым в первой и второй редакциях мистерии «Софии и Китоврас», фило-софском дневнике 1920–1922 гг.

⁵ Муравьев называет двух представителей *польского мессианизма*, комплекса идей, характерных для польской парижской эмиграции второй четверти XIX в. Поэт и мыслитель *Адам Мицкевич* (1798–1855) в книге «Вселенская церковь и мессианизм» («L'Église universelle et le messianisme». Paris, 1845) выдвинул идею великой Польши, призванной после достижения независимости стать опорой католической Европы, центром объединения западных славян. Если Мицкевич основывал польский мессианизм на религиозном национализме, то философ *Хэне Вронский* (1776–1853) стоял на позициях христианского универсализма, полагая, что Польша в союзе со всем славянством должна положить начало новому нравственно-религиозному строю мира.

⁶ См. примеч. 22 к «Религиозно-философским статьям и заметкам».

⁷ Муравьев ссылается на философию музея как средоточия воскрешающей памяти, развитую Н.Ф. Федоровым (см.: *Федоров*, II, 370–437).

⁸ *St. Marten (Сен-Мартен)* — см. примеч. 98 к «Овладению временем», *De Maistre — Жозеф де Местр* — см. примеч. 280 к мистерии «София и Китоврас».

⁹ *Амени* — царь, который, согласно пророчеству египетского жреца Неферти, жившего в эпоху перехода от Древнего к Среднему Царству, явится с юга, восстановит былую мощь Египта, объединит страну, создаст царство правды и «примирит любовью Хора и Сета». Характеристику Амени Муравьев дает по книге Б.А. Тураева «История Древнего Востока» (Т. 1. СПб., 1913. С. 246). В одном из набросков философ называет Амени «египетским Мессией» (к. 14, ед. хр. 5, л. 22).

¹⁰ *Маззини, Мадзини* — см. примеч. 389 к мистерии «София и Китоврас».

¹¹ Муравьев ссылается на описание Иудейского восстания 66 г. и последовавшей за ним войны Иудеи против Рима, представленного в 4 томе «Истории происхождения христианства» Э. Ренана. Муравьев видит аналогии в описании Ренаном расстановки сил внутри иудейского общества перед революцией, в его характеристике главной движущей силы восстания: «всякого рода экзальтированные сектанты, зилоты, секари, ассасины, странная смесь нищенствующих

фанатиков, доведенных до крайнего бедствия несправедливостями и насилиями саддукеев», наконец, в самой идеологии восстания, пронизанной чаяниями мессианского Царства (*Ренан Э. История происхождения христианства*. В 7 кн. Кн. 4. Антихрист. М., 2009. С. 132–133, 137).

¹² См. примеч. 29, 159 к мистерии «София и Китоврас».

¹³ См. примеч. 119 к мистерии «София и Китоврас».

¹⁴ *Инок Филофей, Пересветов* — см. примеч. 28 к мистерии «София и Китоврас» и 24 к «Философским диалогам».

¹⁵ Семен Иванович *Гамалея* (1743–1822) — мистик, масон, один из активных деятелей кружка Н.И. Новикова.

¹⁶ «Здравствуй, Цезарь, воскресающие приветствуют тебя» — парафраз приветствия римских гладиаторов «Ave, Caesar, morituri te salutant» («Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть, приветствуют тебя»).

¹⁷ Франтишек *Палацкий* (1798–1876) — чешский историк, философ, политический деятель, представитель чешского культурного возрождения первой трети XX в., автор пятитомной «Истории народа чешского в Чехии и Моравии».

¹⁸ См. об этом диалог Софии и Китовраса в 5 ночи.

¹⁹ Александр Федорович *Лабзин* (1766–1825) — поэт, публицист, активный деятель русского масонства. Автор, переводчик, издатель многих религиозно-нравственных и мистических сочинений. В 1800 г. создал в Санкт-Петербурге ложу «Умиряющий сфинкс», был издателем журнала «Сионский вестник» (1806–1807).

МАТЕРИАЛЫ К РАБОТЕ «ФИЛОСОФИЯ ДЕЙСТВИЯ»

Замысел работы, посвященной целостному обоснованию проблемы действия, В.Н. Муравьев вынашивал с начала 1920-х годов. Наброски к ней были сделаны в дневниковых записях 1920–1922 гг. (см., в частности: к. 17, ед. хр. 14 а–в). Так, запись от 16 декабря 1921 г. целиком посвящена проблеме философии действия, раздвоенности акта мысли и действительного акта и необходимости прийти к «такой мысли, которая была бы неразрывно связана с делом, которая все время по мере своего выражения максимально осуществлялась бы» и, с другой стороны, «к такому действию, которое было бы все время направляемо и подчиняемо мысли». Здесь говорится о действии как «целостном творческом акте, в котором участвуют все способности человека», о «логике действующего я» как «логике строго имяславческой», о необходимости «классификации человеческих действий по признаку возрастающей их полноты и целостности» (к. 17, ед. хр. 14б, л. 11, 13; к. 17, ед. хр. 14а, л. 4, 13) Запись от 21 сентября (неясно — 1921 или 1922 г.) рисует конфликт между стремлением к мысли и стремлением к действию в самой душе автора: «Я всегда был разорван между двумя видами стремлений. С одной стороны — идеи, теории, познание, нахождение последней истины, религиозной абсолютной основы и цели. С другой — практика, действие сейчас и здесь, в данных, конкретных индивидуальных, исторических условиях. При этом идея моя всегда стремилась осуществиться, слиться с действием, действие же стремилось возвыситься, расшириться, освятиться до идеи. Я чувствовал, что могу обрести полноту жизни и творчества, а также полноту мысли только в синтезе этих двух устремлений, только при встрече их и органическом сочетании» (к. 17, ед. хр. 14 в, л. 11 об.). Далее исповедь плавно переходит в диалог Софии и Китовраса о действии, и размышление о действии дается уже от лица героини: «Пробовала я жить совершенно обособленно в обеих областях,

быть практиком, политиком в одной и совершенно независимо, отдельно, в другом масштабе — философствовать. Но это была слепая практика и бездейственная философия» (Там же, л. 21).

В архиве Муравьева сохранились фрагменты, свидетельствующие о том, что в первой половине 1920-х гг. он приступал к написанию «Философии действия». Можно предположить, что какой-то вариант текста был им создан, однако затем использован в других сочинениях, в частности, в работе «Овладение временем» (§ 3 шестой главы этой работы носит название «Философия действия»).

В записной тетради 1926 г. в записях за декабрь находим планы и наброски к темам «философия призвания» и «философия действия». Здесь произведено выделение моментов действия, среды, материала, средств, введены разделы «ограничение системы» и «расширение системы», говорится о сознаниях-ипостасях и т. д. (к. 21, ед. хр. 1, л. 47–53, 55–59). На основании этих набросков в 1928 г. Муравьев делает второй приступ к написанию философии действия. Сохранились две редакции развернутого конспекта работы.

¹ Печатается по: к. 14, ед. хр. 5 л. 197; к. 18, ед. хр. 13, л. 2–5, 22–25; к. 14, ед. хр. 4, л. 1–2, 11–13. Датируется первой половиной 1920-х гг. Позднее ряд фрагментов текста Муравьев включил в «Афоризмы».

² *Coincidentia oppositorum* (совпадение противоположностей) — философский метод соединения противоположностей в единстве, лежащем в их основе. Разработан философом, церковным деятелем, математиком Николаем Кузанским (1401–1464).

³ Печатается по: к. 11, ед. хр. 18, л. 47–48; ед. хр. 3, л. 13.

⁴ Пропуск в тексте.

⁵ Печатается по: к. 11, ед. хр. 17, л. 8. План работы «Философия действия». В архиве Муравьева хранится и другой план работы «Философия действия», соединяющий проблему действия и концепцию мессианского акта:

«I. Критика системы объективных истин.

II. Несоответствие мысли и действия.

III. Философия *Действия*.

IV. Минимальный и максимальный акт.

V. Мессианский акт — Классификация актов.

VI. Структура мессианского акта.

1) Субъективность.

2) Универсальность.

3) Соборность.

4) Воскрешение.

5) Преображение — Евангелие всемогущества.

VII. Система мессианских актов — История.

Каждый акт есть акт мессианский.

VIII. Конкретные мессианские акты.

Система мессианских актов

I. Каждый акт есть акт мессианский.

II. История как ряд мессианских актов.

III. Мессианские акты древности.

IV. Христианство.

V. Гуманизм.

VI. Социализм.

VII. Новый акт.

Философия действия

- I. Неудовлетворительность системы объективных истин.
- II. Несоответствие мысли и действия.
- III. Определение мысли и действия. — Действие и множественность.
- IV. Необходимость философии действия.
- V. Минимальный и максимальный акт.
- VI. Классификация актов. Мессианский акт.

Структура мессианского акта

- I. Субъективность.
- II. Универсальность.
- III. Соборность.
- IV. Воскрешение.
- V. Преображение — Евангелие всемогущества» (к. 18, ед. хр. 4, л. 60).

⁶ Печатается по: к. 13, ед. хр. 16, л. 1–6.

⁷ Речь идет о системе рассуждений И.Г. Фихте: полагание «я» требует для своего осуществления существования «не-я» и наоборот.

⁸ Я мыслю (*франц.*). Начало французского перевода знаменитой формулы Р. Декарта «*Cogito ergo sum*» («Мыслю, следовательно существую»).

⁹ *Wesen* — существование (*нем.*).

¹⁰ Плохую прессу (*франц.*), т. е. плохих рецензентов и критиков.

¹¹ В первой лекции своего курса по философии прагматизма В. Джемс критиковал отвлеченные метафизические системы, выстраивающие себя над реальностью, выносящие конкретный опыт и конкретное течение жизни за пределы своих великолепных конструкций. И настаивал на необходимости философии, которая смогла бы «положительно» связать мыслящего субъекта «с миром действительности, живой человеческой действительности» (*Джемс В. Прагматизм. С. 19*). В прагматической философии «теории становятся орудиями», они призваны работать в конкретной действительности, меняя ее (Там же. С. 38).

¹² Здесь и далее Муравьев указывает примечания в основном тексте. В данном случае он отсылает к идеям Бергсона, для которого «эволюция есть беспрерывно возобновляющееся творчество» (*Бергсон А. Творческая эволюция. С. 124*).

¹³ «На горах Кавказа» — см. примеч. 3 к «Религиозно-философским статьям и заметкам».

¹⁴ Печатается по: к. 13, ед. хр. 15, л. 22–32.

¹⁵ См. примеч. 27 к «Материалам к работе “Овладение историей”».

¹⁶ См. примеч. 47 к «Овладению временем».

¹⁷ Печатается по: к. 11, ед. хр. 3, л. 1–12, 14–30. Автограф — машинопись с правкой и рукописный фрагмент. Текст представляет собой первую редакцию «Философии действия», как ее задумывал Муравьев в 1928 г.

¹⁸ В развернутом виде, скрытым, подразумеваемым образом (*лат.*).

¹⁹ См. примеч. 6 к мистерии «София и Китоврас».

²⁰ Муравьев называет фамилии социологов, разделявших точку зрения социал-дарвинизма. Рене *Вормс* (1869–1926) — французский социолог; проводя аналогию между биологическими и общественными организмами, считал их разными ступенями мировой эволюции, вершиной которой является целое нации. Людвиг *Гумплович* (1838–1909) — правовед и социолог. Считая законы истории частью законов природы, основной движущей силой развития человечества полагал борьбу этнических и социальных групп (см. его книгу «*Sociologie und Politik*». Leipzig, 1892 (рус. пер. «Социология и политика», М., 1895).

²¹ См. примеч. 83 к работе «Культура будущего», примеч. 467 к мистерии «София и Китоврас».

²² Муравьев цитирует речь немецкого физиолога и философа Эмиля Дюбуа-Реймона (1818–1896) «Мысли Лейбница о новейшем естествознании», произнесенную 7 июля 1870 г. в заседании Академии наук, посвященном памяти Г.В. Лейбница (*Дю-Буа-Реймон Э. Мысли Лейбница в новейшем естествознании; Гёте и Гёте — без конца! М., 1900*).

²³ См. примеч. 2 к «Материалам к работе “Овладение историей”».

²⁴ Печатается по: к. 11, ед. хр. 18. Вторая редакция работы «Философия действия». Автограф — рукопись чернилами и карандашом.

²⁵ «*Am Anfang war die Tat*» — «В начале было Дело»; «*Der Welt als Tat*» — «Мир как действие» (*нем.*).

²⁶ Н.Ф. Федоров возводил эту формулу к Аристотелю (см.: *Федоров*. I, 57).

²⁷ Муравьев перечисляет представителей философии прагматизма: В. Джемса, английского философа Фердинанда Шиллера (1864–1937), Ч. Пирса, Д. Дьюи (см. примеч. 68, 93 к «Овладению временем»).

²⁸ Муравьев перечисляет некоторых теоретиков учения об организации в России и Европе: Александр Александрович Богданов (1873–1928) — философ и социолог, создатель «всеобщей организационной науки» — тектологии. Фриц Гизе — немецкий психолог, специалист в области управления, занимался проблемами психологии труда, психотехники, промышленной психологии и трудового поведения. Настаивал на цельности и неразложимости личности как агента трудового процесса. Автор монографии «*Psychologie der Arbeitshand*» (Berlin, 1928; «Психология рабочей руки») автор «Словаря по трудоведению» (1927), составитель и ведущий автор фундаментального справочника «Руководство по трудоведению» («*Handwörterbuch der Arbeitswissenschaft*»). Рецензия на 1 том этого справочника, вышедшего в 1927 г. в Halle, была помещена в журнале «Организация труда» (1928. № 1. С. 103–104). Генрих Никлиш (1876–1943) — специалист в области научной организации труда, представитель немецкой учетной мысли, создал общее учение о статическом балансе. Был редактором-издателем «Журнала науки и практики торговли» («*Zeitschrift für Handelswissenschaft und Handelspraxis*»), составителем и одним из авторов фундаментального издания «Архив прогресса исследований и учений об экономике предприятия» («*Archiv der Fortschritte betriebswirtsch. häftlicher Forschung und Lehre*»), в котором приняли участие ведущие представители немецкой организационной и управленческой мысли, разработчики *немецкого учения о предприятии* (Betriebwissenschaft). Сведений об Эрммане разыскать не удалось.

²⁹ См. примеч. 25, 27 к «Материалам к работе “Овладение историей”»

³⁰ Муравьев ссылается на книгу А.Ф. Лосева «Философия имени» (М., 1927). Подробнее о занятиях Муравьева проблемой имени см. примеч. 1 к «Религиозно-философским статьям и заметкам».

³¹ Здесь и далее Муравьев цитирует по изданию: *Бергсон А. Длительность и одновременность* (По поводу теории Эйнштейна). Пб., 1923.

³² Муравьев отсылает к диалогу Платона «Менон», выражающему трактовку знания как припоминания (*Платон. Сочинения*: В 3 т. Т. 1. М., 1968. С. 384–393).

ПЛАНЫ ФИЛОСОФСКИХ СТАТЕЙ

В настоящей подборке печатаются планы философских статей Муравьева 1920-х годов.

¹ Печатается по: к. 11, ед. хр. 17, л. 22, 19.

² Печатается по: к. 13, ед. хр. 16, л. 9.

³ См. примеч. 13, 15 к статье «Всеобщая производительная математика».

⁴ Печатается по: к. 11, ед. хр. 17, л. 36.

⁵ Печатается по: к. 19, ед. хр. 1, л. 41.

Замысел статьи об эпосе и его роли в становлении национального самосознания, мессианских чаяний русской души, относится ко времени работы над первой редакцией мистерии «София и Китоврас». Некоторые пункты плана развиты в диалогах третьей ночи.

ПИСЬМА, ЗАПИСКИ, ПРОЕКТЫ, ЗАЯВЛЕНИЯ

ПИСЬМА Л.Д. ТРОЦКОМУ

С Л.Д. Троцким В.Н. Муравьев познакомился в 1919 г., когда служил сотрудником Комиссии по изучению и использованию опыта войны 1914–1918 г., созданной при Всероссийском Главном штабе. Об обстоятельствах знакомства и причинах своего эпистолярного обращения к наркому философ рассказал в заявлении в особый отдел ВЧК от 25 февраля 1920 г. (см. ниже). Поводом к этому обращению стало выступление Л.Д. Троцкого, тогда наркома по военным делам, председателя Реввоенсовета Республики, на одной из «пятниц» Комиссии, посвященной обсуждению вопроса о будущем устройстве Красной армии. В своем выступлении Л.Д. Троцкий защищал активно дискутировавшийся осенью и зимой 1919 г. в среде военных специалистов проект перехода от кадрового устройства армии Советской России к организации ее по милиционному принципу (см. примеч. 2, 3). При этом нарком не ограничился военными вопросами, но, по свидетельству Муравьева, «затронул <...> общие перспективы и нарисовал общую картину культурного, государственного и экономического идеала будущего» (см. «Заявления в Особый отдел ВЧК»).

В архиве Муравьева в НИОР РГБ сохранились 3 письма Л.Д. Троцкому. Письма от 31 декабря 1919 и 6 января 1920 г. представлены как в окончательной (машинопись с мелкой правкой), так и в ранних редакциях (машинописных и рукописных). Третье письмо, написанное между 2 и 6 января, является черновым.

Первое письмо написано по следам выступления Л.Д. Троцкого перед членами Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. и отражает реакцию Муравьева на вопрос о милиционной системе. Мнения военных специалистов на предложенный Троцким способ реформирования армии были отрицательными (см. примеч. 6). В письме от 31 декабря 1919 г. Муравьев аргументирует и разъясняет эту позицию. Он подчеркивает высокий уровень государственного сознания военспецов, понимающих свою ответственность перед страной и думающих о боеспособности армии и державной мощи отечества. Эту трезвость, этот «реализм в политике» философ противопоставляет мечтательству коммунистических идеологов, увлеченных утопическими схемами и игнорирующих сложность и противоречивость истории, природу самого человека.

При этом собственная позиция Муравьева шире и глубже позиции его кол-

лег-военных. Призывая не смешивать два плана мысли и действия: план текущей истории и политики и план идеального и должного, Муравьев тем не менее стремится вывести разговор к этому должному. В первой редакции письма, предваряя критику милиционной системы, он прямо выражает лидеру новой власти свою оценку коммунистической идеи и того строительства, которое во имя этой идеи предпринимается. Он упрекает коммунизм в узости понимания конечных целей жизни, в «недостаточной реформаторской смелости при постановке первых вопросов человеческого бытия»; настаивает на расширении духовной и идейной его основы; говорит о поверхностном и неглубоком понимании социалистами сущности европейского кризиса, который представляет собой не материальный и экономический кризис, а «кризис человеческого духа» (к. 14, ед. хр. 9, л. 29 об). В окончательной редакции письма эта критика в значительной степени уйдет в подтекст, основное внимание будет уделено современному политическому моменту: необходимости окончания Гражданской войны, восстановления территориальной целостности России и ее авторитета на международной арене.

Письмо Троцкому было отправлено 31 декабря 1919 г., а уже 2 января 1920 г. состоялась личная встреча Муравьева и Троцкого, инициированная самим наркомом. Как можно заключить из письма от 6 января 1920 г., написанного по следам встречи, разговор философа и политика затрагивал и проблемы текущей политики, и коренные мировоззренческие вопросы. Черновое письмо, написанное между 2 и 6 января, свидетельствует, что Троцкий намеревался привлечь Муравьева к сотрудничеству в качестве «спеца». Это письмо должно было стать ответом на вопрос Троцкого, в какой именно сфере видит он возможность содействия новой власти. Однако, в конечном итоге, Муравьев решает написать другое письмо, четко обозначив в нем свои мировоззренческие позиции, проанализировав принципиальные расхождения с большевизмом в области центрального, определяющего вопроса — об идеале, по которому должна строиться жизнь, о человеке новой эпохи, об образе общества будущего. Он чувствует необходимость очертить перед своим адресатом широкую историософскую перспективу, в рамках которой только и можно адекватно наметить линии конкретной политики. Так появляется обширное письмо от 6 января 1920 г., сохранившееся в трех редакциях.

Еще в первой редакции письма от 31 декабря 1919 г., определяя корни социализма в истории, Муравьев указывал на средневековую теократию. В письме от 6 января он также уделяет существенное внимание теократическому идеалу Церкви, который понимает расширительно, в духе религиозно-философских построений В.С. Соловьева и С.Н. Булгакова. Сопоставляя идеи III Рима и III Интернационала, философ проводит мысль об общей основе (жажда совершенного строя жизни) и в то же время разности идейных масштабов человеческого строительства, которым следует тот или другой идеал. Подчеркивает Муравьев и «народные» корни социализма, искание «праведной земли» в русском крестьянстве. И наконец, выражает главное свое убеждение: полнота конечного идеала лежит не в коммунизме, стремящемся выразить последнюю правду, но выражающем ее неполно и с искажениями, а в будущем религиозно-общественном строе, в котором личности объединены житнетворческим, соборным деланием.

Письмо от 6 января 1920 г. по своему содержанию предваряет построения тех мыслителей русского зарубежья (сменовеховцев, евразийцев, новоградцев), которые в 1920–1930-е гг. выступили с идеей третьего, не капиталистического и не коммунистического, пути для новой России. Выдвигая тезис о сотрудничестве большевистской власти с ее идейными противниками на почве государствен-

ного строительства Муравьев опережает Н.В. Устрялова: в 1920 г. последний выступит в харбинской газете «Новости жизни» с серией статей, призывающих все патриотически настроенные элементы пойти на компромисс с большевизмом, ибо тот является единственной силой, способной в текущий момент обеспечить целостность и развитие страны. При этом, если Устрялов, уповавший на перерождение интернационалистски ориентированного большевизма в национальную власть, не пойдет дальше идеи Великой России, то Муравьев еще на рубеже 1919–1920 гг. наполнит эту идею позитивным содержанием: Россия, восстановившая свою государственную мощь, должна возвращать в себе основы нового, сверхгосударственного строя, не в том оскопленном его изводе, который дают идеологи коммунизма, а с точки зрения философии богочеловечества, выработанной русскими религиозными мыслителями, от Н.Ф. Федорова до С.Н. Булгакова.

Помимо разговора об историческом идеале большевизма и его соотношении с конечным идеалом развития Муравьев в черновых материалах к письму от 6 января 1920 г. уделит существенное внимание вопросу об отношении правящей власти к интеллигенции, указывая на недопустимость нравственного угнетения и унижения последней, подчеркивая важную роль научной, технической, гуманитарной интеллигенции в государственном строительстве, перспективность включения интеллигенции в общую преобразовательную работу. В окончательном тексте письма раздел, посвященный интеллигенции, был значительно сокращен. Были убраны и те смысловые куски, в которых критиковались надежды большевиков на европейскую революцию, отношение советской власти к крестьянству, выражалось требование «громогласно и официально провозгласить принцип *защиты* гражданина от органов власти» (к. 14, ед. 9, л. 15).

Прозвучала в письме от 6 января 1920 г. и еще одна важная тема, предвещающая построения евразийцев, выступивших с программным сборником «Исход к Востоку» годом спустя. Это вопрос об историческом и духовном взаимодействии России с Азией, об азийстве как питающем начале русской истории и культуры, важном для нее не менее европеизма.

Следствием личного и эпистолярного контакта Муравьева с Троцким стало принятие философа в январе 1920 г. на службу в Комиссариат иностранных дел (см. «Заявления в Особый отдел ВЧК»), где он работал до 24 февраля 1920 г., когда был арестован по делу Всероссийского Национального центра.

Впервые частичную публикацию писем В.Н. Муравьева Л.Д. Троцкому осуществил Г.П. Аксенов, опубликовавший письмо от 6 января 1920 г.: Вопросы философии. 1993. № 1. С. 907–102; *Муравьев 1998*, 83–90.

В настоящее издание включены не только беловые тексты писем, но и черновые редакции, что позволяет полнее представить динамику идейного диалога Муравьева с Троцким, диапазон его взглядов на политику Советской власти, на основы и перспективы «нового строительства».

¹ Печатается по машинописному оригиналу, содержащему мелкую правку простым карандашом и черными чернилами: к. 14, ед. хр. 9, л. 1–3 об.

Позиция Муравьева по проекту реформы Красной армии, изложенная в письме Троцкому, была отражена и в статье «Милиция или постоянная армия», которую он, как участник Комиссии по изучению и использованию опыта войны 1914–1918 гг., поместил под псевдонимом «Н. Валентинов» в журнале «Военное дело» (1919. № 34–35. 5 декабря), где шла активная полемика о милиционной системе. Основные тезисы письма совпадают с содержанием данной статьи.

² В ноябре 1919 г. Комиссия по изучению и использованию опыта войны начала проводить по пятницам публичные заседания, на которых с докладами выступали как члены Комиссии, так и видные военные специалисты. Первое заседание состоялось 21 ноября 1919 г. Троцкий выступал на второй «пятнице» Комиссии — 28 ноября 1919 г., — которая специально была посвящена теме: «Перспективы перехода к милиционной системе» (см.: *Эль*. Военно-историческая комиссия (Публичные заседания) // Военное дело. 1920. № 2. 8 марта. С. 31; см. также: *Лебедев Д.К.* Работы Военно-Исторической Комиссии за 1919 и 1920 года // Военно-исторический сборник. Вып. 4. М., 1921. С. 191). Выступление Троцкого вызвало горячие прения. Четыре последующих заседания — 5, 12, 19, 26 декабря — были посвящены обсуждению вопроса о перспективе «перехода Красной армии к милиционной системе» (Военно-исторический сборник. С. 191). Ряд членов Комиссии, в том числе А.А. Свечин (см. примеч. 7), выступили против подобной реорганизации армии. *Милиционная система* — принцип организации армии, согласно которому в мирное время она состоит из минимального числа военнослужащих (прежде всего, командного состава), а основная масса (в идеале — все население) проходит военное обучение по месту жительства и мобилизуется в случае внутренней или внешней опасности. Идея милиционной армии как необходимой принадлежности коммунистического строя защищалась К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. Лениным. Сразу же после заключения Брестского мира большевистская власть взяла курс на милиционное строительство, создав систему Всеобуча (всеобщего военного обучения трудящихся). Однако в ходе Гражданской войны и интервенции, перед лицом внутренней и внешней опасности, была вынуждена скорректировать свою позицию: VIII съезд РКП(б) теоретически обосновал отказ от идеи «всеобщего вооружения народа» и принял ряд мер к укреплению и развитию постоянной армии. Новый виток дискуссий о милиционной системе пришелся на период побед Красной армии во второй половине 1919 г. и был вызван выступлениями Л.Д. Троцкого, поставившего реорганизацию армии по милиционному принципу в непосредственную связь с задачей хозяйственного возрождения страны (см. примеч. 3).

³ Речь идет о тезисах Л.Д. Троцкого «Переход к всеобщей трудовой повинности в связи с милиционной системой» (Правда. 17 декабря 1919. № 283). Декларируя задачи экономического возрождения страны, необходимость перехода к работе по единому хозяйственному плану, Л.Д. Троцкий выдвинул концепцию милитаристского социализма, основным принципом которого является соединение всеобщей воинской и всеобщей трудовой повинности. Милиционная система, которую предлагал Троцкий, должна была позволить использовать армию в решении не только военных, но и хозяйственных задач. Соответственно формирование армейских частей должно было производиться по территориально-хозяйственному принципу. Население каждого района зачислялось по месту жительства в соответствующие полки, бригады, дивизии и каждый гражданин без отрыва от производственной деятельности проходил курс военного обучения. Вводился единый учет населения в плане воинской и трудовой мобилизации. Что касается кадровых частей армии, то они должны были размещаться в территориально-производственных округах, согласно нуждам местного и общегосударственного хозяйства, обеспечивая «готовый аппарат управления милиционных частей» и обучения рабочих и крестьян военному делу. «Смысл милиционной системы, — подчеркивал Троцкий, — состоит в территориальном и бытовом приближении армии к хозяйственному процессу, так что живая человеческая сила определенных хозяйственных районов является в то же время живой человеческой силой определенных воинских частей».

⁴ См. примеч. 48 к работе «Культура будущего».

⁵ Леон Дюги (1859–1928) — французский социолог, теоретик права и государства, один из создателей солидаризма, концепции, согласно которой право и государство должно базироваться на принципе солидарности всех членов общества. Выступал против теории научного социализма К. Маркса, называя учение о борьбе классов «отвратительной доктриной». С точки зрения Л. Дюги, именно сотрудничество классов, координация действий Управляющих и Управляемых, которые равно подчинены верховной норме права, является основой государственной стабильности.

⁶ Мысль о воспитующем и вдохновляющем идейном влиянии партии, позволившем привлечь в ряды Красной армии на сознательной и добровольной основе большие массы людей, неоднократно высказывалась Л. Троцким в полемике с защитниками кадровой армии и казарменного обучения: «Казарма принудительна, партия — добровольный союз во всех отношениях» (Т. [Л. Троцкий.] Программа милиции и ее академический критик // Военное дело. 1919. № 25. 1 сентября. Стлб. 807).

⁷ Александр Андреевич Свечин (1878–1938) — русский военный историк и теоретик, генерал майор. В 1918–1921 гг. — председатель Комиссии по изучению и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Последовательный сторонник идеи кадрового устройства армии, в 1919 г. выступил с критикой проекта милиционной системы, подчеркивая его теоретичность, утопизм, отсутствие в послевоенной России условий для его реализации. Главные предпосылки создания милиции — «гражданский мир, отсутствие военной усталости, единодушие и высокое развитие народа <...> широкое участие интеллигенции». Всего этого нет в современной российской жизни, и потому только ставка на кадровую армию, с ее дисциплиной и боеспособностью, может обеспечить стабильность как на внутренних, так и на внешних фронтах (Свечин А. Милиция как идеал: критика тезисов Л. Троцкого // Военное дело. 1919. № 11–12. 7 апреля. Стлб. 436–438). А.А. Свечин критически высказался о милиционной системе и в докладе «Милиция как тенденция» на заседании Военно-исторической комиссии 19 декабря 1919 (Лебедев Д.К. Работы Военно-Исторической Комиссии за 1919 и 1920 года // Военно-исторический сборник. Вып. IV. С. 191).

⁸ Лев Мартов (наст. имя — Юлий Осипович Цедербаум; 1873–1923) — политический деятель, публицист, основатель партии меньшевиков, по определению Л.Д. Троцкого — «Гамлет демократического социализма». Вернувшись в Россию после Февральской революции, последовательно защищал демократизацию государства. На II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (25–27 октября (7–9 ноября) 1917, проходившем в дни Октябрьского переворота, настаивал на мирном разрешении политического кризиса путем создания «единой демократической власти», правительства, которое было бы признано всеми лагерями революционной демократии и которому Временное правительство могло бы безболезненно передать свои полномочия. Георгий Евгеньевич Львов (1861–1925) — общественный и государственный деятель. Член Государственной думы. Либерал славянофильского толка, активный участник земского движения. Во время Первой мировой войны — председатель Земского союза городов. После Февральской революции — председатель Временного правительства и министр внутренних дел. В апреле 1917 г., стремясь приблизить власть к народу, поддержал идею создания коалиционного, кадетско-социалистического правительства. 7 июля 1918 г. ушел в отставку.

⁹ См. примеч. 76 к «Овлаждению временем».

¹⁰ Лозунг «Великой, Единой и Неделимой России» был провозглашен в годы

Гражданской войны генералом Антоном Ивановичем *Деникиным* (1872–1947), одним из главных лидеров Белого движения, заместителем Верховного правителя России и Верховного главнокомандующего русской армией. Опираясь на этот лозунг, Деникин стремился сплотить на борьбу с большевизмом широкие слои населения бывшей Российской империи.

¹¹ Еще 1 июня 1919 г. ВЦИК принял постановление «о военном союзе советских республик России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии», в котором, помимо предложений о заключении военного соглашения, содержались предложения о более тесном объединении в области народного хозяйства, управления, финансов и т. д. В июне 1919 г. при ВЦИК была создана комиссия под руководством Л.Б. Каменева, которая должна была заняться вопросом о перспективах вхождения национальных республик в состав РСФСР. План объединения сорвался из-за интервенции стран Антанты и падения советской власти в указанных республиках. Разговоры о нем возобновились в конце 1919 г. в связи с успехами Красной армии на фронтах Гражданской войны. 3 декабря 1919 г. VIII Всероссийская конференция РКП(б) приняла специальную резолюцию о Советской власти на Украине, где декларировалось, наряду с принципом самоопределения наций, положение о необходимости тесного союза всех советских республик.

¹² Ниже в машинописном экземпляре оставлено место для подписи.

¹³ Печатается по: к. 14, ед. хр. 9, л. 11–12. Машинопись на двух листах.

¹⁴ Плодом этих занятий стала изданная под грифом «Труды Военно-исторической комиссии» книга Муравьева под псевд.: «Н. Валентинов» «Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг.» (Ч. 1. М., 1920) и две статьи под тем же псевдонимом в «Военно-историческом сборнике»: «Военные соглашения России с иностранными государствами до войны» (Военно-исторический сборник. Вып. II. М., 1919. С. 94–128) и «Русские войска во Франции и Салониках (По документам Ставки Верховного Главнокомандующего)» (Военно-исторический сборник. Вып. IV. М., 1920. С. 3–22).

¹⁵ Межведомственная Комиссия по всеобщей трудовой повинности была создана постановлением Совета народных комиссаров от 27 декабря 1919 г. В комиссию вошли главы наркоматов труда, внутренних дел, продовольствия, земледелия, транспорта, Центрального совета профсоюзов, а также председатель Высшего совета народного хозяйства. Возглавил комиссию Л.Д. Троцкий.

¹⁶ Печатается по машинописному оригиналу: к. 14, ед. хр. 9, л. 5–8. На первой странице письма в правом верхнем углу рукой Муравьева сделана надпись: «Письмо Троцкому

6 января 1920».

¹⁷ См. примеч. 28 к мистерии «София и Китоврас».

¹⁸ Идея активизации политики Советской России на азиатском направлении с целью содействия революции в Азии была выдвинута Л.Д. Троцким в начале августа 1919 г. Указывая на неудачи Красной армии на западном фронте и, напротив, успехи на фронте восточном, он предостерегал от упований на скорую революцию в Европе и предлагал перенести центр основных военных и политических действий на Восток, сосредоточившись на революции в Индии. 5 августа 1919 г. в секретном докладе Центральному комитету РКП он писал: «Путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии». Намечая ряд важных мер, которые должны были способствовать укреплению и развитию азиатского направления в политике власти, Троцкий предлагал создать мощную индустриальную базу на Урале и «сосредоточить где-нибудь на Урале и Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции» (*Троцкий Л.Д.* Центральному комитету РКП. 5 августа 1919 г.

// Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998. С. 146–147).

¹⁹ *Царство Пресвитера Иоанна* — см. примеч. 154 к мистерии «София и Китоврас».

²⁰ *Богомилы* — представители религиозного течения, зародившегося в первой половине X в. в Болгарии, широко распространившегося в XI–XIII вв. в Византии, Сербии и Боснии, на русской почве оказавшего влияние на ересь стригольников. В дуалистическом учении богомилов, согласно которому мир, церковь, богатство, земная власть созданы не Богом, а его старшим сыном Сатанаилом, были сильны мотивы социального протеста. *Гуситы* — последователи чешского религиозного реформатора Яна Гуса. Движение гуситов, выдвигавших как религиозные (право свободной проповеди, причащения мирян не только Телом, но и Кровью Христовой), так и социальные требования (секуляризация владений церкви, справедливое распределение собственности и др.) широко развернулось с 1415 г. Радикальные гуситы (табориты) стали главной действующей силой гуситских войн (1419–1437). *Пуританизм* — реформационное течение XVI–XVII вв. в Англии и Шотландии, выступившее с требованием полного отказа и очищения англиканской церкви от наследия римского католицизма. Будучи проявлением народной реформации, в отличие от официальной, инициированной правящей властью, пуританизм нес в себе требования социального равенства, основанного на изначальном братстве всех людей во Христе.

²¹ Печатается по машинописному оригиналу: к. 14, ед. хр. 9, л. 27–29. В процессе переработки этой редакции письма Муравьев сократил содержащиеся в начале письма размышления о социализме и его отношении к проблеме устройства совершенного строя жизни. Соответственно он перепечатал первую страницу письма (Там же, л. 26) и состыковал ее со второй, надписав сверху страницы недостающую фразу, а затем заново перепечатал письмо, сделав в нем мелкую правку (текст окончательной версии см. в данном томе выше).

²² Так в оригинале: после номера «3») идет номер «5»).

²³ Три черновые фрагмента, отражающие ход и направление работы Муравьева над развернутым письмом Троцкому, печатаются по: к. 14, ед. хр. 9, л. 9–10, 14–25. Часть текста представляет собой машинопись, часть — рукопись. На основании этих фрагментов Муравьев выстраивал затем окончательный текст. На листах содержатся пометы, знаки вставок и переносов, намечающие линии переконфигурации набросков. Некоторые фрагменты текста соотносятся с черновыми фрагментами «Писем о социализме», что позволяет предположить наличие связи между замыслом этой философско-публицистической работы и письмом Л.Д. Троцкому.

²⁴ *Каутский, Бернштейн* — см. примеч. 369 к мистерии «София и Китоврас». Карл *Либкнехт* (1871–1919) — деятель германского и международного рабочего и социалистического движения, представитель левых социал-демократов, один из основателей Коммунистической партии Германии.

²⁵ Далее в тексте знак вставки. Тот же знак — в правленном экземпляре машинописи третьего фрагмента (см. примеч. 30). Как следует из помет, Муравьев намеревался перенести в текст первого фрагмента пассаж «Вы пытаетесь каждую идею со всеми ее последствиями претворить в жизнь ∞ Я недавно начал понимать историзм большевизма». При этом на тексте переносимого куска намечены линии правки: местоимение «Вы» заменено на «Он», что было необходимо для согласования стыкуемых фраз, так как в первом фрагменте фраза была построена в третьем лице.

²⁶ См. примеч. 21, 376 к мистерии «София и Китоврас».

²⁷ См. примеч. 29 к мистерии «София и Китоврас».

²⁸ Далее следует начало фразы: «Еще в первое» и затем знак вставки. Тот же знак — в правленном экземпляре машинописи третьего фрагмента (см. примеч. 25) у текста: «Еще в первое время после октябрьского переворота я написал яростную критику большевизма...» По всей вероятности, Муравьев планировал перенести в первый фрагмент кусок текста, начинающийся с этой фразы.

²⁹ Одним из основных тезисов теории перманентной революции в трактовке Л.Д. Троцкого был тезис о революции в Европе, которая должна последовать вслед за русской революцией, утверждая и укрепляя ее позиции.

³⁰ Во второй половине ноября — декабре 1919 г. развернулось успешное контрнаступление Красной армии на Южном фронте против Добровольческой армии, возглавляемой А.И. Деникиным.

³¹ Осенью 1919 г. под влиянием удачных наступлений большевиков Англия, войска которой стояли на Балтийском побережье, а флот действовал в Финском заливе против Красного флота, меняет свою позицию в отношении Советской России, подчеркивая, что большевизм нельзя поразить оружием и нужно переходить на путь дипломатического взаимодействия с СССР. Весь 1920 г. Англия выдерживала линию невмешательства в Гражданскую войну, хотя одновременно финансовым и дипломатическим путем поддерживала армию Врангеля.

³² Здесь применительно к новым условиям Муравьев развивает идеи своей книги «Мелкая единица самоуправления в русском законодательстве» (Новгород, 1912). В этой книге, касаясь проекта волостной реформы III Государственной думы, он рассматривал историю развития в России местного самоуправления. Ставя волостную реформу в связь со столыпинской реформой крестьянского землевладения, он указывал на важность преобразований в деревне, основанных на принципе всеословности, на идее создания землевладельца, «владеющего участком на праве личной собственности» и одновременно «участвующего в вершении местных дел наравне с крупными землевладельцами». «Народная самодеятельность, — подчеркивал Муравьев, — в скромных размерах мелкой самоуправляющейся единицы — лучшая школа необходимой для страны гражданственности. Люди, воспитанные в служении общественным нуждам своей родной местной ячейки, — лучшие слуги народа и государства» (Указ. соч. С. 107).

³³ Здесь в оригинале знак вставки. Можно предположить, что в это место рукописи Муравьев планировал перенести ту часть третьего фрагмента, которая содержала в себе критику политики Советской власти в отношении интеллигенции.

³⁴ Неустойчивая, переменчивая политика (*франц.*).

³⁵ В архиве Муравьева данный фрагмент представляет собой соединение двух текстов: машинописного и рукописного. Машинописный текст сохранился в двух экземплярах, один из которых не содержит правки (к. 14, ед. хр. 9, л. 9–10), а второй, взятый за основу публикации, содержит правку и продолжение в виде рукописного текста, начатого на последнем листе машинописи и перетекшего на отдельные листы (Там же, л. 30–31, 14–17) Вверху первого из рукописных листов справа красным карандашом помета В.Н. Муравьева: «1920 г., январь».

³⁶ Речь идет о статье Муравьева «Рев племени», помещенной в сборнике «Из глубины» (1918).

³⁷ Итальянский путешественник и писатель *Марко Поло* (ок. 1254–1324) в 1271–1275 гг., сопровождая отца и дядю, венецианских купцов, приплыл к юго-востоку Малой Азии, откуда по суше добрался до Северного Китая, где некоторое время жил на службе у хана и посещал различные области страны. Когда в

1297 г. он попал в плен к генуэзцам, его рассказы о путешествиях и описания разных стран и народов, в которых переплетены правда с вымыслом, были записаны пизанцем Рустичиано и составили «Книгу Марко Поло» (1298). В книгу вошли и популярные средневековые легенды о Пресвитере Иоанне («попе Иване»), «великом царе», заступнике христиан от неверных, царство которого располагается в Азии; подробно рассказывалось о столкновении «попа Ивана» с Чингисханом. Описывалась область Тендух (область Ордос современной Монголии), жители которой исповедуют христианство и которой правит «царь из рода попа Ивана, и сам поп Иван, а зовется Георгием».

³⁸ Здесь кончается машинописный текст фрагмента. В правленном экземпляре машинописи далее снята фраза: «Таковы горизонты, открывающиеся моей мысли, когда она восходит до последних вершин. Но, увы, во мне остается рядом с этим человек XX века» и затем на оставшейся части листа начинается рукописный текст.

³⁹ В 1918 г. Л.Д. Троцкий в качестве наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета республики начал кампанию по привлечению в Красную армию бывших царских офицеров и генералов. В публичных и печатных выступлениях 1918–1919 гг. он подчеркивал важность использования опыта военспецов для строительства армии, укрепления обороноспособности молодой республики.

ЗАЯВЛЕНИЯ В ОСОБЫЙ ОТДЕЛ ВЧК

Печатается по: Вопросы философии. 2002. № 4. С. 113–120.

Данные документы связаны с историей ареста В.Н. Муравьева по делу Всероссийского Национального центра. Эта антибольшевистская организация, объединявшая «представителей либерально-демократических и либерально-консервативных партий, а также представителей различных внепартийных общественных групп», была создана в мае — июне 1918 г. В руководстве ВНЦ были видные политические и общественные деятели Н.И. Астров, В.А. Степанов, Н.Н. Щепкин, Д.Н. Шипов, М.М. Федоров, П.Б. Струве, А.А. Червен-Водали и др. (*Шелохаев В.В.* Введение // Всероссийский Национальный Центр. М., 2001. С. 6–9). Программа центра включала в себя «борьбу с Германией, борьбу с большевизмом, восстановление единой и неделимой России, верность союзникам, поддержку Добровольческой армии как основной русской силы для восстановления России, образование Всероссийского правительства в тесной связи с Добровольческой армией и творческую работу для создания новой России, России после февральского переворота, форму правления которой может установить сам русский народ через свободно избранное им народное собрание» (Цит. по: Там же. С. 9). Средством достижения этой цели была избрана военная диктатура, сильная централизованная власть: она должна была установить порядок в стране и уничтожить большевизм. Затем предполагался созыв национального собрания с целью решить вопрос о форме правления и экономической стратегии. До осени 1918 г. главной базой Центра была Москва, затем правление Центра переместилось в Екатеринодар, а с августа 1919 г. — в Ростов-на-Дону. Отделения Центра работали в Петрограде, Киеве, Одессе, Новороссийске, Таганроге, Тифлисе, Кисловодске, Симферополе, Уфе, Омске и др. (на Юге, где велось тесное сотрудничество с руководством Добровольческой армии — легально, в городах, где установилась Советская власть, — конспиративно).

Одним из главных направлений деятельности московского отделения Центра была разработка широкой программы будущих реформ в сфере экономики, промышленности, финансов, основных направлений внутренней и внешней политики. Для участия в этой деятельности идеологи Центра привлекали специалистов в соответствующих областях. Среди них оказался и Муравьев, вошедший в Национальный Центр как человек, имевший дипломатический стаж и хорошо знакомый с вопросами внешней политики (*Котляревский С.А.* История Национального Центра // Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 144). Однако реального участия в разработке возможных преобразований он не принял: сыграло свою роль и скептическое отношение к «интеллигентской говорильне», царившей на собраниях Центра (Всероссийский Национальный Центр. С. 486), и стремление посвятить себя философской работе (в августе 1918 г. Муравьев уезжает из Москвы в Новгородскую губернию, где проводит полгода).

Вновь посещать заседания Центра, часть которых проходила в Институте экспериментальной биологии, возглавлявшемся Н.К. Кольцовым, философ начинает в апреле 1919 г. Как вспоминал С.А. Котляревский, «он вносил в совещания эти нечто новое. Он не раз ставил вопрос о пересмотре всей деятельности совещаний. Не исходит ли она из ложных предпосылок? В самом большевизме происходит глубокая перемена. Создается Красная Армия, которая постепенно превращается в подлинную русскую армию. Муравьев чрезвычайно предостерегал против ее недооценки. Он и в других отношениях указывал на рост государственности в Советской России. Большевизм осуществляет дело объединения русской земли. С другой стороны, Муравьев очень сомневался в материальных и моральных силах Юга с их эмигрантской психологией» (*Котляревский С.А.* История Национального Центра. С. 158).

После ареста в июле — августе 1919 г. ряда ведущих деятелей ВНЦ, оставшиеся на свободе члены Центра решили «прекратить всякую активную деятельность и вести лишь академические разговоры» (Показания В.Н. Муравьева // Всероссийский Национальный Центр. С. 488). С осени 1919 г. шесть человек (С.А. Котляревский, В.Н. Муравьев, Н.К. Кольцов, С.Е. Трубецкой, О.П. Герасимов, М.С. Фельдштейн) время от времени продолжают собираться в Институте экспериментальной биологии или на квартире Н.К. Кольцова (Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 49). При этом В.Н. Муравьев, С.А. Котляревский, Н.К. Кольцов, видя, что новая власть постепенно встает на путь решения национальных задач, меняют свое отношение к большевизму. В феврале 1920 г. Муравьев, поступивший на службу в Наркомат Иностранных дел, делает развернутый доклад, в котором обосновывает необходимость идейных и тактических сдвигов. Заседание, на котором прозвучал этот доклад, оказалось последним: 23–24 февраля все участники собраний у Н.К. Кольцова были арестованы.

Следствие инкриминировало им участие в контрреволюционной деятельности с целью свержения Советской власти. Собраниям у Н.К. Кольцова приписывался сугубо политический смысл. И даже факт поступления В.Н. Муравьева на службу в Комиссариат иностранных дел, привлечший особое внимание следователей, истолковывался в негативном ключе. Следственная власть «была склонна смотреть» на этот шаг «исключительно как на военно-тактический ход, как на маскировку врагом занятой им новой позиции» (Всероссийский Национальный Центр. С. 511), интерпретировала его как желание внедриться в государственные структуры с целью последующего саботажа. Соответственно сами арестованные стремились в своих показаниях представить истинную картину событий. Они вели себя открыто и прямо, честно излагали свои убеждения, причем участники собраний у Н.К. Кольцова (сам Кольцов, С.А. Котляревский, Я.С. Фельдштейн)

подчеркивали эволюцию своих взглядов на большевизм и готовность честно работать бок-о-бок с новой властью — не из страха, а из сознания своего гражданского долга, из любви к родине и ее народу. Они были уверены, что их ожидает расстрел, и не боялись смерти. Характерны с этой точки зрения показания Н.К. Кольцова: «Что меня ожидает? Вероятно, смерть. Ну, что же <...> я умру с глубокою верою в то, что через несколько лет моя родная страна преобразуется. Я ничего не знаю о том, какая форма правления будет в этой обновленной стране. Меня как биолога это мало интересует. Но я вижу благотельные последствия той умственной и моральной встряски, которую переживает русский народ. Теперь в самых широких массах русского народа исчезла прежняя слепая вера в то, что все как было, так и будет вовеки веков. Пробудилась мысль, что все меняется и что человек устраивает свою жизнь собственными руками. Шире станут размахи творческой мысли человека активного типа, и быстрее продвинется вперед эвгеническая эволюция. И когда настанет на земле царство Homo sapiens exlogans, и о нас, скромных искателях истины, незаметно ушедших из жизни, вспомнит русский народ» (Там же. С. 495).

Показания Муравьева (опубликованы: Всероссийский Национальный Центр. С. 486–490), как и его Заявления, стоят в том же ряду. В них он исповедует свое общественное кредо, дает оценку новой власти, намечает широкие перспективы государственной работы. Развернуто отвечает и на главную претензию следствия — поступление в Наркомат Иностранных дел, доказывая, что менее всего руководился в своем решении нуждами Национального Центра, а прежде всего стремлением применить свои силы на том поприще, на котором был способен действовать компетентно и профессионально.

Тем не менее, несмотря на эти заявления, несмотря на показания других участников Центра: С.А. Котляревского, М.С. Фельдштейна и др., подчеркивавших последовательное стремление Муравьева добиться пересмотра идеологии и тактики Национального Центра, «20 августа 1920 г. Верховный трибунал ВЦИК признал Муравьева виновным “в сотрудничестве с контрреволюционной организацией в целях свержения Советской власти путем вооруженного восстания и оказания всемерной помощи Деникину, Колчаку, Юденичу и Антанте” и приговорил к расстрелу»; но поскольку политический процесс был в значительной степени пропагандистским, расстрел был заменен четырехлетним тюремным заключением, а 1 мая философ был освобожден по амнистии (Макаров В.Г. Муравьев В.Н.: Очеловеченное время // Вопросы философии. 2002. № 4. С. 102).

В настоящем издании печатаются два заявления Муравьева в ВЧК. Впервые они были опубликованы В.Г. Макаровым. Приношу сердечную благодарность публикатору за разрешение включить в наст. том данные документы.

¹ Данное заявление было написано 25 февраля 1920 г., на следующий день после ареста философа по делу Всероссийского Национального центра.

² *Совет общественных деятелей* был создан в Москве в октябре 1917 г. на 2-м Совещании общественных деятелей, ставившем целью объединение либеральных и монархических сил для противодействия большевизму. Во главе Совета, который должен был руководить «текущей мобилизационной работой», стояли Д.М. Щепкин и С.М. Леонтьев. В своих показаниях Муравьев подчеркивал, что собрания Совета не посещал «или бывал на них лишь изредка» (Показания Муравьева о характере деятельности Национального Центра // Всероссийский Национальный Центр. С. 486). В феврале — марте 1918 г. был образован надпартийный Правый центр, куда, помимо Совета общественных деятелей,

вошли Торгово-Промышленный комитет, Союз земельных собственников, некоторые представители ЦК кадетской партии и правых монархистов. Однако вскоре Правый центр раскололся из-за разногласия его членов по отношению к Брест-Литовскому мирному договору с Германией и другим программным и тактическим вопросам. И в мае — июне 1918 г. в противовес руководству Правого центра, занявшего германофильскую позицию, был создан *Национальный центр* (см. преамбулу).

³ Еженедельный общественно-политический журнал «Русская свобода» издавался в Петрограде и Москве с апреля по октябрь 1917 г. Учредителем была редакция журнала «Русская мысль», главный редактор которого, философ, экономист, публицист Петр Бернгардович *Струве* (1870–1944) возглавил редакцию еженедельника. Помимо П.Б. Струве издателями журнала выступили видные общественные и политические деятели-кадеты Николай Николаевич *Львов* (1867–1940) и Василий Алексеевич *Маклаков* (1869–1957). В журнале «Русская свобода» сотрудничали Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, А.С. Изгоев, А.В. Карташов, С.А. Котляревский, П.И. Новгородцев, С.Л. Франк и др. Муравьев поместил в журнале статьи: «Русский революционный мессианизм» (№ 1), «Рим четвертый» (№ 2), «В защиту утопий» (№ 3), «Пути к миру» (№ 4), «Огни на площади» (№ 7), «Лжеосвобождение» (№ 9), «Необходимая встреча» (№ 12–13), «Великая Россия» (№ 14–15), «Святая Русь» (№ 18–19).

⁴ Речь идет о брошюре Муравьева «Будущее международных отношений» (Пг., 1917), в которой философ и публицист стремился ответить на вопрос: как новой России, переходящей после Февраля на путь свободного развития, выстраивать свою внешнюю политику, неразрывно связанную с политикой внутренней. Призывая «великий свободный народ» сознательно и ответственно отнестись к стоящим перед ним государственным и международным задачам, Муравьев намечал контуры новой, гармоничной системы международных отношений, которая должна быть построена на основе принципа права, на диалектическом сочетании национального и общечеловеческого развития, их обогащающего взаимодействия. В подобной системе отношений смогут, по убеждению Муравьева, гармонично развиваться экономические и культурные связи наций, содействуя созданию общего хозяйственного и культурного пространства. Считая тенденцию к объединению, соборованию народов объективной тенденцией социального развития, Муравьев, в отличие от идеологов социализма, подчеркивал сильные стороны экономического империализма, способствующего проникновению нужных и дешевых товаров в слаборазвитые страны, равно как и империализма культурного, способствующего духовному взаимообогащению народов мира. Что касается империализма политического, то он в лице Германии агрессивно идет против идеала подлинной вселенскости. Германия, подчеркивал Муравьев, несет ответственность не просто за развязывание Первой мировой войны, но и за то, что, начиная с эпохи Бисмарка, она активно утверждала в международной политике принцип «Сила выше права». В результате «международные отношения были глубоко извращены сознательным устранением из них всего идеального, и все построение сношений между народами носило отпечаток “железного кулака”, создавшего новую Европу». Задаваясь вопросом: «Создадут ли когда-нибудь усилия людей то, о чем мечтают лучшие представители человечества, — общий союз всех народов в виде федерации свободных государств», Муравьев утверждал, что «для осуществления такой задачи» нужно, чтобы «возникло в массах особое центростремительное чувство, — не антинациональный, *сверхнациональный международный империализм*», который порождает «общечеловеческий союз с “империумом”, т. е. центральной международной

властью». А конечным итогом создания новой системы международных отношений станет «осуществленное братство», соборное единство народов Земли (Указ. соч. С. 17, 29–30).

⁵ *Н.Н. Львов, В.А. Маклаков* — см. примеч. 3. *Александр Соломонович Изгоев* (наст. фамилия — Ланде; 1872–1935) — публицист, общественный и политический деятель, один из участников сб. «Вехи» и «Из глубины». В журнале «Русская свобода» поместил статьи «Революция и культура» (№ 1), «Русские социалисты и война» (№ 2), «Кризис» (№ 3), «Общинное право» (№ 7), «Подпольная работа» (№ 10–11), «Невежественные строители» (№ 18–19).

⁶ *Муравьев В.Н.* В защиту утопий // Русская свобода. 1917. № 3. С. 15–20. В статье речь идет о креативном и вдохновляющем потенциале утопий, их роли в строительстве истории, взаимодействии с практикой жизни. По мысли Муравьева это взаимодействие является ключевым. «Отвергать ли утопии? Они необходимо связаны с жизнью. Как солнце фотосферой, они окружены нимбом красивого, неосуществленного и неосуществимого. Утопии вообще страшны, пока они утопии. Когда их пытаются наполнить реальным содержанием, они обыкновенно теряют свой колоссальный и ужасающий облик. Радикализм остается таковым, пока он не сталкивается с жизнью. Она отлично от него вылечивает. Но в каждой утопии есть, быть может, крупца золота, нечто живое, что, посеянное, даст зеленые всходы. Из таких ростков составляется прогресс человечества» (Указ. соч. С. 20).

⁷ *Михаил Иванович Терещенко* (1886–1956) — предприниматель, сахарозаводчик. Министр финансов в первом составе Временного правительства, министр иностранных дел — в трех последующих составах правительства.

⁸ В конце сентября 1918 г. германское командование развернуло операцию на Балтике по захвату островов Моонзундского архипелага. Зная о планах противника, революционные организации моряков Балтики заявили о своей готовности дать отпор врагу. Состоявшийся на яхте «Полярная звезда» II съезд моряков Балтийского флота призвал не отступить «перед флотом германского империализма». Когда началась операция и 29 сентября германский десант был высажен на острове Эзель, стратегически важном для обороны Балтики, гарнизон острова вместе с моряками героически сопротивлялся врагу.

⁹ Текст статьи не сохранился.

¹⁰ *Теодор Шиманн* (1847–1921) — немецкий историк, профессор Берлинского университета, автор многотомной серии «Deutschland und die große Politik: 1901–1914» («Германия и большая политика»), один из идеологов германского империализма. *Фридрих Науманн* (1860–1919) — германский общественный и политический деятель, публицист, один из представителей немецкого либерализма, автор книг «Демократия и императорская власть» (1900), «Новая немецкая экономическая политика» (1906) и «Срединная Европа» (1915). В последней книге, вышедшей в разгар Первой мировой войны, Науманн выдвигал концепцию послевоенного устройства Европы, в которой Германия в союзе с Австрией создаст средневропейский союз государств с единым экономическим пространством и военной организацией.

¹¹ *Николай Николаевич Духонин* (1876–1917) — генерал-лейтенант. С сентября 1917 г. — начальник штаба А.Ф. Керенского, после его бегства исполнял обязанности верховного главнокомандующего русской армии. Октябрьский переворот не признал, но и не решился организовать вооруженную борьбу с большевистским правительством. Из-за отказа вступить в мирные переговоры с австро-германским командованием, на чем настаивал Совнарком, был снят со своего поста. Оставался в Ставке до прибытия в Могилев нового главнокомандую-

шего Н.В. Крыленко, после чего был арестован и убит революционными солдатами и матросами.

¹² Александр Иванович *Верховский* (1886–1938) — генерал-майор, военный министр Временного правительства. Виктор Михайлович *Чернов* (1873–1952) — один из лидеров партии эсеров, автор аграрной программы партии. В мае — августе 1917 г. занимал пост министра земледелия Временного правительства. Прибыв в ставку в Могилев в ноябре 1917 г., А.И. Верховский, В.М. Чернов и другие представители партии эсеров попытались создать альтернативное «социалистическое правительство».

¹³ Петр Николаевич *Врангель* (1878–1928) — русский военачальник, генерал-майор, один из главных руководителей Белого движения. В апреле 1920 г. сменил А.И. Деникина на посту главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. В своих мемуарах П.Н. Врангель писал о разброде, царившем в Ставке в первую неделю после октябрьского переворота, о «растерянности, нерешительности, предательстве и трусости», проявившихся «в верхах армии» (*Врангель П.Н. Воспоминания: В 2 ч. 1916–1920. М., 2006. С. 61–62*).

¹⁴ Алексей Максимович *Каледин* (1861–1918) — первый выборный атаман войска Донского. 25 октября 1917 г. выступил с обращением, в котором назвал большевистский захват власти преступлением и заявил, что до восстановления в России законной власти правительство Войска Донского берет на себя всю полноту власти в Донской области. По инициативе Каледина в Новочеркасск приехали бывшие члены Временного правительства и так называемого Предпарламента (Временного совета Российской республики) для организации вооруженной борьбы с большевизмом. Однако казачество, на силу которого так надеялись противники большевиков, в целом не поддержало усилия своего атамана, хотя подчиненные Каледину части вместе с Добровольческой армией участвовали в боевых действиях против Красной армии. 29 января 1918 г. после того, как Л.Г. Корнилов принял решение отвести Добровольческую армию на Кубань, А.М. Каледин, разочарованный пассивностью казачества, его нежеланием следовать за своим атаманом, покончил с собой. Африкан Петрович *Богаевский* (1872–1934) — генерал-лейтенант, один из участников антибольшевистского движения на Юге России. Революцию встретил в должности заместителя начальника штаба 4-го кавалерийского корпуса. В декабре 1917 г. прибыл на Дон. В январе 1918 г. А.М. Каледин назначил А.П. Богаевского командующим войсками Ростовского района. С февраля 1919 А.П. Богаевский — Войсковой атаман Войска Донского.

¹⁵ Михаил Владимирович *Родзянко* (1859–1924) — политический, общественный и государственный деятель, председатель III и IV Государственной думы, активный участник Февральской революции 1917, с 27 февраля 1917 г. председатель Временного комитета Государственной думы, основатель Либерально-республиканской партии, член Совещания и Совета общественных деятелей. После октября 1917 г. уехал на Дон, находился при Добровольческой армии, стремясь создать для нее опору в виде воссозданной IV Думы или Совещания членов Государственной думы всех четырех созывов. В 1920 г. эмигрировал в Югославию.

¹⁶ Михаил Васильевич *Алексеев* (1857–1918) — русский военный деятель, генерал от инфантерии. В марте — мае 1917 г. занимал пост верховного главнокомандующего. 2(15) ноября 1919 г. приехал в Новочеркасск, где начал формировать так называемую Алексеевскую офицерскую организацию, которая стала ядром Добровольческой армии.

¹⁷ Григорий Николаевич *Трубецкой* (1874–1930) — общественный и полити-

ческий деятель. В 1906–1910 гг. вместе с братом Е.Н. Трубецким редактировал «Московский еженедельник». С 1912 г. являлся начальником Отдела Ближнего Востока Министерства иностранных дел, в 1914–1917 гг. был российским послом в Сербии. В 1917 г. — участник Поместного собора Русской Православной церкви. В Новочеркасск Г.Н. Трубецкой приехал в декабре 1917 г., стал членом Совета Добровольческой армии. Являлся управляющим ведомством исповеданий Особого совещания, созданного в августе 1918 г. при главнокомандующем Добровольческой армией. Михаил Михайлович *Федоров* (1859) — государственный, общественный и политический деятель, предприниматель, журналист. В декабре 1917 прибыл в Новочеркасск как представитель созданного в Москве для организации сопротивления большевизму подпольного центра «Девятка». Возглавил правление Всероссийского Национального центра после его перемещения Екатеринодар в распоряжение Добровольческой армии.

¹⁸ Лавр Георгиевич *Корнилов* (1870–1918), генерал, верховный главнокомандующий русской армии в правительстве А.Ф. Керенского, организатор знаменитого похода на Петроград в августе 1917 г., приехал на Дон 6 декабря 1917 г. 27 декабря вступил в командование Добровольческой армией.

¹⁹ Эти публикации Муравьева не установлены.

²⁰ В газете «Заря России», выходявшей с апреля по июнь 1918 г., Муравьев опубликовал статьи: «Горе победителям» (21(8) апреля. № 4), «Германская ориентация» (23(10) апреля. № 5); «Священное единение» (11 мая (28 апреля). № 17); «Народ» (19(6) мая. № 24); «Граждане» (22(9) мая. № 26); «Не угашайте духа» (5 июня (23 мая). № 43); «“Великая” Финляндия» (7 июня (25 мая). № 36); «Три интернационала» (9 июня (27 мая). № 38); «Россия и Германия» (18(5) июня. № 44) и др. Полный список см.: Библиография. 1993. № 1. С. 105.

²¹ Муравьев имеет в виду свою статью «Священное единение» (Заря России. 11 мая (28 апреля) 1918. № 17), в которой он указывал, что единение белых и красных против внешнего врага, во имя России представляет единственно возможный и верный путь для восстановления ее единства, национальной и духовной целостности.

²² Муравьев уехал в бывшее родовое имение Онег, находившееся в Новгородской губернии, где проживала его мать. Право на дом мать Муравьева сохранила и в последующие годы, о чем свидетельствует хранящееся в архиве философа удостоверение, выданное Комиссариатом земледелия 23 июня 1919, «гр. Евгении Ивановне Муравьевой, проживающей в имении Онег»: «в том, что ее имущество, находящееся в вышеназванном имении, реквизиции и конфискации не подлежит, а также ввиду ее преклонных лет и того, что сын ее, Валериан Муравьев, призван на действительную военную службу в Красную Армию, выселению и стеснению в доме гражданка Муравьева не подлежит» (к. 20, ед. хр. 14, л. 1).

²³ См. примеч. 7, 14 к «Письмам Л.Д. Троцкому».

²⁴ Речь идет о наступательной операции адмирала Александра Васильевича *Колчака* (1874–1920), объявившего себя в ноябре 1918 г. после свержения Уфимской директории Верховным правителем Российского государства. Наступление армии Колчака, имевшее целью разгром красных войск на Восточном фронте, соединение с белыми армиями на севере и юге России и создание единого белого фронта, началось 4 марта 1919 г. Колчаковцам удалось отбросить войска Красной армии на 400 км. на запад и выйти на подступы к Волге.

²⁵ В мае — июне 1919 г. Вооруженные силы Юга России, объединенные под командованием А.И. Деникина, вели широкомасштабное наступление против Красной армии. Были заняты Донбасс, часть Украины, Белгород, Царицын. В июле началось наступление на Москву, были захвачены Курск, Орел, Воронеж.

²⁶ Историк, правовед, публицист, общественный деятель Сергей Александрович *Котляревский* (1873–1939), входивший, как и Муравьев, в состав московского отделения Всероссийского Национального центра, так описывал поведение философа на заседаниях центра: «Последние месяцы жизни НЦ — с конца апреля до конца августа — опять отличались своими особенностями. Заседания ввиду летнего времени стали менее полными. Отдельные члены часто отсутствовали. С другой стороны, в них деятельное участие стал принимать Муравьев. Несомненно, он вносил в совещания эти нечто новое. Он не раз ставил вопрос о пересмотре всей деятельности совещаний. Не исходит ли она из ложных предпосылок? В самом большевизме происходит глубокая перемена. Создается Красная Армия, которая постепенно превращается в подлинную русскую армию. Муравьев чрезвычайно предостерегал против ее недооценки. Он и в других отношениях указывал на рост государственности в Советской России. Большевизм осуществляет дело объединения русской земли. С другой стороны, Муравьев очень сомневался в материальных и моральных силах Юга с их эмигрантской психологией. Эти мнения вызывали споры, но к ним более или менее присоединялись Котляревский, Фельдштейн и Кольцов. Щепкин очень внимательно к ним прислушивался, возражал, но не раз говорил, что, быть может, Муравьев и его сторонники правы. Но практического заключения из этого все же не делалось, как и сам Муравьев не предлагал таких заключений; он как бы призывал лишь к размышлению и проверке» (*Котляревский С.А.* История Национального Центра. С. 158).

²⁷ Николай Николаевич *Щепкин* (1854–1919) — общественный и политический деятель, один из лидеров Национального центра и возникшего в феврале — марте 1919 г. Тактического центра, объединявшего представителей Национального центра, Союза возрождения России и Союза общественных деятелей для взаимной координации сил в антибольшевистской борьбе. Последовательный противник большевиков, отказывался от ставки на интервенцию, считая, что Россия должна возродиться, опираясь на собственные силы.

²⁸ С 1919 г. Муравьев активно участвовал в работе Вольной Академии духовной культуры, созданной в том же году в Москве Н.А. Бердяевым. Регулярно посещал он и проходившие по вторникам домашние философские собрания на квартире Н.А. Бердяева в Большом Власьевском переулке, а также вечера в доме Г.А. Лемана, где бывали Андрей Белый, Л.М. Лопатин, И.А. Ильин, А.Д. Оболенский, Н.М. Соловьев, Г.А. Рачинский и др.

²⁹ По свидетельству С.А. Котляревского, Муравьев регулярно бывал на докладах И.А. Ильина в Вольной академии духовной культуры и в частных домах, принимал участие в руководимом им семинаре по философии Гегеля. 22 февраля 1920 г. должен был выступать с докладом, являвшимся откликом на доклад И.А. Ильина о правосознании (Показания С.А. Котляревского // Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 300–301)

³⁰ См. примеч. 2 к «Письмам Л.Д. Троцкому».

³¹ Письма от 31 декабря 1919 и 6 января 1920 (см. в наст. томе). Разговор Муравьева с Л.Д. Троцким состоялся 2 января 1920. Далее в своем «Заявлении» Муравьев излагает ряд суждений, перекликающихся с теми, которые он устно и письменно излагал наркомку.

³² В июле — августе 1919 г. ВЧК произвел массовые аресты среди представителей Всероссийского Национального центра, Союза общественных деятелей, Союза возрождения России. Н.Н. Щепкин был арестован в ночь с 28 на 29 июля 1919 г. Как показывал Муравьев, «некоторое время после ареста Щепкина» деятели московского отделения ВНЦ не собирались, а перевели свои встречи на

академические рельсы (Всероссийский Национальный Центр. С. 488). Подробнее см. преамбулу.

³³ Георгий Васильевич *Чичерин* (1872–1936) — дипломат, с 1918 по 1930 — нарком иностранных дел сначала РСФСР, потом СССР. Внес значительный вклад в разработку принципов советской внешней политики, связанных с идеей мирного сосуществования между народами, форм и методов дипломатии нового типа. С.А. Котляревский подчеркивает, что на работу в Комиссариат Иностранных дел Муравьев был приглашен Г.В. Чичериным и его заместителем Л.М. Караханом: «Муравьев был у Чичерина и Карахана, более подробно говорил со вторым и получил от него поручение организовать информационную часть: она должна была собирать сведения из иностранной прессы, делать обзоры о политическом и об экономическом положении для комиссариата, сообщать сведения нашей прессе, следить за книгами и т. д. (Показания С.А. Котляревского. С. 299).

³⁴ Согласно показаниям М.С. Фельдштейна, заседание, на котором Муравьев поставил вопрос о необходимости перемены тактики «в связи с изменившейся оценкой общей политической конъюнктуры», состоялось в феврале 1920 (Всероссийский Национальный Центр. С. 502).

³⁵ Касаясь эволюции взглядов некоторых членов «Национального центра» (в том числе и своих собственных) в направлении признания необходимости сотрудничества с советской властью, С.А. Котляревский так описывал собрание, на котором Муравьев развернуто изложил свою позицию: «Некоторые находили этот шаг (поступление Муравьева в Наркомат иностранных дел. — А.Г.) своего рода капитуляцией, признанием солидарности с внешней политикой Советской власти. По этому поводу члены бывшего совещания — Герасимов, Трубецкой, Муравьев, Котляревский, Кольцов и Фельдштейн — решили обменяться мнениями. Тут обнаружилось значительное разногласие. Муравьев энергично отстаивал принципиальную правильность своего шага (ибо внешняя политика Советской власти есть в настоящее время русская внешняя политика) и вместе с тем необходимость вообще стать на новый путь не только для отдельных лиц, которые это и сделали, а вообще для кругов, из которых вышел НЦ. Его поддерживали Кольцов, Котляревский и Фельдштейн. Весьма возможно, что при дальнейших разговорах с ними в известных пределах согласились бы и возражавшие, особенно Трубецкой, который признавал серьезность доводов и за последнее время сам не чужд был больших сомнений в этом вопросе. Но разговор остался незаконченным потому, что разные случайности задержали новую встречу, а затем все эти лица в феврале были арестованы» (*Котляревский С.А.* История Национального Центра. С. 171).

³⁶ Поводом к заявлению послужила советско-польская война, инициированная польской стороной при активном содействии держав Антанты. 25 мая польские войска начали наступление на фронте, простиравшемся от р. Припяти до р. Днестр. 7 мая был захвачен Киев. Позиция Муравьева, выраженная в заявлении, высказывалась им еще в период деятельности Национального центра. Последовательный государственный и сторонник целостности России, он возмущался крайними настроениями в польских политических кругах, ратовавших за расширение границ Польши «за счет не только Литвы, но и белорусских областей», вплоть до восстановления польского государства в границах 1772 г., и подчеркивал, что «в борьбе с Польшей сама Советская власть будет осуществлять общенациональные начала» (*Котляревский С.А.* История Национального Центра. С. 165).

³⁷ Муравьев был последовательным противником интервенции и деятельности держав Антанты. Неоднократно он обращал внимание членов Национально-

го центра на то, что «восстановление единства России в смысле возвращения ее к довоенным границам не входило в планы союзников», что державы Антанты поддерживают сепаратистские тенденции на бывших окраинах Российской империи, что после окончания войны с Германией Западу не нужна сильная Россия. «Муравьев говорил, что с этим русское общество обязано бороться совершенно независимо от своих отношений к большевизму и Советской власти. Совершенно недопустимо, чтобы успехи во внутренней борьбе покупались ценой расчленения России. При таком ходе дел сама Советская власть обращается в хранилище нашего государственного единства, и тогда ее должны поддерживать и те, кто в очень многом другом против нее» (*Котляревский С.А. История Национального Центра. С. 165*).

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОИНСКОЙ СИЛЫ ДЛЯ БОРЬБЫ С ПРИРОДОЙ

Печатается по: к. 20, ед. хр. 10.

Впервые: Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Кн. 2. СПб., 2008. С. 421–423.

Поводом к записке получила публикация в «Известиях ВЦИК» (1922. № 162, 22 июля) статьи Ионы Пантелеймоновича *Брихничева* (1879–1968), бывшего священника, лидера движения «голгофских христиан», после революции — секретаря Центральной комиссии помощи голодающим (Помгол) «К голодной проблеме». В рамках своей деятельности в этой комиссии Брихничев, еще с 1910-х годов увлеченный идеями Н.Ф. Федорова, поставил вопрос о создании «Практического института по борьбе с голодом», предлагая соединить в нем лучшие научные силы страны.

¹ См.: *Философия общего дела*, 656–676. В обеих статьях была намечена перспектива перехода от эгоистического, эксплуатирующего отношения человека к природе к разумно-творческой ее регуляции

² См. примеч. 38 к статье «Всеобщая производительная математика».

[ПО ПОВОДУ РЕЧИ Л.Д. ТРОЦКОГО]

Печатается по: к. 18, ед. хр. 19.

Оригинал — рукопись зелеными чернилами с мелкой правкой. Статья является откликом на речь Л.Д. Троцкого «Задачи коммунистического воспитания» на пятилетнем юбилее Коммунистического Университета имени Я.М. Свердлова 18 июня 1923 года (отчет о выступлении: Правда. 19 июня 1923. № 134; текст выступления: Правда. 24 июня 1923. № 139). В центр своей речи Троцкий поставил вопрос о смысле революционности и воспитании нового человека, носителя этой революционности. Предостерегая от соблазна истолковать образ нового человека в «бесформенно-гуманитарном» смысле, он подчеркивал, что ныне создается «не отвлеченный гармонический и совершенный гражданин коммуны», а «конкретный человек нашей эпохи», человек-революционер, и за ним стоит не абстрактный, космический, а вполне конкретный, исторический, политический смысл.

Материалы статьи позднее были использованы Муравьевым в диалоге шестой ночи мистерии «София и Китоврас».

¹ Муравьев цитирует речь Троцкого (Правда. 24 июня 1923. № 139).

² В завершающей части своей речи Троцкий резко выступил против мистико-религиозных настроений и чувств, считая их несовместимыми с коммунизмом. «Необходимым условием теоретического воспитания революционера» он назвал атеизм «как неотъемлемый элемент материализма» (Там же).

³ Муравьев цитирует тезисы К. Маркса о Фейербахе в переводе Г. Плеханова по изданию: *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах. СПб., 1906. С. 90–93. В скобках он указывает страницы издания. Следующие две цитаты взяты из этого же произведения.

⁴ Муравьев цитирует работу Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» по тому же изданию (*Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах. С. 28–79). В скобках он указывает страницы издания.

⁵ См. примеч. 93 к «Овлаждению временем».

⁶ Об отношении к Н.Ф. Федорову Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева см. публикации и исследования в антологии: Н.Ф. Федоров: pro et contra. Кн. 1. СПб., 2004. В конце 1910-х. — 1920-е гг. эту тему активно разрабатывал А.К. Горский.

⁷ Проводя параллели между философией Федорова и преобразовательными идеями 1920-х гг., Муравьев стремится расширить творческий горизонт нового строительства. Характерно, что философ не скрывает разницы масштаба. И хотя христианский пафос философии Федорова, придающий совершенно иное звучание идее общего действия, по понятным причинам, раскрывать он не может, он указывает на ее «космичность», что на его «эзоповом» языке означает «религиозность», «соборность», «вселенскость» (ср. далее указание на то, что «космичность» по своей природе «метафизична»).

⁸ Движение биокосмистов зародилось в Москве в 1921 г. 17 апреля 1921 г. 26 биокосмистов во главе с поэтом-анархистом А. Святогором (наст. фамилия — Агиенко) и поэтом и публицистом П.И. Иваницким, интересовавшимся иммерталистическими и регулятивными идеями Федорова, создали в Москве клуб под названием «Креаторий биокосмистов». В группу также входили Н. Дегтярев, В. Зикеев, Е. Грозин, Б. Гейго-Уран, П. Лидин, В. Петров и др. В течение 1921–1922 гг. биокосмисты активно участвовали в религиозно-философской и литературной жизни Москвы, выступали с докладами и декларациями. Группа выпустила журнал «Биокосмист» (№ 1–4, М., 1922), брошюры «Биокосмизм. Материалы. № 1» (М., 1921) и «Два (Биокосмизм, материалы № 2)» (М., 1922). В 1922 г. в Петрограде поэт А. Ярославский образовал Северную группу биокосмистов. При петроградской группе начал выходить журнал «Бессмертие». Движение биокосмизма, выдвинувшее лозунг иммертализма и интерпланетаризма, по своей идеологии было прометеистическим, отражая господствующие настроения первых пореволюционных лет, в нем были сильны титанические, «человекобожеские» мотивы. Заимствуя идеи Федорова, они радикальным образом меняли их этический фундамент. Более того, прямо критиковали религиозную основу «Философии общего дела» (см.: Н.Ф. Федоров: pro et contra. Кн. 2. С. 405–418). Муравьев, так же как его друзья А.К. Горский и Н.А. Сетницкий, негативно относился к деятельности биокосмистов.

⁹ Брошюра акад. А.Е. Ферсмана «Пути к науке будущего» (Пг., 1922) представляла собой речь ученого, произнесенную 30 января 1922 г. на годовичном акте Географического института. В этой речи А.Е. Ферсман намечал линии развития научного знания, которое в мире будущего приобретет планетарный характер, определяя облик человеческой цивилизации. Главными задачами, стоящими перед наукой будущего, Ферсман считал завоевание пространства, времени, энер-

гии и материи, «подчинение сил мироздания победоносному гению человеческой мысли» (Указ. соч. С. 43), разрешение загадки жизни, регуляцию организма, раскрытие дремлющих физических и духовных возможностей человека.

¹⁰ Муравьев имеет в виду теорию преступной толпы, активно разрабатывавшуюся с конца XIX в. в европейской социологии и криминалистике: в работах Г. Тарда, С. Сигеле и др. (см. примеч. 31 к «Материалам к работе “Овладение историей”»).

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА МИРА

Текст печатается по: к. 12, ед. хр. 7, л. 1, 5, 6, 10, 11; к. 14, ед. хр. 5, л. 243.

Текст представляет собой черновой набросок записки Г.В. Чичерину в связи с международным положением России в 1922–1923 гг. и перспективами внешней политики нового государства. В 1922 — начале 1924 гг. Муравьев вынашивает мысль о возможности возвращения на службу в Наркомат Иностранных дел, которая была прервана арестом в феврале 1920 г. Им движет стремление служить России, укреплению ее международных позиций, желание внести в ее деятельность на мировой арене те сверхцели и сверхценности, без которых, по убеждению философа, политика узка и бескрыла. Наброски записки об институте мира и записки «Возможные достижения русской внешней политики» (см. ниже) были сделаны именно в этот период. Скорее всего, оба текста являются черновыми вариантами одной записки, которая или не была написана, или не сохранилась.

Идея создания международного института мира, выраженная в записке, восходит к серии статей Н.Ф. Федорова об умиротворении (*Федоров*. II, 285–334).

¹ *Гаагские конференции мира* 1899 и 1907 г. — международные конференции в Гааге, посвященные проблеме ограничения вооружений, разработке мирных способов решения международных споров. Первая конференция, проходившая 6(18) мая — 17(29) июля 1899 г., была созвана по инициативе России и объединила представителей 109 стран Европы, Азии и Америки. Во время первых же заседаний и обсуждений стало ясно, что главная цель конференции — ограничение вооружений — не будет достигнута, и на первый план выдвинулись более второстепенные вопросы — о правилах ведения войны и международном посредничестве (третейском суде), по которым были выработаны конвенции и декларации. Вторая мирная конференция, проходившая 2(15) июня — 5(18) октября 1907 г., была созвана по инициативе США. В конференции участвовали 44 государства. В процессе работы были пересмотрены конвенции 1899 г., приняты новые, но, как и в 1899 г., общей конвенции о разоружении принято не было. Были введены ограничения на ряд способов ведения войны, применение силы для взимания внешних долгов государств, обозначены права нейтральных государств во время военных действий, создан международный третейский суд и т. д.

² С 1915 г. пацифистские организации в Англии, США и Франции активно выступали с мирными инициативами, высказывались в поддержку гармоничного устройства международной жизни. 8 января 1918 г. президент США Томас Вудро Вильсон (1856–1924) выдвинул программу, которую полагал основой заключения мира между Антантой и США, с одной стороны, и австро-германской коалицией — с другой. Программа содержала 14 пунктов, предусматривавших со-

здание Лиги наций (см. примеч. 3), ограничение вооружений, разрешение колониальных претензий государств мирным путем, свободу морей и равенство условий международной торговли и т. д.

³ *Версальский мирный договор* — договор, закончивший Первую мировую войну. Был подписан 28 июня 1919 г. между союзниками и Германией. Хотя в основу договора были положены 14 пунктов президента Вильсона (см. примеч. 2), утверждавшие заключение мира на условиях равноправия, самоопределения народов и др., фактически договор имел целью передел мира в пользу держав-победительниц. Первая часть договора была посвящена учреждению *Лиги Наций*, объединения государств, ставившего целью, согласно уставу, «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безопасности». Учредителями Лиги Наций стали государства, воевавшие на стороне Антанты, Германия и 13 нейтральных государств не вошли в Лигу Наций. В первые годы после своего образования Лига Наций фактически выполняла роль хранительницы Версальского договора. Отношение правительства Советской России к Лиге Наций, идейный тон в которой задавали государства Антанты, развязавшие интервенцию, было резко отрицательным. СССР вошел в Лигу Наций только в 1934 г.

⁴ Далее наискосок вписано: «Институт в Германии».

ВОЗМОЖНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ РУССКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Печатается по: к. 12, ед. хр. 7, л. 2, 8–9; к. 14, ед. хр. 5, л. 268.

На первой странице чернового оригинала подзаголовок: «Докладная записка» и ниже зачеркнуто: «Г.В. Чичерину» (к. 12, ед. хр. 7, л. 2).

¹ Утерян 1 лист текста.

² Генуэзская конференция, собравшаяся с целью выработки программы «экономического восстановления Центральной и Восточной Европы», проходила 10 апреля — 19 мая 1922 г. Одно из центральных мест на ней занял вопрос об отношениях между РСФСР и западными странами после краха попытки свержения советской власти путем интервенции. Державы Антанты добивались дипломатической изоляции России, однако умелая дипломатия советской стороны нарушила их планы. Большой резонанс вызвало выступление Г.В. Чичерина, выдвинувшего предложение о всеобщем разоружении.

³ *Рапальский договор* — договор между РСФСР и Германией, подписанный во время Генуэзской конференции (16 апреля 1922). Предусматривал взаимный отказ сторон от возмещения военных убытков, восстановление дипломатических и развитие торговых отношений. Заключение договора нарушило планы создания единого антироссийского фронта в послевоенной Европе.

⁴ Речь идет о меморандуме правительства Великобритании от 8 мая 1925 г., направленном в адрес советского правительства министром иностранных дел Джоном Натаниелем *Керзоном* (1859–1925). Британское правительство требовало от СССР прекратить коммунистическую пропаганду и поддержку национально-освободительных движений на территориях, находившихся в зависимости от Великобритании (Ираке, Иране Афганистане, на северо-западе Индии и др.), настаивало на освобождении британских рыболовецких траулеров, нарушивших водное пространство СССР, протестовало против ареста двух британских подданных, обвиненных в шпионаже, а также церковных репрессий. В случае отказа СССР от выполнения требований, изложенных в ноте, британская сторона угро-

жала разрывом торгового договора. Дипломатическая переписка между двумя правительствами продолжалась с 11 мая по 18 июня 1923 г., что позволяет датировать записку Муравьева этим периодом.

⁵ В январе 1923 г. франко-бельгийские войска оккупировали Рурский бассейн, главный угольно-металлургический район Германии под предлогом того, что германский промышленный капитал выступает против репараций, установленных Версальским договором. Против оккупации, надолго парализовавшей экономику Рура и поставившую Германию на грань экономической катастрофы, из держав Антанты выступила только Англия. Протестовало против оккупации Рура и Советское правительство.

ПИСЬМО Г.В. ЧИЧЕРИНУ

Среди личных бумаг В.Н. Муравьева сохранилось письмо Г.В. Чичерину с просьбой о принятии на службу в Наркомат иностранных дел (см. преамбулу примеч. к записке «Об организации международного института мира»). Оригинал письма представляет собой машинопись с правкой рукой Муравьева (к. 20, ед. хр. 14, л. 30). Сохранился и другой набросок письма Г.В. Чичерину (без начала), в котором он касается вопросов тактики Советского правительства на международной арене, подчеркнуто демонстрируя свою лояльность (к. 12, ед. хр. 7, л. 3–4, 7). В наст. томе помещены оба текста.

¹ См. преамбулу примечаний к «Заявлениям в Особый отдел ВЧК». НКВД — Наркомат иностранных дел.

² Николай Васильевич *Крыленко* (1885–1938) — военный и государственный деятель, публицист, в 1919–1922 г. — член коллегии обвинителей Верховного трибунала при ВЦИК. Выступал обвинителем на главных политических процессах 1920-х годов, в том числе по делу Всероссийского Национального центра.

³ Было: «официально просить о принятии меня вновь на службу в НКВД».

⁴ КУБУ — Комиссия по улучшению быта ученых.

⁵ См. примеч. 14 к «Письмам Л.Д. Троцкому», примеч. 4 к «Заявлениям в особый отдел ВЧК».

⁶ Школа политических и социальных наук (*франц.*).

⁷ *Главлеском* — Главный лесной комитет, ЦУЛП — Центральное управление лесной промышленности.

⁸ См. преамбулу к статье «По поводу речи Л.Д. Троцкого».

⁹ Фридрих *Эберт* (1871–1925) — немецкий социал-демократ, первый президент Германии (избран в 1919 г.). Джеймс Рамсей *Макдональд* (1866–1937) — лидер Лейбористской партии Великобритании.

¹⁰ В феврале 1924 г. правительство Советской России было официально признано правительством Великобритании.

¹¹ Прямым действиям (*лат.*).

ПИСЬМО Н.К. КОЛЬЦОВУ

Печатается по: к. 21, ед. хр. 3, л. 32.

Николай Константинович *Кольцов* (1872–1940) — биолог, родоначальник в России экспериментальной биологии, член-корреспондент Петербургской ака-

демии наук (1916), академик ВАСХНИЛ (1929). В 1917 г. создал в Москве Институт экспериментальной биологии, который возглавлял до 1938 г. Особое внимание уделял генетике, изучал механизмы наследственности. Был одним из активных деятелей евгенического движения в СССР.

С Н.К. Кольцовым В.Н. Муравьев познакомился в период своего участия в работе Всероссийского Национального центра, поскольку заседания московского отделения Центра с 1919 г. проходили в кабинете ученого в Институте экспериментальной биологии. Ученого и философа сближал интерес к проблемам психофизического совершенствования человека, формирования творчески активного типа личности, однако в отличие от Кольцова Муравьев выстраивал образ человека будущего на более широком фундаменте, опираясь на традицию русской философской мысли.

¹ По всей вероятности, речь идет о записке «Тезисы по организации культуры», позднее переработанной Муравьевым в записку «Учреждение комиссии по овладению природой» (см. ниже).

² Курс по истории культуры Муравьев читал в Институте живого слова.

РАБОТА [КУЛЬТУРНОГО ТЕХНИКУМА]

Печатается по: к. 12, ед. хр. 12, л. 1–6.

Оригинал — третий экземпляр авторской машинописи с правкой рукой В.Н. Муравьева. Название статьи полностью не пропечатано. Статья написана в период работы философа в Институте живого слова (1921–1924), где он читал цикл «Общая культура оратора».

ПРОГРАММА ЦИКЛА ЛЕКЦИЙ «ОБЩАЯ КУЛЬТУРА ОРАТОРА»

Печатается по: к. 12, ед. хр. 12, л. 9–9 об.

Оригинал — авторская машинопись с правкой рукой В.Н. Муравьева. Программа цикла лекций, который философ читал в Институте живого слова. В архиве Муравьева вместе с программой цикла хранится список слушателей курса в составе 57 человек (Там же, л. 10–11).

ПИСЬМО Н.И. БУХАРИНУ

Печатается по: к. 14, ед. хр. 6, л. 54, 56, 59, 60, 53, 55.

Оригинал: авторская машинопись с мелкой правкой рукой В.Н. Муравьева. Поводом к письму стал доклад партийного и государственного деятеля Николая Ивановича *Бухарина* (1888–1938), с 1924 г. являвшегося членом Политбюро ЦК, членом ВЦИК и ЦИК СССР, на I Всесоюзном учительском съезде, организованном в Москве 12–17 января 1925. Одной из главных тем съезда, проходившего в период, когда на партийной повестке дня стоял вопрос об укреплении «смычки между пролетариатом и крестьянством», была роль учительства в деле просвещения деревни, повышения идейного и культурного уровня крестьянской

массы, ее воспитания в духе идей социализма. Доклад Бухарина «Учительство и комсомол» был произнесен в последний день съезда. Подчеркивая, что социальная революция переделывает психологическую и нравственную природу людей, Бухарин указал на тесную связь педагогики школьной и педагогики социальной, на воспитательную роль государства, говорил о необходимости сотрудничества носителей коммунистической идеологии (партийцев и комсомольцев) и педагогов-профессионалов. Взаимодействуя друг с другом, они должны расширить кругозор крестьянина, «преодолеть идиотизм деревенской жизни», содействовать становлению новых отношений между городом и деревней, утверждению их «культурной общности» (Правда. 4 февраля 1925. № 28).

¹ Подчеркивая тезис о руководящей роли партии в просветительской и культурной политике, Н.И. Бухарин в своем докладе приводил возражения учено-физиолога, акад. Ивана Петровича *Павлова* (1849–1936): «Как вы можете управлять культурной жизнью, когда вы сами сознаете, что пролетариат есть класс необразованный?» (Там же). О полемике Н.И. Бухарина с И.П. Павловым см.: *Корниенко Н.В.* «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М., 2010. С. 60–63.

² Лев Семенович *Сосновский* (1886–1937) — партийный и государственный деятель, журналист и публицист, представитель левой оппозиции, ответственный сотрудник газеты «Правда». Разыскать заметку, упомянутую Муравьевым, не удалось.

³ Муравьев имеет в виду тот раздел доклада Н.И. Бухарина, который был посвящен «борьбе с дебоширством», хамским и грубым поведением комсомольцев, носителей новой идеологии: «Например, нагадит комсомолец под окном у попа и думает, что он ведет антирелигиозную пропаганду. Это, товарищи, просто хулиганство» (Правда. 4 февраля 1925. № 28).

⁴ Было: «темный “простолюдин”, как раньше говорили».

⁵ См. примеч. 5 к «Предисловию к сборнику “Трудоведение”».

⁶ См. примеч. 30 к статье «Всеобщая производительная математика».

⁷ Идея создания такого Института, или Комиссии по управлению природой, высказана Муравьевым в специальной записке (см. ниже).

УЧРЕЖДЕНИЕ КОМИССИИ ПО УПРАВЛЕНИЮ ПРИРОДОЙ

Печатается по: к. 14, ед. хр. 6, л. 1, 3, 7–7а, 12–14, 18–24, 29, 33, 45, 52, 71.

Над запиской, призванной донести до представителей органов власти идею культуры будущего как совокупной, синтетической деятельности, преобразующей мир и человека, Муравьев работал в 1924 г. О широте замысла свидетельствует ее план, сохранившийся в архиве философа:

«I. Введение.

- 1) Малые результаты в области культуры при большой власти.
- 2) Культура как преобразование мира и борьба против природы.
- 3) Свободный рост культуры.
- 4) Организация культуры.
- 5) Необходимость изъять вопрос о культуре из ведения Наркомпроса, оставив ему только педагогику и создать специальный орган для организации культуры.

II. Символические виды культурной деятельности и степень их организации.

- 1) Философия
- 2) Наука
- 3) Искусство

III. Реальные виды.

Создание живых существ.

1) Генетика, медицина, эвгеника, практическая биология (НКЗДР).

2) Преобразование человека как индивида
а) педагогика (НКПР).

3) Преобразование человеческих отношений — Политика — Юридический строй (совокупность политических органов). НКВ[оен], НКИД.

4) Преобразование труда. НКТР.

5) Преобразование материального мира. ВСНХ. НКЗем.

Заключение. Россия должна дать пример» (к. 11, ед. хр. 17, л. 10; ср. вариант плана: к. 19, ед. хр. 1, л. 110–110 об.).

При составлении записки Муравьев частично использовал статью «Всеобщая производительная математика». Первый вариант записки носил название «Тезисы об организации культуры». В нем Муравьев предлагал организовать «науку и искусство», создав для этой цели ВСНИ — «Высший Совет Наук и Искусств, образованный по типу ВСНХ» (к. 14, ед. хр. 6, л. 26). Отдельные листы этого варианта сохранились в машинописи (Там же, л. 21, 24, 25, 26, 27, 28, 29). Затем Муравьев продолжил работу, делая необходимые исправления. Название ВСНИ вычеркивается из текста и вместо него появляется КУП (Комиссия по управлению природой). Текст заново перепечатывается и снова правится, причем Муравьев по цензурным соображениям убирает из записки даже краткие упоминания органов политической власти (эти фрагменты даны в примечаниях). Записка получает название «Учреждение комиссии по управлению природой».

Окончательный текст записки утрачен. Записка восстанавливается по сохранившимся в архиве Муравьева двум ее вариантам.

¹ Вычеркнуто: «политика находится в ведении совокупности политических учреждений и в то же время специально и технически обслуживается НКИД, НКВД, НКВОЕН». НКВОЕН — Народный комиссариат по военным делам.

² ВСНХ — Высший совет народного хозяйства, НКВШТ — Наркомат внешней торговли, НКФ — Народный комиссариат финансов, НАРКОМЗЕМ — Народный комиссариат земледелия, НКТРУД — Народный комиссариат труда, ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов; НКЗДР — Народный комиссариат здравоохранения, НКЮ — Народный комиссариат юстиции.

³ Далее вычеркнуто: «3) язык как средство сообщения выводов науки и искусства, причем язык следует понимать не только в смысле филологическом, но в смысле создания всеобщего логического или математического языка».

⁴ Было: «для политических органов».

ПИСЬМО Н.А. СЕТНИЦКОМУ

Печатается по: к. 21, ед. хр. 3, л. 2–4 об.

Николай Александрович *Сетницкий* (1886–1937) — философ, экономист, эстетик. О сотрудничестве В.Н. Муравьева с Н.А. Сетницким и его другом и еди-

номышленником А.К. Горским в 1923–1925 гг. см. вступит. статью, а также: *Сетницкий*, 3–6, 13–18, 538–544; *Философский контекст*, 79–125. См. также публикацию «Из переписки с В.Н. Муравьевым» (*Сетницкий*, 355–359).

Печатаемый текст представляет собой черновик письма. Судя по содержанию, письмо написано летом 1926 г. При интерпретации его содержания следует учитывать, что оно должно было быть послано из Москвы за границу России, в Харбин, где тогда служил Н.А. Сетницкий, и Муравьев знал, что письмо будет подвергнуто перлюстрации. Муравьев, весной 1926 г. принятый на службу в ЦИТ, должен был считаться с данным обстоятельством. Было ли отправлено письмо, неизвестно.

¹ Речь идет о работе Н.А. Сетницкого и А.К. Горского «Смертобожничество. Корень ересей, разделений и извращений истинного учения церкви. Догматические очерки. Часть 1. Борьба словом» (Харбин, 1926). Текст работы был написан А.К. Горским и Н.А. Сетницким в Москве в 1925 г. Авторы рассматривали историю христианства под углом вызревания в нем идеи человеческой активности в деле спасения, под углом борьбы воскресительной, преображающей веры Христовой со всеми формами обожествления смерти. В 1926 г. Сетницкий анонимно издал эту работу в Харбине отдельной брошюрой. Несколько экземпляров он отправил в Советскую Россию в публичные библиотеки, друзьям и знакомым.

² Реконструкцию текста данной работы см. в наст. томе.

³ Выражение о «материалистической» активности адресовано бдительному оку перлюстраторов. Сам Муравьев никогда не отождествлял революционность с «материалистической» активностью (см. «Письма Л.Д. Троцкому», «По поводу речи Л.Д. Троцкого» и др.). Полнота преобразовательного действия всегда сочеталась у него с религиозностью, но религиозностью, понятой активно и творчески, о чем свидетельствуют «Материалы к работе “Оправдание истории”», материалы к работе «Философия действия», записи, сделанные в ноябре 1926 г. по следам посещения Нового Афона и др.

[ЦИТ И НОУТ]

Печатается по: к. 20, ед. хр. 9, л. 1–8, 14–15, 38.

В черновых тезисах докладной записки, составленной В.Н. Муравьевым в качестве ученого секретаря Центрального института труда, поднимается тема научной организации умственного труда. К этой теме он и его друзья А.К. Горский и Н.А. Сетницкий обращались еще в 1923–1924 гг., когда в Советской России наблюдался пик интереса к проблеме НОУТ. Предлагая сосредоточить в ЦИТ разработку вопроса об организации науки, Муравьев стремится расширить сферу деятельности Института, надеясь в перспективе провести через него свои идеи о культуре будущего. Определенные надежды на то, что его план будет принят, у Муравьева имелись. Уже в первой половине 1920-х годов при ЦИТ начал функционировать специальный изыскательский отдел, объединявший специалистов по трудоведению, биологии, психологии и др. При отделе функционировали 8 лабораторий, библиотека, психофизиологическая амбулатория (*Кекечев К.* Исследовательский аппарат ЦИТ и его работа // Организация труда. 1924. № 1. С. 73). С каждым годом деятельность отдела все расширялась, и Муравьев имел основание надеяться, что его идеи вызовут интерес.

Примечательно, что в первом номере журнала «Организация труда» за 1928 г. появилась статья Гастева «ЦИТ как изыскательское сооружение». Теоретик НОТ, указывая на расширяющуюся от года к году научную деятельность ЦИТа, ставшего настоящей «фабрикой изысканий», подчеркивал необходимость новой постановки «методики научно-изыскательской работы», «внедрения научно-исследовательских методов в организацию труда и производства в промышленных предприятиях». При этом он ссылаясь на статью А.К. Горского (Горностаева) «Экономика научного производства», на которую указывает в своих тезисах и Муравьев (см. ниже). Можно предположить, что тезисы Муравьева и статья Гастева причинно взаимосвязаны, но для прояснения этой взаимосвязи нужны дальнейшие изыскания.

Проблеме организации научного труда, взятой уже не в проективном, а в историческом аспекте, Муравьев посвятил две статьи в журнале «Организация труда»: «Идея “научного производства” в середине XIX века» (1929. № 2. С. 73–74) и «Организация умственного труда у Бэкона» (1929. № 3. С. 56).

¹ НТО — Научно-техническое общество.

² 1 и 2 конференции ЦИТ прошли в 1921 и 1924 г. и сопровождались широким обсуждением деятельности и методики ЦИТ. 3-я конференция ЦИТ не состоялась.

³ *Бахметьев* — речь идет о П.И. Бахметьеве. Его взгляды на перспективы организации естественнонаучной работы изложены в статье «Завещание миллиардера», носившей подзаголовок «Метод разработки естественных наук в будущем» (Естествознание и география. 1904. № 8–10). Подробное изложение этой статьи делает А.К. Горский в статье «Экономика научного производства» (см. ниже). *Н.А. Умов* — см. примеч. 1 к статье «Всеобщая производительная математика». Поль *Отле* (1868–1944) — бельгийский предприниматель, специалист в области документологии и библиографии, проблем управления, организации библиотечного дела, один из основателей теории информатики. В 1924 г. на русский язык была переведена его книга «Организация умственного труда». *Вейсман* — Муравьев отсылает к книге Д. Вайсмана «К вопросу о повышении производительности научного труда (Научная организация научной работы)» (Екатеринослав, 1919). Герберт Кларк *Гувер* (1874–1964) — государственный деятель США, крупный промышленник, теоретик и практик управления производством, организатор Гуверовского Комитета по борьбе с промышленными потерями. «*Экономия производства*» — статья А.К. Горского «Экономика научного производства» (Октябрь мысли. 1924. № 5–6, псевд.: «А. Горностаев»), в которой был дан обширный материал по вопросу об организации умственного труда. *Институт международного сотрудничества* — Международный Институт интеллектуального сотрудничества, проект создания которого в 1928 г. был выдвинут Комиссией интеллектуального сотрудничества под председательством А. Бергсона (Муравьев посвятил проекту создания Института и первым шагам по его организации статью в журнале «Организация труда» (1928. № 1. С. 94)

⁴ В ЦИТ на основании разработанной Институтом методики профессионального обучения были организованы 3 цикла курсов: курсы А для подготовки квалифицированных рабочих, курсы Б для инструкторов производственного обучения, контролеров производства и др. и курсы В, готовившие промышленных администраторов и консультантов по научной организации труда.

ПИСЬМО А.К. ГАСТЕВУ

Печатается по: к. 20, ед. хр. 9, л. 22–22 об.

Алексей Капитонович *Гастев* (1882–1939) — поэт, журналист, публицист, революционный деятель, один из идеологов и теоретиков движения НОТ. Автор сборника «Поэзия рабочего удара» (Пг., 1918), книг и брошюр «Восстание культуры» (Харьков, 1923), «Время» (М., 1923), «Новая культурная установка» (М., 1923), «Культурные установки» (М., 1924). Создатель и руководитель Центрального института труда, редактор журналов «Организация труда», «Вестник стандартизации» и т. д.

Письмо было написано Муравьевым, когда после весенней «чистки» он официально уже не был ученым секретарем ЦИТ'а. Но по мере возможностей философ продолжал сотрудничество с Институтом, делал переводы, составлял научные обзоры, надеясь на восстановление на работе.

¹ Речь идет о статье Муравьева «The Centrale Institute of Work in Moscou» («Bulletin of the Taylor Society». N. Y., 1929. Vol. 14). В статье был дан обзор деятельности и структуры Центрального института труда, его задач, методов работы, основных подразделений, представлены отзывы о ЦИТе европейских и американских ученых.

² Харлоу *Персон* — американский деятель, занимавшийся проблемами управления производством, директор-распорядитель Тэйлоровского общества, инициатор и редактор сборника «Научное управление в американской промышленности».

³ ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с границей, общественная организация, основанная в 1925 г. в целях сотрудничества культурных деятелей Советской России и зарубежных стран, популяризации культуры народов России за границей, ознакомления общественных кругов СССР с достижениями мировой культуры.

ПИСЬМО Л.А. АВЕРБУРГУ

Печатается по: к. 20, ед. хр. 14, л. 8–11.

Лев Александрович *Авербург* (1896–1938) — общественный и государственный деятель, заместитель декана факультета советского хозяйства и права Ташкентского государственного университета, в 1925–1934 гг. руководитель сектора гражданского советского строительства и финансов Госплана Средней Азии.

Письмо написано в период, когда Муравьев, потерявший работу в ЦИТе и предчувствовавший возможный арест, пытался найти новую службу, желательно подальше от Москвы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ПЛАНЫ, НАБРОСКИ

СОВЕТНИК СМЕРТИ

Печатается по: к. 7, ед. хр. 9.

Над пьесой «Советник смерти» В.Н. Муравьев работал в 1927 г. Как в случае с философской мистерией «София и Китоврас», первоначально он задумывал изложить ее идейный сюжет в форме повести. Сохранилась машинопись трех глав (к. 7, ед. хр. 10). В первой главе («Смеющийся Вахх») профессор Рудный получает исповедальное письмо от Елены Монкевич. Молодая женщина пишет о «минутах тяжелой реакции», переживаемых ею после их чувственных встреч, после «античных» вечеров на квартире Иннокентия Павловича, участники которых тщатся воскресить «оргазм» древних греков, на деле же ниспадают в безобразный и пошлый разврат. Главы вторая и третья («Эпигоны богоискательства», «Писистанат, или Советник Смерти») рисуют философское собрание в доме Рудного, где звучит его доклад о жизни и смерти, обосновывающий самоубийство как единственный акт достоинства и свободы, который остается человеку, сознавшему бессмыслицу существования. Описывая обстановку собрания, Муравьев отчасти передает атмосферу домашних философских кружков 1920-х гг., некоторые персонажи отчетливо соотносятся с их прототипами (о. Владимир Медиоланский — с о. Павлом Флоренским, Постышев — с А.К. Горским, «известный врач-биолог» С.Д. Нефорошин — с Н.К. Кольцовым и др.). Центральной темой беседы, предваряющей чтение доклада, является ситуация в Новом Афоне. В речи проф. Маेतнова и о. Николая Медиоланского Муравьев вплетает свои впечатления от посещения разоренного монастыря в ноябре 1926 г.

Впрочем, от прозаической формы Муравьев быстро отказывается. Третья глава, включающая текст доклада Рудного и последующее его обсуждение, содержит рукописную правку, превращающую прозаический текст в драматический. Муравьев делает набросок плана пьесы, заметки и наброски отдельных сцен (к. 7, ед. хр. 13, л. 6–9 об.–28; ед. хр. 3в) и начинает писать первое действие. Оно открывается диалогом (еще очень кратким) жены Рудного Ирины Михайловны и прислуги Анисьи (вскоре она станет Феклушей, а в окончательном тексте превратится в Маврушу), продолжается диалогом Рудного и Елены, сценой сбора гостей и завершается чтением доклада, причем в рукописный текст Муравьев вставляет препарированный фрагмент доклада Рудного из прозаического варианта (к. 7, ед. хр. 1, л. 2–24). Он делает черновые наброски к другим действиям пьесы, прописывает отдельные сцены (Там же, л. 25–48; ед. хр. 3а, л. 8–20). Особенно долго размышляет над сценой в пансионате в Сухуми. Первоначально он планировал «заселить» пансионат туберкулезниками и сделать смысловой акцент на диалоге Рудного, готового, несмотря на физическое здоровье, сознательно прервать свою жизнь, с безнадежно больной молодой женщиной (Софьей Мироновной или Лидией Петровной), жаждущей жизни и сознающей, что ее дни сочтены (к. 7, ед. хр. 3а, л. 11–16), но затем оставил такой поворот сюжета, и жителями пансионата стали праздные обыватели, болтающие о пустяках.

Наконец, была закончена первая черновая редакция пьесы. Она представляет собой машинописный и частью рукописный автограф с правкой синей ручкой и простым карандашом (к. 7, ед. хр. 4; ед. хр. 12, л. 14–16, 18–20). На листе, с которого начинается первое действие, простым карандашом написано название «Жизнь и смерть» (к. 7, ед. хр. 12, л. 2). Титульный лист ныне утрачен, но, как

следует из описи фонда Муравьева, на нем значилось: «Жизнь и смерть: Драма в пяти действиях и девяти картинах». Так уже в заглавии обозначил Муравьев две главные темы, два предмета философского спора, два онтологических и аксиологических понятия, сталкивающихся в художественном пространстве пьесы. А затем началась работа над диалогами. Муравьев «чистил» текст, убирал длинноты и излишнюю риторичность из диалогов, делал их более динамичными, правил ремарки, стремился ярче и выпуклее представить характеры действующих лиц. Считаясь с обстоятельствами цензуры, снял некоторые религиозно-философские акценты, приглушил «федоровские» нотки в репликах Постышева и Миши Миронова, убрал из числа персонажей отца Николая Медиоланского.

Правка велась и по рукописи, и в процессе перепечатки, которую Муравьев делал сам (к. 7, ед. хр. 6). Так, именно при перепечатке появилась новая концовка пьесы. В первой редакции пьеса заканчивалась вдохновляющими словами Миши Миронова: «Пусть знает Европа, пусть знает мир, что Русская революция есть только начало. Мы нищи, оборваны и голодны, но в нас горит огонь великой надежды, наша воля непреборима, наша смелость не имеет пределов. Мы не остановимся, пока не дадим счастья человечеству, пока не превратим землю в цветущий сад» (к. 7, ед. хр. 4, л. 97). В новой машинописи появляется другой, «снижающий» пафос финал. Звучит монолог Миши, он и Елена «удаляются, идя навстречу Солнцу», и тут «из кустов выходит Нептырь. Он смотрит им вслед и начинает собирать цветы, оглядываясь, не идет ли сторож», а затем бросает финальную реплику. «Не было места попчке. А эти не то — возьмут с бою» (к. 7, ед. хр. 6, л. 7).

Впрочем, эту версию, наводящую зрителя на молчаливый вопрос: так ли уж абсолютно напористое прометеистское дерзание нового поколения, идущего «вперед и выше», Муравьев тут же смягчает, чтобы говорящий контраст хотя и читался, но не слишком «выпирал». Окончательная версия финала звучит так:

«Они удаляются, озаренные солнцем. Из-за кустов выходит *Нептырь*. Он одет странником. В руке у него дорожная клюка. Останавливается и смотрит на цветы на клумбах:

Нептырь. Хороши цветочки-то — и могилку уберут и свадьбу украсят.

ЗАНАВЕС» (Там же).

По тексту второй редакции правка была продолжена. Снята ремарка, указывающая на время действия: «Происходит в Москве в 1926 году» (Там же, л. 2), еще глуше стала активно-христианская нота. Зачеркнуто прежнее название пьесы «Жизнь и смерть» (Там же). В новой перепечатке пьеса получила заглавие «Советник смерти» (на экземпляре титульного листа, перенесенного затем в экземпляр с текстом окончательной редакции, напечатано: «Советник смерти. Пьеса в 5 действиях и девяти картинах. Сочинение В.Н. Муравьева» (к. 7, ед. хр. 9, л. 1)). Причем в отличие от машинописи первой и второй редакции, которую делал сам Муравьев, эта перепечатка делалась профессиональной машинисткой в четырех экземплярах. Первый экземпляр в архиве отсутствует. От двух экземпляров осталось только первое действие, и только один экземпляр сохранился полностью (к. 7, ед. хр. 5).

Судя по профессиональной перепечатке, Муравьев планировал, что чистовая машинопись будет последней, однако работа над пьесой была продолжена. Муравьев вычеркнул большой диалог Елены Монкевич и Марии Валентиновны Неретиной, ее подруги по Художественным курсам (Там же, л. 27–30), тормозивший действие и содержащий смысловые повторы, сделал более динамичным диалог Елены и Нефорощина, произвел мелкую правку текста.

Снова вернулся он и к концовке. Фраза юродствующего Нептыря о цветочках, которые «и могилку уберут, и свадьбу украсят», все же слишком диссонировала с финальным диалогом Елены и Миши. К тому же в ней был тот «смертобожнический», как сказали бы его друзья Н.А. Сетницкий и А.К. Горский, оттенок, который придавать своему творению Муравьев, при всей его убежденности, что прометеизм уступает богочеловечности, а коллективизм уже соборности, все-таки не хотел. На последнем листе пьесы появилась концовка, которая и останется в окончательном тексте (Там же, л. 91–91 об.)

В какой-то момент Муравьев решил изменить и заглавие, сделав его более простым, прозрачным и проходным. Метафорическое заглавие «Советник смерти», по форме слишком напоминавшее заглавия символистских пьес, для второй половины 1920-х годов было неудачным. Возникла идея назвать пьесу «Два поколения», вынеся в заглавие тему идейного спора «старого» и «нового» поколения и тем самым сделав ее содержание более понятным современной эпохе и более приемлемым для идеологической цензуры.

В одном из черновых карандашных набросков, по всей видимости предназначенных для авторской заявки, философ так комментировал эту тему: «В пьесе поставлен вопрос о смысле жизни. Получается два разных ответа. Старая интеллигенция дает безнадежный ответ, обостренный в проповеди самоубийства Рудного. Молодежь, рожденная Революцией и создающая новую культуру, видит смысл жизни в социальном действии, направленном к преобразованию мира» (к. 8, ед. хр. 34, л. 1 об.).

Тогда же, стремясь заострить разницу между двумя мирами, миром чистой, одушевленной юности, и миром прежней культуры, Муравьев решает начать пьесу не с философского собрания в доме профессора Рудного, на котором прозвучало его исповедание веры, а с вечера на квартире директора Художественных курсов Иннокентия Павловича Помонского (в другой версии он был назван заведующим хозяйством курсов и носил фамилию *Попадунчик*). Философ пишет сцену «Красивая жизнь», представляя один из тех «античных» вечеров, о которых с таким стыдом вспоминала Елена Монкевич в прозаической версии сюжета о профессоре-самоубийце. Перед зрителем проходят весьма неприглядные типы: «сам Попадунчик — человек огромной толщины»; профессора Художественных курсов Николай Эрвинович Клитге, убежденный, что Свидригайлов — главный герой Достоевского, и Антон Васильевич Чудесов; Семен Петрович Редискин (потом он переключается в незаконченную пьесу о Канищеве и Васькове): в Гражданскую он вел «контрреволюционные разговоры, ожидал падения советской власти», а теперь «стал революционным археологом», откапывает «памятники империализма» и метит в Комакадемию. А еще ученый секретарь Николай Николаевич Нога, Василий Евтихийевич Нептырь и скучающие дамы: они тоскуют по красивой жизни и умоляют мужчин устроить оргию. Прямой разговор сменяется диалогом Елены и Рудного (составляя его, Муравьев использует текст диалога профессора и ученицы на квартире Рудного перед чтением доклада, перенося фрагменты из чистового экземпляра машинописи, правя их и komponуя по-новому), а затем следует оргия, перед которой Рудный произносит монолог о единстве любви и смерти в мирозерцании древних и призывает присутствующих забыть в пляске «во имя умирающего Диониса» (к. 7, ед. хр. 12, л. 2–6; ед. хр. 3а, л. 2–7).

Впрочем, Муравьев в конечном итоге отказывается от намерения ввести сцену оргии. Ее появление смещало основной акцент пьесы. С введением этой сцены главный герой предстал пресыщенным интеллигентом, рядящимся в античную тогу, манерной выглядела и проповедь самоубийства, в то время как Муравьев стремился показать глубину страдания героя, утратившего смысл

жизни и хватающегося за смерть как за соломинку, способную вернуть этот смысл, как за последнюю опору человечности в бессмысленном и страдающем мире. Возвращаясь к начальному варианту первого действия, Муравьев не только снимает сцену оргии, но и сокращает «античные» мотивы в диалоге Елены и Рудного. Снимает он и тот фрагмент диалога, где Рудный, демонстрируя свой скептицизм и разочарованность в жизни, цитирует стихотворение Алексея Толстого («Но трезв был ум и чужд ему восторг, / Надежды я не знал, ни опасения. / Со злобой дня души постыдный торг / Стал для меня без смысла и значения / Для всех тревог бесследно умер я...»). На этом пятистишии Муравьев ранее делал особый акцент. Оно вторично звучало в сцене в горах: Рудный декламировал его, стоя на площадке у обрыва, а затем повторял отдельные строки непосредственно перед самоубийством. Теперь же Муравьев убирает цитату, а в последнем диалоге Елены и Рудного заменяет реплику «Но трезв был ум и чужд ему восторг» на фразу «Есть Бог или нет — все одно» (Там же, л. 76). Именно эта фраза, рисуемая предел отчаяния, безверия, богооставленности, и раскрывает главную причину духовной драмы Рудного. Он уходит из жизни не как античный скептик, а как человек христианской эры, для которого так и не раскрылась суть Христова учения, оправдывающего жизнь, человека, историю.

Окончательная редакция пьесы, сохранившаяся в архиве Муравьева, представляет собой правленную машинопись на 80 листах (к. 7, ед. хр. 9). В папке, содержащей текст этой редакции, два титульных листа. Первый — с названием «Советник смерти» (см. выше), второй с названием «Два поколения. Драма в пяти актах и девяти картинах В.Н. Муравьева» (Там же, л. 2). Правка текста точечная, относится к орфографии и пунктуации и лишь в некоторых случаях касается содержания текста (эти случаи отмечены в примечаниях).

Сохранился среди бумаг Муравьева и беловой «сценарий» пьесы (в нескольких экземплярах), содержащий краткое изложение основного действия (к. 7, ед. хр. 11). В «сценарии» Муравьев обозначил время действия: «после 1925 года» и вернул пьесе название «Советник смерти» (Там же, л. 1). По всей вероятности, философ намеревался представлять этот сценарий вместе с заявкой в издательства и театры. Однако ни издать пьесу, ни тем более добиться ее постановки на сцене ему не удалось.

В основу публикации положен текст последней редакции. В примечаниях указаны исправления, сделанные Муравьевым в тексте пьесы, а также отдельные разночтения с предыдущими редакциями. В приложении помещена вторая глава прозаической версии.

¹ Было: «профессор философии».

² В предыдущих редакциях: «Сенека из Сивцева Вражка».

³ В предыдущих редакциях: «или Академию Духовной Культуры».

⁴ В первой редакции: «Пора наконец поставить вопрос о смерти. Смертобожничество западной культуры нуждается в отпоре» (к. 7, ед. хр. 4, л. 8).

⁵ В рукописном варианте первой главы стояло: «Кришнамурти». Однако уже здесь по ходу диалога Муравьев заменил «Кришнамурти» на «Пришнакурти» (к. 7, ед. хр. 1, л. 14–15)

⁶ Было: «религиозно-философских».

⁷ Далее зачеркнуто: «Анна Каллистратовна. Надо непременно спросить про части растерзанного Лотоса».

⁸ В первой редакции пьесы этот диалог выглядел так:

«Входят Василий Евтихievич Нептырь и профессор Оттон Андреевич Лаубе и отец Николай Сергеевич Медиоланский.

Нефорошин (*продолжая разговор с Постышовым*). Представьте себе, вчера ко мне зашел знакомый, приехавший прямо из Парижа. Профессор Забитный, знаете?

Анна Калистратовна. Из Парижа?

Рудный. Это интересно, что же он рассказывает?

Нефорошин. О, много любопытного. Самое интересное, это поразительное изменение отношения к нам, к Советской России.

Постышов. Что вы говорите? В какую же сторону?

Нефорошин. Раньше на нас смотрели с ненавистью и некоторым презрением — знаете ли, изменили союзникам, революция, неплатеж долгов, террор и проч. Теперь же совсем другое дело. Нас, конечно, продолжают ненавидеть и рассказывают разные небылицы что трамваи не ходят и тому подобное. Но прониклись уважением. *Ex oriente lux*. От нас ожидают нового слова.

Постышов. Новое слово давно сказано. Это Октябрьская Революция. Ждали Третьего Рима — получили Третий Интернационал.

Рудный. По-видимому, идеи Шпенглера завоевывают все новых сторонников.

Нефорошин. Ну, это естественно. Все-таки Революция, да еще с таким размахом, как наша. Это что-нибудь да значит.

Постышов. Революция не от слабости — а от силы русского народа. В ней сказался наш древний мессианский дух. Я думаю, больше всего впечатления производит проект всеобщего разоружения. Это, в самом деле, грандиозная идея. Я подаю Луначарскому записку об обращении оружия против слепых сил природы согласно заветам Николая Федоровича Федорова.

Маетнов. Ну, пошла федоровщина!

Постышов. Вы напрасно так говорите. Регуляция природы и уничтожение смерти — это две идеи будущего.

Рудный (*вполголоса*). Уничтожение смерти? Не лучше ли уничтожение жизни» (к. 7, ед. хр. 4, л. 10).

⁹ *Катцениаммер* (букв.: кошачьи вопли) — похмелье.

¹⁰ В предыдущих редакциях: «Философии Эпикура и Сенеки я противопоставляю учение Гегезия». *Гегезий* — см. примеч. 229 к мистерии «София и Китоврас».

¹¹ Говоря о Гегезии, Рудный опирается на рассказ о нем М.Т. Цицерона в «Тускуланских беседах» (см. примеч. 16): *Цицерон М.Т.* Избранные сочинения. М., 1975. С. 235.

¹² Поль *Лафарг* (1842–1911) — философ, общественный деятель, один из вождей марксистского крыла рабочего движения во Франции. Считая возраст в 70 лет предельным для активной деятельности человека, достигнув его, покончил с собой. Вместе с ним ушла из жизни его жена, дочь К. Маркса Лаура Лафарг.

¹³ В предыдущих редакциях эта фраза дана так: «Вспомним индийского гимнософиста Калана, сжегшего себя в торжественной обстановке при всей армии Александра Македонского, вспомним греческого философа Клеомброта, прыгнувшего в море после прочтения платоновского “Федона”, или из Нового времени Зола — умершего добровольно вместе со своей женой!» (к. 7, ед. хр. 6, л. 13). Упоминание о самоубийстве Золя ошибка или описка: совместное самоубийство совершила чета Лафарг.

¹⁴ Данное изречение приведено в «Тускуланских беседах» М.Т. Цицерона. Афоризм подарил царю Мидасу Силен, попавший к нему в плен, в благодарность за свое освобождение (см.: *Цицерон М.Т.* Избранные сочинения. С. 246).

¹⁵ В первой редакции реплика Постышова выглядит так: «Постышов (*снова вскакивая с места и размахивая руками, кричит*). Вот вам блестящие результаты западной культуры. Вся она проникнута до мозга костей духом смертобожничества, преклонением перед смертью. Владимир Платонович, в своей речи, которая глубоко возмутительна и невероятна даже, выразил всю сущность западной культуры, весь ее пафос» (к. 7, ед. хр. 4, л. 16).

¹⁶ Речь идет о сочинении Марка Туллия Цицерона «Тускуланские беседы» (45 до н. э.). Первая книга бесед носит название «О презрении к смерти» и посвящена доказательству того, что смерть «не только не зло, но даже благо». Смерть — «прибежище и пристанище для человека», ибо «смертный день не угашает душу, а лишь переселяет ее в иные места» (Цицерон М.Т. Избранные сочинения. С. 214, 247, 248).

¹⁷ «Новая деревня» — народная песня «Прощай ты, Новая деревня, / Прощай ты, вся моя семья, / Прощай, подруга дорогая, / Как знать, увижу ль я тебя?..»

¹⁸ В первой редакции этот фрагмент диалога выглядит так:

Елена. О преобразовании жизни через искусство.

Миронов. Да, не только жизни, но всех людей, всех живых существ, всех вещей. Производство, техника, наука должны слиться с искусством и переделать мир, дать ему новый образ. Человек должен получить новое тело, вещи должны из мертвых подобий обратиться в живые существа. Вот моя картина и должна дать как бы образ этого нового мира. Собственно говоря, тут три картины: одна — старый мир, люди в борьбе, в ужасе, со страстями, с тоской и гневом на лице. Тут разброд, борьба всех против всех, жестокости, бессмысленная погоня за удовольствиями, самоуслаждение. Затем вторая картина — творчество нового образа, те же люди, что и в первой картине, собрались вместе с большим залом, объединились в творческой симфонии. Они в муках творчества, им трудно, они страдают, они делают усилие. Единая мысль видна в их глазах, единый ритм управляет их движением. Тут нет отдельных художников, так же как нет отдельных искусств — архитектуры там, живописи, музыки. Есть один общий организм, и творчество его одновременно есть и живопись, и музыка, и архитектура. Люди узнали тайну деятельных волн, излучаемых живыми существами, и собрались, чтобы вместе, сообща создать новый образ, который будет не образом только, а живым существом, новым целым.

Елена. Понимаю, Миша, каждый человек отдельно имеет свой образ, а это уже новый образ — как бы синтез всех образов.

Миронов. Да, и третья картина, с которой я начал, должна изобразить ту же толпу, что первая картина, но [это толпа] уже не борющаяся и не в муках творчества, а с новым, совершенным и чудесным лицом. Так — одни и те же люди, сперва без общего лица, потом с лицом строгим и страдающим, затем с лицом преображенным. Какое оно, это преображение мира, я еще не знаю. Я ишу.

Елена. Миша, это огромный и глубокий замысел.

Миша. Трудно это очень, Елена Герасимовна, тут работа на много лет. Чувствую, что во мне есть сила, что-то из меня изливается, не могу не думать и не писать. Только не хватает мне знаний. Как вы счастливы, Елена [Герасимовна], что имеете такую культуру» (Там же, л. 29–30).

¹⁹ Во второй редакции далее следует: «Католические патеры в особенности умели влиять на человеческую душу» (к. 7, ед. хр. 6, л. 45).

²⁰ Профессор Маевнов, перечисляя «литературу вопроса», отсылает к диалогу Платона «Федон» (диалог содержит беседу Сократа с друзьями и завершается его самоубийством), философии стоиков и эпикурейцев, упоминая как собственные их сочинения, так и книгу «О жизни, учениях и изречениях знаменитых

философов) античного историка греческой философии Диогена Лаэртия (конец II — начало III в.) и книгу французского философа Жана Мари Гюйо (1854–1888) «Стоицизм и христианство» (рус. пер.: СПб., 1900).

²¹ Эмиль Дюркгейм (1858–1917) — французский философ и социолог, активный противник идей социального атомизма, сторонник общественной солидарности, основанной на разделении труда и составляющей примету развитого социального организма. По мнению Маетнова, Рудный, сторонник античного скептицизма (основателем которого был греческий философ Пиррон, проповедовавший идею автономии личности в сочетании с отказом от активности, с подавлением стремлений, желаний, эмоций) не может быть восприимчив к идеям Дюркгейма.

²² В письме и заметках о Новом Афоне, сделанных осенью 1926 г. (см. Т. 1), Муравьев писал о разоренном хозяйстве монастыря, славившегося своими апельсиновыми и лимонными садами, подчеркивая, что цветущее хозяйство Нового Афона было плодом труда, освященного любовью и верой. Ванька, представитель поколения будущего, хочет сажать апельсины — появляется мотив надежды на восстановление разоренного сада, но для Рудного «апельсины на Афоне» — символ бессмысленного труда, тем более в ситуации, когда «Есть Бог или нет — все одно».

²³ Знаете ли вы (*франц.*).

²⁴ Доверенное лицо (*франц.*).

²⁵ Было: «чистки».

²⁶ Сильнее смерти (*франц.*).

²⁷ «Если бы молодость знала, если бы старость могла» (*франц.*)

²⁸ Цитата из работы Р. Вагнера «Искусство и Революция» (1849) приводится Муравьевым по следующему изданию: *Вагнер Р. Искусство и Революция*. Пг., 1918. С. 25. Именно это издание с предисловием А.В. Луначарского держит в руках Миша Миронов.

²⁹ Печатается по: к. 7, ед. хр. 10, л. 5–9.

³⁰ Далее Муравьев излагает свои впечатления от собственной поездки в Новый Афон осенью 1926 г.

³¹ Имеется в виду Вольная академия духовной культуры, созданная в Москве в 1919 г. Н.А. Бердяевым и прекратившая свое существование в связи с отъездом ее духовного главы и вдохновителя.

³² Отец Павел Флоренский, прототип отца Владимира Медиоланского, был убежденным сторонником имяславия. С его предисловием была напечатана книга лидера имяславцев иеромонаха *Антония (Булатовича)* (1870–1919) «Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисус» (М., 1913).

[НАЧАЛО ПЬЕСЫ]

Печатается по: к. 8, ед. хр. 34; к. 7, ед. хр. 12, л. 25 об.

Оригинал — машинопись с правой рукой Муравьева. В к. 8, ед. 34, содержащей текст первой картины, на оборотах листов 4, 7, 9 — фрагменты машинописи пьесы «Советник смерти» (часть первого диалога Елены и Рудного и вариант финала с фразой Нептыря: «Хороши цветочки-то...»), из чего можно предположить, что работу над пьесой Муравьев начал в 1927 г. По всей вероятности, она так и не была завершена: на листе, содержащем начало второй картины, напечатана только «шапка» с обозначением места и участников действия (к. 7,

ед. хр. 12, л. 25 об.), а хранящийся в другой папке лист с кратким содержанием пьесы (к. 20, ед. хр. 2, л. 31 об.) содержит канву только первой картины и заголовков второй.

Как и в пьесе «Советник смерти», которой Муравьев намеревался дать заглавие «Два поколения», основной конфликт разворачивается между представителями двух разных правд: коммунистом Васьковым и обитателями усадьбы, после революции превращенной в музей.

¹ Судя по тексту машинописи, Муравьев искал подходящее имя для тетки Канищева. Первоначально в описании действующих лиц она звалась Аглаей Семеновной, затем «Аглая» было переправлено на «Феоктиста», и уже по ходу работы над пьесой Муравьев изменил «Феоктисту» на «Леокадию», как она и обозначается в нижеследующем тексте.

² Вверху вписано: «Подготовка модельщика».

[ГЕРСЕВАНОВ]

Печатается по: к. 7, ед. хр. 23, л. 1–5.

Оригинал — автограф простым карандашом на пяти больших листах.

Замысел рассказа или пьесы о Герсеванове относится ко второй половине 1920-х гг. В исканиях главного героя Муравьев отчасти воспроизводит собственный духовный путь.

¹ В данном эпизоде отразились впечатления Муравьева от заседаний Петербургского Религиозно-философского общества, которые он посещал. 6 мая 1913 года философ был на докладе Д.С. Мережковского «Две России». В статье «Неведомая Россия» (Русская мысль. 1914. № 1) Муравьев полемически высказался по поводу этой статьи, упрекая идеолога «нового христианства» в отвлеченности мысли и подчеркивая, что существует только одна Россия, основа которой — органическая народная вера.

² В первом номере еженедельника «Русская свобода» за 1917 г. Муравьев поместил статью «Русский революционный мессианизм». В ней он вспоминал древнерусский духовный стих о Егории Храбром, сыне Софии Премудрости Божией, плененном злым царем Бусурманищем: через 30 лет плена чудесно распадутся его оковы, он освобождает христианский народ от злого царя Демьянища, спасает мать и сестер, совершает ряд *творческих* подвигов: «по его велению разрастаются леса, бегут реки, становятся горы, живут звери, рыбы, птицы». В образе Егория Храброго, подчеркивает Муравьев, «как бы предсказан плен русского народа и освобождение его», Революция, освободившая народ от внешнего угнетения, должна стать началом новой творческой эры, эры христианской любви, всецерковности, поставить на место «государства экономического» идеал Церкви (Русская свобода. 1917. № 1. С. 18–22).

³ Муравьев распределяет между участниками диалога мысли своей статьи «Русский революционный мессианизм»: «Революция прошла без молитвы, при безмолвных и темных храмах. Разве не поразительно и не странно, что всенародное празднество на Руси прошло без колокольного звона? Быть может, пока это только дуновение “ветров буйных”, разламывающих щиты дубовые. Солнце красное еще не обогрело истосковавшиеся по свободе, похолодевшие от долгого плена в подземелии сердца. Колокольный звон еще впереди. <...> Русская Рево-

люция имеет своим конечным идеалом именно Церковь, к которой она идет через культуру. Там и только там встретятся интеллигенция и народ при колокольном звоне, так печально отсутствующем в нынешние дни» (Русская свобода. 1917. № 1. С. 19, 22).

⁴ В данной сцене Муравьев намеревался изобразить заседание Московского отделения Всероссийского Национального центра (см. преамбулу примеч. к «Заявлениям в особый отдел ВЧК»).

⁵ Под названием «кружок Бердникова» Муравьев намеревался изобразить домашние философские собрания на квартире Н.А. Бердяева (см. примеч. 28 к «Заявлениям в Особый отдел ВЧК»).

⁶ См. примеч. 226 к мистерии «София и Китоврас».

⁷ Фокстрот (*англ.*).

⁸ См. примеч. 31 к пьесе «Советник смерти».

ПОЛОНЕННОЕ ЦАРСТВО

Печатается по: к. 8, ед. хр. 32, л. 1–8; ед. хр. 33, л. 1–3, 6–7.

В настоящей подборке помещены планы и наброски к неосуществленному замыслу сказки «Полоненное царство». Замысел сказки, вобравшей в себя мотивы русских сказок, древнерусских легенд и апокрифов, в том числе любимого Муравьевым духовного стиха о Егории Храбром, относится к середине 1920-х гг. В форме сказочного повествования, раздвигающего границы возможного, Муравьев намеревался представить идею творческого преображения мира. Сказка «Полоненное царство» — своего рода художественная параллель к работе «Культура будущего».

Вынашивая замысел сказки, работая над ее формой, Муравьев широко обращался к фольклорным источникам. В его архиве сохранились выписки из двухтомного сборника «Сказки и песни Белозерского края» (М., 1915) Б.М. и Ю.М. Соколовых (к. 8, ед. хр. 32, л. 11–20). Муравьев фиксирует характерные сказочные выражения: «муха шумиха», «вошь поползуха», «комар пискун», «блоха попрядуха», «мышечка-тютюрюшечка», «ящерка шерошерочка», «Бурзачило поганый», «Вихорь, Чудо-юдо», «Змей многоглавый» и др., ищет в русской сказке мотивы преображения, «изменения своего организма» и преобразовательной работы в мире («топор-саморуб вычищает остров и ставит дом, строит мост», «избушка на курьих ножках (дом-оболочка подвижной)»).

ВОССТАНИЕ РАДИОНАСЕКОМЫХ

Печатается по: к. 8, ед. хр. 29; ед. хр. 32, л. 9.

Набросок фантастической пьесы.

Для социологической и естественнонаучной мысли второй половины XIX — начала XX в. был характерен интерес к жизни общественных насекомых, в частности к социальной организации термитов, основанной на четкой иерархической структуре и разделении функций трех каст: производителей, солдат и рабочих. Популярны были эти сравнения и в среде евгенистов. Так, Н.К. Кольцов, один из ведущих теоретиков и апологетов евгеники в Советской России, писал: «Для дальнейшей эволюции человеческого типа может быть поставлен идеал такого

приспособления к социальному устройству, которое осуществлено у муравьев или термитов» (*Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1. Вып. 1. С. 15*). Что касается Муравьева, то его привлекает не столько жесткое устройство социума у насекомых (в его пьесе насекомые восстают против «угнетения» и совершают в термитнике революцию), сколько сложная организованность их природы, способность к трансформации организма, ориентации в пространстве, улавливанию электромагнитных волн и т. д.

В жанре научно-фантастической пьесы Муравьев надеялся изложить те идеи о культуре будущего, которым не было доступа в советскую печать. В то же время, описывая жизнь насекомых, он в индизвольной форме ставил ряд испытующих вопросов самому человеку, цивилизации какова она есть. В набросках пьесы отразились размышления философа о нравственных основаниях прогресса (борьба термитов и людей вместо любовного сотрудничества меньшей твари и человека), о возможных последствиях необдуманных научных экспериментов (взрыв земли в результате опытов с ядерной энергией), о двух путях развития: техническом, идущем по пути создания искусственных механизмов, и органическом, раскрывающим внутренние потенции живого существа.

В архиве Муравьева сохранился листок под заглавием «Восстание радионасекомых»: на нем рукой философа сделан список литературы, на которую он планировал опираться, разрабатывая тему социальной организации термитов. В списке 35 позиций. Это естественнонаучные сочинения (А. Брем. «Жизнь животных», А. Эпинас. «Социальная жизнь животных» (СПб., 1898), М. Неймайер. «Корни животного царства» (М., 1919), Ж. Мишле. «Насекомое» (1857), Г. Карпендер. «Насекомые, их строение и жизнь» (М., 1903), Ж. Фабр. «Жизнь насекомых»; А. Карш. «Мир насекомых» (рус. пер.: М., 1988) и др.; работы, посвященные проблеме жизни, смерти, бессмертия (сочинения Ж. Фино, Л. Бурдо, брошюра Д. Третьякова). Называет Муравьев в своем списке и художественные произведения, в которых упоминается о контактах людей и насекомых: «Алиса в стране чудес» (глава «Зазеркальные насекомые»), «Путешествие Гулливера», футурологические сочинения: А.М. Лоу «Будущее» (1925), Б. Рассел «Икар, или будущее науки» (1924) и др. (к. 8, ед. хр. 33, л. 4–5). В набросках пьесы чувствуется влияние фантастических произведений Г. Уэллса.

¹ Муравьев цитирует в собственном переводе книгу историка Ж. Мишле «L'insecte» («Насекомое»). Комментируя фразу Мишле, философ «держит в уме» мысль Федорова о человеке как существе, наименее приспособленном к естественной природной среде и потому развивающем свои творческие потенции (*Федоров. II, 254*).

² Фаф и Цалар принадлежат к так называемым «крылатым термитам», тем особям-производителям, которые рождаются в термитнике в определенные периоды, а затем покидают его, чтобы основать новые колонии.

³ В термитнике способностью размножения обладает только царская пара: самец и самка, откладывающие огромное число яиц; рабочие (самки) и солдаты (самцы) лишены способности к спариванию.

⁴ Муравьев отсылает к духовному стиху о Егории Храбром (см. примеч. 2 к фрагменту «Герсеванов»).

⁵ Как следует из диалога, в этом варианте плана Фаф — не обыкновенный термит, а человек, чудесным образом попавший в царство термитов и вносящий в него свои творческие возможности.

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ЯИЧКИН СДЕЛАЛСЯ ФОРДОМ

Печатается по: к. 8, ед. хр. 28.

Автограф — простым карандашом на больших листах.

Можно предположить, что замысел повести о библиотекаре Яичкине, который возмечтал «сделаться Фордом», родился у В.Н. Муравьева в 1925 г. В этом году философ работал над переводом книги А. Бенсона «Новый Форд» (см.: к. 20, ед. хр. 14, л. 23) по заказу издательства НКРКИ. Главного героя Муравьев делает служащим библиотеки ВСНХ, организацией работы которой сам философ занимался в 1923–1924 гг.

¹ Николай Николаевич *Аблов* (1882–1942) — библиотечный деятель и книговед. Автор работ по организации библиотечного дела: «Десятичная библиографическая классификация в применении к библиотекам» (1921), «Классификация книг, ее история и методы в связи с классификацией наук вообще» (1921) и др.

² Героиня повести берет в библиотеке ВСНХ книги, касающиеся вопроса организации производства. Известным теоретиком в этой области был проф. Николай Францевич *Чарновский* (1868–1936), автор книг «Организация промышленных предприятий по обработке металлов» (М., 1914), «Основные мотивы в современной постановке массового производства в связи с задачами мировой промышленности» (М., 1921), «Техно-экономические принципы в металлопромышленности» (М., 1927) и др. Упоминает Муравьев в набросках повести и книгу Александра Григорьевича *Кацкого* (1871–1943) «Организация управления и серийное производство на Ленинградском заводе точного машиностроения им. Макса Гельца» (Л., 1926).

³ По ходу плана Муравьев решил изменить название книги, которую потеряла героиня. Этой книгой стала книга Д. Вайсмана (см. примеч. 2 к тезисам «ЦИТ и НОУТ»).

⁴ А.К. Горский, сделавший в статье «Экономика научного производства» подробный обзор книги Вайсмана, сообщал, что книга настолько редкая, что «по справке ее не оказалось даже в числе книг Государственной библиотеки им. Ленина» (Октябрь мысли. 1924. № 3–4. С. 48).

⁵ В 1924 г. прошел «показательный» процесс по делу об изнасиловании в Чубаровском переулке молодой девушки группой рабочих завода «Кооператор». 7 из 13 насильников были приговорены к высшей мере наказания.

⁶ Середина 1920-х гг. — пик популярности Г. Форда в Советской России. В немалой степени это было связано с тем, что Форд, несмотря на негативное отношение к большевизму, развернул широкое сотрудничество своей компании с СССР. С 1921 по 1927 гг. СССР приобрел более 24 тракторов «Фордзон», несколько сотен легковых и грузовых машин. В 1923 г. был выпущен первый серийный советский трактор «Фордзон-Путиловец», представлявший собой преобразованную модель трактора «Фордзон». Идеи Форда и практика работы его предприятия служили предметом описания и анализа теоретиков НОТ. В газетах и журналах появлялись популярные статьи о Форде. Была издана книга Г. Форда «Моя жизнь и мои достижения» (М., 1925).

⁷ Альберт Петрович *Пинкевич* (1883–1939) — педагог, профессор, автор трудов по теории и истории педагогики, учебников по естествознанию для средней и высшей школы.

⁸ Имеется в виду пацифистская акция Г. Форда, который в конце 1915 г. «на собственные средства снарядил “Корабль мира” и вместе с многочисленной

группой пацифистов отплыл на нем в Европу, поставив себе целью добиться мира между воюющими народами» (*Локнер Л.П.* Генри Форд и его корабль мира. Воспоминания. Л., 1926. С. 17).

АФОРИЗМЫ

Печатается по: к. 14, ед. хр. 2, 3; к. 12, ед. хр. 19, л. 18.

Частично опубликовано: Вопросы философии. 2002. № 1. С. 108–114; *Муравьев* 1998, 280–304.

В архиве В.Н. Муравьева сохранились две подборки философских афоризмов. Афористический жанр, к которому в истории мировой мысли обращались Ф. де Ларошфуко, Б. Паскаль, Ж. де Лабрюйер, И. Гете, А. Шопенгауэр и др., привлекал его синтетичностью выражения мысли. Сама форма афористического высказывания, вмещающая в малом словесном пространстве большие смысловые пласты, научающая через часть видеть целое, становилась подкреплением размышлений философа о единстве и множественности.

Работу над подборками афоризмов можно датировать 1922–1925 гг. Материалом философу служили дневниковые записи 1921–1922 гг., отдельные наброски, черновики и варианты статей, из которых он выбирал нужные фрагменты. Ряд афоризмов писал специально. Некоторые афоризмы сначала были перепечатаны на пишущей машинке единым текстом, а затем Муравьев разрезал листы так, чтобы каждый афоризм получился на отдельной части листа, и переконпоновывал фрагменты.

При подготовке текста к печати составителем были даны условные заглавия каждой подборке афоризмов.

¹ Как указывает Г.П. Аксенов, «Трактат о Потоках» входил во вторую часть сочинения Ж. М. Гюйон (см. примеч. 8 к «Материалам к работе “Овладение историей”») «Душеспасительные и назидательные христианские поучения для детей и юношества, готовящегося проходить многотрудное поприще жизни» (М., 1821). См.: *Муравьев* 1998, 316.

² В архиве Муравьева в папке с листами из философского дневника 1921–1922 гг. сохранился листок с недописанным текстом 312 афоризма:

«312. Быть может, настало время для реформы логики. Последняя должна расширить свои основания, углубить свои корни. Современная логика оторвана от жизненного процесса. Она отвлекается от него и строит все свои суждения в каком-то якобы объективном мире сущностей, отделенных от действия и живущих в одной мысли. Это всего яснее из того, что мыслитель логик думает совершенно иначе, чем мыслитель-деятель. Первый рисует карктину мира как бы в одной объективной плоскости [не дописано]» (к. 13, ед. хр. 26, л. 135).

³ Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» (1826).

⁴ См. примеч. 30 к мистерии «София и Китоврас».

⁵ См. примеч. 78 к мистерии «София и Китоврас».

⁶ *Каиниты* — гностическая секта II–III в., адепты которой почитали Каина, веря, что он происходит от высшей силы и находится под покровительством Премудрости, и Иуду, знавшего истину, через которого «разрешено все земное и небесное» (*Св. Иринея Лионский. Против ересей.* СПб., 2008. С. 111–112). По мысли каинитов, породив идею убийства, Каин дал людям возможность отвергнуться преступления, увидеть в нем грех и зло.

⁷ См. примеч. 7 к работе «Овладение историей».

⁸ Муравьев отсылает к статье Лейбница «Размышления об “Опыте о человеческом разумении” г-на Локка» (1696): *Лейбниц Г.* Сочинения: В 4 т. Т. 2. М., 1983. С. 546–551.

⁹ Муравьев отсылает к заметкам Н.Ф. Федорова на полях письма В.С. Соловьева, датированного июнем–июлем 1882 г. (текст письма и комментариев к нему см.: Н.Ф. Федоров: pro et contra. Кн. 1. С. 100–102, 874–878).

¹⁰ 2 Пар. 36: 23. Муравьев цитирует фрагмент молитвы иудейского царя *Манасси* (царствовал с 687 по 642) во время его пребывания в вавилонском плену.

¹¹ Цитата из финала романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866).

¹² Джулио Чезаре *Ванини* (1584–1619) — итальянский философ-пантеист, священник. «В одном из своих диалогов он заставляет собеседника, изумленного до последней степени силой его рассуждения, воскликнуть: “Или ты Бог, или Ванини!”, а он скромно отвечает: “Я Ванини!”» (*Фишер К.* История новой философии. Т. 1. СПб., 1906. С. 110).

¹³ *Амени* — см. примеч. 9 к наброскам к работе о мессианском акте. *Меррр-дуг* — божество древних шумеров, сын бога Эа, управлявшего землей; *Оаннес* — см. примеч. 94 к мистерии «София и Китоврас». Характеристику Меррр-дуга и Оаннеса Муравьев дает по книге Г. Масперо «Древняя история народов Востока» (М., 1895. С. 134–135, 143–144).

¹⁴ Имеется в виду высказывание Р. Декарта из письма своему другу Мерсенну от 28 ноября 1633 г. по поводу осуждения Галилея, доказывавшего учение Коперника: «Учение о движении земли <...> если оно ложно, то все основания моей философии также ложны, так как они поддерживают взаимно друг друга; это учение находится в такой тесной связи со всеми частями моей философии, что я не хочу издавать сочинения, в котором самое малейшее слово могло бы не понравиться церкви» (Цит. по: *Фишер К.* История новой философии. Т. 1. С. 211–212).

¹⁵ Образ жизни, условия существования (*лат.*).

¹⁶ *Дарматара*, *Дхармоттара* (VIII–IX вв.) — древнеиндийский логик, буддист, отрицавший истинность всякого познания.

¹⁷ См. примеч. 422 к мистерии «София и Китоврас».

¹⁸ См. примеч. 1 к статье «Всеобщая производительная математика».

¹⁹ См. примеч. 181 к мистерии «София и Китоврас».

²⁰ Речь идет о серии статей Д.И. Писарева о Пушкине («Евгений Онегин», «Лирика Пушкина»), опубликованных в 1865 г. в журнале «Русское слово». Критикуя поэта, Писарев стремился развенчать теорию «чистого искусства», сторонники которой видели в творчестве Пушкина эталон художества, свободного от злобы дня.

²¹ В своей трактовке учения Филона Александрийского Муравьев опирается на фундаментальный труд С.Н. Трубецкого «Учение о Логосе в его истории» (1900).

²² Цитата из стихотворения К. Бальмонта «Наваждение».

БИБЛИОГРАФИЯ

Отдельные издания

- Четвертая Дума и наше великодержавное будущее. СПб.: А.С. Суворин, 1912. — 31 с.
- Мелкая единица самоуправления в русском законодательстве. Новгород: Губ. типогр., 1912. — 107 с.
- Будущее международных отношений. Пг.: Огни, 1912. — 30 с.
- Сношения России с иностранными государствами по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. М.: Воен.-ист. Комис., 1920. — 136 с. Псевд.: Н. Валентинов.
- Овладение временем как основная задача организации труда. М.: Издание автора, 1924. — 127 с.
- Рец.: *М-ан*. // Техника управления. 1925. № 7–8 С. 113–114; *Ильин В.Н.* // Путь. 1928. № 9. С. 94; *Сеземан В.* // Версты. 1928. № 3. С. 172–175.
- Репринт: Murav'ev V.N. Ovladenie vremenem. München: Otto Sagner, 1983 (Specimina philologiae slavicae) / Nachdruck nebst einer einführenden Studie von *M. Hagemeyer*.
- Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения / Сост., вступ. ст., примеч. *Г.П. Аксенова*. М.: РОССПЭН, 1998. — 318 с.

Статьи, заметки, письма

- Политическое творчество интеллигенции // Московский еженедельник. 1910. № 23. С. 7–16. — Подп.: Владимир Онежский.
- Идейные итоги смуты // Ладо: Сборник литературно-общественный. СПб., 1911. С. 4–21. — Подп.: Владимир Онежский.
- Великодержавность // Там же. С. 22–30. — Подп. Владимир Онежский.
- Неведомая Россия // Рус. мысль. 1914. № 1. С. 24–43.
- Восприятие истории // Народопрямство. 1917. № 7. С. 9–11.
- Милиция или постоянная армия // Военное дело. 1919. № 34–35. С. 1041–1043. — Подп.: Н. Валентинов.
- Военные соглашения России с иностранными государствами до войны // Военно-исторический сборник. Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Вып. 2. М., 1919. С. 94–128. — Подп.: Н. Валентинов.
- Русские войска во Франции и Салониках // Там же. Вып. 4. М., 1920. С. 3–23. — Подп.: Н. Валентинов.
- Рев племени // Из глубины: Сб. ст. о русской революции. М.: Рус. мысль, 1918–1921; совр. изд.: М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 186–203.
- Идея научного производства в середине XIX века // Организация труда. 1929. № 2. С. 73–74.
- Организация умственного труда у Бэкона // Организация труда. 1929. № 3. С. 56.
- The Centrale Institute of Work in Moscou // Bulletin of the Taylor Society. N. Y., 1929. Vol. 14.
- Всеобщая производительная математика // Вселенское дело. Вып. 2. Рига, 1934. С. 116–140; републ. с сокращ.: Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993. С. 190–210; Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Кн. 2. СПб., 2008. С. 370–391.
- Из архива В.Н. Муравьева // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 97–114 (Публ. *Г.П. Аксенова*).

- Научное преобразование организмов (Отрывок из работы «Культура будущего») // Библиография. 1993. № 1. С. 98–104 (Публ. *Г.П. Аксенова*).
- Из переписки В.Н. Муравьева и Н.А. Сетницкого // Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х гг. Вып. 1. Н.А. Сетницкий. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 355–359 (Публ. *А.Г. Гачевой*).
- Об использовании воинской силы для борьбы с природой // Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Кн. 2. СПб., 2008. С. 421–423 (Публ. *А.Г. Гачевой*).
- Из архивных заметок // Там же. С. 496–499 (Публ. *А.Г. Гачевой*).

Статьи в журнале «Русская свобода» (1917)

- Русский революционный мессианизм — № 1. С. 18–22.
Рим четвертый — № 2 С. 8–11.
В защиту утопий — № 3. С. 15–20.
Пути к миру — № 4 С. 26–31.
Огни на площади — № 7. С. 22–30.
Лжеосвобождение — № 9. С. 3–5.
Необходимая встреча — № 12–13. С. 7–12.
Великая Россия — № 14–15. С. 12–14.
Святая Русь — № 18–19. С. 9–10.

Статьи в газете «Заря России» (апрель–июнь 1918 г.)

Горе победителям — № 4.	Граждане — № 26.
Германская ориентация — № 5.	Успехи графа Мирбаха — № 27.
Собрание России — № 8.	Тильзит и Брест — № 32.
Национализм и интернационализм —
№ 10.	Не угашайте духа — № 34.
Кто победил первого мая? — № 13.	«Великая Финляндия» — № 36.
Народ-собиратель — № 14.	Три интернационала — № 38.
Священное единение — № 17.	Россия и Германия — № 39.
Три лагеря — № 18.	Ваше превосходительство — № 40.
Национальная идея — № 19.	Великие народы — № 41.
Графу Мирбаху — № 23.	Единое знамя — № 50.
Народ contra социалистов — № 24.	Грядущая национальная буря — № 52.
	Душа Америки — № 55.

Обзоры, рецензии

- Отзыв на брошюру М.Я. Кауфмана «Внешняя торговля и торговая политика СССР» // Союз потребителей. 1924. № 5.
- Бюро стандартов в Соединенных Штатах; Поднятие производительности труда в Америке; Кампания по улучшению производства в Америке // Система и организация. 1924. № 12. С. 37.
- Международная десятичная классификация // Там же. С. 38.
- Рационализация на Западе // Там же. 1925. № 3. С. 71. — Подп.: В. М.
- Стандартизация // Хозяйство и управление. 1925. № 2. С. 89–94.
- Из иностранных журналов // Там же. № 3. С. 91–95.
- Рационализация производства на Западе // Там же. № 4. С. 111–116.
- Организация профессионального обучения рабочих за границей // Там же. № 10. С. 68–74. — Подп.: В. М.
- Организация управления предприятием // Там же. № 11. С. 93–95. — Подп.: В. М.

- Подготовка квалифицированной рабочей силы за границей // Там же. 1926. № 1. С. 87–97. — Подп.: В. М.
- Технический учет машинописной работы при помощи измерительных приборов // Техника управления. 1926. № 1. С. 24–28. — Подп.: «Н.М-в».
- Обзоры литературы по НОТ // Организация труда. 1928. № 1. С. 99–102; № 2. С. 76–77, 79–80; № 3. С. 84, 86–87; № 4. С. 34–35, 94.

Материалы следственных дел

- Показания В.Н. Муравьева // Всероссийский Национальный Центр. М.: РОССПЭН, 2001. С. 486–490 (Публ. *Н.И. Канищевой*).
- Документы и материалы из архивных следственных дел в отношении В.Н. Муравьева за 1920 и 1929 гг. // Вопросы философии. 2002. № 4. С. 113–123 (Публ. и примеч. *В.Г. Макарова*).
- «Относясь сочувственно к существующему строю...» Следственное дело 1929 г. философа-космиста В.Н. Муравьева // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 97–109 (Вст. ст., публ. и примеч. *В.Г. Макарова*).

Литература о В.Н. Муравьеве

- Г. Г. Г.* [Н.А. Сетницкий]. Валериан Николаевич Муравьев // Вселенское дело. [Харбин], 1934. С. 181–182.
- Эйкалович Г. «Федоровиана» // Новый журнал. № 163. Нью-Йорк, 1986. С. 259–274.
- Игумен Геннадий (Эйкалович). Овладение временем // Вече. 1987. № 25. С. 69–85.
- Hagemeister M. Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München: Otto Sagner, 1989. S. 318–341.
- Аксенов Г.П. Времявластие (О Валериане Муравьеве и его философии) // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 89–97.
- Аксенов Г.П. Время не властно над именем // Библиография. 1993. № 1. С. 93–97.
- Семенова С.Г. Валериан Николаевич Муравьев // Русский космизм. Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 185–190.
- Аксенов Г.П. Творчество будущего // Философия русского космизма. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. С. 148–163.
- Гачева А.Г. Эксплуатация или регуляция? А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, В.Н. Муравьев о проблеме «Человек и природа» // Стратегия выживания: космизм или экология? М.: ИФ РАН, 1997. С. 27–41.
- Троицкий В.П. Теория множеств как «научно-аналитический слой» имяславия // *Лосев А.Ф.* Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетей, 1997. С. 537–550.
- Макаров В.Г. Муравьев В.Н.: Очеловеченное время // Вопросы философии. 2002. № 4. С. 100–112.
- Гачева А.Г. Религиозно-философская ветвь русского космизма (1920–1930-е гг.) // Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 79–125.
- Половинкин С.М. Философский контекст Московской философско-математической школы // София: Альманах. Вып. 1: А.Ф. Лосев: ойкумена мысли. Уфа: Изд-во «Здравоохранение Башкортостана», 2005. С. 179–192.
- Hagemeister M. Imjaslavie — Imjadejstvie. Namensmystik und Namensmagie in Rußland (1900–1930) // Namen: Benennung — Verehrung — Wirkung. Positionen der europäischen Moderne. Berlin, 2009. S. 77–98.

Составители — *Г.П. Аксенов, А.Г. Гачева.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аввакум, монах — I, 519
 Аввакум Петров — I, 431
 Август, имп. — I, 360
 Августин, блаж. — I, 73, 102, 103, 360
 Авенариус Р. — I, 308, 310
 Ауэрбах Ф. (Авербах) — II, 218
 Авербург Л.А. — II, 434
 Аверроэс — II, 115
 Авирон (библ.) — I, 95
 Авиценна — II, 115
 Авраам (библ.) — I, 134, 527; II, 75
 Агарь (библ.) — I, 342
 Аграфений, архим. — I, 426
 Агриппа К. — I, 252; II, 128, 206
 Адам (библ.) — I, 101; II, 248
 Адриан, патр. — I, 432
 Азарий, муч. — I, 219
 Аксаков И.С. — I, 491; II, 286
 Александр Македонский — I, 83, 127, 254, 255, 332, 360; II, 448
 Александр Невский — I, 206, 489
 Александр VI Борджиа — I, 215
 Александр I Романов — I, 437, 441
 Александр II Романов — I, 274, 440
 Александр III Романов — I, 407, 410
 Александрова Н.Г. — II, 251
 Алексеев М.В. — II, 376
 Алексей Михайлович (Романов) — I, 425, 432
 Альберт Великий — I, 252
 Алферов А. — II, 234
 Амальрих Бенский — I, 285
 Анакреонт (Анакреон) — I, 438
 Анаксагор — I, 525; II, 115, 167, 209
 Анаксимандр — I, 462; II, 29, 115, 336
 Анаксимен — I, 525
 Ананий, муч. — I, 219
 Андерсон В.М. — II, 196
 Анджелико (Фра Джованни да Фьезоле) — I, 103; II, 405
 Андрей, равноп. — I, 426
 Анна, первосвященник (библ.) — I, 259
 Анри В. — II, 221, 222
 Антоний (Булатович) — II, 497
 Антоний Великий — I, 81, 581
 Антоний Печерский — I, 206, 425
 Аполлоний Тианский — I, 360
 Аристогидон — I, 302
 Аристотель — I, 229, 360, 370, 462, 497, 525, 541, 578; II, 32, 39, 45, 52, 161, 165, 195, 241, 250, 299, 300, 311, 328, 329, 548, 572, 576, 590
 Аристофан — I, 130, 183, 296
 Аркадий Беловодский (Пикульский А.С.) — I, 108–111
 Аррениус С.А. — II, 212
 Арцыбашев М.П. — I, 66, 156, 576
 Ассур — I, 179
 Афанасий Великий — I, 360; II, 603
 Аэций Флавий — I, 259
 Бабеф Г. — I, 285, 290
 Бабур З.М. — I, 360
 Байрон Д.Г. — I, 84, 155
 Бакунин М.А. — I, 155, 270, 397, 569; II, 288
 Балтасар, Валтасар (библ.) — I, 360; II, 447
 Баратынский Е.А. — I, 71
 Барма и Постник, строители Храма Василия Блаженного — I, 231
 Бахметьев П.И. — II, 138, 430
 Башкин М.С. — I, 429
 Бекнев С.А. — II, 117, 130
 Белинский В.Г. — I, 263, 442; II, 288
 Бело Э., Белло — II, 209
 Белый Андрей Бугаев Б.Н.) — I, 57, 142, 439, 443; II, 286, 288, 496
 Бергсон А. — I, 187, 236, 551; II, 9, 10, 114, 301, 329, 339
 Бердяев Н.А. — I, 402, 436, 443, 444, 511, 535; II, 146, 149, 286, 288, 369, 379, 496, 511
 Беркли Д. — I, 59, 310; II, 323
 Бернард Клервосский — I, 360
 Бернштейн Э. — I, 276; II, 361
 Бестужев-Марлинский А.А. — I, 155
 Бёме Я. — I, 97, 187
 Блок А.А. — I, 443; II, 288, 590
 Блох М.М. — II, 117, 130
 Богаевский А.П. — II, 376
 Богданов А.А. — II, 329
 Богданович И.П. — I, 438
 Богомил, монах — I, 519

- Бодастарт I (Стратон) — I, 79, 360
 Больцано Б. — II, 37, 116
 Бор Н. — II, 139
 Борн М. — II, 126, 127, 139
 Бредли Ф.Г. (Брадлей) — II, 115, 116
 Брихничев И.П. — II, 385–387
 Бруно Д. — I, 185, 390, 449; II, 115, 205, 590, 592
 Буассье Г. — I, 202
 Бугаев Н.В. — I, 497
 Будда — I, 163, 194, 197, 207, 211, 360, 366
 Булгаков С.Н. — I, 89, 98, 402, 443, 444, 494, 506; II, 286, 288, 369
 Буль Д. — II, 129
 Бурдо Л. — II, 118, 159, 161, 164, 165, 172, 206
 Бухарин Н.И. — II, 416
 Бэкон Ф. — I, 73, 75, 250, 253, 293, 331, 362, 369, 481, 576; II, 22, 69–70, 96, 147, 220, 267, 287, 329, 340, 341, 351, 368, 554, 581, 601
 Бюхер К. — II, 196, 251
 Бюхнер Л. — I, 306, 323
- Вагнер Р. — II, 199, 284, 491, 540
 Вадим Новгородский — I, 273
 Вайсман Д., Вейсман — II, 430, 526, 527
 Валентин, гностик — I, 46, 360
 Валентинов — см. Муравьев В.Н.
 Ванини Д.Ч. — I, 449; II, 590
 Василид — I, 46, 74, 360, 550
 Василий Блаженный — I, 190, 230–234, 397, 402, 403, 405, 407
 Василий Великий — I, 360
 Василий Новгородский, архиеп. — I, 423, 426
 Васильев А.В. — II, 129
 Вейнинггер О. — II, 273
 Вейсман А. — II, 117
 Вера, муч. — I, 90
 Вербицкая А.А. — I, 156
 Веронезе Д. — II, 129
 Верховский А.И. — II, 376
 Виллеруа, маркиз — II, 5–7
 Вильсон В. — II, 395
 Витте С.Ю. — I, 440
 Владимир I Святославич, вел. кн., равноап. — I, 73, 195, 206, 360, 422–425, 428, 434, 439, 440; II, 275, 277, 285, 288, 342
 Владимир Мономах — I, 425
 Волошин М.А. — II, 496
- Вормс Р. — II, 325
 Воронов С. — II, 138
 Вронский Х. — II, 278, 284
- Гавриил Бужинский — I, 433
 Галилей Г. — I, 436, 449, 452, 576; II, 590, 592
 Гамалея С.И. — II, 285
 Гармодий — I, 302
 Гартман Э. — I, 261
 Гастев А.К. — II, 264, 332, 433, 434
 Гегезий — I, 156, 161, 576; II, 447
 Гегель Г.В.Ф. — I, 185, 187, 261, 307, 482, 536, 544, 555, 568; II, 61, 75, 102, 115, 118, 167, 182, 227, 228, 266, 299, 320, 362, 389, 471, 559
 Геккель Э. — I, 186
 Гексли Т.Г. (Гекслей) — I, 156; II, 144, 160
 Гельмгольц Г. — I, 172; II, 217
 Геннадий, митр. — I, 429, 494
 Георгий, св. — I, 402; II, 520
 Гераклит — I, 185, 462, 525, 526, 538; II, 30, 111, 115, 141, 320, 545
 Гермоген, патриарх Всероссийский — I, 192, 206, 412, 417, 529
 Геродот — I, 83
 Герцен А.И. — I, 225, 254, 267, 270, 271, 291, 335, 336, 388, 436, 441, 583; II, 58, 75, 105, 120, 125, 156, 193, 288, 600
 Гершель В. — II, 208
 Гёте И.В. — I, 84; II, 178, 299, 328, 600
 Гильбрет Д. — II, 129
 Гиппиус З.Н. — I, 87
 Гихтель И.Г. — I, 94, 97
 Гоббс Т. — I, 156; II, 27
 Гоголь Н.В. — I, 57, 69, 439, 441; II, 233, 285, 288, 600
 Гойя Ф. — I, 89
 Голубинский Е. — I, 424
 Гольбах П.А. — II, 50
 Гончаров И.А. — I, 69
 Гофман Э.Т.А. — I, 87, 89, 261
 Грановский Т.Н. — II, 288
 Грассман Г. — II, 12
 Грибоедов А.С. — I, 155, 439
 Григорий Богослов — I, 102
 Григорий Нисский — I, 102
 Григорий Палама — I, 482
 Грузинский А. — II, 234
 Гувер Г.К. — II, 430, 431
 Гумплович Л. — II, 325

- Гус Я. — I, 360
Гуссерль Э. — I, 68, 482, 538; II, 116
Гуфеланд К.В. — II, 5–7, 172
Гьюйо Ж.М. — II, 472
Гьююн Ж.М. (Гиюон) — II, 280, 543
- Д'Аламбер Ж.Л. — II, 50
Д'Альб Ф. — I, 80, 377; II, 206, 325
Давид (библ.). — I, 417
Далькроз — см. Жак-Далькроз Э.
Даниил, игум. — I, 426
Даниил, митр. — I, 429, 494
Даниил, пророк — I, 176, 178
Данилевский Н.Я. — II, 286, 288
Дарвин Ч. — II, 531
Дарий I Персидский — I, 360
Дхарматара (Дарматара) — II, 594
Дафан (библ.) — I, 95
Джебэ — I, 360
Дедекинд Р. — II, 36, 116
Декарт Р. — I, 80, 185, 261, 451, 481; II, 128, 266, 297, 592
Демокрит — I, 554; II, 167
Деникин А.И. — II, 347, 359, 366, 379
Джемс В. — I, 186, 236, 308; II, 84, 115, 300, 329, 391
Джоберти В. — II, 228
Джоуль Д.П. — II, 211
Дзержинский Ф.Э. — I, 275
Дидро Д. — II, 341, 528
Диоген Лаэртский — II, 472
Дионис Галикарнасский — I, 83
Дионисий Ареопагит — I, 46, 102, 187, 232, 360, 390, 482
Дмитрий Донской — I, 259, 260
Дмитрий Ростовский — II, 234, 288
Добролюбов Н.А. — I, 279, 442; II, 288
Добрыня Ядрейкович — I, 426
Досифей, еп. — I, 434
Достоевский Ф.М. — I, 57, 69, 87, 106, 126, 153, 155, 156, 164, 194, 215, 216, 234, 235, 261, 291, 369, 388, 397, 402, 439, 442, 443, 512, 513, 534, 583; II, 26, 70, 105, 156, 193, 233, 286, 288, 342, 391, 446, 568, 600
Древс А. — I, 261
Думбадзе И.А. — I, 275
Духонин Н.Н. — II, 376
Дьюи Д. — II, 51, 84, 120, 329, 363
Дю Лигондес Р. — II, 213, 214
Дюбуа-Реймон Э. — II, 327
Дюги Л. — II, 345, 358
Дюркгейм Э. — I, 308, 309; II, 472
- Ева (библ.) — I, 344
Екатерина II Великая — I, 435, 437, 441
Енох, Энох (библ.). — I, 376, 391
Ермак Тимофеевич — I, 154
- Жак-Далькроз Э. — II, 168, 169, 199, 202, 228, 251
Жегалкин И.И. — II, 116, 128
Жуковский В.А. — I, 438, 442, 600
- Зенон — I, 185; II, 32, 35
Зороастр — I, 44, 46, 360
Зоробабель (Зоровавель) — I, 225
- Иаков (библ.) — I, 134, 527
Иаков, инок — I, 425
Иванов Вяч. — II, 288, 369, 496
Игнатий Смолятич — I, 426
Иезекииль — I, 73, 254, 417, 568; II, 257
Изгоев А.С. — II, 375
Иисус Христос — I, 73, 81, 84, 94, 96, 98, 100, 102, 133, 169, 192, 200, 208, 214, 218, 225, 226, 236, 237, 251, 263, 276, 340, 372, 373, 407–410, 418, 448, 470, 484, 488, 576, 580, 581; II, 256, 257, 278, 287, 295, 452, 486, 509–511, 555, 601–603
Иисус, сын Сирахов (библ.) — I, 93, 94
Иларион, митр. — I, 424, 425, 428
Иларион, схим. — I, 514, 515
Ильин Б. — II, 127
Ильин И.А. — II, 379
Иннокентий III — I, 216, 244, 569
Иоанн Богослов — I, 102, 222, 368
Иоанн Дамаскин — I, 102
Иоанн Златоуст — I, 360
Иоанн Креститель (Предтеча) — I, 236, 360
Иоанн Кронштадтский — II, 288
Иоанн III — I, 426
Иоанн IV Грозный — I, 230, 360, 423, 428, 429, 432
Иоахим Флорский — I, 96, 285
Иов (библ.) — I, 92, 568
Иосиф Волоцкий — I, 192, 206, 425, 436, 569; II, 288
Иосиф II Габсбург — I, 435
Ипатьев В.Н. — II, 117, 130
Ириной Лионский — I, 102
Исаак (библ.) — I, 134, 527
Исав (библ.) — I, 95
Иуда — I, 95, 149; II, 556

- Кавелин К.Д. — II, 288
 Каин — I, 149; II, 556
 Каледин А.М. — II, 376
 Кампанелла Т. — I, 73, 185, 449; II, 351, 368
 Кант И. — I, 185, 539, 541; II, 114, 115, 205, 212, 295, 471, 562, 594
 Кантор Г. — I, 483, 497; II, 12, 36, 37, 116, 118, 128, 312, 572
 Каразин В.Н. — II, 143, 386
 Карамзин Н.М. — I, 442; II, 60
 Карл Маргелл (Мартель) — I, 259
 Карлейль Т. — I, 173
 Карно Н. — II, 211, 215
 Карпенгер Э. — II, 274
 Катон Марк Порций — I, 360
 Катрей, монахиня — I, 102
 Катулл Гай Валерий — II, 441
 Каутский К. — I, 276; II, 361
 Кацкий А.Г. — II, 525, 528, 530
 Кацман, спекулянт — I, 515
 Квинтиллиан А. — II, 227
 Кеплер И. — I, 452, 491; II, 128
 Керенский А.Ф. — I, 309, 315, 488; II, 352, 364
 Керзон Д.Н. — II, 403
 Кибальчич Н.И. — II, 140
 Кир Великий — I, 360
 Киреевский И.В. — I, 214, 546; II, 286
 Кирилл (Константин), равноап. — I, 97, 428
 Кирилл Туровский — I, 425
 Клаузиус Р. — II, 211, 215
 Клеомброт — II, 472
 Колемин Ю.А. — I, 512
 Колумб Х. — II, 590
 Колчак А.В. — II, 379
 Кольцов Н.К. — II, 138, 408, 419, 466
 Конт О. — I, 73, 245, 285, 329, 436, 444, 535; II, 91, 128, 149, 179, 254, 268, 341, 362, 604
 Константин Порфирогенет — I, 263
 Конфуций — I, 218, 361
 Коперник Н. — I, 81, 140, 185, 449, 450, 452, 577; II, 205, 592
 Корей (библ.) — I, 95
 Корнилов Л.Г. — II, 377, 378
 Кортес Э. — II, 590
 Котляревский С.А. — I, 527; II, 379
 Кохановский С. — I, 433
 Кравков С.В. — II, 138
 Крез Лидийский — I, 360
 Кромвель О. — I, 302; II, 374, 388
 Кропоткин П.А. — I, 156; II, 120, 144, 160, 288
 Крукс У. — I, 451
 Крылов И.А. — I, 442; II, 600
 Куликовский Д.Н. — II, 196
 Кунст И.Х. — II, 238
 Курбский А. — I, 428, 430
 Кутюра Л. — II, 129, 341
 Лабзин А.Ф. — II, 288
 Лагранж Ж.Л. — II, 128
 Лазарев П.П. — II, 127, 139
 Лазарь (библ.) — I, 209
 Ламетри Ж.О., де — II, 50
 Лао-цзы — I, 361
 Лаплас П.С. — II, 128, 209, 212
 Лафарг П. — II, 448
 Лебон Г. — II, 211, 269
 Левкипп — II, 167
 Ле-Дантек Ф. — II, 51
 Лейбниц Г.В. — I, 185, 186, 462, 481, 497; II, 12, 29, 33, 116, 128, 137, 327, 559, 568, 569
 Ленин В.И. — I, 274–276, 278, 302, 306, 308–310, 313, 397, 398, 412, 430, 569; II, 75, 183, 275, 285, 288, 345, 353, 357, 361, 378, 388
 Леонардо да Винчи — I, 232, 360
 Леонтьев К.Н. — I, 442, 494; II, 286, 288
 Лермонтов М.Ю. — I, 84, 155
 Леру П. — II, 149
 Лесаж А.Р. — I, 79, 84
 Лжедмитрий I — I, 191
 Либкнехт К. — II, 361
 Ллойд-Джордж Д. — 456
 Лодж О.Д. — I, 451; II, 209
 Локк Д. — II, 559
 Локьер Н. (Локайер) — II, 210, 212
 Ломоносов М.В. — I, 436; II, 285, 288, 341
 Лоренц Х.А. — II, 207
 Лосев А.Ф. — II, 335
 Лосский Н.О. — II, 114
 Лотце Р.Г. — II, 115, 116
 Лука, ап. — I, 284
 Лука Жидята — I, 425
 Луначарский А.В. — I, 195
 Львов Г.Е. — II, 347, 359
 Львов Н.Н. — II, 375
 Львов С.И. — I, 70
 Любовь, муч. — I, 90
 Люллий Р. — I, 252; II, 128
 Лютер М. — I, 360, 418; II, 75

- Магницкий М.Л. — I, 691
 Магомет — I, 360, 524
 Мадзини Д. — I, 302; II, 285, 388
 Майер Ю.Р. — II, 211, 215
 Макарий Великий — I, 205
 Макарий, митр. — I, 429
 Макдональд Д.Р. — II, 406, 407
 Макиавелли Н. — I, 401
 Маклаков В.А. — II, 375
 Максим Грек — I, 429
 Максим Исповедник — I, 102, 447, 482
 Мак-Дугалл У. (Дугаль) — II, 251
 Мак-Таггарт Д.Э. — II, 115
 Мальбранш Н. — I, 59; II, 323
 Мальтус Т.Р. — II, 142, 193
 Манассия (библ.) — I, 391, 481; II, 564
 Мария, Богоматерь — I, 97, 106, 200
 Марк Аврелий — I, 360
 Марк Топозерский — I, 110
 Марко Поло — I, 409; II, 370
 Маркони Г. — II, 140
 Марлинский — см. Бестужев-
 Марлинский А.А.
 Маркс К. — I, 141, 195, 271, 276, 306,
 307, 310, 313, 317, 321, 323, 325, 327,
 402, 488; II, 75, 113, 118, 120, 123,
 149, 257, 285, 341, 361, 369, 389–392,
 405, 531
 Мартов Л. — II, 347, 359
 Мах Э. — I, 308, 310; II, 84, 269
 Махно Н.И. — I, 154
 Мейнонг А. — II, 249
 Мельхиседек (библ.) — I, 354, 470
 Мережковский Д.С. — I, 87, 156, 443; II,
 509
 Местр Ж., де — I, 210; II, 284
 Мечников И.И. — II, 7, 47, 117, 172
 Микеланджело Буонаротти — I, 289,
 360
 Милославский И.Б. — I, 70
 Милоков П.Н. — II, 288
 Минковский Г. — II, 9, 207, 259, 336
 Мисаил, муч. — I, 219
 Митрофан Воронежский, свт. — I, 411
 Михаил, архистратиг — I, 85
 Михайловский Н.К. — I, 279; II, 288
 Мицкевич А. — I, 467; II, 93, 278, 284
 Моисей (библ.) — I, 344, 360, 418, 480;
 II, 75
 Молешотт Я. — I, 323
 Монгольфьер Ж.М. и Ж. Э. — II, 5
 Монферран Ф. — I, 56
 Мор Т. — I, 73, 296, 297; II, 351
 Мультион Ф.Р. — II, 209
 Муравьев В.Н. — II, 356, 375, 385, 405,
 408, 427, 428, 434
 Муравьев-Апостол С.И. — I, 441
 Навуходоносор II — I, 102, 176–178,
 272, 360
 Нагродская Е.А. — I, 156
 Надежда, муч. — I, 90
 Науманн Ф. — II, 376
 Некрасов Н.А. — I, 442
 Нерст В.Г. — II, 212, 213
 Нестеров М.В. — I, 206
 Нестор, летописец — I, 425
 Нехао, фараон — I, 176
 Николай, архиеп. Мир Ликийских,
 свт. — I, 412
 Николай Кузанский — I, 482; II, 328
 Никон, патр. — I, 431
 Никон (Рождественский) — I, 196, 415
 Нил Сорский — II, 288
 Нимврод, Немврод (библ.) — I, 101,
 179, 261, 360
 Ницше Ф. — I, 138, 149, 155, 156, 158,
 184, 290; II, 169, 192, 213, 411, 572
 Новиков Н.И. — I, 437, 441; II, 285, 288
 Ной (библ.) — I, 160
 Ньютон И. — I, 140, 449, 452, 481, 491,
 577; II, 128, 208
 Оппенгейм, немецкий химик — II, 117,
 130
 Ориген — I, 223, 226
 Осипов Б. — II, 115
 Оствальд В. — II, 118
 Островский А.Н. — II, 237
 Отле П. — II, 430
 Оуэн Р. — II, 149, 504
 Павел, ап. — I, 188, 189, 192, 200, 360,
 427; II, 250, 251
 Павел Флоренский, свящ. — I, 89, 482,
 494, 527, 562; II, 288
 Павлов И.П. — II, 417
 Паисий Величковский — II, 288
 Палацкий Ф. — II, 286
 Парацельс — I, 252; II, 138, 173, 174
 Парменид — I, 185, 187, 211, 525, 526,
 555; II, 35, 103, 115, 210, 229, 248,
 305, 334, 540, 545
 Парни Э. — I, 438
 Паскаль Б. — I, 134, 449, 527; II, 195
 Пастер Л. — I, 265, 451

- Паттен В. — II, 144, 161
 Пафнутий Боровский — I, 206, 425, 494
 Пеано Д. — II, 129, 341
 Перельман Я.И. — II, 140
 Пересветов И.С. — I, 430; II, 285, 591
 Персон Х. — II, 433
 Петр I Великий — I, 69, 126, 360, 397, 398, 422, 423, 425, 431–437, 439, 440, 457; II, 234, 275, 277, 285, 288, 341, 351, 353, 365, 369, 591
 Петроний Арбитр — II, 448
 Пико делла Мирандола — II, 128
 Пинкевич А.П. — II, 531
 Пирс Ч.С. — I, 236; II, 84, 329
 Писарев Д.И. — I, 442; II, 288, 599
 Пифагор — I, 44, 73, 229, 296, 360, 497, 528; II, 351, 368
 Платон — I, 73, 91, 100–101, 123, 185, 218, 229, 295, 296, 298, 360, 462, 497, 525, 526, 528, 538, 555, 580, 581; II, 149, 202, 251, 280, 294, 299, 338, 341, 351, 368, 504, 548, 559, 566, 604
 Плеханов Г.В. — I, 306; II, 113, 123, 288
 Плиний Старший — II, 448
 Плотин — I, 360, 482, 483; II, 274, 327
 Победоносцев К.П. — I, 275
 Поликарп, монах — I, 519
 Помпонаци П. — II, 115
 Пордедж Д. — I, 97
 Порецкий П.С. — II, 129
 Посошков И.Т. — I, 436
 Пракситель — II, 590
 Пристли Д. (Пристлей) — II, 52
 Прокл — 482
 Протагор — I, 308, 309, 447, 449; II, 291, 391
 Прут В. — II, 139
 Птоломей Лага — II, 447
 Пуанкаре Ж.А. — II, 36, 116
 Пугачев Е.И. — I, 154
 Пуришкевич В.М. — I, 87
 Пушкин А.С. — I, 155, 229, 273, 328, 438, 442; II, 277, 285, 288, 599, 600
 Пыпин А.Н. — I, 79

 Радищев А.И. — I, 437, 441; II, 285, 288
 Разин С.Т. — I, 154, 431
 Рассел Б. (Рессель) — I, 369; II, 129, 341
 Рафаэль Санти — I, 289; II, 590
 Резерфорд Э. — I, 459; II, 127, 139, 211
 Ренан Э. — I, 247, 248, 501; II, 284, 285
 Рентген В.К. — II, 211
 Риккерт Г. — I, 536

 Робеспьер М. — I, 99, 302; II, 388
 Родзянко М.В. — II, 376
 Ройс Д. — II, 115
 Романовы — I, 360, 430, 431
 Рунис Д.П. — I, 437
 Руссо Ж.Ж. — I, 165, 183, 184, 187; II, 167, 227, 228, 251
 Рутерфорд — см. Резерфорд Э.
 Рымкевич П.А. — II, 139
 Рюрик — I, 273, 360

 Савл — см. Павел, ап.
 Салтыков-Щедрин М.Е. — I, 439
 Самон, монах — I, 519–521
 Сведенборг Э. — I, 376
 Свечин А.А. — II, 346, 358, 378
 Семирамида — I, 179, 360
 Сенека Луций Анней — I, 512; II, 341, 442, 448, 472
 Сен-Мартен Л.К. — I, 467, 483; II, 94, 284, 341
 Сен-Симон — I, 276, 285, 329, 436, 442; II, 91, 149, 341, 361, 604
 Серафим Саровский — I, 97, 263; II, 285, 288
 Сергей Радонежский, преп. — I, 192, 206, 397, 425, 489, 494, 529, 569
 Сетницкий Н.А. — II, 427
 Силезиус А. — I, 102, 210
 Сильвестр — I, 429
 Симеон Новый Богослов — I, 482
 Скловская-Кюри М. — II, 211
 Сковорода Г.С. — I, 402, 441; II, 285, 288, 302, 342
 Скрябин А.Н. — II, 199, 200
 Слешинский И.В. — II, 116
 Соколов С.В. — I, 521
 Сократ — I, 84, 218, 229, 250, 526, 568; II, 101, 274
 Соловьев В.С. — I, 73, 89, 97, 98, 104, 234–236, 402, 442, 443, 446, 494, 506; II, 286, 288, 302, 391, 563, 590
 Соломон (библ.) — I, 79, 93, 145, 252, 352, 358, 362, 400, 408, 576
 Сосновский Л.С. — II, 417
 София, муч. — I, 90
 Софья Алексеевна — I, 436
 Спенсер Г. — I, 156
 Спиноза Б. — I, 185–187, 442, 481; II, 115, 208, 295, 362, 568
 Стефан Пермский — I, 206, 425, 494
 Стефан Яворский — II, 288
 Стратон — см. Бодастарт I

- Станкевич Н.В. — I, 441
Струве П.Б. — II, 369, 375, 377, 378
Субутай — I, 360
Сципион Африканский — I, 512
- Тамерлан — I, 360
Тард Г. — II, 194, 196, 251, 269
Терещенко М.И. — II, 375
Тертуллиан — I, 226, 360
Тибулл Альбий — II, 441
Толстой А.К. — I, 71
Толстой Л.Н. — I, 69, 165, 183, 184, 187, 219–221, 388, 439, 442, 443; II, 156, 288, 342, 391, 600
Томсон Д. — II, 139, 209, 211
Трелиаковский В.К. — I, 332
Третьяков Д.К. — II, 118, 172
Троцкий Л.Д. — I, 275, 301, 313, 325, 326, 345, 350, 356, 380, 384, 387–389, 392
Трубецкой Г.Н. — II, 377
Трубецкой Е.Н. — I, 89
Тургенев И.С. — II, 288, 600
Тютчев Ф.И. — II, 288
- Уайльд О. — I, 66
Уайтхед А. — II, 129, 341
Умов Н.А. — II, 125, 430, 596
Успенский П.Д. — I, 497
Уэллс Г. (Уэльс) — I, 267, 389; II, 9, 157
- Фай Э.О. — II, 210
Фалес — II, 115
Федоров М.М. — II, 377
Федоров Н.Ф. — I, 214, 219, 220, 236, 237, 250, 321, 327, 398, 402, 444–446, 448, 449, 455, 458–460, 494, 500, 501, 533, 546; II, 7, 119, 120, 134, 135, 140, 143, 150, 197, 225, 283, 286, 288, 325, 329, 341, 342, 386, 387, 391–393, 563, 593, 600
Фейербах Л. — I, 103, 307, 329, 331; II, 113, 118, 123, 389, 390
Фельтен И. — II, 237, 238
Феодор (Бухарев) — I, 494
Феодосий Печерский — I, 206, 425
Феофан Прокопович — I, 432, 433, 436, 569; II, 288
Фербенкс Д. — II, 444
Ферсман А.Е. — I, 327, 402; II, 210, 221–224, 393
Фесенков В.Г. — II, 210
- Фехнер Г.Т. — I, 376, 391; II, 97, 206, 322, 325
Фидий — II, 590
Филарет (Романов) — I, 206
Филипп, еп. — I, 521
Филипп (Колычев), митр. — I, 192, 434
Филон Александрийский — I, 480; II, 602
Философов Д.В. — I, 87
Филофей, монах псковского Елеазарова монастыря — I, 74, 206, 230, 417, 427–430, 569; II, 285, 352, 353, 362, 364, 381
Фино Ж. — II, 172
Фихте И. — I, 185, 187, 482; II, 115, 266, 298–300, 320, 323, 328, 471
Фишджеральд Д.Ф. — II, 209
Фома, ап. — I, 110
Фома Аквинский — II, 12
Фонвизин Д.И. — I, 439, 442; II, 600
Форд Г. — II, 158, 167, 525, 530–532
Фохт К. — I, 306, 323
Франк С.Л. — I, 400; II, 116, 149, 269, 496
Франциск Ассизский — I, 207, 360
Фрейд З. — II, 251, 546
Фридрих II Великий — I, 435
Фрэнгер Д. — I, 252
Фурье Ш. — I, 442, 449; II, 149, 165, 341
Фюрст О. (Фирст) — II, 238
- Хааз А. — II, 127
Хвольсон О.Д. — II, 216
Хемницер И.И. — I, 442; II, 600
Хеопс, фараон — I, 360
Хирам (библ.) — I, 79, 360
Хомяков А.С. — I, 493, 512; II, 195, 286, 287
Христофор, св. — I, 332
Хэггинс У. — II, 208
- Цезарь Гай Юлий — I, 127, 360
Цермело Э. — II, 37, 116
Циолковский К.Э. — II, 140
Цицерон Марк Туллий — II, 449, 472
- Чаадаев П.Я. — I, 402, 441, 442; II, 195, 285, 288
Чарновский Н.Ф. — II, 525, 528
Чемберлен Д. — II, 531
Чемберлин Т.К. — II, 209

- Чернов В.М. — II, 376
 Чернышевский Н.Г. — I, 279; II, 288
 Чехов А.П. — I, 439
 Чингисхан — I, 360
 Чичерин Б.Н. — I, 440; II, 288
 Чичерин Г.В. — II, 384, 401–403
 Чугаев Л.А. — II, 139
- Шанкара — I, 361, 442
 Шатобриан Р. — I, 183, 312
 Шекспир У. — I, 229, 265, 289; II, 178, 232, 238
 Шеллинг Ф.В. — I, 185, 187, 482; II, 115, 302
 Шерлок — II, 223
 Шиманн Т. (Шиман) — II, 376
 Шишков А.С. — I, 437
 Шопенгауэр А. — I, 186, 187, 207, 211, 535, 546, 559, 568; II, 35, 274
 Шоу Б. — I, 66
 Шпенглер О. — 511, 535, 577
 Шпольский Э.В. — II, 139
 Шредер Э. — II, 129
 Штейнер Р. — II, 497
 Штирнер М. — I, 138, 149, 155, 158, 167; II, 251
- Щепкин Н.Н. — II, 379, 383
- Эберт Ф. — II, 406, 407
 Эйнштейн А. — I, 162, 194; II, 7, 9, 10, 28, 207, 259
 Эккартсгаузен К. — I, 73
 Экхарт М. — I, 102
 Эмпедокл — I, 229
 Энгельс Ф. — I, 254, 294, 306, 307, 310, 313, 317, 326, 329; II, 61, 118, 120, 124, 149, 185, 285, 389, 391, 393
 Енох — см. Енох
 Эпикур — II, 472
 Эрдман — II, 329
- Ювенал Децим Юний — II, 450
 Юм Д. — II, 260
 Юстин — I, 95
- Ямвлих — 482
 Ян Лейденский — I, 285
 Ярослав Мудрый — I, 97
- Abraam — см. Авраам
 Bergson — см. Бергсон А.
 Bourdeau L. — см. Бурдо Л.
 Chateaubrian R. — см. Шатобриан Р.
 Cantor G. — см. Кантор Г.
 Comte A. — см. Конт О.
 De Maistre — см. Местр Ж., де
 Dedekind — см. Дедекиндр Р.
 Dewey D. — см. Дьюи Д.
 Finot J. — см. Фино Ж.
 Fraenkel, Fränkel A. — II, 128
 Giese F. — II, 329
 Goethe — см. Гёте И.В.
 Guyon, m-me — см. Гюйон Ж.М.
 Isaac — см. Исаак
 Jacob — см. Иаков
 James W. — см. Джемс В.
 Knippe — II, 328
 Hauszdorf F. — II, 116, 128
 Metchnikof — см. Мечников И.И.
 Michelet J. — II, 518
 Nicklisch H. — II, 329
 Paskal — см. Паскаль Б.
 Peirce — см. Пирс Ч.С.
 Poincare — см. Пуанкаре Ж.А.
 Prout W. — см. Прут В.
 Reinheimer H. — II, 144
 Renan — см. Ренан Э.
 Rutherford — см. Резерфорд Э.
 Schiller F. — II, 329
 St. Martin — см. Сен-Мартен Л.К.
 St. Simon — см. Сен-Симон
 Weil H. — II, 128

СОДЕРЖАНИЕ

Овладение временем как основная задача организации труда

Предисловие	5
Введение	9
Глава первая. Культура как овладение временем	15
Глава вторая. Время и множественность	28
Глава третья. Овладение временем в действующих системах	41
Глава четвертая. Овладение временем в сознательных системах	49
Глава пятая. Времяобразующая деятельность социально-исторических групп	64
Глава шестая. Организация символической культуры	80
Глава седьмая. Организация реальной культуры	98
Заключение. Борьба за жизнь против слепых сил природы	110

Философские статьи, заметки, планы, наброски

Предисловие к сборнику «Трудоведение»	123
Всеобщая производительная математика	125
Планы и заметки по философии культуры	146
Культура будущего	151
[Ритм и культура]	227
Импровизация в народном театре	232
Материалы к работе «Овладение историей»	240
Наброски к работе о мессианском акте	276
Материалы к работе «Философия действия»	289
Планы философских статей	340

Письма, записки, проекты, заявления

Письма Л.Д. Троцкому	345
Заявления в Особый отдел ВЧК	375
Об использовании воинской силы для борьбы с природой	385
[По поводу речи Л.Д. Троцкого]	387
Об организации международного института мира	394
Возможные достижения русской внешней политики	398
Письмо Г.В. Чичерину	403
Письмо Н.К. Кольцову	408
Работа [культурного техникума]	409
Программа цикла лекций «Общая культура оратора»	414
Письмо Н.И. Бухарину	416
Учреждение комиссии по управлению природой	420
Письмо Н.А. Сетницкому	427
[ЦИТ И НОУТ]	428

Письмо А.К. Гастеву	433
Письмо Л.А. Авербургу	434

Художественные произведения, планы, наброски

Советник смерти	437
[Начало пьесы]	501
[Герсеванов]	509
Полоненное царство	512
Восстание радионасекомых	518
Повесть о том, как Яичкин сделался Фордом	525

Афоризмы

[О личности и времени, о воскрешении и соборности]	535
[О русской и всемирной истории, о вере и знании, о христианстве и мессианизме]	587
Комментарии	608
Библиография	707
Указатель имен	710

ISBN 978-5-9208-0397-9

Научное издание

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН*

**Из истории философско-эстетической мысли
1920–1930-х годов**

В.Н. МУРАВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

Книга 2

Художник — В.В. Покатов

Технический редактор — Т.А. Заика

На первой странице переплета — фрагмент эскиза
композиции В.Н. Чекрыгина «Долой безграмотность» (1920 г.)

Подписано в печать 17.10.2011.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 45,0. Тираж 800 экз.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН.
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а.
Тел.: (495) 690-05-61, 691-23-01.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ППП «Типография “Наука”».
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6